

ГЕНИЙ В ИСКУССТВЕ

БЕТХОВЕН

ББК 85.4
К 66

Редакционный совет, составители серии:

*Булатов С.М., Валов С.Л., Васильев М.Н., Кувшинников А.А.,
Николаев С.В., Романенко К.П.*

Корганов Василий

БЕТХОВЕН. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД.

Серия “Гений в искусстве”, М., “Алгоритм”, 1997.

Печатается по изданию:

Корганов В., Бетховен (Биографический этюд.), Спб, 1909 г.

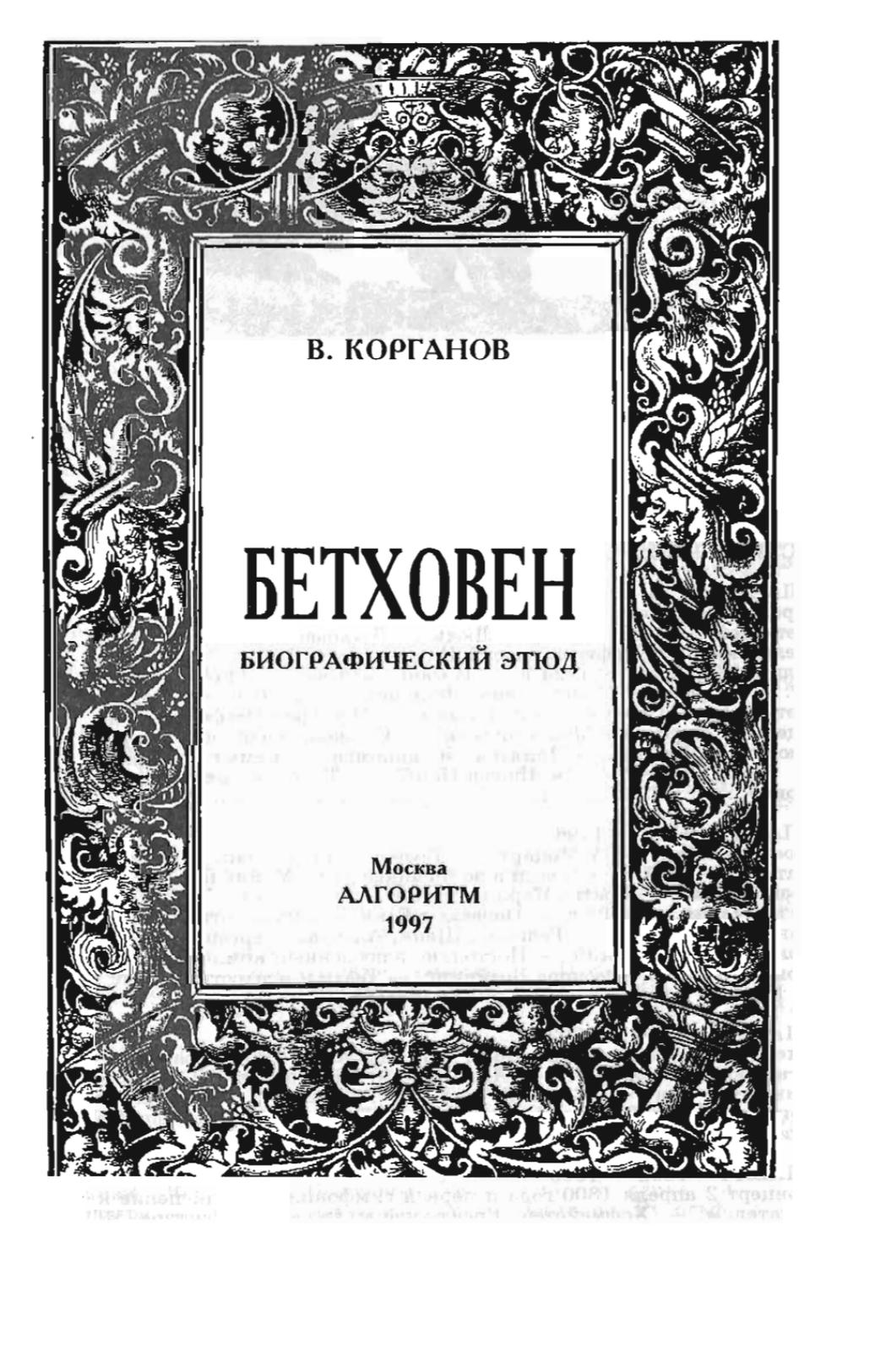
ISBN 5-88878-006-5

Корганов Василий Давидович (1865-1934 гг.) — музыкальный критик и пианист. Его капитальный труд о Бетховене — лучшее произведение на русском языке о гениальном композиторе и мужественном человеке.

Книга дает читателю уникальную возможность проникнуть во внутренний мир Бетховена, пережить вместе с ним творческие взлеты и жизненные трагедии. Книга содержит богатый фактический и иллюстративный материал.

© Разработка серии, “Алгоритм”, 1997

© Худож. оформ., “Алгоритм”, 1997

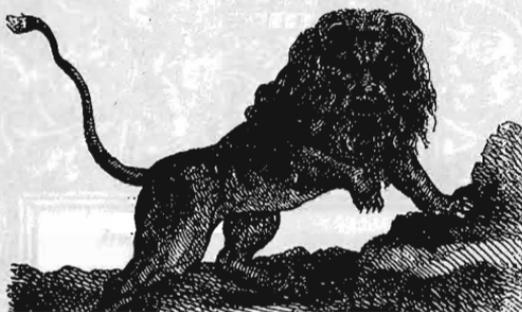

В. КОРГАНОВ

БЕТХОВЕН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Москва
АЛГОРИТМ
1997

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
ВСТУПЛЕНИЕ.....	10
ГЛАВА I. 1770 — 1787	
Предки Бетховена. — 1650 г. — Вильгельм Бетховен. — Генрих Бетховен. — 1712 г. — Людвиг Бетховен. — Курфюрсты Кельнские — Курфюрст Иосиф-Климент. — 1709 г. Курфюрст Климент-Август. — 1724 г. — Иоганн Бетховен. — 1740 — 1761 гг. — Курфюрст Максимилиан-Фридрих. — 1770 г. — Людвиг Бетховен. — Первые уроки музыки. — Пфейфер Неефе, ван-ден-Эден. — Курфюрст Максимилиан. — Служба, внешность и нрав Людвиг в детстве. — Приятели и знакомые. — Семья Брейнинг. — Город Бонн. — Beethoven-Haus. — Театр и искусства в Бонне.....	17
ГЛАВА II. 1787 — 1796	
Поездка в Вену. — У Моцарта. — Возвращение в Бонн. — Смерть матери. — 1791 г. — Поездка во Франкфурт-на-Майне и возвращение. — Братья Карл и Иоганн. — Занятия и развлечения. — 1792 г. — Переезд в Вену. — Смерть отца. — Занятия с Гайдном. — Гелинек, Шенк, Альбрехтсбергер. — Ван-Свитен, граф Кинский. — Постоянно влюбленный композитор. — Доктор Вегелер, Элеонора Брейнинг. — Театр и искусство в Вене. — Поездка в Берлин. — Первые произведения.....	43
ГЛАВА III. 1796 — 1802	
Внешность и нрав. — Бетховен как виртуоз и импровизатор. — Отношение к меценатам. — Лихновский, Разумовский, Лобкович, Кинский, Тун. — Создание первых квартетов. — Друзья и приятели. — Барон Цмескаль. — Глухота. — Джульетта Гвичиарди. — Хейлигенштадтское завещание.....	77
ГЛАВА IV. 1802 — 1805	
Концерт 2 апреля 1800 года и первая симфония. — Отношение к издателям. — Хофмейстер, Брейткопф и др. — Корректурa. — Плагиат и контрафакция. — Опять разлад с друзьями. — Отъезд	

Ф. Риса. — Тетради эскизов. — Концерт 5 апреля 1803 года и вторая симфония. — Egoica..... 122

ГЛАВА V. 1805 — 1807

Опера «Фиделио». — Репетиции и первое исполнение. — Неудача и возобновление. — Четвертая симфония. — Намерение найти обеспеченную должность при театре. — Напрасные старания. — Поездка в имение князя Лихновского и бегство оттуда. — Мария Биго. — Стремление написать оперы. — Пятая симфония. — Договор с М. Клементи..... 164

ГЛАВА VI. 1807 — 1809

Программная музыка. — Шестая симфония. — Намерение покинуть Вену. — Предложение короля Вестфальского. — Триумвират меценатов. — Концерт 22 декабря 1808 года. — Бетховен как дирижер. — Тереза Мальфати. — Опять сердечное влечение. — Осада Вены..... 204

ГЛАВА VII. 1809 — 1812

Знакомство с Беттиной Brentano (Арним). — Опять сердечное страдание. — Намерение покинуть Вену. — Поездка в Теплиц. — Знакомство с Гете и Тидге. — Оперные замыслы. — Переговоры с Дрибергом, Трейчке, Хаммер-Пуршталем, Кернером и друг. — Открытие нового театра в Будапеште. — Амалия Зебальд. — Вновь увлечение. — Поездка к брату Иоганну в Линц. — Переписка с издателями..... 235

ГЛАВА VIII. 1812 — 1814

Отношение к Цмескалю и эрцгерцогу Рудольфу. — Лето 1813 г. в Бадене. — Мельцель. — Концерт 8 и 12 декабря 1813 г. — Концерты 2 января и 27 февраля 1814 г. — Седьмая и восьмая симфонии..... 299

ГЛАВА IX. 1814 — 1815

Раздор с Мельцелем. — Смерть князя Кинского. — Возобновление «Фиделио» и переделки в партитуре. — Либреттист Трейчке. — Успех оперы. — Концерт 11 апреля 1814 года. — Венский конгресс. — Графиня Эрдеди. — Франц Brentano..... 333

ГЛАВА X. 1815 — 1816

Братья Иоганн и Карл. — Смерть Карла. — Племянник Карл. — Пансион Джаннатасио дель Рио. — Домохозяйство. — Содействие Цмескаля и Штрейхер..... 386

ГЛАВА XI. 1816 — 1817

Муза дремлет. — Вновь оперные замыслы. — Пасквалати. — Пахлер-Кошак. — Домашние заботы. — Цмескаль. — Дель Рио. — Черни. — Занятия с эрцгерцогом Рудольфом..... 421

ГЛАВА XII. 1817 — 1818

Сношение с английскими издателями. — Нит, Томсон, Смарт, Берчель, Саломон, Рис. — Венские издатели. — Штейнер и Хслингер. — Мечты о поездке в Лондон. — Новый друг Шиндлер..... 452

ГЛАВА XIII. 1818 — 1819

Племянник Карл. — Пансионы дель Рио, Кудлиха и Влехлингера. — Процесс с матерью Карла. — Эрцгерцог Рудольф.

— Поклонники и посетители Бетховена. — Художники, поэты, композиторы и издатели..... 482

ГЛАВА XIV. 1819 — 1821

Нужда приближается. — Вена во времена реакции. — Упадок вкусов и нравов. — Мечты о поездке в Италию и Англию. — В поисках издателя мессы и полного собрания сочинений. — Обращение к Артарию, Хаслингеру, Рису, Петерсу, Шлезингеру и др. — Участие брата Иоганна..... 516

ГЛАВА XV. 1821 — 1823

Жизнь летом в Бадене. — Новые приятели: Петерс, Хаушка и Бернхард. — Т. Гофман. — Воспоминания о Дж. Гвичиарди. — Из мемуаров Дж. Рассела и Рохлица. — Опера в Вене; Барбайа, Россини, Спонтини, Вебер. — Шредер-Девриан. — Постановка «Фиделио» 9 ноября 1822 года. — Последнее лечение глухоты. — Открытие театра в Иозефштадте. — В поисках оперного текста. — Настроение и отношение к окружающим. — Заботы о мессе. — Поиски подписчиков. — Обращение к Цельтеру, Керубини, к посольствам. — Содействие Шиндлера..... 548

ГЛАВА XVI. 1823

Карл в университете. — Завещание. — Воспоминания Штумпфа, К. М. Вебера, Грильпарцера, Мошелеса и др. — Болезнь и домашняя жизнь брата Иоганна. — Переписка с издателями и эрцгерцогом Рудольфом..... 590

ГЛАВА XVII. 1823 — 1824

Эскизы девятой симфонии. — Многосложные приготовления к концерту 7 мая 1824 года. — Временная ссора с друзьями. — Генриетта Зонтаг и Каролина Унгер. — Первое исполнение 9 симфонии и Missa solemnis. — Концерт 23 мая. — Ничтожные ссоры и вновь ссора с Шиндлером. — Бетховенские дни..... 619

ГЛАВА XVIII. 1824 — 1825

Лето в Пенцинге и Бадене. — Новые приятели: К. Хольц и Кастелли. — Настроение. — Воспоминания Рельштаба. — Переезд на дачу в Баден и болезнь. — Поиски текста для оратории. — Создание последних квартетов и первое исполнение их..... 646

ГЛАВА XIX. 1825 — 1826

Продажа мессы и 9 симфонии Шотту. — Переписка с издателями Шоттом, Негели, Петерсом, Пробстом и др. — Переписка с Рисом, Нитом и эрцгерцогом Рудольфом. — Продажа некоторых последних произведений Шлезингеру, Диабелли, Штейнеру и Хаслингеру. — Переписка с этими издателями и с копиистами. — Участие Шиндлера в делах композитора..... 674

ГЛАВА XX. 1826

Племянник Карл в университете и в политехникуме. — Жизнь у Шлеммера. — Покушение Карла на самоубийство. — Карл поступает в полк..... 712

ГЛАВА XXI. 1826 — 1827

Настроение и заботы. — Переписка с Хольцем. — Юмор Бетховена. — Пирушки с приятелями. — Сближение с друзьями детства, Брейнингом и Вегелером..... 740

ГЛАВА XXII. 1827

Карл в тюрьме. — Поездка в Гнейксендорф. — Возращение и простуда в пути. — Приглашение врачей. — Обращение за помощью к лондонским друзьям. — Подарки короля Прусского, лондонской филармонии и Штумфа. — У постели больного. — Старые друзья: Вегелер и Пасквалати. — Ряд операций. — Смерть Бетховена. — Похороны. — Эпилог.....

762

Перечень сочинений Бетховена.....

792

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю книге автор ее собрал все, появившиеся до настоящего времени в печати, письма Бетховена, снабдив их комментариями, необходимыми для ближайшего знакомства с личностью знаменитого симфониста. Расположены письма в хронологическом порядке, с некоторыми отступлениями, неизбежными при изложении событий и эпизодов в жизни героя, порою тесно связанных с эпизодами более или менее отдаленной эпохи ее.

Слог писем Бетховена, не только собственноручных, но также написанных по его поручению или под его диктовку, не только немецких, но также французских и английских, почти сплошь тяжелый, что называется — дубоватый, неуклюжий, с частыми попытками играть словами, шутить, острить и не менее частыми подчеркиваниями. Барбаризмы венского наречия, которое в значительной степени усвоил Бетховен и которое весьма далеко от немецкого литературного и северо-германского языков, а также провинциализмы родного композитору прирейнского наречия вносят во многие письма его тоже немало своеобразного и настолько непонятного, что один из биографов назвал такие страницы писем его «бестолковыми толкованиями и неопируемыми писаниями». Множество сокращений в словах и разнообразие в начертании одних и тех же имен, ряд слов собственного изобретения и немало орфографических ошибок создают препятствия свободному чтению и переводу писем, к тому же еще обильных грамматическими вольностями: в одном месте пропущено сказуемое, в другом предложении нет подлежащего, здесь имя собственное начинается малой буквой, там глагол — большой буквой, часто знаки препинания отсутствуют целыми десятками, либо заменены чертою; порою встречаются слова зачеркнутые, или неразборчиво написанные, или собственного изобретения, или же расставленные небрежно, спешно, бессвязно и как бы бессмысленно, или же повторяющиеся несколько раз, то по рассеянности, то умышленно; точно они засели в мыслях композитора или у него недостает других для выражения своей идеи.

Мы могли бы изложить их в русском переводе складно и более ясно, но тогда утратился бы тот колорит, который так удачно окрашивает фигуру, личность Бетховена, встающую пред нами при чтении подлинника; впрочем, не желая злоупотреблять терпением любителей, задумавших познакомиться с 1300 письмами знаменитого композитора, мы кое-где сгладили шероховатости слога, причем позволили себе вольность, часто встречающуюся в исторических монографиях, а именно: местами сократили или пропустили длинные титулы адресатов и писали с малой буквы обращения к этим лицам.

Некоторые читатели найдут, быть может, многие из этих писем и записку незначачими, пустыми, скучными, надоедливо повторяющимися

одно и то же, но мы решились пренебречь «широтой натуры» такого читателя, его отвращением к мелочам, так как верим в существование любителей, готовых отречься от поверхностного знакомства, от верхнего взгляда и способных найти в каждой детали, в каждой строке собранного здесь материала новый штрих или нюанс, новую черту, краску или тень, из которых слагается образ знаменитого композитора.

Попутно с жизнеописанием коснулись мы характеристики музыкального гения Бетховена.

Наиболее вдохновенные сочинения его относятся к трем типам композиции: к симфоническим, камерным и фортепианным произведениям, из коих два первые рода представляли для автора наибольший интерес, ими он начал и закончил свою деятельность, тогда как фортепиано, вероятно, вследствие своих менее совершенных и менее богатых средств музыкального выражения, ранее струнных инструментов и ранее оркестра потеряло привлекательность для него; лет за пять до смерти Бетховен перестал писать для этого инструмента. По этой причине, а также в виду чрезвычайной популярности его главных фортепианных произведений, мы даем читателям более или менее обстоятельную характеристику лишь симфоний и квартетов его.

Уместным находим сказать здесь несколько слов относительно орфографии и произношения фамилии нашего героя: на родине его, у немцев, пишется она: *Beethoven*, выговаривается приблизительно так: *Бетовен*, причем ударение ставится на первой е, произносимой удлинено, а буквы *h* почти не слышно. По-русски выговаривают обыкновенно *Бетховен* с ударением на букве *о*, а пишут различно: Беетховен, Беетговен, большею же частью — Бетховен; ударение это, хотя совершенно неправильное, настолько установилось в России, что мы не берем на себя смелости предлагать перемещения его на первую гласную, а потому не можем также рекомендовать, находящихся в связи с ударением, двух *e* после *б*, хотя опыт такого правописания был сделан нами (в брошюре, изд. 1888 г.) и встречается у некоторых других авторов (наприм., у проф. Саккетти); что же касается следующей буквы *h*, то полагаем более правильным переводить ее, за неимением в русской азбуке общепотребительного знака для *g* спиранта, буквою *х*, как наиболее близкою к западноевропейскому *h*; во многих именах, встречающихся в предлагаемой читателям книге нашей и мало распространенных в русской литературе, мы также перевели *h* буквою *х*, исходя из более близкой степени родства латинского *h* к русскому *х*, нежели к *г* (См. «Рус. правописание» Я. Грота, стр. 8).

1 мая 1909 года,
г. Тифлис.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я не знаю ни одного сочинения (за исключением некоторых Бетховена), про которые можно бы было сказать, что они вполне совершенны.

П. И. Чайковский.

Музыка представляет собою могучее средство выражения настроения, вызванного чувствами, волнующими человека и ищущими отзвука в окружающей среде; ее звуковые лучи, отражаясь в сердце слушателей, объединяют душевные движения их, направляют полет фантазии их, то согревают, то охлаждают их, окрашивают их грезы то яркими или светлыми, то бледными или темными цветами. При погребении музыка усиливает грустное настроение толпы, при веселье она способствует интенсивности его, пред битвою она возбуждает кровожадный пыл войска. Формы народной «безыскусственной» музыки, как и формы музыки высших классов, на протяжении веков подвергались естественной эволюции в зависимости от степени культуры человечества, от видоизменений его потребностей и идеалов, причем первая, народная музыка, конечно, шла в своем развитии значительно медленнее, чем вторая, выросшая на более плодородной для нее почве, в среде общества, менее обремененного физическим трудом и ищущего более разнообразных развлечений.

В древние времена это последнее искусство достигло наибольшего развития в той области, которая захватывала духовный мир человека, владычествовала в течение целого ряда веков над думами и чувствами его — в сфере религиозной, связанной то с пышными, блестящими, то с мрачными, гнетущими элементами величественного церковного ритуала.

Но пробуждавшийся разум поколебал почву под ним: человек почувствовал в себе силы для познания того, во что он бессознательно веровал, почувствовал в себе силы для борьбы с тем, что казалось ему непреодолимым, прелесть обрядностей стала терять свой мишурный блеск, и подогревавшее ее музыкальное искусство стало само охлаждаться. Эпоха романтизма в литературе, эпоха великих открытий и изобретений в области науки обратили передовые народы к культуре разума, реальных сил, к чувствам и настроениям, связанным с деятельностью человеческого духа. Музыку стали питать иные соки, она стала искать себе вдохновения в природе, в чувствах человеческих, в настроениях, вызываемых отношениями человека к себе самому; своим побуждениям, стремлениям, а также к событиям из внешнего, реального мира, преимущественно к социальным и даже политическим. Романтизм Шопена, Шумана и Шуберта, светская музыка концертов, оперы Россини, Верди, Глинки выступают на смену ораториям, офферториям, мессам и реквиемам Баха, Генделя, Палестрины. На рубеже этих двух эпох стоит двуликий Янус, обративший безмятежный взор в даль минувших веков и тревожные взгляды в грядущее; из двух гениальных современников, рожденных немецкой нацией, наиболее склонною к полету в область трансцендентального мышления, к фантастическим, неопределенным грезам и образам звуковых картин, один

лишь смутно чует зарю новых дней и спешит сказать последнее прости «доброму старому времени», спешит сорвать и последние, наиболее зрелые плоды с пышного древа искусства, отцветающего на истощенной почве. Другой вливает свежие соки в гибнущий ствол и гордо покачивает мощными ветвями, под сенью которых отдыхают последние поколения.

Моцарт — спокоен, жизнерадостен, ласков, изящен, полон веры и любви.

Преобладающий характер произведений Бетховена — демонизм; в *adagio* его больше тоски, мрачного настроения, отчаянных рыданий, нежели грусти и элегической печали, в *allegro* больше мятежного, бурного задора, страстных порывов, чудовищных, грандиозных, нежели веселья, ликования. Всюду рвется наружу та демоническая сила, которая зародилась в человечестве на заре XIX века, которая открыла человеку ужасающую, безутешную картину потери смысла жизни, которая обострила проблему индивидуализма, проблему личности, когда наука указала человеку место его в мироздании, когда с боготворимых идеалов были сорваны последние лохмотья одеяний. Вместо спокойного, ласкающего, жизнерадостного менюэта наш «титан» (как прозвал его Берлиоз) вводит в симфонии, квартеты и сонаты совершенно новую форму, скерцо, нервно-оживленное, часто стремительное, мучительно раздражающее, драматически безнадежное.

Во 2 и 4 частях своих значительных произведений (сонатной формы) и в отдельных творениях он с увлечением и безгранично развивает форму вариаций, на множество разнообразнейших ладов варьирует избранные темы, как бы отражая своим вдохновением всю шкалу чувств и мыслей, нарождающихся бесконечными звеньями вслед какой-либо идее; Бетховен не в силах петь жизнерадостных мелодий, подобно Моцарту, потому что не видит в жизни ничего радостного, а то, что толпа считает таковым, представляется ему лишь суетой сует; Бетховен не способен воспевать библейских героев, ни царей, ни ангелов, ни богов, как это делали Гендель и Бах, потому что философский взор его пронизывает облака фимиама и замечает безнадежные, неисправимые трещины в пьедесталах всех этих кумиров, замечает лишь выветривающиеся глыбы мрамора на месте божественных образов; еще менее способен Бетховен наивно резвиться, подобно Гайдну, или забыться в бравурной игре звуками, подобно многим другим талантливым предшественникам своим. Он мыслит и чувствует, как Манфред, как Фауст, и в звуках своих выражает настроения их, оболочку этих мыслей и чувств, отравленных поэтическим ядом вертеровских страданий.

Музыка Бетховена затрагивает чувство страха, ужаса, скорби и возбуждает то самое бесконечное стремление, которое представляет собою сущность романтизма. Он чисто романтический композитор; не потому ли ему меньше удавалась вокальная музыка, которая не имеет характера неопределенного стремления, но изображает только определенные эффекты, выраженные словами, а не те, которые принадлежат к сфере бесконечного?.. Музыкальную толпу гнетет могучий гений Бетховена, она тщетно с ним борется! (Гофман).

Величие идей, богатство героических и эпических образов, глубина замысла и мощь душевных движений в произведениях его вызывают подражание эпигонов его, а таковыми являются все композиторы последних ста лет, вольно или невольно заимствовавшие у Бетховена его манеру письма, его приемы и даже замыслы. Великий реформатор драматической музыки, Рихард Вагнер, изгнавший из оперных театров почти всех богов былого, покоривший себе не только поверхностных французских композиторов, но даже глубоко индивидуальных, самобытных гениев Италии и России (Верди и Чайковский), — не был ли он сам последователем и поклонником Титана, наметившего в своем «Фиделио» контуры оперы будущего? Плеяда современных нам корифеев искусства, с Рихардом Штраусом во главе, заменяющая архитектонику грудой обломков и предпочитающая связанному, последовательному изложению музыкальных идей звуковые арабески и калейдоскоп пестрых, ярких, порою кричащих цветов, поражающая слушателя небывалою звучностью, чудовищною бесформенностью своих произведений и невероятными диссонансами, — этим могучим средством вызывать раздражение и возбуждение нервов, — не идет ли она по пути, указанному «Великим Моголом» (как прозвал его Гайдн), внесшим хаос и дикое созвучия в свои последние произведения?

Уже в 1 части 3 симфонии Берлиоз указал причудливый эпизод, где скрипки играют tremolo, а валторна, как бы раньше времени, ранее возвращения аккомпанемента к тонике, начинает новую тему. В последней части 4 симфонии, на гаммах басов в ясно определенной тональности g-moll, одновременно трижды первые скрипки берут энергично ля-диез, а вторые скрипки — си-бемоль, что нестерпимо режет слух и едва ли оправдывается эстетическими соображениями. А последние 30-35 тактов скерцо в 5 симфонии, прекрасно подготовляющие слушателя к началу последнего allegro, — какая музыкальная теория может оправдать их, какой музыкальный слух может воспринять их без болезненного раздражения? В позднейших произведениях подобные диссонансы, подобные созвучия встречаются все чаще, и мы не станем утомлять читателя перечислением их, а рекомендуем обратиться за справками к анализам, сделанным Улыбышевым и Берлиозом, назвавшим некоторые из этих звуковых сочетаний бутадами.

Все более развивающаяся область **программной музыки**, постепенно изгоняющей музыку «чистую», появление множества жанровых и эпических звуковых картин и все более атрофирующееся влечение композиторов (и публики) к произведениям камерным и симфоническим без примеси легенд и басен, — не опираются ли они на такие гениальные образцы искусства, как *Пасторальная симфония*, увертюры *Эгмонт* и *Кориолан*?

Сын своей эпохи и раб своей музы Бетховен не обладал той способностью объективной обработки темы, которая свойственна предшественникам его и преимущественно оперным композиторам; с отсутствием этой способности естественно гармонирует в нем неприязнь к итальянской опере и неумение писать благодарные и красивые вокальные партии, что было свойственно композиторам итальянским и тем из иноземных, которые подражали итальянским образцам. Хотя мелодическая изобрета-

тельность Бетховена бесконечно богата, но редкие мелодии его звучат вокально, дышат чувственной прелестью, певучестью, долгим и красивым звуковым узором, темы его содержательны, полны глубины, задушевности, но темы эти инструментальные, задуманные для фортепиано, для скрипки, для кларнета, и чуждые человеческому голосу.

Бетховен, раб. Аронсона.

Подобно другому великому и несравненному лирику, Шопену, не чуждому восстания 1830 года, Бетховен более, чем другие композиторы, поглощен мятежным духом, порою вздымающим бурю в мыслях и чувствах его, то мрачно тоскливых, то раздражающих душу рыданиями; муза вдохновляет его, внушает ему

чудесные созвучия, когда композитор углубляется в свой внутренний мир, когда он не изменяет индивидуализму. Отсюда вытекает естественная склонность обоих упомянутых индивидуалистов к лиризму, к инструментальной музыке, не опирающейся на поэзию или живопись, а вполне самостоятельной, своим богатым материалом способной изобразить все душевные движения. Такие настроения музыки Бетховена соответствовали тем душевным движениям, которые овладевали часто знаменитыми крамольниками XIX века, гармонировали с теми образцами, которые создавали поэты социальных проблем. Известно, что М. Бакунин увлекался произведениями Бетховена более, чем иными; известно, что Д. Штраус, Л. Толстой и И. Тургенев посвящали Бетховену более внимания, нежели иным композиторам.

Приниженное положение музыканта той эпохи, когда Моцарт, Гайдн и многие предшественники их были в должности *valet-musical* и столбовались с прислугою меценатов, возмущает Бетховена, восхищенного идеями французской революции, жаждущего видеть свободу, равенство и братство всюду, куда вступал великий французский полководец, а в ожидании этих лучших дней украшающего свою фамилию приставкою *van*.

Середина XIX века дала новых гигантов-реформаторов в музыкальном искусстве, но не столь универсальных, каким был Бетховен. Шопен совершил переворот только в фортепианном искусстве; Вагнер выстроил новый храм Мельпомены, разрушив устои старой оперы, и оба они были «вольнодумцами», бежавшими за пределы своего отечества. Чтобы понять баллады и этюды Шопена, надо познакомиться с его личностью, надо знать политические события в Польше 1880 года; чтобы постичь трилогию Вагнера, надо познакомиться с его мировоззрением, надо знать события 1848 г.; чтобы воспринять красоты квартетов Бетховена, его симфоний и сонат, надо иметь понятие о жизни его и зарейнских современников его.

Впрочем, преобладающее в Бетховене мрачное настроение и недовольство окружающим не было исключительно следствием мировоззрения его и равнодушия общества к его гению; в истории культуры человечества мы знаем бессмертные имена людей, еще более страдавших от гонений современников, еще менее наслаждавшихся благами жизни, но более общительных, более склонных находить те розовые лепестки, которые затеряны в терниях, оплетающих наше бытие. Нет, Бетховен был бы мизантропом, скептиком, пессимистом, если бы даже природа не одарила его могучим гением. Кому не доводилось видеть подобных мизантропов среди окружающих нас лиц, порою даже бездарных, заурядных? Нередко мы встречаем людей, поверхностно относящихся ко всем обыденным явлениям, не проявляющих одного преобладающего настроения, хотя отражающих то одно, то другое из этих явлений. Несколько реже встречаются лица, глядящие на все сквозь розовые очки, жизнерадостные, находящие в окружающей среде утешение при всяком горе, весело скользящие в своей ладье по житейскому морю, мимо грозных скал, чрез опасные мели и пенистые гребни волн. Но все чаще встречаются в наш нервный век крайне впечатлительные натуры, с необыкновенной легкостью воспринимающие не лучи окружающего света, а бесчисленные и мельчайшие проявления

злой воли людской, сгущающие в себе все отражения тени, все мрачное и находящие редкие проблески счастья лишь в своем воображении, в своей фантазии, в области своего духовного существования, в собственном я. Мизантроп невольно создает, углубляет и расширяет пропасть, отделяющую его от внутреннего мира от внешнего; он становится сторонним наблюдателем жизни, в нем развивается чрезвычайная способность критического суждения, а так как суждение такое о явлениях обыденной жизни дает мало утешительного, то в мизантропе зарождается недружелюбное, враждебное отношение к людям и деяниям их. Глубже, чем последние, способный увлечься великими делами и великими деятелями, он в то же время сильнее, чем толпа, реагирует на мелочи обыденной жизни, представляющей калейдоскоп низменных страстей, вызывающих негодование в стороннем наблюдателе и стремление еще дальше бежать от людей.¹ Такое настроение индивида нельзя считать нормальным; это — своеобразная болезнь духа, вытекающая, как всякая ненормальность психическая, из болезни тела и называемая в науке не мизантропией, а неврастенией, достаточно исследованной и обстоятельно описанной в наши дни многими специалистами; встречая в труде талантливого психиатра Крафт-Эбинга «О здоровых и больных **нервах**» описание неврастеников, образ гениального композитора часто проносится в воображении читателя, как бы отражая научные изыскания и выводы автора; и здесь, и там резкие смены настроения, странности характера, причуды, контрасты, противоречия...

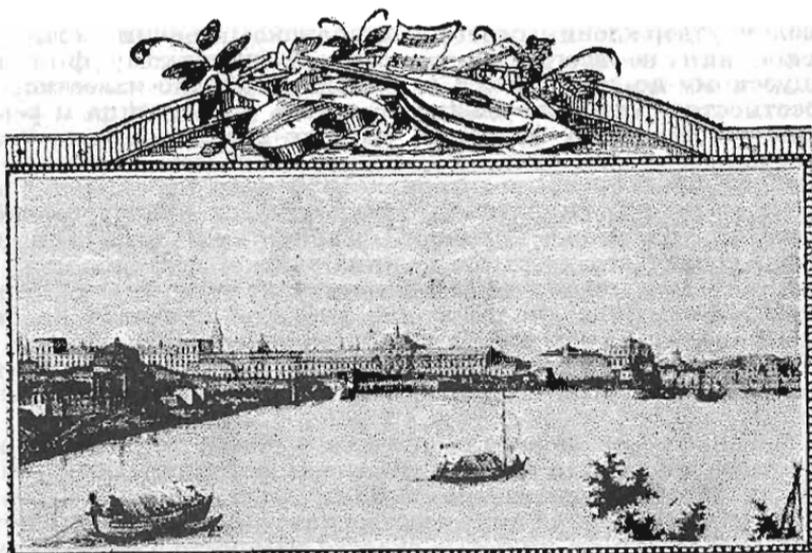
Немало интересного о характере Бетховена рассказывает Зейфрид, бывший первым дирижером многих произведений Бетховена, его «Фиделио», его увертюры и симфоний, до шестой включительно; это общение художественного свойства вызвало преклонение талантливого капельмейстера пред гениальным композитором, но, «все ближе знакомясь с его личностью, — рассказывает Зейфрид, — я все более привязывался к этому человеку, поражавшему своею добротою, простотою, детскою непорочною и безграничною благожелательностью. Но еще чаще обращение Бетховена к окружающим было лишено радушия, теплоты; ни одно чувство, порою сильно волновавшее его, не отражалось на лице его, точно высеченном из мрамора. Он обладал склонностью к внезапному переходу от тоскливого настроения к веселому, причудливо восторженному, ребячески талантливому, к веселью иногда задорному, но всегда безобидному. Его обычной забавой было бить по клавишам рукою, вывернутую вверх ладонью, причем эта выходка сопровождалась диким смехом, искажавшим черты лица его; иногда такой же хохот неожиданно оглушал собеседников его, остававшихся в неведении относительно причины безумной радости композитора».

В изложенном нами жизнеописании читатель не раз заметит эти контрасты настроения Бетховена, то раздражительного, подозрительного, сонливого, то невозмутимо спокойного, до наив-

¹ «Гений раздражается всем, и то, что для обыкновенных людей кажется просто булавочными уколами, представляется ему, при его чувствительности, ударом кинжала» («Гениальность и помешательство» Ц. Ломброзо, СПб. 1895, стр. 18).

ности доверчивого, до ража веселого и оживленного; так под зеркальной гладью моря разыгрываются тысячи драм подводной жизни, а под вздымающимися волнами скрываются веками недвижные рифы. За вращающимся калейдоскопом настроений Бетховена таятся незыблемые устои принципов, незаметно и мощно сложившихся; этот идеалист отвергает всякое зло, как в действии, так и в воображении; он боготворит женщину, не допускает порочных мыслей о ней и, несмотря на страстную натуру, ограничивает свои увлечения платоническими мечтами; ему чужда излюбленная толпою порнография; он склонен к философскому мышлению, но избегает критики, как в области своей «новой веры», так и в области всякой иной веры; рядом с религией он ставит искусство и также избегает критики своего «нового» и всякого иного искусства, он проникнут убеждением в возможность осуществления республики Платона, в лучший будущий социальный строй, в равноправие, коммунизм. Мелочи обыденной жизни порою вызывают разлад между словом и делом Бетховена, но бессильны поколебать его нравственные устои. Бетховен с гордостью сознает достоинство руководящих им идей; он в этом не раз признается другим, но индифферентное, почти пренебрежительное отношение окружающих к тому, что он сам высоко ценит, вызывает порою презрительное обращение его к другим и чрезмерно высокое мнение о собственных нравственных качествах; отсюда вытекают те деспотические требования, с которыми болезненный, беспомощный артист обращается к каждой личности, обнаружившей малейшую склонность оказать ему услугу. «Великий Могол» не раз проявляет, на протяжении пятидесятишестилетней жизни своей, качества слабого и неуравновешенного создания. «Титан» в заоблачной высоте искусства, гигант в области фантазии, опустившись на землю, роет при мысли о ничтожной житейской заботе, обращается в дитя малое и бессильное.

ГЛАВА I

1770 — 1787

Предки Бетховена. — 1650 г. — Вильгельм Бетховен. — Генрих Бетховен. — 1712 г. — Людвиг Бетховен. — Курфюрсты Кельнские — Курфюрст Иосиф-Климент. — 1709 г. — Курфюрст Климент-Август. — 1724 г. — Иоганн Бетховен. — 1740 — 1761 гг. — Курфюрст Максимилиан-Фридрих. — 1770 г. — Людвиг Бетховен. — Первые уроки музыки. — Пфейфер Неефе, ван-ден-Эден. — Курфюрст Максимилиан. — Служба, внешность и нрав Людвигу в детстве. — Приятели и знакомые. — Семья Брейнинг. — Город Бонн. — Beethoven-Haus. — Театр и искусства в Бонне.

Ежегодно сотни туристов посещают городок на берегу Рейна, где родился Бетховен; летом вереницы любознательных гостей разных сословий и возрастов входят в дом на Bonngasse, чтобы посмотреть множество рукописей, портретов, мелочей домашней обстановки, расставленных здесь и некогда принадлежавших знаменитому композитору; в эту коллекцию входят предметы, подаренные ему знатными сановниками, владетельными князьями и графами, имена которых остались бы неизвестными потомству, если бы не милостивое покровительство их бедному музыканту, впоследствии обессмертившему их своим знакомством.

Привилегии так называемых высших классов, проявлявшиеся сто лет тому назад в Австрии, как и всюду, более ярко, чем в наши дни, были соблазнительною мечтою для многих скромных граждан и честных тружеников, не знавших в своей родословной ни прославленных полководцев, ни титулованных сановников. Многие стремились выйти из низшего поработченного слоя населения и вступить в ряды случайных баловней судьбы. Основываясь на приставке ван к фамилии своей, Бетховен также

добивался утверждения своего в дворянском звании, хотя голландское ван не всегда соответствовало немецкому фон или французскому де, и Людвигу ван Бетховену было известно, что в окрестностях Брюсселя можно встретить хлебопашца и ремесленника, носящих эту фамилию, нередко встречающуюся там и в наши дни.

Один из предков композитора в 1650 году поселился в Антверпене; сын его, Вильгельм, занялся здесь виноторговлей и женился на Катерине Гранжан, давшей ему сына Генриха-Аделара; последнего крестили двое из знатнейших вельмож, вероятно, пользовавшихся впоследствии услугами их крестника-портного. Женившись на Катерине Герт, он произвел на свет, согласно местному обычаю, около двенадцати наследников, из коих третий, получивший 23 декабря 1712 года, при крещении в церкви Св. Якова, имя Людвиг, был дедом нашего знаменитого композитора.

Дела Генриха-Аделара шли сначала успешно и дали ему возможность приобрести в Антверпене, на Новой улице, дом, называвшийся Sphera Mundi (ныне № 33 в улице Longue Neuve), но впоследствии ни портняжная мастерская, ни движимое имущество не спасли его от нищеты; счастье изменило Генриху, и он был очень рад случаю избавиться от одного из окружавших его голодных ртов, от десятилетнего Людвиг, принятого певчим в церковный хор в Генте. Восемилетние музыкальные занятия там настолько развили природное дарование мальчика, что он стал мечтать о более выдающейся и самостоятельной деятельности. По возвращении к родителям, которые не могли ни приютить, ни накормить его, Людвиг немедленно пускается в путь, направляясь на юг, в Брабант; здесь, в Лувене, в старинном соборе св. Петра, он пристраивается певчим и временно замещает больного регента. Спустя год он переселяется еще дальше к югу и в начале 1732 года поступает сверхштатным певчим в капеллу архиепископа Кельнского, проживавшего в Бонне.

Вольный город Кельн, воспользовавшись дарованными ему в XIII веке привилегиями, запретил архиепископу **своему** продолжительное пребывание в черте города; с 1257 года **кельнский** князь-архиепископ мог проживать в Кельне не более **трех** дней подряд; впрочем, прелести новой резиденции и огромные доходы с обширных владений его могли вполне утешить сиятельного изгнанника; в Бонн поступали миллионы талеров со всех концов богатой и плодородной епархии, из Льежа, Мюнстера, Оснабрюка; только налог на судоходство приносил епископу ежегодно миллион талеров, немало давали также кассе его сотни церквей и устраивавшиеся периодически лотереи, столь излюбленные в Европе даже в наши дни. Ко всему этому архиепископ, обладавший дипломатическим дарованием, прибавлял секретную ренту, получаемую им одновременно от австрийского и французского правительств за соблюдение интересов двух соседних государств. Вместе с тем архиепископ-курфюрст, будучи одновременно начальником епархии и как бы генерал-губернатором страны, был одним из влиятельнейших прелатов Германии; он возлагал в Ахене корону Карла Великого на главу нового монарха и сам принадлежал обыкновенно к царствующему дому. Богатство и власть окружали принца-электора многочисленной

свитой, блестящим двором и постоянными спутниками последних, — представителями искусств. В отношении покровительства искусствам наиболее выдающимся из курфюрстов кельнских был Иосиф-Климент, собравший здесь, в Бонне, в начале XVIII века прекрасный оркестр и не менее замечательный хор певчих. Это был урод низкого роста с огромной головой в парике, с горбом на спине и на груди; пронзительный ум сочетался в нем с порочной нравственностью, со страстью к музыке и отвращением к духовному званию. За свое долголетнее пребывание в Бонне он устраивал часто спектакли, балы, маскарады и только один раз, 1 апреля 1709 года, собрался произнести проповедь; изумленные прихожане сбежались в собор послушать речь прелата на тему о суете мирской. Князь-электор взшел на кафедру, кашлянул, плюнул и шутливо объявил толпе:

— Первое апреля!

Затем, при громких звуках оркестра и весело смеясь, направился к выходу, оставив толпу разгадывать смысл этого фарса.

В музыкальных делах он также не был чужд причуд. «Я композитор, — писал он своему камергеру, — мои произведения правятся слушателям и, следовательно, я не лишен музыкального вкуса и слуха, хотя ничего не смыслю в музыке и не умею писать нот. Последнее я поручаю другим, а мелодии заимствую у лучших авторов. Я откровенен и не приписываю себе чужих идей».

Этот чудаком-композитор собрал себе оркестр, вызывавший зависть не одного коронованного мецената того времени. Состав его оркестра был следующий:

— 1 главный капельмейстер, руководивший преимущественно певцами;

— 2 капельмейстера (назывались концертмейстерами), из которых один для оркестра, другой — для хора; 6 музыкантов без определенного назначения, вероятно, в помощь капельмейстерам в качестве органистов и т. п.

— 12 певцов и певиц; кроме того, певчие — дети, музыканты — слуги и т. п.

— 17 инструментистов (исполнителей на различных струнных инструментах);

— 8 трубачей и литаврщиков (включая 4 трубы, 2 валторны и 2 литавры);

— 6 гобоистов (сюда входили также фаготисты).

В таком составе оставил он оркестр в 1724 году своему приемнику, Клименту-Августу, к которому Бетховен-дед явился в начале 1732 года, прося принять его в хор, хотя бы только на испытание, бесплатно. Спустя год его зачислили в штат и назначили жалование 400 флоринов, довольно значительное для того времени и для двадцатилетнего юноши. Движение его по ступеням музыкальной иерархии можно проследить по документам о рождении детей его от Марии-Иозефы Полль, с которой он венчался 7 сентября 1733 года; спустя год после женитьбы он назван просто музыкантом, спустя два — господином, затем — господином придворным музыкантом и, наконец, в 1761 году — господином придворным капельмейстером, или управляющим капеллою. По случаю зачисления Бетховена-деда в штат придворных музыкантов объявлен следующий декрет архиепископа:

«Кл.-А. — Сим его светлость курфюрст Кельнский, Климент-Август, герцог верхней и нижней Баварии и пр., и пр., наш всемилостивейший государь, на всеподданнейшую просьбу Людвиг ван Бетховена, такового милостиво объявил и принял своим придворным музыкантом, а также назначил ему чetyреста рейнских гульденов ежегодного жалованья, в чем выдается ему сей указ за высочайшей подписью и с приложением печати тайной (собственной) канцелярии; сим же предписывается советнику Ризаку упомянутые 400 гульденов выплачивать ему, Бетховену, с начала сего года по четвертям года и надлежащим порядком вносить в бюджет. Март 1733 г.»

Спустя 13 лет появляется новый декрет о прибавке дополнительных ста талеров:

«Так как его светлость курфюрст Кельнский, Климент-Август, герцог верхней и нижней Баварии, наш милостивейший государь, изволил прибавить своему камер-музыканту ван Бетховену, сверх получаемого им жалованья, ежегодно еще сто имперских талеров, каковые остались свободными за недавно последовавшей смертью мастера музыкальных инструментов Иосифа Кайзера, то сим доводится до сведения придворного камер-советника и казначая Ризака и всемилостивейше повелевается уплачивать ему, ван Бетховену, также упомянутые сто талеров под расписку по четвертям года, начиная с нижеуказанного числа; сумму эту надлежащим порядком вносить в отчет. В удостоверение чего и т. д. Поппельсдорф, 22 августа 1746 года».

С годами росло благосостояние деятельного антверпенца, а вместе с тем росло стремление к богатству, к наживе, побудившее придворного капельмейстера заняться виноторговлей; жена Людвиг-деда слишком пристрастилась к напиткам своего погреба и умерла от пьянства 30 сентября 1775 года. Этот порок унаследовал от матери третий сын их (первые двое умерли еще в колыбели) Иоганн, отец знаменитого симфониста, родившийся в 1740 г., не одаренный ни способностями, ни трудолюбием Людвиг-деда и всю жизнь проведший в нужде.

В начале 1761 года князь-электор Климент-Август отправился гостить к своему коллеге архиепископу в Трир (на Мозеле). Любезный хозяин, зная вкусы своего гостя, развлекал его музыкой и танцами, концерты сменялись балами, поездки на охоту роскошными обедами, и престарелый прелат, в бесконечном вальсе с сестрою хозяйина, баронессою фон-Вальдендорф, не заметил, как смерть подкралась к нему, чтобы 6 февраля очистить трон курфюрста Кельнского для Максимилиана-Фридриха, также любителя танцев и музыки, но получившего от предшественника в наследство не золотые слитки и полные погреба, а бесчисленные долги прелата-композитора. Только благодаря удачному выбору первого министра, новый архиепископ поддержал славу своего двора; барон Гаспар-Антон фон Бельдербуш, забрав в руки управление всеми владениями и делами курфюрста, сначала распустил многих артистов, сократил число концертов и разных празднеств, разогнал лишних поваров и слуг, оставив лишь самое необходимое для жизни курфюрста Кельнского. Толпа, привыкшая к роскошным фестивалям, негодовала и с злорадством повторяла:

При Клименте наряды были светлы,
 Что день, то праздник был для нас;
 Но мрачными всех сделал Фридрих-Макс,
 И с голоду искать все стали петли.

Однако первый министр не унывал и, уплатив всем кредиторам, восстановил плотность кошелька и амбаров электора.

Характер этого человека совмещал в себе дерзкую решительность Ришелье, деспотизм Мазарини, не останавливающегося ни перед каким насилием, жадность к деньгам и жестокость; свой собственный кошелек был при этом главной целью деятельности. Когда был возбужден вопрос относительно предварительного выбора преемника Максимилиану-Фридриху, то Бельдербуш запел с некоторыми вариациями те же песни, что и при назначении своего патрона курфюрстом. Прусский король, император австрийский, влиятельные сановники и придворные партии наметили каждый своего кандидата, а Бельдербуш, якобы желая угодить каждому и пользуясь своим положением проницательного дипломата, успел от всех получить более или менее значительные взятки, не брезгуя, конечно, подкупом самих кандидатов. По смерти Максимилиана-Фридриха было произнесено немало глубоко прочувствованных надгробных речей, проповедей, немало появилось письменных и печатных панегириков, в том числе один в 14 страниц, где покойный курфюрст, правление которого было исполнено «кротости, справедливости и заботливости», назван не только благодетелем страны, но даже всего мира. Впоследствии истинное положение дела, конечно, обнаружало всю ложь дифирамбов, воспетых современниками; оказалось, что благодетель довел страну до ужасного упадка, что при нем допускались вопиющие злоупотребления, интриги и вымогательства, что суд руководствовался не законами, а размером взятки, что произвол и насилие не имели пределов; после временного сокращения придворных штатов они были восстановлены еще с большею роскошью; двор состоял из ста камергеров, нескольких сот молодых праздных дворян, ежедневно веселившихся на счет угнетенного народа, более 200 аббатов, помогавших дворянским недорослям развращать население; множество иностранцев, останавливавшихся во дворце, как в гостинице, разделяли времяпровождение паразитов богатого правителя; тратились громадные суммы на представительство, а празднование высокоторжественных дней обставлялось такою роскошью, какой не видели даже старые холопы покойного курфюрста Климента-Августа; например, 13 мая 1767 года, в день рождения архиепископа, празднество состояло из следующих номеров:

- 1) Рано утром три пушечных выстрела с крепостных валов.
- 2) Двор и публика милостивейше допущены к целованию руки его светлости.
- 3) Торжественное богослужение с пушечными залпами.
- 4) Большой обед, на котором присутствовали гости, два папских нунция, иностранные министры (послы) и дворянство; обед сопровождался прелестной застольной музыкой.
- 5) После обеда многочисленный раут.

6) «Серенада, написанная специально к высочайшему радостному дню», и комическая опера в придворном театре, исполненная с большим успехом.

7) Ужин на 130 кувертов.

8) Маскарадный бал до 5-ти часов утра.

В такие праздники Бонн принимал, конечно, необычный вид; на всем лежала печать торжественности; ранги и чины, сословия и монашеские ордена выделялись рельефнее. Колокола звонили на башнях замка и церквей, из окрестных деревень являлись к заутрени крестьянки, навьюченные множеством ярких материй, дворяне важно выступали в длинных кафтанах, широких жилетах и коротких панталонах; все это было из шелка, бархата и атласа ярких цветов, вокруг шеи белел широкий воротник, на руках такие же манжеты, у колен и на башмаках блестели золотые пряжки, шляпы с поднятыми краями кокетливо покоились на высоких завитых и напудренных париках; шпага на боку или трость с золотым набалдашником составляли такую же необходимую принадлежность парадного туалета, как красный плащ в скверную погоду; дамы в длинных и туго затянутых корсетах, в широко развевающихся платьях и высоких прическах осторожно ступали на высоких каблуках, руки их почти до плеч были обтянуты в шелковые перчатки; здесь выезжала рота придворной стражи, там скромно пестрели наряды монашеских орденов, колокольный звон чередовался с пушечным громом.

Так веселились в резиденции князя-архиепископа, где наш герой провел всю свою юность. Отец его, Иоганн, рано начал службу при дворе князя-архиепископа; уже в тринадцатилетнем возрасте ходатайствует он о вознаграждении и зачислении в штат, о чем свидетельствуют приводимые ниже документы, настолько же богатые подробностями прохождения этой карьеры, насколько безграмотностью и извращением имен, обычными в доброе старое время.

Его Светлости курфюрсту Кельнскому и пр., и пр.,
моему все милостивейшему государю
покорнейшая просьба и поклон.
Иоан ван Битхоффен.

Преосвященный, светлейший курфюрст,
все милостивейший государь и пр., и пр.

Ваша светлость благоволите милостиво разрешить доложить вам почтительнейше, что в случаях недостатка необходимых певчих в придворной капелле вашей, я до сих пор в течение 4 лет являлся на помощь и, если счастье не изменит мне, назначьте от вашей высочайшей милости небольшое годовое содержание.

Сим довожу до вашей светлости мою нижайшую просьбу (во внимание к 23-летней вполне верной и преданной службе отца моего) обрадовать меня милостиво указом о назначении придворным музыкантом, каковая высочайшая милость придаст мне усердие в доставлении вашей светлости удовольствия моей усердной службой.

По сему вашей светлости покорнейший и верноподданнейший слуга
Иоан ван Битхоффен.

«Прощение это передано музик-директору Готвальду для всеподданнейшего доклада с соответственными объяснениями, в удостоверение

чего приложена печать тайной канцелярии и всемилостивейшая подпись Климента-Августа 19 марта 1756 г.»

Спустя неделю последовал доклад, в котором сказано, что Иоганн поет в токсале или дук-зале (duca — герцог) и просит быть принятым сверх штата или кандидатом.

Преосвященнейший и т. п.

Ваша светлость препроводили на всеподданнейшее мое заключение прошение Иоана ван Питхоффена. Проситель ходатайствует пред вашей светлостью о всемилостивейшем принятии его экспектантом в придворную капеллу. Он служит в хоре около двух лет в Duc-Sall и надеется в будущем также служить вашей светлости своим неутомимым прилежанием. Отец его, по высочайшей милости, служит басом и намерен подготовить его вполне к несению службы у вашего высочества. Ничего не предпрешая, покорнейше представляю дело это на вашу всемилостивейшую резолюцию, коленопреклоненно поручаю себя высочайшей благоклонности и милости и пребываю в глубочайшем смирении

вашей светлости покорнейший и верноподданнейший слуга

Готтвальд, камер-музик директор.

Бонн, 27 марта 1756 года.

В этот же день последовал указ о принятии мальчика в капеллу с предписанием всем, кому то ведать надлежит, обходиться с ним соответственно сему званию; тем не менее, еще четыре года после этого Иоганн оставался в числе заштатных музыкантов, а жалованье стал получать только через восемь лет. За это время несколько улучшилось положение отца его, о чем свидетельствуют следующие документы:

Преосвященнейший и т. д.

Благоволите всемилостивейше разрешить доложить о всех служебных обязанностях, несенных мною в продолжение долголетней и усердной службы моей в качестве певца и удвоенных по смерти капельмейстера, в продолжение целого года, а именно: пении и дирижировании, тем не менее прошение мое относительно вознаграждения еще не доложено, как и об утверждении в должности. Так как, благодаря протекции, несправедливо предпочли мне Дюмолену, то я принужден пока покориться судьбе.

Но, всемилостивейший курфюрст и владыка, так как капельмейстер Дюмолен, вследствие уменьшения оклада, вероятно, уже подал или подаст в отставку, а я, по приказанию барона Бельдербуша, вновь замещою его и, наверное, вполне замещу его, то представляю вашей милости свою покорнейшую просьбу (так как Тохал обладает достаточной капеллой, а я должен управлять всеми отраслями церковного пения при торжественных богослужениях) о милости, которой был я лишен нашими блаженной памяти предшественниками относительно назначения меня капельмейстером и увеличения, если возможно, нынешнего моего жалованья, ввиду моей удвоенной службы. За такую высочайшую милость никогда не перестану я возносить к Богу молитвы о долголетнем здравии и правлении вашей светлости, перед коей падаю ниц с глубочайшей преданностью.

Вашей светлости покорнейший Людвиг ван Бетховен, бас.

М.-Фр. — Мы, Максимилиан-Фридрих, курфюрст кельнский, вследствие отставки нашего прежнего капельмейстера Тух-Мулена и всеподданнейшей просьбы нашего баса Людвиг ван Бетховена, сим назначаем его ныне нашим капельмейстером, с оставлением его в должности баса и к получаемому им прежнему жалованью в 292 имперских талера и 40 альб (альба — около 3 копеек) прибавляем ежегодно 97 имперских талеров и 40 альб, каковые должны выдаваться ему от сего времени по четвертям года.

Бонн, 16 июля 1761 года.

В 1762 году к курфюрсту поступает новое прошение Иоганна, на что следует официальное обещание «иметь в виду при ближайшей вакансии», а в 1763 году долготерпеливый молодой человек вновь обращается с ходатайством, поддержанным прошением отца своего и, быть может, по этой причине более удачным.

Преосвященнейший и т. д.

Позвольте доложить вашей милости, что вследствие ухода придворного музыканта Даубера в распоряжении вашей светлости остался свободным оклад жалованья в 1050 имперских талеров, а потому я, Иоаннес ван Бетховен, пользующийся высочайшею милостью служить в продолжение долгого времени придворным музыкантом и согласно декрету имеющий право на первую вакансию, всегда и все исполнявший с точностью и усердием, обладавший постоянно безукоризненным состоянием голоса, — обращаюсь к вашей светлости с просьбою о милостивом добавлении мне вышеупомянутых 1050 имперских талеров или же части этой суммы, каковую высочайшую милость я заслужил своею верною и усердною службою.

Вашей светлости преданнейший слуга Иоаннес ван Бетховен,
певчий.

Его светлости курфюрсту кельнскому, архипастырю,
моему милостивейшему повелителю
всеподданнейшее прошение нижайшего слуги
Иоаннеса Бетховена, придворного музыканта.
Преосвященнейший и т. д.

Вашей светлости угодно было, вместо оставившей службу сопрано Ленднерин, милостиво принять дочь вашего придворного музыканта Иоанна Риса. Позволяю себе к прилагаемому под лит. А прошению (сына) прибавить почтительнейшее свое мнение.

Покорно исполняя милостивое повеление, считаю долгом сим доложить беспристрастно, что дочь вашего придворного музыканта Риса около года поет в герцогском зале, каковое пение нахожу удовлетворительным.

Сын же мой, Иоаннес Бетховен, уже 13 лет поет безвозмездно в герцогском зале, сообразно потребности, партии сопрано, контральто и тенора, а также играет на скрипке, что вашей светлости угодно было удостоверить прилагаемым при сем собственноручным и особенно милостивым указом от 27 ноября 1762 года.

По моему нижайшему и беспристрастному мнению следует милостиво разделить сумму в 300 гульденов, оставшуюся свободно после придворной певицы Ленднерин (покинувшей службу более четверти года тому назад без всемилостивейшего разрешения и сообщившей мне о том, что уходит самовольно и что более не возвратится) таким образом, чтобы сыну моему милостиво назначено было 200 гульденов, а дочери вашего придворного музыканта Риса 100 гульденов.

Непрестанно поручая себя милостивой благосклонности вашей светлости, остаюсь с глубочайшим почтением

вашей светлости подданнейший Людвиг ван Бетховен,

капельмейстер.

М.-Фр.

Мы, Максимилиан-Фридрих, курфюрст кельнский, отнесли благо-склонно к всеподданнейшей просьбе нашего придворного музыканта Иоанна Бетховена и сим милостиво прибавили ему из свободного жало-ванья уехавшей певицы Ленднерин сто имперских талеров, с выдачею таких от указанного времени по четвертям года. Об этом ему мило-стиво сообщается сим указом, а придворной камере нашей следует иметь в виду и распорядиться относительно дальнейшего. В удостове-рение чего, и т. д.

Бонн, 24 апреля 1764 года.

Придворной камере касательно музыканта Бетховена и певицы Рис. Сим милостиво объявляем вам касательно нашего придворного му-зыканта Бетховена-младшего и певицы Анны-Марии Рис, каковые вскоре представят два указа об определении их на службу. Так как вы-дача жалованья прежней певице Ленднерин сама собою прекратилась, по таковой в виде ссуды выдано из нашего государственного казначей-ства 37 имперских талеров и, сверх того, уплачено ее кредиторам 18 имперских талеров, то повелеваем сим милостиво выдавать упомяну-тым двум лицам жалованье при условии, чтобы прежде всего была по-гашена ссуда бывшей певице Ленднерин, и затем были уплачены 18 имперских талеров ее кредиторам. Во всяком случае, до тех пор не мож-ет быть произведена выдача жалованья упомянутым Рис и Бетховену.

Мы и т. д.

Бонн, 27 апреля 1764 года.

Двадцатичетырехлетний Иоганн, прослужив князю-архиепископу бесплатно, но верою и правдою, пением и скри-пичной игрой, 13 (а по словам отца его 15) лет, удостоился ни-чтожного ежегодного жалованья в размере около 90 рублей, большую часть которых он оставлял в винных погребах, куда стал забегать еще с детства и где проводил по несколько суток, когда отца не бывало дома. Рейнское вино действовало губи-тельно на распутного и ленивого юношу. С этих пор он, видимо, пользовался каждым удобным случаем, чтобы побывать в сосед-них городках и селах, где несколько талеров за пение и игру, а в особенности новые знакомства и угощения по трактирам, вдали от взоров строгого отца, доставляли большое удовольствие молодому человеку. Постепенно эти отлучки стали учащаться и повторяться в период служебных занятий, что вызвало угро-жающий декрет архиепископа.

Нашему капельмейстеру ван Бетховену на просьбу его объявить, что просимого им письма к князю Сулковскому мы не намерены дать, и если сын его опять не явится к октябрю месяцу, то лишится места и жалованья.

Мюнстер, 8 августа 1764 года.

Спустя два года Иоганн покидает на несколько месяцев Бонн, скитается по соседним городам в качестве странствующего пев-ца, устраивает серенады в Кельне, Кобленце и встречает в Эрэн-

брейтштейне милovidную вдову Марию-Магдалину Кеверих (по первому мужу Лайм), готовую связать с ним свою жизнь. Дочь первого повара архиепископа Трирского и вдова камердинера, 19-летняя Мария, в нравственном и умственном отношении была гораздо выше придворного хориста, серенады которого очаровали ее; но старый Людвиг был возмущен этим неравным браком и не хотел жить под одной кровлей с дочерью слуги, а потому новобрачные после свадьбы (12 ноября 1767 г.), погостив три дня в Эренбрейтштейне у родителей невесты, поселились отдельно от старика, но по соседству с ним, на *Bonngasse*. Квартира их находилась во дворе дома басонщика Клазена, № 51b; верхний этаж главного корпуса занимала семья Саломона, а два нижних сам Клазен. Здесь родился 2 апреля 1769 года их первый сын, Людвиг-Мари, умерший спустя шесть дней; тут же появился на свет, 16 декабря 1770 года, второй сын их, Людвиг, время рождения которого долгое время вызывало разногласие среди многочисленных биографов его.

*Дом, в котором родился
Бетховен.*

Документ, удостоверяющий крещение Людвиг ван Бетховена в церкви св. Ремигия 17 декабря 1770 года, причем крестили ребенка дед — Людвиг и соседка — Гертруда Миллер, казалось, достаточно для определения дня рождения ребенка, если принять во внимание существовавший тогда во многих католических странах обычай крестить новорожденного на следующий день по появлении его на свет. Но некоторые обстоятельства возбудили сомнение в правильности такого вывода. Во-первых, в документе мать ребенка названа Еленой, а не Марией-Магдалиной, что, по уверению од-

них, могло легко случиться вследствие созвучия имен Елена и Лена (сокращенного от Магдалена); другие отвергали такую ошибку и вместе с тем значение упомянутого документа. Во-вторых, появилась в 1836 году брошюра, утверждавшая, что Людвиг родился не в Бонне, а в голландской деревне, в 1772 году, от странствующих супругов-музыкантов. В-третьих, французские биографы (Fayolle и Choron) утверждали, что Людвиг был плодом любви прусского короля Фридриха-Вильгельма II, приехавшего в Бонн в 1770 году. В-четвертых, сам Бетховен смущал своих биографов, уверяя, что он родился в 1772 году, т. е. что он на два года моложе, нежели полагают они, и, таким образом, вероятно, повторяя неволью слова отца своего, старавшегося возможно дольше сохранить за маленьким Людвигом славу *Wunderkind*'а.

Враждебное отношение Людвиг-деда к сыну и невестке продолжалось недолго; он охотно принял приглашение крестить

первенца их, а вскоре затем крестил также своего тезку, с которым имел много сходства; он умер, когда внуку было только три года, но знаменитый Людвиг часто вспоминал о нем и вызывал в воображении своем образ старого капельмейстера, чему немало способствовали рассказы соседей и портрет его, написанный придворным художником Раду и украшавший кабинет композитора. Среднего роста, широкоплечий, мускулистый, с большими выразительными глазами под высоким лбом, Людвиг-гед привлекал к себе внимание ребенка красным фраком с золотыми галунами, большим париком и жабо, шляпой и палкой под мышкой, внушительным видом своим и почтительным обращением окружающих. Впрочем, не все оказывали должное уважение придворному капельмейстеру, и не раз ему приходилось жаловаться на некоторых непокорных певчих капеллы, о чем свидетельствует следующий документ боннского архива:

Высокопреосвященнейший архиепископ и курфюрст,
всемилостивейший государь.

Ваша светлость, позвольте всеподданнейше представить жалобу. По распоряжению его превосходительства барона фон-Бельдербуша придворная певица Швахговер обязана петь сольные партии, при исполнении церковной музыки, попеременно с Якобиной Саломон, согласно обычаю о деликатности; но упомянутая Швахговер в присутствии всего штата придворных музыкантов дерзко ответила мне на это — «я вашего распоряжения не принимаю, и нечего вам мне приказывать».

Ваша светлость, изволите припомнить некоторые выходы придворных музыкантов, лишившие меня уважения последних и власти над ними; если всякий из них вздумает поступать по-своему, то это будет мне весьма обидно.

Поэтому благоволите, ваша светлость, принять мою нижайшую просьбу относительно справедливого удовлетворения меня за нанесенное мне Швахговер публичное оскорбление и, вместе с тем, в предупреждение худших поступков, издать собственноручный высочайший всеимпериальнейший указ, коим все придворные музыканты исполняли бы мои распоряжения немедленно, во избежание вашей светлости наказания или штрафа, смотря по роду поступка.

И т. д.

Людвиг ван Бетховен, капельмейстер.

В ответ на это прошение последовал декрет архиепископа.

Капельмейстеру ван Бетховену.

Касательно его придворных музыкантов. При сем прилагаемый указ выдается тебе для объявления всем нашим придворным музыкантам для помещения на решетке перед хорами.

С сожалением узнав о намерении некоторых наших придворных музыкантов не обращать внимания на распоряжения нашего капельмейстера или отказываться от исполнения таковых и о неоднократном, взаимном, непристойном обращении, сим строжайше приказываю всем нашим придворным музыкантам беспрекословно и покорно подчиняться распоряжениям и указаниям, отдаваемым от нашего имени нашим капельмейстером, а также относиться друг к другу миролюбиво, так как в случае повторения подобной дерзости мы прибегнем к строгому наказанию виновных и, сообразно с обстоятельностью, к увольнению от должности.

Бонн, 26 апреля 1768 года.

Так охраняло начальство от обидных выходок музыкантов Людвиг-деда, вносившего также порядок и мир в семью сына своего; со смертью его Людвиг-внук все реже стал испытывать прелести родного очага; отец часто бывал пьян, раздражителен, мрачен; его грубый голос не гармонировал с теми мелодиями, которые носились в воображении мальчика; добрая, уступчивая мать не имела влияния на своего мужа и больше всех страдала от его порока. Горе это влекло за собою нужду; пришлось поселиться в худшей части города, на Рейнской улице, в доме № 934 булочника Фишера, которому биографы Людвигу обязаны многими рассказами о детстве его. На доме этом по недоразумению еще и ныне красуется доска с надписью: «дом, в котором родился Людвиг Бетховен».

Мальчик с наслаждением слушал игру отца на клавесине или рассказы матери о покойном деде, но родители все реже баловали его этим; четырехлетнему Людвигу отец еще доставлял удовольствие, сажая себе на колени и подбирая его пальчиками мелодии или аккомпанемент к песне, а спустя год, видя увлечение его музыкою, отец уже не довольствовался тем, что мальчик подбирает по слуху на клавишах; Wunderkind должен был восстановить благосостояние семьи и с ним надо было заниматься усидчиво, серьезно, пренебрегая отвращением ребенка к урокам, приправленным пинками и бранью. Напрасно приятели убеждали Иоганна обращаться с сыном ласковее, напрасно мальчик заливался слезами, сидя на скамеечке и твердя урок, — отец был неумолим и приписывал своей суровой методе необыкновенную технику, достигнутую Людвигом в весьма короткий срок; такому жестокому обращению можно приписать скорее нечто другое — его замкнутость, нелюдимость и крайнюю впечатлительность.

Нередко отец таскал мальчика за волосы к фортепиано, бил кулаками или, задав выучить несколько упражнений на скрипке, запирали его в холодный чулан. Эта скрипичная игра в чулане нашла себе слушателя в образе паука, подружившегося с маленьким арестантом и являвшегося наслаждаться музыкою при каждом заточении мальчика; однажды мать случайно посетила этот концерт и раздавила насекомое, увлеченное искусством, к великому горю Людвигу, разбившего свою скрипку над трупом друга. Впоследствии Бетховен много смеялся над этим анекдотом, имевшим место, впрочем, в жизни скрипача Бертома, но настойчиво приписываемым знаменитому симфонисту.

Отец вскоре поделился с сыном своими знаниями, а продолжение занятий поручил Товию Пфейферу, искусному пианисту, сведущему теоретику и талантливому тенору, странствовавшему по Германии с оперною труппою, явившеюся сюда на время, чтобы позабавить князя-архиепископа. Невеселы были также занятия мальчика с этим новым преподавателем, занимавшим комнату в квартире Иоганна Бетховена и, подобно последнему, страдавшим чрезмерным увлечением дарами рейнских берегов. Бывало, поздно вечером возвращаются приятели из трактира и, вспомнив о пропущенном уроке Людвигу, стаскивают с него одеяло и сажают за клавесин. Не так ревностно относился отец к общему образованию сына: его определили в школу и научили чтению, письму, по-немецки и по-латыни, да четверем арифме-

тическим правилам, чем и закончились научные занятия тринадцатилетнего Людвига. Несмотря на увлечение классическими произведениями литературы, несмотря на знакомство с некоторыми философскими сочинениями, недостаток образования постоянно тяготил Бетховена; это сознание своего невежества, эта боязнь проявления своей необразованности не менее омрачали его настроение, не менее стесняли его в высшем обществе, куда судьба ввела его впоследствии, нежели природная мизантропия, бедность и глухота. Многие в письмах его до сих пор не понято и не разобрано, благодаря не только отвратительному почерку, странностям в манере изложения, но также орфографии, порою совершенно безграмотной. Величайший выразитель душевных настроений едва находил подходящие слова для выражения своих мыслей; самые замысловатые комбинации звуков удавались ему легче, чем простейшие расчеты с прачкою или кухаркою. Этой печальной прелюдии к научному образованию Бетховена соответствовало также материальное положение его родителей. По смерти Людвиг-деда (в 1773 году), щедро помогавшего сыну, осталось имущество, состоявшее из «шести комнат, полных мебели и картин, шкафа со столовым серебром, другого шкафа с позолоченным фарфором и хрусталем; третьего шкафа полного белья, столик нежного и тонкого, что его можно продеть в кольцо». Все это имущество постепенно было распродано, и даже портрет старого Людвига долго оставался в закладе у ростовщика. Хотя за квартиру и в хлебопекарню плата поступала вполне исправно, хотя Иоганн не мог жаловаться на отсутствие домовитости и трудолюбия жены своей, хотя в винных погребах он пользовался значительным кредитом, но новые условия жизни Иоганна вызвали новые ходатайства об увеличении жалованья; вскоре после рождения первого сына начинается ряд прошений и декретов, из коих приведем несколько отрывков.

...Позвольте доложить, что как в герцогском зале, так и в театре, я долгие годы нес службу, каковую исполнял исправно и усердно, а также другие обязанности к удовлетворению вашей светлости, и с этой целью обучал и впредь многих обучать намерен. Такую же просьбу и свои театральные способности отец мой также повергает к стопам вашей светлости, так как я не имею возможности впредь существовать на милостиво пожалованные мне 100 имперских талеров.

Посему покорнейше прошу вашу светлость свободное по смерти придворного музыканта Филиппа Гавека жалованье в сумме 100 имп. талеров всемилостивейше добавить к моему окладу и т. д.

Иоан Бетгоф, придворный музыкант.

На это последовало 17 ноября 1769 года распределение части «свободного жалованья»: придворному музыканту Филиппу Саломону 50 гульденов, Брандту, Мейерису и Бетхоффу по 25 гульденов. Затем в апреле 1772 года «Иоганну ван Бетхофу» назначается прибавка к жалованью по 50 гульденов в год.

Спустя два года вновь возникает переписка об увеличении жалованья.

Докладываю о смерти отца моего, коему суждена была высокая честь с великой славой служить в продолжение 42 лет капельмейстером покойного курфюрста Кл.-Августа и вашей светлости, ныне благопо-

лучно царствующему государю. Хотя находят меня способным занять его место, но я не решаюсь повергнуть просьбу к стопам вашей светлости относительно замещения его мною. Вследствие же смерти отца нахожусь я в весьма печальном положении, так как не могу жить на получаемое мною жалованье и вынужден расходовать сбережения отца, чтобы платить 60 имперских талеров ежегодно за содержание моей матери, проживающей в монастыре. Поэтому коленопреклоненно прошу милости вашей касательно добавления к моему жалованью из 400 имп. талеров, оставшихся свободными, дабы я мог жить не трогая маленького сбережения, и о назначении пенсии матери моей, которой недолго остается жить, каковую высокую милость постараюсь усердно заслужить.

Вашей светлости преданнейший раб и музыкант Жан ван Бетховен.

...Жене умершего капельмейстера, проживающей в монастыре, за время пребывания ее там, впредь до особого распоряжения, выдавать по 60 имп. талеров ежегодно и т. д.

Бонн, 8 января 1774 года.

...На просьбу Иоана Бетховена выдается сие удостоверение в том, что он может воспользоваться 60 имп. талерами, выдаваемыми матери его, вслед за имеющей рано или поздно последовать смертью ее и т. д.

5 июня 1775 года.

Кроме двух упомянутых выше сыновей, Иоганн имел еще несколько детей; 8 апреля 1774 года родился третий сын, названный Гаспаром-Антоном Карлом в честь крестившего его первого министра архиепископа, барона Гаспара Антона фон-Бельдербуша, обратившего внимание на дарование маленького Людвиг и все более проявлявшего участие к его семье; 2 октября 1776 года родился еще сын, Николай-Иоганн; затем еще две дочери и один сын, умершие в раннем возрасте. Таков был состав семьи Иоганна ван Бетховена, возлагавшего большие надежды на маленького Людвиг, как на чудо-ребенка, который избавит родителей от нужды; отец мечтал скорее подготовить мальчика к концертному путешествию по Европе, где он станет загребать червонцы и ценные подарки, подобно Моцарту, посетившему Бонн в 1764 году с отцом своим и сестрою. Опыт такого подражания был сделан весною 1778 года в Кельне, что видно из следующего анонса о концерте, о котором, к сожалению, не сохранилось других сведений.

Объявление.

Сегодня, 26 марта 1778 года, в зале музыкальных академий на Штерненгассе, придворный тенор курфюрста кельнского Бетховен будет иметь честь выпустить двух своих учеников, именно: M-elle Averdonc, придворную певицу, и своего шестилетнего сынишку. Первая выступит с разными красивыми ариями, второй будет иметь честь исполнить несколько фортепианных концертов и трио, чем надеется доставить полное удовольствие всей почтеннейшей публике, тем более, что оба имели уже счастье выступить с полным успехом перед двором.

Начало в 5 часов вечера.

Не абонированные господа и дамы платят один гульден.

Билеты продаются в названном зале музыкальных академий, также у г. Кларен в Mühlenstein.

По возвращении в Бонн мальчик стал учиться еще прилежнее.

Занятия с Пфейфером продолжались недолго, около года, но, по словам Бетховена, принесли ему большую пользу, за что благодарный ученик впоследствии послал своему престарелому и нуждавшемуся учителю денежное вспомоществование; с отъездом его музыкальное образование Людвига было поручено придворному органисту курфюрста, Эгидию ван-ден-Эдену, приятелю покойного Людвига-деда.

Этот выдающийся в свое время пианист прослужил уже 50 лет при дворе курфюрста кельнского; преклонный возраст и болезненное состояние заставили его вскоре отказаться от занятий с мальчиком, каковые заключались преимущественно в обучении игре на органе. Следующим преподавателем Людвига был Христиан-Готлоб Неефе (1748 — 1798), которому, по словам знаменитого ученика, он более всего был обязан своим музыкальным образованием. Неефе родился в Хемнице 5 февраля 1748 года; образование получил в Лейпцигском университете, уделяя более времени театру и музыке, нежели юридическим наукам; заключительной его работой в университете было сочинение на тему: «поступление на сцену не лишает права на наследство». Прекрасно подготовленный к музыкальной деятельности под руководством известного Адама Хиллера (1798 — 1804), он прибыл в Бонн в октябре 1779 г. со странствующею оперною труппою и остался здесь преемником ван-ден-Эдена с жалованьем в 400 флоринов; способности Людвига и возможность подготовить себе дельного помощника будили Неефе к старательным занятиям с мальчиком, но чем ближе знакомился он с дарованием последнего, тем более убеждался в ином призвании его. Спустя два года Неефе поместил в сборнике, изданном К. Ф. Крамером (1748 — 1807), очерк музыкальной жизни в Бонне, причем так отзывался о Людвиге:

«Этот одиннадцатилетний мальчик играет на клавесине весьма искусно и выразительно. Он в совершенстве читает с листа; достаточно сказать, что он бегло играет «Wohltemperirtes Clavier» С. Баха, разученное им с г. Неефе. Кто знаком с этим собранием прелюдий и фуг во всех тональностях (произведение достойное названия *nes plus ultra*), поймет, что значит это. Г. Неефе, насколько позволяли ему служебные занятия, знакомил мальчика с гармонией. В настоящее время он дает ему уроки композиции и, целью поощрения его, издает в Мангейме девять фортепианных вариаций на тему одного марша, написанных этим мальчиком. Юный гений этот заслуживает пособия на путешествие; если продолжение его занятий будет таково же, как начало, то, несомненно, из него выйдет второй Моцарт».

Благодарный ученик, спустя несколько лет, покидая Бонн, писал своему учителю: «я вам глубоко признателен за мудрые советы, подвинувшие меня в изучении божественного искусства,

которому я посвятил себя. Если мне суждено прославиться, то этим буду обязан я вам».

По отзывам современников Неефе соединял в своем исполнении величественную простоту, прелесть правильного ритма, певучесть, верную фразировку и яркий колорит игры; кроме глубоких познаний в гармонии и добросовестной композиции, в нем находили утонченный вкус и верное эстетическое чувство. Достоинства эти, конечно, не остались без влияния на мальчика, успехами которого были довольны как учитель, так и придворные покровители его.

Хр. Г. Неефе

Самостоятельная и ответственная деятельность была впервые возложена на Людвига летом 1782 года по случаю продолжительного отсутствия Неефе; в следующем году придворный капельмейстер Лукези получил пятнадцатимесячный отпуск по домашним обстоятельствам, его обязанности исполнял Неефе, в помощь которому был назначен Людвиг в качестве *maestro al cembalo*, т. е. пианиста для разучивания партий с певцами, для аккомпанеента на репетициях и для сопровождения сухих речитативов при постановке оперных спектаклей. Для двенадцатилетнего мальчика работа эта была, конечно, весьма тяжелой, тем не менее Людвиг находил время для занятий с Неефе и даже для сочинения пьес, которые должны были убедить князя-архиепископа

в правоспособности автора к занятию штатной должности с определенным жалованьем; но прошло еще около года после посвящения курфюрсту трех первых сонат, пока последний внял настойчивым рекомендациям Неефе и обер-гофмейстера графа Сигизмунда фон Зальм-Рейфенштейна, назначив четырнадцатилетнего Людвига вторым придворным органистом, впрочем, без содержания.

Доклад графа Зальма гласит следующее:

Высокопреосвященнейший и т. д.

Ваша светлость всемилостивейше изволили потребовать от меня всеподданнейшего доклада касательно прошения **Людвига ван Бетховена** от 15 сего месяца.

Покорнейше исполняя сие, безотлагательно доношу, что отец просителя 29 лет, а дед 46 лет служили вашей светлости и предшественникам вашим. Проситель достоин звания помощника придворного органиста и небольшого милостивого содержания, так как выдержал соответствующий экзамен и проявил достаточно дарования к игре на органе, что выказал во время неоднократных отлучек органиста Неефе, на репетициях концертов, и подтвердит в будущих подобных случаях. Относительно его средств к существованию и покровительству о нем, в чем

отец уже давно не может помочь ему, ваша светлость выразили обещание, каковое, в виду вышеприведенных обстоятельств, вполне заслужено просителем.

И т. д.

Бонн, 23 февраля 1784 года.

Не раз подавал Людвиг прошения, остававшиеся без последствий, не раз ходатайствовал о нем граф Зальм, но наиболее убедительным аргументом в пользу исполнения, хотя бы отчасти, просьбы молодого артиста были упомянутые три сонаты и льстивое посвящение архиепископу.

Заглавие первого печатного произведения Бетховена гласило:

Три сонаты для фортепиано высококочтимому архиепископу и курфюрсту Кельнскому Максимилиану-Фридриху, своему всемилостивейшему государю посвящает и подносит

Людвиг ван Бетховен, одиннадцати лет.

Цена 1 фл. 30 кр.

К ним было приложено вступление, написанное, вероятно, Неефе и напоминающее те обычные предисловия, которыми поэты и композиторы старого времени снабжали свои произведения, посвященные меценатам.

Курфюрсту Максимилиану-Фридриху Кельнскому.

Высококочтимый.

С четырехлетнего возраста я предан музыке. Познакомившись так рано с милой музой, наполнившей мою душу чудными созвучиями, я полюбил ее, и, как часто казалось мне, она, в свою очередь, полюбила меня. Теперь уже исполнилось мне одиннадцать лет, а муза все продолжает шептать в минуты, посвящаемые ею мне: «Попытайся изложить письменно гармонии души твоей!» Возможно ли в одиннадцать лет, — думал я, — стать автором? И что скажут на это представители искусства? Я был в смущении, но муза моя настаивала; я послушался и написал.

Сиятельнейший, смею ли ныне повергнуть к подножию твоего престола первые плоды детского труда? И смею ли я надеяться на поощрение снисходительным отеческим одобрением? О, да! С давних времен ведь находят в тебе науки и искусства мудрого заступника и великодушного покровителя, под благосклонным отеческим попечением которого созревают восходящие таланты. Исполненный сей ободряющей надежды, осмеливаюсь предстать пред тобою с этими детскими попытками. Прими, высококочтимый, их, как искреннейшее выражение детского почтения; обрати, благороднейший, милостивый взор свой на них и на их юного автора.

Появившиеся в печати почти одновременно «девять вариаций» на тему Дресслера (в полном собрании сочинений; изданном Брейткопфом и Хертелем, пьеса эта значится под № 5 в 17 серии), Rondo C-dur и «Три сонаты» (там же, серия 16 №№ 33, 34, 35) носят яркие следы детской фантазии, ясно, определенно выраженной; тема вариаций (с-moll) взята, видимо, из погребального марша и обработана незатейливо, но не без склонности к оригинальности (последняя вариация), пьеса эта посвящена

графине Вольф-Меттерних; в сонатах преобладает стремление к строго выдержанным формам, усвоенным мальчиком под руководством Неефе.¹

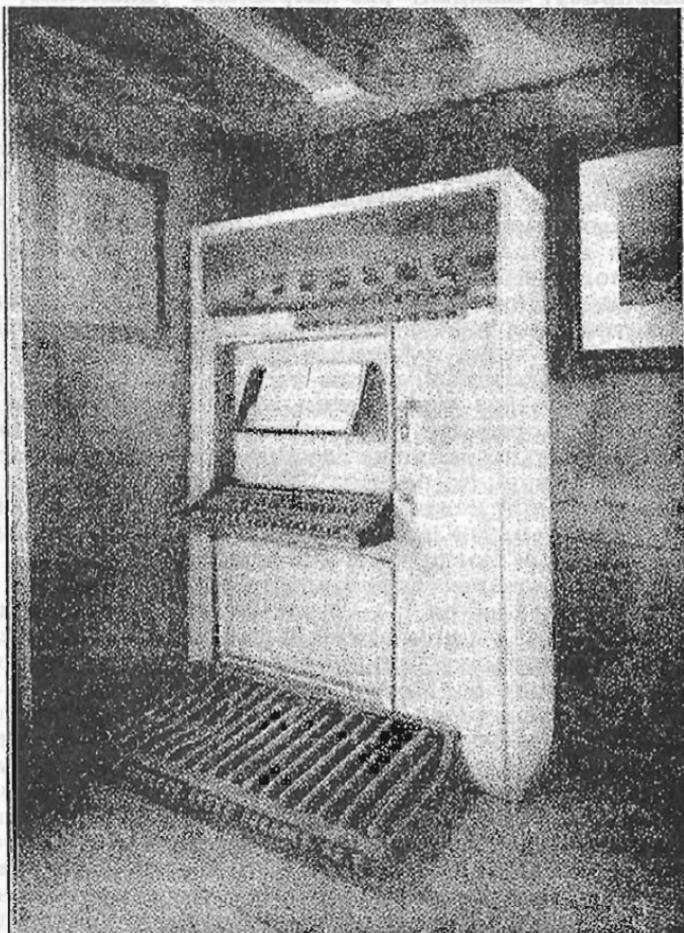
В апреле 1784 года, по смерти Максимилиана-Фридриха, в Бонн прибыл новый принц-электор, эрцгерцог Максимилиан австрийский, брат императора Иосифа II и Марии-Антуанеты. К составу придворной капеллы новый курфюрст отнесся вполне благосклонно; в докладе, представленном ему по этому предмету, сказано, что Иоганн ван Бетховен служит давно, очень беден, и что голос его утомлен; относительно Людвига сказано, что очень молод, но может быть принят органистом за 150 флоринов, если имеется в виду увольнение Неефе. Тем не менее эрцгерцог назначил Людвигу указанное жалованье, а отца его и учителя оставил на своих местах. Служба Людвига в качестве помощника и порою заместителя органиста требовала довольно много времени, о чем можно судить по придворному боннскому календарю, где указан порядок и род богослужения в течение года: в воскресенье и праздничные дни торжественная обедня начинается в 11 час. дня, вечера в 3 или 4 часа дня, вечерня сопровождается торжественным пением придворного хора и духовенства, а Magnificat (хвалебная песнь Богородице) исполняется с музыкою. В продолжение великого поста, по средам, в 5 часов дня, капелла поет Miserere («Помилуй мя Боже»), в праздничные дни — Stabat Mater (гимн Богородице), по субботам, в три часа пополудни, в соборе перед алтарем Лоретской Божьей Матери — литанию (литу); в течение всего года ежедневно две обедни, в 9 и 11 часов дня, в воскресные дни вторая обедня в 10 час.

В июне 1785 года состоялось торжественное посвящение эрцгерцога в сан архиепископа курфюрстом трирским. По этому случаю пятнадцатилетний Людвиг впервые одел парадный костюм придворного музыканта; небольшого роста, коренастый, рябой, несколько сутулый, широкоплечий мальчик, с завитыми волосами, сплетенными на затылке в косичку, был довольно смешон в своем зеленом кафтане, белых шелковых чулках, в башмаках с черными шелковыми бантами, в белом с разводами жилете, расшитом широкими золотыми галунами, со шпагою на боку и треуголкою под мышкою.

Ни внешность, ни средства Людвига не соответствовали подобным нарядам и парадом, а впоследствии, познав суету сует, он относился к этой мишуре даже с нескрываемым презрением. Гораздо более гармонировало с его физическим и духовным складом простое, обычное одеяние, скромные дешевые развлечения в кругу родных или добрых приятелей, тихая, часто уединенная, трудовая жизнь. Уже в детском возрасте он избегал шумных игр сверстников, их экскурсий по многочисленным фруктовым садам Бонна, не принимал участия в их загородных прогулках, катанье на пароме через Рейн, беготне по крепостным валам и скалистым берегам, предпочитая сидеть целыми

¹ Такт 62-й первой части сонаты № 35, D-dur является как бы эмбрионом темы в прелестной интродукции к 7 симфонии, написанной спустя 30 лет (см. такт 23 и след., партии гобоя, потом скрипки и флейты).

часами в одиночестве у окна, подперев кулаками голову, пристально глядя в даль и углубляясь в свои отроческие грезы. Особенности характера и поведение мальчика, в связи с необыкновенным музыкальным дарованием его, вызывали не раз удивление и любопытные взоры боннцев, возбуждавшие в нем веру в себя и рождавшие зачатки эксцентричности.

*Орган в церкви св. Ремигия,
на котором играл девятилетний Бетховен.*

Единственным празднеством, доставлявшим мальчику необычайное удовольствие, был день ангела матери, когда Людвиг устраивал ей серенаду при торжественной обстановке; лишь только наступали сумерки, три мальчугана уговаривали мать лечь спать, а сами спешили принести пюпитры придворной капеллы и позвать несколько музыкантов; тем временем отец устанавливал посреди комнаты балдахин, ставил под ним кресло,

а над последним помещал портрет Людвига-деда, к памяти которого семья относилась с особенным почтением. Старший из братьев, — наш герой, — обставлял торжество это некоторой таинственностью; он бесшумно вводил сюда своих коллег, и по его указанию они начинали играть серенаду, прикрыв предварительно струны сурдиною. Мария Магдалина, уже привыкшая к такому сюрпризу, каждый раз выражала удивление, спешила надеть свое лучшее платье и по приглашению Людвига располагалась под балдахин. По окончании серенады накрывался ужин, а затем начинались танцы, причем кавалеры снимали обувь, чтобы не тревожить соседей шумом каблуков. Это была поистине немецкая деликатность, ограничивающая чрезмерное проявление веселья там, где оно может причинить кому-либо неприятность. А соседи были все друзья, знакомые, приятели и коллеги. Bonngasse была населена преимущественно музыкантами и певцами придворной капеллы, значительная часть которых состояла из представителей «избранного народа», давшего миру не одного даровитого музыканта; несмотря на остатки средневековой религиозной нетерпимости в этой стране, архиепископ охотно брал евреев к себе на службу, и многие из них оставались долгие годы лучшими друзьями Людвига. Здесь, в одном доме с Бетховеном, жили сестры Саломон, придворные певицы-еврейки; через улицу жил тоже еврей, Франц Рис, — первая скрипка в оркестре курфюрста, отец Фердинанда и певицы Древер; несколько дальше, где Bonngasse переходит в не менее кривую и узкую Kolngasse, проживал валторнист Зимрок, основатель известной издательской фирмы, снабжавший Людвига всеми музыкальными новинками. Этот круг знакомых значительно расширился, когда юного композитора и виртуоза стали приглашать в местные аристократические дома, к графине Вальбург-фон-Бельдербуш, — невестке умершего министра, к графине Хацфельд, — внучатной племяннице покойного архиепископа Максимилиана-Фридриха; сам граф Хацфельд был ревностный поклонник Моцарта, камерную музыку которого изучил до такого совершенства и исполнял с таким увлечением, что автор не раз называл его своим лучшим интерпретатором; все эти знатные особы создали себе из искусства не только развлечение, но главное и почти ежедневное времяпрепровождение. От полунищих ремесленников-музыкантов юноша все чаще переходил в общество меценатов и дилетантов, все чаще он встречался с советником Альштетеном, — любителем квартетной музыки, с камергером фон-Шалем, — изящным пианистом и скрипачом, с советницей Бельцер, охотно усаждавшей слух своих гостей чудным своим контральтю, с тремя братьями Фацус, — сыновьями русского дипломатического агента, капитаном Дантуаном, сочинявшим никому не известные симфонии и оперы, с советником Мастио, мечтавшим создать у себя дома постоянный квинтет и осуществившим эту мечту в лице своей дочери и четырех сыновей. Наконец, сам курфюрст Максимилиан-Франц, восторженный музыкоман, довольно часто призывал к себе 15-летнего Людвига, чтобы послушать его выразительную игру и оригинальные импровизации. Среди множества знакомых, юный Людвиг отдавал особое предпочтение семье фон-Брейнинг, где он находил все то, чего был лишен в родитель-

ском доме. Надворный советник Эммануил-Иосиф фон-Брейнинг погиб при пожаре дворца в 1777 году, оставив вдове лет тридцати и четырех детей: Христофора (род. в 1771 г.), Элеонору (1772 г.), Стефана-Лоренц-Иосифа (1774) и Лоренца-Ленца (1777). Последний был одним из трех друзей молодого композитора, вписавшего ему в альбом, за несколько месяцев до его смерти, следующие строки Шиллера (из «Дон-Карлоса» IV, 21):

Правда мудрецу нигде не сокровенна,
Чувствительному сердцу открыта красота:
Обе принадлежат друг другу неизменно.

Милый, добрый Брейнинг.

Никогда я не забуду времени, проведенного с тобою как в Бонне, так и здесь. Не лишай же меня своей дружбы и будь всегда уверен в моем постоянстве.

Твой истинный друг Л. в. Бетховен.

Вена, 1 октября 1797 года.

Члены этой семьи издавна занимали почетные должности Тевтонского ордена, прадед и дед были некогда его канцлерами; ныне дядя, брат матери, занимал этот пост; семья была состоятельная и принадлежала к местной аристократии, дети воспитывались в рамках строгой нравственности, посвящали много времени литературе и часто развлекались музыкой. Зимой Людвиг проводил в этой семье большую часть дня, а летом его брали с собою в имение дяди, Керпен (между Кельном и Ахеном); мать семьи умела подчинить мальчика своему влиянию, здесь он чувствовал себя легко, свободно, здесь появлялась улыбка на лице его; здесь он проникался верою в добродетели, которые руководили им впоследствии, здесь научился он ценить людей и уважать человеческое достоинство; здесь он встретился с семнадцатилетним Вегелером, впоследствии лучшим своим другом, мужем Элеоноры и профессором боннского университета, основанного Максимилианом-Францем вскоре по приезде в свою резиденцию.

Эрцгерцогу Максимилиану-Францу было 28 лет, когда брат его, Иосиф II, вручил ему бразды правления одной из обширнейших и богатейших епархий империи. Это был довольно красивый молодой человек, с большими голубыми глазами, широким лбом, среднего роста и уже с задатками непомерной впоследствии толщины. Богатому и влиятельному прелату современники, конечно, пели хвалебные гимны, превознося достоинства его ума и сердца, но не эти гимны служат историку материалом при оценке личности; разве мало воспевали владетельных тиранов, королевских палачей и деспотов-кретинов? Нет, Максимилиан оставил по себе в Бонне иные следы: прекрасный ботанический сад, гимназию, читальню; наконец, он основал здесь академию (впоследствии университет), куда пригласил профессором медицины доктора Вегелера, с которым наш композитор сошелся очень близко, и профессором литературы монаха-расстригу Шнейдера, впоследствии сложившего голову на парижскую гильотину. Он прекратил произвол и распущенность чиновников, угнетавших и развращавших народ в период деспотического владычества Максимилиана-Фридриха и министра

его, графа Бельдербуша, начавшего с сокращения дворцовых расходов, а окончившего расточительностью, лихоимством и протерею своей должности. Молодой курфюрст был настольно проныцателен, что, вопреки слабости подобных властелинов, отвергал льстивые речи приближенных и понимал, что дым каждого может переносить только мраморный нос статуи, но не избежал упреков некоторых современников: «он везде делал промахи», — пишет о нем г-жа Кампан; «Иосиф II открыто смеется над глупостями своего брата, глупость написана на лице его и т. д.», — писал Моцарт своему отцу 16 ноября 1781 года; говорят, он слушал обедню из охотничьей палатки, которую ставили при входе в церковь. Но эти причуды, промахи и недостатки вполне искупаются тем мудрым правлением, которым он благодетельствовал резиденцию свою.

Максимилиан, подобно старшему сыну Марии-Терезии, Иосифу, получил хорошее музыкальное образование; при постановке опер во дворце нередко Иосиф дирижировал оркестром, в котором Максимилиан исполнял партию альты; также нередко оба брата разыгрывали в четыре руки на клавесине излюбленные ими старинные простенькие французские и итальянские оперы, выше которых их музыкальные потребности не возносились; Баха и Генделя они не знали; маститого Глюка они почитали, но едва понимали его. Однажды автор «Ифигении в Тавриде» застал братьев за исполнением этой оперы.

— Это не игра, а свинство! Можно ли так безобразить мое произведение! — воскликнул старый маэстро, обращаясь к юным артистам.

Бедственное существование и преждевременная смерть Моцарта в значительной степени были следствием неблагоприятия Иосифа II; Максимилиан относился к нему лучше и даже заранее обещал взять его к себе капельмейстером, лишь только переедет в Бонн. Какую эпоху создали бы в истории искусства два величайшие гения, если бы судьба свела их здесь вместе, яркую восходящую звезду и блестящее светило в апогее своего развития! Максимилиан, видимо, забыл о своем обещании, или же, может быть, Моцарт предпочел жизнь в Вене, в тогдашней столице музыкального мира.

Бонн, как было сказано, тоже пользовался славою значительного музыкального центра, его называли даже «городом муз»; тем не менее ему далеко было, конечно, до Вены и в общем он мало отличался от столиц многих мелких немецких герцогств и княжеств. Некогда значительная римская крепость Бонна, или *Castra Bonnensia*, часто упоминаемая Тацитом, развилась в красивый, оживленный городок при архиепископах-меценатах; главными украшениями города были: собор в романском стиле, построенный в XI веке, с прекрасными скульптурными украшениями и картинами, фонтан на площади, величавое здание ратуши, колонна Максимилиану-Фридриху, дворец с величественными башнями, одна из которых была снабжена курантами, исполнявшими модную тогда увертюру к опере «Дезертир» Монсиньи; в пять часов утра 17 января 1777 года, при звуках этой музыки, пламя пожара охватило все здание, и, спустя несколько лет, здесь выросла академия (ныне университет) с музеем палеонтологии и с драгоценной библиотекой; другой дворец, Рор-

pelsdorf, также занятый ныне университетом, музеем и одною из лучших в Европе химических лабораторий; фабрика фарфоровых изделий, старое кладбище, богатое красивыми монументами и «святая лестница» в 28 ступеней каррарского мрамора, по которой разрешалось верующим подыматься ползком к портику, якобы изображающему судилище претора в Иерусалиме, куда подымался Христос, чтобы предстать перед Пилатом; множество монастырей и церквей, из коих большинство уже исчезло и в одной из которых на Romerplatz, близ Bonngasse, был крещен Бетховен; в 1800 году молния разрушила колокольню ее, а спустя шесть лет французы разобрали каменные плиты церкви для сооружения крепости Везель (к северу от Кельна). В наши дни Бонн, насчитывающий 45 тысяч человек населения, представляет не менее достопримечательный город, охотно посещаемый многими туристами; в последнее время здесь выстроен новый музей в стиле итальянского Ренессанса, содержащий немало художественных и древних редкостей; на самом берегу Рейна красуется бронзовая статуя Арндта (1769 — 1860), знаменитого поэта и ученого, деятельность которого Швеция обязана уничтожением крепостного права; анатомический и физиологический институты, сельскохозяйственная академия, церковь на живописном Kreuzberg'e, статуя Бетховена и знаменитого филолога и поэта Карла Зимрока (1802 — 1876), все это привлекает внимание путешественника, заглянувшего в бывший «город муз». Во времена Бетховена здесь было не менее 10 тысяч человек населения, и состояло оно преимущественно из духовенства и придворных, архиепископа; кроме гайдуков и дворцовой стражи военное сословие не имело здесь своих представителей; весь город, по словам одного современника, питался кухней курфюрста; резиденция курфюрста кельнского была чистенькая, живописная, с более прямыми и широкими улицами, чем в Кельне, славившемся тогда не столько благовонными водами, сколько зловонием. Соседние холмы и горы были почти все увенчаны церквями и монастырями, ярко выступавшими на фоне густых лесов; множество порогов стесняло тогда судоходство по Рейну, и лишь изредка тяжелые барки ползли по тихим волнам реки, влекомые десятками бурлаков. Природа в этой части Рейна богата мягкими, разнообразными очертаниями местности, вполне гармонирующей с приютившими ее памятниками архитектуры древнего и нового стиля, с произведениями искусства, издавна украшавшими жизнь рейнца. Последний от природы горяч, остроумен, разговорчив; он охотно поет свои народные песни, полные глубокого чувства и поэтического содержания; он весел, как француз, беззаботен, как итальянец, обходителен, деликатен, как австриец, вместе с тем он любит вкусно поесть и вдоволь напиться; издревле славится эта страна своими празднествами и пирами не менее, чем живописцами, поэтами, музыкантами, зодчими или букетом виноградного сока.

В одной из **кривых**, узких, старинных улиц Бонна, на так называемой Bonngasse, во дворе дома № 20 (прежде № 515), находится флигель с крошечным садиком, привлекающий к себе ежегодно сотни паломников-туристов; в верхнем, третьем этаже его, или, вернее, в мансарде расположена комнатка около пяти шагов в длину, с одним окошечком, проделанным в скате кры-

ши. Здесь родился Бетховен. Среди ветхих ^{baufällig} стен, поддерживаемых по сие время в своем первоначальном виде, помещены лишь три предмета: бюст работы Хагена, факсимиле выписки из церковной книги о крещении 17 декабря 1770 года и подлинное печатное приглашение на похороны 29 марта 1827 г. В трех комнатах 1-го этажа, где жила семья Людвига, и в одной комнате второго этажа, составлявшей квартиру музыканта Саломона, размещено свыше 400 предметов: портретов, рукописей, бюстов, музыкальных инструментов, печатных нот, мебели и пр. Вот портрет масляными красками, работы Шимона (1819 г.), где, по уверению современников композитора, художник «прекрасно схватил необычайный блеск и выражение глаз его во время работы», томно устремленных вдаль, несколько вправо и вверх; характерны также пучки волос, обрамляющие высокий лоб. Могильным холодом веет от маски, снятой по смерти его; впалые, худые черты лица и длинная линия рта едва напоминают того, кого Шимон изобразил в минуты поэтического экстаза. Здесь же, в стеклянных шкафах, покоятся неизменный спутник композитора и немые участники его бесед: толстая камышовая палка и медные слуховые приборы, из коих некоторые с перемычками для одевания на голову.

Музей Бетховена в Бонне.

Как бы ни спешил посетитель, мало знакомый с деталями жизни композитора и со значением каждой выставленной здесь реликвии, но, пробегая комнату с рукописями, он невольно обратит внимание и остановится пред автографом первой части фортепианной сонаты ор. 111. Если он недолюбливает последние произведения Бетховена, то, может быть, самодовольно улыбнется и подумает:

— Благозвучие не может отражаться в этих перечеркнутых, перемаранных строках, и едва ли сам автор мог разобраться в них.

А вот рукопись финала фортепианной сонаты *cis-moll* (op. 27 № 2), посвященной «бессмертной возлюбленной». Размашистым почерком набросал автор арпеджии, лишь по одному такту на каждую строку, снабдив в начале огромным знаком $C(4/4)$ чрез все пять строк и небрежно отметив ключи... В соседней комнате красуется клавесин английского изделия, с деревянной инкрустацией, с двумя ящиками по сторонам, в 5 октав, на которых, быть может, упражнялся Людвиг в годы своей юности; там же вытянулся рояль венской фабрики Графа, в шесть с половиной октав, и с клавишами, сильно стертymi от выколачивания звуков оглохшим композитором.

За стеклянными дверцами шкафов виднеются связки волос его, различные медали, струнные инструменты работы Н. Амати, И. и А. Гварнери, подаренные ему кн. Лихновским, а на письменном столе — печати, очки, ножницы, подсвечник, чернильница, пресс-папье со скачущим казаком и т. п. мелочи. И все это хранится здесь в образцовом порядке комитетом Beethoven-Haus, приобретшим в 1895 году в свою собственность весь дом, устраивающим ежегодно ряд концертов и пользующимся поддержкой боннского городского самоуправления.

Во времена Людвига одною из наиболее выдающихся достопримечательностей Бонна был театр, примыкавший ко дворцу, с небольшим зрительным залом, с двумя ярусами лож, построенный под землю; едва ли чем-либо иным, кроме причуды, можно объяснить такую затею; над театром, выше уровня земли, помещался обширный и красивый зал, который вместе с таким же залом во дворце служил для концертов придворного оркестра и хора. На концерты и спектакли публика являлась бесплатно, по приглашению архиепископа, для которого в театре была отведена обширная ложа первого яруса против сцены, занимаемая обыкновенно свитой курфюрста, тогда как сам прелат предпочитал проходить по особой лестнице и через потайную дверь в боковую ложу второго яруса, ближайшую к сцене. В начале XVIII века исполнителями на этой сцене выступали певчие капеллы, в том числе знакомые нам отец и дед Людвига, что видно из следующей программы:

СИЛЬВАН

Комедия в одном действии с пением.

Текст Мармонтеля, музыка Гретри.

Дольмон, отец, — г. Людвиг ван Бетховен, управляющий капеллою.

Дольмон, старший сын, Сильван, — Иоганн ван Бетховен.

Базиль, — Христ. Брант.

Елена, жена Сильвана, — Анна-Мария Рис.

Паулина, дочь Сильвана, — Анна-Мария Саломон.

Люсет, дочь Сильвана, — Анна-Якобина Саломон.

Впоследствии театр сдавался антрепренерам и странствующим труппам, имевшим свой оркестр; ставились преимущественно комические оперы или «комедии на музыке», как тогда называли их в России, французских авторов Гретри, Монсиньи, Филидора, Госсекса, Дездеда, ныне совершенно забытые, про-

стенские, представляющие собою смесь диалогов, примитивных арий и порою куплетов; впрочем, тут же Людвиг познакомился с такими значительными, образцовыми произведениями драматической музыки, как «Орфей» и «Альцест» Глюка, «Армида» Сальери, «Похищение из сераля» Моцарта; здесь видел он также модные оперы Гульельми, Бенда, Пиччини, Чимарозы, Саккини, Сарти. Подобно тому, как при исполнении драматической труппы юный Людвиг имел возможность познакомиться с типами и идеями нарождавшегося направления Sturm und Drang, с произведениями Шиллера, его современников и ближайших предшественников, Лессинга, Клопштока, а также Шекспира, Гете, Геллерта, Иффланда, Гольдони, драмы которых полны идей и чувств, волнующих человека в его сношениях с окружающим реальным миром; точно так же в операх французских композиторов, передовых реалистов в драматической музыке, и в операх Глюка, Моцарта встречал он аналогичное тяготение к проявлениям движений человеческого духа. И там, и здесь не было также недостатка в юмористических сценах и типах, столь милых сердцу немца; преподаватель Людвиг Неефе в своих оперетках, часто ставившихся в Бонне, давал не менее забавные эпизоды, нежели Бомарше в своих комедиях, имевших огромный успех, благодаря своему благородному стилю, живости изображения и сатирическому содержанию.

ГЛАВА II

1787 — 1796

Поездка в Вену. — У Моцарта. — Возвращение в Бонн. — Смерть матери. — 1791 г. — Поездка во Франкфурт-на-Майне и возвращение. — Братья Карл и Иоганн. — Занятия и развлечения. — 1792 г. — Переезд в Вену. — Смерть отца. — Занятия с Гайдном. — Гелинек, Шенк, Альбрехтсбергер. — Ван Свитен, граф Кинский. — Постоянно влюбленный композитор. — Доктор Вегелер, Элеонора Брейнинг. — Театр и искусство в Вене. — Поездка в Берлин. — Первые произведения.

Мечты Иоганна ван Бетховена относительно концертного путешествия с чудо-ребенком не сбывались; более всего препятствовало этому, надо полагать, частое посещение кабачка, содержанию которого перепали флорины и крейцеры, предназначенные для путевых издержек; второй опыт подобной поездки также не удовлетворил его: в 1781 году Людвиг с матерью посетил Роттердам, где привел всех в восторг своею игрою, но материальным успехом родители юного виртуоза остались, видимо, недовольны, и с их слов мальчик часто повторял:

«Голландцы скупы, я никогда больше не поеду в Голландию...» Людвиг мечтает о поездке в резиденцию Гайдна и Моцарта, в столицу тогдашнего музыкального мира, где юному виртуозу-композитору открывалось широкое поле для развития своих дарований, но нелегко было бедному музыканту выбраться из Бонна и не скоро осуществилась мечта его.¹

По приезде в Вену Людвиг немедленно отправился к Моцарту с рекомендательным письмом, вероятно, от курфюрста Максимилиана; это было весною 1787 г. — «Дон Жуан» был только что начат; Моцарт, вообще жизнерадостный и гостеприимный, неохотно принимал вундеркиндов, появившихся тогда не реже, чем в наши дни, и представляющих в большинстве случаев яркий пустоцвет. Один из таких малолетних гениев просил Моцарта научить его писать интересные пьесы.

— Вам еще рано думать об этом, — ответил Моцарт.

— А вы сами были моложе меня, когда сочиняли...

— Да, но я никогда не обращался к кому-либо с подобными просьбами.

Семнадцатилетний Людвиг был принят Моцартом тоже недружелюбно; игра его на фортепиано показалась автору «Nozze»

¹ Перед выездом в Вену Бетховен набросал для друзей своих «Элегию на смерть пуделя», заурядную грустную песенку, пролежавшую ровно сто лет в рукописи.

не более талантливою, чем многих других юных виртуозов, навещавших его; когда же Бетховен, вслед за игрою, стал на фортепиано разрабатывать экспромтом тему, заданную ему Моцартом, то последний обратился к знакомым, находившимся в соседней комнате:

— Обратите внимание на этого мальчика: в будущем весь мир заговорит о нем.

Бетховен у Моцарта.

Существует предположение, что Бетховен виделся с Моцартом более одного раза и даже брал у него уроки, но знакомство это не могло быть долговременным, потому что в конце мая, когда Моцарт был потрясен вестью о смерти боготворимого им отца, Бетховен принужден был выехать на родину к умиравшей матери. Тощий кошелек Людвиг опустел уже на полпути, в Аугсбурге его ссудили известный фабрикант фортепиано Штейн и некий доктор Шаден.

Дома он застал такую же нужду, вызвавшую следующее прошение отца курфюрсту:

«Придворный музыкант ван Бетховен честь имеет доложить, что продолжительная и упорная болезнь жены привела его в крайне плачевное положение. Он был принужден заложить и продать все свое имущество, так что лишен ныне вместе со своими малыми детьми средств к существованию. Поэтому он покорнейше умоляет о выдаче ему ста талеров».

Смерть матери, последовавшая 24 июля, повергла Людвиг в глубокую печаль, о чем можно судить по письму Людвиг к Шадену, у которого он взял незначительную сумму на проезд до Бонна.

Бонн, 15 сентября 1787 г.

Благороднейший и достойнейший друг.

Что вы обо мне думаете — о том нетрудно мне догадаться. Я согласен, что вы имеете основательную причину быть обо мне невыгодного

мнения; однако ж не желаю извиняться, пока не укажу на причины, по которым могу надеяться, что мое извинение будет принято. Я должен вам сознаться, что со времени моего отъезда из Аугсбурга здоровье мое и настроение начали быстро ухудшаться; чем более приближался я к родному городу, тем чаще стал получать от отца письма с требованием поскорее ехать, так как здоровье матери внушало опасения. Поэтому, несмотря на собственное нездоровье, я спешил чрезвычайно: желание еще раз повидаться с больною матерью устранило все препятствия и помогло мне преодолеть величайшие затруднения. Я застал ее еще в живых, но в самом жалком состоянии; у нее была чахотка, и после долгих страданий умерла она, наконец, около семи недель тому назад. Она была для меня такой доброй, любящей матерью, лучшим моим другом! Я был счастливейшим человеком тогда, когда еще мог произносить дорогое слово мать, на которое всегда мне отзывались! И к кому могу я теперь обращаться с этим именем? К немym ее образам, которые носятся в моем воображении? С тех пор, как нахожусь здесь, грустное настроение преобладает во мне; все время я страдаю одышкой и опасюсь, что это может превратиться в чахотку. К этому еще присоединяется меланхолия, которая тяготит меня почти столько же, как и самая болезнь. Представив себя в моем положении, вы, надеюсь, простите меня за долгое молчание. Насчет трех карлсдоров, которые вы, по своей чрезвычайной доброте и дружбе, одолжили мне в Аугсбурге, я принужден просить вас — еще немного и великодушно повременить. Путешествие мое стоило дорого, а здесь не могу я ничем возместить этих расходов и не могу надеяться даже на самую малость. Судьба здесь, в Бонне, мне не благоприятствует. Простите, что я так долго задерживаю вас своей болтовней; все это нужно было для моего извинения.

Прошу вас не отказать мне и в будущем в вашей драгоценной дружбе, так как для меня ничто так не желательно, как возможность хоть чем-нибудь оказаться достойным вашего расположения.

С совершенным почтением ваш покорный слуга и друг

Л. в. Бетховен, придворный органист курфюрста Кельнского.

Нужда и беспорядок царили в семье; Людвигу приходилось давать уроки в частных домах, вести хозяйство, смотреть за тринадцатилетним братом Карлом, за другим братом, одиннадцатилетним Иоганном, за годовалою сестрою (вскоре умершею) и следить за постоянно пьяным отцом, чтобы своевременно приводить его домой из кабака или выпрашивать снисхождение полиции. Вместе с тем служебные занятия его значительно увеличились: он был не только органистом, но придворным пианистом, «камер-музыкантом» архиепископа. Подражая брату своему, Иосифу II, учредившему в Вене национальный театр, Максимилиан вздумал сделать то же самое в Бонне; для исполнения новейших немецких опер он составил оркестр из опытных и известных музыкантов: сюда вошли братья-виолончелисты Андрей и Бернгард Ромберг, скрипач Пернер, флейтист Антон Рейха (впоследствии профессор контрапункта в парижской консерватории); дирижером был Иосиф Рейха, дядя Антона; в этом оркестре Людвиг играл на альте, что также поглощало много времени. Еженедельно, по четвергам, курфюрст устраивал концерт на Голдесберге, в павильоне, к которому вела прелестная аллея платанов. Перед павильоном расстилалась живописная равнина, окаймленная справа цепью лесистых гор, у подножья которых расположился ряд деревень, а слева волнами величественных Рейна.

Здесь Бетховен охотно исполнял просьбы приглашенных архиепископом знатных дам и отдавался импровизациям или варьировал задаваемые ему темы. Вероятно, здесь сложились многие из вариаций, изданных автором впоследствии, напр., на прелестную тему Ригини «*Vieni amore*» (сер. 17, № 17); в последних столько богатых украшений, такая развитая гармония, что их можно смело поставить рядом с лучшими вариациями Моцарта; та же кокетливость, то же остроумие, богатство фантазии, блестящей техники; но еще нет признаков бетховенского настроения, волнений мятежного духа. Ромберг назвал вариации на тему Ригини причудливыми, другие музыканты тоже не всегда одобряли странности в некоторых импровизациях молодого виртуоза и, вероятно, не раз острили над ним, возвращаясь толпой в город после концерта.

Играя в этих концертах, Бетховен, конечно, старался не только угодить знатным слушателям, но также своим коллегам-специалистам, которых не раз удивлял оригинальностью и неожиданными эффектами; о степени музыкальности и музыкального чутья юного виртуоза можно судить, между прочим, по следующим эпизодам, сообщенным современниками его. Однажды, исполняя новое трио известного в свое время композитора и основателя фортепианной фабрики И. Плейеля (1757 — 1831), Людвиг несколько не смутился, заметив два пропущенных такта в своей партии, и, вместе со своими партнерами, Рисом и Б. Ромбергом, настолько гладко провел всю пьесу, что слушатели даже не заметили грубой ошибки переписчика. В другой раз препятствие было вызвано сбившимся виолончелистом и устранено Людвигом, начавшим громко напевать виолончельную партию и тем помогшим партнеру вступить. Опытному певцу и отличному музыканту Хеллеру предстояло петь во время богослужения под аккомпанемент Людвига, который, заручившись согласием его, вздумал импровизировать, варьировать свою партию и, хотя все время подыгрывал партию певца, но все же сбил его; последний пожаловался курфюрсту, который был в восторге от такой шутки и, тем не менее, запретил Людвигу подобные опыты в соборе. В воскресные дни, после обедни, музыканты курфюрста часто собирались отдохнуть в весьма приличном ресторане, на базарной площади, посещавшемся охотно придворными чинами и университетскими профессорами. Здесь молодой Людвиг, сидя за стаканом рейнвейна, среди шумного веселья своих приятелей и под аккомпанемент бильярдных шаров, не раз, бывало, заглядывался на прелестную Барбару Кох, неприступную, хотя любезную контрщизцу, впоследствии вышедшую замуж за графа Антона фон Белдербуша, племянника министра; но такое времяпровождение Людвиг охотно заменял наслаждением красотами природы, которую автор «Пасторальной симфонии» боготворил с юношеских лет и которой посвящал почти все свои праздники. Скитаясь по окрестностям Бонна в воскресные дни, он старался исчерпать удовольствия, доставляемые такими прогулками; то располагался он под тенью развесистого дерева, на пестром ковре цветов, под голубым небом, близ тихо журчащего ручья, то навещал крестьян, беседовал с ними, любовался их народными танцами, чудным, изящным и скромным рейнлендером, то прислушивался к их песням, то подымался на

окрестные горы, входил в монастыри, где приводил в восторг монахов своими импровизациями на органе. Нотная записная книжка всегда была при нем, и каждая прогулка сопровождалась появлением новых точек и палочек или афоризмов, к которым склонен народ-философ. Праздники Людвига бывали продолжительны, когда князь-электор отправлялся в Вену или объезжал свою епархию, гостил в Мюнстере, лечился в ближайшем курорте или ездил во Франкфурт, как, например, по случаю коронации своего брата Леопольда (1790), преемника Иосифа II. В одну из таких поездок курфюрст взял с собою лучших музыкантов и артистов; это было осенью 1791 г., в Мергентхейме состоялся съезд членов Тевтонского ордена, председателем их собрания был Максимилиан. Придворные артисты и музыканты занимали тогда положение все еще близкое к *valet-musical*, каким был когда-то Моцарт у архиепископа Зальцбургского; чтобы избежать неприятностей и недоразумений, вытекающих из такого положения вдали от постоянной резиденции, эта часть свиты Максимилиана сплотилась в самостоятельную, организованную группу, избрала своим председателем, или «королем» талантливый комик и певца Лукса и назначила каждому из своих членов исполнение определенных обязанностей; неуклюжий, неловкий Бетховен получил звание поваренка и соответственный указ «Короля Нибелунгов» с огромной смолевой печатью на куске каната. Два больших парусных судна поплыли медленно вверх по Рейну, достигли устья Майна, затем направились вверх по течению последнего. Кратковременная остановка в Ашафенбурге позволила Бетховену с товарищами посетить жившего здесь аббата Штеркеля (1750 — 1817), знаменитого в свое время пианиста, исполнение которого отличалось тонкостью отделки, изяществом, женственностью, «дамским стилем», как говорили тогда. Он долго уговаривал Бетховена сесть за фортепиано, но наш виртуоз упрямылся; тогда аббат прибегнул к маленькой хитрости:

— Я играл ваши вариации на тему Ригини «*Vieni amore*», но последние из них настолько трудны, что сам автор, я думаю, не может сыграть их бегло.

Самолюбие Людвига было задето; он сел за фортепиано и, проиграв все свои вариации, уже напечатанные, стал импровизировать на ту же тему, подражая манере Штеркеля, чем вызвал улыбку своих товарищей.

В Мергентхейме Бетховен вернулся к обязанностям придворного пианиста, но долгие годы хранил поварской колпак и указ с печатью, как память об увеселительной поездке по Рейну и Майну, среди живописных берегов, мимо Шпессарта, Оденвальда и Рюдесхайма. О пребывании кельнского курфюрста в Мергентхейме и, в частности, о фортепианной игре Бетховена современник его, пастор Юнкер, как бы угадав значение его гения, сообщает следующие подробности:

...Слышал я одного из величайших пианистов, милого, славного Бетховена; инструмент был неудовлетворительный... интереснее всего были его импровизации; я также был в числе лиц, задававших ему темы. Степень виртуозности этого доброго, спокойного юноши можно определить по неисчерпаемому богатству идей, по исключительной экспрессии и по ловкости исполнения.

Не знаю, чего ему недостает еще для славы великого артиста. Я слышал игру Фоглера на фортепиано и довольно часто, целыми часами, всегда удивляясь его необыкновенной ловкости. Но у Бетховена, кроме ловкости, глубокая, выразительная игра, глубже проникающая в сердце, т. е. он так же хорошо исполняет *adagio*, как *allegro*. Превосходные музыканты этой капеллы наслаждаются его игрой и с увлечением слушают ее. Но он скромнен, без малейших претензий; тем не менее он признан, что во время своих поездок по поручению курфюрста он был разочарован игрою знаменитейших пианистов. Манера его весьма отличается от обыкновенных приемов игры, точно он открыл себе новый путь к достижению той степени совершенства, которую обладает ныне... В заключение выводы мои таковы:

1) Из своей капеллы, состоящей из 50 человек, курфюрст привез с собою только 20, вероятно, лучших, хотя гг. Неефе и Рейха не были среди них, о чем я глубоко сожалел, так как давно мечтал познакомиться с первым из них.

2) Высокое достоинство этой капеллы видно из безукоризненного состава скрипок и басовых инструментов.

3) Сыгранность и взаимные добрые отношения членов капеллы поразили меня; это подтвердили также многие знатоки, даже камердинер курфюрста, которому это лучше всего известно.

4) Поведение капеллы учтивое, нравственное; они держат себя прилично, вежливо, в высшей степени скромно. Во время концерта несчастных музыкантов так мучили, их так стесняла толпа слушателей, так прижала, что они едва могли играть и обливались потом. Но они переносили все спокойно, терпеливо, не выражая неудовольствия.

5) Персонал капеллы молодой, здоровый, хорошего роста и сложения. В форменной одежде они представляют великолепное зрелище; она красного цвета и обильно расшита золотом.

6) До сих пор полагали, быть может, что кельнская область представляет страну мрака, куда еще не проник луч просвещения, но двор курфюрста производит совершенно иное впечатление; среди капеллы я нашел немало людей просвещенных и здравомыслящих.

7) Лучший из всех князей и гуманнейший курфюрст не только сам играет, но и увлекается исполнением капеллы, точно не может достаточно наслушаться ею. Во время концерта он был самым внимательным слушателем.

Вскоре после посещения Мергентхайма архиепископ отправился во Франкфурт на коронацию племянника своего Франца II (1768 — 1835), преемника Леопольда, царствовавшего только два года; в то же время, летом 1792 г., Иосиф Гайдн, на обратном пути из Лондона в Вену, остановился в Бонне; капелла курфюрста, оставшаяся в резиденции, оставила пребывание знаменитого композитора в Бонне соответствующею помпою, завершив свое гостеприимство угощением на вершине Годесберга, где произошло знакомство его с молодым Бетховеном; он познакомился с его рукописями, внимательно просмотрел одну из них, — кантату, едва исполнимую вследствие чрезмерно трудных партий духовых инструментов, и, в заключение, дал совет Людвигу поехать в Вену, где обещал руководить его занятиями.

Жизнь в Вене была заветною мечтою Бетховена, и если ему удалось вскоре осуществить ее, то этим он обязан графу Фердинанду фон Вальдштейну, временно проживавшему в Бонне в качестве члена, а потом командора Тевтонского ордена; с древностью и знатностью происхождения молодой человек этот соединял страстное влечение к музыке, прекрасно играл на фортепиано и, что еще важнее, гордился дружбою с еще бесславным тогда Бетховеном, не раз навещая скромную комнатку его, не раз прибегая к хитрости, чтобы помочь деньгами бедному, но до щепетильности самолюбивому юноше; этому меценату был обязан Бетховен своим новым инструментом работы Штейна, заменившим старый хромой клавесин; ему был он обязан также поручением написать к карнавалу 1701 года балет всадников (Ritterballet из 8 разнообразных номеров, сер. 25, № 286), программу которого составил сам Вальдштейн, а блестящее исполнение составляло одно из роскошных развлечений местной аристократии; ему был он обязан, наконец, разрешением отправиться к Гайдну в Вену, с сохранением содержания и 100 дукастами на переезд и обзаведение. Не раз этот знатный покровитель утешал Людвигу в его семейном горе, не раз обращался к нему за помощью молодой композитор, чтобы вырвать пьяного отца из рук полиции, но не всегда можно найти достаточно сочувствия и поддержки за порогом дома, где семья бедствует и страдает изо дня в день. Пьянство отца и положение семьи вызвали прошение Людвигу об отставке первого и о прибавке себе жалованья, на что вскоре последовало следующее распоряжение курфюрста:

«Ввиду прошения Людвигу ван Бетховена его высочество повелевает уволить Иоганна ван Бетховена от службы с тем, чтобы он поселился в одном из поместий епархии и получал только сто талеров в год. Остальные сто талеров из жалованья его следует выдавать сыну, помимо жалованья, получаемого последним с давних пор. Упомянутый сын имеет получать также по три меры пшеницы в год на содержание своих братьев».

Но указ архиепископа не был исполнен в точности; старый тенор предпочел жизнь в Бонне, в Wenzelgasse, прелестям сельской жизни; свои 200 талеров он продолжал получать по-прежнему и, возмущенный опекою сына, он обещал, тем не менее, выдавать ему по 25 талеров каждую четверть года, на что Людвиг, конечно, согласился.

Проходили месяцы, а молодой человек все еще не мог вырваться отсюда, все еще служил в капелле архиепископа и бегал по урокам, поддерживавшим его существование. По-прежнему он находил отдохновение и ласку в семье Брейнинг, жившей в центре города, на соборной площади, в доме кардинала Бармана. Здесь добрая мать семьи утешала его, старалась сгладить и смягчить резкие, бурные порывы страстной и впечатлительной натуры; «она — по выражению самого Людвигу — очищала розы от тли». Он питал отвращение к преподаванию и, тем не менее, принужден был посвящать этому занятию долгие часы; расстроенный, утомленный прибегал он сюда, вместо того, чтобы отправиться через площадь к барону Вестфаль фон Фюрстенбург-

гу, где его ждали к уроку, и умная, ласковая хозяйка, успокоив молодого человека, отсылала его к исполнению противных, но неизбежных обязанностей; не раз Людвиг следовал ее советам, отправлялся к барону, подходил к дверям, брался за задвижку двери и вновь прибегал к Брейнинг.

— Не могу сегодня, — твердил он, — лучше завтра я дам два урока...

— Ну, — замечала госпожа Брейнинг, — опять дурь нашла.

Охотно и даже с удовольствием он давал уроки только в этом доме, только Элеоноре, взрослой миловидной девице, одной из многочисленных богинь, которым поклонялся увлекающийся артист; с нею он зачитывался лучшими произведениями литературы, Шекспиром, Гете, Шиллером, Лессингом и Клопштоком; здесь он впервые прочел «Одиссею», впоследствии свою любимейшую поэму. Здесь он часто напевал свою песенку «Кругосветное путешествие Уриана» (ор. 52 № 1), написанную за год до первой поездки Бетховена в Вену; здесь он охотно предавался своим импровизациям, стараясь звуками нарисовать образ кого-либо из присутствовавших или выразить его душевное настроение; виртуоз так удачно достигал своей цели, что слушатели безошибочно отгадывали задуманное им, причем чаще всего он останавливался, конечно, на юных красавицах, среди которых сначала отдавал предпочтение Лорхен. Ученица, вероятно, отвечала взаимностью молодому учителю. По смерти Людвиг в портфеле его была найдена украшенная искусственными цветами записка следующего содержания:

Счастья и долгой жизни
Желаю сегодня тебе,
Но также, должна я признаться,
Желаю кое-чего себе.
Желаю себе сердечно
К тебе питать поклонение;
Тебе же ко мне желаю
Терпенья и снисхожденья.

От вашего друга и ученицы Лорхен фон Брейнинг.

1790 год.

Если между ними произошел вскоре разлад, о чем мы узнаем из письма Людвиг к ней, то причину можно найти в увлечении артиста подругами ученицы, часто посещавшими радушную, гостеприимную семью Брейнинга, например: красивой блондинкой из Кельна, Иоганной фон Гонрат, или же не менее миловидной фон Вестерхольд, которую он не мог забыть даже сорок лет спустя. Несмотря на любвеобильное сердце Людвиг, прелестные прирейнские девицы не могли удержать его и приковать к Бонну. Еще летом этого года Людвиг решил, пристроив своих двух братьев, Карла и Иоганна, переселиться туда, куда манили его тень Моцарта, слава старика Гайдна, кипучая деятельность и щедрые меценаты столицы музыкального мира. С Карлом, проявившим музыкальные способности, он сначала занимался сам, а потом определил в капеллу архиепископа; Иоганна он дал в обучение придворному аптекарю, где мальчик оставался, вероятно, до 1795 года, когда армия Наполеона заняла Бонн. К этому времени относится документ, гласящий о службе его и последующей отставке.

Госпиталь в Бонне.

Ввиду многочисленности больных, находящихся в боннском госпитале, что в замке курфюрста, предлагаю именуемому Бетховеном (Иоганном) явиться завтра утром ровно в шесть часов для исполнения обязанностей аптекаря третьего разряда на соответствующий этому званию оклад жалованья.

Диве.

Бонн, 26 вантоуза III года республики
(18 марта 1795 г.)

Главный аптекарь.

Тут же на полях сделана приписка:

«6 флореаля (23 апреля) гражданину Бетховену прекратить выдачу жалованья, полагающегося аптекарю третьего разряда».

После того, как оба брата были пристроены, главное препятствие поездке Людвигу было устранено, и вот 29 октября 1792 года граф Вальдштейн, принимавший деятельное участие в судьбе молодого виртуоза, пишет ему:

Дорогой Бетховен!

Вы отправитесь в Вену, осуществив таким образом вашу заветную мечту. Гений музыки все еще оплакивает смерть Моцарта; он приютился временно у Гайдна, неисчерпаемого источника гармонии, но не там ему проявить свое величие и мощь; он уже ищет вокруг себя избранную натуру, чтобы служить ей. Поезжайте, работайте без усталости; из рук Гайдна вы получите дух Моцарта.

Ваш истинный друг Вальдштейн.

Это напутствие, вероятно, сопровождалось необходимой денежной поддержкой, без которой Людвиг не мог бы так скоро, 2-го ноября, выехать из Бонна; кошелек его, по обыкновению, был тощ, а положение курфюрста было настолько трагично, приближавшиеся раскаты пушечного грома настолько оглушали князя-архиепископа, что робкие просьбы молодого артиста не могли обратить на себя его внимания. Войска французской республики заняли уже Вормс, 22 октября они вошли в Майнц, откуда курфюрст заранее велел вывезти в Дюссельдорф архив и казну; 31 октября он сам бежал из Бонна в Клев (на Рейне, к северу от Везеля) в сопровождении князя Нейвида. В начале ноября германские войска выступили из Кобленца и рассыпались по окрестным деревням в ожидании появления французской армии Кюстина.

Песня, которая напутствовала Бетховена с берегов Рейна, не блещет музыкальными красотами, но в ней много глубокого смысла и велики чудеса, вызванные ею; раздавшись здесь впервые, она как бы направила юного артиста на новый путь, открыла ему новые горизонты искусства. С этой песней марсельцы вступили в Париж 29 июля 1792 года, под ее звуки распалось ветхое здание французской монархии, чтобы уступить место осуществлению великих идей, возросших и взлелеянных вдали от дворцов, среди неведомых борцов за свободу, равенство и братство. Много ли страниц можно найти в симфониях, квартетах, в фортепианных сонатах Бетховена, где бы не слышался

более или менее отдаленный отзвук этого напева, поразившего даже невозмутимого олимпийца Гете.

«Необыкновенное впечатление, — пишет веймарский министр, — произвело на нас (во Франкфурте) появление конных стрелков. Они подъехали к нам неслышно, незаметно и вдруг грянула марсельеза. Этот революционный гимн и без того носит характер печальный и таинственный, как бы скоро его ни исполняли; здесь же они взяли темп совсем медленный, сообразно их медленному движению. Впечатление было ужасное, потрясающее...»

«Свобода!» — гремело из миллионов уст за спиной нашего путника.

«Свобода» была всегда в мыслях Бетховена, когда он брался за перо... «Свобода!!! Чего же еще больше желать человеку??» — писал он в 1814 году своему другу Цмескало.

Бетховен выехал из Бонна 2 ноября, в 6 часов утра, в сопровождении неизвестного нам спутника; почтовый тракт из Бонна через Франкфурт в Вену лежал тогда вдоль левого берега Рейна, через Ремаген, Андернах, Кобленц; здесь предстоял переезд через Рейн, затем путь лежал на Эренбрейтштейн, Монтабаур, Лимбург, Вюргес и Кенигштейн. В тот же день, к трем часам, путники были в Кобленце, но дальше ехать было трудно: в случае появления дерзких путешественников на театре военных действий патрули и сторожевые посты гессенцев могли расправиться с ними по-боевому. Тем не менее путники наши решили прорваться сквозь цепь, для чего соблазнили ямщика невиданной им платой; в памятной книжке Бетховен отметил по этому случаю: «Талер ямщику, потому что молодчина промчал нас с адскою быстротою сквозь гессенскую армию, рискуя быть избитым». Там же отмечены расходы на еду, на экипажи; плата у застав и ямщикам; сначала запись велась в книжке Бетховеном, а неизвестный путник делал в ней лишь незначительные отметки; затем, видно, герой наш проявил обычную свою бездарность в литературе этого рода, и почерк его почти исчезает из книжки, а расходы вел, вероятно, спутник его, из заметок которого видно, что негодный почтовый экипаж был заменен во Франкфурте удобным дилижансом частного владельца.

По приезде в Вену молодой композитор поспешил воспользоваться рекомендательными письмами, полученными им от графа Вальдштейна к некоторым знатым лицам; для этого предстояло предварительно обзавестись соответствующим костюмом и научиться соответствующим манерам тогдашнего этикета, о чем, впрочем, герой наш заботился недолго; в памятной книжке его имеется, между прочим, отметка о расходе в шесть флоринов на пару сапог, а также адрес Андрея Линдера, учителя танцев и светских приемов. Кошелек его быстро истощился, из обещанных курфюрстом ста дукатов он получил здесь только 25, и уже 12 декабря, как видно из памятной книжки, весь капитал его заключался в 15 дукатах; к этому прибавилось новое горе, иного рода: 18 декабря 1792 года умер отец его, Иоганн ван Бетховен. По этому случаю курфюрст писал своему маршалу фон Шалю: «Бетховен умер; это тяжелая потеря в отношении доходов с напитков». Смерть отца вновь вызвала ходатайство Людвигу о помощи, так как расходы его возрастали, а кассир курфюрста от-

казал Людвигу в выдаче указанных в декрете 100 талеров, перечисленных из оклада отца в жалованье сыну. Из приводимого ниже прошения и последствий его видно, что уступка Людвигу воле отца вызвала потерю назначенной указом курфюрста прибавки к жалованью.

Пресвященнейший, светлейший курфюрст
Милостивый государь.

Несколько лет тому назад вашей светлости угодно было уволить моего отца, придворного тенора ван Бетховена, в отставку и милостивым декретом назначить мне 100 талеров, из какой суммы я обязан был погашать долги, оставленные отцом, а также одевать, кормить и обучать моих двух младших братьев. Указ этот хотел я представить в казначейство вашей светлости, но не сделал этого по настоятельной просьбе отца, так как все могли бы его считать неспособным заботиться о своей семье; он обещал сам доставлять мне по 25 гульденов через каждые три месяца и всегда в точности исполнял это. Но, пожелав по смерти его (последовавшей в декабре прошлого года) представить вышеупомянутый декрет, я с ужасом заметил, что бумага эта уничтожена была отцом моим.

Почтительнейше прошу прощения и умоляю вашу светлость о милостивом возобновлении этого указа и о предписании казначейству относительно выдачи причитающейся мне суммы за истекшие три месяца.

Вашей светлости покорнейший верный и преданный

Людвиг в. Бетховен, придворный органист.

Вследствие этого прошения курфюрст Максимилиан-Франц, питавший надежду видеть Бетховена своим придворным капельмейстером, назначил ему стипендию в размере 200 талеров ежегодно, каковая сумма исправно выдавалась недолго, лишь до весны 1794 года, когда прервались все сношения Людвигу с архиепископом Боннским.

С одним из новых приятелей, придворным секретарем Цмескалем, отправился Людвиг к Гайдну; старик встретил его радушно и, начав, спустя 6-7 месяцев, бесплатное обучение «великого могола», — как он прозвал Людвигу, — охотно принимал приглашения последнего в кафе, где бедняга-ученик за несколько крейцеров старался удовлетворить свое самолюбие; в памятной книжке его встречаются такие отметки:

Две чашки кофе для Гайдна, 6 крейцеров.

Две чашки шоколада для Гайдна и для меня, 22 крейцера.

С августа 1793 года до начала 1794 года занятия заключались в применении простого контрапункта к шестиголосным упражнениям в церковных ладах; краткий курс о консонансах и диссонансах был пройден по последней главе первой книги «Gradus ad Parnassum» Фукса, гармония и упражнения в генерал-басе — по системе Фил. Эм. Баха. Насколько «папа-Гайдн» ценил дарование Людвигу, и как давно прельщала последнего мысль написать музыку к тексту Шиллера, появившуюся спустя 30 лет в 9 симфонии, видно из письма одного боннского профессора к своей знакомой даме при посылке ей рукописи романса «Feuerfarb» (ор. 52, № 2, написан в 1793 г. на текст Софии Мери и ей же посвящен, издан спустя 12 лет).

«Посылаю вам пьесу «Feuerfarb», она написана здешним молодым артистом, талантом которого все восторгаются, и которого курфюрст послал в Вену учиться у Гайдна. Он намерен положить на музыку «Freude» Шиллера, каждую строфу отдельно. Я ожидаю чего-нибудь необыкновенного, так как, сколько мне известно, он проникнут стремлением к возвышенному и величественному. Гайдн писал сюда, что вскоре будет поручать ему сочинение опер, а сам перестанет заниматься этим. Таких мелочей, как прилагаемая, он обыкновенно не пишет, а сочинил это по просьбе одной дамы».

Иосиф Гайдн.

них был хорошим пианистом и модным композитором, популярным среди того многочисленного класса музыкальных девиц, которые сто лет тому назад, как и в наши дни, брэнчат часами на клавишах всякую дребедень, терзая слух соседей. Не было модной песенки или оперной арии, на которую Гелинек не сочинил дюжину или даже две дюжины вариаций; страсть эта вызвала спустя несколько лет эпиграмму знаменитого Карла Марии Вебера:

Нет от тебя спасения излюбленным напевам,
Твой гений видоизменяет их на разные лады,
Но сам ты остаешься повсюду неизменным,
И плох сегодня так, как в прежние года.

Случалось, что Гелинек не только заимствовал для своих вариаций чужие темы, но даже выдавал последние за свои собственные; на это намекает Бетховен в письме к Элеоноре Брейнинг, жалуясь на венских музыкантов, подслушивающих его импровизации, чтобы потом набросать на бумагу кое-что из них и выдать за свое.

Но вечная борьба «отцов и детей» проявилась также в отношениях 60-летнего учителя, «добродушного мастера музыкальных дел» (Серов) и 23-летнего ученика, склонного к оригинальности и мизантропии. Первый требовал точного соблюдения правил знаменитого теоретика Фукса (1660 — 1741), изложенных в его «Gradus ad Parnassum», вольности и отступления ученика называл революцией и атеизмом, а ученик все более возмущался небрежностью и невниманием учителя именно к тем проявлениям своей индивидуальности, которые ему были дороже безжизненных формул архаического учебника. Первоначальная дружба двух великих музыкантов постепенно перешла в неприязнь и окончилась разрывом, чему отчасти способствовали два новых приятеля Бетховена, аббат Иосиф Гелинек (1757 — 1825) и Иоганн Шенк. Первый из

Шенк (1753 — 1836) писал легкие, салонные пьесы, оперы, симфонии, был некоторое время директором домашней капеллы князя Ауершперга и считался одним из лучших теоретиков в Вене. Впоследствии он с восторгом рассказывал об импровизациях Бетховена: «Что это была за яркая игра. В ней не было ничего смутного, неясного, слабого, из нескольких слегка набросанных фигур развивались богатейшие мотивы, полные жизни и прелести; то он выражал страсть бурными гаммами, то вновь возвращался к небесной мелодии; сладостные звуки заменялись грустными, потом шутливыми, шаловливыми; каждая из фигур имела совершенно определенный характер, каждая была нова, смела, ясна и правдива; его игра была так же прелестна, как и фантазия. И этот маэстро тогда не был еще никому известен».

На другой день после первого свидания Шенка с Бетховеном у аббата Гелинека, где молодой виртуоз привел Шенка в восхищение своими импровизациями, последний навестил его; любезный прием, оказанный ему молодым артистом, несколько сгладил смущение гостя, вызванное царившим в комнате беспорядком; заметив на пульте листы нотной бумаги с контрапунктическими упражнениями, он стал просматривать их и обратил внимание на ряд грубых ошибок, не исправленных Гайдном; в порыве негодования Людвиг объявил, что не переступит более порога небрежного учителя, но Шенк убедил его не делать этого, так как разрыв молодого артиста со знаменитым композитором мог повлечь за собою много неприятностей. Папа-Гайдн был влиятелен при дворе, в театрах, а общество до такой степени боготворило его, что нередко можно было видеть дам и девиц, смиренно прикладывавшихся к худой, морщинистой руке автора «Сотворения мира». Шенк предложил иное средство для более успешного занятия: Людвиг должен продолжать уроки у Гайдна, а Шенк будет следить за этими уроками и как бы дополнять их. Такой порядок занятий продолжался до начала 1796 года, когда Гайдн вновь отправился в Англию, и Бетховен совершенно набавился от его уроков, из которых молодой композитор, по его собственным словам, «ровно ничему не научился...» Спустя два года Людвиг посвятил ему свой 2-й opus, «Три сонаты (в f-moll, a-dur и c-dur) для клавесина или фортепиано», но никогда не соглашался исполнить его желания: указать на своих печатных произведениях, что автор их — ученик Гайдна. В этих первых сонатах молодой автор дал уже столько нового, интересного, содержательного и красивого, что вскоре различные части их появились в аранжировках для оркестра, для пения, для струнного квартета и т. п. Уже *adagio* второй сонаты (*largo appassionato*) как бы возвещает появление вереницы таких же эпизодов в симфониях и квартетах, эпизодов полных торжественной мечтательности, порою глубокого драматизма и подавленных вздохов, эпизодов неслыханных дотоле и поныне остающихся недостижимыми образцами; так же ново и прелестно все в *adagio* третьей сонаты, еще более элегическом и драматическом; остальные части трех первых сонат не везде соответствуют красотам этих (вторых) частей и в большинстве случаев их легко приписать перу Гайдна или Моцарта, которым автор местами очевидно и не всегда удачно подражает, наприм.: тема 1 части первой сонаты

заимствована из рондо симфонии ор. 550, g-moll Моцарта; эта тема встречается также в 3 части и симфонии Бетховена, и в эскизных тетрадях его записана рядом с упомянутой темой Моцарта. Новизна содержания сонат навела Бетховена на мысль обозначить здесь пальцы (doigte), что он делал очень редко и неохотно, полагая в исполнителях достаточную для этого меру смысленности. Некоторые темы и эпизоды этих сонат заимствованы автором из своих ранних юношеских произведений, ныне забытых, а именно: из трех квартетов, написанных в Бонне, в 1785 году, найденных и опубликованных лишь по смерти Бетховена (серия 10, №№ 2, 3 и 4).

С Шенком, написавшим тогда оперу «Деревенский цирюльник», весьма популярную до настоящего времени, Бетховен сошелся довольно близко и, вероятно, по обыкновению, не раз обменивался записками; к сожалению, до нас дошел только один незначительный листочек, в котором Бетховен сообщает о своем неожиданном выезде в Эйзенштадт, городок в 100 верстах к югу от Вены; там находился замок князей Эстергази, и там погребены их придворный капельмейстер Иосиф Гайдн.

Любезный Шенк.

Я не знал, что сегодня же придется мне уехать в Эйзенштадт. Охотно побеседовал бы еще с вами. Пока же будьте уверены в благодарности за оказанные мне услуги. Постараюсь, по мере сил, все для вас исполнить. Надеюсь вскоре опять вас видеть и вновь пользоваться драгоценным знакомством. Прощайте и вспоминайте иногда

вашего Бетховена.

С этим добродушным музыкантом, когда-то, при первой постановке «Волшебной флейты», поцеловавшим руку Моцарта, Бетховен также нашел повод к разладу; но тем неосновательнее были упреки его, тем глубже было раскаяние его, и тем интенсивнее выражалась его радость при восстановлении мира.

«Весною 1824 г., — рассказывает Шиндлер, — мы как-то шли с Бетховеном по Грабену и встретили Шенка. Бетховен был вне себя от радости при встрече со старым другом, о котором не слышал уже много лет. Он сейчас же повел его в ближайшую гостиницу и занял самую отдаленную и темную комнату, которую пришлось освещать средь бела дня. Он запер дверь, чтобы никто не мог помешать. Тут он повел с ним беседу по душе. После жалоб на неудачи, на пережитые несчастья он вспомнил старину, 1793 — 1794 года. Бетховен неудержимо хохотал, вспоминая, как они оба обманывали старика Гайдна, и как тот ничего не замечал. Тут я впервые узнал о тех странных отношениях, которые существовали между ними. Артист, стоявший в своем искусстве на небывалой еще высоте, выражал живейшую благодарность скромному композитору «Деревенского цирюльника» за оказанные ему в юности участие и преданность. После нескольких часов, проведенных вместе, они простились так трогательно, будто им не суждено было видеться. И, действительно они никогда более не встречались».

Последними преподавателями Людвиг были Альбрехтсбергер (1736 — 1809) и Сальери (1750 — 1825); первый известен был теоретическими познаниями и прекрасною игрою на органе

благодаря которой Моцарт рекомендовал его на должность органиста собора св. Стефана; второй славился своими операми, певучими и благодарными для исполнителей. К этим-то авторитетам обратился Бетховен в 1796 году, и у них закончил он, спустя года полтора, свое музыкальное образование, не переставая впоследствии совершенствоваться путем многочисленных упражнений, с которыми знакомы нас сохранившиеся до наших дней тетради его. В отношении скрипичной игры он пользовался советами и указаниями молодого виртуоза Шупанцига; в дневнике его помечено: «Шупанциг три раза в неделю, Альбрехтсбергер 3 раза в неделю».

Судя по статье в «Музыкальном ежегоднике Вены и Праги», занятия Людвиг с Альбрехтсбергером начались по инициативе папы-Гайдна.

«Гениальный музыкант Бетховен, — говорится в статье, — года два тому назад поселился в Вене. Он возбуждает всеобщее удивление необыкновенной техникой и легкостью, с которыми преодолевает самые трудные пассажи. Его игра отличается поразительной точностью, вкусом, чувством и создала ему все возрастающую славу. Лучшим доказательством его глубокой любви к искусству служит то, что он верил себя руководству нашего бессмертного Гайдна, который посвящает его в тайны композиции. Наш великий маэстро передает его, на время своего отсутствия, нашему великому Альбрехтсбергеру. Чего только нельзя ожидать, когда такой великий гений работает под руководством таких учителей. Существует уже несколько прелестных сонат, написанных им; среди них особенно замечательны последние».

Несмотря на громадную славу лучшего венского теоретика, несмотря на составление «знаменитой школы музыки», несмотря на высокое о нем мнение Моцарта, Альбрехтсбергер, подобно Гайдну, пришелся не по душе Бетховену; впоследствии он зло шутил над недантизмом и рутинностью своего учителя, «умевшего создавать только скелеты», и не посвятил ему ни одного своего произведения, тогда как этим путем всегда старался выразить свою благодарность и расположение. Занятия с Альбрехтсбергером касались простого и двойного контрапункта, фуги и канона; при этом руководствовались учебником преподавателя *Grundliche Anweisung zur Composition* (изд. 1790 г.), откуда Бетховен выписал себе собственноручно большую часть примеров, почти все трех- и четырехголосные фуги. Кроме того, он задал ученику 30 тем для разработки в виде фуги с тесным голосоведением, причем Бетховен применял то хроматизмы, то церковные лады;

Альбрехтсбергер.

двойной контрапункт проходилась в октаве, дециме или терции, дуодециме или квинте, тройной — в октаве; на всех работах видна заботливая рука учителя, его заметки и поправки. Среди упражнений в контрапункте децимы находится эскиз романса «Аделаида» (написан в 1795 г., издан в 1797 г., ор. 46), а в одной фуге «D-moll della duodecima» встречаются эскизы, разработанные в последней части первой симфонии (1800 г.) К числу множества образцов композиции, старательно и четко переписанных рукою Бетховена, относятся (хранящиеся у проф. Макса Фридендера в Берлине) квартет Моцарта, десятки страниц из учебника Фукса, из «Мессии» Генделя и из произведений Баха, причем местами списана лишь мелодия без аккомпанемента.

По словам Фердинанда Риса, ученика и друга Бетховена, все упомянутые нами здесь венские учителя нашего героя единогласно утверждали, что ученик их был упрям, своеволен, и что ему, вследствие этого, часто приходилось собственным тяжелым опытом доходить до того, чего он сначала не хотел заучить. По первым опытам Бетховена и по его тетрадам эскизов можно судить о той глубине дарования его, о той неутомимой самодеятельности, рядом с которыми бледнеют недолгие и часто прерывавшиеся занятия со знаменитыми учителями. Менее всего из них он ценил Сальери и очень мало сведений приобрел у него о вокальной музыке, хотя посвятил придворному оперному капельмейстеру три скрипичные сонаты (1708 г., ор. 12) и всегда охотно (но не всегда удачно) писал вокальные пьесы. Публика относилась равнодушно к первым опытам Бетховена-композитора. Все охотно играли сочинения Плейеля, Вангала, Клементи, Кожелуха и особенно любили столь благодарные произведения Моцарта. Еще в Бонне Бетховен набросал вариации на тему «Se vuol ballar» из «Свадьбы Фигаро» Моцарта; здесь он отделал их, а приятель его Цмескаль пристроил для печати за гонорар, довольно значительный для начинающего композитора. Только возрастающая слава виртуоза открыла путь к легкому успеху его первых сочинений, среди которых видное место занимает ор. № 1, относящийся к периоду учения у Гайдна.

Три трио (ор. 1) были исполнены впервые у кн. Лихновского, в присутствии учителя и некоторых других знатоков и любителей; знаменитый композитор одобрил первые два из них, а третье (d-moll) советовал не печатать, тогда как молодой автор считал его лучшим; охотнее последовал Бетховен совету виолончелиста Крафта, участвовавшего в исполнении и указавшего необходимость обозначения *sulla corda* под несколькими последними тактами финала трио № 3 и более правильный размер в 1/4 финала трио № 2, вместо указанных автором 4/4. Затем Бетховен ставил эти трио у других меценатов, всюду собирая при этом подписи лиц, изъявивших желание получить один экземпляр или более по выходе трио из печати. Такой издательский прием, применяемый также в наши дни, обеспечивает отчасти предпринимателя, а в те времена риск был значительно больше, так как произведения искусства не были достоянием большой публики, и сбыт их был ограниченнее. Собрав подписчиков среди знати, где надо было лично просить каждого, искать рекомендаций, содействия, Бетховен поместил в «Венской газете» от 16 мая 1795 года объявление:

«Открыта подписка на три больших трио Людвига ван Бетховена для фортепиано, скрипки и виолончели. Эти трио появятся через шесть недель и будут выдаваться подписчикам по представлении подписной квитанции. Цена полного экземпляра один дукат. Подписчики будут все поименованы на первой странице и могут получить это издание за два месяца до появления его в продаже, причем цена будет повышена. Подписка принимается в Вене, у автора, Kreuzstrasse № 35, за церковью миноритов, в первом этаже дома Огильского».

Через три дня после публикации автор заключил следующий договор с известной издательской фирмой Артариа и К°.

От нижеуказанного числа мы, гг. Артариа и К° с одной стороны, и г. Людвиг ван Бетховен с другой, принимаем на себя следующие перечисленные обязательства:

1) Г. Людвиг ван Бетховен сдает свои три трио для фортепиано, скрипки и виолончели г-ну Артариа, каковой должен, пользуясь предварительной платой в двести двенадцать флоринов, гравировать точно, изящно и украсить заглавие упомянутых трио, не позже трех недель со дня подписи настоящего договора.

2) Г. Артариа обязан выдать г. Людвигу ван Бетховену четыреста экземпляров, считая по одному флорину за экземпляр и в таком порядке: по истечении шести недель, положенных на гравировку, г. Артариа будет выдавать г. Людвигу ван Бетховену по меньшей мере пятьдесят экземпляров, исправно отпечатанных, еженедельно, пока будут исчерпаны все обусловленные 400 экземпляров. Тем не менее г. ван Бетховену предоставляется право взять менее указанного числа экземпляров.

3) По выпуске требуемых г. ван Бетховеном экземпляров, г. Артариа обязывается принять доски упомянутых трех трио за 90 флоринов, каковые засчитываются в выше обусловленную сумму 212 флоринов.

4) Г. Артариа обязывается не продавать этих трио в Вене ранее истечения двух месяцев со дня получения г. ван Бетховеном первых печатных экземпляров. За границу же может он отправлять свободно экземпляры со дня этого получения, а спустя обусловленные два месяца продавать их также в Вене и считать своею собственностью.

5) Спустя эти два месяца г. ван Бетховен имеет право продавать оставшиеся у него экземпляры, но лишается последующих доходов со своего сочинения. Понятно, что г. ван Бетховен лишается права требовать выдачи предназначенных ему 400 экземпляров, если не возьмет их в течение указанных двух месяцев.

6) Список подписчиков будет отпечатан г-ном Артариа и выдан г. ван Бетховену в таком виде, чтобы его можно было вклеить в соответствующие экземпляры.

В удостоверение сего обе договаривающиеся стороны скрепляют этот контракт своею печатью и подписью.

19 мая 1795 года.

Для издателя договор этот был выгоден, потому что без риска, без расхода предоставлял ему новое сочинение уже довольно известного артиста. Не менее был выгоден он также для композитора; подписчиков он нашел 123, из них некоторые пожелали иметь более одного экземпляра, так, например, граф Рудольф Тун подписался на 10, фон Лишка — 12, князь Лихновский — 20, теща его, графиня Тун — 22. Таким образом, автор должен был заплатить издателю за 242 подписных экземпляра столько же флоринов, да аванса 122 флорина (212 без зачтенных 90),

всего 364 флорина, а получил 242 дуката, т. е. около 1.000 флоринов (или около 700 рублей), что составляет значительный гонорар для начинающего композитора, получавшего незадолго до того менее 300 р. жалованья в год.

Крамер, издавший эти трио в Лондоне, нашел в них «вдохновение, могущее утешить мир, оплакивающий смерть Моцарта». Сам автор, видимо, сознавал значение этих еще и ныне популярных произведений; прорблески бетховенского гения сияют местами в этом первом опусе, чувствуется мощь юного титана, мятежный дух будущего реформатора, указавшего музыкальному миру неисчерпаемый источник эстетических красот в движении духовных сил человека.

В 1796 году он заносит в свою записную книжку:

«Смелее! ... Несмотря на телесную немощь, гений мой восторжествует...

Двадцать пять лет!.. Вот они! Исполнились!..

В этом же году надо проявить всего себя».

Среда, в которой Бетховен вращался, вполне соответствовала такому намерению; во многих богатых домах талантливый пианист или скрипач был желанным гостем. Венская аристократия питала особую склонность, даже страсть к музыке; почти в каждом таком доме, в Вене или в родовом поместье, имелся целый штат музыкантов; богачи, вроде Эстергази, имели свои хоры и свой театр; менее богатые ограничивались симфоническими оркестрами, а кто не мог позволить себе этой роскоши, содержал прислугу (*valet-musical*), способную не только подать к столу или завить парик, но также принять участие в исполнении какого-нибудь трио или квартета; наконец, самые бедные из дворян считали долгом иметь при себе органиста или пианиста. Такая страсть способствовала плодovitости композиторов, новинки камерной музыки находили покупателей, многие старались щегольнуть исполнением у себя еще неизданного квартета или квинтета, покупали рукописи и поощряли начинающих композиторов; так, напр., князь Кражалкович купил за дорогую плату первые шесть симфоний Гировеца, а князь Эстергази заказал ему же три мессы, вечерни и *Te Deum*; князь Ауершперг заказал Шенку целый ряд различных оперетт для своего домашнего театра и т. п.

Одним из первых по времени знакомых Бетховена в Вене был барон Готфрид ван Свитен, сын знаменитого лейб-медика Марии-Терезии и президент правления дворцовой библиотеки; после долголетнего пребывания в Берлине в качестве посланника он возвратился в Вену и основал здесь среди местной знати музыкальное общество, в котором ставил преимущественно духовные произведения северогерманских композиторов или же аналогичные и малознакомые сочинения других авторов; в этом обществе Моцарт был некоторое время пианистом-дирижером и по поручению ван Свитена сделал изменения в инструментовке некоторых ораторий Генделя.

Во время исполнения музыкальной пьесы барон требовал благоговейной тишины; в случае шума или разговора в зале крупная фигура барона подымалась со стула, и этого было достаточно, чтобы прервать самую занимательную болтовню. В концертах многие светские дилетанты не сводили с него глаз,

чтобы по выражению лица определить впечатление, производимое каким-нибудь новым произведением и судить о достоинствах последнего. Барон боготворил старика Гайдна, что не мешало последнему познакомить нас с двумя пороками его: ван Свитен мнил себя композитором и написал дюжину симфоний, «таких же неуклюжих, как его громоздкая фигура»; вместе с тем питал он страсть к изображению разнообразных явлений природы звуками и склонял Гайдна к тому же; по случаю появления фортепианного переложения одного произведения, где изображается кваканье лягушки, Гайдн писал: «...меня заставили написать это; жалкая имитация незаметна в оркестре, но на фортепиано она невыносима. Да не осудит меня критика... Я слишком стар и не имею достаточно времени, чтобы пересмотреть и переделать давно написанное».

Жалкие похороны Моцарта и обращение со вдовою его не дают нам основания восхищаться высокими нравственными качествами барона, тем не менее эти факты из жизни его искупаются многолетними трудами на пользу искусства, поддержкой молодых талантов, в числе которых был также Бетховен, являвшийся по вечерам к барону, чтобы сыграть несколько фуг Баха; после этого виртуоз наш оставался иногда ночевать у барона; вероятно, к осени 1793 года относится следующая записка ван Свитена:

Г-ну Бетховену, в Альзергассе № 45, у г. князя Лихновского.

Если ничто не помешает, то приходите в будущую среду, в 8 часов вечера, с ночным колпаком в кармане. Отвечайте немедленно.
Свитен.

К тому же времени относится отметка в дневнике Бетховена:

Ужинал у Свитена, на чай дал 17, швейцар отпер дверь — 4 кр.

Бетховен бывал также часто в обществе графа Иосифа Кинского, сын которого, Фердинанд, вошел впоследствии в состав триумvirата, покровительствовавшего нашему герою; триумvirат был заключен им с эрцгерцогом Рудольфом и князем Лобковичем, с которыми познакомимся ближе в дальнейшем изложении. Советник Рес, владелец богатейшей нотной библиотеки, советник Мейер, на домашних концертах которого нередко присутствовал император, граф Павел Антон Эстергази, для которого Бетховен написал мессу, граф Иоганн Эстергази, виртуоз на гобое, и граф Франц Эстергази, приятель ван Свитена, князя и графы Лихтенштейн, Ауершперг, Траумансдорф, Ностиц, Аппони, Броун, Эрдеди, Шварценберг, Карл Никль (дворянин из Никельсберга, член государственного совета), Иосиф Зонненфельс (тоже член государственного совета), — вот лица, среди которых жил и вращался наш молодой виртуоз, встречая порою дружеские приятельские отношения.

Жизнеописание Бетховена, как и всякого другого смертного, представляет собою преимущественно перечень неудач и немощей, борьбы с самим собою, с людьми и с природою, всяческих невзгод и бедствий, среди коих изредка прорываются счастливые

дни, числом своим не превышающие числа лет жизни героя. И среди этих немногих светлых дней нельзя указать ни одного, когда бы источником радости Бетховена была женщина, «это украшение жизни, обладающее тысячами средств сделать нас несчастными и лишь одним средством осчастливить нас». Благодаря нелепым условиям и положению, в каковых живет женщина из поколения в поколение, ей редко доводится проявить всю прелесть последнего, но ежедневно и с большим успехом культивирует она свои прочие «средства», что лишней раз подтвердилось в жизни нашего композитора.

Представительницы прекрасного пола относились также благосклонно к артисту, не стеснявшемуся этикетом, иногда открытому до развязности и грубости; то, что нередко отталкивало от него мужчин, имело особенную прелесть для некоторых женщин, находивших речи и обращение гениального артиста оригинальными, пикантными; женское чутье открывало им привлекательность его характера; некрасивая внешность, странные обороты рейнского наречия, порою экзальтированное настроение виртуоза нравились более венским дамам, чем музыкантам. Любезность и внимание их часто казались Бетховену признаками более глубокого чувства и, предполагая, что многие из них влюблены в него, он сам увлекался прелестными дамами и девицами, писал им нежные записки, посвящал им свои сочинения, а иногда предлагал свое сердце и руку. То он был увлечен графинею Кеглевич, юною венгеркою, вышедшею в 1801 году замуж за князя фон Эрба-Одескалки, то графинею Терезою фон Брунвик, от которой получил портрет масляными красками с подписью:

Несравненному гению,
Великому артисту,
Сердечному человеку,
Т. В.

Дочь придворного офицера, Кристина Герарди, красивая итальянка и талантливая исполнительница романсов Бетховена, также была одною из богинь, которым он поклонялся, что не мешало ему, впрочем, беседовать с нею на языке далеко не божественном, отсылать ее к черту, а жениха ее, д-ра Иосифа Франка, величать дурнем.

Милая Кр... Вы вчера намекнули относительно моего портрета. — Я хотел бы, чтобы вы были осторожнее. Боюсь, что если мы выберем для обратной отсылки кого-нибудь со стороны Ф., то вмешаются несносный Б. или дурень Иосиф. К тому же все дело, может быть, заключается только в намерении сделать мне гадость. Мне пришлось бы снова выпутываться, что было бы совсем невыносимо, так как жалкая толпа не стоит этого. Постарайтесь скрыть все, насколько это только возможно. Уверяю вас, что после этого я напечатаю в газете просьбу ко всем художникам, чтобы они впредь не рисовали меня без моего ведома. Не думал я, что придется иметь неприятности из-за собственного изображения. Что касается снимания шляпы, то все это очень глупо и невежливо и не стоит того, чтобы за это мстить. Объясните ему правила прогулок; adieu, черт вас побери.

Милая моя Г., я солгал бы, если бы не сказал вам, что только что присланные мне стихи ваши не смутили меня. Натура моя из тех, которые видя и слыша себе восхваления, чувствуют при этом все свое ничтожество. Но эта похвала должна быть для меня стимулом постоянно стремиться, несмотря на все препятствия, к недостижимой цели, предлагаемой нам искусством и природой. Стихи эти действительно прекрасны, если не считать одного недостатка, который обыкновенно встречается также у других поэтов и состоит в том, что, увлеченные фантазией, вы слышите и видите то, что вам желательно видеть и слышать, хотя бы это было иногда далеко ниже ваших идеалов. Вы, конечно, понимаете, что мне весьма желательно познакомиться с поэтом или поэтессой.

Примите благодарность за внимание к почитающему вас

Л. в. Бетховену.

Для этой певицы Гайдн написал в 1797 г. партию Евы в оратории своей «Сотворение мира», и спустя три года она вышла замуж за врача Иосифа Франка, с которым переселилась в Россию в 1808 году. Другая певица, Магдалина Вильман, еще более вскружила голову Бетховену; он сделал ей предложение, но «атака была отбита», и певица предпочла носить другое, неизвестное нам имя мужа имени Бетховена, которого она нашла «безобразным и полупомешанным». Однажды Бетховен был в ложе, во время представления оперы Паэзиелло «La Molinara», с дамой, которую увлекался; последняя в разговоре с сожалением заметила, что потеряла вариации на тему дуэта «Nel cor più non mi sento» из этой оперы; спустя несколько дней влюбленный композитор принес даме своего сердца 6 вариаций на эту тему (сер. 17 № 7) с такою надписью: «вариации, потерянные г-жою и найденные Людвигом ван Бетховеном». Другой же красавице, просившей на память прядь волос, он подарил клочок козлиной бороды.

Оригинальные черты Бетховена, привлекавшие к себе внимание светских дам и девиц, конечно, не представляли ничего соблазнительного для обитательниц окрестных сел и деревень; даже крестьянка сомнительного поведения, проживавшая на даче рядом с композитором, с пренебрежением отворачивалась от его пристального взгляда. Однажды отец ее за драку был посажен в тюрьму; композитор взял на себя обязанности рыцаря и отправился в полицейское управление хлопотать об освобождении его. Не достигнув цели увещаниями, он стал шуметь, кричать, бранить и сам попал туда же, где находился отец его Дульциней; лишь заступничество знакомых Бетховена, сообщивших полиции сведения о личности и связях его, вызвало освобождение композитора. Об интимных отношениях нашего героя к венским красавицам существуют противоречивые отзывы современников: по словам Зейфрида «Бетховен никогда не был женат и, что очень странно, довольствовался всегда платоническим увлечением, если только не задавался матримонийными намерениями, всегда безуспешными»; однако Вегелер утверждает, что Бетховен был постоянно в любовной связи и одерживал победы, «которые были бы невозможны даже Адонису», хотя биографы напрасно ищут в течение ста лет подтверждения этим словам.

Брацаясь в высшем венском обществе, Людвиг не забыл также своих прежних друзей, своих скромных боннских при-

ятелей; вспыльчивость, опрометчивость его порою вызывали разлад с ними, причем композитор щедро осыпал упреками и бранью таких недругов, но нетрудно было заметить, что в глубине души его все еще таилась привязанность к ним, побеждая враждебное настроение. Доктор Вегелер, занимавший некоторое время пост ректора боннского университета, был одним из наиболее близких друзей Бетховена; после того, как архиепископ Максимилиан, благословив боннских жителей, бежал из своей резиденции, многие из них также поспешили покинуть берега Рейна; 7 октября 1794 года французские знамена развевались в Бонне. Вегелер одним из первых выехал в Вену и пробыл здесь два года; будущий муж Элеоноры Брейнинг также не избежал обидной выходки Бетховена, сущность которой, впрочем, остается невыясненной.

Мой лучший, милейший! в каком отвратительном виде ты представил меня мне же самому. О, я понимаю, я не заслуживаю твоей дружбы; так ты благороден, так доброжелателен и вот впервые я не смею считать себя равным тебе: далеко отстал я от тебя; своему лучшему, благороднейшему другу я причинил неприятности на целые недели. Ты думаешь, что сердце мое не способно более к добру. Слава Богу: нет, не злота умышленная, намеренная руководила мною, это было лишь непростительное легкомыслие, извратившее истинное положение вещей. О, как мне стыдно перед тобой, — не смею просить о дружбе, — ах, Вегелер, я утешаюсь только тем, что ты знал меня почти с детства, но все же позволь сказать, что я был всегда добр и старался всегда быть правдивым и честным в своих поступках, иначе мог ли ты меня полюбить? Мог ли я измениться за это короткое время сразу, в ущерб себе самому — могла ли сразу погаснуть во мне эта вера в добро и величие? Нет, Вегелер, мой лучший, дорогой, приди вновь в объятия твоего Бетховена, воздвигни на добродетелях, которые ты некогда в нем нашел, священный храм чистой дружбы, и будет он стоять незыблемо, вечно, ни бедствия, ни бури не смогут поколебать его основ — крепка — вечна наша дружба! — прощение — забвение — оживи умирающую утопающую дружбу — О Вегелер, не отвергай эту руку примирения, протяни мне свою — О Боже, — ни слова более, — я сам иду к тебе, бросаюсь в твои объятия, прошу о возврате утраченной дружбы, и ты возвращаешься ко мне, раскаявшемуся, любящему тебя и никогда не забывающему

Бетховену.

Только что получил твое письмо, потому что я только сейчас пришел домой.

Вена, май 1797 г.

Здравствуй, мой друг!

Я в долгу пред тобою: за мною одно письмо; ты получишь его вместе с моими новейшими пьесами. Дела мои идут хорошо и, могу сказать, постоянно становятся лучше. Если думаешь, что поклон мой может кого-нибудь обрадовать, то передай его. *richte ihm aus*

Прощай и не забывай твоего Людвиг ван Бетховена.

Можно предположить, что поводом к раздору были слишком нежные письма композитора к своей бывшей ученице, невесте Вегелера, которой молодой композитор посвятил тогда несколько лучших своих произведений. В письмах этих Бетховен упо-

минает своих боннских приятелей: Мальхуса, впоследствии министра финансов в Вестфалии, Параквина, контрабасиста в оркестре курфюрста, красавицу Кох; при первом из писем этих, видимо, были приложены посвященные ей вариации на тему *Se vuol ballare* из «Свадьбы Фигаро» Моцарта; но главной темой писем остаются чувства композитора к Элеоноре, способные возбудить ревность жениха.

Вена, 2 ноября 1793 г.

Глубокоуважаемая Элеонора!
Милая подруга!

Только по истечении почти целого года, проведенного мною здесь, в столице, посылаю вам первое письмо, но будьте уверены, что непрестанно думал я о вас. Неоднократно приходилось мне беседовать с вами и вашей дорожной семье, хотя весьма часто не с тем спокойствием, какого я желал бы, так, например, во время рокового спора, которого никак не могу забыть и во время которого поступок мой представляется мне вполне достойным презрения. Но дело это прошлое, и я много заплатил бы, если бы в состоянии был совсем загладить мое тогдашнее, позорящее меня и совершенно противное моему характеру обращение. Конечно, было немало обстоятельств, которые уже раньше вызывали в нас враждебное отношение, и, как полагаю, главной помехой к взаимной гармонии нашей явились сплетни о том, что каждый из нас высказывал о другом. Каждый из нас думал во время спора, что говорит по убеждению, между тем как это было лишь следствием внушенного нам гневного настроения, и оба мы оказались обманутыми. Ваш добрый и благородный характер, моя милая подруга, порукой мне в том, что вы уже давно простили меня. Но говорят, что чистосердечное раскаяние состоит в собственном сознании проступка, чего я и желал. Забудем же все это и выведем отсюда лишь нравоучение, что поспорившие друзья не должны прибегать к посредникам, а должны покончить все непосредственно между собою.

При сем посылаю мою пьесу, посвященную вам, к сожалению, не столь значительную по объему и не вполне вас достойную. Меня принудили здесь издать это маленькое произведение, и я воспользовался случаем, чтобы представить вам, глубокоуважаемая Элеонора, доказательства моего к вам почтения, дружбы, постоянной памяти о вас и о вашей семье. Примите эту безделицу от глубоко почитающего вас друга. О, если она только доставит вам удовольствие, то я буду вполне удовлетворен. Да будет оно слабым отражением того времени, когда в доме нашем я проводил лучшие дни моей жизни. Быть может, безделица эта и в вас сохранит обо мне память до тех пор, пока я опять навещу вас, чего, конечно, нельзя ожидать в близком будущем. О, какая радость ожидает нас тогда, моя милая. Вы найдете в вашем друге веселого человека, в котором время и счастливые обстоятельства изгладили морщины, вызванные прошлыми неприятностями.

Если встретите Б. Кох, то прошу вас сказать ей, что нехорошо с ее стороны вовсе не писать мне. Ведь я уже два раза писал ей; Мальхусу же писал я три раза, и — никакого ответа. Скажите, что если ей писать не хочется, то пусть, по крайней мере, принудит к этому Мальхус. В заключение моего письма, позволяю себе еще одну просьбу: я желал бы вновь иметь счастье получить жилет из заячьей шерсти, вязаный вами, моей милой подругой.

Простите своему другу нескромную эту просьбу, она исходит из особенной склонности ко всем работам вашим; сверх того, скажу вам по секрету, что в основании этой просьбы заключается маленькое тщеславие: мне хотелось бы показать, что обладаю подарком от одной из лучших, достойнейших девиц в Бонне. Хотя у меня еще имеется первый

жилет, подаренный вами в Бонне, но он, благодаря новейшей моде, сделался уже настолько немодным, что я только могу хранить его в шкафу, как дорогой подарок от вас. Велика была бы радость моя, если бы вы осчастливили вскоре меня письмом. Если мои письма доставляют вам удовольствие, то обещаю по возможности служить вам ими, так как мне весьма приятно пользоваться всяким случаем, чтобы доказать вам, насколько я ваш верный, вас почитающий друг Л. Бетховен.

P. S. Вариации покажутся несколько трудными, в особенности трели в Coda. Но это не должно вас пугать. Они написаны так, что вам следует только играть трель, остальные же ноты можете пропустить, **там** как они заключаются и в скрипичной партии. Никогда не мог бы я предполагать того, что теперь неоднократно придется мне замечать в Вене: иногда, по вечерам, я фантазирую за роялем, а на следующий день кто-нибудь, подхватив значительную часть этих фантазий, уже щеголяет ими в рукописи. Так как я предвидел, что то же самое будет с этими вариациями, то решил предупредить такой случай. Сверх того, имел я в виду привести в смущение здешних пианистов, из коих некоторые — мои смертельные враги; таким образом хотелось мне также им отомстить, потому что я знал заранее, что в некоторых домах господам этим предложат мои вариации, при разыгрывании которых им непременно несдобровать.

Бетховен.

Чрезвычайно обрадовал меня прекрасный галстук вашей работы. Подарок этот вызвал во мне грустное настроение, несмотря на удовольствие, доставленное мне самим предметом. Он возбудил во мне воспоминание о прошедшем времени, а великодушие ваше пристыдило меня. Признаюсь, не думал я, что вы еще считаете меня достойным вашего воспоминания. О, если бы вы могли быть свидетельницей моего вчерашнего настроения, то, наверно, не нашли бы преувеличенным того, что хочу я сказать вам: отношение ваше ко мне тронуло меня до слез и сильно опечалило. Прошу вас, несмотря на малость доверия, которого я в ваших глазах заслуживаю, не сомневаться в том, моя подруга (позвольте мне и впредь вас так называть), что я сильно страдал и до сих пор страдаю, лишившись вашего расположения. Вас и вашу дражайшую мать я никогда не забуду. Вы ко мне были так добры, что потеря дружбы вашей для меня не так скоро может быть возмещена; я глубоко сознаю, что мною потеряно и чем вы для меня были. Но для выяснения всего этого пришлось бы возвратиться к сценам, о которых вам неприятно было бы слышать, а мне напоминать.

В виде небольшого воздаяния за вашу добрую обо мне память позволяю себе послать вам прилагаемые при сем вариации и рондо со скрипкой. Множество занятий не позволяют мне переписать давно обещанную вам сонату. В моей рукописи она представляет собою лишь эскиз, вследствие чего списать ее, даже и такому молодцу, как сам Параквин, было бы нелегко. Рондо можете дать переписать и затем возвратить мне партитуру. Это единственное, что я могу послать вам из моих вещей, которыми вы более или менее могли бы воспользоваться, а так как вы отправляетесь теперь в Керпен, то, быть может, безделицы эти **там** доставят вам некоторое развлечение.

Прощайте, моя подруга! Я не в состоянии вас иначе называть, как бы ни были вы ко мне равнодушны; все же будьте уверены, что я вас и вашу мать столько же почитаю, как и прежде. Если могу еще чем-нибудь доставить вам удовольствие, то не пренебрегайте мною; в этом заключается для меня последнее средство выразить вам благодарность за дружбу, которою я имел счастье пользоваться.

Желаю вам счастливого пути; привезите обратно вашу дорогую мать вполне здоровою.

Вспоминайте по временам, глубоко вас уважающего всегда,
Бетховена.

Среди боннских приятелей не забыт также издатель Зимрок, которому композитор передал для гравировки (но топечатание производилось тогда, как и ныне, преимущественно гравировкой, а не набором) две рукописи; это были: 1) 13 вариаций на тему ариетты «Es war einmal ein alter Mann» из оперетки Диттерсдорфа «Красная шапочка» (серия 17, № 14), произведение, не лишнее оригинальности, живости и грации; 2) четырехручные вариации на тему графа Вальдштейна (сер. 15, № 3), также довольно интересные своим содержанием (в особенности последняя, 9-я), представляющим собою один из первых опытов пера в области вариаций, где Бетховен достиг вскоре высшего искусства. Об этих произведениях упоминает автор в нижеследующем письме к Зимроку:

Вена, 2 августа 1794 года.

Дорогой Зимрок.

Я заслужил ваши упреки, так как задержал так долго ваши вариации, но уверяю вас, что множество работы не позволило мне поспешить с исправлением их. Вы сами усмотрите, чего не достает в них, во всяком случае желаю вам успеха в гравировке нот, каковые печатаются у вас красиво, ясно и разборчиво; если работа ваша будет впредь так же удачна, то вы станете шефом гравировки, понятно, нотной.

Я обещал вам в прошлом письме прислать кое-что от себя, и вы нашли в этом галантность; чем заслужил я этот комплимент? — Тьфу, кто в наше демократическое время станет говорить галантным языком; чтобы избавить меня от вашего комплимента, вы должны немедленно напечатать то, что я пришлю вам вскоре, по окончании ревизии моих композиций.

Относительно комиссионера я справлялся и нашел опытного и дельного человека. Его зовут Трег; вам теперь остается лишь писать ему или мне об условиях ваших. Он требует от вас одну треть скидки. Сам черт сломит ногу в этих торговых делах. Здесь ужасно жарко; венцы трусливы, вскоре они останутся без мороженого, так как зима была не холодная и льда очень мало. Масса разного люда охвачена здесь пропагандой; говорят, должна была вспыхнуть революция, — но я думаю, что пока австриец имеет темное пиво и колбасу, он не станет бунтовать. Конечно, ворота в предместьях должны быть заперты в 10 часов вечера. Солдаты снабжены боевыми патронами. Никто не смеет возвышать голоса, ибо полиция беспощадна.

Если ваши дочери уже подросли, то приготовьте мне одну в невесты, потому что холостым я был в Бонне, но здесь не намерен долго оставаться; — берегитесь!

Что поделявает добряк Рис, я хочу вскоре ему написать, он имеет основание упрекать меня, но никак не могу приучить себя к этому проклятому писанию писем. Составили ли вы уже мне партию.

Пишите иногда. Ваш Бетховен.

Хотелось бы получить от вас несколько первых экземпляров первых вариаций.

В числе знакомых нам боннцев, бежавших с Рейна при торжественных звуках мелодии Руже де Лилия, были братья Бетхо-

вена, Иоганн-Николай и Карл-Гаспар, переселившиеся в Вену в 1796 году. Первый из них, служивший в аптеке, красавец, щеголь, «образец денди», по выражению Черни, нашел такое же место в аптеке на Кернтнерштрассе, близ нынешнего оперного театра, потом купил аптеку в Линце на средства Людвига и в период наполеоновских войн нажил значительное состояние. Второй — низкого роста, рыжий, уродливый, был хорошим пианистом и, с помощью брата, нашел в Вене довольно много уроков и получил должность в королевском казначействе; впоследствии он, против воли Людвига, женился на дочери богатого обойщика, от которой прижил сына Карла, омрачившего последние годы жизни композитора. Близость братьев и некоторых друзей, покровительство многочисленных меценатов укрепили Бетховена в мысли поселиться навсегда в Вене, в центре тогдашней музыкальной Европы.

В конце XVIII столетия Вена имела около 300 тысяч жителей; она представляла собою как бы звено, связывающее восток и запад, Азию и Европу; поляки и венгерцы, кроаты и калмыки, итальянцы и чехи, тирольцы и турки, евреи и русские по торговым и иным делам или из любознательности съезжались в столицу разноплеменного государства, в резиденцию кесарей, где щеголяли своими национальными нарядами и обращали на себя внимание среди пестрой толпы, снующей здесь целыми днями, точно на ярмарке или на гулянии. Северные народы

вносили сюда порядок и чистоту, южные — подвижность и шумное веселье, общее настроение было жизнерадостное, у всех на устах были свои национальные или модные местные песни. «Вена, — пишет современник Бетховена, — самое приятное местопребывание для всякого, кто умеет пользоваться жизнью, особенно — для художника, а более всего — для музыканта. Вена в высшей степени обладает всем, что составляет отличительный характер столицы. Там есть богатое образованное дворянство, отличающееся любовью к искусствам, гостеприимством и утонченными нравами; там есть богатое, общительное, гостеприимное среднее сословие, среди которого немало образованных, развитых мужчин и не менее любезных семейных кружков; там, наконец, народ состоятелен, добро-

*Силуэт юного Бетховена
(1786),
работы Низена.*

душен, весел. Все сословия любят удовольствия и комфорт, и вся жизнь приурочена к тому, чтобы каждое сословие могло пользоваться всеми современными увеселениями в хорошо устроенных учреждениях, в полной безопасности и с возможными удобствами». Если прибавить к этому живописное расположение города и его окрестностей, а также присутствие здесь знатных

меценатов, то станет понятна могущественная притягательная сила Вены, подчинившая себе многих знаменитых музыкантов, с Моцартом и Бетховеном во главе, которым порою жизнь становилась здесь невыносимой в материальном отношении и которые все же отклоняли предложения иноземных государей.

Наивная чувственность, живейшее воображение — такова атмосфера Вены, а из этого материала создается все прекрасное, в особенности же в музыке.

Вена, — говорит Р. Шуман, — со своей башней Стефана, со своим нарядным обществом, опоясанная волнами Дуная и цветущей равниной, непрерывно возвышающейся вдаль к веренице холмов; Вена, со всеми памятниками своим великим гражданам, должна быть лучшей ареной для музыкальной фантазии...

Вена, — говорил А. Рубинштейн, — моя вторая родина; охотно поселился бы я там, если бы позволили обстоятельства.

Инструментальная музыка исполнялась тогда для публики очень редко, платных концертов почти не бывало, потому что искусство это еще не вышло из-под опеки сановников, было чуждо массе и мало было небогатых любителей, склонных за деньги слушать симфонию или квартет; обычное место их исполнения было в домах и во дворцах знатных меценатов, как незадолго перед тем было и с оперою. В Вене устраивалось ежегодно четыре публичных концерта, два на Пасху и два на Рождество; сбор с них поступал большею частью в кассу вспомоществования вдовам и сиротам музыкантов; кроме того, бывали изредка концерты композитора, задумавшего познакомить публику со своими, преимущественно новейшими, еще не изданными сочинениями, или заезжего виртуоза, снабженного изрядным количеством рекомендательных писем: во всех случаях билеты рассылались, или концертант сам разносил по домам. Устройство концертов композиторами, которым нужны были обширные помещения и большой оркестр, было связано с участием этих композиторов в упомянутых благотворительных концертах; лишь за такую услугу можно было надеяться на содействие дирекции королевских театров в отводе оперного или редутного зала, а также в разрешении театральным музыкантам участвовать в частном концерте. Как в благотворительных, так и в частных концертах состав профессиональных музыкантов дополнялся любителями, из которых многие не уступали в игре специалистам и, вместе с тем, отказывались иногда от платы. Приведенные обстоятельства, в связи с знакомыми читателю чертами характера Бетховена, объясняют то ревностное отношение, которое он проявлял в организации не только своих, но также благотворительных венских концертов; на подобное отношение указывает также записка его к жене доктора Франка (урожденной Герарди), выдающейся певице, давшей 30 января 1801 года концерт в пользу инвалидов в так называемом Redoutensaal, примыкающем к старому дворцу (Burg) и служившем для многолюдных балов, концертов, раутов, редутов и т. п.; в нижеприведенной записке, изложенной довольно нескладно, упоминаются некоторые участники благотворительного концерта, например, тенор Симони и валторнист Пунто, для которого тогда же была написана соната оп. 17.

К госпоже Франк в Вене.

Нахожу необходимым напомнить вам, моя добрейшая, что вы должны предупредить забывчивость супруга относительно предстоящего второго концерта, и что лица, содействующие своими дарованиями этому, вместе с тем содействуют собственной популярности; так бывает обычно. Да, по-моему, иначе было бы невозможно увеличить число посетителей, что, конечно, составляет главную цель. Пунто возмущен отсутствием супруга вашего и совершенно прав. Поэтому я нарочно, прежде чем увижу его, решил напомнить вам, полагая, что только какое-нибудь спешное дело или особенная забывчивость могла вызвать это отсутствие. Постарайтесь же, добрейшая, сделать это теперь, так как в противном случае вы, наверно, подвергнетесь большой неприятности. Так как я лично убежден и знаю от других, что могу содействовать успеху этих концертов, то посему я, равно как и Пунто, Симиони и Гальвани, стремимся познать гублику с нашим усердием в устройстве с благотворительною целью, в противном случае наши труды бесполезны.

Весь ваш Л. в. Бетховен.

Печальному положению организации концертов далеко не соответствовало положение театральных дел той эпохи. Опера уже избавилась от опеки меценатов. В театре Маринелли (ныне Карлсбург на Пратерштрассе) ставились фарсы и оперетки; театр An der Vien (там же, где ныне, на Magdalenenstrasse) сдавался разным антрепренерам, один из которых, Шиканедер, нажился на «Волшебной флейте» Моцарта. Существовало около десяти домашних сцен, где ставились оперы и оперетки в исполнении любителей. Королевский оперный театр славился на всю Европу своею итальянскою труппою. В этом последнем 7 февраля 1792 года впервые была поставлена чудная опера Чимарозы — «Тайный брак», прелестный, почти забытый ныне прототип «Севильского цирюльника»; императору Леопольду II она так понравилась, что по окончании спектакля все исполнители были приглашены в своих театральных нарядах явиться во дворец к ужину, а после ужина повторили всю оперу в дворцовом зале. Требования венца в области музыки соответствовали его темпераменту: чрезмерная чувственность мелодий итальянца так же была ему противна, как замысловатая полифония нидерландцев; там и здесь он умел находить истинные красоты и сочетать их; пластичность тем и изящество ритма он предпочитал глубокомысленным голосоведениям и мудреным гармониям, а скудость и тривиальность аккомпанемента к напевам южанина он охотно заменял оригинальным чередованием и прелестью полных звуков, рожденных на севере. «Феноменальных виртуозов, — писал современный Бетховену французский путешественник, — немного здесь, но в отношении совершенства и прелести оркестровой игры нигде нельзя слышать ничего подобного. Сколько бы человек ни играло одновременно, кажется, что эти определенные, выразительные и размеренные звуки исходят от одного гигантского инструмента. Все скрипки точно оживлены ударом одного смычка, все духовые инструменты — одним дуновением. В продолжение целой оперы не слышно не только одной фальшивой ноты, но даже малейшего промаха, спешного или грубого удара, запоздалого смычка, резкого звука трубы».

«Простой венский вальс, — писал Р. Вагнер, — включает в себе более грации, красоты и музыкального содержания, чем большие оперы, ставящиеся на оперной сцене, и превосходит последние столько же, как колоколя св. Стефана превосходят столбы парижских бульваров».

Живя в столице тогдашнего музыкального мира, среди талантливейших музыкантов эпохи, посвящая все свое время композиции и игре, Бетховен, лишившийся жалованья от архиепископа боннского, нашел в том же искусстве источник своего существования, — более щедрый к молодому артисту, чем впоследствии к творцу бесподобных симфоний. Ему платили порою некоторые из меценатов за участие в домашних музыкальных собраниях, он получал еще более за многочисленные уроки фортепианной игры, но наиболее постоянным доходом его был авторский гонорар, доставлявший ему средства в продолжение долгих лет после того, как Бетховен отказался от педагогической и концертной деятельности. Последняя продолжалась недолго; лишь в 1795 и 1796 годах выступал он в больших концертах, называвшихся тогда академиями, где играл свои большие произведения с оркестром; в последующие годы выступал он перед публикою все реже и, можно сказать, случайно, вследствие каких-либо исключительных обстоятельств.

В 1795 году, — рассказывает Вегелер, — предстояло Бетховену играть свой первый концерт (ор. 15) в академии, устроенной Сальери. «За два дня до срока концерт еще не был готов. Только к вечеру окончил он последнюю часть, работая при страшных коликах в желудке, которыми часто страдал. Я старался, как мог, облегчить его страдание домашними средствами. В соседней комнате сидело четыре переписчика, которым он передавал по одному исписанному листу. На следующий день, во время репетиции, оказалось, что фортепиано настроено на полтона ниже строя духовых инструментов. Бетховен велел немедленно перестроить струнные инструменты в лад с духовыми, а сам сыграл свою партию на полтона выше». В том же году он участвовал солистом в академии другого своего учителя, Гайдна, и, по обыкновению, имел огромный успех. Последней данью его честолюбию виртуоза была поездка в 1796 году в Нюрнберг, Прагу и Бремен, о чем сохранилось мало сведений. Известно, что в Нюрнберге он встретил двух братьев Элеоноры Брейнинг, Стефана и Христофора, с которыми выехал обратно в Вену. В Линце полиция обнаружила у них отсутствие паспорта и арестовала, но, благодаря содействию Вегелера, вскоре освободила. По этому случаю Стефан Брейнинг писал своей матери: «они воображали, что захватили важных преступников; едва ли можно найти человека менее опасного, чем Бетховен». По возвращении в Вену третий брат их, Ленц Брейниниг, писал: «Бетховен опять здесь, он играл в концерте Ромберга. Он все такой же, и я рад, что он хоть кое-как ладит с Ромбергами. Раз он с ними поссорился, но я был посредником и помирил их. Вообще он относится теперь ко мне очень хорошо».

В Праге Бетховен пробыл довольно долго и жил в «Goldenen Einhorn» auf der Kleinseite (Mala Strana, часть города на левом берегу Молдавы, близ Градчина). Здесь написаны им большая сцена и ария «Ah, perfido» для приятельницы Моцарта, г-жи

Душек, выдающейся исполнительницы бравурных пьес; подобно многим рукописям Бетховена, ария долгое время оставалась в рукописи и только спустя десять лет появилась в печати под ор. 65; посвящена она графине Di Clari, певшей «очень приятно».

Здесь, в Праге, как и позже в Лейпциге, он дал концерты, о которых местный композитор Томашек писал: «Бетховен — исполин среди пианистов. Он дал концерт, привлечший массу публики. Он играл свой концерт C-dur, ор. 15; затем Adagio и грациозное рондо A-dur, из ор. 2, и заключил импровизацией на тему, данную ему графиней С. из оперы Моцарта «Тит», «Ah, tu fossi il primo oggetto». Я был необыкновенно потрясен величественной игрой Бетховена, а в особенности его фантазией. Я слышал Бетховена также во втором его концерте: игра его и произведение не произвели уже на меня такого впечатления. Он сыграл в этот раз концерт B-dur, который сочинил тут же в Праге».

О пребывании своем в Праге Бетховен писал брату своему, упоминая о каких-то Эльзо, С., о каком-то парикмахере и о долге князя Лихновского за подписку на ор. 1.

К Иоганну ван Бетховену.

Дорогой брат! Пишу тебе, чтобы ты знал, по крайней мере, где я и что со мною. Во-первых, мне хорошо, очень хорошо. Мое искусство доставляет мне друзей и почет; чего же мне еще желать? Денег получу также достаточно. Я останусь здесь еще несколько недель, а потом еду в Дрезден, Лейпциг и Берлин. Таким образом, пройдет еще по крайней мере 6 недель, пока я вернусь обратно. Надеюсь, жизнь в Вене становится тебе все приятнее. Берегись только скверных баб. Был ли ты уже у двоюродного брата Эльзо. Напиши мне как-нибудь сюда, если будет у тебя время и охота.

Князь Лихновский приедет, вероятно, вскоре обратно в Вену; он уже выехал отсюда.

Если тебе нужны деньги, то можешь смело отправиться к нему, так как он мне еще должен. Во всяком случае, я хочу, чтобы ты был счастлив и хочу по мере сил содействовать этому. Прощай, дорогой брат, и вспоминай иногда о твоём истинно преданном брате

Л. Бетховене.

Поклон также Гаспару.

Мой адрес: в «Золотом Единороге» на Малой стороне, Прага. К брату моему Николаю Бетховену. — Отдать в аптеке у Кернтнертор. Фон С. будет так добр и передаст это письмо парикмахеру, который доставит его по назначению.

В Берлине Бетховена приняли радушно; несколько раз играл он у Фридриха-Вильгельма II, поклонника Генделя, Глюка и Моцарта, и получил от него табакерку, полную золотых монет. «Это не была простая коробка, — говорил Бетховен, — а чисто царская табакерка, подобная тем, что дарят посланникам». Прослушав блестящую игру принца Людвига-Фердинанда, наш галантный по-своему композитор обратился к нему с излюбленным комплиментом:

— Вы играете не как принц, а как настоящий артист.

Спустя семь лет принц Людвиг-Фердинанд приехал в Вену, где желанным посетителем его был наш композитор; последнего обидела одна старая графиня, пригласив принца с несколькими знатными лицами на музыкальный вечер и не допустив Бетхо-

вена с коллегами к ужину. Через три дня принц устроил у себя обед, причем графине пришлось сидеть между его высочеством и музыкантом, с бранью покинувшим ее дом, чтобы никогда более не вступать в него. Такое соседство за столом было настолько же оскорбительно графине, насколько лестно было для Бетховена, часто с удовольствием рассказывавшего об этом эпизоде.

Игру принца Бетховен ставил выше даже игры придворного пианиста и композитора Химмеля, в котором ему особенно нравились жизнерадостное настроение и остроумие. Однажды, гуляя с ним по *Unter den Linden*, Бетховен предложил зайти в кафе и занять отдельный кабинет с фортепиано; здесь герой наш увлекся своими импровизациями, затем уступил место Химмелю, который стал самоуверенно поверять клавишам плоды своей тощей фантазии.

— Когда же вы, наконец, начнете? — воскликнул нетерпеливый Людвиг.

Пораженный и смущенный Химмель вскочил со стула и бросился к двери.

— Я думал, что он прелюдирует, — повторял Бетховен, рассказывая об этом. Однако оскорбленный придворный композитор, помирившись с Бетховеном перед выездом последнего из Берлина, впоследствии отомстил ему за дерзкое замечание; в одном из писем к нему Химмель писал, что в Берлине изобретен фонарь для слепых; Людвиг повторял всюду это сообщение, пока ему не объяснили злой шутки берлинского коллеги. Последний самодовольно улыбался при воспоминании о том, что вызывало неистовый гнев первого.

Карл Фаш, основатель и директор Берлинской *Singakademie*, занес в дневник этого учреждения следующие заметки: «21 июня 1796 года г. ван Бетховен фантазировал на тему из Давидианы (музыка Фаши а *capella* к псалмам Давида); г. ван Бетховен, пианист из Вены, любезно доставил нам случай слышать свою импровизацию. 22 июня г. ван Бетховен был опять так любезен, что импровизировал нам». Наличие этих отметок и тон, в котором изложены они директором *Singakademie*, указывают на значение, какое придавалось тогда приезду венского виртуоза в Берлин, хотя в последнем проживали такие музыканты, как Ригини, Цельтер и обер-интендант королевской музыки Дюпор, — композитор и талантливый виолончелист, для которого Бетховен написал две сонаты ор. 5, посвященные королю прусскому.

Тем не менее, громкая слава виртуоза и импровизатора не помешала критике встретить первые произведения Бетховена довольно недружелюбно. «Всеобщая музыкальная газета», издававшаяся в Лейпциге фирмою Брейткопф и Хертель, писала о скрипичных сонатах ор. 12: «Очевидно, г. Бетховен прокладывает себе новый путь; но сколько здесь терний и сколько колючек! Ученость и опять ученость! Всюду ученость! И ни тени естественного, ни одной мелодии. И неужели ученость, которою хотим нас обворожить, представляет собою в действительности хаос, куда не может попасть луч света из области эстетики. Это постоянные потуги, никому не интересные, непрерывные поиски причудливых модуляций, систематическое отвращение к естественным переходам, наконец, такое ужасное нагромождение трудностей, что волей-неволей теряешь терпение и отказываешь-

ся от борьбы». Таков был отзыв о всем ныне знакомых трех сонатах, в которых не знаешь — чему более удивляться: элегической ли красоте чудного *andante* в № 2 или поразительной простоте и ясности в *allegro*, то наивном и изящном, как в финале № 1, то энергически оживленном, как в финале № 3.

Десять фортепианных вариаций, до примитивности простеньких, на тему дуэта из оперы Сальери «Фальстаф» (сер. 17 № 11) подверглись еще более резкому осуждению той же лейпцигской газеты: «Они никого не могут удовлетворить, так они угловаты, вымучены. Быть может, Бетховен умеет фантазировать, но он не умеет сочинять вариаций». Тот же критик находит трио ор. 11 не лишенным эффектов, но настоятельно советует автору избегать изысканностей и писать естественнее; «только тогда он может надеяться на внимание современников».

Более щедр был критик на похвалы пьесам, ныне забытым: семь вариаций для виолончели и фортепиано на тему из «Волшебной флейты» Моцарта (в издании Брейткопфа и Хертеля серия 13, № 8, «Bei Mannern» и № 7, *Ein Mädchen oder Weibchen*) и восемь вариаций для фортепиано на тему «*Une fièvre brulante*» из оперы Гретри «Ричард Львиное сердце» (серия 17, № 10): «Г. ван Бетховен, — писала газета, — прекрасный пианист; это всем известно, а кто этого не знает, может убедиться, взглянув на его новейшие вариации. Стоит ли здесь композитор на той же высоте, какую достиг он своею виртуозностью? Судя по имеющимся пред нами образцами мастерской работы, можно, не колеблясь, ответить утвердительно».

Первые плоды вдохновения Бетховена, вылившиеся из-под пера его в период времени между 1785 и 1800 гг., отчасти были изданы тогда же, отчасти появились позже и поражают не столько новизною своего содержания, не столько оригинальностью штрихов и красок молодого гения, сколько количеством пьес, обнаруживающим необычайную плодовитость, трудоспособность, усидчивость, терпение, энергию начинающего композитора; многое из написанного было впоследствии обработано, переработано, вошло в шедевры его и еще в наши дни блещет свежестью музыкальных идей... К числу лучших произведений этого времени, переживших XIX век и еще популярных в наши дни, надо отнести три фортепианные сонаты (ор. 2), о которых издатель Артариа поместил такую публикацию в «Венской газете» от 9 марта 1796 г.:

«Так как предыдущие произведения композитора, уже пространенные в публице, три фортепианные трио, имели очень большой успех, то можно ожидать того же от этого произведения, тем более, что в нем, кроме достоинств композиции, ясно выражена сила, которою славится Бетховен как пианист, и мягкость, которою отличается его игра».

Трио ор. 3 и квинтет ор. 4, явились результатом попыток Бетховена исполнить заказ графа Аппони — последний предложил молодому композитору написать квартет; дважды принимался Бетховен за эту работу, но, видимо, не умея еще совладать с четырьмя инструментами, он сначала уклонился к типу своего ор. № 1, а потом — в противоположную сторону более многочисленного состава инструментов.

Не менее интересны трио ор. 8 и три трио ор. 9, также обнаруживающие чрезвычайную склонность автора к созданию камерной музыки и к подражанию своим учителям. Слушая *adagio* в ор. 8 (переложенном автором на 2 инструмента и изданном в виде ор. 42), дважды прерываемое оживленными эпизодами (скерцо), невольно рождается вопрос: при создании его не носился ли в воображении автора образ горячо любимой матери, скромной, безответной женщины, прикованной к домашнему очагу; не вспоминался ли день ее ангела с импровизированной серенадой и танцами?..

Сонаты ор. 6, ор. 7 и ор. 14 вполне соответствуют качествам упомянутых трио; значительно выше стоят три сонаты ор. 10, из коих № 3, *D-dur*, в стремительно страстной 1-й части и в драматических штрихах 2-й части проявляет уже знакомую нам индивидуальность автора.

Еще ярче выступают штрихи эти в ор. 13, в так называемой патетической сонате, которую, по мнению А. Рубинштейна, правильнее было бы назвать драматической. Произведение это принесло издателю, Иосифу Эдлеру (в Вене), такую прибыль, что автору было предложено 8.000 рублей¹ за сочинение новой *Sonate pathétique*; но Бетховену, предпочитавшему другие свои сочинения, популярность этого произведения не льстила, и он возмущенно повторял:

— Весь мир бросается на эту сонату, потому что каждый пианист ищет в названии *pathétique* указателя, руководящего исполнением.

Семь прелестных багателей (ор. 33), написанных в 1782 году, можно считать первообразом мендельсоновских «песен без слов», но здесь больше светлого настроения и склонности к вариации при повторении темы. Оригинальностью замысла и талантливим выполнением его отличаются две прелюдии (ор. 39, 1789 г.) в фугированном стиле, проходящие через все двенадцать тонов гаммы. Более интересны по содержанию и велики по объему два Рондо (ор. 51); такие оркестровые мелочи, как *Rondino* (сер. 8, № 2), 12 менуэтов (серия 2, № 7) и 12 танцев (сер. 2, № 8), ныне забытые, будучи исполнены в соответствующей обстановке, могут доставить удовольствие даже современному нам слушателю, чуждому простоте и примитивности этих игривых пьес, грациозных, мило звучащих в маленьком оркестре. В том же роде написаны для оркестра несколько позже 12 контрдансов (сер. 2, № 9), из коих каждый составляет отдельный танец, в 16 или 32 такта изящной музыки, напоминающей характером первую фигуру русской кадрили. К числу разнообразных танцев, написанных Бетховеном, кажется, с целью заработка, относятся также 6 лендеров, подобно другим таким же пьесам, навеянных, вероятно, воскресной толпой посетителей ресторанов и балаганов в предместьях Медлинг, Деблинг, Хицинг или в павильонах Пратера, где в праздничные дни венцы с увлечением предаются пляске под звуки фортепиано или оркестра из 3-4

¹ Хотя за сонаты ему давали обыкновенно около 100 рублей, и только в наши дни рукопись его сонаты ценится, как редкий автограф, десятками тысяч рублей.

музыкантов. Многое из написанного тогда и забытого ныне, надо полагать, было заказано издателями или меценатами-дилетантами нуждавшемуся композитору; к числу подобных произведений можно отнести: рондо для скрипки с фортепиано (серия 12, № 11), рондо для фортепиано (серия 18, № 14), концерт для ф.-п. D-dur (1 часть), впервые исполненный через сто лет после создания, шесть менуэтов (серия 18, № 12), двенадцать вариаций (серия 13, № 6), шесть вариаций (серия 15, № 4), романс (ор. 88), два сборника коротких «народных танцев» (сер. 18, № 16 и № 15), в размере 3/4, два сборника вариаций на темы из оперы «Мельничиха» Паэзиелло (серия 17, № 6 и № 7), вариации на тему менуэта Хайбеля (в 4/4?! — сер. 17, № 8), восемь вариаций (сер. 17, № 21), дуэт для двух флейт, три дуэта для кларнета и фагота (сер. 8, № 6), трио для фортепиано, флейты и фагота (сер. 25, № 294), трио для фортепиано, скрипки и виолончели (сер. 11, № 8), шесть танцев для фортепиано и скрипки (сер. 25, № 308), две пьесы (adagio) для мандолины и фортепиано (сер. 25, № 295 и № 296), соната (сер. 16, № 36), двухголосная fuga для органа (сер. 25, № 300), две багатели (сер. 25, № 297), Allegretto (сер. 25, № 209); сюда же можно отнести две кантаты (по случаю смерти Иосифа II и коронации Леопольда II, сер. 25, №№ 264 и 265), две арии для баса с оркестром (сер. 25, № 269), две другие арии с акк. оркестра (серия 25, № 270), незамысловатые, довольно красивые, с обычными тогда руладами, вошедшие вставными номерами в оперу Умлауфа; две песни (сер. 25, № 275 и № 280), романс «Жалоба» (сер. 25, № 283), арию к опере «Олимпиада» Метастазию, «Песню для госпожи Вейсентурн» (сер. 25, № 278), и ряд песен (сер. 23), текст которых более характеризует тенденции автора, чем бледная мелодия с таким же аккомпанементом, более развитым и содержательным лишь в последних номерах серии (например: №№ 19, 20 и 21); также мало интересны теперь и, пожалуй, могут украшать лишь школьную программу вариации на русскую тему, заключающую отдаленный намек на трепак (серия 17, № 9), вариации на такого же сомнительного происхождения швейцарскую тему (сер. 17, № 16), трио для духовых инструментов (ор. 87, издано спустя 12 лет); несколько интереснее вариации на тему Винтера (серия 17, № 12), фортепианный концерт Es-dur (1784), недоделанный и изданный лишь в 1890 г., шесть вариаций (серия 17, № 15), а в особенности 8 вариаций (сер. 17, № 13), из коих последняя, в фугированном стиле, не лишена оригинальности и яркой выразительности.

ГЛАВА III

1796 — 1802

Внешность и нрав. — Бетховен как виртуоз и импровизатор. — Отношение к меценатам. — Лихновский, Разумовский, Лобкович, Кинский, Тун. — Создание первых квартетов. — Друзья и приятели. — Барон Цмескаль. — Глюкота. — Джульетта Гвичиарди. — Хейлигенштадтское завещание.

Немало существует портретов Бетховена; большинство их — плод фантазии художников, снабжавших внешность композитора чертами и красками, более соответствовавшими звукам 5 или 9 симфонии, квартета ор. 132 или сонаты ор. 57, нежели реальной действительности.

Подлинными, т. е. списанными с натуры, можно считать следующие изображения:

- 1) Силуэт, относящийся к 1786 году, работы Низена.
- 2) Портрет работы Штейнхаузера, гравированный Недлем около 1801 года.
- 3) Портрет работы Хорнемана в 1802 году
- 4) Портрет, принадлежащий кисти неизвестного художника и находящийся в галерее графов Брунвик.
- 5) Полупоэт, полумузыкант, полухудожник Мелер изобразил композитора в 1804 году сидящим под сенью дерева; он держит левою рукою лиру, выступающую темным пятном на фоне серого плаща; пальцы правой руки странно растопырены в воздухе. Перед окончанием работы художника композитор писал ему:

1804 г.

Любезный Мелер.

Очень прошу возвратить мой портрет, как только он не будет нужен более вам, если же имеете еще надобность в нем, то прошу, по крайней мере, поспешить, я обещал его одной приезжей даме, которая видела его у меня, на время ее пребывания здесь в течение нескольких недель поместить в ее комнате. Кто может противостоять таким очаровательным требованиям, и часть милостей, которые благодаря этому перепадут мне, конечно, разделю с вами.

Весь ваш Бтхвн.

Этот портрет — единственная бетховенская реликвия в доме Габриеллы Хеймлер, дочери Карла Бетховена (племянника композитора), с которым познакомимся ниже.

6) Молодой художник Людвиг Шнор фон Карольсфельд изобразил в 1808 году Бетховена карандашом в альбоме Терезы

Мальфати, причем портрет композитора напоминает обычный тип того времени: с туго затянутым галстуком, сильно накрахмаленным воротником и модными тогда бакенбардами.

7) В 1812 году скульптор Клейн, по просьбе фортепианного фабриканта Андрея Штрейхера, не без труда склонил Бетховена снять с него маску, ныне весьма популярную, а затем изготовил бюст для коллекции Штрейхера.

8) Французский художник Летрон, отец известного археолога, в 1814 г. написал портрет, гравированный Хефелем.

9) В 1815 году Мелер вновь пишет портрет, еще менее удачный и проданный лишь по смерти художника (1860 г.) профессору Караяну в Вене.

10) В том же 1815 году Хеккель прескверно изобразил Бетховена масляными красками.

11) Через три года, в 1818 году, появился более удачный портрет работы Клебера, которому с таким же трудом довелось иметь несколько сеансов, как и всем другим художникам.

12) В 1810 году, по настоянию Шиндлера, художник Шимон стал посещать композитора с целью изобразить на холсте его львиную голову; Бетховена, увлеченного в это время сочинением *Messa Solemnis*, эти сеансы, конечно, раздражали, и он вскоре отказался позировать; тогда художник стал приходить и работать незаметно для композитора; последний не отрывал глаз от нотной бумаги, а Шимон молча входил, располагался за холстом и продолжал живопись, стараясь уловить взор композитора в те минуты, когда в нем вспыхивало пламя вдохновения. Так же молча, без приветствия, без прощания, уходил Шимон и возвращался к Бетховену, постепенно создавая наиболее удачный и распространенный ныне портрет, оригинал которого хранится в Бонне.

13) Больше терпения проявил Бетховен в 1820 году, когда Штилер писал с него портрет, выдающийся художественными достоинствами, но не сходством.

14) Портрет работы Дитриха (1821 г.).

15) Гипсовый медальон работы Бема (1823 г.), послуживший моделью для парижской медали работы Гатто, выбитой в 1829 г.

16) Вальдмюллер в 1823 году успел только сделать набросок с натуры, после чего получил отказ позировать и принужден был на память окончить заказанный ему портрет.

17) К тому же времени относится несколько набросков пером, сделанных Лизером и

18) портрет тушью работы Тейчека.

19) Два эскиза Бема (1825 г.).

20) Портрет работы Деккера (1826 г.).

21) Маска, снятая Данхаузером с умершего композитора 28 марта 1827 года.

Судя по рассказам современников и по переписке композитора, существовало, кроме перечисленных, еще немало других изображений его, а потому можно надеяться на благоприятные результаты деятельности исследователей, открывших в последнее время несколько новых портретов Бетховена и все еще продолжающих свои поиски.

Кому не знакома эта львиная голова с мягким, мясистым, широким и несколько плоским носом, с крепко сжатыми губа-

ми, с большим круглым лбом под длинными черными волосами, выглядывающая из миллионов рам во всех концах цивилизованного мира? Кто не знает этого грубо выкроенного и крепко сколоченного корпуса на массивных ногах, этих коротких четырехугольных в конце, как бы обрубленных, одинаковой длины пальцев рук; этого небрежного наряда, темно-зеленого или голубого цвета с большими медными пуговицами и широким белым галстуком? На светлом жилете близорукого композитора извивалась черная тесьма лорнета; войлочная шляпа, сдвигаемая постоянно на затылок, терлась о высокий воротник сюртука; из карманов выглядывали слуховая труба, огромный карандаш, свертки нотной бумаги, под мышкой он часто носил палку или трость, либо узелок вещей, совершенно чуждых музыке. Таким встречали Бетховена жители Вены сто лет тому назад, таким же мы видим его на рисунках.

Необыкновенные черты внешности композитора естественно гармонировали со странными выходками и эксцентричностью его натуры, проявлявшимися уже в первые годы пребывания в Вене.

Чтобы понять психологию Бетховена, множество противоречий и странностей в отношениях его к окружающим, достаточно вспомнить известный труд Цезаря Ломброзо,¹ не только проводящего параллель между великими людьми и помешанными, но указывающего причины экстравагантности, мизантропии, мистицизма, хандры, постоянной неудовлетворенности большинства гениальных натур. Легко перечесть знаменитых писателей, артистов и художников, избежавших психического расстройства, ибо таковых было немного, «сумасшедшими» же, не без основания, можно считать почти всех великанов мысли, всех гениев, всех людей, щедро одаренных природою и тем возвышенных ею над толпою, над массою, нищею духом. Бетховена считали многие современники помешанным; такие же отзывы о нем можно встретить в наши дни, но не надо слепо поклоняться всем творениям его пера, чтобы протестовать против таких отзывов, ничуть, впрочем, не умаляющих бесподобных красот 5 или 6 симфонии, квартетов ор. 59 и увертюры «Эгмонт». Психическая ненормальность гораздо ярче выражалась в Ж. Ж. Руссо, Ньюtone, Шопенгауэре, Шумане, О. Конте, Т. Тассо, даже в Гете, нежели в Бетховене, до последних лет жизни своей проявлявшем лишь невинные, отчасти напускные, искусственные причуды в сношениях с окружающими; будады же 9 симфонии и последних квартетов едва ли можно объяснить исключительно ослаблением дарования и умственных способностей, так как в обычной жизни композитора за последние шесть лет не было ничего более экстравагантного, нежели в молодости его, а звуковые причуды вполне понятны в глухом музыканте-новаторе.

С личностью Бетховена, с его характером нас достаточно знакомят сотни писем его, приведенных в этой книге. Здесь мы видим пред собою поразительное сочетание великого и пошлого, легкомысленности и подозрительности, небрежности и щепе-

¹ «Гениальность и помешательство». Спб. 1895 г. Изд. Павленкова. — Это исследование богато фактами и смелыми выводами, хотя не лишено грубых промахов.

тильности, полет в заоблачную сферу чистого искусства и пресмыкания среди жалких мелочей обыденной жизни, роковой союз — музы с кухаркой!.. Проводя детство среди нежных ласк матери и пинков пьяного отца, юноша переносится в Вену, где его окружают восторги высшей аристократии, где он пользуется вниманием знатных красавиц, на что отвечает непринужденностью, не стесняя себя ни в одеянии, ни в обращении; где сходится с приятелями так же быстро и легко, так же охотно признается им в дружбе и любви, как мечет громы и проклинает их спустя несколько лет и даже месяцев. Фактам, которые мы встретим ниже и которые иллюстрируют личность нашего героя, предпослём здесь несколько штрихов и эпизодов, отчасти анекдотического свойства, сообщенных современниками.

Часто переселяясь с одной квартиры на другую, Бетховен иногда возвращался в дом Пасквалати, находившийся против нынешнего университета, где из окон 3 или 4 этажа открывался чудный вид на окрестные холмы и пригороды, на Леопольдштат, на вершину Каленберга, на часть Пратера и берегов Дуная; чтобы расширить кругозор в этом последнем направлении, композитору пришла идея пробить отверстие в стене; кстати, соседний дом был только двухэтажный.

Не задумываясь над правами жильца, он призвал мастера, и раздались удары лома по кирпичам. Управляющий домом, услышав стукотню, явился остановить разрушение.

— Вы стесняете меня, — кричал взволнованный Бетховен, — я не могу располагать помещением, за которое плачу. Это интрига. Получите плату, я сегодня покидаю квартиру.

Лето 1800 года Бетховен провел в предместье Деблинг, он занимал здесь помещение из двух или трех комнат, имевшее общий коридор с соседней квартирой, где жила жена известного венского адвоката Грильпарцера с детьми, из коих один был впоследствии знаменитым поэтом. Бетховен тогда еще поддерживал свою виртуозную технику постоянною игрою; г-жа Грильпарцер подолгу простаивала за дверью артиста, наслаждаясь его исполнением, он, видимо, подозревал это и однажды, прервав игру, бросился к двери. Напрасны были извинения любопытной соседки; она уверяла, что это не повторится, что дверь ее в коридор будет заколочена, что вся семья будет ходить со двора и т. п., но великий могол (как называл его Гайдн) остался непреклонен и перестал играть.

В 1803 году он жил в доме кн. Эстергази, где помещался также старый его друг Стефан Брейнинг, получивший должность «придворного секретаря»; чтобы сократить свои расходы, композитор вздумал однажды перебраться в комнату Брейнинга, не сообщив домохозяйину об этом; при первом же требовании наемной платы наш неудачный финансист стал упрекать друга в том, что он не предупредил этого недоразумения и тем не избавил композитора от платежа за покинутую комнату. Напрасно оправдывался Брейнинг; композитор отказался жить под одной кровлей с предателем, немедленно забрал свои вещи и переехал в Баден, кстати дело было летом, поручив Рису нанять новое помещение в городе. Финансовые операции композитора, стремившегося к экономии, привели к тому, что летом этого года он занимал одновременно несколько квартир: одна была ему

отведена в здании театра, как автору готовившейся к постановке оперы «Фиделио», другая — в доме Эстергази, третья — в Бадене, и четвертая была нанята для него Рисом. Но не всегда он покидал нанятое помещение добровольно; встречались хозяева, сами предлагавшие ему съехать с квартиры, причем главной причиной бывало наводнение, случавшееся часто в комнате композитора. Долгая напряженная работа вызывала в нем прилив крови к голове; мускулы лица вздувались, лихорадочно блестящие глаза выступали из орбит, он сбрасывал с себя одежду, белье и обливался холодной водой, струившейся с него по всем углам комнаты и проникавшей неожиданным душем к обитателям следующего нижнего этажа.

Склонный к правильному и скромному образу жизни, Бетховен порою, в особенности в годы глубоких сердечных увлечений и посещения великосветских салонов, бывало, проводил ночи за композицией; в счетах, относящихся к этим периодам ночных занятий и усиленных омовений, встречаются значительные расходы на мыло и на саленные свечи.

Постоянно озабоченный поисками новой квартиры, с восторгом вступавший в каждое нанятое помещение, он быстро разочаровывался в удобствах его, жаловался на недостаток воздуха и света, на скверный вид из окон; только дом Пасквалати удовлетворял его и часто он возвращался сюда, но все же не мог поселиться здесь надолго.

Скитание по квартирам или одновременное содержание нескольких было, конечно, в ущерб его кошельку, а жизнь в Вене, в период наполеоновских войн, с каждым годом становилась дороже, и вследствие пошатнувшихся финансов Австрии за гульден ассигнацией давали не 100, а лишь 60 крейцеров звонкой монетой. Денежные средства Людвига были всегда ограничены, и относился он к ним либо расточительно, либо скаречно; если кошелек был легок, то владелец его обращался в мелочного, противного скрягу, когда же туда попадали флорины от издателей или с концерта, то выдавались щедрые пособия братьям и удовлетворялись ничтожные прихоти владельца и его приятелей. Не раз высказывал он отвращение к установившемуся обычаю продажи произведений искусства издателям; этот процесс естественно ставит жреца муз в положение торгаша, что, конечно, было противно нашему композитору.

«Я желал бы, — говорил он, — никогда не торговаться с издателем относительно моих произведений; клянусь, я не заставил бы просить себя о работе, если бы нашелся человек, относящийся ко мне с доверием и обеспечивший мое существование, за что располагал бы решительно всеми моими композициями. Не таковы ли были отношения Гете к Котта. Кажется, Гендель заключил такой же договор со своим английским издателем...»

За первые произведения Бетховена издатели платили ему довольно щедро, гонорар соответствовал степени популярности и славы молодого артиста, хотя критика нередко осуждала его композиции, например: фирма Брейткопф и Хертель, сама же издававшая лейпцигскую *Allg. Music-Zeitung*, платила Бетховену гонорары, далеко не соответствовавшие отзывам «лейпцигских быков» ее газеты: 20 дукатов, полученные Бетховеном за фортепианную сонату ор. 22, представляют по тем вре-

менам большую сумму; ведь это составляет около 60 рублей и, если принять во внимание, что жизнь в Вене ныне почти в 10 раз дороже, чем была сто лет тому назад, до нашествия Наполеона, то такой гонорар мог бы вполне удовлетворить самого требовательного автора. Тогда можно было получить в ресторане завтрак с обильным количеством пива за 12 копеек, а одинокому артисту достаточно было 20 рублей жалованья в месяц. Впоследствии гонорар стал еще выше: за сонату он получал около 100 руб., за квартет — около 150 р., за симфонию — 200 р., за романсы — по 10-20 руб., за оперу и мессу предлагали ему по 1.000 руб., за четырехручную сонату — 250 р. и т. п. Не мог Бетховен пожаловаться и на сборы с концертов, каковые устраивал почти ежедневно, например: с концерта 5 апреля 1803 года он получил чистого сбора 1.800 гульденов, но много вредила плотности кошелька рассеянность композитора. Гуляя по полям и лесам, он не раз забывал там шляпу или сюртук, а однажды, растянувшись на гласисе бастиона, он подложил под голову пальто свое и вернулся домой, оставив за городскими воротами, в кармане пальто, весь сбор с последнего своего концерта. В другой раз, бродя по окрестностям Бадена, Бетховен забрел поздно вечером в Нейштат и стал обращаться к встречным с просьбой указать ему путь к Бадену; вид невзрачного и назойливого прохожего с растрепанными волосами и без шляпы, забытой, вероятно, в какой-нибудь роще, обратил на себя внимание полиции, забравшей на ночь неизвестного бродягу на казенную квартиру. Бетховен, конечно, шумел, кричал, требовал пристава, но последний предпочел ужин с приятелями в ресторане, а с заключенным решил объясниться на следующее утро. Поздно ночью вспомнил Бетховен о музик-директоре Херцoge, проживавшем в Нейштате. Стража уступила требованиям композитора и отправилась будить его коллегу, очень польщенного представившимся случаем освободить знаменитого «великого могола» из плена.

В ресторан он являлся со своею записною книжкою и, пока другие посетители беседовали за чашкой кофе или кружкою пива, он углублялся в свою работу; уходил он лишь тогда, когда зал пустел, причем случалось, что звал слугу для расплаты, хотя ничего не требовал.

Часть лета 1821 года он провел в Бадене, против гостиницы «Орел», на Ратхаусгассе, в доме под № 94. Прежде чем нанять эту квартиру, композитор позавтракал в гостинице, когда же явился к хозяйке и, сговорившись с ней, хотел вручить задаток, то был задержан городовым и слугою из гостиницы, заявившим, что господин сей не уплатил по счету завтрака и почему-то оставил в ресторане свою шляпу. В участке выяснилось недоразумение, бывшее последствием рассеянности композитора, но этим не кончились приключения его: придя опять к хозяйке, он стал уверять, что уже выдал задаток; она готова была избавиться от незнакомца, явившегося сначала без шляпы, а потом взводившего на нее поклеп, но композитор заглянул в кошелек, нашел ассигнацию в 10 фл., предназначенную для задатка, вручил ее и таким образом обеспечил себе квартиру. Спустя несколько дней, переселившись сюда, герой наш заперся в отхожем месте и, ув-

леченный набрасыванием эскизов на стенах будки, просидел там до тех пор, пока нетерпеливая соседка не стала стучать в дверь.

— Ну, ну, иду! — ответил он, прекратив композицию.

Рассеянность Бетховена распространялась также на его произведения; написав первую часть (*Kurie*, 1818 г.) своей «Торжественной Мессы» (ор. 123), он сунул ее между кипами печатных и рукописных нот, разбросанных в поэтическом беспорядке, несмотря на все заботы Ф. Риса. В поисках этой пьесы, перерыв все в комнате, он, наконец, отправляется в кухню, где находит ее старательно посланною кухаркою под свежим сливочным маслом.

В другой раз рукописи случайно остаются у приятелей или, вместе с ненужными бумагами, летят в пламя печки; то он роняет их и теряет во время прогулки, чему способствуют его неуклюжесть и неловкость; то ставит он свою чернильницу на край рояля и к концу работы находит ее на струнах; то, сочиняя балетную музыку, в порыве увлечения, вскакивает, чтобы проделать какое-нибудь па, но неповоротливому композитору не удается сделать двух шагов в такт, то, не дождавсь парикмахера, нетерпеливый артист берется сам за бритву и кромсает себе щеки; однажды его застает за такой работой Ф. Рис, возвратившийся из дальней поездки; обрадованный его приездом, Бетховен роняет зеркало, бритву, стул и с намыленным лицом бросается целовать ученика своего...

Небрежность и неряшливость проявлялись также в отношениях к издателям; добившись, после продолжительной переписки или переговоров, определенного срока доставки рукописи и выпуска издания из печати, Бетховен нередко опаздывал, откладывал отсылку рукописи, вызывая тем заслуженные упреки и недоверие издателей, а затем рассыпался пред ними в отговорках и оправданиях своей неисправности, обращаясь с извинениями в таком унижительном и заискивающем тоне, какой только могли вызвать в нем сознание своей вины и материальная нужда.

Вставал он обыкновенно с рассветом и тотчас садился за письменный стол; до 2 или 3 часов дня он работал с 2-3 перерывами по одному часу, когда выходил, несмотря на погоду, пройтись по городу; затем отправлялся в ближайший ресторан; прежде чем заказать себе обед, выпивал стакан местного вина, справлялся об излюбленных им рыбных блюдах и супах, пробуя иногда последние к великой досаде ресторатора. К обеду он постоянно старался позвать в ресторан нескольких приятелей, так как после 8-9 часов, проведенных в одиночестве, испытывал потребность в развлечении за обеденным столом. После обеда композитор охотно гулял, а свободные от концертов и приглашений вечера проводил у себя за чтением книг; композицией в это время он редко занимался и старался не позже 10 часов вечера быть уже в постели.

Избегая обедов у знатных меценатов, куда следовало являться в парадном виде, он не всегда был доволен также ресторанною едой и предпочитал собственный домашний стол; однако требования его к кухарке бывали настолько странны и назойливы, что борьба с нею была непрерывна в продолжение долгих лет. Как-то, пригласив к себе приятелей на новоселье, он завел

обычную ссору на кухне, после чего кухарка бросила в него свой передник и ушла из дома. Бетховен ничуть не смутился: заварил суп, нарезал жаркое и поднес все это гостям в таком виде, что те принуждены были уклониться от угощения.

— Не взывайте, — шутил хозяин, — легче импровизировать вариации, нежели блюда.

Любимым кушаньем Бетховена была изобретенная им похлебка с сырыми яйцами; он сам разбивал, обнюхивал и выливал в суп каждое яйцо; ежели яйцо оказывалось несвежим, то летело в голову многострадальной кухарки, не всегда остававшейся в долгу и отвечавшей либо бранью, либо иными металлическими снарядами домашнего обихода.

Вообще первому блюду, т. е. супу, Бетховен отдавал предпочтение перед прочими: «кто не умеет сварить хорошего супа, — говаривал он, — тот не заслуживает доверия». В одной из разговорных тетрадей, с помощью которых оглохший композитор в 1823 году вел беседу с окружающими, племянник Карл обращается не раз к нему с такими выражениями:

— Слишком много воды.

— Слишком много воды, больше ничего.

— Слишком слаб.

— Пожалуйста, дай твоему доктору Штауденхейму попробовать суп; о, прошу тебя!

— Так не сердись, если я иного мнения, или не спрашивай.

— Я тоже думаю, что он лучше.

— Воды много в нем, но на вкус недурен.

— Если она хочет этого, то пусть идет.

— Я не нуждаюсь в г-же ф. Штрейхер.

— Я ничего не вижу плохого в супе, но много воды.

— Так ты никогда не спрашивай моего мнения.

— Пожалуйста, докажи... и т. п.

Макароны, обильно посыпанные сыром (пармезаном), и рыбное блюдо, в особенности дунайская шиль, были также излюбленными яствами нашего композитора. Чистую ключевую воду и кофе он предпочитал всем другим напиткам; кофе он варил сам, причем отсчитывал на каждую чашку по 60 зерен и делал это не торопясь, если даже у него сидели гости в ожидании угощения. Порок отца и бабушки миновал его, он избегал спиртных напитков. Иногда вечером заходил он в ресторан, с трубкою в зубах и за кружкою пива или стаканом вина читал «Аугсбургскую газету», беседовал о новостях дня, о политике, о будущем Европы, взбаламученной героем 3 симфонии его; такое времяпровождение нередко сменялось здесь же набрасыванием точек и линий в записной книжке.

Не предаваясь серьезным размышлениям о государственном устройстве, о разновидностях правлений, Бетховен представлял себе республиканский строй наиболее совершенным; его восхищали герои французской революции и юных еще Соединенных Штатов Северной Америки; он зачитывался биографиями великих римлян в изложении Плутарха; бюст Брута, избавившего страну от деспотизма Цезаря, красовался на его письменном столе; он идеализировал этих героев, боготворил их, приходил в экстаз при воспоминании о них и в увлечении всем возвышен-

ным, благородным готов был заключить в свои объятия «весь мир, друзей и братьев, и всю природу».

Любвеобильное сердце Бетховена было постоянно в плену у женщин; он не пропускал ни одного милостивого личика, лорнировал каждую девицу, на улице или в театре, но к замужним относился только с почтением, брак был для него актом священным, а приятелей, нарушивших священный союз, он бранил беспощадно и единственную оперу свою написал на тему супружеской любви, верности и самопожертвования, на тему наказанного порока и торжествующей добродетели; целомудрие его в этом отношении доходило до того, что он не раз выражал удивление относительно боготворимого им Моцарта, создавшего оперу на столь безнравственный сюжет, как «Дон-Жуан». В связи с таким пуританизмом находится философский деизм, заменивший Бетховену религиозность католика; последняя не удовлетворяла великого романтика и индивидуалиста; библию ему заменяла книга Христиана Штурма (1740 — 1786 г.) «Размышления о делах Божьих в природе» (1775 г.); это был пантеист, не лишенный склонности к мистицизму. Случайно встретив один из трудов знаменитого египтолога Шампольона (1790 — 1836 г.), заключающих в себе надписи, найденные в одном из древних храмов Египта, Бетховен выписал несколько изречений, вставил в раму, под стекло, и повесил над своим письменным столом, до последнего дня жизни повторяя их:

«Я есмь сущее. — Я есмь все настоящее, прошлое и будущее; рука смертного не подымала моей завесы. — Оно предвечно, и ему обязано все своим бытием».

В Вене молодому Бетховену, конечно, тягостнее, чем в Бонне, было сознание недостаточного образования, и он принимает меры пополнить его; незнакомство с теориею словесности затрудняет ему чтение стихов и композицию вокальных произведений, поэтому он создает себе целый ряд упражнений, списывает множество стихотворений, расставляет знаки просодии, но, видно, стыдясь посторонних указаний, старается достичь успеха самоучкою. В записной книжке его за 1792 г. значатся названия книг: «Элементарный учебник бухгалтерии» Шульца и «Приготовительные упражнения для конторщика», которые Людвиг, вероятно, хотел приобрести с целью облегчить себе счетоводство, затруднявшее его вследствие плохого знания четырех правил арифметики. Насколько мало помогли Бетховену названные руководства, можно судить по его позднейшим приемам умножения: чтобы умножить 22 на 44, он писал 22 в столбец 44 раза и складывал эти числа; такими выкладками бывали испещрены листы бумаги, памятные книжки, столы, подоконники и ставни его квартиры. Приятели знали, что умножение для Бетховена представляется занятием весьма затруднительным, а потому, в случае назойливых вопросов его о каком-нибудь расчете, выкладке или вычислении удачно парализовали любознательность его двумя словами: *Per multiplicationem*.

Литературу, в особенности классическую, он увлеклся всегда, но иностранных авторов читал в переводе, так как свободно владел только своим родным языком, впоследствии кое-как объяснялся по-французски, а по-итальянски и по-английски знал лишь несколько общеизвестных выражений; в составлении ино-

странных писем и в иных работах, связанных с непонятным для Людвига языком, ему **обычно помогали приятели** (Хаслингер, Цмескаль и др.).

В литературе первым его увлечением была «Мессиада» Клопштока, потом «Фауст» и другие произведения Гете. — «После поездки в Карлсбад, — говорил Бетховен известному музыковеду Рохлицу, — я ежедневно читаю Гете. Он убил во мне Клопштока. Вас удивляет? Вы смеетесь? Неужели? Вы же читали Клопштока? Конечно!.. Долгие годы я носил его с собою на прогулки. Не стану утверждать, что я всегда понимал его. Он иногда делает неожиданные отступления и вообще подходит ко всему издали. Всегда *maestoso*, всегда в *Des-moll*. Впрочем, он велик, его стих возвышает душу. Когда я не понимал, то угадывал его. Неприятно только, что он постоянно ищет смерти. Но ведь, Боже мой, смерть сама является всегда слишком рано!..»

Зачитываясь также произведениями Шиллера, Маттесона, Грильпарцера и других знаменитых современных ему немецких поэтов, Бетховен, однако, предпочитал им трех гениев: Гомера, Плутарха и Шекспира. Спокойное настроение и великолепие «Одиссеи» нравились ему более, чем однообразные эффекты «Илиады»; в «Биографии великих людей» Плутарха его занимали герои-освободители народа от деспотизма тиранов, т. е. сторона не эпическая, а социальная. Полное собрание сочинений Шекспира в переводе Эшенбурга было найдено среди немногочисленных книг нашего композитора, по смерти его, в истрепанном виде и со множеством отметок. Так недостаток подготовки образования не помешал ему чутьем найти то, что есть высшего в области поэзии: драмы Шекспира и поэмы Гомера. Тем не менее, постоянное чтение не помогло ему в отношении связности изложения своих мыслей и **правильной орфографии**. Тяжелая семейная обстановка в отчем доме, а затем неудачи и не менее тягостные условия последующей жизни развили в Людвиге упрямство, ожесточенность, скрытность, замкнутость; он очень редко и неохотно выражал устно и даже в многочисленных письмах свои сокровенные думы, намерения, вкусы, взгляды; все это бессознательно, невольно выливалось или отражалось в его гармониях и мелодиях, но почти никогда не укладывалось в связную речь. Не сомневаясь в том, что многие из писем его станут достоянием всего цивилизованного мира, он, тем не менее, никогда не задумывался над отделкою их в грамматическом или стилистическом отношении, также **непринужденно** обращался он иногда письменно к некоторым лицам на французском языке, хотя владел им прескверно.

Музыкальные симпатии Бетховена отчасти соответствовали литературным: из богатейшей итальянской музыки он знал, кажется, только несколько произведений Палестрины, Витториа и Нанини, изданных в 1824 году у Артариа (на средства барона Тухера) и найденных среди нот нашего композитора; там же **нашлись** некоторые сонаты и отрывок из «Дон-Жуана» Моцарта, фортепианных вещей которого он вообще недолюбливал. На закате дней своих он получил в подарок полное собрание сочинений Генделя, величественный стиль которого приводил его всегда в восхищение.

— Гендель, — говорил он, — неподражаем, это гений из гениев. У него следует учиться искусству создавать потрясающие эффекты самыми скромными средствами.

Из произведений Баха он предпочитал «Темперированный клавесин», да несколько инвенций и токкату в d-moll, часто исполнявшиеся им у барона Свитена. Из современников своих он ставил выше всех Керубини, модного тогда парижского композитора, не удостоившего даже ответом письмо Бетховена, полное восторга и благоговения.

Кто окружает себя Генделем, Моцартом, Шекспиром и Гомером, тот, конечно, предъявляет к искусству весьма строгие требования; вместе с тем, вполне естественно встретить в таком человеке строгого судью в отношении к своей собственной деятельности; едва ли кто-либо превзошел Бетховена в заботливости о корректуре своих произведений, в многолетнем обдумывании их, в переработке и отделке, оправдывающих его тщеславие, столь противное в иных музыкантах; «человек — самое тщеславное из животных, а поэты — самые тщеславные из людей», — писал Г. Гейне, а А. Рубинштейн сказал как-то: самая выгодная биржевая игра заключается в операциях с валютой артистов: покупайте их по их действительной стоимости и продавайте по той цене, которую они назначают себе.

Как большинство артистов, как большинство смертных, Людвиг был одержим самомнением, не допускал критики своей деятельности и мог бы с успехом занять место в серии имен для выгодной биржевой спекуляции, если бы с именем его не была связана высокая гениальность, исключаяющая всякое уподобление другим артистам.

Увлеченный творческою деятельностью, вложивший в нее свою душу, всю жизнь, всего себя, Бетховен сознавал в себе упадок некогда прославленного виртуозного искусства и чувствовал недостаток сноровки для управления оркестром. С тридцатилетнего возраста он все реже выступает при публике, избегает даже играть в тесном кругу меценатов, предоставляет Рису и другим пианистам исполнять фортепианные партии в его произведениях, а сам садится за клавиши только в случае постановки еще не изданных пьес своих, не настаивает он также на дирижировании своей оперы или симфонии и лишь в области композиции, в творчестве стремится поднять курс своего вдохновения, глубоко убежденный в том, что ни один знаток, ни один истинный любитель искусства ни за что не решится обесценить его в этой сфере.

«Ни один царь, ни один король, — писала Беттина Brentano (Арним) своему другу Гете, — не сознает так своего могущества, не чувствует, что вся могучая сила кроется в нем самом, как этот Бетховен!»

О фортепианной игре Бетховена сохранилось много восторженных отзывов. Единственным соперником его считался Вельфль, бывший всегда в дружеских отношениях с Бетховеном и долгие годы живший в Варшаве; там он имел связи с польскою знатью и не раз предлагал Бетховену посетить Польшу. Сравнение игры этих двух пианистов приведено рецензентом в лейпцигской Allgemeine Musik-Zeitung.

«Мнения о превосходстве Бетховена и Вельфля разделяются, но большинство, видимо, на стороне последнего. Постараюсь беспристрастно охарактеризовать преимущества того и другого. Игра Бетховена чрезвычайно блестяща, но не отличается мягкостью и не всегда чиста. Он поражает более всего своими импровизациями. С удивительной легкостью, тонкостью, последовательностью идеей он развивает каждую заданную тему, а не варьирует только фигуры, как большинство виртуозов. После смерти Моцарта, выше которого я никого не знаю, только Бетховен может доставить высшее наслаждение импровизациями. В этом Вельфль ему уступает. Преимущества же последнего заключаются в том, что он, при основательном музыкальном образовании и несомненных достоинствах композиций, исполняет казалось бы совсем неисполнимые по трудности вещи с такой легкостью, точностью и ясностью, что приводит в изумление; этому способствуют его очень большие руки. Игра его, особенно в *Adagio*, так приятна и мягка, что вызывает не только изумление, но истинное наслаждение. Он теперь совершает концертную поездку. Своим простым, любезным обращением он, конечно, вызывает больше симпатии, чем высокомерный Бетховен. Прекрасным пианистом является также Хуммель, уже много путешествовавший и приобретший громкую славу. Он теперь редко играет при публике, весь отдался композиции; игра его блестящая и необыкновенно чистая. В городе насчитывается свыше 300 пианистов, но среди них нет серьезных соперников трем вышеупомянутым».

Немало модных блестящих пианистов появлялось в Вене из разных городов Европы; не довольствуясь успехом в отношении виртуозности, некоторые из этих концертантов задавались целью при случае задеть Бетховена, в звуках отомстить ему за пренебрежение традициями искусства, третировать плоды вдохновения новатора, импровизируя на темы его композиций. Таким замыслом занялся Штейбельт, прибывший из Парижа в апогее своей славы; у графа Фриса на музыкальном вечере исполнялось трио *B-dur* (ор. 11) Бетховена, не блещущее виртуозными эффектами; Штейбельт снисходительно похвалил игру и композиции Бетховена, затем сел сам за рояль и вызвал шумные аплодисменты исполнением модного *tremolo*, звукового эффекта, многим еще неизвестного и охотно применявшегося в новейших салонных пьесах того времени. На следующем музыкальном вечере Штейбельт играл фортепианную партию одного из своих квинтетов, а потом стал импровизировать на тему 3-й части трио ор. 11 Бетховена; импровизация была, видимо, не плодом минутного вдохновения, а предварительной домашней подготовки. Вызов был брошен, самолюбивый Бетховен был оскорблен. Лишь только Штейбельт встал, наш великий могол направляется к роялю, берет партию виолончели только что исполненного квинтета Штейбельта, ставит ее перед собою в перевернутом виде, наигрывает несколько тактов, составивших в таком виде дикую мелодию, безобразный набор звуков, и строит на ней ряд вариаций, каждая из которых вызывает нескрываемый восторг слушателей. Импровизация была настолько вдохновенна, что Штейбельт не выдержал и скрылся раньше, чем Бетховен кончил играть.

«Прогресс фортепианной игры, — говорит известный пианист и современник Бетховена М. Клементи, — заключается в стремлении возможно лучше подражать оркестру. Бетховен сделал гигантские шаги в отношении развития выразительности фортепианной игры, доведя разнообразие и мощь фортепианной звучности до оркестровых красок».

Другой не менее известный пианист и ученик Бетховена, Карл Черни, говорит в своих «Письмах»:

«Сочинения Хуммеля требуют игры весьма беглой, свободной и притом отчетливой, чего, как вам известно из школы моей, можно достигнуть легким, отрывистым ударением по клавишам. В творениях же Бетховена этот род игры был бы редко у места; для них необходима характеристическая сила, глубокое чувство и фантастическая прелесть, и частью связанная, частью резко обозначенная игра».

Еще раньше, чем виртуозное поприще, покинул Бетховен противную ему педагогическую деятельность, посвящая время на уроки только своему земляку и другу, Фердинанду Рису, да самому преданному ему покровителю, эрцгерцогу Рудольфу.

«Когда Бетховен давал мне урок, — рассказывает Рис, — он был чрезвычайно терпелив, что ему давалось с трудом. Я объяснял такое обращение со мною и почти всегда дружеское отношение ко мне любовью его и привязанностью к отцу моему. Он иногда заставлял меня повторять одну пьесу десять раз и даже больше. Играя вариации F-dur, посвященные княгине Одескальки (ор. 34), я должен был повторить последнюю из них 17 раз; он все еще не был доволен той экспрессией, которую я вкладывал в короткую каденцу, хотя мне казалось, что я играю ее так же, как он сам; в этот день я занимался с ним почти целых два часа. Если я плохо исполнял пассаж или брал неверно ноту, которую следовало выделить, то он не делал замечаний; если же я не соблюдал *crescendo* или других оттенков, если играл без должного выражения, то он сердился и повторял: первые ошибки — случайные, а вторые обнаруживают недостаток понимания, чувства и внимания!» Иногда учитель заставлял его переписывать свои рукописи или держать корректуру печатающихся произведений своих; это служило Рису упражнением в теории и отплатой учителю за труд его. С годами пианист, посвящавший все свое время композиции, утратил беглость пальцев и не вызывал своею игрою того энтузиазма, как в первые годы жизни в Вене. Он позволял себе вольности, отступления; в *crescendo* часто замедлял темп (вместо общепринятого ускорения), что порою производило сильное впечатление. Однажды у графа Броуна просили Риса сыграть сонату a-moll, ор. 23, но так как ученик не проходил этой пьесы с учителем-автором, то предложил указать какую-либо другую сонату, исполнением которой он мог удовлетворить присутствовавшего автора.

— Во всяком случае, — заметил Бетховен, — вы не сыграете ее так скверно, чтобы я не мог дослушать ее до конца.

Рис покорился и сел за рояль; Бетховен, по обыкновению, перелистывал страницы во время игры его. При всякой ошибке пианиста учитель давал ему легкие щелчки по голове.

— Отлично, — похвалил он Рису после игры, — вам не надо даже проходить ее со мною; а щелчками я хотел только показать, что слушаю игру внимательно.

В тот же вечер Бетховен играл свою новейшую сонату d-moll, op. 31. Рис переворачивал страницы, а одна из гостей, княгиня Л., слушала, стоя за спиной автора. Пассаж правой руки в тактах 53 и 54 первой части сонаты Бетховен смазал, за что был так же наказан княгиней.

— Если ученик, — прибавила она, — за незначительную ошибку наказывается пальцем, то за грубую ошибку надо учителя бить всей рукой.

Шутка княгини вызвала общий смех, а самолюбивый автор повторил сонату и сыграл ее в совершенстве.

Трудно словами передать качества виртуозного исполнения; кто не слышал Патти или Рубинштейна, Иоахима или Тамберлика, тому никакие описания не дадут полного представления об их искусстве. Еще труднее передать впечатление, производимое импровизацией и сущность последней; в этом случае рассказчик даже теряет под собою почву, так как исполненное произведение лишь пронеслось в воображении виртуоза, не оставив на бумаге следа, способствующего описанию. Бесконечно богатая фантазия Бетховена, свободно владевшего музыкальными формами, рисовала слушателям такие звуковые картины, каких мы не можем себе представить, и потому на слово должны верить современникам, хором восхищавшимся импровизациями, которыми гениальный виртуоз услаждал слух венских магнатов-меценатов.

Бетховен долгое время жил у князя Лихновского, в доме или, как тогда выражались, во дворце которого собиралась вся аристократия и все лучшие артисты Вены. Ученик и друг Моцарта, князь Карл Лихновский, был также самым испытанным другом Бетховена; в доме князя относились к молодому виртуозу ласково, радушно, предупредительно, прощали ему чудачества и пренебрежение требованиями светской жизни, даже находили прелесть в его странностях и немало баловали его. «Княгиня Христина, — рассказывал Бетховен, — готова была заказать стеклянный колпак, чтобы недостойные не могли коснуться меня пальцем и даже дыханием». Отец княгини, граф Тун, фанатичный поклонник знаменитого Лафатера, и жена его также баловали Бетховена и, продолжал он, — «хотели меня воспитывать так же заботливо, как бабушки воспитывают своих внуков». Князь и княгиня были хорошие пианисты; по пятницам у них играли; здесь собирались знатные любители и выдающиеся музыканты Вены, здесь впервые исполнялись многие произведения Бетховена, здесь он получал заказы на сочинения, здесь он услаждал слух венской знати своею необыкновенною игрою, здесь он получил в подарок ценные инструменты струнного квартета. В 1794 году Бетховен должен был уступить настояниям супругов, княгини Христины и князя Карла, а в особенности — графа Морица (брата последнего) и поселиться в их доме, но, конечно, не надолго; страсть к независимости, свободе, уединению влекла его из центра города к окраинам, из пышных палат и от обеспеченного существования в скромные квартирки и в грязные рестораны.

Своjak князя Карла Лихновского, русский посланник при венском дворе граф Андрей Кириллович Разумовский, также принадлежал к меценатам, приглашавшим к себе Бетховена. Его победы в Стокгольме и Италии были известны Вене, сама неаполитанская королева Каролина была в числе покоренных этим красавцем. Друг детства императора Павла, а впоследствии друг доспотичного ретрограда Меттерниха, граф Разумовский провел долгие годы в Вене, где находил удовлетворение своим страстям; здесь красивая внешность привлекала к нему женщин и он менял их не реже своего белья; здесь он окружал себя блеском и роскошью, доступною только венскому сановнику, здесь он покровительствовал Моцарту и Бетховену, дружил с Гайдном, устраивал у себя квартетные вечера, сам играл на скрипке, был близок с такими магнатами, как Эстергази, Шварценберг, Зичи и т. п.; благосклонно и даже сочувственно относясь к музыкальной революции, вызванной нашим героем, в то же время молил небо ниспослать все громы на французскую революцию; так молились тогда ведь все аристократы, а Разумовский, племянник малороссийского пастуха, уже занимал среди них выдающееся место. Состоявший при нем русский бригадир граф Броун также был в числе меценатов и покровителей Бетховена, посвящавшего им свои сонаты и квартеты.

Знаменитый скрипач Рудольф Крейцер ввел в 1798 г. нашего композитора в салон генерала Бернадотта, французского посланника, победоносного полководца французов в Италии, а впоследствии — шведского короля. Здесь на Wollzeile, в центре города, в доме Геймюллера, зародилась тогда мысль о «героической симфонии».

Из музыкантов, с которыми Бетховену приходилось чаще встречаться у этих меценатов, упомянем Зейфрида, Иосифа Вейгля и Иосифа Эйблера — дирижеров в королевском оперном театре и плодовитых авторов множества месс и опер; Зюсмайера, известного ученика Моцарта; композитора Умлауфа; скрипача-концертмейстера и композитора Павла Враницкого; Антона Эберля, написавшего не одну модную оперетку; Иоганна Вангала, оставившего по себе 50 симфоний в рукописи; Петра Дютилье, автора нескольких опер; двух выдающихся композиторов камерной музыки: Алоиза Ферстера, которого Бетховен особенно читл и называл своим учителем, и Леопольда Кожелуха, — модного в то время квартетиста, довольно жалкого, по выражению Бетховена.

Самым расточительным в отношении музыкантов и устройства домашних концертов был князь Франц-Иосиф-Макс Лобкович (род. в 1772 г.), женатый на княжне Шварценберг, вскоре проматывавший все состояние, свое и женино. Бетховен более в нем ценит прекрасного скрипача и простого в обращении, крайне любезного приятеля, нежели представителя старинного знатного рода. Дважды в неделю бывали собрания симфонической и квартетной музыки у придворного советника фон Веза, вице-председателя судебной палаты. В субботу вечером весь этот мир музыкантов, меценатов и приглашенных любителей собирался у певицы Мартинец, ученицы Порпоры. На таких же домашних концертах придворного советника фон Мейера, в городе и на даче, бывал сам император; исполнителями здесь выступали

большую частью сослуживцы и подчиненные Мейера, из коих самыми выдающимися были два приятеля нашего композитора — Рафаэль и Хаушка. О посещениях Бетховеном этой знати немало интересного рассказывает г-жа фон Бергард, урожденная фон Ктисов, из Ревеля; в двенадцатилетнем возрасте ее привезли в Вену, поместили в семье секретаря русского посольства, фон Клюпфеля, и старательно занялись развитием ее музыкального дарования; быстрые успехи девочки и правильное исполнение некоторых пьес Бетховена (сонат ор. 2 и др.), привели к тому, что последний стал часто встречать ее среди артистов в венских салонах, поощрял ее занятия и дарил ей выходявшие в печати новые свои композиции, сопровождая такие подарки шутивными записками, которых пианистка не сохранила, потому что шкатулка ее уже была полна записками красивых офицеров.

«Бетховен, — говорит она, — часто бывал у нас; Клюпфель очень любил музыку и также собирал у себя артистов; однажды играл у него известный тогда композитор Франц Кроммер, все внимательно слушали его. Бетховен сначала сидел на диване рядом со мною, потом встал, прошел по комнате, взял ноты и стал их перелистывать; хозяин был возмущен этим, подошел к Цмескалю, приятелю Бетховена, и просил передать, что поведение молодого человека неприлично, что ему, еще неизвестному артисту, следует почтительно относиться к старому известному композитору. С тех пор Бетховен стал реже бывать у Клюпфеля. Когда он приходил к нам, то сначала заглядывал, чтобы удостовериться в том, что никого нет из лиц ему неприятных. Ростом он был мал, невзрачен; красное лицо со следами оспы было некрасиво, темные волосы космами висели вокруг лица; одежда его была самая простая и далека от изысканности, обычной в то время, в особенности в нашем кругу. Разговор его и манеры были заурядные, грубоватые; вместе с тем он был очень горд. Я видела, как мать княгини, весьма эксцентричная, стояла на коленях перед Бетховеном, сидевшим на диване, и просила сыграть что-нибудь, но безуспешно. У Лихновских часто бывали Гайдн и Сальери; помню их однажды рядом сидящими на диване, с косичками, в башмаках и шелковых чулках».

В этой среде Бетховен держал себя так же свободно, как на Рейнгассе в Бонне; так же не скрывал своего непринужденного, порою резкого и грубого обращения, своего неустойчивого, часто мрачного настроения. Не раз, бывало, он раскаивался в своих словах и поступках, готов был извиниться, горевал и плакал, а потом вскоре повторял то же самое. Живя у Лихновских, случилось ему позвонить слуге одновременно с князем-хозяином; последний приказывал слуге в подобных случаях являться сначала артисту и думать этим оказать ему любезность, но щепетильный и подозрительный ко всему композитор объяснил себе это желанием князя подчеркнуть неудобство и стеснение, вносимое в дом присутствием музыканта, которому служил тот же слуга, что и хозяину; нелегко было отклонить намерение Бетховена нанять на свои средства другого слугу. В другой раз Бетховен выразил желание заняться верховой ездой и получил предложение князя пользоваться его лошадьми, после чего отправился на рынок и купил бракованного одра, якобы не желая быть обязанным своему хозяину. К обеду Бетховен не всегда являлся,

предпочитая скверный стол за плату в трактире княжескому угощению; «они обедают, — говорил он своему другу Вегелеру, — в четыре часа, и за полчаса я должен уже приступить к приведению в порядок своего туалета; эта работа совершенно невыносимая!»

Бетховен, раб. Крихубера (1798 г.)

Постоянный домашний квартет графа Разумовского, игравший еженедельно, по пятницам (утром) у кн. Лихновского, состоял из Шупанцига, Сини, Вейса и Антона Крафта (виолончелиста); все они были люди молодые, моложе Бетховена, что способствовало подчинению их воле композитора, упрямого в своих требованиях; этим четверем лицам суждено было впервые исполнить почти все квартеты Бетховена, они первые постигли идеи и намерения композитора, нередко бранившего их, ссорившегося с ними, но иногда следовавшего дельным указанием их.

Камерная музыка занимает в жизни и деятельности Бетховена исключительное место: он начал и кончил ею, создав целый ряд шедевров, остающихся по настоящее время недостижимыми образцами. «Я теперь уже вполне овладел умением сочинять квартеты», — писал Бетховен в 1800 году своему другу Аменда,

посылая ему первый из квартетов ор. 18, тогда же отданных в печать издателью Молло и представляющих собою один из выдающихся этапов в развитии музыкального гения Бетховена.

Если Бетховен, — говорит Хельм, — где-либо является единым и недосыгаемым, так это в своих квартетах для струнных инструментов. Конечно, в симфонии, в фортепианной сонате и т. п. также никто не достиг его глубины содержания, но в иных отношениях некоторые композиторы пошли дальше него по лабиринтам, вход в которые указал гений Бетховена; были найдены новые средства, а с ними вместе и новые эффекты. Но в квартетах средства неизменны, всегда одинаковы, весьма ограничены, хотя дают бесконечный простор фантазии композитора. В этом легко убедиться, просматривая струнные квартеты Бетховена, это море звуков, эту вереницу настроений от самого забавного до самого возвышенного, от обыденного, общедоступного до исключительного, мистически глубокого. Кажется, будто композитор хотел вложить в этот род искусства свои величайшие идеи.

Как в других родах композиции, так и здесь заметно влияние гениальных предшественников, преимущественно Гайдна и Моцарта, но проявления этого влияния различны и находятся в зависимости от индивидуальности каждого из упомянутых нами авторов; в своих лучших квартетах, посвященных Гайдну, автор «Дон-Жуана» дает образец конструкции струнного квартета, модель голосоведения и стремления к светлым идеалам, свойственным его фантазии; вместе с тем здесь поражает кристалличность форм, даже симметричность, чуждые нам, современным слушателям, предпочитающим неожиданное, оригинальное шаблонному, заранее легко отгадываемому. В последних квартетах Гайдна, написанных после смерти Моцарта, заметно уклонение от вышеприведенных принципов, установленных самим Гайдном и лишь развитых до совершенства Моцартом; задачи психологического свойства здесь устраняют требования структуры, стремление выразить то или другое настроение разрушает суровые условия архитектуроники. Юный Бетховен для создания своих первых камерных произведений имел моделью композиции Моцарта и Гайдна и подражание им довел до множества сходных черт, легко улавливаемых при сличении партитур. Но недолго продолжались эти имитации, лишь местами окрашенные в новые цвета бетховенской палитры; быстрое развитие индивидуальных особенностей вскоре устранило влияние Моцарта, ярко выразившееся в трио ор. 3 и в квинтете ор. 4, оставив временно лишь некоторую связь с более родственным ему Гайдном (наприм., в ор. 18).

В первом из струнных квартетов Бетховена (ор. 18, № 3, D-dur, написан ранее квартета F-dur, обозначаемого всегда № 1) нет еще того смелого полета фантазии, той свободы и самостоятельности каждого инструмента, которыми блещут позднейшие его квартеты: автор еще не умеет избавить одного инструмента от зависимости и влияния другого; в 1-й части, по настроению вполне напоминающей квартет D-dur (ор. 575) Моцарта, доминирует лишь одна скрипка, выводящая свои чудные мелодические фигуры на довольно бледном фоне остальных голосов, и

только виолончели удается избавиться от такого подчинения в 4 части, по игривости вполне схожей с финалами квартета Гайдна.

Второму квартету (ор. 18, D-dur) дали прозвище «Реверансы»; безупречная вполне моцартовская по конструкции 1-я часть полна детской наивности и своими узорами в стиле рококо не раз вызывает улыбку слушателя, в воображении которого невольно рисуется сцена званного вечера у какого-нибудь маркиза, где по очереди входящие гости щеголяют длинною кошачьей парика, высотой каблучков и изяществом низких поклонов; идиллией картин Ватто, с пастушками, также не чуждыми изысканного этикета, веет от 2 части; в 3-й части, названной скерцо, преобладает также настроение старинного менюэта, лишь в 8 тактах коды (последние такты трио) окрашенного колоритом характерной бетховенской гармонии, плавно движущихся вниз целых нот виолончели и педали альты на *do*; финал напоминает 1 часть, но здесь больше оживления, резвости, шаловливости, бетховенской энергии и смелости, поражающих слушателя в средней части (в C-dur), где некоторые мелодические узоры в прямом и обратном виде, а также продолжение одними инструментами узоров другого производят впечатление игры в мяч, перебрасывание и перехватывание его, забрасывание одного вдогонку другому и т. п.

Третий квартет из ор. 18 (F-dur), представляя собою одно из первых произведений автора, тем не менее занимает исключительное место в области камерной музыки; в отношении свободы, равенства и братства инструментов квартет этот настолько безупречен, что известный виртуоз-скрипач и композитор Людвиг Шпор, под обаянием такого совершенного сочетания голосов и забыв об иных требованиях музыкальной эстетики, считает его лучшим из всех квартетов Бетховена; другого специалиста, музыколога Маркса, поражает в этом произведении (1 часть) необычайно развитая игра темой, придающая много прелести камерным произведениям Гайдна и Моцарта, но доведенная здесь до апогея: на протяжении 427 тактов Маркс насчитал 131 повторение темы в разных тональностях, у разных инструментов и в различных красках, то лаская, то шутя, то полусерьезно, то унисоном, то перекликаясь; главная партия этой части сама по себе довольно бедна содержанием и настроением, еще беднее побочные партии и большинство ходов, но это не мешает коротенькому, протенькому *allegro* вызывать восторги слушателей совершенною красотой форм. Не таков характер **темы 2 части**, *adagio*, где первая скрипка поет мелодию глубоко трогательную, широкую, полную драматизма, находящую отзвук в возгласах отчаяния и тоски других инструментов, сливающихся с нею в надрывающее душу рыдание, подобного которому камерная музыка не знала до 1800 года. «Когда я набрасывал это *adagio*, — писал автор своему другу К. Аменда, — то представлял себе сцену в могильном склепе из «Ромео и Джульетты...» Последние две части блещут детским **весельем**, энергичными оборотами гармонических сочетаний, **местами** — оригинальностью ритма, предвещающею ритмические чудеса позднейших произведений.

Едва ли можно встретить любителя музыки (о специалистах и говорить нечего), который не знал бы наизусть четвертого квартета (ор. 18, C-moll), не любил бы его, не искал бы случая еще и

еще раз послушать его; тональность его та же, что фортепианной «патетической» сонаты (ор. 13), написаны оба произведения почти одновременно, настроение в них преобладает одинаковое, популярность обоих не оставляет желать большего; в инструментальной музыке XIX века, кажется, не было более излюбленных публикою пьес, а в наши дни они появляются на афишах еще чаще, чем сто лет тому назад. Когда Иосиф Иоахим, своей все еще стальной кистью и с обычным подчеркиванием вступления каждой темы, издавал первые, полные пафоса звуки темы *allegro*, все более нарастающие по силе, по количеству и полноте гармонии, и все более возносящиеся ввысь, тогда невольно вспоминались слова Манфреда в первой сцене и вопрошающий его хор духов:

Звезды, воздух, горы, ветры,
 Духи неба и земли,
 Смертный, все тебе покорно!
 Ждешь чего ты? Повели!

Манфред. Хочу забвенья.

Первый дух. Чего? О чем же?

Манфред. Того, что здесь, в груди, и что назвать нет звука.
 Узнаешь сам, в мое взглянувши сердце...

Вот эти-то страдания, не поддающиеся точному выражению ни поэтическими образами, ни кистью, ни учеными трактатами; эти муки, отгадываемые только тем, кто способен заглянуть в сердце, слетали со струн и в виде звуковых призраков носились над безмолвной толпой посетителей берлинской Singakademie, когда старец Иоахим и его сподвижники извлекали таинственным унисоном *pianissimo* отрывистые тоны (*Staccato*), ведущие к заключительному повторению темы (*fortissimo*)... После усиленного нервного возбуждения и крайне напряженного полета фантазии внимание слушателя ослабевает, и следующие две части квартета не производят того впечатления, как первое *allegro*; по содержанию своему скерцо и менуэт очень интересны, хотя уступают 1 и 4 частям; фугированное скерцо по ритму, мелодическому узору и гармоническим сочетаниям очень напоминает почти одновременно с ним написанное *andante* 1-й симфонии, о котором речь будет ниже; при исполнении 3-й части особенное внимание следует обратить на отметку автора: повторение менуэта после *trio* должно быть в ускоренном темпе; Хельм предлагает даже «бурное *allegro*», с успехом применяемое Чешским квартетом: последний ведет менуэт и *trio* в умеренном темпе *allegretto* с ярким акцентированием, согласно указаниям автора; повторяет же менуэт, сохраняя акценты, с такой страстью, энергией, с такою стремительностью, которые при иных условиях вызвали бы недоумение, неприятное раздражение слушателей, но здесь на 50-м такте развивают ту силу, быстроту и выразительность звуковых сочетаний, каковые находят естественную связь с кипучей деятельностью 4 части, этого бурного финала, этого вихря, урагана звуков. Редко приходится испытывать более приятное ощущение томления, неудовлетворенности, боли,

страдания, более высокое наслаждение, чем то, которое вызывает вступление 1 скрипки вслед за 2 скрипкою, начинающею главную тему, но как бы принужденную уступить силе и влиянию первой, вырывающей эту тему и договаривающей то, что не досказано обиженным собеседником... С несказанным удовольствием вспоминаю я те дни, когда Чешский квартет собирался и играл у меня чудные произведения Грига, Шуберта и Бетховена, но едва ли талантливые чехи с таким же удовольствием вспоминают многократное повторение ими *s-moll*-ного квартета *op. 18*, вызванное назойливыми просьбами моими; ко всем достоинствам исполнения их надо прибавить ту рельефную разницу, которую они выработали в отношении первоначального темпа финала и заключительной части; казалось бы нетрудно установить отличие между *allegro* и *prestissimo*, но здесь стремительность предшествующей части (менуэта) при повторении легко вызывает чрезмерную быстроту вступления финала, и, слушая некоторых квартетистов, несущихся вскачь задолго до *prestissimo*, невольно вспоминаются причудливые ремарки Шумана в его фортепианной сонате (*op. 22*): *so rasch wie möglich* — и — *noch schneller*; если исполнитель уже довел быстроту до высшей степени, то как ему быть с дальнейшим ускорением?

Пятый квартет (*op. 18, A-dur*) вновь напоминает Гайдна и Моцарта: такая же старательная отделка форм, схожие обороты гармонии; даже тональность и настроение те же, что в одном из лучших квартетов Моцарта: то же веселое, не лишенное грации движение голосов в 1-й и 2-ой частях, местами та же игра в звуки, устраняющая присущую Бетховену психологическую основу произведения; для 3-й части автор берет незамысловатую тему, основанную на нисходящей и восходящей гамме, и строит на ней пять прелестных вариаций, дающих простор фантазии композитора вне влияния предшественников его. В финале автор вновь копирует Моцарта и с невероятною ловкостью отражает в звуках беззаботную игривость, не чуждую Бетховену в годы его молодости.

Складно, благообразно, округленно, законченно, жизнерадостно звучит 1-я часть шестого квартета (*op. 18 B-dur*), своей главной темой и проведением ее напоминающая творца квартетной музыки; спокойствием, блаженством веет от 2 части, где автор будто рисует в воображении своем соблазнительное, но чуждое его натуре *dolce far niente*; более нежного, более ласкающего слух *adagio* трудно найти в камерной музыке XVIII века. Вслед за красивым, но довольно ординарным скерцо следует финал, состоящий из двух резко контрастирующих и самостоятельных эпизодов, первый из них назван «Меланхолией» и «должен исполняться особенно нежно», второй движется *allegretto* и «вызывает в воображении слушателя сельский пейзаж группы крестьян, танцующих вальс» (Ленднер), дважды прерываемый грустными звуками из «Меланхолии»; эти кратковременные перерывы как бы усиливают возбуждение ликующей толпы, и танец оканчивается в вихре последних 22 тактов.

И эти шесть первых квартетов Бетховена, шесть талантливых имитаций Гайдну и Моцарту с небольшими отступлениями от моделей, с некоторыми штрихами, оттенками и колоритами собственного изобретения, с некоторыми красками новой, еще не-

ведомой палитры, ученый музыкант того времени, авторитетнейший теоретик Альбрехтсбергер, нашел негодными, потому что они не вполне соответствовали рутинным требованиям конструкции квартетов.

— Не знайтесь с Бетховеном, — сказал Альбрехтсбергер другому своему ученику, Долезалеку, показавшему ему эти квартеты, — он ничему не научился и никогда ничего путного не выйдет из него.

Однако не все современники принимали так враждебно реформаторские наклонности молодого композитора.

«На Бетховена, — говорит Зейфрид, — почти молились в доме Разумовского. Каждое его произведение, едва оконченное, исполнялось там и притом с таким усердием, любовью и благоговением, какие могут быть только у истинных поклонников великого таланта. Благодаря глубокому пониманию сокровеннейших замыслов автора, близкому знакомству с духом и направлением бетховенских квартетов, исполнители эти достигли всемирной известности. Шупанциг (первая скрипка) глубоко проникал в дух композиции, ярко выражал страсть, силу и, в то же время, нежность, красоту и юмор этих квартетов». С этим талантливым артистом, прожившим впоследствии семь лет в России (1816 — 1823) и бывшим только на шесть лет моложе Бетховена, последний, конечно, обращался по-своему, т. е. либо дружил, искал его общества, либо гнал от себя, издевался над чрезмерной дородностью «обжорливого Фальстафа», писал ему то любезные письма и забавные каноны вроде музыкальной шутки «Хвала толстякам», то полные насмешек и брани, то приносил ему благодарность и превозносил в газетах, то винил в непонимании своих (последних) квартетов... Начало дружбы с этим добродушным голубоглазым толстяком с бритым лицом, как он изображен на портрете, хранящемся в Бонне, ознаменовалось первым исполнением квинтета ор. 16 для духовых инструментов в концерте Шупанцига; затем тот же квинтет был исполнен в концерте, где руководителем и организатором был И. Гайдн, ставивший в тот же день свою ораторию «Семь слов Спасителя на кресте»; в квинтете играли музыканты из домашнего оркестра кн. Карла Лихновского, партию фортепиано исполнял сам автор.

Пьеса имела успех и, несмотря на устарелость многих эпизодов этого своеобразного камерного произведения, представляет значительный интерес даже в наши дни; тема его 2-й части вызывает в памяти прелестную арию из «Дон-Жуана» Моцарта, влияние которого заметно на многих страницах квинтета. Пьеса эта вскоре после появления своего стала очень популярною, часто исполнялась в музыкальных кругах и аранжировалась на разные лады.

В годы молодости лучшими друзьями своими Бетховен считал трех лиц: Ленца Брейнинга, умершего в 1798 году, Карла Аменда, теолога из Дерпта, и Стефана Брейнинга. Карл Аменда был ровесником Бетховена и лицом своим, также глубоко изрытым оспою, немного походил на него; в 1792 году он переселился из Курляндии в Иену, где изучал теологию и совершенствовался в скрипичной игре, с 1795 до 1798 года странствовал по Германии и Швейцарии, затем поселился в Вене, где принял на

себя обязанности чтеца в семье кн. Лобковича и давал уроки в некоторых домах (в том числе детям Моцарта); через два года возвратился он на родину, где умер в 1836 году в должности члена совета консистории. Во время недолгого своего пребывания в Вене Аменда участвовал в исполнении квартетов, быть может, не раз замещал, подобно Цмескалю, профессиональных квартетистов, собиравшихся в венских салонах и даже участников «Бетховенского квартета» у Лихновского, когда кто-либо из последних приносил слишком обильное жертвоприношение мифическому божеству, часто заступающему место Аполлона в культе артистов.

В приводимых здесь письмах Бетховена к Аменда встречаются намеки на Магдалину Вильман, которая отбила атаку влюбленного композитора, на Цмескаля, дружбе которого он почему-то не доверяет, на квартет F-dur (op. 18, № 1), который должен убедить друга в умении автора писать камерную музыку, на кн. Лихновского, кошелек которого часто открывался для помощи и поощрения музыкантам.

К Карлу Аменда.

Я получил сегодня приглашение в деревню, в Медлинг, принял его и сегодня же вечером отправляюсь туда на несколько дней. Оно было для меня тем более кстати, что моему и без того истерзанному сердцу предстояли еще большие страдания. Хотя главная атака уже отбита, но я все еще надеюсь на осуществление своего плана. Вчера мне предложили поехать в сентябре в Польшу, причем путешествие и пребывание там ничего не будут мне стоить. В Польше я могу хорошо устроиться и там можно заработать денег. Я принял предложение. — Прощай любезный А! Напиши мне поскорее о себе с дороги, а также по приезде на свою родину. — Счастливого пути, и не забывай твоего Бтхвна.

Карл Аменда.

Кажется, что не совсем своевременно передаю тебе то, что князь Л. прислал мне для тебя. Правда, этого мало, но он теперь отправился путешествовать, а ты ведь знаешь, что стоит это подобным господам. — Да, милый, добрый Аменда, я должен еще раз повторить, что мне очень жаль, что ты не сообщил мне о своем положении раньше; все можно было бы тогда устроить совершенно иначе, и я не был бы так озабочен тем, что ты можешь испытать. Сейчас я в таком положении, что не могу помочь тебе; но так как подобное состояние не может длиться очень долго, то настоятельно прошу тебя сообщить мне сейчас же, как только ты станешь нуждаться в чем-нибудь, и будь уверен, что я немедленно приду тебе на помощь.

Так как я не знаю, едешь ли ты уже завтра, то счел нужным тебе все это высказать.

Второпях твоей Бетхвн.

Дорогой Аменда! Прими этот квартет на память о нашей дружбе. Когда ты будешь его играть, вспоминай о пережитых нами днях и вместе с тем о том, что тебя любил и всегда будет любить твой истинный и искренний друг Людвиг ван Бетховен.

К пастору Аменда, в Курляндии.

Как может Аменда сомневаться в том, что я не забываю его? Нельзя же основываться на том, что я не пишу или не писал ему; ведь память о ком-либо поддерживается не только письмами!

Тысячу раз вспоминаю лучшего из людей, которых я знаю. Да, кроме двух лиц, которым я был предан всей душой и из которых одно находится в живых, существует еще третье, это — ты. Память о тебе пишу я постоянно в мыслях моих; вскоре получишь длинное письмо о моем нынешнем житье и обо всем, что тебя может интересовать.

Прощай, милый, добрый, благородный друг; сохрани ко мне твою любовь, твою дружбу, подобно тому, как я вечно остаюсь верным тебе Бетховеном.

Мой милый, мой добрый Аменда, мой сердечный друг! Последнее письмо твое получил и прочел я с искренним умилением, с ощущением боли и вместе с тем удовольствия. Эта преданность, эта привязанность твоя ко мне несравненны! О! какая радость, что ты не изменился в отношении меня; но и я сумел отличить тебя между всеми другими. Ты не из венских друзей моих; нет, ты один из тех, которых рождает моя отчизна. Как часто желал бы я быть близ тебя, ибо Бетховен твой теперь несчастлив, в разладе с природой и Творцом: уж много раз роптал я на него за то, что он подвергает случайностям свои творения, отчего нередко гибнут и разрушаются лучшие намерения; знай, что благороднейшее из моих чувств, слух, сильно у меня ослабел. Уже тогда, когда ты был со мною чувствовал я это, но умалчивал; теперь же становится все хуже; возможно ли будет излечиться, покажет время. Болезнь эта явилась следствием желудочных страданий, от которых я теперь почти совсем освободился, но улучшится ли также слух? Хотя я надеюсь, но едва ли, ибо подобные болезни почти не поддаются лечению. Как тяжело мне теперь избегать всего, что мило и дорого, и жить среди таких эгоистических людей, как... и т. д. Могу сказать, что между всеми окружающими Лихновский оказывается наиболее преданным мне; начиная с прошлого года он назначил мне по 600 гульденов. Это жалованье и хороший сбыт моих сочинений дают мне возможность жить, не заботясь о средствах к пропитанию. Все то, что я теперь пишу, находит по пяти издателей, и все предлагают хорошую плату. В последнее время я писал весьма много. Так как я узнал, что ты у ... заказал фортепиано, то хочу послать тебе инструмент, который тебе обойдется дешевле.

Теперь, к утешению моему, сюда прибыл еще один человек, с которым могу делить досуги и дружбу; это один из моих друзей молодости. Я уже часто говорил с ним о тебе и признался, что со времени отъезда моего с родины ты стал для меня одним из тех, к которым питаю сер-

дечное влечение. Ему также... не нравится; он был и останется мало надежным для дружбы; я смотрю на него и на... только как на инструменты, на которых могу играть, когда мне вздумается; но не быть им никогда благородными свидетелями моей деятельности, внутренней или внешней; они имеют для меня значение лишь постольку, поскольку исполняют возлагаемую на них мою работу. О, как счастлив был бы я теперь, если бы вполне владел слухом; я полетел бы к тебе; но принужден остаться. Мои лучшие годы пройдут, и я ничего не сделаю из всего того, что требуют от меня силы мои и дарования. Печальное смирение; я вынужден к нему прибегнуть. Конечно, я решился всем этим пренебречь, но удастся ли? Да, Амэнда, если по истечении полугода болезнь моя окажется неизлечимой, то я потребую тебя; тогда ты должен все оставить и приехать ко мне. Тогда отправлюсь путешествовать (при игре и композиции недуг мой не так стесняет меня, как в разговоре), и ты должен быть моим путеводителем.

Я убежден, что судьба будет ко мне благосклонна. С кем я теперь не был бы в состоянии померяться силами! Со времени твоего отъезда писал я все, за исключением опер и церковной музыки. Да, ты не откажешь мне, ты поможешь твоему другу перенести его заботы и болезни. В игре на фортепиано я значительно усовершенствовался и надеюсь, что это путешествие составит также, быть может, и твое счастье; ты затем останешься навсегда у меня.

Все твои письма получил я исправно; хотя я мало отвечал тебе, но все же мнил себя постоянно близ тебя и сердце мое стремится к тебе так же, как и прежде. Что касается моего слуха, то прошу тебя хранить это в глубокой тайне и решительно никому этого не доверять. Пиши мне чаще; твои письма, даже самые кратчайшие, утешают меня, действуют на меня благотворно, и я, мой друг, в скорости опять ожидаю от тебя письма. Квартета твоего не давай никому, потому что я его значительно переделал. Я теперь уже вполне овладел умением писать квартеты, в чем ты сам убедишься, когда их получишь. Ну, прощай, мой добрый друг! Если полагаешь, что я могу оказать какую-либо приятную тебе услугу, то, конечно, должен сообщить об этом

твоему верному, искренно тебя любящему

Л. в. Бетховену.

При всем недоверии к Цмескалю, дружественные отношения Бетховена с ним поддерживались долгие годы, на него возлагал композитор десятки разнообразных поручений, часто искал его общества, встречи с ним, ходил к нему, зазывал к себе, назначал свидания в ресторане «Лебедь», причем, по обыкновению, не обходилось без ссор, упреков, брани словесной и в письмах. «Барон Николай Цмескаль (Zmescall) фон Домановец и Лестини» родился около 1760 года, был секретарем придворной канцелярии по делам королевства венгерского и владельцем небольшого имения близ Офена. Он прекрасно играл на виолончели, написал несколько квартетов и, обладая добродушным, привлекательным нравом, пользовался обширным знакомством и расположением среди венской аристократии. Ряд приведенных ниже записок знакомит нас с теми дружественными отношениями, которые установились между композитором и «музыкальным графчиком» (м. г.) и которые поддерживались с некоторыми перерывами до последних дней жизни; в этих записках встречаем игру словами Амэнда (курляндский друг) и Amende (денежный штраф), ряд острот и кличек, порою обидных (Dreckafahrer — перевозчик мусора), немало просьб и поручений, изложенных в шутливой форме; тут же упоминаются из-

вестный теоретик Ант. Рейха, фортепианный мастер Вальтер, виолончелист Шиндлекер и чиновник-дилетант Хамбергер, у которого нередко собирались лучшие венские артисты, с Гайдном во главе.

Мой дешевлеший барон! Скажи, чтобы гитарист сегодня же пришел ко мне. Пусть Аменда, вместо аменды, которую он иногда заслуживает за свои скверные паузы, пойдет за этим противным гитаристом; если возможно, то пусть явится упомянутый ко мне сегодня в 5 часов пополудни, в противном же случае — завтра в 5 или 6 часов утра, но чтобы не смел будить меня, если я буду еще спать. Adieu, mon ami — a bon marche; быть может, увидимся в «Лебеде».

Придворному секретарю фон Цмескалю.

Любезнейший барон Соровоз, je vous suis bien obligé pour votre faiblesse de vos jeux — во всяком случае, я не запрещаю себе в будущем веселое расположение духа, каковым иногда пользуюсь, так как вчерашняя ваша болтовня меня очень огорчила, черт возьми, знать не хочу ничего из всей вашей морали, сила — вот мораль тех, которые выше толпы, она же и моя, и если сегодня вы опять начнете, то я изведу вас, пока не признаете исправным и похвальным все то, что я делаю; ну, приду в «Лебедь», хотя в «Бык» было бы лучше, все зависит от вашего цмескального домановичного решения (reponse).

Adieu Барон Ба... рон рон (но) ори (рно) онр (voilà quelque chose из департамента перестановок).

Милейший музыкальный граф. Прошу вас прислать мне одно или несколько гусиных перьев, так как очень нуждаюсь в них. — Пока не узнаю, где продаются хорошие, наилучшие перья, буду покупать ваши, — надеюсь видеть вас сегодня в «Лебеде».

Прощайте дражайший музикграф

dero etc.

Господин фон Ц. немного поторопился вытащить свои перья (между коими, вероятно, несколько чужих). Надо надеяться, что выдергивание их не причиняет вам боли, лишь только вы исполните все наши требования, получите уверение в глубоком почтении вашего

др. Бетховена.

Сейчас приду к вам, не позже, как через четверть часа.

Ваш Бетховен.

Милейший, галантнейший граф!

Сообщите, могу ли с вами переговорить сегодня, в 5 часов вечера, так как это необходимо

Вашему другу Бтхвну.

Его высокоблагородно-благо-благородию господину фон Цмескалю, импер.-корол., а также корол.-импер. придворному секретарю.

Его высокоблагородие, господин фон Цмескаль-Цмескалитет имеют благосклонность назначить место где можно завтра поговорить с вами.

Мы отчаянно преданы вам.

Бетховен.

24 марта 1799 г.

Я вам еще вчера сказал, что не приму вашего билета, вы должны меня лучше знать, и не думать, что я способен лишиться удовольствия одного из моих друзей, чтобы этим доставить удовольствие другому; я сдержал свое слово, посылаю при сем обратно вам и горжусь своим постоянством, не меняю каждую минуту своего решения, а упорно настаиваю на том, что говорю. Мне показалось вчера, что вы раздражены, может быть потому, что я немного резко заявил, что вы, посылая записку, поступили скверно, но если бы вы знали, что я третьего дня написал два письма об этом к Л. и княгине, чтобы получить один, то не стали бы удивляться, притом же я не такого черствого нрава и заметил, что мне не удалось доставить удовольствие этим билетом, но сейчас же забыл об этом, ибо глупо сердиться на то, что непоправимо. Предоставляю поступок ваш на суд вашей *bonhomie*, но видит небо, что дружба сопряжена с препятствиями, но все же остаюсь таким, как прежде вашим другом Л. в. Бетховен.

Посылаю его вам также поздно, потому что должен был раньше послать ваш оставшийся без употребления, а свой я получил только что и посылаю вам тотчас же; если бы я не получил для себя, то все же прислал бы вам этот.

Любезнейший Conte di musica.

Да будет сон вам впрок и на сегодня желаем вам хорошего аппетита и хорошего пищеварения, вот все, что необходимо человеку в жизни и все это стоит так дорого, да, милейший граф, доверенный друг, времена плохие, наше казначейство пусто, доходы поступают медленно и мы, милостивейший государь, принуждены унизиться и просить вас о ссуде в 5 гульденов, каковые в течение нескольких дней возвратим. Касательно инструментов поручаем вам самое строгое расследование, подозреваем, во всяком случае, обман, следует преступника строжайше наказать — прощайте милейший *amico conte di musica*.

Преданнейший вам Бхвн.

Дан в нашем
компит. кабинете.

Так как со вчерашнего вечера у меня сильный катар и едва ли буду сегодня у графини Дейм, поручаю ее вам сегодня во время репетиции, что касается выразительности, то я был вчера там и вам ничего не надо говорить ей, но может быть относительно темпов — прошу сообщить имя капитана, который несколько раз свистел во время тостов, не Glig ли? Мне необходимо знать это.

Любезный благородный г. фон Цмескаль, придворный секретарь и — холостяк — если сегодня увидите меня у себя, то не приписывайте этого чему-нибудь иному, как только тому, что некто желает говорить со мною у вас, и я в этом отказать не мог — незванный я сам приглашаю себя — и надеюсь не выпроводите меня.

Весь целиком ваш Л. в. Бетховен.

Добрейший Ц. Принужден просить вашей услуги, хотя мне это неприятно: а именно: я желал, чтобы вы вместо меня попытались теперь же получить от Артариа 6 или 12 экземпляров, остальные я прикуплю, необходимо дать один экземпляр Сальери, причину объясню вам, и еще несколько экземпляров другим. Теперь же будьте так любезны заплатить у А. за 6 или 12 экземпляров. Быть может, затея наша с 500 гульденами будет удачна, и спекуляция эта будет выгодна, тогда вы получите немедленно ваш долг. Уговорите А. оставить вам эти 6 или 12 экземпляров, до получения от Л. 30. Сообщите сейчас же, когда могу получить от вас ответ относительно этого. Был бы рад сегодня же получить эти экземпляры, потому что должен сегодня же вручить один Сальери.

Ваш истинный друг Бетховен.

Прелестный г. ф. Цмескаль.
Прелестнейший.

Выдерните у себя, пожалуйста, несколько перьев и вставьте их нам, мы пробовали обойтись без ваших, но принуждены вскоре просить ваше Совершенство, высоко нами в этом чтимое, сообщить нам тайну вашего искусства перьев, в коих все же нуждаемся, сейчас у нас нет совсем, а потому просим не сердиться на нашу назойливость, а вскоре принесу их несколько, чтобы восстановить ваши, да хранит вас небо.

Бетховен.

Пишу вам, дражайший музикграф, на лучшей бумаге, какая имеется у меня, будьте добры играть завтра 7-тет у Одескальки. Шиндлекера нет здесь, и вся музыка не состоится, если только вы не будете играть и, конечно, на меня падет главное подозрение и обвинение в небрежности.

Поэтому прошу вас, дорогой м. г., не отказать мне в этом одолжении, к вам отнесутся, конечно, с особенной любезностью, князь Одескальки сам напишет вам об этом завтра утром.

Репетиция завтра утром в одиннадцать часов, посылаю вам партитуру, чтобы вы могли просмотреть solo из последнего менюэта, самого трудного, как вам известно. Жду вас.

Ваш Бтхвн.

Г. фон Цмескаль.

Дайте мне знать, когда можете провести со мною несколько часов, во-первых, для того, чтобы пойти со мною к Хамбергеру, во-вторых, купить некоторые необходимые мне вещи. Что касается ночников я

случайно нашел такие, что вполне вас удовлетворят — чем раньше, тем лучше —
ваш Бетховен.

Вы можете, дорогой Ц., учинить Вальтеру нагоняй в сильной дозе, по случаю его выходки со мною, потому что, во-первых, он заслуживает этого, а затем уверяет всех, будто уже сговорился со мною и уже несколько дней добивается опередить всю толпу фортепианных мастеров и получить от меня заказ — но напрасно, каждый из них хочет изготовить для меня фортепиано по моему вкусу; Рейха, пользующийся его инструментом и по его просьбе тоже настойчиво советовал заказать ему фортепиано, а ведь это один из тех молодцов, у которых я видел хорошие инструменты. — Дайте ему понять, что я заплачу 30 и что могу получить от других даром, но все же даю 30 и только с условием, чтобы оно было из красного дерева, хочу также левую педаль — если не согласится с этим, то втолкуйте ему, что я найду другого, которому предложу это и которого сведу к Гайдну, чтобы показать его, — сегодня к 12 часам придет ко мне один незнакомый француз *volti subito*.

Господин и я будем иметь удовольствие следить за моим исполнением на фортепиано работы Йокеша — *ad notam* — если вы также придете, то мы прекрасно проведем время, потому что затем мы, Рейха, наш жалкий имперский барон и француз вместе пообедаем — нет надобности надевать черную пару, так как будут только мужчины.

Ваш Бетх.

13 ноября 1802 г.

Дорогой Ц. откажитесь непременно от игры у князя, ничего не поделаешь — репетиция будет у вас завтра рано утром в половине 9, а исполнение у меня в 11 часов — *ad dio* прелестный полномочный *regni Beethovenis*.

Бездельники, как следовало, арестованы письменным указом с их собственноручной подписью.

Музыкальный граф сегодня позорным образом уволен в отставку.

Первый скрипач Шупанциг ссылается в каторгу, в Сибирь.

Что же касается барона, то ему воспрещается в течение целого месяца о чем-либо справляться и заботиться; он может заниматься своим *ipse miserum*.

Любезный Ц., пришлите несколько перьев, но они должны быть очинены немного тоньше и должны быть немного тверже.

Постоянные заботы таких друзей, как Цмескаль, о неловком, непрактичном, рассеянном и порою беспомощном композиторе иногда сменялись случайными услугами приятелей и знакомых, каковых в эту эпоху было у него немало. Одно из лучших вокальных произведений Бетховена, романс «Аделаида», было спасено от огня Фоглем, талантливым певцом, первым исполнителем романсов Шуберта. Разбирая однажды свои рукописи, Бетховен отделил все, предназначавшееся к сожжению, и листы уже летели пачками в камин, когда вошел Фогль и схватил одну

из них, в которой оказался упомянутый романс. «Аделаида» написана в 1795 г. (ор. 46) на слова Маттисона, но только спустя пять лет автор решил послать ее знаменитому поэту (1761 — 1831) при записке, проникнутой необычайной для Бетховена деликатностью и почтительностью.

Глубокоуважаемый.

При сем получите от меня пьесу, которая уже несколько лет тому назад появилась в печати, и о которой, может быть, вам, к стыду моему, еще ничего не известно. Извиняться пред вами в том, что я сделал вам посвящение от всего сердца, ничего не сообщив об этом, считаю невозможным: это произошло отчасти потому, что мне неизвестен был ваш адрес, а отчасти вследствие опасения, что опрометчивость моя не вызовет вашего одобрения. Да и теперь посылаю вам «Аделаиду» не без боязни. Вы сами знаете, какая разница может произойти за несколько лет в артисте, постоянно подвигающемся вперед; чем больше успеваешь в искусстве, тем менее начинают удовлетворять прежние произведения. Мое искреннее желание заключается в том, чтобы музыка моя к вашей божественной «Аделаиде» хоть сколько-нибудь понравилась вам, и если она побудит вас создать вскорости подобное же стихотворение, то (если не найдете просьбу мою нескромною) я желал бы немедленно его получить; употреблю тогда все силы, чтобы вполне постичь прелесть вашей поэзии. Дедикацию мою считайте, отчасти, как знак удовольствия, которое испытал я, сочиняя музыку к вашей «Аделаиде», а отчасти как знак моей глубокой благодарности за блаженство, доставляемое мне вашей музой и ожидаемое мною от нее впредь.

Вспоминайте иногда, при разыгрывании «Аделаиды», искренно уважающего вас

Бетховена.

Вена, 1800 года, 4-го августа.

Спустя еще 15 лет Маттисон выпустил новое издание своих стихотворений, где поместил весьма польстившее Бетховену примечание: «эта небольшая лирическая фантазия вдохновила многих композиторов, но, по моему глубокому убеждению, никто не снабдил текста более яркими звуковыми красками, как гениальный Людвиг ван Бетховен». Произведение это до сих пор очень популярно среди немцев и аранжировано в разнообразнейших видах.

Дружественные отношения установились между композитором нашим и придворным капельмейстером Зейфридом, кажется, единственным близким приятелем, не испытывавшим на себе капризных выходов его; «тридцатилетнее знакомство наше, — рассказывает Зейфрид в своих воспоминаниях, — ни разу не было омрачено ссорой или размолвкой, хотя наши взгляды часто расходились, и каждый из нас высказывался свободно, ничуть не желая навязывать другому своего убеждения».

К числу приятелей Бетховена относятся также Генрих Эппингер, часто исполнявший скрипичные партии в сочинениях нашего композитора, и скрипач Херинг, променявший впоследствии искусство на службу в банке. Третий скрипач, Венчеслав Крумпхольц, брат известного в свое время арфиста, также был близок к Бетховену и даже давал ему уроки скрипичной игры. Из пианистов Бетховен благоволил к трем молодым виртуозам: Карлу Черни, сыну боннского музыканта Венчеслава Черни,

впоследствии основателю выдающейся издательской фирмы в Лондоне, к Хуммелю и Ф. Рису.

Дарование первого из них еще в отроческом возрасте было отмечено Бетховеном выдачею такого документа.

Мы, нижеподписавшийся, не можем отказать юноше Карлу Черни в удостоверении того, что он сделал чрезвычайные успехи в игре на фортепиано, поразительные для его 14-летнего возраста, и что он, принимая во внимание как эти способности, так и удивительную память, заслуживает всевозможной поддержки, тем более, что его родители употребили все свое состояние на образование многообещающего сына

Вена, 7 декабря 1805 года.

Людвиг ван Бетховен.

Иоанн Непомук Хуммель (1778 — 1837), ученик Моцарта, уже прославившийся на всю Европу, но продолжавший занятия у Сальери и Альбрехтсбергера, получал, вероятно, нередко от композитора, развлекавшегося поваренным искусством, записки вроде следующих:

Композитору И. Н. Хуммелю.

Пусть он больше не приходит ко мне. Это хитрый пес, а хитрые псы пусть убираются к черту.

Вена, 1799 год.

Бетховен.

Душечка Нацерль.

Ты честный малый и был прав, я вижу это, приди сегодня после обеда ко мне и ты найдешь здесь Шупанцига, мы оба будем тебя колотить, волочить и молотить, чтобы доставить тебе удовольствие.

Целует тебя твой Бетховен.

Поручив проверку переписанных оркестровых партий балета «Творения Прометея» земляку и ученику своему, Фердинанду Рису, он писал летом 1801 г. ему:

Дорогой Рис! Выберите 4 партии лучше переписанные, просмотрите их и пометьте затем их № 1; когда сверите их с партитурою и исправите, то возьмите другие партии и сравните с исправленными, советую быть крайне внимательным.

Дорогой Рис, убедительно прошу вас сделать так, чтобы я сегодня же получил список; вы должны также просмотреть (я тут ни при чем) партии скрипок и непременно завтра, так как знаете, что послезавтра уже репетиция.

Любезный Рис, прилагаю исправленные мною четыре партии; проверьте по ним прочие списанные партии, и если вы убеждены в том, что из переписанного четыре партии совершенно правильные и прове-

рены, то послезавтра я отправлю 4 партии, обозначенные № 1, а потом можете исправить остальные из просмотренных вами партий.

Вот вам и письмо к Броуну, в котором сказано, чтобы он выдал вам вперед 50 # для экипировки. Этого требуют обстоятельства, и вас оно не должно оскорблять, так как, покончив с делами, вам в понедельник на будущей неделе уже надобно будет отправиться с ним в Баден. Я должен вас упрекнуть в том, что вы раньше не обратились ко мне; разве я не искренний друг ваш? Почему скрываете от меня свою нужду? Никто из друзей моих не должен терпеть нужды, пока у меня есть что-нибудь. Я послал бы вам немного денег, если бы не надеялся на Бруна. Если из этого ничего не выйдет, так обратитесь немедленно к вашему другу

Бетховену.

Так же высоко ставил Бетховен известного английского пианиста Крамера, восхищался его виртуозностью, превозносил его этюды и местами, в своих фортепианных произведениях, проявил подражание техническим приемам его. В печатном экземпляре этюдов его, хранящемся в берлинской *Konigliche Bibliothek*, имеется множество указаний, наставлений, объяснений, выказанных Бетховеном племяннику своему Карлу и записанных А. Шиндлером.

Проводя досуги среди этих приятелей не менее охотно, чем среди прелестных венков, артист посвящал целые дни своим работам, вследствие чего эпоху эту можно считать наиболее плодотворною в жизни композитора.

Существует легенда о дьяволе, которому понравилось на одной картине изображение дерева. «Ты влюблен, художник; иначе дерево не представилось бы тебе в том виде, как ты нарисовал его», — сказал он художнику. Постоянно влюбленностью композитора можно объяснить ту глубину поэзии, которую вносил Бетховен в свои произведения. Подобно Прометею, оживившему мир огнем небесным, Бетховен вносил пламя вечной любви во все свои творения и неудивительно, что предание о Прометее также вдохновило композитора.

Сын неаполитанского танцора, Сальватор Вигано, родился 29 марта 1769 года, начал свою артистическую деятельность в Риме, где исполнял партии оперных примадонн; когда регистр голоса его стал ниже и растительность стала покрывать щеки, Вигано перешел в балет и женился на известной в свое время балерине Марии Медина. Певец и танцор был в то же время немного композитором и либреттистом, но к написанному им в 1799 году в Вене сюжету балета «Творения Прометея» Вигано не решился сам сочинить музыку, а обратился к содействию Бетховена, последствием чего явилось произведение (ор. 43), впервые поставленное в венском королевском театре 28 марта 1801 года и весьма распространенное во множестве самых разнообразных аранжировок. Если принять во внимание красоты бетховенской музыки, если вспомнить, что двухактный балет написан одновременно с 1-ю симфониею, патетическою сонатою и сонатою *quasi una fantasia*, которую напоминает местами (наприм., тема увертюры *allegro molto*, *c-dur*, повторяемая в финале), если просмотреть партитуру эту, богатую не одним чудным *adagio*, если вспомнить те волшебные эффекты, которых достигла ныне техника балетной *mise en scene*, если прибавить к этому, кстати,

модное в наши дни увлечение танцами под классическую музыку, в стиле Исихоры Дункан, то нельзя не пожалеть о пренебрежении, в котором находится ныне это произведение, выдержавшее в 1801 году 16, а в 1802 году 13 представлений и вскоре после издания поставленное в миланском театре La Scala.

После первого представления балета Иосиф Гайдн, при встрече с Бетховеном, похвалил его «Творения», на что последний ответил, шутя намекая на последнее произведение Гайдна «Сотворение мира»:

— Однако, любезный папа, мне далеко до творчества.

— Да, голубчик, — проговорил Гайдн, недовольный такой остротой и сравнением незначительной балетной музыки с величественной ораторией, — кажется, оно для вас недоступно; ведь вы — атеист.

Время появления этого балета связано с двумя событиями, отразившимися в целом ряде последующих композиций: накануне XIX века начались физические страдания Бетховена, приведшие его к глухоте и водянке; в то же время наш постоянно влюбленный артист испытал сильнейшие сердечные муки, вызванные графиней Гвичиарди, отвечавшей взаимностью на страстную любовь его.

Уже в 1706 году Вегелер заметил страдания композитора, вызвавшие заметку в дневнике последнего о немощности телесной и приведшие к роковой болезни: «в нижней полости живота моего друга крылась причина всех его бедствий, его глухоты и потом водянки; неправильный образ жизни усиливал болезнь». Летом 1796 года Бетховен возвратился однажды вечером домой чрезвычайно разгоряченным, отворил настежь окна, двери и в одном белье сел на сквозняке у окна. В другой раз он увлекся сочинением пьесы к своему концерту, четыре писца спешили переписать эту композицию в то время, как автор страдал обычными коликами, и Вегелер старался облегчить эти боли. Брейнинг приписывает все эти страдания неряшливой обстановке и небрежным приемам, которые сопровождали постоянные самообливания холодной водой рассеянного и невнимательного к своему здоровью композитора; только мучительные боли, повторявшиеся чаще, заставили его обратиться к правильному лечению, для чего пригласил он сначала одного из своих приятелей. Директор городской больницы фон Франк надеялся восстановить правильную деятельность нижней полости живота укрепляющими средствами, а слух — миндальным маслом, но неупешность этого лечения заставила обратиться к хирургу фон Верингу, главному врачу штаба, отцу знаменитого в свое время венского доктора Иосифа Веринга и жены Стефана Брейнинга, прописавшему теплые ванны с раствором укрепляющих веществ, какие-то пилюли для желудка и чай для уха, а также нарывные пластыри из волчьего лыка на обе руки; в то же время, по совету Вегелера, он прикладывал на живот травы. Нетерпеливый артист, быть может, вредил своему здоровью частой переменой врачей и не всегда исправным выполнением их предписаний. Недовольный лечением Веринга, он обратился к штабному врачу И. А. Шмидту, более удачно исполнившему партию виолончели в квартетах Бетховена, нежели требования его относительно скорейшего исцеления. Затем следует лечение у патера Вейса,

состоявшего при соборе Св. Стефана и успешно лечившего ушные болезни. Цмескаль свел Бетховена к этому прославленному специалисту, и Бетховен сначала исправно посещал ежедневно пастора, вливавшего ему в ухо какую-то жидкость; вскоре посещения эти прекратились, и Цмескаль убедил патера ходить к композитору на дом, но и это не помогало: последнему надоело ежедневно возиться с лечением, и он стал скрываться от доктора. Таким образом, недуг превратился в хронический и стугил не один мрачный колорит в его партитурах. «Вы не можете себе представить, — писал Брейнинг своему зятю Вегелеру, — какое невообразимое, почти страшное влияние произвела на Бетховена потеря слуха. Подумайте, каково человеку с таким пылким нравом чувствовать себя несчастным, притом имейте в виду его скрытность, недоверживость часто к наилучшим друзьям, нерешительность во многих случаях. Когда настроение его по-прежнему проявляется свободно, то, за редкими исключениями, совместная жизнь с ним требует большого напряжения; приходится постоянно быть настороже. С мая до начала ноября мы жили в одном доме, и с первых же дней я поместил его в свою комнату. Едва он устроился у меня, как захворал опасно: болезнь перешла в продолжительную, перемежающуюся лихорадку.

Уход за ним и заботы изнурили меня. Теперь он совершенно здоров.

Он живет в Bastei, а я — во вновь выстроенном доме барона Эстергази, близ казармы (Alster), и так как у меня собственное хозяйство, то он ежедневно обедает у меня».

Подробности относительно своей болезни расскажет нам Бетховен сам в приводимых ниже письмах к Вегелеру; он пишет (второе и третье) письма из новой своей квартиры в доме графа Пасквалати, находившемся в центре Вены, у бастиона, часть которого еще и ныне выступает против университета. В упомянутых письмах мы встречаем знакомые уже имена Лорхен (Элеоноры Брейнинг, жены доктора Вегелера), ее брата Штофеля (Христофора), их матери (придворной советницы), Риса-сына (Фердинанда); он обещает другу своему послать свои новые сочинения и картину (Антиоха), вероятно, оставленную Вегелером в Вене при возвращении в Бонн.

Вена, 29 июня 1800 г.

Мой добрый, милый Вегелер!

Как я благодарен тебе за память обо мне. Несмотря на то, что я так мало заслужил ее и так мало старался достигнуть этого, ты все же так добр и, невзирая ни на что, даже на мою непростительную небрежность, остаешься моим верным, добрым, честным другом. — Поверь, что я не могу забыть тебя, ни всех вас, милых и дорогих мне. Бывают минуты, когда я тоскую по вас и желал бы побыть с вами. — Отчизна моя, эта прекрасная страна, в которой я узрел свет, все еще так ясно представляется глазам моим и притом такой же прекрасной, как во время моего с вами расставания. Короче сказать, самым счастливым событием моей жизни сочту я то время, когда в состоянии буду снова увидеть вас и поклониться нашему отцу-Рейну. Когда произойдет это, не могу я еще определить. — Могу сказать только, что вы встретите во мне не только гораздо более совершенного художника, а также и луч-

шего, более совершенного человека; и если положение дел в нашем отечестве окажется несколько лучше, то я покажу искусство свое, но только в пользу бедных. О блаженный час, какому счастливец я сочту себя, когда буду близок к этому событию, когда исполню желанное!

Ты хочешь знать что-нибудь о моем положении? Ну, оно не очень скверно; начиная с прошлого года Лихновский, который, как бы тебе не показалось это невероятным, всегда был и остается моим искренним другом (небольшие столкновения бывали между нами, пожалуй, еще более скрепляя нашу дружбу), назначил мне определенную сумму в 600 гульденов, которую я могу получать до тех пор, пока не найду подходящего для себя места. Композиции мои приносят мне много и могу сказать, что получаю столько заказов, что не в состоянии их удовлетворять. На всякую пьесу имею я 6-7 издателей; а если пожелаю, то и еще больше. Со мною теперь уж не торгуются: платят то, что требую. Ты понимаешь, как это хорошо. Если я, например, вижу своего друга в нужде, и кошелек мой не может оказать ему немедленной помощи, то мне стоит только присесть, и вскоре помощь оказана. Кроме того, я стал экономнее прежнего. Если останусь здесь навсегда, то доведу дела свои до того, что ежегодно буду устраивать по одному собственному концерту; я уже давал их несколько раз. Только расстроенное здоровье мое сыграло со мною чертовскую шутку: в продолжение последних трех лет я стал слышать все хуже. Причиной этому послужили желудочные боли, которыми, как тебе известно, я еще прежде страдал, будучи постоянно одержим поносом. Франк хотел настроить мой организм укрепляющими лекарствами, а слух — миндальным маслом, но не тут-то было! Из всего этого ничего не вышло: слух мой становился все хуже, а желудок оказался в прежнем положении.

Так это длилось до осени прошлого года, приводя меня по временам в отчаяние. Тогда один медицинский осел посоветовал мне купаться в холодной воде, а другой, менее глупый, — в обыкновенных теплых ваннах из дунайской воды. Эффект был чудный: брюшные страдания уменьшились, а слух остался без изменения, или, вернее, стал еще хуже. Эту зиму провел я действительно в самом жалком состоянии: страдал ужасной коликой и снова впал в мое прежнее состояние, от которого освободился лишь около четырех недель тому назад, благодаря Верингу, к которому я, имея доверие, и обратился, предполагая, что болезнь моя требует помощи хирурга. Ему удалось почти совершенно остановить понос, прописав для этого тепловатые дунайские ванны, в которые я всякий раз вливал еще бутылочку крепительного вещества. Он не давал мне никакого лекарства и только дня четыре тому назад прописал пилюли для желудка и какой-то чай для уха.

Теперь могу сказать, что чувствую себя здоровее и лучше; только в ушах гул и рев продолжают день и ночь. Признаюсь, жизнь моя жалка: почти два года избегаю всякого общества, так как не могу открыться в том, что я глух. Если бы у меня было другое занятие, то беда была бы невелика, но при моей специальности — это ужасно. К тому же еще враги мои, число которых довольно значительно... Что они скажут!

Чтобы дать понятие тебе об этой удивительной глухоте, скажу, что в театре, чтобы понять исполнение артистов, я вынужден садиться как можно ближе к оркестру. Несколько удалившись, я уже не слышу высоких тонов инструментов и пения. Удивительно, что находятся такие, которые в разговоре со мною этого не замечают, приписывая все моей постоянной рассеянности. Иногда я слышу даже тихий разговор, но одни лишь звуки, не понимая слов; если же начинают кричать, то это становится для меня невыносимым. Что будет дальше — одному небу известно. Веринг говорит, что наверное станет лучше, хотя не совсем. Я уже не раз проклинал свое существование; но, благодаря чтению Плу-тарха, покоряюсь Провидению. Удастся ли, не знаю, но хочу бороться с

судьбой, хотя, конечно, будут минуты, когда я буду чувствовать себя несчастнейшим существом в мире. Прошу тебя о состоянии моем никому, даже Лорхен, ничего не говорить, так как только тебе доверяю это, как тайну. Мне хотелось бы, чтобы ты по этому предмету списался при случае с Верингом. Если состояние мое останется таким же, то будущей весной приеду к тебе. Ты найдешь мне дачу в какой-нибудь красивой местности, и я проживу там крестьянином с полгода. Может быть, состояние мое изменится. Смирение! Какой жалкий исход, а все же оно остается для меня единственным.

Надеюсь, ты не станешь меня винить за то, что, несмотря на печальное твое положение, навязываю тебе, пользуясь твоей дружбой, еще эти заботы. Стеф. Брейнинг находится теперь здесь, и мы почти ежедневно видимся; мне так приятно снова вызывать в себе прежние чувства. Он действительно сделался добрым, прекрасным малым, кое-чему научился и, подобно многим из нас, имеет более или менее чуткое сердце.

У меня теперь прекрасная квартира с видом на бастион и вдвойне полезная для моего здоровья. Думаю, что мне удастся устроить, чтобы Брейнинг перешел ко мне. Твоего Антиоха получишь и, кроме того, еще множество моих нот, если это не покажется тебе дорогим. Откровенно говоря, любовь твоя к искусствам меня продолжает очень радовать. Напиши только, каким образом выслать тебе все мои сочинения, число которых, разумеется, немалое и возрастает с каждым днем. — Взамен портрета моего дедушки, каковой прошу тебя скорее выслать по почте, посылаю тебе портрет его внука, преданного тебе сердечно Бетховена; портрет этот продается здесь у Артариа, который об этом так часто просил меня, и в других магазинах художественных произведений. Штоффелю я вскоре буду писать и немножко проберу за его упрямство. — Напомню ему прежнюю дружбу и потребую клятву в том, что он не станет беспокоить своими жалобами вас, достаточно уже удрученных горем вашим. Также и доброй Лорхен напишу я. Никогда, милые мои, не забывал я кого бы то ни было из вас, даже если и ничего не писал. Но писать (ведь это тебе известно) я небольшой охотник; самые лучшие друзья мои по целым годам не получали от меня писем. Я живу только среди своих нот, и едва кончаю с одними, как уж приступаю к другим; пишу я иногда три, четыре пьесы одновременно. — Пиши мне почаще; постараюсь также уделять свободное время письмам к тебе. Кланяйся от меня всем, добрейшей госпоже придворной советнице тоже и скажи ей, что у меня по временам бывает еще raptus. Что касается К., то я вовсе не удивлюсь тому, что она изменилась; счастье — шарообразно и не всегда падает на лучшее, благороднейшее. — Еще одно слово насчет Риса, которому передай мой сердечный поклон.

Относительно его сына напишу тебе подробнее, хотя думаю, что для карьеры Париж лучше Вены. Вена переполнена деятелями, вследствие чего даже самым выдающимся трудно здесь жить. До осени или до зимы подумаю, как ему помочь, потому что тогда все возвратятся в город. Прощай, добрый, верный Вегелер! Будь уверен в любви и дружбе твоего

Бетховена.

Вена, 16 ноября 1800 года.

Мой добрый Вегелер!

Благодарю за новое доказательство твоей заботливости обо мне, тем более, что я этого так мало заслужил. — Ты хочешь знать, как я поживаю, в чем я нуждаюсь. Хотя вообще я не люблю об этом вести беседу, но с тобою охотно поговорю.

Веринг уже несколько месяцев накладывает мне на обе руки шпанские мушки, которые, как ты знаешь, делаются из известной коры. — Это весьма неприятное лечение, так как всякий раз (пока под пластырем не нарвет) я лишаюсь дня на два свободного движения рук, уж не говоря о боли. Действительно, не могу отрицать того, что шум и гул несколько уменьшились, в особенности в левом ухе, с которого собственно болезнь и началась, но слух мой несколько не улучшился. Не решаюсь утверждать, но, кажется, что он скорее ухудшился. — С желудком дело идет лучше; в особенности от теплых ванн, в продолжение нескольких дней я чувствую себя затем от 8 до 10 дней прекрасно. Весьма редко принимаю что-либо укрепляющее желудок. Теперь начинаю, согласно твоему совету, прикладывание трав к животу. — О духах Веринг ничего слышать не хочет. Вообще я им очень недоволен: он проявляет слишком мало заботливости и терпения; но если бы я не ходил к нему (что мне крайне трудно), то никогда и не видел бы его. — Какого ты мнения о Шмидте? Хотя я не склонен к переменам, но мне кажется, что Веринг слишком предан практике, не следит за наукою, не пользуется новыми исследованиями. Шмидт представляется мне в этом отношении совсем другим человеком и не столь нерадивым. О гальванизме рассказывают чудеса; каково об этом твое мнение? Один медик сказал мне, что этим способом слух возвращен глухонемому ребенку (в Берлине) и одному человеку, который семь лет был глухим. — Только что узнал я, что твой Шмидт занимается этими опытами.

Теперь я чаще бываю в обществе, и потому жизнь моя стала несколько веселее. Ты не можешь себе представить, как одиноко и печально провел я последние два года. Глухота, точно призрак какой-то, преследовала меня повсюду; я избегал людей, прикидываясь мизантропом, каковым никогда не был. — Эту перемену произвела во мне милая, очаровательная девушка, которая любит меня и которую я люблю. После двух последних лет печального существования я испытал несколько светлых минут и чувствую впервые, что женившись могу быть счастливым. К сожалению, она не моего звания — и теперь — я, конечно, не мог бы жениться; — мне предстоит еще много борьбы и хлопот. Если бы я не страдал глухотой, то уж давно объехал бы полсвета; это мне необходимо. — Для меня нет высшего удовольствия, как заниматься своим искусством и проявлять его. — Не думаю, что у вас мне было бы лучше. Да и что может сделать меня счастливее? Даже заботливость ваша только стесняла бы меня. Ежеминутно видел бы я на ваших лицах сострадание и считал бы себя еще более несчастным. — Что может мне дать прекрасная моя отчина? Ничего, кроме надежды на лучшее в будущем. Оно осуществилось бы, если бы не эта болезнь! О, спасите меня от нее, и я заключу весь мир в свои объятия! Моя молодость — да, я это чувствую, — она только теперь начинается. Ведь прежде я постоянно хворал, теперь же, с некоторого времени, мои физические силы, а вместе с ними силы духовные, более, чем когда-либо, стали крепнуть. С каждым днем приближаюсь я все больше к цели, которую чувствую, но не в состоянии определить. Только таким образом жить может твой Бетховен. Прочь, спокойствие! — Кроме сна, я не признаю никакого отдыха и мне весьма больно, что я должен теперь посвящать ему больше времени, чем прежде. Хотя бы наполовину только освободиться от недуга, чтобы отправиться к вам, чтобы предстать пред вами в полном расцвете сил и возобновить прежние дружеские отношения.

Вы должны видеть меня счастливым, насколько это мне суждено в земной жизни, но никак не несчастным; нет, этого я не мог бы перенести. Я схвачу судьбу за горло и не допущу, чтобы она сокрушила меня. — О, как прекрасно тысячи раз переживать волнующие нас чувства! Для жизни безмятежной, — да, я это чувствую, — я более не годен.

Пиши мне как можно скорее. Позаботьтесь, чтобы Степка непременно поступил в какую-нибудь немецкую общину. Жизнь здесь слишком вредна для его здоровья. Кроме того, он живет так уединенно, что и думать не может о карьере. Тебе ведь известна здешняя жизнь. Я даже не решаюсь утверждать, что общество могло бы ослабить упадок его духа; да и уговорить его пойти куда-нибудь невозможно. Я как-то устроил у себя музыкальный вечер, но наш милейший Степка не явился. — Посоветуй ему побольше отдыха и спокойствия, без которых ему никогда не быть счастливым и здоровым; я, со своей стороны, приложил к этому уже все усилия. — Напиши мне в следующем письме, не обременяет ли тебя присланная мною масса нот. Те из них, которые тебе не нужны, а также портрет мой, можешь продать и таким образом выручить почтовые расходы. — Лорочке, маменьке и Христофору мои приветствия и лучшие пожелания. Ведь ты хоть немного любишь меня? Будь же уверен также в любви и дружбе

твоего Бетховена.

В большой, старой конторке, за которой Бетховен обыкновенно работал, Стефан Брейнинг нашел, после смерти его, в секретном ящичке, несколько документов и, между ними, три письма карандашом, на толстой бумаге малого формата и тем крупным, быстрым почерком, который с каждым годом становился все менее разборчивым; написаны они к девице, отношения композитора к которой оставались тайной для всех его друзей и современников, кроме Шиндлера, который уверяет, что знал о периоде бурного, безумного увлечения композитора «очаровательной девицей, к сожалению принадлежавшей к другому классу». Между письмами находились высохший цветочек и женский портрет с подписью «Т. В.»; цветок поныне лежит в письмах, хранящихся в берлинской королевской библиотеке, а подпись на портрете вызвала в 1878 году продолжительные споры биографов о личности, которой были адресованы упомянутые письма; Шиндлер утверждал, что письма адресованы к Дж. Гвичарди; Тайер и некоторые позднейшие биографы утверждают, что «бессмертной возлюбленной» была графиня Тереза Брунsvик (1778 — 1850 г.), сестра Франца Брунсвика, одного из приятелей композитора; по этой версии, все еще оспариваемой, Тереза Брунsvик сама якобы рассказывала, что письма написаны к ней в 1806 году, и тогда же она была помолвлена с композитором, гостившим в имени Брунсвика, Мартонсвазар, в Венгрии; Франц отнесся сочувственно к предполагавшемуся браку сестры с Бетховеном, но брак, тем не менее, не состоялся. Фриммель полагает, что письма эти адресованы к певице Магдалине Вильман, которую композитор также мечтал назвать своею женою. Сангалли старался недавно доказать, что героиней этого романа является Амалия Зебальд, к которой композитор не решился послать своих страстных, местами зачеркнутых, местами бесвязных, как бред больного, признаний.

Иное рассказывают Ноль и Шиндлер о происхождении загадочных писем, ныне составляющих часть богатой коллекции рукописей Бетховена в Берлинской библиотеке.

В 1800 году граф Франческо Джузеппе Гвичиарди поселился в Вене, где получил место в управлении по делам Богемии; жена его, Сусанна, была в родстве с домом графа Брунсвика. Дочь их, Джульетта, родилась 23 ноября 1784 г.; стройная, с темными локонами и голубыми глазами, с меланхоличным взглядом и много сулящими губками, 16-летняя девица делала большие успехи в музыке под руководством Бетховена. «Он заставлял меня, — рассказывала Джульетта в 1852 году Отто Яну, — играть свои сочинения, причем был очень строг и стремился к выработке легкой игры и к отделке мельчайших подробностей. Он был вспыльчив; бывало, бросал и разрывал ноты... Хотя он был беден, но не брал платы за уроки; я дарила ему купленное белье под видом моей собственной работы... Он был некрасив, но благороден, деликатен и образован; одевался бедно».

Графиня Гвичиарди.

Искусство сблизило молодых людей, забывших на время о недугах влюбленного и о титуле красавицы. Торопливое искание помощи врачей, стремление концертами и множеством композиций привести в порядок свое здоровье и плотность кошелька, все это было вызвано, вероятно, желанием девицы поспешить со свадьбой, чтобы избежать грозившего ей брака с юным, 17-летним графом Галленбергом, впоследствии антрепренером и автором нескольких балетов, не изгладивших из памяти Джульетты звуков посвященной ей Cistoll сонаты и образа гениального учителя. Все три сохранившихся письма написаны в течение одних суток из Коморна, городка близ Будапешта, куда ездил Бетховен летом для пользования минеральными ваннами.

6 июля, утром.

Мой ангел, мое все, мое я! — Сегодня лишь несколько слов и притом карандашом — (твоим), так как завтра должен искать себе новую квартиру. Какая пустая трата времени!.. — К чему эта глубокая скорбь, если обстоятельства требуют иного; ведь любовь наша не может существовать без жертв, без самопожертвования; разве ты можешь изменить те обстоятельства, вследствие которых ты не вся принадлежишь мне и не весь я твой... — Ах, Господи! Взгляни на чудную природу и успокой свое сердце. Любовь требует всего и имеет на то право. То же самое происходит в отношениях твоих ко мне и моих к тебе. — Однако, не забывай, что я должен жить для себя и для тебя... Если бы не существовало препятствий к нашему взаимному влечению, то боль эта была бы для тебя так же не чувствительна, как и для меня... — Путешествие мое было ужасное; я только вчера, в 4 часа утра, прибыл сюда. Так как оказался недостаток в лошадях, то почту направили другим путем, но

самым ужасным; на последней станции предостерегали меня не ехать ночью, пугали опасным переходом через лес, но это меня только подзадорило и — напрасно: экипаж мой мог сломаться на этой ужасной, изрытой проселочной дороге. Не будь у меня хороших ямщиков, я остался бы среди дороги. Эстергази, с восьмеркою лошадей, на другом, обыкновенном пути, постигла та же самая участь, какая меня постигла с четверкою. Однако, я испытал потом удовольствие, как и всегда, когда удается преодолеть препятствие. Теперь от внешних дел к внутренним. Мы вскоре увидимся, но я все еще не в состоянии дать отчета о том, что я передумал за последние дни о своей жизни. — Если бы наши сердца были всегда неразлучны, то, конечно, мысли мои были бы иные. Много накопилось в груди такого, что хотелось бы рассказать тебе. — Ах, — бывают минуты, когда я нахожу, что слова мои бессильны. — Будь весела и оставайся моим верным другом, единственным сокровищем, моим всем; я же весь твой. Остальное, что нас ожидает, — да ниспошлют боги.

Твой верный Людвиг.

Понедельник, 6 июля, вечером.

Ты страдаешь, ты, мое драгоценнейшее создание! Только что я узнал, что письма следует подавать рано утром по понедельникам и четвергам; — это единственные дни, в которые почта идет отсюда в К. Ты страдаешь! Ах, где бы я ни находился, — всегда ты со мною. Мы устроим с тобою жизнь неразлучную. Какую жизнь!!! Да!!! Без тебя страдаю от доброжелателей и их преследований, которых несколько не заслуживаю и избегаю. Унижение одного человека перед другим огорчает меня, в особенности при мысли о том, что именно представляю собою я среди окружающих, и что представляет тот, которого все называют величайшим. В этом-то сознании кроется божественное начало человека. — Я плачу при мысли, что ты, вероятно, только в субботу получишь от меня первую весточку. Как бы ты ни любила меня, все же я люблю тебя сильнее... Не скрывай от меня ничего. — Спокойной ночи!.. Так как я пользуюсь водами, то обязан уже лечь. Ах, Господи! Так близко и так далеко! — Не есть ли любовь наша настоящее небесное здание и такое же незыблемое, как Твердь небесная.

7-го июля.

Доброго утра!

Лишь проснусь, мысли мои уже стремятся к тебе, моя бессмертная возлюбленная; в каком настроении и где бы я ни был, постоянно жду решения судьбы. Или мы должны быть неразлучны, или я готов умереть. Да, я решил блуждать вдали от тебя до тех пор, пока твои объятия не примут меня; тогда стану я вполне твоим и буду готов перейти в царство теней.

Это неминуемо, к сожалению... Ты должна успокоиться; ведь верность моя тебе известна; другая не может владеть никогда моим сердцем — никогда, никогда. — О Боже! Почему любимое постоянно удаляется?.. Жизнь моя в В. так же жалка. — Любовь твоя сделала меня счастливейшим и в то же время несчастнейшим. — В мои годы необходима некоторая равномерность в жизни. Но возможно ли думать о ней при настоящем положении? Только что, ангел ты мой, узнал я, что почта отходит ежедневно и спешу кончить, чтобы ты скорее получила это письмо. — Будь спокойна; только спокойным отношением к нашему положению можем достичь своей цели — жить вместе. Будь спокой-

на, люби меня. — Сегодня и вчера — какие слезы, какая тоска по тебе, — тебе, — тебе, — жизнь моя, — мое все! — Прощай! — О, люби меня по-прежнему! — Не забывай никогда вернейшего сердца твоего возлюбленного Л.

Вечно твой

Вечно свой

Вечно наш.

Наиболее сильное, глубокое увлечение Бетховена оказалось таким же безутешным для него, как и многие другие; 3 ноября 1803 года Джульетта изменила своему Ромео и вышла замуж за графа Галленберга, с которым судьба свела Бетховена спустя двадцать лет; уже весной 1802 года участь его была решена непреклонными родителями Джульетты, предложение отвергнуто и надежды разбиты. Безропотно, молча перенес он этот удар и немедленно покинул Вену, чтобы погостить и рассеяться у графини Марии Эрдеди, в ее имении Иедлерзее (в Моравии), где нисколько не удивились тому, что через день композитор, не простившись, исчез, а спустя три дня был найден в отдаленной чаще сада; странности его были всем известны, и никто не искал причины такого поступка, едва не уморившего с голоду Бетховена.

Лето 1802 года композитор провел в Деблинге, предместье Вены, по сие время мало застроенном и состоящем из возвышенной части, Обердеблинг, и склонов холма, Унтердеблинг. В продолжительных прогулках на Каленберг и к Хейлигенштату он мысленно переживал период сердечных мук, все более и тревожнее останавливался над мыслью о своих физических недугах, не поддававшихся исцелению, причем чарующий образ красивой итальянки постепенно сменялся грозным призраком смерти, страдания влюбленного музыканта уступали место мрачным идеям мизантропа; настроение, вызвавшее сонату *Cis-moll*, сменилось иным, давшим миру сонату *D-moll*. В эти тяжелые минуты композитор не забывал своего искусства, своей музыки. Отсюда он пишет Ферд. Рису:

Вам, конечно, известно, что я нахожусь здесь. Пойдите к Штейну и узнайте, не прийдет ли он мне сюда инструмент за плату. Свой переносить боюсь. Придите сюда сегодня около 7 часов вечера. Квартира моя находится в Oberdöbling, № 4, улица влево, где гора начинает спускаться к Хейлигенштату.

Тетрадь эскизов, относящихся к этому времени, указывает на обилие музыкальных идей и на чрезвычайно усиленную творческую деятельность.

«В Вене, — говорит Рис, — за мной присылал Бетховен, бывало, в 5 часов утра; на дачу к нему в Деблинге я приходил к 8 часам утра и, выпив кофе, мы предварительно отправлялись гулять и возвращались обыкновенно в 3-4 часа, закусив где-нибудь на дороге, в деревне. На одной из таких прогулок я впервые был поражен глухотой Бетховена, о которой мне раньше говорил Стефан фон Брейнинг. Я обратил его внимание на пастуха, который играл очень мило на свирели. Бетховен в течение получаса не мог ее расслышать и стал чрезвычайно мрачен и молчалив, хотя я начал уверять его нарочно, будто тоже

перестал слышать... Три сонаты ор. 31 Бетховен обещал издателю Негели в Цюрихе, тогда как брат его, который, к сожалению, все чаще стал вмешиваться в дела композитора, задумал продать их лейпцигскому издателю. Между братьями часто возникали ссоры из-за того, что Бетховен хотел сдержать слово... Однажды на прогулке братья так поссорились, что дело дошло до драки. На другой день он отдал мне сонаты, чтобы тотчас же отправить их в Цюрих, и письмо к своему брату, вложенное в другое письмо к Стефану Брейнингу. Едва ли кто сумел бы дать лучшее и более мягкое наставление, чем то сделал Бетховен своему брату по случаю его вчерашнего поведения. Сначала он выставил ему поступок его в истинном, непривлекательном виде, затем простил его, но пророчил ему печальную будущность, если он не исправится. Письмо, написанное к Брейнингу, тоже прекрасно».

Брат композитора Карл проявлял значительное участие к делам его; побудительных причин к тому было немало: Людвиг Бетховен сознавал свою беспомощность в удовлетворении многих обычных потребностей и почти ежедневно обращался за содействием к кому-либо из близких ему лиц; нужно ли ему нанять квартиру, заказать платье, купить шляпу, продать банковский билет, заключить договор с издателем, — Бетховен, как дитя малое, либо не умеет сам выбрать лучшего, либо платит вдвое против действительной стоимости. Нравственный долг побуждал Карла, а потом и Иоганна, помочь старшему брату, которому оба они были обязаны своим благосостоянием. Вместе с тем, часто испытывая нужду в деньгах, Людвиг обращался к материальной помощи братьев и тем давал им больше прав на контроль над делами его, а видя алчность издателей, стремившихся воспользоваться с лихвою трудами композитора, братья доводили свои заботы до степени опеки над его деятельностью, не брезгли удовлетворить также свою алчность трудами брата, что нередко вызывало ропот среди приятелей Людвиг и раздражало его самого. Отсюда проистекали размолвки, затем примирения, опять ссоры и т. д.

Вступая в переписку с издателями, Карл Бетховен излагал свои соображения довольно развязно, смело и самоуверенно определяя ценность рукописи.

Милостивый Государь, вы почтили нас, — писал он 23 ноября 1802 года издателю Андре в гор. Оффенбахе, — письмом, в котором выразили желание иметь произведения моего брата, за что мы вам очень благодарны. Сейчас у нас имеются лишь одна симфония и большой концерт для фортепиано; первая стоит 300 фл., второй — столько же. Если же вы желаете иметь еще 3 фортепианные сонаты, то я могу отдать их не дешевле 900 фл.; впрочем, их нельзя выслать теперь же, а лишь по одной через каждые 5-6 недель, так как брат мой теперь мало занимается подобными мелочами и пишет все оратории, оперы и т. п. Кроме того, мы должны получить по 8 экземпляров каждой изданной вами пьесы. Понравятся ли вам пьесы или нет, во всяком случае, прошу ответа, чтобы не упустить случая продажи их кому-либо другому. Еще имеются у нас 2 адажио для скрипки с инструментальным аккомпанементом; они стоят 135 фл., кроме того, 2 маленькие легкие сонаты, каждая в двух частях; эти могут быть к вашим услугам за 280 фл.

Шлю лучшие пожелания другу нашему Коху

Ваш покорнейший слуга К. в. Бетховен, кассир курфюрста.

В другой раз (27 марта 1806 года) брат пишет в Венское Bureau de musique:

Вы просили недавно брата моего прислать некоторые рукописи для издания, но он тогда не мог удовлетворить вас. Теперь он предлагает вам новый фортепианный концерт и ораторию «Христос на Масличной горе» в партитуре. Он полагает, что сумма в 600 флоринов, каковая должна быть уплачена здесь конвенционной монетой по венскому курсу, не очень высока, тем более, что вы можете издать ораторию в 3-х видах: в переложении для фортепиано, в виде квартета и партитуры.

Если вам подойдут эти вещи, то прошу сообщить мне время, когда они могут выйти из печати.

Преданный вам К. в. Бетховен.

NB. Если пожелаете иметь новую оперу («Фиделио»), вновь ныне поставленную, то будьте добры написать мне об этом.

Когда Людвигу доказывали гадость некоторых поступков братьев его, он добродушно отвечал: «Что же делать, ведь они все же братья мне!» и при этом начинал бранить приятелей.

К этому периоду страстной, безутешной любви и физических страданий относится документ, известный под названием завещания Бетховена, это безыскусственное чистосердечное признание братьям в своих лучших чувствах к ним, хотя под впечатлением недавней ссоры с Иоганном, имя второго брата (поставленное нами) пропущено в завещании и все обращения гласят: «моим братьям Карлу и ...»; в этом преждевременном послании братьям, в этом «Хейлигенштадтском завещании» ярко и рельефно отражается глубоко впечатлительная натура артиста, крик отчаяния наболевшей души среди мощных созвучий энергии и долготерпения, веры в себя и в свое искусство, стремления к идеалу, к истине, к добру и красоте.

Братьям Карлу и Иоганну Бетховенам.

О вы, считающие меня и называющие злым, упрямым или мизантропом! Как вы обижаете меня! Вам вовсе неизвестна тайная причина того, что вы видите. Ум мой и сердце с самого детства исполнены были нежного чувства доброжелательства. Я был способен даже на великие дела. Но подумайте только: уже шесть лет нахожусь я в неизлечимом состоянии, ухудшенном негодными врачами; из года в год обманываю я себя надеждой на улучшение и, наконец, принужден сознаться в том, что этого улучшения не видно (излечение, быть может, продлится много лет или совсем не удастся). По природе своей пылкого, живого темперамента, склонный к развращениям в обществе, я рано вынужден был уединиться, проводить жизнь в одиночестве. Иногда приходило мне на мысль пренебречь всем этим; но как сурово тогда отталкивало меня вдвойне ужасное сознание поврежденного слуха; а между тем, я не мог обращаться к людям с требованием: «Говорите громче, кричите, потому что я глух!» Да и возможно ли было указывать на слабость чувства, которое у меня должно быть развито гораздо более, чем у других, чувства, которым я некогда владел в высшей степени, в таком совершенстве, как немногие из музыкантов владеют или когда-либо владели! — О, это свыше сил моих! Поэтому не вините меня, если я удалюсь оттуда, где охотно хотел бы пробыть с вами. Несчастье мое, если только я при-

знаюсь в нем, причиняет мне двойную боль. Не для меня отдых в обществе, в задушевных разговорах, во взаимных сердечных излияниях. Очень редко и только по крайней необходимости могу я входить в сношение с обществом. Я должен жить, подобно изгнаннику. Как только приближаюсь к людям, мною овладевает боязнь обнаружить свое состояние. Так это было в продолжение последнего полугодия, проведенного мною в деревне. По совету моего толкового врача, — как можно более беречь слух свой, что вполне соответствовало моему положению, — я, несмотря на появлявшуюся часто потребность в обществе, избегал его. Какое унижение приходилось мне испытывать, когда стоявшие близ меня слышали издали флейту, а я не слышал ничего, или когда кто-нибудь слышал пение пастуха, а я же опять ничего не слышал! Подобные случаи доводили меня почти до отчаяния; еще немного и я покончил бы с жизнью. Только одно оно, искусство, удерживало меня! Ах! мне казалось невозможным покинуть свет раньше, чем исполню то, к чему чувствовал себя способным. И так влачил я это печальное существование, настолько печальное, что всякая неожиданность могла обратиться во мне лучшее настроение в самое худшее. Терпение — вот что я должен теперь избрать своим руководителем! Я не лишен его. Надеюсь, что мне удастся терпеть до тех пор, пока неумолимым паркам угодно будет порвать нить моей жизни. Может быть, станет лучше; может быть — нет. Я покоен. Уже на 28-м году жизни вынужден я быть философом. Это не так легко, а для артиста еще труднее, чем для другого. О божество, ты с высоты зришь мои помыслы. Ты знаешь, тебе известно, что я исполнен любви к людям и стремления к добру. О люди, если вы это прочтете когда-нибудь, то вспомните, что вы были несправедливы к тому, кто искал равного себе по несчастью, чтобы этим себя утешить, и, несмотря на все препятствия природы, сделал все, что было в его власти, чтобы стать в ряды достойных людей и артистов. Вы, братья мои, Карл и Иоганн, попросите после смерти моей, от моего имени, профессора Шмидта, если он будет еще жив, чтобы он описал мою болезнь; этот листок вы присоедините к его описанию, дабы человечество, сколь возможно, хоть после моей смерти примирилось со мною. Кстати, тут же объявляю вас обоих наследниками моего небольшого состояния (если его можно так назвать). Разделите его честно, живите между собою мирно и помогайте друг другу. Все, что вы сделали мне дурного, как вам известно, уже давно вам прощено. Тебе, брат Карл, особенно благодарен я еще за выраженную тобою мне привязанность в последнее время. Желаю вам лучшей, менее горестной доли, чем моя. Внушайте вашим детям добродетель; только она может осчастливить, а не деньги. Я говорю по опыту. Добродетель поддерживала меня даже в бедствии; ей так же обязан я, как искусству моему, тем, что не покончил жизнь самоубийством. Прощайте и любите друг друга! Всех друзей благодарю я, в особенности князя Лихновского и профессора Шмидта. Я желаю, чтобы один из вас хранил у себя инструменты князя Л., но чтобы из-за этого отнюдь не вышла у вас ссора. Если же они могут принести вам более существенную пользу, то продайте их. Как радуется меня, что и в могиле я могу еще быть вам полезным.

Итак, с радостью спешу я смерти навстречу. — Если она явится раньше, чем я успею развить все мои художественные способности, то это будет слишком рано; поэтому желательно, чтобы, несмотря на жестокую судьбу мою, она явилась позже. Но и в первом случае я буду доволен, так как она освободит меня от бесконечно болезненного состояния. — Явись, когда хочешь: я бодро пойду тебе навстречу. Прощайте и не забывайте меня совсем после смерти: этого я заслужил пред вами, так как я при жизни часто думал о том, чтобы сделать вас счастливыми. Будьте же таковы.

Хейлигенштдт, 6-го октября 1802 г.

Людвиг ван Бетховен.

Хейлигенштадт, 10-го октября 1802 г.

Итак, я покидаю тебя, хотя прощаюсь с грустью. Да, я должен совершенно оставить сопровождавшую меня сюда надежду — излечиться хоть до некоторой степени. Надежда эта, подобно увядшим и падающим осенью листьям, иссякла для меня. Уезжаю отсюда почти в таком же положении, в каком прибыл сюда. Даже высокий подъем духа, воодушевляющий меня часто в прекрасные летние дни, совершенно исчез. О Провидение, пошли мне хоть один день чистой радости! — Я так давно не испытывал в себе ее отголоска. — Когда же, когда, о Божество, в состоянии буду я на лоне природы и человечества снова испытать ее! Никогда? Нет, — это было бы уж слишком жестоко!

Моим братьям Карлу и Иоганну по смерти моей прочесть и исполнить.

ГЛАВА IV

1802 — 1805

Концерт 2 апреля 1800 года и первая симфония. — Отношение к издателям. — Хофмейстер, Брейткопф и др. — Корректурa. — Плагиат и контрафакция. — Опять разлад с друзьями. — Отъезд Ф. Риса. — Тетради эскизов. — Концерт 5 апреля 1803 года и вторая симфония. — Егоица.

Как мы сказали уже, частные концерты сто лет тому назад были редки, их устраивали преимущественно заезжие виртуозы, местные же, постоянно играя в домах меценатов и любителей, а также в ежегодных благотворительных концертах, не представляли интереса для этой публики. Изредка устраивались также оркестровые концерты, в которых композиторы выступали со своими еще неизданными и неизвестными публике произведениями; с 1800 года Бетховен также стал иногда давать подобные «академии», причем возлагал большие надежды, увы, не всегда сбывавшиеся, на сбор с них.

В «Венской газете» от 26 марта 1800 года появилось следующее объявление:

Г. Людвиг ван Бетховен, получив в свое распоряжение, с согласия дирекции императорского и королевского театра, зрительный зал, честь имеет сообщить публике о предстоящем 2 апреля концерте своем.

В тот же день и заблаговременно постоянные абоненты театра могут получить билеты у г. ван Бетховена в Tiefen Graben, № 241, 3-й этаж. Можно обращаться также в кассу, где просят абонентов, не желающих воспользоваться ложами, заявить о том заранее.

Программа этого первого концерта Бетховена в Вене была следующая:

1. Большая симфония Моцарта.
2. Ария из «Сотворения мира» Гайдна, исп. г-жа Зааль.
3. Большой концерт собственного сочинения исполнит на ф.-п. Л. ван Бетховен.
4. Септет для 4 струнных и 3 духовых инструментов, посвященный ее величеству императрице и сочиненный Л. в. Бетховеном, исполнят: гг. музыканты Шупанциг, Шрейбер, Шиндлерер, Бер, Никель, Матаушек и Дитцель.
5. Дуэт из «Сотворения мира» Гайдна, исп. г. и г-жа Зааль.
6. Импровизация Л. в. Бетховена на ф.-п., на тему «гимна императору» Гайдна.

7. Новая большая симфония для полного оркестра, сочинение господина Л. в. Бетховена.

Цена за вход обыкновенная.

Начало в 6 час. вечера.

В эпоху высшего процветания музыкального искусства, во времена Моцарта и Бетховена, не было у газет постоянных рецензентов, отчеты даже о немногих концертах в сезоне появлялись преимущественно в двух-трех тогдашних специальных изданиях; так же обстояло дело в отношении первого концерта Бетховена, о нем появилось несколько строк лишь в лейпцигской «Всеобщей музыкальной газете».

«Наконец-то г. Бетховену удалось получить театральный зал для своего концерта, несомненно, одного из самых интересных за последнее время. Он играл новый концерт своего сочинения, заключающий многочисленные красоты, в особенности в первых двух частях своих. После этого номера следовали септет, также его сочинения, написанный со вкусом и глубоким чувством, и мастерская импровизация. В заключение концерта была поставлена его же симфония, образцовое произведение искусства, полное новизны и богатства идей. Отметим, между прочим, слишком частое употребление духовых инструментов; можно подумать, что это скорее пьеса для военного, а не симфонического оркестра». Произведение, поразившее лейпцигского корреспондента новизною, имеет для нас значительный интерес, наоборот, крайне близким родством с симфониями «стариков», предшественников автора.

Первая симфония Бетховена представляет собою как бы отзвук, эхо симфонии ор. 551, C-dur, Моцарта; то же строение, сжатый объем, та же тональность, сходные приемы разработки тем, подражание в модуляциях и ритме, сходство в соединении и сочетании частей и предложений; в *andante* та же простота, наивность и изящество, какие встречаются у Моцарта и Гайдна, и каких нельзя найти в последних произведениях Бетховена; сходство доходит до того, что одна из тем финала симфонии Моцарта повторяется почти без изменения в финале Бетховена (такты 8, 9, 10, 11, *Allegro*, партии *cello* и *basso*). Это влияние гениального пророка, предсказавшего великую будущность Бетховену, и гениального учителя, заметившего едва пробивавшийся индивидуализм «великого могола», замечается в большей или меньшей степени в целом ряде произведений Бетховена, относящихся к первому периоду его творчества и включающих в себя около сорока первых опусов. Отзыв Берлиоза о 1-ой симфонии, приводимый ниже, конечно, обстоятельнее и ценнее лейпцигской рецензии, но последняя, видимо, тоже принадлежит перу чуткого критика, упрекающего автора лишь в избытке тех ярких красок, которые были чужды XVIII веку и которые часто бледнеют в сравнении с композициями талантливых последователей Бетховена. Это произведение по форме, по мелодичному стилю, по простоте гармонических приемов и по инструментовке существенно отличается от других, позднейших композиций Бетховена. Создавая его, автор, очевидно, еще находился под влиянием Моцарта, которому он здесь всегда гениально подражает, иногда даже расширяя его мысли. В первой и во второй

частях появляются ритмы, которые автор «Дон-Жуана» хотя и употреблял, но крайне редко и пользовался ими далеко не так удачно. Темой первого *allegro* служит шеститактная фраза, не отличающаяся характерностью, но интересная по искусной разработке. Она сменяется не особенно значительной эпизодической мелодией; затем, после полукаданса, повторенного раза три или четыре, в партии духовых инструментов является рисунок имитации в кварту, который странно здесь встретить, тем более, что он уже раньше применялся в нескольких увертюрах к французским операм.

В *andante* встречается аккомпанемент литавр *piano*; в настоящее время это заурядный прием, но здесь он является как бы предвестником поразительного эффекта, достигнутого Бетховеном впоследствии с помощью названного инструмента, который его предшественники применяли редко или неудачно. Эта часть полна чарующей прелести; тема ее грациозна и удобна для разработки фугой, чем с успехом воспользовался автор.

Scherzo — первенец тех милых шуток, форму которых избрал Бетховен; он также определил скорость их движения и почти во всех своих инструментальных произведениях заменил ими моцартовские и гайдновские менуэты, носящие совершенно другой характер и исполняющиеся вдвое медленнее. Это грациозное *schерzo* отличается замечательной свежестью, игривостью и представляет единственную новинку в 1-й симфонии, где вообще отсутствуют великие и богатые поэтические идеи, проведенные в большинстве позднейших произведений Бетховена. Музыка ее прекрасно написана, прозрачна, жива, но мало акцентирована, а местами холодна и даже скудна, как, например, в заключительном *rondo*, которое является каким-то музыкальным ребячеством. Это еще не Бетховен, но с ним мы встретимся дальше.

Поставленная впервые 2-го апреля 1800 года, она вскоре стала исполняться во многих немецких городах (в России она была впервые исполнена 7 декабря 1863 года в Москве), но еще популярнее стал септет, поставленный в том же концерте; его играли всюду так часто, о нем столько говорили, что автору пьеса эта надоела и стала противна.

Септет этот, не менее популярный в наши дни, хотя устаревший не менее оперы Беллини «Норма», одну арию которой («*Casta diva*») напоминает начало широкой мелодии 2 части, в целом и в частях своих служил материалом для множества аранжировок, транскрипций, вариаций, переложений; им занимались Хуммель и Лист, Черни и Диабелли; эти переделки появлялись для инструментов и для пения, даже для гитары и даже дуэтом для двух гитар. Сам автор переложил его для своего врача, д-ра Шмидта, на трио.

Это произведение было послано «штаб-лекарю» Шмидту при нижеприведенной записке на французском языке, составление которой, вероятно, было поручено одному из приятелей композитора или же специалисту этого дела:

Милостивый государь!

Я вполне сознаю, что ваша слава и дружба, которую вы меня удостоили, требуют от меня посвящения вам более значительного произве-

дения. Единственная причина, которая могла побудить меня предложить вам настоящее, заключается в том, что мне хотелось произведением более легким и вследствие этого более удобным для исполнения содействовать удовольствию, которым вы наслаждаетесь в любезном кругу вашего семейства. Лищу себя надеждою, что достигну этой цели еще успешнее, когда прекрасные способности нежно любимой дочери вашей разовьются еще более. Буду счастлив, если намерения мои осуществятся, и если в этом незначительном доказательстве моего глубокого уважения и благодарности вы признаете всю силу и искренность моих чувств.

Людвиг в. Бетховен.

В конце того же месяца, 28 апреля 1800 года, состоялся другой интересный концерт: Иоганн Штих, известный под именем Пунто, после многолетних концертных поездок по Европе, из Парижа, через Мюнхен, приехал в Вену; как виртуоз на валторне Пунто не имел себе соперников, и дружеские отношения, установившиеся между ним и Бетховеном, по достоинству были оценены композитором, охотно пользовавшимся указаниями и советами подобных авторитетов. Пунто сам проявлял попытки к сочинению и издавал свои произведения, весьма посредственные. Для Пунто Бетховен написал наскоро сонату ор. 17; она уже была упомянута в объявлениях о концерте 28 апреля, когда композитор принялся за работу; ко дню концерта партия валторны была написана, но для фортепиано были сделаны лишь наброски, послужившие базисом для импровизированного аккомпанемента. Соната настолько понравилась публике, что «несмотря на недавнее распоряжение о запрещении громких аплодисментов и bis-ов в придворном театре, соната была повторена вся по настоятельному требованию слушателей».

Вскоре после исполнения первой симфонии и септуора они были изданы Хофмейстером в Лейпциге.

Выдающийся талантливый композитор и дирижер Хофмейстер познакомился с Бетховеном вскоре по приезде последнего в Вену; в 1799 году он предпринял артистическую поездку и застрял в Лейпциге, где вместе с придворным органистом короля саксонского, Амвросием Кюнелем, основал музыкально-издательскую фирму, существующую по настоящее время и известную с 1814 года под названием «фирмы Петерса». Молодая фирма обратилась к Бетховену с предложением издать его новые произведения, что послужило поводом к интересной переписке между композитором и издателем.

Плодовитость Бетховена за последние годы XVIII века была чрезвычайная; кроме потребности в деньгах для удовлетворения обычных расходов, композитор искал материальных средств, которыми надеялся прельстить небогатых родителей Джульетты, вместе с тем ряд сердечных мук, душевных потрясений искал выхода в сотнях страниц, в тысячах тактов, а первые успехи виртуоза и композитора поощряли его к работе. Ряд писем к издателю Хофмейстеру дает нам довольно яркую картину отношений автора и издателя к этим произведениям. Здесь мы встречаем переговоры относительно печатания «большой симфонии для полного оркестра» (№ 1, C-dur, op. 21), «большой сонаты» (ор. 28), получившей прозвище «Лебедь», балета «Прометей» (ор. 43), двух концертов (ор. 15 и ор. 19); в этих же

письмах находим намеки на возможность контрафакции септета, находящегося у императрицы австрийской в рукописи; нелестный отзыв о руководителях основанной в 1797 году *Allgemeine Musik-Zeitung*, которые названы «лейпцигскими быками»; насмешку над дилетантом-композитором д-ром Венцелем Мюллером, которому подражает барон Лихтенштейн, известный в свое время певец, писатель, композитор, директор театров и камерюнкер; намек на скверное издание Молло квартетов ор. 18, и, наконец, ряд обычных шуток и остроумий Бетховена, например, относительно облигатных партий. Если какие-либо инструменты не могут быть заменены иными, то автор делает в партитуре указание, заключающееся в надписи над партией соответствующего инструмента — *obligato* (обязательно); шутя, играя словами, Бетховен невольно признается здесь в одной из реформ, совершенных его могучим гением: «он не в состоянии писать необязательного», все, написанное им, должно быть сыграно в точности; исполнителям не предоставлено права изменять или заменять чего-либо в партитуре; обычные в доброе старое время указания *ad libitum* и *a piacere* становятся неуместными, нарушающими намерение автора и с начала XIX века так же редко появляются в музыке инструментальной, как и вставные руды и целые сцены в операх; гений автора проявляется ныне в партитуре вполне самостоятельно, не взывая к прихоти исполнителей; величайший индивидуалист в музыке с первых шагов своих провозгласил основное требование индивидуализма, лежащего в основании всего дальнейшего развития искусства.

Из приводимых здесь писем к Хофмейстеру видно, что через шесть месяцев после установления дружественно-деловых отношений композитор, возбужденный незначительным подозрением издателя, относится к последнему враждебно, обращается с обидными колкостями, а затем, по выяснении недоразумения, спустя еще шесть месяцев, восстанавливает приятельские сношения с «собратом по Аполлону».

Вена, 15 декабря 1800 г.

Дорогой брат!

На запрос ваш собирался уже неоднократно ответить, но в писании писем я ужасно ленив, вследствие чего долго приходится ожидать, пока я вместо нот начинаю писать сухие буквы. Наконец, решился я требование ваше удовлетворить. *Pro primo* следует заметить, что, к сожалению, вы, дорогой мой брат по музыкальному искусству, ничего не сообщили мне раньше, чтобы я мог продать вам свои квартеты, равно как и множество других пьес, мною уже проданных. Но если почтеннейший брат так же добросовестен, как и некоторые другие почтенные живодеды, которые нас, бедных композиторов, немилосердно терзают, то вы уж сумейте, при появлении других произведений моих, извлечь из них себе пользу. — Итак, укажу вкратце, что можете получить от меня:

1) *Septett per il violino, viola, violoncello, contrabass, clarinetto, corno, fagotto; tutti obligati* (необязательного я вовсе не в состоянии писать и потому даже на свет я появился с обязательным аккомпанементом). *Septett* этот имел большой успех. Для более частого исполнения можно было бы партии духовых инструментов, а именно: *fagotto, clarinetto* и *corno* тринспонировать для *violine, viole* и *violoncello*.

2) Большую симфонию для полного оркестра.

3) Концерт для фортепиано, который я, впрочем, не выдаю за один из лучших, равно как и другой концерт, который появится здесь у Молло (к сведению лейпцигских рецензентов). Лучшие же произведения приберегу, пока лично совершу поездку. Тем не менее, выколачивание двух упомянутых концертов не заставит вас краснеть.

4) Большую Sonate solo для фортепиано.

Это все, что в настоящую минуту в состоянии я прислать; несколько позже можете получить квинтет для струнных инструментов; быть может, также несколько квартетов и еще другие пьесы, которых не имею теперь при себе. Когда будете мне отвечать, то можете сами назначить и цены, а так как вы не еврей и не итальянец, и я, в свою очередь, не принадлежу к этим нациям, то уж мы сойдемся. Прощайте, дорогой брат, и примите уверение в уважении

вашего собрата Л. в. Бетховена.

Вена, 15 (или что-то в этом роде) января 1801 г.

Любезнейший брат и друг, письмо ваше прочел я с большим удовольствием. Сердечно благодарен вам за доброе слово обо мне и о моих произведениях; надеюсь чаще удаиваться такого отзыва. Прошу вас передать также г-ну К. мою глубокую благодарность за его внимание и дружеское отношение. Затеи ваши меня также радуют, и если произведения искусства могут принести доход, то я желал бы, чтобы этим пользовались скорее истинные художники, чем простые торгаши.

Желание ваше издать сочинения Себастьяна Баха доставило мне несказанную радость; высокое и великое искусство этого праотца гармонии вызывает во мне сердечное волнение, и я желал бы поскорее видеть осуществление вашего предприятия. Надеюсь, как только получим радостную весть о прекращении войны, сколько-нибудь помочь вам, собрав здесь подписчиков. Что касается наших дел, то, согласно выраженному вами желанию, я готов служить вам. На этот раз предлагаю вам следующие вещи: септет (о котором я уже писал вам) — 20 дукатов, симфония — 20 дук., концерт — 10 дук., большую сонату: аллегро, адажио, менуэт, рондо — 20 дук.; соната эта, любезнейший господин брат, очень удачная! Теперь нам необходимо объясниться. Вас, может быть, удивляет, что я не делаю никакой разницы между сонатой, септетом и симфонией. Но дело в том, что септет или симфония не находят такого большого сбыта, как соната, хотя симфония, бесспорно, имеет более значения (NB. Септет состоит из коротенького вступительного адажио; затем следует аллегро, адажио, менуэт, анданте с вариациями, менуэт, опять коротенькое вступительное адажио и — засим — престо). — Концерт ценю я только в 10 дук., ибо, как я уже упомянул, не считая его одним из лучших. Не думаю, чтобы цены эти, в общем, показались вам чрезмерными. По крайней мере, я старался, насколько возможно, умерить их для вас. Что касается перевода денег, то, так как вы предоставляете это моему усмотрению, можете его направить чрез Геймюллера или Шюллера. — Вся сумма за все четыре сочинения составит, таким образом, 70 дукатов; других монет, кроме венских дукатов, я не понимаю; поэтому сколько это составляет ваших золотых талеров, меня совершенно не касается, тем более, что я, признаться, весьма плохой коммерсант и такой же плохой счетчик.

Таким образом, считаю поконченным это тягостное дело. Называю я его так потому, что мне хотелось бы, чтобы повсюду был принят совершенно иной порядок. Следовало бы иметь на весь мир только один магазин искусства, в который всякий автор относил бы свои произведения и получал бы там то, что ему нужно. Ныне же приходится еще

быть отчасти торгашом. И как к этому приноровиться, ах, Господи! — Вот это-то называю я тягостным! — Что касается лейпцигских быков, так пусть себе болтают; они своей болтовней, наверное, так же никого не обесмертят, как и не лишат бессмертия того, кому оно предназначено Аполлоном. — Да хранит Бог вас и близких вам.

С некоторых пор чувствую себя скверно, так что мне трудноато писать ноты, а гораздо легче — буквы. Надеюсь, еще часто придется уверять друг друга в вашей ко мне дружбе и в искренности

вашего собрата и друга Л. в. Бетховена.

В ожидании скорого ответа — прощайте.

Вена, 22-го апреля 1801 г.

Вы имеете немалое основание быть мною недовольным. Извинение мое заключается в том, что я был болен и, вдобавок, слишком занят, так что не мог даже вспомнить о том, что следовало вам послать. К тому же, единственное, быть может, что есть во мне гениального, заключается в том, что вещи мои не всегда находятся в порядке, и что только я сам могу в них разобраться. Так, например, фортепианная партия концерта в партитуре мною, по привычке, не помещена и я сделал это только теперь; вследствие такой поспешности вы получите ее написанною моим собственным, не особенно разборчивым почерком.

Для того, чтобы сочинения, по возможности, шли в должном порядке, следует:

Соло-сонату пометить	—	ор. 22,
Симфонию	»	— ор. 21,
Септет	»	— ор. 20,
Концерт	»	— ор. 19.

Заглавия же вскорости вам вышлю.

На издание произведений Иоганна Себастьяна Баха запишите меня подписчиком, а также князя Лихновского. Переложение сонат Моцарта на квартеты делает вам честь и, наверное, принесет прибыль. Желал бы оказать в этом деле побольше содействия, но я человек беспорядочный и, несмотря на лучшие намерения, все забываю; однако, я уже говорил об этом кое-где и встретил всеобщие симпатии. — Было бы прекрасно, если бы вы, господин собрат, при издании септета аранжировали его также для флейты, например, в виде квинтета; таким образом оказана была бы услуга любителям флейты, которые меня уже просили об этом и, подобно насекомым, начали бы кишеть вокруг него и питаться им. — О себе могу еще сказать, что написал балет, в котором, однако, балетмейстер, со своей стороны, не особенно отличился. — Барон фон Лихтенштейн также одарил нас произведением, совершенно не соответствующим отзывам, почерпнутым нами из газет о его гении. Это опять может служить подтверждением правильности газетных отзывов. По-видимому, барон избрал себе г-на Мюллера идеалом для шутовской роли в театре марионеток, но даже до него не в силах возвыситься. — И при таких славных обстоятельствах должны здесь мы, несчастные, прозябать. — Поспешите же, любезный собрат, поскорее познакомить свет с этими произведениями и сообщите вскорости: не потерял ли я своими промахами вашего доверия на будущее время. — Вашему сотоварищу Кюнелю всего лучшего. — Впредь все будет высылаться исправно и быстро. — Засим будьте здоровы и любите вашего друга и собрата

Бетховена.

Вена, июнь 1801 г.

Меня, право, немного удивило то, что, по вашему поручению, было передано мне здешним вашим поверенным; я готов прийти в негодование при мысли, что вы считаете меня способным на такую скверную шутку. Иное дело, если бы я продавал свои сочинения одним алчным торгашам и при этом делал бы еще втайне другие спекуляции; но чтобы артист поступал так с артистом — это для меня уж слишком. Вся эта история, по-видимому, либо полнейшая выдумка, с целью испытать меня, или же — одно лишь предположение. Во всяком случае, сим могу уверить вас, что, до высылки вам септета, послал я таковой г. Саломону в Лондоне (для исполнения в его концерте, по дружбе), но с оговоркою: позаботиться, чтобы септет этот не попал в чужие руки, потому что я намерен издать его в Германии, о чем, если найдете необходимым, можете сами у него справиться. Но чтобы дать вам еще доказательство моей честности, сим удостоверяю, что септет, концерт, симфонию и сонату я никому на свете не продавал, кроме вас, гг. Хофмейстера и Кюнеля, и что вы произведения эти можете считать своею исключительною и законною собственностью, в чем ручаюсь своею честью. Настоящим удостоверением можете воспользоваться по своему усмотрению. — Впрочем, что Саломон способен был на такую скверную выходку, т. е. издал септет, представляется настолько же невозможным, как и то, что я ему продал его. — Я настолько добросовестен, что даже отказал многим издателям, обратившимся ко мне относительно фортепианного переложения септета, не зная вовсе, пожелаете ли вы сами воспользоваться им. — При сем прилагаю обещанные заглавия моих произведений.

Concert pour le piano-forte avec deux violons, violoncelle, basse et violoncelle, une flute, deux oboes, deux cors, deux fagots, composé et dédié à Monsieur Charles Nikle uoble de Nikelsberg Conseiller aulique de sa Majesté Impériale et Royale par Louis van Beethoven Oeuvre 19.

Septette
pour un violon, violoncelle, contre basse, un cor, une clarinette,
un fagot
Composé et dédié
à Sa Majesté l'Impératrice et Reine
par Louis van Beethoven
Oeuvre 20.

Grande symphonie avec deux violons, violoncelle et contre basse, deux flutes, deux oboes, deux cors, deux fagots, deux clarinettes et tympales
composée et dédiée
à son Altesse sérénissime
Maximilien François
Prince Royal d'Hongrie et de Bohême
Régent de Cologne etc
par
Louis van Beethoven
Oeuvre 21.

Grande Sonate pour le piano-forte
composée et dédiée
à Monsieur
le Comte de Browne

Brigadier au service de S. M. J. toutes les Russies

par

Louis van Beethoven oeuvre 22.

В этих заглавиях придется еще кое-что изменить или исправить, это предоставляю вам. Вскорости ожидаю от вас письма, а также произведений, которые желал бы видеть напечатанными, так как уже появились и появляются в печати некоторые другие пьесы, относящиеся к этим номерам. — Саломону я уже написал, но так как сообщение ваше считаю лишь слухом, которому вы так легко поверили или, пожалуй, предположением, навеянным на вас рассказами о том, что я септет отправил Саломону, то по отношению подобным легковерным приятелям могу лишь по принуждению именоваться другом вашим,

Л. в. Бтхвн.

Вена, 8-го апреля 1802 г.

Какой черт посоветовал вам, господа, предложить мне сочинение подобной сонаты? — Во время революционной горячки она, пожалуй, была бы уместна, но писать подобную сонату теперь, когда все стремится войти в колею, когда Бонапарт заключил с папой договор! — Будь это еще «Вечерня» или что-либо подобное, — ну, тогда я немедленно схватил бы кисть в руки и большими, фунтовыми нотами написал бы Credo in unum. Но, Боже милостивый, сочинять такую сонату — в эпоху восстановления христианства, — это — это не по мне — и ничего из этого не выйдет. — Теперь скорым темпом приступаю к моему ответу. — Дама эта за пять дукатов может получить от меня сонату, которую я напишу, сообразуясь с ее планом в эстетическом отношении, но не придерживаясь указанных ею тонов. — Она может пользоваться ею для собственного удовольствия целый год, в продолжение которого ни я, ни она не вправе издавать ее. — По истечении же года соната принадлежит исключительно мне, т. е. я могу издать и издам ее, а дама эта может, во всяком случае, просить, чтобы я посвятил ей сонату, если полагает доставить себе честь этим. — Ну, господа, да хранит вас Господь. Соната моя гравирована очень красиво, но пришлось слишком долго ее ждать. Септет мой поторопитесь пустить поскорее в свет, так как толпа ожидает его. Вам ведь известно, что септет этот имеется у императрицы, а в имперской столице, как и — ... я не ручаюсь вам, поэтому поторопитесь. Г. Молло недавно опять издал мои квартеты полные всевозможных опечаток, которые в неизмеримом количестве кишат в них, подобно рыбам в воде т. е. до бесконечности. Questo e un piacere per un autore: признаюсь, шкура моя покрыта уколами и ранами от этих прекрасных изданий моих квартетов. Ну, прощайте и вспоминайте меня, как и я вас. Преданный вам до смерти

Л. в. Бетховен.

14 июля 1802 г.

Купец, для которого вы так великодушно пролили кровь свою, не пришел ко мне; очень жаль, не то я дал бы своей собственной крови, чтобы пощадить вашу — 7-т в 2-х частях не нравятся мне, почему? — и как? Для императрицы один экземпляр на лучшей бумаге, готово, сойдет — у меня имеется кое-что новое, скажите только, что вам надо — что нового в вашем ученом Лейпциге? Я на даче и немного разлился, чтобы затем быть еще более деятельным.

Как всегда ваш истинный друг Бетховен.

Вена, 22-го сентября 1803 г.

Сим объявляю вашей собственностью все произведения, о которых вы мне писали и перечень которых вновь будет вам списан и прислан за мою подписью. Что касается цены — 50 дукатов, то я согласен. Довольны ли вы этим? Может быть, вместо вариаций для виолончели и скрипки могу предложить вам несколько вариаций четырехручных на тему одной песни; стихи Гете также должны быть напечатаны в них, так как вариации эти вписаны мною в альбом, и я считаю их лучшими. Довольны ли вы? Эти аранжировки сделаны не мною, но мною просмотрены и местами вполне отделаны, что, однако, не дает вам основания объявить, будто переложения эти мои, так как для этого у меня вовсе не хватило бы ни времени, ни терпения, а с вашей стороны это было бы ложью. Довольны ли вы?

Прощайте. Не могу вам желать ничего другого, как всякого благополучия; готов бы все принести вам в дар, если бы затем я сам был в состоянии перебиваться, но подумайте только, что все вокруг меня состоит на службе и имеет определенные оклады жалованья для своего существования; но, Боже, как определить на службу к императорскому двору такого *parvum talentum com ego?*

Ваш друг Л. в. Бетховен.

Еще более значительное место в жизни и деятельности Бетховена занимает другая издательская фирма в Лейпциге, более обширная, более старая и богатая, а потому лучше приспособленная для издания таких обширных и сложных композиций, какими являлись произведения Бетховена столет тому назад. Известный типограф и книгопродавец Иоганн Брейткопф родился в 1719 году, в Лейпциге, где содержал небольшую словолитню, типографию и книжную лавку, перешедшие к нему от отца. Он совершил в немецком книгопечатании значительный переворот, введя усовершенствованную форму букв, округлив прежние, слишком длинные буквы и изобретя подвижные типы для печатания нот. В 1794

Бетховен, раб. Штейнхаузера (1801).

году сын его Христофор, школьный товарищ и друг Гете, наследовал от отца обширную типографию с книжным и музыкальным магазином, но вскоре, в 1800 году, умер, оставив дело компаньону своему, Хертелю. С одной стороны, стремясь к сближению с этой фирмой, предвидя в ней достойного сподвижника своей деятельности, с другой стороны, — возмущаясь порою неисправным печатанием и стремясь сохранить свое достоинство, Бетховен ведет с ней обширную переписку, пестрящую то вежливыми, то грубыми упреками в опечатках, то льстивым заискиванием, то холодным высокомерием.

В этой переписке, начавшейся в 1801 году, встречаем указание на горячее участие Бетховена к престарелой дочери И. Себ. Баха (Регина, ум. в 1809 г.), доживавшей свой век в нужде и тем вызвавшей в Al.-Mus.-Zeitung воззвание редактора последней, Фр. Рохлица; в другом письме композитор признается в передождении сонаты, ор. 14 № 1 на «квартет с. и.» (струнных инструментов), хотя возмущается склонностью других к подобным аранжировкам; в третьем — предлагает издание вариаций (ор. 34) и еще более замечательных вариаций (ор. 35); в четвертом письме бессвязно, взволнованно излагается один из обычных тогда случаев контрафакций, вызвавший негодование композитора, едва сдержанное братом Карлом и приятелем Зонлейтнером (секретарь придворного театра и составитель либретто оперы «Фиделио»), в пятом он как бы оправдывается в том, что выпустил свои вариации (ор. 34), против установившегося обычая, под отдельным опусом; в дальнейших письмах встречаемся с вариациями на английский гимн (серия 17 № 18), с вариациями на английскую народную песню (серия 17 № 19), с маршами ор. 45, с oratorium («Христос на Масличной горе») ор. 85 и др., а также с игрою слов Бах и Bach (источник) и с легким взрывом гнева по случаю разногласия в определении размера гонорара.

К издателям Брейткопф и Хертель в Лейпциге.

Вена, 22 апреля 1801 г.

М. Г. Простите за поздний ответ на ваше письмо; я долго болел и был обременен занятиями, а так как вообще я не очень прилежный писака, то все это облегчает вину мою; что касается вашего предложения относительно моего произведения, то мне очень жаль, что не могу в данный момент быть вам полезным. Будьте любезны уведомить меня, какого рода произведения желаете иметь, именно: симфонию или квартет, сонату и т. п., чтобы я мог сообразоваться, в случае если у меня окажется то, что вам необходимо или желательно. Здесь у Молло, если я не ошибаюсь, появится до 8 произведений, у Хофмейстера в Лейпциге также 4 произведения — при этом должен заметить, что у Хофмейстера выйдет первый из моих концертов и, следовательно, одно из слабых моих произведений и у Молло один концерт, хотя писанный позже, но также не принадлежащий к лучшим моим работам, это только предупреждение для вашей музыкальной газеты, в случае суждения об этих произведениях, если они будут исполняться, а именно: в лучшем случае их можно назвать лишь порядочными. Музыкальная политика требует задержать у себя некоторое время лучшие концерты. Вашим гг. рецензентам рекомендую более осторожности и благоразумия, особенно относительно произведений молодых авторов, иного это может испугать и отбить охоту к усовершенствованию, что касается меня, то я считаю себя далеким от подобного совершенства, вполне безупречного, и все же вопль ваших рецензентов был в начале для меня настолько обидным, что я стал сравнивать себя с другими и не только не согласился с этим, но успокоился, решив, что они ничего не смыслят в этом, еще более успокоился я, заметив, что превозносятся таланты, в действительности, довольно посредственные и уже почти забытые; — итак, *paх vobiscum* — мир им и мне — я никогда ни одного слова не упомянул бы об этом, если бы вы сами не начали этого. Недавно один из приятелей сообщил мне размер суммы, собранной для дочери бессмертного Бога гармонии; меня поразила ничтожность этой суммы, собранной в Германии, и в особенности в вашей Германии, желавшей воздать должное почтенной

женщине в память великого отца; это навело меня на мысль издать одно из лучших моих произведений по подписке в пользу этой особы, а сбор и ежегодный доход представить публике, чтобы устранить всякие упреки. Вы могли бы в этом много помочь. Сообщите мне скорее, как бы это сделать в лучшем виде и раньше чем умрет эта Бах, чем иссякнет этот ручей и перестанет поить нас. Само собою, что это произведение должны издать вы.

С глубоким почтением остаюсь преданный вам Бетховен.

В близком будущем, милостивый государь, напишу вам я сам — очень занят, притом мелкие неприятности сделали меня на время совершенно неспособным к некоторым делам, — между прочим, можете вполне довериться моему брату, который ведет все мои дела.

С истинным почтением весь ваш Бетховен.

Вена, 13 июля 1802 г.

...Относительно аранжировок я сердечно рад, что вы отвергли их, некоторые с чудовищной яростью бросаются переключать даже фортепианные пьесы для скрипки, хотя эти инструменты ничего общего не имеют, хотелось бы истребить это стремление: я утверждаю, что только Моцарт мог сам переключать свои фортепианные пьесы на другие инструменты, также и Гайдн, то же самое подтверждают мои фортепианные сонаты, хотя я не склонен пристегнуть себя к этим двум великим именам не только целые страницы должны быть сохранены, или переделаны, но необходимы добавления и в этом-то камень преткновения, а чтобы преодолеть его надо либо самому быть композитором, или же, по крайней мере, надо иметь такую же фантазию и сноровку; я переложил сам только одну сонату на квартет для с. и., уверяю вас, что это стоило мне большого труда.

Вена, 18 октября 1802 года.

К тому, что брат мой пишет прибавлю еще следующее, — я написал два произведения в форме вариации, из коих одно состоит из 8 вариаций, а другое из 30; оба написаны в совершенно новом стиле, каждое в ином своеобразном характере, я предпочел бы напечатать их у вас, но при непременном условии гонорара около 50 дукатов за оба вместе, — не заставляйте меня напрасно обращаться к вам с предложением, уверяю вас, что не будете раскаиваться в приобретении этих двух произведений — каждая тема в них обработана на особый лад; когда у меня появляются новые идеи, то я сам не замечаю их, но узнаю об этом лишь от других, но в этот раз могу сам уверить вас, что в обоих произведениях приемы совершенно новые и самобытные — никак не могу согласиться относительно того, что вы мне однажды писали о попытке сбыта моих произведений, лучшим доказательством успешного распространения моих сочинений должно быть то обстоятельство, что почти все иностранные издатели постоянно просят у меня новых рукописей и даже гравировщики, на что вы совершенно основательно жалуетесь, хлопчут о том же; Зимрок уже несколько раз просил меня дать ему какие-либо пьесы в полную собственность и предлагал плату, как и все другие издатели, тем не менее примите, как некоторого рода предпоч-

тение, предложение мое, обращенное из всех издателей только к вам, ибо ваша фирма всегда заслуживает отличия

ваш Л. ван Бетховен.

Вена, 13 ноября 1802 года.

Спешу сообщить вам только самое важное, — примите к сведению, что эти плуты Артариа, в то время как я по болезни находился в деревне, выпросили себе у графа Фриса quintet для гравировки под предлогом, что таковой уже напечатан, здесь имеется, а их экземпляр не верен и несколько дней тому назад в самом деле вздумали таковым обрадовать публику. Добродушный гр. Фрис, давшись в обман и не подозревая мошенничества, уступил им, меня лично он спросить не мог, — меня не было, но, к счастью, и узнали об этом своевременно — это было во вторник на этой неделе, стремясь охранить честь свою и оградить вас как можно скорее от убытков, я предложил этим подлецам два новых произведения, чтобы только они уничтожили все издание, а более хладнокровный приятель, находившийся у меня, спросил: вы хотите еще вознаградить этих плутов? Затем это дело уладили и выработали условия, причем он появится у вас, — на чем я настаивал, — они же обязуются выпустить потом, эти великодушные мошенники решили выпустить свое издание только по прошествии трехнедельного срока со дня появления здесь ваших экземпляров (утверждая, что гр. Ф. подарил им этот экземпляр). Пришлось заключить договор с таким сроком и я был принужден отдать им произведение, которое оцениваю по меньшей мере в 40 #. До заключения сего условия, точно посланник небес, является мой добрый братец, бежит к гр. Фрису; все дело представляет собою величайшее в мире мошенничество. В частности же, как ловко они устранили встречу мою с графом, да и все прочее сообщу в следующем письме; я также отправляюсь к Ф., и прилагаемое обязательство пусть будет доказательством, что я все сделал, чтобы предохранить вас от убытков, а изложение всего пусть служит вам доказательством, что нет жертвы, которой я не принес бы ради своей чести и ради ваших интересов. — Из обязательства вы усмотрите их намерения, полагаю, что вы по возможности ускорите присылку экземпляров, и, если возможно, назначите ту же цену, что и мошенники. Зонлейтнер и я все еще принимаем все меры, чтобы уничтожить все их издание — имейте в виду, что Молло и Артариа в действительности уже представляют один торговый дом, значит собралась целая семья плутов. — Не забыли ли вы посвящения Фрису, ведь мой брат поместил его на первой странице. — Я сам переписал обязательство для вас, так как бедный брат мой слишком обременен делами и тем не менее сделал все возможное, чтобы оградить вас и меня, к тому же он очень огорчен потерей верного пса, которого называл своим любимцем, вам самим следует поблагодарить его за все, я уже сделал от себя, он заслужил это — представьте себе, что со вторника до вчерашней ночи я был занят исключительно только этим делом и одна только мысль об этой мошеннической проделке достаточна, чтобы понять, как противно иметь дело с этими презренными людьми.

Л. в. Бетховен.

Обязательство.

Нижеподписавшийся обязывается настоящим ни под каким предлогом не рассылать и не продавать ни здесь, ни в ином месте квинтета,

полученного от г. графа Фриса и написанного Люд. в. Бетховеном, пока подлинное издание не будет в Вене в обращении в течение 14 дней.

Вена, 12 ноября 1802 года.

Артариа и Комп.

Вена 18 декабря 1802 г.

...вместо всяких криков о новой методе сочинения вариаций, как это делают наши гг. соседи gallo-франки, как например один известный компонист презентовал мне фуги, по новой методе, которая заключается в том, что фуга более не похожа на фугу и т. п., — я хотел бы обратить внимание непосвященных на то обстоятельство, что эти в. следует отличать от других и полагал бы сделать это самым ясным и простым маленьким предисловием, каковое прошу вас поместить как для маленьких, так и для больших в., на каком языке и на скольких языках — предоставляю вашему усмотрению, так как мы бедные немцы принуждены объясняться на всех языках — вот это предисловие:

«Так как эти в. значительно отличаются от моих прежних, то я обозначил их не номерами, как делал прежде (напр. № 1, 2, 3 и т. д.), а включил в число моих больших произведений, тем более, что и темы мои собственные.

NB. Если найдете необходимым что-нибудь изменить или исправить, то предоставляю вам.

Вена, 8 апреля 1803 года.

Уже давно, давно хотел я вам написать, но множество занятий оставляют мне мало свободного времени и позволяют мне писать лишь записки. Относительно вариаций вы заблуждаетесь, полагая, что их немного, но они не могут быть так обозначены, как например в больших, где вариации растворились в *adagio*, а фуга, конечно, не может быть названа вариацией, как и начало этих больших вариаций, которые, как вы сами уже заметили, начинаются темою в басу, затем написаны в 2, в 3 и четыре голоса и только тогда появляется тема, но все же не может быть названа вариацией и т. д.; если это вам невразумительно, то пришлите мне, как только будет напечатан один экземпляр, корректуру с рукописью, чтобы я мог избежать недоразумений. Вообще окажете мне большую услугу, если посвящение аббату Штадлеру совсем снимете с больших вариаций и вместо него делаете это, при сем прилагаемое, т. е. *dediees etc.* А Monsieur le Comte Maurice Lichnovski, это брат князя Лихновского и недавно оказал мне неожиданную услугу, а другого случая не имею теперь доставить ему удовольствие; если уже поместили посвящение аббату Штадлеру, то я охотно приму на себя расходы по замене заглавного листа, не смущайтесь только, сообщите мне стоимость этого, заплачу с удовольствием,

Бетховен, раб. Хорнемана
(1802).

очень прошу об этом, если только еще не отправлены. — Посвящение малых вариаций остается то же, то есть княгине Odescalchi. — За прелестные пьесы Себастьяна Баха шлю вам глубокую благодарность, я буду хранить их и изучать. — Если будет продолжение, то также пришлите мне, — если имеете хороший текст для кантаты или для какого-нибудь вокального произведения, то сообщите мне.

Ваш искренно уважающий Бетховен.

Вена, июнь 1803 г.

Я неисправим в отношении корреспонденции, вообще ленив писать, а тут уж надеюсь на ваше снисхождение, — надеюсь вы уже получили письмо моего брата, где он просит вас составить указатель поистине невероятного множества грубых опечаток, через несколько дней пошлю вам список, как красиво издание и как жаль, если вы выпустите его так нерадиво и небрежно — так как вы гравировали вариации мои по моей рукописи, то боюсь, что вкралось много ошибок и очень желательно получить сначала от вас корректурный джезмпляр, это ужасно неприятно, так красиво гравированные ноты полны ошибок, в особенности для автора; в больших вариациях забыли упомянуть, что тема заимствована из моего балета, а именно «Прометей», или по-итальянски «Prometeo», что должно быть обозначено на заглавном листе, и если это возможно, еще раз прошу об этом, т. е. в случае, если они еще не вышли, заглавный лист должен быть заменен, и я согласен принять расходы, — здесь в Вене все это быстро забывается и не приходит на ум, постоянное разбрасывание и усиленная джезтельность вносят в подобную работу большой беспорядок, простите меня, что так поздно заявляю об этом, — из-за одного стихотворения не стоит хлопотать, когда упомянутое вами выйдет, то желательно получить от вас и тогда разобраться. — Не забудьте относительно вариаций, как о корректуре, так и о заглавном листе, если еще возможно, — если я здесь могу быть вам чем-либо полезным, то пишите

вашему покорному слуге Людвигу ван Бетховену.

Сентябрь 1803 года.

Предлагаю вам за 300 фл. следующие произведения:

1) два собрания вариаций, в одном из которых находятся в. на «God, save the King», а в другом — на «Rule Britannia»;

2) песнь перепелки, текст которой может быть вам знаком, в ней три строфы и все положены на музыку отдельно;

3) три марша в четыре руки, легкие, не очень короткие, а последний из них так велик, что может быть назван маршем трех маршей — отвечайте с ближайшей почтой, так как дело спешное, — некоторые любезно присланные вами вариации оказались не совсем безупречными в отношении опечаток, — желательно мне заранее просмотреть также другие, потому что я все же боюсь найти в них еще более значительные опечатки; — о Бахе постараюсь в самом начале зимы, потому что в настоящее время здесь мало выдающихся лиц, а без них ничего не наладится — передайте глубокую благодарность г. редактору М. Z. за любезное помещение лестного для меня сообщения относительно моего oratorio, где газета грубо лжет о назначенной мною цене и подло меня поносит, это доказывает, вероятно, беспартийность — согласен — если это служит впрок М. Z.

Каких только добродетелей ни требуют от истинных артистов и, конечно, не без основания, но зато как гнусно, низко, когда позволяют себе с легким сердцем забрасывать нас грязью.

Отвечайте немедленно, в следующий раз о прочем

Как всегда ваш преданный Л. в. Бетховен.

NB. Все, что предлагаю вам здесь, совершенно ново, — к сожалению, так много старых негодных пьес моих было продано и украдено.

Вена, 23 октября 1803 года.

Так как вы желаете иметь еще другие инструменты от других мастеров, то рекомендую еще Ц. Похак, работа исправная, цены и типы инструментов прилагаю, — также еще И. Мозер, указатель цен и инструментов которого получите в следующий раз, — его работа также хороша и позволяет надеяться, что со временем будет в числе лучших инструментальных мастеров и даже превзойдет их.

Л. в. Бетховен.

Вена, 26 августа 1804 года.

Некоторые обстоятельства вынуждают меня, глубокоуважаемый Хертель, сообщить вам следующее: — вероятно, дошел также до вас слух, будто я заключил контракт на все мои произведения (отказав всем другим издателям) с одной венской фирмой; вследствие запросов многих иностранных издателей относительно этого, считаю необходимым сим сообщить вам, что это неправда, вы сами понимаете, что подобного предложения я не мог также принять от вас, по крайней мере, в настоящее время, — нечто другое очень беспокоит меня, а именно: некоторые издатели моих сочинений так возмущительно тянут выпуск их в свет, оправдываясь разными причинами, помню я хорошо, что вы однажды писали мне, что можете выпустить большое количество экземпляров в течение нескольких недель, — у меня теперь несколько рукописей, которые по этой причине я решил предоставить вам, в надежде видеть их вскоре изданными — поэтому перечислю вкратце, что могу дать вам мое *oratorium*: — новую большую симфонию: — концерт для скрипки, виолончели и фортепиано с целым оркестром — три новые *solo*-сонаты, если пожелаете, то также одну с аккомпанементом — если хотите взять эти вещи, то будьте любезны определить время выпуска, так как я очень желал бы, по крайней мере, первые три произведения видеть в печати как можно скорее, мы условимся относительно срока письмами или по контракту (согласно вашему предложению), каковой, уверяю вас, выполню в точности. *Oratorium* до настоящего времени еще не вышло, потому что я прибавил к нему совершенно новый хор и некоторые места изменил, потому что целое *oratorium* я написал лишь в несколько недель и кое-что потом не совсем удовлетворяло меня, поэтому я задержал его до сих пор, эти изменения сделаны после того, как мой брат писал вам о нем — симфония называется *Вопарарте*, кроме прочих обычных инструментов введены еще три obbligатных валторны — полагаю, что это заинтересует музыкальную публику — я желал бы, чтобы вы издали это не в партиях, а в партитуре, относительно других вещей ничего не имею прибавить, вот только концерт с подобными тремя солирующими инструментами представляет собою нечто также новое, — если вы согласны принять упомянутые произведения на предложенных условиях, то я уступлю их вам за гонорар в 2.000 (две тысячи) фл. — клянусь вам честью моею, что касательно отдельных произведений, как например сонаты, это мне убы-

точно, ибо за одну единственную соло-сонату дают мне около 60 #, не думайте, что хвастаюсь — я далек всегда от этого — только ради быстроты издания готов я на ущерб, прошу немедленно ответить относительно этого, — надеюсь, что г. Вимс будет доволен моим письмом, каковое беру на себя смелость отправить через вас. В ожидании скорого ответа остаюсь

ваш преданнейший Людвиг ван Бетховен.

Вена, 16 января 1805 года.

Как видно, вы еще не получили посланного мною вам пакета — в нем симфония и две сонаты, остальное при первой возможности — все только из-за недостатка хороших переписчиков — одно опаздывает, другое приходится задерживать, — так как имею только двух, причем один пишет очень посредственно и теперь болен — это, конечно, вызывает затруднения, к тому же зимою я часто болею, а потому менее могу заниматься побочной работой, чем летом — и несмотря на это — прилагаю — часто — большие усилия, совсем не соответствующие истинной композиции, — я приложил маленький романс — как и почему — вы поймете из письма моего, — приложенного к нотам; — князь Лихновский вскоре напишет вам относительно моей оратории; — он — действительно — что в его положении представляет редкий пример — один из преданнейших друзей моих и покровитель музыки моей

всего лучшего, с истинным почтением

остаюсь вашим покорнейшим слугою Л. в. Бтхвн.

Март 1805 г.

Только вчера получил я ваше письмо, помеченное 30-м января, — я, конечно, принужден был справиться о причине такого запоздания и мне объяснили все в здешней почтовой конторе; теперь понятно, что письмо ничуть не было задержано, — в чем я могу при первом требовании получить письменное удостоверение. — Хотя связь между содержанием вашего письма из Парижа и запоздание этого — мне совершенно понятно, тем не менее все эти выходы, вместе взятые, настолько унижительны для меня, что я не желаю даже говорить о них; — ведь вам сообщили причину замедления. — Ошибка в том, что мой брат неправильно указал время переписки. — Гонорар далеко менее того, который я беру обыкновенно — Бетховен не занимается болтовнею и презирает все, что может получить помимо искусства и своих заслуг, — а поэтому пришлите обратно все мои рукописи, включая и романс — я не приму и не могу принять меньшего гонорара, только за обусловленный мною можете получить рукописи. — Так как оратория уже отослана, то пусть она останется у вас пока вы ее поставите, последнее вам разрешается, если даже вы ее оставите не для себя, — после постановки можете ее мне прислать обратно и если тогда найдете для себя подходящим гонорар в 500 фл. по венскому курсу, — с условием таковую выпустить только в партитуре и оставить за мною право здесь в Вене издать фортепианное переложение, — то благоволите ответить. — Между нами нет и никогда не было посредников, которые нарушили бы наше соглашение — нет, — помеха в самой природе вещей — которую я не могу и не хочу изменить.

Прощайте

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 18 апреля 1805 г.

Я сам очень сожалею, что предназначенные для вас две рукописи до сих пор не высланы, неустранимые препятствия, а именно отсутствие переписчика в совершенстве знающего свое дело и усиленные занятия единственным моим копиистом, которому я теперь принужден поручать такие рукописи, помешали мне и делают даже в эту минуту невозможным выполнить обещанное. — Приму все меры и надеюсь в течение 4-6 недель непременно выслать. — Вместе с тем прошу настоятельно, если ничто вам не помешает, немедленно приступить к печати уже гравированных пьес, чтобы симфония и две сонаты непременно через два месяца появились в свет. Задержка в появлении моих произведений уже не раз приносила значительный ущерб мне, как автору, и потому я твердо решил в будущем назначать срок и ни в коем случае от него не отступать. Что касается платы, то нам обоим будет удобнее, если вы пришлете пока 700 фл. за три произведения, каковые уже находятся у вас, а по получении двух остальных вещей пришлете остальные 400 фл. — Установить порядок расчета удобнее всего, если вы, — что я сим предлагаю вам, — каждый раз будете присылать деньги сюда вашему комиссионеру, которому я по получении платы тотчас буду вручать соответствующее удостоверение в праве собственности по надлежащей форме. — Если эти условия немедленной уплаты и способа ее неподходящие, и если вы, со своей стороны, не можете обеспечить моих требований, то мне ничего не остается, хотя это очень неприятно, как покончить с вашими делами и потребовать немедленного возврата рукописей, которые вы уже получили.

Партитуру оратории князь Лихновский сам передаст вам в конце этого месяца; если партии уже заранее распределены, то ее можно скорее поставить. — В случае, если возьмете симфонию, было бы хорошо поставить ее с ораторией, обе вещи совершенно заполнят целый вечер. — Если обстоятельства не помешают, то полагаю и прошу передать сбор г-же Бах, которой я уже давно обещал кое-что.

Людвиг ван Бетховен.

К этому же времени относятся также две записки к издателям, к Артариа и Лейдесдорфу, из коих первый, видимо, добился через 2 года после контрафакции квинтета ор. 29 законных прав на издание этого произведения в пределах Австрии; в обращении к Лейдесдорфу, известному в свое время пианисту и автору модных пьес, Бетховен прибегает к излюбленной игре слов, он переставляет части фамилии его и пишет Dorf des Leides, что означает — «село страданий».

Гг. Артариа и К°.

Сим уведомляю вас, что дело относительно нового квинтета между мною и графом Фрисом уже покончено. Граф сегодня уверил меня, что он этим желает сделать вам подарок. Сегодня уже не успеем составить письменного договора; следует покончить с этим в начале будущей недели. Для вас достаточно пока и настоящее уведомление, за которое надеюсь заслужить вашу благодарность.

Ваш покорный слуга Людвиг ван Бетховен.

Вена, 1 июня 1805 года.

К композитору Лейдесдорфу в Вене.

Село страданий!

Дайте предьявителю сего, г-ну Рису, что-нибудь легкое для четырех рук или, еще лучше, подарите. — Ведите себя согласно с беспорочным учением. — Прощайте.

Бетховен.

Minimus.

Столь частые сношения с издателями в эту эпоху неминуемо вытекали из чрезвычайной плодовитости композитора, создавшего и отделившего для печати около 1802 года десятки прелестных произведений, к числу которых, кроме вышеперечисленных, относятся: скрипичные сонаты ор. 23, 24, 30, 47, менуэт (сер. 18, № 11), прелюдия (сер. 18, № 13), две забытые ныне сонаты (сер. 16, №№ 37 и 38) сомнительного происхождения, трио ор. 25 (переделанное затем автором в дуэт ор. 41), музыкальная шутка на Цмескаля (изд. в 1865 г.), вокальное трио с ак. оркестра и Allegretto (не изданы), романсы ор. 32, 48, романс для скрипки с оркестром ор. 50, ряд фортепианных сонат ор. 27, 28, 30, 31, 49 и бесподобный ор. 26 с прелестным похоронным маршем, написанным под впечатлением необычайного успеха оперы Паера «Ахиллес» и похоронного марша этой оперы, привожденного Бетховена в восторг и вызвавшего его как бы на состязание; можно лишь удивляться тому, что композитор, долгими годами обрабатывавший многие свои произведения и создававший из 3-4-5 частей сонаты или симфонии стройные, цельные по главным мотивам творения, оказался столь нетерпелив и опрометчив, поместив погребальный марш между беспечным скерцо и финальной токкатой. В этом марше поразительна бесподобная модуляция из *as-moll* в каденцию *D-dur*, на первый взгляд дикая, причудливая, но при ближайшем разборе вполне правильная и естественная.

Соната As-dur op. 26.

Кому незнакома также соната d-moll (op. 31 № 2)! Стремительные порывы к какому-то чудному идеалу, энергия, мощь глубоко захватывающего, благородного чувства облечены здесь в классически выдержанные формы, подобно внешнему спокойствию позы известной статуи Микеланджело в Риме, олицетворяющей внутреннее возбуждение и глубину испытанных «избранным народом» страданий. Окончив своего «Моисея» гениальный скульптор воскликнул:

— Теперь говори!

Бетховен, дойдя в конце 1 части сонаты d-moll до наибольшей выразительности музыкальной речи, вводит небывалый дотоле в фортепианном произведении речитатив, как бы обращаясь к мощи слова, как бы повторяя восклицание Микеланджело, раздавшееся впоследствии в 9 симфонии со струн контрабасов.

Процесс издания рукописей Бетховена сопровождался часто неприятностями, вызываемыми опечатками и корректурными ошибками, каковые в нотах приводят публику к гораздо более глубокому заблуждению, чем в книгах. Такое неправильное издание квинтета op. 29 фирмой Молло вызвало две публикации автора в «Венской газете».

К любителям музыки.

22 января 1803 года.

Я уже уведомил публику, что квинтет мой в C-dur появился у Брейткопфа и Хертеля в Лейпциге; вместе с тем должен заявить, что я не причастен к изданию этого квинтета, выпущенному одновременно господами Артариа и Молло в Вене. Я вынужден прибегнуть к этому уведомлению главным образом по той причине, что издание это полно ошибок, опечаток и для исполнения негодно, тогда как Брейткопф и Хертель, правомерные собственники этого квинтета, приняли все меры к выпуску издания в возможно наилучшем виде.

Людвиг ван Бетховен.

Воззвание к публике.

Я, нижеподписавшийся, 22 января 1803 года поместил в «Венской газете» публикацию, в которой указал, что издание моего оригинального квинтета в C-dur у г. Молло вышло без моего просмотра, имеет много ошибок и непригодно для исполнения; ныне, чтобы восстановить пред достопочтенной публикой доброе имя г. Молло и К°, я сим заявляю, что г. Молло и К° никакого участия не принимали в этом издании, о чем считаю себя обязанным объявить в отмену упомянутой публикации.

Вена, 31 марта 1804 года.

Людвиг ван Бетховен.

К газетным объявлениям приходилось прибегать автору также в случае контрафакций, довольно частых с тех пор, как имя **композитора стало популярным** и произведения его стали приобретать значительную ценность на издательском рынке. Подобные перепечатки вызвали в 1802 году публикацию в ноябрьском приложении к газете «Leipziger Allg. Musik.-Zeitung».

Объявление.

Считаю своею обязанностью по отношению к публике и самому себе объявить, что оба квинтета С и Es-dur, из которых первый (заимствованный из одной из моих симфоний) издан г. Молло в Вене, а второй (из моего септета ор. 20) издан г. Хофмейстером в Лейпциге, — представляют собою не оригинальные квинтеты, а лишь переложения, сделанные гг. издателями. Переложение вообще есть предприятие, против которого в настоящее время (в наш обильный транскрипциями век) автор напрасно стал бы бороться. Но каждый вправе требовать, чтобы издатели переложений, по крайней мере, указывали об этом определенно на заглавном листе, дабы не позорить автора и не обманывать публику. В предупреждение подобных случаев на будущее время я публикую настоящее заявление. Вместе с тем уведомляю, что вскорости у Брейткопфа и Хертеля в Лейпциге появится новый оригинальный квинтет моего сочинения С-dur ор. 29.

Людвиг ван Бетховен.

Спустя год, в ноябре 1803 года, в том же издании появилось вновь подобная же публикация:

Предостережение.

Г-н Карл Цулнер, занимающийся перепечатыванием чужих изданий в Майнце, объявил о выпуске им всех моих сочинений для фортепиано и струнных инструментов. Считаю своим долгом сим уведомить всех любителей музыки, что я в этом издании не принимаю ни малейшего участия. Никогда не решился бы я на издание сборника моих произведений, что уже само по себе было бы опрометчиво, не сговорившись предварительно с их издателями и не позаботившись заранее об исправлениях, необходимых в некоторых отдельных пьесах. Кроме того, я должен заметить, что это противозаконно предпринятое издание моих произведений никоим образом не может быть полным, так как вскоре появятся в Париже некоторые мои новые произведения, коих г. Цулнер, как французско-подданный, не смеет перепечатать. В другой раз при случае выскажусь относительно издания моих произведений, под личным моим наблюдением и по предварительном внимательном просмотре их.

Людвиг ван Бетховен.

Другой издатель, Негели в Цюрихе, выпустил фортепианную сонату ор. 31 № 1 с таким множеством ошибок, что автор принужден был отправить немедленно то же произведение Зимроку в Бонн для напечатания вновь, в исправленном виде. По этому случаю он пишет Рису:

Будьте так добры исправить ошибки, перечень которых пошлите сейчас Зимроку, и прибавьте, чтобы скорее издал ее. Послезавтра я пошлю ему сонату и концерт.

Я вынужден вторично просить вас относительно неприятного занятия переписки набело ошибок цюрихской сонаты и пересылки Зимроку. Список ошибок, составленный вами, найдете у меня в Видене.

Знаки указаны плохо, а ноты в некоторых местах перепутаны, поэтому будьте внимательны! — В противном случае вся работа напрасна. Ch'a detto l'amato bene?

— ❁ —

Любезный Рис!

Прошу вас, окажите мне услугу и перепишите, хоть кое-как, это анданте. Завтра мне необходимо отослать его, и так как я не уверен в судьбе его, то желал бы иметь копию. Завтра, около 1 часа вы уж должны доставить мне его обратно. Я вас этим утруждаю, потому что один из переписчиков очень занят иными важными бумагами, а другой — болен.

Вышеупомянутых произведений касаются еще три записки к Рису.

Будьте добры сообщить мне: правда ли, что гр. Броун отдал уже два марша в печать, — мне необходимо знать это, — жду от вас всегда правду. Вам нет надобности ехать в Хельгштадт, так как время дорого мне.

Л. в. Бтхвн.

— ❁ —

Множество занятий моих привели к тому, что вы должны, дорогой Рис, отложить свое участие в концерте, я уже говорил об этом с Шупанцигом и через несколько дней непременно начну хлопотать о скорейшем устройстве.

Весь ваш Л. в. Бетховен.

— ❁ —

Дорогой Рис, вы должны обставить дело очень осторожно, непременно настоять на получении от него чего-либо письменного; я написал, что вы слышали, будто неизвестное вам лицо говорило об этом деле в гостинице. — Сделайте то же самое и скажите, что вся история уже дошла до меня, что я стремлюсь лишь узнать истину, — таким образом проучить моего брата, — во всяком случае, брат мой не должен знать, что г. Прош написал мне всю истину.

После ваших переговоров приходите ко мне.

Всего лучшего жене вашей, если муж упрям, то обязательно обращайтесь к жене.

Еще в письме от 29 июня 1800 года к Фр. Вегелеру, где Бетховен выражает готовность при случае пристроить молодого Риса в Вене, он указывает на трудности, которые приходится преодолеть музыканту в этой «всемирной столице музыкального искусства», переполненной артистами всякого рода. Спустя четыре года к герою нашему, уже знаменитому виртуозу и выдающемуся компонисту, вращающемуся среди венской аристократии, обращается провинциальный органист и композитор Готлиб Видебейн с просьбой пристроить его в Вене и, вместе с тем, высказаться о присланных произведениях его, на что Бет-

ховен, сам тщетно пытавшийся найти себе обеспеченное место и тяготившийся всякими ходатайствами, отвечает уклончиво.

Господину Видебейну в Брауншвейге.

Баден, 6 июля 1804 года.

Очень рад, милостивый государь, за выраженное вами ко мне доверие, хотя, к сожалению, не могу вполне помочь вам, — так как вам кажется, что здесь легко зарабатывать пропитание, то нелегко вам представить себе, как Вена наводнена музыкантами, живущими только уроками, — если бы я был уверен в продолжительном пребывании здесь, то предложил бы вам приехать сюда, чтобы попытать счастья, но так как, по всей вероятности, будущую зиму я отсюда уеду, то буду лишен возможности сделать для вас что-либо, — рассчитывать на какое-нибудь место решительно не советую, ибо трудно ожидать платного места, — мне кажется преувеличенным мнение о невозможности работать в Брауншвейге, ничуть не предлагая вам себя за образец, могу вас уверить, что живя в одном маленьком незначительном городке, — все, чего я достиг как там, так и здесь, было следствием моей самодеятельности; — это вам в утешение на случай, если будете испытывать потребность совершенствования в искусстве — ваши вариации обнаруживают дарование, но должны вас предупредить в том, что вы изменили тему, зачем это? — Никто не имеет права посягать на чужую собственность — это значит переделать, а потом писать новые вариации. — Если могу быть вам полезным, то готов всегда быть к вашим услугам

преданный вам Людвиг ван Бетховен.

В связи с обилием предложений, поступавших к нему от издателей, находятся предложения поэтов, пожелавших иметь свои произведения положенными на музыку Бетховеном. Одно из таких предложений было сделано композитору Мейснером, профессором эстетики в Праге, автором прелестных стихотворений и оперных либретто, через художника Макко, побывавшего в 1802 году в Вене для исполнения одного заказа и здесь познакомившегося с Бетховеном. В своей автобиографии Макко пишет: «Я нашел в Вене много интересных знакомых, даже друзей, с которыми мне тяжело было расставаться. Но надежда, что я вернусь через год, облегчила мне разлуку, и я последние дни провел с Л. в. Бетховеном на даче в прекрасных окрестностях Вены, и мы расстались в надежде скорого свидания». На предложение Мейснера написать ораторию на текст его Бетховен ответил следующим образом:

К художнику Макко.

Вена, 2-го ноября 1803 г.

Любезный Макко! Верьте мне, что ваше письмо для меня приятнее, чем письма какого-либо короля или министра. К тому же я должен также сознаться, что великодушием своим вы меня, действительно, немного унижаете, так как при отсутствии близких отношений с вами, я совершенно не заслуживаю вашей предупредительности. Вообще мне было очень неприятно, что я не мог провести с вами больше времени в Вене. Но бывают периоды в человеческой жизни, от которых хочешь избавиться и о которых часто судишь неверно. Вам, как великому художнику, это, вероятно, не совсем чуждо. — Словом, как вижу, я не

потерял вашего расположения, и это мне очень приятно, так как я вас ценю высоко и хотел бы только иметь близ себя такого же артиста по своей специальности.

Предложение Мейснера мне очень приятно. Ничего не могло быть для меня желаннее, как получить такое стихотворение от него, столь уважаемого писателя, который, к тому же, лучше любого нашего немецкого писателя понимает особенности текста для музыки. Но в настоящую минуту мне невозможно приступить к оратории, потому что я только теперь начинаю писать свою оперу, что, вместе с постановкой, продлится до Пасхи. — Итак, если Мейснер не очень спешит с изданием стихотворения, то мне было бы очень приятно, если бы он предоставил мне сочинить музыку. И если стихотворение еще не совсем готово, то я очень хотел бы, чтобы М. с этим не спешил, так как я вскоре, до или после Пасхи, буду в Праге, где сыграю ему несколько моих новых произведений. Они познакомят его с моим стилем и либо вдохновят его для дальнейшего, либо настроят так, что он перестанет и т. д. — Объясните все это Мейснеру, любезный Макко; — пора умолкнуть; — ваш ответ относительно этого будет мне всегда приятен. Мейснеру прошу передать мою преданность и глубокое уважение. — Еще раз мое сердечное спасибо, любезный Макко, за память обо мне. — Вы рисуйте, а я буду писать ноты, и так мы будем — вечно? — да, может быть, жить вечно.

Ваш преданнейший Бетховен.

К г-ну Макко, весьма знаменитому художнику в Праге.
Отдать в доме барона фон Виммера.

Заказы поступали к Бетховену самого разнообразного рода и с разных концов, от издателей и виртуозов, от любителей и меценатов, на танцы и кантаты, на транскрипции и романсы; одна знатная дама, видимо потрясенная событиями французской революции и чужавшая замыслы Наполеона I, предложила ему, через издателя Хофмейстера, сочинить даже политическую сонату, на что Бетховен ответил отказом в вышеприведенном письме от 8 апреля 1802 г.

Эдинбургский издатель Томсон, заказавший Плейелю и Кожелуху несколько сонат для фортепиано со скрипкою на темы шотландских и ирландских народных мелодий, обратился в 1803 году с таким же предложением к Бетховену, но, видимо, найдя условия гонорара слишком тяжелыми, ограничился заказом ему гармонизации народных песен.

Ответ Бетховена издателю с далекого севера дышит польщенным самолюбием и не лишен самохвальства.

Вена, 5 октября 1803 года.

Милостивый государь!

Я с большим удовольствием прочел ваше письмо от 20 июля: охотно принимаю ваше предложение, считаю долгом заявить вам, что я готов написать шесть сонат, в которых, согласно вашему желанию, будут темы шотландских песен, разработанные соответственно вкусу шотландцев и характеру песен. Что касается гонорара, то я полагаю, что триста дукатов за шесть сонат не будет много, принимая во внимание, что в Германии мне дают столько же за подобное число сонат даже без аккомпанемента. Вместе с тем предупреждаю вас, что надо вам поспешить с решением, потому что я получаю столько предложений, что вскоре может быть буду лишен возможности быстро удовлетворить ваш заказ.

Простите за поздний ответ, причиной были мое пребывание на даче и несколько весьма спешных работ. Любя особенно шотландские песни, я с исключительным удовольствием примусь за сочинение ваших сонат, и смею утверждать, что если вы примете условие гонорара, то будете вполне довольны.

Примите уверения в глубоком почтении Людвиг ван Бетховена.

К числу «весьма спешных работ» относились три марша (ор. 45) для фортепиано в четыре руки, заказанные русским графом Броуном по случаю забавного недоразумения. Фердинанд Рис, проживавший в Бадене у гр. Броуна, часто знакомил семью и гостей последнего с новейшими произведениями Бетховена; однажды он сыграл, между прочим, марш своего собственного сочинения, принятый слушателями за композицию Бетховена; одобрительные восклицания, восторги послышались со всех сторон и до того смутили пианиста, что он не успел или не решился разъяснить недоразумение. Через несколько дней Риса навещал учитель его и был встречен комплиментами хозяев по случаю сочинения прелестного марша. Композитор в недоумении; все просят Риса повторить марш, Бетховен слышит незнакомую ему пьесу и начинает хохотать. В результате последний получает заказ написать три марша и вскоре, между делом, даже во время уроков с Рисом, оканчивает эту работу. Первое исполнение этих пьес у Броуна сопровождалось эпизодом совершенно противоположным тому, который вызвал сочинение их: один из гостей, граф Пальфи, продолжал оживленную беседу с дамами, несмотря на то, что Бетховен среди игры бросил на него несколько негодующих взоров; наконец, автор вскакивает со стула, бросает крышку на клавиши и восклицает:

— Для таких свиней я не стану играть!..

Злопамятный граф Пальфи, состоявший директором казенного театра, отомстил дерзкому музыканту при постановке «Фиделио», но большинством знакомых, меценатов и приятелей охотно прощали ему подобные выходки.

Известное *Andante favori*, предназначавшееся быть частью сонаты C-dur, op. 53 (1804 г.), вызвало раздор между автором и Ф. Рисом. Последний, прослушав несколько раз это *Andante* в исполнении Бетховена, долго не мог забыть его и, преследуемый красивыми темами пьесы, постоянно напевал их; однажды, проходя мимо дворца кн. Лихновского, вздумалось ему зайти и проиграть несколько раз отрывки пьесы, сохранившиеся в памяти; князь также увлекся ими и стал сам подбирать на рояле, а затем посетил автора, жившего в это время у Шотландских ворот, близ нынешнего университета, и при нем сыграл то же самое, шутя прибавив:

— Меня посетило вдохновение, послушайте новое произведение, навеянное им.

Бетховен, резко отклонявший в подобных случаях предложение композиторов-дилетантов даже с княжеским титулом, отнесся к гостю своему сначала снисходительно, но, услышав свое новое произведение, хранившееся еще в рукописи, потребовал объяснения и затаил месть к Рису. Спустя несколько дней у кн. Лихновского, за завтраком, Бетховена просили познакомить гостей с оперой «Фиделио», готовившейся к постановке; против

обыкновения, он охотно согласился исполнить просьбу и сел за рояль; при этом он обвел взглядом всех присутствовавших и заявил, что будет играть лишь при условии, если Рис удалится. Увещания и просьбы были напрасны; Рис, со слезами на глазах, должен был уйти, а кн. Лихновский, невольный виновник такого остракизма, продолжал уговаривать композитора вернуть обиженного ученика; в результате Бетховен вскочил со стула, закрыл рояль и совершенно отказался играть.

Этой чертой характера, этим капризным нравом некоторое время удачно пользовались братья Людвиг, чтобы оттолкнуть его от тех друзей, которые им были не по душе. Нетрудно было подчинить своему влиянию этого титана с ребяческими наклонностями. В минуты разлада с близкими он уже не находит друзей среди окружающих, бранит даже преданного ему Ст. Брейнинга, даже Шупанцига и уверяет, что у него лишь один истинный друг среди живых, да был еще давно умерший: говоря это, Бетховен, вероятно, подразумевает пастора Аменда, переселившегося в 1800 году в Курляндию, и покойного Ленца Брейнинга. Приводимые ниже три записки рисуют нам настроение композитора под впечатлением ссоры с приятелями, причина которой обыкновенно бывала ничтожной или заключалась в простом недоразумении.

Любезный Рис!

Так как Брейнинг не постеснялся изобразить меня пред вами и швейцаром, как человека жалкого, пустого, мелочного, то поручаю вам словесно передать Брейнингу мой ответ на один лишь первый пункт его письма, на который отвечаю только для того, чтобы этим оправдать себя пред вами. Итак, скажите ему, что я вовсе не думал упрекать его за поздний отказ, и что если бы даже Брейнинг в самом деле оказался виновным, то все же мне слишком дороги и приятны добрые отношения окружающих, чтобы из-за нескольких сотен, и даже более того, оскорблять кого-либо из друзей своих. Вам самим известно, что я шутя вас упрекнул в том, что вы так поздно доставили отказ. Я уверен, что вы можете это припомнить; я же все это давно забыл. Брат мой, в присутствии Брейнинга, начал за столом об этом говорить, утверждая, что Брейнинг виноват. Я тут же стал отрицать и сказал, что вы виноваты. Мне кажется, что это достаточно доказывает, что я Брейнингу никакой вины не приписываю. Но Брейнинг вскочил с места, как бешеный, и высказал желание позвать наверх швейцара. Такое необыкновенное для меня обращение при людях, которых я постоянно избегаю, вывело меня из терпения: я вскочил с места, опрокинул свой стул, вышел из дома и больше не возвращался. Поступок этот побудил Брейнинга представить меня пред вами и швейцаром в таком прекрасном виде, а также написать мне письмо, на которое я, впрочем, ответил молчанием. — Брейнингу мне больше сказать нечего. Его образ мыслей и поступки по отношению ко мне доказывают только, что между нами никогда не должно было быть дружбы, и ее впрямь, конечно, не будет. Настоящим письмом хотел я разъяснить вам дело, так как вы порицали весь мой образ мыслей и все мои поступки. Я знаю, что если бы дело было вам известно, то наверно вы этого не сделали бы, и это меня совершенно удовлетворяет.

Теперь, любезный Рис, прошу вас немедленно, по получении сего письма, пойти к брату моему, аптекарю, и сказать ему, что я через несколько дней оставлю Баден, и чтобы он немедленно нанял квартиру в Деблинге, как только вы ему об этом дадите знать. Я уже сегодня чуть не уехал: мне здесь противно, все это мне надоело. Постарайтесь, ради

Бога, чтобы он нанял сейчас, так как мне хочется немедленно переселиться. То, что написано на обороте, не показывайте ему и не говорите ничего об этом; мне хочется всячески показать ему, что я вовсе не так мелочен, как он, и после этого письма я напишу ему, хотя решение мое прекратить с ним дружбу остается неизменным.

Ваш друг Бетховен.

Баден, 14 июля 1804 г.

Если вы, любезный Рис, можете найти лучшую квартиру, то я был бы очень рад.

Братьям моим скажите, что вы еще не нанимаете. — Мне очень бы хотелось иметь квартиру на большой шумной площади или на Бас-тионе. — Г-н брат мой не позаботился прислать вина, и это непрости-тельно, так как оно мне весьма необходимо и полезно. В среду поста-раюсь быть на репетиции. Мне не нравится, что вы находитесь у Шу-панцига. Он мог бы быть мне благодарен, если бы похудел от моих колкостей. — Прощайте, дорогой Рис. У нас теперь скверная погода, и я не могу оградить себя от посетителей, мне необходимо бежать отсюда, чтобы иметь возможность уединиться.

Ваш истинный друг Л. в. Бтхвн.

Баден, 24-го июля 1804 г.

Вас, вероятно, удивило дело мое с Брейнингом. Верьте мне, дорогой, что вспышка моя была следствием разных неприятностей, ранее при-чиненных им мне! Я одарен способностью во многих случаях скрывать обиду и воздерживаться от гнева. Но будучи раздражен в такое время, когда наиболее склонен к гневу, я лопаюсь и притом несравненно громче других. Брейнинг обладает, без сомнения, превосходными качествами, но он считает себя чуждым всяких недостатков, хотя как раз имеет их гораздо больше, чем те люди, которым он их приписывает. У него мелочный дух, который я уже в детстве презирал. Предчувствия мои почти предсказывали мне развязку с Брейнингом, так как наши по-ступки, мысли и чувства слишком расходятся. Я, однако, предполагал, что препятствия эти возможно будет преодолеть, — но опыт показал противное. А теперь — прочь всякая дружба! Только двух друзей на-шел я в мире, с которыми никогда я не приходил в столкновение. Что это за люди! Один из них умер, а другой еще жив. И хотя почти шесть лет мы ничего не знаем друг о друге, я все-таки уверен, что в сердце его я занимаю первое место, как и он в моем. Основанием дружбы служат сходство людей в отношении умственном и нравственном. Я желаю, чтобы вы только прочли письмо мое к Брейнингу и его письмо ко мне. Нет, никогда больше не займет он прежнего места в сердце моем! Тот, кто в состоянии приписать своему другу такой низкий образ мыслей, а также позволить себе так низко поступать с ним, недостойн моей друж-бы. Не забудьте насчет моей квартиры. Прощайте. Не портняжничайте слишком. Передайте мой поклон красивойшей из красавиц. Пришлите мне полдюжины иголок.

Никогда в жизни не мог бы я поверить, что в состоянии быть таким ленивым, как здесь, в настоящее время. Если за сим последует порыв прилежания, то, пожалуй, может появиться что-нибудь хорошее.

Vale. Бетховен.

На этот раз Ф. Рису недолго пришлось выслушивать ламена-тации раздраженного композитора, очень часто посещавшего

своего ученика, чтобы лишний раз взглянуть на трех красавиц, дочерей портного, проживавшего рядом с Ф. Рисом.

Французская армия, овладев берегами Рейна, двинулась внутрь Австрии навстречу союзным войскам, русским и немецким. В покоренных странах Наполеон I привлекал на службу в своей армии всех молодых людей. Фердинанд Рис подвергся той же участи как уроженец уже покоренного Бонна; ему предстояло явиться в действующую армию, но у бедного музыканта не было необходимых к тому средств; население отовсюду бежало в паническом страхе, о перевозочных средствах нельзя было думать; Рису предстояло отправиться пешком к месту службы, предварительно добыв несколько десятков гульденов на необходимые расходы.

Бетховен, конечно, сам помог бы своему ученику и другу, но кошелек его оказался в это время пуст, и вот, при всем отвращении к ходатайствам, он ищет помощи у своих богатых покровителей. Одна из таких записок сохранилась у Риса, почему-то не доставившего ее по назначению.

К княгине Жозефине Лихтенштейн.

Простите, светлейшая княгиня, если податель сего, быть может, неприятно вас изумит! Бедный Рис, ученик мой, вынужден по случаю этой ужасной войны взять ружье чрез плечо и, как иностранец, обязан уже чрез несколько дней убраться отсюда. — У него ничего нет, ровно ничего, а между тем ему предстоит долгий путь. Устроить концерт при таких обстоятельствах представляется совершенно невозможным. — Он вынужден прибегнуть к благотворительности. Рекомендую вам его, знаю, что вы простите мне этот поступок. Только в крайней нужде может благородный человек прибегнуть к подобным средствам.

В таком уверении посылаю я вам этого бедняка, чтобы сколько-нибудь облегчить его положение. Он вынужден обратиться ко всем, его знающим.

С глубочайшим почтением Л. ван Бетховен.

Повздорив с другом детства, Ст. Брейнингом, он вскоре шлет ему свой портрет-миниатюру (работы Хорнемана) с объяснением возникшего между ними разлада, с раскаянием и просьбой восстановить былую дружбу.

Мой милый, добрый Стефан, да исчезнет за этим портретом все, что когда-то произошло между нами. Я знаю, что истерзал твое сердце. Страдания, которые ты, конечно, заметил, достаточно наказали меня за это. То, что вооружало меня против тебя, не было злобой, нет! В противном случае я никогда не был бы достойным твоей дружбы; страсти в тебе и во мне; — но во мне таилось недоверие к тебе; — между нами стали люди, не достойные ни тебя, ни меня.

Мой портрет давно уже предназначен тебе, ты знаешь ведь, что я его постоянно хранил для кого-то; кому же мог бы я отдать его от всего сердца, как не тебе, верный, добрый, благородный Степа! — Прости мне, если я причинил тебе неприятность; я страдал не меньше. Не видя тебя так долго, я понял вполне, насколько ты был дорог моему сердцу и будешь таким вечно. Надеюсь вновь, как прежде, принять тебя в свои объятия.

Твой.

Капризный нрав Бетховена, в связи со стилем композиций его, с его внешностью и образом жизни, служил нередко темою анекдотов и басен, в которых описывались не только события, вдохновлявшие композитора, но также приемы сочинения, якобы необычайные, создававшие одним взмахом пера величайшие произведения искусства.

Сказочное часто занимает взрослых не меньше, чем детей; обыденные явления, лица и поступки менее гармонируют с элементом чудесным, нежели то, что возводится людьми в ранг чрезвычайного, необычайного, создающего эпоху в истории человечества. Толпа привыкла окружать прославленных деятелей ореолом таинственности; процесс создания великих произведений искусства и великих научных открытий нередко приписывался участию высшей невидимой силы. Еще и ныне мы неохотно сочетаем процесс творчества с тяжелой, мучительной работой; в каждом выдающемся графическом или мелодическом узоре мы охотно признаем плод минутного вдохновения, наития, но не многодневных забот, стараний, поисков. Толковые исследования этого психического явления (творчества) появились недавно, еще мало проникли в публику и еще не изгнали одного из тех предрассудков, которые гнетут нашу мысль чаще, чем мы то подозреваем.

Остроумно определил понятие о вдохновении Наполеон I: «Это — минутное разрешение задачи, долго обдумываемой»; ум, сосредоточившийся на одной мысли, после долгого напряжения находит наиболее совершенную форму для ее выражения; старания и даже страдания, сопровождающие эти поиски, легко проследить в эскизах, в черновых набросках гениальных представителей искусства, как Микеланджело, так и Леонардо да Винчи, как Пушкина, так и Льва Толстого, как Шопена, так и Бетховена, памятные книжки которого, относящиеся к 1801 — 1804 годам, заслуживают ближайшего знакомства нашего.

Первая из них заключает в себе наброски за время с октября 1801 г. до мая 1802 года; это большая тетрадь в переплете, в формате поперечного («продолговатого») in folio, т. е. тетрадь длиннее по направлению нотных линий, а поперек их — уже; в тетради 192 страницы, на странице 16 рядов нотных линий. Первые пять страниц покрыты эскизами оркестровых пьес, оставшимися в проекте; следующие 8 страниц заняты набросками «Жертвенной песни» на слова Маттисона, написанной еще в 1795 году и лишь после многократных переделок сданной автором в 1806 году в печать; насколько тема эта полюбилась Бетховену, видно не только из разнообразных набросков для одногоголосного пения с аккомпанементом фортепиано, но также из ор. 121, написанного около 1822 года, где тот же текст поется хором и соло с сопровождением оркестра, причем в мелодии чувствуется близкое родство с мелодией 1795 года. С 14 до 28 страницы тетрадь занята набросками музыкальных идей на два отрывка из кантаты Метастазиио «Буря»; один из этих отрывков, сочиненный в 1798 году, появился в печати в 1803 году (в издании Брейткопфа и Хертеля серия 23, № 38), другой же, более обстоятельно записанный здесь на стр. 48 — 78, появился лишь в 1826 году (ор. 116). За темами некоторых мелких пьес, танцев и задуманных, но не написанных произведений, следует обшир-

ный эскиз финала 2 симфонии (от 33 до 43 стр.). Среди более или менее законченных, определенно выраженных музыкальных идей, встречаются отрывки совершенно неизвестные, наброски тем из скрипичных и фортепианных сонат, даже отрывки чужих печатных произведений, как, например, комористический канон на злободневный тогда вопрос относительно установления начала наступившего столетия в 1800 или 1801 году. Далее, на протяжении около ста страниц, записаны отрывки будущих скрипичных сонат (ор. 47 и трех сонат под ор. 30), причем расположение этих отрывков подтверждает сообщение Риса о том, что финал (Крейцеровой) сонаты ор. 47 предназначался сначала для сонаты ор. 30, № 1, но затем Бетховен изменил это намерение, найдя финал слишком блестящим для настроения *a-moll*; между этими набросками встречаются также эскизы первой части фортепианной сонаты *d-moll*, ор. 31, № 2, багателей ор. 119, вариаций ор. 35 и ор. 34 (с оригинальным погребальным маршем в 5 вариации).

Вторая из упомянутых нами выше записных тетрадей Бетховена по внешнему виду своему почти не отличается от первой; служила она композитору для записи в промежутки времени между октябрём 1802 и апрелем 1804 года; наброски сделаны преимущественно чернилами, из чего можно заключить, что записаны они дома, не на прогулке. Первые 70 страниц заключают в себе почти исключительно эскизы 3 симфонии, преимущественно первой ее части; здесь легко проследить постепенное создание темы погребального марша (2-ой части), здесь заметно намерение автора связать содержание 3-й части с 1-ой, включив в начало *trio* главную тему первой части; заметно также значение, которое имело для автора создание этой симфонии; почти ничто его не отвлекало от нее, посторонних эскизов почти не видно. Последующие страницы покрыты отчасти набросками неизвестных, не напечатанных отрывков самых разнообразных музыкальных произведений, отчасти эскизами, в которых можно узнать зародыш темы *trio* в 3-й части 6 симфонии, двух вокальных номеров, предназначавшихся для заказанной Шикандером оперы, мелодии многих других задуманных Бетховеном композиций, легко отвлекавших его от сочинения оперы, фортепианные упражнения, наброски сонаты ор. 53, четвертого фортепианного концерта *G-dur*, начала 5 симфонии (более интересного, мощного, рельефного в окончательной обработке); оперы «Фиделио», оратории «Христос на Масличной горе» и др.

Начиная иногда несколько эскизов одновременно на разных страницах, Бетховен оставлял одни из них в зачатке, другие развивал, причем недостаток места принуждал его переносить продолжение на страницы, часть которых была уже исписана; чтобы установить связь между такими разрозненными отрывками, композитор прибегал к различным отметкам: части одного эскиза он связывал надписью NB или № 100, № 500, № 1000, или в одном месте ставил *vi*, в другом *de (vide — смотри)*; над вариантами более удачными ставил отметку — «лучше», а наименее удовлетворявшее его перечеркивалось до полной неразборчивости; местами наброски даже не содержат в себе нот, а лишь такты и указания ритмического свойства. Переделки, которым подвергались в этих эскизах первоначальные музыкальные

идеи, сводятся к изменениям в ритме, к перестановке тактовых черт, к вариантам в линии мелодического узора и в гармонизации; ими изобиловали не только тетради эскизов, но также рукописи законченных произведений.

Заметив множество поमारок и подчисток в *larghetto* второй симфонии, уже совершенно готовой, Рис попытался узнать от автора причину их; композитор более словоохотливый и экспансивный, чем Бетховен, быть может, стал бы объяснять своему преданному и талантливому ученику причины, вызвавшие каждый вариант, каждую новую ноту, но Бетховену такие анализы были противны, он лаконически ответил Рису:

— Не смущайтесь изменениями; этак лучше — и больше ничего!

Соната *op.* 106 была уже гравирована, когда Бетховен потребовал прибавления двух нот в начале *adagio*; Рис, удивленный сначала темпами, указанными автором (по метроному) для первого и последнего *allegro* и обнаруживающими применение такой быстроты, а следовательно такой беглости пальцев, какими не задавались композиторы фортепианные до Бетховена, был еще более поражен таким требованием автора, но, исполнив его и приставив эти две ноты, составляющие ныне первый такт *adagio*, Рису нетрудно было заметить прелесть вступления с новым тактом.

Постоянные заботы о наиболее совершенном выражении и изложении замысла, не ограничиваясь эскизами и вариантами, вызвали также появление единственной оперы Бетховена в трех капитальных переделках и к ней четырех увертюр или, вернее, четырех сходных между собою вариантов одной увертюры.

Популярность Бетховена, как композитора инструментальной музыки, многочисленные предложения издателей печатать его сочинения, контрафакции последних, все это ставило Бетховена наряду со многими современными ему корифеями искусства, но была между ними некоторая разница: Моцарт и Гайдн пожинали лавры как на концертной эстраде, так и в театральном зале, двери которого все еще были закрыты для Бетховена, и куда он задумал проникнуть, испытав свои силы в сочинении оперы.

Жил тогда в Вене Эммануил Шиканедер, поэт и композитор, антрепренер и либреттист, актер и танцор, написавший текст для феерической оперы Моцарта «Волшебная флейта». Опера имела огромный успех, принесла несколько сот рублей композитору и десятки тысяч — либреттисту, ставившему оперу в стареньком театре *An der Wien* или *Auf der Wieden* (поляки и чехи называют Вену — Виден); удачная антреприза и казенная субсидия от дирекции королевских и императорских театров, к числу коих принадлежало также это невзрачное здание, позволили Шиканедеру обновить и отделать зрительный зал и фасад его; впоследствии было сделано также немало переделок, и в наши дни театр продолжает красоваться там же, на *Magdalenstrasse*, близ Ринга, Кернтнертора, близ величественного оперного театра, которому значительно уступает как в репертуаре, так и по внешности. Имя Керубини тогда не было известно в Вене, его модные в Париже оперы были знакомы дирекции королевского театра только по названиям и нескоро появились бы здесь, если бы Шиканедер не поспешил выписать несколько

партитур и не поставил бы «Лодоиски» и «Двух дней» в немецком переводе; казенный театр также выписал партитуры Керубини, но Шиканедер предупреждал каждую постановку и брал большие сборы, тогда как королевская опера постоянно опаздывала с этими новинками. Наконец, директор королевского театра, барон Браун, отправился в Париж с целью получить от знаменитого композитора привилегию на постановку в Вене его опер. Шиканедер, со своей стороны, задумался над средством доставления публике интересных новинок и вспомнил о модном композиторе, Людвиге ван Бетховене, еще не написавшем ни одной строчки драматической музыки; переговоры с последним были успешны и в начале 1803 года, согласно договору, Бетховен получил бесплатную квартиру в здании театра, где муза должна была внушить композитору мелодии желанной оперы «Александр в Индии». Но не суждено было сбыться замыслу Шиканедера: вместо работы над оперою, Бетховен занялся хором и оркестром театра An der Wien, прошел с ними свою ораторию «Христос на Масличной горе» и назначил на 5 апреля в том же театре концерт, где публике предстояло впервые услышать названную ораторию и 2-ю симфонию.

Вероятно, в благодарность за сотрудничество и в память совместной работы над ораторией, композитор послал автору текста, поэту Хуберу, свой гравированный портрет с запиской:

Господину фон Хуберу.

При сем, почтеннейший Хубер, получите обещанный портрет мой, так как сами пожелали иметь его от меня, то, конечно, не можете винить меня в этой нескромности.

Будьте здоровы и вспоминайте иногда

о вашем истинно уважающем друге Людвиге ван Бетховене.

Несмотря на ряд репетиций, дирижер все еще был недоволен исполнением и в день концерта устроил генеральную репетицию, продолжавшуюся с 8-ми часов утра до 2 часов пополудни; музыканты и певцы, утомленные и голодные, гневно поглядывали на дирижера-автора, ропот их становился все громче, пока покровитель нашего композитора, князь Лихновский, не приказал подать всем холодную закуску и вина.

В концерте 5-го апреля 1803 года, давшем Бетховену значительный сбор в 1800 фл., исполнены впервые оратория «Христос в Гефсиманском саду», 2-я симфония и фортепианный концерт с-молл. «Бетховен просил меня, — рассказывает Зейфрид, — перевертывать ему страницы во время исполнения концерта с оркестром, но это было легче сказать, чем сделать: предо мною были почти совершенно чистые листы бумаги, только кое-где было нацарапано несколько иероглифов, которые должны были служить ему указателем. Он играл всю партию наизусть, ибо она была еще не написана, что с ним случилось часто. Он должен был незаметно кивать мне к концу страницы, и мой нескрываемый ужас, при мысли пропустить этот момент, доставлял ему большое удовольствие. После концерта, во время скромного ужина, он вспоминал мою растерянность и много смеялся».

Концерт с-moll, несмотря на многочисленные красоты свои, донныне, более ста лет, услаждающие слух любителей и знатоков, несмотря на величественно мрачные октавы первой темы, несмотря на прелесть побочной темы, принимающей при повторении своем в g-moll и f-moll характер безысходной, безутешной грусти и глубокого вздоха, несмотря на много других замечательных эпизодов в одной только первой части, современниками автора был принят сдержанно и не имел того успеха, какой выпал на долю оратории, хотя последняя не только лишена, в значительной своей части, религиозного настроения, но даже в наиболее интересных местах представляет подражание, не всегда удачное, настроению и стилю итальянских комических опер XVIII века, их игривости и изяществу, обильно легкими мелодиями и колоратурными фокусами, с трудом выполняемыми немецкими певицами. Вслед за первым исполнением оратории рецензент Allg. Mus.-Zeitung поспешил засвидетельствовать необыкновенный успех ее, отчасти явившийся причиной нового заказа оперы Бетховену; «он быстрыми шагами, — говорит рецензент, — идет к цели и, подобно Моцарту, произведет переворот в музыке».

Впрочем, по случаю четырех постановок оратории, эта газета Брейткопфа и Хертеля, редактировавшаяся Рохлицем, дала в течение 1803 года несколько противоречивых отзывов и проявила в отношении к ней и к автору ее странное непостоянство; то газета удостоверяет, что «оратория не понравилась», то резко упрекает Бетховена в том, что он увеличил цены на места в концерте 5 апреля вдвое, втрое, и даже в 10 раз (ложи); то восторгается ею и «свидетельствует об успехе ее». В довершение всего та же фирма купила у автора право издания оратории.

Такое отношение возмутило Бетховена и вызвало вышеприведенное резкое, бранное письмо его (в сентябре 1803 г.)

Третьим выдающимся произведением этого концерта была симфония № 2, D-dur.

Во второй симфонии, — говорит Берлиоз, — все благородно, энергично, гордо. Интродукция (largo) — верх совершенства. Самые красивые эффекты отчетливо и неожиданно сменяются в ней; певучая мелодия, торжественная и трогательная с первых же тактов, производит внушительное впечатление и подготавливает к волнению. Ритм уже смелее, оркестровка богаче, звучнее и разнообразнее. С этим превосходным *adagio* связано увлекательное *allegro con brio*. Группето, исполняемое в первом такте темы альтами и виолончелями в унисон, появляется затем местами, чтобы ввести то секвенции *crescendo*, то имитации между духовыми и струнными инструментами, отличающимися новизной и оживлением. В середине встречается мелодия, первая часть которой исполняется кларнетами, валторнами и фаготами, а конец — остальным оркестром *tutti*, мужественный и энергичный характер которого усиливается удачным выбором аккордов аккомпанеента. *Andante* трактуется здесь не так, как в первой симфонии. Оно не представляет темы, разработанной канонными имитациями, а чистую задушевную мелодию, изложенную сначала в струнном квартете, а затем необыкновенно изящно видоизмененную легкими штрихами, причем все время выдержан нежный характер, отличающий основную тему. Это очарова-

тельное воспроизведение беспорочного счастья, чуть-чуть омраченного несколькими меланхолическими возгласами. Причудливое, фантастическое scherzo настолько же искренно весело, насколько andante полно счастья; вообще же вся эта симфония дышит весельем, и даже воинственные порывы первого allegro лишены признаков борьбы: в них слышен лишь юношеский пыл благородного сердца, еще не потерявшего веры в лучшие иллюзии жизни. Автор еще верит в бессмертную славу, в любовь, в самоотвержение... И какой размах в его веселье! Какая стремительность! Сколько остроумия! Различные инструменты оспаривают друг у друга частицы мелодии, но ни один не исполняет ее целиком; каждый отрывок ее, перекатываясь с одного инструмента на другой и вследствие этого постоянно меняя колорит, как бы переносит нас в волшебные игры грациозных духов Оберона. Финал в том же роде, это — второе scherzo, только в двухдольном размере: шутливый характер его, пожалуй, еще изящнее и пикантнее.

В концерте 5-го апреля присутствовал скрипач Георг-Август-Полгрэн Бриджтоуер, которому мы обязаны появлением так называемой «Крейцеровой сонаты»; скрипач-мулат Бриджтоуер, сын какого-то африканца, неведомыми велениями судьбы попал в город Белу Царства Польского, женился здесь на польке, а затем появлялся в высших слоях лондонского общества под именем «абиссинского принца». Мулат этот состоял скрипачом при принце Уэльском, впоследствии короле Георге IV. В 1803 году он приехал в Вену словно нарочно для того, чтобы вызвать на свет божий одну из лучших страниц музыкальной литературы. Игра Бриджтоуера электризовала Бетховена и, несмотря на то, что Бетховен писал медленно, на этот раз первое allegro и тема с вариациями были написаны им за несколько дней до концерта, в котором соната эта должна была исполняться. Финал первоначально предназначался для другой, A-dur-ной скрипичной сонаты, посвященной императору Александру I. Скрипичную партию даже не успели переписать и Бриджтоуер должен был играть тему с вариациями прямо с едва выдохшей бетховенской рукописи. Фортепианная же партия вовсе еще не была написана, и Бетховен играл ее по одним наброскам. Бриджтоуер впоследствии поссорился с Бетховеном из-за какой-то красавицы, а соната, посвященная первоначально в рукописи Бриджтоуеру, впоследствии была посвящена Крейцеру, отчего ее обыкновенно и называют «Крейцеровою». Насколько Крейцер был достоин такого внимания со стороны Бетховена, и насколько справедлива судьба, сохранившая в связи с этой сонатой имя Крейцера, видно из того, что сей самый Крейцер, или как французы его называли Kreze, стоявший во главе известной скрипичной школы в Париже, при первом исполнении 2 бетховенской симфонии убежал вон из зала, затыкая себе уши. Сама соната, сохранившая надолго имя его, была для него, как рассказывает Берлиоз в своем «Voyage musical», письмом за семью печатами и никогда не была им исполняема. Первое издание сонаты было озаглавлено так: Sonata per il pianoforte ed un violino obligato, quasi come d'un Concerto. — И действительно, это, в сущности, «концерт» для двух инструментов, и в этом стиле нет в музыкальной литературе произведения ему равного. Первое

allegro — это такой неукротимый поток страсти, что и у Бетховена не найдется другой подобной страницы.

«Знаете ли вы первое престо? Знаете?!.. У! Страшная вещь эта соната. И именно эта часть...» (Л. Толстой).

В числе многочисленных переложений этой сонаты находится ор. 30 известного скрипача и композитора Берно, полагавшего, что вариации (2 часть) Бетховена написаны неудобно для скрипки и потому сочинившего новые, увы, никому ныне неведомые.

Некоторые подробности относительно исключительной, но недолговременной симпатии, которую питал Бетховен к скрипачу-мулату, а также причину позднего появления в печати «Крейцеровой сонаты» легко подметить в следующих записках композитора.

К виртуозу-скрипачу Г. А. П. Бриджтоуеру.

Приходите, дорогой Б., сегодня, в 12 часов к графу Дейму, т. е. туда, где мы были третьего дня вместе, вы может быть захотите сыграть что-нибудь свое, это уж там увидите, я не могу быть там ранее половины 2, а до тех пор радуюсь при мысли о предстоящей сегодня встрече с вами.

Ваш друг Бетховен.

Будьте добры подождать меня в половине 2 на Грабене в кафе Таррон, затем мы отправимся к графине Гвичиарди, куда вы приглашены обедать.

Бетховен.

Барону Александру фон Ветцлару.

18 мая 1803 г.

Хотя мне никогда не доводилось беседовать с вами, но я смело рекомендую вам подателя сего, г-на Бриджтоуера, очень способного виртуоза, вполне владеющего своим инструментом. Кроме своих концертов, он также превосходно играет квартеты, прошу вас доставить ему еще несколько знакомств.

— С Лобковичем, Фрисом и всеми прочими знатными любителями он уже свел знакомство и пользуется их расположением.

Я полагаю, что недурно было бы, если бы вы свели его вечером к Терезе Шенфельд, где, насколько мне известно, бывают некоторые иностранцы, или к себе: — я уверен, что вы сами поблагодарите меня за то, что я вам доставил это знакомство.

Прощайте, любезный барон

ваш покорнейший Бетховен.

Издателю Н. Зимроку в Бонне.

Вена 4-го октября 1804 года.

Дорогой, милейший Зимрок, давно и страстно жду сонату, данную мною вам, — но напрасно — напишите, пожалуйста, что задержало ее,

может быть, вы взяли ее у меня только на съедение моли? — или ходатайствуете об императорской привилегии на нее? Но всего этого, я думаю, можно было достичь давно — где скрывается этот задерживающий черт, от которого зависит появление сонаты; хотя вы ловкий черт, но славитесь, как некогда Фауст, дружбой с дьяволом и поэтому так любимы своими сотоварищами; еще раз — где скрывается черт, или что за черт, который насел на сонату, и с которым вы не можете столковаться. — Итак, поспешите и сообщите мне, когда дожждусь появления сонаты, — как только назначите срок, тотчас же пришлю вам для Крейцера листочек, который будьте так добры приложить при посылке одного экземпляра (так как вы ведь пошлете свой экземпляр в Париж или же будете там печатать). — Этот Крейцер славный, добрый малый, он доставил мне много удовольствия во время своего пребывания здесь, его скромность и искренность мне милее всех *exterieur* или *interieur* большинства виртуозов. Так как соната написана для выдающегося скрипача, то и дедикация вполне соответствует ему, — хотя мы переписываемся (т. е. одно письмо ежегодно от меня), — но надеюсь, он еще ничего не знает об этом. — Я слышу часто, что вы непрерывно расширяете свое благосостояние, это радует сердечно меня, поклон всей вашей семье и всем прочим, кому мой привет по вашему мнению может быть приятен.

Прошу скорого ответа Бетховен.

Вслед за 2 симфонией и «Крейцеровой сонатой» создана знаменитая *Eroica*, рожденная в лучах славы великого корсиканца, сверстника Бетховена.

Наполеон I был в XIX веке излюбленною темою многих писателей, художников, скульпторов и композиторов; величайшие поэты-романтики, Байрон, Пушкин, Лермонтов, воспели его в стихах; Давид, Гро, Жерар, Мейсонье изобразили его в красках. Вела и Канова придали его внешность мраморным глыбам, но раньше всех гений Бонапарта вдохновил величайшего симфониста: уже в 1798 году, посещая генерала Бернадотта, Бетховен не скрывал своего благоговения перед личностью Первого консула, а в начале 1804 года на столе композитора красовалась изящно переписанная партитура 3 симфонии, на заглавном листе которой стояло большими буквами *Buonaparte*, а под ним *Luigi van Beethoven*. Партитура была предназначена к отсылке Наполеону через посредство французского посланника в Вене, но известие о принятии Наполеоном короны глубоко разочаровало автора. «Узнав от меня эту новость, — говорит Ф. Рис, — Бетховен воскликнул: — И он оказался таким, как все... Честолюбие победило в нем все добродетели!.. Как жаль, что я не владею военным искусством так же, как музыкальным, я непременно победил бы его!»

С этими словами композитор схватил партитуру, сорвал обложку и бросил в печь, а через несколько дней надписал: *Sinfonia eroica*.

Впоследствии личность Наполеона все же не утратила своего обаяния для знаменитого симфониста; в 1809 году барон Тремон, состоявший в Вене при французском посольстве, сговорился с композитором совершить поездку в Париж и обещал принять часть расходов на себя; при этом каждая беседа о Наполеоне вызывала оживленное настроение Бетховена, с некоторым самодовольствием повторявшего о демократическом происхождении великого полководца и императора.

— Должен ли я представиться в Париже вашему императору?
— спросил однажды композитор барона Тремона.

— Нет, — ответил барон; — впрочем, если он пожелает...

— А пожелает ли он?

— Я не сомневался бы в этом, если бы он ценил значение ваше, но по отношениям его к Керубини вы видите, что император не имеет особенного расположения к музыке.

Отзыв этот, видимо, несколько огорчил автора «Героической симфонии».

— Вставив в симфонию похоронный марш, я точно предчувствовал катастрофу, — сказал Бетховен, узнав о ссылке императора на остров св. Елены.

Р. Крейцер.

Похоронный марш с отчаянным воплем (квинтсекстакорд на fa) кажется, на первый взгляд, неуместным в симфонии, «прославляющей героя», но появление мрачных погребальных созвучий здесь станет более понятным, если вспомнить миросозерцание автора, сложившееся урывками и поверхностно на философском мышлении и чтении; автор «Героической симфонии» не мог только прославить великого полководца, не мог лишь приветствовать его воодушевлением, светлым, жизнерадостным настроением, проникающим остальные три части симфонии; воспевая Наполеона, он не забыл те потоки крови и слез, которыми орошен венки героя, не забыл тех рыданий, тех страданий, тех бесчисленных трупов, на которых выросла слава победителя; как сын эпохи он воспел величайшего представителя этой эпохи; как трезвый мыслитель, как враг предрассудков и поборник истины он не забыл легионов невинных жертв,

смерть которых вдохнула бессмертие в имя героя; он радостно приветствовал этого героя и горько оплакал эти жертвы...

Автограф этой партитуры не найден, первая же копия, хранящаяся в музее при венской консерватории, имеет заглавие: *Sinfonia grande del S-gr Louis van Beethoven*, старательно скобленную, но все же разборчивую приписку чернилами: «*Intitulata Bonaparte*», от времени стершущую другую приписку карандашом на немецком языке: «написана на Бонапарта» и примечание (на партии I скрипки) следующего содержания по-итальянски: «так как симфония эта необычайно длинная, то ее следует ставить скорее в начале, чем в конце программы, пожалуй, после увертюры, или романса, или концерта. Если исполнить ее слишком поздно, то можно опасаться, что она не произведет на слушателя, уже утомленного предшествующими номе-

рами, того впечатления, которого автор желает достичь». На печатном экземпляре, появившемся в октябре 1806 года, помещен, по обычаю того времени, подробный титул симфонии, автора, титул князя Лобковича, которому она посвящена, состав оркестра для исполнения ее, а также указание о том, что симфония написана для прославления памяти о великом человеке.

Зимний сезон 1804-1805 года, когда Бетховен был озабочен репетициями, ознаменовался несколькими выдающимися концертами; к этому времени относится приезд Моцарта-сына с матерью и блестящий успех его как виртуоза-пианиста. Еще раньше приехал в Вену знаменитый виртуоз на гобое Рамм, с которым Бетховену пришлось играть свой квинтет (ор. 16) для ф.-п. и духовых инструментов. Концерт этот надолго остался в памяти слушателей, благодаря вдохновению, осевшему композитора и вызвавшему одну из чудных его импровизаций. В последнем *allegro* квинтета тема повторяется несколько раз; один из промежутков между такими повторениями Бетховен вздумал заполнить фантазией на ту же тему, что доставило не только ему, но и всем слушателям большое удовольствие; недовольны были лишь участники исполнения квинтета, а в особенности Рамм. Несколько раз, полагая приближение конца импровизации, они подносили свои инструменты к губам и в досаде опять отставляли их; наконец, при восторженных аплодисментах слушателей, Бетховен перешел из мира мимолетных грез в область вечных идеалов...

Егоиса, сыгранная первоначально на домашнем музыкальном вечере банкира Вюрта и вскоре затем у кн. Лобковича, не понравилась слушателям, тем не менее она была повторена у кн. Лобковича, ввиду посещения его принцем прусским Людвигом-Фердинандом, любителем музыкальных новинок; симфония привела принца в такой восторг, что он упросил повторить ее в течение вечера три раза, а на следующий день Бетховен получил от принца в подарок венецианскую цепь.

Сильно ошибаются те, — говорит Берлиоз, — кто сокращает заглавие, данное автором этому произведению: Героическая симфония в память великого человека. Очевидно, здесь дело идет не о битвах и торжественных маршах, как ожидают многие, судя по сокращенному названию, а приведено много богатых, глубоких идей и мрачных воспоминаний, изображены торжественно величественные и печальные явления; одним словом, это надгробное слово герою. Редко приходилось мне встречать в музыке изображение печального настроения в столь совершенной форме, в таких благородных выражениях.

Первая часть написана в трехдольном размере и представляет нечто вальсообразное. А между тем может ли быть что-либо серьезнее и драматичнее этого *allegro*? Основная тема энергичного характера не появляется сначала целиком. Вопреки обычаю, автор в начале лишь намекает на нее и лишь после нескольких вступительных тактов приводит ее во всем ее блеске. Ритм отличается частым употреблением синкоп и сочетаниями двухдольного размера с трехдольным, причем ударение падает на слабое время такта. Когда к этому ритму присоединяются такие резкие диссонансы (например: в середине второй репризы, где первые скрипки берут высокое *fa* против натурального *mi* в аккорде *la-*

min), то нельзя подавить в себе чувства ужаса, вызываемого изображением неукротимой ярости. Это голос отчаяния, почти бешенства. Но невольно возникает вопрос: чем вызвано такое отчаяние, такое бешенство? Причины его неуловимы. Оркестр тотчас же успокаивается в следующем же такте; после этой вспышки силы сразу изменяют ему. Затем следуют более нежные фразы, выражающие умиление, вызванное чудесными воспоминаниями.

Невозможно не только описать, но даже перечислить всех мелодических и гармонических оборотов, в которых Бетховен проводит свою тему. Укажем только на один чрезвычайно странный прием, возбуждавший в свое время немало споров, так что даже один французский издатель исправил партитуру, думая, что в нее вкралась ошибка при печатании (прежняя редакция была восстановлена после точных справок). Первые и вторые скрипки тремолируют на мажорной секунде ля-бемоль — си-бемоль, заимствованной из доминант-септаккорда в тоне ми-бемоль; в это время валторна смело начинает главную тему, построенную преимущественно на ми-бемоль, соль, ми-бемоль, си-бемоль так, что кажется, будто она по ошибке вступила четырьмя тактами раньше. Понятно, какое странное впечатление производит сочетание мелодии, состоящей из трех нот основного трезвучия с диссонирующими звуками доминант-септаккорда, хотя широкое расположение голосов несколько сглаживает эту шероховатость; не успеешь мысленно восстать против такой аномалии, как мощное *tutti* прерывает валторну и оканчивается *piano* на основном трезвучии, после чего виолончели, вступая, поют всю тему уже с соответственной гармонией. Строго судя, трудно найти серьезное оправдание этому музыкальному капризу. Это — абсурд. Между тем автор, как говорят, придавал ему большое значение. Говорят даже, что Рис, присутствовавший на первой репетиции этой симфонии, воскликнул, желая остановить оркестр: «рано, рано, валторна ошиблась!» и в награду за такое усердие получил от возмущенного Бетховена резкую отповедь.

В остальной части партитуры подобных странностей больше не встречается. Похоронный марш — целая драма. Это точно перевод чудных стихов Вергилия, когда он описывает погребение молодого Палласа.

В особенности конец производит сильное впечатление. Тема марша **опять** появляется, но прерываемая паузами и в сопровождении **трех** нот контрабаса в виде аккомпанемента. Когда эти последние, обнаженные, разбитые, жалкие остатки мрачной мелодии поодиночке спускаются до тоники, духовые инструменты **вскрикивают**, словно воины, посылающие последний привет своим товарищам по оружию, и **весь оркестр** замирает на органном пункте *pianissimo*.

Третья часть, по обыкновению, называется *scherzo*, что в переводе с итальянского значит шутка. Сразу трудно себе представить, как подобный род музыки мог войти в это эпическое произведение, но нужно его прослушать, чтобы все стало понятно. Действительно, ритм и движение, присущие *scherzo*, — это игры, но **настоящие** похоронные игры, непрестанно омрачаемые мыслью о понесенной утрате; одним словом, это те игры, которые устраивали воины, герои Илиады, на могилах своих предво-

дителей. Бетховен сумел выдержать, даже в самых капризных движениях оркестра, серьезный, мрачный колорит и глубокую печаль, которые естественно должны преобладать в изображении задуманного им сюжета.

Финал представляет развитие той же поэтической мысли. В начале финала употреблен интересный прием инструментовки, наглядно показывающий, что можно извлечь из составления различных тембров. Он состоит в том, что скрипки берут си-бемоль, а флейты и гобой немедленно повторяют тот же звук в виде эхо. Несмотря на то, что звуки берутся на одной и той же высоте в одинаковом темпе, с одинаковой силой, разница между ними так велика, что ее можно сравнить с разницей цветов синего и фиолетового. Такое тонкое различие между звуками не было известно до Бетховена, применением их мы всецело обязаны ему. Этот финал, полный разнообразия, весь построен на очень простой теме, разработанной в виде фуги; автор, кроме массы подробностей разработки, строит на ней еще две другие темы, из которых особенно одна отличается замечательной красотой. По обороту мелодии трудно догадаться, что она была, так сказать, извлечена из другой; напротив, она гораздо выразительнее, несравненно изящнее первоначальной темы, носящей какой-то басовый характер. Та же мелодия появляется незадолго до конца, в более медленном движении и с другой гармонией, придающей ей еще более грустный оттенок. Героя много оплакивают. За этими последними выражениями сожаления, посвященными его памяти, автор, оставляя элегический тон, начинает с увлечением гимн прославления. Это блестящее, хотя несколько краткое заключение венчает достойный памятник музыкального искусства. Бетховен написал вещи, быть может, более захватывающие, производящие на публику более сильное впечатление, чем эта симфония, но по глубине мысли и выражения, по страстному и возвышенному стилю, по поэтичности формы Героическую симфонию должно поставить наряду с величайшими творениями ее гениального автора.

Что касается моих личных впечатлений, то во время исполнения этой симфонии я испытываю чувство глубокой, как бы античной грусти. Но на публику это произведение действует, по-видимому, не особенно сильно. Конечно, приходится пожалеть артиста, не вполне понятого даже избранными слушателями, восприимчивость которых ему не удалось поднять до уровня своего вдохновения. Это тем печальнее, что тот же кружок слушателей в других случаях воодушевляется, трепещет и плачет вместе с ним, проникается искренней и живейшей симпатией к другим, не менее удивительным, но не более красивым его произведениям, оценивает по достоинству *allegretto la-min* 7-й симфонии, финал 5-й, волнуется при исполнении похоронного марша той же Героической симфонии. Но первую часть ее, как я заключаю по своим двадцатилетним наблюдениям, публика слушает почти равнодушно; в ней она видит ученое произведение, мощно написанное, и больше... ничего. Тут не поможет никакая философия. Как ни убеждаешь себя в том, что все произведения высокого ума везде подвергались той же участи; что чуткость к известным красотах — удел не массы, а отдельных личностей; что иначе даже и не может быть... Все это не утеша-

ет, не подавляет инстинктивного, невольного, даже нелепого негодования, наполняющего сердце при виде непризнанного чуда, дивного произведения, на которое толпа смотрит и не видит, которое слушает и не слышит, даже почти не обращает на него внимания, словно дело идет о посредственной или обыденной вещи. О, как ужасно, когда приходится сознаться в неумолимой истине; то, что я нахожу прекрасным, прекрасно для меня, но, может статься, не покажется прекрасным моему лучшему другу; возможно, что произведение, которое меня восхищает, возбуждает, вызывает у меня слезы, встретит с его стороны холодный прием, а пожалуй и не понравится, будет раздражать... Большинство великих поэтов не чувствует влечения к музыке или любит только тривиальные и ребяческие мелодии; многие великие мыслители, считающие себя любителями музыки, не подозревают даже, как сильно она может волновать. Это все печальные, но ощутительные, очевидные истины; если иные отрицают их, то разве только из упрямства.

Я видел собаку, визжавшую от удовольствия, когда на скрипке брали мажорную терцию, но на ее щенят ни терция, ни квинта, ни секста, ни октава, никакой консонанс или диссонанс не производил ни малейшего впечатления. Публика, из кого она ни состояла бы, по отношению к великим музыкальным произведениям напоминает мне эту собаку со щенятами. У нее есть нервы, вибрирующие при известных звуках, но это свойство у отдельных лиц распределяется неравномерно и бесконечно видоизменяется. Поэтому было бы совершенным безумием рассчитывать на то, что один прием в искусстве может подействовать на публику сильнее, чем другой, и композитору лучше всего слепо повиноваться собственному чувству, заранее покоряясь возможным случайностям. Однажды я выходил из консерватории вместе с тремя или четырьмя дилетантами после исполнения 9-й симфонии.

— Как вам понравилась эта вещь? — спросил меня один из них.

— Это величественно, великолепно, подавляюще.

— Гм!.. Странно!.. Я ужасно проскучал... А вы? — обратился он к одному итальянцу.

— О! Я нахожу ее непонятной, даже невыносимой, совсем нет мелодии...

Да вот, кстати, отзывы в нескольких газетах, прочтем.

Девятая симфония Бетховена — кульминационный пункт новейшей музыки, нет еще ни одного произведения искусства, которое можно было бы сравнить с нею по возвышенности стиля, грандиозности плана и законченности обработки.

(Другая газета). — Эта симфония Бетховена чудовищна.

(Третья). — Произведение это не совсем лишено идей, но они очень скверно распределены, вследствие чего, в общем, получается нечто бессвязное и лишенное прелести.

(Четвертая). — В девятой симфонии Бетховена встречаются замечательные места, но в общем видна бедность мысли, вследствие чего автор, которому истощенное воображение не приходило на помощь, прибегал часто к удачным приемам, чтобы заменить ими недостаток вдохновения. Некоторые фразы в ней

прекрасно разработаны и расположены в ясном и логическом порядке. В общем же это очень интересное произведение утомленного гения.

Где же истина? где заблуждение? Везде и нигде. Каждый прав по-своему: то, что для одного красиво, некрасиво для другого, потому только, что один был растроган, а другой остался безучастным, первый вынес живейшее наслаждение, а второй — большое утомление. Что же тут делать?.. Ничего... но это ужасно; я предпочел бы быть безумцем и при этом верить в абсолютно прекрасное.

ГЛАВА V

1805 — 1807

Опера «Фиделио». — Репетиции и первое исполнение. — Неудача и возобновление. — Четвертая симфония. — Намерение найти обеспеченную должность при театре. — Напрасные старания. — Поездка в имение князя Лихновского и бегство оттуда. — Мария Визо. — Стремление писать оперы. — Пятая симфония. — Договор с М. Клементи.

Неудавшаяся попытка Шиканедера дать публике оперу Бетховена вызвала такое же намерение барона Брауна, полагавшего, вероятно, что композитор не решится игнорировать предложение директора королевских театров, как игнорировал частным антрепренером. Эти предложения имели для Бетховена большое значение, так как с ними были связаны бесплатный доступ в театр и бесплатная квартира при театре. Композитор охотно и часто стал посещать оперу; являлся он сюда к началу спектакля, располагался обыкновенно в оркестре и внимательно, сосредоточенно следил за представлением, если опера ему нравилась; в противном случае, после первого акта, накидывал свой плащ и удалялся из театра. Такое увлечение музыкально-драматическими произведениями продолжалось несколько лет, пока усилившаяся глухота и равнодушие публики к его «Фиделио» не оттолкнули композитора от сцены.

Браун не ошибся в своем предположении: Бетховен не только изъявил согласие, но даже принялся немедленно за эскизы оперы и летом 1803 года уединился в предместье Хецендорф, где стал усиленно работать над «Фиделио»; поблизости его квартиры, в дворцовом саду Шенбрунна, сохранилась по настоящее время развесистая липа, под тенью которой, говорят, Бетховен проводил тогда долгие часы со своею тетрадью эскизов. Сравнение этих эскизов с оконченной партитурой поражает массою работы, посвященной автором этому произведению; набросков — бесчисленное множество, одна и та же мелодия записана со многими вариантами, некоторые из мелодий попали в оперу, другие оставлены без применения; одна и та же сцена трактована на разнообразные лады, а в партитуре вошли идеи наиболее удачные.

Происхождение текста «Фиделио» следующее: в конце XVIII века посредственный французский драматург Vouilly написал мелодраму «Леонора, или Супружеская любовь», положенную на музыку сначала композитором Гаво, потом Паером, приехавшим в Вену к первой постановке своей оперы. Бетховену очень нравилась эта опера, он не пропускал ни одного представ-

ления ее и, встретив однажды автора, не преминул выразить свои восторги. Польщенный автор ждал окончания речи своего собеседника, чтобы ответить благодарностью, но Бетховен оказался в этот раз очень словоохотлив, превозносил достоинства каждой сцены и, в заключение, совершенно смутил автора таким восклицанием:

— Да, мой друг, я непременно вскоре напишу музыку к вашей опере!..

Написанная Бетховеном, по либретто Зонлейтнера, опера включает в себе три акта. Действие происходит в XVII веке, в сеvilьской тюрьме.

Начало трио 2 акта из «Фиделио».

Первый акт. — Привратник Жакино уговаривает дочь тюремщика, Марселину, сыграть скорее свадьбу их; она же лишь притворяется влюбленною в него, а мечтает о любви Фиделию, недавно поступившего сторожем в тюрьму. Отец ее, тюремщик Рокко, разделяет симпатию дочери и советует Фиделию жениться, скопив предварительно побольше денег.

Чтоб быть истинно счастливым,
Надобно в богатстве жить.

В числе заключенных в тюрьме находится Флорестан, которого смотритель тюрьмы, Пизарро, самовольно, из личной мести, держит в подземелье и, узнав о предстоящем посещении тюрьмы министром, намерен умертвить и закопать там же в темнице. Пизарро уговаривает Рокко осуществить намерение

его, но старик соглашается лишь вырыть в темнице яму и закопать труп, а убийство предоставляет зрителю. Фиделио (переодетая Леонора, подслушавшая разговор этот), умоляет тюремщика, по уходе Пизарро, выпустить заключенных на прогулку и, когда последние проходят мимо него по двору, тщетно ищет между ними своего мужа, Флорестана. Вновь появившийся Пизарро бранит тюремщика за прогулку арестантов и гонит их в подземелье.

Старик безумный, ты забылся,
Ты дерзко власть свою превысил,
Ты, непокорный, как решился
Им миг свободы подарить?

Второй акт. — Флорестан страдает, предчувствуя гибель, и вспоминает Леонору. Рокко и Фиделио приходят рыть могилу; затем является Пизарро с маской на лице и направляется к Флорестану, чтобы заколоть его; Фиделио становится между ними и восклицает: «Убей сначала жену его!» Пизарро снимает маску и грозит также Леоноре, но она направляет в него пистолет и приводит зрителя тюрьмы в замешательство. В то же время раздается трубный сигнал, возвещающий прибытие министра, дон Фернандо. Козни Пизарро обнаружены, и Леонора с мужем спасены.

О, сладкий миг очарованья!
Ты на моей груди,
Нас, после всех страданий,
Ждут радостные дни!

Третий акт (или 2-я картина 2 акта) переносит зрителя опять во двор тюрьмы, где народ воспеваает любовь, верность и неустрашимость Леоноры, вместе с тем приветствуя справедливость министра, который узнает во Флорестане своего без вести пропавшего друга, а в его темницу заключает коварного Пизарро.

Пусть правосудия лучи
Потоком светлым разольются
И освещают мрак тюрьмы...

...
Злодей наказан должен быть,
Невинных притеснял!
Он правосудья не избегнет.
Час кары уж настал!

Первые исполнители «Фиделио» не могли бы удовлетворить более снисходительного автора, нежели Бетховен; принимая во внимание новизну некоторых элементов этой музыкальной драмы, требования автора и его грубоватое обращение со всеми, можно себе представить вереницу недоразумений и неприятностей, сопровождавших многочисленные репетиции оперы и раздражавших как Бетховена, так и всех исполнителей, до опытного дирижера Зейфрида включительно. Знаменитая впоследствии Анна Мильдер (Хауптман) играла Фиделио; двадцатилетняя артистка, обладавшая чарующим и мощным голосом, только на-

чинала свою карьеру и своею неопытностью тревожила автора; начинающая артистка тогда же протестовала против исполнения неудобной для пения и некрасивой арии в e-dur (adagio, № 9), однако борьба с автором продолжалась много лет, и лишь в 1814 году добилась она исключения этой арии.

Марселину играла Луиза Миллер, даровитая, опытная актриса с посредственным голосом. Роль Флорестана была поручена Деммеру, которого едва было слышно вследствие короткого дыхания и старчески слабого голоса. Бас Вейнкопф не мог проявить своих достоинств в ничтожной и неблагодарной партии министра дон Фернандо. В роли Жакино выступил Каше, хороший комик, но скверный музыкант, постоянно «висевший на палочке дирижера». Исполнитель партии Рокко, бас Роте, был совсем плох, а Себастьян Мейер, игравший Пизарро, вызывал насмешки всей труппы и даже Бетховена; будучи свояком Моцарта, он с некоторым пренебрежением относился к новейшим композиторам, что не мешало ему самому часто детонировать.

— Партия Пизарро неисполнима, — твердил он; — Моцарт никогда не написал бы такой бессмыслицы...

Подобные замечания возмущали и, вместе с тем, забавляли Бетховена; на репетициях под фортепиано он сам садился за рояль и в партии Пизарро менял тональность аккомпанемента, чем приводил в смущение артиста и вызывал взрыв хохота товарищей его. Такое обращение композитора со свояком Моцарта, мужем старшей свояченицы, Иозефы, урожденной Вебер (по первому мужу — Хофер), не мешало приятельским отношениям и переписке Мейера и Бетховена, в которой встречаются подробности, касающиеся постановки «Фиделио».

Дорогой Мейер!

Попроси г. Зейфрида продирижировать сегодня мою оперу. Сегодня хочу я сам видеть и слушать ее со стороны. Таким образом избегну, по крайней мере, мучений слышать вблизи свою изуродованную музыку. Принужден думать, что это делается нарочно. О духовых инструментах сказать ничего не могу, но... Вели вычеркнуть из моей оперы все pp., cresc., все decresc. и все f., ff.; ведь они все равно не все исполняются. Я теряю всякую охоту писать, потому что принужден слушать свое произведение в таком виде! Завтра или послезавтра я зайду за тобою, чтобы вместе пообедать. Сегодня мне опять плохо.

Твой друг Бетховен.

Если опера будет дана послезавтра, то следует завтра устроить еще одну репетицию на сцене; — иначе с каждым днем идет все хуже!

Любезный Мейер! Квартет 3-го действия вполне верен. Пусть копист сейчас же наведет чернилами то, что написано красным карандашом, не то оно сотрется!

Сегодня после обеда я снова пошлю за 1-м и 2-м актами, потому что хочу сам их просмотреть.

Я не могу прийти, потому что со вчерашнего дня у меня снова колики — моя обычная болезнь. Не заботься относительно увертюры и прочего; если понадобится, то завтра же все может быть готово.

Благодаря теперешнему злосчастному кризису, у меня так много других дел, что я должен откладывать все, в чем нет самой крайней необходимости.

Будь добр, любезный Мейер, и пришли мне партии духовых инструментов всех трех актов и партии 1-й и 2-й скрипок и виолончели из 1-го и 2-го актов. Можешь прислать мне то же партитуру, где я сам кое-что исправил, так как она важнее всего. Пусть Гебауер придет ко мне сегодня вечером около 6-ти часов своего личного секретаря за дуэтом и многим другим.

Весь твой Бтхвн.

Одновременно с репетициями шли продолжительные пререкания между Бетховеном и бароном Брауном относительно названия оперы. Как французская опера Гаво, так и итальянская Паера назывались «Леонорой» и были довольно популярны, поэтому директор театра находил непрактичным применение того же названия к новой опере и убеждал автора назвать ее «Фиделио», а упрямый композитор, быть может, в память подруги своей, Леоноры Брейнинг, хотел непременно сохранить старый титул мелодрамы и лишь перед самым представлением оперы сделал уступку Брауну.

Условия, при которых была поставлена опера Бетховена, были крайне неблагоприятны: политические события вызвали бегство из Вены всех меценатов, покровителей Бетховена, и привели в театр публику случайную, чуждую как немецкой опере, так и ее автору. В начале ноября Бонапарте подошел к Вене; 13-го, в 11 часов утра, штаб его обманул передовые посты австрийцев и без выстрела вступил в столицу Австрии, а 15-го он обнарудовал в Шенбрунне воззвание к населению, составляющее один из бюллетеней его, полных беззастенчивой лжи и циничного самохвальства, свойственного полководцам.

Интересен ряд писем и указов, разосланных им в этот день из Шенбрунна; в *Correspondance de Napoleon I* приведено 13 документов от 24 брюмера XIV года: 1-й адресован курфюрсту баварскому и заключает в себе распоряжения относительно Тироля и Баварии, 2-й — канцлеру Камбасересу с распоряжениями финансового свойства относительно назначения Дарю «моим министром финансов в Австрии» и приведения в порядок дворцов в Париже и Брюсселе, 3-й — министру полиции Фуше с указанием на нетактичное поведение итальянских префектов, 4-й — приказ адмиралу Декре схватить шесть русских фрегатов, направляющихся с севера в Средиземное море, 5-й — совет маршалу Лефевру обходиться любезнее с прусским королем, 6-й — правителю Голландии с выражением дружеского расположения, 7-й — приказ принцу Мюрату озаботиться помощью 1.500 раненым, покинутым армией Кутузова, 8-й — выговор маршалу Бернадотту за медленное преследование русских, 9-ый — приказ по топографическому отделу штаба с подробным указанием сведений, каковые должны быть представлены «без планшетов и чертежей, а основаны лишь на глазомере»; 10-й — приказ принцу Мюрату о преследовании противника, 11-й — маршалу Сульту о том же; 12-й — генералу Мармону о том же; наконец,

13-й — бюллетень, или приказ по армии, в котором самодовольно оглашается обман, посредством которого французский авангард проник в Вену, восхваляется доблесть войск, овладевших уже «почти всей артиллерией австрийской монархии», описывается дворец Шенбрунн, где в каждой комнате на победителей выглядывает из рам образ великой Марии-Терезии, сообщаются факты великодушия императора и покорности населения, причем, по обыкновению, Наполеон не забывает напомнить стране и армии, что все бедствия Европы создаются коварными англичанами...

Спустя несколько дней генерал Гюлен расположился во дворце князя Лобковича, принц Мюрат занял дворец Альберт, что против оперного театра; 15 тысяч французских солдат разместились в разных частях Вены, а состоящие при них офицеры, перебивав во всех увеселительных заведениях венских, затем, ради разнообразия во времяпровождении, наполнили партер театра *An der Wien* при первом представлении «Фиделио» 20 ноября 1805 года, встреченному публикою и прессою довольно равнодушно. Газета Коцебу «*Der Freimuthige*» писала 26 декабря:

«Пьесы, поставленные за последнее время в театре, не заслуживают особенного внимания. Новая опера Бетховена «Фиделио, или Супружеская верность» не имела успеха. Она была поставлена весьма ограниченное число раз и шла пред залом, почти пустым. Во всяком случае, музыка ее гораздо ниже того, что надеялись слышать любители и знатоки. Мелодии вымученные, лишены той страстной выразительности, той чарующей и поразительной прелести, которые захватывают нас в произведениях Моцарта и Керубини. Хотя в партитуре несколько интересных страниц, тем не менее оперу нельзя назвать не только безупречною, но даже просто удачною».

«Газета эlegantного общества» дала не менее суровый отзыв:

«Музыка «Фиделио» бледная и полная снотворных повторений. Она отнюдь не способна убедить кого-либо в выдающемся даровании Бетховена как композитора вокальной музыки».

Такой же неодобрительный отзыв об опере дала «Всеобщая музыкальная газета»:

«Опера была принята очень холодно... Кто следил внимательно за развитием дарования Бетховена, возлагал большие надежды на эту партитуру, но она далеко не оправдала ожиданий... Бетховен так часто приносил красоту в жертву новизне и самобытности, что можно было ожидать от его первой оперы, по крайней мере, некоторой оригинальности. Увы, этого-то качества в ней можно встретить менее всего. Партитура его, судя беспристрастно и спокойно, не блещет ни изобретательностью, ни стилем. Увертюра состоит из убийственно длинного *adagio*; проходящего через все тональности, и из *allegro* в *c-dur*, она не лучше всего остального и не выдерживает сравнения с другими оркестровыми произведениями Бетховена, хотя бы даже с увертюрой «Прометей». Вокальные номера не заключают в себе ничего нового; в общем, они чрезмерно длинны и усыпляют постоянным повторением текста, большинство их не соответствует настроению; для примера стоит указать на дуэт третьего акта (2-й картины 2-го акта), после выражения благодарности, где быстрый аккомпанемент скрипок в высоком регистре скорее соот-

ветствует дикой радости, чем мирному, спокойному чувству, наполняющему всю сцену. Гораздо удачнее квартет, в форме канона, 1-го акта и страстная ария в *c-dur*, с красивым аккомпанементом трех валторн и фагота, впрочем, местами слишком громоздким. Хоровые номера совершенно бесцветны; между прочим, один из них, выражающий радость узников при виде солнечного света, совершенно неудачен».

Корифеи драматической музыки, Керубини и Сальери, отнеслись к опере скорее с недоумением, чем с одобрением. Относительно увертюры Керубини сказал: «За массой модуляций я не мог разобрать ее основной тональности». Слова эти были подхвачены многими музыкантами и распространялись с различными вариациями.

Вскоре затем Керубини выписал и подарил Бетховену школу пения, по которой обучались воспитанники парижской консерватории, но, увы, Бетховена она ничему не научила. Сальери тоже отнесся к опере скорее с недоумением, чем с восторгом: «Странно пишет Бетховен, — сказал он капельмейстеру Клейнхейнцу, — он взбирается по лестнице во второй, третий, четвертый этаж, оттуда пробирается на чердак, а с чердака бросается прямо вниз чрез маленькое окошечко: я не понимаю этих приемов!»

— Да, — ответил Клейнхейнец, — если мы с вами взберемся на лестницу, то должны осторожно сойти по ней вниз, если же вздумали бы делать прыжки, подобно Бетховену, то сломали бы себе шею.

Профессор Вендт, разбирая «Фиделио» и 3 симфонию, писал об авторе их: «Духовные силы его необъятны, музыка его выражает новые, неведомые наслаждения, звуки его то возносят на небеса, то низвергают в подземные миры; всюду он оригинален и неистощим».

Бетховен, прочитав эту статью, передал ее другу своему Шиндлеру со словами:

— Здесь много ума, но так же много книжной мудрости.

Печальная судьба «Фиделио» произвела на автора тяжелое впечатление; соблазнительная для всех композиторов арена наиболее могущественного воздействия на публику оказалась чуждой Бетховену, двери ее редко и неохотно открывались для того, кто проложил новые, величайшие пути в области симфонии, квартета, сонаты и вариации. Самолюбие Бетховена было оскорблено тем более, что тою же осенью 1805 года ставились оперы Керубини под личным управлением автора, ставшего кумиром венской публики. Его принимали с энтузиазмом, каждый красивый мотив вызывал аплодисменты, по окончании спектакля автора вызывали шумно и единодушно, его встречали и провожали выражениями восторга. Сам Бетховен искренно признавался в том, что преклоняется перед дарованием Керубини, считает последнего великим, бессмертным оперным композитором, но поклонение французскому итальянцу не заглушало в нем стремления вызвать свою оперою такие же восторги своих соотечественников.

Удрученный провалом оперы, автор избегал общества и часто скрывался от приятелей в одной из задних комнат ресторана, примыкавшего к театру *An der Wien*. Здесь его нашел француз-

ский скрипач Пьер Бейо, посетивший Вену в 1805 году и настойчиво просивший Антона Рейха познакомиться его с автором «Героической симфонии»; композитор ничуть не старался скрыть своего настроения и причины его: услышав храп слуги, заснувшего в соседней комнате, Бетховен воскликнул:

— Эта скотина счастливее меня!

Надо было помочь беде, утешить композитора и восстановить славу оперы, к которой публика и критика отнеслись, по мнению друзей автора, несправедливо. Возвратившиеся в начале 1806 года в Вену покровители и приятели измышляют различные средства, ищут новых исполнителей, убеждают автора сократить некоторые части оперы и в таком обновленном виде представить ее вновь публике. Партия Флорестана была не по силам Деммеру; нужно было найти драматического тенора с мощным голосом, со вкусом, со сценическим дарованием, и такой певец нашелся, но не среди оперных артистов, не среди профессиональных певцов, а между чиновниками одной канцелярии в Зальцбурге. Иосиф-Август Рекель родился в 1783 году в Нейберге, окончил курс университета и поступил на службу в баварское посольство; выступая на домашних музыкальных собраниях, Рекель приводил всех в восторг, и слава о пении его, выразительном и музыкальном, дошла до директора придворных театров императора австрийского; барон Браун предложил ему место первого тенора, и приятели Бетховена возликовали, предвкушая успех «Фиделио» с таким исполнителем. Еще труднее была вторая задача — сокращение партитуры. В назначенный день, около 7-ми часов вечера, началось совещание об этом у князя Лихновского; присутствовали брат автора, Гаспар Бетховен, приятели и артисты: гр. Мориц Лихновский, Рекель, Мейер, Ланге, Трейчке, Брейнинг, Коллин и др.; княгиня играла на фортепиано по партитуре, театральные капельмейстер Клеман (или Клемент) подыгрывал на скрипке, артисты пели свои партии; каждый робко высказывал свои соображения, автор волновался, возмущался, несколько раз готов был убежать; княгиня Лихновская убеждала, успокаивала его, и разъяренный лев уступал ласковым речам красавицы. К 1 часу ночи ампутация была совершена: исключены три номера, сокращены финалы, из трех актов выкроены два: переделка текста была поручена Стефану Брейнингу. За этой операцией последовал роскошный ужин, во время которого приятелям удалось потопить негодование композитора в струях венгерского вина.

— Что ты уплетаешь там? — воскликнул Бетховен, заметив пред Рекелем полную тарелку в конце ужина.

— Не знаю, — ответил артист.

— Ха, ха, ха!.. — раздались раскаты львиного рева. — Он пожирает, как волк, даже не разбирая пищи!.. Ха, ха, ха!..

В обновленном виде и с новым Флорестаном опера Бетховена была поставлена опять в театре An der Wien в субботу, 29 марта 1806 года; ей предшествовала новая увертюра, называемая ныне «Леонорой № 3»; это — гениальная симфоническая поэма на сюжет оперы, как бы изображающая весь смысл драмы. Из четырех увертюр к этой опере одна (под № 2) исполнялась при постановке оперы в 1805 году, другая (№ 3) — при возобновлении ее в 1806 году, третья (№ 4 в E-dur, прочие в C-dur) — при во-

зобновлении оперы в 1814 году, а четвертая (№ 1), написанная в 1805 году, найдена в бумагах композитора и издана по смерти его.

Публика и критика отнеслись к опере снисходительнее, чем годом раньше; «среди многочисленной публики, — говорит Рекель, — были знатные лица, не скрывавшие своего восторга»:

«Газета эlegantного общества» писала:

«Фиделио» Бетховена вновь поставлена в совершенно переработанном виде; вместо трех, она имеет теперь два акта. Непонятно, как знаменитый композитор решился написать столь красивую музыку к столь бессмысленному и пошлomu тексту; если композитор не достиг желанной цели, то виною тому либретто; жалкое ничтожество диалогов сильно вредит приятному впечатлению, производимому вокальными номерами. Нет сомнения в том, что Бетховен обладает наиболее развитым эстетическим чутьем, и что он в совершенстве умеет согласовать музыку с текстом, но нетрудно оценить достоинства текста, данного композитору для оперы. Во всяком случае, опера его — мастерское произведение, и в той новой области, которая открыта Бетховеном, нетрудно предвидеть плоды его вдохновения».

Есть основание предполагать, что отзыв этот аналогичен многим современным нам рецензиям, где услужливые друзья автора не в меру восхищаются его произведениями, напрасно стремясь наполнить театральную кассу.

После первого представления автор, недовольный исполнением певцов, озабочен новыми репетициями и обращается за действием к Себ. Мейеру и Рекелю:

Дорогой Мейер!

Барон Браун велел мне передать, что моя опера пойдет в четверг. Причину я расскажу тебе устно. — Очень прошу тебя позаботиться, чтобы хоры прорепетировали еще лучше, потому что в последний раз они много ошибались. Следует еще репетировать в четверг со всем оркестром в театре. Хотя оркестр не делал ошибок, — но на сцене было их много. Впрочем, нельзя требовать большего, так как времени было мало. Я должен был с этим согласиться, так как б. Браун грозил мне тем, что если опера не была бы поставлена в субботу, то она не пошла бы совсем. Я рассчитываю на твою преданность и дружбу, которые ты мне, по крайней мере, прежде оказывал; надеюсь, что ты и теперь позаботишься об опере. Впредь опера не будет нуждаться в таких репетициях, и вы можете ее ставить, когда захотите. Вот две книги; прошу тебя передать одну из них. Прощай, любезный Мейер, и позаботься о моем деле.

Твой друг Бетховен.

Любезный Рекель!

Устройте ваши дела с Мильдер. Скажите ей только, что вы сегодня же просите ее от моего имени, чтобы она более нигде не пела. Завтра же я сам приду, чтобы поцеловать край ее платья. Но не забудьте и Маркони; не сердитесь на меня за то, что я вас так утруждаю.

Весь ваш Бетховен.

Хотя опера не имела успеха, тем не менее кн. Лобкович задумал поставить ее на своей домашней сцене.

К барону Петру фон Брауну.

Милостивый государь,
Господин барон!

Будьте так любезны прислать мне письменное разрешение в нескольких словах на получение следующих партий из оперы моей, а именно: Flauto primo, 3-х труб и четырех валторн, из канцелярии театра Виден. — Мне эти партии нужны только на один раз, чтобы дать переписать для себя те строки, которые за недостатком места не вошли в партитуру, отчасти по желанию князя Лобковича, который намерен поставить оперу у себя, о чем он мне уже говорил, — я не совсем здоров, не то пришел бы сам лично вас просить.

С глубочайшим почтением Людвиг ван Бетховен.

Авторское самолюбие Бетховена вновь было оскорблено; слушатели относились к опере равнодушно и все неохотнее посещали представления «Фиделио»; из ничтожных сборов он мог получить лишь двести гульденов авторского гонорара, но, по свойственной ему подозрительности, полагая, что его обсчитывают, Бетховен явился за объяснением к барону Брауну. Грубые выражения композитора вызвали не менее резкую отповедь директора театра.

— Вы сами виноваты в ничтожных сборах: ваша музыка не может быть популярной. Дорогие места были заняты знатью, но большая публика, дающая обыкновенно большую часть сбора, избегала посещения.

— Я не пишу для райка! — воскликнул Бетховен. — Возвратите мне партитуру, я не желаю оставлять ее в ваших руках.

— Ваше желание будет исполнено.

И партитура была немедленно возвращена вспыльчивому автору, вследствие чего надолго погибла надежда друзей его на дальнейший, быть может, выдающийся успех оперы.

Ниже приводим мы краткий разбор «Фиделио», сделанный Хансликом, весьма увлекавшимся оперою Бетховена и потому старавшимся найти какое-либо оправдание некоторым слабым страницам ее.

Некогда Негели говорил, что каждый, кто заведет речь о Себастьяне Бахе, заранее должен предупредить слушателей, что все сказанное им не составляет тысячной доли того, что можно сказать о Бахе. Эти слова еще более применимы к Бетховену, который обладал таким богатством идей и настроений и, к тому же, как сын нашей эпохи, связан тысячами нитей с проявлением наших заветных дум и чувств.

Немного более 40 лет прошло после смерти Бетховена. Многие из современников наших помнят этого необыкновенного человека, который шагал по улицам Вены среди почительно расступавшейся пред ним толпы. Ныне, по случаю столетия рождения его (1870 г.), считаем уместным сказать несколько слов об опере его «Фиделио».

Ни одна из предшествующих опер не затрагивала так властно и так мощно, как «Фиделио», наиболее сокровенных струн человеческого сердца. До «Фиделио» также ни одна серьезная опера не имела такого яркого, исключительного немецкого характера. Только тот, кто не знаком с партитурами предшественников Глюка в Париже, может отрицать в его лучших операх французское влияние и французские приемы. В операх Моцарта итальянский элемент преобладает над немецким. Одна только «Волшебная флейта», — эта идеально возвышенная

«романтично-комическая волшебная музыка» былых времен, — имеет, за исключением арии «Царицы ночи», вполне определенные немецкие черты. Нежность, сердечность, светлая приветливость немецкого характера ясно звучат в ней. Во всех своих остальных операх Моцарт говорит на чудном итальянском языке, каким может говорить только знаменитый композитор. По стилю своей оперной музыки он — последний величайший итальянец в том смысле, в каком Палестрина — последний великий нидерландец. Это вовсе не доказывает ограниченности круга творчества, а только характеризует индивидуальность.

Специфически немецкий характер в отношении мощи, глубины, психологии мысли — проявляется впервые из всех опер в «Фиделио» Бетховена. Выдающееся значение этого произведения несомненно, хотя оно и не было сразу признано. Долго «Фиделио» оставалась изолированной. За тридцатилетний период между моцартовской «Волшебной флейтой» (1701) и веберовским «Фрейшюцем» (1821) — это было единственное гениальное, долговечное произведение, значительно выдвигнувшее немецкую оперу. Непреклонная сила немецкой природы, доведенная Бетховеном в «Фиделио» до упорства и шероховатости, — у Вебера в его «Фрейшюце» смягчена в горделивую грацию и обогащена новыми романтически-волшебными звуками. Вебер был чрезвычайно оригинален, но если исследовать поглубже ему самому неизвестные основы оперного стиля, то в последнем окажется такое же большое сходство с «Фиделио», как между «Волшебной флейтой» и оригинальными в своем роде операми Шпора.

Из «Волшебной флейты» и «Фиделио» возник наш собственный национальный оперный стиль, немецкая опера в самом строгом смысле. Влияние «Фиделио» на позднейшие оперы еще не вполне оценено и доказано, вероятно, потому, что оно проявилось слишком поздно и побледило перед инструментальной музыкой Бетховена, отразившейся на всем немецком музыкальном искусстве в совокупности. Мы чтим в Бетховене инструментального композитора, но чтим его как инструментального композитора также в вокальных его произведениях, в «Фиделио», в «Торжественной мессе», в 9 симфонии.

Как чудно, как безразлично было для Бетховена пение, — сказывается уже в «Фиделио». Пренебрежение к человеческому голосу доходит у него в последующих творениях до полнейшего злоупотребления. Вокальные партии в них не только трудны, но как бы задуманы для инструментов наперекор требованиям голоса. Эта жестокость по отношению к певцам искупается и вознаграждается гениальностью замысла, а потому не нуждается ни в оправдании, ни даже в восхвалении. В этом отношении прогрессом надо считать возврат к Моцарту. Вокальная музыка Бетховена не только труднее всякой другой, — она трудна еще, кроме того, и в ином отношении. Специфическая трудность заключается в ее инструментальном характере. Кто успешно владеет «голосовым инструментом», тот умеет достичь в применении его такой же самостоятельности, каким обладает любой самостоятельный оркестровый инструмент. Это одна и далеко не худшая сторона его приемов. Бетховен обращается с голосом, как с оркестровым инструментом, а не с виртуозным. Фантазия Бетховена всегда вращалась в кругу оркестровых замыслов, хотя бы то, что он творил, предназначалось для пения. Кто близко знаком с техникой нашего искусства, тот легко поймет резкое внутреннее различие между фантазией, опирающейся на вокальные средства выражения и на инструментальные. Он отличит мелодию, предназначенную для человеческого голоса, от мелодии для оркестра и подметит разницу в отношении к ней вокального композитора от оркестрового. Бетховен долго не мог отречься от симфонического творчества, как итальянцы не могли изменить оперному стилю в своих оркестровых произведениях. Понятно, что вопрос здесь идет не о количестве мелодий (вопрос совершенно праздный), но о специфическом характере

мелодий. В чудном терцете 2-го акта есть тема A-dur, — «Увы, ничем не могу вас вознаградить», — выдающийся пример симфонической мелодии противной пению. Прежде всего и более всего Бетховен ценил характерность, содержательность, абсолютное достоинство мелодии; исполнение же этого мотива пением, жизненная прелесть человеческого голоса не имели для него никакого значения, или же он не давал себе ясного отчета об этом в минуты творчества. Таким образом, Бетховен создал столь непосильную и неблагоприятную для певца задачу, что, несмотря на все уважение к грандиозному замыслу композиции, артисты неохотно берутся за эти партии. Поэтому ария Пизарро почти всегда исчезает в волнах оркестровой бури. Нам приходилось наблюдать, как самые мощные басы бессильно, точно маленькие шлюпки, метались среди этих волн. Еще более трудности представляет то место партии Пизарро, которым начинается самое сильное место оперы, — квартет в тюрьме («Умрет он, но узнает сначала» и т. д. до ответа Флорестана). Беспокойная смена гармоний в оркестре, не дающая ни малейшей опоры труднейшим интонациям певца, делает это место одним из «антивокальнейших» в мире. Партия Фиделио почти вся в высоком регистре содержит места, задуманные вполне инструментально, а потому представляет огромную трудность и производит слабое впечатление; например: сольфеджио восьмьюми нотами в финале первого акта на слова «Избегнешь кары ты?», или конец квартета в тюрьме — «Любовь все побеждает». Ария Флорестана, одна из труднейших, несмотря на чудную тему *adagio*, значительно уступает величественно-мрачному вступлению, которым оркестр старается выразить то, что затем выражает словами Флорестан. У певца, исполняющего конец этой арии с должной страстью и в соответственном быстром темпе, вследствие чрезмерного напряжения голоса получается не пение, а задыхание. Если это мучительное надрывание голосов не огорчает ни исполнителя, ни слушателя, то это только доказывает великую мощь духа и ощущений, заключающихся в этой замечательной музыке.

Прелестнее квартета «Чтоб быть истинно счастливым», двух дуэтов — Рокко с Пизарро и с Фиделио, мелодраматического дуэта и терцета в тюрьме — не было и не будет ничего, доколе будет существовать оперная сцена. Я не знаю ни одной оперы, которая захватывала бы слушателя и волновала его так, как «Фиделио». Никогда не бьются так усиленно сотни сердец в публике, как при окончании сцены в тюрьме, когда трубы возвещают прибытие министра. Точно мы сами выходим из мрачной темницы тоски и страданий. Радостно приветствуем мы перемену декораций — веселую местность последнего действия. Как великолепно и, вместе с тем, жизнерадостно звучит начало этого финала с несколькими тактами Фернандо, полными глубокого чувства! Как чудно соответствует этому настроению вторая заключительная часть («Оковы...») Вдвойне странным кажется затем глубокий упадок творчества, в двух последующих местах финала, которыми заканчивается опера: F-dur *adagio*, со своим довольно безжизненным пафосом, и, еще более, заключительное *allegro* с этим совершенно устарелым *stretto* «Воспоем в хвалебных песнях». Все это только слабо напоминает того великого гения, который написал остальную музыку «Фиделио».

Удивительно, что Бетховен, бесподобно справлявшийся со звуковыми массами, чувствовавший себя привольно только в безгранично великом, не приложил особенного старания, чтобы достойно закончить оба акта своего «Фиделио». Уже заключительная часть первого финала лишена той искренности, которая очаровывала нас раньше. Поразительно по своему недраматическому, продолжительному повторению известное донесение Рокко («Тот изверг»), на которое все присутствующие в сильном негодовании должны бы воскликнуть: «Да будет наказан злодей», но Бетховен, вместо моментального взрыва всеобщего негодования, тянет это место: «Помешал нам, помешал нам», следует

один такт оркестрового интермеццо, затем опять: «помешал нам», опять один такт оркестрового интермеццо, опять: «помешал нам ваш приход», после чего, наконец, хор раздражается негодующими криками. Еще поразительнее конец второго финала, звучащий так, как будто маэстро, достигнув задуманной «морали произведения», вдруг совершенно охладил к нему.

Но это предположение исчезает, когда слышишь, как композитор со страстной горячностью именно здесь, где драматический интерес требует быстрого заключения, выказывает себя действительно настоящим абсолютным симфонистом. Уже действие давно кончилось, уже заключительная картина давно готова, лишь музыка не прекращается...

Среди композиций Бетховена за 1806 год выдающееся место занимают: скрипичный концерт (ор. 61) и 4 симфония (ор. 60); первый написан для Франца Клемана, игравшего первую скрипку и заменявшего иногда дирижера в театре; этот единственный концерт Бетховена для скрипки весьма популярен, хотя мало удачен и обнаруживает спешность работы; автор задумал выразить благодарность свою Клеману, немало поработавшему при постановке «Фиделио», и с этой целью набросал к концерту его свой ор. 61, едва успев окончить к сроку скрипичную партию, так что виртуозу пришлось играть ее с листа, что, впрочем, не помешало успеху произведения. Иначе отнесся он к ор. 60, к 4 симфонии, обработкой которой он увлекся, отложив уже начатую другую симфонию в *c-moll*, появившуюся под № 5.

Напоминая собою во многих отношениях вторую симфонию, она носит в себе зачатки приемов, применявшихся автором все чаще в позднейших своих произведениях; мучительное состояние овладевает слушателем при звуках первого *adagio* вступления, в котором слух не может уловить определенной тональности, если не считать намеков, бросаемых духовыми инструментами дважды в виде педали на *b*.

Оставив оду и элегию, Бетховен возвращается здесь к менее возвышенному и менее мрачному, но, пожалуй, не менее тяжелому стилю второй симфонии. Характер этой вещи в общем живой, веселый, игривый или же божественно нежный. За исключением мечтательного *adagio*, служащего вступлением, первая часть вся дышит радостью. Мотив отрывистыми нотами, которыми начинается *allegro*, служит только фоном, на котором автор выводит другие, более существенные мелодии, так что мысль, представляющаяся сначала главной, отступает на второй план. Этот прием, ведущий к интересным и любопытным последствиям, не менее удачно был применен еще раньше Моцартом и Гайдном. Но во второй части того же *allegro* есть совершенно новая идея, с первых же тактов приковывающая внимание, увлекающая слушателя таинственным развитием и поражающая неожиданным заключением. Вот в чем ее особенность: после мощного *tutti* первые и вторые скрипки перекликаются отрывками первой темы, и этот диалог оканчивается выдержанным доминант септаккордом в строе *si-maj.*; за таким выдержанным аккордом следует двухтактная пауза во всех инструментах, кроме тремолирующих литавр; после двукратного повторения этого приема литавры уступают место струнным инструментам, исполняющим отрывки той же темы, переходящие посредством новой энгармонической модуляции в кварт сектаккорд строя

си-бемоль. В то же время литавры возобновляют tremolo тактов в двадцать на прежнем звуке, который теперь является уже не вводным тоном, а тоникой. Чем дальше, тем едва слышное сначала tremolo все усиливается, а другие инструменты, подвигаясь отрывочными, неоконченными маленькими фразками, при непрестанном гудении литавр, переходят в общее forte, и аккорд си-бемоль, наконец, полностью раздается в оркестре. Это удивительное crescendo одно из удачайших изобретений в музыке; с ним сравниться может только crescendo в знаменитом scherzo пятой симфонии. Да и то последнее, хотя и производит огромный эффект, но построено в более тесных рамках, оно не выходит из пределов главной тональности и представляет постепенный ход от piano к последней яркой вспышке. Но вышеописанное нами начинается mezzo forte, на некоторое время переходит в pianissimo с неясной, неопределенной гармонией, затем появляется в более выдержанных аккордах и развертывается во всем блеске лишь тогда, когда облако, застилавшее модуляцию, совершенно рассеялось. Слово река, спокойные воды которой вдруг пропадают и выходят из подземного русла лишь затем, чтобы с шумом и грохотом низвергнуться пенящимся водопадом.

Adagio не поддается анализу... Совершенство формы, чудная выразительность и неотразимая нежность мелодии не дают вниманию остановиться на удивительном искусстве, с которым написана эта часть. Волнение, сообщаемое с первых же тактов, под конец охватывает все ваше существо. Эту чудную страницу, созданную музыкальным гигантом, можно сравнить только с произведением поэта-гиганта. Действительно, adagio по впечатлению напоминает трогательный эпизод с Франческой да Римини в «Божественной комедии», который у Вергилия вызывает неудержимые рыдания, а Данте низвергает на землю, как «безжизненное тело». При звуках этой части кажется, что слышишь пение архангела Михаила, в задумчивости созерцающего вселенную с высот небесных.

Scherzo почти все состоит из ритмических фраз двухдольного размера, вставленных в трехдольные такты. Этот прием, часто применяемый Бетховеном, оживляет стиль, делает мелодические заключения неожиданнее, пикантнее. Вообще такая борьба ритмов отличается особенной прелестью, которую трудно выразить словами. Невольно ощущаешь удовольствие, когда как бы истерзанная мелодия появляется целиком к концу каждого периода, и прерываемая речь приходит в заключение к определенному и ясно выраженному выводу. Мелодия trio, проведенная в духовых инструментах, полна чарующей свежести; движение ее медленнее, чем во всем остальном scherzo, а маленькие раздражающие фразки в скрипках еще более оттеняют ее изящную простоту.

Живой, резвый финал написан в обыкновенной ритмической форме. Это поток блестящих звуков, продолжительный разговор, прерываемый иногда несколькими хриплыми, дикими аккордами, где еще раз проявляются гневные вспышки автора, о которых мы уже упоминали раньше...

Иного мнения о 4 симфонии была критика при первом ее исполнении; приговор ее был беспощаден: «Только самым ярост-

ным слепым поклонникам Бетховена может она понравиться; если он разольет чернильницу на лист нотной бумаги, то и это ими будет признано гениальным».

Симфония была издана фирмой Шрейфогеля и Веста, называвшеюся «Бюро промышленности и искусства», и посвящена графу Опперсдорфу, которому автор писал в 1808 году (по расseyанности помечено 1088).

Вена, 1 ноября 1088.

Добрейший граф!

Вы составили бы обо мне ложное мнение, если бы я не объяснил, что нужда заставила меня продать третьему лицу написанную для вас симфонию и вместе с нею еще одну. Но будьте уверены, что вскоре получите написанную для вас симфонию. — Вы и ваша супруга, которой прошу передать нижайший поклон, надеюсь, вполне здоровы. — Я живу как раз под князем Лихновским; на случай, если вам когда-нибудь угодно будет, при посещении в Вене графини Эрдеди, почтить меня тем же. Обстоятельства мои поправляются; я не нуждаюсь в тех, кто грубо третировал друзей своих. — Получил я также приглашение занять место капельмейстера у короля Вестфальского, которое, может быть, приму.

Прощайте и вспоминайте иногда вашего преданнейшего друга

Бетховена.

Из иноземных издателей, которые могли бы напечатать оперу и симфонию, автор предпочел фирму Брейткопф и Хертель, предложив свое новое произведение немедленно вслед за окончанием его за очень скромную плату, но долго еще не мог доставить рукопись, ибо ее задержал у себя граф Опперсдорф, да и сам автор отправился в маленькое путешествие, подробности о котором расскажем ниже. В переписке об этом издании значительное место занимают также условия выпуска в свет других выдающихся творений этого времени, напр.: квартетов ор. 59 и концерта ор. 58, причем автор настаивает всегда на платеже конвенционными монетами и по расчету серебряной двадцатигульденовой монеты, ценность коих была обусловлена договором большинства германских государств в 1753 году и получила особенное значение в период наполеоновских войн, когда финансы многих стран пошатнулись, и валюта многих монет стала весьма неустойчива.

К Брейткопфу и Хертелю в Лейпциге.

Вена, 5 июля 1806 года.

М. Г. Уведомляю вас, что брат мой по делам своим выезжает в Лейпциг и с ним присылаю увертюру моей оперы в переложении для фортепиано, мою ораторию и новый концерт для фортепиано — можете с ним также войти в соглашение относительно новых струнных квартетов, из которых один уже окончен и думаю теперь заняться преимущественно этой работой. — Как только вы придете к соглашению с моим братом, я перешлю вам весь клавираусдуг моей оперы; — можете получить также партитуру оной. — Я слышал, что в «Музыкальн. газете» меня разнесли за симфонию, которую послал вам в прошлом году и которую вы мне вернули обратно; я сам не читал этого, но если вы думаете повредить мне этим, то ошибаетесь, напротив, этим вы дискредитируете вашу газету, тем более, что я вовсе не делаю секрета из того, что

вы мне прислали обратно эту симфонию и некоторые другие композиции. Передайте мой привет г-ну ф. Рохлицу, надеюсь его озлобление против меня немного улеглось, скажите ему, что я вовсе не так невежествен в иностранной литературе, чтобы не знать, что г. ф. Рохлиц написал очень выдающиеся вещи, и если мне придется побывать в Лейпциге, то я уверен, что мы сделаемся добрыми друзьями без ущерба для его критики; также передайте поклон г-ну кантору Мюллеру, к которому питаю глубокое уважение, — прощайте

с почтением преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Бетховен, из галереи Брунсвика.

Грец, 3-го июля 1806 года.

М. Г. Несколько усиленная работа и маленькая поездка сюда помешали мне тотчас ответить на ваше письмо, — хотя я с места решил пойти навстречу вашим предложениям, каковые для меня подходящи и устраняют некоторые неминуемые затруднения — я охотно обязываюсь своих произведений никому, кроме вас, в Германии не давать и даже за

границу лишь в случаях вами указанных, именно: если я получу выгодное предложение от иноземных издателей, то сейчас же сообщу вам, и если вы выразите намерение, то поведу дело так, что ту же самую вещь для Германии вы получите от меня за меньший гонорар; второй случай: если я уеду из Германии, что весьма возможно, то в случае продажи моих произведений в Париже или Лондоне, я предупрежу вас и, если пожелаете, то одновременно предоставлю вам участие — если найдете эти условия подходящими, то сообщите — я думаю что это целесообразно для меня и для вас, — как только узнаю ваше мнение — можете сейчас же получить от меня 3 струнных квартета, новый концерт для фортепиано, одну новую симфонию, партитуру моей оперы и мою ораторию.

Относительно г. ф. Рохлица вы меня не поняли, я действительно от чистого сердца, без задних мыслей и двусмысленности просил передать ему поклон. — Также г. Мюллеру, которого я уважаю, как музыканта, — если можете сообщить что-нибудь интересное, то доставите мне большое удовольствие

с истинным почтением ваш Людвиг ван Бетховен.

NB. Останусь здесь в Силезии до конца осени у князя Лихновского, который вам кланяется — мой адрес: Л. в. Бетховену в Троппау.

18-го ноября 1806 года.

М. Г. Отчасти моя поездка в Силезию, отчасти события в вашей стране были причиной того, что я еще не ответил на ваше последнее письмо, — если обстоятельства мешают вам прийти к какому-нибудь соглашению со мною, то я не настаиваю, — но прошу сейчас же с первой почтой ответить, чтобы в случае, если вы не заключите со мною договора, — мои произведения не залежались бы. — Что касается 3-летнего контракта, то я готов заключить его сейчас же, если вы согласны, чтобы некоторые вещи я продал в Англию, или Шотландию, или во Францию; само собою разумеется, что вещи, которые вы от меня получите, или которые я вам продал, принадлежат только вам одним, т. е. вполне ваша собственность и ничего общего не имеют с посланными во Францию, или Англию, или Шотландию, — но за мною должно остаться право продажи других вещей в вышеназванные страны, — а в Германии вы остаётесь собственником моих вещей и никаких других издателей. — С удовольствием я отказался бы от продажи моих вещей в те страны, но, например, из Шотландии имею такие выгодные заказы и такой гонорар, какого я от вас никогда не мог бы потребовать, притом сношения с границей важны как для славы артиста, так и на случай путешествия, — притом, например, заказы из Шотландии оставляют за мною право продажи тех же вещей в Германии и во Франции, а потому вы могли бы, например, от меня легко получить их для Германии и Франции, — так что для сбыта теряется только Лондон и, может быть, Эдинбург (в Шотландии); — я с удовольствием заключил бы с вами контракт такого рода на три года, и вы все же много вещей получали бы от меня, так как заказы тех стран обыкновенно требуются в более индивидуальном роде, а в Германии нам этого не нужно, так как вы можете вполне довериться моему честному слову, каковое сим даю вам в том, что в Германии предпочитаю вас всем остальным, понятно, что эти произведения не могут быть проданы во Франции и Голландии — только вы единственнойшей обладатель — обсудите сами, но заключение контракта вызовет много хлопот, гонорар я вам назначал бы за каждую вещь — и возможно дешевле; — пока предлагаю вам 3 квартета и концерт для фортепиано, — обещанную симфонию не могу вам еще

дать, потому что одно высокопоставленное лицо взяло ее у меня, но за мною осталось право издать ее через полгода. — Предлагаю вам три квартета за 600 фл. и концерт за 300 фл.; обе суммы в конвенционных гульденах монетами в двадцать гульденов. — Лучше, если вы дадите aviso в том, что деньги находятся у вас или у какого-нибудь известного банкира, затем я выдам вексель на Лейпциг, — если этот порядок вам неудобен, то могу согласиться на пересылку мне векселя, точно рассчитанного по курсу и монетами в 20 фл.

Если представится возможность симфонию гравировать раньше, чем я мог надеяться, тогда можете ее иметь скорее. — Ответьте поскорее, — чтобы не задерживать меня, — во всяком случае, будьте уверены, что я предпочитаю всегда вашу фирму всем остальным и впредь предпочитать буду.

С почтением ваш покорный слуга Л. в. Бтхвн.

Вена, 18 ноября 1806 г.

Некоторые из тех же рукописей автор в письме, составленном на французском языке одним из приятелей, предложил Томсону, издателю в далекой Великобритании, щедростью которой Бетховен не раз пользовался.

К Георгу Томсону в Эдинбурге.

1-го октября 1806 г.

Милостивый государь!

Маленькая поездка, которую я совершил в Силезию, причиной тому, что я до сих пор откладывал ответ на ваше письмо от 1 июля. Наконец я возвратился в Вену и спешу вам сообщить свои соображения и решение относительно вашего предложения. При этом буду откровенен и точен, что вообще предпочитаю в делах и чем предотвращаются жалобы с одной и другой стороны. Итак, милостивый государь, ниже излагаю вам свои объяснения.

1. В общем я не прочь согласиться на ваши предложения.

2. Постараюсь сделать композиции легкими и приятными, насколько могу и насколько это можно соединить с той высотой и оригинальностью стиля, которые, по вашему собственному выражению, характеризуют мои произведения с выгодной стороны, и от коих я никогда не отступаю.

3. Я не могу решиться писать для флейты, так как этот инструмент слишком ограничен и несовершенен.

4. Чтобы издаваемым вами композициям придать более разнообразия и чтобы для себя оставить более широкое поле действия — в тех случаях, где они должны быть легкими и где это условие меня постоянно стесняло бы, обещаю вам только три трио для скрипки, альты и виолончели; также 3 квинтета для 2 скрипок, 2 альтов и одной виолончели. Вместо остальных трех трио и трех квинтетов пришлю вам три квартета и, наконец, две сонаты для фортепиано с сопровождением и один квинтет для двух скрипок и флейты. Одним словом, я вас просил бы в отношении затребованных вами композиций второго выпуска вполне довериться моему вкусу и моей исправности; уверяю вас, что останетесь вполне довольны. Если вам, наконец, эта замена ни в коем случае не желательна, то я не хочу упрямо настаивать на ней.

5. Мне будет приятно, если второй выпуск моих композиций выйдет в свет через шесть месяцев после первого.

6. Мне нужно точное объяснение выражения, которое я нашел в вашем письме, — чтобы ни один экземпляр моих произведений не был бы

ввезен в Великобританию; потому что, согласитесь, если эти композиции должны быть изданы в Германии и даже во Франции, то каким образом мог бы я помешать ввозу их в ваши страны.

7. Наконец, что касается гонорара, то я ожидаю, что вы мне предложите 100 фунтов стерлингов или 200 венских дукатов золотом, но не в венских банковых билетах, каковые при настоящих обстоятельствах слишком много теряют, и сумма эта в билетах так же мало соответствует произведению, которое я вам пришлю, как и гонорару, который я вообще получаю за все свои остальные композиции. А гонорар в 200 дукатов золотом не был бы чрезмерной платой за выполнение всех ваших требований.

Наконец, лучше всего было бы платежи установить так, чтобы к тому времени, когда я вам вышлю первую и вторую серии произведений, мне каждый раз высылали бы почтой вексель в сто дукатов золотом на какой-нибудь торговый дом в Гамбурге, или, если вы поручите кому-нибудь в Вене каждый раз выдавать мне такой вексель при получении от меня первой и второй серии.

Вместе с тем сообщайте мне день выхода каждого выпуска, чтобы я мог обязать издателей, которые выпустят те же произведения в Германии и во Франции, сообразоваться с этим сроком.

Надеюсь, найдете мои объяснения основательными и устанавливающими наше соглашение. В таком случае было бы хорошо заключить формальный контракт, каковой будьте добры приготовить *in duplo*, причем я возвращу вам один экземпляр, подписанный мною.

Ожидаю только вашего ответа, чтобы приступить к работе, с отменным почтением,

милостивый государь, ваш преданный слуга Луй ван Бетховен.

P. S. С удовольствием исполню ваше желание и снабжу мелкие шотландские песни гармоническим сопровождением; ожидаю в этом отношении более определенного предложения, так как мне известно, что господину Гайдну платили за каждую песнь фунт стерлингов.

Вероятно, с целью заработка написаны Бетховеном в конце 1806 года 32 вариации (сер. 17 № 20) для фортепиано, подобных которым композитор издал немало, сознавая, в то же время, что это плоды работы заурядной, вынужденной, лишенной выдающихся художественных красот. Посетив, спустя несколько лет, приятеля, фортепианного фабриканта Штрейхера, Бетховен заметил, что дочь его бьетса над какою-то знакомою ему пьесой

— Что это за вздор? — спросил он девицу.

— Ваши 32 вариации, — ответила смущенная пианистка.

— Мои?.. Это моя пошлая пачкотня!.. О Бетховен, каким образом ты проявил себя!

Таким эпитетом, вероятно, не раз величал бы себя гениальный симфонист, если бы полностью осуществились его оперные вожделения.

В конце 1806 года барон Браун принужден был сложить с себя звание директора королевских театров, и управление последними было поручено комитету, в состав которого вошли князья Лобкович, Эстергази и Шварценберг, покровители Бетховена. Это обстоятельство вновь возбудило в последнем мечты о возобновлении «Фиделио»; он уже рисовал в воображении своем полный зал зрителей, шумный успех, огромные сборы; фантазия подсказывала ему возможность получить звание придворного оперного композитора, писать постоянно драматическую музы-

ку, иметь обеспеченное положение, достаточный оклад жалованья, бесплатную квартиру и т. п. Неотвязчивая мысль об осуществлении этого намерения привела композитора к составлению прошения, поданного в дирекцию театров, где он предлагает ежегодно сочинять для театра что-либо, даже *Gelegenheitsstück* или *pièce d'occasion*, шаблонное произведение, обыкновенно небольшое по размерам, написанное по случаю чествования какого-нибудь события.

В дирекцию придворных театров.

Нижеподписавшийся смеет льстить себя надеждою, что в продолжение своего пребывания в Вене успел приобрести благосклонность и расположение как со стороны высшего дворянства, так и остальной публики, а также встречал постоянно лестный прием своим произведениям здесь и за границей.

При всем этом приходилось бороться с различного рода препятствиями и до сих пор не посчастливилось ему создать себе здесь положение, которое соответствовало бы его желанию посвятить себя исключительно искусству, развить свои способности в еще более высокой степени совершенства, что должно составлять цель всякого истинного художника, и обеспечить себя для независимой жизни в будущем определенным доходом, каковой до сих пор был только случайным. Так как нижеподписавшимся издавна руководили вообще стремления не только к добыванию хлеба насущного, сколько влечение к искусству, развитие благородства в стиле, полет своего гения к высшим идеалам, к совершенству, то поэтому нередко приходилось ему приносить выгодное и прибыльное в жертву музе. Тем не менее, произведения его стяжали ему таким путем в отдаленных государствах славу, которая обеспечила ему благосклонный прием во многих известных странах и положение, соответственное его талантам и познаниям.

Несмотря на это, нижеподписавшийся не может скрыть, что проведенный им здесь ряд лет, расположение и поощрение, оказанные ему со стороны всех слоев общества, желание вполне осуществить надежды, которые ему посчастливилось пока только возбудить, и, да позволено будет ему заявить, патриотическое чувство немца, делают для него дальнейшее пребывание здесь более желательным и более удобным, чем где-либо в ином месте.

Поэтому, прежде чем решиться оставить настоящее, дорогое ему местопребывание, и принять приглашение, которое его светлость, владетельный князь Лобкович, милостиво сделал ему, нижеподписавшийся вынужден высказать желание, дабы почтенная театральная дирекция благоволила ангажировать его на службу в подведомственных ей театрах на подходящих условиях и предоставила бы должность, приличествующую его положению и соответствующую его намерениям относительно развития своих способностей. Так как таковы желания нижеподписавшегося, то последний, вместе с готовностью принять должность, позволяет себе почтительно предложить уважаемой дирекции благосклонно принять следующие условия:

1) Он принимает обязательство ежегодно сочинять не менее одной большой оперы, либретто коей он выбирает совместно с почтенной дирекцией. За это он требует себе определенное годовое жалованье в 2.400 гульденов и в пользу свою полный сбор с третьего представления каждой подобной оперы.

2) Он обязуется безвозмездно доставлять, по требованию почтенной дирекции, ежегодно небольшую оперетту или дивертисмент, либо хоры, или же какие-нибудь пьесы на случай, хотя надеется, что почтенная

дирекция, во всяком случае, позволит ему за подобную добавочную работу устраивать ежегодно один бенефисный концерт в одном из театров.

Если принять в соображение, сколько требуется труда и времени для сочинения оперы, совершенно исключаящей всякое постороннее умственное занятие; если затем иметь в виду, что в других городах автор и его семейство пользуются правом на известную часть дохода с каждого представления, что одно удачное представление разом может осчастливить автора; если принять в соображение невыгодный денежный курс и высокие цены на все предметы первой потребности, с чем должен считаться здешний музыкант, которому, впрочем, открыт путь за границу, то вышеозначенные условия, наверное, не покажутся преувеличенными или неумеренными.

Во всяком же случае, будет ли настоящее предложение принято почтенной дирекцией или нет, нижеподписавшийся присовокупляет еще просьбу: представить ему на один день одно из театральных зданий для устройства концерта, ибо, на случай принятия его предложения, нижеподписавшемуся необходимо было бы немедленно посвятить свой досуг и силы сочинению оперы, и он не имел бы возможности работать для побочных доходов. В случае же непринятия настоящего предложения, нижеподписавшийся считал бы дозволение устроить концерт, разрешенный ему еще в прошлом году, но вследствие различных препятствий не состоявшийся, последним доказательством высокого благоволения и просил бы в первом случае назначить ему день Благовещения, а во втором — какой-нибудь день на предстоящих Рождественских праздниках.

Людвиг ван Бетховен т. р.

Вена, 1807 года.

Быть может, провал «Фиделио» послужил поводом для членов дирекции отклонить предложение знаменитого композитора; или их смущала все более возрастающая глухота его; или члены дирекции, вроде графа Пальфи, недолголюбившего Бетховена, повлияли на участь прошения. Во всяком случае, его не удостоили даже ответом, хотя предложение композитора было не окончательное, он готов был уменьшить свои требования, что видно из записки к неизвестному лицу, вероятно, поэту или либреттисту, Коллину или Трейчке, принимавшему участие в осуществлении его проекта; в этой же записке говорится, между прочим, о воспалении пальца, от чего Бетховен сильно страдал в это время и едва не лишился его.

Милостивый государь, господин собрат, я согласен на это, если только удастся получить письменное ручательство в уплате 2.000 фл. за оперу. — Охотно отказываюсь от права пользования театром один раз в течение года, хотя заранее убежден, что такие дни будут даны также в этом году только недостойным; что же касается концертного зала, то я подумаю.

Милостивый государь, собрат мой, прощайте! Отправьтесь в ваши светлейшие, королевские, поэтические страны; я же не менее позабочусь о своих музыкальных. — Колики уже проходят, — но мой бедный палец должен был пережить вчера сильную операцию ногтя. Вчера, как я вам писал, он выглядел ужасно, а сегодня совершенно ослабел от боли.

NB. Сегодня я не могу еще выходить, но надеюсь быть завтра в Г.

Чтобы развлечься и удалиться хоть временно от места, где все напоминало о печальной участи оперы, Бетховен, несмотря на свой тощий кошелек, собирается в поездку по Венгрии и Силезии, где намеревается погостить в имениях своих венских покровителей. Брат его Иоганн незадолго перед тем поселился в Линце, открыл там аптеку и положил основание изрядному впоследствии достатку; к нему-то обратился композитор за помощью и занял необходимую для путешествия сумму.

«Бетховен, — писал Стефан Брейнинг, — находится теперь во владениях графа Лихновского, где намерен остаться до конца этого октября. Его положение довольно шаткое, потому что опера его, вследствие интриг, ставили очень редко, и она ему не дала почти ничего. Настроение духа его вообще меланхоличное, но, судя по письмам его, пребывание в деревне не имело того благотворного влияния, о котором он мечтал».

Раздражительность его вызвала преждевременный выезд из имения Лихновского. Однажды вечером хозяева и гости, состоявшие большею частью из офицеров победоносной французской армии, стали упрашивать Бетховена сыграть что-нибудь, но упрямый артист, не способный неволить свою музу и далеко не склонный услаждать слух врагов своего отечества, нашедших радушный прием в замке австрийского владетельного князя, решительно отклонял все просьбы; тогда хозяин, изощрявшийся в стремлении *faire bonne mine au mauvais jeu*, заметил ему, шутя, что в своем владении он пользуется значительными правами и может заключить в тюрьму непокорного виртуоза. Бетховен, возмущенный такой угрозой, в ту же ночь отправился в ближайший город Троппау, взял там почтовых лошадей и через день был уж в Вене.

Ливень сопровождал беглеца и промочил не только его, но даже рукопись, оконченную им в деревне и уложенную в дорожный сундучок; это была соната op. 57, обширная по размеру и величественная по стилю, что не помешало издателю прицепить к ней кличку *Appassionata*, сохранившуюся поныне.

О первой части этого произведения Бисмарк, вообще страстно любивший сонаты Бетховена, сказал: «Если бы я чаще слушал эту музыку, то был бы гораздо мужественнее». Относительно происхождения финала этой сонаты Рис рассказывает:

Скитание зимою по улицам Вены, по крепостным валам и пригородам, а летом по лесам и долам было страстью Бетховена; в жаркий полдень он шагал по тропинкам на склоне Каленберга, скидывал с себя сюртук, потом жилет и, привязав их к палке, нес на плече до ближайшего леса, где ложился в тени деревьев, предаваясь мечтам и вдохновению. Однажды, — продолжает Рис, — я гулял с ним (вероятно, в 1804 году) долго и только поздно вечером, поблуждав по полям, возвратились мы в Деблинг; он все время что-то мурлыкал, а я, конечно, молча следовал за ним. Войдя к себе, он направился к фортепиано и целый час подбирал что-то. Взор его все становился радостнее, пламя вдохновения вспыхивало в нем; обратившись ко мне, он сказал:

— Сегодня я не могу дать вам урока, мне надо работать, я нашел финал сонаты.

Это был финал сонаты F-moll op. 57.

Еще не успела рукопись обсохнуть, как композитор понес ее к известной пианистке того времени, Марии Биго, с просьбою сыграть сонату. Имя этой артистки стоит в ряду красавиц, которыми Бетховен увлекался, а потому не лишним считаем сказать о ней здесь несколько слов.

Мария Кине родилась в Кольмаре, 3 марта 1786 года; в восемнадцатилетнем возрасте вышла она за Биго, библиотекаря графа Разумовского, в двадцать лет уже славилась своею виртуозностью, в 1809 году переселилась в Париж, где умерла 16 сентября 1820 года. Старик Гайдн, впервые слышав ее, был вне себя от восторга.

— Дочь моя, — воскликнул он, — вы играли не мое сочинение; это ваша музыка! — При этом он сделал надпись на нотах исполненной пьесы: «20 февраля 1805 года Иосиф Гайдн был счастлив». В другой раз, играя одну из сонат Бетховена, она вызвала аналогичное восклицание автора, менее галантного и менее щедрого на похвалу.

— Я совершенно не думал придавать этой пьесе того характера, который вы подчеркнули; хотя это не мое, но, пожалуй, еще лучше.

Восхищение артисткою не замедлило перейти в увлечение красавицею, затем последовали странные выходки композитора, не всегда скрывавшего свои сердечные волнения; пошлы сплетни, вызвавшие разлад среди приятелей. Сохранившиеся письма Бетховена к мужу и жене Биго (1808 г.) достаточно рисуют их взаимные отношения.

Мой милый, добрый Биго!

Я хотел вчера прийти к вам, чтобы исполнить свой долг, но мне помешали. Так как, может быть, сегодня также я не буду в состоянии прийти, то обращаюсь письменно. Прошу вас поблагодарить г-жу Моро за то удовольствие, которое она доставила мне. Впрочем, помимо ее старания, я провел бы вечер с вами приятно. Прощайте и не целуйте вашу жену слишком часто

весь ваш Бетховен.

Господину Биго.

Лишь только возвратился я домой, как получил от моего издателя это письмо, полное упреков относительно задержки концерта — пришлите, пожалуйста, фортепианную партию его — вскоре все получите обратно — как мне было жаль сегодня, что не мог идти с вами, но необходимо было переговорить с князем Лихновским — я знаю, вы не поверите, что я пожертвовал бы князем ради вас и милейшего для меня общества ваших, нет, не правда ли, вы этого не сделали бы — я опять забыл, в котором часу придут к вам завтра З. и К., напомните мне еще раз.

Целуйте чаще вашу жену — не могу упрекать вас за это — передайте поклон упряменькой Каролине — и скажите, что завтра опять придут, чтобы слушать ее игру.

ваш Бетховен.

Г-же Марии Биго, уржд. Кине.

Многоуважаемая и любезная моя Мария!

Погода так хороша; а кто знает, будет ли так завтра? Предлагаю вам поэтому прогулку в экипаже, для чего зайду за вами сегодня около 12 часов. — Так как Биго, вероятно, уже нет дома, то мы не можем, конечно, взять его с собой; — но он сам не захотел бы, чтобы из-за этого мы отказались от прогулки. Теперь лучшее время до полудня; — почему не воспользоваться минутами, так быстро исчезающими. — Просвещенная и образованная Мария не способна отказать мне в величайшем удовольствии, из боязни каких-либо сплетен. — О, какие бы причины вы не привели, не приняв моего предложения, я все припишу только недостатку доверия по отношению к моей личности; — и никогда не поверю, что вы относитесь ко мне вполне дружелюбно. — Закутайте Каролину в пеленки с головы до ног, чтобы с нею не случилось чего. Ответьте мне, милая моя М., можете ли вы, — я не спрашиваю, хотите ли, — потому что последнее не может быть в мою пользу, — итак, напишите только в двух словах: да или нет. — Прощайте и постарайтесь, чтобы я удостоился удовлетворить свой эгоизм, наслаждаясь красотами чудной природы в обществе двух лиц, в которых принимаю столь близкое участие.

Ваш друг и почитатель Л. в. Бетховен.

Супругам Биго.

Дорогая Мария, дорогой Биго.

Одно лишь глубочайшее сожаление испытал я, узнав, что самые чистые, невинные чувства часто могут быть непонятны. — Вы принимали меня так радушно, что я мог себе объяснить это только тем, что вы дарите меня своей дружбой. — Вы должны были бы считать меня очень тщеславным и мелочным, если бы предположили, что внимание такой превосходной личности, как вы, могло бы навести меня на мысль, будто я завоевал ее расположение. — Во всяком случае, один из главных моих принципов — не быть в иных отношениях с чужими женами, как только в дружественных; я не хотел бы, ради подобных обстоятельств, наполнить свою душу сомнениями по отношению к той, которая, быть может, разделит когда-нибудь со мною судьбу, — и оквернить столь прекрасную, непорочную жизнь. — Может быть, иногда я шутил с Биго недостаточно прилично; но ведь я вам сказал сам, что бываю иногда очень невежлив. — Со всеми моими друзьями я бываю совершенно прост и ненавижу малейшую принужденность. Биго же я причисляю к своим друзьям. Если он находит во мне что-нибудь возмутительное, то дружба требует того, чтобы вы или он сказали мне об этом. — И я постараюсь впредь не огорчать его. Но возможно ли, чтобы добрая Мария так зло относилась к моим поступкам.

Что же касается моего приглашения проехаться с вами и Каролиной, то, после того, как, днем раньше, Биго воспротивился вашей пощадке со мной, с моей стороны было естественно думать, что вы оба находите это неприличным и предосудительным. И если я вам писал, то хотел дать понять, что не нахожу в этом ничего, настаивая на том, чтобы вы мне не отказали, я хотел только побудить вас воспользоваться прекрасным, чудным днем. При этом я больше думал о вашем удовольствии и об удовольствии Каролины, чем о своем, полагая, что таким путем т. е. если скажу, что буду обижен вашим недоверием или отказом, почти заставлю вас исполнить мою просьбу. — Вам следовало бы, прямо, подумать о том, как вознаградить меня за то, что испортили мне

этот чудный день, как в отношении моего настроения, так и в отношении прелестной погоды. Ваше теперешнее мнение обо мне показывает, что я был прав, когда говорил, что вы меня не понимаете и что я даже не думал о том, что вы в этом случае представляли себе. А когда я сказал, что ничего плохого не могло бы быть, если бы я пришел к вам, то ведь это была скорее шутка с целью показать вам, как меня все тянет к вам и что во мне нет большого желания, как жить всегда близ вас; и это — правда. Предположим даже, что во всем этом был умысел, но ведь в самой идеальной дружбе часто может иметь место тайна; даже в этом случае вы не должны были так толковать тайну друга, потому только, что ее нельзя было отгадать сразу.

Милый Биго, милая Мария! вы никогда, никогда не можете найти во мне отсутствия благородства. — С детства уже научился я любить добродетель — и все прекрасное и высокое. — Вы причинили моему сердцу много страданий. — Пусть же все это послужит только к тому, чтобы упрочить нашу дружбу. — Мне, право, сегодня скверно и трудно повидать вас. Со вчерашнего дня, после квартетов, мне все кажется, что я причинил вам неприятность; этою ночью я пошел в Редут, чтобы рассеяться, но напрасно: всюду преследовали меня образы всех вас и твердили мне о том, что вы так добры и страдаете из-за меня. — С негодованием поспешил я оттуда. — Напишите мне несколько строк.

Ваш истинный друг Бетховен обнимает вас всех.

Библиотекарю Биго.

Любезный Биго!

Уже несколько дней меня мучит лихорадка — и в ту минуту, как я хотел зайти к вам, у меня начался сильнейший приступ и лежу теперь в постели — последствия простуды — в тепле мои силы восстановятся и потому надеюсь завтра будет уже лучше — вот причина моего ухода.

Всего лучшего вашим от вашего

вполне преданного вам Л. в. Бетховена.

Так как не могу представить вам *sahiers* моей премудрости, моей начитанности и т. п., то посылаю вам кое-какие *sahiers* моей фантазии. — Вчера вечером хотел пойти к вам, но вовремя вспомнил, что по субботам вы не бываете дома, — я вполне понимаю, что должен бывать у вас или очень часто, или вовсе нет — не знаю на что решиться, но почти уверен, что надо выбрать последнее, — потому что этим раз навсегда избегну обязанности бывать у вас

весь ваш Бетховен.

Когда композитор возвратился в Вену из имения Лихновского, то отношения между ним и семьей Биго были еще дружественные. Все еще мокрую рукопись сонаты ор. 57 автор поспешил отнести к талантливой пианистке, которая с листа безошибочно сыграла всю пьесу, за что получила в подарок от автора один из первых печатных экземпляров ее.

В том же году написано другое выдающееся произведение — увертюра «Кориолан», также проникнутое величием и мощью.

Это — сравнительно мало популярная пьеса великого поэта-музыканта и безусловно одно из замечательнейших произведе-

ний его, — говорит Р. Вагнер. — В хорошем исполнении она может произвести глубокое впечатление на слушателя, знакомого с содержанием ее. Этой симфонической поэмой (ор. 62), написанной в одну ночь под впечатлением трагедии драматурга и либреттиста Коллина, композитор, быть может, имел намерение склонить последнего к совместной работе; по крайней мере, вскоре после первого исполнения увертюры (в декабре 1807 г.) Коллин приступает к обработке либретто «Макбета» для Бетховена, отделяет первый акт, строго следуя изложению Шекспира, но затем бросает работу эту, найдя сюжет драмы слишком мрачным для музыкальной иллюстрации; предпочтя содержание другого произведения, «Брадаманте», Коллин усердно занялся составлением либретто, но и тут работа оказалась безуспешной, так как композитор вскоре отклонил этот фантастический сюжет.

Я знаю, что вы, почтеннейший мой Коллин, хотите осуществить мое высшее желание и вместе с тем ваше намерение. Несмотря на всю готовность, выраженную мною вам словесно, я теперь еще очень занят, причина только в этом, а не в невнимании к вам. Вот вам «Армида»; по миновании надобности, прошу прислать обратно, так как она не принадлежит мне.

Ваш истинный почитатель Бетховен.

Получив такую записку, Коллин отправляется к другому композитору, Иоганну Рейхарду (1752 — 1814), ныне более известному своими литературными трудами по музыке, и начинает с ним переговоры об опере. Об этом узнает Бетховен и вновь направляется Коллину в сотрудники, уверяя его, что его ноты (Noten) не принесут беды (Nothen) либреттисту.

Господину фон Коллину.

Это письмо 8 дней тому назад написано, но не отправлено.

Великий и гневный поэт, оставьте Рейхарда — позвольте мне положить на музыку ваши стихи; уверяю вас, что не пожалеем о таком положении — я теперь очень занят своим концертом, но надеюсь, что все пройдет вполне удачно, и как только освобожусь, то приду к вам, и мы займемся оперою, — она вскоре прозвучит — впрочем, о ваших жалобах относительно меня, которые раздаются повсюду, поговорим при встрече — если же вы серьезно решили поручить Р. сочинение вашей оперы, то прошу вас немедленно сообщить мне.

С почтением преданный вам Бетховен.

Моя квартира 1074 Krugerstrasse в первом этаже у графини Эрдеди.

К нему же обращается Бетховен с просьбой о содействии в получении театра для своего концерта, что в значительной степени зависело от фон Хартля, ближайшего помощника и уполномоченного дирекции королевских театров.

К г-ну фон Коллину, придворному секретарю.

Дорогой друг, обращаюсь к вам с просьбою. Вы помните, вероятно, то письмо, что мне написали, когда г. ф. Хартль дал вам поручение относительно концерта в пользу бедных артистов театра. Сообщение это было для меня настолько радостно, что я сейчас же отправился с этим письмом к моему другу Брейнингу, чтобы показать ему. Но случилось

так, что я его там оставил. Насколько я припоминаю, содержание его было такое: «вы мне писали, что говорили с г. ф. Хартлем относительно дня концерта, и что он вам поручил написать мне, что если в нынешнем году я дам концерт в пользу нуждающихся театральными артистами и сам буду дирижировать выдающимися произведениями, то могу сейчас же назначить день концерта в театре «An der Wien» и мог бы также ежегодно один раз иметь театр на этих условиях. Vive Vale». Я уверен, что письмо было именно таково. Надеюсь, вы не откажетесь его написать теперь вновь. Не нужно ни дня, ни числа. С этим письмом я хочу пойти к г. ф. Хартлю.

Может быть, оно произведет некоторое впечатление, и я получу то, что он обещал мне и вам. Через несколько дней увижусь с вами. Работа и неприятности мешали мне сделать это раньше.

Весь ваш Бетховен.

Поразительны энергия и трудоспособность композитора, пережившего в эту эпоху немало неудач и разочарований и все же создавшего ряд лучших своих произведений с яркими чертами оригинальной индивидуальности и самобытности автора, не понятными многими современниками его.

По времени сочинения и по характеру своему соната ор. 57, как и ор. 54, родственны трем квартетам ор. 59, посвященным графу Разумовскому, русскому послу при венском дворе. Квартеты эти были встречены всюду недружелюбно, даже знакомые нам приятели автора, игравшие в так называемом квартете Шупанцига и вполне освоившиеся с манерой и стилем Бетховена, сыграв № 1 (F-dur) этой серии, стали смеяться над композиторами, якобы задумавшим позабавиться несообразным нагромождением звуков. Композитор Гировец, встретив приятеля, купившего квартеты ор. 59, заметил ему, что это брошенные деньги. В 1812 году, при исполнении квартета № 1 у графа Салтыкова в Москве, один из партнеров, знаменитый виолончелист Бернгард Ромберг, бросил свою партию на пол и стал топтать ногами «навязываемую ему чепуху».

Переход от квартетов ор. 18 к ор. 59 кажется крайне резким, непонятным, странным, если не иметь в виду целого ряда композиций иного рода, симфоний, фортепианных сонат и т. и., составляющих связующее звено; после шестого квартета ор. 18, этой незамысловатой гаммы настроений, проникнутых наивной лаской, детским задором, здоровым, беззаботным юмором в строгих рамках, предписанных наставниками, седьмой квартет Бетховена (ор. 59, № 1) поражает глубиной замысла, независимостью, величием и мощью, до тех пор неведомыми в области камерной музыки. Там, в ор. 18, пред нами был молодой композитор, находивший удовольствие в создании произведений, подобных тем, которыми Моцарт и Гайдн услаждали слух современников; здесь — опытный мастер, искусившийся в создании ряда замечательных произведений, уже признанный публикою, с определенно сложившимся характером философски мыслящего и высоко благородного борца за идеал, уже испытывавшего удары судьбы; полет фантазии его, стесненный традиционными рамками, еще не разрушает форм, завещанных наставниками, но расширяет и разбивает их, вливает в них то бесконечно богатое содержание, которое отныне становится истинным достоянием камерной музыки и в этом виде остается образцом для всех последующих композиторов.

Квартет F-dur в 1-й части своей полон разнообразия настроений, неожиданных оборотов музыкальной мысли, то нежно ласкающих, то героически смелых; в пределах установившейся формы, сочетания и колориты звуковых масс производят впервые впечатление симфоническое, оркестровое, напоминающее местами валторну и арфу; еще более замечательна 2 часть, в красивых, законченных, смело развитых формах заключающая обилие музыкальных идей, разбросанных в виде коротких тем, то механически переплетающихся, то органически свивающихся в одну из лучших звуковых картин, в наиболее вдохновенное, чарующее скерцо. В отношении художественности еще выше стоит 3 часть, по количеству и строению тем представляющая контраст 2-й части; там их добрая дюжина, там они порою бледны, мало содержательны, там они кратки и лишь своими сплетениями создают красивые звуковые узоры; здесь, в 3 части, лишь две темы, из коих первая — певучая, длинная, интересная, с определенным, выдержанным настроением; начинается она 1-ю скрипкою как-то робко, мечтательно, затем переходит к виолончели, где повторяется более решительно, более выразительно, в более высоком регистре. Насколько вторая тема, представляющая собою разложение двух основных трезвучий на протяжении двух тактов, неинтересна сама по себе, настолько же поразительно развитие ее, переливы ее по верхним регистрам скрипки и виолончели, переходящей, после спокойной, плавной кантилены, в необыкновенный лихорадочно-возбужденный аккомпанемент *pizzicato* тридцать вторыми. В 1-й скрипке встречается здесь другая оригинальность: в конце этого *adagio* она, будто подражая руладам россиниевских опер, мчится шестьдесят четвертыми на протяжении шести тактов и затем останавливается pedalю на доминанте к основному тону 4 части, чтобы своею трелью в 8 или 9 тактов набросить фон для прелестного звукового узора, исполняемого виолончелью. Было ли то просто в угоду графу Разумовскому, которому посвящены три квартета ор. 59, или иные соображения руководили автором, — осталось невыясненным; тем не менее в финале 1 и в *allegretto* 2 квартета встречаются народные русские мелодии, взятые в почти неизменном аутентичном виде, но обработанные в совершенно немецком стиле, без малейших признаков *couleur local*. Впрочем, Карл Черни объясняет появление этих русских мелодий в квартетах ор. 50 статьями «Всеобщей музыкальной газеты» о русской музыке, которыми Бетховен зачитывался и нотные приложения к коим он описывал, высказывая намерение в каждом квартете впредь разрабатывать по одной русской мелодии. Плясовая мелодия, начинающая 4 часть 1 квартета, полная энергии и стремительности, в блестящей разработке Бетховена и в исполнении таких артистов, как «Чехи», точно обуреваемые избытком жизненных сил, производит впечатление волшебного каскада, в брызгах которого отражается калейдоскоп самых причудливых звуковых арабесок. В заключение 1-я скрипка растягивает эту плясовую тему в *adagio* (9 тактов), тема точно теряется в *ppp*, *sempre perdendosi*, но следующие 9 тактов *presto* и *ff* достойно завершают эту бесподобную звуковую картину.

Во 2 квартете (e-moll) из оп. 59 композитор прибавляет еще одну архитектурно-тоническую черту к заимствованному у предшественников своим: он требует в 1 части не только повторения 1 отдела, но даже 2-го отдела, что вызвало бы чрезмерную растянутость этой части и, несмотря на красоты ее, утомляло бы слушателя, если бы все исполнители, с Исааком во главе, не отвергали повторения 2 отдела; также более объемисто здесь, чем в ранних квартетах, *adagio*, полное мечтательности и эпизодов хорального свойства, набросанных, по словам Хольца, в одну из светлых звездных ночей, по возвращении с прогулки по окрестностям Бадена. *Allegretto* же, краткое по объему и как бы возвещающее скорое появление мазурок Шопена, растянуто опять требованием автора относительно повторения, причем

Бернгард Ромберг.

вторая часть *Allegretto* должна быть повторена 4 раза, а вторая часть (*Maggiore*, основанное на мелодии русской святочной песни) повторяется два раза. Финал этого квартета считается одним из замечательнейших произведений Бетховена; доброе, к концу жизнерадостное настроение, движение энергичное, обороты смелые, решительные, порою проникнутые юмором — таково содержание этого классического по форме рондо, этой вакхической пляски, полной огня и блеска.

Трудность передачи словами прелестей квартета C-dur (оп. 59, № 3) вызвала обширнейшие трактаты о нем; много было исписано страниц в погоне за красноречием и поэтичностью изложения, много было приведено нотных отрывков, снабженных мудрыми коммента-

риями, долженствующими убедить читателя в недосыгаемости прелестей квартета, но, конечно, никто не достиг последнего так легко и так успешно, как Бетховен, не давший ни одной строки поэтической программы, ни одного научного комментария к этому произведению. Один отводит квартету C-dur в камерной музыке место, соответствующее «Эроике» среди симфоний; другой (Маркс), исходя из тех же качеств квартета: красоты форм, мощи, мужественного, бодрого настроения, переходящего от спокойного мечтания к победным кликам, проводит аналогию с 5 симфонией; третий находит родство с квартетом C-dur (оп. 465) Моцарта, также начинающимся мучительно-грустно интродукцией; четвертый сравнивает с прелестным квартетом E-dur Керубини, также богатым оркестровыми красотами, хотя Бетховен трактовал всегда оркестр симфонически, а Керубини — по старооперному. Первые две части квартета C-dur не менее богаты содержанием, не менее вдохновенны, не менее очаровательны, чем последние две, но едва ли способны произвести столь глубокое впечатление, как грациозный менуэт, переносящий воображение слушателя в седую старину, предшествующав-

шую даже Моцарту и Гайдну, или непосредственно за менуэтом следующий финал, где фугированное вступление основано на теме альты, на мелодическом узоре, проникнутом томительным, мучительным ожиданием (вызванным отчасти вследствие доминантового строя 2-го такта темы), страстными порывами первых фраз, широко раскинувшимися голосами четырех инструментов, звучащих здесь целым оркестром; вторичное появление главной темы в партии альты и вновь фугированное проведение ее сопровождается выдержанными аккордами других инструментов, несколько смягчающими бурю страсти; но ненадолго смирился мятежный дух, и не могут его успокоить две неожиданные задержки (*fermato*): стремглав мчится первая скрипка вниз, точно в адскую пучину, где бурно рокочет с другими тремя коллегами, и затем в бешеном вихре, ликующими возгласами оглашая доли и горы, взлетает к заключительным трем аккордам, которыми исчерпывается квартет, но не исчерпывается впечатление, производимое им под смычком талантливых исполнителей и, в особенности, при участии такого вдохновенного альтиста, как знаменитый Недбаль.

Издание квартетов в Англии автор предоставил Муцию Клементи, для переговоров с которым в помощь себе пригласил швейцарца Трекслера, молодого человека, вращавшегося в кругу венских артистов, а вскоре затем получившего кафедру философии в Бернском университете.

К господину фон Трекслеру. В Вене.

Любезный доктор! Тысячу благодарностей за ваши заботы обо мне, если бы я получил это сообщение раньше, то избежал бы несколько тяжелых дней. — Баденская почта самая жалкая, она похожа на все свое государство, только сегодня я получил ваше письмо. — Если можно, то ждите меня завтра утром между 9 и 10 час. у себя. — Я приеду в Вену, — мне хочется с вами пойти к Клементи, своею игрою я лучше сумею объяснить с иностранцем, чем разговором. Еще раз шлю вам живейшую благодарность за ваше дружественное ко мне отношение и за ваши услуги.

Привет Мальфати.

Не забывайте вашего друга Бетховена.

Сговорившись с Клементи об условиях издания, композитору предстояло доставить рукопись, но имевшиеся дома копии были полны ошибок; пришлось обратиться к графу Брунsvику, у которого имелся исправленный экземпляр и просить о скорейшей присылке квартетов; в этом же письме композитор сообщает Брунsvику о женитьбе общего их приятеля, скрипача Шупанцига, на такой же, как он, дородной девице, и, вместе с тем, намекает на существовавшую тогда моду ставить памятник знаменитому артисту еще при жизни его в имениях частных лиц, как сделал граф Гаррах, воздвигнув в 1703 году у себя монумент в честь Гайдна.

К графу Брунsvику в Венгрию.

11-го мая 1806 года.

Дорогой, дорогой Б! спешу сообщить, что с Клементи я устроился очень хорошо: — я получаю 200 фунтов стерлингов и к тому же еще могу продавать те же произведения в Германии и Франции. — Кроме

того, он сделал мне еще несколько заказов, так что могу надеяться уже в молодые годы получить звание настоящего музыканта.

Мне нужны, дорогой Б., квартеты; я просил уже твою сестру написать тебе об этом. Пока она перепишет их с моей партитуры, будет очень долго, поэтому поспеши и пришли мне их прямо по почте; — ты получишь их обратно не позже 4 или 5 дней. — Очень прошу тебя об этом, не то могу из-за этого много потерять.

Если можешь постараться, чтобы венгерцы пригласили меня дать у них несколько концертов, то устрой это. — Вы можете иметь меня за 200 дукатов золотом. — В таком случае привезу также свою оперу. — С титулованною театральною сволочью я никак не створюсь. — Когда мы (несколько amici) пьем твое вино, то опаиваем тебя, т. е. пьем за твое здоровье. Прощай! Спешу, спешу с присылкой квартетов, не то можешь поставить меня в ужасное положение.

Шупанциг женился! говорят, на особе, очень похожей на него. — Вот семья??? Поцелуй твою сестру Терезу. Скажи ей, что боюсь, что стану великим и без ее памятника. Пошли немедленно завтра же квартеты. Квар-теты-т-е-т-ы.

Твой друг Бетховен.

Одновременно с квартетами ор. 59 шло создание пятой симфонии; над нею Бетховен работал, кажется, дольше и усерднее, чем над каким-либо другим своим произведением; наброски 2 и 3 частей ее встречаются в записных книжках 1800 и 1801 годов, а также в эскизах 1804 — 1806 годов, где встречается также тема финала симфонии g-moll Моцарта, а рядом с нею собственная тема 3 части 5 симфонии, весьма с нею схожая; упомянутая моцартовская тема, видимо, особенно излюбленная Бетховеном, отразилась еще в другом произведении его, в 1 части сонаты ор. 2 № 1. Он поглощен 5 симфонией в начале 1807 года, почти весь апрель проводит он над нею в Бадене, в июле он продолжает работу эту в Хейлигенштате, где оканчивает также первую свою мессу (c-dur), заказанную ему князем Эстергази для домашней капеллы.

По мнению Берлиоза, эта симфония не только самая знаменитая, но также первая, где Бетховен, отрешившись от постороннего влияния, дал полный простор своему обширному воображению. В первой, второй и четвертой симфониях он более или менее расширил известные уже раньше формы, поэтизируя их блестящим и страстным вдохновением своей юности; правда, в третьей (Героической) форма расширяется гораздо значительнее, и мысль поднимается на большую высоту, нельзя не признать в ней влияния одного из тех божественных поэтов, которым великий музыкант издавна воздвиг алтарь в своем сердце. Бетховен, верный изречению Горация «Nocturna versate manu versate diurna», имел обыкновение читать Гомера. Говорят, что его великолепная музыкальная эпопея явилась в честь героя новейших времен, во всяком случае несомненно то, что воспоминания античной Илиады играют в ней прекрасную и не менее видную роль.

Что же касается симфонии do-min, то нам кажется, что она исключительно плод гения Бетховена. Здесь развиты его задушевные мысли; сюжет навеян его тайными страданиями, сдержанным гневом, грустными размышлениями, ночными видениями, восторженными порывами, а формы мелодии, гармонии

и инструментовки настолько же индивидуальны и новы, насколько мощны и благородны.

Первая часть рисует нестройные ощущения великой души, поверженной в отчаяние, это — не сдержанное, спокойное отчаяние, граничащее с безропотностью, не мрачное и безмолвное страдание Ромео, узнающего о смерти Джульетты, а скорее страшная ярость Отелло в ту минуту, когда он слышит из уст Яго ядовитую клевету, убеждающую его в виновности Дездемоны. Местами это безумный бред, разражающийся страшными криками, местами — полное изнеможение, звучащее сожалением к самому себе. Вслушайтесь в отрывистые звуки оркестра, в аккорды, постепенно ослабевающие, как затрудненное дыхание умирающего, которыми перебрасываются духовые инструменты со струнными и которые потом сменяются сильной фразой оркестра, будто ожившего в приливе новой ярости. Всмотритесь, как эта трепещущая масса звуков после минутного колебания устремляется, в виде двух унисонов, как два жгучие потока лавы, и скажите, — разве этот страстный стиль не стоит выше всех до тех пор существовавших произведений в области инструментальной музыки?

В этой части мы видим примеры поразительного эффекта от удвоения партий в иных местах и резкого впечатления, которое производит кварт секстаккорд на второй ступени (второе обращение доминантового трезвучия). Он часто встречается здесь без приготовления и разрешения, и в одном месте даже без вводного тона и на органном пункте; все струнные инструменты держат ниже *re*, а сверху в некоторых духовых инструментах диссоциирует *sol*. *Andante* по характеру имеет нечто общее с *allegretto* седьмой симфонии и с *adagio* четвертой. В нем есть и задумчивая серьезность первого, и трогательная прелесть второго. За темой, появляющейся сначала в виолончелях и альтях с аккомпанементом контрабасов *pizzicato*, следует фраза духовых инструментов, встречающаяся в течение всей части, несмотря на различные изменения первой темы, в одном и том же виде и в одном и том же тоне. Постоянное появление этой фразы во всей ее глубоко печальной простоте производит мало-помалу на слушателя неизъяснимое впечатление.

Из смелых гармонических приемов этой чудной элегии мы укажем на следующие:

1) флейты и кларнеты выдерживают вверху доминанту ми-бемоль в то время, как струнные инструменты в нижних тонах проходят через секстаккорд ре-бемоль, фа, си-бемоль, в состав которого не входит верхний выдержанный тон;

2) фраза, исполняемая флейтой, гобоем и двумя кларнетами, движущимися противоположно, отчего местами получается неприготовленный диссонанс. Это третье обращение вводного септаккорда так же, как и вышеупомянутая верхняя педаль, по мнению большинства теоретиков, запрещенные последовательности, но на слух они производят прекрасное впечатление. При последнем вступлении первой темы есть еще канон в унисон на расстоянии такта между скрипками — с одной стороны, и флейтами, кларнетами и фаготами — с другой. Такая обработка мелодии придавала бы ей особый интерес, если бы возможно было расслышать имитацию в духовых инструментах; но, к сожалению, она почти неуловима, потому что в это время весь оркестр играет *forte*.

Scherzo — странное произведение, которое с первых же тактов, хотя и не заключающих ничего ужасного, приводит в такое же непонятное волнение, какое испытываешь под влиянием магнетического взгляда некоторых лиц. Все в нем таинственно и темно; формы инструментовки, более или менее мрачные на вид, как будто связаны с идеями, породившими знаменитую сцену на Блоксберге в гетевском «Фаусте». Преобладающие оттенки piano и mezzo forte. В середине (trio) является движение контрабасов, вызванное всею силою смычка и настолько тяжелое и грубое, что пюпитры в оркестре дрожат; воображение рисует резвые забавы слона... Но чудовище удаляется, и шум, поднятый им, постепенно утихает. Мотив scherzo появляется pizzicato, в оркестре мало-помалу устанавливается тишина, среди которой раздаются только отрывистые звуки скрипок да странный рокот фаготов, берущих высокое ля-бемоль, и на нем замирают. Ритм поддерживается только литаврами, в которые слегка ударяют палочками, концы которых покрыты губкою, и эти удары глухо выступают при общем молчании оркестра. Звук литавр do, тональность этой части do-min, но аккорд ля-бемоль, долго поддерживаемый другими инструментами, как будто ведет в другой тон; с другой стороны, удары по литавре (do) стремятся поддержать первоначальный лад. Слух колеблется... Неизвестно, чем решится эта гармоническая загадка... Напряженность глухих звуков литавр все увеличивается, и скрипки, вступая и изменяя гармонию, дают доминант септаккорд, между тем как литавры упорно выбивают тонику do; весь оркестр, усиленный еще не появившимися раньше тромбонами, выступает с темой триумфального марша в мажоре, — и начинается финал. Всем известен этот эффект, подобный громовому удару; о нем не будем распространяться.

Однако критика пыталась умалить заслугу автора, утверждая, что прием этот вульгарен (развернувшийся во всем блеске мажор сменяет туманное pianissimo в миноре), что торжественная тема лишена оригинальности, что интерес к концу ослабевает, тогда как должен возрастать. Мы ответим на это следующее: разве для создания подобного произведения потребовалось менее гениальности оттого, что переходы от piano к forte и из минора в мажор были уже раньше известны? Сколько других композиторов пытались воспользоваться теми же средствами, и можно ли даже сравнивать полученные ими результаты с величественной победной песнью, с которой душа музыканта-поэта, освобожденная навсегда от препон и земных страданий, радостно возносится к небесам. Первые четыре такта темы, правда, не отличаются оригинальностью, но формы фанфар, естественно, так ограничены, что изобрести новые невозможно, как нам кажется, не изменив совершенно свойственного им характера простоты, величия и торжественности. Вот почему Бетховен только начинает финал фанфарами, а во всей остальной части и даже в конце главной фразы вновь овладевает присущими ему возвышенностью и своеобразностью стиля. А на упрек в том, что интерес не возрастает к концу, вот что можно ответить: из всего того, что написано композиторами до наших дней, ни одна строка не может произвести впечатления более сильного, чем этот переход от scherzo к торжественному маршу, а усилить еще впечатление

это положительно невозможно; даже для того, чтобы удержаться на подобной высоте, нужно чрезвычайное усилие; несмотря на трудности обширной разработки, Бетховену это вполне удалось. Хотя конец по достоинствам своим равен началу, но сначала кажется, будто он уступает ему, потому что слушатели вначале испытывают такое сильное потрясение, что оно доводит нервное возбуждение до высшей степени, и в следующий момент оно уже не может повториться в такой мере. Это подобно тому, как, в силу оптического обмана, из данного ряда равных колонн более отдаленные нам кажутся меньшими. Может быть нашему слабому организму более соответствовало бы лаконическое заключение вроде — «Notre general nous rappelle» Глюка: в таком случае слушатели не успели бы охладеть, симфония окончилась бы раньше, они не утомились бы настолько, чтобы потерять способность следить шаг за шагом за мыслью автора. Да, наконец, замечание это касается лишь планировки симфонии, а финал сам по себе так великолепен и богат, что лишь немногие произведения могут выдержать сравнение с ним.

Любопытный Шиндлер возымел намерение узнать от автора тайный смысл двух первых тактов 5 симфонии, четыре ноты которых как бы возвещают что-то роковое и, повторяясь в самых разнообразных колоритах, проходят красною нитью через всю 1 часть.

— Так судьба стучится в дверь, — ответил Бетховен, желая, вероятно, подшутить над приятелем, жаждавшим найти здесь что-либо более возвышенное и многозначительное, нежели подражание крику иволги, залетевшей в фантастические сады композитора ранее других пернатых обитателей Пратера, ожидавших создания 6 симфонии.

Первое исполнение 5 симфонии в Вене состоялось 22 декабря 1808 года, в Петербурге — 23 марта 1859 г., в Москве — 22 марта 1861 года.

Другое капитальное произведение, созданное одновременно с 5 симфонией, носит на себе такие же яркие следы индивидуальности автора.

Ни долголетняя служба при архиепископах в Бонне, ни навязанная ему законами страны религия не сделали из Бетховена убежденного католика: пантеизм рано проник в мысли его и овладел его мировоззрением не менее, чем великим современником его, Вольфгангом Гете. А может ли художник, поэт или музыкант достаточно опозитизировать то, что имеет для него лишь относительную ценность? Может ли его вдохновить то, во что он не верит всем своим существом, что не может овладеть всеми его помыслами и чувствами? Бетховен охотно взялся за сочинение мессы, но не религиозное чувство руководило им в этом случае, а желание угодить одному из членов дирекции королевских театров, при коих он мечтал получить должность композитора с постоянным окладом жалованья. Меценату этому, князю Эстергази, торопившему композитора, последний представил удостоверение медика в болезни, препятствовавшей быстрой работе, и просил быть снисходительным к произведению своему.

Светлейший милостивый князь!

Так как мне сказали, что ваша светлость справились относительно мессы, которую вы заказали мне, то беру на себя смелость доложить вашей светлости, что получите ее не позже 20-го августа сего года, так что останется достаточно времени, чтобы приготовить ее ко дню именин светлейшей княгини.

Необыкновенно выгодные условия, предложенные мне из Лондона в то время, как имел несчастье провалиться с бенефисом в театре, и утешившие меня в этом горе, задержали переписку мессы, хотя я очень спешил предстать с нею пред вашей светлостью, к тому же еще прибавилась головная боль, которая сначала совсем не позволяла работать, а теперь лишь немного; так как меня охотно винят во всем, то прилагаю при сем, св. кн., одно из писем моего врача. — Смею прибавить, что я с великим страхом представляю вам мессу, потому что ваша светлость привыкли слушать неподражаемые, образцовые произведения великого Гайдна.

Светлейший, милостивый князь! с глубоким почтением
преданный вам и покорный Людвиг ван Бетховен.

Баден, 26 июля.

Месса была исполнена придворною капеллою князя Эстергази в день Рождества Богородицы, 8 сентября 1807 года; по обычаю, принятому во дворце князя в Эйзенштадте, все исполнители и гости собрались по окончании богослужения в зале, чтобы приветствовать хозяйку-именинницу; лишь только окончились установленные поклоны, приседания и коленопреклонения, как князь, меценат, покровитель и поклонник Гайдна, с иронией обратился к автору новой мессы:

— Что же это вы опять натворили, милый мой Бетховен?

Станный вопрос, сопровождаемый несколькими критическими замечаниями и смехом стоявшего рядом с ним капельмейстера И. Хуммеля, неприятно поразил Бетховена; в тот же день он покинул Эйзенштадт, затаив надолго ненависть к Хуммелю.

Нелегко было Бетховену пристроить свою мессу (ор. 86): лет пять сговаривался он с издателями лично и через приятелей или комиссионера Вагенера, словесно и письменно, прежде чем она появилась в печати; особенно он настаивал на издании этой мессы фирмой Брейткопф и Хертель, с которой не раз бывали у него размолвки и примирения.

Брейткопфу и Хертелю в Лейпциге.

Вена 8-го июня.

Милостивые государи!

Гофмейстер молодого графа Шенфельда вызвал настоящее мое письмо, так как он уверил меня в том, что вы опять желаете иметь мои произведения, — хотя многократные прекращения переговоров почти убедили меня в том, что это обращение мое также бесполезно, тем не менее предлагаю теперь только следующие рукописи — 2 симфонии, одну мессу и одну сонату для фортепиано и виолончели.

Письменный стол Бетховена.

NB. За все вместе требую 900 фл. — эта сумма в 900 фл. должна быть выплачена конвенционной монетой, по венской валюте, что должно быть непременно указано в векселе. — По многим причинам я должен поставить условие относительно 2-х симфоний, чтобы они, считая с 1-го июня, вышли только через шесть месяцев; вероятно, мне удастся к зиме совершить путешествие и потому желал бы, чтобы они остались неизвестными по крайней мере в течение лета — я мог бы эти же произведения передать здесь в промышленную контору, если бы хотел, так как они в прошлом году тоже взяли 7 больших моих произведений, каковые почти уже все появились в печати, и так как они вообще охотно принимают все мои рукописи, но я предпочел бы иметь дело с вами, как я уже несколько раз говорил вам, если бы вы, наконец, оп-

ределенно уговорились со мной; я убежден, что при этом и вы, и я были бы в выигрыше, никоим образом вы не можете считать меня жадным к деньгам, а скорее очень уступчивым и готовым отказаться от всякой выгоды, — от такого соглашения в накладе был бы не я, а искусство: — сообщите мне как можно скорее ваше решение, чтобы я мог своевременно уговориться с пр. кон., постарайтесь же, чтобы мы наконец сошлись и работали совместно — со своей стороны, я непременно приложу все старания — вы найдете во мне всегда прямое и откровенное отношение к этим делам, — словом, все доказывает вам, как охотно я готов вступить с вами в соглашение.

Ваш покорнейший Л. в. Бетховен.

Еще раз просят о скорейшем ответе. О своей мессе, как вообще о себе я неохотно распространяюсь, но думаю, что я обработал текст так, как его еще редко обрабатывали, да при том же она исполнялась уже в нескольких местах, между прочим у князя Эстергази на именинах княгини с большим успехом, в Эйзенштаде, я уверен, что партитура и даже клавирауцуг вам, наверно, принесут хорошую прибыль.

16 июля 1808.

Милостивые государи!

Вот мой ответ на ваше почтенное письмо. — Из чего вы наверное усмотрите мою готовность идти вам навстречу насколько возможно — сперва в общем — затем о подробностях — я даю вам мессу, 2 симфонии + также сонату для виолончели и фортепиано + и еще две другие сонаты для фортепиано или вместо них, быть может, еще одну симфонию за 700 фл. (семьсот фл. конвенционной монетой), — вы видите, что я даю больше, а беру меньше, — но это уже последнее. — Мессу вы должны взять, иначе я не могу вам дать других произведений, — так как я имею в виду также и то, что доставляет славу, а не только пользу, «церковных пьес не требуют, говорите вы», вы правы, если говорите только о генерал-басе, но дайте мессу хоть раз в Лейпциге в концерте, и посмотрите сколько найдется любителей, которые захотят ее иметь, издайте, пожалуй, клавирауцуг с немецким текстом, ручаюсь опять же за успех во всяком случае — даже можно по подписке, я берусь вам найти здесь дюжину, даже две дюжины подписчиков, — но в этом, конечно, нет необходимости — вы получите тотчас же 2 симфонии, сонату с виолончелью, мессу, лишь только примете мое предложение, в чем я не сомневаюсь, другие две фортепианные сонаты, или может быть вместо них симфонию не далее как через четыре недели после этого, но прошу вас сейчас же по получении первых 4-х пьес приказать выдать мне гонорар — в документ, который имеет вы получить от меня, включая условие вероятной сделки относительно симфонии или вместо нее 2-х сонат, и письменно обязуюсь, чтобы устранить ваше недоверие, сонаты или симфонии прислать вам через четыре недели — прошу вас выдать мне вексель в 700 фл. конвенционной монетой или уплатить банковыми билетами по курсу в день погашения в Вене — кроме того, обязуюсь подарить вам offertorium и graduale к мессе через некоторое время, в настоящее время их у меня нет, но прошу вас теперь же как можно скорее сообщить мне ваше решение, иных условий принять не могу, это все, что могу сделать, и уверен, что вы не будете сожалеть об этом.

С глубоким почтением ваш покорнейший Людвиг ван Бетховен.

Милостивые государи!

На ваше вторичное предложение, переданное через Вагенера, сообщая, что я готов совершенно освободить вас от всего, что касается мессы — итак, я вам дарю ее, вы не заплатите даже расходов по переписке, глубоко убежден, что если вы ее исполните как-нибудь в Лейпциге в ваших зимних концертах, то наверное снабдите немецким текстом, и издадите, — как бы там ни было, она принадлежит вам, как только мы сойдемся, я пришлю вам партитуру ее с другими рукописями, и включу ее тоже в проект договора как бы купленной вами, — я так усиленно настаивал на издании вами мессы, потому что, во-первых, она особенно дорога моему сердцу, несмотря на равнодушие современников наших к подобным вещам; во-вторых, потому, что я думал, что вашими подвижными типами легче печатать ее, чем у других издателей, большей частью не имеющих понятия о партитурах, — перейдем к остальному: так как месса не идет в счет, вы получите две симфонии, одну сонату с облигатной виолончелью, два трио для фортепиано, скрипки и виолончели (так как это необходимо) или вместо этих двух последних трио симфонию за 600 фл. конвенционной монетой по курсу, указанному в первых двух моих письмах, — если согласны, в чем я не сомневаюсь, то можете разделить платеж на два срока, именно: как только я здесь в Вене передам вашему комиссионеру две симфонии и сонату с виолончелью, то получаю вексель на 400 фл. — через несколько недель после этого я передам два трио, тогда можете выдать мне остальные 200 фл. также векселем — таким образом недоразумения будут устранены. — Партитура мессы будет переписана, как только получу ответ, и будет вам выслана наверное со второй посылкой — меня очень удивит, если вы найдете еще новые затруднения, вы же видите, вероятно, что я готов на все, чтобы только войти с вами в соглашение — во всяком случае, можете быть уверены, что здесь я могу получить за свои сочинения столько же и даже больше, но все несчастье в том, что здешние издатели выплачивают не сразу, а весьма медленно — вот вам объяснение этого, но я надеюсь, что вы достаточно благородны, чтобы не злоупотребить этой моей откровенностью — во всяком случае, если замечу, что вы серьезно намерены иметь со мной дело, то часто будете убеждаться в моем бескорыстии, я слишком люблю свое искусство, чтобы мною руководило корыстолюбие, но за два года я испытал столько неудач и здесь в В. — но довольно об этом. — Отвечайте же сейчас, потому что ради вас я задерживал все, ошибаетесь, если думаете, что тут я не мог бы получить столько же, нет иной причины, кроме вышеприведенной.

С почтением ваш покорнейший Людвиг ван Бетховен.

Чтобы избежать всяких недоразумений, адресуйте пожалуйста ваш ответ Вагенеру, он уже знает, как доставить мне письмо, пока я на даче.

Появлением мессы C-dur и пятой симфонии человечество обязано не только гению Бетховена, но также... кошельку Клементи, способствовавшего в это время безмятежной работе композитора. Муций Клементи, известный композитор, занялся в Лондоне нотным издательством и весной 1807 года заключил с Бетховеном договор относительно права издания значительных произведений его. Появление вышеназванных двух вдохновенных композиций и записка автора к графу Брунsvику, у которого оказались исправленные рукописи проданных пьес, достаточно указывают на благотворное влияние чеков Муция Клементи. Договор написан по-французски и заключает условия, о которых, конечно, композитор не мог сожалеть.

1) Г. Людвиг ван Бетховен уступает г-ну Клементи рукописи нижеприведенных своих произведений с правом издания их в соединенных королевствах Великобритании, но сохраняя за собою право издания и продажи тех же произведений вне пределов упомянутых королевств: а) три квартета, б) одна симфония, NB — четвертая по счету, с) увертюра «Кориолан» к трагедии г. Коллина, d) фортепианный концерт, NB — четвертый по счету, e) скрипичный концерт, NB — первый по счету, f) тот же концерт с фортепианным аккомпанементом.

2) Г. Клементи обязан уплатить г-ну Л. в. Бетховену, за эти шесть произведений, двести фунтов стерлингов по венскому курсу, в Вене у гг. Шуллер и К°, как только получают извещение о получении рукописей в Лондоне.

3) Если г. Л. в. Бетховен будет лишен возможности представить все шесть произведений вместе, то может получить от гг. Шуллер и К° лишь сумму, соответствующую посланным рукописям; так, например, посылая половину, получает половину; посылая треть, получает треть обусловленной суммы.

4) Г. Л. в. Бетховен обязуется продавать эти произведения в Германии, во Франции или в иной стране лишь с условием издания их не раньше четырех месяцев по отсылке их в Англию; концерты, скрипичный и фортепианный, симфонию и увертюру, отсылаемые в Англию, г. Л. в. Бетховен может продать лишь с условием издания их не ранее 1-го сентября 1807 года.

5) Вместе с тем г-ну Л. в. Бетховену предоставляется написать на тех же условиях и в неопределенный срок три сонаты, или две сонаты и одну фантазию для фортепиано solo, или с сопровождением других инструментов, по своему усмотрению, за что г. Клементи обязан заплатить ему тем же порядком шестьдесят фунтов стерлингов.

6) Г. М. Клементи доставляет г-ну Л. в. Бетховену два экземпляра каждого из этих произведений.

Муций Клементи, Людвиг ван Бетховен.
В качестве свидетеля И. Глейхенштейн.

Вена 20-го апреля 1807 г.

Не один такой договор заключил Бетховен в жизни своей, и не раз сулили ему издатели обильные барыши, но то и другое редко осуществлялось.

Появление иноземных издателей в Вене было редкостью, заключение же договоров заочно лишено тех преимуществ, которыми сопровождаются личные сношения, обсуждения и выяснения условий издания; обстоятельство это было одною из причин, вызвавших намерение композитора, давно в нем зародившееся и многие годы преследовавшее его: давно мечтал Бетховен о путешествии по Европе, по резиденциям немецких королей и герцогов, мечтал побывать в Дании, Франции, Италии и Испании, к чему его побуждало желание столкнуться с издателями и, вместе с тем, желание познакомиться мир со своими произведениями в исполнении, под управлением или под руководством автора. Известному фабриканту роялей Н. Плейелю (1788 — 1855), фирма которого процветает поныне, Бетховен сообщает о новом препятствии к осуществлению своего намерения.

К Камиллу Плейелю в Париже.

Вена. 26 апреля 1807 год

Любезный, многоуважаемый Плейель — что поделываете вы, как ваша семья, часто мечтал я приехать к вам, но до сих пор не было возможности, отчасти виною также война. Неужели придется ждать еще дальше, — или дольше? — этак никогда не придется увидеть Парижа.

Любезный Camillus, так назывался, если не ошибаюсь, римлянин, прогнавший злых галлов из Рима, ради этого я также желал бы так назваться, если бы мог изгнать их отовсюду, где они неуместны. — Что поделываете с вашим дарованием, любезный Camill — надеюсь, вы не позволите ему творить только для себя, а потребуете нечто большее. — Обнимаю сердечно вас обоих, отца и сына и надеюсь в деловых письмах ваших найти побольше сведений, касающихся лично вас и вашего семейства. — Прощайте и не забывайте

вашего истинного друга Бетховена.

В тот же день композитор пишет Игнатию Плейелю (род. в Вене, в 1757 г.), отцу вышеупомянутого, письмо с предложением принять для продажи некоторые произведения его.

Вена, 26 апреля 1807 г.

Г. Игнатию Плейелю, композитору
и музыкальному издателю в Париже.

Имею намерение издать одновременно шесть ниже перечисленных произведений в Париже, в Лондоне и в Вене, с условием выпуска для продажи во всех этих городах одновременно, в определенный день. Таким образом я полагаю достичь своей цели, скорейшего знакомства публики с моими произведениями, а в отношении денежном полагаю согласовать мой собственный интерес с таковым продавцов.

Произведения следующие:

1. Симфония.
2. Увертюра к трагедии Коллина «Кориолан».
3. Скрипичный концерт.
4. Три квартета.
5. Фортепианный концерт.
6. Скрипичный концерт, переложенный для фортепиано и дополненный.

Предлагаю вам продажу произведений этих в Париже; и чтобы избежать долгой переписки, предлагаю вам тут же умеренную плату в 1.200 аугсбургских гульденов при выдаче этих шести произведений, каковые могут быть здесь сданы вашему представителю.

Прошу скорейшего ответа, так как ноты эти совершенно готовы и немедленно могут быть переданы вашему представителю.

Что касается дня выпуска их в продажу, то могу назначить для первых трех произведений 1 сентября, а для остальных — 1 октября сего года.

Людвиг ван Бетховен.

Однако парижского торговца не соблазнили ни квартеты, ни симфония, ни переложенный автором для фортепиано известный скрипичный концерт его (op. 61).

ГЛАВА VI

1807 — 1809

Программная музыка. — Шестая симфония. — Намерение покинуть Вену. — Предложение короля Вестфальского. — Триумфат меценатов. — Концерт 22 декабря 1808 года. — Бетховен как дирижер. — Тереза Мальфати. — Опять сердечное влечение. — Осада Вены.

Весною 1808 года были даны обычные концерты певцов, виртуозов и благотворительных учреждений; 11 апреля в театре An der Wien состоялся концерт известного нам свояка Моцарта, баса Себастьяна Мейера, начавшийся «Героической симфонией»; 13 апреля в Бургтеатре был благотворительный концерт, в котором исполнены были: 4 симфония Бетховена, его же фортепианный концерт, сыгранный Фридрихом Штейном, и увертюра «Кориолан» под управлением автора. В мае состоялся концерт в Аугартене, где впервые исполнен при публичке концерт ор. 56 для фортепиано, скрипки и виолончели с оркестром.

Живя на даче в милом сердцу его Хейлингенштадте, композитор исправно являлся на концерты, остальное же время посвящал работе над «Пасторальной симфонией». Произведение это как бы является равнодействующею двух сил, преимущественно увлекавших композитора в эту эпоху; обычная склонность к наслаждению красотами природы проявилась сильнее в эту весну, вызвав особенно ранний выезд на дачу, переселение в деревню, где пение жаворонков, темнеющая с каждым днем чаща рощ, журчание ручья все чаще влекли его из дома на прогулку; в то же время стремление к сочетанию мелодии и слов все чаще преследовало его, несбывшиеся надежды относительно оперы навели его на мысль написать иное произведение, где бы конкретные образы занимали не последнее место.

Происхождение программной музыки так же старо, как основание темперированного строя, на котором зиждется все современное нам музыкальное искусство. В начале XVIII века знаменитый органист Фробергер изложил свою автобиографию в виде оркестровой сонаты; в том же веке другой композитор, Иоганн Кунау, написал ряд оригинальных произведений этого рода, например: шесть сонат библейских, где изображает звуками: 1) сражение Давида и Голиафа, 2) чудесное исцеление Саула, 3) женитьбу Иакова, 4) болезнь и неожиданное исцеление какого-то патриарха, 5) торжество Гедеона, 6) погребение Иакова; в предисловии и примечаниях к этим сонатам автор дает, между прочим, следующие объяснения: «припадки безумия Иакова, —

говорит он, — я изобразил рядом квинт, а плутни Лавана — ложными или прерванными кадансами». Среди авторов программной музыки в XVIII веке видное место занимает известный аббат Фоглер, написавший несколько органных концертов, в которых стремился нарисовать звуками ряд конкретных явлений и образов. Первый концерт называется «Морским сражением» и заключается в себе: 1) барабанный бой, 2) фанфары и марш (в морском-то бою), 3) маневры флота, 4) вздымающиеся волны, 5) пальбу орудий, 6) крики раненых, 7) победные крики героев. В другом произведении, «Страшный Суд», Фоглер изображает следующие картины: 1) торжественное вступление, 2) труба звучит, могилы разверзаются, 3) высший судья возвещает приговор океанным, они низвергаются в пропасть, рыдания и скрежет зубовой, 4) праведники возносятся к небу, их радость, 5) голоса избранных сливаются с пением ангелов. В третьем своем произведении, «Смерть князя Леопольда Брунсвика», тот же автор рисует: 1) плавное течение вод, порывы ветра волнуют их, вздуваются волны, воды выступают из берегов; 2) ужас народа, обреченного гибели, крики, слезы, мольбы; 3) прибытие благородного князя, он решается идти на помощь народу; предупреждения и просьбы приближенных, старающихся удержать его; доблестные речи его заставляют их замолчать; 4) судно отплывает от берега, волны бросают его, ветер воет, ладья опрокидывается, князь поглощен волнами.

Около 1784 года З. Кнехт написал «Музыкальное изображение природы» — симфонию, снабженную подробной программой, весьма схожей с программой «Пасторальной» и не чуждой возникновения последней. Отдавая дань веяниям милитаристическим и патриотическим, немало чернил извлек композитор, чтобы увековечить в звуках кровопролитнейшие сражения доброго, старого времени.

Нельзя отрицать *raison d'être* программной музыки, этого своеобразного, интересного рода искусства, благодаря которому композиторы, в погоне за эффектами звуковой живописи, выработали некоторые приемы, блестяще использованные затем в области «чистой музыки»; но стремлением изобразить конкретные явления обыденной жизни ревнители программных произведений ничуть не изменили основного содержания искусства этого. Нельзя также отрицать, что иной рассказ, иная фабула вызывают в нас настроение, подобное тому, которое вызывает какое-либо музыкальное произведение. Но из этого нельзя заключить, что каждое инструментальное произведение нуждается в программе и оказывается бессодержательным, если лишено ее. «Чистая (инструментальная и не программная) музыка, — говорить Саккетти, — воспоминаниями, ассоциацией идей навеивает на нас определенное настроение и в этом смысле говорится, что музыка выражает чувство. Так как чувство всегда связано с представлением, то поэтому приписывается музыке не только навеивание ею чувство, но и связанное с ним представление». Далее почтенный профессор определенно указывает цель и назначение музыки:

1) Укрепление нашего духа здоровыми впечатлениями.

2) Возбуждение в нас сочувствия к рисуемым нашим воображением представлениям.

Вот глубокие, неоспоримые истины, все еще не проникшие в общество, все еще не оцененные музыкантами. Более ярко набросаны основные положения музыкальной эстетики, согласные с выводами положительных наук, другим музыковедом, Эд. Хансликом, в его известном трактате; по определению последнего сущность музыкального искусства заключается в выражении настроения, т. е. того общего характера, который временно носит в себе движение наших представлений и который узнается в подобном же характере движения нашего голоса, в мимике, жестах, походке и т. п.; все это может быть подражаемо и выражено гармоническим сочетанием и мелодическим движением тонов; всякое настроение может быть изображено в виде прелестной звуковой картины, где тона сменяются быстро или медленно, где раздаются густые, низкие басовые или тощие, верхние ноты, где диссонансы, согласно физиологии слуховых нервов, сильно раздражают нас, а мажорное трезвучие вызывает в нас больше удовлетворения, более успокаивает нас, нежели минорный аккорд. Тем не менее, такая теория музыкальной эстетики не удовлетворяет многих музыкальных писателей и даже композиторов; представляет ли собою музыка «объективацию воли» (по Шопенгауэру) или «самый приятный из всех шумов» (по Лейбницу), — это им безразлично; не метафизика им нужна, а осязаемые, конкретные образы, и вот они начинают искать, отгадывать тайные помыслы автора, создавшего квартет или симфонию без определенной программы, и тем поддерживают сложившийся в публике предрассудок, в силу которого композитор создает не только художественное произведение, обладающее специфически музыкальными красотами и состоящее из определенных элементов музыкального искусства, но, вместе с тем, задает слушателям шараду, без разгадки которой нельзя понять красот этого произведения.¹

В сонате Бетховена ор. 81 три части носят такие названия: «Прощание», «Разлука», «Свидание». Известный музыкальный эстетик уверял своих читателей, что в первой части сонаты изображено «расставание нежно любящих сердец», во второй — «печаль любви в разлуке», в третьей — «раскрытые объятия при встрече»; даже Антон Рубинштейн повторил эту отгадку, хотя на рукописи, хранящейся в библиотеке венской консерватории, рукою автора помечено: «Прощание, 4 мая 1809 г., отъезд его имп. выс. эрцгерцога Рудольфа (на первой части)... Прибытие е. и. в. эрцгерцога Рудольфа 30 января 1810 г. (на последней части)». Другой отгадчик вздумал дать названия известным «песням без слов» Мендельсона и спросил мнение автора о своей работе. «Вы нашли в них одно, другой может найти иное», — ответил Мендельсон. На вопрос о том, каким образом создает Моцарт такие чудные симфонии, последний ответил: «Под влиянием определенного настроения у меня является идея в ви-

¹ Систематическое и вполне обоснованное исследование сущности искусства может появиться, конечно, лишь в далеком будущем, когда достаточно разовьется область физиологии, науки юной, родившейся лишь полвека тому назад. До тех пор неминуемы фантастические суждения, до метафизических включительно.

де музыкальной темы; трудно сказать, — преследую ли я ее, или она сама охватывает меня, но я замечаю, как она стремится и имеет естественную потребность бродить и развиваться по контрапункту и по тембрам различных инструментов; при этом она постепенно кристаллизуется и разрастается в целое музыкальное произведение».

— Но почему же ваши произведения так своеобразны, носят такие яркие следы индивидуальности? — спросили его.

— Это так же трудно объяснить, — ответил он, — как причину чрезмерной длины моего носа, не похожего на другие носы.

Эта инстинктивность, эта бессознательность лежит в основании как приведенных выше слов Моцарта и Мендельсона, так и изречения Шиллера: «Гений остается всегда для себя самого тайной» (О сентиментальной и наивной поэзии). Подобно А. Рубинштейну также Амброс трактует сонату Бетховена op. 81, как «вздохи... прощание с Юлией...» и т. п. Едва ли уклонится от истины тот слушатель, который будет искать в сонате Es-dur лишь звуковые красоты, щедрою рукою гения рассыпанные в ней, и испытывать лишь те настроения, которые выражены в ней звуковыми сочетаниями, отбросив пресловутые надписи автора, быть может, помещенные с таким же умыслом, с каким он не раз высказывал своим любопытным друзьям «идеи» других прелестных произведений своих. Если же слушатель не может допустить здесь злой шутки автора и намерен руководиться его указаниями, то надо быть последовательным и, вместо голубоглазой «красавицы Джульетты», вызвать в воображении своем собою мантию, мундир с орденами и невзрачную внешность эрцгерцога Рудольфа, en toute lettre поименованного автором. Сам автор возмущался популярностью сонаты op. 13, успех которой зависел от названия *pathetique*, в котором все искали указателя, руководящего исполнением. Соната op. 27 № 2, прозванная кем-то «Лунною», вызвала программы и толкования многих музыкантов, до Листа включительно; любознательный читатель найдет некоторые подобные комментарии в книжке Г. Геника (Бетховен, стр. 43) и, усмотрев разноречивость и неосновательность их, легко убедится в бессмысленности подобных толкований. Странно и даже забавно, как музыкальные гадалки, истребившие немало чернил на мудрые пояснения заголовков вроде «Расставание» и «Свидание», сговорились обойти молчанием и не дали никаких инструкций просвещенному миру относительно программы рондо op. 129, хотя автор ясно начертал на рукописи: «Неистовый гнев по случаю потери гроша», и хотя рондо это всем знакомо и всюду исполняется без комментариев.

Однако, несмотря на эти факты, несмотря на то, что неразумно было бы предполагать стремление композиторов задавать миру загадки, несмотря на неоспоримость бесчисленного ряда специфически музыкальных красот, все еще находятся музыкальные оракулы, возвещающие публике тайные замыслы авторов сонат или квартетов, а один из критиков даже предложил устроить музыкальный конгресс для выработки программ ко всем симфониям, квартетам, сонатам Гайдна, Моцарта, Бетховена, ко всем балладам и концертам Шопена, Шумана, ко всем произведениям чистой, т. е. инструментальной музыки тех авто-

ров, которые позволили себе создание партитур без указания соответственной фабулы. Любителям программ, искателям побасенок, тенденций и «скрытых замыслов» автора там, где он восхищает красотами целого царства звуков, напомним слова Фридриха, сказанные такому же искателю призраков, Вильгельму Мейстеру, в конце известного романа Гете: «Ты напоминаешь мне Саула, который отправился искать ослиц своего отца и нашел целое царство».

По уверению Риса, не раз Бетховен высказывался против программной музыки; высоко ценя дарование Гайдна, он осуждал программность его ораторий «Сотворение мира» и «Времена года»; тем не менее в 6 симфонии встречаются признаки намерения рисовать звуками грозу, сцены у ручья и т. п. Вместе с тем существуют признаки, указывающие на предварительный замысел композитора при создании многих своих значительных произведений, и замысел этот заключался в определенной программе, оставшейся тайною для всех, но порою проявлявшеюся указаниями, подобными заголовкам в частях 6 симфонии или в сонате op. 81.

В эскизах композитора Нотебом нашел следующие заметки, относящиеся к 6 симфонии:

«— слушателю предоставляется определить ситуации (*die Situation auszufinden*)... *Sinfonia characteristic* — или воспоминание о сельской жизни... Воспоминание о сельской жизни... всякая живопись в инструментальной музыке много теряет, если заходит слишком далеко... *Sinfonia pastorella*. Намерения автора, помимо определенных указаний, понятны каждому, кому памятни впечатления сельской жизни».

Предупреждая исполнителя в начале 6 симфонии о том, что следует стремиться к выражению настроения, а не рисованию звуками, поклонник Баха, ученик Моцарта и Гайдна, как бы отстаивает принцип искусства для искусства, не хочет отрешиться от специфически музыкального содержания, составляющего самобытную и бесконечно богатую сферу искусства, но композитор-реалист и мыслитель, сын эпохи, создавшей великую революцию, позитивизм и материализм, не мог довольствоваться игрою в звуки, удовлетворявшею эстетические потребности предшествовавших поколений, но с течением времени спускающеюся в разряд бессодержательной, наивной забавы. Величайший композитор этой переходной эпохи явился, конечно, также главным выразителем ее и вдохновителем искусства, причем элементы последнего, выветривающиеся от времени, он заменил новым материалом, отчасти самобытным, идентичным с основным, отчасти же суррогатом, почерпнутым на стороне, в иных искусствах.

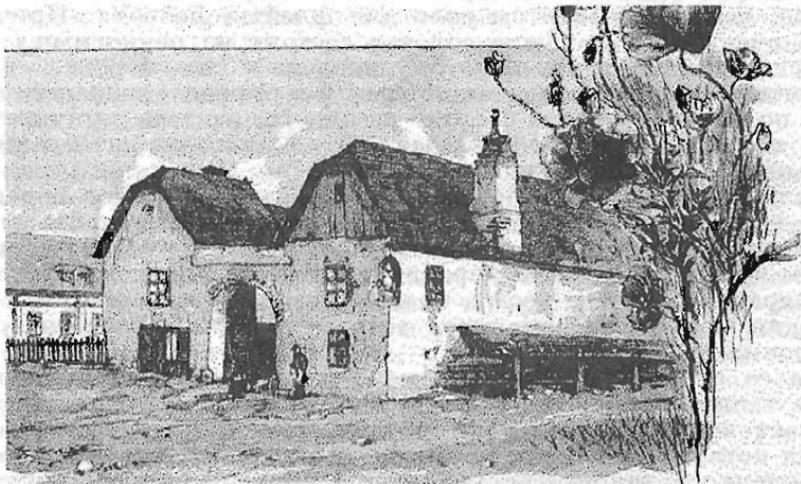
Отправляясь однажды, в конце апреля 1823 года, в отдаленную прогулку по предместьям Вены, Бетховен забрел в некогда любимый им Хейлигенштадт, где он не был уже десять лет; здесь, на опушке леса, композитор остановился, долго обводил взором дорогие сердцу места, потом прилег на берегу ручья, под громадным, развесистым вязом.

— Слышите ли пение птиц? — спросил почти совершенно глухой композитор своего спутника Шиндлера. — Здесь я писал

«сцену у ручья»; иволги, перепела, соловьи и кукушки помогали мне сочинять.

— Разве иволге тоже отведено место в симфонии?

Бетховен молча вынул свою памятную книжку и написал арпеджио в G-dur, часто повторяющееся в партитуре, в особенности у флейты. — Иволга была главным композитором и занимала первое место среди птиц; прочие играли лишь вторые роли.

*Дом Бетховена в Хейлигенштадте,
где написаны 3 и 6 симфонии.*

Этот удивительный пейзаж, — говорит автор «Фантастической симфонии» и ревностный защитник программной музыки, — словно придуман Пуссеном и воспроизведен Микеланджело. Автор «Фиделио» и «Героической симфонии» берется за изображение сельской тишины и мирных пастушеских нравов. Но следует заметить, что здесь нет украшенных ленточками пастушков Флориана, тем более — Лебрена или Ж. Ж. Руссо, а изображена жизнь действительная. Первая часть озаглавлена — «Радостные ощущения, вызываемые посещением деревни». По полям беспечно бродят пастухи, со своими рожками, раздающимися то издали, то вблизи; чудные фразы ласкают вас, как веяние утреннего зефира. Стаи щебечущих птиц с шумом пролетают над вашей головою; временами воздух словно напитан парами; большие облака заслоняют солнце, но они сразу рассеялись, и на поля и леса вдруг хлынул поток ослепительных лучей. Вот что рисуется мне, когда я слышу эту часть, и мне кажется, что, несмотря на слабость средств инструментального изображения, многие слушатели могут вынести точно такое же впечатление.

Далее следует сцена у ручья, созерцание природы... Вероятно, автор создал это удивительное *adagio*, лежа на траве, устремив взоры к небесам, прислушиваясь к ветерку; очарованный тысячью нежных переливов звука и света, он вглядывался и

вслушивался в мелкие, прозрачные, сверкающие волны ручья, с легким шумом разбивающиеся о прибрежные камешки. Все это восхитительно. Некоторые сильно упрекают Бетховена за то, что он в конце *adagio* хотел изобразить последовательное и одновременное пение трех птиц. По-моему, уместность подобных попыток определяется успешностью их выполнения, и если я присоединяюсь к приведенному выше мнению, то только по отношению к соловью, пение которого здесь изображено несколько не лучше, чем в знаменитом соло для флейты Лебрена. Причина этого очень проста: пение соловья состоит из неуловимых или неопределенных звуков и потому не может быть передано инструментами с определенными тонами и с определенным диапазоном; но пение перепела состоит из одного, а пение кукушки из двух постоянных, определенных звуков, поэтому изображение их вышло ясным и точным.

Если же упрекают в ребячестве композитора, точно передающего пение птиц в сцене, где естественно должны найти место все чудные голоса неба, земли и воды, то я на это скажу, что с таким же правом можно упрекнуть его за изображение грозы и за подражание ветру, грому, бляению стад; но известно, что еще ни один критик не осмелился затронуть «грозу» пасторальной симфонии!

Далее автор приводит нас на веселый сельский праздник. Здесь танцуют, смеются, сначала умеренно; затем волынка наигрывает веселый мотив, которому аккомпанирует фагот всего двумя нотами. Вероятно, Бетховен хотел изобразить этим доброго немецкого старика-поселянина, взобравшегося на бочку, с плохим, разбитым инструментом, из которого он с трудом извлекает два главных звука тональности — доминанту и тонику. Каждый раз, как гобой начинает мелодию волынки, наивную и веселую, как крестьянская девушка в праздничный день, старик-фагот выдувает свои две ноты; в то время как мелодическая фраза модулирует, фагот молчит и преспокойно считает свои паузы до возвращения первоначального лада, когда он может начать свое неизменное *fa*, *do*, *fa*. Этот в высшей степени забавный прием почти ускользает от внимания публики. Танец оживляется, становится шумным, бешеным. Ритм меняется; грубоватый напев возвещает о прибытии горцев в тяжелой деревянной обуви. Первый отрывок трехдольного размера возобновляется с необычайной живостью: все толпятся, увлекаются; волосы женщин развеваются по плечам. Горцы, разгоряченные вином, внесли шумное веселье; тут бьют в ладоши, кричат, бегают, куда-то стремительно бросаются. Это исступление, почти бешенство... Вдруг отдаленный раскат грома вносит ужас в сельский бал и разгоняет танцующих.

Гроза, буря. Едва ли я сумею своими словами описать эту прелестную часть; нужно слышать ее, чтобы понять, до какой степени высоты и правдивости может достигнуть описательная музыка под пером такого композитора, как Бетховен. Прислушайтесь к порывам ветра, несущего дождь, к глухим раскатам басов, к пронзительному свисту маленьких флейт, возвещающих нам бурю, готовую разразиться. Ураган приближается, растет: огромный хроматический ход спускается с самого верха оркестра до самых нижних тонов его; захватив басы, увлекает он их за

собою и стремительно поднимается опять, как вихрь, опрокидывающий все на пути. Тогда вступают тромбоны, гром литавр усиливается вдвое; это уж не дождь, не ветер, а ужасное наводнение, всемирный потоп, конец мира. Все это даже вызывает головокружение, и многие, слушая бетховенское описание бури, сами не знают, что они в данный момент испытывают: удовольствие или страдание.

Симфония заканчивается пастушеской песнью, выражением радости и благодарности по прошествии бури. Все опять ликует, пастухи с гор сзывают рассеянные стада; небо ясно; потоки мало-помалу сбегают; восстановлена тишина и вместе с нею возобновились сельские песни, успокаивающие душу, потрясенную ужасом предыдущей картины.

Нужно ли еще говорить о своеобразности стиля в этом гигантском произведении, о квинтуолях в виолончелях против четырех нот в контрабасах, которые соприкасаются, но не могут слиться в унисон. Нужно ли указать на призыв валторн, арпеджирующих аккорд до в то время, как струнные инструменты держат аккорд fa?.. Признаюсь в своем бессилии. Для этого нужно рассуждать хладнокровно; а как же оградить себя от опьянения, когда ум всецело поработчен описанным сюжетом! Напротив, хотелось бы уснуть, уснуть надолго, чтобы хоть во сне перенестись в неведомые миры, которые гений на минуту открыл пред нами. Какая глупость изобразится на лице того, кто попадет, после этой симфонии, на комическую оперу или на вечер с модными каватинами и concerto для флейты. Кто-нибудь спросит: «как вам нравится этот итальянский дуэт?» Вы ответите пресерьезно:

- Прелестно!
- А эти вариации для кларнета?
- Превосходная вещь!
- А финал новой оперы?
- Нечто удивительное!

И какой-нибудь почтенный музыкант, слыша такие ответы и не подозревая, чем заняты ваши мысли, спросит, указывая на вас:

- Что это за дурень?..

Как бледнеют лестные, чудесные древние поэмы рядом с этим чудом новейшей музыки. Теокрит и Вергилий мастерски описывали природу; какая чарующая музыка, например, в подобных стихах:

Tu quoque, magna Pales, et te, memorande, canemus
Pastor ab amphryso; vos Sylvae amnes que Lycaei,

особенно, если их декламируют не такие варвары, как мы, французы, произносящие латынь подобно овернскому наречию.

А поэма Бетховена, с ее длинными, яркими периодами, живыми образами... Благоухание, свет, красноречивое безмолвие, обширный горизонт, манящие приюты в лесной чаще, золотые нивы; розовые облака, блуждающие по небу; беспредельная равнина, дремлющая в полуденный зной... Человека здесь нет, только природа разворачивается и любуется собою. А глубокий покой всего живущего. Дитя — ручеек, журча, бегущий к реке,

река — мать вод, в величественной тишине спускающаяся к морю. Является человек, селянин, сильный, верующий, его радостные забавы, прерванные грозой, испуг, благодарственный гимн...

Склоните знамена, бедные, великие поэты древности, бедные бессмертные. Ваш условный язык, такой чудный, такой гармоничный, не может соперничать с искусством звуков. Вы — побежденные герои, но все же побежденные. Вы не знали того, что мы ныне называем мелодией, гармонией, сопоставлением различных тембров инструментальной окраски, модуляциями, учеными спорами враждебных звуков, сначала сражающихся, потом примиряющихся и сливающихся; вы не знали наших слуховых сюрпризов, наших причудливых созвучий, на которые люди откликаются из глубины всей, даже самой безмятежной души. Лепет ребяческого искусства, который вы называли музыкой, не мог дать вам понятия об этом; только вы одни были для просвещенных людей мелодистами, гармонистами, великими мастерами ритма и выразительности. Но названия эти на вашем языке имели совершенно иное значение, чем теперь у нас. Искусство звуков в собственном смысле слова, вполне независимое, появилось очень недавно; оно в юношеском возрасте, — ему всего лет двадцать. Оно прекрасно, всемогуще; это — Аполлон Пифийский для новейших времен. Ему мы обязаны целым миром чувств и ощущений, которые вам были дотоле совершенно неизвестны.

Да, обожаемые, великие поэты, вы побеждены. *Inclyti sed victi.*

Эта всем знакомая симфония, благодаря своей программности, навела на мысль некоторых антрепренеров «обставить» исполнение симфонии различными посторонними атрибутами, так, напр., в Лондоне (1829 г.) Пасторальная симфония поставлена с пением и танцами; в Дюссельдорфе (1863 г.) она сопровождалась живыми картинами; в Лондоне (1864 г.), в театре Друри-лейн, она сопровождалась пантомимой. Изобретательные антрепренеры, видимо, находили фантазию Бетховена недостаточной богатую и изоцрялись в средствах дополнить ее. Она была первой из 9 симфоний Бетховена, появившейся перед русскою публикою (1 марта 1833 года в Петербурге), и единственною, заключающею в себе славянский элемент, а именно: первая тема 1-й части и побочная тема последней части представляют собою славянские мелодии, недавно найденные в сборнике, который лет тридцать тому назад издал Xaver Kuhas.

«Ты хочешь узнать что-нибудь о Бетховене, — писал Вильгельм Руст, некогда чудо-ребенок, своей сестре 9 июля 1808 года, — но, к сожалению, должен признаться, что мне не удалось сойтись с ним близко. Расскажу тебе то, что слышал о нем. Он такой же странный и оригинальный, как и композиции его; обыкновенно серьезный, иногда веселый, но всегда настроенный саркастически и язвительно. В то же время он держит себя подетски и, вероятно, очень откровенен; будучи врагом лжи, он нередко впадает в крайность и, избегая лести, создает себе множество врагов. Прослушав игру одного юноши, он сказал: «вам придется еще долго играть, пока вы придете к сознанию своей бездарности». Я тоже играл у него; он похвалил, в особенности

исполнение фуги Баха; «это вы играете хорошо», — сказал он мне, а такая похвала его много значит; впрочем, указал мне две ошибки: в одном месте я мало акцентировал, а в другом — повторил ноту, которая была связана лигой и которую надо было держать. Однажды в трактире, среди компании приятелей, он бранил Вену и здешнюю музыку; мне было очень приятно слышать от него подтверждение своего взгляда; в минувший сезон я посещал концерты, из которых удачными оказались лишь те, которыми управлял Бетховен. Весьма возможно, что он покинет Вену; по крайней мере, он часто повторял это; он принужден сделать это. Он как-то расспрашивал меня об оркестрах на севере Германии».

Согласно договору Наполеона и Александра, заключенному 25 июня 1807 года в Тильзите, западная часть Германии получила название королевства Вестфальского и поступила во владение Жерома Бонапарте, младшего брата Наполеона. В числе первых забот молодого короля было создание придворного штата и подобных двору развлечений; с этой целью были выписаны из Парижа драматические и оперные артисты, с этою же целью был отправлен в Вену камергер граф Трухзес-Вальдбург, которому поручено было, между прочим, постараться пригласить Бетховена на должность придворного капельмейстера.

Композитор, в расцвете своего гения не пользовавшийся в Вене той громкой славой, которая окружала молодого виртуоза, готов был покинуть столицу Австрии, чтобы на чужбине пользоваться обеспеченным в материальном отношении местом и, не заботясь о средствах к пропитанию, предаться исключительно композиторской деятельности.

В дневнике его появляется заметка: «Можно ли уехать из Австрии с паспортом, выданным за границу?... Годен ли такой?... NB. Прошу сообщить все расходы по пересылке писем...»

Но приятели задумали помешать осуществлению такого намерения и склонили трех сановников-меценатов заключить с Бетховеном договор, согласно которому композитору назначался ежегодный оклад в 4.000 гульденов, обеспечивающий его жизнь в столице Австрии. Во главе триумvirата стоял эрцгерцог Рудольф (1788 — 1831), — сын императора Леопольда II и брат благополучно царствовавшего Франца II (1768 — 1835), надменность которого не помешала бегству от Наполеона, а покровительство артистам не распространялось на Бетховена, не раз возмущавшегося царским пренебрежением. В предварительных

Бетховен, раб. Мелера (1804).

переговорах и составлении договора или декрета принимали участие приятели композитора, в особенности Глейхенштейн и Дорнер.

Будьте добры, — пишет он Дорнеру, — сообщите Глейхенштейну текст декрета. — Если у вас есть время, посетите меня как-нибудь. — Был бы рад видиться с вами иногда.

Весь ваш Бетховен.

Глейхенштейну, ездившему иногда на родину свою, во Фрейбург, посылаются в то же время записки, обнаруживающие глубокое волнение, колебание и неустойчивость нерешительного композитора в выборе одного из двух предложений — короля Жерома и триумvirата; там же поручается покупка дров у Фреха (Freschheit — дерзость), упоминается о предстоящих переговорах с ним и графиней Эрдеди относительно пенсионера, а также выражаются матримониальные замыслы, сопряженные с опасением, чтобы невеста не была похожа на Элизу Хан, предложившую себя в жены поэту Бюргеру и ставшую впоследствии злым гением последнего.

Дорогой мой! Приятель твой Фрех отпустил в прошлом году Брейнингу дрова, довольно дешевые. Окажи мне услугу и передай его Дерзости от меня, не может ли также доставить мне по дружбе несколько сажень. Графиня Э. очень больна, не то я просил бы тебя.

Беспутный барон! Я напрасно ожидал тебя вчера. — Дай мне знать — получу ли я дрова от Его Дерзости или нет. Я получил выгодное предложение быть капельмейстером короля Вестфальского. Мне будут хорошо платить. — Я должен заявить о своих условиях в дукатах и т. п. — Хочу об этом побеседовать с тобою. Позтому, если можешь, приходи сегодня после обеда около половины 4-го ко мне. Сегодня утром должен я выйти...

«Если бы эти господа содействовали созданию каждого нового значительного произведения, то такое положение дела было бы мне наиболее приятно. Тогда исчезло бы подозрение в том, что я не заслуживаю своего жалованья».

Графиня Эрдеди полагает, что тебе следовало бы составить с нею план, которым она могла бы руководиться, если к ней обратятся по этому делу, в чем она, конечно, уверена.

Твой друг Людвиг Бетховен.

Если бы сегодня после обеда у тебя нашлось время, графиня была бы рада видеть тебя.

Мой милый Глейхенштейн! У меня не было еще времени выразить свое удовольствие по случаю твоего приезда или повидать тебя, — к тому же объяснить тебе кое-что такое, что ты, вероятно, отлично заметил, но что не может вызвать твоего неудовольствия, так как печатает-

ся другое произведение, которым я плачу долг тебе или нашей дружбе. Пожалуйста, узнай в точности, что стоит теперь дукат. Завтра утром около 7-ми приду к тебе в город. Прощай.

Как всегда твой друг Бетховен.

Милый, добрый Глейхенштейн, из прилагаемого ты увидишь, что, оставшись здесь, я вызвал к себе особенное почтение. Звание императорского капельмейстера также вскоре последует и т. д. Напиши же мне по возможности скорее, как ты думаешь: следует ли мне ехать при теперешних военных действиях и так же еще твердо ли твое намерение ехать вместе. Многие отговаривают меня, но я последую в этом только твоему совету. Так как у тебя уже есть карета, то следовало бы устроить поездку так, чтобы часть пути мы проехали друг другу навстречу. Пиши скорее. Наконец, ты можешь помочь мне найти жену. Если там, в Ф., найдешь красавицу, которая подарила бы, может быть, вздох моим гармониям, — но только не какую-нибудь Элизу Бюргер — то затей знакомство. Во всяком случае, она должна быть красива, потому что я не могу любить некрасивого; не то я полюбил бы самого себя. Прощай и пиши поскорее! Поклон твоим родителям, твоему брату.

Обнимаю тебя сердечно и остаюсь твой верный друг Бетховен.

Сегодня уже поздно; написанное тобою я получил обратно от Э. только сейчас, потому что Г. опять приделал к нему несколько *item*, но и это. Прошу тебя во всем сообразоваться с моими требованиями в области искусства и тогда написанное тобою будет весьма близко к моим желаниям и помыслам. По предварительным переговорам видно, что мне дают в Вестфалии 600 д. золотом, 150 д. на проезд; за это не предстоит делать ничего иного, кроме дирижирования концертами короля, которые непродолжительны и нечасты; даже опорою собственного сочинения не обязан я дирижировать. Из всего этого видно, что мне возможно будет вполне осуществить мою заветнейшую мечту — писать большие произведения и притом в моем распоряжении оркестр.

NB. Звание театрального члена не подходит, оно может только вызывать неприятности. Имея в виду коронную службу, я думаю, необходимо действовать в отношении этого пункта осторожно; в особенности же следует иметь в виду намерение получить титул придворного капельмейстера, а получая жалованье при дворе, отказаться от суммы, получаемой мною теперь от этих господ. Мне кажется, что таким образом мог бы я скорее осуществить свою надежду и сильнейшее желание — поступить когда-нибудь на коронную службу; тогда немедленно откажусь от части суммы, равной жалованью, которое буду получать от его императорского величества.

NB. Завтра к 12 часам нам это необходимо, потому что мы пойдем к Кинскому. Надеюсь видеть тебя сегодня.

Как относился Бетховен к предложению триумvirата, видно из проектов договора, где композитор, принимая пенсию, считает долгом также принять на себя некоторые обязательства по части композиции и дирижирования, а вместе с тем, помимо денежного вознаграждения, имеет в виду заручиться театральным залом для устройства ежегодных концертов своих и обеща-

нием покровителей пристроить его к королевским театрам. Из окончательного же договора видно, что добрые намерения, скажем более, заветные мечты композитора были устранены и оставлены лишь два обязательства, триумвиры платят пенсioen, а Бетховен не покидает Австрию.

Эскиз договора.

Сначала привести предложение короля вестфальского.

Б. не может быть связан этим жалованием, потому что от этого пострадала бы главная цель его деятельности, т. е. создание новых произведений. Это жалование должно быть обеспечено Б-ну до того времени, пока он сам не откажется от него. — Если возможно, то также звание императорского. — Чередоваться с Сальери и Эйблером. Обещание двора в том, что можно будет в ближайшем будущем на действительную службу при дворе. — Или быть адъюнктом, если это представляет собою что-нибудь. — Контракт с театрами и звание члена правления театральной дирекции. — Раз навсегда установленный день для концерта в театре, если даже переменится дирекция; за это Б. обязуется или писать ежегодно одно новое произведение для благотворительного концерта, или дирижировать два произведения, смотря по тому, как предпочитают. — Указать контору банкира или иное подобное учреждение, где Б. мог бы получать свое жалование. Жалование должно выплачиваться также наследниками.

Другой эскиз еще обстоятельнее излагает намерение нашего композитора.

Стремление и цель всякого истинного художника должны заключаться в достижении положения, при котором ему вполне возможно было бы заниматься сочинением наиболее крупных произведений и чтобы другие работы или экономические условия не препятствовали ему в этом. Поэтому для композитора не может быть высшего желания, как возможность спокойно предаваться композиции больших произведений и исполнять таковые перед публикой. При этом он, однако, должен также непременно озаботиться обеспечением своей старости в достаточной мере.

Король Вестфальский предложил Бетховену пожизненное жалование в 600 дукатов золотом и 150 дукатов на проезд с единственным обязательством — иногда играть для него и управлять его придворными концертами, которые, впрочем, бывают нечасто и непродолжительны. Предложение это, без сомнения, вполне согласно с интересами искусства и артиста.

Между тем Бетховен питает такую склонность к жизни в этой столице, так признателен за оказанное ему внимание здесь и так глубоко проникнут чувством патриотизма и преданности второму своему отечеству, что всегда останется в числе австрийских музыкантов и никогда не переселится в другое место, если ему здесь удастся хоть сколько-нибудь воспользоваться вышеупомянутыми выгодами.

Так как знатные и высокопоставленные особы предложили ему объявить условия, на которых он согласен был бы здесь остаться, то на это требование отвечает он следующее:

1) Высокопоставленное лицо должно поручиться Бетховену в том, что последний будет получать пожизненное жалование, хотя бы во взносе этой суммы участвовало несколько лиц.

Жалование это, при нынешней дороговизне, не должно быть ниже 4.000 гульденов в год.

Бетховен желает, чтобы плательщики этого жалованья потом считали себя лицами, содействовавшими созданию его новых больших произведений и дающими ему возможность посвящать себя этим занятиям и не отвлекаться другой работой.

2) Бетховен должен всегда пользоваться правом предпринимать путешествия для усовершенствования в искусствах, так как только таким образом он может стать весьма известным и приобрести себе некоторое состояние.

3) Высшее стремление его заключается в поступлении когда-нибудь на действительную императорскую службу, дабы при помощи получаемого на службе жалованья иметь когда-либо возможность отказаться от вышеупомянутой суммы или части ее. А пока уже один титул придворного капелмейстера весьма очастливил бы его. Если бы таковой возможно было ему исходатайствовать, то здешнее пребывание имело бы для него еще большее значение.

В случае, если желание это когда-нибудь приведено будет в исполнение и его величеством назначено будет жалованье, то Бетховен из упомянутых 4.000 гульденов откажется от суммы, равной казенному жалованью; в случае же таковое будет равняться 4.000 гульденов, то он откажется от всей этой платы.

4) Так как Бетховену желательно также по временам исполнять свои новые большие произведения перед многочисленною публикою, то он желал бы получить со стороны членов придворной театральной дирекции, обязательное также для их преемников, разрешение о представлении ему ежегодно, в Вербное воскресенье, театра «An der Wien» для устройства концерта в свою пользу. За это Бетховен обязался бы ежегодно устраивать один концерт в пользу бедных и дирижировать им, или же, если он не будет в состоянии выполнить это требование, то обязан сочинить для подобного концерта новое произведение.

Договор в окончательном виде гласил следующее:

Деятельность г. Людвига ван Бетховена постоянно убеждает нас в необычайности его композиторского гения и внушает нам мысль о содействии ему в отношении осуществления возлагаемых на него надежд, исходящих из его нынешней деятельности. Так как, в то же время, известно, что только обеспеченный в материальном отношении человек может посвятить себя искусству и только при этом условии может он создать великие и вдохновенные произведения во славу искусства, то нижеподписавшиеся решили избавить г. Людвига ван Бетховена от подобных забот и устранить жалкие препятствия, препятствующие развитию его гения.

С этой целью нижеподписавшиеся обязуются выплачивать ему ежегодно сумму в 4.000 гульденов по следующему расчету:

Его императорское высочество эрцгерцог Рудольф — 1.500 гульденов, высококородный князь Лобкович 700 гд., высококородный князь Фердинанд Кинский 1.800 гд. — итого 4.000 гульденов.

Каковую сумму г. Людвиг ван Бетховен будет получать по полугодно от каждого из соучастников, соответственно доле каждого в договоре и под расписку.

Нижеподписавшиеся готовы уплачивать ему это содержание до тех пор, пока г. Людвиг ван Бетховен получит место с окладом, соответствующим вышеуказанной сумме.

Если же г. Л. ван Бетховен не получит такой должности или неблагоприятные обстоятельства и старость помешают ему заниматься музыкою, то нижеподписавшиеся обязуются выдавать ему эту сумму пожизненно.

За это г. Людвиг ван Бетховен обязуется жить постоянно в Вене, в резиденции высоких соучастников сего договора, или же в ином городе, находящемся в потомственном владении его величества императора ав-

стрийского, и не выезжать из этого города иначе, как на определенные сроки, с согласия высоких соучастников, и лишь по делам или в интересах искусства.

Рудольф эрцгерцог.
Князь Лобкович, эрцгерцог Рудницкий.
Фердинанд, князь Кинский.

Вена 1 марта 1809 г.

Затем следует подпись Бетховена:

«получил 26 февраля 1809 г. из рук е. и. в. эрцгерцога Рудольфа».

Отказавшись от должности капельмейстера при вестфальском дворе, Бетховен, тем не менее, был возмущен, услышав о том, что ученик его Ф. Рис, находившийся тогда в Париже и узнавший об отказе учителя своего, хлопочет о том же месте; сообщения Риса о непопулярности произведений Бетховена, о неохотном исполнении их во Франции еще более рассердили композитора, и вот он пишет своему дорогому ученику и приятелю несколько строк, проникнутых негодованием. Сообщение Риса о том, что французы не музыкальны, не может утешить композитора, а услуга, оказанная Рисом в 1806 году приятелям Бетховена присылкой из Бонна в Вену метрического свидетельства, в котором 1770 год значился временем рождения его, вызывает укоризненный тон записки.

К Фердинанду Рису.

Ваши друзья, мой милый, во всяком случае дают вам скверные советы! Но я их уже знаю: это те самые, которым вы тоже послали из Парижа прекрасные сведения обо мне; те самые, которые справлялись о моем возрасте, о чем вы сумели также дать такие хорошие указания; те самые, которые вам не раз уже вредили по отношению ко мне, а ныне навсегда повредили.

Прощайте. Бетховен.

Итак, лишь на сороковом году жизни Бетховен достиг материального обеспечения, о котором всегда мечтал и которое считал необходимым для своего творчества. Судьба улыбнулась ему, но, как увидим потом, улыбка была непродолжительна.

Вследствие отказа Бетховена или помимо его, капельмейстером в Кассель был приглашен Рейхарт, проведший в Вене зиму 1808 — 1809 гг., где он работал над оперою для вестфальского королевского театра; отсюда он писал своей жене письма, заключающие в себе немало интересных сведений о герое нашем.

Наконец, — пишет он 30 ноября, — удалось мне разыскать и навестить Бетховена; здесь так мало интересуются им, что едва указали его квартиру, и с большим трудом нашел я ее. Я застал его в большом пустом помещении. Сначала он смотрел так же мрачно, как и его квартира, но вскоре повеселел и, видимо, так же был рад видеть меня, как я его. Все нужные мне сведения он сообщил откровенно. Это натура мощная, с внешностью циклопа, но искренняя, сердечная и добрая. Он часто и подолгу живет у венгерской графини Эрдеди, занимающей переднюю часть

большого дома, верх которого занимает князь Лихновский; у последнего он жил несколько лет, но теперь рассорился с ним.

Еще одно лестное приглашение, — пишет сентиментальный капельмейстер 5 декабря, — получил я через Бетховена, не заставшего меня дома и оставившего любезную записку с приглашением к графине Эрдеди. Я так был поражен и удручен всем виденным там. Представь себе красивую, маленькую, худенькую, 25-летнюю женщину, вышедшую замуж 15-ти лет; после первого ребенка она захворала неизлечимою болезнью, почти все 10 лет провела в постели и, несмотря на это, имеет трех здоровых детей; ее высшее наслаждение — музыка; она прекрасно играет сочинения Бетховена и с опухшими ногами бродит от одного фортепиано к другому. При всем том она весела, ласкова и добра. Мы усадили шутника Бетховена за фортепиано. Он фантазировал около часа, то унося нас на недосягаемую высоту, то ввергая в сокровеннейшую глубину своего искусства; слезы не раз навертывались у меня, и я не находил слов выразить ему восторгов своих. Тронутый и счастливый, как ребенок, я припал к нему на грудь и радовался также тому, что всем присутствующим доставили удовольствие мои романсы на слова Гете.

Несколько дней спустя Бетховен доставил мне новое удовольствие (письмо от 10 декабря), пригласив к графине Эрдеди известных квартетистов, чтобы познакомить меня со своими новыми композициями. Он сам превосходно исполнил свое новое фортепианное трио, полное силы и оригинальности. Затем играли некоторые старые его квартеты. Скрипка Шупанцига в трудных пассажах соперничала с фортепиано, а последнее не уступало ей в певучести. Болезненная и трогательно веселая графиня со своею приятельницею, тоже венгеркою, так искренно наслаждались каждой смелой фразой, каждым тонким штрихом, что их радость доставляла мне почти столько же удовольствия, как и мастерское исполнение Бетховена. Счастлив артист, имеющий таких слушателей!

По случаю исполнения увертюры «Кориолан» на одном домашнем любительском вечере Рейхарт пишет:

«В присутствии автора все старались играть так усердно и громко, что грудь и голова точно разрывались у меня. Было приятно видеть Бетховена и овации ему, тем более, что его гнетет несчастная мысль, будто все его преследуют и презирают здесь. Его угрюмый вид, вероятно, отталкивает многих добродушных венцев и многие из тех, кто признает его заслуги и талант, при всем желании доставить ему некоторые удобства жизни, настолько бестактны, что задевают его самолюбие. Мне становилось больно до глубины души, когда я смотрел на это мрачное, страдающее лицо, хотя, в то же время, я убежден в том, что лучшие, наиболее оригинальные произведения его написаны именно в таком настроении. Кто находит удовольствие в его произведениях, никогда не должен забывать этого и не должен смущаться странностями и резкостями их».

Приближался день собственного концерта Бетховена, где композитору предстояло выступить со своими некоторыми новейшими произведениями; приходилось бегать то к камергеру

эрцгерцога, барону Швейгеру, за содействием в отношении получения театрального зала, то к капельмейстеру Зейфриду за составлением оркестра, то к Рекелю, к Мейеру и другим приятелям, без помощи которых композитор не мог ничего устроить; в записке к одному из них он твердит о том, что романс «Ah perfido», который должна была петь артистка Килицкая (жена Шупанцига), погубит его, если будет исполнен на сцене, без спущенного занавеса, декорации или иного экрана, отделяющего певицу от кулис, так как, по словам автора, пьеса эта написана для исполнения при театральной обстановке.

Милый, любезный друг! Все было бы хорошо, если бы повесили занавес, без которого ария провалится. Только сегодня в полдень узнал я это от З., и это меня огорчает. Пусть будет какая бы то ни было занавеска, хоть такая, что помещается над кроватью, или что-нибудь вроде ширмы, которую моментально можно удалить, покрывало и т. п. Необходимо что-нибудь. Ария эта ведь драматическая и написана скорее для театра, чем для концерта. Без занавеса или чего-нибудь подобного вся прелесть ее потеряна! потеряна! потеряна и все к черту! Двор, вероятно, прибудет. Барон Швейгер убедительно просил меня отправиться туда; эрцгерцог Карл принял меня и обещал прийти. Императрица же не обещала, но и не отказала.

Занавес!!!! или же меня с моею ариєю завтра повесят. Прощайте. В наступающем новом году прижимаю вас к сердцу так же, как было в прошлом. С занавесом или без занавеса

Ваш Бетховен.

Рекеля он просит найти переводчика текста мессы с латинского языка на немецкий.

Декабрь 1808.

При сем, друг мой, присылаю небольшой подарок в виде английского словаря — относительно вокальных пьес, полагаю, следует дать пропеть одну арию той певице, которая будет у нас петь, — за сим поставим две части мессы, но с немецким текстом, поищите, кто бы мог сочинить его. Не требуется особенного мастерства, лишь бы соответствовало музыке.

Весь ваш Бетховен.

Подробности о концерте сохранились в письмах Рейхарта к жене.

«Получив милостивое приглашение князя Лобковича быть у него в ложе на концерте 22 декабря, в театре An der Wien, я ответил изъявлением глубокой благодарности и не мог не явиться. С 6 до 10 часов происдели мы там в ужасном холоде и на опыте убедились в том, что приятные, а в особенности сильные впечатления следует испытывать в меру. Ложа князя находилась близ сцены, у самого оркестра, среди которого стоял Бетховен; неудачное исполнение не раз раздражало нас, но мы высидели до конца. Бедный Бетховен возлагал большие надежды на сбор и во время устройства концерта имел много неприятностей, но никакой поддержки. Певцы и музыканты были самого разнообразного качества, что невероятно мешало успеху репетиций. Тем не менее, представь себе, как много было сделано этим плодовитым гением и неотомимым работником.

Исполнены были:

1. Симфония № 6.
2. Ария «Ah perfido».
3. Гимн с латинским текстом (Gloria).
4. Фортепианный концерт № 4 в b-dur.
5. Симфония № 5.
6. Sanctus и Benedictus из мессы в c-dur.
7. Фантазия для фортепиано, solo.
8. Фантазия для фортепиано, затем с оркестром и хором.

Последняя вещь произвела в оркестре такое смятение, что Бетховен криком остановил оркестр и начал снова. Можешь себе представить, каково было мне и друзьям его! В эту минуту я пожалел, что не ушел раньше».

Об этом же концерте Зейфрид говорит: «на репетиции Бетховен заявил, что следует повторить одно место, т. е. играть дважды (da sarò), а в концерте забыл об этом и продолжал дирижировать, пропустив повторение. Это вызвало замешательство в оркестре, и автор остановился, крикнув: «еще раз!» Первая скрипка, известный виртуоз Антон Враницкий, раздраженно воскликнул: «Значит, с повторением?»

— Да, — ответил композитор и провел всю пьесу вполне гладко. После концерта Бетховена стали уверять, что он своим поступком оскорбил музыкантов.

— Никакого оскорбления нет в этом, — возражал он, — ошибку следовало исправить, публика платит деньги и может требовать складного исполнения.

Однако, удалось убедить Бетховена в его неосторожности, он извинился перед оркестром и со свойственной ему искренностью признавался всюду, что сам был виною замешательства.

Дирижировал Бетховен довольно скверно; он увлекался стремлением придать исполнению возможно более экспрессии, забывая о необходимости непрерывно регулировать игру всех музыкантов оркестра; поэтому в движении рук его было слишком много лишних, порою комичных жестов, скорее сбивавших исполнителей с такта, чем содействовавших складной игре, например: в тех долях такта, когда необходимо поднимать палочку, Бетховен, если хотел вызвать в оркестре forte, ударял палочкой по пюпитру, вызывая смущение и разлад среди музыкантов. Вместе с diminuendo дирижер все более сокращался и, дойдя до pianissimo, точно прятался от слушателей, когда же в партитуре стояло crescendo и fortissimo, то подымался все выше, становился на носки и размахивал руками над собою. Все в нем приходило в движение, ни один мускул не оставался в покое, он весь походил на perpetuum mobile; чем более усиливалась глухота его, тем чаще маэстро расходиллся с оркестром и ловил его легко лишь в негромких местах, при сильном же forte совершенно терялся. Иногда его выручало зрение: он следил за струнными инструментами, угадывал исполняемую фигуру и продолжал дирижировать в лад с оркестром. В наши дни можно встретить известных дирижеров, превосходящих Бетховена в обилии комичных и ненужных жестов: некоторые проделывают на своем стуле целые мимические сцены, но опыт и самообладание этих капельмейстеров позволяют им забавлять публику, не выпуская из рук десятков нитей, связывающих воедино все инструменты

оркестра, тогда как Бетховен нередко вносил разлад в исполнение и добродушно смеялся, если это случалось на репетиции.

«Не думал я, — говорил он, — что можно выбить из седла таких кавалеристов, как вы». Но бывали случаи такие и в концертах, например, во время первого исполнения 3 симфонии; тогда автор бросал вокруг себя громкие упреки, хотя виною всему был он сам, а не покорные музыканты. Из выше упомянутых писем Рейхарта видно, что зимою 1808 — 1809 гг. Бетховен принимал деятельное участие в исполнении своих произведений и часто появлялся в высшем венском обществе: в последних числах декабря он играл у графини Эрдеди свое новое трио (ор. 70, № 2) «с певучей, небесной фразой»; 9 января 1809 года эрцгерцог Рудольф в совершенстве исполнил в большом концерте у князя Лобковича несколько очень трудных фортепианных пьес принца Людвига Фердинанда и Бетховена; 15 января Бетховен играл у графини Эрдеди свои новые, чудные произведения и прелестные импровизации; 26 января у г-жи Биго был музыкальный вечер, на котором хозяйка мастерски исполнила пять больших сонат Бетховена, полных фантазии и глубины чувства; незадолго перед тем Рейхарт слушал игру Фердинанда Риса; «это, говорят, лучший ученик Бетховена; игра его нежная, его трио, квинтет и т. п. обнаруживают дарование, изобретательность, старание, богатство идей. Это приятный, образованный молодой человек, не без пользы проживший два года в Париже»; 2 февраля он пишет жене: «давно я слышал о жене майора Эртмана (урожденной Грауман, из Франкфурта на М.), великолепной пианистке, в совершенстве исполняющей произведения Бетховена. Чтобы познакомиться с нею, я навестил сестру ее, жену банкира Франке; меня поразила высокая, благородная фигура пианистки, прекрасное, выразительное лицо ее. И, действительно, сыгранная ею соната Бетховена никогда еще не производила на меня такого впечатления. У величайших виртуозов я не встречал соединения такой силы и такой необыкновенной мягкости; каждый палец ее как бы одушевлялся отдельным поющим существом, а в обеих одинаково искусных, уверенных руках было столько силы, столько умения владеть инструментом... По воскресным дням, после обеда, у Цмескаля бывают квартетные собрания; здесь также довелось мне слышать эту замечательную пианистку, вызвавшую восторг даже сурового Клементи...»

Доротея Эртман была в числе прелестных венков, полонивших сердце нашего композитора, но увлечение это было мимолетно, кратковременно и уступило место иному, более глубокому, более страстному, притягивавшему Бетховена к семье Мальфати (Malfatti), куда в 1809 году ввел его барон Игнатий Глейхенштейн (придворный секретарь и талантливый виолончелист), и где боготворили музыку и ее выдающихся представителей. Это были состоятельные люди, владевшие имением Валькерсдорф (близ монастыря Готвейх, в 80 верстах от Вены), где они проводили лето, а зимою переселялись в Вену, где собирали у себя многих талантливых артистов и музыкантов. Две дочери Мальфати отличались поразительною красотою; старшая из них, 14-летняя Тереза, со своими большими черными глазами, с длин-

ной косой каштановых волос, со смуглым матовым лицом, напоминала образ сказочных красавиц, а выдающееся музыкальное дарование, прекрасная игра ее на клавишине и речи, полные блестящего ума, усиливали обаяние, производимое юною красавицею на композитора. Как в былые годы, Бетховен опять охвачен страстью, опять его преследует любимый образ, опять он ищет встречи, посылает своей возлюбленной книги, рукописи сонат, пишет бесчисленные записки, полные восклицаний и бес-
связных фраз, опять он озабочен своею внешностью, заказывает различные туалетные принадлежности, новое платье модному портному Линду, шляпу, дорогие галстуки, рубахи и все это при содействии того же Глейхенштейна, в свою очередь мечтающего о женитьбе на младшей дочери Мальфати. Лишь только образ новой богини проносится в воображении артиста, он приходит в экстаз и заносит в дневник:

«Лишь любовь может облегчить невзгоды моей жизни!.. Боже, внуши ко мне сочувствие той, чья любовь способна сохранить мою добродетель!..»

Доротея Эртман-Грауман.

Отзвук этого настроения слышится в единственном сохранившемся письме артиста к Терезе.

При сем, уважаемая Тереза, прилагаю обещанное и если бы не самые уважительные причины, то вы получили бы еще кое-что, потому что я хотел показать вам, что для друзей своих я делаю всегда больше того, что обещаю. Надеюсь и даже не сомневаюсь, что вы занимаетесь прекрасно и не менее прекрасно развлекаетесь. Последним, конечно, увлекаетесь вы не настолько, чтобы забыть нас совсем. Тем не менее, было бы чрезмерной уверенностью в вас или чрезмерным сомнением с моей стороны применить к вам известное изречение о том, что ни расстояние, ни смерть не ослабляют симпатии. Кому придет на ум приписать это ветреной, легкомысленной Т.?

Не забывайте, однако, вашего занятия: игры на фортепиано или вообще музыки. У вас такое выдающееся дарование, отчего бы не развить его вполне? Почему вы, столь склонная ко всему прекрасному и высокому, не хотите приложить вашего дарования, чтобы постигнуть в совершенстве прекрасное искусство, постоянно отражающееся обратно на нас?

Я живу совершенно уединенно и тихо. Хотя по временам некоторые поэты пробуждают меня, но все же с тех пор, как вы все уехали отсюда, чувствую безотрадную пустоту, которую даже неизменное искусство мое не в состоянии пока заполнить. Фортепиано ваше заказано и вы его вскоре получите. Какую разницу найдете вы в обработке придуманной в тот вечер темы и тем, что я вам сейчас написал. Поймите сами, но только не прибегайте за помощью к пуншу. Как вы счастливы, что могли уже так рано переехать на дачу! Только с 8-го числа мне удастся наслаждаться этим счастьем. Как ребенок радуюсь этому; какое блаженство гулять среди полей, кустарников, трав, скал, деревьев. Никто

не может так любить деревню, как я. Ведь леса, деревья, скалы издают заветное эхо!

В скором времени получите от меня несколько других композиций, на трудности которых не можете пожаловаться. Читали ли вы «Вильгельма Мейстера» Гете и Шекспира, в переводе Шлегеля? Ведь на даче столько свободного времени. Я пришлю вам эти сочинения; быть может, они доставят вам удовольствие. Случайно один из моих знакомых оказался поблизости с вами. Как-нибудь утром, на полчаса, быть может, увидите меня у себя; зайду с тем, чтобы сейчас же убежать. Вы видите, что я угрожаю вам самой кратковременной скукой.

Передайте мой глубокий поклон вашему отцу, вашей матушке, хотя я, собственно, не имею на это права. Тоже и кузине М. Ну, прощайте, уважаемая Т. Желаю вам всего, что в жизни есть приятного и прекрасного. Вспоминайте меня чаще. Забудьте сумасбродство и будьте уверены, что никто не желает вам такой радостной, счастливой жизни, как я, даже тогда, когда вы и не сочувствуете

вашему покорнейшему слуге и другу Бетховену.

NB. Было бы весьма любезно с вашей стороны, если бы вы в нескольких строках указали мне, чем могу я здесь быть полезным вам?

Ни переговоры с издателями, в особенности с «Kunst und Industrie-Comptoir» Шрейфогеля и Веста, или с банкиром Генникштейном, также занимавшимся музыкально-издательском делом, ни частые и продолжительные уроки у эрцгерцога Рудольфа, ни музыкальные вечера у последнего, куда камергер Швейгер приглашал не только Бетховена, но и его приятелей, барона Глейхенштейна, доктора Дорнера и др., ни исправление «скучных творений царственного ученика», ничто не отвлекало внимания композитора от красавицы Терезы и не мешало ему посылать письма и записки своему новому другу, «подобному камню», Глейхенштейну (gleich — подобный, stein — камень), невольно ставшему поверенным не только в сердечных делах Бетховена, но и в его обыденных, издательских и денежных, делах.

Милый, добрый Глейхенштейн!

Посылаю тебе при сем 300 флоринов. Дай мне только знать: нужно ли тебе еще и сколько? Вышло сейчас же. — И прошу тебя купить мне — так как я очень мало смыслю в этом и все это мне противно, — полотно или бенгалину на рубахи и, по крайней мере, на полдюжины галстуков. Купи по своему усмотрению, только не откладывай, так как ты знаешь, что все это мне необходимо. — Линду я дал сегодня 300 флоринов вперед; в этот раз я поступил вполне по-твоему.

Иосиф Генникштейн выплатил мне сегодня по 27 флоринов за фунт стерлингов. И он приглашает тебя и меня вместе с Клементи завтра к обеду. Не отказывайся; ты знаешь, как охотно я бываю с тобой. Но дай мне знать: могу ли я передать Генникштейну, что ты будешь наврное. Ты не откажешься, не правда ли? — Поклон от меня всему, что дорого тебе и мне! Как охотно я приписал бы также: кому мы дороги???... Относится ли это по крайней мере ко мне? Кстати, сегодня и завтра у меня много дела, так что я не могу прийти к тебе, как хотел. — Прощай; будь счастлив! Я не могу быть таковым.

Твой Бетховен.

Эрцгерцог велел еще вчера вечером пригласить меня к себе на сегодня, к половине второго. Вероятно, раньше трех я не буду иметь возможности уйти, а потому я вчера же вечером немедленно послал отказ от имени нас обоих. — Если ты встретишь Генникштейна, то скажи ему,

что я тебе сейчас же сообщил о его приглашении, потому что он не очень доверяет мне, в чем он, собственно, отчасти прав. Я написал, что мы оба пригласим себя сами в другой раз. — Благодарю тебя за услуги. — Очень жаль, что ты не застал меня, но я вижу тебя так редко у себя, что мне простительно, если я никогда тебя не ожидаю. Если можешь прийти с Дорнером сегодня вечером к эрцгерцогу, то получишь от меня заблаговременно уведомление.

Твой Бетховен.

Приложение я послал тебе вчера после обеда, тотчас же после твоего первого отказа. Сказали, что ты в театре, тогда как было только 5 часов. — Ты видишь из приложенной записки Швейгера, что я рассчитывал на то, что Дорнер уже знает, что может прийти, и таким образом я не сказал тебе ни часа, ни прочего. Я сам доложил о тебе эрцгерцогу перед началом репетиции, и он очень любезно отнесся к этому. — Ты много потерял, но не от того, что не слышал моей музыки; ты увидел бы любезного, даровитого принца и, как друг твоего друга, ты также не испытывал бы высоты его положения. Прости мне это маленькое гордое замечание. Оно основывается на приятном сознании, что те, кого я люблю, поставлены также на одну высоту со мною. Это не мелкое тщеславие. В результате у меня от твоей дружбы только неприятности и досада. Прощай. Сегодня вечером буду у милых М.

Взгляни на царственный вкус. — Музыка так величественно подошла к поэзии, что, право, можно их назвать двумя скучными сестрами. — Дай мне знать: остаетесь ли вы дома, — но пораньше. — Прощай, холодный друг! Во всяком случае, ты не имеешь даже отдаленного сходства с твоим Бетховеном.

Дорогой Г., прошу тебя, представь к оплате этот вексель как можно скорее. Мой брат не знает как быть, не то я не затруднял бы тебя. Если же необходимо, чтобы я также отправился немедленно с тобою к тому, кто оплатил прошлый, то я готов.

Прощай!

Послезавтра утром пришлю к тебе за ним. Пришел бы сам, но не могу.

Бетховен.

Благородный друг!

Не можешь ли обрадовать меня сегодня своим посещением хоть на несколько минут.

Все шло сносно, но все же мне невыносимо.

С глубоким уважением твой почитатель Бетховен.

Мне было бы весьма приятно, мой милый, добрый Глейхенштейн, повидать тебя и поговорить где бы то ни было сегодня перед обедом между 1 — 2 или же после обеда. Зайти к тебе раньше не могу, так как

я сегодня слишком занят. Отвечай мне и не забудь назначить место, где можно будет нам сойтись. Прощай и люби

твоего Бетховена.

Если оплата векселя сопряжена для тебя с большим затруднением, то сообщи мне. В таком случае, посмотрю, насколько я сам способен заниматься вексельными делами.

Второпях твой друг Бетховен.

Будь столь добр, милый друг, напиши мне несколько строк по-французски, как следует мне написать письмо к графу Вюрму относительно Редута. Тебе это легко, а мне нет. Завтра утром пришло за этим. В Редуте я тебя не видел.

Я не требую от вас, милостивый государь, никаких визитов, никаких свиданий, дабы вы не очутились в неприятном положении, отказываясь от таковых или не сдерживая данного слова, — словом, ничего, кроме того, чтобы вы были любезны и, во-первых, написали в Лондон, а во-вторых, раздобыли бы для меня несколько славных, здоровых крепких перьев. Стоимость этого прошу прибавить к счету, который, как вы знаете, я уже так давно желаю от вас получить, — а ныне весьма настоятельно требую. Мой слуга осведомится у вас завтра утром по этому делу; если нельзя, то послезавтра, или еще позже. — Моя дружба не должна накладывать рамок на ваши удобства.

Ваш почитатель Л. в. Бтхвн.

Прошу тебя сообщить мне сегодня — будут ли М. вечером дома. — Ты, вероятно, будешь спать прекрасно. Хотя спал я мало, но предпочитаю также пробуждение всякому сну. Прощай.

Твой верный Бетховен.

Так как утром я не успел, то буду около полудня в «Дикаре» на Пратере. Надеюсь, найду там не дикарей, а прекрасных граций; — поэтому я должен сначала одеть на себя броню. Могу прийти только к обеду, но уверен, что ты не назовешь меня дармоедом. Итак, я приду. Если застану вас еще дома, то хорошо, если нет, то поспешу в Пратер, чтобы обнять вас.

Друг Бетховен.

Так как г-жа фон М. сказала мне вчера, что хочет пойти непременно сегодня к Шванцу, чтобы выбрать другое фортепиано, то я хотел бы, чтобы она предоставила мне в этом полную свободу. Я выберу ценою не более 500 флоринов. Если же оно будет стоить дороже, то ты знаешь, что эти господа предлагают мне всегда определенную плату, чем я никогда не пользуюсь; благодаря этому и могу заплатить дешево за дорогой инструмент и сделаю в этом случае первое исключение в своей практике, если только ты мне сообщишь — принимают ли мое предло-

жение. Прощай, милый, добрый Гл., сегодня увидимся, и ты дашь мне ответ.

Твой верный Бетховен.

При сем с., которую я обещал Терезе. — Так как я не могу видеть ее сегодня, то передай ей. — Поклон им всем от меня. Мне бывает так хорошо у них. Кажется, будто раны, получаемые мною от всех, кто терзает мою душу, там заживают. — Вот еще 50 флоринов на галстуки; если нужно еще — сообщи. Ты ошибаешься, если думаешь, что Gignons искал только тебя одного. Нет, я имел также счастье заметить, что он не отходил от меня; за ужином он находился около меня, он провожал меня домой; словом, он меня очень забавлял; во всяком случае, я никак не мог быть на высоте, а был глубоко внизу.

Прощай, люби меня Твой Бетховен.

Графиня приглашает тебя сегодня к обеду. Напиши в Фецбург, сколько думают израсходовать на покупку фортепиано. Не забудь гамбургских перьев.

Дорогой Глейхенштейн! Третьего дня ночью я видел сон, будто ты находился в конюшне и будто тебя околдовали и вознесли на небеса два великолепных коня; — так что ты забыл обо всем окружающем. Твоя покупка неудачна. Вчера, рано утром, лишь только сюда прибыл, как шляпа была уже изорвана. Она стоит слишком дорого и потерять такую сумму ужасно: поэтому ты должен постараться, чтобы ее взяли обратно и дали тебе другую. Ты можешь пока об этом заявить этим скверным торгашам; я пришлю тебе ее обратно. — Это просто невыносимо!

Сегодня и вчера мне нехорошо: у меня ужасная головная боль. — Да избавит меня небо от нее; достаточно мне одной болезни! Если можешь, пришли мне Тацита в переводе Барда. — В другой раз напишу больше; мне так скверно, что не могу более писать. — Прощай и не забывай меня и моего сна.

Твой верный Бетховен.

Баден, 18 июня.

Из письма Зимрока видно, что мы можем получить из Парижа благоприятный ответ. Сообщи свое мнение об этом моему брату, чтобы можно было скорее переписать.

Сообщи мне номер твоего дома.

Pour Mr de Gleichenstein.

Ответь мне относительно шляпы.

Поручая Глейхенштейну переговоры с промышленной конторой Шрейдогеля и Веста, композитор при этом пишет:

Приятель мой, г-н фон Глейхенштейн, имеет сделать вам некоторое предложение относительно меня; если вы его примете, то премного обяжете меня. Подобное предложение вызвано не недоверием к вам, но предстоящими большими расходами, вследствие нездоровья моего, а

также невозможностью получить деньги, именно теперь, там, где мне должны.

Ваш преданный Бетховен

Баден, 23 июля.

Надеюсь получить от тебя ответ. Что касается письма Зимрока, то думаю, что ему можно было бы дать эти вещи с некоторыми изменениями, так как это во всяком случае составит некоторую сумму. Можно было бы заключить с ним только для Парижа. После ведь он может делать, что ему угодно. — Таким образом, промышленная контора не может иметь против: — Как ты думаешь? Мне еще не совсем хорошо; думаю, что будет лучше. — Приезжай поскорее ко мне; — обнимаю тебя от всего сердца. — Много поклонов от меня одному весьма известному месту.

Твой Бетховен.

Баден, 16 июля.

Моему другу, подобному камню, но не имеющему себе подобного в добре и зле.

Милый, добрый Г.! Ты не пришел вчера. Во всяком случае, мне пришлось написать тебе сегодня, по заключению Шмидта мне нельзя оставаться здесь дольше! — Поэтому прошу тебя взяться сейчас же за дело в промышленной конторе. Что же касается барышничания, то можешь поручить это моему брату-аптекарю. — Так как дело довольно важное, и ты до сих пор устраивал для меня дела с пром. конторой, то по многим причинам нельзя возложить этого на моего брата. Вот несколько строк относительно дел с пр. к. Если ты завтра собираешься сюда, то устрой так, чтобы я мог выехать с тобою. Прощай! Я люблю тебя; сколько бы ты ни бранил все мои поступки, о которых ты судишь с неправильной точки зрения, ты не убедишь меня в этом. Может быть, Вест может приехать с тобой.

Твой Бетховен.

Милый, добрый Глейхенштейн!

Передай, пожалуйста, это завтра переписчику. — Как видишь, дело идет о симфонии. — Впрочем, если он не окончит завтра квартета, то отдай ее тогда в промышленную контору. — Можешь сказать моему брату, что я ему, конечно, не буду больше писать. — Причину я уже знаю. Дело в том, что он одолжил мне денег и еще кое-что оплатил за меня и потому — я знаю своего брата — он уже теперь озабочен, так как я не могу еще возвратить ему. Да к тому же, вероятно, и та особа внушает ему мысль о мести против меня. Лучше я возьму все 1.500 гульденов (из промышленной конторы) и заплачу ему. Тогда будет конец всей истории.

Да сохранил меня Бог от необходимости принимать благодеяния братьев. Всего лучшего.

Поклон Весту.

Твой Бетховен.

NB. Я послал отсюда симфонию в промышленную контору; они, вероятно, ее уже получили. — Когда снова придешь сюда, привези хорошего сургуча.

Его Высокородию г-ну фон Глейхенштейну

Хорошо бы, если бы ты потребовал 60 фл. свыше 1.500, или же, если ты думаешь, что я имею на то право, то 1.600. Впрочем, предоставляю все твоему усмотрению, в пределах законности и справедливости.

Я нездоров, и потому не могу прийти к тебе. — Возьми несколько бутылок вина, присланного тебе раньше. — Могу себе представить, как приезд М. беспокоит тебя. Поэтому не могу даже просить тебя, чтобы ты навестил меня. Если же можешь, то зайди. Прощай.

Люби меня твой Бетховен.

Pour mon ami Baron de Gleichenstein.

Твоя жизнь протекает среди тихого, спокойного моря, или уже в надежной пристани. — Страданий друга, который переживает бури, ты не чувствуешь или не можешь чувствовать. — Что могут думать обо мне на звезде Венере, Урании, как могут обо мне судить, не видев меня? — Моя гордость так унижена. Незваным я поеду туда с тобой. — Приходи ко мне завтра утром, я буду ждать тебя к завтраку около 9 часов. — Пусть Дорнер придет когда-нибудь в другой раз с тобою. Если бы ты только был откровенен. Ты, наверно, скрываешь кое-что от меня, ты хочешь пощадить меня, но возбуждаешь во мне этим неведением еще больше страданий, чем может принести самое ужасное известие. — Прощай! Если не можешь прийти, то сообщи мне заблаговременно. Думай и заботься обо мне. — Бумаге нельзя доверить больше ничего из того, что во мне происходит.

Твое сообщение вновь низвергло меня из сферы высокого восторга глубоко вниз. К чему это прибавление: ты хотел мне дать знать, когда будет музыка? Разве я ничто иное, как только музыкант, твой или кого-нибудь другого? — По крайней мере, так можно понять. — Итак, я должен вновь и только в себе самом искать утешения; иного для меня не существует в мире. Дружба и подобные ей чувства наносят мне только раны. Да будет так! Для тебя, бедный Б., нет счастья в жизни! ты должен все создавать сам в себе и только в идеальном мире найдешь друзей! Прошу тебя, успокой меня: сам ли я виноват во вчерашнем? если же ты не можешь этого, то скажи мне правду, — я выслушиваю ее так же охотно, как и высказываю. — Теперь еще есть время, истина еще может принести мне пользу. Прощай! Пусть твой единственный друг Дорнер ничего не знает обо всем этом.

Милый друг. Так поздно ужасно. — Прижимаю горячо к сердцу всех. — Что мешает мне сделать это. — Прощай, в среду утром буду у тебя. — Письмо написано так, что его может прочесть весь мир. — Если бумага обложки покажется тебе недостаточно чистой, то возьми другую. — Ночью я не мог различить, насколько она чиста. — Прощай, милый друг, думай и заботься также о твоём верном друге Бетховене.

Насколько было глубоко увлечение Бетховена, видно из того, что весной 1810 года он озабочен приобретением своего метриче-

ского свидетельства, необходимого при бракосочетании; с этой просьбой он обращается к доктору Вегелеру в Бонне, которому в то же время Брейнинг пишет: «уже более трех месяцев я не видел Бетховена; все это время он мне присылает дружеские записки, но не знаю причины, почему же он не навещает меня более».

Вена, 2-го мая 1810 года.

Добрый, старый друг. Эти строки, я думаю, вызовут твое удивление. Я часто вспоминаю тебя, хотя ты не имеешь тому письменных доказательств. Между моими рукописями уже давно лежит одна, предназначенная тебе; летом, наверно, получишь ее. Вот уже два-три года, как я прекратил тихую, спокойную жизнь и силой вовлечен в светскую. До сих пор она не дала мне ничего хорошего; скорее — наоборот. Но кто же не подвергался влиянию внешних бурь? И все-таки я был бы счастлив, быть может, одним из счастливейших людей, если бы демон не поселился в моих ушах. Если бы я не прочел где-то, что человек не вправе добровольно расстаться с жизнью до тех пор, пока в состоянии еще творить добро, — я уж давно покончил бы с собою. О, жизнь так прекрасна, но для меня она отравлена навсегда.

Ты не откажешь мне в дружеской просьбе: доставь мне метрическое свидетельство мое. Все расходы, которые с этим сопряжены, можешь немедленно получить от Стефана Брейнинга, который получит от меня. Если потвоему необходимо для этого съездить из Кобленца в Бонн и дать себе труд поискать там, то поставь все расходы на мой счет. Следует обратить внимание именно на то обстоятельство, что еще раньше меня родился мой брат, уже умерший, который также назывался Людвигом, только с прибавкою — Мария. Для того, чтобы точно определить мой возраст, следует найти, прежде всего, сведения об этом брате, ибо мне известно, что из-за него произошла ошибка, по которой меня считают старше. К сожалению, некоторое время я жил, сам не зная, сколько мне лет. Была у меня памятная книжка с соответствующими сведениями, но затерялась, Бог весть, каким образом. Итак, не сердись, если я по дружбе прошу тебя разыскать Людвиг-Марию и нынешнего Людвиг, явившегося после него. Чем скорее пришлешь мне метрическое свидетельство, тем более меня обяжешь. Рассказывали мне, что ты поешь в ваших франкмасонских ложах одну из моих песен, вероятно, в E-dur, которой у меня самого не имеется. Пришли мне ее; обещаю вознаграждать тебя иным образом, втрое, вчетверо. Не забывай обо мне и относись благосклонно, хотя я, казалось бы, этого совершенно не заслуживаю.

Обними и поцелуй уважаемую супругу твою, детей твоих и все, что тебе мило, от имени друга твоего

Бетховена.

Вегелер, исполнивший немедленно просьбу Бетховена, напрасно ждал от последнего несколько строк благодарности.

Эрцгерцог Рудольф.

спустя лишь три месяца получил он от своего шурина, Стефана Брейнинга, письмо, в котором последний извещал, что Бетховен еженедельно собирался писать Вегелеру, но, видимо, обстоятельства изменились, предположения о браке не осуществились, и нечего больше думать о признательности за труды по доставке метрического свидетельства. Неожиданно для композитора нашего Тереза Мальфати была помолвлена и вскоре стала баронессою фон Дросдик.

В двух дальнейших записках Бетховена к Глейхенштейну нет ни слова о красавице Терезе; влюбленный музыкант, затаив в глубине сердца страдания отвергнутого поклонника, уступает место деловому человеку, выражающему заботы о друге своем Брейнинге и т. п. Затем, когда Глейхенштейн, женатый на сестре Терезы Мальфати, Анне-Матильде, покидает Вену, композитор наш дает ему рекомендательное письмо к Петру Винтеру, придворному капельмейстеру, автору модной тогда оперы «Прерванное жертвоприношение».

Милый, добрый Глейхенштейн. Не могу никак воздержаться и не выразить тебе беспокойства своего относительно лихорадочно нервного состояния Брейнинга; не могу не просить тебя в то же время, чтобы ты привязался к нему крепче, насколько это возможно, или, лучше, чтобы ты постарался притянуть его ближе к себе. Обстоятельства не позволяют мне исполнить вполне высокий долг дружбы. Поэтому прошу тебя, заклинаю тебя, во имя добрых благородных чувств, которыми ты, конечно, обладаешь, взять на себя эту заботу, преследующую меня. В особенности было бы хорошо, если бы ты постарался брать его почаще с собою и удерживал бы его (каким примером прилежания мог бы он служить тебе) от чрезмерных и, мне кажется, не всегда необходимых занятий. Не можешь поверить, в каком возбужденном состоянии я уже нашел его. — Вчерашнюю досаду его ты знаешь. Все это последствие его ужасной раздражительности, которая убьет его, если он не будет предупреждать ее.

Итак, мой милый Глейхенштейн, возлагаю на тебя заботу об одном из моих лучших, испытаннейших друзей. Тем более, что твои дела устанавливают некоторую связь между вами, и ты можешь упрочить эту связь, давая ему понять, как можно чаще, что ты заботишься о нем; что тебе легко тем более, что он к тебе хорошо расположен. — Но твое благородное сердце, мне хорошо знакомое, не нуждается в указаниях. — Постарайся же ради меня и ради твоего доброго Брейнинга. Обнимаю тебя от всего сердца.

Бетховен.

Вот, друг мой, письмо к Винтеру. Во-первых, в нем сказано, что ты мой друг; во-вторых, кто ты таков, а именно: имп.-кор. придворный секретарь; в-третьих, что ты не знаток музыки, но тем не менее поклонник всего прекрасного и высокого. Поэтому я просил капельмейстера, в том случае, когда это будет зависеть от него, дать тебе также работу. Вот тебе совет: покажи себя в деле сколько-нибудь ревностным; это относится к области политики, в которой твой друг мало смыслит. Может быть, это пригодится тебе в Мюнхене для чего-нибудь другого. — А теперь прощай, милый друг! — Счастливого пути! Вспоминай иногда меня! Поклонись братцу!

Твой истинный друг Бетховен.

Воспользовавшись походом Наполеона в Испанию, Австрия подняла Баварию и Тироль против французского ига, но при первых же криках немцев о свободе Бонапарт появился под стенами Регенсбурга, разбил, отбросил австрийскую армию и направился к Вене. Его апостолическое величество, император, со всей семьей и с эрцгерцогом Рудольфом, со всем двором, со множеством сановников бежал из столицы 4 мая 1800 г., а через несколько дней Земмеринг, Деблинг, южные и западные предместья ее были заняты войсками Ланна и Бертрана. В столице Австрии правительство стало устраивать патриотические манифестации, в театрах ставились «народные» спектакли, должествовавшие вызвать геройский пыл обывателей, в зале Редута выступила Анна Мильдер (Хауптман) в аллегорическом одеянии «Австрии» и пела воинственные песни на слова Коллина; Бетховен также не избежал порыва патриотизма и принес ему в дань несколько пьес для военного оркестра: «марш богемских добровольцев, предводимых эрцгерцогом Антоном» (марш этот вошел в состав пьес, написанных Бетховеном в 1810 году для придворных торжеств в Лаксенбурге); Марш-Заря (сер. 25, № 288) и не изданный марш F-dur. Оборона Вены была возложена на эрцгерцога Максимилиана, в распоряжение которого даны 16 тысяч регулярных войск, городская милиция и несколько батальонов из добровольцев, в числе коих было много студентов и артистов; предложение французов о сдаче было отвергнуто, и в 9 часов вечера 11 мая первая бомба влетела в центр столицы Австрии: 20 гаубиц, установленных против Каринтских ворот, близ оперного театра, обстреливали одну из главных улиц и прилегающие дома, среди которых находилась квартира Бетховена. По примеру соседей, покинувших свои жилища и искавших спасения в безопасных углах центральной части города, композитор наш отправился к брату своему Карлу в Раухенштейнгассе, в погребе которого зарылся в подушки, чтобы не слышать канонады, не только раздражавшей его сильно, но способной совершенно погубить его большие органы слуха.

Недолго продолжалось упрямство осажденных: на следующий день, 12 мая, на крепостном валу взвился белый флаг, и временные обитатели подземелий разбрелись по своим квартирам. Взятие Вены не прекратило военных действий: вскоре затем последовали известные сражения при Эслингене и Ваграме, а столица лишь платилась контрибуцией, разорившею не одну бюргерскую семью.

Незадолго перед тем Бетховен получил полугодичный оклад от эрцгерцога Рудольфа и князя Лобковича;¹ третий покровитель, князь Кинский, покинувший Вену в феврале, находился при армии, и мысли его были заняты, конечно, не пенсией бедному музыканту. Впрочем, кошелек его имел достаточную плотность; лишь вступление французов, чрезмерные налоги и небывалая дороговизна предметов первой необходимости стали вызывать усиленные расходы и расстройство в финансах композитора; друзья, приятели, меценаты, которые не отказали бы в по-

¹ По-русски пишут обыкновенно Лобкович, хотя правильнее было бы писать Лобковиц (Lobkovitz).

мощи ему, давно покинули Вену; Лихновские, Вальдштейны бежали в свои имения; графиня Эрдеди выехала в свои поместья (в Кроации), Цмескаль также отсутствовал; оставался, кажется, один Брейнинг, разделявший участь остального населения, оторванного от всего мира валами и бастионами, лишенного даже почтового сообщения. До конца июля обыватели не смели выйти из городских ворот, и Бетховен, еще весною переселившийся обыкновенно на дачу, в предместья, принужден был теперь скитаться по улицам столицы, мимо опустелых дворцов, среди толпы незнакомых грустных обывателей.

Когда бряцает оружие, то муза молчит. Ничего выдающегося за это время Бетховен не создал. Напрасно издатель Томсон прислал (23 сентября 1809 года) из Эдинбурга 43 шотландских песни с предложением немедленно написать (за 10 фунтов стерлингов) аккомпанемент для фортепиано или арфы со скрипкою и виолончелью. Приняв заказ, композитор ограничился эскизами, и только обработка двух начатых произведений вызвала в нем некоторый интерес; то были соната op. 81 и концерт *Es-dur*, op. 73.

Соната op. 81, как уже было упомянуто, состоит из трех частей с такими заголовками: прощание, отсутствие и возвращение; эти клички побудили многих известных критиков, биографов и виртуозов трактовать сонату, как иллюстрацию к трогательному роману, где влюбленные герои испытывают тягость расставания, страдают в одиночестве, мечтая об объятиях и поцелуях, наконец, встречаются и навеки соединяют сердца свои. Подобная басня была настолько заманчива для поклонников программной музыки, что даже после того, как опубликованы были подробные заголовки автографа: «Прощание, Вена 4 мая 1809 г., день отъезда моего уважаемого эрцгерцога, его императорского высочества, князя Рудольфа; возвращение его императорского высочества, моего уважаемого эрцгерцога, князя Рудольфа, 30 января 1810 года»; даже после того, как Эд. Ханслик остроумно высмеял неудачных фантазеров, все еще появились романтического свойства комментарии к этой сонате. В техническом отношении произведение это долгие годы считалось весьма трудно исполнимым, а обилие разнообразных звуковых красок его поражало слушателя, что, вероятно, навело Бирея на мысль переложить сонату на оркестр, в каком виде ее называли «десятою» симфониею Бетховена.

Молчание музы, вызвавшее пересмотр и отделку некоторых готовых уже произведений, навело также учителя на мысль заняться немного педагогией и, так сказать, текущими делами: к этому тревожному времени относится работа Бетховена по сборнику материалов для занятий со своим учеником, эрцгерцогом Рудольфом; материалы заключались в выборе пьес из произведений Ф. Э. Баха, Фукса и Альбрехтсбергера для теоретических упражнений эрцгерцога.

В конце лета Бетховен получил от Брейткопфа и Хертеля посланные им давно для печати композиции, в том числе виолончельную сонату op. 69, посвященную барону Глейхенштейну; передавая последнему первый печатный экземпляр сонаты, автор сделал на обложке соответственную надпись, заканчивающуюся словами «*inter lacrimas et luctum*»; быть может, выра-

жение это — среди слез и скорби — относилось к осаде Вены или же к смерти старца Гайдна, сраженного нервным ударом при первом громе канонады; 26 мая Гайдн еще мог сесть за клавиесин и дрожащим голосом пропеть строфы созданного им немецкого народного гимна, а 31 мая ночью приятели стояли уже перед трупом творца «Сотворения мира».

Вскоре по восстановлении почтовых сношений Вены и почти одновременно с посылкою от Брейткопфа и Хертеля, получил Бетховен из Голландии диплом на звание члена академии, весьма похлестливый самолюбию композитора.

Амстердам, 9 августа 1809 года.

Секретарь четвертого отделения
Королевской Академии наук,
литературы и изящных искусств.
Господину Л. ван Бетховену.

Члену-корреспонденту названного отделения.

Милостивый Государь.

Четвертое отделение Королевской академии наук, литературы и искусства избрало вас членом-корреспондентом, о чем имею честь сообщить.

Отделение не сомневается в том, что ваше чрезвычайное дарование окажет содействие великой цели, предначертанной академии его величеством.

Честь имею засвидетельствовать почтение,

Милостивый Государь, вашего покорного слуги

К. И. Росс.

ГЛАВА VII

1809 — 1812

Знакомство с Беттиной Брентано (Ариим). — Опять сердечное страдание. — Намерение покинуть Вену. — Поездка в Теплицу. — Знакомство с Гете и Тидге. — Оперные замыслы. — Переговоры с Дрибергом, Трейчке, Хаммер-Пуришталем, Кернером и друг. — Открытие нового театра в Будапеште. — Амалия Зебальд. — Вновь увлечение. — Поездка к брату Иоганну в Липцу. — Переписка с издателями.

Единственным выдающимся произведением Бетховена, созданным в период увлечения Терезою Мальфати, был «Эгмонт» (ор. 84), ряд отдельных пьес, иллюстрирующих трагедию Гете; сюда входят: 1) известная всем увертюра, яркая по содержанию, прелестная по форме, отражающая, как в зеркале, доминирующее настроение всей трагедии; 2) песня Клары (1 д., 3 сцена, «Гремят барабаны»); 3) вторая песня Клары (3 д., 2 сцена, «И веселых, и тяжелых»); 4) четыре антракта; 5) смерть Клары; 6) видения Эгмонта и 7) «Победная симфония», или финал, раздающийся за последними словами Эгмонта, призывающего народ к восстанию за независимость; этот финал представляет собою также заключительную часть увертюры. Впоследствии появились два текста к музыке «Эгмонта», позволяющие ставить ее самостоятельно, без трагедии Гете. При первом исполнении этого произведения, 24 мая 1810 года, роль Клары играла молодая и необыкновенно красивая артистка Антонина Адамбергер; в 1817 году даровитая артистка эта вышла за известного археолога Арнета; в 1867 году она так описывала Тайеру подробности первой постановки «Эгмонта» с музыкой Бетховена:

«Тогда я была молоденькой девицей, постоянно смеющейся и глупенькою, не способною понять значение великого человека, с которым меня познакомили и присутствие которого несколько меня не смущало.

— Умеете ли вы петь? — спросил он меня.

Я резко дала отрицательный ответ.

— Как! — воскликнул он удивленно, — вы не умеете петь, а меня заставили написать для вас две арии!

Я ответила, что училась только четыре месяца, но, заболев горлом, прекратила занятия.

— Вот и прелестно, — заметил он на венском диалекте.

Затем мы направились к фортепиано, он стал перелистывать кипу нот, которые остались мне от отца, и я распевала, как по-пугай. Просматривая их, он нашел известное рондо из оперы Цингарелли «Ромео и Джульетта».

— О! Вам знакомо оно? — спросил он, садясь за клавиши. Я без стеснения спела арию и пустилась в болтовню с ним. Взор его выражал большое удовольствие и, отечески лаская меня, он прибавил:

— Прелестно, дитя мое, — я теперь узнал то, что мне нужно.

Через три дня он пришел ко мне с двумя ариями и несколько раз пропел их сам, чтобы объяснить мне свои намерения. Я учила их с ним и в три урока достигла исполнения, удовлетворявшего автора.

— Прекрасно, — сказал он мне на прощание, — пойте арии так, как вы их пели мне, не слушайте посторонних замечаний, от кого бы они не исходили и не прибавляйте ни одной ноты к написанному мною».

После этого артистка встречала композитора лишь на репетициях; на одной из них кто-то посоветовал петь арии под аккомпанемент лишь гитары, тогда как Бетховен, ввиду неопытности певицы, сосредоточил главный интерес их в оркестровом сопровождении; непрощеному советчику пришлось за это выслушать грубую отповедь автора.

Вслед за сочинением «Эгмонта» в деятельности Бетховена вновь наступило довольно продолжительное затишье, слегка прерывавшееся созданием произведений, большинство которых поражает своею бледностью, шаблонностью и бессодержательностью, хотя автор посвящал много времени отделке и очень был озабочен изящным, безошибочным изданием их фирмою Брейткопф и Хертель.

Жил он в это время опять в доме Пасквалати, где занял квартиру еще зимою, что видно из записки к профессору Леб (Loeb), где указывается обычный еще в наше время за границею порядок расплаты, считая со дня Св. Михаила, 29 сентября, или со дня Св. Георгия, 23 апреля.

Г-ну профессору фон Леб.

Р. S. Так как барон Пасквалати сказал мне, что я могу вновь занять квартиру в его доме, в 4-ом этаже, то прошу мил. гос. считать меня своим жильцом: то есть, с ближайшего Георгия по 500 флоринов в год. Сегодня не успею, не то послал бы вам охотно задаток; поэтому сделаю это на днях.

Ваш преданнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Вена 8 фев. 1810 г.

Однажды, сидя за роялем, автор наигрывал и напевал одну из новых своих мелодий, как вдруг чьи-то две руки хлопнули его по плечу; возмущенный такой дерзостью, он быстро повернулся к неожиданному посетителю и готов был отпустить соответственную случаю брань, но слова замерли на устах его. Молодая, красивая незнакомка стояла перед ним, дружески улыбаясь, и, нагнувшись к уху его, тихо произнесла: — Меня зовут Беттиной Brentano.

Образ красавицы и ее уже известное имя вызвали на лице композитора выражение глубокого счастья, высказать которого он не мог иначе, как предложив немедленно выслушать последнее свое произведение (ор. 75, № 1); с чувством, хотя грубо и слишком громко, запел он:

Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут...

Беттина Брентано.

Окончив романс, автор спросил свою гостью: нравится ли он ей? Молча кивнула головою взволнованная слушательница, что очень польстило композитору и вызвало повторение романса. Заметив, после второго исполнения, румянец на ее лице и лихорадочный блеск в глазах, Бетховен воскликнул:

— Ах, дитя мое, вы — артистка в душе, вы чувствуете, как они. Прекрасное трогает всех благородных людей и доводит их порою до слез; но истинный артист не плачет, энтузиазм воспаляет его.

Затем композитор положил перед собою другую рукопись (ор. 83, № 1), тоже на слова Гете, и так же восторженно пропел:

Не высыхайте. слезы вечной любви...

Это первое свидание Бетховена с Беттиной завершилось посещением брата ее, Франца Брентано, женатого на дочери приятеля Бетховена, Мельхиора фон Биркенштока; большое общество, собравшееся здесь в тот день, было очень удивлено появлением Беттины под руку с великим композитором, избегавшим шумно-

го общества. В прекрасном настроении провел Бетховен остаток дня у Брентано, стараясь все время быть с Беттиной.

Беттина (Елизавета) Брентано (1785 — 1859), впоследствии жена Иоахима фон Арним, была в дружбе с Гете, на которого красота ее действовала неотразимо; наш композитор, подружившись с братьями ее, Францем и поэтом Клементием, стал в близкие отношения к Беттине, что способствовало увлечению ею, вызвало затем нежные, страстные к ней письма и оставило в сердце его новую неизлечимую рану. Беттина, со своей стороны, вынесла из первой встречи с Бетховеном сильное впечатление, описанное ею в письме к веймарскому поэту-министру:

«Когда я впервые увидела того, кого хочу описать вам, весь мир померкнул предо мною. Пишу тебе о Бетховене, он заставил меня забыть обо всем, даже о тебе, о Гете! Не знаю, как выразить свою мысль, но, быть может, это невероятно и непонятно, тем не менее я ничуть не заблуждаюсь, утверждая, что человек этот далеко опередил современную цивилизацию. Достигнем ли мы его когда-нибудь? Сомнительно! Проживет ли он так долго, чтобы разрешить чудовищную задачу, задуманную гением его; может ли он достичь идеальной цели, которую наметил себе, и оставить нам таинственный ключ к обители истинного блаженства?.. После первой встречи он ежедневно навещает меня, если мне не удастся самой побывать у него. Чтобы только насладиться беседой с ним, я бегу общества, отказываюсь от театров и музеев.

Признаюсь, я верю в божественную силу, составляющую сущность духовной природы, и эту силу Бетховен проявляет в своем искусстве; Бетховен чувствует, что он создает новый храм в духовной жизни. Ты, вероятно, понимаешь, что я хочу сказать и что справедливо из сказанного мною. Что могло бы заменить нам этот возвышенный дух? От кого можем мы ожидать того, что он дает нам? Вся жизнь человеческая бьется вокруг него, как часовой механизм; он один творит свободно никому недоступное и еще никем не созданное. Какое дело до всего обыденного человеку, который с восхода солнца до заката занят священнодействием, который забывает о пище, который на крыльях вдохновения несется среди однообразной будничной жизни. Он сам сказал мне: «Когда я гляжу вокруг себя, то у меня вырываются вздохи, потому что все окружающее противоречит моей религии; мне приходится презирать свет, который даже не подозревает, что музыка — высшее откровение, что она выше, чем вся премудрость и философия...» Все это сказал мне Бетховен при первой же встрече. Хотя для него я лишь ничтожество, но он так ласково и откровенно беседовал со мною, что я прониклась глубоким уважением к нему. Меня поразила даже его словоохотливость, так как я слышала, что он нелюдит и избегает вообще бесед. Никто не решался даже отправиться со мною к нему, и я должна была пойти одна. У него три квартиры, куда он прячется поочередно: в деревне, в городе и у Bastei; там я нашла его в третьем этаже... Он проводил меня домой и дорогой говорил много об искусстве, при этом голос его звучал так громко, он так часто останавливался среди улицы, что порою бывало неловко слушать его... Вчера я была с ним в прелестном саду, все было в цвету, воздух пропитан ароматом. «Поэзия Гете, — сказал он, останавливаясь среди аллеи, — действует сильно на меня не только своим содержанием, но также слогом, рифмой; она полна гармонии и побуждает меня также создавать ее... Ну, довольно философствовать, не то я опоздаю на репетицию... если вы поняли меня, то напишите это Гете; впрочем, я не уверен ни в чем и готов у него поучиться...» Он повел меня на репетицию; я сидела одна в пустой ложе, в полусвещенном пространстве... О Гете, ни один царь, ни один король не сознает так своей мощи, как Бетховен... Вчера вечером я все записа-

ла, а сегодня утром прочла ему. «Я говорил все это? Что за дурь нашла на меня!» — воскликнул он. Затем он сам перечитал все и сделал поправки, чтобы ты мог понять мысль его.

Квартира его — это нечто необыкновенное: в первой комнате 2 или три безногих роля лежат прямо на полу; тут же сундуки с вещами его и треногий стул; во второй комнате постель, состоящая летом и зимою из сенника и плохенького одеяла; умывальный прибор на сосновом столе; принадлежности ночного туалета валяются на полу. Он стал посмешивать благодаря своей рассеянности, ею злоупотребляя до того, что у него едва остается денег на самые насущные потребности. Друзья и братья собирают его, платья изорваны, вид растерянный...»

В ответ на это Гете писал своей юной подруге:

«Дорогое дитя, ваше письмо доставило мне минуты высокого счастья. Вы мужественно напрягли все ваши силы, чтобы внушить мне представление об этом высоком и благородном уме... Я был рад иметь пред собою образ этого гениального человека... Передайте от меня Бетховену лучшие пожелания и скажите, что я охотно готов принести некоторую жертву с целью свести с ним знакомство и обменяться мыслями и чувствами. Быть может, вы воспользуетесь влиянием своим и склоните его приехать в Карлсбад, где я провожу каждое лето. Там я на свободе буду слушать его и поучаться от его речей. Просвещать его было бы с моей стороны просто нелепо; им руководит высокий ум, а лучи гения представляют ему все в истинном свете, тогда как мы находимся во тьме и едва определяем место, откуда загорается рассвет».

Вскоре затем Беттина, покинув Вену, получила другое письмо, без философских сентенций, без выпяренных выражений, грубовато-простое, искреннее, полное глубокого, томительного чувства.

Вена, 11 августа 1810 года.

Бесценная подруга!

Никогда еще весна не была для меня так прекрасна, как в этом году; причиной тому знакомство с вами; говорю то, что чувствую. Вы, вероятно, сами заметили, что, находясь в обществе, я подоен рыбе на пекке, которая все ворочается и не может убраться до тех пор, пока какая-нибудь великодушная Галатея не перенесет ее в пучину моря. Да, милейшая подруга, я, действительно, находился на суше. Ваше неожиданное появление застало меня в то время, когда уныние вполне овладело мною, но при одном вашем взгляде исчезло совершенно. Я понял, что вы появились из иного мира, а не здешнего, нелепого, не заслуживающего ни малейшего внимания. Я жалкий человек и жалеюсь на других!! Вы, конечно, простите мне это; вы так добры, ваша душа светится в глазах ваших, и ум ваш отражается в вашем внимании; когда вы слушаете, то будто ласкаете вашего собеседника. Мой слух, к сожалению, представляет преграду к дружескому общению с окружающими. — Впрочем, если бы я знал вас ближе, то, вероятно, в состоянии был бы понять этот крайне пугливый взгляд ваших глаз! Он так изумил меня, что я этого никогда не забуду. — Милая подруга! дорогая моя... Искусство! — Кто понимает его и с кем можно поговорить об этой великой богине... Как люблю мне те несколько дней, когда мы вместе болтали или, еще более, переписывались. Я спрятал все эти маленькие записки, в которых находятся ваши остроумные, милые, дорогие ответы. Итак, я обязан своему скверному слуху тем, что лучшая часть этих беглых разговоров записана. Со времени вашего отъезда имел я много неприятностей, провел немало тех тягостных часов, когда

исчезает способность к работе. После вашего отъезда, около трех часов бегал я по Шенбрунну и к Bastei, не встретив ни одного ангела, который бы так овладел мною, как ты, ангел... Простите, милая подруга, за такое отклонение в тоне: подобные интервалы мне необходимы для того, чтобы высказать все, что у меня на сердце. А Гете вы написали обо мне, не правда ли? Я готов спрятать голову свою в мешок, чтобы ничего не слышать и ничего не видеть из всего, что происходит в мире, ибо тебя, милый ангел, больше не встречу! Но письмо я все же получу от вас. Живу надеждой; ведь ею живет полмира; она была спутницей всей моей жизни; иначе что стало бы со мною! — При сем присылаю собственноручно мною написанный романс как воспоминание о той минуте, когда я познакомился с вами. Посылаю также и то, что мною сочинено с тех пор, как я простился с тобой, мое сердце, моя дорога!

О сердце, сердце, что с тобою,
Что властно так тебя гнетет?
Пред жизни новою зарею
Мой ум тебя не узнает...

Да, милая подруга, отвечайте мне на это; напишите мне, что означает перемена в отношениях ваших ко мне с тех пор, как сердце мое сделалось таким мятежным? Пишите вашему преданному другу
Бетховену.

В следующем году Бетховен пишет ей вновь; пораженный вестью о предстоящем браке ее он шлет ей лучшие пожелания, благодарит за память, о чем он узнал из письма Беттины к Тоне (жене Франца Brentano, Антонии, урожденной Биркеншток); тут же, цитируя Жанну д'Арк, жалуется он на свое нынешнее положение и предлагает вспомнить стихотворение Шиллера «Реки», где река Шпрее говорит:

«Некогда Рамлер дал мне язык, а материю — Цезарь; я похвалялась тогда, но зато ныне молчу».

Вена, 10-го фев. 1811 г.

Любезная, милая подруга!

Я получил уже два письма от вас и вижу из письма вашего к Тоне, что вы постоянно меня вспоминаете и притом с чрезвычайным участием. — Ваше первое письмо носил я при себе все лето и часто находил в нем свое спасение. Хотя я и не пишу вам часто и вы от меня ничего не получаете, но мысленно 1000, 1000 раз пишу вам тысячу писем; — если бы даже вы сами не описали, то я мог бы представить себе, каково вам в Берлине, среди мировой пошлости, рассуждения, бездарной болтовни об искусстве!! Лучшее изображение этого находится в стихотворении Шиллера «Реки», где Шпрее говорит... — Вы выходите замуж, милая подруга, или же это уже свершилось; и я не мог еще раз видеть вас до этого. Да стекутся к вам и супругу вашему все блага, которыми украшается супружество!

Что могу вам сказать о себе? «Жалей меня, оплачь мою судьбу!» — восклицаю я вместе с Жанною. Если удастся мне прожить еще несколько лет, то и за это и за все прочее, хорошее или худое, воздам благодарность Всевышнему. Если будете писать обо мне Гете, то подберите слова, которые выразили бы ему мое искреннее почтение; я сам собираюсь писать ему насчет «Эгмонта», к которому я сочинил музыку, и это только из любви к стихам, которые доставляют мне блаженство. Но кто в силах выразить благодарность великому поэту, драгоценнейшей жемчужине всей нации. — Ну, милая, добрая Б., довольно. Сегодня вернулся я в четыре часа утра с вакханалии, где мне пришлось

много смеяться, чтобы сегодня почти столько же поплакать; шумная радость весьма часто заставляет меня углубляться в самого себя. Много благодарен за предупредительность Клементия. Что касается кантаты, то здесь такие вещи для нас не имеют особенного значения, другое дело в Берлине. — Что же касается моего расположения, то сестра владеет им в такой мере, что брату немного остается. Довольно ли будет с него? Затем, прощай, любезная, милая Б.; целую тебя с грустью в лоб и тем прикладываю к тебе, как печатью, все мои помышления.

Пишите скорее, скорее, чаще вашему другу

Бетховену.

Спустя еще год композитор продолжает свои нескромные признания в любви к той, к которой его постоянно влек «внутренний голос».

К Беттине фон Арним.

Милейшая, добрая Беттина!

Короли и князья могут, пожалуй, давать звание профессора, дарить чин тайного советника и другие титулы, навешивать орденские ленты, но производить великих людей они не в состоянии, создавать умы, выдающиеся над жалкой толпой — вещь для них непосильная, и потому к ним надо относиться с уважением. Когда сходятся такие двое, как я и Гете, то следовало бы этим знатым господам иметь в виду наши понятия о великом. Вчера, возвращаясь домой, мы встретили всю императорскую семью; издали мы заметили их приближение, и Гете высвободил свою руку из моей, чтобы отойти в сторону, и, несмотря на все мои увещания, он остановился в стороне неподвижно. Я надвинул шляпу на голову, застегнул свой скюртук и, заложив руки назад, пошел среди густой толпы. — Князья и блюдолизы образовали шпалеры; герцог Рудольф снял предо мною шляпу, императрица поклонилась первая. Эти господа знают меня. Мне смешно было смотреть, как процессия дефилировала пред Гете, стоявшим в стороне с обнаженной и низко склонившейся головой. После того я намылил ему голову, не давая пощадить и упрекая во всех его прегрешениях, в особенности против вас, милейшая подруга, ибо как раз речь зашла о вас. Господи! если бы я мог так проводить с вами время, как он, верьте мне, я создал бы много более великого. Музыкант тоже поэт: пара глаз может его внезапно перенести в лучший мир, где музы могут, шутя, внушить ему великие творения. Что только не приходило мне в голову, когда я познакомился с вами ближе у маленькой обсерватории, во время чудного майского дождя, бывшего для меня также весьма плодотворным. Из глаз ваших проникли тогда в мое сердце прекраснейшие темы, которые станут восхищать мир только тогда, когда Бетховен не будет больше дирижировать. Если Бог подарить мне еще несколько лет жизни, то я должен вновь видеть тебя, милейшая, любезная подруга; этого требует внутренний голос, который никогда не обманывает меня. Души также могут любить друг друга. Я всегда буду добиваться вашей любви. Ваша похвала мне милее всего в мире. Я высказал Гете свой взгляд относительно того, насколько одобрение действует на нас и что от людей, ему подобных, желательно услышать обстоятельное мнение. Умиление пристойно только бабам (прости мне это); в мужчине музыка должна воспламенять дух. Ах, милое дитя, давно уже мы сходимся во взглядах!!! Ничего нет лучше, как обладать прекрасной душой, которая узнается во всем и пред которой нет надобности скрываться. Необходимо быть чем-нибудь, если хотят чем-нибудь казаться. Свет должен узнавать людей; он не всегда несправедлив. Я в этом не нуждаюсь, потому что преследую более возвышенную цель.

В Вене буду ожидать от вас письма; пишите скорее, скорее и как можно больше; через неделю я буду там. Двор отправляется завтра, а сегодня они играют еще раз. Он прошел с императрицею всю ее роль. Его герцог и сам он хотят, чтобы я сыграл что-нибудь из моих сочинений; я отказал обоим. Они оба влюблены в китайский фарфор. Тут уж снисхождение — вещь необходимая, так как ум больше не руководит ими; но я, ради их сумасбродства, играть не стану. Я не делаю бессмысленных поступков, для толпы или князей, которые никогда не остаются в долгу. Прощай, прощай, добрейшая. Последнее твое письмо лежало целую ночь на груди моей и услаждало меня. Музыканты позволяют себе все.

Боже, как я люблю вас. Твой вернейший друг и глухой брат

Бетховен.

Теплиц, 15-го августа 1812 г.

Подруга Гете еще долгие годы оставалась кумиром композитора и, вероятно, не раз содействовала полету фантазии его, вдохновляемой музою Гете.

Создание музыки к «Эгмонту» вызвало обмен письмами между композитором и поэтом.

Его превосходительству господину фон Гете.

Вена, 12-го апреля 1811.

Ваше превосходительство!

Пользуясь случаем, представившимся благодаря одному приятелю моему, также вашему большому поклоннику (как и я), уезжающему немедленно, чтобы выразить вам признательность за все те долгие годы, которые я вас знаю (а знаю я вас с детства) — это так мало за столь многое — Беттина Brentano уверяла меня, что вы приняли бы меня не только любезно, но даже дружественно, но как смею я думать о таком приеме, если считаю за честь только приблизиться к вам с величайшим почтением и несказанным сердечным волнением, вызванным вашими чудными творениями — вскоре вы получите из Лейпцига от Брейткопфа и Хертеля музыку к «Эгмонту», этого великолепного «Эгмонта», которого я пережил, продумал и положил на музыку с таким же пылом увлечения, с каким перечитывал его. — Я очень желал бы знать ваше мнение о ней, и порицание ваше так же послужит мне и искусству моему на пользу и будет принято мною так же, как и величайшая похвала —

Вашего превосходительства великий поклонник

Людвиг ван Бетховен.

Карлсбад, 25 июня 1811.

Глубокоуважаемый и милостивый государь!

Ваше любезное письмо получил с большим удовольствием через господина фон Олива. За выраженные в нем чувства сердечно благодарен и могу вас уверить, что отвечаю вам тем же и, слушая исполнение ваших произведений хорошими артистами или любителями, во мне всегда являлось желание увидеть вас когда-нибудь за роялем и насладиться вашим необыкновенным дарованием. Добрейшая Беттина Brentano вполне заслуживает того участия, которое вы ей оказали. Она говорит о вас с восторгом и живейшей симпатией и считает часы, проведенные с вами, счастливейшими в своей жизни.

Посвященную мне музыку к «Эгмонту» я, наверное, застану, когда возвращусь домой, и уже заранее благодарен — ибо уже от многих

слышал о ней похвальные отзывы и предполагаю поставить ее в течение этой зимы вместе с названной пьесой в нашем театре, чем доставлю величайшее наслаждение самому себе и вашим многочисленным здешним поклонникам. Очень желал бы я подтверждения словам господина фон-Олива, обнадежившего нас, что вы посетите Веймар во время предстоящей поездки вашей, но желательно, чтобы это было в такое время, когда весь двор и вся музыкальная публика в полном сборе. Вам, конечно, будет оказан прием, достойный ваших заслуг и дарования. Но никто в этом не заинтересован более меня, посылающего вам пожелание доброго здоровья и просьбу не забывать меня и приносящего искреннейшую благодарность за все то, чем вы одарили меня.

Война внесла расстройство в дела австрийские; правительство, истощившее свою казну, было вынуждено выпустить суррогат звонкой монеты в виде ассигнаций и выкупных свидетельств в таком значительном количестве, что курс денежный сильно понизился, и эти билеты принимались лишь за пятую часть номинальной стоимости.

Триумвират покровителей Бетховена неохотно выплачивал обещанную сумму; к чести эрцгерцога Рудольфа надо заметить, что он остался наиболее исправным плательщиком и уплачивал Бетховену билетами, не сообразуясь с курсом их, а почти по номинальной цене. Таким образом, пенсий в 4.000 гульденов обратился в действительности в сумму около 1.500 гульденов. Наоборот, физические страдания росли в обратной пропорции, головные боли и опухание ног стали чаще приковывать Бетховена к постели. Вновь композитор оказался в стесненном положении, вновь явились планы покинуть Вену и найти себе обеспеченное место вне Австрии; особенно нравилась ему мысль переселиться в Неаполь, откуда было сделано лестное предложение и где климат мог содействовать его выздоровлению. В дневнике композитора в 1811 г. вписаны следующие строки:

«Сначала озабочиться исцелением слуха — потом путешествовать — это ты обязан сделать для себя, для человечества, для него, Всемогущего! Только этим путем можешь ты развить то, что хранится в тебе — и маленький двор — маленькая капелла, где исполняется написанная мною для нее вокальная музыка во славу всемогущего, вечного, бесконечного! — Пусть пройдут так последние дни — а потомству...»

Однако уверения врача Мальфати (дядя Терезы) в чудесной силе минеральных вод Теплица и тяготение к Вене преодолели намерение композитора. Покончив с работой над аккомпанементом шотландских песен, присланных издателем Томсоном из Эдинбурга, Бетховен в конце июля отправляется в Богемию. Незадолго перед тем издатель Негели прислал к Бетховену 24-летнего швейцарца Шнейдера фон Вартензее с рекомендательным письмом, прося композитора заняться музыкальным образованием его; Бетховен наотрез отказался давать уроки, но предложил ему приносить на просмотр свои работы, разбирал их, давал некоторые указания и советы.

— Бетховен принимает меня, — писал Шнейдер к Негели, — очень хорошо; я был у него уже несколько раз. Это необыкновенно странный человек. Мысли его полны великих идей, но выражать их он способен лишь нотами; словом он не владеет. Образование его не высокое; вне сферы своего искусства он гру-

боват, но откровенен и правдив; он всегда прямо высказывает все, что думает. В молодости своей, как и теперь, ему приходилось вести тяжелую жизнь, полную борьбы; это сделало его мрачным, капризным; Вену он бранит и собирается уехать отсюда... «Все венцы, от императора до первого встречного, — никуда негодны», — говорил он мне. Я спросил: имеет ли он учеников? «Нет! — отвечал он. — Это скучная история; у меня один ученик, да и с ним очень много возни; я с удовольствием отдался бы от него, если бы мог». На мой вопрос о личности этого ученика, он ответил: «Эрцгерцог Рудольф». Спустя 6 лет композитор писал Шнейдеру, перевав в адресе фамилию его:

Милостивый государь!

Вы писали мне о том, что помните, как посетили меня в Вене; такая память достойного человека мне очень приятна. — Продолжайте все более возвышаться в области музыкального искусства; только в нем можно найти высшую, безмятежную, чистую радость.

Вы хотите видеть меня пораженным величественной природой Швейцарии; я сам хотел бы тоже. Если Господь вернет мне здоровье, ухудшившееся за последние годы, то, надеюсь, мне удастся испытать это. — Податель сего г-н ф. Бихер, путешествует со своим воспитанником ф. Путон и будет, вероятно, вами любезно принят помимо моей просьбы; тем не менее льщу себя надеждой, что вы обратите особенное внимание на мою рекомендацию и убедительно прошу вас, насколько возможно, оказать ему содействие.

Ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Вена, 19 августа 1817 года.

Его Высочородию г-ну Ксаверию Шнейдеру фон Вертенштейну, в Люцерн (в Швейцарии).

Задолго до выезда в Теплиц композитор обратился в Будапешт (Офен) к приятелю своему графу Францу Брунсвику, талантливому виртуозу-виолончелисту, прося его поехать вместе с ним; в письмах к нему он жалуется на то, что Тереза Мальфати задержала у себя трио ор. 70 № 1 и сонату ор. 69; далее упоминает о бароне Андрее фон Форрей, хорошем пианисте, женатом на кузине Брунсвика, и об Оливе, филологе, приглашенном в 1817 году в Петербург профессором немецкой литературы; этому любителю музыки посвящены вариации ор. 76.

Милый друг и брат!

Я должен был раньше писать тебе, и мысленно делал это тысячу раз. — Ты получил бы т. и с. гораздо скорее, но я не понимаю зачем М. так долго держала их у себя. Если не ошибаюсь, я обещал тебе прислать обе вещи, сонату и трио, предоставляю твоему усмотрению: оставь сонату у себя или пошли ее, если хочешь, Форрей. — Давно уже квартет был предназначен тебе; вследствие моей беспорядочности ты получишь его только теперь при сем. — Раз речь зашла о беспорядке, то я должен тебе сказать, что он меня всюду преследует. Мое положение все еще совершенно неопределенное. Эта злосчастная война или оттянет окончание моего дела, или еще ухудшит его положение.

Я останавливаюсь то на одном, то на другом, но, к сожалению, должен терпеть, пока не решится мое дело. О несчастный декрет, соблазнительный, как сирена. Я должен был заткнуть себе уши воском и крепко связать себя, подобно Улиссу, чтобы не подписать его.

Если воинственные тучи надвинутся сюда, то я поеду в Венгрию, а может быть и так. Ведь у меня нет иной заботы, как только о своем жалком существе; так я уж как-нибудь перебыюсь. Прочь благородные, лучшие намерения! Наши стремления бесконечны, пошлость всему ставит предел! Прощай, дорогой брат; будь мне таковым! У меня нет никого, кого мог бы так называть. Твори вокруг себя столько добра, сколько позволяют тебе злые времена. — Впредь делай следующую надпись на конвертах писем ко мне: «К. Г. Б. фон Пасквалати».

Бродяга Олива (а никак не благородный б-д-а) едет в Венгрию. Не возись с ним много. Я рад, что эти сношения, вызванные только необходимостью, благодаря этому, сразу прекратятся. При встрече расскажу больше. Я то в Бадене, то здесь. В Бадене спросить в Зауергофе. Прощай! дай о себе знать поскорее!

Твой друг Бетховен.

Вена, 16 июня.

Тысячу благодарностей, дружок, за твой нектар. — И как мне благодарить тебя за то, что ты хочешь ехать со мной? В моем сердце найдешь ты отзвук этого. Чтобы избавить тебя от всяких недоразумений, должен предупредить, что, по предписанию врача, мне нужно провести в Т. полных два месяца; а потому, как видишь, я не могу уехать оттуда ранее середины августа, и тебе придется ехать одному или, если хочешь, с кем-нибудь другим, что легко устроить. — Относительно этого жду твоего дружеского решения. Если тебе неудобно одному ехать обратно, то делай, как хочешь; как бы ты ни был дорог мне и сколько бы удовольствия я не ожидал для себя от нашего совместного пребывания, я хочу избавить тебя от всяких неприятностей. Так как тебе, если ты даже поедешь со мной, придется все равно вернуться в середине августа, то я возьму с собой своего слугу, кстати очень порядочного и честного малого. — Так как может случиться, что мы не будем жить в одном доме, то следует тебе также взять своего, если он тебе нужен. Для своей персоны я не взял бы с собою никого в дорогу, если бы не был таким беспомощным сыном Аполлона. Прошу тебя, постарайся только быть здесь не позже первого-второго июля, не то для меня будет поздно; а врач уже недоволен тем, что я так мешкаю; хотя он и находит, что общество такого доброго и милого друга будет мне полезно. — Есть ли у тебя карета? — Ну, отвечай же мне с быстротою молнии, потому что, как только я узнаю, что ты едешь со мной, то напишу туда относительно квартир, не то там все будет переполнено. — Прощай, мой добрый, милый друг; отвечай сейчас же и люби

твоего верного друга Бетховена.

Моя квартира находится в доме Пасквалати на Мелькербастей № 1239 в 4 этаже.

Мой друг, я не могу принять твоего отказа. Олива уехал один, и я допустил это только из-за тебя; мне нужно иметь при себе близкого человека, не то жизнь будет мне в тягость; жду тебя не позже 12-го этого месяца или, пожалуй, до 15-го этого месяца, только без отговорок. Это высочайшее повеление! Без тяжких наказаний и взысканий от него нельзя отделаться; словом, его надо исполнить без всяких разгово-

ров. Вместе с тем шлю вам, дружок, пожелания счастья! Молим Бога о том, чтобы взял вас под свою защиту. Дано утром, немедленно вслед за приемом кофе.

Бетховен.

Вена, 4-го июля.

Так как мне неизвестно, каким образом попал к тебе портрет, то лучше привези его с собой. Можно найти покладистого художника, который из любезности сделает копию. Все прочее относительно обратной поездки вскоре устроится.

На высочайшее повеление наше мы не ожидаем другого ответа как: — да, да, да! Быстрее, в шесть раз быстрее молнии — не то наш гнев достигнет Офена!

Вследствие предстоящего перерыва занятий с эрцгерцогом композитор пишет ему:

Ваше имп. высочество!

Прошу меня сегодня простить, так как у меня много неотложных хлопот с моей оперой, но завтра наверно буду к услугам в. и. в. и вообще удвою занятия до моего отъезда в Теплиц, чтобы мой августейший ученик менее ощущал мое отсутствие, вашего императорского высочества верный преданнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Летом 1811 года в Теплице собралось блестящее общество: австрийский император Франц с женою и с многочисленною свитою, императрица французская Мария-Луиза со своею сестрою, король саксонский, герцоги саксен-веймарский, герцоги саксонские Антон и Максимилиан, князь Витгенштейн, князь курляндский и многие другие правители и сановники, имена которых померкли рядом с именем Иоганна-Вольфганга Гете, прибывшего в Теплиц 15 июля и поселившегося в гостинице «Золотой Корабль».

Давно уже композитор увлекался произведениями Гете и жаждал знакомства с ним; давно также поэт слышал много интересного о музыканте и, несмотря на свое безучастное отношение к искусству, окружил мысленно имя Бетховена ореолом необычайного, чудесного. После первых же встреч оба были разочарованы, каждый по-своему и в иной степени; царь поэтов оказался поэтом царей, чиновником, полным эгоизма, олимпийского величия в толпе и низкопоклонства при дворе: шестидесятилетний сановник, бывший министр, щеголявший стилистикой своей часто напыщенной речи, не мог полюбить и расположить к себе свободолюбивого и пылкого, несмотря на сорокалетний возраст, артиста, непринужденная речь которого была полна простонародных выражений рейнского наречия. Спустя несколько дней после их первой встречи Бетховен уже проявил свою откровенность, оскорбившую веймарского министра. Гуляя с Гете по аллеям парка, композитор с увлечением рассказывал ему что-то и неохотно отвечал на поклоны знакомых своих, тогда как Гете исправно снимал свой цилиндр при каждом приветствии прохожих. Недовольный чрезмерным вниманием собеседника к публике, композитор взял его за руку и заметил:

— Не беспокойтесь. Эти поклоны обращены ко мне.

В другой раз, спустя год, по случаю встречи с герцогом веймарским, о чем мы знаем из письма к Беттине Брентано, Бетховен наговорил министру-поэту таких дерзостей, что последний предпочел впредь избегать прогулок с невоспитанным и грубым музыкантом, а в своей автобиографии даже счел лишним упомянуть имя его и не обмолвился ни одним словом относительно знакомства с ним. Лишь в переписке его, в одном письме, от 2 сентября 1812 года, к директору берлинской Singakademie Цельтеру, Гете посвящает знаменитому симфонисту несколько строк:

Бетховен и Гете.

«В Теплице я познакомился с Бетховеном; его дарование меня чрезвычайно поразило; к сожалению, он обладает нравом не-

укротимым. Мир представляется ему ненавистным творением. Быть может, взгляд этот не лишен основания, но от этого не легче ни ему, ни окружающим его. Во всяком случае, он заслуживает снисхождения и сожаления, так как совершенно теряет слух, и эта глухота более вредит ему в сношениях с окружающими, нежели в отношении к искусству. Когда наступит эта катастрофа, то лаконизм его речи станет чрезвычайным».

Глубоко ошибался великий мыслитель и натуралист, полагая нрав Бетховена неукротимым; правда, последнего не могли укротить ни этикет в общении со знатью, ни материальная нужда, ни невзгоды жизни вообще, но искреннее, ласковое обращение, сердечное отношение и любовь внушали ему кротость, сокращали и втягивали острые когти этого длинногрового льва, оставляя тяжелой, но мягкой, пушистую лапу, которую он не раз нежно ласкал тех, кто был дорог ему. Тут сердце его вновь любовно забилось, увлеченное новым знакомством, с Амалиею Зебальд.

Тут же, в Теплице, он получил в подарок от одной десятилетней девочки вышитый ею бювар; в ответ на это юная поклонница гения получила письмо, которое дышит кротостью и смирением, полно не лаконических, а обстоятельных рассуждений об искусстве и его жрецах.

Добрая, дорогая моя Эмилия, милая и маленькая моя подруга, я опоздал своим ответом, что может быть оправдано множеством работ и постоянным нездоровьем; уже мое пребывание в Теплице, куда я приехал для лечения, показывает, что это не пустая отговорка. Не срывай, дорогое дитя, лаврового венка с Генделя, Гайдна и Моцарта, чтобы предложить его мне; они в тысячу раз более заслуживают его. Твой бювар буду я хранить вместе с другими подарками, которых также еще не заслуживаю. Продолжай работать, не довольствуйся поверхностным изучением музыки и постарайся проникнуть в сущность ее; она достойна этого труда, ибо только высокое искусство и наука могут возвысить нас до божественного.

Дорогая Эмилия, если тебя занимают вопросы, на которые я могу ответить, то обратись прямо ко мне; истинный артист не пренебрегает скромными тружениками. Он знает, что искусство беспредельно и бесконечно: во мраке, его окружающем, он чувствует, что громадное расстояние отделяет его от намеченной цели. Среди всеобщих восторгов он горюет и сокрушается о том, что не может достичь высших сфер искусства, откуда до него лучи блестящего светила, которые он мечтает покорить себе.

Конечно, я охотно навещу тебя и предпочту гостеприимство твоего скромного жилища, нежели многих богатых особ, в сердце которых часто таится лишь убожество. Если я когда-нибудь буду в Х., то будь уверена, что буду искать убежища в семье твоей. Для меня окружающие имеют значение постольку, поскольку ими руководит добродетель. Моя отчина там, где я встречаю подобных людей.

Если вздумаешь, милая Эмилия, писать мне, то адресуй прямо сюда, где пробуду еще с месяц, или же в Вену; это безразлично. Считаю меня в числе друзей твоих и твоей семьи.

Людвиг ван Бетховен.

В 1822 году известный музыковед Рохлиц, тонкий знаток искусства, посетил Бетховена; между прочим, разговор коснулся знакомства его с Гете.

«С того лета в Теплице, — сказал Бетховен, — если я беру читать что-либо, то преимущественно Гете. Он убил во мне Клопштока... Я носил его с собою годами, когда гулял или шел куда-нибудь. Не всегда был мне он понятен: у него такие скачки. И начинает он всегда торжественно, все *maestoso*...»

В Теплице познакомился Бетховен также с модным тогда поэтом Христофором Тидге (1752 — 1841), который уже не раз вдохновлял композитора, заимствовавшего для своих произведений отрывки дидактической поэмы «Урания», в коей сентиментально воспевались Бог, бессмертие и свобода и популярно излагалась философия Канта; эта же «Урания» утешала русскую императрицу Елизавету, когда супруг ее Александр I отправлялся на свидание с фаворитками своими, Нарышкиной и Криденер. С Тидге композитор встречался, видимо, редко, о чем выражает сожаление в письмах к нему и «прелестной подруге его», графине Рекке.

Господину фон Тидге в Дрезден,
отдать у графини Элизы фон дер Рекке.

Теплиц 6-го сентября 1811 года.

Ежедневно порывался я писать это письмо к вам, вам, вам; только два слова нужны были мне на прощание, но не получил я ни одного доброго слова; графиня пожимает мне женственно руку, за что мысленно целую ее руки, но поэт остается нем. Про Амалию знаю, по крайней мере, что она любит. — Ежедневно упрекаю себя, что не познакомился с вами раньше в Теплице. Это ужасно — познать добро так близко и сейчас же потерять его. Ничего нет тягостнее, как разбирать свои собственные пороки. Спешу сообщить вам, что останусь здесь, вероятно, до конца этого месяца; напишите мне, как долго проживете в Дрездене. Охотно сделал бы я прыжок в столицу Саксонии; в тот же день, когда вы уехали отсюда, получил я письмо от моего милостивого висбаденского эрцгерцога, что он недолго останется в Моравии и представляет мне самому поехать или нет, я нашел более выгодным допустить толкование этого соответственно моим намерениям и желаниям, а потому остаюсь еще здесь в этих стенах, где так тяжко согрешил против вас и себя; если вы продолжаете называть это грехом, то утешаюсь тем, что я настоящий, а не какой-нибудь жалкий грешник. — Сегодня мой сожитель по комнате исчез, не могу гордиться им, но все же по вечерам и к обеду он бывал необходим, так как я избегаю одиночества в те часы, когда животная природа человека воспринимает физическую пищу, чтобы превратить ее в духовную. — Будьте счастливы, настолько счастливы, насколько это возможно несчастному человечеству, шлю графине весьма нежное, но почтительное рукопожатие, Амалии огненный поцелуй, когда нас никто не видит, мы же оба обнимемся, как мужчины, которые должны друг друга уважать и любить; жду хотя бы одного сердечного слова, на то я человек.

Бетховен.

К Элизе фон дер Рекке и Тидге в Дрезден.

Вена, 11 октября 1811 г.

При всем моем благочестии ваше благочестивое приглашение на церковную музыку Наумана получил я слишком поздно и принужден

остаться грешником, который так долго откладывал, так поздно собрался и потом принужден был опять отложить. Небо управляет судьбою человеческих и бесчеловечных существ, и оно приведет меня к желанному, если не теперь, то когда-нибудь, в чем я рассчитываю на вас, уважаемая, благородная подруга.

Ваши стихотворения я прочел и нашел в них отражение ваших чувств и вашего внутреннего мира; вскоре получите одно из них с моими жалкими гармониями. Прощайте, не забывайте меня, очень прошу вас, благородная подруга,

ваш друг Бетховен.

Своим дружеским приветом, дорогой мой Тидге, ты предупредил мое желание, — да будет так, наше совместное пребывание было хотя так кратко, но мы сошлись так быстро и так близко узнали друг друга, — как мне было больно расстаться с тобою и с другими, письмо ваше получил я в субботу вечером, в понедельник нужно было отправить пакет нот, я был вне себя от досады и принужден сказать, как Алкивиад, увы! человек безволен, а тут еще, лишившись счастья быть с вами, узнал, что из-за усачей венгерцев вся эта история затянулась и только через месяц публика вкусит этот Коцебуиско — бетховенский продукт, все огорчает меня, к тому же эрцгерцог не хочет сразу стать попом, поэтому все мне здесь теперь кажется в ином виде, нежели прежде, вот что называется — человек предполагает.

Успех музыки к «Эгмонту» вызвал вновь стремление писать оперу. Приехавший весною из Берлина в Вену барон Дриберг был известен как либреттист, поэт, ученый, эстетик и дилетант-композитор; познакомившись с Бетховеном, он пожелал знать мнение великого артиста о плодах его вдохновения, на что получил такой ответ:

Барону Дрибергу.

Я с удовольствием пересмотрю, любезный Д., ваши композиции, и если вы полагаете, что я в состоянии сказать вам кое-что о них, то от души готов сделать это.

Ваш преданнейший слуга Бетховен.

Французские книги принесу вам через несколько дней. У Трейчке имеются уже *les ruines*.

Барон Дриберг рекомендовал ему мелодраму «Развалины Вавилона» и несколько французских сюжетов; композитор, видимо, очень доволен этим и пишет своему приятелю, драматургу и либреттисту, режиссеру и энтомологу, Георгу Фридриху Трейчке (1776 — 1842):

Прочли ли вы, многоуважаемый Трейчке, книгу, и могу ли я надеяться, что вы решитесь обработать содержание ее. Отвечайте, пожалуйста; мне самому невозможно прийти к вам. В случае, если вы уже прочли книгу, прошу вас возвратить ее для того, чтобы я также мог ее прочесть, прежде чем начнете ее перерабатывать. Прошу вас сделать это как можно скорее, если только желаете, чтобы я на крыльях вашей поэзии вознесся в высшие сферы.

Ваш покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

В то же время Бетховен ведет уже переговоры с дирекцией королевских театров и, заручившись сочувствием графа Пальфи, вновь обращается к Трейчке.

3 июля 1811 г.

Любезный Трейчке.

Сейчас получил перевод мелодрамы вместе с предложением от Пальфи обсудить с вами все необходимое; теперь ничто не помешает вам исполнить данное мне обещание, но еще раз обращаюсь к вам с вопросом: исполните ли вы его в самом деле? Чтобы мне не быть в неведении, — хотя я слышал, что эту самую пьесу давали когда-то в Леопольдштадте, и в нашем немецком театре она давалась как пьеса, но думаю, что это ничего не значит, так как теперь ее не дают. Непременно с речитативами и танцами, думаю пьеса более выиграет, тем более, что могу предложить Зибони роль Джафара, но ему лучше только пение, потому что, вероятно, он откажется от диалогов, остальное при встрече.

Перевод, который мне прислал граф Пальфи, сделан Каstellи для венского привилегированного театра, и едва ли вы им воспользуетесь, зато всякое недоразумение будет устранено. Я отсутствовал несколько дней, и потому вы не имели сведений обо мне. Сообщите, пожалуйста, не оставили ли вы еще намерения переработать этот сюжет в либретто для меня?

В ожидании благоприятного ответа ваш покорный слуга Бетховен.

Велико было огорчение Бетховена, когда он узнал, что «Развалины Вавилона», написанные первоначально на французском языке, в переводе Каstellи на немецкий язык будут вскоре поставлены в субсидируемом казноу театре *An der Wien*; таким образом, пьеса лишилась интереса новизны и теряла для композитора значительную долю своей притягательной силы. Досада овладевает Бетховеном, и он обращается письменно к графу Пальфи, с трудом выдерживая почтительное обращение к сановнику и директору театра, быть может, мстившему за грубую выходку композитора в 1803 году, в доме графа Броуна.

К графу Фердинанду ф. Пальфи.

11 июля 1811 г.

Ваше превосходительство!

Как я слышал, актер Шольц хочет поставить вскоре в свой бенефис в театре *An der Wien* мелодраму *les ruines de Babylon*, которую я хотел обработать в оперу и вам об этом докладывал. Ничего не разбираю в этой путанице. Полагаю, что вы об этом ничего не знаете. Как бывало прежде, так и теперь можете быть уверены, что мелодрама, данная на Видене, наполнит зал 5, даже 6 раз, а в виде оперы будет ставиться постоянно и даже в материальном отношении будет, конечно, несравненно выгоднее для вашего театра. Как трудно найти хорошее либретто для оперы; с прошлого года я возвратил не менее 12, и более. Я сам платил из своего кошелька и все-таки ничего подходящего не нашел, а теперь ради *Venefice* одного актера меня — и утверждаю смело — также ваш театр должно постигнуть *Malefice*? Надеюсь, ваша предусмотрительность запретит актеру Шольцу постановку этой мелодрамы, так как я раньше сообщил вам о своем намерении переделать ее в оперу. Я был так рад найти этот сюжет, что даже сообщил об этом эрцгерцогу и другим просвещенным лицам, и все находили его отличным, даже в иностранных газетах я писал об этом, чтобы напечатали и чтобы в ином месте кто-нибудь не переработал ее в оперу, а теперь должен послать опровержение. И это ради такого ничтожного повода. Жду и прошу

вашего скорого благоприятного ответа, чтобы мне не быть в неведении, иначе потеряю много времени.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Известный своими научными исследованиями и трудами барон Хаммер-Пургшталь предлагает Бетховену свои услуги и посылает ему текст оратории и персидской или индийской оперы: «если вы, однако, найдете, — пишет он при этом, — что в общем присылаемое составлено не вполне удачно, то все же убежден, что связанное с ним искусство гениального Бетховена сумеет наводить ужас и усмирять потопа». Отклонив это предложение, композитор, в свою очередь, обращается к нему с просьбою помочь молодому поэту Штоллю.

Почти пристыженный вашей предупредительностью и добротой, с которыми вы сообщили мне в рукописи свои литературные перлы, никому еще не известные, искренно благодарю вас за это и возвращаю при сем оба либретто. Обремененный работами по композиции, я не в состоянии сейчас высказаться подробно о тексте индийской оперы; лишь только время позволит мне, я как-нибудь навещу вас, чтобы поговорить как об этом, так и относительно оратории «Всемирный потоп». Считайте меня, во всяком случае, одним из истинных поклонников ваших великих заслуг.

С почтением покорнейший слуга ваш Бетховен.

Простите, милостивый г., что я еще не принес вам письма, адресованного в Париж. Заваленный теперь различными делами, я вынужден был откладывать составление этого письма со дня на день; завтра, однако, получите его, если бы мне даже не удалось лично посетить вас. Хочу вас убедительно просить еще относительно другого дела: не можете ли похлопотать об одном несчастном бедняке, а именно о Г. Штолле, сыне знаменитого врача. Иные любят только болтать о том, как люди попадают в беду по своей или чужой вине; на это, однако, ни вы, ни я не способны. Для нас довольно того, что Штолль несчастлив и полагает облегчить свое положение в Париже, где в прошлом году он познакомился с важными лицами, которые могут ходатайствовать о назначении его профессором в Вестфалию. Поэтому Штолль говорил с каким-то г. фон-Нейманом, состоящим при государственной канцелярии, насчет поездки в Париж с отправляющимся туда курьером, но курьер требовал за это с него 25 луидоров. Теперь, спрашиваю я вас, мой друг, не пожелали бы вы поговорить с этим г. фон-Нейманом, дабы один из курьеров взял с собою Штолля бесплатно или, по крайней мере, за весьма незначительную плату. Сообщая вам об этом, я убежден, что если ничто не помешает вам, то охотно позаботитесь о бедном Штолле. Сегодня опять отправляюсь в деревню; надеюсь, однако, иметь счастье в скорости провести с вами хоть один час. А пока прощайте и примите уверение в уважении

Вашего покорнейшего слуги Людвиг ван Бетховена.

Милостивый государь!

Я без вины виноват в том, что вам надоедали, к вам приставали. Я поручил только удостовериться в справедливости распространившегося

слуха, будто вы написали для меня оперный текст. Я вам весьма благодарен за то, что вы любезно прислали мне ваше прекрасное стихотворение. Этим вы убедили меня в том, что находите достойным посвятить мне ваше вдохновение. — Надеюсь, ваше здоровье скоро поправится: мне тоже нехорошо, чувствую улучшение только среди деревенской жизни, к которой спешу теперь перейти; надеюсь также видеть вас тогда у себя, чтобы поговорить о делах. — Сейчас не могу отправиться к вам, так как отчасти слишком завален работой, отчасти же, как уже упомянул, по болезни; поэтому не могу описать вам своего великого удовольствия столь выразительно, как это высказал бы на словах. Горжусь этим обстоятельством много более, чем всеми своими прошлыми успехами.

С величайшим почтением преданный вам Бетховен.

Не более удачно было намерение композитора написать оперу на текст известного драматурга Коцебу (1761 — 1819), два произведения которого («Развалины Афин» и «Король Стефан») были уже положены им на музыку.

К поэту Августу фон Коцебу.

Вена, 28 января 1812 года.

Многоуважаемый, высокочтимый,
Милостивый государь!

Сочиняя музыку к вашему драматическому про- и эпилу для венгерцев, я не мог удержаться от сильнейшего желания обладать одной из опер, созданных вашим бесподобным драматическим гением, какого бы содержания она ни была — романтического, вполне серьезного, героического, комического или сентиментального, словом, вполне по вашему усмотрению; я же принял бы ее с удовольствием; я предпочел бы, конечно, величественное содержание из истории и преимущественно из древней, напр., из времен Аттилы и т. п.; впрочем, приму с благодарностью все, что пришлете, каков бы ни был сюжет, созданный вашим поэтическим гением и могущий быть переложенным мною на музыку.

Теодор Кернер, приехавший в Вену в августе 1811 г., познакомился с Бетховеном у князя Лобковича и вскоре сошелся с композитором в выборе сюжета; будучи одновременно талантливым поэтом и музыкантом, Кернер быстро постиг потребности Бетховена и предложил обработать, под названием «Возвращение Одиссея», часть излюбленной последним поэмы. Тем не менее композитор все еще не считал вопроса решенным, все еще откладывал работу и писал поэту:

Апрель 1812 года.

М. Г. Так как с некоторых пор я постоянно болею и непрерывно занят, то не мог сообщить своего мнения относительно оперного вашего текста. С удовольствием пользуюсь случаем, чтобы уведомить о своем желании побеседовать с вами. — Если можете оказать мне честь своим посещением послезавтра до полудня, то бесконечно обрадуете меня, и мы вместе поговорим о вашей опере, а также относительно другой, текст которой я желал бы получить от вас. При встрече вы убедитесь в том, что причиною моего молчания отнюдь не был недостаток уважения к вашему дарованию.

Преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Вновь начинаются у Бетховена с либреттистом бесконечные беседы относительно подробностей будущей оперы и, видимо, ведут к благополучному исходу, но и тут возникает неожиданное препятствие: полагая, что меч его нужнее родине, чем вдохновенное перо, поэт-патриот спешит на поле сражения и погибает в битве под Люценом.

Так судьба настойчиво отвлекала Бетховена от оперы, как бы принуждая его работать над инструментальной музыкой, которой вполне соответствовало его дарование и в которой он создал бесподобные, образцовые произведения искусства.

Одно из лучших таких произведений, написанное еще в 1809 году, стало все чаще исполняться с 1812 г., когда в одном благотворительном концерте Карл Черни выступил с ним перед публикой; незадолго до своей «славной» смерти на поле брани Теодор Кернер писал об этом концерте: «три живые картины по Рафаэлю, Пуссену и Труа доставили высокое наслаждение, и тем не менее фортепианный концерт Бетховена (ор. 73) в исполнении К. Черни совсем не имел успеха».

Рецензент *Allg. Mus. Z.* писал по этому же случаю: «Чрезмерные длинноты концерта *Es-dur* испортили благоприятное впечатление, которое могла произвести эта пьеса».

Более приятные автору отзывы раздавались вдали от Вены: при первом исполнении того же, знаменитого ныне, концерта в Лейпциге, та же газета писала: «многочисленная публика пришла в такой восторг, что не хотела довольствоваться обыкновенными проявлениями удовольствия и признательности».

Знаменитый пятый концерт Бетховена был последним его произведением в этом роде; гениальный композитор инструментальной музыки в период полного развития своих сил не имел потребности в работе над пьесами, где одна партия являлась преобладающей над остальными, и притом преобладание это сводилось лишь к виртуозности. Несмотря на исключительные достоинства этого концерта, он провалился даже в исполнении Черни и стал популярным лишь с 1828 года, после смерти автора, когда 17-летний Лист стал восхищать им всюду публику, несмотря на досадные неправомерности во всех существующих изданиях его, недавно обнаруженные.

Посетив весной 1907 года Берлинскую королевскую библиотеку и ознакомившись с автографами фортепианных концертов *C-moll* и *Es-dur*, Сен-Санс нашел разницу между рукописью и печатными изданиями: «я убедился в том, — говорит он, — что сомнения, преследовавшие меня всю жизнь, были основательны, и несообразности печатной партитуры были следствием недостаточного изучения рукописи».

На 4 октября 1811 года было назначено открытие нового театра в Будапеште; предполагалась постановка подходящего собою пролога, драмы с содержанием из истории Венгрии и финала с аллегорическим содержанием и с музыкою. Распорядители предположенного торжества обратились сначала к Генриху Коллину, а потом, вследствие отказа его, к Коцебу, прося разработать соответствующую программу; талантливый поэт предложил для пролога сказание о «Короле Стефане», для финала — «Развалины Афин», а для драмы — «Бегство царя Бела»; последнее было отклонено, так как могло быть принято намеком

на двукратное бегство императора Франца из своей столицы при отдаленных раскатах французских пушек.

Содержание пролога «Король Стефан, первый благодетель Венгрии» заимствовано из предания о жизни основателя династии Арпадов; Бетховен, принявший заказ на музыкальные номера к венгерскому торжеству, написал к этой легенде увертюру, триумфальный марш, шесть хоров и несколько мелодрам.

Аллегорические сцены под названием «Развалины Афин», подобно прологу, были составлены спешно, небрежно, содержание их было так же ничтожно, а изложение так же вульгарно; сюжет их следующий: Юпитер усыпляет Минерву на 2.000 лет за то, что она не оградила Сократа, мудрости которого завидовала, от безжалостных и несправедливых судей. В пустынной местности, в пещере, спит Минерва, когда таинственные голоса возвещают конец ее сна, и Меркурий, посланник Юпитера, является пробудить ее. Богиня немедленно уносится в Афины, где с ужасом находит печальные развалины некогда славной столицы и видит всю Грецию поработленную последователями Магомета. Минерва хочет направиться в Рим, но Меркурий сообщает ей, что столица латинян также стала жертвою варваров, и что страждущие музы нашли себе приют в столице Венгрии. Пред зрителем проходит торжественный кортеж с колесницами Талии и Мельпомены. Вдруг раздаются раскаты грома, молния сверкает в небесах, и жрец Юпитера возвещает, что бюст императора должен быть установлен между изображениями муз, что немедленно исполняется при звуках хора с оркестром и при ослепительном свете бенгальского огня, постепенно скрывающегося за падающим занавесом.

Этот ничтожный сюжет, восторгавший, впрочем, Мендельсона, сумел вызвать появление прелестных отрывков Бетховена, хора дервишей, марша янычар и триумфального шествия.

Открытие театра в Пеште было отложено на 9 февраля 1812 г. и состоялось в отсутствии Бетховена, которому болезнь не позволила покинуть Вену. Спустя десять дней «Венская газета» сообщила:

«Новый театр в Пеште был торжественно открыт 9 февраля; здание было очень эффектно освещено внутри и снаружи. Торжество началось прологом, под названием «Первый благодетель Венгрии», вслед за которым следовала историческая картина — «Провозглашение Пешта вольным городом Империи». Спектакль окончился пьесой с пением и хорами, — «Развалины Афин». Это произведение, как и пролог, принадлежит перу нашего знаменитого драматурга г. Коцебу, которому поручено было написать их для этого события. Музыка принадлежит нашему достойному композитору Бетховену. Зал был полон, и успех был полный».

Под впечатлением успеха произведений этих благотворительное общество в Граце (в Штирии), через своего патрона, прокурора Варенна, обратилось к автору их с просьбой прислать новые, неизвестные или еще не изданные произведения его, чтобы такими новинками привлечь публику на концерты, устраивавшиеся этим обществом. Из ответных писем композитора видно отношение его к просьбе Варенна и к подобным концертам во-

обще, причем сквозь его признания в сочувствии благотворительности сквозит эгоистический замысел устроить в свою пользу концерт в Венгрии и даже переселиться туда; в этих письмах впервые упоминается «тамошняя дилетантка», с которой мы еще не раз встретимся в дальнейшем изложении; Мария Кошак впоследствии вышла за адвоката Пахлера и пригласила Бетховена к себе в Грац; летом 1817 г., встретив ее в Бадене, композитор увлекается ею и заносит в свой дневник:

«Только любовь, да, только она в состоянии осчастливить мою жизнь... Боже, дай мне, наконец, найти ту... которая дозволила бы мне назвать ее своею! Баден, 27 июня, когда М. проезжала мимо и казалось, что глядит на меня...»

В ответ на просьбы прокурора Варенна композитор писал ему:

Вена, 8-го февраля 1812 г.

Партия оратории получены уже г. Оттихом, и я прошу вас, как только минет надобность в них, прислать мне обратно. Едва ли найдется в них ошибка, но на всякий случай имеется у вас партитура, так что легко можете помочь делу.

К только вчера получил увертюры из Венгрии. Они немедленно будут расписаны и отправлены вам. Сверх того приложу я еще марш с хором, также из «Развалин Афин», и вы, таким образом, будете в состоянии изрядно заполнить время.

О дальнейшем моем намерении относительно увертюры и марша с хором сообщу я вам при отправке (так как эти пьесы находятся только в рукописи).

Так как я раньше года ничего нового из произведений моих не издам, и в случае издания всякий раз письменно обязан ручаться издателю в том, что этих произведений никто не имеет, то вы сами поймете, что мне необходимо обеспечить себя от малейшего сомнения или какой-либо случайности. Впрочем, постараюсь доказать вам мою всегдашнюю полную готовность помочь вашим тамошним бедным, и я сим обязываюсь ежегодно присылать вам, в пользу этих бедных, произведения мои, написанные нарочно с этою целью, или даже другие сочинения мои, находящиеся еще в рукописи. Прошу также теперь же познакомить меня с вашими предположениями относительно будущности помянутых бедных и я непременно приму это в соображение. Засим прощайте. Примите уверение в уважении.

Вам преданнейший Людвиг ван Бетховен.

Несмотря на готовность служить вам по-прежнему всеми силами на пользу бедных, мне в настоящее время это невозможно. У меня нет собственного переписчика, который как всегда переписывал бы мне; поэтому у меня мало времени, и я вынужден прибегать к посторонним переписчикам. Один из них обещал мне переписать для вас увертюру и проч., но Страстная неделя, в течение которой бывает столько всевозможных концертов, помешала ему сдержать свое слово. Невзирая на все мои усилия, невозможно было отправить с первой почтой увертюру и марш с хором, даже если бы они были переписаны, если же я отправил бы со следующей, то они прибыли бы слишком поздно для Светло-

го Воскресенья. Укажите мне средство (или случай), каким образом и когда отправить их, чтобы вам выгадать больше времени, и я сделаю все возможное, чтобы помочь бедным.

С уважением, преданнейший вам Людвиг ван Бетховен.

Если нельзя всего отослать за раз, то необходимо сейчас же послать в Грац, по крайней мере, партитуру хоров, потому что их придется еще расписать. — Лучше всего было бы отослать в Г. все сразу; за небольшую плату, если представится к этому случай. Тогда они могли бы там легко выбрать и репетировать.

Бетховен, раб. Шнора (1808).

Вена, 8-го мая 1812 г.

Глубокоуважаемый и милостивый государь!

Постоянно хворый и занятый, я не мог отвечать на ваши письма. Но как могла вам прийти странная мысль, что я на вас сердит? Гораздо лучше было бы, если бы вы прислали пьесы немедленно после исполнения их, ибо тогда возможно было их разыграть здесь; теперь же они, к сожалению, прибыли слишком поздно. Я говорю «к сожалению» только потому, что не в состоянии был избавить преподобных монахинь от расходов на переписку. При других обстоятельствах я ни за что не допустил бы их уплатить за это; но в то время меня постигло много неприятностей, сильно стеснивших меня. По всему вероятно, г. О., несмотря на его искреннее расположение, забыл сообщить вам, что он таким образом вынужден был уплатить мне за переписку. Быть может, я выразился второпях не совсем ясно. Теперь, милостивый государь, можете получить обратно увертюру и хор, если они оба вам нужны.

Я уверен, что вы всячески постараетесь, чтобы не злоупотребляли моим доверием. Другую увертюру оставьте пока у себя с тем же условием, как я говорил. Если в состоянии буду заплатить за переписку, то выкуплю, чтобы пользоваться ею.

Партитура оратории — даруется, увертюра к «Эгмонту» — также. Партию оратории оставьте у себя до постановки ее.

Для концерта, который, как мне кажется, вы намерены дать теперь, возьмите все, что хотите, и если для этого нужны вам хор и увертюра, то пьесы эти вам будут немедленно доставлены. Для будущего концерта преподобных урсулинок обещаю вам теперь же совсем новую симфонию; это по меньшей мере, но быть может пришло еще что-нибудь значительное для пения. Переписка не будет стоить ни гроша, потому что я могу воспользоваться удобным случаем.

Радости моей не будет границ, если удастся устроить концерт без расходов.

Итак, довольствуйтесь пока моими добрыми намерениями.

Передайте мой поклон преподобным воспитательницам детей и скажите им, что я проливал радостные слезы над успешным осуществлением моих слабых, но добрых намерений, и что они всегда найдут во мне самого ревностного соучастника, готового служить им, если только мои незначительные способности окажутся для этого достаточными.

За ваше приглашение сердечно благодарю. Охотно желал бы познакомиться когда-нибудь с интересными местностями Штирии и легко может быть, что доставлю себе это удовольствие. Прощайте; искренно радуюсь, что нашел в вас друга угнетенных, и остаюсь навсегда готовый к услугам вашим.

Людвиг ван Бетховен.

Теплиц, 19-го июля 1812 г.

Моя благодарность за лакомства, присланные мне преподобными монахинями, очень запоздала. Постоянно хвораю в Вене, я вынужден был, наконец, бежать сюда.

Все же лучше поздно, чем никогда, а потому прошу вас передать от меня преподобным урсулинкам лучшие пожелания. Впрочем, благодарить следует только того, кто дал мне возможность быть полезным. Если снова пожелаете воспользоваться моими слабыми силами для пр. мон, то напишите мне только. Новая симфония уже готова для этого; а так как эрцгерцог Рудольф велел переписать ее, то вы избавлены от расходов.

Быть может, найдется со временем еще что-нибудь для пения. Я только не желал бы, чтобы вы эту готовность служить пр. мон. припи-

сали тщеславию или честолюбию; это сильно меня огорчило бы. Впрочем, если пр. мон. предполагают сделать для меня что-нибудь приятное, то пусть, вместе со своими воспитанницами, поминают меня в своих святых молитвах.

Засим прощайте и примите уверение в моем уважении.

Ваш друг Людвиг ван Бетховен.

Останусь здесь еще несколько недель; если найдете нужным, то пишите.

Милостивый государь!

Роде не был прав во всем, что говорил обо мне. Здоровье мое не из лучших, а прочие обстоятельства, хотя невольно, но отравляют мое существование. Впрочем, это (и ничто другое в мире) не удержит меня помочь, насколько возможно, моими незначительными произведениями вашим так же невинно страдающим монашенкам. Поэтому предлагаю две совсем новые симфонии, арию для баса с хором и несколько отдельных небольших хоров. Если вам нужна увертюра к «Благодетелю Венгрии», исполненная вами в прошлом году, то и она к вашим услугам. Между хоровыми произведениями находится «Хор дервишей», представляющий собою хорошую приманку для пестрой публики.

По моему мнению, лучше всего будет, если изберете день, в который могли бы дать ораторию «Христос на Масличной горе», которая уже повсюду исполнялась. Она заняла бы собою половину концерта, между тем как вторую половину вы заполнили бы новой симфонией, увертюрами, различными хорами и басовой арией с хором. Таким образом, вечер оказался бы не лишенным разнообразия. Но лучше всего условьтесь насчет этого с тамошними музыкальными деятелями. Что касается того, что меня вознаградит третье лицо, то полагаю, что лицо это я уже отгадал. Если бы я был в прежнем положении, то просто сказал бы: «Бетховен никогда ничего не берет, если дело касается пользы человечества»; но теперь, когда я, благодаря именно своей излишней благотворительности, очутился в положении, которое так же не может меня унижить, как и другие обстоятельства, возникшие по вине людей без чести, без совести, то могу откровенно сказать вам, что не откажусь от вознаграждения богатого третьего лица. Но о требовании здесь нет речи. И если из всего этого с третьим лицом ничего не выйдет, будьте уверены, что как в прошлом году, так и теперь я готов без малейшего вознаграждения оказать какую-либо услугу своим приятельницам-монахиням, и что вообще всегда, пока я жив, можно располагать мною ради страждущего человечества.

А теперь прощайте; пишите скорее; исполню все весьма охотно. Шлю монахиням лучшие пожелания.

С почтением ваш друг Людвиг ван Бетховен.

27 мая 1813 года.

Почтеннейший В.!

Не мешает сообщить вам раньше, что я вам посылаю — быть может, это будет вам более или менее полезно — Вы получите 3 небольших хора, которые можете вставить в разные отделения концерта — одну большую сцену для баса с хорами. Она из «Развалин Афин» и соответствует тому моменту, когда появляется изображение нашего императора (в Офене, в Венгрии, оно подымалось на сцену снизу) — может быть, вы вздумаете устроить что-нибудь в этом роде и очаровать толпу. Если надо, то можно бас заменить альтом, но вы получите только партитуры

всех пьес, если бы я знал, что именно вам там понадобится, то дал бы здесь распisać партии, завтра получу партитуры и г. ф. Оттих будет так любезен отправить их вам сейчас же — кроме того, вы получите марш для инструментов, уже расписанный — вместо одной симфонии вы получите 2 симфонии; во-первых, требуемую расписанную и в 2-х экземплярах; во-вторых, другую, которую, кажется, вы еще не исполнили в Г. и тоже расписанную, — так как все остальное уже расписано, то свободно успеете отдать распisać то, что выберете из пьес для пения. Господин ф. Оттих постарается скорее все переслать вам, так как в подобном добром деле всякий содействует охотно. Отчего я не могу сделать больше для добрых у., охотно послал бы им две совсем новые симфонии, но мое настоящее положение заставляет еще, к сожалению, заботиться о себе, и неизвестно — не придется ли бежать отсюда, как дезертиру, за это благодарите чудных князей, которые лишили меня возможности содействовать по обыкновению всему доброму и полезному — большое спасибо за ваше письмо, поблагодарите также почтенных женщин за присланные мне сласти.

Ваш друг Бетховен.

Достойнейший В.!

С большим удовольствием прочел я ваше письмо, но в то же время с большим неудовольствием получил предназначенные мне нашими бедными монахинями 100 гульденов. Пока они лежат у меня; часть уплачу я за переписку; остаток, вместе со счетом за копии, возвращу благородным монахиням.

В этом деле я ни за что не возьму ничего. Я полагаю, что «третье лицо», о котором вы упоминали, вероятно, бывший король Голландии; он, быть может, сам забрал много у голландцев не вполне законным путем, и я в теперешнем своем положении не задумался бы принять от него что-нибудь. Затем дружески прошу об этом мне больше не напоминать. Напишите мне, могу ли я приехать в Грац, дать там концерт и сколько я мог бы выручить, ибо в Вене, к сожалению, я не могу долее жить. Быть может, теперь уже поздно, но, во всяком случае, мне будет приятно слышать ваше мнение по этому вопросу.

Пьесы переписываются, и вы их получите вскоре; ораторией можете распорядиться по собственному усмотрению: каждое ее исполнение с благотворительною целью будет соответствовать моему намерению.

С почтением ваш преданнейший Бетховен т. р.

Р. S. Всего лучшего нашим достойнейшим урсулинкам; рад, что опять в состоянии им быть полезным.

Р. Р. Второпах сообщаю вам только, что надо взять 2 альты, непременно солистов, вместо 4-х валторн, если 2 первые не могут справиться — другие 2 в C-dur легко играть и могут быть исполнены двумя валторнистами. Спешу в Баден, чтобы немного поправить свое здоровье.

Расход по переписке партитур составит 8 фл. 24 кр. когда получу счет; 3 фл. следует моему слуге за то, что собрал все необходимое, значит всего 12 фл. 24 кр.; за вычетом этой суммы из 100 фл. я вам пришло остальные черз несколько дней, теперь никак не могу.

Если будете писать, то будьте любезны отправить ваше письмо по следующему адресу в Б., именно: Передать госп. Олива у братьев Оффенхейм на Бауернмаркте.

Очень спешу ваш Бетховен.

Баден 4 июля 1813.

Милостивый государь!

Простите за поздний ответ, причина все та же, мои здешние неприятности, ограничение моих прав, и все это тянется так медленно, а все из-за сиятельного негодяя князя Лобковича, другой же благородный князь, противоположный этому, умер, хотя не более меня думал о своей смерти и не оставил мне никакого документа, и все это надо теперь отстаивать пред судом в Праге, вот так занятие для артиста, сердце которого бьется только для искусства; и во все эти неприятности вовлек меня е. и. в. эрцгерцог Рудольф. — Что касается сочинений, которые вы получили от меня, то прошу вас немедленно возвратить некоторые, не принадлежащие мне, а именно: симфонию в с-moll, симфонию в В-dur, марш; остальные сочинения можете оставить у себя, если хотите, но прошу вас их никому больше не давать, так как они еще не изданы, во всяком случае, вам придется уплатить расходы в 100 фл. за хоровые партии для п. д., каковые я возвращаю вам, — что же касается oratorium, то время еще терпит, так как я в ней не нуждаюсь — итак, лишь вышеназванные три произведения — примите мою благодарность за 150 фл. от Holzschutzensgesellschaft, передайте этому почтенному обществу мой поклон, однако я очень сконфужен, зачем они так дорого оценили мои маленькие услуги, оказанные мною добрейшим и почтеннейшим девам? Невзгоды мои, надеюсь, вскоре окончатся, и я буду полным обладателем того, что мне принадлежит по праву; как только это совершится, приеду осенью в Грац и тогда найдем применение этим 150 фл., тогда я устрою академию в пользу добрых урсулинок или в пользу другого какого-нибудь учреждения, которое мне укажут как наиболее нуждающееся и полезнейшее, дам большую академию — передайте также мой поклон его превосходительству господину губернатору графу Биссингену, скажите им, что я всегда сочту приятнейшей обязанностью по мере сил быть полезным для Граца.

— Спасибо за картину! зачем все это? я вижу, вы непременно хотите сделать меня вашим должником, ну так и буду именоваться
ваш должник и друг Бетховен.

Всего лучшего почтенным девам и, в особенности, настоятельнице.

NB. Здоровье мое лучше и наверно совершенно поправится, лишь только будут устранены нравственные причины, влияющие на него. Так как я еще в Бадене, то прошу вас выслать ноты по тому же адресу, по которому вы послали ваше последнее письмо в Вену.

Как вижу, я вновь служил вам средством к благодеянию. Да вознаграждает вас Господь, благородный сострадаец! Отчего мы не богаты оба? Но берегите ноты.

Ваш прямой и честный характер служит мне ручательством в том, что вы сохраните их и воспользуетесь ими лучшим образом!!!

Сношение композитора с Варенна возобновились три года спустя по случаю покупки фортепиано для последнего.

Вена, 3-го февраля 1815.

Я не мог тотчас же ответить вам, уважаемый друг, на ваше письмо, а также поблагодарить вас за подарок; вы, видимо, постоянно хотите меня конфузить и держать вашим должником. — Надеюсь, ваше здоровье лучше, в Бадене вы меня очень встревожили, но я сам был в таком положении, что не мог проявить того искреннего сочувствия, которое в глубине души испытывал по отношению к такому, как вы, чудному человеку, — относительно фортепиано для вашей дочери сообщу вам на днях, а так как мне хочется выбрать для вас особенно хорошее, то этого нельзя сделать в одну минуту, все же вскоре получите полное объяснение и, может быть, даже полное удовлетворение по этому делу — брат мой часто болеет, и, как обыкновенно бывает в таких случаях, имеет свои причуды; узнав, что я знаком с вами, он просит меня послать вам прилагаемое при сем, может быть наши добрые урсулишки помогут в этом деле — простите, что беспокою вас такими мелочами, если вы можете добыть без затруднения описанных животных, то прошу вас тотчас же известить меня; все расходы возьму на себя, чтобы порадовать его, как сказал я, он болезнен и склонен к подобн.

Второпях ваш искренно уважающий друг Людвиг ван Бетховен.

Вена 21-ое марта 1815.

Уважаемый В.!

Больной, очень занятый я не имел возможности до вчерашнего дня сам справиться; — результаты таковы: у Шанца можете купить фортепиано, самое лучшее, какое только он может доставить за 400 фл. в. в. С упаковкой в 6-8 — в — Зейферт просит 460, но уступит, пожалуй, за 400. — Существуют, как я слышал, еще хорошие мастера, у которых можно приобрести хорошее, прочное даже немного дешевле 400 фл. — Но это не так легко быстро найти, выбрать — ведь вам нужно, конечно, хорошее — для этого мне надо больше времени — отвечайте скорее, согласны ли на такие цены, тогда через несколько недель получите хорошее прочное фортепиано; что касается платежа, то фабриканты требуют уплаты здесь же, на месте, при отправке инструмента, так как, по их словам, частенько им приходится иметь неприятности из-за этого. — Вот пока все, уважаемый В., что могу вам сообщить — как скоро сообщите ваше решение по этому предмету, приму меры, чтобы оказать вам услугу в лучшем виде.

Мой привет вашей дочери и остальной семье
ваш истинно преданнейший друг и слуга Бетховен.

Вена 23 июля 1815 г.

Вы получите пианино, любезный Варенна, не позже, как через две недели.

Я не мог позаботиться об этом раньше. Я ведь вообще не умею давать заказов и т. п.

С упаковкой стоит — 400 фл. здесь сейчас же; если хотите выложить еще 50 фл. на отделку, то напишите мне сейчас же.

Инструмент от Шанца, у которого я также взял себе.

Поклон семье вашей.

Второпях ваш Бетховен.

В Теплице, на берегу Заубаха, в живописной долине, между Миттельгебирге и Эрцгебирге, бьют теплые минеральные ключи, привлекающие больных со всех концов Европы и преимущест-

венно австрийскую знать. Здесь в 1813 году заключили «священный союз» правители Пруссии, Австрии и России. Здесь летом 1812 г. Бетховен встретил многих своих венских знакомых, в том числе князя Кинского, уплатившего ему тут же часть своего долга; здесь Бетховен опять увлекся и вновь испытал томление любви. Обладательница чудного голоса, талантливая исполнительница романсов и красавица Амалия фон Зебальд исполнила сердце композитора.

Перед отъездом из Вены он отправился проститься со своим августейшим покровителем, но последний был уже в Бадене; не застав так же камергера его, барона Швейгера, Бетховен послал ему записку.

К камергеру эрцгерцога барону
Иосифу ф. Швейгеру.

Ничтожнейший из ничтожных был только что у всемилостивейшего государя, но там все было закрыто. Потом он пришел сюда, где все было открыто, но никого нет, кроме верного слуги. Со мной был толстый узел нот с целью устроить под конец хороший музыкальный вечер, — увы! — Мальфати настаивает на том, чтобы я поехал в Теплиц, но мне это совершенно не нравится. Надеюсь, по крайней мере, что развлечения всемилостивейшего государя будут страдать в мое отсутствие, а помочь этому я не могу. — O Vanitas! — и ничего более. До поездки в Теплиц я посету вас в Бадене или напишу. Прощайте! всего лучшего всемилостивейшему государю! Любите вашего друга Бетховена.

Накануне выезда в ресторане «Лебедь» состоялся прощальный обед; композитор был в прекрасном настроении, много шутил и тут же написал четырехголосный канон, немедленно пропетый приятелями; текстом послужили несколько слов, касающихся Мельцеля, изобретателя метронома. Впоследствии тема этого канона (сер. 23, № 43) была введена композитором в *allegretto* 8 симфонии.

По пути, в Праге, провел он несколько дней в обществе Варнхагена фон Энзе, будущего выдающегося писателя, состоявшего тогда адъютантом при принце Бетхейме, сподвижнике Блюхера; по приезде в Теплиц он сообщает Варнхагену о первом своем впечатлении и о публике.

Теплиц, 14 июля 1812 года.

При сем, любезный Варнхаген, пакет для Вильмса (Виллизена) — прошу его прислать мне сюда с почтовой каретой 3 части сочинений Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера», так как четвертая недостававшая нашлась; — если же вы сами в скором времени приедете сюда, то, конечно, ничего этого не надо, поэтому предоставляю сие вашему мудрому усмотрению. О Теплице скажу немного, людей мало, и среди этих немногих никого выдающегося, а потому живу одиноко, один! один! один! Мне было жаль, любезный Варнхаген, что я не мог провести последнего вечера в Праге с вами, я нашел это даже неприличным, но одно обстоятельство, которого я не мог предвидеть, помешало мне, — не упрекайте меня в этом, — словесно подробнее об этом. — Всего хорошего генералу Бентхейму, — его и вас я особенно желал бы видеть здесь — если вы считаете меня чужаком, с какими-то особенными странностями, то я готов не видеть в вас ничего странного и

ничего особенного, — если хоть некоторые хорошие стороны сближают людей, этого вполне достаточно, чтобы проложить дружбе путь.

Прощайте! прощайте! прощайте! Разбейте вдребезги зло и будьте выше него.

Ваш друг Бетховен.

NB. Пишите мне и пришлите пожалуйста ваш точный адрес.

Господину Варнхагену в Праге. Сдать вместе с пакетом господину генералу графу Бентхейму.

В Теплице композитора ожидала вторая встреча и сближение с Амалией Зебальд, приехавшей сюда со своею младшею сестрою и проживавшей в одной русской семье. Бетховен вновь охвачен матримониальными грезами, он мечтает о женитьбе, он намерен связать жизнь свою с этой тридцатилетней красавицей, очаровавшей его не только блестящим умом, строгими античными чертами лица, но также звучным и полным задушевным голосом, исполнявшим преимущественно значительные и содержательные произведения классиков. Композитор не мог пожаловаться на отсутствие взаимности. Красавица всю жизнь хранила клок волос, срезанных ею с головы Бетховена в конце сентября 1812 года; она навещала его, оказывала ему множество услуг, но все же не осуществила его заветной мечты. Из приводимых здесь записок хворого и ноющего композитора видно, что своими поступками он причинял неприятности и страдание даже той, которую был увлечен в это время не менее, чем Беттиною.

В альбом Зебальд.

*Чтоб вы Людвига ван Бетховена,
Если б даже пожелали,
Никогда не забывали.*

Теплиц, 8 августа 1812 года.

К Амалии Зебальд.

16 сентября 1812 года.

Я тиран! Ваш тиран! Вы заблуждаетесь, называя меня так; если даже таков ваш взгляд, то это еще не доказывает вашего нерасположения ко мне. Не браните за это. Ведь это было бы скорее счастьем для вас. — Еще вчера я чувствовал себя не совсем хорошо, а сегодня утром нездоровье усилилось. Вероятно: я съел что-либо вредное, а мой болезненный организм, видимо, воспринимает одинаково как скверное, так и хорошее. Впрочем, пожалуйста, не приписывайте того же моему характеру. Толпа безмолвствует, ведь это только толпа. Она видит в других только свое отражение, а это и есть ничто. Прочь все. Высокое и прекрасное не нуждается в толпе. Оно не нуждается ни в ком и оно же, вероятно, вызывает нас. — Прощайте, милая Амалия! Если луна будет светить сегодня вечером веселее солнца дневного, то вы увидите у себя ничтожнейшего из ничтожнейших.

Ваш друг Бетховен.

Милая, добрая Амалия! Вчера после ухода от вас мне стало хуже, лежу в постели со вчерашнего вечера до сих пор. Я хотел сообщить вам сегодня, но раздумал, из опасения вызвать подозрение ваше, будто ста-

раюсь придать себе особенное значение. — Как могло вам присниться, будто для меня вы ничто?

При встрече, милая Амалия, поговорим об этом; хотел бы я пользоваться вашим доверием и вызывать в вас своим присутствием покойное, безмятежное настроение. Надеюсь, завтра мне будет лучше, и мы проведем еще несколько часов вместе, что вызовет в нас взаимные чувства радости и душевного подъема. — Доброй ночи, милая Амалия! Глубоко благодарен за доказательство внимания к вашему другу

Бетховену.

Тидге я пересмотрю.

Спасибо за все, что вы находите полезным для моего организма. О самом необходимом уже позаботились. — Кажется, и болезнь уже не так упорна. — Сердечно сочувствую вашим страданиям вследствие болезни вашей матери. — Вы знаете, что я готов всегда с радостью вас видеть, но не могу вас иначе принять, как лежа в постели. — Может быть, завтра встану. Прощайте, милая добрая Амалия.

Ваш хворый Бетховен.

Далее приписано рукою А. Зебальд:

«Мой тиран требует счета. Вот он:

Курица 1 фл.

Суп 9 кр.

От души желаю, чтобы это помогло вам».

Ниже приписка Б-на.

Тираны не платят, но долг должен быть погашен. Вы могли бы сделать это в лучшем виде, если бы сами пришли NB со счетом к вашему покорному тирану.

Уведомляю вас, что тиран рабски прикован к постели. — Вот оно как! Хорошо, если все окончится потерей только сегодняшнего дня. Моя вчерашняя прогулка на рассвете в лесу, где было очень сыро, моя усилила мое нездоровье и, вероятно, помешала выздоровлению. Развлекайтесь пока с вашими русскими, лапландцами, самоедами и т. п. и не будьте особенно усердны в пении: «es lebe hoch».

Ваш друг Бетховен.

Мне уже лучше. Если находите, что вам прилично одной прийти ко мне, то доставите мне большое удовольствие. Если же считаете это неприличным, то ведь вы знаете, что я уважаю свободу каждого; как бы вы не поступили в этом случае или вообще, следуя ли своим принципам или побуждениям воли, ничто не изменит моего к вам расположения и я всегда останусь вашим другом.

Бетховен.

Выздоровление не идет, а точно ползет; словом, все еще нет конца! Вот все, что могу вам сообщить об этом. — Я должен отказаться от мысли видеть вас у себя. Может быть, ваши самоеды избавят вас сегодня от поездки в полярные страны, тогда приходите к Бетховену.

Не могу сообщить вам ничего определенного о себе. То кажется, что мне лучше, то снова все идет по-старому, то будто болезнь затягивается надолго. — Если бы я мог выражать свои мысли о болезни такими же определенными знаками, как мои музыкальные идеи, то легко помог бы сам себе. Сегодня придется также остаться в постели. Прощайте и радуйтесь своему здоровью, милая Амалия.

Ваш друг Бетховен.

Вскоре затем Амалия Зебальд стала женою судебного чиновника Крамера, но еще долго Бетховен не мог забыть ее. В 1816 году дель Рио, содержатель пансиона, где воспитывался племянник Людвиг, с двумя дочерьми посетил последнего в Бадене.

«Лето 1816 года, — рассказывала Фанни, старшая из них, — Бетховен провел в Бадене, откуда часто приезжал в Вену.

Однажды, придя к нам, он снял пальто, и мы заметили на локте сюртука дыру. Видимо, вспомнив о ней, он стал вновь одевать пальто, но сейчас же сбросил его и, смеясь, сказал: «все равно, вы уже заметили». В сентябре он пригласил нас к себе на дачу и просил предупредить о времени посещения нашего. Его желание исполнили мы в точности, однако, по приезде к нему, заметили, что любезный хозяин ровно никаких приготовлений к приему не сделал. Обедать он повел нас в трактир, где, при расплате, вследствие обнаружившейся недобросовестности кельнера, старательно проверял количество съеденных булочек. Говорить с ним приходилось громко, в самое ухо, скрывавшееся за длинными седеющими волосами.

— Мне надо остричься, — повторял он при этом.

После обеда мы отправились гулять, а Бетховен, заявив, что у него много работы, остался у себя и через несколько времени пришел за нами. Вечером мы заметили, что ничто не приготовлено для нашего ночлега; композитор ворчал, бранил прислугу и сам помогал нам устроить постели, отодвинув диван и т. п. Мы, сестры, должны были спать в большой комнате, где находился рояль его; долго мы не могли заснуть и вздумали развлечься разглядыванием лежавших на столе бумаг.

В этих тетрадах были вписаны музыкальные наброски, изречения, заметки по хозяйству, и все это перемешано, переплетено бессвязно, бестолково; среди этой абракадабры мы нашли непонятную фразу: «сердце мое преисполнено прелестей чудной природы, а ее нет со мною».

На следующее утро он вошел к нам с расцарапанным лицом.

— Смотрите, как обработал меня слуга, которого я сейчас прогнал! Эти люди знают, что я плохо слышу и все же не стараются говорить внятно...

Обедали мы в Helenenthal, причем Бетховен за столом вписывал время от времени по несколько тактов в свою книжку и, между прочим, сказал:

— Прогулка с вами лишила меня некоторых мелодий и подарила другие.

В беседе Бетховен высказывал такие идеи: всякая принужденность ему противна, он сторонник неограниченной свободы; ему гораздо приятнее, если женщина, с ним не связанная, дарит ему свою любовь; в обязательных же отношениях жены к мужу он видит ограничение свободы женщины; он уверял, что еще не

видел супружеской четы, где бы тот или другой не раскаивался в сделанном шаге; «как я счастлив, что ни одно мое сватовство не увенчалось успехом; как хорошо, что не все наши желания исполняются...»

Отправившись затем гулять в Елененталь, мы шли впереди и внимательно прислушивались к тому, что говорили отец и великий композитор, следовавшие за нами.

— Вы не избавитесь от мелких неприятностей обыденной жизни, — говорил отец, — пока не найдете подруги жизни, которая утешала бы вас и облегчала бы эти заботы. Неужели вы не знаете женщины, которая была бы достойна разделить с вами бремя жизни?

— Я любил без памяти, — ответил Бетховен, — и безнадежно. Я познакомился с нею пять лет назад и был бы бесконечно счастлив жениться на ней. К сожалению, мечты мои неосуществимы. Тем не менее, вспоминая о ней, сердце мое бьется, как при первой встрече с нею».

Краткий отчет о проведенном лете 1812 г. Бетховен сообщает эрцгерцогу Рудольфу в письме, где упоминает скрипача Полледро, удивлявшего тогда Европу своею виртуозностью.

Франценсбрунн, 12 авг. 1812 г.

Ваше императорское высочество!

Давно уже следовало мне исполнить долг свой и напомнить вам о себе, но отчасти хлопоты в отношении лечения, отчасти же сознание своего ничтожества воздерживали меня от этого. — В Праге я опоздал к в. и. в. только на одну ночь; когда явился я к вам утром, чтобы предложить свои услуги, то узнал, что вы тою же ночью выехали. В Теплице я слушал ежедневно 4 раза военный оркестр — вот весь мой доклад по части музыки. Бывал часто с Гете. Врач мой, Штауденхейм, уговорил меня переехать из Т. в Карлсбад, оттуда — сюда, и, вероятно, придется вернуться отсюда еще раз в Теплиц. — Какие прогулки! И все же нет надежды на поправление. О состоянии здоровья в. и. в. я получал до сих пор самые лучшие известия, то же самое мне известно также относительно вашего расположения и преданности к богине музыки. В. и. в. слышали, вероятно, о концерте, устроенном мною, с помощью г-на Полледро, в пользу погорельцев города Бадена. Сбор достиг почти 1.000 фл., и если бы я не был стеснен в средствах лучше обставить все, то можно было бы легко собрать 2.000 фл. Собственно, это был несчастный концерт для несчастных. У здешнего издателя я нашел только некоторые старые скрипичные сонаты. Так как Полледро на этом настаивал, то я должен был сыграть старую сонату. Весь концерт состоял из трио, с участием Полледро, и скрипичной сонаты со мною; затем вновь играл Полледро, и я импровизировал. Во всяком случае, я искренно рад, что кое-что осталось для бедных баденцев. Сблаговолите принять пожелания полнейшего здоровья и просьбу мою иногда вспоминать также обо мне

Вашего императорского высочества покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

В конце сентября 1812 года Амалия Зебальд покинула Теплиц и рассталась навсегда с Бетховеном, который, в свою очередь, поспешил уехать и в начале октября был в Линце, у брата своего Иоганна, где усиленно стал работать над партитурами

двух симфоний, 7 и 8, из коих первая требовала лишь тщательной проверки копии, а вторая все еще не была окончена автором.

Незадолго перед тем Иоганн сдал часть своего дома приехавшему из Вены доктору; последний привез с собою свояченицу, Терезу Обермайер, девушку не вполне скромную и недолго отклонявшую вождение домохозяина. Автор «Фиделио, или Супружеской любви», удрученный разбитыми надеждами на брак с Амалией и видя внебрачную связь брата с развязной девицей, задается целью навести его на путь истинный, надоедает ему нравоучениями, наставлениями, советами, причем не обходится дело, конечно, без свойственных, в подобных случаях, композитору резких выражений и брани. Тридцатилетний Иоганн, не признавая опеки брата, возражает, не уступает увещаниям его. Тогда Людвиг бежит к начальнику полиции, к епископу, сообщает им о незаконном сожителстве девицы Обермайер, о ее развратном поведении, требует и получает приказ о выселении ее добровольном, а в противном случае — насильственном, с участием жандармов. Иоганн в негодовании бросается на брата, и раздаются, вслед за громкой бранью, глухие звуки единоборства, прерываемые звонкими пощечинами.

Хотел ли Людвиг совершенно прервать связь брата с любовницей или хотел лишь санкционировать ее установленным обычаем и законом — неизвестно; во всяком случае, Иоганн избрал последнее, и 8 ноября состоялась свадьба его, на которой присутствовал Людвиг, вольный или невольный виновник торжества, о котором оба брата впоследствии вспоминали с сокрушением сердечным.

На следующий день, 9 ноября, Бетховен уже был на пути в Вену и заносил в свой дневник такие сентенции:

«Покорность, только искренняя покорность судьбе может побудить тебя к принесению жертв делу твоему... О жестокая судьба!.. Можно найти все, что отвечает сокровеннейшим желаниям, но все приходится брать с бою. Ты не имеешь права быть человеком для себя, ты должен быть им только для других; ты должен находить счастье только в себе самом, в своем искусстве. Боже, дай силы справиться с собою; ведь ничто больше меня не может привязать к жизни!..»

Немного ниже этих строк вписано: «точное выдерживание нескольких голосов мешает переходу одного в другой». Вероятно, к этому же времени относятся следующие строки, вписанные в тетрадь эскизов:

«Милые друзья, этим путем я только стараюсь точно цифровать и когда-нибудь научить других. Что касается ошибок, то мне самому учиться нечему; я уже с детства одарен был тонким чутьем и сочинял, вовсе не зная, что это так быть должно или может быть иначе».

Число сочинений, написанных и подготовленных в это время Бетховеном к изданию, достигает двух десятков пьес разнообразного типа и содержания. Сюда относятся:

Скрипичная соната ор. 96.

Торжественный марш к трагедии «Тарпея» (сер. 2, № 5).

Трио в одной части (серия 11, № 7).

Allemande в G-dur.

Романсы (сер. 23, № 24, № 27, № 29, № 30, № 37, № 40, № 41; сер. 22, № 23).

Прелестная ариетта *In questa tomba oscura* (сер. 23, № 39).

Шесть песен ор. 75, в том числе две на текст Гете: «Ты знаешь край...» и песнь о Фульском короле; такие же неудачные, как и четыре остальные.

Шесть вариаций ор. 76, простеньких, жиденских, примитивных, на тему марша из «Развалин Афин»; в 4 вар. чередование интервалов кварты и терции дает созвучия, располагающие к экзотической разработке *alla turca*.

Фантазия для фортепиано ор. 77, такое же чудосочное; пьеса в *a-moll*, соната ор. 78, соната ор. 79 для фортепиано, сделанные мастером в часы разлуки с музой.

Фантазия ор. 80, по выражению К. М. Вебера: «хорошо задуманная, построенная по хорошему плану, понятному лишь при условии появления хора».

Соната ор. 81 — не из лучших, хотя весьма популярная, вероятно, благодаря своим много говорящим заголовкам: прощание, разлука, свидание.

Секстет ор. 81 — написан опытной рукою.

Романсы ор. 82 и ор. 83 с зародышем хоровой темы 9 симфонии в № 3 последнего.

Три *Equale*,¹ переложенные впоследствии Зейфридом для хора и исполненные, под названием *Miserere*, при погребении Бетховена.

Романсы (сер. 23, № 22 и № 35).

Музыка к «Эгмонту» и концерт фортепианный № 5.

В 1810 году, по случаю празднеств в Лаксенбургском дворце, устроенных в день имени императрицы Марии-Людовики, Бетховен написал для военного оркестра два марша (сер. 25, № 287), полонез (*ib.*, № 289) и экосез (*ib.*, № 290), а также экосез (*ib.*, № 305) для фортепиано;

Виолончельная соната ор. 69, очень красивая, с поэтичной, жизнерадостной 1 частью, с характерною надписью автора: *inter lacrymas el luctum*, намекающею на горе и радость, звучащие в прелестных гармониях сонаты.

Два трио ор. 70, далеких от шедевров камерной музыки, созданных тем же автором; в № 2 заметна опытность и легкость письма, но взаимные сочетания инструментов неудачны и звучат бледно; тем не менее, при появлении своем оба трио были встречены публикою и критикою восторженно. Первое из них с давних времен носит название *Geistertrio*, по причине чудного *adagio*, как говорят, вдохновившего Вебера при создании волшебной сцены для «Фрейшюца»; на автографе, подаренном фирмою Артария профессору М. Фридлендеру, заметна зачеркнутая надпись автора: «в будущем воскресенье баронесса Эртман будет играть трио»; вероятно, для нее Бетховен обозначил расстановку пальцев (аппликатуру) в некоторых тактах первой части.

Секстет ор. 71, еще более слаб.

¹ *Equale* — род церковной музыки, исполняемой несколькими инструментами, иногда однородными, напр.: четырьмя трубами или гобоями.

Квартет ор. 74, одно из прелестнейших произведений Бетховена, заслуживающее более подробной характеристики, нежели другие сверстники его.

Великий индивидуалист в музыке уже сбросил с себя оковы влияния предшественников и в жизни перенес тяжкие удары отвергнутой любви; уже много часов провел философ-композитор в размышлениях, уже испытал он охлаждение восторгов толпы, приветствовавшей юного виртуоза-компониста и отвернувшейся от вполне развившегося гения; ныне, приступая к созданию двух квартетов (ор. 74 и ор. 95), он так же далек от мысли усладить слух публики, как далек в своих эстетических требованиях от предписаний Альбрехтсбергера, от моделей Гайдна и Моцарта. Он рисует звуками только что пережитые им волнения, печаль и страсть, он отражает в гармониях свой внутренний мир, ничуть не сообразуясь со вкусами и требованиями окружающей его толпы. Такая тесная, органическая связь между большинством произведений Бетховена и событиями его жизни уже давно установила в критике его сочинений принцип: судить о последних и вполне понять их можно лишь при условии указания точной зависимости их от элементов биографического свойства.

Лишь при этом условии понятны нам настроения и глубина чувств, отражающихся в квартете № 10 (ор. 74 Es-dur). Сколько тоски, сколько горечи в этом вступительном *adagio*, но не слезливой, сентиментальной тоски, не ласковой элегичности, а демонических страданий, переходящих в волнения мятежного духа (*allegro*), от которых нет забвения ни в тремолирующих секундах и терциях, сопровождающих глубокие вздохи октав, ни в переливах звуковых волн гаммами, ни во вздымающихся арпеджио *pizzicato*, напоминающих арфу и давших целому произведению прозвище *Harfen-Quartett*. Смена таких же двух настроений повторяется во 2 и 3 частях, причем частое повторение, свойственное Бетховену, одного мелодического узора или одной краткой фразы, повторение настойчивое, упорное, точно произывающее все фибры, обращает обширную 3 часть (*presto*) в сцену, полную такого же драматизма, каким проникнута краткая 2 часть (*adagio*). Финал представляет собою тему с шестью вариациями, шестью эпизодами, не лишенными следов вдохновения, но лишенными внутренней связи с первыми тремя частями квартета.

Отверженный графинею Терезою Брунsvик, композитор дважды повторил в звуках пережитые им ощущения: в конце 1809 года написан им квартет ор. 74, вскоре затем изданный, а спустя год написан квартет F-moll ор. 95, хранившийся в портфеле автора долгие пять лет. В более сжатой форме, чем в десятом квартете, здесь проходят перед нами те же картины, те же настроения в ином, совершенно новом изложении; первая тема 1 части (*allegro con brio*) настолько проникнута стремительностью и бурным роком, что странным казалось нам всегда замедление почти до *andante* при повторении этой темы (2 отдел) в исполнении Иохима; во 2 части 1 скрипка поет прелестную лирическую арию в мажорном тоне, отнюдь не ласкающую слушателя вследствие обилия хроматизмов в этой части, а в *allegro assai vivace* воображение готово представить нам народные танцы в

музыкальных очерках Шопена и Грига, если бы автор не приписал к заголовку этой (3) части — *ma serioso*.

Финал состоит из нескольких вздохов краткого *larghetto*, затем слышно как бы подавленное волнение, заглушенный вопль *allegretto* и ликующие клики победителя в *allegro*.

Трио *op. 97* также свободно от влияния предшественников и учителей Бетховена. Первая часть отличается шириной, безоблачным спокойствием, мастерством фактуры, красотой основных мыслей, интересом их обработки. Самое замечательное место этой части — конец *Mittelsalz'a*, эффектный и новый для своего времени, со сходящимися и расходящимися гаммами инструментов (вечно свежий и один из любимейших приемов Бетховена) и с удачным сочетанием *pizzicato* струнных инструментов и коротких триллеров фортепиано; 2 часть составляет одно из лучших бетховенских скерцо, форму которого он довел до недостижимого совершенства. В этом скерцо тема, свободная форма, разнообразие, гармоническая свежесть и новизна, неисчерпаемая фантазия, — все поразительно хорошо, и при разборе этого трио не знаешь, на чем остановиться, так как пришлось бы указывать на каждую фразу, каждый гармонический поворот, почти каждый такт. Третья часть, *Andante* с вариациями, несмотря на божественную красоту темы, — слабее; оно несколько монотонно и представляет меньший интерес вследствие того, что вариации основаны, главным образом, на изменениях ритма, инструментовки, темпа фигурации, но не на видоизменениях и развитии основной музыкальной мысли. И все же почти в каждой из пяти вариаций есть частности, достойные внимания, хотя бы только со стороны техники инструментов. Так, в первой части аккомпанемент широкими сходящимися арпеджиями двойными нотами очень красив; во второй — эффектно употребление пассажей струнных и фортепиано в октаву; в четвертой — превосходно звучное употребление двойных скрипичных нот; в начале пятой — очень оригинален поворот второй фразы темы из *D-dur* в *F-dur* с тем, чтобы третья фраза опять вернулась в основную тональность; последняя часть трио совсем не подходит к трем предыдущим. Это рондо старомодное, с жиденькой виртуозностью, суховатое, словом, дань веку, дань своему времени, которую платили по временам и такие гениальные люди, как Бетховен (Ц. Кюи).

Окончив 26 марта 1811 г. создание этого трио, автор предложил приятельнице своей, графине Эрдеди, познакомиться с ним, но ввиду обычной неразборчивости почерка обратился к ней с запросом: где она предпочитает заказать копию с пьесы.

Любезная и уважаемая графиня.

С большим удовольствием прочел ваши последние строки, но, к сожалению, не могу сейчас на них ответить подробно. — Что касается трио, то сообщите мне только, желаете ли вы сами отдать в переписку или предоставляете мне; мне безразлично, но что вам удобнее, то мне желательнее. — Г. Линке всецело занят своим концертом. Шлю лучшие пожелания вам и детям вашим, воспользуюсь первым удобным случаем побывать среди вас. Будьте здоровы, милая уважаемая графиня.

Ваш истинный друг Бетховен.

Наиболее выдающиеся произведения, созданные в эту эпоху, были предложены автором фирме Брейткопф и Хертель, в письмах к которой заключается немало интересных сведений о жизни и композициях его, причем подтверждается сообщение современников его о непостоянстве автора в указании некоторых темпов, иногда довольно резко изменявшихся им. Содержание писем касается преимущественно издания трио ор. 70, секстета ор. 71, концерта ор. 73, квартета ор. 74, сонат ор. 69, 78, 79, 81, фантазии ор. 77, песен ор. 75, 82, 83, романсов «Песнь издалека» (сер. 23, № 22), Ich denke dein (сер. 23, № 35); здесь упоминается также модная трагедия Апеля Kallirrohe (греческий миф о Каллирроэ) в стихах, из коих Бетховен задумал положить кое-что на музыку; забытый ныне плодовитый композитор Ф. Риотте (1776 — 1856); представитель фирмы Брейткопф и Хертель в Вене, Трег, фамилия которого служит не раз поводом к игре словами (trage — ленивый); комиссионер Вагнер, пианист Фридрих Штейн (брат Нанетты Штрейхер), выразивший желание переложить последние симфонии Бетховена на 2 рояля; встречаются также намеки на модных итальянских певцов (Жафарелли, Крешентини, Салимбени и др.), на первоначальное посвящение мессы C-dur Беттине Brentano, ставшей в 1811 году г-жой Арним, и т. п. Заметим кстати, что издание вышперечисленных произведений вызвало обширную переписку, но значительная часть писем около ста лет хранилась тайне издательской фирмой и впервые опубликована в 1908 году, вследствие чего лишь ныне стали известны грубые ошибки и опечатки в сонате ор. 60, указанные автором издателю, но не исправленные последним и до наших дней никем не замеченные.

Маска Бетховена, раб. Клейна (1812).

Брейткопфу и Хертелю в Лейпциге.

Вена, 7-го января 1809 г.

Вы скажете — вот такой-сякой — это верно, более неисправного корреспондента не может быть — ведь вы получили терцеты. Один, как вы знаете, был готов уже, когда вы уезжали, но я хотел послать его вместе со вторым, который тоже был готов уже несколько месяцев тому назад. Но я и не думал отсылать его вам — наконец, к. набросился на меня. Вы окажете мне большую услугу, и я очень прошу вас об этом, не издавать до Пасхи всех моих произведений находящихся у вас, так как постом я наверное буду у вас, а также не ставьте до тех пор ни одной из новых симфоний, потому что когда буду в Лейпциге, то с помощью известных мне усердием и добросовестностью лейпцигских музыкантов устрою истинное празднество, — тогда же примусь за корректуру. — Разные мерзости, кляузы и интри-

ги принудили меня наконец покинуть дорогое мне немецкое отечество; по предложению его величества короля Вестфалии отправляюсь туда на должность капельмейстера с годовым окладом в 600 дукатов золотом, — как раз сегодня я отправил почтой свое согласие и жду только указаний мне, чтобы начать сборы в путь, каковой лежит на Лейпциг; — поэтому, чтобы обставить мое путешествие более эффектно, прошу вас, если это для вас не очень убыточно, еще не публиковать ничего из моих произведений до Пасхи. — В сонате, которая посвящена барону Глейхенштейну, исключите, пожалуйста, слова и.-к. секретарь, так как ему это не нравится. — В музыкальной газете, вероятно, появятся скверные отзывы отсюда о моем последнем концерте; я далек от мысли преследовать все, что пишут против меня, но следует знать, что здесь никто не имеет столько личных врагов, как я; тем более, что музыкальные дела здесь все ухудшаются — у нас встречаются капельмейстеры, которые так мало знакомы с дирижерским искусством, что едва дирижируют сами — в Видене, кажется, хуже всего — там мне пришлось дать свой концерт, причем со всех сторон мне ставили препятствия. — С концертом в пользу вдов вышла отвратительная штука, главный виновник — Сальери; из вражды ко мне он грозил уволить тех музыкантов, которые будут играть у меня — хотя не обошлось без промахов, в которых я не виновен — все же публика отнеслась ко всему восторженно — тем не менее, здешние писаки, наверно, не преминут опять послать всякие гадости в «Музыкальную газету». — Главным образом музыканты были возмущены тем, что когда по невнимательности ошиблись в самом легчайшем и простейшем месте, то я вдруг велел остановиться и громко крикнул «еще раз!» — этого еще никогда с ними не случилось; публика при этом выразила свое одобрение. — Но с каждым днем становится хуже. За день до моего концерта, в городе в театре в маленькой легкой опере Milton оркестр так сбился, что и капельмейстер, и директор, и оркестр совершенно провалились, а капельмейстер стал догонять оркестр, вместо того, чтобы вести его за собою.

Отвечайте, мой друг, сейчас же!

С глубоким почтением ваш покорнейший слуга Бетховен.

Прошу вас не публиковать ничего определенного о моем назначении в Вестфалию, пока я вам не сообщу о получении указа. Прощайте и пишите скорее — о моих произведениях поговорим в Лейпциге. — Кое-какие намеки о моем отъезде отсюда можно было бы поместить в «Музыкальной газете» и несколько шпилек по поводу того, что тут никто ничего путного не сделал для меня.

Вена, 4-го марта 1809 г.

Милостивый государь!

Из прилагаемого при сем вы видите, что обстоятельства переменялись, и я остаюсь здесь. — Но все же я думаю совершить маленькое путешествие, если не произойдет столкновения ныне угрожающих туч. — Вы получите известия, конечно, своевременно. — Вот opus 61. — Вы получите завтра указания относительно маленьких изменений, которые я сделал в симфониях во время исполнения. — Когда я вам дал их, то еще не слышал ни одной; — и не следует считать себя столь божественным, чтобы не сделать кое-где исправлений в своих сочинениях. — Г-н Штейн предлагает вам переложить симфонии для двух фортепиано. Напишите мне: хотите ли вы и согласны ли уплатить гонорар!

Свидетельствую свое глубокое почтение и остаюсь второпях
ваш преданный друг Л. в. Бетховен.

28 марта 1809 г.

Милостивейший государы!

При сем приложены поправки в симфониях — велите сейчас же исправить их в досках. — Название симфонии в F следующее: «Пасторальная симфония, или воспоминание о сельской жизни», скорее выражение чувств, чем живопись — в Andante той же симфонии надо еще указать в басовых партиях, сейчас в начале: *due Violoncelli solo primo e secundo con Sordino ma gli Violoncelli tutti coi Bassi*; вы писали, что нашли ошибку в третьей части симфонии c-moll — не помню, какого рода — самое лучшее, если вы пришлете мне корректуру с партитурой, которую вы получили; через несколько дней получите все обратно — я был бы очень доволен, если бы точно так же поступили с трио и виолончельной сонатой; — если в виолончельной сонате заглавие не печатано, можно еще поставить — моему другу барону и т. д. — как помнится, я послал только два трио, тут какая-то ошибка, может быть, Вагнер подшутил и прибавил третье, собственного изобретения или чье-либо чужое? чтобы избежать недоразумений, привожу ниже темы этих пьес:

Allegro.

1-я часть.

Adagio.

2-я часть.

Violo. Comb.

3-я часть.

2-ое трио п. Бс. Adagio. Comb.

1-я часть.

Allegretto Viola.

2-я часть.

3-я часть.

4-я часть.

В следующем письме отвечу вам на все остальное в ваших письмах, шлю лучшие пожелания.

Второпях весь ваш Бетховен.

Вена, 5-го апреля 1809.

Глубокоуважаемый и милостивый государь!

С удовольствием прочел ваше письмо — благодарю вас за статью в М. Г., но желательно при случае сделать поправку в том, что касается Рейхарта, я отнюдь не был приглашен Р., напротив, главный камергер его высочества короля Вестфалии граф Трухзес Вальдбург распорядился предложить мне место первого капельмейстера е. в. короля Вестфалии; это предложение было сделано еще до приезда Рейхарта в Вену и он сам, как говорят, был удивлен, что не слышал ничего обо всем этом. — Р. приложил все старания, чтобы отговорить меня ехать туда — так как я имею много оснований не доверять г. Р., и он сам, может быть, из каких-либо политических соображений сообщил вам что-либо подобное, то полагаю, что во всяком случае я заслуживаю большего доверия, и что вы при первом случае, каковой легко может представиться восстановить истину, ибо это имеет значение для моей репутации; — со следующей почтой пошлю вам все три вещи: ораторию, оперу, мессу — и прошу за это только 250 фл. конвенционной монетой — не думаю, чтобы это было для вас затруднительно, — не могу найти сейчас письма, в котором Зимрок тоже соглашался дать мне за мессу 100 фл. конвенционной монетой, даже здешняя литография готова дать мне за нее столько же и даже немного больше; — вас я не стану морочить, вы знаете. — Посылаю вам все 3 вещи, потому что я убежден, что вы не заставите меня потерять на этом. — Поставьте заглавие по вашему усмотрению по-французски, — в следующий раз получите несколько строк о другом — сегодня невозможно

ваш покорнейший друг и слуга.

Не забывайте первого капельмейстера Бетховена, я смеюсь над подобными вещами, но встречаются жалкие люди, которые умеют подносить подобные вещи под искусным соусом.

Вена, 20 июля 1809 г.

Роковой для нас срок наступает и потому принужден поскорее написать вам несколько строк — неисправность почты не позволяет мне пока прислать вам что-либо, — пишу только то, что вспомнил относительно трио; во-первых, если заглавие еще не готово, то поместите посвящение прямо эрцгерцогу Рудольфу, для чего поручите списать заглавие концерта в g, напечатанного здесь в промышленной конторе; я замечал несколько раз, что когда посвящаю другим пьесу, которая ему особенно нравится, то ему становится как-то неприятно; эти трио он очень полюбил. Поэтому его, вероятно, опять огорчило бы если бы они были посвящены кому-нибудь другому, если же уже сделано, уж ничего не поделаешь — в последнем трио в Es прошу вас посмотреть, так ли это место в последнем Allegro, после 102-го такта во второй части для виолончели и скрипки.

Если это место написано в партитуре, как в № 1, то надо изменить и следует, как в № 2 — я нашел это место так в расписанных партиях; это навело меня на мысль, что переписчик, может быть, сделал ту же ошибку в партитуре; если этого нет — тем лучше — если где-нибудь окажется *ritardando* в нескольких местах в этой же пьесе, то вы черкните тоже, все равно, где бы оно не было, его не должно быть во всей этой пьесе.

Недурно было бы в некоторых местах этой же пьесы обозначить пальцы.

Вы легко найдете это место без указания такта.

Постоянная рассеянность за последнее время помешала мне указать вам это с самого начала — но вскоре я опять буду свободно располагать собою — и тогда ничего подобного уже не случится — дай Бог, чтобы какие-нибудь ужасные обстоятельства опять не помешали мне как-нибудь. — Но кто же может заботиться одновременно о судьбе стольких миллионов? — Прощайте, пишите скорее, пока почта еще принимает письма.

второпях, Бетховен.

26 июля 1809 г.

Вы очень ошибаетесь, почтеннейший, если считаете меня вполне здоровым, — мы пережили за это время много бедствий, довольно сказать, что с 4-го мая я не написал почти ничего законченного, почти только кое-какие отрывки. — Весь ход событий действовал на мое тело и душу: все еще не могу наслаждаться столь необходимой мне дачной жизнью, — лишь недавно восстановленное здоровье мое еще не окрепло, даже в течение этого короткого времени не выполнялись данные мне обещания. — От князя Кинского, — одного из моих должников, я еще не получил ни гроша, — и это в такое время, когда нужда ощущалась особенно сильно, — кто знает, что будет дальше; мне предстоит теперь перемена местожительства — контрибуции начинаются с сегодняшнего числа — какое разрушение и запустение вокруг меня, ничего кроме барабанов, пушек, человеческих страданий всякого вида; — я теперь в таком положении, что опять принужден попрошайничать перед вами, а потому, надеюсь, пришлете мне 250 фл. конвенционной монетой за большие три произведения; полагаю, что сумма небольшая, сейчас я нуждаюсь в ней, так как нельзя полагаться сейчас на все обещанное мне в декрете — сообщите, принимаете ли это предложение; за одну только мессу я мог получить 100 фл. конвенционной монетой; — вы знаете, что я всегда откровенен с вами и вообще с подобн. людьми — прилагаю добрую порцию опечаток, которые мне указал один приятель мой (именно, в виолончельной сонате), так как я никогда в жизни не забочусь больше о том, что уже раз написал; я велю написать или отпечатать этот список и объявлю в газете, что каждый, кто уже купил ее, может получить его — это вновь подтверждает мой прежний взгляд, что правильнее всего печатаются ноты с моих собственноручных рукописей — вероятно, вы найдете некоторые ошибки и в копии, которая у вас; но при просмотре автор действительно легко может проглядеть ошибки — вскоре получите песню «*ich denke dein*», которая непременно должна была войти в злосчастного «Прометея», и о которой я совершенно забыл бы, если бы вы не напомнили, — примите его, как маленький подарок — только теперь благодарю вас за действительно прекрасно переведенные мне трагедии Эврипида; в *Kalliroe* я отметил некоторые из предназначенных мне стихотворений, каковые думаю положить на ноты или звуки, — но желательно знать имя автора или переводчика этой трагедии — у Трега я взял себе Мессию, на основании

предоставленного мне права во время вашего пребывания здесь; правда, я не ограничился этим, когда стал устраивать у себя еженедельно небольшие вечера вокальной музыки, но злосчастная война прекратила все — с этой целью и вообще был бы рад получить от вас постепенно большинство партитур, которые имеются у вас, как напр. *requiem* Моцарта и т. п. Мессы Гайдна, вообще все партитуры Гайдна, Моцарта, Баха, Иоганна Себастьяна Баха, Эммануила и т. д. — из фортепианных пьес Эммануила Баха у меня есть только несколько вещей, а ведь некоторые должны каждому истинному артисту не только доставлять высокое наслаждение, но служить предметом изучения, и высшее для меня удовольствие представляет исполнение у некоторых истинных любителей музыки таких произведений, которых я никогда не видел или очень редко — я уж отплачу вам так, что останетесь довольны — я слышал, что первое трио здесь; я не получил ни одного экземпляра и потому прошу вас об этом, был бы рад, если бы вы прислали для корректуры другие пьесы, готовые к изданию, все партитуры вышло вам вскоре лично сам, так и быть, пришлю вам расписанные партии, по которым играли — если перемену свое место жительства, то сейчас же сообщу вам, но если вы сейчас же напишете, то ваш ответ, наверное, застанет меня здесь — может быть, судьбе угодно оставить меня навсегда в Вене. — Прощайте, всякого добра и благополучия, насколько это возможно в наше ужасное время, не забывайте

вашего покорнейшего слугу и друга Бетховена.

Вена 3-го августа 1809 г.

Смейтесь над моим авторским смущением, представьте себе, вчера я нашел, что при исправлении ошибок в виолончельной сонате я сам наделал новых ошибок — итак, в *scherzo allegro molto* остается, как было раньше написано — *ff*-диез и так везде, только в 9-м такте перед первой нотой поставить *riano* и так же оба остальные раза в 9-м такте, где три диеза сменяются двумя бекарами, — таковы дела — из этого можете заключить, что я действительно в таком состоянии, когда остается воскликнуть: «Господи, в руки твои предаю дух мой» — со следующей почтой получите одну или еще одну другую песню и секстет для духовых инструментов как будущее вознаграждение за благотворительные деяния, каковые ожидаю от вас для себя.

Не забудьте имя поэта, который так прекрасно воспроизвел нам Эврипида — я тороплюсь, так как в 5 часов мы уже должны сдавать письма на почту, — а уже около половины 5-го, а я живу в Клепперштале, на Тейнфальштрассе, в 3-м этаже, у адвоката Гостиша.

Прощайте весь ваш Бетховен.

Вена, 8 августа 1809 г.

Я сдал у г-на Кинда и К^о один секстет для двух кларнетов, двух фаготов и двух валторн, также две немецкие арии или песни, чтобы вам переслали эти вещи по возможности скорее. Это будет отплата за то, что я выпросил у вас себе в подарок. О «Музык. газете» я тоже забыл и позволю себе напомнить вам по-приятельски об этом. Не пришлете ли мне полного собрания сочинений Гете и Шиллера. При вашем книжном богатстве невелика будет потеря; я же пришлю вам за это кое-что такое, что разойдется по всему свету. Оба поэта — мои любимейшие, так же, как Оссиан, Гомер, которых, к сожалению, я могу читать только в переводе. Лишь только они, Гете и Шиллер, открывают свои литературные сокровищницы, как вызывают во мне величайшее наслаждение.

NB. Чем скорее пришлете вы мне их, тем более обрадуете меня, так как я надеюсь провести остаток лета где-нибудь в блаженной деревенской глуши. Секстет относится к моим прежним вещам и к тому же еще написан был в одну ночь. О нем нельзя сказать ничего другого, как то, что он написан автором, создавшим, по крайней мере, несколько лучших произведений; впрочем, для некоторых людей такие произведения, напротив, самые лучшие.

Прощайте и дайте знать о себе поскорее вашему
преданнейшему Бетховену.

Мне хотелось бы иметь еще несколько экземпляров виолончельной сонаты. Вообще, прошу вас присылать мне всегда по полудюжине экземпляров. Я их никогда не продаю. А между тем встречаются бедные музыканты, которым нельзя отказать.

Текст оперы и оратории будет сдан в следующий вторник в почтовую карету. «Музыкальной газеты» я еще совсем не получал. — Мне прислали недавно из Лейпцига стихотворение «Спаситель в аду», которое могло бы служить продолжением «Христа на Оливковой горе». Как видно, автор видел или слышал кое-что из оратории. — Стихотворение написано с вдохновением. Вскоре о-дре Аппеле. — Мне только пережить бы зиму со всеми ее тягостями, чтобы снова ожить. — Так неудачно проведенное лето и печальный отголосок еще одной, хотя и не без вины, падшей немецкой страны преследует меня постоянно. — Что вы скажете относительно пачкотни в письмах Рейхарта? Впрочем, я видел только несколько отрывков из них.

Вена, 19 октября 1809.

Многоуважаемый и милостивый государь!

На ваше письмо от 21 августа спешу ответить, что желал бы получить некоторую сумму по венскому курсу (хотя бы немного), — 3 пьесы уже отосланы, я желал бы очень, чтобы вы мне выслали гонорар за эти три вещи раньше, чем они получатся в Лейпциге, если вы переведете сейчас, то буду очень рад — мы здесь нуждаемся в деньгах, так как расходуем вдвое больше, чем прежде — проклятая война — в романсе в D поставьте tempo Allegretto — иначе его будут петь слишком медленно; — напишите мне, пожалуйста, что стоят издания Шиллера, Гете в конвенционных монетах, а также полное издание Виланда в самом маленьком формате — если придется мне их купить, то я предпочел бы там, так как здесь все издания исковерканы и дороги — в следующий раз о квартетах, которые я пишу — фортепианные solo сонаты пишу неохотно, — но обещаю вам несколько — знаете ли вы уже, что я избран членом общества изящных искусств и наук? Все же титул — ха, ха, ха, это смещит меня, — будьте здоровы, мне некогда, могу только сказать, что называюсь преданнейшим вашим Бетховеном.

Не забудьте моей просьбы относительно денег.

Среда, 2-го ноября 1809 г.

Наконец пишу вам; после дикого разрушения — некоторое спокойствие, после всех перенесенных невероятных мучений, — я работал не-

сколько недель подряд, казалось, скорее для смерти, чем для бессмертия и тогда же я получил ваш пакет, но не рассмотрел его — только несколько дней тому назад я взял его в руки и должен вам сделать большой упрек, почему такое великолепное издание не без ошибок???? Отчего не прислали сначала экземпляра для корректуры, как я уже часто требовал, при переписке всегда случаются ошибки, которые, однако, могут быть исправлены каждым опытным корректором, хотя я почти уверен, что их немного или совсем нет в той копии, которую я вам посылаю, нельзя посылать всегда свою рукопись, но я так внимательно просмотрел трио, симфонию, что при внимательной корректуре может оказаться лишь несколько незначительных ошибок — я очень недоволен этим — при сем указатель. Когда писатель или поэт далек от места печатания его произведений, то предоставьте ему, по крайней мере, публиковать перечень опечаток, так и сделайте — вот об этом-то я и позаботился — не имею сведений о том, получили ли вы мои пьесы? Они должны быть уже у вас — пока не могу ничего сообщить вам о д-ре Аппеле, передайте ему пока, что я высоко ценю его, — кстати, нет такой книги, которая была бы для меня слишком научно, ничуть не претендуя на настоящую ученость, я еще с детства стремился все же понять идеи величайших мудрейших писателей всех веков, стыдно артисту не считать своею обязанностью по крайней мере подобного стремления. — Что вы скажете о заключении этого мертвого мира? — я не жду более ничего прочного от нашей эпохи, наиболее надежное сводится к слепому случаю. — Будьте здоровы. Прощайте, мой уважаемый друг, сообщите, как вы поживаете и получили ли мои пьесы.

Ваш преданнейший друг Бетховен.

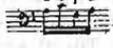
Прилагаемый экземпляр симфонии с-moll неполный, поэтому прошу вас прислать мне несколько экземпляров как этой, так и пасторальной.

Вена, декабрь 1809.

Errata.

2-ое trio в Es., Allegretto в C-dur.

Партия рояля в басу вместо должно быть страница 17, 8-ая строка, 7-й такт именно: после 4-х тактов пауз вместо

 должно быть Виолончель 1-го трио

В D I-ое Allegro 2-я часть 60-й такт четвертная пауза выпущена

В 64 такте то же

Лихорадка трясла меня сильно и помешала послать вам сейчас же эти позже найденные опечатки, в будущем пробуйте сначала у себя все несколькими инструментами, чтобы сейчас же найти и исправить ошибки, я уже так часто повторял, что одна лишняя корректура всегда полезнее. — Ответьте мне поскорее относительно трех пьес, так как, вероятно, вы их давно уже получили.

Второпях ваш Бетховен.

Вена, 2-го января 1810 г.

Только выздоровел — как моя болезнь вновь свалила меня на две недели — не странно ли — мы не имеем даже хорошего съедобного хлеба. — Прилагаемое покажет вам биржевой курс субботы, когда я получал ваше письмо, сумма в 250 (двести пятьдесят фл.) в конвенционных монетах давно уже находилась на текущем счету, и я уже не вправе был распоряжаться ею, так что не знал, каким образом получить ее звонкою монетою, брата моего здесь нет, он, может быть, нашел бы средство обратно присланный мне вексель в звонкую монету, одному из моих друзей, который занимается разменом денег, я сегодня рассказал этот случай, и он сказал, что ничего нельзя больше сделать, как только отослать вам обратно вексель, так как курс каждую минуту меняется и надо ждать, что серебро еще поднимется в цене; и теперь почти невозможно определить курса. — Прошу вас поэтому, как было условлено, поручить Кунцу и Комп. выслать мне 250 фл. конвенционной монетой, напр., по двадцати гульденов, так как эту сумму я уже давно занял и обязался ее возратить звонкою монетою; — был бы рад, если бы вы это сделали как можно скорее, потому что он давно уже ждет, так как я думал, что рукописи дойдут скорее — сегодня я слишком слаб, чтобы написать вам больше в ответ на ваше любезное письмо, но на этих днях обо всем остальном, что вы писали — не забывайте
вашего преданнейшего Бетховена.

Вена, 4-го февраля 1810.

Надеюсь, вы уже получили обратно вексель в 500 фл., который вы мне прислали, жду ответа. — Мое здоровье еще не совсем восстановилось и окрепло, но все же лучше. — Со следующим письмом получите текст оперы и оратории — нельзя ли поместить немецкий текст в мессе, оставив также латинский; — партию органа в мессе я вам позже пришло отдельно, если вы ее еще не напечатали, то я бы хотел, чтобы она появилась в ином виде, чем принято обыкновенно, если же она уже напечатана, то на этот раз надо так оставить. — Теперь о новых вещах: фантазия для одного фортепиано — также для фортепиано с целым оркестром и хорами NB, именно та, о которой вы писали. 3 фортепианные (solo) сонаты — NB из которых 3-я состоит из трех частей: прощание, разлука, встреча; ее следовало бы издать отдельно.

Вариации для фортепиано, 12 песен с аккомпанементом фортепиано, частью немецкий, частью итальянский текст, почти все закончены. Концерт для фортепиано с полным оркестром, квартет для двух скрипок, альты, виолончели.

Так как я намерен отправить эти же произведения, может быть, в Лондон, то можете распространять их всюду, кроме Англии, по этой же причине издание может выйти в свет не раньше как 1 сентября сего 1810 года — не думаю, чтобы мои требования были слишком велики, если назначу гонорар в 1450 фл. конвенционной монетой с уплатой так же, как за ораторию, оперу и мессу; можете уплатить мне эту сумму в 2 срока, первую половину можете мне отдать после того, как получите первую половину пьес и таким же образом по получении второй половины пьес — другую половину.

Прошу поручить кому-нибудь просмотр нижеуказанных мест оратории и сообщите мне, находятся ли в посланной мною вам партитуре тромбоны, литавры и трубы?

Если какой-либо из указанных партий не достает, то я отдам написать и пришлю вам.

Романс «Вдали», недавно посланный вам братом моим, как вы сами заметите, написан дилетантом, который настойчиво просил меня написать музыку и при этом имел смелость отдать в печать, поэтому я решил сообщить вам об этом и тем доказать дружеское к вам отношение мое, надеюсь сейчас же по получении отдадите его в печать, можете потом послать сюда и всюду, если очень поспешите, то р. получится здесь раньше, чем он может выйти здесь из печати, я знаю наверное, что он выйдет у Артариа — я написал р. только из любезности и также передаю его вам, но надеюсь выпросить кое-что, а именно следующую книгу: «Естественная история птиц Бекштейна в двух больших томах с рисунками в красках», чем хочу доставить большое удовольствие одному моему другу — из разрешенных мне партитур, сданных вами Трегу и Промышленной конторе, я еще ничего не взял, будьте добры прислать им или мне какую-нибудь записку, которую можно было предъявить для этого.

Ваш вексель я получил и уже учел, жаль, если я ошибся, но ведь я ничего не смыслю в этом. Здоровье мое еще не окрепло, — нас снабжают скверными продуктами и берут невероятную плату, — мое положение еще не выяснилось, от Кинского я еще не получил ни гроша — боюсь или почти надеюсь, что придется удрать, даже может быть ради здоровья. Нескоро еще наступят для меня светлые дни; о прошлом же и вспоминать не стоит.

весь ваш преданнейший друг Бетховен.

Вена, 6-го июня 1810.

Р. Р.

Множество дел, также домашние заботы, множество спешных работ, порою невозможность побороть лень, — все это позволяет мне ответить вам только теперь, — можете еще получить все, что я вам предлагал. NB даю вам еще музыку к «Эгмонту» Гете, состоящую из 10 частей. Увертюра, антракты и т. п. за плату в тысячу четыреста гульденов звонкой монетой или конвенционной монетой по тому же курсу, как было с 250 фл. за ораторию и т. д.; — иначе я не могу без ущерба для себя, я задержал из-за вас, хотя вы этого и не заслуживаете от меня, так как ваши поступки поражают часто до такой степени, что нужно обладать моим высоким о вас мнением, чтобы вести еще с вами дело — я лично не прочь поддерживать с вами известного рода сношения, — но я также не могу действовать себе в ущерб; — прошу вас прислать мне список произведений, которые я вам предложил, чтобы не вышло путаницы — но ответьте сейчас же, чтобы дальше меня не задерживать, тем более, что «Эгмонт» будет поставлен через несколько дней и ко мне обратятся за нотами; — здесь все вздорожало еще более, расходы ужасные, а потому требуемый гонорар не очень велик. — Мои 4.000 фл., которыми теперь не могу обойтись, к тому же Кинский не дает ни гроша, — хотя это дело верное, не составляют даже тысячи фл. в конвенционной монете. — Завтра больше, — поторопитесь с ответом.

ваш Людвиг ван Бетховен.

NB. Среди песен, которые я вам предложил, есть несколько гетевских; также «Ты знаешь край...», имеющая всюду большой успех, их можете издать сейчас же.

Вена, 2-го июня 1810.

Так как вы большой сторонник округленных сумм, то я согласен отдать вам упомянутые вещи за 250 д. золотом, с чего уж я ничего не могу уступить, хотя здесь через брата я мог бы получить больше, не

дай мне Бог вступать с вами в драку из-за гонорара. Вы имеете теперь получить 1 транспорт, который должен появиться до 1-го сентября 1810 и состоит из одного струнного квартета в Es, фантазии для фортепиано, двух сонат и 5 вариаций для фортепиано, 6 ариетт.

Второй транспорт состоит из концерта в Es, фантазии с полным оркестром и хором — и три ариетты, все это 1-го ноября 1810 года должно выйти.

Третий состоит из характерной сонаты: прощание, разлука, свидание, — потом из 5 итальянских ариетт, затем партитуры «Эгмонта», который в Англии не выйдет, и вы можете его выпустить, когда только хотите.

Эти могут появиться 11-го февраля 1811.

Эти два транспорта получите через две недели, поэтому можете к этому времени перевести сюда деньги, так как последние два транспорта я отдал г. г. Кунцу и К^н.

Второпях Бетховен.

«Эгмонт» составляет вашу полную собственность. Я сейчас сдал Кунцу и Комп. произведения, относящиеся к первому транспорту, чтобы вы получили их без задержки, засим по многим приметам я убежден в том, что в течение этого времени пьесы, перечисленные в первом транспорте, никак не могут появиться в Лондоне, тем более в Германии не может быть получен экземпляр их, — то же самое с другими. Но в интересах ваших финансов, конечно, необходимо, чтобы они вышли 1-го сентября, т. е. пьесы 1-го транспорта. Вы найдете манускрипты и копии пьес, собранные по моему указанию.

Времени слишком мало, чтобы писать обо всем, что мне еще приходит в голову, в следующий раз больше. Прощайте и ответьте поскорее ваш покорнейший слуга Бетховен.

Баден, 21-го августа 1810 г.

Прилагаемое письмо написано вам одним из моих друзей, и я прилагаю его к сему, снабдив моими примечаниями: — с Парижем или Францией я вовсе не уговаривался относительно всех этих произведений, что я докажу вам документально, как только вы все получите от меня и я от вас — о выпуске хотя бы одного экземпляра на континенте не может быть и речи, я думаю, по всей вероятности, едва ли все эти рукописи прибыли уже в Лондон, так как пропуск через границу теперь еще труднее, чем когда-либо, и англичане должны страшно дорого оплачивать, особенно письма в Германию, а посылки еще дороже — словом, я убежден, что в сентябре еще не выйдет ни одной строки из посланных вам пьес, во всяком случае, пожалуйста распределите по вашему усмотрению плату за концерт, квартет, и тогда вы наверное убедитесь, что 250 д. небольшой гонорар; в те времена, когда ассигнации стояли только немного ниже, чем серебро и золото, я получал 100 д. за 3 сонаты — NB. Вы сами дали мне 50 д. за 5-тет — должен ли я идти вперед или назад; надеюсь, в области моего искусства никто не может сделать мне этого упрека — если бы даже дукат сохранил прежнее количество гульденов, все же нет выгоды; мы платим 30 фл. за пару сапог, 60 и даже 70 фл. за сюртук и т. д., черт бы побрал финансовую музыку — мои 4000 фл. составляли кое-что в прошлом году, до прихода французов, — в этом году они не составляют даже 1000 фл. конвенционной монетой, я не намерен, как вы думаете, сделаться музыкальным ростовщиком, который пишет только, чтобы разбогатеть — о, нисколько; но я люблю независимую жизнь, а этого я не могу иначе, как с маленьким состоянием, и потом гонорар должен быть в зависимо-

сти от славы артиста, она должна отражаться на всей его деятельности, я не смел бы никому сказать, что Брейткопф и Хертель дали мне за эти пьесы 200 д. Вы, как гуманист и человек гораздо более образованный, чем все другие музыкальные издатели, должны бы иметь целью не скучное вознаграждение артиста, но скорее содействие работе его, чтобы он мог беспрепятственно создать все, что подсказывает ему гений и чего ожидает от него человечество. — Я не льщу вам, когда говорю, что отдаю вам предпочтение перед всеми другими; даже из Лейпцига часто ко мне обращались и здесь через уполномоченных, а недавно лично предлагали желанный мне гонорар, но я отклонил все предложения, чтобы показать вам, что предпочитаю иметь дело с вами, считая вас человеком с головой (вашего сердца я не знаю) и готов на некоторые лишения, чтобы только сохранить эту связь. — Но с 250 д. я не могу ничего уступить, это был бы значительный ущерб для меня, чего вы не можете требовать, следовательно, на этом остановимся. — Теперь о произведениях, которые должны быть изданы. Я не мог вам писать раньше о посвящениях: нужны следующие: струнный квартет — князю Лобковичу — его антимусикальные титулы найдете в других произведениях. — Сонату в Fis-dur — графине Терезе Брунsvик, а фортепианную фантазию — моему другу графу Францу Брунsvику, 6 романсов — княгине Кинской, урожденной графине Карпен, что касается двух сонат, то издайте каждую отдельно, или если хотите издать их вместе, то озаглавьте сонату в G-dur *Sonate facile* или *Sonatine*, — что можете сделать и в том случае, если издадите их вместе — напоминаю вам, что в струнном квартете перевертывание страниц должно быть удобно, потом прибавьте к заглавию второй части: *adagio ma non troppo*; — в третьей части в C-moll размер 3/4 после *dur piu presto quasi prestissimo*, после чего опять следует *moll*. В первый раз первая часть этого *presto* играет-ся два раза, как указано, при этом там сказано, что вторая часть должна быть повторена, этот знак повторения надо вычеркнуть, чтобы вторая часть исполнялась только один раз. Если не разбираете песню блохи из «Фауста», то поищите в «Фаусте» Гете или пришлите мне для просмотра только мелодию в переписанном виде. — Последний номер последних пьес изданных вами укажет вам, как правильно нумеровать эти произведения.

Квартет раньше других — концерт еще раньше квартета; если хотите обозначить номера в хронологическом порядке, то это все равно, так как оба одного года, в квартете надо еще иметь в виду, что в третьей части в c-moll, где начинается *piu presto quasi prestissimo*, необходима еще одна NB и, во всяком случае, хотя я знаю, что рукопись вполне верная, все же возможны ошибки, желательно мне все же видеть оттиск до печатания, от этого ваше прекрасное издание только выиграет. — Вместе с тем желательно мне иметь 4 экземпляра каждой пьесы, даю честное слово, что я никогда ни одного не продам, но встречаются бедные музыканты, которым я охотно иду навстречу, они предназначены для них. — Когда же выйдут в свет месса, оратория и опера? — сообщите мне, пожалуйста, заглавие песен, которые вы уже получили, так как не помню, какие послал уже вам, может быть, вы получили такие, которые не будут изданы в Лондоне — вскоре получите все, что относится ко второй серии пьес, кроме трех песен, которые я задержу, пока вы пришлете мне список тех, которые у вас уже имеются; через несколько дней будет вам отправлено все, что относится к 3-й серии, но до тех пор жду от вас ответа; — концерт посвящается эрцгерцогу Р. и в заголовке должно быть только «Большой концерт, посвященный е. имп. высочеству эрцгерцогу Рудольфу от и т. д.» «Эгмонт» тоже ему. Когда получите его партитуру, то сами можете решить, что сделать с ним и как обратиться на него внимание публики — я написал его просто из любви к поэту и чтобы доказать это, ничего не взял за него с театральной дирекции, на что она согласилась и в награду, как всегда, с

давних времен, очень небрежно отнеслась к моему произведению; нет ничего более низкого, как наши высокопоставленные особы, за исключением эрцгерцогов; — скажите мне ваше мнение; что скажете вы об издании полного собрания моих сочинений, мне кажется главное затруднение в том, что трудно будет присоединить новейшие пьесы, непрерывно появляющиеся, — что мой друг пишет относительно Парижа об экземпляре для «Национальной библиотеки» вполне соответствует сообщению, полученному мною от одного французского издателя, что таким образом возник процесс Плейеля и т. п., потому что он забыл представить один экземпляр в «Национальную библиотеку», теперь это ясно и точно установлено.

С Веною вы тоже должны были бы иначе устроиться, может быть, я добьюсь того, что мои произведения издающиеся за границей перестанут искать здесь *in loco* — в скрипичных партиях «Эгмонта» укажите вступления других инструментов, даже там, где скрипка играет одновременно с ними; так, например, в погребальной мелодии после смерти Клерхен, когда вступают литавры и т. п.

Это необходимо в наш век, когда нет больше консерваторий и потому директора так же невежественны, как все прочие, а все предоставлено случайности, зато у нас много денег для кастратов, от которых искусство ничего не выигрывает, но зато это приходится по вкусу пресытившимся и полинялым нашим так называемым великим артистам.

В фантазии с хорами не можете ли поместить вокальную партию в фортепианной партии, не хотите ли взять другой текст, так как этот текст, как и музыка, написаны очень спешно, так что я даже не успел написать партитуру. Но в случае замены должно быть сохранено слово *Мощь* или же заменено другим, вполне подходящим — *satis est* — присылаю вам изрядную порцию, запомните хорошенько все необходимое, я рад, что изложил все, потому что неохотно распространяюсь о подвесах, — надеюсь вскоре получить опять ваше мудрое послание и остаюсь с почтением преданнейший ваш друг и слуга Бетховен.

Пишите мне, как всегда, в Вену.

21 августа 1810 г.

P. S. Найдя одно из старых ваших писем, я нашел в нем место, где говорится «К остальным номерам оратории имеются тромбоны, для хора же их нет, так же, как труб и литавров», но не сказано, для какого хора, прошу вас немедленно сообщить, если не найдутся, то мне придется, конечно, пересмотреть, чтобы восстановить — будьте добры ответить мне сейчас же, которую из трех пьес выпустите раньше — я хотел вам прислать в прошлый раз другую партию органа, но не имел возможности, потому что был завален другими делами, если время еще терпит, то пришлю еще; — следующую ошибку нашел я в симфонии *S-moll*, именно в третьей части в $3/4$, где после мажора опять начинается минор, написано: в басовой партии, именно

Два такта лишние и должны быть зачеркнуты, понятно, и во всех других партиях, выдерживающих паузу.

Баден, 23-го сентября 1810.

Уже очень давно жду я от вас писем, но напрасно. 1-го августа я получил письмо из Лейпцига от вашего имени, в котором мне сообщают, что вас нет, с тех пор как я вам написал ужасно большое письмо, я не получал ответа, а он мне очень нужен, — я не могу вам выслать песен второй серии, так как не знаю, какие выслал вам второпах. Из третьей серии остались только большая характеристическая соната и итальянские арии, каковые готовы, все остальное, вероятно, вы уже получили, поэтому с нетерпением жду утешительного ответа, — так как почта у нас не лучше всего прочего, то прошу вас кроме моего адреса обозначить еще на конверте так: Передать господину Олива у Офенхейма и Херца на Bauern-Markt, — так как летом и осенью я редко бываю в Вене, то это вернейший путь — надеюсь вскоре получить от вас несколько строк

преданный вам Бетховен.

Баден, 6-го октября 1810.

Так как я вижу, что небольшое отступление в последнем моем длинном письме, видимо, не понятно, то вкратце повторю о третьей части следующее: чтобы не было задержки, вышлите по почте только партию скрипки на самой тонкой бумаге, чтобы не вышло путаницы, что касается других пьес, то легко избежать ошибок, если вы пришлете мне хотя бы оттиски вместе с моей рукописью, если окажутся ошибки, то я их отмечу и вы тотчас же их исправите, — всего прочего сегодня не могу объяснить, так как некогда.

Завтра или послезавтра получите пьесу в переписанном виде и все остальное, что я вам еще должен выслать.

Будьте здоровы преданнейший друг Бетховен.

Вена, 11 октября 1810.

Людвиг ван Бетховен.

Это возмутительная ложь, будто господин ротмистр Рейсиг мне когда-нибудь платил что-нибудь за мои сочинения, я написал их из дружелюбного отношения к нему, так как он тогда получил увечье, чем вызвал мое сострадание — сим письмом объявляю гг. Брейткопфа и Хертеля единственным собственником песен, которые я ему посылал и среди которых имеются на слова ротмистра Рейсига.

Вена, 15 октября 1810.

Милостивый государь!

Из прилагаемого вы поймете касательно квартета; вы видите, что как только в первый раз минор повторяется после мажора, то первую часть минора следует играть 2 раза, а вторую часть его только один раз, т. е. без повторения. Относительно песни из «Фауста» ничем не могу помочь вам, потому что у меня здесь нет копии — самое главное, чтобы все строфы были вписаны без сокращений, как я это сделал, ранее всего будет, если вы пришлете мне ее на листочке бумаги с партией правой руки и пения в том виде, как вы печатаете, тогда уж мне легко проверить — во 2-м *adagio* квартета я сделал указания относительно *tempo*, принято ли оно в соображение — распорядитесь и исполните пожалуйста то, о чем я вас так часто просил, пришлите корректурный оттиск и рукопись тоже; жалуются на опечатки, и я заметил, что даже самый разборчивый почерк не всегда бывает понятен — мы

еще недавно просматривали 4-голосные песни и другие произведения Гайдна, изданные вами, и я нашел невероятные ошибки и даже очень много, — изменили ли то, что я писал о симфонии, в третьей части лишних два такта, я смутно помню, что вы меня спрашивали об этом, но, кажется, я забыл вам ответить и тем задержал работу — прошу с корректурными отгисками прислать рукописи, потому что у меня нет почти ни одной, потому что то один, то другой из добрых друзей берет их; так, партитуру концерта взял эрцгерцог и не отдает ее обратно, — хотя я уверен, что на этот раз рукописи так верны, как только возможно; все же прошу вас не поступать так, как с терцетами и другими вещами, автор страдает, когда его произведения печатаются с ошибками. — NB. Если в последней части в «Эгмонте» нет надписи «Победная симфония», то велите поставить — поспешите с этим и сообщите мне, пожалуйста, как только вам не нужна будет подлинная партитура, потому что тогда я вас попрошу послать ее из Лейпцига Гете, которому я уже обещал ее и надеюсь, вы ничего не будете иметь против этого, так как вы, вероятно, такой же большой поклонник, как и я, — я послал бы ему копию отсюда, но так как у меня нет такого сведущего переписчика, на которого я мог бы вполне положиться и, конечно, будет мучение с проверкой, то я нашел, что так лучше и потеряю меньше времени; — что касается вариаций, заглавие: «Вариации, посвященные моему другу Олива от и т. п.». Через несколько дней получите партию органа в мессе и тромбонов в оратории — следовало бы найти хороший немецкий текст, вполне подходящий к мессе; пера «Lenore» — моему другу Стефану фон Брейнингу имп. королевск. придворному секретарю при военном совете посвящается автором Людвигом и т. д. Месса посвящается господину фон Цмескалю NB: тут надо прибавить еще разные титулы, которых сейчас не могу припомнить; песни — ее сиятельству княгине Кинской, урожденной баронессе фон Керпен — вы должны были бы прибавить к этому сборнику «ich denke dein», я видел ее где-то здесь в отдельном издании с пристегнутыми кое-где неправильными группетто — не помню где, а у меня нет ее — еще одно: вы должны были бы «Gesang aus der Ferne», которую я вам когда-то послал, издать теперь же, если это еще не сделано, текст написан этим бездельником Рейсигом, тогда оно не было напечатано; прошло около полугода, пока этот бродяга отдал Артариа напечатать ее, как он говорил «только для своих друзей» — я послал ее вам с почтой и вместо благодарности получил лишь гадости. — 50 д. получены, но меня еще здесь не было, и почтальон никому не хотел их доверить — я немедленно справлюсь — со следующей почтой пойдут все остальные обещанные вам пьесы, следовательно, вы можете перевести остальные 100 д. и еще 30 талеров в конвенционных монетах, так как в первом письме вы мне предложили 80 талеров за партитуры и потом сами спустили на 50, как сообщили Трегу, поэтому я возьму на 50 талеров партитур, а 30 золотом прошу перевести сюда — кроме того, так как я вам не раз присылал мелкие пьесы безвозмездно, за что вы мне уже предложили «Музыкальную газету» и некоторые партитуры, то вышлите мне, наконец, «Музыкальную газету», которая, как вы писали уже несколько раз, готова к отсылке, а также хотелось бы мне иметь все сочинения Карла Филиппа Эммануила Баха, изданные у вас — кроме того, мессу И. Себастьяна Баха, в которой находится следующее Crucifixus с Basso Ostinato, вроде этого, а именно:

Кроме того, у вас имеется лучшая копия *temperirtes Klavier* Баха, ее прошу тоже прислать — вот вам *ultimatum*; от него я не отступлю, тогда выдам удостоверение на право собственности — не то я принужден

скрывать мой гонорар — надо серьезно обдумать вопрос относительно издания всех моих сочинений, тогда дам подробные объяснения насчет этого. — *Satis est* надеюсь, вы примете во внимание все обстоятельства, которые я описал и о которых писал — будьте здоровы и порадуйте меня поскорее письмом

ваш преданнейший слуга и друг Бетховен.

Вена, 19 февраля 1811.

Р. Р. Если настаиваете, то вышлю партию органа, — отвечайте сейчас же. Вы не пишете, издаете ли мессу и ораторию в партитуре и когда? — При сем требуемое удостоверение. — Д-ра Шрейбера охотно поблагодарю за его переводы. Хорошо, что вы прислали сюда фантазию для корректуры и впредь вообще делайте так же, вышлите же 2-ю и 3-ю корректуру, с быстротой молнии она будет возвращена вам. — Жду «Муз. Газету» и выдам расписку в том, что газета является подарком от вас !!!!! Черт бы побрал остальные пьесы Риотте, вздор. На вопросы относительно ор. 40 и пр. и пр. я не мог тотчас ответить, ибо из изданных произведений моих у меня нет здесь ни одной строки, кроме присланных вами недавно. — Если стихи, которые вы мне хотите выслать, не только музыкальны, но и поэтичны, то напишу к ним музыку.

Вена, 12 апреля 1811.

Р. Р. Мой друг Олива передаст вам эти строки, надеюсь, вы охотно посвятите его в наши дружеские отношения и примете его в ваш милый круг. На этот раз я дам другу только поручение предложить вам мое новое трио для фортепиано, скрипки и виолончели. Он имеет полное полномочие с вами переговорить и покончить.

Вчера получил я вашу посылку; наша почта, как и все, еще более вздорожала, зато банковые билеты еще более понизились; что скажете вы о наших финансовых деятелях?? Остается ждать какого-нибудь *deus ex machina* — нет другого выхода

второпях ваш Бетховен.

3 песни, как и итальянские — княгине Кинской — Прощание, Свидание не могут быть посвящены никому иному, кроме эрцгерцога Рудольфа.

Вена, 6-го мая 1811.

Р. Р. Ошибки, ошибки — вы сами одна сплошная ошибка — я сам должен послать моего копииста, я сам должен быть там, если хочу, чтобы мои произведения не появлялись в виде сплошных ошибок — музыкальный трибунал в Л., как видно, не сумел найти ни одного порядочного корректора, а между тем высылаете ноты, еще не получив к. — по крайней мере следовало в больших пьесах с отдельными партиями подсчитать число тактов, но видно, все было предоставлено фантазии и т. п. — загляните в клавираусцуг — увертюры «Эгмонт» не достигают целого такта.

Вот список ошибок. Примите мою глубокую благодарность за беспокойство, которое причинили вы мне этим интересным занятием.

Прощайте, надеюсь на исправление — фантазия уже отправлена, соната тоже будет отправлена завтра. Ошибайтесь, сколько хотите, допускайте чужих ошибок, сколько хотите, — все же я глубоко почитаю

вас, ведь таков обычай: один почитает другого за то, что тот мог сделать ему еще больше неприятностей

ваш покорнейший слуга Бетховен.

Вена, 20-го мая.

Примите мое глубочайшее соболезнование по случаю смерти супруги вашей, думаю, что такая разлука, ожидающая почти каждого супруга, должна удерживать мужчин от принятия сего звания. — Ваша соната в пути вместе с фантазией, поместите заглавие, как я надписал по-французски и по-немецки, но не только на одном французском языке — также остальные надписи — позаботьтесь о лучшей корректуре, также жалуются на неудобства перелистывания — избегну возмутительного плагиата по крайней мере здесь в Вене, потому что я подал прошение о привилегии, запрещающей перепечатку моих произведений в Австрии, конечно, пока биржа гнетет своим курсом, здешние цены должны быть ниже — относительно других мест и стран не могу дать ответа — недавно высланные вами корректурные листы будут немедленно, лишь только получу их, отправлены, — что касается трио, то оно еще не к спеху — предположения ваши относительно оперы, конечно, очень желательны, дирекция оплатила бы ее хорошо, обстоятельства нынче, конечно, тяжелые, но все же если сообщите мне требования либреттиста, то я наведу справки; относительно книг я написал в Париж, удачные мелодрамы, комедии и т. п. (никогда не решусь писать оперу с каким-нибудь здешним стихотворцем), которые потом могу отдать переработать. — О бедность духовная и карманная!

ваш Бетховен.

Р. Р. Я очень недоволен тем, что вы послали концерт в Промышленную контору и вообще рассылаете его повсюду. Бог знает куда, еще до получения корректуры. Почему вы не хотите издать хотя бы одно мое произведение без ошибок. — Еще позавчера корректура концерта была отправлена отсюда. В будущую субботу будет также отослана корректура фантазии вместе с моей партитурой, причем последнюю прошу прислать мне сейчас же обратно.

NB. Ошибок в концерте достаточно.

Теплиц, 23-го августа 1811.

За время 3-недельных попыток найти здесь исцеление получил я ваше письмо от 2-го августа, вероятно, оно лежало некоторое время в Вене; я сейчас же занялся пересмотром оратории и песен, и через несколько дней вы получите то и другое, — кое-где должен быть сохранен первоначальный текст. Я знаю, что текст крайне плох, но раз хотя бы из плохого текста создано нечто цельное, то нужно избегать частичных изменений, чтобы не испортить всего, так как иногда в одном слове заключается столько значения, что оно должно остаться неприкосновенным и плох тот автор, который даже не пытается или не умеет извлечь из плохого текста возможно более пользы; если же это неизбежно, то переделки, во всяком случае, не улучшат целого — некоторые я оставил, так как это действительно поправки.

Прощайте, пишите скорее, Олива здесь и напишет вам, — хороший отзыв о «Дон-Жуане» Моцарта доставил мне такую радость, точно это

мое собственное произведение, хотя я знаю много непредубежденных итальянцев, которые отдадут справедливость немцу, если же сама нация отстает в этом, то причиной тому все еще отсталость и косность итальянских музыкантов, но я знаю многих итальянцев-дилетантов, которые предпочитают нашу музыку их собственному Паезиелло и т. п. — Я ценю его более, чем его собственные соотечественники
ваш покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Вена, 9-го числа 8-го месяца 1811.

Шлю тысячу извинений и тысячу благодарностей за лестное приглашение в Лейпциг; меня огорчает невозможность побывать там и в окрестностях, но сейчас я завален делами. Венгерский Ландтаг открыт, говорят, эрцгерцог будет примасом Венгрии и отклонит епископство в Ольмюце. Тогда я сам попрошу его императорское высочество ежегодно выделять мне чистенький миллион из 3-х миллионов дохода, причитающегося венгерскому рrimas, конечно, при этом пуцу в ход всех добрых музыкальных гениев. Дальнейшие новости не дошли еще до Теплица, а потому еще нельзя приступить к осуществлению моего плана; но во время предстоящей поездки моей, ввиду моей преданности ему, после отказа и негодования, все же уступит, тем более, что никакие празднества не обходятся без меня, сказано-сделано, отправляюсь в Вену и первое роковое слово, которое слышу, — все поповства и папства только улыгнулись всемиловейшему повелителю и, таким образом, все дело лопнуло. — Вскоре он будет генералом (вам, конечно, известно), а я генерал-квартирмейстером в баталии, которую, однако, не хочу проиграть, — что скажете на это? Иначе было у меня дело с венгерцами, сажусь в карету, чтобы отправиться в Теплиц, как вдруг мне передают пакет из Офена с просьбой написать что-нибудь в честь открытия нового театра в Пеште; пробыв 3 недели в Т. и чувствуя себя сносно, приступаю, несмотря на запрет моего врача, чтобы оказать услугу усачам, которые меня искренно любят; 13-го сентября отправляю мой пакет, полагая, что около 1-го октября состоится открытие, между тем дело затянулось на целый месяц, письмо, в котором меня об этом извещают, по недоразумению, получаю только здесь и все это заставило меня отправиться в Вену. Впрочем, что отложено — еще не отвергнуто, я проехался и это мне так понравилось, что с удовольствием опять уехал бы отсюда. — Сейчас получил Прощание и пр., вижу прочие экз. вы также с французским заглавием, но зачем, Прощай — нечто совсем другое, чем *les adieux*; первое говорят сердечно только одному, второе — целому обществу, целым городам. — Так как вы позволили себе так позорно критиковать меня, то придется вам самим за это поплатиться. Вам пришлось бы употребить гораздо менее пластин и тем облегчилось бы столь трудное теперь перелистывание, об этом баста. — Каким образом, ради Бога, моя фантазия с оркестром посвящена королю баварскому, отвечайте немедленно, если вы хотели этим сделать мне лестный подарок, то благодарю, в противном случае это мне совсем неприятно, или, быть может, вы сами посвятили ему, как это понять, королям нельзя ничего посвящать безнаказанно. — Прощание также не было посвящено эрцгерцогу, почему не отпечатаны ни год, ни день, ни число, как я написал; в будущем вы должны письменно ручаться печатать все надписи согласно моим указаниям без изменений. — Предоставьте кому хотите критиковать ораторию и вообще все; жаль, что заикнулся вам о жалком Р.; кому охота справляться о таком р., когда подобные жалкие рец. превозносят таких же жалких пачкунов, вообще бесцеремонно обращаются с произведениями искусства и неуклюже подходят к

делу, тогда как даже сапожник быстро находит нужную ему колодку. — Относительно моей фантазии надо привлечь во внимание, что это раннее и первое произведение мое в этом роде, написано в 14 дней среди всевозможных тревог, шума, неприятных и опасных для жизни событий (мой брат лежал при смерти).

Еще раньше, чем дать статью для вашего журнала, Рохлиц, если не ошибаюсь, уже высказывался неодобрительно о хоре юношей «мы его видели» (в с-dur), назвал его комичным, хотя такого впечатления никто здесь в публике не проявил, а среди друзей моих находятся критики, известно, что я теперь иначе пишу ораторию, чем прежде; — впрочем, критикуйте сколько угодно, желаю вам веселиться, если одному вздумается ужалить другого, как комар, то при этом может рассмешить забавным жужжанием ре-ре-ре-ре-цен-цен-цен-зе-зе-зе-зент-зент-зент. — Не вечно, это вам не по силам. С Богом — в оратории место где валторны должны быть напечатаны в две строки, а именно 2-ая должна иметь басовый ключ, ваш корректор легко может найти это место, даже человек должен иметь более одного ключа, хотя бы он никогда ничего не отпирал. — Пришло вам письмо к Коцебу и прошу переслать в место его пребывания. — Если кто-нибудь пришлет вам из Берлина письмо неоплаченное и адресованное мне, то будьте любезны переслать сюда и, пожалуйста, не возмущайтесь этим, а плату будете получать от меня каждый раз немедленно.

Да хранят вас небеса, надеюсь вскоре увидимся, поговорим, из этого можете заключить, что я решил непременно ехать. — Саксонским и в особенности лейпцигским дилетантам всего лучшего за их благоволение ко мне, о чем я кое-что слышал, также благодарен очень артистам-музыкантам, о расположении которых ко мне также слышал я, ваш
Людвиг ван Бетховен.

Когда выйдет месса? — Эгмонт?

Ради меня и на мой счет переписанную партитуру пошлите (т. е. партитуру) Гете, может ли первый немецкий издатель быть таким невежливым и грубым к немецкому поэту! Итак, немедленно партитуру в Веймар. Что касается мессы — надо переменить посвящение, девица ныне замужем, а потому переменяла фамилию, впрочем, можно пропустить, сообщите только, когда выпустите, а там найдем имя святого, чтобы окрестить это произведение.

Вена, 28-го января 1812 г.

Р. Р. В наказание за ваше полнейшее молчание обязываю вас озабочиться немедленно сдачей на почту этих двух писем. Один бездельник из лифляндцев обещал мне отправить письмо к К., но так как русские и лифляндцы вообще бездельники и хвастуны, он вероятно не исполнил этого, хотя выдавал себя за близкого приятеля его — итак, хотя исполнение этого поручения уже возложено на вас в виде заслуженного наказания за издания, полные опечаток, за неверные заголовки, за небрежность и прочие человеческие слабости, все же еще раз почтительнейше прошу отправить эти письма — заодно вместе с письмом к Гете пошлите «Эгмонта» (партитуру), но только не так, как вы делаете обыкновенно, забывая то одну, то другую партию и т. п., а вполне исправно, я дал слово и стараюсь сдерживать его, тем более, что могу принудить к исполнению его кого-нибудь другого, как например вас — ха, ха, ха, как же виноваты вы, что мне приходится говорить в таких выражениях с вами, с грешником, так обезобразившим мои произведения, что пожелай только я, и вам пришлось бы ходить в покаянной власянице, в хоре оратории «мы видели его», несмотря на мое указание на старый текст, вы все-таки прибегли к несчастной переделке. О небеса, неужели дума-

ют в Саксонии, что слово создает музыку? Известно, что неудачное слово может повредить музыке, а потому желательно, чтобы слово и музыка сливались воедино. Если же слово неудачно выражает мысль, то напрасны все старания устранить этот недостаток — dixi — 50 талеров, взятых мною за ноты, сумма совсем небольшая, так как у г-на Трега все идет вяло, хертелевского усердия там нет и следа. Итак, пришлите мне реквием Моцарта, партитуру, поскорее, так как мое маленькое общество вновь собирается у меня и мне нужны означ. вещ. возможно более франкированно, ибо я бедный австрийский музыкант. — Вы могли бы подарить мне произведение К. Ф. Эммануила Баха, они все равно гниют у вас, если 3 песни Гете еще не гравированы, то поспешите, мне очень хочется передать их поскорее княгине Кинской, одной из красивейших и дороднейших женщин Вены, а вокальные партии из «Эгмонта» почему еще не вышли в свет, почему вообще весь Э. не вышел в свет, свет, свет, не задумали ли вы кое-где прицепить какие-нибудь хвосты к антрактам, или, быть может, поручили это какому-нибудь лейпцигскому корректору из музыкальной газеты, ведь это значит пустить козла в огород. — Почтовые расходы на письма поставьте пожалуйста мне в счет, — я подозреваю, предчувствую, что вы опять озабочены женским вопросом, и этим объясню путаницу, которую вы натворили. Желая вам обладать такою же Ксантиппою, какая была уделом греческого святого Сократа, тогда увидим немецкого издателя, — это очень важно, — впервые издающего крик отчаяния и действительно издающего. — Надеюсь, вы вскоре почтите меня несколькими строками

ваш друг Бетховен.

Гетевские 3 песни весьма необходимы мне, велите поэтому возможно поспешнее, скорее, быстрее сделать отпечаток на тонкой бумаге и пришлите мне песни с легкой почтой; сегодня не могу ответить вам на ваше последнее милое письмо

с почтением ваш готовый к услугам Л. в. Бетховен.

Р. Р. Сейчас отсылаю мессу; не вздумайте вновь выкинуть штуку со мною, -великодушно поднеся ее публике, разукрашенную грубыми ошибками — ввиду того, что она выйдет так поздно, следует изменить посвящение, а именно: князю Кинскому, подробности титула получите. Быть по сему. Встретимся ли мы с вами на севере — трудно загадывать нам, несчастным немцам, живущим в этом хаосе. — Прощайте, пишу три новые симфонии, из которых одну уже окончил; для венгерского театра написал также кое-что — но в этой клоаке, обитаемой мною, все гибнет, — как бы мне самому не погибнуть окончательно.

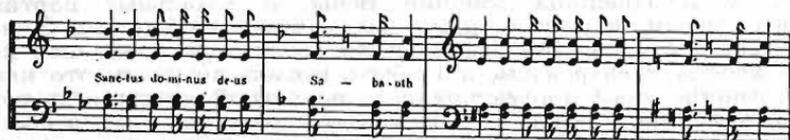
Прощайте, будьте довольны тем, что страдаете хотя бы менее других смертных.

Ваш преданнейший Бетховен.

Теплиц, 17 июня 1812.

Уведомляем вас только, что с 5 июля находимся здесь, как? — об этом не стоит распространяться, в общем здесь нет таких интересных лиц, как в прошлом году и мало народа, — менее, чем мало. — Мое помещение не таково, какого я желал, но вскоре надеюсь иметь более соответствующее. — Корректуру мессы вы, вероятно, получили; я в начале Gloria изменил темп, так оно было в начале, темпо было взято

слишком быстрое, так как я давно не видел мессы, мне все это сейчас же бросилось в глаза, и тут я понял, что приходится, к сожалению, все предоставить случаю. — В Sanctus можно где-нибудь указать, что при энгармоничном переходе надо выпустить все бемоли и вместо них брать диезы, а именно:

Пока органист не берет тихо септаккорда, до тех пор наши хоры не могут спеть этого места чисто — у вас может быть оно лучше, но все же лучше где-нибудь упомянуть, что в этом месте, как здесь указано, можно брать диезы вместо бемолей (конечно, это должно быть приложено также в печатном виде). — Гете здесь. — Прощайте и сообщите мне скорее о ваших работах.

Преданнейший вам Людвиг ван Бетховен.

NB. Приложите также отпечатанные вами прежде отдельными изданиями песни мои.

NB. Так как причитающиеся 50 талеров еще не уплачены сполна, а если бы и были уплачены, то не надо обладать особенным воображением, чтобы представить их себе не уплаченными, а потому просим вас отослать, в счет существующих или в счет воображаемых 50 талеров, одной любезной девице в Берлин, от моего имени, нижеследующие произведения, а именно: 1) партитуру «Христа на Масличной горе», 2) обе тетради песен Гете, а именно, одну с 6, а другую с 3 песнями. Адрес следующий «Амалии Зебальт, Баухоф № 1 в Берлине», она ученица Цельтера, и мы очень расположены к ней.

NB. Пришлите мне несколько экземпляров последних произведений, иногда таковые нужны для музыкантов, которые никогда подобных вещей не покупают, — надеюсь на вашу любезность в отношении точного выполнения моей любезности и щедрости к А. З.

Франценсбурн, близ Эгера, 9 августа 1812.

Климат здесь таков, точно сегодня 9 ноября.

Вам не достает только самое необходимое: заголовок к мессе, а я удручен избытком всякой всячины, купанья, безделья и т. п. вообще неизбежного. Неожиданности и странности утомили меня — вы полагаете и думаете, что я еще здесь, а врач мой гонит меня с места на место, чтобы хоть где-нибудь найти здоровье, из Теплица в Карлсбад, отсюда сюда, в К. я сыграл кое-что саксонцам и пруссакам в пользу сгоревшего города Бадена, это, можно сказать, был несчастный концерт для несчастных. — Сеньор Полледроне помог мне в этом и сначала, по обыкновению поволновавшись, играл затем хорошо. — «Его сиятельству высо-

кородному князю Кинскому», или что-нибудь подобное можно включить в заголовок, — дальше не могу писать, иначе придется мне опять плескаться в воде, хотя только что я наполнил свои внутренности порядочным количеством ее, но приходится так же часто совершать наружные омовения, — в следующий раз отвечу вам на остальное в вашем письме, — придворная атмосфера гораздо более по душе Гете, чем то подобает поэту. Нечего здесь говорить о чудачествах виртуозов, когда поэты, в которых следует видеть лучших наставников народа, забывают все остальное, кроме этой мишуры

ваш Бетховен.

Сейчас я писал о полном титуле князя Кинского, следовательно, вы получите его еще вовремя, так как до осени, я думаю, вы не издадите мессу.

Теплиц, 17-го сентября 1812.

Р. Р. Пишу вам лежа в постели, природа имеет тоже свой Etiquette, опять принимаю здесь ванны, вчера рано утром на рассвете мне пришлось в голову пойти в лес, несмотря на сильный туман, за это я наказан сегодня; — Мой эскулап водит меня за нос, а главное — эти господа не умеют вызвать эффекта, по-моему, в этом отношении мы опередили их в нашем искусстве.

Может случиться, что я приеду в Лейпциг, но прошу вас tacet об этом, потому что, признаться, в Австрии уже не доверяют мне, и не без основания, и может быть либо совсем не дадут разрешения, либо поздно, так что для мессы будет поздно, впрочем, не имею понятия о том, как обстоит дело, — когда будете свободны, то сообщите ваше мнение об этом, еще одно: могу ли я поставить хоры и т. п. за небольшую плату, я ведь небольшой поклонник чистой виртуозности, а опыт доказал мне, что вокальные пьесы, в особенности хоры, обходятся очень дорого, и что иногда даже не стоит назначать платы, так как можно все это дать даром, — так как не могу сказать ничего определенного, то прошу вас не приводить в исполнение моего намерения — будьте здоровы, не занимайтесь слишком много в лейпцигском университете, от этого страдает эстетика

ваш Людвиг ван Бетховен.

10 марта 1815.

Почтеннейший X.!

Вы ошибаетесь, упрекая меня в том, что я вас забыл — что же случилось с тех пор, как я вам писал в последний раз из Теплиц? Гораздо больше плохого, чем хорошего! — Но об этом лучше когда-нибудь — словесно, когда я медлю с изданием многих моих новейших произведений, то это скорее вследствие неопределенности обстоятельств, слагающихся при людских сношениях, ибо что было выяснено в этом отношении и что можно считать бесспорным?

— Обстоятельства вроде долгов заставили меня связаться с одним из здешних издателей, как вы вскоре узнаете, и я думаю, что лучше опять войти в соглашение с вами — много благодарен за вашу «Музык. г.», вскоре пришло кое-что для вас.

Что касается духов тьмы, то, видно, они не исчезают вполне даже при ослепительном свете наших дней. Один из моих знакомых желает знать местопребывание Хладина, сообщите мне пожалуйста при случае. — При последних тетрадях вашей «Музык. г.» были, кажется, и ноты, каковые я должен был получить, но не получил ничего, может быть, это недоразумение — или леность г-на Трега?! — Итак, будьте здоровы,

ваше нынешнее политическое состояние мне тоже не очень нравится, но — но — но — малые дети всегда нуждаются в куклах — больше и сказать нечего — второпях ваш искренно

преданный Бетховен.

Ввиду таких же предложений и в ответ на заказ написать аккомпанемент к ирландским и валлийским народным мелодиям, композитор ведет переписку на французском языке с издателем эдинбургским Томсоном.

Вена, 23 ноября 1809.

Милостивый государь.

Я напишу ригурнели к 43-м малым песням, но прошу еще 10 фунтов стерлингов или 20 венских дукатов звонкой монетой, как вы предложили мне, таким образом, вместо пятидесяти фунтов стерлингов или ста венских дукатов звонкой монетой прошу 60 фунтов стерлингов или 120 венских дукатов звонкой монетой. — Ведь работа эта мало интересна для композитора, тем не менее, я готов всегда исполнить ваше желание, ввиду некоторого денежного интереса. — Что касается квинтетов и трех сонат, то нахожу гонорар слишком малым для меня. — Я прошу 120, то есть сто двадцать фунтов стерлингов или двести сорок венских дукатов звонкой монетой, вы же предложили мне 60 фунтов стерлингов, за каковой гонорар никак не могу исполнить заказа — мы живем здесь в такое время, когда цена всего возросла ужасно, приходится платить почти втрое более прежнего, — если же согласитесь на заявленную мною плату, то готов служить вам с удовольствием. — Что касается издания этих пьес здесь в Германии, то полагаю сделать это через семь или восемь месяцев, если найдете срок этот достаточным. — Что касается контрабаса или фагота, то прошу вас предоставить мне, быть может, напишу еще что-нибудь более приятное для вас — также можно подобрать также с флейтой и фаготом или с другими духовыми инструментами и только 3-й квинтет написать для двух скрипок, двух альтов, виолончели, так как в таком виде стиль будет более выдержан. — Во всяком случае, будьте уверены, милостивый государь, что вы имеете дело с истинным артистом, склонным к добросовестной плате, но еще выше ставящим свою славу и славу искусства и всегда независимым собою и стремящимся всегда вперед и к постоянному совершенствованию в своем искусстве.

Что касается песен, то я уже начал их и через неделю сдам их Фрису, — поспешите, милостивый государь, с ответом и примите уверение в глубоком почтении готового к услугам

Луи ван Бетховена.

В другой раз прошу также прислать мне текст песен, ибо он необходим для выражения соответствующего настроения — здесь мне переведут его.

Вена, 17 июля 1810.

Милостивый государь!

При сем, милостивый государь, шотландские песни, большую часть которых я написал *son amoge*, желая обработкой национальных песен выразить мое глубокое уважение к шотландцам и англичанам. — Что касается повторений в песнях, написанных мною в двух частях, то можете ими пользоваться по вашему усмотрению и оставить песни без повторения. — Так как я не знал, имеют ли эти песни несколько куплетов или нет, то написал их таким образом, чтобы можно было в случае надобности повторять, значит, вам придется заняться этим и сократить повторения в песнях, которые имеют только один. — Я очень хотел бы иметь текст этих шотландских песен, чтобы воспользоваться

им в Германии, как только вы издадите их в Шотландии. — Вы могли бы мне прислать их теперь же, я отдам их перевести и дождусь известия об их издании в Шотландии. — Прошу вас прислать текст, подписанный под одну мелодию.

Что касается трех квинтетов и трех сонат, то я принимаю ваше предложение и надеюсь, что вы останетесь ими довольны. Можете заплатить мне сто двадцать фунтов стерлингов или двести сорок дукатов звонкой монетой в два срока; половину при получении трех квинтетов и другую половину при получении трех сонат или же наоборот. Что касается песен на английские слова, то я напишу их за очень небольшую плату, чтобы доказать, что я готов оказать вам услугу, вот почему я прошу за эти песни только двадцать фунтов стерлингов или сорок дукатов звонкой монетой — я не могу написать за меньшую плату без ущерба для себя, так как здесь мне дают больше за двадцать песен с немецким текстом, в коих мне не представляется затруднений с языком, тогда как английский текст мне надо будет отдать перевести, надо познакомиться с произношением, и все это меня будет стеснять.

Наконец, что касается срока, по истечении которого я могу пользоваться этими пьесами в Германии, то думаю, что достаточно шести месяцев для квинтетов и сонат и трех месяцев для песен, считая со дня издания их вами в Шотландии. Тем не менее прошу решения вашего по этому делу.

Примите, милостивый государь, уверение в глубочайшем уважении, с которым имею честь быть, милостивый государь,
вашим преданнейшим слугою Людвиг ван Бетховен.

P. S. Считаю долгом своим предупредить вас, что я только что взял у банкира Фриса сто пятьдесят дукатов за пятьдесят три шотландские песни.

Некоторые из моих симфоний переложены для квартетов или квинтетов, если эти переложения интересуют вас, то готов выслать их вам.

NB. Когда берут *ultima volta* в шотландских песнях, то пропускают 1, 2, 3 и т. д. *volta*, т. е. не играют тактов 1, 2, 3 и т. д. *volta*; если это недостаточно понятно для вашей публики, то надо пояснить иначе.

Вена, 20 июля 1811.

Милостивый государь.

Так как из пятидесяти трех шотландских песен, давно вам высланных мною, пропали три песни, а также мои рукописи, то пришлось по сохранившимся эскизам вновь написать их и, таким образом, совершить, так сказать, двойную работу.

Состояние наших финансов отражается на всех артистах, и некоторое время они были лишены средств удовлетворить все свои потребности; но теперь старые порядки восстановлены, и я нашел толкового постоянного переписчика и могу быстрее исполнять заказы.

Относительно этих пятидесяти трех шотландских песен надо заметить, что я написал почти каждую песню в двух частях, полагая, что каждая песня состоит из двух частей, но от вас зависит пользование ими; это *ad libitum*, лишнее писать вам о *d. s.*, но если вы встретите *prima*, а потом *seconda volta*, то можете зачеркнуть такт *prima volta* и прямо начать с такта *seconda volta*. В тех случаях, когда встречаются 1, 2, 3 *volta* и *ultima volta* или *il fine*, нужно только исполнить один такт или несколько тактов из 1, 2, 3 *volta*; если возвращаются к *dal segno* или когда хотят повторить с начала. В противном случае, если хотят продолжать, не начиная снова, можно пропустить такты 1, 2, 3

volta и сыграть сначала такт из ultima volta или обозначенный il fine. Надеюсь, эти подробности достаточны, чтобы объяснить вам мои сочинения и передать их на ваше благоусмотрение. Я вас прошу впредь прилагать всегда текст, без этого нельзя удовлетворить знатоков и сочинить аккомпанемент, соответствующий интересному тексту. Вы ошибаетесь, выражая мне свое недоверие; я умею ценить свое честное слово и уверяю вас, что никому не дам ни одного из моих произведений ранее истечения условленного срока. Еще раз возвращаюсь к вашему письму от 17 сентября 1810, хотя ответил вам сейчас же по получении его. Что касается предложения ста дукатов золотом за три сонаты, то сим заявляю, что в угоду вам готов принять их и готов для вас написать три квинтета за сто дукатов золотом; что же касается двенадцати песен с английским текстом, то цена им назначена 60 дукатов золотом. За кантату на сражение в Балтийском море прошу 50 дукатов; но с условием, чтобы текст не заключал в себе ничего оскорбительного для датчан, в противном случае не могу принять этой работы. В будущем охотно готов для вас работать; но ввиду злосчастного кризиса, переживаемого нами, и ввиду больших убытков, понесенных мною вследствие доверчивого отношения к вашим согражданам, ставлю необходимым условием, чтобы вы изволили поручить фирме Фрис и Компания принимать мои композиции за наличный расчет, без чего я не могу исполнять ваших заказов. Жду от вас назначения срока, когда вам угодно будет издать мои произведения и прошу меня об этом уведомить, чтобы я мог по истечении срока напечатать их и тем представить публике отчет о моей деятельности.

Не премину доставить вам в скором времени аранжировку моих симфоний и с удовольствием займусь сочинением оратории, если только текст окажется благородным и выдающимся, и если вы согласны на гонорар в 600 дукатов золотом. Последние пять шотландских песен вы получите в скором времени через фирму Фрис. В ожидании вашего ответа прошу принять уверение в моем глубочайшем почтении, с которым имеет честь пребывать ваш покорнейший и смиреннейший слуга Луи ван Бетховен.

Господам Томасу Котс и К° для г. Томсона из Эдинбурга. Стрэнд, Лондон.

Вена, 29 февраля 1812.

Милостивый государь!

В уверенности, что вы не откажете уплатить мне через господ Фрис и К° по 4 дуката золотом вместо 3 дукатов золотом за каждую песнь, я передал вышепоименованным лицам 9 песен и, таким образом, имею получить еще 9 дукатов золотом.

Гайди сам уверял меня, что получал также за каждую песнь 4 д. золотом, хотя писал только для клавесина и скрипки без ритурнелей и виолончели. Что касается господина Кожелуха, который поставляет вам каждую песнь с аккомпанементом за 2 дуката, то могу только поздравить вас, а также издателей английских и шотландских, которым он пришелся по вкусу. Я считаю себя в этом деле целой головой выше Кожелуха и надеюсь, вы обладаете вкусом, благодаря которому способны ценить меня.

Я еще не получил ответа на последнее письмо и желал бы знать, в каком положении наши переговоры. Вы давно уже могли бы иметь 3 сонаты за 100 д. золотом, 3 квинтета за ту же плату, но в этом деле я

не могу рисковать и готов передать рукописи лишь при получении от г. Фрис определенной суммы.

Что касается 12 песен с английским текстом, то гонорар за них 70 д. золотом. За кантату, заключающую в себе битву на Балтийском море, 60 д. золотом, за ораторию прошу 600 дукатов золотом, но необходимо очень тщательно отнестись к тексту. Прошу вас настоятельно прилагать всегда текст к шотландским песням. Не понимаю, как вы, будучи знающим, не можете понять, что имея под рукою текст, я стану писать совершенно иначе, и напевы никогда не могут быть обработаны в совершенстве, если вы не снабдите их текстом и, наконец, заставите меня отказать от дальнейших заказов.

Затем желательно знать, могу ли писать для скрипки и виолончели *obligato*, так что оба инструмента должны всегда играть обязательно, или по-прежнему, т. е. в клавесине заключаются все голоса; в таком случае укажите в каждой песне число стрóf. Имеются ли повторения, иногда прескверно обозначаемые двумя чертами?

Прошу скорого ответа, потому что ради вас задерживаю некоторые произведения. Желая также получить 9 д. золотом за шотландские песни, здесь сильная нужда в золоте, потому что государство наше теперь утопает в потоке бумаг, а в особенности я, потому что, вероятно, покину эту страну и перееду в Англию и потом в Эдинбург в Шотландию, где буду иметь удовольствие лично познакомиться с вами. С глубочайшим почтением

Милостивый государь, ваш покорнейший слуга Луи ван Бетховен.

Вена 10 февраля 1813.

Я получил ваши три любезных письма от 5 августа, 30 окт. и 21 декабря прошлого года; я с удовольствием заметил, что вами, наконец, получены 62 песни, написанные мною для вас, и что вы ими довольны, кроме 9, которые вы мне указали и в которых вы просите изменить ритурнели и аккомпанемент. К сожалению, не могу сделать этого. Я не привык переделывать свои сочинения. Я этого никогда не делал, ибо убежден, что всякая частичная переделка меняет характер произведения. Мне очень жаль, что это приносит вам ущерб, но вы не можете поставить мне этого в вину, потому что вам следовало лучше познакомиться со вкусами вашей страны и с силами ваших исполнителей. Теперь, следуя вашим указаниям, я написал их вновь и так, что, надеюсь, они удовлетворят вас. Поверьте, с большим отвращением я решился стеснить свою фантазию и никогда не сделал бы этого, если бы я не рассудил, что так как в вашем сборнике хотите поместить только мои произведения, то мой отказ вызвал бы в нем пробел и отразился бы на ваших заботах и расходах при составлении полного сборника. Поэтому и передал эти 9 песен г. Фрису и Комп. с остальными 21 и получил за них сумму в 90 дукатов, считая по 3 дуката за каждую.

Я заказал три экземпляра, каковые гг. Фрис и К^о отправят по указанным адресам; экземпляр, который вы получите через Париж, я нахожу самым исправным и самым подходящим для печатания, потому что в этом экземпляре ноты размещены наиболее правильно.

Я прибавил еще одного баса, чтобы можно было исполнять произведения квartetом.

№ 10 из последних 10 песен я написал дважды. Из них можете поместить в ваш сборник тот, который вам больше понравится; мне очень понравились две последние песни в вашем последнем письме от 21 декабря. Вот почему я написал их *con amore*, в особенности последнюю из них. Вы ее написали в, но так как этот тон показался мне неестествен-

ным и так мало подходящим к надписи Amogoso, что наоборот надо было бы обозначить Barbareso, то я написал ее в подходящем тоне.

Если в песнях, которые вы будете мне присылать в будущем для композиции, встретятся Andantino, то попрошу объяснить мне: считать ли это Andantino более медленным или более быстрым, чем Andante, так как этот термин, как и многие другие в музыке, имеет такой неопределенный смысл, что в некоторых случаях Andantino приближается к Allegro, а в других почти соответствует adagio.

Что до остального, то я совершенно разделяю ваше намерение подобрать стихи к мелодиям, потому что поэт может согласовать ритм стихов с некоторыми местами, которые я выделил в ригурнелях, на-

пример: в одной из последних, где я употребил мелодию в ригурнели.

Плата, которую, как вы говорите, заплатили Гайдну, очень невелика; но заметьте, что Гайдн не писал ни вступительных ригурнелей, ни каденц, ни мажорных частей, ни трио, ни виолончельных аккомпанементов. По количеству работы нельзя сравнить его песни с моими. Все же, чтобы доказать мою готовность писать для вас, я обработаю все 40 песен упомянутых в вашем письме за 140 д. Если согласны, то будьте любезны передать песни гг. Фрису и К^о как можно скорее. Готов также написать 12 канцонетт и прошу за них только 50 д. За 3 сонаты со скрипкою вы мне заплатите только 100 д. Я возьму для каждой из этих 3 сонат характерную национальную тему — или австрийскую, или шотландскую, или венгерскую, или, если хотите иные, то по вашему указанию.

Так как почтовые тракты теперь совсем открыты, так что письма из Лондона доходят в 30 дней, то вы вскоре можете мне ответить по всем этим пунктам, в ожидании чего остаюсь с глубоким почтением, милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга, Людвиг ван Бетховен.

ГЛАВА VIII

1812 — 1814

Отношение к Цмескалю и эрцгерцогу Рудольфу. — Лето 1813 г. в Бадене. — Мельцель. — Концерт 8 и 12 декабря 1813 г. — Концерты 2 января и 27 февраля 1814 г. — Седьмая и восьмая симфонии.

Добродушный барон Цмескаль исполнял старательно поручения Бетховена, чем вызывал значительное развитие последних как в количественном, так и в качественном отношении, т. е. с ростом числа поручений видоизменялось содержание их: нужна ли Бетховену прислуга, — Цмескаль должен найти и договориться; деловое свидание композитор устраивает у него же; отсутствующих виолончелистов, Николая Крафта и отца его, старого Антона Крафта (Kraft — сила), он замещает Цмескалем; за обедом в ресторане «Лебедь» последний должен часто присутствовать для деловых разговоров с композитором; собираются ли у профессора-юриста И. Цициуса любители и артисты, — он ведет с собою своего фактотума; предстоит ли знакомить публику с виолончельной сонатой ор. 60 или одним из трио ор. 70, — барон обязан организовать ансамбль по указанию автора; принужден ли композитор принять приглашение братьев Ян, владельцев частного театрального концертного зала, — он зовет барона составить ему компанию; нужна ли ему квартира, где бы он мог надолго устроиться и избавиться от дегеновских полетов с квартиры на квартиру, — на «музыкального графчика» возлагается приискание таковой (Деген был воздухоплавателем, совершил несколько удачных полетов в Вене, в 1808 году, и в Париже, в 1813 году; затем он нашел, что лучше служить в австрийском банке, среди ассигнаций, печатанных по изобретенному им самим способу, нежели витать среди облаков и журавлей в небе); рождается потребность острить и издеваться над кем-либо даже в обществе случайных, непрошенных и даже «непристойных» гостей, — композитор избирает мишенью и жертвою опять же Цмескаля, прощающего Бетховену все его грубые выходки и преклоняющегося пред его гением; разбилось ли его зеркало, — барон должен одолжить свое, чтобы дать возможность нашему титану или Геркулесу нарядиться для визита к Омфале, т. е. Беттине Brentano; получен ли отказ в зале для концерта, — он сообщает барону о своем горе, о неудачной протекции эрцгерцога, об упрямстве князя Лобковича, которого величает Вицицици (вернее — хуцицилопохтли, страшный бог войны у ацтеков); ему же Бетховен жалуется на графиню Эрдеди, не раз заботившуюся о композиторе, как о малом ребенке; жалуется на

венгерского графа (Брунсвика), отказавшегося ехать в Теплиц, сообщает о впечатлении, произведенном на него новейшим изобретением Мельцеля, — метрономом; эти сотни поручений и сообщений сопровождаются часто игрою слов и разнообразными шутками.

Г-ну Н. фон Цмескаль.

Любезный Ц.

Братья Ян мне так мало интересны, как и вам, — но они так приставали ко мне и уверяли, что вы тоже придете к ним, и я согласился. — Приходите же и вы, ради Бога, я, может быть, зайду за вами к Цициусу, в противном случае приходите прямо туда, чтобы мне не очутиться одному. — Дела наши отложим, пока вам будет лучше, если не можете прийти сегодня в «Лебедь», где я буду наверное
весь ваш Бетховен.

Отдать в Бадене, в Заурбаде г-ну Людвигу ван Бетховену, который проживает еще здесь и вынужден заниматься дегеновскими полетами.

Проклятый гость, Домановец — не музыкальный граф, а обжорливый граф; — граф обедов, граф ужинов и т. п.

Сегодня в десять часов или в половине одиннадцатого будет у Лобковича репетиция концерта. Его сият., страдающее обыкновенно «отсутствием всякого присутствия», еще не прибыл. — Итак, приходите — если вам удастся вырваться из рук тюремно-канцелярского сторожа. — Сегодня придет к вам Херцог; он хочет поступить ко мне в лакеи на 30 гульденов обязательно со своей женою, — а также дрова, свечи и малая ливрея от меня; можете согласиться. — Мне необходимо иметь повара; пока меня будут кормить скверно, я постоянно буду болеть. — Сегодня обедаю я дома, чтобы пить хорошее вино. Пожалуйста, закажите, что хотите, и приходите; вино получите даром и притом лучшее, чем у подлого «Лебеда»

Ваш крошечный Бетховен.

Приду сегодня в «Лебедь». — Ничего хорошего не могу сообщить.

Присылаю к вам Херцога с женою. — Узнайте, пожалуйста, их условия. — Если я потребую, то она должна для меня варить, а также шить и т. п. — эта ведь очень важно. — Я потом тоже приду к вам, чтобы узнать результат. — Лучше спросить их: в чем будет заключаться их служба?

Я так и думал — только побоями и тасканием за волосы возможно было достичь этого. — Истории этой, по крайней мере, 3 месяца — и представляет она собою далеко не то, что он теперь рассказывает — вся эта жалкая болтовня придумана одной сплетницей и несколькими пре-

зренными негодьями — я, собственно, теряю немного, потому что он действительно портится именно в этом доме, где я живу.

Мне кажется, что вам, мой милый Ц., придется после войны, если таковая только начнется, приступить еще к мирным переговорам. — Какое высокое поручение!!! — Я вполне предоставляю вам уладить дело с моим лакеем, но только графиня Эрдеди не должна более иметь на него ни малейшего влияния. Она, как сама рассказывает, подарила ему 25 гульденов и давала ему по 5 гульденов в месяц для того, чтобы он только оставался у меня. — Этому великодушию я должен теперь верить, — но не желаю, чтобы оно продолжалось дольше. — Прощайте, благодарю вас за дружбу и надеюсь вскоре свидеться.

Весь ваш Бетховен.

При сем ответ от Ш. — Мне жаль Крафта. — Я предлагаю г-же Эртман играть с ним виолончельную сонату в А., которую большая публика еще мало знает — во всяком случае, чтобы помешать злословию моих друзей, терцет будет исполнен до концерта Крафта.

Весь ваш Бетховен.

Спешу. Приду в «Лебедь»; оттуда мы можем навестить эту бабью назойливость.

Бетховен.

Если я, любезный Ц., не приду, что легко может случиться, то просите баронессу Лаудон, чтобы оставила вам фортепианные партии терцетов и затем будьте любезны прислать мне сегодня же с остальными нотами. Спешу.

Ваш Бетховен.

Мой милый Ц., подходящая для меня квартира, действительно, нашлась — но необходимо, чтобы кто-нибудь помог мне в этом. Брат мой для этого не годен, потому что всегда предпочитает только то, что стоит дешевле. — Итак, сообщите мне, в какое время сегодня мы могли бы вместе осмотреть эту квартиру. Она находится в Klepperstall.

25 апреля 1809 г.

Я играю охотно — весьма охотно — вот вам виолончельная партия — если чувствуете, что это вам по силам — то играйте, а не то оставьте их старой силе. Насчет квартиры — словесно, когда увидимся.

Ваш друг Бетховен.

14 мая.

Дорогой мой старенький музыкальный графчик. Полагаю, что было бы хорошо, если бы вы предоставили играть также старому Крафту, так как трио эти исполняются ведь в первый раз перед многочислен-

ными слушателями — вы же и после успеете их играть — впрочем, предоставляю это вашему личному усмотрению. Если встретите при этом какие-нибудь затруднения, в числе которых, быть может, окажется и то обстоятельство, что Крафт и Ш. между собою не совсем гармонируют, то пусть г-н фон Ц. отличится сам, но не в качестве музыкального графа, а только — дельного музыканта.

Ваш друг Бетховен.

Бетховен, раб. Массо.

Видеть вновь у себя эту женщину — не идет, и хотя она может быть немного лучше его, но мне нет дела до нее, ни до него — при сем посылаю вам требуемые 24 фл., прибавьте, пожалуйста, 30 х., возьмите мою гербовую бумагу в 15 х. и велите написать на нем слуге, что он получил эти 24 фл. 30 х. за сапоги и ливрею — подробности словесно, как она нагала вам тогда — впрочем, мне желательно, чтобы вы, как друг мой, сохранили свое достоинств; скажите им, что вы могли убедить меня выдать только это, вообще не водитесь с ними напрасно, они оба не стоят вашего заступничества — не я хотел взять опять к себе ее мужа, а отчасти обстоятельства заставили, мне нужен был слуга, а экономка и слуга стоили слишком дорого, кроме того я несколько раз находил ее у мужа внизу у часовщика в моем доме, да она даже хотела уйти с ним отсюда, так как мне ее нужно было, то я взял его опять, так как из-за квартиры я должен был держать ее, если бы я его не взял, то так обстоят дела, оба скверные люди.

ваш друг Бетховен.

Случайно Крафт предложил играть сегодня, было бы неудобно не согласиться, и полагаю, как вероятно и вы, что ведь его игра нам всем доставляет громадное удовольствие — попросите Михалковича, чтобы он пришел к вам сегодня вечером, потому что он нам будет очень нужен, зайду за ним к половине 7, и вы тоже, если хотите идти вместе, — прошу также ваши пюпитры и альт

ваш Бетховен.

Это можете прочесть им, дело обстоит так, а не иначе, моя ошибка в том, что я внял голосу сострадания. Впрочем, это мне послужит уроком. — Вы сделаете лучше всего, если позовете к себе их завтра и обойдетесь с ними строго и презрительно, как они оба этого заслуживают от меня.

Спешу ваш Л. в. Б.

Что подельваете? — Моя напускная веселость не только огорчила вас третьего дня, но кажется даже обидела. Непрошеное общество оказалось, как вы совершенно справедливо заметили, таким непристойным, что я по дружбе хотел избавить вас от лишних разговоров своею искусственной веселостью. — Боли в желудке у меня не прекращаются. — Будете ли вы сегодня в «Лебеде»?

Ваш верный друг Бетховен.

Любезный Цмескаль, пришлите мне ваше зеркало, которое висит у вашего окна, на несколько часов, мое разбилось, если будете так добры сегодня же купить мне такое же, то доставите большое удовольствие, ваш расход будет возмещен — простите, пожалуйста, любезный Ц. мою навязчивость.

Надеюсь скоро вас увидеть ваш Бетховен.

Любезный Ц., не сердитесь за мою записку — не забывайте, что я нахожусь в положении Геркулеса у царицы Омфалы??? Я просил вас купить мне зеркало как ваше, и прошу вас, как только вам не нужно будет ваше, возвращаемое вам при сем, верните его мне обратно, так как мое разбитое. — Прощайте и не называйте меня великим человеком — потому что никогда не чувствовал я так сильно величие или ничтожество человеческого существа, как теперь. — Не забывайте меня.

Не сердитесь, любезный Ц., за то, что я постоянно обращаюсь к вам с поручениями — сообщите мне сейчас, сколько вы заплатили за зеркало? Будьте здоровы, мы скоро увидимся в «Лебеде», так как в... пицца становится с каждым днем хуже — у меня с третьего дня опять начались колики, но сегодня уже лучше.

Ваш друг Бетховен.

Дорогой Ц! Вы уезжаете и мне, ради здоровья, следует ехать, а между тем у меня величайший беспорядок: господин желает иметь меня при себе, искусство не менее; я нахожусь наполовину в Шенбрунне, наполовину здесь. Ежедневно получаю с разных концов новые запросы, завожу новые знакомства, новые связи; да и незаслуженная мною слава по временам в состоянии свести меня с ума. Счастье гонится за мною, и потому я опасюсь нового несчастья. — С вашей «Ифигенией» дело обстоит так: я уж по крайней мере месяца два не видел ее, одолжил ее кому-то, но кому? вот большой вопрос. Посылал я во все стороны и все же еще не отыскал ее. Надеюсь, однако, найти. Если она пропала, то будете за это вознаграждены. — Прощайте, добрый Ц., надеюсь, при первом же свидании нашем вы заметите, как искусство мое за это время развилось.

Оставайтесь таким же другом моим, каков ваш Бетховен.

Я хотел вас навестить, но, к сожалению, не застал вас, расположение вашей квартиры мне так нравится, что я готов обратиться на одну неделю в отшельника, действительно, если вы мне сообщите размер

расходов вообще и если это не превысит средств моего кошелька, то я займу покинутую вами квартиру, в особенности я рассчитываю еще на то, что вы оставите мне на неделю свое фортепиано, которое я вам возвращу потом, прощайте и не забывайте любящего вас

Бетховена.

Я намерен принять на службу человека, который предлагает свои услуги и умеет переписывать ноты. Родители его еще в Вене, что могло бы быть в некотором отношении полезно, но об условиях желаю я поговорить с вами, а так как вы завтра так же свободны, как я, к сожалению, бываю свободен ежедневно, то прошу вас завтра, пообедав где-нибудь, прийти потом ко мне на кофе; тогда мы устроим совещание по этому предмету, а от совещания перейдем к делу.

Впрочем, имеем честь уведомить вас, что на днях пришлем вам несколько знаков нашего придворного Ордена: для вас самих — первой степени, а прочие для раздачи по вашему усмотрению, но попам — ни одного — завтра утром жду вашего ответа; пока жалуюм вам несколько свиней.

Ваш Бетховен.

Чрезвычайно уважаемый!

Просим пожаловать нам несколько перьев. Вскоре пришлем вам целый пучок их, чтобы не пришлось вам выщипывать собственные. — Быть может, также получите большой знак ордена Виолончели.

Пребываем к вам весьма благосклонны, ваш снисходительнейший друг

Бетховен.

Пока шлю вам благодарность, дорогой Ц., и сообщаю о том, что завтра в 3 часа пополудни состоится у эрцгерцога репетиция симфоний и увертюр — впрочем, завтра утром сообщу об этом подробнее; пока же я заявил о вас.

Ваш Бетховен.

Отложите пока репетицию; мне сегодня опять необходимо отправиться к доктору, хотя мне надоело переносить его мучения. — Благодарю за ваш метроном. Посмотрим, удастся ли постоянно применять его; простота и легкость вашего, конечно, не вызовут затруднений — впрочем, устроим совещание по этому предмету, хотя разумеется в часовом механизме больше математической точности, все же, при сделанных вами прежде в присутствии моем маленьких опытах, я нашел уже метроном ваш достаточно правильным и надеюсь, что все устроится отлично. Скоро увижу вас.

Ваш друг Бетховен.

Сегодня приду я в «Лебедь» и надеюсь непременно найти вас там; не приходите только слишком поздно. Ногам моим лучше, и автор ног обещает автору головы не далее, как через 8 дней, здоровую ногу.

Ваш Бетховен.

Пребываем к вам вполне чертовски благосклонны — советуем вам не терять свою прежнюю благоприобретенную славу, — просим вас держать себя совершенно по-прежнему и еще раз выражаем вам проклятую преданность.

Людвиг ван Бетховен.

Дорогой Ц., сегодня приду я в «Лебедь». К сожалению, я постоянно слишком свободен, а вы — никогда

Ваш Бетховен.

Проклятый бывший музыкальный графчик, у какого черта вы обретаетесь? — Придите сегодня в «Лебедь». Нет? Да? — Из прилагаемого можете усмотреть все, что я сделал для венгров. Ведь это совсем другое дело, когда немец берется за что-нибудь, не обязываясь словом, или венгерский граф Б., который, ради какой-то жалкой дряни, заставил меня одного поехать и к тому же еще принудил к выжиданию без всякого от того ожидания.

Добрейший бывший М. Гр.

остаюсь вашим лучшим нынешним Бетховенчиком.

Приложение возвратите обратно, если не хотите, чтобы граф почувствовал под своим носом что-нибудь другое.

Наверное приду в «Лебедь» и буду вас там ожидать. — Прощайте, дорогой Ц., приходите же

ваш Людвиг ван Бетховен.

Если бы, дорогой Ц., можно было иметь дело только с плодом, то все было бы хорошо, но разводите его на худой почве...

Сегодня утром я опять раб Э. — Вскоре увидимся.

Достойнейший советник, владелец рудников, Бургундский и Офенский деспот!

Будьте добры сказать мне, что было бы, если бы я сегодня, не позже как после обеда, воспользовался вашим решением, т. е. если бы я сегодня заявил своему лакею, что через две недели отпускаю его. Свое месячное жалованье он получит, как всегда, к концу месяца. Должен ли я ему, по прошествии двух недель, при уходе, заплатить за полных полмесяца? Опять нам не везет с прислугой, и с этим человеком я мог жить только благодаря своему терпению. Так как он был камердинером, то все ему не нравилось, ежедневно предъявлял все большие требования, а работал все меньше. Поэтому я хочу покончить с этим. Это уже во второй раз он отказывается, но в этот раз из-за прибавки жалованья, о чем я решительно ничего не хочу слышать. Прошу вас ответить мне сегодня же на мой вопрос, дабы я мог отказать ему окончательно сегодня же. — На этот раз придется из-за прислуги обратиться к полиции, так как другие средства оказываются неудачны для нас. Я очень занят и буду у вас только завтра или послезавтра. Как всегда

ваш Л. в. Бетховен.

Не можете ли устроить что-нибудь между своими земляками для вашего друга и земляка.

Любезный Ц. Прошу вас засвидетельствовать мне сейчас же письменно, что мы с вами решили платить за комнату с прихожей, в которой может помещаться слуга, 250 фл.; представьте себе, что г-н адвокат готовит мне еще заднюю лишнюю комнату и требует теперь 350 фл. — Если он и теперь не успокоится, то будьте так добры и помогите мне завтра поговорить с ним — вот мошенник. — Ведь он взял сейчас же задаток, именно 20 фл., что вы также вполне можете показать, именно с 250 фл.

Любезный Цмескаль.

Пришлите ко мне сейчас вашего слугу, мой уходит сегодня, а я еще не знаю, придет ли другой и когда — во всяком случае, он мне нужен на один час.

второпях ваш Бетховен.

Дорогой Ц. Чувствую себя сносно, вы же постоянно, когда здоровы, обиваете чужие пороги, и при всем желании не могу застать вас, впрочем, на днях загляну

как всегда ваш друг Бетховен.

Сегодня имеете явиться в «Лебедь», Брунsvик также придет. За ослушание будете изгнаны из всех наших владений. Извинения не принимаются. Повиновение требуется, так как известно, что заботятся только о вас и хотят предостеречь вас от мстительного вероломства.

Бетховен.

Дорогой Цмескаль!

К вам придет известный часовых дел мастер, живущий теперь на Фрейунг. Мне хотелось бы купить лучшие часы с репетициею; он требует 40 дукатов. — Так как вы охотно занимаетесь подобными делами, то прошу вас заняться этим ради меня и выбрать лучшие часы.

С неистовым почтением к такому человеку, как вы, который вскорости доставит мне случай применить для него свои особенные сведения о роговых инструментах.

Людвиг ван Бетховен.

2 февраля 1812.

Не экстраординарный, но весьма ординарный, простой очинитель перьев, виртуозность которого в этом отношении уже ослабевает и нуждается в ремонте. — Когда же вы, наконец, сбросите свои оковы? когда? хорошо же вы обо мне заботитесь, проклятая жизнь для меня здесь среди австрийского варварства, — теперь начну я ходить преимущественно в «Лебедь», так как в других трактирах не могу защитить себя от навязчивости.

Будьте здоровы, настолько здоровы, насколько я вам этого желаю в свое отсутствие.

Ваш друг Бетховен.

Экстраординарнейший, просим, чтобы ваш слуга прислал кого-нибудь прибрать комнаты; а так как ему квартира известна, то может сейчас и насчет цены уговориться.

Однако, вскоре появится карнавальный шут!!!!!!!!!!!!!!?

Господину фон-Цмескалю.

Срок прилагаемого при сем билета истек по крайней мере 8 дней тому назад.

Экстраординарный, первый в мире человек по размаху и притом без рычага!!! мы должны благодарить вас за то, что одарили нас частью своей центробежной силы, за это желаем благодарить вас лично, и потому приглашаем вас прийти завтра в «Лебедь», в гостиницу, название которой уже показывает, что она как бы создана для этого, когда речь идет о подобных вещах.

Вполне ваш Б.

19 февраля 1812.

Дорогой Ц.! Вчера только сообщили мне письменно, что эрцгерцог уплатил свою часть выкупными билетами. Теперь прошу вас, в общих чертах, изложить письменно то, о чем вы в воскресенье говорили и на чем мы оба остановились, дабы написать это и двум остальным. Мне хотят выдать свидетельство в том, что эрцгерцог уплатил выкупными билетами, но я полагаю, что этого не нужно, тем более, что придворные, несмотря на проявляемое ко мне дружелюбие, утверждают, что мои требования неправильны!!!! О Боже, помоги мне перенести все это: я не в состоянии помочь Атласу поддержать небо; я не Геркулес и не могу заместить его. Только вчера узнал я подробно о том, как барон фон-Крафт хорошо отзывался обо мне у Цициуса. — Пусть будет так, любезный Ц.: недолго будет продолжаться мое позорное пребывание здесь; преследуемое искусство везде может найти свободный уголок. Ведь придумал же заключенный в лабиринте Дедал крылья, чтобы вылететь оттуда; и я сумею найти такие крылья.

Весь ваш Бетховен.

Если время позволит вам, то пришлите мне сегодня же утром формуляр, о котором я раньше просил. По пустому и, вероятно, без всякой пользы потеряно это время, сопровождавшееся изысканными речами.

Вероятно, мой осел-слуга не сумел передать, что я жду вас — так как сейчас уже двенадцать часов и я иду к Шупанцигу, то прошу вас сообщить мне завтра, где я могу поговорить с вами.

весь ваш Бетховен.

Сегодня не могу, но через несколько дней зайду к вам. Мы вам чертовски преданы. Что у кого болит, тот о том и говорит.

Ваш Л. в. Бетховен.

Любезный Цмескаль.

Отправьте это письмо к Брунsvику сегодня, сейчас, так, чтобы оно дошло исправно и как можно скорее. Простите за хлопоты, которыми обременяю вас — только что опять получил просьбу — послать в Грац, в Штирию, произведения для концерта в пользу воспитанниц монастыря урсулинок. В прошлом году они уже получили таким образом значительный доход. Вместе с теми двумя, которые я дал в Карлсбаде в пользу погорельцев Бадена, это составит три концерта, устроенных мною в продолжение одного года — между тем никто не обращает на меня ни малейшего внимания.

Ваш Бетховен.

При сем 1 письмо к Скловонovичу в Касселе.

Ожидать книг от Тидге и г-жи ван-дер-Рекке дольше не могу, так как мне необходимо дать отчет о них

Бетховен.

24 января 1813 г.

Доносим вам, добрый Ц., о том, о сем, можете выбрать, что вам нравится более; и пребываем ужасно преданными вам. Мы слышим, что вы имеете письма от Б. к нам и просим вас переслать их нам — вы сегодня свободны? Так найдете меня в «Лебеде». — Если нет, то увидимся где-нибудь в другом месте.

Ваш друг автор Бетховен боннский.

25 января 1813 г.

С тех пор, как я видел вас, любезный Ц., почти все время болен, недавно явился ко мне лакей, бывший прежде у вас; я его не мог припомнить, но он сказал мне, что служил у вас, и что вы не находили в нем много недостатка, кроме того, что он не совсем хорошо вас причисывал, — я дал ему в задаток только 1 гульден, если вы худших недостатков в нем не находите (о чем прошу мне откровенно сообщить), то я возьму его, ибо, как вам известно, обращаю менее всего внимания на прическу, вот разве финансы мои придется причисывать и поднимать вверх? — Ожидаю сегодня же от вас ответа. Если вашему слуге не отворят дверей, то пусть отдаст вашу записку в квартире, что рядом с моею, с левой стороны, а если и там никого не застанет, то может отдать внизу привратнице.

Да благословит вас Небо в ваших музыкальных предприятиях.

Ваш Людвиг ван Бетховен. Miserabilis.

Сегодня, милый Ц., нам не придется встретиться, и потому отложим дело относительно лакея.

Прощайте, охраняйте старательно имперские крепости, которые, как вам известно, уже далеко не девственны и вдобавок получили несколько выстрелов.

Ваш друг Бетховен.

19 апреля 1813 года.

В университетском зале, почтеннейший Ц., отказали — третьего дня сообщили мне об этом. Со вчерашнего дня болен, не в состоянии был прийти к вам; и сегодня не могу прийти, чтобы переговорить. — Ка-

жется, больше ничего не остается, как взять An der Wien и дать только один конц. — Если же это не удастся, то придется нам обратиться в Аугартен; там, разумеется, можем дать 2 к. — Подумайте, мой друг, об этом и сообщите свое мнение. — Если завтра в состоянии буду выйти, то, быть может, у эрцгерцога будет репетиция симфоний, — о чем сообщу вам.

Ваш друг Бетховен.

23-го апреля 1813 года.

Дорогой Ц. Все пойдет отлично: эрцгерцог хочет подтянуть этого князя Вицлипуцли. — Сообщите мне, когда будете обедать в гостинице. — Затем прошу уведомить, правильно ли написано «Sentivany», так как я заодно хочу написать ему и насчет хора. Мне также необходимо условиться с вами относительно выбора дня. Впрочем, вы не должны показывать вида, что знаете о заступничестве эрцгерцога, ибо князь Вицлипуцли явится к эрцгерцогу только в воскресенье, и если только этот лукавый должник заметит что-либо, то постарается улизнуть.

Весь ваш Бетховен.

26-го апреля 1813 года.

Лобкович желает дать мне театр после 16-го мая; мне кажется, что это равносильно отказу — и я почти готов больше не думать о концерте. Не допустит же меня высочайшее до нижайшего падения

ваш Бетховен.

Дорогой Цмескаль! Барон Швейгер просит вас при первой возможности зайти к нему на минуту в дом эрцгерцога; там мы обсудим все необходимое для концерта

ваш Бетховен.

Дорогой Ц! Я очень хотел бы видеть вас сегодня же вечером, мне кажется, что на основании таких слов нельзя ничего предпринять; эрцгерцог сказал: если я увижу Лобковича, то поговорю с ним, а раньше он сказал, что думает, что уже поздно. Прощайте, не сердитесь!

ваш Бетховен.

10 мая 1813 г.

Прошу вас, дорогой Ц., никому не говорить о том, что я вам сказал о князе Л., так как дело подвигается, а здесь и без того нельзя добиться ни справедливости, ни уверенности в чем-либо. Я искал вас ежедневно в Л., но напрасно.

Ваш Бетховен.

23 сентября 1813 года.

Высокороднейший, а также кавалер большого креста Виолончелител! Если ваш слуга молодчина и может найти такого же для меня, то вы сделали бы мне большое одолжение, приказав вашему молодчине добыть мне такого же молодчину — во всяком случае, желателен женатый, ибо если таковой не будет более честен, то, по крайней мере, вне-

сет больше порядка. В конце этого месяца уходит моя теперешняя скотина, таким образом слуга может поступить в начале будущего месяца — со вчерашнего дня; благодаря катару я не могу выходить, придется посидеть еще несколько дней дома — если вздумаете навесить меня, то сообщите час, так как я не даю ливрей, кроме шинели, то лакей мой получает 25 фл. в месяц. — Простите, любезный Цмескаль
вашего друга Бетховена.

Дорогой Ц., сегодня меня нет дома. — На забудьте моих дегеновских снарядов и приезжайте; так как погода становится прекрасною — вскоре в Баден

ваш друг Бетховен.

30 сентября 1813 г.

Если речь идет об обеде, то и сегодня не могу сказать ничего определенного, так как мне надо отправиться далеко за город как раз в это время. — Дайте мне знать завтра, где хотите видаться со мной: кушая, гуляя или сидя? Мне надо поговорить с вами о своих домашних делах. Сердечно обнимаю вас ваш Бетховен.

Дорогой Ц., лишь только ваш слуга будет свободен сегодня после обеда, пришлите его, пожалуйста, ко мне на минуту; он мне нужен. Вместе с тем научите меня, должен ли я предоставить завтра слуге целый день на переезд.

Второпях ваш Л. в. Бетховен.

К г-ну ф. Цмескалю ф. Домановец.

Благороднейший! Carissime amice! Мой прежний резчик перьев молится, вероятно, там высоко за меня, чтобы я скорее научился писать без перьев, — прочитайте это о хронометрическом указании темпа — мне кажется, что оно самое лучшее из всего, что изобретено в этом отношении — вскоре поговорим об этом — только не потеряйте этого.

Второпях ваш Бетховен.

8 октября 1813 г.

Добрый, славный Ц., хотя может быть заголовок правильный, но объясните пожалуйста вашему слуге словесно, чтобы он отнес письмо в обыкновенную контору для найма прислуги и сказал бы там, чтобы присылали прислугу ко мне с 7 часов до половины 9 утра и продолжали бы так до тех пор, пока я заявлю, чтобы перестали. Пожалуй было бы лучше вписать также здесь мой адрес.

Простите, любезный Ц., и если надо, то делайте нотации только ногами

вашему другу Бетховену.

9-го октября 1813 года.

Милый, добрый Ц., не сердитесь за то, что прошу вас надписать на присылаемом при сем письме прилагаемый адрес. Лицо, которому отправляю это письмо, постоянно жалуется, что не получает ни одного письма от меня. Вчера отнес я письмо на почту, где спросили меня: куда отправить это письмо? — я заключаю из этого, что почерк мой понимают с таким же трудом, как и меня самого.

Поэтому и обращаюсь к вам с этой просьбой.

Ваш Бетховен.

Так как вы непременно того хотите, то я вашу просьбу обращу в назвличность и явлюсь после обеда к вашим услугам

второпях ваш Бтвн.

Уважаемый Ц., в этот приезд не мог видеть вас. Прошу не забывать просьбы. Мне незачем видеть слугу. — Если только имеются хорошие рекомендации относительно честности и добронравия, — ведь трудно найти все желаемые качества, — то такой человек мог бы поступить ко мне уже в середине этого месяца. NB — или не позже конца этого месяца. (Из Бадена напишу вам об этом).

Второпях ваш друг Бетховен.

Простите за плохую бумагу и за почерк.

NB. Расчет со слугою начинается каждого 25-го, так что ваш может поступить в середине, но только ранее 25-го.

Я тоже обедаю дома, в такую погоду мне нельзя выйти. — Может быть приду к вам на несколько минут.

Проклинаю этот народ.

Любезный Ц., если спишите себе эти маленькие расчеты, то потом они могут пригодиться, я нахожу это очень важным. Прилагаемое взято из письма, полученного мною вчера из Шотландии, устройте на днях наше свидание.

Любезный Ц., я не еду, по крайней мере не хочу неволить себя этим. — Следует основательно обсудить дело. — Между тем пьеса уже послана принцу-регенту. Если хотят меня, то получают, и все же я волен свободно сказать да или нет. Свобода!!! Чего же больше желать???

Охотно переговорил бы с вами относительно моей квартиры, как мне устроиться?

Милый Ц.! Мне нужно получить от П. 14 билетов, чтобы послать их вам.

П. сказал вчера, что он вам пошлет их — вот и все; лучше всего пошлите от моего имени за 14-ю билетами для Ц.

Адвоката не было дома. Поэтому, мой друг, прошу вас быть у меня завтра, около 8 часов. — Я должен еще вам 3 гульдена с чем-то — не знаю.

Большое спасибо!

Он уже потребовал себе аттестацию; я видел у него несколько, так что он в ней не нуждается. Но если с получением ее уберется к черту, то я выдам ему во всякое время. — Ведь это, кажется, ничем меня не обязывает. — Он говорит, что не привык таскать дрова, топить, выносить ночной горшок и т. п. — вы видите, как обманчива наружность. — Жду ответа, впрочем, можно подождать до утра. — Я дал ему большую комнату со свободным отоплением; я сам проводил в ней целые дни прошлой и этой зимой, а он называет ее дымником.

Подобно всем представителям искусства XVIII века и предшествующей эпохи, Людвиг поставлен условиями общественного строя в зависимость от меценатов, от обладателей власти и богатой казны; эта зависимость не раз вызывает подобострастное и унижительное преклонение его перед волею бальной судьбы, но неукротимая натура артиста, насылавшегося о правах человека и переработавшего в лаборатории своих мыслей не одну «позитивную» идею, не раз напрягала свои мышцы, чтобы сбросить с себя оковы предрассудка, чтобы избавиться от традиционного раболепства, не раз выражала протесты в письмах, в речах, в своих отношениях к окружающим; не раз проявляла стремление к независимости, к самостоятельности, к деятельности вполне индивидуальной; он отворачивается от того Бога и от тех богов, которым молятся его коллеги и его покровители; die neue Glaube овладевает всем существом артиста и мощным рефлексом его гения переносится на целый ряд звуковых сочетаний, отражается в симфониях и квартетах его.

У великого предшественника его, у Моцарта, в письмах к отцу порою слышна жалоба на несправедливость и грубость обращения сановников, но в личных сношениях с ними он покорно терпит брань и даже побои их, тогда как Бетховен не оставляет без протеста малейшей невежливости меценатов, а в письмах к приятелям называет свои отношения даже к даровитому, любезному и щедрому покровителю, эрцгерцогу Рудольфу, тяжелой зависимостью и рабством. Хотя частые посещения эрцгерцога и обучение его стесняют композитора, отрывая от работы или иных неотложных дел, тем не менее, он, видимо, дорожит расположением Рудольфа, младшего брата императора Франца и наиболее исправного плательщика пенсiona; в письмах к нему композитор старается выразить свое почтение, причем прибегает к таким замысловатым оборотам речи, которые едва ли кто другой принял бы за галантный придворный стиль.

Из этих писем узнаем об участии знаменитого скрипача Роде в музыкальных вечерах кн. Лобковича, о расточительности и банкротстве последнего, лишившем его возможности уплатить

сполна долг известному балетмейстеру Дюпору, о хлопотах по устройству достопамятных концертов 8 и 12 декабря 1813 года.

Ваше императорское высочество!

Уже более двух недель, как возобновились мои мучительные головные боли. Я все надеялся, что страдания эти быстро прекратятся, но напрасно. Впрочем, мой врач обещает скорое выздоровление, как только погода станет лучше. Так как каждый день я надеялся избавиться от своей болезни, то ничего об этом не сообщал; к тому же ваше импер. высочество давно не присылали за мной, и я думал, что не нужен вам. — Во время празднеств в честь баденской принцессы и так как у в. и. в. болел палец, я принялся прилежно за кое-какую работу, плодом чего является, между прочим, новое трио для фортепиано. Сильно занятый своими делами, я и не подумал о том, что вы можете быть мною недовольны, как это вижу теперь. — Тем не менее надеюсь вскоре сам явиться на ваш суд.

Вашего императорского высочества верноподданный слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Прошу вас, будьте милостивы приказать прислать мне трио в В с партиями, а также обе партии скрипичной сонаты в D; я дам их немедленно переписать для себя, так как не могу найти сейчас своих партий между множеством других. Надеюсь, скверная погода не окажет влияния на здоровье в. и. в. Меня же она всегда сбивает немного с такта. Через 2-3 дня буду иметь честь возвратить оба произведения.

Вашего императорского высочества покорнейший
Людвиг ван Бетховен.

Продолжаются ли еще музыкальные паузы?

Ваше императорское высочество!

Так как я, несмотря на все старания, не в состоянии был найти переписчика, который переписывал бы у меня дома, то посылаю вам свою рукопись. Вам стоит только послать к Шлеммеру за хорошим переписчиком, которого, однако, посадите переписывать трио в вашем дворце, так как иначе ничто не может обеспечить от воровства. Мне лучше; через несколько дней снова буду иметь честь явиться к вашим услугам и наверстать потерянное время. Я постоянно озабочен тем, что не столь усердно и часто навещаю ваше императорское высочество, как я этого желал бы. Уверяю вас, что при этой мысли я сильно страдаю; но надеюсь вскорости выйти из этого скверного положения. — Вспомните милостиво обо мне. Я этого заслуживаю и в подтверждение приведу со временем вдвое и втрое более доказательств, чем то необходимо.

Вашего императорского высочества преданнейший слуга
Людвиг в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Прошу вас покорнейше передать сегодня же г-ну Враницкому ваши распоряжения относительно числа валторн — 2 или 4? Я говорил уже с ним и посоветовал выбрать только таких музыкантов, с которыми мы могли бы устроить скорее концерт, чем репетицию.

Вашего императорского высочества покорнейший
Людвиг ван Бетховен.

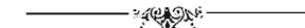
Ваше императорское высочество!

Барон Швейгер, видимо, не сообщил еще вам в. и. в. о том, что случилось со мною вчера. Меня схватила вчера такая лихорадка, что я потерял сознание; к этому еще прибавились страдания раненой ноги. Сегодня все еще не могу выйти из дома. Завтра, наверно, буду здоров и потому прошу ваше импер. высочество заказать оркестр к 2 ч. попозднее завтра, чтобы г-да муз. собрались своевременно и хватило бы времени прорепетировать также две увертюры. Если последнее желательно в. и. в., то мне нужны будут 4 трубы; для симфоний же достаточно двух. Для исполнения симфоний я хотел бы, по крайней мере, 4 скрипки, 4 первых, 4 вторых, 2 контрабаса, 2 виолончели.

Во всяком случае прошу вас покорнейше уведомить меня о вашем решении сегодня же. У меня не может быть большего удовольствия, как дать возможность моему высокому ученику услышать мои произведения. Да вернет вам Господь ваше здоровье; я часто беспокоюсь о нем.

Вашего императорского высочества покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Ваше импер. высочество!

Мне стало вновь хуже; проболел еще несколько дней. Мне очень досадно, что не могу служить в. и. в. Хотя я полагаю, что сам виновен в своей болезни, но, кажется, виною всему погода. Надеюсь и желаю только того, чтобы она не повлияла на в. и. в. Надеюсь вскоре быть снова близ моего глубокоуважаемого и высокого ученика, который своим милостивым участием ко мне смягчил многочисленные страдания мои и неудачи, с некоторых пор особенно чувствительные для меня.

Вашего императорского высочества верноподданнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Уже несколько раз приходил я к вам, по обыкновению, вечером, чтобы предложить свои услуги, но никого не мог застать. Я приписывал это необыкновенно хорошей погоде; так как теперь она уж не такова, то позвольте узнать, когда прикажете мне явиться.

Вашего императорского высочества покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Нет возможности приготовить вторые экземпляры партий до одиннадцати часов утра; на этой неделе у переписчиков, обыкновенно, много работы. Поэтому надеюсь, что вы отложите с Вознесения на будущую субботу. К тому времени я, конечно, встану и буду в силах лучше дирижировать; завтра же мне было бы это трудновато, несмотря на все свое желание. Надеюсь выйти в пятницу, наверно, и наведаться.

Вашего императорского высочества верноподданнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Уже с воскресенья испытываю я страдания, преимущественно физические. Тысячу раз прошу прощения в том, что не извинился раньше; но каждый день я рассчитывал явиться к вашим услугам и, несмотря на благие намерения, которые руководят мною в отношении к доброму господину моему, мне не удавалось их осуществить. — Как больно мне, что не могу пожертвовать всем для того, к кому питаю безграничное

чувство глубокого уважения, любви и почтения. Их импер. высочество, быть может, не пожалеет, сделав перерыв, в виду концертов Лобковича. Даже самое блестящее дарование страдает от частого применения. С глубочайшим почтением

Вашего императорского высочества верноподданнейший слуга
 Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

К крайнему сожалению, сообщение о том, чтобы явиться к в. и. в., я получил вчера вечером очень поздно, около 11 часов. Вопреки моему обыкновению, я не вернулся после обеда к себе на квартиру; прекрасная погода побудила меня провести все послеобеденное время в прогулке, а вечером был на Ванде в театре Виден, — так что о вашем намерении узнал только по возвращении домой. Если находите нужным в. и. в., то ежеминутно, во всякое время, готов явиться к вам. Жду поэтому вашего милостивого приказания.

Вашего императорского высочества покорнейший
 Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Только теперь, оставив постель, могу ответить на ваше сегодняшнее милостивое письмо. Завтра едва ли еще буду в силах явиться к вам; быть может, послезавтра. В последние дни я много страдал и даже вдвойне, так как не в состоянии был удовлетворить своего искреннего желания — посвящать вам как можно больше времени. Надеюсь, однако, в продолжение весны и лета наверстать потерянное (вследствие моей болезни).

Вашего императорского высочества покорнейший слуга
 Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Видимо, вы не играете у князя Лобковича, но только проводите там ваш вечер; поэтому завтра в 5 часов вечера буду иметь честь явиться к вашим услугам.

Вашего императорского высочества преданнейший
 Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Переписчик может начать последнюю часть завтра рано утром; так как я сам занят одновременно многими другими работами, то не спешил с последнею частью просто ради порядка. Темь более, что я должен писать ее, приравливаясь преимущественно к игре Роде. У нас в финалах имеются довольно шумные пассажи, но это не понравилось Р., — меня это немного смутило. — Во всяком случае, во вторник все пойдет отлично. Беру на себя смелость выразить сомнение относительно возможности посещения вашего импер. высочества сегодня вечером, несмотря на всю мою ревность к службе. Зато буду завтра до полудня и завтра после полудня, чтобы осуществить все намерения моего высокоученого ученика.

Вашего императорского высочества покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Прошу прощения, если сегодня не буду иметь чести явиться к вашим услугам, некоторые непредвиденные обстоятельства препятствуют этому, но завтра вечером воспользуюсь вашей милостью и возьму на себя смелость явиться к вам.

Вашего императорского высочества вернейший покорнейший слуга Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Лишь только вышел я вчера из дома, как принесли ваше милостивое письмо — что касается моей болезни, то она видимо без изменения, тем более, что на нее влияют также нравственные причины, от которых я кажется избавлюсь не скоро. Все это тяготит, тем более, что я лишен чьей-либо поддержки и принужден сам измышлять средства к этому. Скажу более: в наши дни, видимо, ничто никого не обязывает — ни слово, ни честь, ни документ. — Что же касается моих занятий, то с одной частью их я уже покончил и даже без вашего милостивого приглашения был бы у вас сегодня в обычный час, — относительно Роде прошу в. имп. в. оказать милость и приказать прислать мне через подавателя сего партию, которую я пошлю ему с *billet doux*. Посылка партии не будет ему неприятна. Ну, конечно, нет! В крайнем случае, можно поправить дело, попросив у него извинение в том. — Угодно ли вам, чтобы я явился сегодня вечером, как всегда, в 5 часов или в. и. в. укажет другое время; моей заботой будет, по обыкновению, самое точное исполнение ваших желаний.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Честь имею сообщить вам о своем приезде в Баден, где хотя еще мало публики, но обильное богатство поразительных красот природы. — Если я в чем-нибудь ошибался или ошибаюсь, то будьте ко мне снисходительны, так как целый ряд ужасных неприятностей чуть не свел меня с ума. Я уверен, что величественные красоты природы, прелестные окрестности скоро восстановят мои силы, и я вдвойне буду спокоен, ибо мое пребывание здесь угодно в. и. в. Как бы я хотел видеть вас скорее в полном здоровье! Таково мое искреннее желание; меня глубоко огорчает, что как раз теперь я не могу и не смею хоть сколько-нибудь помочь своим искусством вашему выздоровлению, вашему настроению; только богиня Хигея может сделать это, а я ведь лишь несчастный смертный, свидетельствующий в. и. в. свое почтение и надеющийся быть вскоре близ вас.

Вашего императорского высочества покорнейший вернейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Баден, 27 мая 1813 г.

На эту последнюю записку композитор получил 7 июня такой ответ:

Любезный Бетховен! С большим удовольствием узнал я из письма вашего, полученного 27-го прошлого месяца, о вашем приезде в любезный мне Баден и надеюсь увидеть вас завтра утром у себя, если время позволит вам; пребывание здесь в течение нескольких дней подействовало на здоровье мое так благотворно, что могу, без ущерба для него, заниматься музыкой. Если жизнь в этой прекрасной и здоровой мест-

ности окажет на вас такое же действие, то цель, которую я имел, отыскивая для вас квартиру, будет вполне достигнута. Ваш друг

Рудольф.

Вообще ответы эрцгерцога были полны любезности и уважения к своему гениальному учителю, например: по случаю музыкального вечера у Лобковича, где участвовал знаменитый скрипач Роде, эрцгерцог пишет композитору:

Любезный Бетховен! Послезавтра, в четверг, у князя Лобковича будут вновь играть, и я должен там повторить с Роде сонату. Если ваше здоровье и ваши занятия позволяют, то я хотел бы видеть вас завтра у себя, чтобы проиграть сонату. Если Роде желает проиграть сначала скрипичную партию, то дайте мне знать, чтобы я мог ему послать ее, а также придете ли и когда можете быть у меня завтра.

Ваш друг Рудольф.

Конечно, не менее любезно было обращение к композитору камергера эрцгерцога, принимавшего охотно не только своего наставника, но и всех друзей его, которых композитор хотел ввести в музыкальные собрания эрцгерцога; по случаю одного такого собрания в 1811 г. камергер Швейгер писал Бетховену:

Я пригласил уже Дорнера, с разрешения эрцгерцога; он должен будет перевертывать страницы эрцгерцогу. Вашему другу Глейхенштейну тоже найдется местечко, которое он разделит с нами. Эрцгерцог чувствует себя так же, как вчера, и рад сегодняшнему вечеру, как и ваш друг

Швейгер.

Наиболее частые посещения композитором эрцгерцога относятся к периодам наименее интенсивной творческой работы, когда бездеятельная муза предоставила Бетховену свободно располагать временем для усиленных занятий с августейшим учеником, либо для продолжительных прогулок, чтения и развлечения в кругу приятелей. К таким периодам относится лето 1813 года, проведенное в Бадене, в прелестном городке близ Вены, среди живописных лесистых гор, виноградников, вблизи минеральных ванн, которыми ранее здесь пользовался также Моцарт. Перед отъездом на дачу он пишет Андреасу Штейну, известному фабриканту роялей, отцу друзей своих, Фердинанда Штейна и Нанетты Штрейхер:

Любезный Штейн!

За жалкое пианино в Бадене требуют 34 фл. в месяц. По-моему, это значит выбросить деньги за окно. Все устроилось бы, если бы вы могли обойтись лишь одним слугою! Конечно, я заплатил бы ему!

Да, взять матрацы! Подложив их на солому, я думаю можно было бы доставить мой инструмент исправно в Баден. Сообщите, пожалуйста, ваше мнение; 13-го с. м. я отправляюсь уже в Баден. Буду иметь удовольствие еще вас видеть.

Ваш друг Бетховен.

Во время дальних прогулок Бетховена по Elenenthal или к першине Calvarienberg, к развалинам Rauchenstein или к Merkenstein, из кармана его часто выглядывали страницы «Розовой

долины» персидского поэта Саади в переводе Гердера, откуда он переписал в свой дневник несколько изречений, а некоторые из них (как например: «Учись, о, друг, молчанию...») положены были им на музыку (сер. 23, № 43). Рядом с этими выписками в дневнике его встречаются выдержки из текста модной тогда оперы Мюллнера «Schuld» и следующая заметка:

«Увертюра должна оканчиваться *pizzicato*, которое Эльвира как бы продолжает на арфе в течение нескольких секунд...» Видимо, композитор намерен был обработать сам сюжет популярной оперы, но следов такой работы не существует. Там же находятся такие строки:

«Чувствовать себя способным к великому делу и не выполнить его; рассчитывать на обеспеченную жизнь и быть лишенным ее вследствие ужасных обстоятельств, которые не уничтожают во мне потребности в семейной жизни, а лишь мешают устроить ее. О Боже, Боже, сжался над несчастным Б.!»

Несчастный Бетховен нуждался даже в паре сапог! Довольно долго не видя его нигде, Шпор как-то встретился с ним в трактире и спросил, не болезнь ли тому причиной.

— Да, — ответил композитор, — но не моя, а моих сапог, моей единственной пары сапог, починка которых потребовала много времени.

Испытав подобные лишения он, конечно, имел основание с гордостью вписать в свою памятную книжку спустя три года: «у меня теперь семь пар сапог».

Но оставим пока сапоги композитора и вернемся к переписке его с эрцгерцогом.

Ваше императорское высочество!

Со дня на день надеялся я вернуться в Баден, но диссонансы с задержаниями разрешатся вероятно в конце будущей недели — оставаться летом в городе для меня мучение и тем более, что я не могу предложить своих услуг в. и. в. А ведь задерживают меня здесь только дела с Лобковичем и Кинским. Вместо того, чтобы считать такты, я должен высчитывать — сколько раз мне нужно сходить куда-нибудь; а без этого я не доживу до окончания дела. — В. и. в. слышали о несчастьях Лобковича. Ужасно жалко; видимо, невелико счастье в таком богатстве! Говорят, что только граф Фрис заплатил 1900 д. Дюпору, причем получил в залог старый дом Лобковича. Подробности невероятны. — Я слышал, что граф Разумовский приедет в Баден и привезет свой квартет. Вот было бы прекрасно, в. и. в. нашли бы себе в этом прекрасное развлечение. Квартетная музыка на даче, по моему, — высшее наслаждение.

Благоволите в. и. в. принять мое искреннейшее желание здоровья и пожайте меня, принужденного оставаться среди этой противной обстановки. Тем не менее, постараюсь в Бадене вознаградить вас вдвойне за все ваши страдания.

Вашего императорского высочества покорнейший, вернейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 24 июля 1813 г.

Ваше императорское высочество!

Я уже немного поправился и прошу разрешения предложить сегодня вечером свои услуги. Вместе с тем позволю себе изложить вам свою по-

корнейшую просьбу. Я надеялся до сих пор на какое-либо улучшение в своих делах, но все идет по-старому, а потому я решил дать два концерта. Я принужден отказаться от прежнего намерения давать концерты только с благотворительною целью, потому что самосохранение требует иного. Задуманные мною теперь концерты было бы удобно и лестно устроить в университетском зале и моя покорнейшая просьба заключается в том, чтобы в. и. в. соблаговолили через барона Швейгера замолвить только одно слово теперешнему *rector magnificus* университета, и тогда я наверное получу зал. В ожидании милостивого решения моей просьбы пребываю

Вашего императорского высочества покорнейший
 Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Не дерзость, не возможность быть чьим-либо ходатаем, но особенное милостивое отношение вашего импер. высочества ко мне позволяют мне изложить вам кое-что; изложение будет так же просто, как просто само дело по существу.

Вчера был у меня старый Крафт. Он надеется получить помещение в вашем дворце. За это он готов служить вашему императорскому в. во всякое время. Уже 20 лет живет он в доме князя Лобковича, но должен очистить квартиру без всякого за это вознаграждения. — Положение бедного, старого, заслуженного человека очень тяжелое и с моей стороны было бы жестоко не передать вам этого. — Г-н Тройер будет ждать ответа в. и. в. — Так как речь идет о помощи несчастному, то простите вашему,

Вашего императорского высочества верноподданнейшему слуге
 Людвигу ван Бетховену.

В тех случаях, когда обстоятельства не позволяли обращаться прямо к эрцгерцогу, Бетховен писал записки личному секретарю его Баумейстеру и камергеру Швейгеру; в одной из приведенных ниже таких записок говорится о продаже антикварных вещей, продававшихся по случаю смерти владельца их, известного ученого Биркенштока, на дочери (Тоне) которого был женат брат Беттины Брентано, Франц. В некоторых из этих записок встречается латинский прием обращения *p. p. — praemissis praemittendis*.

К Баумейстеру.

3 декабря 1810.

Прошу вас, милостивый государь, передать его императорскому высочеству мое извинение, так как я сегодня не буду. Уже несколько дней, как у меня болит голова, а сегодня — в особенности. Надеюсь завтра станет мне лучше, и вечером буду к услугам его имп. выс.

С почтением ваш преданнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

28 мая 1811 г.

Покорнейше прошу вас, г-н фон Баумейстер, прислать мне сегодня сонату моего сочинения, под названием «Прощание, разлука, встреча»; у меня нет ее, а я должен поспешить с корректурой.

Ваш преданнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Р. Р. Не будете ли так добры одолжить, только на сегодня, сонату F, для фортепиано и валторны баронессе Эртманн, которая желает ее сыграть. Завтра утром я отошлю вам ее обратно. Надеюсь е. импер. выс. чувствует себя хорошо и не откажет в этой любезности баронессе Э. Я снова нездоров с тех пор, как был у е. и. в.; тем не менее, завтра явлюсь.

Преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Вена, среда, 3 июля 1811 г.

Р. Р. Покорнейше прошу вас прислать мне ноты, оставленные у эрцгерцога. — Вместе с тем посылаю вам названия двух старых произведений, подходящих для библиотеки эрцгерцога. Хотя аукционная продажа биркенштоковской библиотеки и картин еще не состоялась, но я думаю, что г-н и г-жа фон Брентано (урожд. Биркенштотк) уступят эрцгерцогу эти произведения; они живут на Ланд-штрассе, в Эрдбеер-гассе. Я уже говорил об этом эрцгерцогу, когда он был здесь. Если вы согласны, то можете сами теперь же переговорить с владельцами, потому что я не знаю цены подобным старым вещам.

Ваш преданнейший слуга Бетховен.

12 марта 1812 г.

Пришлите мне, пожалуйста, увертюру к драматическому эпилогу «Благодетель Венгрии»; ее надо быстро переписать и отправить в Грац для исполнения в тамошнем благотворительном концерте. Я в высшей степени счастлив, когда является требование на мои произведения в целях благотворительности. Вам нужно, следовательно, только сказать об этом е. и. в. все милостивейшему повелителю, и они охотно выдадут ее вам, тем более, что они знают, что все существо моего слабого дарования является полною собственностью е. и. в. — как только увертюра будет переписана, я ее опять немедленно доставлю его императорскому высочеству.

Ваш преданнейший.

Воскресенье, 23 июля 1812 г.

Р. Р. Покорнейше прошу вас одолжить мне только на сегодня мои два трио для фортепиано, скрипки и виолончели. Первое в D-dur, второе в Es-dur. Если не ошибаюсь, эти оба трио в рукописи находятся у е. имп. высочества, в вашей библиотеке; также сонату в A-minor с роялем и скрипкой, в отдельном издании. — Завтра утром вы получите все обратно.

Ваш покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Р. Р. Прошу вас одолжить на время шотландские песни, которые я дал е. и. в., так как 2 экземпляра моей рукописи пропали и вновь надо переписать, чтобы отослать

ваш покорнейший слуга Людвиг в. Бетховен.

К камергеру эрцгерцога барону
Иосифу фон Швейгеру.

Ничтожнейший из ничтожнейших был у всемилостивейшего повелителя, где все оказалось запертым; затем здесь, где все было раскрыто, но никого, кроме верного слуги — со мною была толстая связка нот, чтобы состряпать напоследок хороший музыкальный вечер — не удалось. — Мальфати настаивает на моей поездке в Теплиц, а мне этого совсем не хочется. Не могу, однако, отказать себе в надежде, что всемилостивейший повелитель не будет иметь достаточно развлечений во время моего отсутствия — O Vanitas — именно так — до выезда в Теплиц навещу вас в Бадене или же напишу. — Прощайте, всего наилучшего всемилостивейшему, любите вашего друга Бетховена.

Милый друг! Сегодня я просил всемилостивейшего государя, и даже письменно, оказать мне содействие в получении университетского зала для двух концертов, которые я собираюсь дать и которые мне необходимы, потому что дела мои остаются без изменения. — Так как я все еще считаю вас, к счастью или несчастью, своим лучшим другом, то я просил эрцгерцога, чтобы вы от его имени замолвили за меня у нынешнего ректора. — Чем бы это ни кончилось, прошу вас сообщить мне решение всемилостивейшего государя как можно скорее, дабы найти средство к выходу из того ужасного состояния, в котором нахожусь я со всеми своими занятиями. Сегодня вечером буду у эрцгерцога.

Ваш друг Бетховен.

Вскоре композитор настолько сблизился с камергером, что позволял себе в обращении с ним такие же грубые, даже оскорбительные шутки, как в отношении Цмескаля или Хаслингера: рекомендуя ему какого-то нуждающегося фортепианного мастера, которого затем он послал к Черни, композитор пишет:

Добрейший милейший
первый акробат в Европе!

Податель сего — бедняга (как и многие другие!!!)

Вы можете ему помочь, если предложите милостивейшему господину купить у него один из совсем маленьких, но изящных и хороших роялей! — затем прошу вас рекомендовать его одному из камергеров или адъютантов эрцгерцога Карла; может быть, е. и. в. купит один из этих инструментов для своей супруги? — Итак, мы просим первого акробата дать этому бедняге рекомендации к вашим камергерам или адъютантам.

Такой же ваш бедняга Л. в. Бетховен.

По протекции эрцгерцога Рудольфа и камергера его Швейгера получено было разрешение на устройство двух концертов в зале университета; 8 декабря 1813 г. здесь впервые была исполнена 7 симфония, оконченная 13 мая 1812 г., и другое новое произведение, «Победа Веллингтона, или Сражение при Виттории», стоящее несравненно ниже первого, но затмившее его своим необыкновенным успехом в университетском зале.

«Сражение при Виттории» написано Бетховеном по инициативе Мельцеля, хорошего пианиста и музыканта, с которым он сблизился незадолго перед тем; известный механик, получивший патент на изобретенный голландцем Винкелем метроном

(неправильно называемый метрономом Мельцеля), изобретатель многих приборов, привлекавших в кабинет и музей его тысячи любопытных посетителей, обещал Бетховену изготовить слуховые приборы, чем легко привлек к себе расположение глухого композитора.

Из изобретений Мельцеля следует упомянуть прибор, автоматически исполнявший все боевые сигналы французской кавалерии; в его музее находился также автоматический игрок в шахматы, изобретенный бароном Кемпеленом и обыгравший однажды Наполеона I. Последним изобретением этого предприимчивого механика была пангармоника; это было сочетание обыкновенной шарманки огромного размера с 42 инструментами: трубами, флейтами, кларнетами, гобоями, литаврами и барабанами, доведившими звучность исполнения до небывалых размеров,

Бетховен, раб. Петроня
(1814).

чем Мельцель не без основания мечтал удивить Европу. Первый такой инструмент он отвез и демонстрировал в Париже в 1807 г., где продал его тогда же за 60 тысяч франков. Вторую, более усовершенствованную пангармонику он имел в виду сбыть в Лондоне, что и сделал в 1825 году почти за полмиллиона рублей. Для этого-то второго инструмента ему надо было найти эффектную, блестящую, шумную пьесу, не лишенную патриотического значения для сынов Альбиона. Победа Веллингтона над французами 21 июня 1813 г. точно была предназначена для затеи Мельцеля. В эпоху наполеоновских войн музыкальное изображение сражений и побед было в моде: писались «сражения» при Праге, при Аустерлице; Фукс написал «Сражение при Иене», имевшее такой успех, что в числе аранжировок партитуры появился

даже дуэт для двух флейт; композиторы наперерыв сочиняли «сражения» при Вюрцбурге, при Маренго, при Ваграме. «Вдохновенный» Мельцелем, Бетховен написал также «сражение» при Виттории, где борьба английских мелодий Rule Britannia и God save the King с французской песней Malborough s'en va-t-en guerre кончается победой первых. Исполненное впервые рядом с 7 симфонией, это вздорное (как называл его потом автор) произведение имело блестящий успех и затмило своими пошлыми эффектами неувядаемые красоты симфонии. Концерт имел цель благотворительную: помощь раненым при Хану солдатам австрийской и баварской армий. Автор дирижировал сам; все лучшие музыканты приняли участие в исполнении: Сальери управлял отдельной бандой, изображавшей пушечную пальбу; Шпор, Мошелес, Ромберг сидели в оркестре, Хуммель стоял у турецкого барабана, Мейербер бил в литавры.

Критика, более чуткая к художественным красотам, нежели толпа, тогда же отдала дань восхищения симфонии и в особенности ее 2 части, вскользь упомянув о трескучем «Сражении», ныне совершенно забытом.

Венская газета писала: «На этом торжестве искусства, патриотизма и благотворительности все были воодушевлены любовью к искусству и к родине; исполнение было образцовое, а единокласное одобрение переполненного зала доходило до энтузиазма, до восторга. Несмолкаемыми аплодисментами требовали повторения многих мест, особенно *allegretto* из симфонии A-dur».

«На меня оно произвело сильное, глубокое впечатление», — говорит Шпор о том же *allegretto*.

По словам Шиндлера: «Кроме некоторых специалистов, все, кто не признавал Бетховена до сих пор, находили теперь его достойным лаврового венка».

Даже лейпцигская «Allg.-Mus. Z.», редко расточавшая похвалы Бетховену, писала, что «он давно уже признан на родине и за границей за величайшего композитора; в этих концертах он пожинал лавры. Новая симфония вполне достойна своего громадного успеха и оказанного ей необыкновенно хорошего приема. Чтобы оценить достоинства этого новейшего произведения бетховенского гения и вполне наслаждаться им, надо самому слышать его и притом в таком прекрасном исполнении...»

При исполнении 2 симфонии Бетховена Хабенком в Париже оркестровые музыканты настояли на замене *larghetto* этого произведения второй частью (*allegretto*) 7 симфонии. Факт этот, указывая на популярность чудного *allegretto*, тем не менее поражает уступчивостью знаменитого дирижера 30 и 40 годов прошлого столетия, его отношением к творениям гения, из которых он составлял попури.

Улыбышев, прилагавший ко всему масштаб моцартовского стиля и находя несоизмеримость его с 7 симфонией Бетховена, обстоятельно доказывает, что последний хотел изобразить здесь отвращение, испытываемое при виде разгугла толпы. Если даже допустить возможность применения выдуманной им программы, тем не менее нельзя отрицать того, что симфония сама по себе остается единственною в своем роде по силе выражения настроений; глубоко захватывающее, грустное, элегическое в общем *allegretto* ее, подобно *andante* 5 симфонии и подобно многим «вторым» частям в произведениях Бетховена, требует более медленного темпа, чем то принято всюду. Не надо забывать, что сам Бетховен, по свидетельству современников его, не раз менял указания темпов в своих сочинениях, в зависимости от своего настроения, и потому эти указания не представляют собою чего-либо абсолютного, неизменного; не надо также забывать, что понятия, связанные с терминами *allegro*, *andante* и т. п. растяжимы, подвержены эволюции; в зависимости ли от техники инструментов и виртуозов, или от психики слушателей, современная нам динамика инструментальной музыки превосходит прежнюю, времен Генделя, Баха, Моцарта и Бетховена.

Современник и приятель последнего, Хуммель, в конце своей «Большой фортепианной методы» дает таблицу различий в понимании одних и тех же указаний темпа разными композиторами; он показывает, например, что *allegro* у Бетховена не имеет

такой скорости, как у Крамера и Клементи. Вследствие этого исполнитель нередко принужден и должен следовать указаниям, подсказываемым чувством и эстетическим чутьем, хотя бы таковые совершенно не соответствовали предписаниям автора, даже метрономическим.

Седьмая симфония, — говорит Берлиоз, — славится своим *allegretto*, но не потому, что другие три части слабее: далеко нет. Но публика судит обыкновенно по первому впечатлению, которое измеряет шумом аплодисментов; поэтому часть, вызвавшая наиболее аплодисментов, считается лучшей (хотя бывают неоценимые красоты, не вызывающие шумного одобрения); затем, чтобы еще отличить, выделить излюбленную часть, публика приносит в жертву все остальные. Таков, по крайней мере, неизменный обычай во Франции. Вот почему о произведениях Бетховена говорят: гроза пасторальной симфонии, финал доминорной, *andante* ля-мажорной и т. д.

Кажется не доказано, что эта симфония создана после «пасторальной» и «героической»; напротив, существует мнение, что она была написана несколько раньше. Если это верно, то ее № 7 следует отнести к порядку издания.

Первая часть открывается широкой, великолепной интродукцией, где мелодия, модуляции, оркестровые рисунки наперерыв возбуждают интерес. Она начинается одним из эффектов инструментовки, созданных Бетховеном: вся масса оркестра дает сильный, сухой аккорд; вслед за ним гобой, незаметно вступивший в общую массу, ведет мелодию выдержанными звуками. Нельзя себе представить более оригинального вступления.

В конце интродукции, после нескольких отклонений, на ноте *mi* (доминанта в *la-maj*) происходит игра тембров скрипки и флейты, подобно тому, как в первых тактах финала «героической симфонии».

В течение шести тактов появляется *mi* без аккомпанемента, меняя постоянно окраску при переходе со струнных инструментов на духовые; она остается, наконец, у флейты и гобоев, служа соединением интродукции с *allegro*, и, рисуя ритмическую формулу главной ее темы, становится первой нотой ее. Мне доводилось слышать насмешки над этой темой за ее мужицкую наивность, но, вероятно, автора не упрекнули бы в «неблагородстве» мелодии, если бы он в заголовке *allegro* поставил, как в пасторальной симфонии: «В кругу крестьян». Отсюда видно, что если, с одной стороны, некоторые слушатели не любят, чтобы их заранее знакомили с сюжетом музыкального произведения, зато есть такие, которые недружелюбно относятся к малейшему странному приему, если им предварительно не указана причина этой аномалии. Так как невозможно согласовать столь противоположные мнения, то автору в таких случаях лучше всего следовать внушению своего личного чувства, не гонясь безумно за химерой всеобщего одобрения.

Фраза, о которой мы говорили, отличается сильно подчеркнутым ритмом, переходящим также в гармонию, и это размеренное движение продолжается до самого конца. Употребление постоянной ритмической формулы никогда не было применено более удачно; это *allegro* пышно развивается, вращаясь по-

стоянно на той же теме, и представляет образец необыкновенно ловких приемов; перемены тональности здесь так часты, так остроумны, группы и ряды аккордов так новы, что эта часть возбуждает живейшее внимание и волнение слушателя, не прекращающееся даже по окончании ее.

Приверженцы схоластического учения нападали больше всего на очень удачный, в сущности, гармонический прием, — разрешения квинт сектаккорда на 4-й ступени ми-мажора. Диссонанс секунды, расположенный в высоких партиях 1-х и 2-х скрипок в сильном *tremolo*, разрешается совершенно новым способом: можно было оставить ми на месте и повести фа-диез на соль, или же оставить на месте фа-диез, а ми повести в ре-диез. Бетховен не желает ни того, ни другого: не изменяя баса, он оба диссонирующие звука переводит на октаву натурального фа, понижая фа-диез на хроматический полутон, а ми — на большую септиму; таким образом, рассматриваемый квинт сектаккорд преобразуется в сектаккорд от трезвучия фа-ля-до. Внезапный переход от *forte* к *piano* при этом странном преобразовании гармонии оттеняет его и придает ему особую прелесть. Прежде чем перейти к разбору следующей части, упомянем об интересном *crescendo*, посредством которого Бетховен возвращается к оставленному на время излюбленному ритму: оно выражено двухтактной фразой в *la-maj*, повторенной одиннадцать раз кряду на низких нотах басами и альтами в то время, как духовые инструменты держат *mi* в верхнем, в среднем и в нижнем регистрах, а скрипки, словно подражая церковному звону, берут ноты си, ля, ми, до-диез, движущиеся все быстрее и быстрее и скомбинированные таким образом, чтобы против басового ре или си-диез всегда приходилась доминанта, а против до-диез тоника или терция. Этот прием совершенно нов и, к счастью, кажется, еще никто плохим подражанием не пытался испортить этого удачного изобретения.

В основе чрезвычайного успеха, которым пользуется *all'egretto* лежит ритм, такой же простой, как в первой части, но несколько иного вида. Он состоит из дактиля, за которым следует спондей; они появляются непрестанно то в трех голосах, то в одном, то во всех вместе, иногда служат аккомпанементом или же представляют тему для маленькой эпизодической двухголосной фуги в струнных инструментах. Сначала они идут *piano* в низких тонах альтов, виолончелей и контрабасов, затем повторяются в меланхолическом и таинственном *pianissimo*; отсюда они переходят во вторые скрипки в то время, как в виолончелях слышен жалобный минорный напев; ритмическая фраза, поднимаясь из октавы в октаву, доходит до первых скрипок, которые передают ее *crescendo* верхним голосам духовых инструментов, где они раздаются со всей силой. Мелодичная жалоба, выраженная здесь весьма энергично, принимает характер конвульсивного рыдания; различные ритмы сталкиваются; это — плач, рыдания, мольбы, выражение беспредельного страдания, всепоглощающего горя. Но появляется луч надежды: вслед за этими раздирающими душу звуками является прозрачная мелодия, простая, кроткая, нежная, печальная и покорная, как терпение, улыбающееся герою. Только басы сохраняют свой непреклонный ритм при этой мелодической радуге.

После нескольких подобных смен тоски и упования, в оркестре, как бы утомленном такой тяжелой борьбой, раздаются только отрывки главной фразы, и он постепенно смолкает. Флейты и гобой, замирая, возобновляют тему, но у них не хватает сил ее докончить, и заключают ее скрипки несколькими едва слышными нотами *pizzicato*; затем, внезапно вспыхивая, как огонь гаснущей лампы, духовые инструменты дают протяжный аккорд и... конец. Жалобное восклицание в начале и конце *allegretto* производится кварт секстаккордом, который всегда требует разрешения; благодаря своему исключительному свойству в ряду созвучий, он наиболее соответствует такому заключению, где надо оставить в слушателе впечатление неопределенности и усилить мечтательную грусть, естественно вызванную всей этой частью.

Мотив *scherzo* модулирует вполне своеобразно: оно в *fa-maj.*, но в конце первой репризы переходит не в *do-maj.*, как обыкновенно принято, а на терцию вверх, в *la-maj.* *Scherzo* «пасторальной» симфонии также в *fa-maj.* и модулирует на терцию вниз, в *ge-maj.* Эти модуляционные переходы несколько сходны, но есть еще общее между названными двумя произведениями. Трио в *scherzo* седьмой симфонии (*presto meno assai*), где скрипки почти все время держат доминанту, тогда как гобой и кларнеты в низком регистре исполняют веселенькую сельскую мелодию, — настоящее изображение пейзажа и идиллии. Встречается еще своеобразное *crescendo*, исполняемое второй валторной на двух низких нотах в двухдольном ритме, выступающем при помощи ударений из трехдольного размера; акцентировано соль-диез, хотя здесь главная нота — фа. Это место всегда приводит слушателя в изумление.

Финал так же, как и предыдущие части, богат новыми комбинациями, пикантными модуляциями, очаровательными капризами. Тема немного напоминает увертюру к «Армиде», но только расположением первых нот и то напоминает лишь глазу, а не уху, так как в существовании сходства разубеждаешься при исполнении. Свежесть и игривость бетховенской фразы, существенно отличающейся от рыцарского порыва Глюка, можно было бы лучше воспринять, если бы высокие аккорды в духовых инструментах не заглушали мелодии первых скрипок в медууме, которой вторые скрипки и альты аккомпанируют *tremolo* на низах. В своем финале Бетховен употребляет грациозный и неожиданный переход из до-диез-минор в ре-мажор. Без сомнения, одним из удачнейших и смелых приемов гармонизации является долгий органнй пункт на доминанте ми, с которой правильно чередуется ре-диез. Септаккорд расположен местами так, что натуральное ре верхних партий приходится против ре-диез в басу; можно было бы ожидать, что это произведет ужасный разлад или, по крайней мере, неясность в гармонии. Но звучность доминанты, оказывается, так велика, что ре и не может ослабить ее и только слышно жужжание ми. Бетховен не писал музыки для глаз! Кода, к которой приводит зловещая педаль, необыкновенно блестяща и достойно заканчивает этот перл музыкальной техники, вкуса, фантазии, знания и вдохновения.

После двух декабрьских концертов Бетховен составил публикацию для «Wiener-Zeitung», в которой намеревался выразить печатно благодарность участникам концертов и, в особенности, Мельцелю, но ссора с последним помешала осуществлению этого намерения, и публикация осталась в бумагах композитора, откуда была впоследствии извлечена Шиндлером.

Благодарность.

Считаю своею обязанностью выразить благодарность всем почтенным участникам концертов 8-го и 12-го декабря, данных в пользу раненых при Ханану импер.-австр. и корол.-баввар. воинов, за усердие, обнаруженное со столь благою целью. Это было редкое собрание отличных виртуозов, в котором каждый в отдельности, воодушевленный мыслью помочь сколько-нибудь своим искусством отечеству, занял какое-либо место, хотя бы даже второстепенное, и способствовал превосходному исполнению. В то время, как г. Шупанциг находился во главе первых скрипок, увлекая своей пламенной, выразительной игрой весь оркестр, г. обер-капельмейстер Сальери не отказался отбивать такт барабанам и пушкам. Гг. Шпор и Майзедер, из коих каждый по своему искусству достоин быть руководителем концерта, помогали, сидя на втором и третьем местах. Гг. Сибони и Джулиани занимали тоже последние места. Мне пришлось дирижировать только потому, что исполнялось мое произведение. Будь это музыка другого, я так же охотно, как и г. Хуммель, стал бы у большого барабана, так как все мы исполнены были только чувством патриотизма и желанием послужить своими силами тем, кто стольким пожертвовал для нас. Глубочайшей благодарности заслуживает, между прочим, г. Мельцель: он первый подал мысль устройства этого концерта и на долю его выпала затем самая трудная часть всего, т. е. все необходимые приготовления, хлопоты и распоряжения. В особенности должен я поблагодарить его еще за то, что он этим концертом дал возможность произведению моему, написанному исключительно с этою благою целью и переданному мною ему, служить осуществлением давнишнего страстного моего желания: при нынешнем положении дел сложить на алтаре отечества выдающуюся свою работу. Вскорости, впрочем, будет отпечатан список всех лиц, принимавших участие в концерте и в чем заключалось это участие; тогда публика сама усмотрит, с какою благородною самоотверженностью целая масса величайших артистов содействовала достижению этой прекрасной цели.

Из этой публикации видно, что талантливый ученик Моцарта, автор прелестных фортепианных концертов A-moll и E-moll, И. Н. Хуммель, был в двух концертах Бетховена лишь скромным барабанщиком, хотя отношения Бетховена к нему и в особенности к жене его давали право Хуммелю на более почетное место. Еще в 1806 году невеста Хуммеля была в числе венских красавиц, которыми увлекался герой наш, а в 1813 году, встретив ее у гитариста-виртуоза Джулиани, он вел с нею беседу не менее ласково и нежно, чем в былые времена, так же осыпал ее комплиментами, так же шутил и так же шутя гладил и щипал ее белые локти.

Узы дружбы также долгие годы связывали Бетховена с Хуммелем и содействовали тому скромному положению, которое он согласился принять в концертах 8 и 12 декабря; после первого из них композитор наш писал ему:

Милейший Хуммель! Прошу тебя в этот раз также дирижировать барабанами и канонадами посредством своего превосходного капельмейстерского и фельдмаршальского жезла. — Пожалуйста, сделай это. Если мне придется когда-нибудь писать для тебя канон, то телом и душой к твоим услугам.

Твой друг Бетховен.

Вслед за двумя благотворительными концертами Бетховен дал третий, в свою пользу, причем намеревался понизить цены на места, что видно из следующей заметки его:

Актер Бауман, с которым я сегодня беседовал, полагает, что надо назначить цены в 1 и 2 фл., а именно: внизу — 1 фл., наверху — 2 фл., потому что пьесы были уже дважды исполнены.

Так как рукопись симфонии оказалась у эрцгерцога, то автор просит секретаря его, Баумейстера, прислать на время ее.

К Баумейстеру.

Прошу вас м. г. прислать мне партии симфонии А и мою партитуру. Его императорское высочество может во всякое время получить обратно эти ноты, но они мне необходимы к завтрашнему концерту в Аугартене. Я только что получил два входных билета, посылаю вам таковые и прошу вас ими воспользоваться.

С уважением преданный вам Людвиг ван Бетховен.

О третьем концерте была помещена публикация:

Музыкальная Академия.

Желание многочисленных глубокоуважаемых мною любителей музыки прослушать еще раз мою большую инструментальную композицию на победу Веллингтона при Виттории возлагает на меня приятную обязанность сим объявить почтеннейшей публике, что в воскресенье 2 января я буду иметь честь исполнить в свою пользу упомянутое произведение при участии наилучших музыкальных сил Вены, а также новые пьесы для пения и хора в и.-к. большом Редут-зале.

Входные билеты можно получать ежедневно на Kohlmarkt, в доме барона ф. Хагенмюллера, в нижнем этаже направо, в конторе барона ф. Пасквалати, в партер по 2 и на галерею по три гульдена в. в.

Людвиг ван Бетховен.

Эти недавно сочиненные вокальные пьесы, бывшие новинкою для венской публики, представляли собою три части из «Развалин Афин»: марш с хором, следующий за ним ансамбль и финальный басовую арию.

Признательный композитор, разочарованный в барыше, но удовлетворенный артистическим успехом концерта, поместил в «Wiener-Zeitung» следующее объявление:

Благодарность.

24 января 1814.

При исполнении моих произведений, в концерте, данном мною 2 января, я имел счастье воспользоваться участием многих наиболее выдающихся и знаменитейших здешних артистов, способствовавших оз-

накомлению публики с моими сочинениями в самом блестящем исполнении. Если эти артисты считают себя удовлетворенными своим художественным рвением и удовольствием, доставленным их талантами слушателям, то все же я считаю своей обязанностью выразить им публично мою искреннейшую признательность за проявленную мне таким образом дружбу и ревностное содействие.

Людвиг ван Бетховен.

Концерт 2 января прошел с блестящим успехом, около пяти тысяч слушателей дружно награждали автора рукоплесканиями и оставили в кассе значительную сумму, поглощенную необычайными расходами, явившимися, по уверению Бетховена, следствием неумелости распорядителей. Это побудило композитора поспешить с устройством еще одного своего концерта, в котором впервые должна была исполняться 8 симфония, оконченная в Линце между бранью с братом-аптекарем и прогулками вдоль живописных берегов Дуная.

Перед концертом он писал Анне Мильдер-Хауптман.

Уважаемая М.!

Я хотел сегодня прийти к вам, но не имею возможности. Вы сами знаете, сколько у меня забот и т. п. — Скажу только, что Мельцелю совсем не было дано поручения просить вас петь. Об этом была речь и вы были первою, кем я думал украсить свой концерт. Я согласился бы, если бы вы спели арию какого-нибудь другого автора, но лица, которые задумали устроить этот концерт в мою пользу, имели неосторожность обусловить, чтобы ария была непременно моего сочинения. Я не имел достаточно времени, чтобы написать новую, ария же из моей оперы уже по своему содержанию не соответствует такому большому залу, как редутный.

Итак, уважаемая и любезная М., никакого поручения М. не имел, так как я сам еще не знал своих обязанностей и прав и подчинялся указаниям тех, кто устроил концерт. — Если бы в моем распоряжении была новая ария, то я бросился бы к вашим ногам, чтобы вы вняли моей просьбе. — Во всяком случае, примите искреннюю благодарность за добрые пожелания. Надеюсь, мои дела скоро поправятся (вам известно, что я почти все потерял); тогда первой моей задачей будет — написать оперу для нашей единственной Мильдер и приложить все силы к достойному выполнению ее.

С глубочайшим почтением ваш друг Бетховен.

Надеюсь, не отвергнете нескольких билетов на мой концерт.

Вместе с тем он сообщает о своих хлопотах и об ожидаемом сборе с концерта эрцгерцогу и другу своему, графу Брунсвику.

Ваше императорское высочество!

Надеюсь получить прощение за то, что не был у вас. Я не заслужил вашей немилости; через несколько дней наверстаю все. Мою оперу «Фиделио» хотя бы вновь поставить. Это доставляет мне много хлопот; к тому же я нездоров, хотя хорошо выгляжу. К моему второму концерту уже сделаны некоторые приготовления, для Мильдер мне надо написать что-нибудь новое. С радостью узнал, что в. и. в. чувствует себя лучше. Лыщу себя надеждой вскоре содействовать этому. Вместе с тем я осмелился заявить милорду Фальстафу, что он вскоре должен иметь честь явиться к в. и. в.

Вашего императорского высочества верноподданнейший раб

Людвиг ван Бетховен.

К графу Брунсвику.

Вена, 13 февраля 1814 г.

Милый друг и брат.

Ты писал мне недавно, теперь моя очередь. — Ты радуешься всяким успехам — а также моему. — 27 сего месяца я даю в редутом зале 2-ой концерт. — Приезжай — ты теперь уже знаешь об этом. — Таким путем я избавлюсь постепенно от нищеты, потому что из положенных мне окладов я не получил еще ни одного крэйцера. — Шупанциг написал Михалковичу, как ты думаешь: стоит ли ехать в Офен? Понятно, что следовало бы устроить в театре. — Моя опера тоже пойдет в театре, но я многое переделываю заново. — Надеюсь, тебе живется хорошо, а ведь это не пустяки. Что касается меня, то, увы, я живу точно в воздухе; звуки мчатся подобно вихрю и в душе такое же смятение.

Обнимаю тебя.

Г-ну графу Францу Брунсвику в Офене, в Венгрии.

Концерт состоялся 27 февраля 1814 года.

В программу входила новинка: трио (ор. 116) для сопрано, тенора и баса с аккомпанементом оркестра, исполненное Анной Мильдер-Хауптман, Сабони и Вейнмюллером; трио это, как мы видели при обзоре тетрадей эскизов, написано еще в 1802 году и, судя по отзыву рецензента, имело в исполнении упомянутых знаменитых артистов громадный успех; «начинается оно совершенно в итальянском стиле, но кончается в пламенном, свойственном Бетховену характере». Главным же номером концерта была 8 симфония, не имевшая успеха.

«Внимание публики, — писал рецензент «Всеобщей муз. газеты», — было сосредоточено преимущественно на новом творении бетховенской музыки, но ожидания не вполне оправдались. Симфония была принята без тех восторгов и энтузиазма, которые обыкновенно сопровождают произведения, сразу привлекающие к себе симпатии слушателей; словом, как говорят итальянцы, она не произвела фурора».

Другой рецензент, разделяя восторги публики в отношении «Сражения при Виттории», писал:

«Кто хочет впредь изображать в музыке битву, должен подражать Бетховену. Нельзя не поражаться обилием избранных им средств и гениальным применением их. Впечатление, производимое пьесой, скажу больше, иллюзия — полная; едва ли я ошибусь, утверждая, что в музыкальной литературе не существует другого произведения, где композитор достиг бы такого совершенства в рисовании звуками...» Под такой критикой смело мог бы подписаться нижегородский помещик Улыбышев, объявивший 8 симфонию «наименее удачной», а *allegretto* ее — «сатирой, пародией на музыку», написанною в подражание шутливым приемам великого Россини; автор объемистых трудов о Моцарте и Бетховене, появившихся полвека тому назад на французском языке и имевших тогда некоторую ценность, забыл, разбирая 8 симфонию, что в 1813 году имя Россини почти не было известно за пределами Италии, а написанные им до этого времени комические произведения навсегда забыты в тех же театрах, где появились впервые, выдержав всего несколько представлений.

Ошибался Улыбышев, называя «сатирой на музыку» не понятую им изящную шутку, тема которой была ранее обработана

Бетховеном в виде забавного канона по случаю «изобретения» метронома Мельцелем (сер. 23, № 43, «Ta-ta-ta-ta...»); более верную оценку этого scherzo и всей 8 симфонии дал Амброс, поместивший интересную главу «о музыкальном юморе Бетховена» в своих «Bunte Blätter».

Эта симфония написана в той же тональности, как и «пасторальная», но от предыдущих отличается менее широким замыслом. По богатству форм она не превосходит даже первой симфонии, но, конечно, стоит неизмеримо выше ее в отношении инструментовки, ритма и мелодического стиля.

В первой части проведены две темы спокойного и нежного характера. Из них, по нашему мнению, более выдается вторая, всюду избегающая совершенного каданса и сначала модулирующая неожиданным образом из ре-мажора в до-мажор, а затем теряющаяся в уменьшенном септаккорде тональности соль. Слушая этот мелодический каприз, можно подумать, что автор среди приятных впечатлений вспомнил что-то грустное и это прервало его радостный напев.

Andante scherzando — одно из тех произведений, которым нет равного и подобного; композитор, осененный свыше, пишет его разом и приводит нас в изумление. Здесь духовые инструменты играют необычайную роль: они аккомпанируют аккордами *pianissimo*, повторяемыми по 8 раз в каждом такте, диалогу скрипичных и басовых смычков. Выходит нечто кроткое, простодушное, беспечное, как пенье двух детей, собирающих в поле цветы в ясное весеннее утро. Главный период состоит из двух трехтактных предложений, симметричное расположение которых разрушается тактом паузы, вслед за ответом басов; вследствие этого первое предложение оканчивается на слабом времени такта, а второе — на сильном. Но повторяющаяся гармония в гобоях, кларнетах, валторнах и фаготах представляет такой интерес, что слушатель не обращает внимания на недостаток симметрии в струнных инструментах, явившийся следствием введенной сюда паузы. Да и пауза введена, очевидно, только для того, чтобы выделить чудный аккорд, на котором расположена прелестная мелодия. Этот пример наглядно доказывает, что нарушение правил симметрического расположения бывает иногда удачно. Но можно ли было ожидать, что эта очаровательная идиллия окончится одним из банальных приемов, итальянским кадансом, которого Бетховен вообще недолюбливал? В самый разгар интересной беседы двух маленьких оркестров, духового и струнного, автору словно пришлось внезапно прервать ее, и он вводит в скрипках *tremolo* последовательно на четырех звуках соль, фа, ля, си-бемоль (шестая ступень, доминанта, вводный тон и тоника), поспешно повторяет их несколько раз, точь-в-точь как итальянцы, когда поют «felicita», и разом останавливается. Не могу объяснить себе этой причуды.

Затем следует менуэт, построенный на манер гайдновских, вместо изобретенного Бетховеном scherzo в 3/4 скорого темпа, которое он так удачно применял во всех других симфониях. Правду сказать, эта часть довольно обыкновенна, как будто старинная форма ее оказала давление на мысль композитора.

Финал же, наоборот, полон огня, мысли в нем оригинальны, блестящи и роскошно разработаны. В нем встречаются диатонические последования в противоположном движении, с помощью которых автор достигает в своем заключении обширного и эффектного *crescendo*. Гармония местами жестка, вследствие опаздывающего разрешения проходящих нот и даже отсутствия разрешений, замененных паузами. С точки зрения теории, при некоторой натяжке, возможно объяснить эти проходящие диссонансы, но при исполнении слух более или менее страдает от них. С другой стороны, высокая педаль флейт и гобоев на фа, тогда как литавры выбивают тот же звук октавою ниже, а скрипки, при вступлении первоначальной темы вслед за терцией фа-ля (из тонического трезвучия) дают до, соль, си-бемоль (из доминант септаккорда) — не дозволена теорией, так как она не везде входит в состав аккордов; и тем не менее она вовсе не производит неприятного впечатления; напротив, благодаря характеру фразы — искусному распределению ее между инструментами, это сочетание звуков выходит прекрасным и замечательно нежным. — Укажем еще на поразительный оркестровый прием в этой части, а именно: до-диез во всей оркестровой массе в унисон или октаву, вслед за *diminuendo*, окончившимся на до натуральном. За подобным криком или ревом дважды раздается тема в фа-маж.; таким образом, до-диез является энгармоническим ре-бемоль, т. е. пониженной шестой ступенью тональности.

Третье появление этого странного вступления носит иной характер; после модуляции, как и прежде, в до-маж., оркестр берет настоящее ре-бемоль, за которым следует отрывок темы тоже в ре-бемоль, затем настоящее до-диез, за которым появляется другая частица темы в до-диез; далее, после трехкратного сильного повторения до-диез, тема целиком переходит в фа-диез-минор. Итак, звук, появившийся сначала, как шестая ступень, последовательно становится тоникой мажора (ре-бемоль), тоникой минора (до-диез), наконец, доминантой.

Это замечательно!..

ГЛАВА IX

1814 — 1815

Раздор с Мельцелем. — Смерть князя Кинского. — Возобновление «Фиделио» и переделки в партитуре. — Либреттист Трейчке. — Успех оперы. — Концерт 11 апреля 1814 года. — Венский конгресс. — Графиня Эрдеди. — Франц Бретано.

Немало хлопот и волнений причинил Бетховену Мельцель, присвоивший самовольно право собственности на партитуру «Сражение при Виттории»; в его руках были лишь разрозненные оркестровые голоса, из которых он сам составил партитуру и отправился с нею в Англию. По пути, в Мюнхене, он с огромным успехом дважды демонстрировал свою пангармонику, причем главной пьесой программы было модное произведение Бетховена; последний возбудил процесс, дело тянулось очень долго, так как авторские права не были точно регламентированы, и, в заключение, поссорившиеся приятели предпочли помириться. С помощью приятелей композитор составил черновик жалобы, причем называет свое произведение то «Боевой симфонией», то «Победной», то «Сражением», «Битвой», а последнюю часть ее — «Триумфальной симфонией» и «Победой».

Для пангармоники г. Мельцеля мною добровольно и безвозмездно написана часть «Боевой симфонии». Спустя некоторое время он принес мне партитуру, которую начал уже печатать, и выразил желание переложить ее для полного оркестра. — Еще ранее того я задумал изображение битвы, которое, однако, не было составлено для его пангармоники. — Мы согласились исполнить это произведение и еще некоторые другие мои пьесы в пользу раненых воинов. В то же время мои денежные дела пришли в ужасное состояние. Мельцель предложил мне, покинутому всеми здесь, в Вене, в ожидании займа под вексель и т. п. 50 д. золотом. — Я принял их и сказал ему, что деньги эти возвращу ему здесь или дам ему эту симфонию перед поездкою его в Лондон (если сам не поеду с ним), — где укажу ему английского издателя, который уплатит ему эту сумму. — Партитуру в том виде, как она написана была для его пангармоники, получил я от него обратно. Затем начались концерты, в продолжение которых выяснились личность и намерения г. Мельцеля. Без моего согласия велел он напечатать в афишах, что это его собственность. Возмущенный этим, я вынудил его уничтожить объявления. — Тогда он заявил печатно, что пьеса получена им по дружбе, к поездке в Лондон; я не возражал, так как имел в виду условие, с ко-

торым желал дать ему это произведение. Припоминаю еще, что во время печатания афиш я много спорил. Недостаток времени не позволил мне оторваться от работы. — Погруженный в свою работу, я не мог заняться этим. — А между тем сейчас же после первого концерта в университете мне сообщили многие лица, заслуживающие доверия, что он распространял повсюду, будто заплатил мне 400 д. золотом. — Поэтому послал я заявление в газеты, которое, однако, не было напечатано, — так как М. со всеми редакциями находится в хороших отношениях. — Тогда же, после первого концерта, возвратил я Мельцелю его 50 дукатов и объявил, что, узнав его проделки, я ни в каком случае с ним не поеду, что я вправе протестовать против напечатанных им без моего ведома афиш, что все объявления о концерте были полны лжи и что не патристично было с его стороны высказывать такие слова: «я пл... хочу на Л., если только в Лондоне говорят, что здесь платят по 10 гульденов; не для раненых я это сделал, а только потому что...» и т. п. При этом я прибавил, что произведение мое дам ему для Лондона лишь на условиях, которые сообщу. Он настаивал на том, что это дружеский подарок и, не спрашивая меня, велел после второго концерта напечатать это выражение в газете. Так как Мельцель человек грубый, без всякого воспитания, без образования, то можно представить себе, как он в течение всего этого времени поступал со мною, все более возмущая меня. И кто стал бы принуждать себя к дружескому подарку для такого человека? Мне предложили послать произведение это принцу-регенту; таким образом, исключалась всякая возможность дать ему это произведение без договора. Наконец, он обратился ко мне с предложением. Ему сказано было, в какие дни явиться для получения ответа; но он не явился, уехал и поставил это произведение в Мюнхене. Каким образом он его достал? — Украсть не было возможности. Отдельные партии находились у г. Мельцеля по несколько дней; очевидно, он поручил какому-нибудь жалкому музыкальному ремесленнику соединить эти партии в одно целое, которым и торгует теперь по миру. Г-н Мельцель обещал мне слуховые аппараты. За это я дал ему триумфальную симфонию для его пангармоники. Аппараты его, наконец, были изготовлены, но оказались для меня не вполне годными. Г. Мельцель полагал, что за эту маленькую услугу, и после того, как переложу Триумфальную симфонию на большой оркестр, я добавлю «Битву» с тем, чтобы предоставить ее в полную его собственность. Допустив даже, что я относительно слуховых аппаратов был некоторым образом ему обязан, тем не менее, услуга эта уже оплачена тем, что он заработал в Мюнхене, по крайней мере, 500 гульденов конвенционной монетой, благодаря похищенной у меня и изуродованной «Битве». — Таким образом, он сам себя вознаградил. Он имел дерзость сам говорить здесь, что «Битва» находится у него; да, он даже показывал ее в рукописи многим лицам, но я этому не верил и не без основания, так как все это составлено было не мною, а другим. Точно так же и честь, которую он приписывает только себе, могла бы уже послужить ему вознаграждением. Главный военный совет вовсе не упоминает меня, а между тем все то, из чего состояли оба концерта, принадлежит мне. Болтовня г. Мельцеля о том, что поездку свою в Лондон он отложил из-за «Битвы», ничто иное, как шутка: г. Мельцель оставался до тех пор, пока, после первой неудачной попытки, не окончил своей проделки

Бетховен.

Вместе с тем композитор, при содействии друзей своих, барона Пасквалати и адвоката Адлерсбурга, составил другую публикацию для английской печати.

Заявление и воззвание Людвиг ван Бетховена
к лондонским музыкантам.

Г. Мельцель, находящийся ныне в Лондоне, проездом через Мюнхен, исполнил там мою «Триумфальную симфонию» и «Битву Веллингтона при Виттории» и, как говорят, хотел исполнить их во Франкфурте и поставить их также в Лондоне. Это вынуждает меня публично заявить, что я г. Мельцелю помянутых произведений никогда и никоим образом не передавал и не продавал, что никто не имеет копий с них и что единственная копия, мною проданная, отправлена его корол. высочеству принцу-регенту Англии. Поэтому исполнение этих произведений г. Мельцелем представляет собою обман публики, ибо он, согласно настоящему заявлению, их вовсе не имеет, либо если он обладает ими, — нарушение моих прав, так как он добыл эти произведения незаконным путем.

Бетховен, раб. Мелера (1815).

Но и в последнем случае публика обманута, потому что то, что г. Мельцель подносит ей под заглавием «Битва Веллингтона при Виттории» и «Триумфальная симфония», представляет очевидно произведение поддельное или же искаженное, так как он никогда от меня не получал ничего из этих произведений, за исключением только некоторых отдельных партий на несколько дней.

Это подозрение подтверждается уверениями здешних артистов, которых я, в случае надобности, уполномочен назвать по имени, что г. Мельцель при отъезде своем из Вены заявил, что имеет эти произведения и показывал им отдельные партии, которые, как я уже доказал, представляют собою ничто иное, как искажения и подделку.

Способен ли г. Мельцель таким путем посягнуть на мое право? — На это можно ответить, указав на концерты, данные здесь в Вене, в пользу раненых; тогда он в газетах упомянул себя одного, как предпринимателя, вовсе не назвав меня, несмотря на то, что исполнены были лишь мои произведения.

Поэтому приглашаю я лондонских музыкантов предотвратить ущерб, наносимый мне, их товарищу по искусству, исполнением г. Мельцелем «Битвы при Виттории» и «Триумфальной симфонии», не допускать и воспрепятствовать ему морочить лондонскую публику таким постыдным образом.

Вена, 25 июля 1814 года.

Такое враждебное отношение композитора не мешало ему быть справедливым к заслугам Мельцеля, и в письме к одному из основателей венской консерватории, писателю Мозелю, объяснить значение метронома, как лучшего средства для изгнания неопределенной латинской терминологии темпов; однако теоретические рассуждения Бетховена оказались далекими от практики: он сам, как и все последующие композиторы, остался верен этой терминологии, этим «бессмысленным» названиям, а метрономические указания изменял в своих произведениях сообразно настроению минуты, что бывало также с другими авторами. «Тот не музыкант, — сказал Мендельсон однажды Берлиозу, — кто нуждается в указаниях метронома».

Надворному советнику фон Мозелю.

Ваше высокоблагородие!

Сердечно радует меня взгляд, который вы разделяете со мною относительно дикого приема в музыке указывать характеристику ритма; напр.: что может быть бессмысленнее *Allegro*, которое собственно означает весело, тогда как мы далеки от такого понимания этого ритма, и настроение пьесы бывает совершенно обратное. — Что касается указаний 4-х главных темпов, то они менее точны и правильны, чем движение 4-х главных ветров, и мы охотно отказываемся от них. Совершенно иначе обстоит дело с указаниями, обозначающими характер пьесы; от этих мы не можем отказаться, здесь такт является собственно основой, здесь он имеет отношение к самой сущности пьесы. Что касается моего мнения, то я давно думаю, что пора оставить эти бессмысленные названия *Allegro*, *Andante*, *Adagio*, *Presto*. Метроном Мельцеля дает нам лучшую к тому возможность. Даю вам слово, что в последующих моих композициях я не буду более к ним прибегать. Совершенно иной вопрос: достигнем ли мы того, что эта система будет принята всюду, а это необходимо для М. Едва ли! Я не сомневаюсь, что нас назовут тиранами. Если этим можно принести какую-нибудь пользу делу, то пусть лучше нас обвинят в феодализме! При этом я думаю, что было бы лучше, — в особенности для наших стран, где музыка стала потребностью

народа, и где следовало бы требовать употребление метрон. от каждого сельского учителя, — чтобы Мельцель организовал подписку на известное число метрономов по более высокой цене, и тогда он мог бы остальные метрономы предоставить для удовлетворения музыкальной потребности народа по удешевленной цене. Таким путем мы можем достичь большего единообразия и распространенности. Само собою разумеется, что для большей успешности дела необходимо, чтобы кто-нибудь стал во главе его. Что касается меня, то я к вашим услугам. С нетерпением жду почты, чтобы получить от вас известие.

Вашего высокоблагородия, с глубочайшим почтением,
преданнейший Людвиг ван Бетховен.

Года через два после этой размолвки Мельцель писал композитору, что изготовляет для него слуховые трубы, что письмо его к Мозелю появилось в переводе на французский язык и вызвало сенсацию в музыкальном мире; в этом же любезном письме к своему «лучшему другу» он спрашивает о готовности его отправиться в концертное турне и о двух симфониях, которые они будут ставить в разных городах. Бетховен, в свою очередь, стал обращаться к Мельцелю по-прежнему дружелюбно, отвечая ему записками, вроде следующей:

Благодарю вас. Кажется, эта значительно лучше. Посылаю также слуховую трубу, прошу завтра прислать ее обратно, так как мне, кажется, она очень помогает.

Ваш благодарный Бетховен.

Огорчения, причиненные композитору Мельцелем, ничтожны в сравнении с иными, более тяжелыми и более продолжительными: наследники кн. Кинского отказались платить долю пенсiona, обещанного по договору 1809 г., и композитор принужден взяться за перо, чтобы склонить вдову-княгиню к исполнению долга.

К княгине Кинской, в Праге.

Ваша светлости!

Печалью наполняет всех несчастный случай, вырвавший его светлость, князя Кинского, вашего покойного супруга, у родины, у дорогих вам родственников и у тех многих, которые склонны к высокому и прекрасному, и которым он великодушно покровительствовал. Случай этот был для меня особенно чувствительным ударом. Печальная необходимость самосохранения вынуждает меня обратиться к вашей светлости с покорнейшей просьбой, законность которой, как я надеюсь, послужит в то же время и извинением в том, что позволяю себе беспокоить вашу светлость в момент, когда вы заняты столь многими важными делами. Позвольте, ваша светлость, доложить вам это дело.

Вашей светлости, без сомнения, известно, что я в 1809 году получил приглашение в Вестфалию. Его светлость князь Кинский, ваш покойный супруг, вместе с его императорским высочеством эрцгерцогом Рудольфом и его светлостью князем Лобковичем предложили мне пожизненный годовой оклад в четыре тысячи гульденов с тем, чтобы я отказался от этого места и остался в Австрии. Хотя уже тогда сумма эта далеко не соответствовала жалованью, которое мне было гарантировано в Вестфалии, я все-таки, из любви к Австрии, равно как из признательности за это высокое и великодушное предложение, нисколько не

задумался принять таковое. Часть жалованья, приходящаяся на долю его светлости князя Кинского составляет 1.800 гульденов, каковые я с 1809 года получал по четвертям из княжеской кассы. Наступившие затем обстоятельства уменьшили немного эту сумму, но я все же охотно соглашался с этим, пока, в прошлом году, не появился указ относительно уменьшения достоинства бумажных денег. Я обратился к его императорскому высочеству эрцгерцогу Рудольфу с просьбой, чтобы он в будущем изволил уплачивать мне свою долю (а именно 1.500 гульденов) выкупными свидетельствами. Его императорское высочество немедленно согласился на это и приказал выдать мне в этом письменное удостоверение. На это согласился также и князь Лобкович относительно своей доли в 700 гульденов.

Так как его светлость князь Кинский находился тогда в Праге, то поэтом передал я ему в мае месяце текущего года через г. Варнхагена фон Энзе, офицера полка Фогельзанг, покорнейшую просьбу, — причитающееся на его долю жалованье мое в 1.800 гульденов уплачивать мне, подобно остальным двум участникам, выкупными свидетельствами. Господин фон-Варнхаген сообщил (согласно сохранившемуся его подлинному письму) следующее:

«Вчера имел я с князем Кинским деловой разговор. Расточая похвалы Бетховену, он немедленно согласился на его требование и высказал желание уплатить ему недоимки со времени появления выкупных свидетельств и в будущем уплачивать ему жалованье этой валютой. Кассиру отдано будет надлежащее приказание, и Бетховен может во время своего пребывания здесь получить всю сумму или же, если ему угодно, в Вене, как только князь возвратится туда.

Так как я несколько недель спустя, по пути в Теплиц, проезжал через Прагу, то представился князю, который и подтвердил мне это обещание в полном его объеме. Сверх того, его светлость объявил мне, что вполне понимает законность моей просьбы и находит безусловно справедливою. Так как мне в Праге невозможно было оставаться до полного приведения этого дела в порядок, то его светлость оказал милость, выдав мне в счет жалованья 60 дукатов, которые, как он изволил выразиться, должны были соответствовать 600 гульд. венской валюты. При возвращении моем в Вену недоимки мои имели быть приведены в порядок, а кассе имел последовать приказ — впредь уплачивать мне жалованье выкупными свидетельствами. Так гласит желание его светлости. Болезнь моя в Теплице усилилась, и я вынужден был остаться там дольше, чем предполагал. Поэтому переслал я в сентябре текущего года через одного из здешних моих друзей, г. Олива, его светлости, находившемуся тогда в Вене, покорнейшее письменное напоминание относительно его обещания, и его светлость удостоил вновь повторить пред этим господином данное обещание, прибавив притом, что через несколько дней последует в кассу надлежащее распоряжение.

Спустя некоторое время князь уехал. По прибытии моем в Вену осведомился я у г. управляющего: не получен ли пред отъездом князя приказ насчет моего жалованья, и к удивлению моему узнал, что не последовало никакого распоряжения.

Правильность моей просьбы доказывается свидетельством гг. фон-Варнхагена и Олива, с которыми его светлость говорил и которым он повторил свое обещание. Я убежден также, что высокие наследники и потомки этого благородного князя будут продолжать действовать в духе его гуманности и великодушия и приведут в исполнение это обещание.

Поэтому покорнейше прошу уплатить мне недоимки моего жалованья выкупными свидетельствами и приказать, дабы княжеская касса впредь отпускала причитающиеся мне суммы этой валютой.

Вверяю себя вашей светлости и ожидаю от вашей справедливости благоприятного решения.

Вашей светлости вполне преданный Людвиг ван Бетховен.

Вена, 30 декабря 1812 г.

Ваша светлость!

Касательно обещанного мне вашим покойным супругом жалованья вы были любезны высказать, что хотя и признаете справедливость относительно уплаты этой суммы венской валютой, но что для этого необходимо согласие опеки.

В уверенности, что опека, представляющая собою лишь охрану интересов княжеских сирот, должна именно руководиться правилами, служившими покойному князю основанием его образа действий, полагаю, что в согласии этой власти сомневаться не следует; относительно обещания и намерения почившего князя, представляющих закон для его детей и наследников, могу привести показания известных, знатных и честных лиц и подтвердить собственной присягой; что же касается недостатка, быть может, в отношении формальности, то таковой, без сомнения, может быть дополнен возвышенным образом мыслей княжеской семьи и ее склонностью к благородным деяниям.

Вследствие ужасной и неожиданной смерти князя и иных обстоятельств было бы непростительно обременять наследство значительными требованиями, когда строгая бережливость всех источников его становится наиболее необходимою и важною. По этой причине я в настоящее время далек от притязаний больших, чем этого требуют условия моего существования, и основываюсь на существующем контракте, законная сила которого нисколько не может быть подвержена сомнению наследниками покойного князя.

Я прошу именно, чтобы ваша светлость милостиво приказали уплатить следуемое мне с 1-го сентября 1811 года жалованье, составляющее по венской валюте, согласно контракту, 1.088 гульденов 42 крейцера, а вопрос в том, — следует ли мне уплачивать это жалованье впредь полностью венской валютой — отложить до того времени, когда наследство будет приведено в порядок и дело это, следовательно, возможно будет предложить на разрешение опеки, с согласия которой затем исполнить мои справедливые требования.

Так как его светлость покойный князь выдал мне помянутые мною 60 д. в счет следуемого мне по венской валюте жалованья, и, как всякий здравомыслящий может уверить в этом вашу светлость, договор наш либо должен быть признан во всем его объеме, либо будет в ущерб мне, то само собою разумеется, и ваша светлость с этим согласится, что эти 60 д. должны быть зачтены только в счет суммы, которую мне, согласно условию, придется потребовать венской валютой, так что о зачете их в неполученную мною своевременно сумму и речи быть не может.

Ваша светлость, благодаря своему возвышенному образу мыслей, не осудите справедливости моего предложения и стремления моего — отложить, ради вашего удобства, разбор этого дела, пока обстоятельства мне это позволяют. И вы с тем же возвышенным образом мыслей, который склоняет вас к исполнению данного мне покойным князем обещания, примете во внимание также необходимость, в которую я поставлен своим положением и которая вынуждает меня просить о немедленном ассигновании и выдаче просроченной и неоспоримой суммы, крайне нужной для удовлетворения моих насущных потребностей...

В радостном ожидании исполнения моей просьбы, имею честь с глубочайшим уважением подписаться

вашей светлости покорнейшим слугою Людвиг ван Бетховен.

Вена, 12-го февраля 1813 года.

Уважаемая княгиня!

Так как советник ваш заявил, что дело мое может быть рассмотрено лишь по назначении опекуна, и, как я слышал, ваша светлость лично приняли на себя опекунство, но никого к себе не допускаете, то поэтому сим письменно излагаю мою покорнейшую просьбу и в то же время прошу поспешить, ибо легко можете представить себе, как тяжело оставаться так долго без того, на что рассчитываешь наверно, и тем более, что вынужден, не заботясь о самом себе; поддерживать несчастного больного брата с его семейством; в надежде, что получу жалованье, которое будет мне достаточно, по крайней мере, для пропитания, совершенно израсходовался. Насколько, впрочем, правдивы мои требования, можете усмотреть из того, что 60 д., выданные мне в Праге покойным князем в зачет, мною показаны добросовестно: даже сам советник заметил, что я об этой сумме мог совсем умолчать, так как об этом покойным князем ни ему, ни кассиру ничего не было сообщено.

Простите, что приходится надоедать вам по этому делу; но нужда заставляет меня. Через несколько дней я позволю справиться об этом деле у княжеского советника, или же будет вам угодно указать мне.

Уважаемая светлейшая княгиня, покорнейший слуга ваш

Людвиг ван Бетховен.

Не добившись ничего от княгини, композитор прибегает к помощи и содействию своего «высокого ученика».

Ваше императорское высочество!

С истинным удовольствием узнал о неосновательности моего беспокойства относительно вашего здоровья. Я счастлив, когда могу быть приятным в. и. в., а потому надеюсь вскоре избавиться от своих страданий и наверстать пропущенное. — Что касается князя Лобковича, то он все еще молчит и, видимо, не намерен исполнить обязательства. — В Праге (упаси Боже от всего, что касается Кинских) почти неизвестны с фигуральным пением. Они поют долгие, выдержанные хоральные ноты, между которыми встречаются ноты в 16 тактов. — Так как все эти диссонансы, видимо, разрешаются очень медленно, то лучше создавать такие, которые можно разрешить самостоятельно, — а все прочее предоставить неумолимой судьбе. Еще раз шлю поздравление по случаю выздоровления.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Так как вы были столь милостивы передать мне через графа Тройера, что желаете приписать несколько строчек по моему делу в Праге к обербургграфу Коловрату, то осмеливаюсь приложить при сем мое письмо к графу К. — Не думаю, чтобы в нем было что-нибудь непристойное для в. и. высочества. Во всяком случае, опека, несмотря на все доводы, не согласится на расчет выкупными билетами. Вместе с тем можно надеяться, что мирным путем, без суда, удастся добиться, по крайней мере, более благоприятных результатов, так например, расчета по более высокому курсу. — Но если ваше императ. высочество напишете или

от вашего имени написать несколько слов, то наверное ускорит этой причине я просил в. и. в. и вновь убедительно прошу исполнить ваше милостивое обещание. Вот уже три года, как дело еще не окончено.

Вашего императорского высочества покорнейший вернейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Вам мне оказали милость, которой я ничем не заслужил — приношу вам всеподданнейшую благодарность за милостивое заступничество в пражском деле. — Партитуру кантаты доставлю исправно. — Благодарю милостиво, что не был еще у в. и. в. За этим благотворительным концертом последует еще один в театре, тоже в пользу impressario gustia, в них оказалось настолько совести, чтобы уступить мне и половину. — Для этого у меня имеется новое произведение. — Имеется в виду новая опера — сюжет которой выяснится на будущее. Тем не менее, опять не совсем здоров, — но через несколько дней выехать к в. и. в. Если бы я только мог помочь, то исполнилось бы одно из моих и заветных желаний в моей жизни.

Вашего императорского высочества вернейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Потекция эрцгерцога, видимо, не произвела желанного действия, и пришлось обратиться к помощи суда, причем композиция начинает метаться от одного приятеля к другому, от одного к другому, просить о содействии пражских адвокатов Вольфа и Вольфа (Wolf — волк), обербургграфа (главного управителя княжескими поместьями и замком), венского знакомого профессора Олива, барона Пасквалати, венского адвоката Адльбурга, но недовольный ими передает ведение процесса пражскому адвокату Канка, большому любителю музыки; ему же, по смерти брата Карла, поручает он процесс с вдовой о вдовах своих на воспитание племянника.

Д-ру ф. Бейеру в Праге.

Вена, 18 декабря 1813 г.

Любезный друг!

Вас так называю и когда-нибудь обниму вас так — не раз уже клинал я этот злосчастный декрет, так как из-за него попал в бесчестные неприятности, Oliva нет здесь больше, и мне невыносимо тяжело столько драгоценного времени, которое я краду у моей музыки на дела, так что во всем задержка; — я послал недавно Вольфу полную доверенность, он думает начать процесс, но я думаю, как я и просил Вольфу, подать сначала прошение в областной суд; — помогите со своей стороны и не дайте мне здесь погибнуть, окруженному бесчестными врагами, все это приводит меня почти в отчаяние. — Мой друг, которого я облагодетельствовал и отчасти, конечно, по милости короля я попал в такую беду, — мой главный враг. Поцелуйте Кошачка за меня, скажите ему, что мои испытания и мои страдания, он виноват, составят целую книгу — охотно отобрал бы все дело у Вольфа, если бы вам, но этим приобрел бы лишь новых врагов; — ведите скорее ваше дело — в следующий раз больше об этом — пришлите же и вашу и Кошачку улицу и №, где вы живете, ибо всегда приходится

посылать мои письма через других — отвечайте тотчас по получении этого

ваш Бетховен.

Доктору фон Адлерсбургу.

Уважаемый друг. — Следует добавить, что Вольф представил главную бургграфу — также приложенные свидетельства — что теперь делать? — Завтра утром навещу вас. Я думаю, можно еще обсудить, какой ход дать делу? Эрцгерцог находит, что прощение очень хорошо да «слишком много приписывается великодушию». Сердечно обнимаю вас — не сердитесь на меня за назойливость. Скоро ведь всему этому конец

ваш Бетховен.

Барону фон Пасквалати.

Любезный уважаемый друг! Завтра утром не позже половины 9 буду у вас! Не выгоняйте меня — за дверь! Было бы хорошо, если бы вы только отправили письмо к Адлерсбургу. Эрцгерцог не доволен прощением, потому что великодушию придается слишком большое значение

второпях ваш Бетховен.

Доверенность барону Пасквалати.

Сим дружески прошу г. барона Иосифа фон Пасквалати в Праге получить следуемый мне беспорный платеж из имущества кн. Кинского, а также выполнить все для этого требуемое.

Людвиг ван Бетховен.

Вена 1815 г.
(М. П.)

Его высочородию доктору прав г-ну Иоганну Канка,
в королевстве Богемия, в Прагу (Богемия).

Тысячу благодарностей, уважаемый К.

Наконец-то я встречаю опять присяжного поверенного и человека, который мыслит и пишет, не прибегая к жалким формальностям. — Вы не можете себе представить, как я жажду окончить дело, потому что оно вызывает беспорядок в моих домашних делах, да и вообще беспокоит меня. Вы понимаете, впечатлительная натура должна быть свободна от этих жалких забот; они лишают меня многих радостей жизни. Мне пришлось и еще теперь приходится отказаться от стремления и принятой на себя обязанности служить неимущим посредством своего искусства. О наших монархах и т. п., монархиях и т. п. не пишу вам ничего; из газет вы все узнаете. Мне дороже всего мир духовный, более возвышенный, чем все земные и духовные монархии. Сообщите, что вы хотите лично для себя, что я могу сделать своими слабыми музыкальными силами, что приготовить, по мере сил, по вашему музыкальному вкусу и потребностям. — Не нужны ли вам все бумаги, относящиеся к делу Кинского? В таком случае я пришлю вам их, так как между ними имеются важные документы, которые, кажется, вы читали у меня. — Не забывайте обо мне и помните, что вы защищаете бескорыстного музыканта от семейства скряг. С каким легким сердцем эти люди отни-

у бедного музыканта то, чем прежде выражали ему свое почтение; льще Зевса, от которого можно было получить амвросии.

Любезный друг, дайте крылья ленивым шагам справедливости. Вы вдохновения, наслаждаясь в сфере возвышенного искусства, меня низвергает в пропасть воспоминание об окружающем, и в эти эти два... процесса. — И у вас бывают неприятности; хотя я этому, зная ваш образ мыслей и способности и в особенности в специальности, но опять-таки укажу вам на себя самого. Я осу- кубок горьких страданий и заслужил себе по милости дорогих ков и товарищей по искусству мученический венец в сфере искус- — Вспоминайте обо мне ежедневно и представьте себе, что дело о вселенной, так как было бы нескромно навязывать вам воспоминание о таком ничтожном индивидууме, каков я.

искренним почтением и привязанностью преданный вам
Людвиг ван Бетховен.

Баден, 19 сентября 1814.

Мой милейший
Любезный К.!

Ввиду того, что я писал вам на авось, не зная точно вашего адреса, и шил вам также клавираусцуг «Фиделио», то желал бы знать, по- ти ли вы письмо, а также и клавираусцуг; — я думаю, легко по- мой мечты относительно скорейшего и благополучного окончания Кинским — говорили ли вы с д-ром Вольфом, нужны ли вам бу- , относящиеся к этому делу, или они еще все находятся у д-ра В. и и т. д. и т. д. — прошу — умоляю вас — падаю к ногам вашим, в объятия, вам на шею — не знаю, что я еще готов сделать и чего тов, — излиться в потоке словоизвержения и т. д. и т. д. и т. д. — айте, — начинайте и кончайте сызнова — наконец, совершенно — я можно было сказать Finis — конец — конец — одно мое произ- ие лежит законченным, чтобы как скоро вы окончите ваше дело, посвященным вам и выразить вам мое глубокое почтение — не хать ли мне самому в Прагу, чтобы таким образом ускорить окон- е дела? — как вы думаете? да, да, я приеду, если вы хотите, — же это не нужно, то лучше обожду до весны — если я действи- ю так несчастлив, что вы не хотите даже думать обо мне, то поду- е хоть о деле

вашего страдающего друга Людвига ван Бетховена.

Достойный, единственный К.

От барона Пасквалати я получил сегодня письмо, из которого видно, вам неприятна моя спешность. Впрочем, все нужные для этого бу- и уже отосланы к Пасквалати. Сообщите ему, пожалуйста, чтобы он еменил. Завтра здесь соевощение и результат его может быть завтра ечером будет послан вам и П. — Тем не менее я хотел бы, чтобы вы мотрели переписку, которую я послал Пасквалати для областного , и внимательно прочли бы приложения; — вы увидите, что неос- тельно упрекали Вольфа и других. — Кто хочет, найдет достаточно изательств; настолько все ясно. Имея дело с таким человеком, как ский, справедливость и великодушие которого были всем известны, ли я думать о свидетелях, о каких-нибудь документах?

С искреннейшей любовью и уважением второпях ваш друг.

Зена, 11 января 1815 г.

Мой единственный, уважаемый К.

Что мне думать, сказать, чувствовать!

В. не только обнаружил свои недостатки, но даже не потрудился прикрыть эту наготу. Не может быть, чтобы он ошибся в своем прошении и в отношении всех установленных документов, касающихся дела. Относительно валюты Кинский распорядился раньше, чем изъявил согласие выплатить мне содержание вык. св.; это видно из документов, на которых нужно только заметить дату; так что важно первое распоряжение. Из дела видно, что меня полгода не было в Вене. Так как мне не нужны были деньги, я оставил их; князь забыл тогда подтвердить кассе свое прежнее распоряжение, но не слово данное мне и также Варнхагену (офицеру), что доказывается свидетельством г-на Олива, которому, незадолго до своего отъезда отсюда и на тот свет, он повторил свое обещание, а по возвращении в Вену призвал его к себе, чтобы привести в порядок дела кассы, но неожиданная смерть помешала этому. — К показанию офицера Варнхагена приложена бумага из русской армии, в которой он выражает готовность подтвердить это под присягой. — Показание г-на Олива удостоверяет, что он также готов присягнуть на суде. Показание полковника графа Бентхейма я послал, а потому не утверждаю, но помнится, что граф также упоминает в своем показании, что готов присягнуть по этому делу на суде. Я сам готов присягнуть на суде, что князь Кинский сказал мне в Праге «что он не находит ничего легче, как платить мне содержание в. с.». Это его собственные слова. — Он дал мне сам в Праге 60 д. золотом, что составляло тогда для меня около 600 фл., потому что я не имел времени остаться там дольше и вследствие нездоровья уехал в Теплиц; — так как слово князя было для меня свято, я никогда не слышал о нем ничего такого, что побудило бы меня привести к нему двух свидетелей или потребовать какого-нибудь документа. Д-р Вольф, видно, прескверно изложил дело и сам недостаточно познакомился с бумагами.

Перехожу к моему последнему поступку. Эрцгерцог Рудольф спросил меня недавно, окончено ли дело Кинского; он, вероятно, слышал о нем кое-что. Я заявил ему, что не знаю ничего, решительно ничего, а потому теряю надежду; он сказал, что напишет сам, но чтобы я также приложил письмо и познакомил его со всей перепиской по делу Кинского. Убедившись, он написал к обербургграфу и приложил мое письмо. Обербургграф ответил сейчас же эрцгерцогу, а также мне. В письме ко мне он говорит, чтобы я подал прошение со всеми документами в пражский суд, откуда его перешлют ему, и что он примет все меры, чтобы удовлетворить меня. Эрцгерцогу он написал тоже в высшей степени любезно, он писал даже весьма определенно, что ему известны намерения покойного князя Кинского относительно меня в этом деле и чтобы я подал прошение и т. д. — Эрцгерцог позвал меня сейчас же и предложил приготовить эту бумагу и показать ему. Он нашел тоже, что следует просить о расчете в. с., так как есть достаточно оснований, хотя не формальных, в таковом желании князя, и нет сомнения, что если бы князь не умер, то сдержал бы свое слово. — Если бы он сам был сегодня наследником, то не потребовал бы иных доказательств, кроме имеющихся. — Затем я послал эту бумагу барону Пасквалати, который будет любезен подать ее в областной суд. Только после того, как делу был дан ход, д-р Адлерсбург получил от д-ра Вольфа письмо, в котором он ему сообщает, что иск предъявлен на 1.500 фл. Так как дело дошло до 1500 фл. и до обербургграфа, то можно довести и до 1.800 фл. — Тут нет речи о милости, потому что покойный князь был одним из тех, которые больше всего убеждали меня отказаться от 600 д. золотом, которые я мог получать в Вестфалии. «Я не должен есть вестфальской ветчины», — говорил он мне тогда и т. п. — Позже я отказался также от другого приглашения, в Неаполь. — Я имею право требовать законного вознаграждения за понесенные убытки. Что у меня было тогда, когда я

получил содержание б. б., — не было даже 400 фл. конвенционными монетами!!! — и это при таком содержании, как эти 60 д. — Доказательств много для человека справедливого. А что выходит теперь с этими в. с.?!! Они далеко не соответствуют моим убыткам. Во всех газетах торжественно прокричали об этом, в то время как я был близок к нищете. — Намерения князя очевидны и, по-моему, семья обязана следовать им, если не хочет унижить себя. — Да и со смертью князя доходы скорее увеличились, чем уменьшились, поэтому нет достаточного основания к сокращению содержания.

Я вчера получил ваше любезное письмо, но слишком утомлен, чтобы изложить все мое расположение к вам. — Поручаю свое дело вашему попечению. Как видно, обербургграф является главным лицом. Не показывайте вида, что знаете относительно переписки его с эрцгерцогом; это может повредить; пусть об этом знают только вы и барон Пасквалати. — Если вы просмотрите бумаги, то убедитесь, что д-р В. не понял дела и что следует действовать иначе. Надеюсь на вашу дружбу и предоставляю дело вашему усмотрению. — Будьте уверены в моей глубокой благодарности и простите, что не могу писать сегодня больше. Как я устал, — уж лучше исполнить самую трудную музыкальную работу.

Я уже сочинил для вас нечто такое, что доставит вам удовольствие, вскоре получите.

Не забывайте меня, несчастного мученика, и по мере возможности действуйте — работайте.

С глубочайшим почтением ваш истинный друг Бетховен.

Вена, 14 января 1815 г

Мой достойный, единственный К.

Длинное письмо, при сем прилагаемое, было написано еще тогда, когда мы полагали остановиться на 1800 фл. Последнее письмо барона Пасквалати опять касается моего дела и д-р Адлерсбург советует вести его согласно вашим указаниям. — Но так как д-р Вольф пишет, что он от вашего имени заявил относительно ежегодных 1500 фл., то прошу вас, по крайней мере, добиться 1500 фл. — Ввиду этого прилагаю это длинное письмо, написанное ранее получения указаний бар. П., дабы вы могли найти в нем еще некоторые основания к получению по крайней мере 1500 фл. — Эрцгерцог также писал опять к обербургграфу; из его прошлого ответа эрцгерцогу можно заключить, что он намерен помочь делу; в таком случае можно будет получить по крайней мере 1500 фл.

Прощайте! Я больше не могу писать букв, запас их истощился. Да ускорите ваше расположение ко мне развязку этого дела. Ведь если дело будет проиграно, то мне придется покинуть Вену. С таким заработком нельзя жить; все стало до крайности дорого и за все надо платить. Мои последние два концерта стоили мне 1508 фл. Если бы не великодушный подарок императрицы, — у меня не осталось бы почти ничего.

Второпях ваш почитатель и друг Бетховен.

Вена, 24 февр. 1815 г.

Глубокоуважаемый К.

Я много раз просил барона Пасквалати благодарить вас за дружеские услуги и шлю вам теперь сам 1000 благодарностей. — Участие эрцгерцога вы находите, вероятно, не очень желательным и вините меня, — заступничество эрцгерцога явилось тогда, когда вы уже все сделали. Судя по письмам обербургграфа к эрцгерцогу и ко мне, исход дела был бы еще благоприятнее, если бы это случилось раньше и если

бы не было у нас этого слабосильного или всеильного или бессильного д-ра В. Поэтому услуги ваши всегда и вечно незабвенны для меня. — Суд вычел 60 д., о которых заявил только я сам, и о чем князь не сделал никаких распоряжений ни по кассе, нигде; где истина была мне в ущерб, там ее признали; почему же ее не признали там, где она могла принести мне пользу. Какая несправедливость! — Барон Пасквалати обратится к вам еще за многими другими справками.

Сегодня я опять устал уже потому, что опять надавал бедному П. массу поручений; подобные вещи утомляют меня больше, чем самая сложная музыкальная работа. Не мне возделывать это чуждое мне поле. — Много слез и печали вызывают во мне эти дела. — Вот вскоре придется еще писать княгине Кинской — и затем конец. Я рад был бы побеседовать с вами по душе, и, наверное, буду делать это очень часто, лишь только избавлюсь от этих забот. Шлю вам еще раз мою горячую благодарность за все, что вы сделали для меня, — не забывайте вашего почитателя и друга Бетховена.

Вена, 8 апр. 1815 г.

Это, действительно, непростительно: я надеялся, что узы дружбы связывают нас, а между тем мы были так близко и не виделись, точно враги!!!! Вы пишете: tout a vous. Я же отвечаю: ах ты хвастун! — Нет, нет, это несносно; я готов благодарить вас 9000 раз за ваши труды, но 20000 раз готов выбрать за то, что вы так приехали, так уехали. Значит, все это безумие, дружба, королевство, империя — все только туман, который рассеивается или видоизменяется от малейшего дуновения ветра! — Может быть, поеду в Теплиц. Смотри по обстоятельствам, я мог бы в Праге исполнить что-нибудь. Как вы думаете, если вообще вы еще что-нибудь думаете обо мне. — Так как наконец дело Лобковича тоже окончено, то и всему Finis, сопровождаемое маленьким фи, тьфу! — Бар. Пасквалати вскоре, вероятно, опять посетит вас; он также много поработал для меня. — Да, да, все много говорят о справедливости, но редко руководствуются ею. — Чем могу служить вам по части искусства? Скажите, воспеть ли вам думы бежавшего короля или клятвопреступление узурпатора, или соседство двух друзей, никогда не встречающихся? — Надеюсь вскоре услышать кое-что от вас, так как вы теперь вдали от меня; так легче, чем вблизи.

Остаюсь ваш вечно преданный и уважающий вас друг

Людвиг ван Бетховен.

Дорогой, достойный, любезный К.!

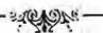
Я только что получил утешительные вести от синдика Байера из Р., которые вы сами сообщили относительно дела с К. Остальным вы будете вполне довольны.

Позволяю себе опять просить вас получить следующее мне от семьи кн. Кинского и прилагаю необходимую для этого квитанцию. Может быть, укажете другой способ получения, не беспокоя вас; я ведь так недогадлив. Еще 15 октября заболел я катаром, от последствий которого страдаю вместе со своим искусством. Надеюсь понемногу все поправится и, по крайней мере, в моем маленьком царстве звуков я буду вновь царем. Ведь во всем остальном я беден — виною ли времена? или нищета духа и где???

Прощайте... — Во всяком случае, постарайтесь, чтобы все смолкло вокруг нас. Но этого не должно быть по отношению к нашей тесной и сердечной дружбе.

Громогласно объявляю себя, как всегда, почитающим вас и любящим другом вашим

Л. в. Бетховен.

—————

 Достойнейший, уважаемый друг!

Вслед за моим вчерашним письмом посылаю сегодня же, 2-го мая, 2-ое. Пасквалати сказал мне сегодня, по прошествии одного месяца и шести дней, что фирма Баллабене слишком крупная для подобных дел, а потому я принужден воспользоваться вашей малостью (я, с своей стороны, также готов быть малым и оказывать услуги другим).

Моя квартирная плата составляет 550 фл. и уплачивается из этого.

Как только выйдут в печати новые фортепианные пьесы, вы получите их, а также «Битву» и т. п. — Простите, простите, мой благородный друг; нужно придумать другой способ для правильной организации этого дела

второпах ваш друг и почитатель Л. в. Бетховен.

—————

 Доверенность.

Исходя из дружественных с ним отношений, доверяю его высокородию господину фон Канка, доктору прав королевства Богемии, получить из торгового дома Баллабене в Праге документ на 600 фл. в. в., получаемых мною из кассы князя Кинского, а по исполнении формальностей и скорейшем получении сейчас же переслать их мне. — Скреплено собственноручной подписью и приложением печати.

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 2 мая 1816 г.

—————

 Достойнейший К.!

Баден, 6 сент. 1816 г.

Посылаю вам, согласно вашему требованию, квитанцию и покорнейше прошу вас постараться, чтобы мне выдали деньги непременно до 1 октября, а главное, без вычетов, как это делалось до сих пор. Прошу вас также ни в каком случае не посылать денег барону П. (при встрече когда-нибудь скажу почему!! а пока это останется между нами); вышлите мне или кому-нибудь другому, только не барону П. — Так как наемная плата за большой дом Кинского уплачивается здесь, то на будущее время было бы лучше, если бы мне здесь выплачивали мою часть.

Так я полагаю. — Известный терцет выйдет скоро в печати, что всегда лучше рукописных нот. Вы получите его уже напечатанным, вместе с другими непокорными детьми. Верьте только искреннему и простите невинному бедняку случайные ошибки смертного. — Я полон забот, потому что искренно люблю сына моего покойного брата и мог бы написать вторую часть «Волшебной флейты», так как имею дело с королевской ночи.

Итак, целую вас и прижимаю к сердцу; надеюсь сделать вскоре нечто такое, за что вы будете благодарны моей музе. Мой дорогой достойный Канка,

Преданный вам и глубоко уважающий вас друг Бетховен.

Дело с Кинским разбиралось в Landrecht'e, т. е. в окружном, или, вернее, в земском областном суде, где совершалось также

делопроизводство по опекунским и сиротским делам дворян. Жалоба композитора была следующего содержания:

В имп.-кор. окружной суд.

Высокочтимый имп.-кор. окружной суд!

Совершенно не знакомый с судебными делами и в предположении, что всякий иск к наследству имеет законную силу, отправил я моему адвокату в Праге контракт, заключенный мною с его имп. высочеством эрцгерцогом Рудольфом, с его светлостью князем Лобковичем и его светлостью князем Кинским, в силу какового контракта эти высокопоставленные участники договора обещали мне ежегодный оклад в 4.000 гульденов. Постоянные мои понукания и даже, должно сознаться, упреки в нерадении, сделанные ему, так как меры, принятые им против опеки, остались бесплодными, вероятно, побудили его подать жалобу.

Насколько глубоко противоречит моим чувствам такой шаг, как выступление истцом против моего благодетеля, может судить только тот, кому известно мое уважение к блаженной памяти князя Кинского.

Ввиду этого и в убеждении, что опека сумеет благосклонно оценить искусство и строго соблюсти договор покойного князя Кинского, обращаюсь я к простейшему средству.

Согласно пункту А контракта, приложенного при сем, обязались его имп.-к. в. эрцгерцог Рудольф, равно как светл. князя Лобкович и Кинский, выдавать мне по 4.000 гульденов до тех пор, пока я не буду получать жалованье, равное этой сумме. На случай, если бы какое-нибудь несчастье или старость помешали мне заниматься моим искусством, обещали высокие участники договора уплачивать мне эту сумму далее пожизненно; я же, со своей стороны, обязался оставаться в Вене.

Благородно было обещание, благородно было также исполнение его, ибо я никогда не испытывал затруднений и спокойно пользовался этим доходом, пока не появился высочайший указ касательно государственных финансов. Для е. и. в. эрцгерцога Рудольфа это изменение курса было безразлично, ибо я получал причитающуюся от него долю выкупными свидетельствами, как до того банковыми билетами, без всяких вычетов по курсу, вследствие чего и его светл. покойный князь Кинский обещал уплачивать свою часть, 1.800 гульденов, также выкупными свидетельствами без всяких затруднений. Но так как он упустил сделать соответственное распоряжение по кассе, то мне встретились препятствия. Несмотря на то, что дела мои не блестящи, я все же не осмелился бы обратиться к княжеской опеке с этим требованием, если бы люди честные не слышали обещания из уст покойного князя — уплачивать мне свою часть венской валютой как за истекший срок, так и в будущем, что также подтверждается приложениями под лит. В, С и Д. При этом предоставляю княжеской опеке судить: не было бы разве оскорбительно, если бы я не поверил княжескому обещанию. И потому пустая отговорка г. опекуна, что свидетели слышали княжеское обещание одновременно, для меня в высшей степени обидна.

Чтобы избавиться от крайне неприятного для меня положения в этом процессе, позволяю себе сделать княжеской опеке предложение и обещать, что я готов довольствоваться за прошедшее время и в будущем суммой в 1.800 гульденов венской валютой, и льщу себя надеждой, что опека милостиво обратит внимание на немалую жертву мою, состоящую в том, что из уважения к светлейшему князю я избрал Вену постоянным местопребыванием и притом в такое время, когда из-за границы мне были сделаны самые выгодные предложения.

Посему - прошу высококочтимый имп.-кор. окружной суд настоящее прошение препроводить в опеку над имуществом князя Кинского и об отзыве последней не оставить меня без уведомления.

Л. в Бетховен.

Вена.

Жалоба эта оказала влияние на ход дела, но все же композитор еще не был удовлетворен и недоимка в 1.088 фл. не была уплачена ему.

Приговором суда от 18 января 1815 года опека над имуществом князя Кинского была обязана выплачивать Бетховену, начиная с 3 ноября 1812 года, вместо обещанных по контракту 1.800 гульденов сумму в 1.200 гульденов венской валютой, а это составляло около 500 гульденов конвенционной монетой, т. е. в два с половиной раза менее номинальной ценности и в три с половиной раза менее первоначальной суммы. Конвенционная монета чеканилась по правилам соглашения 21 сентября 1753 года между немецкими странами; серебряная монета в 20 гульденов была одним из установленных типов, наименее страдавших от падения курса, тогда как венская валюта ассигнаций значительно понизилась при наполеоновских войнах.

Приговор суда, видимо мотивированный расстройством дел кн. Кинского, удовлетворил композитора; одной бедой меньше, дышится свободнее, меньше забот, работать легче. В дневнике появляется еще одна цитата из Илиады:

«Свершилось!.. Но не без дела погибну, в прах я паду не без славы! Нечто великое свершу, что и потомки узнают!»

Успех «Сражения при Виттории», поставленного зимою 1813 — 1814 года, побудил дирекцию королевских театров возобновить забытую оперу «Фиделио» и привлечь публику именем автора, вновь вошедшего в моду. Бетховен радостно принял предложение это, но при условии основательной переработки партитуры; с согласия автора либретто, Зонлейтнера, композитор еще весной 1814 года приступил к работе совместно с Трейчке, состоявшим режиссером и «поэтом», т. е. либреттистом при королевских театрах.

Тою же весной, по получении 9 апреля 1814 г. известия о вступлении союзных войск в Париж, Бетховен пишет с Трейчке новое произведение к чествованию этого события, или, вернее, финальный номер его, так как все прочие номера кантаты Трейчке «Добрая весть» были прилажены к музыке иных композиторов (Моцарта и др.), и лишь заключительная басовая ария с хором («Возрождение Германии», сер. 20, № 6) была написана Бетховеном наскоро, для дневного торжественного концерта в Кернтнертор-театре 11 апреля.

Посылая этот бесцветный финал эрцгерцогу, автор писал:

Ваше императорское высочество!

Так как я только теперь получил партитуру заключительного хора, то прошу прощения за позднюю присылку ее вам. Был бы очень рад, если бы ваше императорское высочество велели переписать ее, потому что в таком формате ею нельзя пользоваться. Я хотел доставить ее сам, но совершенно болен, так как с воскресенья катаральные боли вновь стали меня мучить. Для меня нет высшего счастья, как сознание в себе

способности быть приятным вашему императорскому высочеству. — Надеюсь вскоре лично служить вам, а пока покорнейше прошу не забывать меня.

Вашего императорского высочества вернейший и покорнейший
Людвиг ван Бетховен.

Затем, спустя несколько дней, в период почти ежедневного исполнения хора, автор вновь пишет покровителю своему:

Ваше императорское высочество!

Прошу вас прислать мне на полдня через подателя сего партитуру заключительного хора, — так как театральная партитура написана очень плохо.

Вашего императорского высочества вернейший и покорнейший
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Хор «Германия» — достояние каждого, кто принимает в нем участие — и прежде всего ваше, а также мое. Счастливого пути в Палермо!

Вашего императорского высочества верноподданнейший
Бетховен.

Желая воспользоваться успехом этого незначительного произведения в материальном отношении, композитор обратился к Трейчке с нижеприведенной запиской, содержание которой осталось неосуществленным.

Уважаемый Т.!

Меня бесконечно радует, что вы довольны хором. — Вам следовало бы за все выхлопотать гонорар себе, а также мне. Если же вы этого не хотите, я охотно продал бы все полностью с благотворительной целью...

В тот же день, 11 апреля, вечером, состоялся благотворительный концерт в зале гостиницы «Римский император», где впервые исполнялось излюбленное камерными музыкантами произведение, пролежавшее три года в бумагах автора: фортепианное трио ор. 97, начатое 3 марта и оконченное 26 марта 1811 г.; автор, давно не игравший перед публикой, взялся сам вести партию рояля и, сознавая препятствия, заключающиеся в глухоте и в недостатке техники, предчувствуя, что это последний выход Бетховена-пианиста на эстраду, много волновался, часто повторял свою партию, возился над отделкой деталей. Увы, все это было напрасно. Шпор, присутствовавший на репетиции и впервые слышавший игру Бетховена, рассказывает: «Признаюсь, невелико было наслаждение... Он играл все время не в лад и, благодаря глухоте, несколько этим не смущался. Не было даже следа той поразительной виртуозности, которая некогда удивляла и восхищала всех. При форте он так колотил клавиши, что струны рвались одна за другою, а в пьяно он так легко касался их, что целые пассажи оставались лишь у него в пальцах. Не имея возможности следить за партитурой, невозможно уловить связь идей. Мною овладело сожаление, и я всю душою скорбел о несчастном. Если глухота ужасна для всякого, то какова она для музыканта! Действительно, есть от чего в отчаяние прийти!..

С того времени мрачное настроение Бетховена представлялось мне всегда вполне естественным».

О том же концерте Мошелес рассказывает: «игра автора, оставив в стороне вдохновение гения, меня мало удовлетворила: игра его была нечистая, неопределенная. Тем не менее я заметил следы того высокого стиля, который давно уже замечал в его произведениях».

Спустя одиннадцать лет, 6 ноября 1825 года, Линке устроил в зале венского музыкального общества концерт, в котором исполнены были квартет ор. 132 и упомянутое фортепианное трио ор. 97 с участием пианиста Боклета; на репетиции присутствовал автор и, прослушав первую часть трио, сам сел к роялю и повторил ее, говорят, с таким совершенством, которого впоследствии достиг лишь Фр. Лист, гениально передававший наиболее трудную часть этого трио.

Приготовления к двум концертам 11 апреля отвлекли композитора от партитуры «Фиделио», а скучная, кропотливая работа над переделками вскоре парализовала рвение его, вызвав резкие упреки либреттиста и театральной дирекции.

Работа эта вызвала переписку с либреттистом, в которой встречаем, между прочим, восхищение Бетховена одною из 24 опер Гировеца (1763 — 1850), не переживших даже автора; в другом месте он намекает на еврейский обычай обрезания («бумага — не жид»), в третьем — на модную феерию Хуммеля «Eselshaut» («Ослиная шкура») и на песню «Прощание воина» (сер 23, № 26); тут же встречаем имена известных в свое время певцов-басов: Вейнмюллера и профессора Элерса.

Любезный и уважаемый Тр.!

А я еще и не думал о вашей арии, но сейчас примусь за нее; может быть, зайду к вам для этого после обеда, чтобы познакомить вас с моим взглядом относительно этого.

Не могу наверное сказать, успеете ли в понедельник репетировать, но наверное днем позже. Вы не имеете представления о том, с какими хлопотами сопряжен такой концерт? лишь нужда заставляет меня взяться за это рискованное дело.

Второпях ваш друг Бетховен.

Эй, вы! Почтеннейший Тр.! — лишь после встречи с вами вспомнил я день окончания песни. — Вы сегодня получите упомянутое вчера письмо — о чем я раньше хотел спросить вас, если оно будет вам впрок, то буду сердечно рад. Про Пальфи ничего не слышно, я отношусь к нему так же, как решил давным-давно.

Ваш друг Бетховен.

Уважаемый Тр.!

По вашему совету я был у архитектора, и все устроилось для меня прекрасно; лучше иметь дело с артистами, чем с так называемыми сильными (слабоумными). Вашу песнь можете получить каждую минуту, когда вам угодно — благодарность моя за оперу всюду будет предшествовать вам. При случае передайте «Эгмонта» в Виденер-театр. Прибытие испанцев лишь слегка очерчено в пьесе, не может обратить на себя особого внимания, а потому уместно для толпы при открытии

большой дыры Виденер-театра еще кое-что для зрелища; и музыка при этом имела бы некоторое значение, и я готов даже сочинить еще кое-что новое, если потребуется.

Уважаемый друг! Будьте здоровы! Сегодня я говорил с первым басом австрийской империи, полон восторга от новой оперы Гировеца. У меня ликовала душа при мысли о том, что это сочинение откроет нам новый путь в искусстве.

Весь ваш Бетховен.

Любезный уважаемый Тр.

Проклятая Академия — которую я вынужден был устроить отчасти для поправления дел, задержала меня с оперою. Кантата, которую я хотел там поставить, отняла у меня также 5-6 дней; и все должно было случиться, конечно, одновременно, а я, по обыкновению, готов скорее написать что-нибудь новое, чем приделывать теперь новое к старому. В инструментальной музыке моей целое также носится всегда перед глазами; но здесь мое целое повсюду как-то разбросано и мне приходится вновь вдумываться во все. Поставить оперу в 14 дней, конечно, невозможно; думаю, что на это нужно 4 недели.

Хотя 1 акт будет на днях окончен, но во 2 акте еще много работы: также новая увертюра, что правда самое легкое, так как я напишу совершенно новую. До концерта моего были только кое-какие наброски там и сям, как для 1, так и для 2 акта; лишь несколько дней тому назад мог я взяться за работу.

Партитура оперы написана так ужасно, как я еще никогда не видал, я должен был проверить ноту за нотой (она, вероятно, украдена) — словом! уверяю вас, дорогой Тр., — опера эта создаст мне венец — мученика? если бы вы не взяли на себя столько труда и не обработали все так успешно, за что буду вам вечно благодарен, я ни за что не решился бы взяться! Этим вы спасли несколько порядочных обломков погибшего корабля! Во всяком случае — если вам кажется, что опера вас слишком задержит, то отложите ее сами на некоторое время; я буду продолжать, пока все будет закончено соответственно всем вашим переделкам и исправлениям, с которыми каждую минуту я знакомлюсь все больше; но этого нельзя сделать так быстро, как если бы я писал что-нибудь новое; и в 14 дней это невозможно! Действуйте сообразно вашей практичности и нашей дружбе! в моем усердии недостатка не будет?

Ваш Бетховен.

Дорогой Трейчке!

Дайте переписать для Элрса — он подходящий для меня — который играет любовника в вашей оперетке, партию сопрано в теноровом ключе (в заключительном хоре)

второпах ваш Бетховен.

P. S. Если хотите вставить в вашу оперетку арию (воинственную песню) для союзных войск (Бернарда), переложенную мною на музыку, то она к вашим услугам; как Вейнмюллер поет ее в «Germania», так мог бы спеть в ней Элрса.

Уважаемый Тр.! Меня бесконечно радует, что вы довольны хором — я думал, что вы хотите воспользоваться всеми пьесами и моею также для собственной выгоды; если же этого не хотите, то думаю сполна продать в пользу бедных — ваши переписчики были по этому делу у

меня, Враницкий тоже, я ответил: что вы, уважаемый Тр. полный хозяин всего — и потому жду вашего окончательного мнения об этом.

Ваш копиист — осел! но ему не достает известной и прелестной ослиной шкуры, поэтому мой копиист взялся за переписку, до вторника уже почти все будет окончено и мой переписчик принесет все к репетиции; вообще вся эта постановка оперы оказалась невероятно трудною, и я почти всем недоволен, и почти нет номера, где бы я мог свое нынешнее недовольство заштопать каким-нибудь довольством. Огромная разница предаваться свободному размышлению или вдохновению.

Весь ваш Бетховен.

Уважаемый, любезный Т.! присылаю арию, с большим удовольствием прочел я ваши исправления в тексте оперы. Чувствую побуждение восстановить древний замок из опустевших развалин.

Ваш друг Бетховен.

Возня с оперою ужаснейшая, к тому же хотелось бы ее переделать заново почти всю. Большая разница между работою по вдохновению или без принуждения.

Прошу вас, любезный Т., прислать мне партитуру арии, дабы отметить в партиях всех инструментов добавленную ноту. Впрочем, я нисколько не обижусь, если вам угодно будет поручить это Гировецу или кому-нибудь иному, или — еще лучше — Вейнмюллеру; я не имею никаких претензий, но так же не допущу, чтобы кто-нибудь другой, кто бы то ни был, взялся переделывать мои композиции.

С глубоким почтением ваш преданнейший Бетховен.

Милый и лживый поэт, присылаю счет за арию. Я сам платил по 15 кр. с листа, но так как театр — немощный дурень, то я доволен и 13 кр.

Прощайте. Поэт и мыслитель, второпях Бетховен.

P. S.

Прощения!

Бумага — не жид!

Все портняжные инструменты в деревне!

Милый, превосходный! Наипоэтический поэт!

Не позже четверга буду у вас и тогда устно доложу обо всем. Я нездоров —

Второпях, ваш Бетховен.

Простите, дорогой Трейчке, что не буду у вас. Я нездоров и не могу выйти. Можете поговорить обо всем, что касается квартиры, с моим слугою и экономкой.

Совершенно преданный вам слуга Бетховен.

Предварительное совещание о предстоящих изменениях в партитуре происходило у Вейнмюллера, исполнявшего партию

тюремщика Рокко; по этому случаю Бетховен разослал приглашения некоторым своим друзьям и, в том числе, графу Морицу Лихновскому.

Если вы, уважаемый граф, желаете присутствовать при нашем соещании, то сим доношу вам, что оно состоится сегодня, в половине 4-го, после обеда, в доме Шпильманна, на Грабене, под № 1188, в 4-м этаже, у г. Вейнмюллера. Буду очень рад, если время позволит вам присутствовать.

Весь ваш Бетховен.

Более всего подвергся переделке первый акт. Во втором действии камнем преткновения была ария Флорестана; по прежней партитуре измученный, исстрадавшийся узник кончает арию бравурными фразами, совершенно неуместными и неестественными; тем не менее, чтобы избежать монотонности, Трейчке допускал оживленное заключение, но в целях реализма переделал текст; по новой версии узнику являлось видение, перед ним проносился образ нежно любимой Леоноры, вызывающий возбуждение сил в страдальце. Бетховен, в восторге от этой идеи, готов был немедленно взяться за перо. «Он взволнованно шагал по комнате, — рассказывает Трейчке, — бормоча и напевая что-то, потом бросился к фортепиано и стал наигрывать; настроение его было до того возбуждено, точно он заклинал свою музу помочь ему, точно он стремился поймать в океане мелодий нужную ему тему. Часы проходили, жена подала нам ужин, но он ничего не замечал. Затем, схватив шляпу, убежал домой, а на следующий день принес готовую рукопись арии».

К сожалению, ария эта все же не была исполнена и не попала в партитуру в том виде, как ее тогда написал композитор; в конце ее, как бы опьяненный видением, Флорестан лишается сил, а музыка пьянissimo и замирая иллюстрирует это состояние героя. Однако, тенор Радики (итальянец), которому предстояло играть Флорестана, ознакомившись с партией, объявил, что такое заключение не эффектно, и потребовал вновь переделки, на что композитор покорно согласился: опять появилось бравурное *allegro*, а от задуманного ранее эпизода осталось крошечное *morendo* в оркестре. Кроме множества переделок в тексте вокальных номеров, Трейчке переработал все диалоги и придавал им более литературный стиль. Композитор же, горячо принявшийся за работу, вскоре охладел к ней и нехотя, долго продолжал ее, чем приводил в негодование директоров театра, мечтавших о значительных сборах. То разные концерты, то ссора с Мельцелем, то процесс с Кинским, то занятие с эрцгерцогом, то болезнь отвлекали Бетховена от партитуры «Фиделио».

Постановка была назначена на 23 мая, накануне предстояла генеральная репетиция, а за три дня еще не была написана новая увертюра, которую композитор обещал дирекции. В этот день Бетховен сытно пообедал вместе с одним из своих приятелей, доктором Бартолини, в ресторане гостиницы «Римский император», тут же набросал, на обороте списка кушаний, эскиз увертюры и унес с собою, полагая окончить ее в 1-2 дня, но наступает день спектакля, оркестр утром собирается сыграть ее, однако не находит ни партий, ни даже автора их. Трейчке отправляется к нему и видит такую картину: Бетховен все еще

спит, оркестровые партии разложены по столам, по полу, на рояле; тут же на столе недопитый стакан вина, недоеденный сахар, следы догоревшей свечи. Исполнить увертюру по этим неразборчивым рукописям было невозможно, а для переписки их времени было недостаточно; пришлось взять увертюру 1806 года (№ 3), что нисколько не помешало успеху спектакля.

«Опера была разучена прекрасно, — рассказывает Трейчке, — Бетховен дирижировал; увлекаясь, он часто сбивался с такта, но за спиной его стоял капельмейстер Умлауф, который глазами и рукой незаметно помогал глухому автору. Успех оперы был громадный».

«Едва опустился занавес после первого акта, как раздался гром аплодисментов, — писал один рецензент, — и автора стали вызывать с энтузиазмом...»

«Все номера оперы, — писал другой рецензент, — имели огромный успех».

С тех пор «Фиделио» ставится довольно часто на немецких сценах, что, впрочем, можно объяснить скорее патриотическими, чем эстетическими тенденциями, потому что опера не импонирует ни сюжетом, лишенным движения и порою детски наивным, ни удачной музыкальной характеристикой героев, ни красотой вокальных мелодий, как таковых, ни реализмом декламации. Но у немцев все сочинения их гениального соотечественника имеют успех... *Succes d'estime*. Знаменитый новатор и реформатор в области инструментальной музыки своею оперою лишь возвестил начало эволюции, которую должна пережить музыкальная драма, но далеко не разрешил тех проблем в этой области, которые сложились определенно лишь около середины XIX века и, на развалинах некогда божественного итальянского искусства, выступили перед современными нам композиторами.

Издательская фирма Артариа предложила Бетховену свои услуги напечатать клавираусцуг, составление коего было возложено, с одобрения автора, на двадцатилетнего Мошелеса; так как Бетховен сам просматривал работу последнего, то талантливый юноша, восторженный поклонник автора партитуры, часто навещал его, о чем с благоговением вспоминает в своих мемуарах. Окончив последнюю страницу, он принес финал оперы к Бетховену, но, не застав его дома, оставил на столе, приписав в конце: «Окончил с Божьею помощью». На следующий день, просматривая исправления автора, Мошелес нашел новую приписку: «Смертный, надейся на свои собственные силы».

Частые постановки «Фиделио» в 1814 году, конечно, были лестны автору, но в материальном отношении не давали ему почти ничего, и лишь после настойчивых просьб автора дирекция согласилась устроить бенефисный спектакль, о чем он сообщил своему «высокому ученику», приглашая его присутствовать на представлении.

Ваше императорское высочество!

Каждый раз, как справляюсь о вашем здоровье, узнаю самые радостные сведения. — Что же касается моего ничтожного существа, то до сих пор я не имел возможности покинуть Вену, не мог быть у вас и все еще лишен столь нужного мне наслаждения красотою природы. — Т. дирекция настолько добросовестна, что поставила мою оперу «Фиделио», пренебрегая моим гонораром и вопреки данному слову. Это

благородство она готова была проявить любезно во второй раз, если бы я не был на страже, как некий часовой во французской таможне. — Наконец, после многих затруднений, удалось мне заручиться гонораром с постановки оперы «Фиделио» 18 июля. — В это время сбор легко обращается в недобор, но если произведение имеет хоть какой-нибудь успех, то и он может доставить композитору некоторую радость. Учитель покорнейше приглашает своего высокого ученика разделить эту радость и надеется, что ваше импер. выс. милостиво примет приглашение и украсит все своим присутствием. — Был бы очень рад, если бы в. и. в. уговорили других высочайших особ также присутствовать на представлении моей оперы. Я сам приму все меры к достойному приему. По болезни Фогеля роль Пизарро передана Форти. Это вполне соответствует моему желанию, так как голос его более подходит. К тому же еще релетиции идут каждый день, и хотя они полезны для постановки, но с другой стороны лишают меня возможности быть в Бадене к услугам в. и. в. ранее получения гонорара.

Примите милостиво мое послание и вспоминайте в. и. в. обо мне милостиво и благосклонно.

Вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Вена, 14 июля 1814 г.

Незадолго до бенефиса Бетховен пишет тенору Форти и своему либреттисту:

Певцу Форти-Пизарро.

Любезный Pizarro!

Вспоминайте иногда с вашей милой женой, проходя клавираусцуг, вашего

искреннего друга Бетховена.

Любезный почтенный Трейчке!

Предлагаемое вами относительно 4-й части сбора с оперы понятно само собою! и только на минуту я принужден все же быть вашим должником, но я не забуду этого, — относительно моего бенефиса желательно, чтобы его назначили через неделю от вчерашнего дня, т. е. в будущий четверг.

Сегодня я был у г-на Пальфи, но не застал его. В общем не давайте опере слишком много отдыха. Это наверно повредит. Вскоре навещу вас, так как имею еще многое, о чем с вами переговорить. — Недостаток бумаги вынуждает кончить.

Вполне ваш Бетховен.

В том же году опере «Фиделио» предстояло появиться в Берлине, что вызвало два послания композитора: в дирекцию берлинского театра и композитору Мюллеру.

Королевскому национальному театру в Берлине.

Вена, 23 июня 1814.

Нижеподписавшиеся имеют честь представить при сем королевскому национальному театру текст и партитуру своей оперы «Фиделио» в единственной и точной копии за гонорар в 20 д. золотом для пользова-

ния этой сценой, но с ограничением и исключая каких-либо иных видов исполнения.

Упомянутая опера появилась несколько недель назад на сцене здешнего и.-к. придворного оперного театра и имела счастье найти более чем обыкновенный успех, давая каждый раз полные сборы. Просят не смешивать текст и музыку с таковыми оперы того же названия, поставленной несколько лет тому назад на сцене и.-к. частного театра An der Wien, с партитуры которой было сделано несколько копий. Вся опера переделана целиком, и более половины ее обработано заново соответственно лучшим театральным эффектам.

Для утверждения прав собственности ее приняты все меры, и покорнейше просят кор.-национальный театр ни в каком случае не доверять другим предложениям, но немедленно уведомить о таковом нижеподписавшихся.

Кор.-нац. театр имеет адресовать ответ свой нижеподписавшемуся Ф. Трейчке.

Людвиг ван Бетховен.

Фр. Трейчке, и.-к. придворного театра поэт.

Капельмейстеру Ц. Ф. Мюллеру в Берлине.

Милостивый государь!

Я чрезвычайно рад оказать вам услугу, как каждому истинному артисту, по мере сил постараюсь оправдать ваше доверие, если только не ошибаетесь в том, что могу быть вам полезным

с искренней готовностью милостивый государь

покорнейший Бетховен.

Вена, 8-го августа.

В конце того же года оперу Бетховена, в новой переработке, начали ставить в Праге, и кн. Лобкович, все чаще подвергавшийся вылазкам автора за неисправный платеж пенсионера, писал 21 декабря 1814 г. эрцгерцогу:

«Хотя я не имею основания быть довольным поведением Бетховена по отношению ко мне, но, как страстного любителя музыки, меня все же радует, что, наконец, начинают ценить его великие произведения. Я слышал здесь, в Праге, «Фиделио»; не говоря о тексте, я был очень доволен музыкальным исполнением, исключая обоих финалов, которые мне не совсем нравятся. Я считаю оперу в высшей степени эффектной и достойной человека, написавшего ее».

Из писем автора к Штейнеру, а также из объявления в «Wiener-Z.» от 1 июля 1814 г. видно, что истощившийся кошельк композитора принудил его отдать партитуру оперы Матвею Артария почти даром, за 12 дукатов (около 40 рублей); клавираусдуг и иные аранжировки ее были сделаны Хальмом, Черни, Мошелесом и др.

Уважаемый друг! Наконец-то послезавтра буду иметь возможность привести в исполнение свое желание выехать на несколько дней, вследствие чего прошу вас передать г-ну Матвею А., что я его отнюдь не принуждаю взять мой клавираусдуг, а потому посылаю вам к. Хальма, чтобы вы, как только получите обратно мой кл.-аусц., тотчас передали бы М. А. Хальмовский — если же г-н А. захочет оставить себе мой клавираусдуг за гонорар в 12 д. золотом, то я требую только, чтобы он

это изложил письменно, или чтобы он выдал вам гонорар — для чего присылаю вам при сем расписку; — клавираусцуг никоим образом не может быть мне навязан обязательством.

как всегда ваш Бетховен.

Вы знаете мое положение!

P. S. так я нахожу самым лучшим, не хочу предоставить усмотрению человека, который уже раз оказался вероломным по отношению ко мне, — это ultimatium безусловно, без всякого изменения; или одно, или другое. — К обеду прошу вас прийти ко мне, во всяком случае никаких проволочек в этом деле, кроме денег, он может выплачивать гонорар в течение 6 недель и еще дольше.

Музыкальное объявление.

Нижеподписавшийся, согласно желанию господ Артариа и К^о, сим заявляет, что он партитуру своей оперы «Фиделио» предоставляет названной музыкально-издательской фирме с тем, чтобы она издала такую под его наблюдением в виде совершенно законченного клавираусцуга, квартетов или в аранжировке для гармониама. Настоящая обработка совершенно отличается от прежней, так как почти все части оперы подверглись переделке и более половины всей оперы скомпоновано совершенно заново. Партитуры вполне безошибочно переписанные, а также рукописный текст можно получить у меня или у либреттиста, господина Ф. Трейчке, имп.-кор. придворного театрального поэта. Иные копии, явившиеся недозволенным путем, будут преследоваться законом.

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 28-го июня 1814.

Возвратившись после бенефиса своего в Баден, утомленный композитор вздохнул полною грудью на лоне природы. «Мой злосчастный слух, — пишет он в дневнике, — здесь не мучит меня... Кажется, будто бы каждое дерево в лесу шепчет мне «свят, свят». В лесу восхитительно. Кто в силах передать сладостный покой чащи... Дай мыслям моим полет к возвышенному, направь их к истинам вечным!..» Здесь он опять увлекается персидской поэзией Саади в переводе Гердера, делает обширные выписки из этих песен, читает «Шейлока» и продолжает занятия с эрцгерцогом, прерываемые композициею и приведением в порядок некоторых рукописей, проданных иностранным издателям, например, модного «Сражения при Виттории», о чем сообщает эрцгерцогу.

Ваше императорское высочество!

Мне очень досадно, что сегодня не могу служить вам. Занят музыкой на «Победу Веллингтона» для Лондона, а ведь они всегда точно определяют срок и если его пропустить, то можно все потерять. — Надеюсь быть завтра к вашим услугам.

Вашего императорского высочества вернейший и покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Летом 1814 года написаны в Бадене:

Увертюра C-dur к именинам императора Франца (op. 115).

Хор воинов, романс с акк. арфы и мелодрама для фисгармонии; все это для патриотической оперы Фр. Дункера «Элеонора Прокаска» (сер. 25, № 272); для той же оперы автор оркестровал похоронный марш из сонаты ор. 26.

Тогда же написана и 18 августа окончена известная соната ор. 90, посвященная графу М. Лихновскому, которому автор писал, по рассеянности пометив год ошибочно:

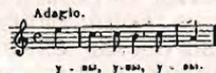
Баден, 21 сентября 1841 года.

Достойный, почтенный граф и друг!

К сожалению, я только вчера получил ваше письмо. Шлю искреннюю благодарность за вашу память обо мне, а также лучшие пожелания достопочтеннейшей княгине Христине. Вчера сделал я, вместе с одним приятелем, прекрасную прогулку в Брюль и в дружеской беседе упоминал вас. И вдруг, вчера же, по возвращении, застаю ваше любезное послание. Меня смущает ваша всегдашняя предусмотрительность и заявляю вам, что вскоре появится соната моя, посвященная вам, но не ищите в моих поступках чего-либо преднамеренного или вообще чего-нибудь подобного. Мне хотелось сделать вам сюрприз, так как дедикация эта уже давно была предназначена вам, но вчерашнее ваше письмо заставляет меня открыть вам это теперь. Не надо искать нового повода для того, чтобы открыто выразить вам свои чувства за ваше дружеское и милостивое отношение ко мне. Самый ничтожный подарок от вас огорчит меня, так как, в таком случае, вы покажете, что совершенно не понимаете моего намерения и, вместе с тем, я буду вынужден его отклонить.

Целую княгине ручки за ее память и благоволение ко мне. Никогда не забывал я того, чем обязан вам, хотя несчастный случай породил обстоятельства, при которых я не в состоянии был выразить этого так, как желал.

Из сообщения вашего насчет лорда Кестлрейта я вижу, что дело устроилось прекрасно. Мне кажется, если позволите высказать свое мнение, — что лучше было бы, если бы лорд Кестлрейт ничего не писал о пьесе на Веллингтона, пока сам здесь не услышит ее. Я скоро приеду в город, где переговорим относительно большого концерта. С двором ничего не поделаешь; я предлагал свои услуги, но

Однако *silentium!!!*

Прощайте, почтенный друг, и считайте меня всегда достойным вашего благоволения.

Ваш Бетховен.

Тысячу раз целую ручки почтенной княгине Хр.

Проиграв несколько раз со свойственною ему виртуозностью новую сонату, граф Лихновский обратился к автору с просьбой объяснить ему программу, скрывавшуюся за этими тысячами нот и черточек...

— Я убежден в том, — сказал граф, — что определенная идея подсказала тебе эту оригинальную сонату, состоящую лишь из двух частей *allegro*.

— Да, — ответил композитор, — в ней рассказывается история твоей любви: твое увлечение, после смерти жены, оперную певицу, колебание относительно брака с этой особой, призрак упреков аристократии в мезальянсе, победа любви и прелести

супружеской жизни. Я мог бы назвать 1 часть «Борьба чувства с разумом», а 2 часть — «Беседа с возлюбленной», но едва ли ты одобришь появление таких заголовков в печатном экземпляре.

Анекдот этот, рассказанный Шиндлером, может иметь некоторое значение для ревнителей программной музыки...

Тем временем на политическом горизонте произошли значительные пертурбации: «радостные дни» наступили в средней Европе после поражения Наполеона.

Союзники, вступив в ночь на 31 марта 1814 года в Париж, избрали Вену местом для обсуждения дальнейшей участи Франции; к 1 ноября того же года сюда собрались представители всех европейских государств, и к тому же времени съехались сюда император Александр I с женою, короли прусский, баварский и виртембергский, чтобы вблизи следить за речами и действиями своих министров и посланников на конгрессе; здесь находились Меттерних, Талебран, Гумбольдт и сам Веллингтон. Пребывание коронованных особ вызвало в Вене, конечно, чрезмерные расходы австрийского правительства, вообще славившегося своею роскошью, истощение уже обедневшей казны, еще большую дороговизну предметов первой необходимости, разорение населения, распущенность, деморализацию и разврат. Роскошь и неразлучное с нею искусство торжествовали. Спектакли и концерты, турниры и карусели рыцарские чередовались, меняя лишь арену и действующих лиц, но не зрителей: королей с их блестящею свитою, местную и иноземную аристократию; в период конгресса население Вены увеличилось на 100 тысяч человек!.. Эти праздники муз, естественно, привлекли сюда также служителей муз: артистов, виртуозов, композиторов, в числе которых был приехавший из Праги талантливый чешский композитор Томашек. Из всего виденного им в Вене, судя по точным и подробным описаниям в дневнике его, наибольшее впечатление произвело на него двукратное посещение Бетховена, беседу с которым он записал стенографически.

«Утром 10 октября, — рассказывает он, — я с братом своим посетил Бетховена; в этот день глухота его усилилась и приходилось кричать изо всей силы. Он принял нас радушно в очень бедно обставленной комнате, где царил такой же ужасный беспорядок, как и в шевелюре его. На пюпитре хромого фортепиано находился текст кантаты «Миг славы», на клавишах лежал карандаш, тут же рядом лист нотной бумаги. Видимо, он набрасывал эскизы, причем записанное представляло пеструю смесь бессвязных идей. Это был материал для новой композиции, над которою он теперь работал... Речь его была отрывистая, говорил он, как обыкновенно глухие, громко и, чтобы расслышать собеседника, прикладывал руку к уху. Содержание нашего разговора было следующее:

Томашек. — Простите, что беспокою вас, господин ван Бетховен. Я — Томашек, из Праги, композитор при графе фон-Букой; беру на себя смелость явиться к вам с братом своим.

Бетховен. — Очень рад познакомиться с вами! Вы нисколько мне не мешаете.

Т. — Поклон вам от доктора Р.

Б. — Что он подделывает? Давно уже я ничего не слышал о нем.

Т. — Он спрашивал: в каком положении ваш процесс?

Б. — Множество обстоятельств задерживают дело!

Т. — Говорят, что вы пишете реквием?

Б. — Я хотел писать реквием по окончании этой истории. За-
чем писать раньше того, что необходимо.

Т. — Кажется, вы работаете усиленно?

Б. — Что же делать? Как быть иначе?

Т. — Часто ли посещает вас ученик мой Воржишек?

Б. — Он был у меня несколько раз, но я не слышал его игры.
В последний раз он принес мне одно из своих сочинений, пре-
красное для его возраста.

Т. — Вы, вероятно, редко выходите?

Б. — Почти никуда!

Т. — Сегодня в театре An der Wien идет «Моисей», новая
опера Зейфрида. Не имею ни малейшего желания слушать ее.

Б. — Ах, Господи! Нужны ведь и подобные композиторы! Что
делала бы без них большая публика!

Т. — Мне очень хвалили Мейербера, молодого иностранца,
замечательного виртуоза на фортепиано.

Б. — Да, мне тоже рассказывали о нем чудеса; но я его не
слышал. Пусть поживет в Вене три месяца и посмотрим, что
станет тогда с его славою; здесь нравится и вызывает восторг
все, что только ново.

Т. — Знакомы ли вы с ним лично?

Б. — Я его видел при исполнении моего «Сражения». Боль-
шинство музыкантов, проживающих в Вене, пожелали принять
участие в моем оркестре; этот молодой человек взял партию ту-
рецкого барабана. Ха, ха, ха... Я не вполне был доволен им. Он
все отставал, и мне пришлось его сильно пожурить, ха, ха, ха...
Мои замечания, конечно, были обидны ему, но из него ничего
не выйдет; у него не хватает смелости даже поднять руку свое-
ременно».

Накануне своего выезда из Вены, 24 ноября, Томашек вновь
посетил Бетховена и так передает свой прощальный визит:

«Беспорядок в комнате был более, чем в первый раз, два пе-
реписчика спешили окончить копии кантаты; в следующей ком-
нате были разбросаны копии, видимо, исправленные автором и
присутствовавшим тут же Умлауфом, который вскоре ушел, оставив
меня с Бетховеном, почти совершенно оглохшим.

Т. — Пришел проститься с вами.

Б. — А я думал, что вы уже уехали. Неужели с того времени,
как вы в первый раз были у меня, вы непрерывно жили в Вене?

Т. — За исключением кратковременных поездок в Асперн и
Ваграм. Как вы себя чувствуете?

Б. — Как всегда и с теми же заботами! Здесь невозможно
жить!

Т. — Я вижу, что вы очень заняты приготовлением к концер-
ту вашему и не хочу мешать вам.

Б. — Вы нисколько не мешаете; я очень рад видеть вас. Этот
концерт принес мне много хлопот; никак не могу окончить ис-
правления переписанных партий.

Т. — Я читал в газетах, что вы отложили свой концерт.

Б. — Да, все копии оказались полны ошибок! Пришлось бы устроить генеральную репетицию в день концерта. Я предпочел отложить.

Т. — Подобные препятствия невыносимы!

Б. — Да, вы правы. Приходится испытывать всякие безобразия. А сколько денег приходится платить вперед. Отношение к артистам возмутительно. Я принужден выделить треть сбора дирекции театра и одну пятую на благотворительность. Черт бы их побрал! При подобных несообразностях можно ли считать музыку искусством, свободно культивируемым? Поверьте, в наши дни артисту ровно нечего делать... Долго ли еще останетесь в Вене?

Т. — Думаю в понедельник выехать.

Б. — Так я все же дам вам билет на мой концерт.

Т. — Были ли вы на представлении первой оперы Мейербера «Абамелек, или Два халифа»?

Б. — Нет, — и, кажется, ничего не потерял. Я вспомнил вас... Вы были правы, не разделяя восторгов относительно дарований этого молодого человека. После спектакля, в тот же вечер я беседовал в трактире с исполнителями оперы. «Ну, как вы позволили себе такую глупость, — сказал я им. — Фи! Не стыдно ли вам было так рекламировать это скверное произведение!.. Не стыдно ли опытным артистам брать на себя исполнение этой чепухи! Я поговорил бы с вами об этом, но ведь вы все равно не поймете...»

Т. — Я видел оперу. Она начинается за здравие, а кончается за упокой.

Б. — Ха, ха, ха... Он такой же пианист, как композитор. Меня часто спрашивают: слышал ли игру его, но я принужден отвечать отрицательно. По отзывам лиц понимающих, которым я доверяю, надо полагать, что он обладает техникой и больше ничего... Это музыкант поверхностный.

Т. — Мне говорили, что перед отъездом в Париж он играл у Х. и не имел обычного успеха.

Б. — А что я вам предсказывал... Я знаю эти увлечения. Пробыл бы он здесь несколько месяцев, и тогда мы послушали бы отзывы о нем. Известно, что величайшие композиторы были также величайшими пианистами; а как они играли: не так, как современные нам пианисты, заучившие несколько пассажей и прыгающие пальцами по клавишам из конца в конец: пуф, пуф, пуф. Когда настоящий виртуоз импровизирует, то выходит что-нибудь определенное, оформленное. Если бы можно было исполняемое им записать тотчас же, то получилось бы нечто похожее на обработанное произведение. Вот это я называю виртуозностью, а все прочее — вздор.

Т. — Странно, что Фус, сам не имея представления об этом искусстве, объявил его величайшим пианистом.

Б. — Он совсем не имеет понятия об инструментальной музыке; это существо жалкое; я готов сказать ему в лицо. Он как-то превозносил одну инструментальную пьесу, из которой торчали всюду козлиные и ослиные уши; я от души смеялся над его невежеством. Он смыслит в вокальном искусстве и должен довольствоваться этим; в деле же композиции полный профан.

Т. — Я тоже вынес такое впечатление.

Б. — Повторяю, вне вокального искусства он ничего не смыслит.

Т. — Я слышал, что Z пользуется здесь успехом?

Б. — Ах, Бог мой! Он играет изящно, изящно, а затем это... Из него ничего не выйдет. Эти господа имеют знакомые круги, куда они стараются чаще являться. Там их хвалят, хвалят постоянно — и дальше этого искусство не идет. Повторяю, из него ничего не выйдет. У меня много врагов, потому что прежде я высказывал свои взгляды прямо; теперь я никого не осуждаю, потому что не желаю никому зла, и думаю, что дельный музыкант не пострадает от вражды и зависти, а посредственного не поддержат никакие старания».

Фестивали венские в период конгресса, конечно, не могли обойтись без присутствия и участия автора «Сражения при Виттории». Ему поручили сочинить торжественную кантату «Славный миг» (ор. 136), которая должна была выразить «привет города Виндобоны иностранным монархам», на текст доктора Вейсенбаха, более искусного в обращении с хирургическими инструментами, нежели с рифмами; подбор напыщенных фраз, предложенный композитору к музыкальной иллюстрации, потребовал, как он сам выразился, «героической решимости для этой работы», принесшей ему звание «почетного гражданина города Вены». Автограф этой кантаты, хранящийся в берлинской королевской библиотеке, полон переделок, помарок и носит след первоначального названия *Der Heilige* (священный) *Augenblick*, замененного затем новым — *Der glorreiche Augenblick*.

Мильдер-Хауптман.

«Славный миг» был исполнен днем 29 ноября, цены были повышены (вход в зал — 3 фл., в галерею — 5 фл.), оркестровым музыкантам также заплачено щедро (струнным — по 5 фл., некоторым духовым — по 7 фл.); участвовали, между прочим: Мильдер, Форти, Умлауф (за дирижерским фортепиано), Шиндлер (за пультом 2-ой скрипки); исполнены: «Славный миг», «Победа Веллингтона» и 8 симфония; среди 6.000 слушателей, собравшихся к 12 часам дня в большой Редут-зал, находились вся знать, все короли и императоры, гостившие в Вене. «Если бы не присутствие их, то публика еще громче проявила бы свои восторги», — писал рецензент. Впоследствии та же кантата была издана с текстом Рохлица под названием «Хвала гармонии». Концерт 29 ноября прошел блестяще и был повторен 2 декабря.

Кроме кантаты, Бетховену пришлось еще сочинить балетного свойства музыку для карусели, т. е. для различных танцевальных фигур, исполненных 23 ноября наездниками верхом на лошадях, в средневековых рыцарских одеяниях. Ноты этого балета по сие время не найдены, но о существовании их видно из записки автора к эрцгерцогу Рудольфу, видимо, одарившему, подобно многим другим коронованным особам, нашего композитора, составившего в эту зиму свой небольшой и, вместе с тем, неприкосновенный капитал.

Видно, в. имп. высочество желаете видеть, как держится моя музыка верхом на лошади. Пусть будет по-вашему. Посмотрим, как всадники от этого полетят кубарем. — Ха! ха! как не смеяться, когда ваше имп. высочество вспоминаете обо мне даже в подобном случае. За это буду во всю жизнь покорнейшим слугою.

Людвиг ван Бетховен.

Р. S. Требуемая лошадиная музыка прибудет к вашему императорскому высочеству самым быстрым галопом.

Ваше императорское высочество!

Глубоко благодарен за подарок. — Сожалею, что вы не могли быть в концерте. — Имею честь прислать вам при сем партитуру кантаты. — Ваше императорское высочество можете оставить ее у себя несколько дней, а затем я дам ее переписать для вас, как можно скорее. — Я все еще не пришел в себя от хлопот, неприятностей, радости и наслаждения, охвативших меня сразу; через несколько дней явлюсь к услугам в. и. в., надеюсь вскоре иметь добрые вести о состоянии здоровья в. и. в.; охотно посвятил бы многие ночи, если бы мог помочь вам —

вашего императорского высочества вернейший и покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Ту записку я хотел вам вручить лично, но опасался помешать вам своим присутствием и потому беру на себя смелость вновь просить в. и. в., относительно изложенной там просьбы. Был бы тоже очень благодарен, если бы в. и. в. прислали мне обратно рукопись моей последней сонаты, так как я принужден издать ее; поэтому нет нужды переписывать ее для вас, так как вскоре буду иметь удовольствие доставить вам ее в печатном виде. — Через несколько дней справлюсь. Шлю вам лучшие пожелания драгоценного здоровья в эти радостные дни.

Вашего императорского высочества покорнейший и преданнейший
Людвиг ван Бетховен.

К этому времени относится сочинение полонеза для фортепиано ор. 89, посвященного императрице Елизавете Алексеевне, принявшей очень любезно подарок и автора его; узнав, что композитор ничего еще не получил за три сонаты, ор. 30, посвященные императору, она велела выдать ему 100 дукатов за последние и 50 за полонез. Подобные щедрые подарки позволили композитору приобрести несколько процентных бумаг, которые впоследствии он не раз закладывал.

Правители и высшие сановники европейских стран, конечно, не довольствовались плодами бетховенского гения; им нужно

было своими глазами посмотреть на это чудовище, вызывавшее всюду множество толков, анекдотов и восторжавшее знаменитых современных музыкантов. Почти целый год Бетховен принужден был проводить вечера у своих титулованных меценатов, где знатных иностранцев развлекали музыкой, а в особенности лицемерием великого симфониста и, порою, его игрою. Бетховен не мог противиться желанию этих сановников, но, конечно, неохотно уступал им и готов был даже разработать канон на тему, записанную им в свою памятную книжку и снабженную юмористическим текстом с намеками на приставки von и zu к именам членов конгресса.

Наиболее блестящую обстановку среди этих меценатов имел знакомый уже нам князь Андрей Кириллович Разумовский, племянник законного супруга Елизаветы Петровны и сын фаворита Екатерины II. По случаю пира, задуманного Александром I, князь построил близ своего дворца, на берегу Дунайского канала, роскошный павильон, вмещавший 700 человек; 30 декабря здесь собралось все, что было в Вене наиболее блестящего и выдающегося в отношении чинов, титулов и капиталов. Пир прошел на славу, но утром следующего дня, около 6 часов, павильон был объят пламенем, а за ним сгорел также дворец князя, где хранились драгоценные редкости, вазы, камеи, мраморные изделия, и со всем этим сгорел также зал, где не раз Бетховен с Шупанцигом, Вейсом и Крафтом исполнял свои произведения камерной музыки.

Отовсюду летели к Бетховену выражения внимания и уважения, знакомые и незнакомые хотели видеть его или одарить чем-либо; даже графиня Эрдеди, отвернувшись от капризного, невыносимого композитора, прислала в подарок «34 бутылки вина» и возобновила дружбу с ним.

Одной из поклонниц своих он пишет:

На ваши строки, многоуважаемая баронесса, полные незаслуженных мною похвал, отвечаю по-немецки, потому что легче выразить свою мысль на родном языке. Хотя моя личность значительно повредит тем преувеличенным достоинствам, которые вы приписываете мне, но буду очень рад навестить вас или, если вам угодно, видеть вас у меня. — С величайшим удовольствием готов быть вашим преданным слугою.

Людвиг ван Бетховен.

Гр. Лихновскому сообщает Бетховен о другом случае чрезмерных дифирамбов, претивших скромности его:

Многоуважаемый и любезный граф!

Только что получил прилагаемую при сем рукопись. Я просил автора быть как можно скромнее в отношении меня, и вы будете также этим довольны. — На днях посету вас вновь. Будьте уверены, что ничто не может сравниться с моей признательностью и уважением к вам, и что они всегда будут таковы.

Любите вашего... друга Бетховена.

Второпах
Второпах
Prestissimo...

Пианист и композитор Антон Хальм (1789 — 1872), переложивший для фортепиано партитуру «Фиделио», посвящает Бетховену одно из своих произведений и получает благодарность его:

Антону Хальму.

Вена, 1 апреля 1816.

С большим удовольствием, почтенный Антон Хальм, приму издаваемую и посвященную вами мне сонату в C-moll.

Еще в 1809 году, поселившись у графини Эрдеди, оказывавшей композитору множество услуг, он жаловался Цмескалю на ее прислугу, приписывая распущенность и дерзость последней бестактным поступкам графини; верный своему нраву артист, постоянно бранивший слугу, наконец, позволил себе такую выходку в отношении к хозяйке своей, что она выгнала его из дома. По обыкновению, гнев его быстро миновал, и раскаяние подсказало просьбу о прощении.

К графине Эрдеди.

Любезная графиня! Я ошибся, это верно. Простите мне! Я же не имел намерения сделать вам неприятность. Только вчера вечером мне стало все известно, и очень сожалею о том, что поступил так. Прочтите хладнокровно ваше письмо и посудите сами: заслужил ли я его, и не отплатили ли вы мне этим в шесть раз больше, чем моя невольная обида. Пришлите мне сегодня же мое письмо обратно и напишите мне только одно слово, — что вы вновь добры ко мне; ужасно страдаю от всего этого. Если вы этого не делаете, то я не в силах ничего делать, пока все будет так продолжаться. Жду вашего прощения.

Однако графиня, долго терпевшая капризы своего любимца, не простила ему последнего поступка и лишь шесть лет спустя восстановила дружеское к нему отношение; в чем заключался этот поступок — неизвестно, так как лишь из переписки графини с Бетховеном можно было бы определить его, а письма композитора к ней, перешедшие по смерти ее, в 1837 г., к ее управляющему, были сожжены женою последнего; лишь немногие из них были до того списаны биографами Бетховена; что касается писем графини к нему, то, конечно, судьба их в квартире композитора была не лучше.

Первый шаг к примирению, сделанный графиней Эрдеди, привел артиста в восторг, и он спешит отплатить ей отсылкой всех своих произведений, появившихся в период пятилетней ссоры, посылает ей забавные каноны, вроде следующего:

и т. п.; — в письмах к ней он сообщает о безнадежном состоянии большого чахоткою брата своего Карла; упоминает о виолончелисте Линке, об управляющем Шперле, о магистре Браухле, воспитателе детей графини и их учителе музыки; извещает о намерении посетить ее в Иедлерзее (имени ее, находившемся в

расстоянии одного часа езды к северу от Вены), для чего не нужно экипажа (der Wagen), а нужна смелость (die Wage).

Вена, 29 февраля 1815 года.

С большим удовольствием, уважаемая графиня, прочел ваше письмо, возобновляющее нашу дружбу. Давно я мечтал увидеть вас и ваших милых деток, потому что, хотя много перестрадал, но не потерял своей привязанности к детям, к красотам природы и к друзьям. — Трио и все, что еще не напечатано, милая графиня, все к вашим услугам. — Как только будет написано, вы все получите. Не без участия и сочувствия часто справлялся о вашем здоровье, а теперь явлюсь лично к вам и буду счастлив вашим доверием. — Мой брат писал вам; будьте к нему снисходительны, ведь он действительно несчастный страдалец. Многообещающая весна, надеюсь, окажет благотворное влияние на ваше здоровье и поставит вас в лучшие условия. Будьте здоровы, любезная и уважаемая графиня. Поклон вашим милым детям, которых мысленно обнимаю. — Надеюсь вас видеть вскоре.

Ваш истинный друг Людвиг ван Бетховен.

Г-же графине Эрдеди, урожд. графине Ницкой.

Милая, милая, милая, милая, милая графиня. Я должен принимать ванны; только завтра покончу с ними. Поэтому не мог сегодня видеть вас и дорогих вам лиц. — Надеюсь, вам лучше. Если добрым людям говорят, что другие тоже страдают, то это не есть утешение, но никогда не следует пренебрегать сравнением. А тогда становится ясно, что мы все больны иною болезнью, мы заблуждаемся. — Возьмите лучшее издание квартета, а плохое отдайте, вместе с нежным щелчком, виолончелисту. Когда буду у вас, постараюсь привести его в смущение. Прощайте. Обнимите и расцелуйте от меня ваших милых деток, хотя, кажется, мне уж нельзя целовать ваших дочерей, они уж подросли. Тут я не могу дать совета, делайте как знаете. Милая графиня,

ваш истинный друг и почитатель Бетховен.

Любезная и уважаемая графиня!

С большим удовольствием прочел я ваши последние строки, но не могу сейчас найти вашего милого письма, а потому не могу ответить на все вопросы. Что касается трио, то сообщите, хотите ли вы сами заказать копию, или я должен взять это на себя. Мне это безразлично, а что вам удобнее, то и мне будет приятнее. — Г-н Линке дает завтра интересный концерт и очень спешит, а потому шлю лучшие пожелания вам и детям вашим. На днях постараюсь быть у вас, а пока прощайте, любезная и уважаемая графиня.

Ваш истинный друг Бетховен.

Я слышал, уважаемая графиня, что существует одна аптека, куда можно посылать письма на ваше имя. Видно вы не могли разобрать всего, что я писал относительно трио. При сем прилагаю только что переписанные партии скрипки и виолончели. Можете ими пользоваться, пока я не отдам их в печать. Большое удовольствие доставило мне

письмо вашей дочери М., вскоре намерен повидать ее и ее милую мать, а также всех остальных; при первой возможности сделаю это. Прощайте, уважаемая графиня.

Ваш истинный друг Бетховен.

Как только Браухле будет в городе, пусть зайдет ко мне. До 12 часов дня я всегда дома.

Любезная и уважаемая графиня!

Вы снова делаете мне подарки; это нехорошо; таким образом вы уничтожаете мои малейшие услуги по отношению к вам. — Приду ли к вам завтра — не знаю, хотя мечтаю об этом. — Но через несколько дней — наверное, хотя бы даже после обеда. Мои дела теперь очень запутаны; при встрече расскажу об этом подробно. Передайте поклон и прижмите к сердцу всех дорогих мне деток ваших. Магистру нежную пощечину, главному управляющему — торжественный кивок; виолончелисту же отправиться на левый берег Дуная и играть до тех пор, пока туда не переберется все с правого берега Дуная. Таким образом население ваших владений сильно возрастет. — Смело, как прежде, перехожу через Дунай. Смелостью всего можно добиться, если только она искренна. Целую бесчисленно ваши ручки.

Помните о вашем друге. Бетховен.

Итак, не посылайте кареты, лучше смелость, чем карета. Обещанные ноты последуют из города.

Простите, уважаемая графиня, что задержал так долго ваши ноты, я хотел копию, а переписчик заставил так долго ждать. Надеюсь вас видеть вскоре и в то же время хочу вас утешить. Надеюсь мысленно ваших милых деток к сердцу и прошу вас передать поклон всем, кому это интересно. Сердечно радуюсь вашему выздоровлению; радуюсь также вашему столь заслуженному, милая графиня, новому счастью, но не думайте, что я также рассчитываю на него.

Сердечный привет от вашего друга Бетховена.

Любезная и уважаемая графиня!

Видимо, я имел основание тревожиться относительно страданий, ожидавших вас в пути. — Но, кажется, вы можете достигнуть цели; утешаю себя и в то же время хочу вас утешить. Ведь мы, смертные, сотворены бессмертным духом для страданий и радостей, и я думаю, что избранные получают радость через страдания. Надеюсь от вас иметь вскоре известия. Я думаю, много радости приносят вам дети, искренняя любовь которых и стремление ко всему доброму могут служить их милой матери большой наградой за ее страдания. — Затем почтенный Магистер, ваш верный оруженосец. — Потом всякая чернь, среди которой цеховой мастер Violoncello; трезвая справедливость в управлении; — право, свита, которой могут позавидовать многие короли. — Обо мне ничего т. е. из ничего — ничего. — Да поможет вам Господь добраться до вашего храма Изиды, где вечный огонь поглотит все ваши страдания и последует ваше возрождение, как нового феникса.

Второпах, ваш верный друг Бетховен.

Вена, 19 октября 1815 г.

Весною графиня Эрдеди переехала временно в Падую, куда композитор посылает письмо с изложением своих домашних дел и с предложением найти для нее нового дворецкого, взамен Шперля (Sperling — воробей).

Графине Марии Эрдеди в Падую.

Вена, 13 мая 1816.

Уважаемая и любезная подруга!

Вы, может быть, думали и имели право думать, что я совершенно забыл вас, но это только так кажется, смерть моего брата причинила мне большое горе, а затем стоило немало усилий вырвать моего возлюбленного племянника из рук его испорченной матери; это удалось, но пока я ничего больше не мог сделать для него, как отдать в институт, значит — удалить от себя, и что значит институт в сравнении с непосредственными заботами отца о своем детище, ибо таковым я теперь считаю себя и всячески думаю, как бы это стоило дорого для меня сокровище иметь поближе к себе, чтобы непосредственно и лучше влиять на него — но как это трудно для меня! — Вот уже 6 недель, как мое здоровье сильно пошатнулось, так что я частенько, но без страха, подумываю о смерти, только для моего бедного Карла умру я слишком рано. Как вижу из ваших последних строк, вы тоже, любезная подруга, очень страдаете. Такова уж судьба человека и в этом должна обнаружиться его мощь, т. е. терпеть в неизвестности и сознавая свое ничтожество, а потом вновь достичь того совершенства, к которому Всевышний таким путем ведет нас. — Линке, вероятно, уже у вас, да доставит он вам удовольствие своими кишечными струнами, — употребительнейший Браухле не избежит употребления и вы по обыкновению будете употреблять его днем и ночью. — Что касается птички, я слышал, что вы недовольны ею, но почему — не знаю; вы, как мне сказали, ищете нового дворецкого, не торопитесь с этим и познакомьте меня с вашими взглядами и намерениями, может быть, я могу вам дать подходящие сведения, а может быть вы неправы по отношению к воробью в клетке? — Обнимаю ваших деток и собираюсь выразить это в одном терцете; вероятно, они развиваются с каждым днем все более. — Сообщите мне скорее, как можно скорее, как вы поживаете в этом маленьком туманном пятне земного шара, где вы в настоящее время находитесь, я принимаю, конечно, живейшее участие в ваших страданиях и радостях, хотя и не всегда тотчас выражаю это словесно и письменно. Как долго вы останетесь еще там, где будете жить в будущем? — Повращение виолончельной сонаты будет изменено, но это не изменит наших отношений.

Графиня Эрдеди.

Любезная дорогая графиня второпях ваш друг Бетховен.

Вена, 15 мая 1816 года.

Глубокоуважаемая и любезная подруга!

Это письмо было уже написано, когда я встретил сегодня Линке и узнал от него о вашем ужасном горе, о скоропостижной смерти вашего дорогого сына. Возможно ли здесь утешение. Нет ничего ужаснее, как быстрая, неожиданная кончина того, кто нам так близок. Не могу забыть смерти моего бедного брата.

Остается только утешаться тем, что преждевременно скончавшиеся меньше страдают. Искренно сочувствую вам в этой безвозвратной потере. — Я, кажется, не писал вам, что уже давно чувствую себя плохо, вследствие чего давно не писал. А тут еще заботы о моем Карле, которого я мечтал подружить с вашим сыном. Горюю за вас и за себя, так как я любил вашего сына. Да услышит вас небо, да избавит от новых страданий и сохранит ваше здоровье. Представьте, что сын ваш должен был отправиться на войну и умер там наряду с миллионами других. Притом, у вас еще двое милых, многообещающих деток. — Надеюсь получить вскоре от вас известия. Я плачу здесь с вами. Во всяком случае, не придавайте никакого значения той болтовне, посредством которой хотят объяснить причину моего молчания; не слушайте также Линке; хотя он вам предан, большой болтун. — Полагаю, что между вами, любезная графиня, и мной не нужны посредники.

Второпях, с почтением Бетховен.

Поклонение графини гению Бетховена стало ее культом; в своем венгерском имении она, среди парка, построила храм в честь его, с соответственной надписью над входом; не раз она присылала великому артисту плоды своего вдохновения, пестрящие любимыми Бетховеном шутками и остротами:

*Ты — Аполлона первый сын,
Ты — величайший из артистов
И музыкальных мастеров,
Которого Европа знает,
И Аполлон сам погибает
И с своего божественного трона
В награду шлет свою корону.
Услышь же нашу просьбу:
Останься ныне среди нас.*

Мария — старшая,
Мария — младшая,
Фрици — единственный,
И Август — тоже,
Magister ipse
И виолончель проклятая,
Всех стран Барон
И старший управитель.

Его величеству, увенчанному лаврами
высокого искусства,
Людвигу Бетховену.

Просьба иедлерзейских муз, чтобы их Аполлон провел в их круту сей день.

От графини не отставали в этом ее приближенные; 20 июля 1815 года управляющий ее делами Шперль пишет композитору:

*Из Иедлерзее я прибыл, как посланник,
К композитору, первейшему после Бога.
Милостью графини Эрдеди
Вызваны к ней на пунш
И на лоно божественной природы.
Две лошади с экипажем готовы,
Чтобы вас со мною туда умчать,
А потому до 21 буду вас ждать.*

Тесные узы дружбы, вновь связавшие графиню Эрдеди и Бетховена, отражаются как в письмах к ней, так и в переписке с магистром Браухле.

Любезный Б., к сожалению сегодня не могу быть у вас. Я хотел уже перебраться к вам со всеми пожитками, — но сегодня это невозможно. До полудня у меня дела, пустые, только отнимающие время, но в зависимости от них могу я располагать временем после обеда. — Если не сегодня, — то, наверное, через несколько дней. Нелегко было мне разрешить многие сомнения в данном случае, но теперь я уже окончательно решил переехать к графине. Поэтому поспешу тем более, что теперь могу жить спокойно только среди красот природы, и между тем еще ничего не предпринял и ничего иного не имею в виду для удовлетворения этой глубокой потребности. — Тысяча поклонов и пожеланий вам и графине.

Весь ваш Бетховен.

Добрейший магистр! Пришлите вашего слугу во вторник рано утром на мою квартиру, в город, где приготовлено все обещанное для графини, которой шлю сердечный привет, так же как и всем ее близким. — Надеюсь вскоре видеть вас.

Ваш Бетховен.

Это написано уже три дня назад.

Мои дела все еще в таком беспорядке, что я не могу еще доставить себе удовольствия быть у вас. — Может быть, сегодня или завтра, во всяком случае, не позже, как послезавтра, буду у вас. — Меня окружают самые жалкие обывденные прозаичные сцены и раздражают меня. Несмотря на все, что графиня сделала для меня, я должен еще поразить своей нескромностью и прошу ее рояль в мою комнату на несколько дней, потому что Шанц прислал мне до того плохой, что придется отослать его вскоре обратно; а так как я не оставляю его у себя, то и не хотел отправить его к вам. — Спешу. — Всего лучшего любезной и доброй графине. — Всего этого я не заслужил, и меня очень смущает мысль о том, как бы все это загладить.

Ваш друг Бетховен.

Сегодня, мой друг, я не приеду. — Но наверное завтра вечером или самое позднее послезавтра утром. — Очень жаль, если вы судите о моем расположении к графине и ко всем вам только по моему пребыванию у вас. — Наши поступки зависят иногда от обстоятельств, мало понят-

ных, но неустранимых. — Был бы рад, если бы графиня прислала мне несколько бутылок воды Спаа; мне не хотелось бы делать значительный перерыв. — Во всяком случае, остаюсь

вашим должником и другом Бетховен.

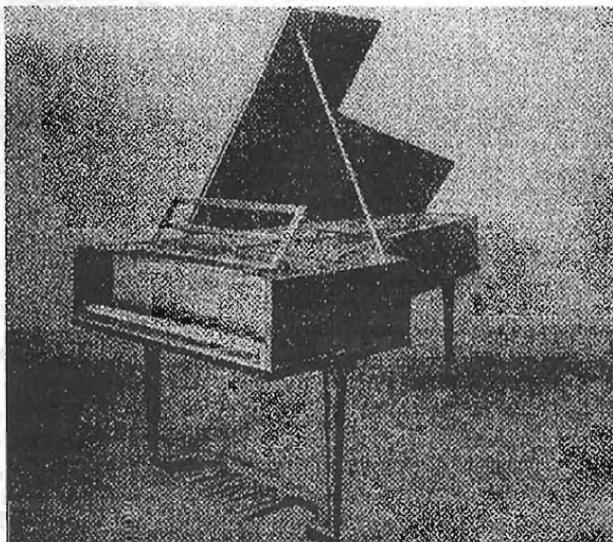

Любезный Браухле!

Едва только я вернулся, как нашел своего брата, который умоляет относительно лошадей. — Прошу вас оказать мне услугу и отправиться за лошадьми в Энцерсдорф; возьмите в Иедлерзее лошадей на мой счет; с сердечной благодарностью вам заплачу все. Болезнь его (моего брата) вызывает уже некоторое беспокойство. Будем же помогать по мере наших сил. Я должен действовать так, а не иначе! — Ожидаю скорейшего исполнения моей просьбы и дружеского ответа на это. — Не жалейте расходов, я заплачу за все охотно. — Нельзя допускать чьих-либо страданий ради нескольких жалких гульденов.

Второпях ваш истинный друг Бетховен.

Всего лучшего милой графине.

Рояль Бетховена.

Я нездоров, любезный Б., но как только мне будет лучше, навещу вас. Все меня раздражает; я впечатлительнее других, глухота терзает меня, а сношение с окружающими вызывают во мне лишь страдания. Надеюсь, ваша милая графиня чувствует себя лучше. Велите испечь для виолончелиста пирог в виде виолончели, на которой он может упряжнять если не пальцы, то желудок и рот.

Лишь только буду в силах, приеду к вам на несколько дней. Привезу обе виолончельные сонаты с собой. Прощайте. Всех детей мысленно целую и обнимаю. Для меня но имеет большое значение.

Прощай, любезный Б.

Шлю графине искреннейшие пожелания лучшего здоровья.

Ваш Бетховен.

Под опусом 102 написаны и посвящены графине Эрдеди две виолончельные сонаты; «первая из них, — говорит Ц. Кюи, — принадлежит к последнему периоду его творчества. Она в высшей степени оригинальна, интересна, на всяком шагу полна капризов и гениальных вспышек. В ней Бетховен порвал всякую связь с установившейся рутинной и в частности, и в целом. Для доказательства первого приведу хоть две резкие параллельные квинты виолончели на Des и вслед за тем на C., в конце сонаты. Для доказательства второго достаточно рассмотреть форму этой сонаты. Она состоит из двух Allegro, предшествуемых интродукциями, причем вторая интродукция кончается эпизодом, взятым из первой. Оба Allegro имеют сонатную форму, но в целом соната ближе подходит к свободно написанной фантазии. Форма двух Allegro лаконическая донельзя: ни одного лишнего такта, ни одной ноты, без которой полный смысл уже не был бы нарушен. Грандиозных бетховенских мыслей в сонате нет; она вся состоит из фраз коротких, но полных глубокого содержания. Первое Andante отличается теплотой, симпатичностью и светлым, безоблачным настроением. Первое Allegro, несмотря на мелькающие в нем милые эпизоды, носит общий характер энергический, стремительный и суровый (унисонная первая тема). Второе вступление отличается мягкостью, соединенной с поэзией и глубиной, а финал полон веселого и капризного юмора, соединенного с замечательной грацией. Эта соната достойна самого серьезного изучения такт за тактом».

Обе сонаты относятся к числу немногочисленных произведений, задуманных, набросанных и законченных в эпоху Венского конгресса (на рукописи помечено — «конец июля 1815 г.»)

В тетради эскизов за 1814 — 1815 гг. встречаются следующие наброски и заметки:

на 2-м листе: «описание замечательнейших революций, 2-я часть, книготорговля Гетинга»;

на 6-м листе: «Марш под барабан D-dur»;

на 7-м л.: «Исполнена в театре Друри-Лейн 10 февраля и по требованию публики повторена 13-го». Тут же наброски финала сонаты op. 102, № 1;

на 10-м л.: наброски «Merkenstein» и op. 100;

на 11-м л.: канон «Das Schweigen» (сер. 23, № 43);

на 12-м л.: пять тактов неизвестного adagio в Es-dur и наброски симфонии в H-moll, также оставшиеся в зачатке; «трубы D, A, только два раза в том же виде в первом произведении A; sonata pastorale, cello All., cemb., viola»;

на 13-м л.: «G-dur, труба в G-dur»; часть того же канона (сер. 23, № 43).

на 14-м л.: «Легко найти К., если останется в границах...» «Соната в C-moll».

на 15-м л.: «Волна разбивается» из «Морской тиши» Гете; Andante bassi pizzicati в H-moll и trio в H-dur — вероятно, для симфонии в H-moll.

Далее несколько страниц занято эскизами Fugato для Cello sonate op. 102, № 2; неизвестная fuga в F-moll; «alla polacca, концерт или симфония, только для духовых инструментов, solo, также другие»; Неизвестное larghetto E-moll в 3/8.

В другой тетради, также относящейся к этому времени, встречаются эскизы «Славного мига», «Симфонии для двух труб», дуэта Merkenstein, канона «Das Schweigen» и песни на слова Рейсига (сер. 23, № 26).

К числу законченных в это время произведений относятся:

Двадцать восемь шотландских песен (ор. 108), аранжированных по заказу издателя Томсона для одного и двух голосов с хором и с аккомпанементом фортепиано, скрипки и виолончели; текст их английский и немецкий.

«Морская тишь и счастливое плавание», вокальный квартет с ак. оркестра на текст известного стихотворения Гете, ему же посвященный (ор. 112).

«Элегическая песнь», тоже вокальный квартет с ак. струнно-го квартета (ор. 118), посвященный сначала памяти умершей в 1811 году жены барона Пасквалати, а впоследствии посвященный последнему.

«Свершилось!» — эпилог к кантате «Триумфальные ворота» Трейчке, написанной по случаю вторичного взятия Парижа и прилаженной к музыке Хуммеля, Вебера, Вейгля, Зейфрида, Гировеца, Генделя и др. (сер. 20, № 5).

Хор четырехгласный с оркестром (сер. 25, № 267) на слова Бернарда.

Кантата к именинам доктора Мальфати (не издана).

Четыре арии итальянские на слова Метастазιο (не изданы).

«Час пробил», прощальная песнь (сер. 25, № 273), написанная по просьбе Тушера и с шутливой надписью автора: «Um nicht weiter tuschirt zu weeden».

Ария «Primo amore» (сер. 25, № 271), изданная в числе многих найденных рукописей фирмою Брейткопф и Хертель в 1887 г.

Freundschaft, канон (сер. 25, № 285).

Песнь соловья (сер. 25, № 277).

«Тайна», романс на слова Весенберга (сер. 23, № 32).

Работа над этими произведениями сопровождается следующими записями в дневник:

«Много дела на земле, делай его скорее. Я не могу продолжать этот образ жизни — искусство требует также этой жертвы — надо отдыхать среди развлечений, чтобы энергичнее действовать... Приговор докторов относительно моей болезни... Если нет больше спасения, я должен употребить...??? Надо как можно скорее окончить то, чего нельзя было раньше... Консилиум с... Вся жизнь должна быть принесена в жертву искусству и служить ему святилищем. Да буду жить хотя бы на средства других, если таковые найдутся».

В дневнике за 1815 год встречаются более или менее значительные по размерам цитаты из Гердера и Вернера, затем опять ряд афоризмов и размышлений: «Лишь Всемогущий свободен от желаний и потребностей... Укажи путь духу моему, избавь от давящей его тьмы... Творец создал лишь чистое и прекрасное; страсти омрачали иногда мою душу, но очистившись и исправившись, она вновь возвращалась к высокому и чистому первоисточнику, к божеству и к его искусству. Да не смущает тебя мысль о материальном, во веки веков... Творец, окруженный мраком вечного одиночества, непроницаемый, недосягаемый,

неизмеримый, беспредельный... Ты должен сеять не вопросы, а дела и в творчестве достигать высокой цели самоусовершенствования...»

В чаянии осуществления заветной мечты относительно создания новой оперы Бетховен пробавляется сочинением мелких вокальных произведений, романсов или, вернее, песен (Lieder), для чего не было недостатка в текстах и в услугах поэтов; посредственный писатель и строгий цензор Иоганн Рупрехт, которого, спустя восемь лет, Бетховен не называл иначе, как негодяем и плутом, приносит ему свой «Merkenstein»; новые приятели, состоявшие «придворными театральными поэтами», Бернард и Каstellи, также доставляют композитору плоды своей музыки, и Бетховен отвечает готовностью исполнить желание их.

Рупрехту.

Уважаемый Р., с величайшим удовольствием положу ваше стихотворение на музыку и доставлю вам его вскоре лично — будет ли она божественна — не знаю, ибо сам я принадлежу к существам земным, но приложу все старания, чтобы по возможности ближе подойти к тому совершенству, которое вы ошибочно приписываете мне

Ваш друг и слуга Бетховен.

И. Каstellи.

Моя квартира находится в доме Пасколити на Шоттенбастей — в 4 этаже.

Сообщите, пожалуйста, любезный К., когда можете показать мне одну из тех двух обещанных книг.

Послезавтра уже еду в Баден, сообщите только, прийти ли мне к вам, или вы придете ко мне именно завтра. Предоставляю вам самим назначить время, для меня желательнее в 12 час. дня, но это вполне зависит от вас. — Покорнейше прошу ответа и остаюсь
покорнейший слуга Людв. ван Бетховен.

Карлу Бернарду.

Я не понимаю, хотел ли директор М-та знать только число листов, или он желал видеть также партитуру? — и как его зовут? Завтра прошу вас не приходить, так как я не имею времени, но в воскресенье, если не имеете лучшего приглашения, то сделайте мне удовольствие и приходите пообедать с нами.

ваш друг Бетховен.

Мысль о создании оперы, конечно, не покидает Бетховена в период бесконечного ряда блестящих музыкальных торжеств. С владельцами издательской фирмы («Промышленная контора») Шрейфогель и Вест, состоявшими также антрепренерами частного театра, композитор входит в переговоры об условиях постановки задуманной им оперы; ведет также переговоры с дирекцией казенных театров, а с Фр. Трейчке обсуждает план оперы

«Ромул», каковую в то же время уже писал для одного из венских театров венгерский композитор Иоганн Фус.

Фридриху Трейчке.

Пишу Romulus! и на этих днях начну, сам приду к вам, сначала 1 раз — потом много раз, чтобы обо всем переговорить и посоветоваться.

С почтением ваш друг Бетховен.

Любезный Тр.! я думал упростить дело тем, что послал копию с этого письма г. фон Шрейфогелю — но нет. Вы видите, что этот Фус может разделать меня во всех газетах, если у меня не будет никакого письменного документа против него, или вы — или дирекция театра возьмется справиться с ним. С другой стороны, дело относительно моего контракта с оперой также еще не улажено. Прошу вашего ответа, в особенности относительно письма Фуса, перед судом Искусства дело это легко разрешить, но в этом случае не станут вникать в обстоятельства, хотя можно надеяться на это.

второпях ваш друг Бетховен.

Деллинг, 24 сент. 1815.

Любезный и уважаемый друг. Я не имел возможности видеть вас на этой неделе, сегодня я здесь слишком занят, чтобы воспользоваться хоть немного случайно наступившею хорошею погодою и прогуляться по чудным уже увядающим лесам. Давно уже принялся бы я за вашего Ромула, но дирекция не хочет мне дать за такое произведение больше одного сбора: много жертв я охотно принес и приношу моему искусству, но такое условие наносит мне слишком большой ущерб; мне платят 200 д. золотом, например, за ораторию вроде «Христа на Масличной горе», которая длится всего полвечера или всего только 1 час 9 минут. А ведь такое произведение я могу поставить в концерте здесь или в ином месте и получить еще излишек! Я вполне уверен, что каждый город в Германии или в другой стране мне, как и всякому другому, гарантирует такой концерт. Я потребовал от театральной дирекции за Ромула 200 д. золотом и один сбор. Из этого вы усмотрите, дорогой — что могли бы вы сделать, чтобы склонить ее к иным, более почетным условиям, кроме лишь единственного сбора. Если бы я вам высчитал все, что я еще получаю за другие мои сочинения, то уверяю вас, вы не нашли бы преувеличенными упомянутые и установленные мною условия за одну оперу. Поэтому дружески прошу вас переговорить с NN., ущерба мне вы не пожелаете, при указанных мною условиях готов я тотчас же написать эту оперу и приготовить ее к представлению не позже февраля или марта месяца. До четверга 4 дня, тогда приду к вам за ответом. Моя мечта — писать совершенно бесплатно; но это чрезвычайно трудно немецкому, тем более австр. музыканту! Только Лондон может накормить человека так, что в Германии и тем более здесь он не соблазнится жалкими крохами.

весь ваш в четверг приду за ответом второпях ваш друг Бетховен.

В период Венского конгресса, помимо расширения круга знакомства, увеличивается число издателей, вступающих с Бетховеном в деловые сношения; из иностранных фирм наибольшим расположением композитора пользуются издатели Берчел в

Лондоне и Томсон в Эдинбурге; в Германии он благоволил все более к Брейткопфу и Хертелю; в Вене он постепенно сближается с наиболее покладистыми и услужливыми издателями Штейнером и Хаслингером, магазин которых помещался в переулке Pateroster, что дает возможность нашему любителю каламбуров и вариаций забавляться на разные лады названием этой улицы; в сношениях с этой издательской фирмой, вывеска которой еще ныне красуется в центре Вены, Бетховен называет себя — генералиссимус (сокращено: г-с), Штейнера — генерал-лейтенант (г-л-т), а компаньона последнего, Товия Хаслингера, — генерал-адъютант (а-т); причудами и остротами полны также десятки записок его к этим издателям: здесь встречаем прозвище — главный штаб (магазин фирмы); игру слов — нужда (Noth) и ноты (Note), реестр и органный регистр, Купфер (имя слуги) и Kupfer (медь), Штейнер и steiner (каменный), Трег (комиссионер) и trage (ленивый); в другом месте пианиста и профессора Диабелли он называет дьяволом и прохвостом (Profos), Хаслингера — бродягой (б-га), червонцы (дукаты) он называет стражей государственя и мужами, закovanными в латы; недостаток вдохновения — опустевшими рудниками и т. п.; свой капитал он, шутя, определяет в сто тыс. червонцев.

Любезный Штейнер, как только пришлете мне оперу, которая мне нужна, почему — я вам говорил, можете получить партии симфонии тотчас же — это не по уговору, а из одолжения — на оскорбления я совсем не отвечаю.

На все прочее, как и зачем, я его имею и готов ответить.

При сем любезный Шт. посылаю вам партии симфонии в А, я первый предложил Диабелли напечатать симфонию, следовательно, допущенные им выражения относительно меня совершенно неуместны. — Еще раз прошу вас об опере, так как не могу иначе исправить переложения Артариа для квартета, вы, конечно, не станете завидовать и не задержите ее вследствие этого, что сделало бы вам мало чести; — я всегда был готов служить вам, но по характеру своему я не допускаю недоверчивости; наш контракт гласит, что я все свои сочинения, приобретенные вами, могу посылать в Англию, и могу вам доказать, что я еще далеко не использовал своего права, и что если бы я остался полным владельцем своих сочинений, то англичане платили бы мне совершенно иначе, чем вы, но я все же честно выполнял и выполняю все, что обусловлено контрактом. — В заключение уведомляю вас, что через несколько дней состоится строжайший военный суд, после чего весь полк г.-л. будет распущен и объявлен лишенным в будущем своих почестей, милостей и т. п.

В последний раз г — с.

Господину Штейнеру.

Вена, 1-го февраля 1815.

Благороднейший
генерал-лейтенант!

Сегодня я получил вашу приписку к моему брату и доволен ею, но должен просить вас приложить кроме того расходы по клавираусдугу, так как, во-первых, мне приходится оплачивать все на свете и притом все дороже других, а потому мне это было бы очень тяжело, во всяком

случае, не думаю, чтобы гонорар в 250 д. мог вас огорчить — но и мне тоже не хотелось бы испытать огорчение, а потому позаботьтесь сами о переложениях, но все они должны быть просмотрены и если надо — исправлены мною, надеюсь, вы останетесь ими довольны. Вместе с тем прошу выдать моему брату сборники фортепианных пьес Клементи, Моцарта, Гайдна, они нужны для его маленького сына, сделайте это, мой любимейший Штейнер, и не будьте каменным, как бы каменно не было ваше имя — будьте здоровы, превосходный генерал-лейтенант, я всегда

ваш преданнейший Людвиг ван Бетховен.

Тобиасу Хаслингеру.

Милейший!

Найдите в себе столько доброты, чтобы прислать мне рохлицовские писания относительно Б-ских писаний, мы вам вернем таковые тотчас же обратно с летучей, едущей, везущей или пешей почтой. —

Вашейший

Б — н.

Штейнеру.

В надежде увидеть вскоре совершенно примирившегося Г-лл-та, мы ждем его по обыкновению с распростертыми объятиями и при сем посылаем ему часть наших телохранителей, 25 честнейших молодцов и в военное время лучших стражников государства; пребываем и надеемся вскоре радостными очами лицезреть нашего г-лл-та. Адъютанта следует немножко покрепче потянуть за левое ухо

Г — с.

Посылаю при сем моему милейшему Г-лл-ту исправленный клавираус., поправки следует иметь в виду; но Г-лл-т должен вновь посмотреть многочисленные преступления адъютанта в клавираус., если даже он окажется вполне невиновным, все же произвести вчерашнюю экзекуцию над другим ухом его, чтобы авансом нагнать страх и ужас ко всем преступлениям в будущем. О вчерашней и сегодняшней экзекуции тем не менее доложить. Обнимаю милейшего моего Г-лл-та и посылаю ему клавираусцуг трудно выполнимой симфонии в F.

сам — Л. в. Б.

Почтеннейший Г-лл-т.

Мне нужно еще раз проверить вместе с вами, о чем я уже говорил вам, но не могу сегодня выйти, а хочется покончить с этим; не может ли мой уважаемый primus главного штаба посетить меня сегодня же для переговоров, или же очень прошу завтра утром, за это буду писать по одной ноте каждый раз, как только Г-лл-т окажется в нужде. Беседа продлится, пожалуй, с полчаса.

Гнусное поведение адъютанта внесено в реестр (но не в органнй регистр), какие ужасные звуки раздались бы оттуда?

Дорогой Штейнер!

Мне нужна партитура оперы «Фиделио» на несколько дней, чтобы по ней исправить переложение для квартета, затем возвращу ее тотчас. — Прошу также партитуру трио для фортепиано с двумя выписанными голосами для скрипки и виолончели и партитуру скрипичной сонаты в G-dur. — Оба произведения нужны мне лишь на один вечер и на следующее утро могу их вновь передать вам обратно. Никогда не сомневайтесь в моей искренности и порядочности, и тогда ничто не удалит меня от вас, хотя моего несчастного брата нет больше в живых.

Ваш друг Бетховен.

Хаслингеру.

Милост. государы! Ждут г-на адъютанта с экземплярами «Битвы»: а именно, один для... (обыкновенный), 2 для *illustrissime* прислать с Купфером, но не из меди, их примут здесь хорошо и отпустят с почетными поручениями для Г—лл—та.

сам — Г — с.

Дорогой Штейнер! Здесь находится одна польская графиня, которая так увлечена моими произведениями, что мы даже не заслуживаем этого, она желает сыграть клавираусцуг моей симфонии в А совершенно в моем духе и так как пробудет здесь всего лишь сегодня и завтра, то хочет играть у меня — потому покорнейше прошу вас одолжить мне его на сегодня или завтра всего на несколько часов, даже если он в рукописи *Diabolus diabelli*, даю вам мое честное слово, что никакого применения в ущерб вам сделано не будет.

Ваш покорнейший Л. ван Бетховен.

Январь 1816 года.

Если завтра вечером между 6 и 7 часами вечера не будет у меня в руках исправленный экземпляр сонаты, который я передал адъютанту Г. л-та Тобиасу вместе с другим, в котором больше нет ошибок (так что видно, что ошибки исправлены на медных досках), так сказать исправленный (мною) и безошибочный, то мы постановили нижеследующее: Г. Л. будет временно уволен, его адъютант Т. Х. закован крестообразно; наш генерал-прохвост будет уполномочен выполнить это постановление — только точнейшее выполнение нашего вышеприведенного приказа может избавить от заслуженного и уже постановленного наказания.

Г—с (с громом и молнией).

Прошу сегодня же прислать мне 1 экземпляр симфонии в А, но красивый, так как я по обыкновению должен послать графу Фрису 2 экз., если можно не позже 3 час.

В.

Не прилагаю писанной партитуры, я не просмотрел, полагаю она не без ошибок. Если предполагается еще делать переложение, то я думаю, что лучше сейчас же после этой корректуры, каковую пришлите мне в законченном виде, затем следующие оттиски, таким образом, получатся также законченные переложения, будьте добры сообщить, где можно

найти чистый серый песок, у меня вышел весь, а окружающие меня Asini не могут найти такого.

Ваш Л. в. Бетховен.

Хаслингеру.

Посылаю вам корректурные партии, вы легко сделаете сводку, предлагаю вам еще раз строжайшую добросовестность во всем, что было сказано об этом. Указ о наказаниях адъютанта для доклада Г-су касательно указанных вчера произведений ждет еще сегодня.

Г-с.

Штейнеру и К-о.

— при сем посылаю маленькое полевое орудие, — которое сейчас же отправить в цейхгауз — (как подарок), что касается г. Diabolum, то его еще можно оставить благодаря остаткам его ловкости, если имеется еще что-либо, то как в прошлый раз может появиться вместе с симфонией в F, — что касается новой solo-сонаты для фортепиано, то мне должны презентовать 60 закованных в латы мужей и тогда таковая может сейчас же появиться, имеются у меня в запасе также вариации, какие уместны к особенно торжественному дню и сейчас могли бы появиться, если только появятся хоть 40 закованных в латы мужей — ибо что касается правительственного долга в 1300 фл., то таковой еще не может идти в счет, не то эти 1300 фл. обратились бы в 0000 — поразительно почтительный к Г-лл-ту

Л. в. Бетховен.

Просят Г-лл-та эти 100 фл. к. м. разменять сегодня же на бумажки, но без вычета, как подобает столь высокому чину да еще смазанному. Вместе с тем ему предлагают за новых 4000 фл. в 20-тках, каковые должны прибавиться в казну, подумать, задумать, надумать и сообщить нам результаты; за эти новые услуги ему будет пожалован самый высокий чин. С невыразимой выразительностью подписуюсь

Г—с.

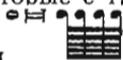
Нашу сегодняшнюю просьбу просим не забывать, т. к. мы сегодня не можем выйти, а нуждаемся завтра утром в деньгах, — что касается адъют., то такового сейчас запереть в карцер и внушить, чтобы готовился к суду, завтра в 4 час. пополудни, великие преступления против правительства вменяются ему в вину, между прочим, он даже не соблюдал обязательного ему молчания в важных государственных делах.

Дано без всякой дани и пр., и пр.

Тобиасу Хаслингеру.

Г. адъютанта виновного и невинного просят корректуры симфонии в F и сонаты в A-диез, так как я именно теперь сижу дома и скорее могу все сделать, в особенности надоедают мне некоторые с трудностями ис-

полнения сонаты; кто может такие трудности

! Желают как

грубому, так и вежливому адъютанту выздоровления, чтобы наконец подвинуть дело вперед.

Л. в. Бетховен.

Штейнеру и К-о.

Еще прежние ошибки — к-а — следует исправить, потом следует указатель ошибок в партитур. партиях и квартетных партиях. Все спит. Чтобы ускорить дело, мне придется явиться с громом и молнией.

Г-с.

Было условлено, что во всех готовых экземплярах квартета etc будут исправлены ошибки; тем не менее адъютант имеет наглость продавать таковые без поправок. За это сегодня же взыщу и накажу. С указателем, видимо, лишь издеваются; но и тут я сумею выйти с честью и конечно без всяких уступок. — Сейчас прошу прислать песнь: «A Schusserl und a Reindl» — она нужна мне. Да будет известно, что если я до завтра не получу уверенности в большом рвении адъютанта к своим служебным обязанностям, то ему грозит вторая позорная отставка, хотя известное ему великодушное наше подсказывает намерение дать ему повышение.

Песню «A Schusserl und a Reindl» с вариациями или без можно найти в каталоге.

Г-с.

Штейнеру.

Вся эта история с симфонией возмутительна, вот что вышло, как печатные партии, так и партитура полны ошибок; в готовых уже экземплярах придется исправить ошибки тушью, поручив это Шлеммеру, во всяком случае отпечатать и разослать подробный указатель всех ошибок без исключений, самый скверный переписчик совершенно так же переписал бы партитуру, как она отпечатана, еще ни разу мое произведение не появлялось в таком виде, с такой массой ошибок и с такими недостатками. — Это результаты нежелания корректировать, не дали мне его своевременно на просмотр и не предупредили меня.

Посылаемые вам при сем экземпляры с моими поправками возвратите немедленно, исправив ваши и вместе с таковыми, чтобы я мог убедиться в их верности. Так упрямство само наказывает себя, а страдают от этого невинные. Ничего больше знать не хочу об этой исковерканной, изуродованной симфонии. — Фу, черт! — После этого действительно можно думать, что вы пренебрегаете публикой и готовы бессовестно третировать имя автора!

Так как я был болен, болен и теперь, и публика требовала это сочинение и т. п. — все это может служить оправданием публикации вами указателя опечаток.

Храни вас Бог и — черт вас поберит!

Прежде всего прошу составить указатель опечаток, как в партиях, так и в партитуре, потом я сравню это с партиями и с партитурой и потом придется немедленно отправить во все концы мира. Все это очень

тигнет перед славным франкфуртским советом величайшего почета, при каждом жертвоприношении Бахусу он должен быть жрецом и лучшего Ев. Евое никто не может провозгласить — прошу вас вспоминать добром вашего друга Л. ван Бетховена.

Его высокоблагородию г-ну Францу Брентано, Франкфурт-на-Майне. Сегодня нельзя было достать нот.

Антонии Брентано.

Вена 29-го сентября 1816 г.

Уважаемая подруга!

Рекомендую вам сына г-на Зимрока из Бонна, с которым я познакомился здесь, он приехал и расскажет вам о моем теперешнем положении, т. е. отчасти об Австрии, вашей родине — я слышал, что вы здоровы, что Ф., которому шлю много поклонов, стал сенатором и не только не стареет, но становится все моложе. Ф. покорнейше прошу помочь г. Зимроку и в случае необходимости научить его с наименьшими расходами перевести мне сюда следуемые платежи.

Как я слышал, Ф. стал теперь одним из главных представителей и столпов древнего Франкфурта, в чем от всего сердца желаем ему успеха — вы уже знаете, что я стал отцом и обременен истинно отцовскими заботами — у моего несчастного племянника была грыжа и недавно ему сделали операцию и удачно — больше ничего интересного не могу вам сообщить отсюда, вот только правительстве наше все больше нуждается в управлении и худшее ожидает еще нас, конечно, в далеком будущем — шлю всем вам сердечный поклон и прошу не забывать меня

вотропах ваш друг Бетховен.

Госпоже Антонии фон Брентано, урожденной баронессе фон Биркершток во Франкфурте.

Вена, 6 февраля 1816.

Уважаемая подруга!

Пользуюсь случаем, чтобы через г. Нита, столь же выдающегося английского музыканта, как и милейшего человека, вызвать в вас воспоминание обо мне, равно как и в вашем милом супруге Франце. Одновременно посылаю вам гравюру, изображающую меня, некоторые находят в чертах лица ясное отражение моей души, но я оставляю этот вопрос открытым. — Последнее время провел я в борьбе с целью отбить бедного несчастного ребенка у негодной матери, и это мне удалось — *te deum laudamus* — у меня теперь много забот, но приятнейших, желаю вам и Францу всех земных благ, мысленно целую и обнимаю всех ваших милых деток и оповещаю вас об этом, прошу не забывать меня и добавлю, что часы, проведенные в вашем обществе, считаю самыми незабвенными и часто вспоминаю о них.

Уверен, что вы охотно примете г-на Нита как моего друга.

С истинно глубоким почтением ваш почитатель и друг

Людвиг в. Бетховен.

Францу Брентано.

Вена 15-го февраля 1817 г.

Уважаемый друг.

Несколько времени тому назад я послал вам несколько музыкальных пьес, чтобы вызвать в вас дружеские воспоминания обо мне, все члены семьи Брентано мне всегда одинаково дороги и в особенности вас, мой уважаемый друг, всегда буду вспоминать с истинным почтением; будьте уверены, что я часто молю Небо о том, чтобы оно ниспослало вам долгие дни, чтобы вы, как уважаемый глава семьи, еще долго могли быть полезным ей; таковы мои постоянные пожелания; — что касается меня, то здоровье мое сильно потрясено за последнее время, чему немало способствует положение нашего государства, не обещающего ничего утешительного, но ежедневно угрожающего еще большими бедствиями. — Г. Кесслер прислал мне через вас сочинение, которое свидетельствует о его способностях, до настоящего времени я, однако, не имел возможности написать ему, но вскоре сделаю это обстоятельно — глубоко чувствую отсутствие вашего общества, вашей супруги и ваших милых деток, где же найти у нас в Вене что-либо подобное, вот почему я почти никуда не хожу, тем более, что я никогда не мог сходитьсь с людьми, взгляды которых мне были противны. — Итак, будьте здоровы, желаю всего наилучшего и прекрасного, как венец заслугам вашим, удостоьте также меня вниманием вашим.

С искренним почтением и преданностью ваш друг Л. в. Бетховен.

Всего лучшего моей дорогой приятельнице Тоне и ее милым деткам.

печально, но что же делать; такие случаи часто бывали в литературном мире.

Но впредь уж не упрямиться и не упорствовать, не то будет хуже.

Расписка моего капитала в 100000 д. нужна мне на несколько дней, но не из недоверия! В субботу мне опять нужно разменять 100 фл. к. м. Так одно несчастье всюду следует за другим, храни меня Господь.

Ваш Б.

Тобиасу Хаслингеру.

Высокородный адъютант!

Я даже вовсе не видел рыжеватого унтер-офицера, вероятно, он больше не ждал у кассира Дама, так как должен был принести мне обратно оттуда одну бумагу, а потому прошу послать его еще раз к кассиру, т. к. я должен получить там денег, и рыжеватый пусть придет от Дама тотчас же ко мне; жаль, что приходится надоедать Г—лл—ту, но я не могу дать своим людям такого поручения. Поэтому прошу послать рыжеватого к кассиру Даму, а оттуда ко мне. Письмо к Хебенштрету о германизации *pianoforte* прошу не показывать, а вернуть мне, я уже привык пользоваться его советами, так как я не мудрец и не глупец. Всякого блага г-ну высокородному адъютанту.

m. pr. o o 9 9 9 9

Увы, ни «радостные дни», ни ценные подарки и доходы этого года не изменили обычного настроения композитора, не рассеяли его мрачных мыслей, никак не отразились на всем складе его жизни.

О крайне скверном настроении композитора упоминает юный Маршнер (1795 — 1861), посетивший его осенью 1815 года и встреченный довольно нелюбезно:

— Гм, — раздраженно обратился Бетховен к будущему модному оперному композитору, — у меня не очень-то много времени... приходите реже... но приносите всегда что-нибудь...

Тем не менее огорченный юноша продолжал усердно работать и своими произведениями все более привлекал к себе внимание и расположение Бетховена, даже руководившего некоторое время созданием симфоний и сонат Генриха Маршнера, как и другого юноши, Генриха Хирша, также усердно следовавшего наставлениям Бетховена, но не написавшего ни одного выдающегося произведения.

Финансовые дела Бетховена запутываются все более: к долгу Штейнеру в 1300 гульденов прибавляется новый, — Францу и Антонио Brentano, в 2300 гульденов, не говоря уже о мелких долгах приятелям; правда, конец 1814 года принес ему значительные доходы, около десяти тысяч гульденов, но капитал этот, обращенный в банковые билеты, спустя год был завещан им племяннику своему, Карлу, а долги по-прежнему отравляли дни его до самой смерти, и кошелек оставался так же пуст, как после ряда концертов и бенефиса в 1814 году. О долге супругам Brentano и о нужде своей не раз упоминается в письмах к ним,

рядом с именами банкира Геймюллера, издателей Нита и Зимрока, и с обыною игрою слов.

Госпоже Антонии Brentano
во Франкфурте-на-М.

Уважаемая подруга, надеюсь мои все дела вскоре поправятся, а пока принуждают меня не задумываясь принять присланный Фр. и вами вексель — я его получил через знакомого, который, кажется, исполнил это поручение нехотя, потому что после первого своего посещения, не застав меня дома, он явился вновь через неделю, передал мне вексель, не желая даже войти ко мне в комнату; когда затем я пришел к Пахеру, то они позавчера еще не имели аviso и сами не знали подателя, как они сказали, вследствие чего я нашел нужным тотчас же уведомить вас об этом и буду ждать ваших распоряжений по этому делу; — я возвратил бы вам вексель обратно, но, как вам известно, ничего в таких делах не смыслю, и легко могу оплошать — второпях,
уважающий вас Бетховен.

Глубокоуважаемая подруга!

Так как я слышал, что вы имеете связи с Геймюллером, и прилагаю при сем удостоверение в этом — свиньи воистину заслужили свое прозвище — мне досадно, что при всем великодушии ко мне, вам приходится посылать еще это — действительно, при таком безотрадном состоянии финансов, которому и конца не предвидится, наше положение стало совсем отчаянным — должен доложить вам нечто другое. Дело касается трубки! трубки! — между теми существами (имя им легион), которым суждено страдать, находится и мой брат, — вследствие болезни он был вынужден выйти в отставку, положение очень тяжелое по нынешним временам; я из кожи лезу, но — все не клеится. — У него есть трубка, которую, по его мнению, лучше всего продать во Франкфурте. — Так как больному очень трудно в чем-нибудь отказать, то позволяю себе просить вас разрешить ему прислать эту трубку, у вас всегда бывает столько народа, что вам может посчастливиться сбыть ее. — Мой брат надеется, что вам дадут за нее, пожалуй, 10 лудиров, предоставляю это вашей мудрости — он много тратит, должен держать лошадь и экипаж, необходимо (а жизнь ему очень дорого стоит), вследствие чего я охотно жертвую своею! Прощайте, глубокоуважаемая подруга, сердечно кланяюсь Францу, желаю ему всего лучшего, всякой радости вашим милым деткам, также шлет поклон вам истинный почитатель и друг

Бетховен.

Госпоже Антонии фон Brentano, урожденной баронессе фон Биркеншток. Франкфурт-на-Майне.

Его высокородию господину Францу Brentano.

Вена, 4 марта 1816.

Рекомендую вам, почтенный друг, первого винодела Европы г-на Небериха, знатока даже в эстетическом распределении различных последовательных продуктов винного производства и заслуживающего всяческой похвалы; не сомневаюсь, что при вашем содействии он дос-

ГЛАВА X

1815 — 1816

Братья Иоганн и Карл. — Смерть Карла. — Племянник Карл. — Пенсион Джизанназио дель Рио. — Домохозяйство. — Содействие Цескаля и Штрейхер.

Расточительность князя Лобковича привела в 1811 г. к учреждению опеки над его имуществом, а опека задумала сократить пенсион Бетховену; процесс, начатый последним, восстановил права его на договоренную сумму в 700 гульденов, каковая сама собою значительно уменьшилась, будучи выплачиваема ассигнациями. Не посчастливилось композитору также в отношении другого члена триумvirата, князя Кинского, свалившегося с лошади 3 ноября 1812 г., во время прогулки по окрестностям Праги, и тут же убившегося. Наследники также задумали сократить пенсион в 1800 гульденов и, несмотря на протесты Бетховена, на жалобы и просьбы его, добились уменьшения в 600 гульденов, т. е. стали выплачивать по 1200 г., что, вместе с 1500 г. от эрцгерцога Рудольфа и с 700 г. князя Лобковича, составляло 3400 г. ассигнациями или около 1200 руб. сер. Недомимки, накопившиеся за первыми двумя должниками, получил Бетховен в один из самых критических периодов истории своего кошелька: 15 ноября 1815 умер брат его Карл-Гаспар, завещав композитору опеку над восьмилетним сыном Карлом.

Женившись в 1806 г. на Иоганне Рейс, младший брат Бетховена сумел сначала скопить небольшое состояние и даже купил домик в окрестностях Вены, но беспутная жизнь жены разрушила дела его, и умер он, оставив весьма скудные средства сыну и «королеве ночи» (исчадие мрака, действующее лицо в опере «Волшебная флейта» Моцарта), как называл композитор ненавистную свою невестку.

Отношения Людвиг к братьям были не менее своеобразны, чем к друзьям: то он выражал им свое доверие и сердечную привязанность, то подозрительность и враждебность, то заботился об их благосостоянии, щедро помогал обоим в предприятиях или нужде их, то грубо выгонял из дома или выражал презрение. Лет за десять до описываемой нами эпохи брат Иоганн хотел оказать услугу Людвигу и сам принес ему следующее любезное послание:

«Его сиятельство князь Лобкович приглашает г-на Бетховена участвовать в музыкальном вечере, который состоится сегодня в Аугартене. Начало в 7 часов. Вена, 4 марта 1807 г.»

Но услуга была неудачна: композитор был в это время чем-то раздражен и зол на брата, он ответил ему бранью и вытолкал за дверь. Впоследствии Иоганн содержанием аптеки и подрядами приобрел состояние, съездил в Италию, купил себе имение Гнейксендорф, на берегу Дуная, и кичился своим богатством, которым был обязан отчасти Людвигу, ссудившему ему небольшую сумму для подрядов военного времени.

Жители Вены знали его четверку коней с роскошной упряжью; уважение его к гениальному брату выразилось в том, что лошади имели клички: Фиделио, Эгмонт и т. п. Маленького роста, рыжий, некрасивый, с прищуренными глазами, из которых один был парализован, с кривым ртом, в эффектных, кричащих нарядах выезжал он в Пратер, где все обращали внимание на брата «чудака-композитора», что не мешало последнему называть Иоганна Иудой Искаротом, Азинаио, Каином, Псевдонимом и т. п.

В обзаведении брата экипажем наш композитор также принимал некоторое участие, что видно из его записки к барону Нессеру:

Барону фон Нессеру.

Любезный барон!

Вы обещали дать мне ответ насчет экипажа, прошу вас об этом покорнейше, если вы мне его не можете дать сегодня, то пришлите завтра в дом Паскалоти на Molker Bastey, где будет мой слуга, который перешлет сейчас же в Баден — слуга мой бывает обыкновенно дома ежедневно с утра до полудня и после обеда с 3 до 7, но если его не окажется, то прикажите отдать ваш ответ привратнику. — Может быть, за это время найдете что-нибудь другое. Простите мою назойливость, никого из друзей моих нет здесь, а я сам не могу ни решиться, ни справиться.

Завтра уезжаю в Баден. Оттуда возвращусь в субботу и тотчас явлюсь к вам.

ваш покорнейший Бетховен.

Господину барону фон Нессеру.

В 1823 г. Иоганн прислал композитору визитную карточку с такою надписью:

«Иоганн ван Бетховен, владелец имения».

В ответ на это брат послал ему другую:

«Людвиг ван Бетховен, обладатель мозгов».

Отношение к другому брату, Карлу-Гаспару, было таково же; еще в 1809 году Людвиг писал о нем Иоганну, пометив записку по рассеянности 1089 годом:

К г-ну Иоганну ван Бетховену в Линц.

Дорогой брат! — Письмо для тебя уже давно готово. — Пусть только Господь пошлет немного чувства другому господину брату — вместо его бесчувственности. — Я много страдаю из-за него. Вследствие плохого слуха я всегда нуждаюсь в посторонней помощи. Кому же должен я довериться?

Вена, 28 марта 1089 г.

Отдать в аптеке «Zur goldenen Krone».

Во время болезни брата Карла в 1815 году однажды Людвиг влетел в комнату с криком:

— Эй, вор! Где мои ноты?

После взаимного обмена подобными эпитетами жена Карла швырнула композитору рукопись, вероятно, принятую в залог ссуды или для отсылки издателю. В то же мгновение Людвиг преобразился, успокоился и стал просить прощения; но больной Карл продолжал бранить его; тогда Людвиг бросил тут же ноты и выбежал из комнаты.

Вскоре после того Людвиг встретил больного брата на Ferdinands-Brucke и, не стесняясь толпы прохожих, бросился обнимать и целовать его, потом повез его к себе, не переставая проявлять свои чувства в экипаже, на улице и дома. Племянник его Карл, рассказывая это, прибавляет: «вообще мне иногда казалось, что меня окружают сумасшедшие».

После смерти брата Людвиг пишет в дневнике:

«Ах, братец, услышь меня! Я оплакивал тебя и теперь еще оплакиваю. Ах, отчего ты не был откровеннее со мною; ты жил бы еще и не погиб бы так злосчастно, если бы раньше отвернулся от... и сблизился со мною...»

«Если кого считают лгуном, то трудно ему чего-либо добиться от людей». Кроме забот материального свойства, завещание брата, благодаря указанию на совместную опеку Людвиг и Иоганна над малолетним Карлом, было причиной множества огорчений, хлопот, раздоров, продолжавшихся долгие годы и не раз омрачавших дни композитора.

«Опекуном сына моего, — сказано в завещании, — назначаю брата моего Людвиг ван Бетховена. Он проявил в отношениях ко мне глубочайшие братские чувства, он поддерживал меня вполне благородно и великодушно, а потому уверен я, что он перенесет на сына моего Карла то расположение, которое выказывал ко мне; он примет все меры, чтобы обеспечить будущность сына моего и озаботится его умственным образованием... Зная, что брат мой Людвиг ван Бетховен пожелает взять к себе сына моего Карла, чтобы избавить его от забот матери, и что брат мой и жена моя не ладят между собою, считаю нужным оговорить, что я не желаю удаления сына моего из материнского дома его. Напротив, желаю оставить его под надзором матери до той поры, когда воспитание и образование потребуют удаления. Итак, жена моя должна опекать Карла совместно с братом моим. Предуказанная мною, при назначении опекуном брата, цель должна быть достигнута обоюдным соглашением. В интересах сына моего прошу жену мою быть более уступчивою, а брата — быть возможно снисходительнее».

На пороге новой жизни, могущей отчасти осуществить лелеемую десятки лет мечту о семейном очаге, Бетховен со всей силой своего любвеобильного сердца привязался к племяннику Карлу; желание брата было для него священным долгом, а завещание было документом, утверждавшим права его на воспитание. Однако, роковая оговорка давала в руки «королевы ночи» оружие для борьбы с единовластием дяди; капризная, взбалмошная женщина не хотела лишиться прав, которые озлобляли противного ей деверя и открывали доступ к пользованию наследством мужа.

Наследство брата состояло из 2 тысяч гульденов (приданое Иоганны), из дома, стоимостью а 16000 фл., приносявшего 2500 фл. в год, и пенсии в 440 фл.; по завещанию сын имел право на 1/4 часть недвижимого имущества, тем не менее мать пользовалась всеми доходами, довольно долго получала пенсию полностью и стремилась продать дом, чтобы иметь свой постоянный доход с капитала, но ввиду долга в 4000 фл. на дом было наложено запрещение, от которого ей не удавалось избавиться. Людвиг, взяв к себе Карла, добровольно отказался от следуемой ему доли, чтобы избежать новых неприятностей с матерью мальчика. Небольшие денежные средства, ранее скопленные братом, были израсходованы на лечение болезни, к тому же супруги вообще были не из экономных, любили роскошь и щегольские наряды. Мать Карла была женщина беспокойная, неуживчивая, с весьма страстным, живым темпераментом, поражавшим даже тех, кто знал ее впоследствии, когда Иоганне перевалило за 80 лет; она постоянно нуждалась, постоянно просила у сына денег, писала ему и жене его письма, где в ярких красках описывала свое отчаянное положение: «я заложила все... завтра пристав возьмет даже мою кровать, даже постель несчастной вдовы!.. Мне остается только броситься в Дунай!..»

Финансовые соображения в этой семье были далеки от принципов композитора: алчность Иоганны вполне гармонирует с проделками сына ее Карла в добывании себе денег и с мошенничеством внука ее Людвиг в 1872 г., в Мюнхене. С одной из внучек Иоганны, умершей в 1868 г., в 82-летнем возрасте, довелось мне познакомиться в Вене; Габриелла Хеймлер обладает единственным сокровищем, имеющим отношение к великому деду ее, портретом работы Мелера (1804 года). Старушка (род. в 1844 г.) очень любезна, она охотно повторяла известные всем подробности из жизни Бетховена, но лишь беседа наша зашла о Карле, как настроение дочери его преобразилось: с гневом, с негодованием стала она бранить биографов Бетховена, осмелившихся опорочить Карла, якобы всеми уважаемого, прекрасно аттестованного начальством, отличного пианиста, истинного дворянина, украшавшего свою фамилию не голландским van, а французским de. Отношение дочери к репутации отца вполне понятное, но для историка *magis amica veritas*.

В процессе с «царицей ночи» композитора приводило в негодование поведение соопекуна и адвоката Шенауера, грубого сподвижника и соучастника в интригах матери Карла; самые веселые минуты его сменялись мрачным настроением, если кто-либо произносил ненавистное ему имя этого человека. При крайней восприимчивости всякая забота отражалась на его настроении и вместе с тем на расположении его к работе, а такие неприятности, какие терпел он в деле устранения опеки «царицы ночи» и вообще в отношениях к Карлу, совершенно лишали его возможности сосредоточиться над композицией.

Штефан Брейнинг долго убеждает Бетховена отказаться от опеки, не предвещавшей добра, но советы друга детства привели к десятилетней ссоре: с 1817 до 1826 г. композитор не хотел слышать о нем и лишь перед смертью помирился со своим другом детства, со своим земляком, которого называл своим Ариэлем, а в минуты благодущия — «пуговицей штанов моих».

Опека матери была временно устранена судом 9 января 1816 г., а 8 марта ей запретили даже навещать сына в пансионе; Иоганна мстила всячески, являлась к нему передокою, распускала слух, будто решение суда состоялось большинством одного голоса, подкупленного композитором, и т. п., что не раз вызывало взрыв негодования и затем продолжительное удрученное настроение последнего.

Бетховен, раб. Хеккеля.

В отношении к племяннику Бетховен страдал каким-то ослеплением, да и кто из родителей не считает чад своих лучшими, безупречными! Композитор был уверен, что «сын его» богато одарен от природы и создан для каких-то великих задач и подвигов; он, великий музыкант, в этом бездарном юноше находил зачатки музыкального гения и старался развить их, поручив преподавание Карлу Черни, сам занимаясь с ним и водил с собою слушать лучшие концерты; к педагогу дель Рио, в пансион которого поступил мальчик в начале 1816 года, композитор предъявлял исключительные требования, якобы соответствовавшие исключительным способностям Карла и, конечно, вызывавшие протесты воспитателя. Нрав композитора был в полном разладе с элементарными требованиями педагогики и содействовал развитию в мальчике многих пороков. С первых же дней опекуна дядя стал проявлять к мальчику необыкновенную

привязанность; баловал его, навещал часто в пансионе, водил с собою на прогулки, а если был занят, то писал ему записки, полные нравoucений, советов и сердечной заботливости. Однажды, слушая какую-то пьесу, Карл заснул на коленях композитора; когда же заиграли произведение последнего, то мальчик проснулся и весело закричал:

— Ах, это музыка дяди!

Такие эпизоды приводили, конечно, в восторг и умиление композитора, обратившего мальчика в объект своей импровизированной педагогики и психологических экспериментов, разбавленных значительной дозой сентиментальной ласки.

В сентябре того же 1816 года Карл, страдавший грыжей, подвергся операции, произведенной доктором Сметаной в пансионе дель Рио; с трогательной нежностью отнесся сердобольный дядя к мучениям мальчика, а болезнь эта еще крепче сковала узы привязанности к нему, что легко проследить по переписке его с Карлом и содержанием пансиона, откуда мальчик был взят временно домой.

Дорогой мой Карл!

Сегодня не могу видеть тебя. Масса работы! К тому же я еще не совсем здоров. Впрочем, не беспокойся ни о чем. Ведь я тоже горжусь твоим отце, но мы можем почтить его память лишь следующим образом: ты должен продолжать свое учение с величайшим рвением и стараться быть честным, образованным человеком; я же заменяю тебе отца; ты видишь, что я делаю все, чтобы заменить его вполне.

Завтра утром, наверное, увижу тебя. Всего лучшего всей Дж-ской семье.

Преданный тебе и любящий дядя Л. в. Бетховен.

Дорогой К.

Тебе следует по предписанию г-на ф. Сметаны принять перед операцией несколько ванн. Теперь погода хорошая и как раз подходящее время. Жду тебя у Штубентора. Конечно, следует сначала спросить разрешения у г. ф. Дж. — Одень кальсоны или возьми с собой, чтобы сейчас же после ванны одеться теплее, так как, вероятно, погода будет скверная. — Не приходил ли еще портной?

Когда он придет, то пусть снимет мерку для полотняных кальсон; они нужны тебе. Если г-жа Дж. знает, где он живет, то мой слуга мог бы послать его к тебе.

Прощай, сын мой!

Ради тебя я обратился в пуговицу от штанов твоих.

Л. в. Бетховен.

В приводимых далее письмах и записках к Афанасию дел Рио композитор закликает его Кастальскими родниками или источниками (вдохновлявшими, по греческой мифологии, поэтов и посвященными Аполлону и музам) немедленно сообщить нужные ему сведения о платье и белье Карла; упоминает аббатису или настоятельницу монастыря, как называл он старшую дочь дель Рио, заведовавшую домохозяйством и постоянно бряцавшею вязанкою ключей, а также упоминает адвоката Адлерсбурга, который помогал композитору в процессе с Иоганной; последнюю он иногда называет двумя буквами — К. Н. (королева ночи).

К Джааннатазио дель Рио.

Чтобы не обременять своей памяти всем этим множеством брюк, чулок, башмаков, кальсон и т. п., покорнейше прошу высокородную и почтеннейшую госпожу А. Д. скорее записать и довести до сведения нижеподписавшегося: сколько локтей кашемиру нужно для черных брюк моего быстроногого племянника и, во имя Кастальских родников, прошу ответить мне и не заставлять напоминать об этом более. Что касается госпожи аббатисы, то этот вопрос будет сегодня вечером предложен Карлу на голосование, а именно: оставить ли все в прежнем положении.

Ваш благо и худародный Л. в. Бетховен.

Посылаю вашему высокородию плащ и учебник моего Карла. Прошу сообщить мне список взятого им с собою платья и вещей, чтобы я мог его списать для себя, так как, в качестве опекуна, я должен заботиться о его имуществе. Завтра около половины первого возьму Карла на концерт, потом он пообедает со мною, и уже после обеда я приведу его к вам. Что касается матери, то прошу вас совсем не допускать ее к нему под предлогом, что он занят. Никто не может лучше меня знать и судить о том, насколько принимаемые мною меры на пользу ребенка страдали от этих свиданий. Я переговорю с вами лично о том, как в будущем устраивать свидания матери с сыном. Во всяком случае, нежелательно, чтобы свидания происходили так, как это случилось вчера. Всю ответственность в этом отношении беру я на себя; законы страны дают мне право и власть устранять все, что вредит ребенку. Если бы они видели в ней честную мать, то, конечно, не лишили бы ее права опеки. Несмотря на ее болтовню и хитрые домогания, во всем совете за нее был подан только один голос.

Я был бы рад не заботиться об этом, так как и без того ноша тяжела. Из моего вчерашнего разговора с Адлерсбургом и судьями выяснилось, что необходимо продолжительное время, чтобы с точностью определить права ребенка. Неужели меня и теперь будут преследовать опасения, от которых, я полагал, меня избавит ваш пансион?

Прощайте. С почтением, преданнейший Л. в. Бетховен.

Милостивый государь!

Сообщаю вам с великим удовольствием, что, наконец, завтра доставлю вам вверенного мне дорогого заложника. — Прошу вас еще раз не допускать влияния матери. Когда и как она может с ним встречаться — сговоримся подробно завтра... Вы сами должны также наблюдать за своей прислугой, потому что моя была уже ею подкуплена, хотя тут были другие обстоятельства! — Подробно переговорю об этом лично; впрочем, я предпочитаю об этом молчать и если говорю, только ради вашего будущего космополита.

С глубочайшим почтением преданнейший слуга и друг Бетховен.

Я слышал, мой уважаемый друг, что вы хотели передать мне кое-что. Я пришел бы к вам вчера вечером, но, к сожалению, было слишком поздно. Полагаю, что это ничто иное, как письмо от К. Н. и прошу вас переслать его мне.

Хотя вы уже 2 раза позволяли мне брать Карла, однако прошу вас отпустить его еще завтра в одиннадцать часов, потому что я хочу взять его на интересный концерт; мне хочется также, чтобы он поиграл у меня, чего давно уж не было. — Кроме того, прошу вас сегодня заняться с ним более обыкновенного, чтобы, так сказать, несколько навстретить праздник.

Сердечно обнимаю вас и остаюсь ваш Л. Бетховен.

Прошу вас, многоуважаемый Д., послать ко мне сейчас Карла с пателем этого письма, иначе мне не представится возможности повидать его сегодня, а это было бы в ущерб ему, так как требуется мое содействие. Ввиду этого пришлите с ним несколько строк относительно его поведения, чтобы я мог теперь же сделать ему необходимые наставления. — Сегодня отправляюсь на дачу, откуда вернусь поздно вечером. Так как я поневоле нарушаю ваши порядки, то прошу снабдить Карла бельем на тот случай, если будет слишком поздно доставить его к вам, и чтобы я мог оставить его на ночь у себя, а завтра рано утром отправить к вам.

Спешу, как всегда, ваш Л. в. Бетховен.

Если Карл пришел домой поздно, то прошу, мой друг, простить меня. Мы должны были ждать одного господина, и так как он опоздал, то мы не успели вовремя, такой погрешности против ваших порядков я больше не повторю. Относительно вашего желания совсем не видеть у себя матери Карла я с вами вполне согласен. Это гораздо целесообразнее и полезнее для нашего дорогого Карла; в этом я убежден по опыту; всякое посещение оставляет после себя горький осадок в душе К-а, он только теряет и ничего не выигрывает. Пожалуй, будет лучше устроить его у меня, вследствие чего легче можно будет также прервать сношения с нею. Так как мы вполне сходимся во взглядах относительно матери, то в деталях воспитания нам надо согласоваться только с нашим мнением.

Сердечно обнимаю ваш друг Бетховен.

28 июля 1816 г.

Уважаемый друг!

Многочисленные обстоятельства заставляют меня взять Карла к себе и потому позвольте прислать вам плату за предстоящую четверть года, по прошествии которой Карл будет взят. — Не приписывайте этого ни себе, ни прекрасному пансиону вашему, а совершенно иным многочисленным и очень важным причинам, в целях пользы для Карла. Это будет первый опыт. Прошу вас, когда представится в том необходимость, помогать мне вашими советами и, кроме того, позволить Карлу по временам посещать ваш пансион. Будем вечно вам благодарны и никогда не забудем вашего попечения и необыкновенной заботливости вашей дорогой супруги, которая сделала для Карла не менее, чем лучшая мать. Если бы только мое состояние позволяло, то я прислал бы вам, по крайней мере, в четыре раза больше того, что посылаю.

При первой возможности постараюсь отплатить за ваше воздействие на физическое и нравственное развитие Карла. — Отношения к Королеве Ночи пусть останутся прежние даже тогда, когда К-у будут делать операцию у вас, а так как в это время он будет впечатлительнее и раздражительнее, то тем менее следует допускать ее, потому что у К. могут

явиться воспоминания о прежнем, чего мы не должны допустить. Как мало можем мы рассчитывать на ее исправление, показывает вам эта пошлая пачкотня. Сообщаю вам об этом, чтобы вы сами убедились, насколько прав я, настаивая на том образе действия, который принят мною по отношению к ней. Впрочем, в этот раз я ей ответил как султан, а не как Зороастр. — Если операция Карлу должна быть сделана у вас, от чего я охотно избавил бы вас, то будьте добры сообщить мне: что особенно беспокоит вас и потребует лишних расходов, чтобы я мог вознаградить за все. Итак, прощайте; всего хорошего вашим милым деткам и вашей прекрасной супруге, которую прошу также впредь заботиться о моем Карле. Вену покидаю завтра в 5 часов утра. Впрочем, буду наезжать часто из Бадена.

С всегдашним почтением Ваш Бетховен.

Покорнейше прошу госпожу А. Д. заказать для Карла несколько пар нижнего белья из хорошего полотна. Поручаю ей Карла, полагаюсь вполне на ее материнскую заботливость

Л. в. Бетховен.

Воскресенье, 22 сентября 1816 г.

Не следует говорить о том, что известно. — Я получил от вас сообщение, что операция Карла прошла благополучно; излишне говорить о моем чувстве признательности. — Позвольте об этом не заикаться ни словом, хотя вы не имели бы ничего против выражения моих чувств; впрочем, молчание... — Вы, конечно, понимаете, что я желал бы знать, как идет теперь поправление моего дорогого сына; кроме того, не забудьте точно указать мне вашу квартиру, чтобы я мог писать прямо к вам. После вашего отъезда я писал отсюда Бернарду, чтобы он справлялся у вас, но не получил никакого ответа. Вы можете, наконец, считать меня беспечным варваром, так как г. Б., вероятно, так же редко бывал у вас, как писал мне. — Благодаря вашей милейшей супруге я решительно не беспокоюсь; это совершенно излишне. Мне досадно, что не могу разделить страданий моего Карла, и вам вполне понятно, что мне хочется, по крайней мере, возможно чаще иметь сведения о его состоянии. Так как я отказался от такого беспечного и безучастного друга, как г. Б., то должен посягнуть на вашу доброту и любезность. Надеюсь вскоре получить от вас несколько строк. Шлю лучшие пожелания и приношу тысячи благодарностей вашей уважаемой супруге,

Второпях, ваш Л. ван Бетховен.

Передайте мое почтение и поклон Сметане.

В случае, если вы ничего не имеете против, прошу вас прислать ко мне сейчас же Карла. — Второпях я забыл сказать, что любовь и доброта, которые проявила госпожа А. Д. по отношению к моему Карлу во время его болезни, занесены в мою большую долговую книгу и я вскоре докажу, что постоянно вспоминаю об этом.

Может быть, увижу вас также с Карлом сегодня.

Второпях, уважающий вас друг Л. в. Бетховен.

Уважаемый друг!

Мое хозяйство напоминает кораблекрушение или близится к нему. Вы уже знаете, что меня провели с этим домом. Мое здоровье, видимо, не торопится восстановиться; при подобном положении дел я никак не могу взять эконома, совершенно его не зная, и подвергнуть, таким образом, моего Карла всевозможным случайностям; снова мне приходится жертвовать во многих отношениях. Итак, прошу вас на следующую четверть года, начиная с 9 числа, снова взять Карла к себе. Ваше предложение относительно занятий музыкою я принимаю, так что Карл 2-3 раза в неделю будет приходить ко мне в 6 часов вечера и оставаться у меня до 8 часов утра следующего дня, когда он будет возвращаться к вам. Было бы слишком трудно и для К., и для меня заниматься ежедневно, так как это должно было бы происходить всегда в одни и те же часы, что утомляло бы и стесняло бы.

В течение этой четверти года мы поговорим подробнее о том, что всего целесообразнее для К., принимая при этом во внимание его и мои интересы. К сожалению, приходится высказать это, ибо обстоятельства все более ухудшаются. Все уладилось бы как нельзя лучше, если бы ваша квартира в саду не была опасна для моего здоровья. Что касается платы за эту четверть, то я должен попросить вас сделать мне одолжение и освободить от нее, так как податель этого письма наделен от Бога счастьем быть несколько глуповатым, что может его радовать, если только это не касается других. — Относительно прочих издержек для Карла, связанных с периодом его болезни, прошу вас потерпеть несколько дней, так как в настоящую минуту у меня много расходов.

Желал бы знать, сколько следует заплатить за удачную операцию, сделанную Сметаной; если бы я был богат или не был бы в положении тех (кроме австрийских ростовщиков), которые прикованы судьбой к этой стране, то не справлялся бы об этом, хочу узнать только приблизительную сумму.

Прощайте, сердечно обнимаю вас. Всегда буду видеть в вас друга для себя и для моего Карла.

С почтением Л. ван Бетховен.

Как хотелось бы мне избавить вас от совершенно ненужной, по моему мнению, и неблагоприятной работы, но никак не могу. — Вчера, намереваясь разыскать некоторые письма, я нашел письмо, касающееся Карла и присланное мне в пакете. — Я не могу сразу разобраться и вы оказали бы мне большую услугу, если бы кто-нибудь из ваших домашних составил для меня краткий список ваших расходов на Карла, и если бы я мог получить этот список завтра. — Надеюсь, вчерашний разговор о великодушии не вызвал недоразумений; конечно, не вас тут имели в виду. Это касалось только королевы ночи, которая не перестает направлять против меня все паруса своей мести; документы мне нужны скорее ради других, чем из-за нее (давать ей какой-либо отчет о моих действиях я не намерен). Гербовая бумага совершенно излишня. Укажите вообще цифру расходов за каждую четверть года, без подробностей, так как большинство счетов, я думаю, найдется; необходимо только приложение вашего расчета.

С п. Л. в. Бетховен.

Уважаемый друг!

Прошу вас отпустить Карла завтра, так как это день смерти его отца и мы собираемся сходить на могилу. — Я зайду за ним в 12 или в час. — Хотелось бы мне знать, какое впечатление на К. произвело мое об-

ращение с ним после ваших недавних жалоб. Во всяком случае, меня очень тронуло, что он так чуток в отношении своей чести. Еще у вас я намекал на недостаток прилежания; на обратном пути мы были серьезнее, чем обыкновенно; он сильно жал мне руку, но я не отвечал. За обедом он почти не ел и говорил, что очень опечален, причины чего однако я не мог от него узнать. Наконец, во время прогулки он объяснил мне, что грустен, потому что не может быть таким же прилежным, как раньше. При этом я продолжал относиться по-своему, хотя и более ласково, чем прежде. Несомненно, проявляется чувство нежности, и эти проявления позволяют мне надеяться на многое хорошее. — Если я не приду к вам завтра сам, то напишите мне несколько строк о том, какое последствие имело пребывание Карла со мною.

Прошу вас еще раз прислать мне счет за прошлую четверть года. Я думаю, что вы неверно поняли мое письмо, и, может быть, это не раз случалось. Поручаю вам моего милого сиротку и кланяюсь всем вашим.

Ваш друг Бетховен.

Простите, уважаемый друг; эти деньги лежат наготове уже не менее, если не более 12 дней. Очень занят и все еще поправляюсь, но еще не могу сказать, что здоров.

С почтением, второпях, ваш всегда Л. в. Бетховен.

Что касается матери, то она выразила желание видеть Карла у меня. Вы замечали, как я несколько раз колебался оказать ей большее доверие; жестокость противна мне тем более, что она может повредить Карлу. Наконец, вы легко можете себе представить, как мне, привыкшему к свободе, невыносимы те постоянные опасения, которые преследуют меня из-за К., между прочим, и в отношении его матери. Я сам был бы рад ничего о ней не слышать; такова причина, почему я вообще избегаю говорить о ней. — Что касается К., то прошу требовать от него полного послушания; если он не слушается вас или кого-либо другого, кого должен слушаться, то наказывайте его. Обращайтесь с ним, как с вашим собственным сыном, а не воспитанником. Я говорил вам, что при жизни отца только побоями могли его заставить слушаться; это очень печально, но верно и не следует этого забывать. Во всяком случае, если вы меня видите редко, то не приписывайте этого чему-нибудь иному, кроме моей нелюдимости. Она проявляется иногда в большей, иногда в меньшей степени, что можно было бы приписать непостоянству моего настроения, хотя между ними мало общего. Благодеяние остается для меня незабвенным, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Только благодаря нынешним тягостным временам я не могу проявить сильнее своей вам благодарности за Карла, но все во власти Божьей, и мое положение тоже может улучшиться; тогда поспешу доказать вам, с каким почтением относится к вам всегда благодарный друг

Л. в. Бетховен.

Прошу вас прочитать это письмо вместе с Карлом.

Карл должен быть сегодня, около 4 часов, у г. Б.; будьте добры попросить его учителя, чтобы отпустил Карла в половине 4-го. — Если это невозможно, то он должен отложить занятия; в последнем случае я найду за ним; в первом же случае пусть ждет меня в верхнем коридоре

университета. Чтобы не произошло недоразумения, прошу вашего точного ответа: где мы можем встретиться? — Так как в вас заметили пристрастие, то я иду с Карлом... Если вы меня не видите, то это благодаря страданию, которое я только теперь испытываю вполне вследствие того ужасного события.

Второпях ваш Бетховен.

Болтовня этой злой бабы так меня утомила, что я не могу сегодня ответить на все вопросы. Завтра вы получите все сведения.

Все же ни за что не допускайте ее к Карлу; продолжайте, как раньше, допускать ее только один раз в месяц. Пусть нынешнее положение вещей останется неизменным на будущее время.

Второпях ваш Л. ван Бетховен.

Уважаемый друг, содержание нашего позавчерашнего разговора с Г. ф. Шмерлингом таково. «Без разрешения своего опекуна Карл ни под каким видом не может быть взят из института, мать не может посещать его там — если она пожелает видеть его, то должна обратиться к опекуну, который примет меры к тому».

Такого рода бумагу я получу от ос. — в отношении к этой женщине можете пока руководствоваться этим определенным требованием. Сегодня около 12 часов я с другом моим Бернардом потревожим вас, чтобы составить бумагу и включить туда все, что вы найдете нужным. III. хочет приложить ваше письмо. Эту ночь Царица ночи была на балу артистов до 3 час. не только с обнаженными мыслями, но телесами — за 20 ф., шептали ей на ухо, чтобы она — отдалась бы — о, ужасно и в этих руках должны мы оставить наше драгоценное сокровище хоть минуту? нет, конечно нет. Обнимаю вас сердечно как друга моего и как отец Карла

ваш Людвиг ван Бетховен.

Взяв к себе племянника, Бетховен старался изменить некоторые свои привычки, более свойственные холостому человеку, нежели отцу семейства. Своего хозяйства у него не бывало, хотя катар желудка давно требовал домашнего стола; обедал он обыкновенно в ресторане, в случае же болезни лакей его принужден был проявлять свое кулинарное искусство, а Цмескаль — проверять произведенные расходы. Капризный нрав композитора, его глухота и убежденность в недобросовестности прислуги, несмотря даже на участие и посредничество друзей, устанавливали взаимные враждебные отношения; словесно и письменно он жалуется приятелям, возмущается, хнычет, брюзжит, не проявляя, конечно, никакого расположения к поварской бухгалтерии и нередко нанимая слугу лишь на короткое время, чтобы дать возможность Цмескалю подыскать другого. Вскоре затем пришлось обзаводиться своим хозяйством, взять кухарку и, кроме того, экономку; замена одного лакея двумя представительницами слабого пола внесла в дом Бетховена еще больше беспорядка: ссоры и брань, жалобы и брюзжание раздавались все более crescendo, а раздражительность и упадок сил, как физических, так и духовных, стали наступать все чаще и все более accelerando, отталкивая его от композиции, от уроков эрцгерцога,

от посещения театров и салонов, от возни с прислугою и хозяйством, предоставленным попечению г-жи Штрейхер.

Обзаведение собственным хозяйством вызвало необходимость в знакомстве с организацией его, вследствие чего в дневнике композитора появляется ряд вопросов его и ответов неизвестного лица, определяющих, главным образом, харчевое довольство прислуги.

Что дают 2 прислугам в обед и ужин, в отношении качества и количества?

В будни 2 прислугам дают две полн. тарелки супа, столько же овощей и один фунт мяса вечером. Суп и овощи должны оставаться у них также к вечеру, а если нет, то не имеют права требовать.

Как часто дается им жаркое?

Жаркое дается в воскресные и праздничные дни, а именно полагая на двух один фунт. Можно также вместо жаркого давать каждому из них 5-6 грошей.

В обед или ужин?

На ужин жаркое не полагается.

Получает ли прислуга то же, что готовится для хозяина, или иное, т. е. готовят ли для себя отдельно?

Если для хозяина готовятся обыкновенные овощи, красная капуста, белая капуста, репа, картофель, чечевица, горох и т. п., то лучше стряпать для всех вместе, ибо при отдельном стряпании тратится больше сала. Тоже самое с супом. Мясо варится одним куском.

Если же для хозяина готовят другие овощи, вроде цветной капусты, сладкого корня, спаржи или что-либо иное дорогое и в небольшом количестве, то прислуга может готовить что-либо подешевле.

Сколько мяса берется на 3 персоны?

NB. Вообще тогда только выгодно варить для прислуги отдельно, когда ее много или большое хозяйство. Так как на 1 человека полагается полфунта мяса, то на 3 персоны идет полтора фунта.

Сколько денег на хлеб получают в день экономка и горничная?

Экономка получает ежедневно денег на хлеб 12 кр., столько же и кухарка.

Как быть при стирке, получают ли тогда экономка и горничная больше?

Если у одного господина 2 женские прислуги, то само собою понятно, что они стирают его и свое белье, платы за это отдельно не полагается, можно каждой из них по этому случаю дать по стакану вина. Но порядочная прислуга понимает, что это не обязательно.

NB. При найме прислуги следует сговориться относительно стирки и глажения.

Как с вином и пивом? дается ли и когда?

Вино и пиво даются прислуге только по доброй воле и для поощрения при стирке, мытье, общей уборке и т. п.

Завтрак?

К вечеру для прислуги остаются овощи. Верный глазомер кухарки служит порукой. В зависимости от времени года и качества изменяется цена; тем не менее для 3 персон берется овощей в среднем на 18 кр. Иногда несколько кр. больше, иногда меньше.

NB. NB.

Сегодня, в Сочельник, прислуга получает постный суп, овощи, порцию рыбы и хороший кусок печенья. Если она получит это к обеду, то вечером дается обеим порция масла или сыра, или же наоборот, ибо

день этот постный и горячую пищу едят только раз в день. Завтра, в день Рождества Христова, каждая получает кроме жаркого 2 сосиски и овощи и непременно стакан вина.

Basta.

Цмескалю, получившему в это время посвященный ему и только что изданный квартет ор. 96, он посылает ряд записок, касающихся почти исключительно своих домашних дел.

16 октября 1815 г.

Извещаю вас, что я здесь, а не там, и желаю точно так же знать — там ли вы или здесь? Хотел бы поговорить с вами несколько секунд, если вы дома и одни. — Живите сладко, но не сладострастно.

Комендант паша, обладатель разных рухнувших крепостей

Второпях, ваш друг Бетховен.

28 октября 1815 г.

Любезный Ц. Вы конечно сочли меня вчера крайне невоспитанным, так как я не дождался, пока вы оделись, но мне надо было поспешить в одно место, где меня ожидали и, находясь у вас, я уже опоздал туда на полчаса, тогда как меня там уже ждали. От вас туда надо было тоже, по крайней мере, четверть часа, итак, меня ждали целый час, таким образом, хотя мне хотелось остаться у вас, но был вынужден уйти и скорее отправился туда, чтобы не опоздать еще больше.

Ваш Л. ван Бетховен.

31 октября 1815 г.

Любезный Ц. Никак не могу прийти к вам сегодня, так как приглашен на обед и не выберусь оттуда раньше 5 часов; пожалуйста, прикажите поэтому портному прийти завтра в 3 часа, и если уж это так необходимо, то приду в Ц-ское Д-ское кафе — если же что-либо помешает вам завтра, то сообщите мне об этом вовремя — если же вы не напишете и не откажете, то приду.

Второпях ваш друг Бетховен.

31 декабря 1815 г.

Приду к вам, дорогой Ц., наверно завтра утром в 10 ч., но жаль, что ради меня вы стесняете так себя

второпях ваш Бетховен.

21 января 1816 г.

Да! Меня тоже туда же, хотя бы это было даже ночью.

Второпях Бетховен.

7-го апреля 1816 г.

Нижеподписавшийся покорнейше просит вернуть Вейсенбаха, так как последний не принадлежит ему, что влечет за собой некоторые неприятности.

Второпях ваш Бетховен.

Баден, 4 сентября 1816 г.

Многоуважаемый Ц.! Не знаю, получили ли вы недавно записку, положенную к вам на порог; я не имел времени повидать вас. Повторяю вам еще раз мою просьбу относительно нового слуги, так как нынешнего я не могу более держать из-за его поведения. Он был нанят 25 апреля; следовательно, 25 сентября исполнится 5 месяцев, как он у меня; он получил вперед 50 фл. Деньги на обувь буду считать с 3-го месяца (службы у меня), по расчету 40 ф. до конца года; на ливрею также с 3-го месяца. Так как я с самого начала не намеревался его оставить у себя, то медлил с уплатой, не опасаясь потерять свои 51 фл. Теперь, если я найму другого, то 25-го могу отпустить этого и заплатить ему 25 фл. на обувь и по 5 фл. в месяц на ливрею (то и другое, начиная с 3-го месяца), что составит вместе 35 фл.; таким образом я сберегу 15 фл., которые иначе были бы потеряны и как бы доведу до моих 50 фл. — Не найдете ли кого-либо подходящего? В Бадене он будет получать в день по 2 фл., если умеет, то может варить для себя в кухне на моих дровах (у меня имеется кухня, но для меня не готовят в ней); если же он не умеет, то прибавлю ему несколько крейцеров. Когда переселюсь в Вену, то он будет получать в месяц 40 фл., прочее — ливрея, сапоги и т. п., — считаю с 3-го месяца службы у меня, как было установлено для предыдущего. — Было бы прекрасно, если бы он знал портняжное дело. Еще раз прошу вас ответить мне не позже 10 числа этого месяца, чтобы я мог отказать слуге 12-го, т. е. за 14 дней, как принято. В противном случае я должен держать его еще следующий месяц, тогда как я рад избавиться от него во всякую минуту. — Как вы знаете, от нового слуги требуется приблизительно следующее: он должен быть хорошего поведения, исправен, с хорошими рекомендациями, женат и не кровожаден, чтобы я не боялся за свою жизнь, ибо не хотел бы сократить ее ради этого сброда. — Итак, ожидаю от вас доклада о слуге не позже 10-го числа этого месяца. Не сердитесь; на днях пошлю вам свое сочинение о 4-х струнах виолончели; очень основательно составлено. Первая глава вообще о кишках, вторая о струнах кишечных и т. д. — Мне нечего напоминать вам, чтобы вы опасались ран, наносимых при некоторых крепостях. Всюду глубокая тишина!!! Прощайте, мой милейший Цмескальчик. Я, как всегда — un povero musico

и ваш друг Бетховен.

NB. Быть может, возьму слугу только на несколько месяцев, так как придется, ради Карла, взять экономку.

30 сентября 1816 г.

Дорогой Ц.! Мой слуга пробирается посредством фальшивых ключей в чужие комнаты. Надо спешить, если бы до 25-го нашелся новый, то я прогнал бы этого давно. — Сегодня после 3 или к 4 часам постараюсь переговорить с вами

Второпях ваш друг Бетховен.

24 октября 1816 г.

Благо- и хутородный (как всякий другой). Сегодня в Бадене мы подносим достопочтенному естествоиспытателю Рибини коллекцию опавших листьев.

Завтра мы подвергнем вас испытанию, т. е. посетим вас и пр. и пр.
Ваш искреннейший Л. в. Бетховен.

3 ноября 1816 г.

Дорогой Ц.

Я не могу согласиться с вашим мнением относительно моих слуг. — Прошу вас сейчас же прислать с г. Шлеммером все касающиеся их бумаги, свидетельства и т. п. — Имею основание сильно подозревать их в воровстве. — С 14 числа прошлого месяца я болен и должен оставаться в постели и в комнате. — Все проекты относительно моего племянника разрушены этими жалкими людьми — как всегда, ваш Л. в. Бетховен.

5 декабря 1816 г.

Дорогой мой новоиспеченный советник!

Прошу вас прислать мне обратно три экземпляра «Битвы при Виттории». Оставьте Бар. К-та; надеюсь, он может подождать, пока нас скажут в могилу.

Скажите, где можно достать лучшие барометры, и какова цена?

Вскоре увижу вас. Как всегда

Ваш друг Бетховен.

Госпоже фон Сенескаль.

Добрейшая г-жа Сенескаль.

в Violin primo квартета 1-ое *allegro* вместо 4 обозначенных X нот должны быть только 3, т. е. триоли

Госпожа фон Сенескаль, я — ваш Шармантескаль.

Я сам приду к вам, дорогой Ц., если до сих пор не был, то благодаря болезни и прочим гадостям — я решил — опровергнуть совершенно неожиданно ваше последнее письмо. — Завтра или послезавтра увижу вас

Б.

16 декабря 1816 г.

При сем, дорогой Цмескаль, получите мое дружеское посвящение, которое пусть напоминает вам о нашей продолжительной дружбе и служит доказательством моего уважения, а не концом нити, которую мы долго пряли (так как вы принадлежите к старейшим моим венским друзьям).

Прощайте и держитесь разрушенных крепостей. Сражение губит более, чем дает победа.

Как всегда ваш друг Бетховен.

NB. Если у вас найдется свободная минута, то пожалуйста сообщите мне, сколько в настоящее время стоит ливрея (не считая белья, шляпы и платы за обувь); у меня произошли чудные перемены; слуга, слава Богу, отправился к черту; зато служанка хочет водвориться, кажется, еще основательнее.

В следующий раз о другом. — Не сердитесь и сообщите мне, пожалуйста, номер вашего дома, чтобы я мог писать прямо вам. Так не сердитесь же и ответьте сейчас Бетховену, в доме гр. Оголинского на Алаингассе. Покорнейше просят г-на Черни передать это письмо г-ну ф. Цмескалю, так как я не знаю его №.

Его Благородию г-ну ф. Цмескалю в Вене.

Благодарю сердечно, любезный Ц., за данные мне указания, что касается крепостей, то я думал, что вы понимаете, что я не желаю застрять в болотах, в общем у меня труднее, чем где-либо устроить домашнее хозяйство, потому что я в этом ничего не смыслю, ровно ничего. Постоянно буду ошибаться, — что же касается вашего последнего письма, что мне сказать, — уже с детства подмечал я все хорошее в других людях и всегда помнил это, потом наступила иная пора, в эпоху изнеженности юноше была простибельна некоторая требовательность, но теперь мы вновь сильнее, как подобает нации, впрочем я и прежде старался не осуждать человека лишь за его слабость, а быть справедливым и помнить лишь доброе, что и выражалось теперь в отношениях окружающих ко мне; так, я не считал себя другом всего человечества, но всегда считал и называл некоторых из них моими друзьями, таким образом, в этом смысле и вас называю моим другом, хотя во многих отношениях мы действуем и думаем различно, но во многом мы сходимся. — Итак, — дальше не продолжаю — подвергайте чаще испытанию мою дружескую привязанность!

Как всегда ваш друг Бетховен.

Жена фортепианного фабриканта Андрея Штрейхера (друга детства Шиллера) и дочь приятеля Моцарта, фортепианного фабриканта Штейна (в Аугсбурге), Анна (Нанетта) получила хорошее музыкальное образование и, сблизившись с Бетховеном летом 1813 года в Бадене, стала, спустя года три, его «милосердною самаритянкою», часто сменявшею Цмескаля в домохозяйстве, в котором две женские прислуги заменили мужскую. Она нашла композитору опытную кухарку Баберль, или Бабетту (Варвару), и экономку Нани (Анну), при содействии которых Бетховен должен был зажить новою семейною жизнью. Сначала все шло исправно. Каждое утро кухарка являлась за распоряжениями; глухой барин пробегал вопросы, вписанные ею в тетрадь большими каракулями, на своеобразном венском наречии, и давал словесные ответы, которые можно угадать по сохранившейся письменной половине этих диалогов:

- 1) Она катает ваше белье.
- 2) Что вы хотите есть?

- 3) Мозговые клецки из супа или что-нибудь мучное?
- 4) Мясо с хреном.
- 5) Фасоли.
- 6) Котлету, бифштекс или цыпленка?
- 7) Девушки еще здесь нет; я посмотрю, что она делает.
- 8) Хотите ножную ванну? когда?
- 9) 8 часов пробило, в 9...
- 10) Что вы хотите на ночь: цыпленка и пирожного?
- 11) Что вы будете сегодня есть?
- 12) Капусту из супа или мозги?
- 13) Мясо с анчоусами или с мелким луком?
- 14) Салат с сосисками или мучное?
- 15) Хотите телятины или курицу?
- 16) Заяц был у вас сегодня, небольшой стоит 3 фл.
- 17) Пирожное? и т. д.

Г-жа Штрейхер, некогда приятельница Моцарта, питала к Людвигу братскую привязанность и охотно исполняла его многочисленные поручения, наблюдала за хозяйством его, за платьем, покупала утварь и серебро, отдавала в починку белье, проверяла счета прачки, кухарки и экономки; последние две, постоянно ссорясь между собою, в то же время стали вскоре проявлять в разных видах намерение использовать беспомощное положение глухого музыканта, чуждого мелких забот обыденной жизни. Брань, угрозы и драка были следствием таких проделок и даже появление почтенной покровительницы композитора, или «гофмейстерины», как он называл ее, не всегда сдерживало боевые инстинкты служанок. Записки и письма Бетховена, приводимые ниже в значительном числе, несмотря на озабоченный, часто гневный тон, не лишены излюбленных композитором острот и игры словами; например, сочетание слов в письме от 30 июля 1817 г.: г-жа Штрейхер, урожденная Штейн, должна оставаться камнем (Stein) и избегать заигрываний (Streich) своего мужа. Вся переписка с нею изображает нам Нанетту Штрейхер женщиной великодушной, любвеобильной и высоко ценившей личность своего друга. Некоторые места этих писем остаются до настоящего времени не разъясненными, например: относительно обстоятельств, препятствовавших иногда композитору навещать свою подругу; тем не менее по этим письмам легко представить себе Бетховена среди житейской обстановой; в них он расскажет нам не только о своих дразгах с прислугой, с экономкою Нанерль и с кухаркою Баберль, которую потом заменила другая, по имени Пеппи, но также о своих отношениях к Карлу, хворавшему некоторое время, и к его матери; тут же, между прочим, он сообщает о рояле Бредвуда, ожидаемом им из Лондона через Триест; рояль этот украсил впоследствии кабинет Франца Листа, а ныне находится в музее г. Будапешта (или Офена); доставка рояля была сопряжена с некоторыми затруднениями, устранение коих композитор возложил на банкирский дом Геникштейн и К°. В этих письмах ярко рисуется нам картина того неяршливого хозяйства в квартире артиста, где самый скромный обед обходился ежедневно около 5 гульденов, где прислуга была свидетельницей неурядливой закулисной жизни великого симфониста и нередко вступала с ним в рукопашный бой. «Для слуги не существует великого человека», — сказах Монтень... Не-

которые из этих писем адресованы в городок Клостер-Нейбург (в 7 верстах к северу от Вены), где временно проживала г-жа Штрехер.

Н. спросила меня, между прочим, имею ли кем заместить Б. Я ответил: да.

Благодарю вас. Кажется, уже вполне поправился. Присылаю также слуховую трубку, прошу завтра возвратить, ею я весьма обогатил свои наблюдения

ваш благодарный Бетховен.

Во-первых, из всего очевидно, что если вы не будете иметь своего рода высшего надзора, то я, благодаря своей слабости, подвергнусь общей участи. — Неблагодарность по отношению к вам крайне унизила в моих глазах этих обоих людей. Не понимаю, что вы еще пишете о сплетне, помню, что только однажды я сам заблудился в отношении к третьему лицу, но в совершенно ином обществе. Вот все, что я могу сказать об этом. — Я, со своей стороны, никогда не придаю значения и не обращаю внимание на болтовню толпы. И вам самим я давал советы в этом отношении, не говоря ни слова о том, что слышал; — прочь, прочь, прочь, все подобное! — Уже много раз я посылал Н. к вам, чтобы вы ей простили, а после вашего последнего прихода я не только не выбранил ее, но не произнес ни слова, ни звука и, таким образом, ясно дал ей понять мое желание; признаюсь, от подобных людей, так поступающих с вами, я не могу ждать ничего хорошего для себя, а в них обоих я не нуждаюсь. — Сегодня будет отказано Б., может быть Н. попросит у вас извинения, так как она уже сделала шаг к этому. Во всяком случае, повторяю, если кто-нибудь не возьмет всего этого под свой надзор, то и с другими нам будет не лучше. — Во всяком случае, я полагаюсь на ваше человеколюбие, подсказывающее вам стремление творить добро. В этом случае не могу содействовать вам; к сожалению, я раньше уже чувствовал это, и, тем не менее, надеюсь, что вы всегда будете охотно помогать мне

вашему другу и слуге Бетховену.

Над Н. нужно поставить кого-нибудь поумнее, если бы в этом не было необходимости, то мы могли бы обойтись, хотя не без надзора, но мы не хотим придираться, ибо каждый ошибается на свой лад. Выберите же другую и простите за хлопоты, которые причиняю вам. — Лишь только вернетесь из Клостернейбурга, прошу вас взяться за дело энергично. — Я сказал Нани, что взял слугу, не разубеждайте ее.

Злонамеренной плутовке был сегодня объявлен приговор, — она держала себя подобно Цезарю под кинжалом Брута; но у первого в основе была правота, у этой же — ужасные козни. — Кухарка, кажется, лучше, чем предыдущая противная красавица. Она не показывается больше; очевидно, не рассчитывает на хорошую рекомендацию, которую я все же думаю ей дать. — Не достает только новой экономки, но об этом прошу поразмыслить, должна хорошо стряпать, чтобы можно было переварить, должна починять рубахи и т. п., иметь потребное количество мозгов, удовлетворять потребности нашей персоны и вместе с тем заботиться о плотности кошелька.

Новая кухарка гримасничает, когда носит дрова; она забывает, что наш Спаситель также нес свой крест на Голгофу — вероятно, завтра увижу вас

второпях ваш друг Бетховен.

28 декабря 1816 г.

Еще вчера должна была Н. передать вам новогоднюю карточку, чего однако не сделала. — Третьего дня я был занят с Мельцелем, который очень спешит, потому что вскоре уезжает; поэтому вы сами, конечно, поймете, что иначе я непременно поторопился бы с этим. Вчера ваша милая и любезная дочь была у меня, но я был так болен, что едва владел собою; моей опрятной прислуге третьего дня потребовалось времени от 7 до 10 часов вечера, чтобы наконец, затопить печь. От жестокой стужи, особенно в моей комнате, я совершенно замерз, так что не мог шевелить членами в продолжение почти целого дня. Кашель и ужасная головная боль, какой я еще никогда не испытывал, не давали мне покоя целый день. В 6 часов вечера я принужден был слечь в постель; до сих пор лежу еще, впрочем, чувствую себя немного лучше. Ваш брат вчера обедал у меня и оказал мне очень большую услугу. — В тот же день, именно 27 декабря, как вы знаете, я отказал В. Подлость обеих мне просто невыносима и хотелось бы знать, не будет ли Н. вести себя лучше в отсутствии других; сомневаюсь. Впрочем, мы не разрываем наших отношений. Для должности экономки она слишком невежественна и скотоподобна; другая же, несмотря на миловидность, еще хуже животного. Наступает новый год; я думаю для Нани пяти фл. довольно; я не выдал ей 4 фл. за наем вследствие скверного обращения с вами. Другая совсем не заслуживает нового года; она уже забрала вперед 9 фл., а при расчете я удержу не более 4-5 фл. Желал бы я знать ваше мнение обо всем этом. Примите же искренние мои пожелания. Я во многих отношениях ваш должник и до сих пор часто терзаюсь стыдом. Не лишайте меня вашей дружбы.

Как всегда ваш друг Л. в. Бетховен.

Благодарю вас за участие. — Я поправляюсь. — Сегодня, между прочим, я опять многое перенес от Н. — по случаю нового года ей полетело в голову с полдюжины книг. — Листья или ветви мы вырываем (и выбрасываем), но, наконец, доберемся до корней и тогда ничего, кроме почвы, не останется.

Кажется, я видел сегодня Софию. Когда во 2-ой раз вернулся домой, то от боли ничего другого не мог сделать, как лечь на диван. Надеюсь, вскоре увидимся у меня или у вас.

Второпях, ваш друг Бетховен.

Достойнейшая г-жа Шт.

Важные обстоятельства не позволяют мне быть у вас сегодня; завтра, после полудня, до 3 часов буду у вас

Второпях, ваш друг Бетховен.

Достойная г-жа ф. Штр.

Прошу вас не сердиться на меня за то, что еще не был я у вас и что я... еще не благодарил... Во всяком случае, надеюсь увидеться с вами завтра или послезавтра после 3 часов пополудни

Второпях, ваш истинный друг Бетховен.

Простите! Недостает ножниц, ножа и т. п. Думаю, что тряпки плохи, лучше купить полотна. — Галстуки нуждаются в починке. — Об этом устно, также устно относительно снисходительности.

Второпях, ваш друг Бетховен.

Вы поразили меня; мысленно перенесся я сейчас же в Бремен. Впрочем, теперь я не мог отправиться в такую даль; мне недостает рога Оберона. — Во всяком случае, буду сегодня на Landstrasse и могу сделать вам давно желанный визит, так как мне нужно кое о чем с вами поговорить. — Около 3 часов пополудни докажу вам сам, насколько я ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

(Второпях) 27 янв. 1871.

Милая г-жа ф. Шт.

Сегодня у меня столько неприятностей, что не могу вам их перечить. Но завтра надеюсь видеть вас. — Прощайте! Все мы ходим под Богом!!

Поклон всем вашим, второпях, ваш друг Бетховен.

У меня остался только один рвотный порошок. Нужно ли пить чай после этого? Прошу вас прислать оловянную ложку.

Второпях, ваш друг Бетховен.

Я не забыл ничего; — я забываю скорее о своих потребностях, чем об обязанностях в отношении к другим; — я не хотел только обременять слугу, так как еще в прошлый раз ему было дано много поручений. — Вот фл., который будьте добры отдать прачке; кроме того, слуга также передаст вам с благодарностью ложку. Я хотел прислать ее еще тогда, когда был на квартире в Ландштрассе, но в прошлый раз он был так обременен и только сегодня может ее отнести.

Второпях, ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Всего лучшего вашим, в особенности Штрейхеру.

Прошу очень послать к прачке, чтобы я наверное мог получить белье к воскресенью.

Уважаемая Штр.!

Прошу вас тысячу раз простить мне вчерашнее. Вчера состоялось свидание по делам моего племянника, назначенное еще за день; а в таких делах я всегда опасюсь, что потеряю голову; так было и вчера. Не

обижайтесь же и не откажите мне вновь в вашем посещении. После обеда я был занят теми же делами, сегодня в 10 часов тоже; поэтому сегодня в 12 или в половине 1 зайду к вам. Если вы будете заняты, то приду в другой раз. — Прошу вас еще раз не забывать, что вчера всему причиной были эти запутанные дела, вызванные заботами о моем дорогом племяннике.

Второпях ваш друг Бетховен.

7 февр. 1817.

Уважаемая и любезная Штрейхер! Я не могу сегодня выйти, но завтра в 10 часов буду у вас. Постарайтесь, чтобы управляющий познакомил нас с комнатой в первом этаже. Если найду ее подходящей, то возьму сейчас же. — Вчера по многим причинам не мог вас видеть. — Постарайтесь же, чтобы нам отсрочили еще один день.

Второпях ваш друг Бетховен.

3 февр. 1817.

Глубоко благодарен за оказанную услугу. — Отправляюсь на днях к... узнать о положении дела. — Руки и ноги мои заняты ужасно; почти не имел возможности увидеться с вами. Карл кланяется вам. Вскоре посетим вас.

Второпях ваш друг Бетховен.

Не отказывайтесь совершенно от звания обергофмейстерины; оно оказывает всегда необыкновенно плодотворное влияние.

Большое спасибо, уважаемая г-жа ф. Штрейхер, за новую услугу. — Завтра утром я сам пойду к Зибер, чтобы отдать ему оставшееся. Вскоре я и Карл будем иметь удовольствие видеть вас.

Второпях ваш друг Бетховен.

Принимаю лекарство и надеюсь в несколько дней поправиться. Искренно благодарю, милейшая г-жа ф. Штрейхер, за участие ваше; о желудке поговорим завтра, если буду иметь удовольствие видеть вас.

Второпях ваш друг Бетховен.

Уважаемая г-жа ф. Штрейхер!

Черни был сейчас здесь. — Буду у него сегодня вечером. Буду ли у вас завтра — еще не знаю. Некие черти сыграли снова такую штуку, что мне нельзя показаться среди людей. У Карла завтра в 11 часов экзамен, поэтому он не может пойти со мною. Быть может, увидим вас завтра после обеда.

Второпях ваш друг Бетховен.

Сегодня, любезная г-жа ф. Штрейхер, могу только сообщить, что я здесь, а каким образом я здесь и где я здесь нахожусь — сообщу вско-

ре. Прилагаемое прошу передать рекомендованной мне прачке; это по части вязаного белья.

Всего лучшего вашим. Второпях ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Уважаемая подруга!

Пользуюсь вашим любезным разрешением прислать белье для пересмотра. Вскоре увижусь с вами; остаюсь, как всегда

ваш друг и слуга Бетховен.

Всего лучшего вашим,
Хейлигенштадт, 16 мая.

Вскоре приду к вам. Напишите мне: где вы сдаете здесь письма в Нусдорф и где в городе можно их сдавать туда же?

Второпях ваш друг Бетховен.

Прошу второпях, поспешно и торопливо, чтобы вы попросили Штрейхера, чтобы сегодня, около 12 часов, мы были одни.

В наиторпливой наипоспешности ваш друг Бетховен.

Сообщу вам ответ сегодня вечером. Если удастся устроить в воскресенье, то мне было бы приятнее, во всяком случае, я хочу репетировать тогда 5-тет, переделанный мною из сонаты.

Второпях ваш друг Бетховен.

Вчера мне было очень плохо, сегодня тоже. Иду в Нусдорф. Буду ли во вторник — не знаю.

Бог с вами Л. в. Бетховен.

Милая подруга! Чтобы вы не были обо мне дурного мнения, посылаю вам 3 голландских дуката, которые можете дать разменять двоюродному брату, в Кракове. Можете, если хотите, вычесть свои расходы и счет прачки, а остальное прислать мне в Нусдорф, когда попрошу об этом.

Второпях ваш благодарный Бетховен.

Прошу вас, уважаемая г-жа ф. Штрейхер, принять от меня эти шесть бутылок настоящего одеколона, какого вы здесь за деньги не получите. Надеюсь вскоре увидеть вас, если не будет 2-го потопа; во всяком случае, мы, вероятно, вскоре отсыреем от бесконечного ливня.

Второпях ваш друг и слуга Бетховен.

Я просил передать вам вчера, что можете держать у себя письмо Н. сколько угодно. — Надеюсь, вам лучше. Погода такая, что болезненно-му человеку нельзя выйти; поэтому я не выхожу и вы, вероятно, тоже. — Однако, боюсь, что вы меня не поняли. Я ни в чем не упрекаю и ни на что не надеюсь. — Надеюсь, вам будет вскоре лучше и тогда уж мы увидимся.

Как всегда ваш друг Бетховен.

Нусдорф, 7 июля.

Уважаемая подруга!

Я получил ваше письмо здесь и узнал из него о вашем нездоровье. Надеюсь, скоро поправитесь. Теплые ванны излечивают всякие раны. Я был позавчера в городе и остался там, благодаря непогоде; поэтому не мог быть у вас. Вчера утром поспешил обратно сюда, но слуги не было дома и ключи от квартиры он унес с собою. Было свежо, одет был я очень легко и в таком виде должен был бродить целых три часа. Это мне повредило и испортило мне весь день. — Вот вам и слуга, и хозяйство! Пока я болен, мне необходимы иные отношения окружающих. Хотя я вообще люблю одиночество, но оно мне теперь тягостно, тем более, что, при всех этих медицингованиях и ваннах мне трудно вести обычные занятия. Прибавьте к тому же ужасную мысль о том, что я, может быть, никогда не поправлюсь, что я сам не доверяю своему теперешнему врачу; он объявил, наконец, что я страдаю болезнью легких. Относительно экономки я еще подумаю. Если бы можно было надеяться, при крайней развращенности австрийского государства, встретить честного человека, то все устроилось бы легко, но — но!!!

Большая просьба к Штрейхеру. Попросите его от моего имени изготовить фортепиано, соответствующее моему слабому слуху. Мне нужно как можно более громкое. Я давно имел в виду купить у вас такое, но сейчас это мне очень трудно. Может быть, потом мне будет легче, а пока я хотел бы у вас взять напрокат, но только не даром; я готов заплатить вам за шесть месяцев вперед по установленной вами вообще цене. Вы, может быть, не знаете, что я всегда, с 1809 г., предпочитал ваши инструменты, хотя и не всегда брал у вас. Только Штрейхер может дать требуемое мне фортепиано. Мне очень неприятно кого-нибудь утруждать, так как я привык скорее оказывать услуги другим, чем принимать их.

Охотно приму и выполню все ваши условия. — Большое спасибо за то, что одолжили 20 фл. Ложку получайте при сем, посылаю ее. Вскоре буду у вас, хоть на минуту. Поклон всем вашим.

Ваш друг и слуга Бетховен.

Достойная г-жа Штрейхер!

Простите, если я вас обидел своим сегодняшним поручением. Благодаря болезни и поистине весьма печальному состоянию своему я не могу, как прежде, вникать во все. — При встрече объясню подробнее. — Надеюсь увидеть вас вскоре.

Ваш друг Бетховен.

Прошу прислать подушку; простите страдальцу.

Вена, 30 июля 1817 г.

Достойная подруга!

Благодаря плохой погоде я не мог выйти раньше четверга, а вы уже уехали отсюда. Что за шутка со стороны г-жи Штрейхер!!! поехать в Бадене???!!! Итак, в Бадене...

Я говорил с вашим мужем. Участие его вызвало во мне и радость, и горе; Штрейхер чуть не сбил меня с толку. Бог знает, что будет. Так как я помогал всегда другим, где только мог, то верю также в его милосердие ко мне...

— Что касается знакомой вам экономки, в честности которой вы убеждены, то можно было бы сначала испытать ее поварское искусство. Но пусть она не является ко мне прежде, чем вы не вернетесь в город. Когда же?

Во всяком случае, не позволяйте своему мужу склонять вас к известным супружеским шуткам.

Пора уже подумать о квартире. На противоположной стороне Gartnergasse имеются квартиры, из которых можно наслаждаться действительно необыкновенным видом. Все зависит от вашего возвращения. Каким образом отправляли вы мне письма в Нусдорф? Воспитывайте вашу дочь старательно, чтобы она стала женщиной. Сегодня как раз воскресенье; не прочитайте ли вам кое-что из Евангелия, напр.: «любите друг друга» и т. д.? Я кончаю и шлю нижайший поклон вам и вашей милейшей дочери. Желаю исцеления всех ваших ран. Если отправитесь на старые развалины, то вспомните, что Бетховен там часто проводил время. Если будете бродить там в таинственных сосновых чащах, то вспомните, что здесь Бетховен часто мечтал или, что называется, композиторствовал.

Второпях, ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Приложение.

Добрейшая г-жа ф. Штрейхер.

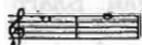
Как вы видите по дате, прилагаемое письмо должно было бы быть вам отослано еще в прошлое воскресенье.

Что касается г-жи ф. Штейн, то прошу ее не дать окаменеть г-ну ф. Штейнеру, дабы он мог еще быть мне полезным; или пусть г-жа Штейн не будет камнем по отношению к г-ну ф. Штейнеру и т. д.

Что касается моего здоровья, то вполне ясно заметны симптомы улучшения, но главная болезнь не прошла и боюсь, что никогда не избавлюсь от нее. Добрейшая г-жа фон Штрейхер, не устраивайте вашему муженьку никаких штук, а лучше будьте для всех г-жой ф. Штейн!!!

Где одеяла?

Следующую среду и четверг проведу в городе, где вновь могу поговорить со Штрейхером. Я хотел бы, из-за экономки, видеть вас здесь как бы случайно. Как я рад, что вы дышите баденским воздухом. Когда же все-таки обрадуете меня вновь своим присутствием? Всего лучшего вашей милой дочери и г-ну Штрейхеру.

Где? где?

Ваш друг и слуга Бетховен.

Я был вчера так занят, что не мог, уважаемая моя, быть у вас. — Сегодня мне дали новый пластырь на затылок. — О нужда; уж лучше с ногами, чем с нуждою. Принужден повторить вопрос и просить вас ответить мне: где вы сдаете ваши письма в Нусдорфе? Мне это нужно для

моего несчастного племянника, который бывает иногда у готтентотов, не знающих как переслать мне его письма. Надеюсь видеть вас сегодня Второях, ваш друг Бетховен.

— —
 Достоянная подруга!

Так как не знаю, увижусь ли сегодня с вами, то шлю пожелания всего лучшего и приятного вам и вашим. Я бросил квартиру, надеясь найти лучшую; не возьметесь ли указать мне такую, где я мог бы всегда столоваться дома?! Из последнего белья слуга потерял, а может быть — пару чулок. Прошу вас дать ему ночные рубахи; теперь не опасно, потому что я ему объявил, что за каждую потерянную вещь взыщу с него стоимость ее. — Может быть, увижусь с вами вскоре. — Прошу вас вспоминать о бедном больном австрийском музыканте.

Второях, ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

— —
 Услуги ваши все возрастают, уважаемая подруга, а я стал таким бедняком, что не в силах отплатить вам. — В понедельник или вторник

буду в городе, тогда поговорим о квартире; на противоположной стороне Gartnergasse должно быть лучше, а цена, вероятно, та же, что на этой стороне. Очень благодарен Штрейхеру за его заботы и прошу продолжать. Бог даст, в будущем отплатчу за все добро, так как этот долг меня больше всего смущает. — Посылаю вам белье и 11 фл., которые я должен еще вашей прачке. — Не посылайте слуги к прачке. — Я решил взять нового слугу. Так думаю я, по крайней мере в настоящую минуту, и этому уже отказал. Ведь он один виновен в пропаже всех наших вещей. Вообще его поведение, его гнусные речи об отношениях прислуги и хозяев, и многое другое раз и навсегда лишили меня доверия к нему. Я скорее готов обвинить в этом его, чем кого-нибудь другого. Прошу вас только заметить ему, что вам кажется, будто одна пара чулок потеряна. Это видно из вашего письма ко мне. Слуга ссылается все на вас, будто вы снова нашли чулки и прачка получила 2 пары. Но, как видно из двух списков белья вашего и моего, она их не получала. Тогда она или вычеркнула бы одну пару или велела бы сказать, что получила только одну пару; ни того, ни другого не было, и я убежден, что она как получала, так и передала ему: 2 пары чулок, и что они исчезли только по его вине. Он всюду издевается над моей недоверчивостью и выдумывает такие вещи, которых никогда не бывало, и все для того только, чтобы выставить себя честным человеком и найти заступников, которые помогли бы ему остаться на службе у меня. Я совершенно забыл о чулках и только благодаря его болтовне случайно вспомнил и пишу вам об этом. Во всяком

Дом Бетховена в Нусдорфе.

случае, когда он особенно извиняется, тогда, наверное, виноват. Я его знаю таким и все сказанное могу доказать. — Ну его. — Вы говорили мне о человеке, которого знаете. Он может поступить только 1 будущего месяца; так как этим людям трудно ожидать целый месяц получения жалованья, то я буду ему платить по 2 фл. 20 кр. в день, пока еще живу в Нусдорфе. Если он захочет варить, т. е. только для себя, то может пользоваться моими дровами. Так как ему придется 2 или 3 раза в неделю ходить в город, то я заплачу ему еще некоторую сумму, напр. стоимость починки пары сапог. — Может быть, здешние хозяева примут его столоваться; с этим слугой они так же мало хотят иметь общего, как и я. — Относительно экономки, пока не буду в городе, ничего нельзя порешить. Ну, слава Богу, порядком попотевши, я благополучно связал эти периоды. Не дай Бог когда-либо что-либо еще об этом говорить, писать или думать; в стране искусства лучше встречать болота и тину, чем всю эту чертовщину!

Прощайте и не забывайте вашего друга Бетховена.

Штрейхеру и Штрейхерше всего лучшего!

Достойная г-жа ф. Штрейхер!

Прошу вас прислать одеяла с подателем сего. И не слушайте болтовни этого скверного человека. Прошу вас также позаботиться о том, чтобы прачка доставила белье не позже субботы, потому что мне нужны жилеты, а два из них уже ни к черту не годятся; нужны также многие другие вещи. — Во всяком случае, прошу вас не подозревать меня в том, что я сколько-нибудь обвиняю вас в небрежности относительно пропавших вещей; это мне было бы очень обидно. Пожалуйста, не обращайтесь на разговоры скверного слуги. — Относительно нового и вообще как я устроюсь, расскажу вам при первой встрече. Я принужден столоваться дома, потому что в эту скверную погоду здесь на даче почти никто не остается и в ресторанах почти ничего нельзя получить, а в особенности питательного и вкусного.

Второпах ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Я все еще чувствую себя плохо, а дома мало утешительного; вчера и сегодня я, признаться, плохо ел, потому что эта особа глупа. О ее других качествах расскажу устно.

Знаю, что они стараются, что они уже не так плохи, но, особенно Н., не делают того, что мне необходимо. Силою и торопливостью нельзя помочь беде. — А я вижу, что они выбиваются из сил и мечутся, как помещанье, стараясь завести здесь порядок и чистоту. Нам нужна личность, на которую мы могли бы положиться без всякой посторонней помощи. Довольно было с меня страданий, доведших до потребности даже в подобных людях. Сердечно благодарю вас за покупку. Послезавтра, наверно, увижусь с вами. Завтра же буду много работать, если мне будет хоть немного лучше.

Второпах, ваш друг Бетховен.

Прошу вас, достойная г-жа ф. Штр., никому не говорить о моем решении относительно воспитателя для Карла, чтобы не повредить ни ему, ни Карлу, пока дело не будет решено окончательно. — Что касается моего дальнейшего существования, то мне необходимы уход и услу-

жение; для этого нужна экономка. Если найдем теперь хорошего воспитателя, то француженки не нужно; Карлу надо ведь научное изучение французского языка, а наша француженка не годится для этого. С другой стороны, содержать воспитателя и воспитательницу было бы очень дорого, а я слышал, что даже за 100 флоринов в год можно иметь экономку на полном содержании. — Подумайте об этом, посоветуйте и помогите

вашему бедному страждущему другу Бетховену.

Штрейхеру лучшие пожелания.

Понедельник. 25 авг. Это было написано еще в субботу. Но мне надо было в пятницу быть в городе; я простудился и чувствовал себя вчера, в воскресенье, и сегодня довольно скверно. — Чтобы понять это состояние, когда больной принужден влачить свое существование без ухода, без друзей, без всего, предоставленный только самому себе, — нужно все пережить самому. Вероятно, буду завтра в городе и увижусь с вами; тогда мы поговорим кое о чем.

Второпях ваш Бетховен.

NB. Буду рад, если дадите подателю сего список белья и несколько любезных слов ко мне, в конверте. Кончайте сейчас же с известным вам человеком, а относительно экономки решим потом.

Достойная г-жа ф. Штрейхер!

Ваше приглашение принял с удовольствием и воспользуюсь им. Сегодня и завтра не стану вас утруждать, так как мне нужно быть в Вене, несмотря на скверную погоду. — Ваше патентованное пианино не нуждается в моей экспертизе, но я сам давно уже хотел с ним познакомиться. Через несколько дней пошлю узнать — когда вы будете дома и разрешите мне посетить вас.

Как всегда ваш друг Бетховен.

Письмо от Элизы Мюл. я получил.

Нусдорф, 25 сентября 1817 года.

Несмотря на ветер и дождь, сегодня утром в 7 часов я был уже здесь. — Хотя я вздумал расстегнуться вчера вечером, в дождь, но — огню не устоять против воды. — Слугу с лекарствами я нашел, — вашего же письма нет. — Однако я очень хотел бы знать ваше мнение относительно дичи в домашнем хозяйстве. Я мог бы еще отказаться от квартиры на Gartnergasse, если бы можно было математически определить длину обоих путей из города — как вы думаете? и т. д. и т. д. Пусть ваш сапожник пришлет мне хорошую ваксу, немаркую; мой слуга испачкал меня ею. По счету его в 27 фл. я заплачу через несколько дней в городе. — Был бы очень рад, если бы вы были добры прислать мне 25 фл. на несколько дней. Не мог взять денег, потому что забыл вчера ключ от моего ящика. — Хотел бы прочитать что-нибудь вразумительное относительно дичи и экономки. Приветствуем вашу добродравную дочь!

Tantus quantus lumpus II. в. Бетховен.

NB. Как *praeleminaria* к будущему хозяйству нам нужно бы иметь порцию тряпок.

————— ❁ —————

Добрейшая г-жа Штрейхер!

Сомневаюсь в честности этого слуги; хотя еще не подозреваю ни в чем; — во всяком случае, думаю оставить его здесь. Что вы думаете относительно экономки? — Нелегко найти сейчас кого-нибудь другого, а этот молодец может, кажется, оказать скверное влияние на честную личность? — Посылаю вам два ключа, можете все осмотреть. Скажите: может ли экономка явиться сюда не позже утра вторника? — или даже в понедельник пополудни? — Тряпок для пыли нет — даже здесь, потому что все, что я заводил уже 2-3 раза, пошло к черту. — Прощайте, достойная подруга

Второпях ваш друг Л. в. Бетховен.

NB. Не проклинаяте меня за эту массу хлопот.

————— ❁ —————

Нусдорф, 2 октября 1817 года.

Завтра, после обеда, приду к вам. Вы меня очень обяжете, если позовете к этому времени экономку. — Вчера я высчитывал с одним господином будущие расходы; он расписал мне все в таком ужасном виде. — Он считал по 2 фл. на слугу и 2 на экономку, только на харчи; — таким образом, слуга, получающий 20 фл. в месяц, а экономка 120 фл. в год, обойдутся вместе 1704 фл. в год?! — Возможно ли это? — Избави Бог! — Прощайте! Надеюсь застать вас завтра, потому что только ради этого приду с дачи на Ландштрассе.

Второпях ваш Л. в. Бетховен.

————— ❁ —————

Покорнейше прошу вас послать за вашим просвещенным портным. Вот уже две недели, как у него пара моих брюк, предназначенных против холода, а между тем не могу дожидаться милостивой присылки их.

————— ❁ —————

Добрейшая г-жа ф. Штрейхер!

Как только прочтете первое письмо, прошу вас прислать мне его обратно. — Я писал вам недавно второпях и, может быть, был недостаточно вежлив. Через несколько дней после вашего посещения с Винтером со мной случился такой ужасный припадок ревматизма, что я могу выйти только завтра или послезавтра.

Ваш друг Бетховен.

————— ❁ —————

Я рад, что вы сами сознаете, что мне невозможно бывать в вашем доме. — Прилагаемая записка написана сегодня утром. Я хотел вам ее послать, если бы получил вашу через вашего слугу. — С удовольствием ожидаю вас во вторник утром. — Вы меня застанете наверное. — Врач Карла говорит, что он поправляется физически, что же касается души, то это зависит только от Бога.

Второпях ваш друг Бетховен.

————— ❁ —————

Следовало бы вам скрывать, подобно мне, от обеих моих служанок, что я лишен удовольствия бывать у вас. В противном случае это может иметь для меня дурные последствия, как если бы совершенно отказались от участия во всем. — Прошу вас сообщить мне ваши расходы на меня, каковыя возвращу вам сейчас же с благодарностью. Укажите мне также, где обретается ваш серебряных дел мастер? — Я выбранил Нани, и другую тоже, за их поведение в отношении к вам; несмотря на это, младшая вела себя вчера так грубо и дерзко, что я пригрозил немедленным изгнанием, если она будет изливать свою злобу на других или на меня. Вы видите, что обе относятся к нам одинаково; это уж в натуре, особенно, в истинно злой натуре младшей. — В этом вы так же мало виноваты, как и я. — Как только найдете возможным, доставьте мне удовольствие своим посещением или откушайте также у меня. — Никогда не забуду вашей малейшей услуги и всегда буду считать себя вашим благодарным Л. в. Бетховеном.

Я занят пересмотром своих бумаг, думаю, что это необходимо для будущего. Вот почему ваши счета еще не оплачены и я еще не был у вас. Для подобного занятия, как приведение моих бумаг в порядок, нужно ужасное терпение и если таковое оказывается, то наш брат должен за него крепко держаться, потому что это случается редко. Это находится также в связи с тем, что нам недостает из утвари. — Большое спасибо за рекомендацию новой квартиры и за ваши неусыпные заботы о нас; не будь этого, мною овладело бы подозрение, хотя трем труднее что-либо скрыть. — Надеюсь увидеть вас завтра или послезавтра.

Второпях ваш друг Бетховен.

Хотя я писал вам недавно, что чувствую себя лучше, но все еще не поправился совершенно, поэтому не мог вас видеть; тут со вчерашнего дня работает столяр. — Завтра Карл вступает; я ошибся, полагая, что он, может быть, охотнее остался бы там. Он весел и бодрее, чем прежде и все более проявляет свою любовь и привязанность. Во всяком случае, надеюсь, что вы видите мою непоколебимость в раз принятом решении, а оно было так хорошо. — Вы правы, из-за Н. следует составить список кухонной посуды; подумаю сегодня, как это сделать; может быть, увижусь с вами завтра или сегодня. — Завтра кончается ее двухнедельный срок. — Должна ли она уйти в тот же день? Я был бы очень рад, так как она была причиной некоторых неприятностей. Ничем нельзя себя оградить от ее злобы и беспорядочности.

Воспитатель мог бы поступить, когда мы того захотим; но нам нельзя ни обсуждать, ни действовать, пока Н. не уйдет. Самое главное, конечно, то, что в середине июня или конце сентября я должен буду покинуть Вену.

Прощайте! Благодарю вас за заботы. Ваш друг Бетховен.

Второпях!

Только вчера вечером Н. передала мне ваше письмо. Ежедневно надеюсь избавиться вас от забот обо мне. — Я вновь простудился, у меня сильный насморк и кашель. Вскоре увижусь с вами. Спасибо за шерсть. Как только мне доставят серебро, вы получите свое обратно.

Любезная суд-ня, я готов посмотреть с вами завтра инструмент, о времени сговоримся сегодня после обеда, когда буду у вас; во всяком случае будьте со мною терпеливы, в моем настоящем положении не могу более быть тем же, чем был прежде, хотя все еще зовусь Бетховен.

Конечно, все это домохозяйство еще не может называться хозяйством и скорее похоже на *allegro di cofusione* — если я верно прочел, то вы хотите доставить мне удовольствие и посетить меня сегодня после обеда в половине 5, или там сказано в половине 3? — Это требует разъяснения, а потому вам придется еще раз прислать вашего почтового голубка, ибо женская прислуга сегодня стирает поочередно в лоханке.

Второпях ваш друг Бетховен.

За ваш последний разговор я сильно поплатился. После него Н. вела со мной так, что в субботу я взбесился. Тогда она присмирела. — Но ваше содействие ничуть не поможет. Злонравия этой особы, ее упрямства нельзя исправить, и я ей больше не доверяю. К тому же приближается время, когда Карл будет наверное у меня, и я думаю, вы согласитесь со мной, что надо заменить обеих другими лучшими.

Может быть, увижусь с вами завтра, послезавтра же наверное.

Второпях ваш друг Бетховен.

Не было возможности посетить вас вчера. — С величайшим удовольствием ожидаю вас сегодня после обеда. Н. все равно уходит. Во всяком случае, никакой встречи не может быть между вами и ею. Тогда мы можем также отправиться за покупкою серебра, потому что оно ведь необходимо. — После 3 часов Н. уже не будет дома. — С моей стороны было большою ошибкою, если бы уход ее не предстоял завтра или сегодня.

Второпях ваш Бетховен.

Сейчас узнал, что Н. наверное завтра отправится.

Прошу вас, достойная моя, покончить с серебром. Пока я соберусь, придет еще много времени. Прежде всего хочу знать, придется ли нам еще платить? и сколько? Сахарницу мы, во всяком случае, возвратим; к этому я прибавлю еще свои 3 кофейные ложки и, если нам дадут, без большой приплаты, две столовые ложки и одну легкую разливную, то наши нужды будут удовлетворены, потому что мне, бедному австрийскому, беднейшему, беднейшему музыканту нельзя мечтать о большем.

Второпях — хвалю образцовое поведение ваше и вашей дочери,

ваш друг Бетховен.

— Сообщаю вам только, что мне лучше, хотя я часто думал в прошлую ночь о смерти. Впрочем, эти мысли не чужды мне и днем. — Относительно будущей экономки я хотел бы знать, есть ли у нее постель и комод? Под постелью я понимаю как кровать, так и самый матрац и б. п. — О белье также поговорите с ней, чтобы нам все выяснить. — Ей

понадобится также задаток, каковой получит уж от меня. — Обо всем прочем завтра или послезавтра. — Мои музык. и немужык. бумаги уже почти приведены в порядок. Это был один из 7 подвигов Геркулеса.

Второпах ваш друг Бетховен.

Я только собирался вам писать, как получил ваше письмо и серебро; обо всем остальном мы переговорим. Карлу нельзя еще выходить; это продолжится еще несколько дней, — на устройство тоже потребовалось несколько дней. Поэтому я не мог с вами видаться, но надеюсь, увидимся завтра или послезавтра. П... варит хорошо и за это я опять благодарен вам бесконечно. Если вы будете продолжать так заботиться о нас иногда, то еще можно жить, и даже хорошо. — Пройдет еще несколько дней, пока я совершенно оправлюсь. Это была для меня работа Геркулеса. Дал бы Бог мне возможность снова отдаться своему искусству, тогда я сумел бы подчинить ему все остальные дела, но признаюсь, я немного помешался на нем. — Устно больше. — Карл вам кланяется.

Второпах ваш друг и слуга Бетховен.

Карл и я встали рано, потому что воспитатель всю ночь не являлся домой. — Ведь беспорядок часто, постоянно царит у нас в доме и я не понимаю, как мог он помешать вашему посещению. Сегодня у меня гостит один из первых профессоров, это ради Карла.

Надеюсь наверно видеть вас сегодня после обеда. Я поручил экономке расспросить вас о пирожном, которое вы любезно приготовили однажды к Новому Году. — Прощайте! Да поможет мне Бог. — Я апеллирую к нему, как к самой высшей инстанции.

Ваш друг Бетховен.

Все время я чувствовал себя не совсем хорошо и потому редко мог с вами видаться. Множество разных дел и всякая всячина задерживают меня, а мне нужен деревенский воздух. Карл должен был отправиться сегодня к вам и был бы у вас, но как раз приехал мой брат из Линца и из-за него пропадет весь день, так что мы не сможем вас видеть и благодарить. Во всяком случае, мне нужно быть здесь опять через несколько дней. Тогда увижусь с вами и надеюсь услышать о вашем выздоровлении; а что вы посетите нас, понятно само собой.

Второпах, ван Бетховен.

Добрейшая г-жа ф. Штрейхер!

Не было возможности ответить раньше на ваше последнее письмо. Я написал бы вам еще за несколько дней до изгнания прислуги, но медлил своим решением, пока не узнал, что особенно г-жа Д... удерживает Карла сознаться во всем. Она говорила ему: «следует пощадить мать», таким же образом действовала Пеппи. Понятно, они не хотели, чтобы замысел их был открыт; обе поступали низко и следовали наставлениям г-жи ван Бетховен. Обе получали от нее кофе и сахар, Пеппи — деньги; старуха, вероятно, тоже; ведь несомненно, что она сама была у матери Карла.

Она сказала также Карлу, что если я ее прогоню со службы, то она пойдет сейчас же к его матери. Это случилось однажды, когда я сделал ей выговор за ее поведение, которое меня часто возмущало. Пеппи часто подслушивала мой разговор с Карлом и, казалось, готова была сознаться во всем, но старуха уверила ее, что это глупо и сильно выбрали ее. Тогда она вновь стала строить козни и старалась скрыть от меня следы. История этого низкого предательства длилась почти 6 недель, и менее великодушный человек поступил бы с ними иначе. Пеппи получила от меня 9 или 10 фл. на белье; она сначала их заняла, а потом я их подарил ей; затем она получила 70 вместо 60 фл. После этого она могла бы отказаться от тех жалких подкупов. Старуха же вообще вела себя хуже всех, проявила много злобы и думала, что на нее не обращают внимания (хотя получала больше, чем заслуживала). Однажды она заметила, как Карл обнимает меня, и на лице ее появилась язвительная, коварная улыбка. Как это низко, как позорно для старой женщины. Представьте себе, что за 2 дня до того, как я переехал сюда, Карл, без моего ведома, отправился к своей матери, а старуха и Пеппи знали об этом. Послушайте же о триумфе старой предательницы! Когда я ехал с нею и с Карлом сюда, то беседовал с ним об этом, хотя не знал еще всего; когда я высказал свои опасения, что в Медлинге мы не можем быть вполне спокойны, то она воскликнула «только положитесь на меня». О, позор! Только дважды в жизни видел я нечто подобное в этом столь почтенном возрасте. Задолго до того, как прогнал их обоих, я обязал их письменно не передавать ничего Карлу от его матери. Пеппи же, вместо того, чтобы раскаяться, старалась тайком отомстить Карлу; им стало ясно, что он во всем сознался, так как в упомянутом обязательстве я написал, что все обнаружено. Я ожидал, что после этого они обе попросят прощения у меня; вместо этого, они наперерыв стали выкидывать штуки над нами. Так как нельзя было надеяться на исправление таких закоренелых грешниц и каждую минуту мог я ожидать нового предательства, то решил пожертвовать своим существом и своими удобствами для блага моего бедного соблазненного Карла, и выгнал обоих из дома, на страх всем будущим. Я мог бы дать им менее похвальные аттестаты, но нет; я вписал обоим, что они служили полных шесть месяцев, хотя это неверно; я никогда не мщу. В тех случаях, когда мне приходится действовать против кого-нибудь, я делаю только то, что вызвано необходимостью самообороны или намерением прекратить дальнейшее проявление злобы. В отношении прочего Пеппи была честна и мне жаль, что я лишился ее; поэтому я выдал ей лучший аттестат, чем старухе; да, кажется, старуха порядком обманула ее. А что совесть у Пеппи была нечиста, видно из ее слов к Карлу, что «она не решается отправиться к своим родителям», и, действительно мне кажется, что она еще здесь. Я давно уже замечал признаки предательства, пока, наконец, вечером, накануне моего отъезда, не получил анонимного письма, содержание которого привело меня в ужас, хотя это были только предположения. Карл, которого я допросил в тот же вечер, открыл кое-что сейчас же, но не все. Так как я часто и не без причины обращался с ним сурово, то он не решился сознаться во всем. В таком враждебном настроении приехали мы сюда. Так как я допрашивал его часто, то слуги это заметили, и, в особенности, старая предательница старалась его удержать, чтобы он не сказал правды. Но когда я поклялся Карлу, что прощу ему все, если только он скажет правду, и что ложь доведет его до худших бед, чем та, в которую он уже попал, то все выплыло на свет божий. Прибавьте еще к этому то, что вы прежде слышали об этой прислуге, и тогда поймете вполне все грязные проделки обеих преда-

тельниц. — Карл сделал ошибку, но — мать — мать — даже скверная все же остается матерью. — Тем более приходится простить его и тем более должен сделать это, что я отлично знаю хитрый и дикий нрав его матери. — Здешнему попу уже известно, что я о нем также знаю, потому что Карл рассказал мне уже об этом. Надо полагать, что ему не все было известно, и что он будет теперь осторожнее. Пока этого достаточно с него, чтобы не причинять впредь Карлу неприятностей; вообще он мне кажется грубоватым. Так как добродетель Карла ныне подвергается испытанию, — а без испытаний не может быть добродетели, то пусть все остается по-прежнему, а если это повторится еще раз (чего не ожидаю), то я так отхлестаю духовенство его преподобия духовными розгами, амулетами и моим единоличным опекунством с присущими ему привилегиями, что от этого задрожит все поповство. Вся эта история вызывает во мне ужасные страдания и не дает мне возможности прийти в себя. Теперь о нашем хозяйстве; оно нуждается в вашей помощи. Насколько она нам нужна, вы уже знаете. Не бойтесь, подобный случай может быть со всяким; но раз мы испытали его, то можно предупредить об этом новую прислугу и вряд ли это повторится вновь. Что нам нужно — вы знаете: пожалуй, француженку и кого-нибудь в качестве горничной. Главное же — хорошее питание, хотя бы даже в ущерб экономии. Теперь у нас есть особа, которая хотя варит, то плохо. Сегодня не могу писать вам больше. Согласитесь, по крайней мере, с тем, что я не мог поступить в этом случае иначе; ведь зашло уж очень далеко. Я не приглашаю вас еще сюда, потому что здесь ужасный беспорядок; тем не менее меня не придется отвести в дом умалишенных. Признаюсь, еще в Вене я страдал ужасно от всей этой истории и потому молчал. Итак, будьте здоровы! Не рассказывайте никому, иначе это может повредить Карлу. Так как я знаю все подробности этого дела, то только я могу за него поручиться в том, что он был обманут самым ужасным образом. Напишите же нам поскорее что-нибудь утешительное относительно портняжно-праечно-поварского искусства. Чувствую себя очень плохо и нуждаюсь в реставрации желудка.

Второпях, ваш друг Бетховен.

Медлинг, 18 июня 1818 г.

Вы не можете себе представить моего положения. Горничная у нас есть и не только не слоноподобна, как Пеппи, но очень расторопная и кажется честная. — С экономкой дело обстоит иначе и желательно иметь получше; впрочем, лучше потерпеть, пока приищем лучшую; — у нас достаточно времени, чтобы найти получше. Прилагаемое письмо передайте в Институт г. Джианнатазио, на Zimmer-Plaz № 379, кажется, номер верен. — Над входом написано большими золотыми буквами: здесь воспитывают детей; тогда как следовало бы написать: «здесь коверкают детей». Прошу вас очень послать туда завтра, около 11 часов утра, вашу девочку и накажите ей, чтобы попросила вызвать этого г. Мангера и сама передала бы ему письмо. Он не должен знать, посылаете это письмо вы или я. — Вы будете поражены, когда я вам расскажу, что пережил за последнее время. Мой бедный Карл был так неожиданно обманут. Бывают скоты, — к ним относится также здешний поп; следовало бы его высечь.

Второпях, ваш друг Бетховен.

Вы можете послать к Лангеру только в пятницу, в 11 часов, потому что в четверг его не будет там; — вашего № я не знаю, а потому посылаю это письмо через бывшего унтер-офицера. Надеюсь вскоре узнать о получении этого письма, но не письменно.

Второпях, ваш Б.

Г-же фон Штрейхер.

С приложением пакета.

Из прилагаемого можете судить о положении вещей. Если ваш краковский кузен берется оказать услугу, то пусть справится в главной таможне у придворного советника Андерса, который даст ему указания; пусть передаст также ему мои лучшие пожелания; его красавица дочь ведь тоже музыкальна. Нужно прежде всего сделать распоряжение из здешней таможни в триестскую, чтобы оттуда переслали сюда этот инструмент. Как только у меня будет этот приказ от здешней таможни, то передам его Геникштейну и К', которым поручу доставить инструмент.

Второпях, ваш друг Бетховен.

ГЛАВА XI

1816 — 1817

Муза дремлет. — Вновь оперные замыслы. — Пасквалати. — Пахлер-Кошак. — Домашние заботы. — Цмескаль. — Дель Рио. — Черни. — Занятия с эрцгерцогом Рудольфом.

Ряд событий и условий жизни, знакомых уже нам, настолько парализовал энергию композитора, что несколько лет провел почти в бездействии; муза его редко нарушала свой покой, фантазия артиста не могла долго и глубоко сосредоточиться на создании выдающегося и объемистого произведения, могущего занять достойное место в ряду его симфоний или квартетов, но в это время написано лучшее вокальное произведение Бетховена: «К отсутствующей возлюбленной» (ор. 98), представляющее собою ряд романсов, следующих один за другим, подобно жемчужинам в драгоценном ожерелье; эти шесть мелодий, связанных общей идеей, послужили образцом, которому подражали впоследствии многие авторы; серия песен или *Leiderkreis*, впервые появившаяся из-под пера Бетховена, имела эпигонов в виде *Winterreise* и *Die schone Mullerin* Шуберта, *Dichterliebe* и *Frauenliebe* Шумана, *Poeme d'amour* и *Poeme d'avril* Массне и др. Это — единственное произведение, где автор, сохранив всю мощь своего гения, оставаясь глубоким реалистом, следующим за текстом и выражающим яркими штрихами настроение его, вполне приблизился к чувственной прелести итальянской кантилены, создал чудные по певучести мелодии.

К тому же времени относится появление романса «К Надежде» ор. 94, написанного для Франца Вильда, исполнителя партии Флорестана в «Фиделио», прекрасно спевшего однажды романс «Аделаида» и тем вызвавшего создание ор. 94, впрочем, не богатого красотою; 25 апреля 1816 г. новый романс был исполнен Вильдом на одном музыкальном утре пред избранною публикою под аккомпанемент автора, а спустя несколько дней издатель Штейнер опубликовал:

«Наш неутомимый композитор, г. ван Бетховен, положил на музыку это прелестное стихотворение Тидге; романс начинается речитативом, вся пьеса отличается необыкновенной задушевностью и изяществом, это одно из последних произведений маэстро и появление его, вероятно, будет встречено с радостью всеми чувствительными особами».

В конце того же года написан романс (сер. 23, № 28) на слова Трейчке; выражая поэту благодарность за сборник его стихотворений и отказываясь от заказа из Лейпцига, композитор не забывает излюбленной игры словами и мимоходом бросает одну из своих вариаций на название улицы или переулка Патерностергассе, где помещались магазины Хаслингера и Штейнера; тут же встречаем обрывки метафизических размышлений в стиле Клопштока или Лессинга (Натан), попеременно с нотами и с музыкальным знаком многократного повторения.

Добрейший! Поэтичнейший и наимыслящий!

Попшите, пожалуйста, рукопись романа в А-диез Штейнеру в Патер-унзер переулок. Там несколько опечаток. Если хотите, можете после исправления ошибок сейчас же получить от Штейнера рукопись обратно.

Спасибо за экземпляр ваших стихотворений.

Ваш друг Бетховен.

Наичрезвычайно достойнейший друг!

Начнем с первопричины всех вещей, как произошло нечто и почему произошло и сделалось; почему нечто таково и не может быть иным?! Вот, милый друг, мы подошли к щекотливому вопросу, ответить на который мне запрещает моя деликатность. Итак:

Невозможно!

С величайшим удовольствием готов буду служить чем-нибудь Лейпцигскому бюро в другой раз. Прощайте, добрейший! Только спокойствие, полное спокойствие! Что вышло из поэзии и мышления? Будьте (::) счастливы! Мы всегда, при первой возможности к вашим услугам.

С глубоким почтением ваш Бетховен.

Его благо- и превосходнородию г-ну ф. Трейчке.

Скрипач Крумпхольц внезапно умер на гулянии 2 мая 1817 года; по этому случаю композитор написал в альбом А. Фукса вокальное трио на текст из «Вильгельма Телля» (сер. 23, № 42) с отметкою: «в память неожиданной и мгновенной смерти нашего Крумпхольца».

В ноябре 1817 г. написан романс «Resignation» (сер. 23, № 33) на слова графа Хаугвица; отсылая его к Шику, издателю «Венской газеты», автор просит передать благодарность поэту, вызвавшему столь удачную импровизацию; видимо, Бетховен придавал этой пьесе выдающееся значение в отношении согласования музыки с текстом; в заголовке он дает исполнителю такое указание: «С чувством, но решительно, с выражением и соблюдением ударений».

Текст романсов Бетховена заимствован у разных, более или менее известных поэтов, но сборник стихотворений, составленный Канделером, пользовался особенной симпатией композитора, о чем последний писал ему:

Каждый композитор обязан знать вообще всех старых и новых поэтов; если он намерен писать вокальную музыку, то должен самостоятельно выбирать самое лучшее и подходящее для своей цели; но так как это бывает редко, то сборник господина фон-Канделера является полезным и желательным для многих желающих писать для пения, а

также для талантливых поэтов, напоминая им о необходимости писать что-либо подходящее для этой цели.

Людвиг ван Бетховен, т. р.

Совершенно согласен с господином в. Бетховеном. — Иос. Вайдль.

Не так отнесся композитор к стихотворениям, доставленным ему поэтом-купцом Герхардом, часто наезжавшим в Вену по делам своим, выпросившим у автора автограф его романса «Gretels Warnung» (ор. 75, № 4) и навязывавшим композитору плоды своего вдохновения.

Его высокоородию
г-ну Вильгельму Герхарду, в Лейпциг (в Саксонии).

Нусдорф, 15 июля 1817 года.

Милостивый государы!

Вы почтили меня однажды просьбой положить на музыку несколько ваших анакреонтических песен. Если я вам не отвечал, то причиной были усиленные занятия, а никак не пренебрежение. Удовлетворить вашу просьбу было тем труднее, что присланные тексты, уверяю вас, менее всего удобны для музыки. Рисовать картины может живопись; поэт может считать себя счастливее моей музы, так как его область не так ограничена, как моя. Наша деятельность совершенно в иной сфере и достичь ее не так легко. Отчасти моя болезнь, продолжающаяся беспрерывно почти 4 года, виною тому, что я отвечаю молчанием на то, что мне присылают. — С октября 1816 года болезнь усилилась: у меня был сильный катар, а потом еще и болезнь легких. Пишу обо всем этом для того, чтобы не сочли меня невежливым или не составили обо мне, как многие другие, ложного представления.

С почтением преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Из вокальных произведений написаны еще в эту эпоху:

Романс ор. 99 на слова Клейншмидта.

Значительная часть ирландских и валлийских песен, обработанных по заказу Томсона (сер. 24, №№ 2 — 7).

«Тоска» (сер. 23, № 25) на слова Рейсига.

Ruf vom Berge (сер. 23, № 28) на слова Трейчке (написан 13 декабря 1816 г.).

So oder so (сер. 23, № 31) на слова Лаппе. Ряд музыкальных шуток вроде Ich cusse sie (г-же Мильдер) и кантаты ко дню рождения кн. Лобковича (сер. 25, № 274).

Для фортепиано написана известная соната ор. 101, при издании которой, как увидим ниже, автор хотел отречься от итальянских терминов и задался суетною мечтою установить немецкие, но потом вернулся к первым и даже стал злоупотреблять ими.

Шесть шотландских тем с вариациями (ор. 105).

Для военного оркестра написан марш F-dur (сер. 2, № 6) и, наконец, для струнного квартета — знаменитая fuga ор. 137, пролежавшая в портфеле автора десять лет.

Неизвестный нам музыкант, которого Бетховен называет г. Благонамеренным, аранжировал трио ор. 1, № 3 для пяти струнных инструментов; познакомившись с этим переложением

и найдя в нем много недостатков, автор сам приступил к такой же работе и создал свой ор. 104, на рукописи которого поместил забавную надпись:

Терцет, переделанный в трехголосный квинтет г-ном Благонамеренным, вызвавшим на свет дневной из воображаемых пяти голосов — действительных пять голосов, поднятых из жалкого ничтожества до высочайшего величия

г-ном Благодетелем.

Вена, 14 августа 1817 года.

NB. Первоначальная трехголосная партитура квинтета принесена торжественным огнем в жертву подземным богам.

Л.

Небогаты материалом также тетради эскизов, заключающие в себе наброски сонаты ор. 101, вариаций на «Христос воскрес», наброски, напоминающие начало ор. 106, тему четырехголосного хора на слова «Vivat Rudolf» и наброски в d-moll, родственные scherzo 9 симфонии.

Бездеятельный в отношении композиции Бетховен не перестал заботиться об исполнении своих больших произведений, в особенности — «Сражения при Виттории», богатого внешними эффектами и техническими трудностями; партитуру его он посылает в Прагу и Брюнн (также в Богемии) при следующих письмах:

Директору театра Генриху Шмидту в Брюнне.

Вена, 11 марта 1816.

Милостивый государь!

С большим удовольствием отправил я вам «Боевую Симфонию» с печатными партиями и партитурой, по миновании надобности верните мне ее, пожалуйста, немедленно. — Ввиду предполагаемого исполнения ее здесь я не мог прислать вам рукописных партий. Заголовок «Боевой Симфонии» напечатан совершенно неверно, а потому сообщаю вам подлинный и неизменный, а именно: «Большое инструментальное произведение на полный оркестр, написанное на победу Веллингтона в бою при Виттории; 1 часть: Битва. 2-ая часть: Победная симфония». Что касается оперы, то можете ее получить, но только по меньшей мере за 125 фл. — сиречь сто двадцать пять фл. — т. е. на 25 фл. больше прежнего, ибо по прелестному курсу излюбленных всеми бумажных денег наших переписчик получает бумажными деньгами за переписку ровно столько же, как раньше, когда вам предлагали оперу за 100 фл. — если согласны, то сообщите немедленно и через две недели опера будет у вас. — Мой привет вашей супруге и капельмейстеру Штраусу; если обстоятельства изменятся, то быть может побываю в Брюнне, желаю вам всего лучшего и остаюсь

покорнейший Людвиг в. Бетховен.

NB. Относительно оперы прошу ответить немедленно, чтобы выслать вам ее своевременно.

Его благородию господину Генриху Шмидту, директору театра в Брюнне.

Адвокату д-ру ф. Канка в Праге.

Вена, 28-го декабря 1816.

Глубокоуважаемый, почтенный друг!

С завтрашней почтой высылается вам партитура симфонии, исправленная «Боевая Симфония» в партитуре, трио и скрипичная соната и несколько пьес для пения — я знаю, что вы всегда так предупредительны ко мне, что я вам так обязан за все, что вы сделали для меня, а также за недавнюю столь скорую выдачу мне моего полугодового. — Впрочем, еще к вам просьба, даже скорее предложение или, вернее, поручение. — Город Ретц, насчитывающий до 500 домов, изберет вас куратором над неким Иоганном Хамач из Праги, ради всего святого не отклоняйте этого поручения, ибо это принесет, наконец, моему маленькому племяннику хоть какую-нибудь материальную поддержку. Конечно, решение дела зависит от нашего почтенного магистрата, причем, вероятно, матери также перепадет что-нибудь, подумайте только, как долго может это продолжаться, мой бедный несчастный брат умер не дождавшись конца, ведь наши суды пользуются особым попечением его величества, так что предшественник нынешнего головы гор. Ретца хотел уплатить моему брату вместо 5000 фл. лишь 500 фл. Нынешнему городскому голове потребовалось 30 дней и почти столько же ночей, чтобы только выяснить это дело, запутанное предшественником; да, вот какие честные деятели нас окружают, о добрые христианские монархи, — нынешний голова сам по себе честный и дельный человек (ибо если бы он захотел, то мог бы походить на предшественника), причем, упомянутый Хамач в Праге (торговец) еще не заявил о своем пребывании (NB за 4-5 лет).

Итак, Байер, городской голова в Ретце, пришлет вам опекунский указ вместе с копией векселя от магистрата Ретца; я сознаю, что такому просвещенному человеку, как вы, под. дела представляются ничтожными и незначительными, если найдете это неподходящим для вас, то прошу вас наметить кого-нибудь для этого и насколько возможно помочь делу — но все же лучше всего, во всяком случае, оно было бы выполнено вами, может быть достаточно было бы просто переговорить с этим человеком в Праге, чтобы довести дело до конца.

Мой дорогой племянник в одном из лучших венских пансионатов, выказывает большое дарование, но все это на мой счет, может быть с окончанием дела в Ретце я имел бы ежегодно несколько сот фл. лишних, каковые мог бы употребить на образование моего дорогого сиротки. — Обнимаю вас как одного из лучших моих друзей

ваш Бетховен.

Несмотря на некоторое затишье в творчестве Бетховена, предложения и заказы не прекращали появляться с разных сторон; из Берлина ему прислали в январе 1815 года текст для оратории под названием «Страшный суд»; венское музыкальное общество заключило даже договор с композитором относительно сочинения кантаты «Торжество креста». Договор был заключен 9 ноября 1815 года, а предварительные переговоры велись через Цмескаля, причем имелось в виду создание величественного произведения (для оркестра в 700 человек), свободного от «неправильностей» и технических трудностей, свойственных плодам этого (третьего) периода творчества Бетховена. Так как общество хотело обусловить исключительное пользование его произведением в течение года, но не приобрести в собственность, то должно было выдать соответственное вознаграждение, сообразу-

ясь со своими средствами. Оно ответило, что готово заплатить 200 д. за временное пользование. Бетховен немедленно согласился и получил задаток, но, постоянно колеблясь в выборе текста, не находя в себе ни соответствующего настроения, ни склонности к такого рода работе, долгие годы пререкаясь с Бернардом и требуя от него переделок в деталях, должен был впоследствии отказаться от этого намерения. По случаю заказа кантаты композитор писал своему другу.

Январь, 1816 года.

Дорогой Цмескалы!

Только сегодня заметил я к великой досаде, что еще не ответил на предложение написать ораторию для венского общества любителей музыки.

Причиною тому смерть моего брата, случившаяся 2 месяца тому назад, опека над племянником, хлопоты и другие обстоятельства. Между тем г. ф. Зейфрид уже начал писать текст; вскоре сочиню к нему музыку. Нечего вам говорить, что это предложение мне лестно; это само собою разумеется; я постараюсь выполнить его настолько добросовестно, насколько позволят мои слабые силы.

Хотя в отношении музыкальных средств исполнения я приму во внимание ваши указания, но позволю себе уклониться от уже установленного здесь. Надеюсь, что выразился понятно. Так как хотят знать непременно мои требования относительно гонорара, то я в свою очередь хотел бы знать: найдет ли общество возможным уплатить за это произведение по крайней мере 400 д. золотом; еще раз прошу общество простить за поздний ответ; надеюсь, хоть вы, мой друг, заметили мою готовность написать это произведение; об этом мы уже беседовали и это отчасти успокаивает меня.

Уважаемый Ц.

Ваш Б.

Гораздо охотнее продолжает он носиться с мыслью об опере, обсуждает с Трейчке сюжет «Ромула», прочитывает присланную старым другом Аменда (из Курляндии) поэму Берга «Бахус», надеется получить либретто от барона де ла Мот Фуке и написать оперу для Берлинского театра, где был поставлен «Фиделио» с участием талантливой Мильдер; наконец, издатели осаждают композитора заказами инструментальных произведений. Однако все это остается в проекте, и Бетховен, все чаще и резче осуждающий свои прежние сочинения, с презрением вспоминавший свой септет и даже и симфонию, не может приступить к созданию чего-либо значительного, будто отдыхая и подготавливаясь к неведомой гигантской работе, к такому подвигу, который должен удивить мир и проявить все силы, всю мощь этого богатыря.

Причудливые замыслы страдающего композитора, осуществленные отчасти в начатой им тогда 9 симфонии, ищут таких же необыкновенных форм, о чем узнаем из дневника его; весною 1818 года он задумывает:

«написать национальный гимн по случаю сражения при Лейпциге в октябре; при этом марш каждого народа, *Te Deum laudamus...* Написать ораторию с мелодрамою, кантату с хором, оперу, — чтобы показать себя во всем».

Посылая композитору либретто, составленное Бергом, Аменда писал ему 20 марта 1815 года:

Дорогой Бетховен! Хочу загладить свое долгое молчание приношением твоей прекрасной музе; пусть она примирит нас и заставит тебя вновь вспомнить почти забытого Аменда. Те незабвенные дни, когда я был так близок к тебе, когда твое любящее сердце и чары твоего великого таланта неудержимо влекли меня к тебе, сохранились в сердце моем во всем своем блеске; они самое дорогое сокровище моей души и ничто не может его похитить у меня... О, если бы я и друг мой Берг могли хоть изредка быть при тебе во время этой работы, чувствовать и наслаждаться с тобою при создании оперы! Прежде мне приходилось испытывать это счастье; теперь также, вероятно, у тебя не будет недостатка в ценителях твоего труда!

...Присылаю «Бахуса», большую лирическую оперу в 3 действиях Рудольфа Берга... Это нечто бесподобное, а потому ты и никто другой должен написать к ней музыку...

В ответ на это композитор писал:

Вена, 12 апреля 1815 года.

Мой добрый, любезный Аменда!

Податель сего, граф Кайзерлинг, твой друг, был у меня и вызвал во мне воспоминания о тебе. Ты счастлив, у тебя есть дети: ни того, ни другого нельзя сказать обо мне. Об этом пришлось бы говорить очень много; если получу от тебя еще письмо, то сообщу об этом больше. Вспоминаю тебя 1000 раз, с твоей патриархальной простотой, сколько раз я хотел иметь близ себя таких людей, как ты, но к счастью ли моему или к счастью других судьба не хочет исполнить моих желаний, и я, признаюсь, живу почти одиноким в этом громаднейшем немецком городе, так как принужден жить почти вдаль от всех тех, которых люблю или мог бы любить. В каком положении у вас музыка? Слышал ли ты уже там мои большие произведения? Я говорю — большие! в сравнении с творениями Всевышнего все прочее так ничтожно! Прощай, мой милый, добрый А. Вспоминай иногда

твоего друга Людвига ван Бетховена.

Когда будешь писать ко мне, то можешь на адресе ставить только мое имя.

Обращаясь к Мильдер за содействием в отыскании либретто, композитор указывает на поэта де ла Мот Фуке, автора нескольких оперных текстов; Бетховен полагал, что дирекция Берлинского театра, как и поэт, не откажут в просьбе знаменитой артистке, по отношению к которой каждый может называться лишь рядовым (в подлиннике: Nebermann — сосед), но не капитаном (Hauptman — фамилия ее мужа).

К г-же Мильдер-Хауптман.

Вена, 6 янв. 1816 г.

Глубокоуважаемая, несравненная Мильдер, милая подруга! Письмо мое к вам запоздало. Как хотел бы я присоединиться лично к восторгам берлинцев, вызванным вами в «Фиделио»! Тысяча благодарностей от меня за то, что вы остались верны моему «Фиделио». Если бы вы попросили от моего имени барона де ла Мот Фуке придумать большой оперный сюжет, который был бы в то же время подходящим для вас, то оказали бы громадную услугу как мне, так и немецкому театру. Такую оперу хотел бы я написать исключительно для берлинского театра, так как со здешней скупой дирекцией и думать нечего о новой опере. Отвечайте скорее, как можно скорее, быстрее, немедленно — можно ли

это устроить? Господин капельмейстер Б. хвалил мне вас до небес и был совершенно прав; счастливы те — в том числе я — кому довелось знакомство с вашей музыкой, с вашим гением, с вашими чудными качествами и дарованиями. Ах, если бы... Все близкие к вам могут называться только рядовыми, я один лишь имею право носить почетное звание капитана.

Во мне скрывается ваш искренний друг и почитатель —

Бетховен.

Мой бедный, несчастный брат умер, вот почему я долго не писал вам.

Как только вы мне ответите, я также напишу барону де ла Мот Фуке. Ваше влияние в Б. легко поведет к тому, что мне удастся на выгодных условиях написать оперу для берлинского театра, а главное — для вас. Только отвечайте скорее, чтобы я мог затем распределить остальные работы.

В июне 1816 года Карл фон Бурси, приятель пастора Аменда, с рекомендательным письмом от него прибыл из Курляндии в Вену и здесь навестил Бетховена; впечатления этого знакомства изложены были им в 1854 году в «St. Petersburger Zeitung», причем цензура сочла нужным сократить много опасных для русского общества подробностей в жизни Бетховена; впоследствии германский издатель напечатал дневник Бурси без каких-либо пропусков.

«Первого июня, — пишет Бурси, — я был у Бетховена. Этот день останется памятным в жизни моей... Предо мною был человек небольшого роста, плотный, с приглаженными назад волосами с проседью, несколько красноватым лицом, небольшими, глубоко впавшими глазами, точно пылавшими и полными чудовищной жизненности. Разговор зашел об Аменда.

— Это добряк, — сказал он, — мое несчастье в том, что все друзья мои вдали от меня, и я теперь один в этой ужасной, противной Вене.

Когда я спросил о намерении его писать оперу на текст Берга, то Бетховен ответил:

— Время найдется, я не работаю непрерывно над одним произведением; одновременно я занят различными работами, пережожу от одной к другой.

Заметив, что меня смущает его глухота, и я не решаюсь постоянно кричать в ухо ему, он стал сам рассказывать, говорил про Вену, про жизнь свою, причем оживленная, быстрая и громкая речь его была полна желчи и яда. Всем он недоволен, со всеми в разладе, бранит Австрию, а в особенности Вену; при этом он с такою силою ударял кулаком по крышке рояля, что гул разносился по комнате. Для первого знакомства откровенные признания его казались весьма странными; он жаловался на общество, на близких, на скудость средств.

— Зачем же вы остаетесь здесь? Ведь каждый государь отвел бы вам место у своего трона.

— Обстоятельства приковывают меня к Вене. Здесь все пошло и низко, отвратительно. Сверху донизу все — голь. Никому нельзя довериться; нельзя верить на слово, нужны документы.

Из рассказов его я узнал, что за вход в концерт 23 ноября прусский король заплатил ему 10 дукатов, а русский император

— 200 дукатов; при устройстве этого концерта граф Пальфи, директор театров, получил выговор, что очень обрадовало Бетховена; с удовольствием вспоминал он также об успехах «Фиделио» в Берлине при участии Мильдер-Хауптман.

— Она пела раньше здесь; теперь никто у нас не может заметить ее; здесь не могли платить ей много, и она предпочла переехать в Берлин. Музыка здесь в загоне, император не обращает внимания на нее, а публика довольна всякою дрянью.

Рассказывая о племяннике своем и называя себя при этом «отцом» его, Бетховен высказал следующую мысль:

— Только артист и ученый постигают высшие идеалы жизни, только артист и ученый могут испытывать истинное счастье.

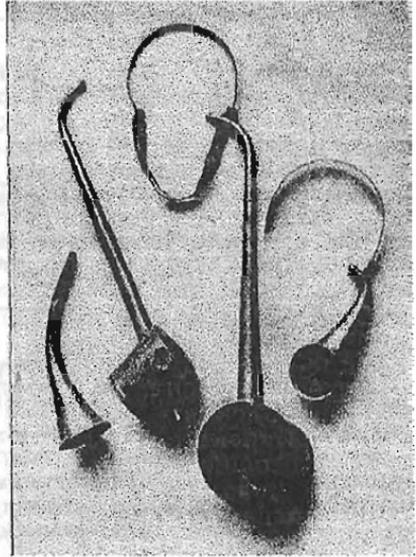
Когда он умолкал, то морщил лоб и принимал мрачный вид; кто не знал чуткого сердца его, мог испугаться внешности Бетховена в такие минуты.

На прощание он просил навещать его, предложил свои услуги, если только может быть полезен, записал мой адрес и прибавил:

— Уж пошлю как-нибудь за вами.

Квартира его мне понравилась: чисто, порядочно обставлена; из окон открывается вид на зеленющий бастион; из передней одна дверь ведет в спальню, другая в кабинет, где стоял запертый рояль. Несколько листов нотной бумаги лежало на письменном столе, вообще нот было очень мало. Два прекрасной работы портрета, масляными красками, мужчины и женщины, висели на стене. Одет он был в парадный костюм. Слухи о его сумасшествии нахожу неосновательными; так думают те, кто не понимает смысла художественного сплина, т. е. сосредоточенности и угрюмости поэта».

Квартира в доме Пасквалати, на Мелькер-бастионе, была почти единственным жилищем композитора в эту эпоху. Барон Иоганн фон Пасквалати был коммерсантом, вел оптовую торговлю и имел меняльную лавку на Кольмаркте; вместе с тем этот юный приятель Бетховена старательно занимался фортепианною игрою, композициею, собирал в своем зале ценные картины и был в числе пятидесяти основателей венского музыкального общества. Бетховену он оказывал немало услуг; с ним композитор совещался о делах денежных, об отношениях к кн. Лобковичу, к своему адвокату д-ру Адлерсбургу, к племяннику Карлу и т. п., о чем узнаем из записок его к барону.

*Слуховые аппараты
Бетховена.*

К барону Пасквалати.

Уважаемый друг!

Будьте добры сообщить мне завтра же утром через слугу вашего взгляд ваш на дело мое с Лобковичем относительно жалованья, так как у меня нет больше денег. Прошу также вашего брата написать в Прагу, чтобы мне выдали содержание от Кинского, так как уже с октября не получаю. — Извините, если надоедаю вам. На днях вновь увидимся.

Уважающий вас друг ваш Бетховен.

Уважаемый друг!

Прошу вас прислать мне через подателя сего только не в открытом виде образец, по которому следует писать расписки Кинскому в получении полугодовых 600 гульденов, считая с апреля до и т. д. — Я сейчас отправлю расписку в Прагу д-ру Канка, через которого в прошлый раз также получил эти деньги. Из этой суммы я немедленно уплачу вам долг. Если же мне удастся достать эту сумму раньше получения денег из Праги, то я тотчас принесу вам ее сам.

С почтением ваш почитатель и друг Бетховен.

Уважаемый друг.

Хочу возратить вам любезно одолженную мне сумму, но только лично, так как должен еще кое о чем с вами поговорить. Сегодня после обеда во всякое время мы готовы вас принять; то же самое завтра утром, если вам угодно, но только не слишком рано, потому что состояние здоровья не позволяет мне этого. Пожалуйста, дайте мне также знать: прийти ли мне на квартиру вашу в Kohlmarkt или к вам.

Как всегда уважающий вас и благодарный Л. в. Бетховен.

Достойный! уважаемый друг!

Хотя сегодня во дворце выход, тем не менее прошу вас посетить меня, так как уже несколько дней чувствую себя плохо; но непременно сегодня же, если можете, потому что необходимо с вами поговорить относительно моего племянника и д-ра Адлерсбурга, а между тем не смею выходить.

Итак, дайте же мне знать, пожалуйста, когда вы будете у меня — сегодня!!!

Ваш Бетховен.

Достойный и уважаемый друг!

Если эта записка вас не застанет дома, то очень прошу вас передать или оставить для переписки копиисту Рампелю мой квартет в F-minor; — при встрече объясню вам цель.

Второпях ваш преданнейший Бетховен.

Пасквалати посвящена прелестная элегия ор. 118, для 4 голосов, с сопровождением струнного квартета или фортепиано, написанная летом 1814 года, в память умершей в 1811 году жены барона, Элеоноры.

Посещение композитора иностранцами и знатными лицами навело хозяина на мысль возможно приличнее обставить его квартиру, куда вела узенькая каменная лестница. Здесь часто навещал его граф М. Лихновский, стараясь при этом не мешать работе его. После кратких приветствий он располагался в одном из кресел, обитых голубой шелковой материей и наименее пострадавших от небрежности жильца, и пересматривал лежавшие на столе бумаги, поглядывая иногда на композитора; потом прощался и уходил. Но даже такие визиты иногда раздражали его и нередко граф, поднявшись в третий этаж, где была квартира композитора, и найдя дверь запертою, принужден бывал уйти или терпеливо ждать аудиенции в прихожей, где слуга чистил платье и чистил обувь.

В сентябре 1816 года Бетховена посетил Александр Кэд, майор английской службы, богатый инженер, страстный любитель музыки и член лондонского филармонического общества.

Он застал композитора за бритьем; рябое, смуглое, загорелое лицо, с присохшим мылом и пластырем на порезах, произвело отталкивающее впечатление, а провалившееся под Кэдом ветхое кресло довершило эту грустную интродукцию визита. Тем не менее он энергично принялся за выполнение своей миссии и при содействии доктора Барталони склонил композитора написать за 100 ф. ст. симфонию; когда же дело коснулось деталей, и Кэд выразил желание иметь партитуру в стиле первых его симфоний, то Бетховен наотрез отказался от предложения.

— Я не нуждаюсь в деньгах, — воскликнул он, — если у меня не будет ни одного крейцера, и если мне предложат сокровища всего мира, то я не свяжу своей свободы, не наложу оков на свое вдохновение!

Тою же осенью к композитору явился Антон Пахлер с целью познакомить его с рукописями невестки своей, г-жи Пахлер-Кошак, жившей в Граце.

Если автор не изучал теории композиции, — сказал Бетховен, внимательно просмотрев плоды вдохновения неизвестного ему лица, имя которого также не было названо, — то подает большие надежды; указать письменно ошибки невозможно, займет много времени; я охотно сообщил бы их устно; впрочем, если автор займется теорией, то сам поймет их.

Спустя год г-жа Пахлер-Кошак с мужем приехала в Вену, и, судя по двум запискам Бетховена, часто проводила время с ним и приглашала к себе в Грац.

К Марии Пахлер-Кошак.

Я очень рад, что вы остаетесь еще день; мы будем много играть. Ведь вы сыграете мне сонаты F-dur и C-moll? Не правда ли?

Еще никто не исполнял моих произведений так хорошо, как вы; не исключая и знаменитых пианистов, у них или только техника, или аффектация.

Вы истинная воспитательница духовных детищ. —

Г-ну д-ру Пахлеру, в «Золотом Быке».

Любезный П.!

По мнению врача, мне было бы полезно путешествие, которое расseyало бы меня. Так что очень возможно, что я сам буду платить за себя и не стану утруждать кого-нибудь в Граце. — Завтра и, может быть, послезавтра буду еще здесь. Живу на Ландштрассе, № 268, во втором этаже. — Утром, около 8 часов, вы найдете меня всегда дома.

Ваш друг Бетховен.

Одному из своих приятелей, Билеру, бывшему воспитателем детей баронессы Путон, он пишет летом 1817 года из Бадена, где пользовался советами доктора Мальфати, которого шутя называл сассафрасом.¹

Любезный Билер!

Сообщаю вам, что нахожусь в Бадене и чувствую себя великолепно — благодаря действительно прекрасной природе, а никак не тамошнему обществу.

Любезный Билер.

Д-р Сассафрас, о котором я вам говорил, придет сегодня в 12 ч. А потому прошу вас зайти также ко мне в это время — чтобы вы не заблудились, сообщаю вам номер дома, этажа, все это можете разглядеть прежде, чем войти — 1241 в 3 этаже живет этот бедный, преследуемый, презираемый австрийский музыкант

Бетховен.

Сообщения посетителей композитора о безутешно-мрачном настроении его подтверждаются заметками в дневнике, где встречаются все более разрастающиеся и многочисленные проекты музыкального свойства, далеко не соответствующие ни композициям, ни эскизам его.

Весною 1816 года в дневник записано:

«Бросить оперы и все прочее; писать только в твоём новом духе... затем уголок, где ты мог бы окончить свою несчастную жизнь...»

Туда же вписано осенью:

«Бог лишен материи, а потому понятие о нем неопределенно, он невидим, ибо лишен образа. Однако, из творений его можно заключить, что он вечен, всемогущ, вездесущ... Бог вне времени... Во время немейских игр Пилад пел: «я даю сынам Греции лучшее украшение — свободу...» Ты должен добыть капитал, достичь этого можно только... Теперь, как и прежде, главное — составные фантазии на фортепиано, несмотря на слух».

Весною 1817 года композитор заносит в свой дневник:

«Ведь капля воды точит камень; тысячи отрадных минут исчезают, когда дети сидят заключенными в стенах учебных заведений, тогда как могут, среди любящих их родных, воспринимать впечатления, хранимые в сердце до глубокой старости...»

¹ Сассафрасное или укропное дерево из семейства лавровых.

Карл становится совсем иным после того, как проводит с тобою несколько часов; поэтому надо оставить его при себе — это желательнее также ради твоего благополучия... Карл имеет там ежедневно два часа латыни, по одному часу географии, истории, естественной истории и Закона Божия... Надо предпринять что-нибудь: либо путешествие, в таком случае необходимо писать композиции, либо сочинить оперу. Если будущее лето проведу здесь, то лучше писать оперу, если условия будут удовлетворительны; если остаться летом здесь, то надо теперь же решить: где? как?.. Боже, помоги мне! Ты видишь, я покинут всеми, потому что избегаю зла. Услышь только мольбу мою о неразлучной жизни с Карлом в будущем, чему препятствуют многие обстоятельства... О жестокая судьба! О злой рок! Нет, нет, никогда не будет конца моим несчастьям!.. Нет тебе иного спасения, как бегство отсюда; только так ты можешь вновь вознестись в высшие сферы искусства, а не пресмыкаться здесь... еще одну симфонию и тогда вон, вон!.. Летом работать для путешествия... Только так ты можешь осуществить свои намерения относительно племянника... Затем побывать в Сицилии, Италии с другими артистами... Размышляй и не беспокойся о К... Надо побывать на водах, в Висбадене, потом в Ахене... По вечерам и во время обеда надо бывать в обществе; это оживляет и не утомляет, поэтому, кроме обычной жизни, надо вести еще другую... Всякое горе, хранимое втайне, чувствуется сильнее... При твоём больном слухе одиночество — яд для тебя, порочный человек начинает относиться к тебе с подозрением... Утром и вечером я с К., несмотря на мой злосчастный слух... Покорностью, смирением, — смирением мы победим при самых печальных обстоятельствах и будем достойны того, чтобы Творец наши ошибки... Ты смотришь на К., как на собственного сына; ради этой святой цели не обращай внимания на сплетни и пустяки. Тяжко твое нынешнее положение, но Господь видит все, без него ничто не свершится!.. Слабости природы созданы ею же и разум-повелитель должен силою своею покорить их и стараться устранить их... Руководство для мальчиков... В Леопольдштадте № 575 продаются шесть легких дорожных экипажей... Квартира нужна в предместье, Карлу не следует жить в деревне».

Все реже навещаемый музою, артист все чаще становится жертвою мелких забот обыденной жизни, все чаще прибегает к помощи Цмескаля, который, в свою очередь, все чаще болеет и вскоре, спустя года два, уступает место новым приятелям, новым советникам и помощникам в домашних делах Бетховена. В последних записках его к Цмескалю лейтмотивом звучат опять дразги с прислугою, то угроза арестом, то мелочные расчеты, то подозрение в краже; эта тема переплетается с заботами о племяннике, с кознями Королевы Ночи, с условиями гонорама английских издателей; здесь встречаем имя слуги Штрауса (Strauss — букет), естествоведа Рибини и пианиста-виртуоза Карла Боклета, прибывшего в Вену с рекомендательным письмом к Бетховену от Бергера из Праги и выступившего здесь 8 апреля 1817 г. и качестве виртуоза-скрипача.

Дорогой Ц!

Опять несчастье, опять болен. Однако узнайте, что предстоит нам делать завтра утром. — Увижусь, вероятно, с вами, если только выйду сегодня вечером.

Ваш друг Бетховен.

Дорогой Ц. Мне так себе. Так как вы, когда здоровы, постоянно где-то шатаетесь, то, при всем желании, не могу вас найти. Все же на днях зайду к вам.

Как всегда ваш друг Бетховен.

Придешь к вам на дом, вы в канцелярии; в канцелярию — вы нездоровы. Истина, вероятно, посередине. — Прошу вас сообщить мне сейчас: в какое время сегодня могу поговорить с вами? Пришлите по этому сейчас же вашего слугу. — Дело спешное.

Бетховен.

Ваше благородие найдут меня там же во второй комнате в условном месте.

Людвиг ван Бетховен.

Ничего не видел — ничего не слышал. Во всяком случае, всегда к услугам, после обеда мне удобнее около половины 4 или в 4.

Ваш Бетховен.

Г-ну Людвигу ван Бетховену в Бадене, который все еще находится здесь и лишен возможности совершать дегеновские перелеты *Gratias* заранее и вперед, *Agimus tibi Zmescalio Domanoveczendi*.

Отдать в Зауэрбаде.

Мой милейший барон, *baron, baron!*
Domanovitz.

Прошу вас принести в жертву немного вашей дружбы и прийти сегодня в «Лебедь». —

Вы этим много обяжете вашего X графа Бтхви.

Baron — baron — ron — aron — ron — и т. д.

Блаженства и счастья, счастья и блаженства и блаженства и счастья, счастья, блаженства, блаженства, счастья и т. д. *baron, baron, baron, baron.*

31 янв. 1817 г.

Дорогой Ц. фон Д — ц! и пр., и пр., и пр. включая знаменитую бургундскую лозу.

Посылаю трио вместе с виолончельной партией к нему и прошу вас оставить его у себя. — Был бы, кроме того, очень рад, если бы вы прислали ко мне послезавтра утром вашего слугу; если можно, около 11 часов или в половине 12. — До 12 я наверное дома. — Пожалуйста,

поручите ему также сообщить мне, если найдете кого-нибудь для меня. В другом месте я также позаботился об этом, потому что с этими людьми просто невыносимо. Я уверен, что буду иметь большие неприятности, оба они стоят один другого и только сострадание, которого ничуть не заслуживают и в котором даже не нуждаются, заставило меня так долго терпеть. — Прощайте, повелитель всех гор Пешта и Бургундии.

Ваш Л. в. Бетховен.

Любезный Ц.

Вы вздумали принять меня за какого-то Шупанцига и т. п. и переврали мою прямую искреннюю речь. Не вы мой должник, а я ваш, и теперь вы еще более увеличили этот долг. Не могу описать, сколько неприятности причинил мне этот подарок, и по своей привычке, должен откровенно заметить, что он вызывает во мне недобрые чувства к вам. Хотя в области искусства вы только исполнитель, но, видимо, не чужды воображения, и мне кажется, что оно доставляет вам иногда совсем ненужные хлопоты. По крайней мере, так показалось мне из вашего письма, после моего посвящения. — Насколько я добр и ценю в вас все доброе, настолько же зол, зол и злощ.

Ваш новый должник, который, однако, умеет постоять за себя

Л. ван Бетховен.

Высокородный
первый придворный секретарь.

Сегодня не могу прийти к вам, закажите мне на завтра слугу и пожалуйста сообщите, в какое время могу прийти к вам, все что необходимо заготовьте сегодня же — итак, жду до завтра указания часа и когда должен прийти я к вам.

Второпях ваш весь Л. в. Бетховен.

4 февр. 1817.

Дорогой деспот, к 12 часам наверно буду у вас, спасибо, спасибо, премоного благодарен.

Л. в. Бетховен.

13 февр. 1817.

Дорогой Ц. Книга эта очень интересная; но не могу ее одолжить надолго. Мне прислал ее сам автор. Я обещал ее уже многим, прошу вас прислать вашего слугу также завтра. Он скажет вам, как и когда. Сегодняшним его приходом я очень доволен.

20 февраля 1817.

Дорогой Ц.

Слуга получил 27 фл. и брюки, думаю, что он не может требовать более этого, все же приду к вам сегодня или завтра после обеда поговорить об этом. —

Второпях ваш Л. в. Бетховен.

Крайне занят срочною работою, потому только несколько слов.

Второпях ваш Бетховен.

21 февраля 1817 года.

Дорогой Ц! Дело только в совете относительно слуги, а затем я сам пойду в полицию и господину Штраусу не поднесут букетика, а засадят на 24 часа. Прошу вас поэтому сообщить, в какое время могу сегодня застать вас дома. Лучше всего было бы после обеда. Но если не можете, то назначьте другой час. Хорошо бы вам также узнать от прежнего слуги его квартиру. Относительно полиции не говорите ничего, пока мы не переговорим с вами.

Второпях, ваш Бетховен.

22 февраля 1817.

Сообщите мне только, была ли там эта личность, если она не была там, то я постараюсь сходить завтра в полицию, так как теперь очень занят, поэтому так краток.

Второпях Бетховен.

Любезный и многоуважаемый Ц!

Опять несчастье со слугой. Теперь меня уж наверно обокрали. — Еще 4-го я отказал ему за две недели вперед. Но он напивается, проводит целые ночи вне дома и так возмутительно дерзок и груб, что я хотел бы как можно скорее отправить его. Я готов заплатить ему за две недели, только бы сейчас же от него избавиться. Спрашивается только, если я его таким образом отправлю, то должен ли ему заплатить также за прошлые дни, от первого числа этого месяца или от четвертого до того дня (может быть завтрашнего), когда я ему заплачу за две недели. — Его месяц начинается и оканчивается с началом и концом каждого месяца. — Простите, дорогой Ц. Пришлите, пожалуйста, ответ через вашего слугу завтра утром. — Надеюсь вскоре увидеться.

Как всегда, ваш друг Л. в. Бетховен.

Прошу вас, не говорите ничего вашему слуге относительно письма; я уж приму свои меры.

Дорогой Ц! Рекомендую вам подателя сего молодого Боклета, как очень опытного скрипача. Постарайтесь поддержать его через ваших знакомых, тем более, что мне его очень рекомендовали из Праги.

Ваш истинный друг Бетховен.

Дорогой Цмескаль!

Я передумал. Матери Карла будет очень больно видеть свое дитя у постороннего; и без того во всем этом жестокости гораздо больше, чем мне хотелось бы; поэтому хочу, чтобы она завтра пришла ко мне. Некто Билер, управляющий Путона, будет также у меня. Буду очень рад, если вы придете около 6-ти часов, не позже. Я даже настоятельно прошу вас очень об этом, потому что мне очень хочется показать окружающему суду,

кто находился при этом. Придворный секретарь — вы знаете, что это на них действует прекрасно — как человек без характера, но весьма характерный.

Нусдорф, 7-го июня.

Милый, добрый Цмескаль! Так как вы взялись уже за переписку писем, то посылаю вам лист бумаги для одного письма. Вы уж заметите, что я нахожу наиболее важным. Почерк Херинга могут легко узнать, а я не хотел бы этого и потому не приложил его. Между прочим, прошу вас позаботиться о том, чтобы письмо к Рису было отправлено не ранее среды и притом непременно заказным, так как при столь долгом пути только этим можно обеспечить себя. Адрес Риса вы найдете в его письме. Может быть, увижусь с вами завтра, так как буду в городе.

Второпях, ваш благодарный друг Бетховен.

Дорогой и добрейший Ц.!

Я вскоре увижу вас снова в городе. Что стоит теперь перемена головы одной пары сапог? — Я должен заплатить за них моему слуге, которого гоноу во все стороны. Кстати, я в отчаянии, что благодаря состоянию моего слуха, мне предстоит провести большую часть жизни с этим негодным сословием и даже иногда зависеть от них.

Завтра утром слуга придет к вам за ответом, конечно, закрытым.

Окажите мне услугу, любезный Ц., скажите вашему слуге, чтобы подыскал мне другого подходящего. Я плачу в месяц 20 гульденов, малую и большую ливрею; — можете сказать ему об этом или не говорите, как найдете нужным. Хорошо было бы, если бы слуга знал немного портняжное дело. — Мне не надо непременно статного. Не беда, если он будет даже немного горбат; даже лучше, потому что будет известна его слабая сторона. Вы окажете мне большую услугу, если поручите вашему слуге; я заплачу.

Весь ваш Бетховен.

21 августа 1817 года.

Дорогой и добрейший Ц.!

С огорчением узнал о вашей болезни. — Что касается меня, то я часто бываю в отчаянии и готов покончить с собою, всем этим микстурам ведь нет конца. Да сжалится надо мною Господь, я считаю себя почти совершенно погибшим. — Мне необходимо с вами поговорить, мой слуга крадет, в чем я не сомневаюсь; его надо прогнать. Моя болезнь требует домашней пищи и покоя, я хотел бы знать ваше мнение по этому поводу. Если мое состояние не изменится, то в будущем году буду не в Лондоне, а в могиле — слава Богу, скоро песенке конец.

Второпях ваш Л. в. Бетховен.

NB. Купите мне, пожалуйста, четверть зеленой вошеной тафты; она должна быть с обеих сторон зеленая. Странно, что... она нужна мне для...

Дорогой Цмескаль!

Ваш Famulus с дьявольской настойчивостью отказывается взять вино с собою. Простите меня за вчерашнее; я хотел сегодня после обеда лично просить у вас прощения.

В том положении, в каком сейчас нахожусь, надо быть ко мне снисходительным во всем, потому что я бедный несчастный человек.

Второпях как всегда ваш Б.

Нусдорф, 9 сентября 1817 г.

Дорогой Ц.!

В таком состоянии я еще простудился и стало мне еще хуже. Я не мог здесь достать кареты; хотя очень охотно хожу пешком, но по той же причине не мог этого сделать теперь. На днях получите 5-тет и можете его сыграть во всякое время у себя. Я же репетирую ежедневно; без музыки — приближение к могиле.

Второпях, ваш Л. в. Бетховен.

Увижусь с вами на днях, потому что мне нужно в город к врачу.

Дорогой Ц.! Ответ из Лондона получен вчера, но на английском языке. Не знаете ли кого-нибудь, кто бы нам устно перевел это письмо.

Второпях Ваш Бетховен.

Дорогой Цмескаль!

Мне необходимо возможно точное описание вашей квартиры, а также когда могу застать вас? Мне должны кое-что передать и для верности я хочу направить к вам, если вы не видите меня и ничего не слышите от меня, то виной тому чрезвычайные обстоятельства, вскоре буду у вас или ждет к себе ваш

Друг Л. в. Бетховен.

Дорогой Ц., мне лучше, но могу навестить вас лишь завтра пополудни — сегодня намерен осмотреть квартиры и искать, поэтому придется напрасно. — Завтра приду к вам я сам или напишу,
с благодарностью ваш Бетховен.

NB. Очень благодарен Рибини.

20 января 1819 года.

Дорогой Цмескаль, покорнейше прошу одолжить мне на сегодня экземпляр виолончельных сонат, изданных у Зимрока, я еще не получил ни одного и не понимаю, отчего Зимрок не прислал мне ни одной.

Вскоре навещу вас второпях ваш Бетховен.

Основав свое домохозяйство, Бетховен тем не менее не решается взять на себя всецело воспитание племянника и поручает его то одному, то другому педагогу, определяет его в пансион, откуда мальчик приходит к дяде лишь в праздники, в канун праздников и лишь по временам; когда композитора начинают раздражать и возмущать приемы педагогов, Карл переселяется

домой, под непосредственный надзор дяди. Нежными заботами о племяннике полны записки композитора к Афанасию дель Рио, содержанию первого пансиона, куда был определен мальчик.

К Джиганнатазио дель Рио.

Я только вчера прочитал толком ваше письмо дома. Я готов во всякое время отдать вам Карла, но думаю, что сделать это лучше в понедельник, после экзамена, хотя можно и раньше, если вы находите это предпочтительным. Во всяком случае, в будущем следует отдать его подалее отсюда, в Молк или иное место. Тогда он не услышит и не увидит более ничего о своей бестии-матери; там, где все будет чуждо вокруг него, он найдет мало поддержки и только своим собственным поведением должен будет снискать себе любовь и уважение.

Второпях ваш Бетховен.

Прошу вас, уважаемый друг, справиться по соседству с вами, не сдастся ли в наем квартира в несколько комнат, до 1 октября, это нужно сделать сегодня или завтра.

Ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Р. С. Как бы я ни хотел воспользоваться вашим любезным предложением занять у вас квартиру во дворе, но не могу этого сделать по разным причинам. Всего лучшего вашим,

Б.

Д-ский дом!

Школа для фортепиано единая — всеобщая — т. е. это своего рода компендиум. Во всяком случае, я нахожу швейцара вполне пригодным, но «одолжения» тут неуместны.

Второпях, преданный слуга и друг Д-ского дома Бетховен.

Уважаемый друг!

Королева Ночи опять поразила одним духом меня и вас, в этот раз опять появились ее обычная дерзость и наглость в отношении ко мне, на мгновение озадачили меня, и я даже был готов поверить ее вранью, но когда я затем возвратился домой, то выяснилось следующее из суд. приговора, который вполне соответствует моему желанию и из которого сообщаю вам важнейшее, касающееся вас, хотя по всей вероятности получите копию с него еще до вечера.

Врученный мне областным судом приговор удостоверяет относительно посещения матерью моего племянника, или касательно его отпусков из дома, что таковые могут быть лишь с моего личного разрешения, распоряжения и утверждения, и что таковое разрешение и распоряжение предоставлено мне вполне. — Когда мать ребенка пожелает видеть его, то должна обращаться только ко мне, что я и буду разрешать по своему благоусмотрению, указывая когда, как и вообще должно ли свидание состояться. Прилагаемую поучительную книжонку Карл получил от матери вчера по секрету с запрещением не говорить мне ничего об этом — из этого вы ясно видите, что мы должны ее возвратит ей, и быть осторожными — если вы ничего не имеете против этого, то я найду сегодня около часа за моим маленьким парнем и возьму его на

обед, чтобы и для него не прошел бесследно карнавал, празднуемый также у вас, и в особенности его товарищами (по его словам), — обнимаю вас от всего сердца, как человека, которого с удовольствием буду считать виновником всего великого и прекрасного, что мой Карл создаст впоследствии.

Второпах и с почтением ваш друг Бетховен.

Сообщите мне пожалуйста, могу ли я зайти за Карлом к обеду.

Вы получите при сем, уважаемый друг мой, через Карла, плату за предстоящую четверть года. — Прошу внимательнее следить за его впечатлениями и настроением, потому что последнее служит важным рычагом для всего дельного, и хотя добродушие кажется иногда смешным и жалким, но наши величайшие писатели, как Гете и другие, считают это превосходным качеством, а некоторые уверяют, что без него нельзя быть выдающимся человеком и нельзя обладать глубиной. Некогда теперь об этом распространяться; при встрече сообщу подробнее свои предположения относительно Карла.

Ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Предмесье Alser у Apfel, 2-я лестница, дверь № 12, Лейбертц, портниха.

19 августа 1817 года.

Р. Р. К сожалению, я получил третьего дня ваше письмо слишком поздно; она была уже здесь. Собственно, я должен был бы указать ей на дверь. Сердечно благодарю г-жу Н. за то, что она потрудилась записать болтовню этой женщины. Хотя я враг всяких сплетен и болтовни, но нам это теперь важно, потому что я ей пишу и вместе с тем передам завтра г-ну А. Ш. письмо ее ко мне. Может быть, при последней встрече у меня вырвалось какое-нибудь невежливое слово по отношению к вам, в ее присутствии, но я решительно не помню, чтобы писал когда-нибудь о вас. Это была только попытка ее восстановить вас против меня и таким образом достигь вашего расположения. Точно так же она доносила мне прежде, будто вы бранили меня, но я не придавал значения ее болтовне. На этот раз я хотел испытать, нельзя ли ее исправить более сдержанным мягким обращением. Это намерение я сообщил А. Ш., но затем изменил его, так как уже в воскресенье, случайно узнав от Карла о ее кознях, решил поневоле быть суровым по-прежнему. Словом, мы должны оставаться бессердечными и дозволить ей только 12 раз в год присылать за Карлом, причем надо следить за нею, чтобы она не могла тайком оказывать на него ни малейшего влияния, у вас ли, у меня ли, все равно, где бы то ни было. На этот раз я думал, что поступлю вполне согласно ее желаниям, и что это побудит ее исправиться и признать мое бескорыстие.

Может быть, навещу вас завтра. О чулках могла бы позаботиться г-жа S., а также о сапогах, которые ему нужны. Деньги я пошлою за все ей на дом. — Во всяком случае, — прошу покупать все необходимое для Карла немедленно и сообщать мне, не ожидая конца четверти года, сумму, какую я буду оплачивать сейчас же. К следующему экзамену я сделаю для Карла новый сюртук.

Еще одно. Она говорит, что получает через кого-то сведения из вашего дома. В случае, если вы не можете сделать так, чтобы Карла провозжал до дома Черни, то надо оставить по-старому, смотри в оба! Карл обязан к ней относиться так, как я ему указал, а именно: он должен

читать ее, как мать, но ни в чем не подражать ей; от этого следует тщательно предостерегать его.

Ваш Л. в. Бетховен.

Впервые пришлось напомнить мне о моей приятной обязанности. Неотложные занятия музыкою и многие другие заставили меня забыть совершенно о счете. Но этого более никогда не будет. Уже даны все необходимые распоряжения для того, чтобы мой слуга отвел Карла вечером домой. Кстати, благодарю вас за то, что вы прислали вчера за ним своего слугу. Так как я ничего об этом не знал, то Карл был бы принужден остаться у Черни. Башмаки Карла очень узки, и он часто жалуется на это; боль так невыносима, что он едва ходит и сколько нужно было ему усилий, чтобы ступить. Это портит ногу, и потому прошу вас впредь не давать ему одевать этих башмаков, пока их не расширят.

Что касается его упражнения на фортепиано, то прошу вас заставлять играть его самого, не то учитель не достигнет ничего. Вчера Карл весь день не имел возможности играть, я сам испытывал это уже много раз, когда собирался разучить с ним кое-что и приходилось уйти, ничего не добившись.

«*La musica merita d'esser studiato*». Тех нескольких часов, которые даны ему теперь для занятия музыкой, конечно, недостаточно, и я тем более должен настаивать на исполнении обещанного. Нет ничего необыкновенного, если в пансионе обращают на это внимание. Мой приятель отдал мальчика тоже в пансион. Мальчик предназначен быть музыкантом, и ему доставляют все необходимое к этому. Я даже был немало удивлен, когда услышал, как мальчик упражняется совершенно один в отдаленной комнате; никто ему не мешал, и он не мешал совершенно никому.

Прошу вас позволить мне прислать за Карлом около 11, так как мне нужно с ним пройти кое-что и отправиться с ним к некоторым музыкантам.

С глубочайшим почтением ваш друг Л. в. Бетховен.

Вам должно быть уже известно от вашего друга, что я завтра утром пришло за Карлом. Я хочу поднять престиж матери среди ее соседей, поэтому доставлю ей удовольствие и приведу к ней сына ее завтра в сопровождении третьего лица. — Так будет один раз в месяц.

О всем случившемся прошу вас более не писать и не говорить, а забыть все, подобно мне.

Б.

Вена, 12-го ноября 1817 г.

Р. Р. Изменившиеся обстоятельства, вероятно, не позволят мне оставить у вас Карла по окончании этой четверти года. Посему принужден предупредить вас относительно будущей четверти. Как ни тяжело мне делать это заявление, но мои ограниченные средства не позволяют избавить вас от него; очень охотно и с большим удовольствием вручил бы я вам в тот день, когда возьму от вас Карла, полную плату за четверть года, как ничтожный знак моей благодарности. Надеюсь, что все здесь мною изложенное вы найдете искренним и справедливым. Впрочем, если можно будет оставить Карла еще на следующую четверть года, начиная с февраля, то сообщу вам в самом начале января 1818 года. Прошу вас об этой льготе и надеюсь, что моя просьба не будет напрасна. Если бы я был вполне здоров, чтобы снова зарабатывать вдоволь, то

в большей мере проявил бы свою признательность, так как отлично знаю, что вы делаете для Карла много такого, чего никак нельзя от вас требовать. Признаюсь, мне очень больно в эту минуту сознаться в своей бедности.

Остаюсь, с глубоким уважением, ваш друг Л. в. Бетховен.

Уважаемый друг!

Я был очень занят и еще не совсем здоров, а потому не мог ответить на ваше любезное письмо. Что касается вашего предложения, то оно столько же заслуживает благодарности, как и обсуждения. Признаться, я думал прежде то же самое относительно Карла. Но в настоящее время мое положение самое неопределенное. Вот почему я оставил за собой право и просил вас признать его, а именно, право заявить вам в течение последнего месяца этой четверти — останется ли Карл у вас в будущем или нет. При этом условия можно действовать не спеша и ничего не нарушая. Во всяком случае, я хорошо понимаю, что если Карл останется у вас на тех основаниях, как сейчас, или как вы предлагаете, то это будет недешево; поэтому то я хотел в своем письме показать вам, как охотно связал бы я обыкновенный гонорар вам с моею признательностью, выраженною чем-нибудь необыкновенным. Если я говорил о несостоятельности, то имел в виду, что образование его в ином месте обойдется мне дороже, чем у вас. Во всяком случае, каждый отец имеет целью дать своему ребенку лучшее образование. Так же и я по отношению к Карлу. Вскоре выяснится, что лучше для Карла. Может быть, придется взять для него какого-нибудь воспитателя; я хотел бы не связывать себя заранее, а действовать вполне свободно и соответственно обстоятельствам. Карл стоит мне ежедневно больших жертв. Об этом я упоминаю только потому, что речь зашла о нем, и я знаю, что его мать стремится оказать на него влияние и с успехом подражает Королеве Ночи. Ведь она всюду трещит, что я ни гроша не плачу за Карла, а делает все она! И раз мы уже заговорили о ней, то благодарю вас за ваше вполне разумное письмо, оно, во всяком случае, для меня важно. Кстати, попросите Л. С. извиниться за меня перед своим братом в том, что я еще не был у него. С одной стороны, я очень занят, с другой — почти всегда нездоров; таковы причины. Когда вспоминаю наши переговоры, то готов быть у него по всякому другому делу, только не по этому. Она не посылает ко мне и потому я не стану сам способствовать свиданиям ее с сыном. Что касается другого дела, то я слышал уже от других, что здесь возможны только насильственные меры. Это вызовет новые расходы; главным образом, я должен благодарить за это г-на Адлерсбурга. Но так как воспитание Карла должно быть теперь и в будущем по возможности независимым от его матери, то надо исполнить это.

С глубоким уважением, ваш преданный друг Л. в. Бетховен.

В воспитании Карла композитор придавал большое значение музыкальному образованию и с этой целью пригласил преподавателем выдающегося молодого виртуоза Карла Черни (1791 — 1857), который должен был обучать мальчика под наблюдением и по указаниям дяди, достаточно щедрого на словесные и письменные наставления.

Бетховен, — говорит Черни, — сопровождал своего племянника ко мне почти ежедневно. Однажды, во время урока, он сказал мне: «Не думайте, что вы доставляете мне удовольствие, заставляя его играть мои вещи. Я не так наивен, чтобы желать чего-либо подобного. Давайте ему то, что находите полезным». Я

назвал Клементи. «Да, да, — сказал он, — Клементи очень хорош». Затем, улыбаясь, прибавил: «давайте ему пока то, что правильно, впоследствии он сумеет перейти к неправильному». Критика часто упрекала Бетховена в «неправильности» и он также часто острил над этим, сопровождая свои шутки громким смехом.

В одной из записок к Черни композитор намекает на вольности, допущенные однажды молодым виртуозом в исполнении квинтета ор. 16: Черни позволил себе прибавить несколько пассажей, октав и т. п., за что Бетховен пустил ему «скверное словцо».

К Карлу Черни.

Дорогой Ч.!

Передайте, пожалуйста, это вашим родителям за последний обед; я не могу принять его бесплатно. Не желаю также бесплатно пользоваться впредь вашими уроками, а те, что уже даны, должны быть сочтены и вам за них будет заплачено. Впрочем, прошу вас потерпеть, так как от вдовы нечего требовать, а у меня были и сейчас предстоят большие расходы. Сейчас надо это скрывать. Мальчик придет к вам сегодня, а я — попозже.

Ваш друг Бетховен.

Дорогой Черни.

Сегодня я не имею возможности видеть вас; завтра приду поговорить. Вчера у меня сорвалось скверное словцо, о чем весьма сожалею. Во всяком случае, вы должны простить это автору, желающему слышать свое произведение в таком виде, в каком оно им создано; Впрочем, остальное вы исполнили прекрасно. Виолончельную сонату я, конечно, вновь отделаю.

Будьте уверены, что я, как музыкант, питаю к вам лучшие чувства и постараюсь доказать это.

Ваш искренний друг Бетховен.

Пожалуйста, попросите кого-нибудь из вашего музыкального кружка помочь мне еще раз в денежных делах. Я поблагодарю его за это письменно и устно. — Попытаюсь завтра утром прислать к вам за этим.

Ваш друг Бетховен.

Г-ну фон Черни, знаменитому виртуозу.

Милый, добрейший Ч.! Непредвиденное обстоятельство не позволило мне зайти за вами. Но сегодня в 3 часа, наверное, буду у вас и отправимся сейчас же в институт.

Ваш верный друг Бетховен.

Дорогой Ч.!

Прошу вас, если можете, прийти ко мне сегодня около часа, чтобы Карл не мог очень отстать.

Преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Вчера он вышел в первый раз, но должен быть еще осторожен.

Дорогой Черни!

Прошу вас относиться к Карлу терпеливо, насколько это возможно. Если теперь дело еще не подвигается так, как вы и я хотим этого, то ведь и это ему удастся с трудом, потому что (он не должен об этом знать) его очень утомляет скверное распределение занятий. К сожалению, сейчас еще ничего нельзя изменить, поэтому продолжайте ваши занятия усердно, но, насколько возможно, снисходительно. Тогда вы достигнете лучших успехов, несмотря на такие неблагоприятные для К. условия. Что касается его игры у вас, то прошу обратить внимание на фразировку только тогда, когда он будет верно применять пальцы и, затем, почти без ошибок будет брать ноты и считать. Когда же занятия подвигнутся так далеко, то не останавливайте его из-за незначительных ошибок, и показывайте их ему только по окончании игры. Хотя я мало давал уроков, но всегда следовал этому методу; он быстро подготовляет образование музыканта, что, в конце концов, является одною из главных задач искусства; это менее утомляет как учителя, так и ученика. В

таких пассажах, как и т. д., я думаю, следовало бы употреблять все пальцы, чтобы наловчиться в подобных вещах; то же

самое и в подобных:

Правда, подобные вещи звучат, как говорят, «бисерной игрой» (не всеми пальцами), или как бисер», но иногда желательны другие приемы. В другой раз обстоятельнее. Я хочу, чтобы вы отнеслись ко всему этому с такою же любовью, с какою я имел в виду вам выразить или внушить это. Во всяком случае, был и остаюсь вашим должником. Пусть моя откровенность послужит вам некоторым залогом будущей расплаты.

Ваш истинный друг Бетховен.

Дорогой Ч., простите, что беспокою этим письмом, не знаю №, прошу вас самих сейчас прислать. Как всегда ваш
неоплатный должник Л. в. Бетховен.

Его высокородию, г. Карлу ф. Черни в Вене.
1068 в Кругерштрассе, 2-й этаж, четвертая дверь.

К 8 часам отпустите Карла, ибо слуга мой должен вернуться домой пораньше

ваш Л. в. Бетховен.

Ландштрассе, Гертенгассе № 26.
2-й этаж, 2-ая дверь.

Дорогой Черни, не успел раньше пригласить вас.

Дорогой Черни!

Прошу вас не говорите у Джаанназио ничего о том, кто обедал с нами в тот день, когда вы доставили мне удовольствие своим посещением; он запретил это; устно когда-нибудь сообщу причину. — Надеюсь доказать вам свою признательность за ваше терпение по отношению к моему племяннику, кроме того, что остаюсь постоянно вашим неоплаченным должником.

Второпах, ваш друг Л. в. Бетховен.

Дорогой Черни!

Не найдете ли возможным оказать какое-либо содействие человеку, которого посылаю к вам; — это настройщик и мастер; — не может ли он продать свои инструменты, которые в своем роде изящны и не лишены прочности.

Второпах ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Дорогой и уважаемый Черни!

Я только что узнал, что вы в таком положении, какого я никогда не подозревал. Окажите же мне немного доверия и укажите средство помочь вам, не прибегая к протекции с моей стороны. Как только поправлюсь, — навещу вас. Будьте уверены, что я вас ценю и готов во всякое время доказать это на деле.

С истинным уважением ваш друг Бетховен.

При сем все партии и партитура —

Еще не исправленные партии следует пересмотреть, переписаны второпах и потому, конечно, много ошибок —

второпах ваш друг Бетховен.

Господин фон Черни!

Будьте добры сегодня или хотя завтра возвратить мне партитуру пасторальной симфонии, она нужна мне —

Людвиг ван Бетховен.

Любезный Черни, сегодня не ходите к Карлу, кое-что мешает нам, но послезавтра он надеется видеть вас непременно, я тоже — вскоре навещу вас —

пока ваш благодарный друг Бетховен.

Любезный Черни! Карл у меня, но чувствует себя плохо, а потому прошу вас сегодня же зайти ко мне, потому что мне надо поговорить с вами относительно уроков в институте.

ваш покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Менее охотно, нежели юному «сыну», посвящал Бетховен свое время «высокому ученику», что видно из десятков записок

с извинением о пропущенном уроке и с ссылкой на болезненное состояние; в записках этих композитор выражает беспокойство по случаю «последних происшествий», т. е. возвращения Наполеона с острова Эльбы и вновь ожидаемой войны; он спешит с изданием своих последних произведений, своей «новой» сонаты (ор. 101), сонаты ор. 96, посвященной эрцгерцогу, трио ор. 97, также посвященного ему, о чем отмечено в дневнике: «надо спешить с трио для е. и. в., ради 400 фл... как можно скорее... в крайнем случае, он даст вперед».

Ваше императорское высочество!

Будьте милостивы прислать мне сонату es-moll; она нужна мне для корректуры. — В понедельник явлюсь к в. и. в. Последние происшествия требуют скорейшего выпуска многих пьес, сданных мною в печать, к тому же я вновь нездоров. Честь имею просить в. и. в. сообщить мне хоть несколько слов о состоянии вашего здоровья. Надеюсь иметь вскоре о нем радостные, даже радостнейшие известия.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Когда вы недавно были в городе, я снова вспомнил этот хор. Я поспешил домой, чтобы записать его, но это задержало меня дольше, чем я рассчитывал, и, к величайшему сожалению, уже не застал в. и. в. С ранних лет я имею обыкновение записывать немедленно народившуюся мысль, хотя это не всегда удавалось; привычка эта повредила мне на этот раз. Докладывая об этом, прошу прощения в. и. в. и надеюсь на помилование. Вероятно, вскоре явлюсь к вам лично, чтобы справиться о дорогом нам всем здоровье.

Вашего императорского высочества верноподданнейший

Людвиг ван Бетховен.

Вена 23 июля 1815 года.

Ваше императорское высочество!

Надеюсь простите, если попрошу в. и. в. оказать милость и прислать мне те две сонаты с Violonschell oblig, которые я дал переписать для в. и. в. Мне они нужны только на несколько дней, после чего я сейчас же верну их в. и. в.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Со вчерашнего дня лежу я без сил, измученный всем тем, что перенес я по случаю смерти несчастного брата. Я не имел возможности дать знать в. и. в. вчера, что не приду; прошу снисхождения. Надеюсь завтра быть к услугам в. и. в.

Вашего императорского высочества вернейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Вы могли подумать, что я только притворяюсь больным. Это, конечно, не так, но я должен был по вечерам раньше возвращаться до-

мой. Когда в. и. в. в первый раз послали за мной, то я тотчас же вслед за этим пришел домой. Так как мне показалось, что с того времени стало лучше, то я сделал позавчера вечером первую попытку остаться немного дольше. В случае, если в. и. в. не пришлете другого приказа, буду иметь честь явиться к вашим услугам сегодня вечером в 5 часов. Новую сонату принесу, но только на сегодня, дабы ее можно было бы отдать в печать. Право, ведь не стоит ее переписывать.

Вашего императорского высочества вернейший слуга

Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Мне опять стало хуже, так что я только днем мог выходить для прогулки. Теперь снова стало лучше, и я могу, по крайней мере, три раза в неделю иметь счастье служить в. и. в. при этих ужасных условиях жизни, более тяжких, чем все, что было пережито до сих пор, появились новые заботы: с ноября прошлого года я стал отцом бедному сироте, что причиняет мне много страданий. Желаю в. и. в. всего лучшего, прошу быть ко мне милостивым и не забывать

Вашего императорского высочества покорнейшего слугу

Людвига ван Бетховена.

Ваше императорское высочество!

Смею надеяться, что ваша милость не усмотрит чего-либо преднамеренного в прилагаемом при сем дерзком (ради сюрприза) посвящении. Пьеса была написана для в. и. в. или, вернее, она обязана вам своим существованием, и почему же мир (музыкальный) не должен был узнать об этом. — Я буду иметь вскоре удовольствие служить в. и. в. в Бадене. Я не мог этого сделать до сих пор, потому что болезнь груди, несмотря на все усилия врача, не позволяла мне этого, и врач не хотел меня отсюда отпускать; но мне все же лучше. Надеюсь иметь добрые, радостные вести о вашем драгоценном здоровье.

Вашего императорского высочества верный и покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 11 июля 1816 года.

Ваше императорское высочество!

Опять вчера и позавчера и совершенно неожиданно мне стало хуже в то самое время, как собирался после обеда явиться к вам, в эти 2 дня не мог прийти, но буду иметь честь явиться сегодня вечером, если только не получу какого-нибудь контрприказа.

Вашего императорского высочества всеподданнейший

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Я узнал вчера о прибытии в. и. в., и г. Тройер при встрече подтвердил мне это. — Присылаю посвященное в. и. в. трио. На нем имеется указание этого; но все произведения более или менее значительные, на которых даже не указано это, посвящены в. и. в. Во всяком случае, не ищите в этом какого-нибудь умысла. Знатные лица привыкли подозревать в подобных случаях корыстолюбие автора; на этот раз пусть будет так, потому что вскоре обращусь к в. и. в. с покорнейшей просьбой. Вы поймете основательность этой просьбы и милостиво снизойдете к ней. В начале октября, еще в Бадене, я заболел и с 5 октября в течение 8 не-

дель не оставлял ни постели, ни комнаты. У меня был злокачественный катар. И теперь еще я не могу выходить часто. По той же причине я не писал в. и. в. в Кремзир. Все, что Небо может подарить земле, желает

Вашему императорскому высочеству покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Приношу в. и. в. глубокую благодарность за милостивое осведомление о моем здоровье. — Если бы здоровье мое не было так переменчиво, то я, наверно, давно уже служил бы в. и. в., но мне плохо и боюсь, чтобы не стало хуже у в. и. в. Последствия такого сильного катара исчезают крайне медленно и требуют осторожности. Вчера мне было очень плохо, сегодня лучше. Врач уверяет, что при такой погоде я скоро поправлюсь, а так как мне уже сегодня лучше, то надеюсь на следующей неделе быть к услугам в. и. в. Тем тягостнее мне эта болезнь, что не могу проявить своей преданности и ревностной службы в. и. в.

Вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Простите, что не предупредил о своем отсутствии; причину доложу устно. С субботы мне хуже и только через несколько дней явлюсь к услугам в. и. в.; я должен быть очень осторожен и не выходить. Вдвойне огорчен как болезнью, так и невозможностью проявить свое усердие.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

После благотворительного концерта я вновь принужден сидеть дома. Через несколько времени могу быть смелее в отношении здоровья. — Год оканчивается. Мои главные пожелания на новый год заключаются прежде всего в здоровье в. и. в., пожеланиям этим нет ни начала, ни конца; ежечасно ношу я их в себе. Если мне позволено пожелать чего-нибудь себе, то пусть ваша милость и расположение ко мне растут и развиваются с каждым днем. Учитель будет всегда заботиться о том, чтобы быть достойным милости своего высокого учителя и ученика.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

В последний день декабря 1816 года.

Ваше императорское высочество! Я вновь вынужден сидеть дома, хотя мне это крайне неприятно, и я лишен возможности вследствие этого явиться к услугам в. и. в., но принужден терпеливо покориться. Я во всяком случае не стану слишком долго злоупотреблять милостивейшим снисхождением в. и. в., так как надеюсь вскоре явиться к вам, а пока шлю в. и. в. пожелание лучшего полнейшего здоровья.

Вашего императорского высочества верный покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Внезапный припадок колик вчера вечером лишил меня возможности, несмотря на мое искреннее желание и стремление, явиться сего-

дня; хотя состояние моего здоровья улучшилось, все же я вынужден сегодня и завтра не покидать комнаты, но надеюсь, что в крайнем случае послезавтра буду иметь счастье вновь явиться к в. и. в. удостоиться вашей милости, запоздалое уведомление это прошу в. и. в. милостиво приписать некоторым неблагоприятным обстоятельствам.

Вашего императорского высочества верный покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество. Через несколько дней буду иметь честь вновь явиться к вам, прошу прощения за долгое отсутствие, несмотря на здоровый вид, я действительно болен, нервное утомление, оно положительно мучит меня все время, но вот уж несколько дней мне лучше, а потому вскоре не буду больше лишен возможности пользоваться милостями в. и. в. и буду в состоянии доказать, как дороги моему сердцу эти милости.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

К сожалению, я вынужден вновь просидеть несколько дней дома, но смею надеяться, что вскоре наступит полное выздоровление, и я не буду более лишен милости явиться к услугам в. и. в.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Простите мне милостивейше, что не могу сегодня явиться к в. и. в., так как в такую погоду не могу выйти с моим кашлем. Завтра наверно будет иначе, и тогда удостоюсь высокого счастья вновь выразить мое служебное рвение.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Я был болен уже несколько дней, прежде чем вы изволили прислать ко мне, и вышел только, чтобы пообедать, так как не имею своего хозяйства, это был мой единственный выход и как раз в этот день в. и. в. прислали; мне было хуже, прибавился сильный катар и, таким образом, я вынужден просидеть дома еще несколько дней. Не было возможности раньше уведомить об этом в. и. в. как только сегодня, — во всяком случае вышеописанное мое прежнее нездоровье помешало мне лично побывать и узнать о здоровье в. и. в. — надеюсь вскоре быть в состоянии поспешить к в. и. в. и засвидетельствовать, что я всегда есмь и буду

вашего императорского высочества покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

Нусдорф, 1 сент. 1817 г.

Ваше императорское высочество!

Я все надеялся, что отправлюсь сам к вам в Баден, но мое болезненное состояние все еще продолжается, и, хотя чувствую некоторое облегчение, но все же не совсем поправился; мне давали и дают средства всякого рода и вида, тем не менее я должен отказаться от надежды ко-

гда-нибудь вылечиться совершенно. Я слышал, что в. и. в. выглядите прекрасно, и хотя по наружности не всегда можно судить о состоянии здоровья, но я много слышал о том, что в. и. в. стало лучше и очень этому рад. Надеюсь также вновь содействовать вам в ваших жертвоприношениях музам, когда вы вернетесь в город. — Да услышит Господь мою мольбу и избавит меня от бесконечных страданий; ведь я покорно служил Ему с самого детства и делал добро всюду, где только мог, вот почему я уповаю только на него и надеюсь, что Всевышний не даст мне погибнуть среди этих бедствий. Желаю в. и. в. всевозможных благ; как только будете в городе, явлюсь к вам.

Вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга
Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Старый год уже почти на исходе, новый наступает. Да избавит небо в. и. в. от всяких страданий и да пошлет наивысшее счастье, какое только можно себе представить. Таковы все мои пожелания в. и. в.; все они сводятся к этому. Если позволите сообщить о себе — здоровье мое очень шатко и непостоянно. К сожалению, принужден я жить очень далеко от в. и. в., но это не помешает мне вскоре иметь удовольствие явиться к вашим услугам. Поручаю себя вполне вашему милостивому вниманию, хотя я, кажется, и не заслужил его. Да благословит небо каждый день вашей жизни на благо многих; я же всегда

Вашего императорского высочества покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

В последний день декабря 1817 г.

Ваше императорское высочество!

Благодарю вас сердечно за милостивое ко мне сочувствие. Мне действительно лучше, и завтра сам явлюсь на утренний урок согласно желанию в. и. в., тем более, что врач мне строжайше запретил выходить позже 6 час. вечера, притом же я знаю, что в. и. в. охотнее готовы брать уроки по утрам.

Вашего императорского высочества верный покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

— я неоднократно собирался лично справиться о состоянии вашего здоровья, но мне самому пришлось целыми неделями, как и теперь, лежать в постели или сидеть дома, искренно желаю скорейшего выздоровления в. и. в., что касается меня, то надеюсь избежать пауз, лишь только будете в состоянии музицировать.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга
Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Сегодня еще я должен был принять лекарство, но все же думал, что буду иметь счастье явиться к в. и. в., к сожалению, однако, чувствую себя слабее, чем вчера, попытался выйти, но через несколько минут был вынужден возвратиться, может быть слишком скверная погода тому виною, до завтра, без сомнения поправлюсь и буду иметь счастье явиться к в. и. в. в понедельник до 6 час. (как я слышал, это теперь самое удобное время для в. и. в.), искренно прошу сохранить ко мне милостивое и любезное расположение.

Вашего имп. высочества покорнейший вернейший слуга

Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Несмотря на самое искреннее желание никак не могу сегодня быть у вас, завтра же, надеюсь, разрешите мне в обычный час явиться к услугам вашим

вашего императорского высочества вернейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Если в. и. в. не откажете мне или же если не изволите назначить завтра другого часа, то завтра вечером около 5 часов буду иметь честь явиться к вам, словесно изложу причину, препятствующую исполнению заветного желания моего быть чаще и ближе к в. и. в., да услышит Господь мольбу мою и многих других о ниспослании здравия в. и. в.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

ГЛАВА XII

1817 — 1818

Сношение с английскими издателями. — Нит, Томсон, Смарт, Берчель, Саломон, Рис. — Венские издатели. — Штейнер и Хаслингер. — Мечты о поездке в Лондон. — Новый друг Шиндлер.

Два года, с весны 1816 до 1818 года, почти непрерывно Карл провел в одном из лучших венских пансионеров, принадлежавшем Афанасию дель Рио; содержатель пансиона посвящал все свое время умственному и нравственному воспитанию питомцев своих, жена его также прилагала все старания к тому, чтобы разлученные с родителями дети нашли в ней вторую мать; две дочери их помогали в этом, разделяя труды по хозяйству. Такая среда была незаменима не только для Карла, но также для дяди его, охотно и часто проводившего вечера в этой семье честных и скромных тружеников, где старшая дочь, Фанни, вновь пробудила в сердце композитора дремавшие чувства; последний называл ее аббатисой, или настоятельницей, так как постоянный звон ключей на поясе Фанни напоминал монахиню, заведующую погребами и кладовыми в женском монастыре.

«Осенью 1817 года, — рассказывает Фанни, — пансион наш перешел на гласис у Ландштрассе (наружный пологий скат городского вала в юго-восточной части Вены); Бетховен нанял квартиру поблизости и зимою часто бывал у нас. Целые вечера проводил он за семейным столом нашим. Обыкновенно он бывал углублен в свои размышления, изредка шутил, сопровождая свои остроты громким хохотом. Если он бывал нездоров, то часто плевал себе в платок и внимательно искал там следов крови, так как хронический катар вызывал в нем опасения чахотки, от которой уже умерли два члена его семьи, мать и брат. Иногда он приходил в прекрасном расположении духа, заставлял племянника прыгать к себе на колени, всячески баловал его; позволял ему таскать себя за волосы, — исполнял все его прихоти, забавлялся, подобно ребенку, бегал от него вокруг стола и ставил ряд стульев, чтобы укрыться от преследований мальчика». Бывало, приносил он ноты для сестер дель Рио, но последние не решались в его присутствии проявить свои музыкальные познания и при виде композитора уже теряли способность перебирать клавиши. Положив однажды на пюпитр свой цикл романсов «К отсутствующей возлюбленной», он настойчиво просил младшую

сестру спеть их, а старшую аккомпанировать. Едва только последняя взяла несколько аккордов, как автор грубо отвел ее и сам сел за рояль. Затем он стал объяснять смысл этого произведения, связь между этими шестью романсами, основную идею, заключающуюся в отсутствии возлюбленной, к которой рвется любящее сердце, окрыляемое всеми силами природы. Рассказывая это, он заплакал и едва поборол свое волнение.

Бетховен, раб. Клебера (1818).

«В начале мая, — продолжает Фанни, — он зашел к нам, возвращаясь из дальней прогулки.

— Я принес вам весну, — сказал он, отдавая мне букет душистых фиалок.

Он казался веселым, хотя провел несколько дней дома, страдая от колик, которых не могли изгнать советы и лекарства врачей.

— Рано или поздно болезнь эта убьет меня, — сказал он.

— Надеюсь, долго еще придется ждать этого злосчастного дня.

— Что ж!.. Кто не готов к смерти во всякую минуту, тот не может гордиться силою воли. Я уже с пятнадцати лет освоился с этою мыслью. Меня смущает только одно обстоятельство: до сих пор я почти ничего не сделал для искусства.

— Если это ваша единственная забота, то можете умереть спокойно; созданное вами сделало искусство неуязвимым.

— Не верьте, все написанное мною — пустяки. В моем воображении носятся совершенно иные вещи».

Действительно, судя по тетрадам эскизов, нечто совершенно иное, необыкновенное, последние квартеты и последняя симфония носились в воображении артиста; большинство же пьес, вышедших из-под пера его в это время, были незначительны по объему и содержанию. С 1810 года эдинбургский издатель Томсон не раз давал Бетховену заказы на составление аккомпанемента к шотландским и ирландским напевам; им было написано уже более ста таких романсов с сопровождением только фортепиано или совместно со скрипкою и с виолончелью.

Эти романсы мало известны и редко исполняются даже в Германии, о чем можно лишь сожалеть в ожидании лучшей эпохи, более здорового и серьезного отношения певцов, публики и критики к вокальным номерам концертных программ.

Обработка одной из этих мелодий (сер. 24, № 2, «Nora Creina»), видимо, особенно удовлетворила композитора; он сделал такую надпись в заголовке: «Вот как смело надо браться за гармонизацию иноземного мотива; ведь она сама проявится из его конструкции».

На один из таких заказов Томсона композитор отвечал требованием увеличить гонорар.

Георгу Томсону, музыкальному торговцу, Эдинбург, Шотландия.

Вена, 7 февраля 1815.

Милостивый государь!

Разные дела помешали мне ответить своевременно на ваше любезное письмо и теперь отвечаю лишь вкратце. Все ваши песни, за исключением лишь немногих, готовы к изданию; я говорю о тех, к которым должен написать аккомпанемент; что же касается 6 канцонетт, которые я должен был сочинить, и гонорара за них, то предложенный вами положительно недостаточен. Обстоятельства здесь изменились и цены из подражания англичанам поднялись настолько, что до 1814 года я еще мог назначить около 60 фунт.; притом хорошая ария — и желаемая вами увертюра, пожалуй, самые трудные формы музыкальных произведений. А потому прошу уплатить за 6 песен гонорар в 35 ф. или семьдесят дукатов, а за увертюру 20 фунт. или 50 дукатов. Будьте так добры перевести сюда плату, как всегда, и можете быть уверены в моей исправности. Ни один талантливый и выдающийся артист не найдет мои требования преувеличенными.

Что же касается увертюры, то будьте любезны указать, для каких сил она предназначена, должна ли быть трудная или легкая? Я жду вашего немедленного ответа, так как имею несколько спешных заказов. Прошу передать мою признательность автору талантливых и изящных стихов. Прошу принять, милостивый государь,

уверение в искренней преданности покорнейшего слуги

Людвига ван Бетховена.

Вена, 7 февраля 1815.

Летом 1815 года в Вену приехал Нит, уроженец Лондона, ученик Фильда, а потом Винтера — в Мюнхене и Вельфеля — и

Вене; своею привлекательною личностью он расположил к себе Бетховена и, будучи одним из основателей лондонского филармонического общества, задумал получить от Бетховена за плату несколько произведений его для концертов общества. В июле композитор продал ему три увертюры: «Развалины Афин», «Король Стефан» и увертюру *C-dur* (ор. 115), за что получил 20 луидоров, и поручил Ниту продать в Англии право на издание «Фиделио». Восхищенный любезностью Нита, композитор подарил ему два канона и копию сонаты ор. 102 с надписью: «Моему дорогому английскому соотечественнику». Временная размолвка с этим новым приятелем не помешала в общем дружелюбной и деловой переписке композитора с ним.

Любезный соотечественник и друг, сегодня невозможно встретиться у меня, но надеюсь иметь удовольствие видеть вас в полдень.

Не забывайте вашего истинного друга Бетховена.

Volti subito.

Я полагаю, что до отъезда отсюда вам следует дать концерт ради артистической славы, если я нужен вам для этого, то готов служить.

Карлу Ниту.

Любезный друг! Прошу вас не говорить о тех произведениях, которые предназначены для вас и для Англии. Причину сообщу вам откровенно при встрече.

Ваш истинный друг Бетховен.

Надеюсь вскоре вас увидеть. Что касается меня, то буду у вас при первой возможности.

Вена, декабрь 1815 г.

Любезный Нит! Я получил письмо от г-на Риса, помощника Саломона (с которым случилось несчастье: он упал с лошади и сломал себе плечо); он пишет мне 29 сентября, что три увертюры, посланные мною вам для филармонического общества 4 месяца тому назад, не были получены в Лондоне. Так как г-н Саломон уже во второй раз пишет мне относительно этого, то я предпочел сообщить вам об этом. Если вы их еще не отослали, то я очень хотел бы, чтобы вы просмотрели увертюру в *C-majoor*, так как, быть может, в ней встречаются ошибки. Если хотите иметь письменное удостоверение на право издания в Англии, то можете получить по первому заявлению.

Мне не хотелось бы, чтобы подумали, что я мог бы поступить бесчестно. Их решения так непостоянны, что они сегодня думают так, а завтра иначе; и они убеждены, что другие таковы же. И с такими характерами нельзя ужиться, и надо быть как можно более осторожным.

Итак, прощайте, любезный Нит!

Ваш искренний Людвиг ван Бетховен.

О том же он сообщает филармоническому обществу.

Филармоническому обществу, в Лондоне.

Вена, 5 февраля 1816 года.

М-р Нит получил от меня в июле 1815 года для филармонического общества три увертюры и выплатил мне за них сумму в 25 гиней, за что обязуюсь не продавать никому больше означенных увертюр, ни по частям, ни в полной партитуре. Но я удерживаю за собой право исполнять названные вещи когда и где мне будет угодно и издать их в виде переложения для фортепиано, после того как м-р Нит, согласно его обещанию, испросит для меня разрешение филармонического общества на издание через один или два года этих трех увертюр, по частям или в виде полных партитур, это мне необходимо. Шлю филармоническому обществу свой сердечный привет,

Людвиг ван Бетховен.

В том же году устанавливаются сношения Бетховена с издателем Смарттом.

Вена, 16 декабря 1816.

Милостивый государь!

Вы балуете меня такой похвалой и почетом, что заставляете краснеть; признаюсь, однако, что таковые для меня крайне лестны и благодарю сердечно за участие, которое вы принимаете в моих делах. Последние немного затянулись вследствие странного стечения обстоятельств, в которых запутался наш затерявшийся и вновь отыскавшийся друг м-р Нит. Ваше любезное письмо от 31 октября многое объясняет и в известном отношении радует меня; позволяю себе вложить при сем ответ м-ру Ниту, от которого я также получил письмо, и прошу вас оказать ему содействие во всех делах, которые он ведет для меня.

Вы говорите, что кантата соответствует вашему плану относительно оратории, а потому сообщите, не находите ли 50 ф. слишком высокой платой за нее? Она еще не принесла мне ничего, тем не менее я не желал бы требовать с вас плату, которая была бы убыточна для вас. А потому, скажем, 40 ф.; если издание пойдет очень успешно, то вы, надеюсь, не откажетесь прибавить 10 ф. и этим довести до первоначальной платы. Право издания получите вы, и я желал бы только обусловить, чтобы она была издана здесь одновременно и согласно назначенному вами сроку. Я передал г-ну Херингу ваши дружеские пожелания, и он вместе со мною выражает вам чувство глубочайшего почтения, какое он всегда питал к вам.

Когда вы получите мои рукописи, то м-р Нит может получить некоторые из них, за исключением кантаты, и надеюсь, что с вашей помощью он сумеет устроить что-нибудь для меня, утешив большую жертву австрийских финансов.

С глубочайшим почтением и искреннейшей дружбой

Людвиг ван Бетховен.

По возвращении Нита в Англию и при его посредстве устанавливается переписка между Бетховеном и еще некоторыми другими лондонскими издателями, причем заботой его, помимо продажи и выпуска в свет своих произведений, является получение платы или подарка от короля английского Георга IV, которому посвящена была и послана партитура «Сражение при Виттории».

Не получая ответа на это посвящение, Бетховен однажды воскликнул у Штейнера: — Хоть бы он прислал мне, по край-

ней мере, пару английских бритв, чтобы в минуту жизни трудней перерезать себе горло!

Еще ранее того издателю Берчелю он посылает несколько писем на английском языке, в которых знаком # обозначает как гинею (1 фунт стерлингов, около 6 рублей номинальных), так и дукат (червонец, 3 рубля).

К музыкальному издателю Берчелю в Лондоне.

Г. Бетховен уведомляет г. Берчеля, что несколько дней тому назад он послал в Лондон симфонию «Битва Веллингтона», которую г. Б. может получить у Tomas Coutts. Г. Бетховен выражает желание, чтобы г. Б. напечатал названную симфонию как можно скорее и просит известить его своевременно о дне выхода ее в свет, чтобы он мог известить венского издателя.

Что касается 3 сонат, которые г. Берчель получил позже, то нет необходимости так спешить с ними и г-ну Б. предоставляется назначить день выпуска их.

Г. Б. сказал, что г. Саломон хорошо отозвался о симфонии A-dur.

Г. Б. ждет возможно скорого уведомления о дне выхода из печати.

Позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить вас за хлопоты, которым, я вижу, вы многократно подвергались, приняв мои произведения под свое покровительство, причем я не сомневаюсь в том, что вами было сделано все возможное. Надеюсь, вы не найдете нескромным, если я попрошу вас ответить м-ру Херингу на его письмо возможно скорее. Я был бы крайне польщен, если бы вы сообщили, что вам желательно, тогда я постарался бы удовлетворить и исполнить, ибо я всегда готов доказать признательность за все ваши милости в отношении моих детищ.

Благодарный вам Людвиг ван Бетховен.

Вена, 16 марта 1815.

Вена, 28 окт. 1815 г.

Милостивый государь!

Извещаю вас, что симфония «Битва и Победа» на победу Веллингтона уже несколько дней тому назад отправлена в клавираусуге в Лондон, а именно в торговый дом Томаса Кутса в Лондоне, где вы таковой можете получить. — Прошу вас приложить все старания к скорейшему изданию ее и назначить мне день, когда вы намерены выпустить ее, чтобы я мог своевременно сообщить это здешнему издателю — с тремя другими произведениями не надо так торопиться, вы получите их вскоре и в отношении их я позволю себе назначить день. — Г. Саломон будет настолько добр, что объяснит вам, почему с симфонией «Битва и Победа» приходится так спешить.

В ожидании скорейшего ответа относительно дня издания уже полученного вами произведения

остаюсь ваш преданный слуга Людвиг ван Бетховен.

Вена, 22 ноября 1815 года.

С этим письмом вы получите фортепианное переложение симфонии A—. Переложение же для фортепиано симфонии «Победа Веллингтона» в «Сражении при Виттории» отправлено уже четыре недели тому

назад через агента г-на Неймана к гг. Котс и К^о и следовательно уже давно должно быть у вас.

Через две недели получите еще трио и сонату, за что заплатите гг. Котс и К^о сумму в 130 # золотом. Прошу вас поспешить с изданием этих вещей и теперь же указать мне день выпуска Беллингтоновской симфонии, чтобы я мог распорядиться здесь соответственно этому.

С почтением преданный Людвиг ван Бетховен.

Вена, 3 февраля 1816 года.

При сем прилагаю большое трио для ф.-п., с. и cello, сонату для ф.-п. и скрипки, — вот все, что вам оставалось получить от меня.

Будьте любезны перевести 130 голландских дукатов почтою через г. The Cousts & Co. Примите уверение в искреннем уважении и почтении.

Ваш покорный слуга Людвиг ван Бетховен.

Получена в марте 1816 года от г. Роберта Берчеля, музыкального издателя в Лондоне New Bond Street 133, — сумма в сто тридцать голландских золотых дукатов, составляющих по английской валюте 65 фунтов, причитающаяся мне со всех доходов настоящих и будущих, предусмотренных, случайных или иным образом поступивших, и в пределах соединенных королевств Великобритании и Ирландии за четыре следующие произведения, сочиненные или аранжированные мною, а именно:

1) Большая боевая симфония, изображающая битву и победу при Виттории, переложенная для фортепиано и посвященная его королевскому высочеству принцу-регенту — 40 дукатов.

2) Большая симфония в А., переложенная и посвященная —

3) Большое трио для фортепиано, скрипки и виолончели в В.

4) Соната для фортепиано и скрипки в D., посвященная —

Ввиду этой уплаты, сим обещаю и обязуюсь, а также обязую моих наследников передать право собственности ему или его наследникам, а также всякую отчетность по сему предмету, если таковая потребуется.

Также обещаю и обязуюсь вышеуказанных сочинений нигде не печатать ранее срока, обусловленного мною совместно с Р. Берчелем.

Л. ван Бетховен.

Вена, 22 июля 1816 г.

Милостивый государь.

Я получил для подписи документ на право собственности моих сочинений, предоставленных мною вам в исключительное пользование. Вполне готов исполнить ваши желания, лишь только это дело будет совершенно окончено, имея в виду незначительную сумму в 10 # золотом, которую мне следует еще за переписку, почтовые расходы и т. п., как я имел честь вам объяснить в подробной записке по этому предмету. Прошу вас, милостивый государь, заплатить мне эту мелочь, чтобы дать мне возможность выслать вам упомянутый документ. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении.

Людвиг ван Бетховен.

Переписка 1.10

Почтовые расходы до Амстердама 1.00

За трио 2.00

5.00

133. New Bond Street. Лондон.

Вена, 1 окт. 1816 г.

Милостивый государь!

Я получил своевременно 5 фунтов и заранее был убежден, что вы не относитесь к тем англичанам, для которых безразличны данное ими слово и честь их; к несчастью, мне уже пришлось иметь дело с подобными двумя господами. Что касается других ваших предложений, то я не прочь написать, согласно вашему желанию, вариации, и надеюсь, что 30 фунтов вы не найдете слишком высокой платой за это, могу написать для флейты, или скрипки, или виолончели, это вы можете решить после того, как пришлете мне ваше согласие относительно гонорара, или, наконец, вы можете предоставить выбор мне. Ожидаю получения песен и прочего — чем скорее, тем лучше — и будьте добры указать приблизительно число пьес или вариаций, которые вы желаете получить от меня. Скрипичная соната в С посвящена его императорскому высочеству эрцгерцогу Рудольфу австрийскому, — это ор. 96. Трио в В посвящаю ему же — ор. 97. Переложение симфонии в А для фортепиано посвящено императрице российской, т. е. жене императора Александра — ор. 98.

Что касается расходов на переписку и пересылку, то было бы желательно выяснить их раньше. Во всяком случае, они невелики и не забывайте, что вы имеете дело с человеком честным, который не напишет в счете ни одного пенса больше того, что сам уплатит. Г-да Фрис и К^о рассчитаются с господами Котс и К^о. — Расходы по пересылке, как я слышал, могут быть сокращены. Прилагаю вам несколько моих новых произведений, именно следующие: большую сонату для фортепиано за 40 фунтов, трио для фортепиано, скрипки и виолончели за 50 фунтов. Могу предложить кое-что другое из моих произведений, например, партитуру большой симфонии в А—. Что касается переложения этой симфонии для фортепиано, то прошу вас помнить, что вы можете выпустить ее только тогда, когда я укажу день ее выхода в Вене, в противном случае это будет бесчестно с моей стороны. Впрочем, соната со скрипкой и трио в В могут быть изданы немедленно.

Что касается всех новых произведений, которые вы получите от меня и которые я вам предлагаю, то можете назначить день выхода их в свет по собственному усмотрению. Прошу вас почтить меня как можно скорее своим ответом, так как я получил множество заказов и не успею удовлетворить ваших требований. Мой адрес: № 1055 и 1056 Sailerstette, 3-й этаж, Вена.

Пожалуйста, адресуйте письма прямо вашему
покорному слуге Людвигу ван Бетховену.

Вена, 14 декабря 1816 г.

Милостивый государь!

Даю вам честное слово, что квитанция была подписана и послана в контору Фриса и К^о в конце августа, затем, кажется, она передана в контору Котс и К^о. К ним-то вам и следует обратиться. Недоразумение здесь, вероятно, в следующем: г-дам К. было сказано не посылать вам квитанции сейчас, а удержать ее у себя до вашего требования. Простите за неисправность, но я в ней не виноват и никогда не думал отрицать получения 5 фунтов, если квитанция не получена г-дами К., то я готов подписать другую, и вы можете получить ее непосредственно со следующей почтой.

Если вы находите, что мои вариации не стоят 30 фунтов, то из дружбы к вам я уступлю одну треть, и вы получите все вариации, упомянутые в последнем письме, по 20 фунтов за каждую пьесу.

Прошу вас выпустить немедленно симфонию в А—, а также сонату и трио, потому что они здесь уже готовы. Большая опера «Фиделио», мое произведение в переложении для фортепиано, вышла здесь под моим наблюдением, но партитура оперы еще не отпечатана. В знак дружбы я передал копию партитуры г-ну Ниту и прошу его позаботиться о ней. Надеюсь, вы теперь вполне здоровы и остаюсь

ваш покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Кроме Нита и Фриса, сношения композитора с английскими издателями содействовали пианист Христиан Поттер, венский банкир Херинг и Саломони (из Бонна), один из выдающихся виолончелистов своего времени; ранее он состоял капельмейстером прусского принца Генриха; впоследствии переселился в Лондон, где старался познакомить публику с немецкою музыкою; в том же 1815 году он упал с лошади, скончался и торжественно погребен в Вестминстере. В первом письме к нему композитор просит продать свои трио ор. 97, сонату ор. 96, симфонии № 7 и № 8, квартет ор. 95, кантату ор. 136 и пр., причем упоминает об известном Джоне Крамере, замечательном пианисте и композиторе, авторе популярных ныне этюдов, и о постановке «Битвы при Виттории» в феврале 1815 г. в театре Друри-Лейн, давшей издателю Смарту 10.000 рублей чистого дохода.

Концертмейстеру Саломону в Лондоне.

Вена, 1 июня 1815 г.

Дорогой земляк!

Я постоянно надеялся поговорить с вами лично в Лондоне, но этому всегда являлись препятствия, вследствие чего прошу вас не отказать мне в следующей просьбе: будьте добры переговорить с каким-нибудь тамошним издателем и предложить ему нижепоименованные мои произведения: большое трио для фортепиано, скрипки и виолончели 80 дук., соната для фортепиано со скрипкой 60 дук., большая симфония в А (одна из лучших моих), малая симфония в F, квартет для 2 скрипок, альты и виолончели в F-moll, большая опера в партитуре 30 дук., кантата с хором и сольными номерами 30 дук., партитура «Битвы при Виттории», на победу Веллингтона, 80 дук., а также переложение для фортепиано, если оно еще не вышло, как меня здесь уверяют. Прилагая к некоторым произведениям, между прочим, указание гонорара, который, полагаю, для Англии вполне подходящий; предоставляю, тем не менее, вам самим распорядиться, как найдете более удобным. Я слышал, что Крамер тоже занимается издательством, но недавно мой ученик Рис писал мне, что Крамер часто открыто восставал против моих сочинений; надеюсь, что он это делал, исходя из своих взглядов на искусство, а не из каких-либо иных соображений, а потому ничего не имею против него. Если Крамер пожелает издать какое-либо из этих зловердных произведений, то он будет мне так же мил, как и всякий другой издатель. — Мне только необходимо найти здесь издателя для моих произведений, чтобы они появились только в Вене и в Лондоне и притом одновременно.

Может быть, вы могли бы мне сообщить, каким образом могу я получить от принца-регента стоимость переписки за переделанную для него «Боевую симфонию», на победу Веллингтона в битве при Виттории, так как я давно потерял всякую надежду. На все мои запросы я не удостоился получить ни одного ответа относительно того, могу ли посвятить это произведение принцу-регенту? В то время, как я здесь издаю это произведение, мне говорят, что в Лондоне оно уже вышло в

виде переложения для фортепиано. Такова судьба автора!!!... Английские и немецкие газеты полны сообщений об успехах этого произведения, исполненного в Друри-Лейн театре, а театр этот, получив таким путем огромный доход, не написал по этому случаю даже ни одной приветственной строки автору, который не получил даже стоимости переписки и лишился всего гонорара. И если переложение для фортепиано, как говорят, будет вскоре перепечатано каким-то немецким издателем с лондонского, то я теряю славу и гонорар. — Известное всем благородство ваше позволяет мне надеяться, что вы примете во мне участие и позаботитесь обо мне. В силу плохого денежного курса в нашем государстве бумажные деньги уже однажды опустились до одной пятой своей номинальной стоимости, и мне пришлось полатиться. Однако, после долгих стараний и со значительными потерями я добился полного расчета. Но в настоящее время, когда бумаги уже поднялись более, чем на 1/5, мне предстоит потерять вторично, без всякой надежды на какое-либо вознаграждение. — Мое единственное достоинство — композиции. Если бы я мог при этом рассчитывать на сбыт их в Англии, то это было бы для меня очень выгодно. Будьте уверены в моей безграничной благодарности. Надеюсь вскоре, как можно скорее получить ваш ответ.

Ваш почитатель и друг Людвиг ван Бетховен.

С подобными же просьбами обращается композитор к Ф. Рису, поселившемуся в Лондоне.

Среда, 22 ноября 1815. Вена

Дорогой Рис!

Спешу сообщить вам, что я сегодня послал по почте фирме Thomas Coutts u C^o переложение для фортепиано симфонии в А. Двор выбыл, и курьеры редко или совсем не появляются здесь; вообще же это самый верный способ. Симфонию следовало бы выпустить в марте, я укажу день. Вообще на этот раз дело затянулось гораздо дольше назначенного мною срока. С трио и с сонатой для скрипки можно не торопиться: через несколько недель они будут в Лондоне. Убедительно прошу вас, дорогой Рис, взяться за это дело, так как жду гонорара; это составляет значительную сумму, в которой буду нуждаться ранее, чем эти произведения дойдут до вас.

Я лишился 600 флоринов из годовичного оклада моего. Во времена банковых билетов это были пустяки; потом явились выкупные свидетельства, при которых я лишился этих 600 флоринов, что сопровождалось многолетними неприятностями и полной потерей содержания. Теперь мы переживаем такие времена, когда выкупные свидетельства стали менее ценны, чем были когда-либо ассигнации, а я плачу 1000 флоринов за квартиру. Представьте же себе несчастье, которое причиняют бумажные деньги!

Мой бедный, несчастный брат недавно умер. У него была скверная жена. Он несколько лет страдал чахоткой и, чтобы облегчить его существование, я, признаюсь, сделал все, что мог, предложив ему 10000 флоринов. Для какого-нибудь англичанина это, конечно, пустяки, но для бедного немца и, тем более, для австрийца, это очень много. Несчастный очень изменился в последние годы, и я жалею его от всего сердца; счастливы при мысли, что в отношении поддержки брата никто не может мне сделать упрека.

Скажите господину Берчелю, чтобы он оплатил письма господина Саломона и ваши ко мне, а также мои к вам; он может удержать из суммы, которую должен мне уплатить. Я не желаю причинять ни малейшего ущерба тем, кто заботится обо мне.

«Победа Веллингтона в битве при Виттории», должно быть, давно получена у Thomas Coutts u C^o. Г. Берчель может не платить гонорара,

пока не получит всех пьес. Поспешите только уведомить меня о дне, когда господин Берчель выпустит переложение для фортепиано. Примите самые теплые выражения моего к вам расположения. Всегда готовый к вашим услугам. Прощайте, дорогой Рис!

Ваш друг Бетховен.

Вена, 20 января 1816 года

Дорогой Рис!

Симфония будет посвящена русской императрице. Фортепианное переложение симфонии А выйдет не ранее июня месяца; здешний издатель не может выпустить скорее. Дорогой Рис, известите об этом сейчас же г. Берчеля. Скрипичная соната будет выслана отсюда со следующей почтой и может быть издана в Лондоне также в мае, а трио — позднее (получите тоже со следующей почтой). Время выпуска последнего я сам укажу.

Примите мою сердечную благодарность, дорогой Рис, за все услуги, оказанные мне, в особенности за корректуру. Да сохранит вас небо и да умножит ваши успехи, в чем и я готов принять самое сердечное участие. Поклон мой супруге вашей.

Ваш постоянный и искренний друг Людвиг ван Бетховен.

Вена, 10 февраля 1816.

Почтеннейший друг!

Я не сомневаюсь, что вы получили мое письмо от...; сим только уведомляю, что 3 с. м. я отправил grand trio и сонату г-ну Берчелю через торговый дом Томаса Котса и К°, за что он должен уплатить последним обусловленную сумму в 130 голл. дукатов. Но, кроме того, ему предстоят расходы по переписке и пересылке, причем последнее поручено почте, ради скорости и в угоду ему; соответственную расписку найдете в конце сего — прошу представить ее, чтобы г. Берчель уплатил гг. Котсу и К° означенную сумму расходов монетами в # 10 голл., так как потеря этой суммы равносильна лишению большей части моего гонорара — надеюсь вскоре иметь возможность обязать г. Берчеля иным путем. Ожидаю вашего ответа и остаюсь с дружеским почтением

ваш преданный друг Людвиг ван Бетховен.

Вена, 28 февраля 1816 года.

Я долго был нездоров. Смерть брата отразилась на моем настроении и на моих произведениях.

Смерть Саломона очень огорчила меня, так как это был прекрасный человек, насколько я помню его с детства. Вы назначены душеприказчиком, а я опекуном ребенка моего несчастного покойного брата, вам предстоит менее хлопот, нежели мне. Меня утешает то обстоятельство, что я спасаю бедного, невинного ребенка из рук негодной матери. Прощайте, дорогой Рис. Всегда, когда только могу быть вам полезным здесь, рассчитывайте на меня, как на своего искреннего друга.

Бетховен.

Вена, 8 марта 1816.

Мой ответ несколько запоздал; я был болен и очень занят. Из 10 дук. золотом до сих пор ни гроша не получено; я начинаю думать, что англичане великодушны только за границей. Таково же и с принцем-регентом, от которого не получил не только стоимости переписки, но даже ни письменной, ни словесной благодарности за посланную ему

«Битву». Мое жалованье — 3400 флоринов ассигнациями; 1100 плачу я за квартиру, моему слуге с женою 900 фл.; вот и считайте — что остается. Кроме того, я должен заботиться о своем маленьком племяннике; он до сих пор еще в пансионе, что стоит мне около 1100 фл. Впрочем, ему там плохо, так что я должен буду устроиться своим хозяйством, чтобы взять его к себе. Как много надо зарабатывать, чтобы только существовать здесь! И так — без конца, потому что — потому что — потому что... Вы знаете — почему. Мне хотелось бы, кроме концерта, иметь заказы от филармонического общества.

Наконец, мой дорогой ученик, вы должны принудить себя и посвятить мне что-нибудь дельное, за что учитель оплатит вам тем же. Как мне переслать вам свой портрет?.. Всего хорошего вашей супруге. К сожалению, у меня таковой нет; я нашел одну, но обладать ею, однако, никогда не буду. Все же я не ненавистник женщин.

Ваш искренний друг Бетховен.

Вена, 3 апреля 1816 года.

Нит должен быть в Лондоне. Я дал ему много своих композиций, и он обещал их распространить... Эргерцог Рудольф играет со мною также ваши произведения, из которых, дорогой Рис, мне особенно нравится *il sogno*.

Прощайте. Поклон от меня вашей супруге, а также всем прелестным англичанкам, которым это может доставить удовольствие.

Ваш искренний друг Бетховен.

Вена, 11 июня 1816 года.

Дорогой Рис.

Мне очень неприятно, что вновь заставляю вас тратиться на почтовые расходы. Насколько мне приятно оказывать услуги и помогать другим, настолько же больно, когда другие должны заботиться обо мне. Из 10 # до сих пор ничего не получено; из этого можно заключить, что в Англии, как и у нас, существуют хвастуны, которые не держат данного слова. — Вам я этого не ставлю в вину. — Так как от Нита я не получил ни слова, то прошу спросить его: продал ли он концерт F-moll. Об остальных моих пьесах, переданных мною ему, просто стыдно говорить; стыдно мне даже перед самим собою, что я опять был так доверчив и вручил их ему, рассчитывая на дружбу и содействие, без всякого договора, обеспечивающего мои интересы.

Мне перевели из Morning-Chron. сообщение об исполнении симфонии. Эти и все другие пьесы, которые Нит взял с собою, постигнет та же участь, что и «Битву», т. е. они мне не дадут ничего, кроме газетных сообщений об их исполнении.

Клавираусцуг симфонии А быстро переписан и, просмотрев его внимательно, я заставил изменить некоторые места, каковые укажу вам. Всего лучшего вашей жене

второпах ваш истинный друг Бетховен.

Вена, 9 июня 1817 г.

Милый друг!

Мне очень лестны предложения, сделанные в почтенном письме вашем от 9 июня. Из настоящего вы должны усмотреть, насколько я вас ценю. Если бы не заботы о моей несчастной болезни, требующей расходов и ухода, особенно на пути в чужую страну, то я принял бы предложение филарм. общества безусловно. Представьте себя в моем положении, подумайте — насколько ужаснее те препятствия, с которыми мне приходится бороться, чем те, которые приходится преодолевать всяко-

му другому музыканту, и посудите тогда сами, насколько справедливы мои требования. Вот они, и прошу вас сообщить их г-дам директорам названного общества:

Во 1-х: Я буду в Лондоне, самое позднее, в первой половине января.

Во 2-х: К тому же времени будут готовы 2 большие симфонии, совершенно новые, и поступят в полную, вечную и исключительную собственность общества.

В 3-х: Общество платит мне за это 300 гиней и 100 гиней на путевые расходы, которых будет гораздо больше, так как я непременно должен взять спутника.

В 4-х: Так как я сейчас же приступаю к сочинению этих двух симфоний, то общество (в случае принятия моих условий) перешлет мне сюда 150 гиней, чтобы я беспрепятственно мог озоботиться относительно экипажа и прочих приготовлений к путешествию.

В 5-х: Я принимаю условия не дирижировать другим оркестром и не участвовать публично в иных концертах, а, при равных условиях, давать предпочтение обществу; все это, само собою разумеется, при моем понятии о чести.

В 6-х: Смею надеяться на содействие общества при организации и устройстве одного или, смотря

по обстоятельствам, нескольких бенефисных концертов. Так как особенное сочувствие некоторых директоров вашего драгоценного кружка и вообще доброе отношение всех музыкантов к моим произведениям служит мне в этом залогом, то тем сильнее во мне стремление оправдать ожидания их.

В 7-х: Прошу также прислать мне согласие или утверждение вышеизложенного на английском языке, подписанное тремя директорами от имени общества.

Можете себе представить, как я рад, что познакомлюсь со славным сэром Георгом Смартом и увижу снова вас и м-ра Нита. Если бы я мог сам туда полететь вместо этого письма!

Ваш искренний почитатель и друг
Л. в. Бетховен.

Приписка на особом листе.

Дорогой Рис!

Сердечно обнимаю вас! Я старался четко написать ответ обществу, чтобы вы могли лучше разобрать все и передать обществу. Я убежден в ваших добрых намерениях по отношению ко мне. Надеюсь, что ф. общество примет мое предложение и может быть уверено, что я приложу все силы, чтобы достойным образом выполнить эти высокие обязанности, возложенные славным музыкальным обществом. Каковы силы вашего оркестра? Сколько скрипок и т. д., и т. д. Один или два органа? Велик ли зал, хороша ли звучность?

В начале 1816 г. дружественные отношения композитора с Нитом еще не были нарушены и последний получил ряд поручений.

Фердинанд Рис.

К Ниту.

Вена, 15 мая 1816 года.

Дорогой друг!

По дружбе простите мне ошибки во французском языке; пишу спешно, мало упражнялся, словаря нет под рукою, а потому менее могу быть подвержен критике теперь, чем в иное время.

Третьего дня мне принесли выдержку из английской газеты, где я с удовольствием прочел о том, что филармоническое общество поставило мою симфонию А-диез; это меня очень обрадовало, но я хотел иметь сведения от вас относительно всех данных вам мною пьес; вы мне здесь обещали устроить концерт в мою пользу, но не обижайтесь, если я отношусь с недоверием, вспоминая о принце-регенте английском, который не удостоил меня ни ответом, ни иным выражением благодарности за «Битву», посланную мною его высочеству и часто исполнявшуюся в Лондоне; только газеты упоминали об успехе этого произведения, а больше ничего. Так как я уже писал вам по-английски, дорогой друг, то лучше окончить. Я описал вам свое печальное существование здесь и ожидаю от вас дружественной помощи; но, увы, ни одного письма от вас. Рис мне писал; вам хорошо известно содержание моей переписки с ним, а потому считаю лишним объяснять вам.

Надеюсь вскоре получить от вас письмо с известиями о вашем здоровье и о том, что сделали вы для меня в Лондоне. Прощайте. В настоящем и будущем ваш

истинный друг Бетховен.

К Ниту.

Вена, 18 мая 1816 года.

Г-н Рис известил меня письмом о вашем благополучном прибытии в Лондон. Я очень рад этому, но был бы еще более рад узнать об этом от вас самих. Что касается наших дел, то я знаю, что для исполнения таких больших произведений, как симфония, кантата, хор и опера, вам понадобится содействие филармонического общества, и, надеюсь, что ваши старания увенчаются успехом в мою пользу. Г. Рис извещает меня о вашем намерении дать мне бенефис. За этот триумф моего искусства в Лондоне я буду вам обязан всем. Но еще приятнее, при моем бедственном существовании, получить некоторую сумму с этого предприятия. Вы знаете также, что я заменяю отца одному милому мальчику, который теперь у меня. Мое годичное жалованье в 3400 флоринов ассигнациями едва достаточно мне на три месяца; к тому же еще расходы по содержанию сироты. Вы знаете, насколько желательна мне материальная помощь. Что касается квартета в F-minor, то можете продать его какому-нибудь издателю. Сообщите мне только день издания, так как я хочу, чтобы он вышел там и здесь в одно время. Сделайте то же самое с обеими сонатами для фортепиано и виолончели ор. 102; с последней можно не спешить. Предоставляю вам назначить сроки выхода этих двух произведений, т. е. квартета и сонаты, но чем скорее, тем лучше.

Будьте добры, напишите мне с первой почтой, во-первых, чтобы мне не приходилось пожимать плечами на вопрос — имею ли от вас известия, и, во-вторых, дабы я мог иметь сведения о вас и об отношении вашем ко мне. Если имеете сообщить что-нибудь радостное, то отвечайте мне по-английски (например, о бенефисе), если же что-нибудь недоброе, то по-французски.

Не найдете ли вы такого любителя музыки, все равно кто бы он ни был, которому особенно понравились бы трио и соната (Г. Рис продал их Берчелло); или такого, которому можно было бы посвятить перело-

женную для фортепиано симфонию и от которого можно было бы ожидать вознаграждения за это. В ожидании вашего дружеского ответа остаюсь ваш

друг и земляк Людвиг ван Бетховен.

Однако, недолго продолжалось расположение его к английскому «сотоварищу», которого Бетховен называл «соотечественником», считая его таким же, как себя, «гражданином страны муз»: женитьба и долгая болезнь были причиной запоздалого ответа на письмо Бетховена, и этих причин было достаточно, чтобы вызвать негодование композитора.

Последний послал Смарту письмо, полное резких упреков Ниту, который, в свою очередь, ответил композитору.

Лондон, 29 октября 1816 г.

Любезный Бетховен!

Никогда я не был так глубоко обижен, как письмом вашим к Георгу Смарту. Признаюсь, я заслуживаю ваши упреки, я был неосторожен, но, вместе с тем, полагаю, что вы слишком поспешили и слишком строго осудили мое поведение. Письмо, которое я уже давно отправил вам, написано было в минуту такого нравственного и душевного состояния, что вы, я вполне уверен, извинили бы мне всякое неподходящее выражение, если бы только могли тогда видеть меня. Слава Богу! теперь все миновало, и я как раз собирался писать вам, когда г. Георг пришел ко мне с вашим письмом. Не знаю, как на него ответить, потому что никогда не приходилось бывать в положении обороняющегося: впервые обвиняют меня в бесчестности; еще более огорчает меня, что в этом обвиняет человек, которого я уважаю и ценю больше всего на свете, человек, счастье которого, со времени моего с ним знакомства, никогда не переставало быть предметом моих дум и желаний. Но так как отношение мое к вам показалось таким противным, то я должен объяснить то состояние, в котором находился перед женитьбой.

Я остаюсь при своем уверении, что любовь моя к Бетховену — не уменьшилась! В то время я лишен был возможности заняться делами, а потому все ваши ноты оставались не просмотренными и неисполненными в моем ящике. Но я все же сделал значительную попытку передать вам от филармонического общества то, на что вы имеете, по моему мнению, полное право. Я предложил ему все ваши ноты, с условием сделать вам весьма значительный подарок. На это г-да эти не могли согласиться, но охотно согласились просмотреть и прослушать вашу музыку и затем предложить за нее плату. Возражая им, я сказал: мне стыдно продавать ваши произведения с публичного торга! Ваше имя и ваша слава слишком дороги мне. Таким образом, покинул я собрание и предпочел дать концерт, приняв на себя все заботы, чем оскорбить ваше чувство каким-нибудь неодобрением этих лиц. Опасения мои в этом отношении еще увеличились неблагоприятным приемом ваших увертюр. Г-да эти заявили мне, что от других ваших произведений они не ждут большего. В минувший сезон я не состоял дирижером, но буду в будущем.

Тогда я буду иметь право голоса и уже постараюсь повлиять. Сонаты ваши предлагал многим издателям, но они признали их слишком громоздкими и уверяли, что их никто не купит, а потому заявили такие условия, которых я принять не мог. Когда я сыграв их некоторым профессорам, то добыл более выгодных условий. Симфония, о которой вы читали в «Morning Chron.», полагаю, C-moll; во всяком случае, не А, так как последняя еще не исполнялась в концертах. Но я настояю на исполнении ее в будущем сезоне, вероятно, даже в первый же вечер.

Меня чрезвычайно обрадовало, что вы обратились к г. Георгу Смарту с жалобой на меня, ибо он человек честный и относится к вам весьма дружелюбно. Будь это кто-нибудь другой, вашей жалобе поверили бы и имя мое было бы навеки опорочено. Я уверен, что пользуюсь достаточно доброй славой, чтобы те, которые знают меня, подумали обо мне скверно. Впрочем, я готов возвратить вам каждый ваш лист, имеющийся у меня, если только вы этого желаете; г-н Георг напишет вам со следующей почтой и подтвердит все вышесказанное. Я слишком огорчен вашим отзывом и полагаю, что он слагает с меня все обязанности в отношении к вам. Так как в Вене я только об этом и говорил, то все мои знакомые могут это засвидетельствовать. Я даже сам предлагал заплатить вам, что вы постоянно и великодушно отклоняли. Прошу вас, любезный друг, принять уверение в постоянной преданности.

Ваш Нит.

Спустя несколько месяцев Бетховен вновь обращается к Ниту за содействием, причем предлагает продать виолончельные сонаты оп. 102, трио оп. 97, сонату оп. 96 и пр.

Карлу Ниту.
(Под диктовку Бетховена)

Вена, 18 декабря 1816 года.

Милостивый государы!

Оба письма к г-ну Бетховену и ко мне получены. Сначала я должен ответить на его, так как он сделал несколько набросков и написал бы сам, но заболел сильным приступом ревматизма. Он говорит: «Что я могу ответить на ваши искренно сердечные извинения? Прощлые недоразумения должны быть забыты, и я от души желаю вам счастья в благополучно достигнутой и давно желанной пристани любви. Не имея сведений о вас, я не мог дальше откладывать издания симфонии в А, которая появилась здесь несколько недель тому назад. Пройдет, конечно, еще несколько недель, пока копия с этого издания появится в Лондоне, но все же она вскоре будет исполняться в филармонии и кое-что еще перепадет мне в виде бенефиса, не знаю как благодарить за такое благодеяние.

Убытки, понесенные вами в прошлый сезон в филармонии, когда все мои сочинения, находившиеся у вас, не могли быть вами изданы, причинили мне сильное огорчение; но помочь я не мог и даже в настоящее время нахожусь в недоумении. Намерения у вас прекрасные и надо надеяться, что мое имя, довольно известное, все же выручит меня. Что касается двух сонат оп. 102, для фортепиано и виолончели, то я желал бы получить скорее за них плату, так как имею известные предложения касательно их из Германии, принятие коих зависит исключительно от меня, но я не желал бы, издавая их здесь, потерять всю выгоду от них в Англии, я довольствуюсь 10 гинейми, предложенными мне за издание трио, и прошу вас немедленно передать заголовок г-ну Берчелю, который ждет его с величайшим нетерпением; прошу передать ему от моего имени: я был бы очень польщен написать несколько вещей для филармонии — например, симфонию, ораторию, или кантаты и т. п. Г. Берчель писал, что он как будто не прочь приобрести моего «Фиделио». Пожалуйста, переговорите с ним, хотя вы имеете на него виды для моего бенефисного концерта, что предоставляю главным образом вам и г. Георгу Смарту. Партитура оперы «Фиделио» еще не издана в Германии и вообще нигде. Разузнайте, что можно сделать с г. Берчелем или как найдете лучше. Меня очень огорчило известие о том, что мои все три увертюры не понравились в Лондоне. Все же считаю их лучшими мои-

ми произведениями и (что смело могу сказать также о симфонии в А) ими не пренебрегают здесь и в Пеште, где публика очень требовательна. Не исполнение ли причина? Не было ли интриг? Итак, кончаю и шлю самые лучшие пожелания в вашей новой жизни.

Ваш истинный друг Людвиг ван Бетховен.

Вена, 19 апреля 1817 года.

Дорогой Нит!

Я сильно заболел 15 октября и до сих пор страдаю от последствий этой болезни, не покидающих меня. Вы знаете, что я живу только своими сочинениями, а после болезни я мог писать крайне мало и, следовательно, так же мало зарабатывать. Был бы особенно рад, если бы вы сделали что-нибудь для меня. Впрочем, полагаю, в результате из всего этого не выйдет ничего. В письме к Херингу вы упрекали меня, хотя в отношениях к вам я был корректен и совершенно не заслуживал этого. Во всяком случае, принужден привести следующее оправдание, а именно: опера «Фиделио» была написана уже много лет тому назад, но музыка и текст имели много недостатков. Надо было совершенно переделать текст, для чего пришлось некоторые музыкальные номера удлинить, другие сократить, а иные написать совсем заново. Так, напр., увертюра совершенно новая, да и некоторые другие номера. Но, быть может, в Лондоне опера имеется в таком виде, какою была первоначально, в таком случае она украдена, что почти неизбежно в театральных делах. Что касается симфонии в А, то я должен был ее издать, так как вы не дали мне утешительного ответа. Готов был бы ждать 3 года, если бы вы мне написали, что филармоническое общество возьмет ее, — но на все мои запросы не получаю ничего, ничего... Что же касается фортепианных сонат с виолончелью, то я дал вам для этого месяца времени и не получил никакого ответа, а потому издал их в Германии. Так как относительно этого я имел от вас так же мало известий, как и о других вещах, то отдал их немецкому издателю, который настоятельно об этом просил, при этом было заключено письменное условие (Херинг читал это условие), по которому он издаст их здесь не раньше, чем вы продадите их в Лондоне. Я думал, что вы пристроите эти две сонаты, по крайней мере, за 70-80 дукатов золотом. Английский издатель может назначить день выхода; в тот же день они появятся также в Германии. На таких условиях Берчель купил у меня и получил большое трио и фортепианную сонату со скрипкой. Прошу вас, окажите последнюю услугу и ответьте мне, как можно скорее, относительно сонат. Г-жа Дженни клянется, что вы все сделали для меня. Я тоже, то есть, я тоже клянусь, что вы ничего для меня не сделали, ничего для меня не делаете и ничего не будете для меня делать — Summa summarum — ничего! ничего! ничего!!!

Уверяю вас в глубоком почтении и надеюсь, по крайней мере, на последнюю услугу, на скорый ответ

ваш преданный слуга и друг Л. в. Бетховен.

Мысль о поездке в Лондон не покидала Бетховена до самой смерти, а стремление продать там выгодно свои значительные произведения вызывало частые письма к Рису, настойчиво поддерживавшему мечты композитора; 9 июня 1817 года Рис писал ему, что лондонское филармоническое общество, членами и директорами которого он и Нит состояли, приглашает Бетховена приехать зимою в Лондон. «Общество наше предпочитает ваши композиции всем иным и желает выразить свое уважение и признательность за те многие минуты наслаждения, которые ему доставили ваши гениальные произведения. Вчера вечером опять

была исполнена с блестящим успехом симфония A-dur. Друзья встретят вас с распростертыми объятиями. Общество предлагает вам 300 гиней за две новые симфонии, каковые должны быть написаны к январю 1818 года; из них 100 гиней можете получить вперед... Вы свободны относительно заключения условий с издателями... Смарт предлагает 100 гиней за ораторию в одном акте... Антрепренер итальянской оперы также намерен обратиться к вам с заказом. Ваш собственный концерт или, вернее, концерты принесут вам хорошую сумму, также разные иные приглашения из Англии. Нит и я радуемся, как дети, при мысли, что увидим вас здесь. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы пребывание ваше здесь принесло вам удовольствие и пользу. Во всяком случае, я знаю Англию и совершенно уверен в успехе вашем. Нам нужен здесь человек, который встряхнул бы всех и подтянул бы гг. оркестровых музыкантов».

Под впечатлением таких известий композитор все чаще носится с мыслью о поездке в Англию и, сознавая свою беспомощность в пути и на чужбине, не раз задумывается над выбором трех спутников: друга, доктора и слуги. Последнего должен был найти Цмескаль, но все представленные им кандидаты были забракованы: сопровождать Бетховена мог брат Иоганн или кто-либо из приятелей, предлагавших свои услуги, но и тут композитор не мог остановить своего выбора, вследствие отсутствия многих старых, испытанных друзей, и порою склонялся к мысли отказаться от всяких спутников и совершить путешествие единолично; эти проекты не мешали ему торопить Рису с выпуском квинтета ор. 104 и сонаты ор. 106.

К Фердинанду Рису, в Лондоне.

Вена, 5 марта 1818 г.

Дорогой Рис!

При всем своем желании я не мог в этом году приехать в Лондон. Прошу вас передать филармоническому обществу, что мне помешало слабое здоровье. Надеюсь нынешней весной совершенно вылечиться; тогда, в конце года, воспользуюсь сделанным мне обществом предложением и исполню все его требования. Попросите от моего имени Нита, чтобы он хранил втайне мои произведения, находящиеся у него, пока я не приеду. Чтобы там с ним ни было, я имею основание жаловаться на него.

Поттер был у меня несколько раз. Кажется, он добрый малый и обладает огромным талантом. Да растет непрерывно ваше счастье. К сожалению, сам я не могу надеяться на это. Я не могу видеть нищеты; я обязан помогать. Можете себе представить, как я при этом страдаю. Если только будет возможно, я еще раньше уеду отсюда, чтобы не превратиться в руину, и приеду в Лондон, самое позднее, зимою. Я уверен, что вы поможете несчастному другу. Я сделал бы для вас, конечно, гораздо больше; если бы это было в моей власти и если бы я не был связан здесь постоянно чем-либо. Прощайте; поклон Ниту, Смарту, Крамеру, хотя говорят, что он против вас и меня. Впрочем, я научился обращению с подобными людьми и, несмотря на все, мы достигнем в Лондоне полной гармонии. Шлю вам поклон и обнимаю сердечно.

Ваш друг Людвиг ван Бетховен.

Лучшие пожелания вашей дорогой и прелестной (как я слышал) жене.

19 апреля 1819 г.

Любезный друг!

Тысячу раз прошу прощения за те неприятности, которые вам причиняю. Меня удивляет, что при переписке сонаты оказалось столько ошибок, — неправильная переписка происходит, вероятно, оттого, что я не могу более держать собственного копииста. — Обстоятельства довели до этого и да поможет Господь, пока — не наступят лучшие дни! А это продлится еще целый год. — Просто ужасно, до чего дошло дело, и что стало с моим жалованьем; Бог знает, что еще будет с ним в течение этого года.

Если соната не годится для Лондона, то я мог бы прислать вам дружную или вы могли бы выпустить *Largo* и начать прямо с фуги в последней части, или же: первая часть, *adagio*, в виде 3 части *Scherzo* и *Largo* и *allegro risoluto*. Предоставляю это вам, как предпочтете. — Соната написана при очень стесненных обстоятельствах; тяжело писать ради куска хлеба; так далеко уже зашел я!

Относительно поездки в Лондон мы еще спланируем. Это было бы для меня единственным средством, чтобы вырваться из этого жалкого и угнетающего состояния, причем я всегда болен и никак не могу создать того, что было бы возможно при лучших обстоятельствах.

Вена, 30 апреля 1819 г.

Дорогой Рис!

Наконец могу ответить на ваше последнее письмо от 18 декабря. Ваше внимание радует меня. Теперь не имею возможности поехать в Лондон; дела очень запутаны. С Божьей помощью, будущей зимой наверно приеду в Лондон и привезу свои новые симфонии. Ожидаю вскоре получить текст новой оратории, которую пишу здесь для Общества любителей, она пригодится нам и в Лондоне. По мере сил, похлопочите обо мне, ибо я в этом нуждаюсь. Очень желательно получить заказы филармонического общества, сообщения Нита о том, что три увертюры мало понравились, вызвало во мне досаду. Они здесь не только нравятся, но две из них, *Es* и *C-dur*, произвели здесь сильное впечатление. Мне не понятна судьба этих пьес в фил. общ.

Вы, вероятно, получили уже аранжировку квинтета и сонату; пусть оба произведения, в особенности квинтет, напечатают теперь же. С сонатой можно не спешить, но я хотел бы, чтобы она вышла в течение двух или, по крайней мере, трех месяцев. Упомянутого вами письма вашего я не получил, а потому пристроил также для Германии. Впрочем, пройдет тоже три месяца, пока соната появится здесь; но с квинтетом поспешите.

Как только вы перешлете мне сюда деньги, я отправлю издателю удостоверение в правах на эти произведения для Англии, Шотландии, Ирландии, Франции и т. д.

Темпы сонаты по метроному Мельцеля вы получите со следующей почтой. Де-Смидт, курьер князя Павла Эстергази, взял с собою квинтет и сонату. При первом удобном случае пришлю также свой портрет, так как слышал, что вы очень хотите иметь его.

Прощайте, не забывайте меня, вашего друга Бетховена.

Всего прекрасного вашей прекрасной супруге!!! от меня!!!!

Вена, 25 мая 1819 г.

— Я был все время так озабочен, как еще никогда в жизни и главное вследствие чрезмерного стремления осчастливить других.

Работайте прилежно! Мой милый эрцгерцогчик Рудольф и я играем также ваши сочинения, и он находит, что бывший ученик делает честь учителю. — Ну, прощайте. Так как я слышал, что ваша жена красива, то целую ее пока только мысленно; но надеюсь будущею весною сделать то же самое лично. — Не забывайте квинтета и сонаты и денег, я хотел сказать гонора, *avec ou sans honneur*.

Надеюсь вскоре не *allegro*, а *veloce prestissimo* получить от вас от-
раднейшие известия.

Это письмо доставит вам благоразумный англичанин. Они все большею частью дельные парни; я охотно провел бы некоторое время в их стране.

Prestissimo-Responso il suo amico e maestro Бетховен.

Вена, 10 ноября 1819 г.

Любезный Рис!

Сообщаю вам, что соната уже вышла; но только около двух недель тому назад; а ведь уже почти шесть месяцев, как вам были посланы обе вещи, квинтет и соната. — Я вышло отсюда на днях оттиски квинтета и сонаты, чтобы дать вам возможность сделать все исправления в обоих произведениях.

Так как я не имел от вас никаких известий о получении обоих произведений, то думал, что из этого ничего не вышло. Ведь потерпел же я в этом году крушение с Нитом! Постарайтесь получить еще 50 дукатов, так как я на них рассчитывал, и мне необходима значительная сумма. На сегодня довольно; сообщайте только, что я почти окончил новую большую мессу. Напишите мне, что можете с нею сделать в Л., но скорее, как можно скорее — деньги за обе вещи также скорее! Вскоре напишу вам подробнее.

Второпях! Ваш истинный друг Бетховен.

Эти дельные парни-англичане сто лет тому назад занимали в мировой торговле еще более видное место, чем в наши дни, а из капиталов, стекавшихся на берега Темзы, охотно уделяли некоторую часть на произведение искусства и на поощрение их авторов; не обладая выдающимися местными художниками или композиторами, англичане обращались, как и в наши дни, к иноземцам, в числе которых оказался также великий симфонист, которому кое-что перепало от щедрот альбионских; уже в 1818 году он получил в подарок от своих поклонников (Клементи, Кальбренера, Крамера и др.) прекрасный рояль фабрики Бредвуда, а впоследствии довольно значительное денежное пособие.

Благодарный композитор, узнав о таком подарке, обращается к графу Лихновскому за содействием в получении рояля из таможни и в то же время благодарит знаменитого фабриканта.

Вена, 3-го февраля 1818 года.

Любезнейший друг Бредвуд!

Никогда и не испытывал такого удовольствия, как получив ваше сообщение относительно присылки фортепиано, каковым подарком вы сделали мне большую честь; оно будет служить мне алтарем, на который я сложу лучшие дары моего гения божественному Аполлону. Как только получу ваш прелестный инструмент, то вышло вам лучшие плоды вдохновения первых моментов, которые я проведу близ него, чтобы

отблагодарить вас и оставить память о себе, милейший г. Б., и желаю лишь, чтобы они были достойны вашего инструмента.

Глубокоуважаемый и любезный друг, примите уверение в искреннем почтении

вашего друга и преданнейшего слуги Луи ван Бетховена.

Вена, 3-го февраля 1818.

После высылки рояля, бывшего впоследствии у Фр. Листа, а ныне хранящегося, как драгоценная реликвия, в музее Будапешта, фабрикант пишет композитору:

Лондон, 17 июл. 1818.

Любезный госп. Бетховен.

Податель сего письма, мой друг г-н Штумпф, собирается ехать в Вену; подобно всем любителям музыки, он страстно желает познакомиться с вами или хотя бы видеть вас и поговорить с вами и, если разрешите ему, настроить и исправить фортепиано, которое я имел счастье послать и которое, надеюсь, заслужило вашу похвалу — я был крайне огорчен, узнав на прошлой неделе, что вы были опять больны, но надеюсь, последующие известия от вас или от моего уважаемого друга госп. Бриди о состоянии здоровья вашего будут вполне радостны.

Всегда ваш, любезный г-н Бетховен, ваш искренний друг

Томас Бредвуд.

Прошу вас передать искренний привет моему Бриди.

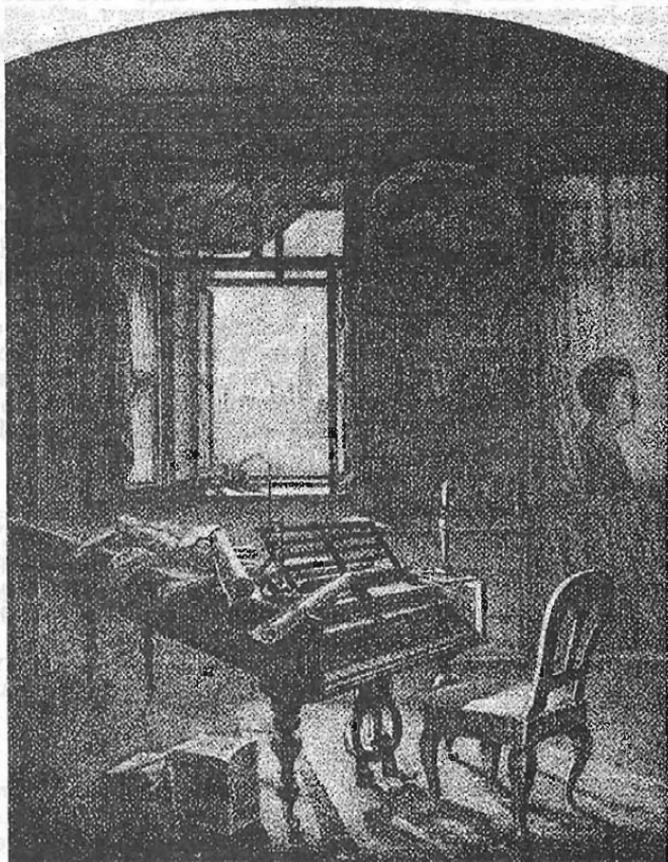
Графу Морицу Лихновскому.

Почтенный друг, любезный граф!

Из прилагаемого вы увидите, в каком положении дело, я не сомневаюсь, что множество затруднений будет сопровождать получение этого инструмента, так как он вскоре должен прибыть в Триест. Бриди уполномочен англичанином исполнить все необходимое, я жду результатов ваших любезных стараний и справок, а потом наверно придется обратиться письменно или словесно к его превосходительству самому гр. Стадиону. — Надеюсь вскоре иметь удовольствие видеть вас — искренне любящий и уважающий вас

друг Бетховен.

Тем не менее, при всем уважении к личности и творениям композитора, нелегко было лондонским приятелям Бетховена исполнять все его поручения; некоторые произведения его были для современников настолько непонятны и даже неисполнимы, что их отказывались покупать издатели, и не могли ставить организаторы концертов; да и симпатии англичан, считающихся не без основания антимузыкальными и эксцентричными, к Бетховену способствовали не столько его композиции, сколько анекдоты о его странностях. Торопил же он приятелей своих с целью одновременного выпуска произведений своих в Австрии и в Англии, так как в противном случае рисковал быть жертвою контрафакций; на это намекает также заметка в дневнике его: «Оставляя за собой право назначения выпуска всех сочинений, так, например, — сейчас виолончельных сонат; не говори ни слова издателем немецким и лондонским, не то они дадут меньше, а это нежелательно... Можно оправдаться тем, что произведение написано на заказ».

Кабинет Бетховена в доме Пасквалати (рояль Бредвуда).

Музыкальный магазин в Paternostergasse, на вывеске которого красовалась надпись «Химическая типография», что, в переводе на современный нам язык, означает литография, — обычный местом свидания композиторов, виртуозов, литераторов и дилетантов, предпочитавших немецкую музыку итальянской, адепты которой собирались у другого выдающегося издателя венского, у Артариа. Хозяевами магазина были Штейнер и Хаслингер; первый с малолетства был здесь приказчиком, потом владельцем; лишенный потомства, он утешался значительными сбережениями и славою доброго, гуманного издателя, щедрого к бедным композиторам. Компаньон, а потом преемник его, Хаслингер, не внес в дело значительного капитала, но был очень энергичен и расчетлив, чему способствовали тощий кошелек его и многочисленная семья. Хаслингер сам сочинял и печатал пьесы с фантастическими программами и необыкновенными названиями, что не раз вызывало остроты и насмешки Бетховена.

— Да поможет вам дьявол настроичить еще что-либо, — повторял часто Бетховен.

— Почему вы не призываете помощи Божьей, а все взываете к дьяволу? — спросил однажды Хаслингер.

— Дорогой Тобиас, — ответил композитор, — отец учил меня никогда не путать этих двух существ и рассказал мне в детстве назидательный анекдот: некий итальянец ехал на лошади, которая все спотыкалась и падала на колени, а всадник все время твердил: «Да подымет тебя дьявол, да подымет тебя дьявол!» Встречный путник, видя мучения его, посоветовал итальянцу призвать помощь Божию, на что получил в ответ: «Я не так глуп и твердо помню слова Евангелия: да падут все ниц во имя Божие...»

В 1838 году Франц Лист так описывал Хаслингера: «Мой друг Тобиас немного толст, немного вял, но совсем не простоват; его круглое лицо, напоминающее Хуммеля, снабжено парюю маленьких, блестящих, серых, очень острых глаз, углы рта обнаруживают остроумие и добродушие; манеры его спокойны, тон речи сердечный...»

В сношениях с этой издательской фирмой, вывеска которой еще ныне красуется в центре Вены, Бетховен называл себя — генералиссимус (сокращенно: г-с), помещение магазина — генеральным или главным штабом, Штейнера — генерал-лейтенант (г-лл-т), а Хаслингера — генерал-адъютант или адъютант (а-т). У них же печатал он также свои забавные визитные карточки, с одной стороны которых была надпись: «пребываем, как всегда», на другой изображены два осла. Вероятно, безделье этого времени привело гениального композитора, воспевшего свободу, к проявлению не только крайне грубой шутки, но и модного тогда шовинизма: клавесин (Clavier), изобретенный в XVI веке и снабженный молоточками (Hammer) в 1711 году, он задумал называть немецким термином, придуманным им самим, но вскоре, конечно, отказался от этой затеи, хотя торжественно скреплял свои предписания такого нововведения собственноручной подписью, manu proprio (м. р.).

В письмах к Штейнеру и Хаслингеру встречаются разнообразные поручения: присылка книг и нот, передача пакета, размен золота на банковые билеты (б. б.), справки у филолога о заголовке к сонатам оп. 101 и оп. 106, исправление аранжировок Диабелли (Diabolum) и др.

Любезный Г-Л!

Мне кажется, в сонате есть еще несколько маленьких ошибок, а потому прошу прислать мне на несколько часов вместе с моей рукописью для просмотра, можете, если вам нужно, сейчас же получить обратно — спасибо за экземпляры, весь ваш Г-с

Л. в. Бетховен.

Баден, 6 сентября 1816.

Прилагаемое открытое письмо к г-ну д-ру Канка в Праге, но просят хранить глубокое молчание о содержании его и в особенности о бр. П. (хорошее испытание для лиц столь высокого г. ранга), генеральному штабу предлагается завтра же с почтой готовая уже в Вене расписка у г-на Г-лл-та, все в один конверт. Как обстоит дело с Trio? прошу скорее

прислать мне его; так как я останусь некоторое время здесь, то прошу меня уведомить; как только оно будет готово — послать одно эрцгерцогу из Вены. Уехал ли уже б-н Пасквалати в Милан, просят ответа. Ждут скорых известий из главн. штаба. Шлют поклон и вновь пошлют.

Итак, назначаю пока вторник, потому что в 2 праздничных дня вам будет неудобно. Во всяком случае, дам вам ответ. Что касается плотоядия, — не понимаю, прошу объяснить.

Ваш Contra F.

Патер-ностер переулоч должен удостоверить получение и в свою очередь дать знать, когда корректурные листы придут ко мне. В противном случае все бедствия падут на голову злодея подобно растопленному сургучу.

Б.

Г-дам Штейнер и Comp. Paternoster-переулоч.

Благороднейший, достойнейший удивления и почтения г-т.

Просим вас перевести по вчерашнему курсу 24 дуката золотом на б. б. и прислать нам их сегодня или завтра вечером, причем мы тотчас же добудем и вручим 24 дуката. Было бы лучше, если бы их принес ваш заслуженный адъютант, так как мне необходимо переговорить с ним. Он должен, как христианин, забыть всю неприязнь; мы признаем его заслуги и то, чего он не заслуживает. Словом, говоря короче, мы желаем его видеть. Для нас было бы самое лучшее сегодня вечером.

Удивительнейшего г-та преданнейший г-с.

Г-лл-т должен принять все меры к успеху молодого музыканта Боклета. — Податель сего виртуоз-скрипач. Надеемся, что к нашему письму отнесутся с должным вниманием, тем более, что мы с диким рвением величаем себя

вашим Г — сом.

Кстати, отмечаю следующее посвящение:

Соната для фортепиано, или Hammerclavier,
сочинено и
госпоже баронессе Доротее Эртман, урожденной Грауман
посвящена
Людвигом ван Бетховеном.

Если же заголовок уже готов, то предлагаю два способа: либо я заплачу за один заголовок, т. е. на мой счет, либо его поместить на другой моей новой сонате, которую выпустить на Божий свет, для чего откроются родники г-лл-та или лучше pleno titulo г-лл-та и первого статского советника. Заголовок необходимо показать сначала какому-нибудь знатоку языка. Hammerclavier — чисто немецкое выражение и во всяком случае немецкое изобретение; достойное — достойному. Почему я не получил отчета о несомненно происшедших экзекуциях? Как всегда ваш лучший

Amicus ad amicum de amico

О моем посвящении прошу вас хранить глубокое молчание, так как я этим хочу сделать сюрприз.

Адъютантик! Добрейший мальчишка!

Осмотри еще раз домик и сообщи мне! Статью о воспитании прошу тебя также возможно скорее доставить мне. Мне очень важно сравнить свои взгляды по этому поводу с чужими и достичь лучшего. Что касается адъютанта, то в деле его воспитания, вероятно, вскоре попаду на верный путь.

Твой Contra Fa. m. p.

Невинность адъютанта и больше ничего! Покорнейше просим прислать нам 2 экземпляра партитуры симфонии в А—. Кроме того, желательно знать, когда мы можем получить экземпляр сонаты для баронессы фон Эртман, потому что она, может быть, уедет отсюда и не позже как через два дня. В 3-х, относительно прилагаемой при сем записки от одного любителя музыки в Силезии, впрочем, небогатого; для него я уже велел списать партитуры. Он хочет иметь в своей библиотеке эти произведения Моцарта, но так как мой слуга от Бога награжден умом первого осла в мире (много чести), то я не могу поручить ему этого. Поэтому прошу вас послать к Трегу (с каким-нибудь мелким торгашом г-с не может вести компанию) и пусть вам сообщает стоймость каждого; пришлите мне все это вместе с 2 партитурами в А и ответом на мой вопрос относительно Эртман сегодня же, возможно скорее (*presto prestissimo*). — Обратите особенное внимание: в конце бурно. — В конце концов, советую вести себя так, чтобы не причинить ущерба моему здоровью

Л. ван Бетховен m. p.

Лучший г—с для добрых, сам сатана «злых».

Просят г-та прислать своего Diabolum, чтобы я мог дать ему разъяснения относительно битвы, переделанной вполне на турецкий лад. Многое должно быть изменено.

Его высокородию г-ну Хаслингеру, чрезвычайному посланнику при дворах Грабена и Патернoster-переулка.

Добрейший сподвижник печатного и граверного искусства! Будьте добрейшим добряком и прикажите сделать сто оттисков этой карточки. Я вознагражу вас дважды и трижды за всякую резбу и тиснение.

Прощайте, ваш Бетховен.

Если можете добыть на несколько дней поэтов Клопштока — — — Глейма — — конечно, в хорошем новейшем издании?! то можете или лучше сказать сделаете, лучше сказать достанете мне их на несколько дней.

Л. в. Б.

NB. Тобиасик пощипи у себя несколько перьев.

Относительно заголовка следует спросить филолога, как писать: Hammer или Hammer-Clavier, или же Hammer-Flugel? Таковое представить мне.

Л. в. Б.

Вместе с сим к нашему удовольствию пенал закрывается, о чем сообщаем приятную для неизменного Г-л-л-та весть. Что касается заголовка новой сонаты, то ничего больше не надо, как только переписать титул симфонии в А— из Венской М. Г. — Трудно исполнимая соната в А— мой милейший Г-л-л-т наверно вызовет удивление и изумление, трудность относительное понятие, что одному трудно, то другому легко и этим ничего не сказано, но Г-л-л-т должен понимать, что все трудное прекрасно, величественно, содержательно и т. д. вот этим все сказано, из чего каждый поймет, что это самая жирная похвала, какую только можно выразить, ибо трудность заставляет потеть. — Так как адъютант на днях опять высказал свои издательские и крамольные идеи, то сегодня же следует схватить его крепко за правое ухо и потрепать, дальнейшую экзекуцию оставляем за собою, чтобы совершить ее в нашем и нашего милейшего Г-л-л-та присутствии. Желаем нашему милому Г-л-л-ту всего наилучшего, а главное лучшего адъютанта

Бетховен.

Благороднейшему Г-л-л-ту фон Штейнеру в собственные руки.

Объявление.

Допросив и выслушав наших советников, мы решили и постановили, чтобы впредь на всех наших сочинениях, на которых заглавия сделаны по-немецки, заменить фортепиано словом Hammerclavier; за сим наш славный Г-л-л-т с адъютантом и все, кого это касается, тотчас же должны сделать исправления и в таком виде отпечатать.

Вместо Pianoforte — Hammerclavie, такая замена раз навсегда.

От г-са-м. р.

Дано 23 января 1817 г.

Генерал-лейтенант

вместе с сим получить обещанное для пения и фортепиано. Но лишь за 50 # золотом, каковы Г-т должен тотчас же внести в кассу Г-ба, хотя касса уже должна Г-ту 1300 фл., тем не менее касса настаивает, чтобы 50 # были уплачены сейчас же без вычетов — что касается упомянутого долга, то будут приняты меры к удовлетворению Г-та и ввиду его заслуг правительству будут оказаны еще кое-какие бенефиции. — Дьяболус в лице великого прохвоста доставит сие послание вместе с сердечным приветом Г-са Штейнерскому

Генерал-лейтенанту.

По случаю издания квартета F-moll op. 95, появившегося в печати 21 декабря 1816 года, автор посылает издателю Хаслингеру упрёки в небрежном печатании.

Решено было исправить ошибки во всех готовых экземплярах квартета... Тем не менее адъютант настолько недобросовестен, что продает их неисправленными. Я могу сегодня же наказать и отомстить за это. Видимо, с заголовком шутят, но я покажу себя и конечно не уступлю. Да будет известно, что если от захода солнца до восхода его завтра мне не представят доказательства преданности и ревностной службы адъютанта, то ему вторично грозит постыдное лишение должности, уже известное, хотя мы охотнее готовы проявить свое великодушие.

Отсутствие многих старых друзей, свидетелей былых триумфов, артистов-сподвижников и некогда щедрых меценатов, при всей неустойчивости нрава Бетховена, не прошло бесследно для него.

Вслед за пожаром дворца Разумовского исчез не только зал, в котором Бетховен часто слушал свои произведения, где впервые исполнялись многие его квартеты, где он с благодарностью выслушивал замечания и указания талантливых исполнителей, где чудное исполнение и любезность хозяев вызывали в нем восторженное настроение, облекавшееся в форму прелестных импровизаций; исчез, распался также самый квартет; 11 февраля 1816 года Шупанциг дал прощальный концерт, состоявший исключительно из произведений гениального друга своего, и переселился в Россию, что было значительным ударом для артистической деятельности и для частной жизни Бетховена. Упомянутый прощальный концерт Шупанцига ознаменовался событием, достопамятным в истории бетховенских произведений: вследствие существовавшего тогда обычая фортепианные сонаты не исполнялись в публичных концертах, и автор 32 прелестных композиций этого рода лишь один раз в жизни нашел в концертной программе титул своей сонаты; то было 11 февраля 1816 года, исполнялась соната op. 101, играл весьма талантливый виртуоз-дилетант Штейнер фон-Фельзбург, изучивший ее под руководством автора, с которым сблизился впоследствии, лет восемь спустя.

Двух приятелей, едва не ставших свояками его, графа Брунсвика и Глейхенштейна, судьба удалила навсегда из Вены; со Стефаном Брейнингом и с доктором Мальфати («хитрым итальянцем») он рассорился; Рис переселился в Лондон, князей Лихновского и Лобковича уже не было в живых. Доктор Вегелер давно уже не приезжал в Вену; композитор изредка посылает ему подарки, вроде богемских изделий или портрета своего (работы Летрона) и дает о себе краткие вести.

К Вегелеру.

Вена, 29 сентября 1816 г.

Пользуюсь случаем через И. Зимрока напомнить тебе о себе; надеюсь, ты получил мою гравюру и стакан богемского хрустала. Если попаду в Богемию еще раз, то привезу тебе еще что-нибудь в этом же роде. Прощай. Ты муж, отец; я — тоже, но без жены. Кланяюсь всем твоим — нашим.

Твой друг Л. в. Бетховен.

Цмескаль стал болеть; подагра и другие болезни держали его долгу в постели; графиня Эрдеди жила в своем имении, Иедлерзее, откуда осаждала своего друга приглашениями; летом 1817 года он посылает ей краткий о себе доклад, в котором бранит доктора Мальфати, того самого «хитрого итальянца», который не забыл оскорбительного обращения с ним пациента и через десять лет едва согласился уступить настойчивым просьбам умиравшего Бетховена навестить его.

К графине Эрдеди.

Уважаемая, страждущая подруга моя! достойнейшая графиня! Занятия мои складываются так бестолково, у меня столько забот и к тому же, с 6 октября 1816 года, я непрерывно болен; с 15 октября у меня сильный катар, пришлось долго пролежать в постели, и много месяцев прошло, пока мне разрешили выходить из дома. Последствия болезни до сих пор преследуют меня. Я менял врачей, так как мой врач, хитрый итальянец, руководился различными посторонними соображениями, был далеко не честен и не умен. Так было в апреле 1817 г. С 15 апреля до 4 мая я должен был принимать ежедневно по 6 порошков и по 6 чашек чая. Так продолжалось до 4 мая. Потом мне дали другие порошки, которые должен был я принимать тоже по 6 раз в день. Вместе с тем должен был натирать себя три раза в день летучею мазью и, наконец, приехал сюда, чтобы брать ванны. Вчера мне предписали новое лекарство, какую-то микстуру по 12 ложек в день. Со дня на день жду конца всем этим мучениям; хотя мне немного лучше, но, кажется, пройдет много времени, пока я совершенно поправлюсь.

Можете себе представить, как все это действует на меня! Слух мой стал еще хуже, и если прежде я не был способен заботиться о себе, то теперь,.. заботы возросли благодаря присутствию сына моего брата. Здесь у меня нет даже порядочной квартиры. Так как мне трудно самому заботиться о себе, постоянно обращаюсь то к одному, то к другому, и все недовольны мною, и я же служу добычей негодяев. Тысячу раз, милая, уважаемая подруга, вспоминал я вас, вспоминаю и теперь, но собственное горе придавило меня. К. передал мне письмо Линке, он у Шваба; я ему недавно писал, прося сообщить, что может стоить поездка к вам? Но не получил ответа. Так как у моего племянника каникулы с конца августа до конца октября, то я мог бы, если буду здоров, приехать к вам.

У нас, конечно, не было бы недостатка в помещении для занятий и в других удобствах жизни, и если бы я пожил немного между старыми друзьями, оставшимися у меня, несмотря на всю эту чертовщину, то, может быть, здоровье и веселое настроение мои вновь вернулись бы. Линке должен написать мне, как мне совершить это путешествие по дешевле; к сожалению, мои расходы так велики, а благодаря болезни, которая мешает мне писать, доходы мои очень малы; а того маленького капитала, который имеется у меня, благодаря моему покойному брату, я не смею трогать; так как жалованье мое становится все меньше и вскоре превратится в ничто, то я должен беречь капитал. Пишу вам откровенно, дражайшая графиня, чтобы вы поняли, что, несмотря на все, я, конечно, ничего от вас не приму; все дело только в том, чтобы с наименьшими расходами доехать до вас. Теперь все умы так настроены и нечему удивляться подруге моей.

Надеюсь, здоровье ваше лучше, чем я слышал об этом раньше. Да хранит Небо вас для детей ваших! Вы заслуживаете совершенного здоровья хотя бы только ради ваших близких. Прощайте, добрейшая, глубокоуважаемая графиня; с нетерпением ждет известий о вас

ваш истинный друг Бетховен.

На смену прежним друзьям появились новые, но старых, испытанных, разделявших горе и радость лучших дней они заметить не могли.

В 1814 году из Меде (близ Нейштадта, в округе Ольмюца) приехал в Вену сын кантора, Антон Шиндлер, для изучения юридических наук и занятий музыкою. Вскоре по приезде молодой человек, вместе с некоторыми другими студентами, был арестован; полиция, принявшая его за карбонария, убедившись в недостаточности улики, освободила его, а Бетховен, не раз громко бранивший полицию за ошибки ее, грубость и произвол, узнав о приключении юного скрипача, которого он уже встречал в обществе музыкантов, просил его рассказать подробно о своем аресте. В ресторане «Цветущая ветвь», где часто композитор проводил вечера среди приятелей, где посетители слушали его либеральные речи, и где памятные книжки его испещрялись новыми линиями и точками, Шиндлер стал появляться все чаще, и все чаще стал Бетховен возлагать на него различные поручения.

Будущий биограф великого музыканта до последнего дня его жизни был неразлучен с ним; установившиеся между ними отношения дали право ему напечатать на визитной карточке своей — «друг Бетховена», что вызвало сенсацию среди музыкантов, когда, в 1840 году, он приехал в Париж, где собрал обстоятельные сведения об успехе произведений Бетховена и вообще об отношениях к нему публики, критики и артистов; этот громкий титул стоил Шиндлеру немало хлопот и неприятностей; велико было терпение и добродушие того, кто около десяти лет переносил безропотно грубые, порою оскорбительные выходки старого музыканта.

Непрерывно возрастающая глухота делала композитора все более нелюдимым и менее склонным к заключению новых уз дружбы, поэтому отсутствие старых друзей ощущалось им глубже; из представительниц прекрасного пола более верными и близкими остались ему Штрейхер, разделявшая заботы его по хозяйству, и Эртманн, игра которой на рояле доставляла ему высшее наслаждение.

Баронесса Эртманн, урожденная Грауман, в совершенстве играла произведения Бетховена, за что ей посвящена соната ор. 101, часто исполнявшаяся ею у Черни; муж ее служил в полку, находившемся в С.-Пельтене, в 60-ти верстах от Вены. Отсылая ей вышедший из печати экземпляр сонаты ор. 101 для «Hammerclavier», автор пишет:

К баронессе Доротее фон Эртманн

23 февр. 1817 г.

Уважаемая и любезная Доротея-Цецилия!

Вы много раз отворачивались от меня; вероятно, я казался вам противным. Все зависело от обстоятельств, особенно в прежние времена, когда мои произведения менее нравились всем, чем теперь. Вы слышали о приемах непризнанных апостолов, прибегавших к содействию иных средств, а не евангелия; я не хотел бы быть причислен к ним. Примите же то, что давно вам предназначалось, и что послужит доказательством моего уважения к вам и вашему таланту. Я не мог слы-

шать вашу игру недавно у Ч., потому что вновь подвергся приступам болезни, которая, кажется, собирается оставить меня в покое.

Надеюсь вскоре услышать о вас. Каково в С.-Пельтене и помните ли еще вашего поклонника и друга

Л. ван Бетховена.

Всего лучшего вашему уважаемому мужу и супругу.

Вскоре после того, узнав о смерти нежно любимого сына баронессы, Бетховен явился к ней и, не будучи в состоянии словами выразить свое сочувствие материнскому горю, сел за рояль; грустные, мрачные звуки *adagio* передали ей то, что испытывал композитор. Окончив импровизацию, со слезами на глазах, он поцеловал руку г-жи Эртманн и ушел, не произнеся ни слова.

В таком состоянии Бетховен записал на страницах своей памятной книжки:

«О Боже! Мое убежище, моя ограда, моя охрана! Ты читаешь в глубине души моей, ты знаешь страдания, испытываемые мною, когда я причиняю зло тем, кто хочет отнять у меня Карла, мое сокровище! Выслушай меня, существо, которого я не умею назвать; услышь горячую молитву несчастнейшего из смертных, самого обездоленного из твоих творений».

Эти строки вписаны в 1818 году; тогда же написано *adagio* сонаты *op.* 106, где те же слова звучат еще смелее, внушительнее, те же чувства выражены еще сильнее, неотразимее.

ГЛАВА XIII

1818 — 1819

Племянник Карл. — Пансион дель Рио, Кудлиха и Блехлингера. — Процесс с матерью Карла. — Эрцгерцог Рудольф. — Поклонники и посетители Бетховена. — Художники, поэты, композиторы и издатели.

В сношениях с матерью Карла композитор был упрям и не склонен, но, не теряя надежды совершенно избавиться от ее участия в деле опеки, делал уступки ее затеям, когда они не вызвали ущерба наследственным правам мальчика и упрощали денежные расчеты с матерью его; так, например, в письме к ней он выражает согласие на продажу дома, что должно было принести выгоду вдове, но обуславливает гарантию причитающихся Карлу 7.000 флоринов.

К г-же Иоганне ван Бетховен.

Что касается меня, то даю вам свое полное согласие включить 7.000 фл., причитающихся вашему сыну, в стоимость продаваемого вами дома. Нам нужно только заявить об этом согласии почтенному окружному суду, т. е. что мы дадим теперешнему покупателю полное ручательство в том, что в течение 3 или 4 лет не станем взыскивать капитала в 7.000 фл.

Я в этом не вижу ничего дурного или убыточного для вашего сына Карла и потому ничуть не сомневаюсь в том, что почтенный высокий опекунский совет разрешит вам это.

Словом, я ничего не имею против этого; надеюсь и желаю, чтобы высокий опекунский совет разделил мой взгляд на это.

Людвиг ван Бетховен,
опекун моего племянника. Карла ван Бетховена.

Вена 29 марта 1818 г.

Чем более подрастал племянник, тем более проявлял свой злой нрав, лживость, распущенность, бездарность, порочные наклонности, порою возмущавшие даже композитора, все еще желавшего видеть в нем благонаправленного и талантливого юношу. В конце 1818 года он даже сбежал от дяди на несколько дней и скрывался где-то, объясняя такой поступок впоследствии тем, что дядя наказывал его, а раз даже пригрозил удавить его. Исчезновение Карла поразило композитора; взволнованный прибежал он к дель Рио и все повторял:

— Что делать?.. Как быть?.. Где его найти?.. Скажите, помогите!.. Я жду совета вашего... Да, он убежал, — кричал Бетховен, — потому что ему стыдно показаться мне на глаза!.. ему стыдно...

По возвращении мальчика его вновь отдали в пансион дель Рио, но спустя несколько недель дядя опять взял его к себе, под предлогом недостаточного отопления комнаты Карла в пансионе. Однако «Королева Ночи» протестовала против постоянного пребывания мальчика в доме дяди, и по требованию магистрата Карл отдан 29 марта 1819 в пансион Кудлиха (на Ландштрассе), насаждавшего дяде много лестного о племяннике и обещававшего в два года закончить воспитание его; тем не менее лживость этих речей вскоре обнаружилась, и 22 июня Карл переведен в пансион Блехлингера, ученика Песталоцци, несмотря на значительную ежемесячную плату в 100 флоринов.

В последних письмах к дель Рио композитор старается быть любезным, но, в то же время, в письмах его к другим лицам заметно недовольство содержанием пансиона и семьей его, которых он подозревал в потворстве замыслам матери.

Г-ну Джиннаттазио дель Рио, директору пансиона в Вене.

Прошу вас **справиться, когда поступил Карл в ваш пансион. Эта** квитанция, вероятно, поможет вам. Не знаю ни числа, ни года. Если память не изменяет мне, то вы приняли Карла в феврале 1816 г. Прошу вас прислать мне эту справку сегодня или завтра, так как она мне необходима. **Никогда не думал я, что придется давать отчет в своем великодушии; поэтому я и не думал сохранять всяких квитанций. От меня требуют этот документ, вероятно, ввиду процесса с матерью Карла.**

С почтением, ваш друг Бетховен.

6-го января 1818 года.

Р. Р. Во избежание недоразумений, **честь имею заявить вам, что к сожалению решение мое остается неизменным и в конце этого месяца племянник оставит ваш прекрасный пансион. Что касается вашего другого предложения, то и здесь мои руки связаны, потому что пришлось бы пренебречь некоторыми интересами моего племянника. Но я очень благодарен за ваше доброе намерение. Обстоятельства могут заставить взять Карла ранее конца этого месяца и так как меня, вероятно, здесь не будет, то поручу это другому лицу. Предупреждаю вас об этом, чтобы вы не подумали чего-нибудь особенного; во всяком случае, племянник и я будем всю жизнь вам благодарны. В Карле я уже заметил это и потому убежден в том, что хотя он легкомыслен, но в нем нет злобы и, во всяком случае, сердце у него доброе. Надеюсь найти в нем все достоинства, так как почти два года он находился под вашим руководством.**

С истинно глубоким почтением ваш друг Л. в. Бетховен.

Вена, 24-го января 1818 г.

Р. Р. Я не приду сам, потому что это будет похоже на прощание, а я стараюсь всегда избегать этого. Примите же нелицемерную признательность за заботливость, корректность и искренность, с какими вы относились к воспитанию моего племянника. — Как только поправлюсь немного, навещу вас. Во всяком случае, имея в виду отношения к матери, я хотел бы, чтобы не очень трубили о том, что племянник находится теперь у меня.

Шлю поклон вам всем и, кроме того, благодарность г-же А. Д. за ее материнские заботы о моем племяннике.

С истинным почтением Л. в. Бетховен.

Из писем к Блехлингеру видно, что условия жизни и отношение директора пансиона к Карлу так же мало удовлетворяли композитора, как пребывание племянника у дель Рио; посылая Блехлингеру 85 флоринов венской валютой, он в резких и категорических выражениях сообщает ему свои требования.

К Блехлингеру, с вложением 85 фл. в. в.

Медлинг, 14 сен. 1819 г.

Милостивый государь!

Имею честь прислать вам следующее за будущий месяц, считая от 22 сент.; прилагаю при сем еще 10 фл. на непредвиденные расходы, которые будьте так добры включить в счет мне 22 октября. — Только следующие лица имеют свободный доступ к моему племяннику. Г-н ф. Бернгард, г-н ф. Олива, г-н докладчик ф. Пиусс. — Кроме того, всем тем, кому надо видеть моего племянника, я буду выдавать для вашего сведения письменные удостоверения. Будьте добры пропускать их к нему, потому что к вам очень далеко, и если кто-либо так поступает, то этим оказывает мне во всяком случае любезность, как, напр., г-н механик и т. п.

Мой племянник не должен выходить из дома без моего письменного на это разрешения. — Отсюда понятны отношения к матери. Я настаиваю на том, чтобы самым строгим образом следовали в этом деле требованиям начальства и моим. Как ни милы ваши достоинства, но в этом деле, м. г., вы еще не опытны, чтобы действовать самостоятельно, что и доказали. Легкомысленность в этом случае только вызывает недоразумения, а результаты говорят скорее против, чем за вас, а этого я не желал бы ради вашего же достоинства. — Я слышал, что моему племяннику что-то нужно или он чего-то хочет от меня, — в таких случаях он должен обращаться прямо ко мне. Вы же будьте добры только доставлять его письма к Штейнеру и К', в Штейнеровский магазин художественных изделий; на Graben'e, в переулке Патерностер.

Преданный вам Л. в. Бетховен, единственный опекун моего племянника К. в. Бетховена.

NB. Расходы на это будут всякий раз оплачены.

Милостивый государь!

Теперь мне понятно, что Карла почти невозможно ввести в хорошее общество, где он мог бы прилично повеселиться.

Это наводит на подозрение, что он вечера или даже ночи проводит в веселом, но уж конечно не в хорошем обществе — а потому прошу вас следить за этим и ни под каким видом не выпускать Карла по ночам из дома, если у вас на это не будет от меня письменного указания. Однажды он был с моего согласия у г-на надворного советника Брейнинга; прося вас позаботиться об этом деле, каковое не может быть безразлично ни вам, ни мне, советую еще раз быть как можно более внимательным.

Милостивый государь ваш покорнейший Бетховен.

Не ограничиваясь наставлениями и наказаниями Блехлингеру, композитор сам следил за исполнением своих требований и для удобства взял себе квартиру по соседству с пансионом, в той же части города, называемой Iosephstadt, ныне выступающей на Ringstrasse чудным фасадом ратуши. Блехлингер, конечно, был

невысокого мнения о Карле и не скрывал этого от дяди, что еще более раздражало последнего. В разговорной тетради композитора встречаются такие строки, вписанные директором пансиона:

«Ленив, безучастен к увещаниям и наставлениям, а главное, каждое его слово — ложь... **Мать его просто... и сын**, кажется, начинает походить на нее: **что ни слово, то — ложь**. Лень ведет его ко всяким порокам, приходится наказывать его. Я указал ему нынешнее положение ее и напомнил об ее тюремном заключении, чтобы объяснить порочность ее. **Если не направить мальчика на путь истины, то он совершенно испортится**».

Поведение Карла в значительной мере содействовало энергии матери его в стремлении устранить опеку дяди и получить все опекунские права над мальчиком. 21 сентября 1818 года она просит опекунский суд об отдаче сына в казенный пансион, где она надеялась иметь более частые свидания с сыном, нежели у Блехлингера. Вследствие этой просьбы суд затребовал от Бетховена предварительно сведения об успехах и поведении мальчика, после чего просьба матери не была уважена; тогда она просит суд (9 декабря) устранить дядю от опеки или запретить ему предполагаемое отправление племянника за границу, так как видит в этом значительный ущерб для сына. Суд вновь вызывает (9 января 1810 г.) Бетховена для объяснений и вновь ограничивается ими к великому огорчению и озлоблению матери, которая, наконец, заявляет, что дело ее подсудно магистрату, а не опекунскому суду, ведающему дела духовенства и дворянства, к каковым Бетховен не причастен. Композитор принужден был признаться в суде, что у него нет документов, подтверждающих его дворянское происхождение, а голландская приставка van не представляет достаточного основания к тому.

И вот наш композитор, дороживший этими тремя буквами и причисленный к мещанству, о чем сообщили публике все газеты, пишет в дневнике своем:

«Приставка van означает благородство и дворянство только тогда, когда стоит между двумя собственными именами, например: Бенгик ван Диперхейм и т. п... Следует запросить в Голландии объяснения этого казалось бы столь ничтожного и в то же время столь важного обстоятельства... Тут какое-то недоразумение: нет сомнения в том, что я, по роду занятий, не принадлежу к этой черни... Людей высшего ранга не следует смешивать с простыми бюргерами, однако меня смешали с ними; суд с самого начала был пристрастен и обрушился на меня; все показания против нее оставлены без последствий».

Вероятно, к этому же времени относятся вопросительные и восклицательные знаки и подчеркивания в произведениях Шекспира, которые он любил перечитывать; следующие места с пометками Бетховена, видимо, вызвали в нем воспоминание о Карле: в «Венецианском купце» (2 д., 3 сцена) слова Джессики: «Только по крови я дочь его, а не по чувствам»; в «Отелло» (1 д., 2 сцена) слова Бранцио: «О лучше бы хотел я приемыша иметь, чем дочь родную».

В разговорной тетради находим беседу Бетховена с Петерсом, управляющим делами кн. Лобковича:

Петерс. — Вы сегодня так же расстроены, как и я.

Б. — Бюргер должен быть исключен из высшего общества, а меня считают еще ниже.

П. — Через три недели вы не будете иметь дела ни с бюргерами, ни с магистратом. Обратятся к вам же за помощью и сделают вам любезное предложение подать апелляцию.

Б. — Если это случится, то я предпочту покинуть подобную страну. Они не найдут ни опекуна, ни дяди, равного мне.

В этой новой стадии дело приняло неблагоприятный для Бетховена оборот; напрасно он патетически подымал руку ко лбу и к сердцу, указывая судьям источник своего благородства; напрасно намекал на распутство Иоганны, будто бы прижившей от кого-то второго сына; напрасно обращался к протекции эрцгерцога Рудольфа; напрасно отрицал он упреки противной стороны в атеизме, уверял, что сам водил Карла для исповеди к настоятелю церкви св. Михаила, но «исповедь не поможет мальчику, пока он не прекратит свиданий с матерью»; напрасно отказал он грубоватому Адлерсбургу и взял молодого адвоката Баха. Мать действовала настолько успешно, что едва не достигла даже права взять сына к себе; летом 1810 года соопекуну Тушер и Пиус, согласно просьбе их, были устранены; 17 сентября, вследствие отъезда Бетховена из Вены, назначен временным опекуном Нусбек; 30 октября, 4 ноября и 20 декабря композитор просил о восстановлении своих прав, а в начале 1820 года, получив отказ магистрата, подал апелляционную жалобу, вызвавшую восстановление его прав и устранение опеки матери.

Нижеприводимые документы, тяжеловесно, безграмотно и порою туманно изложенные, дают немало подробностей этого долгого процесса.

Имп.-Кор. Венг.-Австр. Областному Суду.

Когда была мне прислана повестка имп.-кор. в.-а. суда от 22 сего месяца в мое нынешнее местопребывание Медлинг, то я по делам своим находился в Вене и не мог, таким образом, явиться в назначенный срок; потому излагаю письменное мое объяснение, каковое сим представляю и.-к. в.-а. суду.

Мать опекаемого мною совершенно и строжайше устраненная и.-к. а.-в. судом, вследствие своей нравственной неспособности от его воспитания после нескольких неудачных попыток воспрепятствовать своим вмешательством выполнению начертанного и преследуемого мною плана воспитания вновь позволила себе сделать шаг, который я как единственный законный опекун моего племянника Карла ван Бетховена никоим образом допустить не могу.

Для достижения своих целей она прибегает к средствам, которые уже сами по себе явствуют о низменности ее инстинктов; так, она уверяет, что моя глухота, как она это называет, и бедственное состояние отражаются на воспитании моего племянника.

Что касается пункта первого, то всем, кто меня ближе знает, хорошо известно, что разговоры с моим племянником и другими лицами ведутся мною самым обыкновенным образом и что это не может служить препятствием. Здоровье же мое никогда не было лучше, чем в настоящее время, а потому и с этой стороны нет препятствия, вследствие которого воспитание моего племянника подвергалось бы опасности. Теперь после двухлетнего пребывания в институте господина Джианнатаззио, где он воспитывался исключительно на мой счет, я его взял к себе, чтобы самому определить точно, к чему у него больше склонностей, к музыке или наукам.

Здесь, под моим надзором, он имел полную возможность проявить свой талант к музыке, каковой я сам обучал его по три с половиной часа, в то же время занимаясь и своими науками.

Я убедился, что у него больше склонностей к наукам. Что он в течение всего лета у меня на даче продолжал также усердно заниматься своими науками, как и в Вене, тому служат наилучшим доказательством его отметки, прилагаемые при сем под лит. А, каковые я прошу мне возвратить. Что же касается желанія матери поместить его в интернат, то я должен протестовать против этого намерения самым решительным образом ввиду нижеследующего:

1. Остались в силе те обстоятельства, которые постановлением суда устранили мать не только от опеки, но и от всякого влияния на воспитание и обстановку жизни опекаемого.

2. Не будет ли постановление суда нарушено именно тем, что помещая опекаемого в интернат не будут соблюдены ею известные ограничения, предписанные этой матери, причем может легко случиться, что она выпросит себе мальчика и возьмет его к себе домой.

Подобного рода посещения бывали даже у меня, причем она подкупала прислугу и склоняла мальчика ко лжи и хитрости, несмотря на то, что ей не было запрещено посещать своего сына и беседовать с ним, когда то было возможно и когда она того желала, но в моем присутствии.

3. Что мать опекаемого мною делала такие тайные попытки во время его пребывания в институте и что ее общение с опекаемым директор института признал в высшей степени для него вредным, доказательством тому служат в достаточной степени приложения под лит. В и С.

4. С того времени, как и.-к. областной суд предоставил мне исключительное право опекуна над моим племянником, я сам плачу все расходы по его воспитанию из моих личных средств (ибо недавно лишь получил в виде небольшого обеспечения доход матери, каковой в этом отношении не может быть принят в расчет), но и неустанно прилагал все заботы и труды, чтобы предоставить ему все, что необходимо, чтобы стать хорошим и полезным гражданином, избирая наилучших учителей, чего даже любящий отец не сделал бы для своего родного сына в лучшем виде. При этом я не ожидаю благодарности матери, но надеюсь заслужить одобрение со стороны высокого опекунского совета.

5. План будущего высшего образования моего племянника уже давно намечен и выполняется согласно этой программе. А потому могущие произойти вследствие разности взглядов внезапные изменения в образе воспитания произвели бы лишь нежелательную и вредную для дела задержку.

Во всяком случае, позволю себе впредь делать и.-к. в.-а. суду подобающие доклады о каждом предполагаемом мною изменении в воспитании моего племянника, чтобы в полном согласии с оным достичь полезнейшего, в каком-либо отношении необходимо, во избежании могущих произойти задержек и препятствий, устранить мать мальчика от всякого влияния, как это предписано для подобных случаев не только § 191 свода гражд. законов — несомненно весьма мудрого постановления — но и в виду того, что влияние ее неуместно на мальчика в более старшем возрасте, а ее нравственные и личные качества неуместны в деле воспитания мужчины.

Таким образом г-жа Иоганна в. Бетховен решением суда признана нравственно неспособной к воспитанию и общению со своим сыном и исключена согласно постановлению и.-к. в.-а. областного суда от 19 января 1816 года, коим мне исключительно как единственному опекуну предоставлено воспитание моего племянника, а почему, повторяю, она решилась выступить как опекунша своего несовершеннолетнего сына, мне до некоторой степени понятно ввиду ее во всех отношениях дерзкого поведения.

Людвиг ван Бетховен, в качестве опекуна моего племянника Карла ван Бетховена.

Вена, 25 сентября 1818.

15-го декабря 1818.

В и.-к. сев.-ав. суд

Сначала я полагал лишним подробное изложение дела и.-к. в.-а. суду, но вследствие новых обстоятельств, каковые, в чем я все больше убеждаюсь, подстроены известными махинациями для того, чтобы разлучить меня с опекаемым мною, нахожу нужным подробнее изложить свои действия. Все известные нравственные качества мои порукой в том, что я лишь стремлюсь к высшей справедливости, прилагаемые при сем документы вполне подтверждают это.

Приложение под лит. А содержит требуемые школьные отметки об его успехах и поведении и были бы по некоторым научным предметам, может быть, еще лучше, если бы не препятствовало тому постоянное вмешательство матери.

В бумагах своих я нашел теперь двух писем прислуги. Содержания их — жалкие, раздутые, мужицкие сплетни, как наприм.: будто опекаемый мною чуть не оборвал звонка у привратницы, загнал каплуна между дров, где он задохся, присвоил при одной покупке 30 кр., каковые потом истратил на свои лакомства, ругал прислугу и т. п.

Так как письма эти получены мною в тот день, когда племянник мой должен был покинуть мой дом и имели целью вызвать ему выговор, то и видно, с каким умыслом они написаны или даже, может быть, продиктованы, а именно с целью служить предлогом к его удалению. Как могла решиться прислуга вступить в переписку с посторонними лицами высшего сословия о поведении моего племянника.

Приложение лит. В указывает на ничтожные взносы из пенсии матери опекаемого мною на воспитание его, а также все расходы, которые я производил с тою же целью из своих средств. Из этого ясно, что было бы невозможно обеспечить его существование, дать ему необходимое образование, если бы я не приносил добровольно столь значительных жертв. Приложение лит. С содержит два письма ко мне г-на Джианнатасио дель Рио, директора пансиона, в котором опекаемый мною находился раньше. Они в достаточной степени удостоверяют насколько вмешательство матери вредно отразилось на деле воспитания опекаемого мною, что признается им в виду уже известных обстоятельств и не требует нового подтверждения.

Помимо весьма значительных расходов на пансион, я тратил, согласно прилагаемым документам, из своих же средств на адвоката и поверенного моего племянника на поездку по его же делу в гор. Рец на мой же счет, платил отдельно учителям за преподавание наук и музыки и кроме того еще непредвиденные расходы, каковые было бы утомительно перечислять здесь, а также немалые расходы по благополучно произведенной над моим племянником операции грыжи.

В сравнении с этим сумма взноса половины пенсии матери была крайне незначительна и к тому же таковую получал я сначала очень поздно, а в настоящее время уже полгода совершенно не получаю ее.

Вот все касательно экономической стороны моей опеки, что же касается научного и нравственного воспитания опекаемого мною, то я прежде всего старался словом и примером направлять к тому, чтобы из него сделать хорошего человека и полезного гражданина, дать ему возможность приобрести необходимые познания.

С этой целью я отдал его сначала в институт г-на Джианнатасио дель Рио, который однако впоследствии не удовлетворял моим требованиям для достижения намеченной цели. Поэтому прошлым летом я взял опекаемого мною к себе в дом под надзор взятого на мой счет

опытного учителя и так как наступила пора выяснить будущую специальность его, то я взял его к себе на дачу, чтобы удостовериться, насколько под моим личным руководством разовьются его музыкальные способности не в ущерб его научным занятиям, что доказывают отметки, ибо и тут я держал учителя. Хотя у него оказались немалые способности к ней, но его наклонности больше лежали к наукам и с этого момента я стараюсь дать ему школьное образование.

Возвратившись в город, я тотчас определил его в школу, а на дом взял частных учителей, как бы в помощь школьным занятиям, а также для музыки, французского и рисования. После последнего печального перерыва, вызванного матерью, я тотчас отдал его в известный пансион Джианнатасио.

После признания своей вины, раскаяния и просьбы остаться у меня, он ныне находится вновь у меня и под руководством взятого мною опытного учителя, который сопровождает его в школу и из школы и дома постоянно занимается с ним под общим нашим наблюдением, причем я не останавливаюсь перед значительными расходами в 600 фл. ежегодно, не считая остальных расходов на этого учителя.

Гг. профессорам и начальникам своим он впрочем зарекомендовал себя наилучшим образом, и в школе за ним установлен особый надзор. Более этого даже самый заботливый отец не может сделать для своего ребенка.

Итак, я буду впредь преодолевать все препятствия, какие могут быть поставлены мне на пути, именно лишь ради блага опекаемого мною и в память просьбы моего покойного брата, а также ввиду обязанностей, которые возложены на меня законным правом опеки, родством и человеческим чувством, причем я готов ежеминутно ввиду чистоты моих намерений и доброй воли отдать точнейший отчет и.к. сев. областному суду, как высшему опекунскому учреждению.

Людвиг ван Бетховен.

Опекун моего племянника Карла ван Бетховена.

Вена, 15 декабря 1818.

Венскому магистрату.

Вена, 1 февр. 1819 г.

Почтеннейший магистрат!

Так как мне придется говорить о будущем воспитании, то мне кажется наиболее целесообразным начать с ныне существующего, из чего выяснится, что всякое изменение может послужить только во вред моему племяннику, что при нем находится гувернер, который всюду сопровождает его, это уже указано, но чтобы сильнее возбудить его рвение я заставляю его еще заниматься у г. фон Кудлиха, директора одного института, поблизости от меня на Landstrasse, куда он ходит в сопровождении своего гувернера, там он знает лишь с мальчиком, сыном барона Ланга, и находится под постоянным надзором, при этом значительную пользу приносит ему еще то обстоятельство, что г. ф. Кудлих преподает и следует основной методе, принятой в университете, каковая всеми знатоками и мною признается за наилучшую и каковую применяет не каждый воспитатель, вследствие чего иногда на экзаменах с воспитанником случаются различные недоразумения; к сему еще надо прибавить особые уроки французского языка, рисования и музыки и таким образом он не только занят в течение целого дня полезным и приятным, но находится также под постоянным и необходимым надзором, помимо всего этого я нашел ему духовного отца, который его просвещает еще насчет его обязанностей как христианина и человека, ибо только на этой почве могут расти истинные люди, впоследствии к

лету он уже начнет заниматься греческим, кажется все это убеждает в том, что я не жалею средств, преследуя намеченную цель, создать для государства полезного и благонравного гражданина, для достижения чего нынешняя обстановка не оставляет желать ничего лучшего. Потому никакого изменения не требуется, если же замечу необходимость в том, то исправлю и самым добросовестным образом предострашу и устранию — каждый человек, не желающий стать ремесленником, чем бы он ни был, должен пройти по крайней мере 5-6 курсов и за это время можно проследить к чему у него проявятся наклонности и способности, если ему предстоит стать чиновником или ученым, то основание не может быть положено иным способом, исключительные способности и отчасти опять же особенности его натуры требуют также исключительных средств и никогда я не совершал более благородного и лучшего поступка, как взяв моего племянника к себе и лично занявшись его воспитанием, раз (:по Плутарху:) Филипп не считал недостойным себя самолично заняться воспитанием своего сына Александра и дать ему в учителя великого Аристотеля, находя обыкновенных учителей неспособными к этому и если Лаудон сам руководил воспитанием сына своего, то почему подобн. славные и великие люди не могут выйти также из других. Мой племянник еще при жизни отца своего был им же предоставлен мне и признаюсь я более, чем кто-либо, чувствую в себе призвание одним лишь моим наглядным примером внушить моему племяннику основы нравственности и трудоспособности, в интернатах и пансионах надзор за ним недостаточен и все ученые, в том числе профессор Штейн, профессор (:педагогика:) Зимердингер, соглашаются со мной, что ему безусловно неуместно там оставаться, они даже утверждают, что большинство молодежи выходит оттуда испорченными, даже многие входили туда нравственными, а выходили испорченными, к сожалению я вынужден присоединиться к такому взгляду и опыту этих мужей и многих родителей; если бы мать сумела преодолеть свою злобу и дала бы возможность спокойно развиться моим планам, то мы имели бы теперь более благоприятные результаты, как следствие моих предыдущих распоряжений, если же такого типа мать желает втянуть свое дитя в пучину своей пошлой и даже предосудительной жизни, склоняет его в столь нежном возрасте к обману (:это чума для детей!!!:), к подкупу моей прислуги, соблазняет к неправде, высмеивая его когда он говорит правду, даже сама снабжает его деньгами, чтобы возбудить в нем похоть и жадность, каковые опасны для него и внушаются ему у меня и у других как большие пороки, тогда эта и без того трудная задача становится еще труднее и опаснее, но из этого не следует заключать, что она вела себя иначе, когда мой племянник был в пансионе, но и этому поставлена новая преграда, кроме гувернера в мой дом войдет женщина из общества, которая будет вести хозяйство и которую ей никоим образом не удастся подкупить, тайные свидания матери с сыном всегда влекут за собою дурные последствия, однако только этого она и добивается, потому что он кажется чувствует себя хуже всего в обществе действительно благовоспитанных и благонравных людей. — На меня взвели столько унижительных обвинений и такие люди, что я об этом вовсе и говорить не хотел бы, потому что моя нравственность признана не только всеми и публично, но даже лучшие писатели как Вейсенбах и т. п. не пожалели труда писать об этом и лишь пристрастие может приписать мне что-либо столь унижительное, несмотря на это я считаю долгом кое-что разъяснить — что касается имущества моего племянника, то ему принадлежит 7.000 флорин. в. в. из суммы полученной от продажи дома его матери, процентами с коих пользуется мать, кроме того он имеет 2.200 фл. в. в. в кредитных билетах и половину пенсии матери, что касается 2.200 фл. в. в., то это были лишь 2.000 фл. в. в., каковые я однако с процентами (: как указано в лит. W:) обменял на 2.200 фл. кредитными бумагами; как половинная часть пенсии, так и

2.200 фл. не могут быть приняты за 4-ю долю от продажи дома и за 4-ую долю доходов с него, которых он никогда не получал; до сих пор мать единолично пользовалась домом, которым она владела с ноября 1815 г. по 1818 г. и 7-8 месяцев сверх того, хотя сыну все время принадлежала 4-я доля с доходов; как из этого видно, соглашение не было для него особенно выгодным и если мать умрет или выйдет замуж, то он лишается своей доли пенсии. Но ничего нельзя было сделать с людьми, непорядочность которых видна из лит. W инвентаря и надо еще радоваться, что хоть это спасли для ребенка, в то же время я стремился к спасению его души, т. е. удалить его от влияния матери, земные блага могут быть приобретены, нравственность же (:в особенности, если ребенок имел несчастье кормиться таким молоком матери, несколько лет даже жил под ее присмотром и был использован ею таким образом, что должен был заодно с нею обманывать отца:!) — должна быть прививаема и несмотря на все он получит все же наследство и даже теперь уже я оставил бы ему столько, что он без лишений мог бы продолжать свои занятия до поступления на службу, нужен только покой и никаких дальнейших вмешательств со стороны матери, вот все, что надо и вскоре без сомнения будет достигнута прекрасная предначертанная мною цель. — В виду того, что уже речь шла о том, что я уже получил, то это нетрудно подсчитать, в мае 1817 состоялось соглашение, в октябре месяце 1817 г. были выплачены долги из пенсии матери, она однако платить не хотела и мне пришлось принудить ее к этому судом, счет этого находится также в бумагах Обл. Суда и только незначительная часть осталась. 19 мая 1818 г. я получил впервые часть пенсии и также в феврале 1818 впервые проценты с кредитных облигаций, а теперь в течение целых шести месяцев я не получил ни гроша из пенсии, так как таковую я не брал как и раньше, потому что могу получить ее только после нее, из чего видно, что мой племянник все же не терпит никаких лишений, благодаря моим заботам о его образовании. Не надо также забывать, что многие графы и бароны не пренебрегли бы этими учебными заведениями; существуют дворяне, которые не позволяют себе такую роскошь да и не могут себе ее позволить, я совсем не рассчитываю на этот небольшой доход, мое прежнее намерение было выплатить ей всю пенсию из моего кармана, но ее безнравственность, ее дурное обращение со своим собственным ребенком и со мною привели меня к мысли, что это было бы новым средством усугубить еще ее извращенные чувства. Из завещания моего бедного брата, ставшего несчастным (: из-за нее:) видно, как высоко он ценил благодеяния, оказанные мною ему и как много он мне благодарен за них — ныне я перенес их на его сына, тотчас после его кончины, последовавшей 15 ноября 1815 г., я уже заботился о нем во время пребывания его у своей матери, на что я делал уже значительные затраты и как скоро он перешел в пансион, а затем ко мне, его воспитание вполне оплачивалось моими средствами почти до 1818, какую выгоду имел бы я от жалкой суммы указанной в приложении, какой расчет мне может быть, кроме того, который я имел также в отношении к брату моему — благодеяние и двойное сознание оказать добро и воспитать для отечества достойного гражданина. Что касается упреков опеки, то из завещания видно, что мой брат желал иметь меня единственным опекуном, приписка, — в предсмертном бреде заставили его написать ее и я готов вместе с одной женщиной присягою удостоверить, что он меня неоднократно посылал в город, чтобы отобрать таковую у д-ра Шенауера, д-р Адлерсберг, который согласно решению об. с. назначен соопекуном, — так как он не доверял первому, не задумался признать эти обстоятельства юридически вполне достаточными, хотя не было законного числа свидетелей, они же выставляют препятствием приписку, хотя законы вообще лишают мать права опеки, вследствие чего она согласно решению об. с. лишается всего, что имеет влияние и общение, если отменить

это, то мальчику будет угрожать вновь большая опасность и что касается матери, то ее уж немислимо исправить, она слишком испорчена, скорее мой племянник, это нежное растение легко может погибнуть от ее ядовитого дыхания и было бы большим риском поставить его в такие условия жизни, столько интриг и клеветы могли бы в конце утомить меня или вызвать необдуманный поступок, но нет, я докажу, что тот, кто поступает благородно и честно, сумеет перенести всякие поношения и никогда не потеряет из вида своей благородной цели, я поклялся заменять ему до конца дней моих самого дорогого для него, и если даже не удается это, то образ мыслей моих и нравственные основы служат порукой в том, что я всегда буду стремиться обставить племянника моего во всех отношениях наилучшим образом. Упомянуть ли еще об интригах придворного секретаря Хушова против меня, или об одном священнике из Медлинга, презираемого своим приходом, ибо как говорят он состоит в запретном общении, приказывает своим ученикам ложиться на скамью по-солдатски для порки, не мог простить мне отказа и запрещения подвергнуть моего племянника такой скотской порке, говорить ли об этом? Нет, сношения этих двух лиц с г-жой ван Бетховен достаточно свидетельствуют против них обоих и только такие люди могли сойтись с нею против меня. — Повторяю, что я непоколебимо буду преследовать намеченную мною высокую цель касательно благополучия моего племянника, как в умственном, нравственном, так и в физическом отношении, однако дело воспитания нуждается в мирной обстановке, а из этого вытекает, что госпожа в. Бетховен раз навсегда должна быть устранена, что и было целью последнего решения об. с., о чем я просил лично и каковую составил лично совместно с ним, однако, чтобы со своей стороны содействовать желанной обстановке, я сам предложу одного опекуна, но не могу еще назвать его, ибо еще не окончил своего выбора, — что касается апелляции, то каждому конечно предоставлено подавать их и я этого вовсе не боюсь, если мне либо находящемуся со мною в теснейшей связи благополучию моего племянника станет что-либо угрожать, то я сам также обращусь к апелляции, ведь каждый закон вообще вполне согласуется с последующими — решительный отказ г-же Бетховен будет иметь еще другой благоприятный исход, ибо видя, что ее интриги не могут преодолеть справедливости, ей придется уступить великодушию и снисходительности, которые я ей оказывал так часто и тогда эта ночная тьма по мере возможности превратится в светлый день, я был бы удовлетворен, если бы из всего этого только выяснилось, что я, оказывая добро отцу моего племянника, с еще большим правом могу называться благодетелем его сына, даже по справедливости могу называться его отцом, и нельзя меня подозревать ни в явном, ни в скрытом умысле, а лишь в стремлении к благу, — даже О. с. сам в этом убедился и благодарил меня за мою отеческую заботливость.

Людвиг ван Бетховен,
опекун моего племянника Карла ван Бетховена.

Вена, 1 февраля 1818.

Вена, 6 июля 1819 г.

Почтеннейший Магистрат!

Как известно главному опекунскому совету полученное волею моего покойного брата и впоследствии признанное за мною судом, а также магистратом право единственного опекуна над моим племянником Карлом ван Бетховеном несколько времени тому назад передал я члену магистрата господину Тушеру в надежде, что при участии такого посредника всякое дальнейшее вмешательство со стороны матери раз навсегда будет устранено.

Бетховен, раб. Клингера.

Результаты, к сожалению, слишком плачевные, доказали, что мое вышеуказанное предположение согласованное с желанием и намерением главного опекунского совета, не только не сбылось, но привело к совершенно обратному, так как мать сумела использовать это нововведение лишь в целях своих неустанных происков, чтобы причинить еще больше вреда.

Это печальное последствие и тяжелое сознание его вынудили члена магистрата г. Тушера признанного мною и даже самым главным опекунским советом самым подходящим посредником в таком важном и ответственном деле, отказаться от звания опекуна, так как было очевидно, что иначе намеченная цель достигнута не будет. Тотчас же я вновь принял на себя, в виду намерения и предположения, что вышеуказанная цель могла быть достигнута при посредничестве г. Тушера в качестве опекуна, переданную ему опеку и помня последнюю волю моего покойного брата и предыдущее постановление областного суда, а

также настоящее главное опекуновое дело и уже в качестве опекуна опять приняв необходимые меры для дальнейшего тщательного образования опекаемого мною племянника, в полной уверенности, что благополучие его будет восстановлено только таким путем, согласно этому я уже поместил его в Иозефштате на Кайзергассе, в доме графа Хотека в пансион г. Блехлингера, каковой при нынешних обстоятельствах во всех отношениях нахожу самым подходящим учебным заведением.

Заявляя о вышеизложенном главному опекуновому совету в качестве опекуна, я вместе с сим покорнейше прошу оградить опекаемого мною племянника и оставить в нынешнем положении, не подвергая его беспокойству, что является единственной потребностью, которую следует соблюсти во всей строгости на пользу ему, чтобы он вновь мог сосредоточиться и предаться тем занятиям, которые соответствуют его будущему назначению. Посему прошу сделать нужные указания директору этого учебного заведения, господину Блехлингеру, чтобы он мог отклонять неуместные и мешающие занятиям посещения матери с должной твердостью, согласно его полномочиям. Более ничего не требуется. В случае значительного и необходимого изменения в деле воспитания опекаемого мною, не замедлю я сделать следующее сообщение главному опекуновому совету, как делал прежде обл. суду согласно установленному в таких делах порядку.

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 6 июля 1819 г.

30 октября 1819.

Почтеннейший магистрат!

В ноябре 1815 г. мой брат, Карл ван Бетховен, скончался и оставил 12-летнего мальчика Карла.

В своем завещании, А, § 5, он возложил на меня опеку над этим мальчиком, и в приписке В выразил желание, чтобы вдова его, Иоганна, приняла в этом участие, прибавив, что в интересах ее сына он советует ей быть уступчивой, это ясно выраженное желание отца, равно как и ст. 108 закона о ближайших родственниках, предоставляют мне бесспорно право опеки над моим племянником Карлом ван Бетховеном, и областной суд, собрав все справки декретом W возложил на меня эту опеку, совершенно исключив вдову Иоганну ван Бетховен.

Вследствие моего выезда на некоторое время по делам, я не препятствовал назначению заместителя от суда, каковым был назначен г-н судебный пристав Нусбек.

Так как я вновь поселился здесь навсегда и благополучие мальчика мне очень дорого, то мой долг и моя любовь к нему требуют, чтобы я вновь принял возложенную на меня опеку, тем более, что мальчик вступает в такой возраст, когда образование и воспитание его требуют особенной тщательности и больших расходов; от этого образования зависит вся его будущность, каковая не может быть поставлена в зависимость от одной только женщины, его матери, так как у нее нет ни стремлений, ни сил заняться тем, что составляет правильное и подбающее мужчине воспитание.

Тем более я должен настаивать на этой опеке, что слышал будто из-за недостатка средств его хотят взять из пансиона, куда я его определил, и мать хочет оставить его у себя дома. Таким образом она намерена проживать причитающиеся ему ничтожные проценты, а ту половину пенсии, которую согласно пункту В она должна тратить на него, будет приберегать себе.

Ввиду того, что я до сих пор проявлял отеческие заботы о своем племяннике, то в будущем намерен делать все от меня зависящее собственными средствами. Надежды покойного отца его и ожидания мои от

этого талантливое мальчика будут оправданы и он станет достойным человеком и гражданином.

В заключение сего прошу почтенный магистрат повелеть судебному приставу Нусбеку сложить с себя временную опеку и немедленно передать мне опеку над моим племянником Карлом ван Бетховеном.

Людвиг ван Бетховен.

7 января 1820 г.

Высокочитимый Императорский и Королевский ниже-австрийский апелляционный суд!

Прошением под литерою А ходатайствовал я о передаче опекунства над моим племянником Карлом ван Бетховеном, но почтенный магистрат указал мне на прежнее постановление.

На прошение В последовало то же самое решение.

Это я считаю для себя тем более оскорбительным, что не только пренебрегали моими правами, но даже интересы моего племянника не были удостоены внимания. Поэтому вынужден я представить свое обоснованное прошение прямо высшему апелляционному суду и ходатайствовать о передаче мне снова опекунства над моим племянником.

К тому имеются следующие простые основания: во-первых, как по завещанию покойного отца моего племянника, так и по закону, я призван к этому опекунству, которое окружной суд возложил также на меня, т. е. с исключением матери. Когда же затем обстоятельства отозвали меня отсюда, я согласился с тем, чтобы на время *ad interim* был назначен судебный пристав г. Нусбек. Но с тех пор, как я вновь постоянно живу здесь, интересы моего племянника требуют от меня, чтобы я снова взял на себя эту опеку.

Во-вторых, мой племянник вступает в тот возраст, когда ему должно быть дано более высокое образование. Ни мать, ни теперешний опекун не способны руководить мальчиком в этих научных занятиях. Первая, — потому что женщина, и, как видно из документов, не безупречного поведения, чтобы не сказать больше. Поэтому окружной суд лишил ее опекунства. Трудно понять, как мог почтенный магистрат назначить ее вновь. Второй, — потому что, с одной стороны, у него, как у городского судебного пристава, заведование домами и землями отнимает слишком много времени, чтобы он мог в должной мере исполнять долг опекуна над мальчиком; с другой стороны, я не могу признать в нем, как в бывшем бумажном фабриканте, необходимой проницательности и требуемого критического отношения в научном воспитании.

В-третьих, никого так не занимает благоденствие моего племянника, как лично меня. Я сам бездетен и не имею более близкого родственника, чем этот мальчик, преисполненный таланта и подающий лучшие надежды, при условии соответствующего воспитания. Мне известно, что он потерял уже целый год и даже отстал в своем классе; мне известно, что, вследствие недостатка в средствах, хотя и взяты мальчика из пансиона, где он теперь находится, и **что мать возьмет его к себе.** Несчастный мальчик должен быть жертвою замыслов матери, желающей воспользоваться тою частью пенсии, которая предназначена для воспитания мальчика.

Поэтому я доложил почтенному магистрату, что намерен нести сам все расходы по содержанию в пансионе и даже по найму нескольких учителей. Так как я немного туг на ухо, то просил себе соопекуна, которого предложил в лице господина Петерса, советника князя Лобковича; таким образом во главе воспитания и надзора за моим племянником стоял бы человек, который как по образованию, так и по нравственности пользуется всеобщим уважением; назначение его может убедить каждого, кому дорого благополучие этого мальчика, в том, что

мальчик будет иметь возможность получить и, конечно, получит соответствующее его способностям воспитание и образование.

Мое намерение и стремление сводятся только к тому, чтобы мальчик получил возможно лучшее воспитание, так как его природные дарования дают право на лучшие надежды и так как желательно осуществить ожидания, завещанные его покойным отцом своему любимому брату. Растение еще гибко, но если пропустить срок, то оно перестанет гнуться в руках садовника-воспитателя и направится кривь; воспитание, образование и правильное развитие исчезнут тогда навеки. Я не знаю более священной обязанности, как надзор за воспитанием и образованием ребенка. Обязанность высшей опеки может заключаться только в том, чтобы установить наиболее полезное и выбрать целесообразное; только тогда можно сказать, что она посвятила ревностное внимание благосостоянию своего питомца; мешать же добрым начинаниям значит — проглядеть свои обязанности.

Имея в виду только пользу мальчика, я даже согласен с тем, чтобы матери было предоставлено своего рода соопекунство, состоящее в том, что она может посещать мальчика, видеть его и узнавать о всех мерах воспитания. Но поручить ей опеку единолично, без соучастия дельного опекуна, равносильно гибели мальчика.

Ввиду этих красноречивых доводов повторяю свою обоснованную просьбу и уверен в правильном приговоре тем более, что мною руководит только благополучие моего племянника.

Людвиг ван Бетховен.

В письмах к адвокату Иоганну Баптисту Баху, к членам магистрата Карлу Винтеру и Тушеру (которому посвящен один из романсов Бетховена), мы вновь встречаем ту настойчивость, с которою композитор добивался сохранения всех прав в деле воспитания своего «дорогого сына», причем глубоко возмущался распоряжениями магистрата, якобы покровительствовавшего матери Карла, за что канцелярию (Bureau) городской управы он обзывает палачом (Vougreau).

Вена, 23 окт. 1819 г.

Милостивый государь!

Вы уже получили, вероятно, письмо госпожи ван Бетховен. Эта особа настолько безнравственна, что я не стану возражать на обвинения ее. Его императорское высочество, преосвященный и кардинал, относящийся ко мне, как к приятелю, а не слуге, охотно засвидетельствовал бы мои нравственные качества, а также полнейшую лживость рассказов об Ольмюце. Всем известно, что его высочество будет проводить там ежегодно не более шести недель. Но много чести для такой особы — доказывать лживость ее клеветы; ведь она неумяяема, она, согласно § 191, не может быть в опеке, так как находилась под судом. — Главное, чтобы меня сейчас же признали единственным опекуном. Я не желаю иметь никаких соопекунов; затем, матери совершенно запрещено сношение с сыном в институте, потому что там не может быть достаточного числа сторожей против ее безнравственности; она сбивает с толку воспитателя, приставая к нему со своими доносами и враньем; она заставляет также своего сына возмутительно лгать и упрекать меня; она врет, будто я даю и давал ему то слишком много, то слишком мало; все это я могу доказать свидетелями. А чтобы не быть совсем бесчеловечным, можно позволить ей видеть своего сына у меня, в присутствии воспитателя и других безупречных людей. — Областной суд дал на этот счет очень мудрые наставления г-ну Джианнатасио, когда он был еще в его институте. Между прочим, дело дошло до того, что он не хотел ни за что видеть ее у себя, а она, чтобы видиться со своим сыном должна бы-

ла приходить ко мне, куда г-н Джианнатасио приводил его с тою целью. — Еще в прежнем институте она сумела уговорить своего сына, чтобы он постарался выдержать экзамен во второй или в третий класс, с целью показать, что я о нем плохо заботился; таким образом он отстал в учении на целый год. Тогдашний мой заместитель, городской советник фон-Тюшер, заявил письменно начальнику института, в котором находился сын, чтобы он впредь не допускал ее к сыну. — Все, что произошло потом — ужасно. — Я того мнения, что вы решительно и настойчиво должны стараться, чтобы я был единственным опекуном, и чтобы эта сверхъестественная мать могла видеть своего сына только у меня; моя гуманность, мое образование и свойственная мне человечность известны всем и могут быть порукою в том, что мое поведение в отношении к ней будет не менее благомерно, чем к ее сыну, впрочем, думаю, что следует все изложить вкратце и стараться, по возможности, поручить высшую опекунскую власть апелляционному суду; так как я возвел моего племянника в высшее сословие, то ни он, ни я не подлежим ведению магистрата; последний может заведовать опекою трактирщиков, сапожников и портных. — Что касается его теперешнего содержания, то пока я жив, у него есть и будет все; на будущие времена у него имеется 7.000 фл. в. в., которыми пожизненно пользуется его мать; затем 2.000 фл. (или немного больше, так как я их обменял ему), проценты с которых принадлежат ему, и мои 4.000 фл. серебром лежат в банке. Так как он будет единственным моим наследником, то и эти деньги составляют его собственность. Вы видите, что он уже теперь с избытком обеспечен на случай моей преждевременной смерти; при этом он обладает большими сношениями, которые для почтенного магистрата, конечно, не имеют значения, так как он не способен этого понять. — Много денег стоило добыть ему эти 2.000 фл. Путаница в этом жалком магистрате только увеличила мои расходы. Эти люди не способны понять такого важного дела, а тем более — средства к выгодному и успешному ведению его.

Так как по завещанию все имущество перешло к матери, а областной суд запретил сыну бывать у матери, то я старался действовать в пределах справедливости, хотя уже при составлении описи ее заподозрили в каком-то подлоге. Я заботился только о его душе. Поэтому ей предоставили все наследство *jure crediti*, не проверяя правильности указанных долгов, причем сыну остались только указанные 2.000 фл. в. в. Вот все, что можно было удержать, да еще проценты на них. Я обменял их на выигрышные билеты, что стоило больших денег; таким образом возросли проценты с этого капитала. Затем я помог ей получить пенсию, половину которой она уступила сыну за то, что получила все наследство *jure crediti*. Еще до 1816 года я заботился о своем племяннике и всегда на свой счет. (Так как, вследствие ее нрава, приходилось принуждать ее ко всему судом, то можете себе представить, чего мальчик стоил). Словом, еще до 1816 года все делалось на мой счет. При тогдашней дороговизне содержание в пансионе стоило больших денег. Так продолжалось до 1818 г., когда госпожа Бетховен, впервые получив свою пенсию, отказалась выдать что-либо. **Ее надо было принудить к этому судом и эта штука стоила более 180 фл. в. в. — сколько я получил от нее на воспитание, легко высчитать, считая с марта 1818 г.** Но вот уже 9 месяцев, как я не получаю ничего из пенсии, так как она не берет ее с целью поставить меня в затруднительное положение; так как я не могу получить прежде, чем она сама не возьмет ее, то мне приходится постоянно получать на полгода позже. — Еще никогда он не испытывал недостатка в чем-нибудь; и положение его было бы еще лучше, если бы предвиделся конец мучениям из-за постановления высшего опекунского надзора. Ни насмешка, ни какие-либо препятствия, ничто не могло меня удержать от постоянной заботы о нем; даже при другом опекуне, когда заботы увеличились, а мать вооружала мальчика

против меня!!! — я все же не изменил своего отношения. Еще вчера, несмотря на все унижения, я написал воспитателю, которому также я сам поручил его, что буду продолжать заботиться о своем племяннике и чтобы он ни за что не допускал вмешательства этого жалкого магистрата. — Посудите же: должен ли я быть только опекуном, не могу ли я именоваться отцом в полном смысле слова, тем более, что я щедрыми поддержками в течение многих лет облегчал и поддерживал жизнь отца, несчастного, благодаря своей негодной супруге. Я думал, что не бесполезно будет прийти вам на помощь некоторыми данными в этом деле. Простите за многословие; она вызвана недостатком времени; ведь еще Цицерон извинялся, что у него слишком мало времени, чтобы быть кратким. — К тому же дело само по себе крайне неприятное. — Прошу вас принять ближе к сердцу дела моего дорогого племянника и остаюсь с глубочайшим почтением ваш преданнейший Бетховен.

Мать намерена взять своего сына к себе, чтобы пользоваться всей пенсией сполна. Всюду, где жил ее сын, у меня и в пансионе, она интриговала с этой целью. Я думаю, вы уже догадались, что я обратился к лицам разумным за советом: следует ли предоставить ей право на половину пенсии и платить ее сыну из своего кошелька. Мне не советовали, так как она плохо распорядится деньгами. Поэтому я решил со временем возратить моему племяннику эту сумму. Во всяком случае посмотрите, как глупо поступает магистрат, желая отнять у меня племянника: ведь после смерти ее мальчик потеряет эту часть пенсии, а без моей помощи и поддержки едва ли сумеет избежать нужды.

Вена, 27 октября.

Милостивый государь!

Между прочим, я должен сообщить вам еще кое-что. Половина материнской пенсии составляет ежег. 166.40 в конв. мон. — Раньше, с 1816 до 1818, я ничего не добавлял. Впрочем, вы усмотрите из приложений, что получив все наследство *jure crediti*, мать обязана оказывать содействие мне или моему сыну. — Племянник обходится мне теперь в пансионе 900 фл. (прежде было еще дороже); это только на самое нужное, то что называется *Fahrgeld*; а с расходами на одежду, на лишние учителей — свыше 1300 фл. в. в., чего, конечно, не может раскодовать опека ремесленного цеха. — Некоторые счета вам покажут это ясно. — Заметьте, что г-жа Б. уже 9 месяцев не берет своей пенсии, и думаю, что это находится в связи с интригами и кознями высшей опеки. Поэтому я послал вчера в кассу требование за прошлое полугодие и просил выплатить. Но бухгалтерия заметила, что так как мать еще не взяла своей доли, то нельзя уплатить опекуну, и вычеркнула на пенсионном листе указанную к выдаче сумму.

Поэтому я думаю, что нам надо действовать осторожно, и что вам следует немедленно, безотлагательно воспользоваться всеми законными средствами, чтобы обеспечить мне присужденную половину пенсии. Я думаю, что лучше всего наложить арест на пенсию, которую она получает и должна получать в будущем, но это надо сделать быстро, немедленно, потому что, как вы видите, мы имеем дело с людьми бесчестными.

Милостивый государь!

Через несколько дней вы получите от меня письмо со сведениями относительно г-жи в. Б., — относительно поведения магистрата, — о свидетельских показаниях, — о том, что я сделал для своего племян-

ника, — об его имуществе; дайте все это переписать и пошлите г-ну Шмерлингу и г-ну ф. Винтеру. Небезынтересно узнать, как обращались при этом с человеком, который стремился только к благоденствию, и как при этом пренебрегали интересами невинного существа. Послана ли уже апелляция на решение М? Теперь о другом. Я слышал, что в предместье, где я проживаю со 2-го февр., со Сретения или очищения девы Марии; можно очистить квартиру до 16-ого? Прошу вас сообщить мне об этом несколько строк. Ведь я провожу все лето в деревне, а в городе мне нужна только одна комната, где я мог бы останавливаться; в будущем же году я не намерен оставаться в этой квартире. Вы знаете, как мне неприятно утруждать вас, а потому простите за эту справку. Часто бывает мне плохо, не то был бы до сих пор у вас. Г. ф. Тушер был у меня. Старая дружба продолжается. Он действовал слабо, но ведь при подобных властях может иметь какое-либо значение только такой опекун, как я, т. е. распорядитель кошелем. От него вы могли бы узнать много подробностей! Теперь он выздоровел! По утрам от 10 до 12 он бывает в своем bureau или Bureau.

Второпях, глубоко уважающий вас Бетховен.

Простите, действуйте энергично и быстро, делайте все возможное, с такими людьми честному человеку остается действовать лишь силою.

Второпях с глубоким почтением Бетховен.

Милостивый государь!

Письмо мое столь пространно потому, что я не хочу, чтобы вы заблуждались во мнении обо мне. Что же касается до дальнейшего воспитания, то я готов с радостью принять все меры в настоящем, которое является источником будущего. Если же племянника моего следует перевоспитать, то я первый, не только на словах, но и на деле, постараюсь это исполнить. Я взялся быть опекуном не из личных интересов, а желая воспитать в племяннике славного представителя нашего рода. Не племянник мне нужен, а я ему. Что можно сказать о личности, которая, будучи о себе высокого мнения, злословит и клеветает на других, и проникнута этим до мозга костей!!!... Я мог бы считать себя обиженным, но правый умеет страдать невинно, ничуть не уклоняясь от истины. В этом смысле я преодолю все испытания и ничто меня не поколеблет. Велика будет ответственность того, кто вздумает взять от меня племянника. Из этого могли бы произойти последствия, опасные для племянника моего в нравственном и даже в политическом отношении. Предоставляю вашему усмотрению все, что может быть для него полезно; за меня же говорит все то, что сделано мною в его, а не в моих собственных интересах.

С почтением преданный вам Бетховен.

Я очень занят и притом не совсем здоров, а потому надеюсь на снисхождение к почерку.

Советнику и.-к. апелляционного суда Карлу Винтеру.

Вена, 6 марта 1820 г.

Милостивый государь!

Имею честь сообщить вам, что я составил памятную записку, с материалами относительно г-жи в. Бетховен, магистрата, моего племянника, себя и т. п.; пришло вам ее через несколько дней. Я считал своей обязанностью и в своих собственных интересах изложить доказательства лживости этой бесконечной клеветы; обнаружить интриги г-жи в. Б. против меня и во вред ее собственному сыну, пролить должный свет на поведение магистр.

Вы усмотрите, м. г., из этих сведений о М., что он всегда действовал незаконно, что он оттолкнул от меня племянника и его мать, что он основывается на вымыслах, направленных против меня и высказанных племянником по наущению своей матери. — Вы найдете также среди этих материалов документ, удостоверяющий неустойчивость и пристрастие в действиях М.; противоречие в его распоряжениях видно из назначения г-жи в. Б. опекуницей; найдете также доказательство тому, что после того, как Тушер, которого я сам выбрал опекуном, сложил с себя это звание, М. вновь признал меня опекуном, между прочим, предложив мне выбрать нового опекуна; я никак не мог с этим согласиться, так как в то время, как я не состоял опекуном, племянник терпел много лишений. Его довели до того, что несмотря на свое прилежание, он плохо выдержал экзамен и должен был еще целый год просидеть в той же школе, новая неудача, новый ущерб и притом несправедливый; тогда же он изливался кровью и, не будь меня, быть может, лишился бы жизни. Во всем этом нельзя винить г-на фон Тушера, потому что высший опекунский совет слишком слабо поддерживал его, потому он не мог действовать с должной энергией, с какою могу приступить к делу, напр., я, как дядя, опекун и заведующий расходами. — Из этих кратких объяснений М. Г. вы усмотрите, что доводам М. нельзя придавать большой веры. Вообще можно себе представить, какую поддержку нашла себе в М. г-жа в. Б. будучи прямо назначена опекуницей, хотя это не согласовалось с требованиями Св. Зак., каковые лишают ее этого права. — Отсюда понятно, что я должен просить выслушать, если понадобится, меня и моего племянника, относительно взводимых на меня обвинений. Если мне откажут в опекунстве над племянником, то это будет даже неестественно, потому что во всех отношениях в ущерб племяннику, не говоря уже о том, что подобный факт вызвал бы порицание всего общества. Подумайте только: более пяти лет я всеми силами заботился о своем племяннике; 2 года я сам платил за него в пансион и только впоследствии явилось пособие не более 450 фл. в. в. в год, при курсе в 250. — Почти 14 месяцев я не получаю ничего из этих денег и все же щедро плачу за своего племянника, о чем свидетельствуют прилагаемые счета. Если мне не разрешат опекунства с одним соопекуном, я принужден буду оставить племянника на произвол судьбы. И как бы не было мне это больно, буду считать себя лишенным права принимать в нем участие. — Если же меня вновь назначат опекуном совместно с весьма полезным соопекуном, то буду заботиться самым бескорыстным образом и приму на себя, как было до сих пор, все расходы. Ведь я уже позаботился о нем, даже на случай моей смерти, с этой целью сделан вклад в 4000 фл. к. м. в австр. национальном банке, каковые завещаны ему. Я могу быть ему полезным также своими связями, а мои отношения к е. и. в. архиепископу Ольмюцскому позволяют надеяться на нечто такое, что не лишено пользы для моего племянника. Итак, я вновь поручаю вам, м. г., судьбу моего племянника, доверяюся человеку с умом и сердцем, и питаю большие надежды, потому что не могу допустить, чтобы в каком-нибудь высшем учреждении одобрили и признали правильными действия М. по отношению ко

мне, оказавшему столько добра своему покойному брату, заботящемуся о своем племяннике и содержащему его более 5 лет. М. Г., с глубочайшим почтением преданнейший слуга ваш

Людвиг ван Бетховен.

Многочисленные занятия мои да будут служить пред вами, М. Г., оправданием в небрежности письма.

Г-ну фон Тусеру.

Любезный Г.! Так как у меня есть уже Гете, то прошу вас передать этот том (он в связи с тем, который вы от меня получили) вашей милой жене в знак дружеской памяти от меня. — Я увижусь с вами сегодня же до половины 10-го, не забудьте о Шмерлинге, так как в этом случае вы можете подействовать своими сведениями.

Ваш друг Бетховен.

В числе свидетелей матери Карла, призванных ею в деле против композитора, был поп, о котором Бетховен не раз писал г-же Штрейхер, а в разговорной тетради (в начале 1820 года), вероятно, в ответ на вопрос адвоката своего, записал: «не лучше ли устранить медлингского пастора или же объявить его публично лгуном». Несколько заметок в дневнике композитора также касаются злосчастного процесса и внесены под удручающим впечатлением его; так, в 1818 году он пишет:

«Дом не продается, ибо на нем запрещение, — я не виновен. Надеюсь, вдова не обидела себя, от души желаю ей этого... Боже, я исполнил свою обязанность. Всемогущий, ты видишь мое сердце, ты знаешь, что я приношу свою выгоду в жертву дорогому моему Карлу; не суждено мне вполне следовать влечению сердца... О Господи, моя охрана, моя опора, мое все! Ты видишь мое сердце и знаешь, как тяжело мне вызывать чье-либо страдание ради благополучия моего дорогого Карла!! О невыразимый, услышь меня, — твоего несчастного, несчастнейшего из смертных». Далее заметка от 19 мая 1818 года: «Сегодня прибыл в Медлинг... При жизни брата жена его наделала долгов на 24.025 фл. и 145 дук.; они, кажется, возросли после смерти его. — Ах, отчего я бессилён помочь ей!»

Следующее лето (1819 года) Бетховен также провел в Медлинге (ныне южная окраина Вены), о чем помечено в дневнике: «Прибыл 12 мая в Медлинг!!!! — Miser sum pauper». Далее:

«Покорно подчиняюсь, Боже, всем превратностям и возлагаю всю надежду на неиссякаемую доброту твою. Тобою, неизменным, будет только радоваться дух мой. Будь моим убежищем, охраною, моим вечным покровителем!» Рядом с этими изречениями из «Рассуждений о творениях Божиих» Штурма приведены аналогичные цитаты из Гомера и т. п.

Наступавшая старость, необеспеченная материально и богатая недугами, не раз приковывала к себе мысли Бетховена; о должности оперного композитора он уже не думал, но не терял надежды пристроиться куда-нибудь и надеялся, главным образом, на своего ученика эрцгерцога Рудольфа, которому предстояло вскоре получить звание кардинала и должность архиепископа в Ольмюце. Значительная разница в возрасте и в общественном

положении учителя и ученика не мешала весьма дружественным отношениям их и простоте в обращении, а частые, тяжелые нервные страдания эрцгерцога, подобно физическим страданиям композитора, нарушая часто правильные занятия музыкою, еще более сближали этих двух служителей муз. Эрцгерцог принял меры к тому, чтобы композитор не испытывал во дворце его никаких стеснений и сам был снисходителен к его странностям; последний, как мы знаем, не выносил зависимого положения; не смущаясь саном и щедротами брата императора, иногда бил его по пальцам, за что однажды получил замечание, но тут же, в оправдание свое, ответил какою-то цитатою из Гете. Обилие записок композитора к эрцгерцогу с извинением в неисправности относительно занятий можно объяснить, кроме недугов, тем постоянным отвращением, которое питал великий симфонист к тяжелой для него деятельности педагога. Помимо уроков во дворце, Бетховену приходилось трудиться над исправлением, отделкой и даже пропагандой эрцгерцогских композиций, из коих одна (40 вариаций) была посвящена ему и, по мнению современных критиков, имела успех, благодаря дополнительной работе Бетховена.

В знак признательности и в чаянии новых милостей композитор приступает в 1818 году к сочинению торжественной мессы, исполнить которую предполагает в день посвящения эрцгерцога в кардинальский сан; к этому же времени относится создание прелестной фортепианной сонаты op. 106 (с фугой в последней части), сначала посвященной также эрцгерцогу, а впоследствии графине Эрдеди. Лишь только распространился слух о сочинении эрцгерцогом 40 вариаций на тему Бетховена, многие издатели (в том числе И. Шик, издатель распространенной *Wiener Zeitung für Kunst Literatur und Mode*) обратились к содействию Бетховена, чтобы получить разрешение на печатание вариаций, о чем он сообщает эрцгерцогу в одном из нижеприведенных писем и, при участии Вунстера (бухгалтера фирмы Артариа) и Больдерини (главного компаньона Артариа), которого прозвал Фальстафом, составляет набросок прошения эрцгерцогу:

Так как мы слышали от г. Бетховена, что в. и. в. создали прелестное произведение, то хотим быть первыми, кому будет оказана честь издания этого произведения и ознакомления мира с выдающимися дарованиями столь славного принца.

Примите в. и в. нашу всеподданнейшую просьбу

Фальстаф главный бродяга.

В тех же письмах находим просьбу композитора помочь в процессе с матерью Карла, но в апреле 1820 года эрцгерцог уже выехал в г. Ольмюц и, видимо, не принимал никакого участия в судьбе Карла.

Ваше императорское высочество!

Прошу вашего милостивого прощения в том, что не могу явиться сегодня к вашим услугам, так как в такую погоду я не могу выйти из дома. Быть может, завтра будет менее рискованно, чем сегодня; в таком случае я, наверно, доставлю себе высшее удовольствие, явившись показать вам всю свою ревность в исполнении обязанностей.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Прошу вас о двойном милостивом прощении: во-первых, в том, что я сегодня не явился к вам; во-вторых, в том, что слишком поздно извиняюсь. — Сегодня ночью я вновь сильно заболел, но после обеда мне немного лучше и надеюсь явиться к в. и. в. послезавтра. — Врач обещает мне, что до середины июня я наверно буду совершенно здоров, о чем я особенно мечтаю, чтобы не вызвать в в. и. в. недобрых мыслей. Намерения мои самые искренние, но болезнь все время мешает их полному осуществлению.

Вашего императорского высочества вернейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Все, что можно слить в одно пожелание, все, что может быть названо благотворным: благополучие, счастье, благословение, — все это заключается в приносимом мною сегодня пожелании в. и. в. Да примет в. и. в. также милостиво мое пожелание, касающееся меня самого: да буду я впредь радоваться милостям в. и. в. Нечто ужасное произошло недавно в моих домашних делах; я даже лишился рассудка на некоторое время. Вот почему я не был еще лично у в. и. в. и не высказался еще о мастерски написанных вариациях моего глубокоочтимого высокоученика и баловня муз. Я не решаюсь выразить своей благодарности ни письменно, ни устно за тот сюрприз и милость, которыми был почтен, потому что чувствую себя слишком ничтожным, хотя питаю непреодолимое стремление отплатить чем-нибудь таким же. Да услышит Небо и да примет благосклонно мои пожелания здоровья в. и. в. Надеюсь через несколько дней услышать присланное мне прелестное произведение в исполнении в. и. в.; ничто не доставит мне такой радости, как содействие мое к тому, чтобы в. и. в. возможно скорее заняли ожидающее вас на Парнасе место.

Вашего императорского высочества с любовью и глубоким благоговением, покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

1 января 1819 г.

Янв. 1819 г.

Хотя, быть может, луч света ее хочет проникнуть ко мне, но когда-нибудь для меня также все воссияет. — Тот день, когда будет исполнена моя месса, по случаю торжеств в честь в. и. в., — будет прекраснейшим днем моей жизни, и Бог озарит мой дух, чтобы возбудить мои слабые силы к прославлению радостного дня. — С глубокой благодарностью присылаю сонаты. Кажется, недостает только партии виолончели; я не мог ее сейчас найти. Так как печать очень хороша, то я позволил себе приложить еще один печатный экземпляр и один скрипичный квинтет. — К двум пьесам, написанным мною ко дню ангела в. и. в. прибавились еще две другие, последняя из них — большое фугато; таким образом, получилась одна большая соната; она вскоре появится; давно уже лелею мечту посвятить ее в. и. в. Это не имеет ничего общего с предстоящими переменами в жизни в. и. в. Простите за это письмо. Молю Господа о щедрых милостях для в. и. в. Будущая деятельность в. и. в. — одна из лучших; она нераздельна с человеколюбием и в. и. в. будете служить примером как в делах светских, так и духовных.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга.

Ваше императорское высочество!

Я был очень огорчен известием о вашем недомогании. Надеюсь, оно скоро пройдет. Всею виною, должно быть, все еще не установившаяся весна. Как раз вчера я хотел принести вариации. Они могут смело выйти в свет и в. и. в., вероятно, будут даже просить об этом. Крайне сожалею, что выздоровление в. и. в. является для меня только *ria desideria*, но надеюсь, что искусство эскулапов победит и доставит в. и. в. постоянное здоровье.

Вашего императорского высочества покорнейший Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Честь имею прислать, через переписчика Шлеммера, прелестные в. в. и. в. Завтра сам зайду к вам. Очень рад, что могу служить моему высокому ученику на его полном славы пути.

Вашего императорского высочества подданнейший и вернейший

Л. в. Бетховен.

Медлинг, 15 июля 1819 г.

Ваше императорское высочество!

С тех пор, как я хотел в последний раз в городе явиться к услугам в. и. в., чувствую себя очень плохо. Однако, надеюсь, до будущей недели мне станет лучше, и я тотчас же отправлюсь в Баден к в. и. в. — Впрочем, за это время я был несколько раз в городе, чтобы посоветоваться со своим врачом. — Главною причиною всему бесконечные неприятности, вызываемые развратной жизнью моего племянника. В начале этой недели я должен был взять на себя опеку, так как другой опекун сложил с себя обязанности; он во многом был виноват и просил у меня прощения. Докладчик также отказался от доклада, так как его нашли пристрастным ввиду его намерения отстоять доброе дело. И так продолжается вся эта путаница, нет конца, нет помощи, нет утешения! Все мои труды точно рассеяны ветром. Нынешний содержатель пансиона, куда я отдал своего племянника, ученик Песталоцци, и также уверяет, что как ему, так и моему племяннику трудно добиться желанной цели. — Но он того же мнения, что ничего не может быть полезнее, как отправить моего племянника подалше, за границу! — Надеюсь, здоровье в. и. в., здоровье того, кого я более всего почитаю, не оставляет желать ничего лучшего, и я заранее радуюсь тому, что могу вскоре быть близ в. и. в. и доказать вам мою готовность быть вам полезным.

Вашего императорского высочества вернейший слуга Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Очень огорчен известием о том, что в. и. в. вновь больны, и не имея определенных сведений о нынешнем состоянии вашего здоровья, весьма о том беспокоюсь. Я был в Вене, чтобы поискать в библиотеке в. и. в. кое-что мне нужное. Главная задача — схватить быстро (и сочетать возможно искуснее, причем практические соображения могут быть допущены только в виде исключения) — чему старики могут вдвойне служить примером, создав множество высших произведений искусства (гениями были между ними только немец Гендель и Себ. Бах). Только свобода, только постоянный прогресс составляют цель в искусстве, как и во всяком гениальном творчестве. И если мы, новички, еще не так устойчивы и не подвинулись так, как наши предшественники, то все же утонченность наших приемов развила кое-что. Моего высокого му-

зыкального воспитанника нельзя упрекнуть в односторонности; он уже борется из-за лавров славы *et iterum venturus iudicare vivos — et mortuos*. — Присылаю три стихотворения, из которых, может быть, в. и. в. выберете что-нибудь для переложений на музыку. Австрийцы уже знают, что в императорском доме возродился дух Аполлона. Меня повсюду просят о поддержке. Издатель *Modezeitung*'а обратится к вам с письменною просьбою. Надеюсь, меня не обвинят в каких-нибудь подкупах; при дворе и не придворный — возможно ли это???! При поисках нот в Вене мне немного препятствовал его превосходительство господин обер-гофмейстер. Не стоит утруждать в. и. в. письменным изложением подобных вещей; но должен признаться, что подобное отношение может оттолкнуть от в. и. в. всякого талантливого, честного и благородного человека, если ему не посчастливится узнать короче превосходные качества вашего ума и сердца. Скорого, скорого выздоровления желаю в. и. в., а себе — утешительных известий.

Вашего императ. высочества покорнейший и вернейший слуга

Л. в. Бетховен.

Медлинг, 29 июля 1819 г.

Ваше императорское высочество!

Вчера же я узнал о том, что редкие достоинства вашего ума и сердца вновь признаны и оценены по заслугам. Примите милостиво мои пожелания счастья в. и. в.; они исходят из глубины сердца и рвутся к вам. Надеюсь вскоре поправиться. Множество неприятностей вновь отразились на моем здоровье; чувствую себя скверно и вот уже несколько дней принужден лечиться, так что едва уделяю в день только несколько часов своему бесценному небесному дару, своему искусству и своим музам. Надеюсь окончить мессу и исполнить 19-го, если срок не будет изменен; во всяком случае, буду в отчаянии, если болезнь лишит меня возможности быть готовым к тому времени. Надеюсь, мечты мои осуществятся вполне.

Что касается прелестных вариаций в. и. в., то полагаю, что они могли бы быть изданы под следующим заглавием:

Тема, или теза

Л. в. Бетховена,

обработанная в сорока вариациях и посвященная
своему учителю сиятельнейшим автором.

На них очень много требований и, в конце концов, это почтенное произведение появится в свет в искаженных копиях. В. и. в. сами не устоите и не откажете тем, кто попросит их. Итак, с Божьей помощью, одновременно с приношениями в. и. в. с разных концов, о чем вскоре всем будет известно, да не будет тайною также дар Аполлона (похристиански — Цецилии). В. и. в. можете заподозрить меня в тщеславии; но уверяю, что, хотя это посвящение дорого сердцу моему и я, действительно, горжусь им, но не такова моя цель. — Три издателя выразили свое желание относительно этого: Артария, Штейнер и еще один, имени которого не припомню. Таким образом, остаются двое первых; кому же из них отдать вар.? Ожидаю на этот счет приказаний в. и. в. Они будут напечатаны на счет издателей; оба предложили это. — Желательно знать только: довольны ли в. и. в. заглавием? Не придавайте этому изданию особенного значения и не считайте предсудительным. Человечество будет об этом иного мнения. Да сохранит Гос-

подъ в. и. в. и да пошлет всех благ из своего рога изобилия на вашу связную главу, а мне да сохранит Бог ваше благосклонное внимание.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

Медлинг, 31 августа 1819 г.

Да оправдает моя болезнь пред в. и. в. небрежность этого письма.

Ваше императорское высочество!

К сожалению, должен признаться в своей вине. Я вышел из дома вчера в первый раз и чувствовал себя довольно хорошо; но я забыл или пренебрег тем, что мне, как выздоравливающему пациенту, следует возвратиться домой пораньше; поэтому пришлось вновь испытать припадок. Сегодня останусь дома и, вероятно, завтра буду вполне здоров, а следовательно явлюсь к услугам моего уважаемого высокого ученика. — Прошу в. и. в. не забывать произведений Генделя, так как они служат лучшей пищей для вашего зрелого музыкального духа и со временем вызовут поклонение этому великому гению.

Вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Неотложное дело мешает мне прийти к вам сегодня вечером, в обыкновенное время. Вероятно, приду к в. и. в. попозже, около 7 часов, если вы не собираетесь в театр. — Ожидаю ваших приказаний по сему предмету и остаюсь

Вашего императорского высочества покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Прошу простить мое отсутствие еще в течение нескольких дней. Во-первых, я нездоров; во-вторых, должен окончить неотложную работу по композиции; к сожалению не могу отложить их, потому что работа такого рода. Ведь вы уверены, что я служу вам с безграничным рвением; тем не менее, чрезвычайное обстоятельство мешает мне в настоящую минуту выполнить свое стремление в отношении к вам. Не позже, как через 4 дня я к вашим услугам.

Вашего императорского высочества покорнейший

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Вскоре после моего последнего посещения почувствовал я себя плохо. Я сообщил об этом в. и. в.; но так как в моих домашних делах произошло много перемен, то письмо это так же, как и другое, не дошло до в. и. в.; в них я просил извинения, так как надо было скорее окончить некоторые работы, из-за которых даже месса была на время отложена. Поверьте, в. и. в., что виною всему стечение обстоятельств. — Сейчас не время излагать подробности всего этого. Но я сделаю это при случае, чтобы не вызвать незаслуженных нареканий в. и. в. — Мысленно я всегда стремлюсь к вам и очень надеюсь, что, наконец, обстоятельства настолько изменятся, что я еще с большим рвением займусь развитием вашего дарования. Я думаю, что в. и. в. уверены в искренности моего намерения и не сомневаются в том, что только непреодолимые препят-

ствия лишают меня возможности быть близ моего высококочтимого, дорогого моему сердцу и любезного князя. Только вчера узнал об участи обоих писем. Это письмо доставлю сам, потому что не доверяю своей прислуге. — Сегодня явлюсь после обеда, в половине 5-го. Шлю глубокую благодарность за милое письмо в. и. в. ко мне. В. и. в. оказываете мне такое внимание, которое может только усилить и возвысить стремление к добру.

Целую руки в. и. в. и остаюсь в. и. высочества верный и покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

19 декабря 1819 г.

Ваше императорское высочество!

К сожалению, принужден я отказаться от удовольствия служить в. и. в. сегодня вечером, так как не мог назначить другого времени для совещания по делу моего племянника; завтра явлюсь к в. и. в. в половине 5. Что касается самого дела, то я уверен в вашем прощении. Да положит Небо всему конец; я слишком много страдаю от всего этого.

Вашего императ. высочества вернейший и покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Покорнейше прошу познакомиться его импер. высочество эрцгерцога Людвиг с нижеследующими обстоятельствами. В. и. в. помните, что я говорил о необходимости удалить племянника от матери. Я хотел подать прошение об этом е. и. в. эрцгерцогу Людвигу. До сих пор не было еще никаких препятствий, так как все инстанции, через которые дело прошло, были солидарны; главными между ними являются: полицейское управление, высший опекунский совет, а также опекун; все они согласны со мной в том, что для нравственности моего племянника ничего не может быть полезнее, как возможно более удалить его от матери. Я отправляю его в Ландсхут, где он будет учиться под наблюдением заслуженного и знаменитого профессора Зайлера; что же касается воспитания его, то у меня имеются там родственники и в этом отношении я могу быть также уверен в благоприятных последствиях. Так как до сих пор, как я сказал, не было еще препятствий, то я не хотел беспокоить е. и. в. эрцгерцога Людвиг. Но, как я слышал, мать моего племянника собирается просить аудиенцию у е. и. в. эрцгерцога Людвиг, чтобы воспрепятствовать моим намерениям. Она готова оклеветать меня, но я надеюсь, что всякая клевета будет опровергнута известным всем образом жизни моим и потому решаюсь я просить в. и. в. дать таковой обо мне отзыв е. и. в. эрцгерцогу Людвигу. Личность матери моего племянника такова, что судебные учреждения объявили ее совершенно не способной к опеке над своим сыном. Вследствие своей испорченности она уже много повредила своему бедному сыну. Поэтому все согласны с тем, что ребенка надо совершенно устранить от ее влияния, такова возмутительная сущность всего дела; поэтому прошу в. и. в. замолвить слово перед е. и. в. эрцгерцогом Людвигом, чтобы он не обращал внимания на клевету этой женщины, стремящейся свергнуть своего сына в пропасть, из которой не может быть спасения. Справедливость, охраняющая каждого в нашем праведном отечестве, распространяется также на нее; но именно эта же справедливость разбивает все ее враждебные показания. — Решение судей было согласно церковным наставлениям, указанным в 4-ой заповеди и требовало удаления сына. Нелегко воспитателю действовать согласно этой заповеди и воздержать сына от такого же греха. — С целью исправления этой не-

обыкновенной матери было оказано много снисхождения, великодушия, но напрасно. В случае необходимости я могу составить об этом доклад е. и. в. эрцгерцогу Людвигу и надеюсь найти справедливость при заступничестве моего милостивейшего государя в. и. в., эрцгерцога Рудольфа.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Людвиг ван Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Я крайне сожалею, что не могу явиться сегодня, вследствие катарального состояния, обострившегося от дурной погоды, а также по причине спешной работы, которую надо отправить с оказией. — Завтра наверно вновь явлюсь к в. и. в. и вероятно после обеда в 5 часов, так как в. и. в. видимо сами всегда заняты и с удовольствием проведу несколько часов у в. и. в.; если в. и. в. согласны, то покорнейше прошу ответить тотчас же через подательницу сего. — Покрывшееся тучами небо надеюсь вскоре прояснится, а с ним дух и тело

вашего имп. высочества верный покорнейший слуга

Бетховен.

Четырехголосный канон.

1 января 1820 г.

К - ро - а - го - вы - о - се - стви! Спа - сиб - ни - гу - бу - де - жи! Ху - ще - на - му - ма - ма!

ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви!

ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви!

ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви! ка - кро - а - го - вы - о - се - стви!

От вашего покорного слуги

Л. в. Бетховена.

Ваше императорское высочество!

Я хотел быть у вас, но мне сказали, что вы, кажется, нездоровы; тем не менее в воскресенье вечером я пошел справиться, так как меня уверяли, что в понедельник в. и. в. уедете. Справившись, я немедленно ушел, так как не привык торчать в прихожей, хотя, как я заметил, г. камердинер хотел мне сообщить еще что-то; к сожалению, я после обеда в понедельник узнал, что в. и. в. отправились в Ольмюц. Признаюсь, это было мне в высшей степени неприятно; но уверенность в том, что я ни в чем не провинился, подказала мне, что подобные случаи не редки в жизни и нечто подобное случилось со мною теперь. Я полагал, что в. и. в. до того обременены церемониями и новизной впечатлений в О., что для иных занятий не можете уделить времени, не то, конечно, поспешил бы предупредить в. и. в. письмом. Не откажите, в. и. в., мило-

стиво уведомить меня: долго ли вы останетесь в О. Здесь говорили, что в. и. в. прибудете сюда обратно к концу мая; но несколько дней тому назад я слышал, что ваше выс. останетесь в О. полтора года. Поэтому может быть я распорядился неправильно; конечно, в отношении своих дель, а не в отношении в. и. в. Как только получу об этом уведомление, то выясню дальнейшее; во всяком случае, прошу в. и. в. не обращать внимания на множество слухов обо мне; я слышал уже кое-что здесь; все это сплетни, которыми хотят оказать услугу в. и. в. Если в. и. в. называете меня одним из наиболее милых вам существ, то могу уверить, что в. и. в. для меня одно из самых драгоценнейших существ в мире. Хотя я не царедворец, но все же надеюсь, что в. и. в. узнали меня настолько, чтобы не подозревать во мне личных выгод, а заметить истинную глубокую привязанность к вашему выс., всегда воодушевляющую меня и приковывающую к вам; да, Блондель уже давно найден, если же не найдется для меня на свете Ричарда, то Господь будет моим Ричардом. — Мне пришла, кажется, прекрасная мысль устроить квартал. Если в О. они уже вполне обычны, то можно бы устроить нечто необыкновенное и высоко музыкальное. Если согласно вышеупомянутым слухам в. и. в. вернетесь сюда в мае; то советую приберечь до того времени для меня ваши духовные дегища, потому что я предпочитаю впервые услышать их в вашем исполнении. Если же действительно пребывание в О. должно продолжаться так долго, то я приму их с величайшим удовольствием и постараюсь довести в. и. в. до высочайшей вершины Парнаса. Да сохранит Бог в. и. в. в полном здравии на благо человечества и, в особенности, ваших почитателей; прошу поскорее милостиво освободить меня вновь письмом. В. и. в. не нуждается в доказательствах готовности служить вам во всякое время.

Вашего императ. высочества верный и покорнейший слуга

Л. ван Бетховен.

Вена, 3-го апреля 1820 г.

Ваше императорское высочество!

Только что получил письмо, в котором в. и. в. сами сообщаете мне о своем приезде сюда. От души благодарю в. и. в. за это внимание. Я собирался завтра же отправиться в город, чтобы предложить свои услуги в. и. в., но не мог найти экипажа. Однако надеюсь найти до будущей субботы, чтобы немедленно, рано утром, явиться к в. и. в. Относительно жертвоприношения, которое в. и. в. желаете сделать музам, сообщу в. и. в. свои соображения при встрече. Мысль о близости в. и. в. радует меня. Если бы я только мог доставить все, выполнить все, чего в. и. в. желаете от меня. — Да благословит небо в. и. в. и да расцветут пышно все ваши насаждения.

Вашего импер. высочества покорнейший учитель

Л. в. Бетховен.

Медлинг, 8-го авг. 1820 г.

Ваше императорское высочество!

Со вторника вечера я был болен, но надеялся в пятницу иметь счастье быть у в. и. в. Однако я ошибся и только сегодня могу с уверенностью сообщить в. и. в., что в будущий понедельник или во вторник, вероятно, буду в состоянии служить в. и. в., для чего явлюсь как можно ранее. Мое нездоровье надо приписать тому, что я взял открытую почтовую коляску, чтобы не опоздать к в. и. в. День был дождливый, а вечером в дороге было почти холодно. Природа, видимо, рассердилась

на меня и наказала за стремление к свободе и за дерзость. — Да ниспошлет вам Небо все лучшее, прекрасное, святое, благословенное, а мне — ваше расположение!

Но только по заслугам!

Вашего императорского высочества, как всегда, покорнейший и вернейший слуга

Л. в. Бетховен.

Медлинг, 2 сент. 1820 г.

Унтердеблинг, 18-го июля 1821 г.

Ваше императорское высочество!

Я узнал вчера о возвращении вашего высочества, что меня весьма обрадовало бы, если бы не печальные обстоятельства, лишаящие меня счастья явиться к услугам в. и. в. Я уже давно страдаю желтухой; теперь эта противная болезнь сильно разыгралась. Тем не менее надеюсь настолько поправиться до отъезда в. и. в., чтобы посетить вас. Прошлую зиму у меня были также сильнейшие приступы ревматической боли. — От этого скверного состояния сильно страдают также мои денежные дела. До последнего времени я не терял надежды и всеми силами старался преодолеть все невзгоды. Господь зрит в душе моей, он знает, что я соблюдаю свято все возлагаемые на меня природою, Богом и человеколюбием обязанности; Он избавит меня, наконец, от этих мучений. — Мессу передам в. и. в. здесь же; в. и. в. позвольте мне не называть причин замедления; подробности могут вызвать только неудовольствие в. и. в. — Охотно писал бы я иногда в. и. в. отсюда, но в. и. в. сказали мне, чтобы я ждал уведомления вашего высочества. Что же было делать? Может быть, в. и. в. было бы неприятно мое ослушание, ведь я знаю, что существуют лица, которые охотно очернили бы меня перед в. и. в. Мне это очень больно, но я всегда убеждал себя хранить молчание, пока в. и. в. не пожелаете видеть меня или что-либо узнать обо мне. — Я слышал о нездоровье в. и. в.; надеюсь, не было ничего серьезного. Да пошлет небо свои благословения в. и. в. из своих неистощимых рогов изобилия. Надеюсь вскоре удостоиться счастья и доказать в. и. в. — в какой мере я

вашего императорского высочества преданнейший и верный слуга

Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Я написал уже вашему императорскому высочеству одно длинное письмо, которое передал вам мой копиист Шлеммер; я узнал позавчера о приезде в. и. в. и поэтому написал вчера же упомянутое письмо. — Как досадно, что желтуха мешает мне явиться сейчас же к в. и. в. и выразить лично и устно свою радость по случаю вашего приезда.

Да хранит Господь в. и. в. на благо множества людей.

Вашего императорского высочества как всегда верный и покорнейший слуга

Бетховен.

27 февраля 1822 года.

Ваше императорское высочество!

Я был уже сегодня утром во дворце, чтобы передать через Ципса, что я являлся и что весьма рад вашему приезду, но не с целью быть у вас (я был скверно одет). Тем не менее я не мог найти помещения в. и.

в. и, стучась в разные двери, все думал о том, что мое платье всем бросается в глаза; поэтому я поспешил уйти и сегодня же доложить в. и. в., что завтра же явлюсь к вашим услугам и осведомлюсь о дальнейших духовных упражнениях музыкою и о времени их. Я сам возмущаюсь тем, что не писал в. и. в., но ведь я ждал, пока месса будет готова к отсылке, а в ней оказались такие ошибки, что пришлось проверить каждую партию; к тому же дело затянулось вследствие различных неотложных работ и обстоятельств, которые, по обыкновению, появляются тогда, когда о них менее всего думаешь. Прилагаемые при сем новинки могут служить в. и. в. доказательством того, что я всегда вспоминал вас, я не хотел их послать без мессы. Последняя будет вскоре переплетена, и я поднесу в. и. в. Весьма рад возможности быть вновь близ в. и. в. Остаюсь с глубоким почтением

вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга
Бетховен.

Медленная и продолжительная работа над *Missa solemnis* не раз прерывалась приступами недугов, все глубже проникавших в организм композитора; не раз отрывали также его от работы семейные дразги, тяжба с матерью Карла и все чаще повторявшиеся посещения любопытных туристов и местных приятелей, музыкантов и литераторов, издателей, художников и т. п. Слава о Бетховене, все более распространяясь, обратила на себя внимание многих немецких и иноземных учреждений, причем соотечественники, конечно, шли в хвосте иностранцев: еще ранее избранный в почетные члены чужеземных музыкальных обществ, Бетховен избран 15 марта 1819 года почетным членом филармонического общества в г. Лайбахе, а 1 октября он удостоился такой же чести даже венским купечеством.

Музыкальные дела вершились тогда в Австрии, видимо, такими же чуждыми искусству лицами, как ныне в России, и дирекция филармонического общества в Лайбахе, еще десять лет тому назад наметившая кандидатами в почетные члены свои Бетховена и Хуммеля, обратилась предварительно за советом к доктору медицины Антону Смиту, имя которого неизвестно даже Фегису. Доктор медицины Смит авторитетно ответил: «Я сочувствую избранию Хуммеля, состоящего вторым капельмейстером у князя Николая Эстергази (первым капельмейстером был И. Гайдн); Бетховен же слишком своеволен и груб. Папы-Гайдна я уже давно не видел... Он слаб и почти ничего не пишет, но вскоре буду у него и поговорю о канонах». Тем не менее в дирекции нашлись лица настойчивые, и Бетховен получил диплом такого содержания: «филармоническое общество в Лайбахе, имеющее целью развитие искусства и музыкального вкуса публики, стремится ревностно, посредством избрания новых членов, к упрочению, украшению и обогащению общества как с внешней стороны, так и внутри его, а потому прониклось желанием украсить список своих почетных членов вашим именем» и т. д.

В ответ на это композитор писал дирекции:

Филармоническому обществу, в Лайбах.

Вполне ценю то почетное звание, которым достойные члены филарм. общества, в знак признания моих ничтожных музыкальных заслуг, наградили меня, избрав почетным членом и прислав мне диплом, через г. ф. Тушера. В доказательство моей признательности пришло общест-

ву через того же г-на фон Тупшера еще не вышедшее в печати свое произведение. Во всяком случае, если общество будет нуждаться во мне, то всегда готов ему служить.

Преданнейший почетный член филармонического общества
 Людвиг ван Бетховен.
 Вена, 4 мая 1819 г.

Внимание современников к гениальному композитору не ограничивалось подобными дипломами. Из Милана тогда же пишут Бетховену о желании местных любителей прослушать фортепианную сонату Бетховена ор. 106 и что с этой целью ждут приезда туда Доротеи Эртман, так как «никто другой не может

Дом Бетховена в Медлинге
 на Хауптштрассе
 (в 1818 и 1819).

сравниться с нею в исполнении этого произведения...» Два туриста-англичанина явились к нему, чтобы выпросить на память себе перо его... Осенью 1819 года Шимон пишет портрет Бетховена, по словам современников, наиболее удачный и, вероятно, поэтому наиболее популярный; после него другие два художника, Штилер и Даффигер, заняты тем же, а еще ранее, летом 1818 г., в Медлинге, молодой художник Клебер навещает его, чтобы окончить свою работу.

«Бетховен, — рассказывает он, — был постоянно очень серьезен, его мрачные, озабоченные взоры

были постоянно устремлены к небу. Однажды, только что я вышел на прогулку, как увидал Бетховена, поднимавшегося на холмик из оврага, отделявшего нас. Под мышкой он держал серую войлочную шляпу. Дойдя до вершины холма, он растянулся под сосной, устремил взор на небо и долго-долго оставался в таком положении».

Глухота композитора достигла такой степени, что разговор с ним стал крайне затруднительным; обстоятельство это вызвало появление так называемых разговорных тетрадей (*Conversationshefte*), посредством которых оглохший композитор вел беседу с окружавшими его лицами. В берлинской королевской библиотеке хранится 136 таких тетрадей в восьмую долю листа, в синих обложках, исписанных разными почерками, порою даже рукою Бетховена, хотя никто из собеседников его не был глух; многие страницы до настоящего времени не разобраны, не дешифрованы, но систематические работы в этой области недавно начаты. К помощи этих тетрадей (а иногда — аспидной доски) прибегал композитор также в тех случаях, когда намеревался расспросить кого-либо секретно от других присутствующих; так, например, встречаются здесь вопросы вроде: *qu'est ce quil parl cet home la?* и т. п.

Один из поклонников Бетховена и, видимо, меценатов выражал настойчивое желание иметь портрет композитора работы Штилера, о чем Бернар пишет в разговорной тетради (1820 г.):

«Он написал Штилеру... он непременно хочет, чтобы Штилер написал ваш портрет во весь рост... Ваш портрет будет хорош, всяк узнает сразу... Когда вы окажете честь Штилеру и мне, пообедав с нами?.. Штилер скоро уезжает... Вы еще в прошлом году обещали принять его приглашение, но вы забыли...» Этому же художнику композитор пишет:

Достойнейший друг!

Сегодня не могу быть у вас. Завтра буду ровно в 11 часов. — Извините, глубоко вас уважающий и преданнейший

Бетховен.

Одновременно со Штилером к работе приступает скульптор Антон Дитрих, создавший весьма удачный бюст Бетховена в натуральную величину.

Композитор Цельтер, директор берлинской Singakademie, писал к Гете 29 июля 1819 года: «Я хотел посетить Бетховена, но он живет на даче и никто не может указать его адреса. Хотел написать ему, но меня уверили, что он почти недоступен, потому что почти совсем оглох. Пожалуй, лучше не искать его; мне было бы больно видеть его раздраженным». Тем не менее 12 сентября он, наконец, встретил Бетховена на дороге в Медлинг и едва не заплакал, заметив сильную глухоту отшельника, в свою очередь сердечно приветствовавшего Цельтера. Затем они сговорились сойтись у издателя Штейнера в улице Патерностер, о чем известили последнего; Штейнер, в ожидании таких гостей, собрал у себя до 50 выдающихся любителей и музыкантов, но знаменитые гости не явились и встретились лишь вечером в театре, где также не имели возможности беседовать, так как Цельтер сидел в партере, а Бетховен находился в райке, откуда «легче схватить ансамбль», как он говорил.

По возвращении в Медлинг Бетховен обменивается любезными записками с берлинским музыкальным сановником.

Карлу Цельтеру из Берлина.

Вена, 18 сентября 1819.

Милостивый государь!

Не моя в том вина, что вас недавно, как здесь выражаются, надули; непредвиденные обстоятельства лишили меня удовольствия провести с вами несколько приятных, полных наслаждения и плодотворных для искусства часов. К сожалению, я слышал, что вы уже послезавтра покидаете Вену, а мое пребывание на даче вследствие моего слабого здоровья в настоящем году не приносит мне той пользы, как прежде. Может статься, что я послезавтра опять приеду в город, и если после обеда вы еще будете там; то надеюсь иметь возможность со всей сердечной искренностью лично выразить вам, сколь высоко ценю вас и хочу сблизиться с вами.

Второпях ваш преданнейший друг Бетховен.

Уважаемый друг, я отправился в Медлинг, чтобы посетить вас, чтобы еще раз в жизни повидаться с человеком, который доставляет столько радости и наслаждения добрым людям, к числу коих отношу я также себя. — Мы встретили вас по пути, но я не считаю поездку свою

неудачно, ибо все же имел возможность лицезреть вас. Относительно недуга вашего мне уже говорили, и я вполне сочувствую вам. Послезавтра я возвращаюсь к своим обязанностям, но не перестану глубоко уважать вас и любить.

Ваш Цельтер.

Вена, 18 июля 1819.

Природная рассеянность Бетховена, в связи с озабоченностью домашними делами, производила не раз впечатление ограниченности ума, что видно из другого письма Цельтера (12 августа 1819 г.) к Гете: «Говорят, Бетховен глуп». Странности же в обращении как бы подтверждали этот слух. Знаменитый поэт и драматург Грильпарцер, роскошный монумент которого красуется в Вене, против здания парламента, посетил Бетховена в Деблинге; собираясь в обратный путь, он предложил композитору довести его в карете до центра города; не доезжая городских ворот, Бетховен сует поэту в карман плату за конец, выскакивает из кареты и, как школьник, убегает от него с хохотом.

Молодой издатель Шлезингер, сын основателя известной ныне фирмы, один из весьма немногих музыкантов с университетским образованием, что, конечно, не мешало ему эксплуатировать многих композиторов (и Бетховена в том числе), посетил

последнего в Медлинге; композитор принял его ласково, долго беседовал с ним о своих несчастьях, о своем жалком положении, «потом, — рассказывает Шлезингер, — стал искать на кухне кусок телятины и пришел в ярость, не найдя ее». После двухчасового визита Шлезингер возвратился в Вену и послал композитору желанную телятину. На следующее утро он был еще в постели, когда вошел Бетховен, любезный, ласковый, не находивший слов выразить свою благодарность за внимание и поднесший ему, как бы в ответ на переговоры их о предоставлении Бетховеном некоторых рукописей для издания, четыре строки нот.

Цельтер.

Одному из многочисленных посетителей своих, профессору Вильгельму Христиану Мюллеру, поэту и музыканту, прибывшему из Бремена, композитор писал:

Простите, что не мог сегодня дожидаться вас. Очень неприятное обстоятельство лишает меня удовольствия видеть вас. Может быть, вы останетесь еще несколько дней; — я узнаю об этом от г. Штрейхера; — в таком случае попрошу вас сделать мне удовольствие и видеть вас у себя. — Виною всему перемена квартиры, на что требуется еще несколько дней.

Ваш преданнейший Бетховен.

Получив столь лестное приглашение, Мюллер, со своею дочерью Элизою, поспешил воспользоваться им; игра последней, полная выражения, таланта и индивидуальных штрихов, вызвала расспросы Бетховена о ее композициях.

— К сожалению, у нас в Бремене нет профессора, который мог бы руководить занятиями, — ответила юная пианистка.

— Помилуйте, у вас там Рим, директор вашей Singakademie... — возразил Бетховен. — Советую заняться с ним; это принесет вам значительную пользу...

В октябре 1819 года газета «Morgenblatt» сообщает о композиторе следующее:

«Как под словом поэт принято подразумевать Гете, так и Бетховена можно называть просто маэстро; теперь он работает над кантатой, на слова друга своего г. Бернарда, для венского музыкального общества; временно работа эта прервана композицией обедни для эрцгерцога Рудольфа; назначение последнего архиепископом, надо надеяться, вызовет новое произведение маэстро в этом роде. Нельзя не восхищаться образом жизни этого отшельника: он весь отдался искусству; общество притягивает его к себе постольку, поскольку оно восхищается гением его; он не избегает дружеской беседы и, пока не лишился слуха, был словоохотлив, непринужденно весел, речь его была полна метких, иногда язвительных острот и либеральных суждений. С неутомимой заботой и родительской любовью относится он к своему племяннику, на которого возлагает большие надежды. Будущее покажет основательность его предположений. Во всяком случае, привязанность эта указывает на способность его глубоко чувствовать; в том же убеждает нас многое другое, хотя внешность не соответствует этому. Кроме музыки, он занимается классической литературой, в особенности интересуется древними писателями...»

ГЛАВА XIV

1819 — 1821

Нужда приближается. — Вена во времена реакции. — Упадок вкусов и нравов. — Мечты о поездке в Италию и Англию. — В поисках издателя мессы и полного собрания сочинений. — Обращение к Артарию, Хаслингеру, Рису, Петерсу, Шлезингеру и др. — Участие брата Иоганна.

Обзаведясь хозяйством, Бетховен все чаще изменяет своей привычке ежедневно, если только работа или болезнь не мешают ему, посещать ресторан, где в кругу приятелей и за стаканом вина или пива быстро проходили долгие зимние вечера; даже в часы мрачного настроения, бывало, его находили здесь, одинокого, молчаливого, с трубкою в зубах и с ворохом газет, среди которых преимущество отдавалось «Всеобщей Аугсбургской газете», «Нюрнбергскому корреспонденту Германии» (тогда же прекращенному Меттернихом за ряд разоблачений), штутгартскому «Morgenblatt» и дрезденской «Abend-zeitung». В те же дни, когда племянник ночует дома, и когда физические страдания усиливаются, глухой композитор проводит вечера у себя, хандрит, брюзжит, бранит прислугу и вызывает такой раздор, с которым не могут справиться ни Цмескаль, ни г-жа Штрейхер, ни заместившие их впоследствии новые приятели: Петерс, Хольц, Шиндлер и др.

Некий Вольфзон, изобретатель усовершенствованного слухового аппарата, воспользовался глухотой Бетховена для своей рекламы; хотя композитор уже отказался от мысли облегчить свой недуг техническими приборами, и Вольфзон со своими трубами был ему совершенно незнаком, тем не менее публикация в одной венской газете гласила: «...наш бессмертный Бетховен пользуется этим прибором с беспорным успехом».

По этому случаю композитор замечает в своей разговорной тетради:

«Conversationsblatt № от 29 февраля 1820 г., господин Вольфзон наврал обо мне».

Затем кто-то спрашивает там же:

— Не поместить ли опровержение от моего имени?

Но инцидент, видимо, на этом прекратился.

Немало раздражала Бетховена хозяйственная бухгалтерия. Кухарка являлась по субботам со счетом и за получением денег, но проверять ее расходы даже один раз в неделю, а тем более выдавать десятки гульденов, часто представляло для композитора трудности почти непреодолимые.

— Никогда у вас нет денег и каждый день, по-вашему, — суббота, — кричал Бетховен на Пеппи или на Зали («г-жу Шнапс»).

— Не могу же я вести хозяйство без денег, — возражала кухарка. — Загляните в календарь ваш и убедитесь в том, что сегодня — суббота.

— Ну вас к черту!.. вот вам десять гульденов в...

Естественным следствием таких сцен являлись в дневнике заметки, вроде следующих (1820 г.):

- 31 января экономке отказано.
- 15 февраля кухарка поступила.
- 8 марта кухарке отказано; уплачено за две недели вперед.
- 22 марта новая экономка поступила.
- 17 апреля кухарка поступила.
- 19 апреля скверный день.
- 12 мая прибыл в Медлинг, Miser et pauper sum.
- 14 мая экономка поступила, за шесть гульденов в месяц.
- 16 мая кухарке отказано.
- 19 мая кухарка уволена.
- 30 мая женщина поступила.
- 1 июля кухарка поступила.
- 20 июля экономке отказано.
- 28 июля вечером кухарка сбежала.
- 30 июля женщина из Нижнего Деблинга поступила, четыре несчастных дня, 10, 11, 12, 13 августа обедал в Лерхенфельде.
- 28-го женщину вон.
- 6 сентября девушка поступила.
- 22 октября девушка уволена.
- 12 декабря кухарка поступила.
- 18 декабря кухарке отказано.
- 27 декабря новая горничная поступила.

Вообще в разговорных тетрадах композитора встречается немало строк, посвященных прислуге, хозяйству, излюбленным кушаньям и, в особенности, рыбе, напр.:

— Какую рыбу и сколько? — спрашивает приятель Хольц. — Если кухарка по злобе не испортит ее. — ...Я знаю торговку: если на неделе захотите иметь рыбу, то пошлите к ней, платеж помесечно. Это самое лучшее... Три фунта карпов слишком много... Нам надо когда-нибудь съездить в Триест или в Венецию, чтобы покушать устриц, — замечает Петерс.

Лет 10-15 тому назад средства композитора к существованию, его материальное положение были настолько обеспечены, что он самодовольно сообщал об этом своим приятелям; но обстоятельства изменились: он стал менее плодovit, а потому лишился значительных гонораров от издателей и сборов с концертов, которые он прежде устраивал, привлекая публику исполнением больших новинок своих; сам он также не выступал виртуозом, да и качества концертов, после наполеоновского разгрома и эмиграции знати, стали таковы, что Бетховену не было места.

О стесненном материальном положении композитора осенью 1820 года Брентано пишет своим знакомым:

«Положение его трудное, тяжелое, но об этом не надо говорить издателю... Виною тому не он сам, а его излишняя довер-

чивость к другим, в особенности к слабому кардиналу, который втянул его в болото, и он не может выбраться оттуда».

Сначала нужда в деньгах удовлетворялась краткосрочными ссудами приятелей и издателей; Штейнер, еще не получивший старого долга в 1300 фл., выдал композитору на два месяца 300 фл., в чем получил соответственную расписку.

Расписка.

Уплаченные мне сегодня заимообразно г. А. Штейнером наличными деньгами семьсот гульденов в. в. обязуюсь возратить 30 декабря 1819 г. с 6 проц. интер. приказу моего г. заимодавца и тем выкупить мою настоящую расписку.

В удостоверение сего расписку сию сполна написал и собственноручно подписал — 30 октября 1819.

Людвиг ван Бетховен.

Даже часть неприкосновенного капитала, завещанного племяннику, была временно пущена в оборот, для чего пришлось прибегнуть к содействию секретаря австрийского национального банка, Зальцмана, и еще какого-то неизвестного лица.

Г-ну Зальцману в Вене.

Уважаемый друг!

При всем своем желании не мог никак посетить вас. — Множество занятий и незнание вашей квартиры помешали мне принести вам новоднее поздравление, я хотел прийти к вам с моим племянником, но несчастный случай помешал этому, а теперь он болен — я же вновь нуждаюсь в вашей помощи, потому что способен лишь строчить ноты, но ничего не смыслю в делах, простите, что опять надоедаю покорнейшей просьбой указать мне месяцы и числа, я приду к вам в назначенный вами час, в ваше бюро, где будете любезны указать ваше местожительство, и как только племянник поправится, мы посетим вас, кроме того, я должен извиниться перед вашей супругой, ибо помнится я как-то сказал ей возмутительную грубость, конечно, без злого умысла, но я должен уладить это и потому ожидаю прощения и отпущения грехов.

С глубочайшим почтением ваш друг и слуга Бетховен.

Пожалуйста, хлопочите о дражайшем дивиденде, чтобы я мог получить его сегодня или завтра, ибо наш брат всегда нуждается в деньгах, а из нот не сошьешь енотовой шубы.

Баден, 27 сентября 1821

Милостивый государь, простите за хлопоты, которые причиняю своей смелостью. Я поручил подателю сего, г-ну фон — разменять или продать один банковый билет. Так как я не знаком с этим делом, то прошу вас покорнейше дать ему советы и указания. Прошлою зимою и летом разные болезни расстроили мои денежные дела. Я здесь с 7-го сентября и должен остаться до конца октября. Все это стоит много денег и мешает мне зарабатывать обычным путем. Хотя я ожидаю денег со стороны, но билеты стоят так высоко, что я счел это самым легким способом помочь себе в данный момент, а впоследствии куплю опять банковый билет. — Скорее, немедленно.

Ваш друг Бетховен.

Вы сейчас поймете мой финансовый гений. Когда это письмо было готово, то посоветовался я с одним другом. Оказалось, что нужно только отрезать купон и цель достигнута. Я очень рад, что более не затрудню вас.

Ваш Бетховен.

Политическая и социальная жизнь Европы, а в частности и в особенности Австрии, всегда занимала нашего композитора, о чем нередко упоминал он в письмах своих. Ближайший после Венского конгресса период был эпохой торжества реакции; вслед за французской революцией и раскинутыми по миру идеями ее, вслед за многолетними войнами Наполеона последовало возрождение темных сил, к которым примкнуло немало выдающихся ученых, профессоров и писателей. Император Франц, с помощью Меттерниха, привлек к деятельности на пользу отечеству целый ряд талантливых лиц: Фр. Шлегель, Вернер, Ад. Мюллер и многие другие оказались верными слугами царствующего дома и камарильи его. В основанной ими газете и в проповедях их проводились идеи, блестяще развитые, но скрывавшие в себе яд для народа и нектар для правительства; все сводилось к тому, чтобы задушить общественное движение, погубить лучшие силы страны, закрыть все пути к благоденствию низших классов.

«У меня сегодня был Валлисхаузер, — пишет Бетховен в дневнике, — он рассказывал, что Шлегель только пьет, ест и читает библию, а Вернер, вероятно, кончит сумасшествием, так как никто не ходит на его проповеди... У Вернера все три жены еще живы... Прежде, чем учить народ, им следовало бы самим исправиться... Геррес погиб здесь навсегда, так как опять решился сказать правду... Глупость и ничтожества всегда неразлучны... Лекции Бернта о средствах против мнимой смерти и т. д., с гравюрами, 8°, Вена, 1 фл. 30 кр... Валлисхаузер, № 543 Hoher Markt; Ивана Симонова описание путешествия и открытий в южном Ледовитом океане...» и т. д.

Преследование свободной мысли и слова реакционным правительством доходило до того, что Грильпарцер получил выговор от полицеймейстера за стихотворение «Древний и современный Рим», якобы неуместное под пером христианина-автора. Подобные факты вновь наводят Бетховена на мысль о поездке в Англию, где народ не испытывал этого ига; с восторгом слушал он рассказы Блехлингера об австрийских революционерах, героизму которых страна была впоследствии обязана своим процветанием, и охотно вспоминал о временах Директории во Франции.

— Вам следует воспеть Наполеона в гимне; вы ведь не поняли его, — сказал однажды Бернард композитору.

Деспотизм императора Франца и его первого министра быстро отразился на всех проявлениях общественной жизни и, в частности, на искусстве; 11 марта 1820 года «Wiener Zeitschrift» писала: «С тех пор как имена Моцарта и Бетховена изгнаны из концертных программ, только девятилетняя Леопольдина Блахетка решилась играть классическую музыку, включив в свою программу концерт В-dur Бетховена».

Весною 1822 года «Allgemein. Music-Zeitung» писала:

«Со времени усилившейся глухоты Бетховен наш избежал игры при посторонних слушателях, но теперь, видимо, вернулся к

ней. Он уже не раз приводил в восторг общество своими мастерскими импровизациями и доказал, что с большой силой и любовью все еще владеет инструментом. Будем надеяться, что перемена эта отразится благотворно на искусстве».

Джон Рассел рассказывает об одном из музыкальных вечеров у баронессы Путон, где играл Бетховен:

«Он вовсе не заботился о внешности, а потому имел несколько дикий вид, волосы его, не тронутые ни ножницами, ни гребнем в течение многих лет, ниспадали на лоб в таком беспорядке и изобилии, что их можно было сравнить со змеями на голове медузы. Совершенная потеря слуха лишает его всех удовольствий общения с людьми и вызывает его раздражительность. Даже среди лучших друзей все должно делаться по его воле... Я слышал как он играет; однако, нелегко было добиться этого, так как он не выносит просьб этого рода. Если бы его прямо попросили доставить обществу удовольствие это, то он отказал бы наотрез; надо было прибегнуть к хитрости. Постепенно все гости удалились из комнаты, оставив только Бетховена и хозяина, бывшего одним из приятелей его. С помощью записной книжки они вели разговор об акциях. Хозяин как бы нечаянно тронул клавишу открытого фортепиано, около которого они сидели, потом начал наигрывать какую-то пьесу Бетховена, ошибаясь и уродуя ее до тех пор, пока композитор не принялся поправлять его; тогда хозяин также встал и вышел к гостям, которые из соседней комнаты наблюдали за Бетховеном и ждали последствий этого маневра. Оставшись один, Бетховен сел за фортепиано, стал брать бессвязные аккорды, потом начал импровизировать и играл с полчаса. Знатоки были в восторге; остальные с любопытством следили за отражением исполняемого на лице артиста. Характер игры его был смелый, повелительный, бурный, иногда же сменялся настроением нежным, ласкающим».

Тот же современник рассказывает в своих мемуарах другой эпизод, отражающий знакомую уже нам натуру композитора, склонного к причудам и грубым выходкам:

«Он часто посещал ресторан, где, уткнувшись в газету, за стаканом вина или пива, за порцией сыра или копченой селедки, просиживал целые вечера. Однажды к столу его подсел господин, наружность которого не понравилась композитору; он несколько раз взглянул на этого непрошеного соседа в упор, сплюнул на пол, смял газету, вскочил и направился к выходу, крикнув на всю комнату:

— Что за гнусная рожа!

Весьма выдающийся скрипач, солист короля испанского, Александр Буше, концертируя по Германии, провел весну 1822 года в Вене. Биограф его Валла с истинно французскою развязностью рассказывает о свидании его с Бетховеном, очевидно, прикрасив и дополнив своею изобретательностью подробности этого визита. Буше имел с дюжину рекомендательных писем к Бетховену. По приезде в Вену он постучал у дверей скромной квартиры, в которой жил великий артист. Служанка ответила ему, что Бетховена нет дома.

— В котором часу его можно застать?

— Этого я вам не могу сказать.

Буше отдает этой женщине одно из своих писем и удаляется. На следующий день он не был счастливее и оставил второе письмо. Вечером он возвратился также без успеха и продолжал так каждый день. Бетховен добросовестно бросал в корзину все письма, которые его прислуга передавала ему от имени г. Буше, и которые были подписаны герцогами, князьями, музыкальными фирмами, финансистами, которые для него имели все одну цену. Но едва он прочел шестнадцатое письмо, как схватил свою шляпу и побежал, точно сумасшедший, искать Буше. Оно было написано и подписано рукою его дорогого друга Гете. Кто имеет рекомендацию Гете, тот не может быть назойливым, тот должен быть великим артистом.

Желая видеть его немедленно, он бежит из одной гостиницы в другую и по дороге встречает оперного композитора Сальери, автора «Семирамиды».

— Найди мне, — говорит он ему, — скрипача Буше, имеющего рекомендацию моего дорогого Гете, и приведи его ко мне домой, где я буду сидеть безвыходно, пока не увижу его. Сальери без труда находит его и охотно провожает его до квартиры Бетховена; по дороге он вынимает из кармана канон, сочиненный накануне, и выражает желание попробовать свое новейшее произведение, а потому оба они начинают петь среди улицы. В это время Сальери встречает одного из своих друзей и останавливает его.

— Кстати, у меня тут канон на три голоса и вот ваша партия.

Только они кончили петь, как увидели старого артиста Кроммера в роскошном экипаже с князем Лобковичем.

— Вот то, что мне нужно! — воскликнул Сальери; он останавливает экипаж и просит Кроммера сойти, чтобы исполнить канон на четыре голоса.

Старый музыкант охотно соглашается, и князь имеет удовольствие присутствовать на концерте под открытым небом, удовольствием которого делает его еще приятнее.

Наконец, Буше приходит к Бетховену, который встречает его с распростертыми объятиями и приглашает его послушать свои последние произведения. С этой целью маэстро просит его войти с ним в большой акустический ящик, заказанный им вследствие глухоты, и там, наедине с этим великим гением, Буше имел счастье слушать в исполнении автора увертюру «Прометей», отрывок его из оперы «Фиделио» и несколько необыкновенно красивых симфоний. Восхищенный скрипач попросил у него на память прядь волос и несколько строк музыки. Бетховен уступил его желанию и тотчас же набросал на бумагу свое минутное вдохновение в блестящих пассажах, снабженных такою скромною подписью: «29 апреля 1822 г. г. Буше, великий скрипач, оказал мне честь своим посещением. Людвиг ван Бетховен». Однако, надо думать, что, перечтя эти несколько слов, быстро написанных, великий композитор, прекрасно знавший наш язык, нашел одно выражение настолько неподходящим, что несколько раз изменял и зачеркивал, пока появился ряд неразборчивых букв...»

Приезжих концертантов было в это время мало, виртуозы не отваживались заглянуть в столицу музыкального мира, и если весной 1820 года Моцарт-сын решился выступить перед венскою

публикою, то надеялся привлечь слушателей своим громким именем. В разговорной тетради Бетховена кто-то завел по этому случаю беседу с композитором: «Похож ли молодой Моцарт на отца своего?.. Он до сих пор не навестил вас, это не делает чести ему... Здесь его примут хорошо, но едва ли он займет видное место... Впрочем, говорят он очень хороший пианист; он очень честолюбив...» Через месяц опять разговор касается Моцарта-сына: «Моцарт не был у вас?.. Хуммель тоже?.. У последнего инструмент совсем не поет; он хорошо исполняет только пассажи; Гете не любит этого... Гете сказал, что, только прослушав вашу игру, он понял прелесть фортепиано... Хуммель пустой человек...»

А. Сальери.

крестьянин и т. п.), едва поддающихся соответственному переводу.

Знаменитейшей музыкальной фирме в Европе Штейнер и К^о, в переулке Патерностер (miserere).

Прошу у Geh'Вауер'а несколько билетов, так как некоторые из моих друзей желают послушать эту подпольную музыку. Если у вас самих имеются такие отхожие билеты, так пришлите мне один или два.

Ваш Amicu Бетховен.

Государство принадлежит хору, в котором мужик имеет голос.

Компаньоном Гебауера по устройству концертов был Фердинанд Пирингер, с которым мы встретимся в дальнейшем изложении; это был комик, вызывавший смех иногда одною лишь игрою лица и часто забавлявший Бетховена. «Вы только генералиссимус, — говорил он композитору, — а царь музыкантов — Моцарт». Один из последних концертов, данных Бетховеном, состоялся весной 1818 года в Редуте, с участием К. Черни, игравшего Es-dur концерт. Опера «Фиделио» ставилась редко, и автор почти потерял надежду на сборы и лавры в храме Мельпомены. Пенсия, получаемая от триумвирата меценатов, благодаря низкому курсу австрийской валюты, скупости наследников кн. Кинского и банкротству кн. Лобковича, имущество коего было взято под опеку, сократилась в значительной степени. Небольшая сумма, которую приберег композитор в былые времена,

была обращена в процентные бумаги, завещанные им племяннику и потому хранившиеся неприкосновенно. При таких условиях Бетховену приходилось часто отказывать себе в предметах первой необходимости или прибегать к займам; бывали дни, когда он не мог заказать обеда и довольствовался кружкой пива с булочками в трактире. В дневнике композитора 19 апреля 1820 года записано: «О, скверный день...» А в августе того же года было «четыре тяжелых дня, 10, 11, 12 и 13 числа, когда обедали в Лерхенфельде». Вероятно, в то же время подчеркнуты в персидских песнях Саади следующие слова: «Вы считаете меня скупым? Дайте мне возможность быть расточительным...» Принимая во внимание склонность Бетховена к фантастическим, почти несбыточным мечтам и проектам, понятно, что тяжелое, почти бедственное положение не мешало ему носиться с мыслью о выезде из Вены, где его не ценили, где порою осыпали его комплиментами, но не заботились о его средствах к существованию; он мечтал о поездке в Лондон, где, пожалуй, англичане несколько утешили бы его своею щедростью; но еще страннее мечта композитора с пустым кошельком о путешествии по Италии; в разговорной тетради за 1820 год Петерс напоминает ему:

«Если мы не уедем через неделю, то пропустим страстную неделю в Риме и Miserere».

Если бы издатели, к которым обращался в это время композитор, приняли его условия и успели выполнить их, то, быть может, он осуществил бы свои намерения, но, как увидим из переписки с ними, назойливые предложения великого симфониста, вызванные нуждой, принимались неохотно, даже с недоверием к исправному выполнению обязательств, что озлобляло композитора. Главное, почти единственное произведение, которое Бетховен предлагал в это время издателям, была месса, начатая в 1818 г.

Упадку энергии способствовал ряд событий и условий жизни, сыпавших свои беспощадные удары на героя нашего, чрезмерно впечатлительного и порою до болезненности чувствительного к таким невзгодам обыденной жизни, которые не оставляют следа на иных, заурядных натурах. После целого ряда отвергнутых сердечных увлечений он переносит всю свою безграничную любовь на племянника, а в то же время этого племянника стараясь различными средствами вырвать из его рук, и этот племянник оказывается неблагодарным **повесой**, бездарным **лентяем**, лгуном и развратником. После долголетних стремлений обеспечить свое существование должностью при казенном театре или иным «артистическим» положением, он лишается значительной части даже того пенсионя, который служит ему главным источником существования. После создания восьми симфоний и десятков других бесподобных произведений инструментальной музыки, после блестящего внешнего успеха в дни Венского конгресса о нем все забывают, им пренебрегают. Бетховену еще нет пятидесяти лет, но физические недуги отравляют его организм, и уже **напрасны мечты об исцелении**... Безропотная покорность судьбе и **отчаяние** — вот два возможных эпилога к этой грустной повести. Бетховен, испивший всю эту горькую чашу и некогда благословлявший надежду (ор. 94), все еще пытается воспеть

радость (или свободу? — финал 9)!.. Склонность к отвлеченному мышлению парализует отчаяние. Бетховен покоряется судьбе!..

В период времени между 1818 и 1824 годами в печати появились следующие произведения, часто упоминаемые в переписке автора с издателями; ор. 104, квинтет *C-moll*, переделанный из трио ор. 1 № 3; ор. 105, шесть тем (шотландских) с вариациями, для фортепиано с флейтой или скрипкой; ор. 106, соната фортепианная *B-dur*; ор. 107, семь тем (преимущественно шотландских, одна — русская) с вариациями, для фортепиано с флейтой и скрипкой (по заказу издателя Томсона из Эдинбурга); ор. 108, двадцать пять шотландских песен для 1 и 2 голосов, с хором и аккомпанементом фортепиано, скрипки и виолончели (по заказу Томсона были написаны еще в 1815 году, но изданы в Вене спустя 6 лет, когда нужда заставила автора выпустить на рынок многие залежавшиеся мелочи); ор. 109, фортепианная соната *E-dur*, посвященная Максимилиане Брентано; две последние фортепианные сонаты, ор. 110 и ор. 111; ор. 112, «Морская тишь и счастливое плавание», стихотворение Гете, положенное на 4 голоса с оркестром еще в 1815 году и посвященное гениальному поэту; ор. 114, марш с хором, обработанный для постановки 3 октября 1822 года, в день открытия антрепренером Хенслером нового театра в Йозефштадте. Торжественный марш к трагедии «Тарпея» (сер. 2, № 5), марш для военного оркестра (*E-dur*), также написанные за много лет ранее; романс (сер. 23, № 34). Тогда же написаны: одиннадцать танцев (изданы в 1907 г.), маленькая пьеса в *E-dur* и романс (сер. 25, № 281). По инициативе Шлезингера, предоставленной ему автором, соната ор. 108 посвящена князю Антону Радзивиллу, а ор. 111 — эрцгерцогу Рудольфу. Берлинская «*Music-Zeitung*» нашла в сонате ор. 111 «печальные звуки похоронной музыки приближающегося погребального кортежа и похоронный звон», каковое толкование возмутило автора, и весной 1826 г. он писал редактору этой газеты, прося пощады впредь своим произведениям.

Этим небольшим музыкальным багажом автор сумел нагрузить множество писем к издателям, часто упоминая также о мессе, появившейся в печати лишь в год смерти Бетховена, и о *Gratulation-Menuette* для оркестра, написанном ко дню ангела Карла Хенслера и изданном лишь в 1835 г. В письмах этих встречаются нотные отрывки, большею частью юмористические, музыкальные шутки композитора, текст которых порою не поддается переводу и потому пропущен нами. Чтобы избежать значительного отступления от принятого нами изложения в хронологическом порядке, мы приводим ниже лишь часть писем к издателям и брату Иоганну, касающуюся приведенных выше произведений и относящуюся к ближайшим годам после создания этих композиций. За вульгарным содержанием переписки, за фразами, порою льстивыми, порою торгашески-неискренними, за необычным многословием навязчивого бедняка трудно иногда узнать того великого композитора и необыкновенного человека, проникнутого высокими идеалами и благородством, каким был Бетховен. Имена адресатов уже известны читателю, это все владельцы или основатели главнейших музыкальных фирм, процветающих еще в наши дни; в числе их находится Петерс, владелец музыкального магазина в Лейпциге, приобретенного им от знакомых нам и уже умерших тогда Хофмейстера и

Кюнеля. С этим издателем композитор заводит речь, между прочим, о намерении, которое родилось в мыслях его еще в 1816 году и все настойчивее преследовало до самой смерти — об издании полного собрания своих сочинений; эту трудную задачу все издатели старались отклонить, и выполнила ее лишь фирма Брейткопф и Хертель, но спустя 60 лет и в таком совершенстве, какое было непойсильно для современных автору издателей.

Еще в 1816 году издатель Хофмейстер в Лейпциге собрался выпустить полное собрание фортепианных произведений Бетховена, но другие издатели и якобы приятели, Штейнер и Хаслингер, своими советами и участием в переговорах успели расстроить все дело; Штейнер в то же время сам взялся издать полное собрание сочинений Бетховена, назначив за каждую новую пьесу, сверх существующих, особую плату: за симфонию — от 40 до 60 дукатов, за ораторию — 200-300, реквием — 120, оперу — 300, сонату — 30-40 и т. д. Расценка не очень щедрая, если принять во внимание значение, например, его сонат и стоимость рукописей его спустя 70-80 лет. Но несчастный композитор был склонен принять даже тариф Штейнера. «Можно, — писал он, — оставить эту расценку для Австрии и, пожалуй, для Франции, а в моем распоряжении остается договор с английскими издателями. Что же касается издания полного собрания сочинений, то Англию и Францию надо выделить; авторский гонорар должен быть 10.000 флоринов...»

В 1820 году Бетховен вновь заводит разговоры на эту тему и опять согласен продать право издания всех сочинений за 10.000 гульденов, прибавив за особую плату несколько новых произведений, чтобы тем увеличить интерес издателя к такому предприятю и интерес публики к изданию, содержащему новинки; в одной из бесед на эту тему Бернард уверял композитора, что гонорар можно увеличить до 30.000 фл. Наконец, в 1821 г. Хаслингер выпускает собрание сочинений Бетховена на 4.000 листов в роскошном издании, о котором газеты отзываются с восторгом и тем вновь наводят на мысль о полном собрании. Некоторые из писем Бетховена к издателям написаны племянником Карлом под диктовку его, это преимущественно письма к брату Иоганну, которого, как кредитора своего, композитор вновь принужден посвятить в свои денежные дела и в переписку с издателями о продаже рукописей, среди коих центральное место занимает партитура мессы, вызывавшая иногда, несмотря на запрещение доктора Штауденхейма, усиленную работу композитора и многочисленные назойливые послания его к Шлезингеру, Артариа и компаньону его — Больдерини,¹ к Штейнеру, Петерсу и Зимроку, хотя в заключение она была продана Шотту (в Майнце) и издана последним.

К г-дам Артариа и К^о в Вене.

1 октября.

Добрейшие Virtuosi senza Cujoni!

Сообщая вам о том, о сем, чему вы должны быть очень рады, просим вас прислать нам шесть, повторяю — шесть экземпляров сонаты в В и 6 экземпляров вариаций на шотландские песни, в виде авторского гоно-

¹ В записке к этим итальянцам Бетховен называет их виртуозами-скопцами, намекая на часто еще встречавшихся тогда итальянских певцов-кастратов.

рара. Просим вас послать их Штейнеру в Патерностер-переулок, куда посылаются мне и многие другие вещи.

Надеюсь, будете себя вести исправно и вполне закономерно; остаюсь ваш и т. д.

Преданный Б.

Простите, дорогой А., что утруждаю вас нижеприведенным. Мы отправимся послезавтра в город и будем там уже в 4 часа утра. В виду 2 праздников нам надо в тот же день возвратиться, так как Карл должен здесь готовиться с учителем ко второму экзамену и, благодаря праздникам, учитель может посвятить ему больше времени. К тому же я должен быть вновь в городе из-за метрического свидетельства Карла, а это требует много денег и времени: я не люблю почтовой кареты, потому что она ходит только по пятницам, и как бы я не был религиозен, мне недостаточно одной пятницы в неделю. — Прошу также, если возможно, послать к руководителю хоров или к руководителю невест (черт знает, как зовут попа), чтобы он был так добр и выдал в тот же день, если можно после обеда, метрическое свидетельство Карла. Это можно также утром в 7 часов, сейчас же, как мы прибудем, но должно быть пунктуально, потому что в половине 8-го Карл должен быть уже на первом экзамене; итак, или утром в 7 часов, или после обеда, как обыкновенно. Мы справимся об этом под вашими сводами сейчас же утром до 7 часов, оставив за собою право посетить вас и позже.

Спешу и прошу прощения ваш Л. в. Бетховен.

Медлинг, 12 октября.

Отдать рыцарю Джону Фальстафу у гг. Артариа и К°.

Господину Артариа и К°.

С глубокою благодарностью посылаю вам квитанцию на имя е. импер. высочества кардинала о выданных мне вперед 150 флоринах. Так как мне грозит опасность потерять один из моих банковых билетов, то прошу вас выдать мне еще 150 флоринов, каковые обязываюсь выплатить вам не позже трех месяцев от сегодняшнего числа. А чтобы доказать вам свою признательность, сим обязываюсь передать в вашу полную собственность мое из одной, двух или трех частей, не требуя за это никакого гонорара.

Всегда готовый к услугам Бетховен.

М. П.

Вена, 17 декабря 1820 г.

Любезный Больдерини!

Убедительно прошу вас не откладывать в долгий ящик дело, которое передали вам. Человек этот болен, живет в Адлергассе 1-ый этаж, близ 12 апостолов (против дома графа Дейма). Если не можете теперь же прислать мне 150 гульденов конвенционной монетой, то прошу вас сообщить мне, чтобы я мог найти кого-либо, кто оказал бы мне эту услугу. Я ничуть не упрекаю вас в этом. Если же вы согласны оказать мне любезность, то прошу немедленно выкупить акцию. Проценты уплачены до 18-го января. Я так рад немедленному выкупу акции, что не придаю никакого значения этой небольшой потере.

Вместе с тем напоминаю вам о моих визитных карточках — совершенно просто, именно: Людвиг ван Бетховен. Они мне нужны для ново-

годних поздравлений. Стоимость будет немедленно оплачена. — Прошу, прошу поторопиться с выкупом акции.

Ваш друг Бетховен.

Срок дивиденда наступает, и мне необходимо получить акцию, с Шиндлером у меня уже были неприятности по этому делу. При встрече сообщу подробности.

Sehr geehrte Herr v. Beethoven,
 erlaube, ich bitte dich die
 Aktien der Gesellschaft für
 den Bau der Eisenbahn
 zu kaufen — allein ich bin nicht
 sicher ob die Aktien nicht
 schon durch den Verkauf
 an den Staat sind. —
 Ich habe mich deshalb
 erkundigt und habe erfahren
 dass die Aktien noch
 zu haben sind. — Bitte
 dich die Aktien zu
 kaufen. — Ich werde
 dich dafür dankbar
 sein. —
 Dein ergebener
 Diener
 Beethoven

Письмо Бетховена к Бальдерини.

К Бальдерини.

Добрейший Фальстаф!

Покорнейше прошу прислать мне по одному экземпляру каждого из двух произведений для фортепиано и флейты с вариациями. Квитанцию получите завтра, а потому прошу прислать скорее. Господину Артариа свидетельствую свое почтение и благодарю за заботы относительно задатка, так как я уже получил плату из-за границы и теперь ни в чем не нуждаюсь. — Прощайте, рыцарь Фальстаф, не будьте слишком распутны, читайте евангелие и исправьтесь. — Мы же во всяком случае к вам благосклонны.

Бетховен.

Так как я завален работой, то могу вам только сообщить, что за услуги, оказанные вами мне, я готов во всякое время отплатить вам по

мере сил. Что касается мессы, то мне предложили за нее 1000 фл. к. м. Обстоятельства не позволяют мне принять от вас меньший гонорар; все что могу сделать, это отдать вам предпочтение. Будьте уверены, что я не возьму от вас ни на грош больше того, что мне предлагают другие; я мог бы это доказать вам письменно. Подумайте об этом, но я должен вас просить дать мне ответ до полудня завтра, так как завтра почтовый день и кое-кто ожидает моего решения. Относительно 150 фл. к. м., которые я вам должен, могу предложить вам также кое-что, так как 1000 фл. мне крайне нужны. — Во всяком случае прошу вас хранить тайне все, что касается мессы.

Всегда благодарный друг ваш Бетховен.

22 августа 1822 г.

Медлинг, 10 октября 1819.

Любезный Штейнер!

Позавчера я просил вас письменно прийти ко мне еще до продажи дома, вы, право, сделали бы мне большое одолжение, продажа с аукциона назначена на 13-е этого месяца, значит уже в среду, без вашего совета я не хотел бы ничего предпринять, капитал таким образом ни в коем случае не должен уменьшиться, так как племянник мой посвятил себя наукам и после моей смерти будет также нуждаться в поддержке для своих занятий — поручили ли вы нотариусу составить формуляр, я возвращаю вам с благодарностью ваши расходы

Почтенному Тобиасу.

Я говорил о вар. эрцгерцога, предложил для этого вас, так как думаю, что на этом вы не понесете убытка, конечно, надо считать за честь издание чего-либо подобных princeps Professore — что касается унтер-офицера, то прошу вас передать ему, чтобы он еще ничего не продавал из того, что я ему указал до моего возвращения в город, а также прошу его не забыть указать постояльцам и привратнице на Landstrasse, что звонок и ставни принадлежат мне — итак, надеюсь увидеть вас завтра или послезавтра, лучше всего поутру, так как мы должны поговорить с г. ф. Картон, тогда же осмотрим дом и если нужно после осмотра всего, то можете взять из канцелярии и передать судье, так как я вполне согласен с вами — прилагаемое письмо д-ру Штауденхеймеру прошу вас послать завтра и непременно после обеда не позже 4 в дом графа Гарраха на Freiumg; пусть унтер-офицер дождетя ответа и ответь этот сдаст на почту тотчас же завтра, так чтобы я получил его во вторник, я уже подозреваю, что вы придете во вторник, в таком случае могли бы привезти его с собою — итак, прошу исполнить мою просьбу завтра или послезавтра

второпях ваш друг и слуга Бетховен.

Добрейший Г-лл—т.

Прошу вас прислать несколько дуэтов, терцетов, квартетов для пения из разных опер, а также несколько переложений их на скрипичные квартеты или квинтеты, также песню «Меркенштейн», der Mann von Wort, an die Hoffnung и an die ferne Geliebte, все вместе прошу доставить мне непременно сегодня после обеда, ибо есть возможность их отправить, — г-лл-т должен смазать г-ла, а г-л других, не будь бездонных залежей в рудниках г-лл-та и черепа г-ла, мы уже давно погибли бы. — Опека преподносит мне такие сюрпризы, что приходится сма-

зывать колеса, иначе телега не доедет до места. — Графиня Эрдеди пишет мне о всякой всячине, у магистра Браухле тяжелые роды, а потому я тотчас же должен выслать акушерку — желательно иметь сведения о двух экзекуциях, 3-ю приберегаю к тому времени, когда буду в состоянии выйти.

Ваш и пр. и пр. и пр. желаю рудники г-лл-та в лучшем виде

Л. Бетхви m.-p.

Как обстоит с корректурой сонаты и прочих луковиц?

— —
Pour Monsieur de Haslinger.

Весьма уважаемый весьма — Весьма — Весьма — прекраснейшая личность. Первая подстава. Будьте добры прислать мне пакет с вашим пакетом. — Главнейший пришлет также вскоре свой клавирауцгуг — об издании подумайте, новой копии не надо, так как имеются печат. экзempl., а также моя рукопись; — прощайте милейший отставной воин и боевое орудие, — как только будет положено основание моему новому положению, то твое также не будет забыто — ваш и
твой друг Бетховен.

Коллекцию рукописей лучше всего пристроить в Лондоне.

— —
Господину Хаслингеру А-ку и пр. и пр.

Прошу господина ад-ка одолжить мне партитуру увертюры в Es; возвращу ее сейчас же после представления. Пожалуйста, пришлите также Кирнбергера, чтобы дополнить моего. Я даю уроки контрапункта одному лицу и среди вороха бумаг не могу найти своей рукописи.
остаюсь ваш Mi contra fa.

— —
Добрейший аъютант-ик.

Я держал пари в 10 фл. в. в. т. е. д.-ф. в. в., что неправда, будто вам пришлось заплатить Артариа 2.000 фл. вознаграждения за убытки вследствие издания произведений Моцарта, каковые уже всюду перепечатаются и распродаютя. Хотел бы знать правду, — не могу этому поверить. Если же вы действительно потерпели эту несправедливость, то должен Ah dolce contento уплатить 10 фл. Сообщите обстоятельно. Прощайте, живите по-христиански.

Ваш Бетховен.

— —
Высокородным гг. Артариа, Фальстаф и К°.

Покорнейше прошу господина ф. Олива передать 300 фл., каковые при сем приложены сполна. Так как я теперь занят переездом, то не могу иметь чести лично поблагодарить вас и сэра Джона Фальстафа.

Ваш покорный слуга Бетховен.

Вена, 26-го октября 1820 г.

— —
Баден, 5 сентября.

Любезный Хаслингер!

Находясь здесь в водах Стикса, все же нуждаюсь во многом с поверхности земного шара и покорнейше прошу вас одолжить мне на не-

сколько дней 4 вокальные партии марша в Ес из «Развалин Афин», а также партитуру «Сражения при Виттории», каковые через несколько дней возвращу — прошу Штейнера отправиться завтра после обеда к Баху и получить у него 600 фл. к. м., прочие 600 фл. при первой возможности будут выданы также у доктора Баха — моему дорогому Карлу можете доверить все, если «Лейпцигская газета» и пр. разгадайте, найдете.

Как всегда ваш друг и amicus Бетховен.

Господину Товию фон Хаслингеру.

Баден, 10 сентября 1821 г.

Вчера по дороге в Вену я заснул в карете, вероятно, вследствие того, что я здесь рано встаю и всегда недосыпаю. Мне снилось, будто я, путешествуя, странствую по далеким краям, еду в самую Сирию, в самую Индию, вновь возвращаюсь, затем в самую Аравию, и, наконец, приезжаю даже в Иерусалим. Священный город вызвал воспоминания о священных книгах; неудивительно, что я вспомнил славного Товия, и вполне естественно перешел мысленно к нашему Товику. В то же время придумал я канон.

Но едва я проснулся, как канон исчез, и я никак не мог восстановить его в памяти. Однако на следующий день, возвращаясь сюда в той же карете (принадлежащей одному бедному австрийскому музыканту) и продолжая наяву свое фантастическое путешествие, по закону ассоциации идей, я вспомнил вдруг тот самый канон. Я ухватился за него как некогда Менелай за Протея, и позволил ему только разъехаться на 3 гоноса.

Прощайте! вскоре пришло кое-что на Штейнера, чтобы показать, что у него совсем не каменное сердце. Прощайте добрейший! Нам угодно видеть в вас нечто противоположное вашему званию — и пусть издатель никогда не издаст отчаянных криков, ни по статьям прихода, ни расхода. Распевайте ежедневно послания св. Павла, ходите каждый день к отцу Вернеру; он вам укажет книжку, которая сразу перенесет вас на небо. Я забочусь о спасении души вашей и остаюсь с величайшим удовольствием во веки веков

Ваш вернейший должник Бетховен.

Вена, 18 март. 1820 г.

Любезный Зимрок!

Не знаю, хорошо ли изложил свои намерения в прошлом письме. — Поэтому пишу вам кратце; если находите нужным, то могу отсрочить день издания вариаций. — Относительно мессы я много думал и решил дать вам за предлагаемые вами 100 луидоров, если только согласитесь на некоторые мои условия, каковые, мне кажется, не затруднят вас. Мы уже познакомились с планом издания и думаем, что можно, впрочем, с некоторыми изменениями, вскоре приступить к делу. Это нужно сделать возможно скорее, а потому я также поспешу с предлагаемыми мною необходимыми изменениями. Я знаю, что купцы стараются обыкновенно не платить почтовых расходов, а потому прилагаю, в виде векселя, две австрийские народные песни, каковыми можете распорядиться по своему усмотрению. Аккомпанемент написан мною. — Думаю, что лучше гоняться за народными песнями, чем за людьми, как делают прославляемые герои.

Моего копииста нет сейчас, — надеюсь разберете, — за некоторые услуги можете получить от меня несколько таких вещей.

Второпях ваш Бетховен.

Фердинанду Рису в Лондоне.

Вена, 6 апреля 1622.

Любезнейший, добрейший Рис!

Уж более полугода я опять болею и никак не мог ответить на ваше письмо. Я получил 26 фунтов стерлингов сполна и сердечно благодарю вас за них; но из симфонии вашей, посвященной мне, я ничего не получил. — Мое самое объемистое произведение — большая месса, которую я недавно написал и т. д. Сегодня мало времени, а потому только о самом необходимом. — Что предложит мне филармоническое общество за симфонию? Я все еще лелею мысль приехать в Лондон может быть следующей весной, если только здоровье позволит мне! Вы найдете во мне истинного ценителя своего бывшего любимого ученика а нынешнего великого артиста — кто знает, чем еще вы обогатите искусство. Я предан как всегда своим музам и только в этом нахожу счастье своей жизни; вместе с тем работаю и стараюсь для других, насколько могу. — Вы имеете двух детей, я одного (сына моего брата), но вы женаты и они оба не стоят вам того, что мне один.

Прощайте же; поцелуйте вашу красавицу жену; в будущем надеюсь сам торжественно совершить оное.

Сердечный друг ваш Бетховен.

Постарайтесь прислать мне ваше посвящение, дабы я тоже мог сейчас же проявить себя, что последует немедленно по получении вашего...

Фердинанду Рису в Лондоне.

Вена, 20 декабря 1822.

Любезный Рис!

Я был завален работой и могу только теперь ответить на ваше письмо от 15-го ноября. С удовольствием принимаю предложение написать новую симфонию для филармонического общества. Если бы даже гонорар англичан был ниже, чем в других странах, то все же для лучших музыкантов в Европе даже я готов писать бесплатно, хотя остаюсь постоянно бедным Бетховеном. Если бы я только был в Лондоне, чего бы не писал для филармонического общества! Ведь, слава Богу, Бетховен может писать, но и только. Если бы Господь возвратил мне здоровье, ныне немного восстановившееся, я мог бы тогда удовлетворить все заказы из всех концов Европы, даже из Северной Америки, и мог бы вновь поправить свои дела.

Морицу Шлезингеру, музыкальному торговцу в Берлине.

Вена, 25 марта 1820 г.

Милостивый государь!

Помнится, вы посетили меня в Медлинге и выразили желание иметь некоторые мои композиции, и если не ошибаюсь вам хотелось иметь скорее небольшие, чем крупные сочинения мои: как раз собираюсь я

издать несколько композиций, из которых предлагаю вам две, более подходящие для вас как мне думается, — 25 шотландских песен с аккомпанементом фортепиано — (скрипки или флейты и виолончели) (скрипка или флейта и виолончель *ad libitum*); каждая песнь снабжена вначале и в конце ригурнелем, некоторые из них двухголосные и трехголосные и с хорами, текст написан лучшими английскими поэтами, каковой можно с успехом перевести на немецкий и издать с английским и немецким текстами — 8 тем шотландских, русских песен для фортепиано с вариациями, из коих каждая в отдельности составляет небольшую пьесу, с флейтой *ad libitum*, гонорара прошу за 25 шотландских песен 60 дукатов золотом, за 8 тем с легкими вариациями для фортепиано и флейты *ad libitum* гонорар 70 дукатов золотом — уступок в подобных делах я не делаю, — вы получите эти сочинения в собственность для всего континента, за исключением Шотландии и Англии, но я обусловил издание этих сочинений в обеих этих странах лишь после издания вами таковых на континенте. В этот раз я желал бы поспешить с изданием названных сочинений и прошу вас потому скорее сообщить ваше мнение, иначе я потеряю много времени. — В ожидании скорого ответа остаюсь

Ваш преданнейший Бетховен.

NB. Вам не нужно никакого другого адреса, как Людвигу ван Бетховену, Вена.

Вена, 7 марта 1821.

Милостивый государь!

Вы дурного мнения обо мне, но вы измените его, узнав, что я пролежал 6 недель, страдая сильным приступом ревматизма, теперь стало лучше, вы вероятно думаете, что дело затянется, но я вскоре все наверстаю; теперь позвольте мне только вкратце изложить главное: песни должны быть помечены 107 ор. и, если не ошибаюсь, пропущены имена английских авторов, в том числе Мура, Байрона, Скотта и др.; вскоре получите их, предоставляю вам посвятить кронпринцу прусскому, хотя я думал посвятить другому, но отказываюсь, что же касается сонаты, которую вы наверное давно уже получили, то прошу вас проставить следующий заголовок вместе с посвящением, а именно:

Соната для Hammerclavier

девице Максимилиане Брентано.

Написана и посвящена Людвигом ван Бетховеном,

109-й опус.

Не хотите ли также обозначить год, о чем я часто просил, но ни один издатель не выполнял?

Две другие сонаты получите вскоре — что же касается гонорара, то сообщу вам своевременно, у меня нет под рукою ваших писем, помнится вы желали еще несколько других сочинений, если укажете какие, то своевременно исполню и представлю нечто такое, что могло бы удовлетворить меня, вас и публику — шлю лучшие пожелания — полагаю, что рукопись моя будет для вас разборчива, если найдете необходимым сделать корректуру, то прошу прислать как песни, так и сонаты, но с песнями непременно надо прислать также рукопись, каковая, правда, представляет собою второпях списанную копию с моей рукописи, которой у меня нет здесь —

будьте здоровы многоуважаемый ваш преданнейший Бетховен.

Деблинг, 6 июля 1821.

Милостивый государь!

Получите корректуру — более трудной и кропотливой мне не случилось еще видеть — главная ошибка в том, что первую корректуру держали не в Берлине, вследствие чего появилась масса ошибок повсюду и в печатном экземпляре, теперь надо постараться, чтобы копия (т. к. мой оригинал видимо недостаточно разборчив) была совершенно корректною и придерживаться ее — в печатном экземпляре ошибки указаны красными чернилами, такты зеленым карандашом и список ошибок тоже красными чернилами. Возможно, что многие ошибки указаны в печатном эк., но не указаны в списке опечаток, во всяком случае надо впредь справляться с окончательно исправленной копией, устраняющей необходимость в моей рукописи; все же нужно содействие специалиста, так как понадобятся еще 2 или 3 корректуры, пока печатный экземпляр будет вполне соответствовать копии — мне стоила огромного труда выправка этой корректуры, господину Лауска прошу передать поклон и прошу его тщательно проверить —

второпях милостивый государь ваш покорнейший Бетховен.

Милостивый государь!

Сданные здесь у Диабелли шотландские песни, вероятно, уже давно вами получены. Что касается последней части 3-й сонаты, то прилагаю удостоверение; надеюсь вы ее уже получили, а потому прошу сейчас же сделать пометку, а полученную раньше копию немедленно уничтожить. Что касается 2 сонаты в As, то я предназначил ее одному лицу и пришлю вам в следующий раз посвящение, — 3-ю можете посвятить кому хотите. — Слава Богу, мне стало лучше; что касается мессы, то прошу вас поскорее все-все выяснить, так как другие издатели также хотят иметь ее; здесь мне сделали уже несколько предложений; тем не менее я давно решил не печатать ее здесь. — Сейчас же прошу вас только сообщить: согласны ли вы на мое последнее предложение относительно мессы и двух прилагаемых песен. Что же касается уплаты гонорара, то можно отложить на 4 недели и далее. Настаиваю на этом, так как два других издателя давно уже просят определенного ответа. — Прощайте, пишите мне сейчас же. — Жаль, если не состоится передача вам именно этого произведения.

С почтением преданный Бетховен.

Его благородию г-ну Ад. М. Шлезингеру, знаменитому издателю художественных и музыкальных произведений в Берлине.

В мае 1822 года Петерс обратился к Бетховену с предложением издать последние произведения его, что вызвало следующую переписку:

Я давно сообщил бы вам относительно намерения своего, но опасаясь неудовольствия венских издателей и коллег моих, печатающих ваши произведения, ныне же я узнал, что вы издаете также вне Вены и даже жиду Шлезингеру даете кое-что; если этот жид, всюду презираемый, получает композиции ваши, то нечего считать с венцами. На последней ярмарке в Лейпциге я сообщил свое намерение Штейнеру; он одобрил его, даже взялся рекомендовать вам меня и просил составить список произведений, которые я желал бы получить от вас...

Господину К. Ф. Петерсу, владельцу музыкального и художественного магазина в Лейпциге.

Вена, 5 июня 1822.

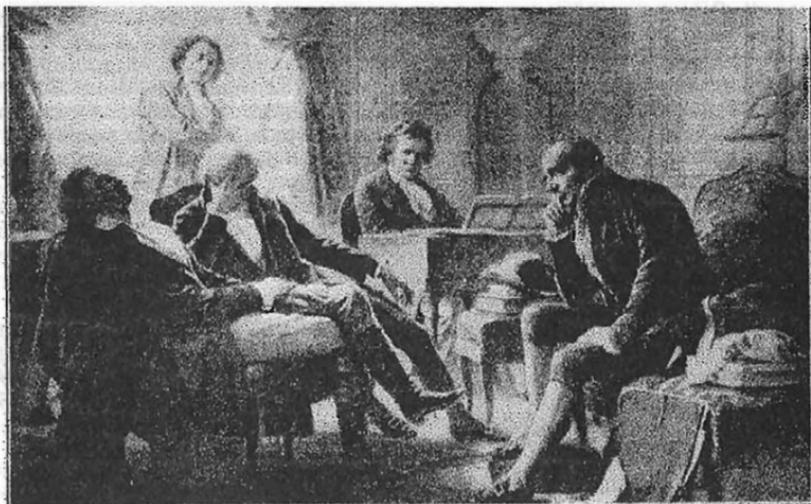
Милостивый государь!

Вы почтили меня письмом, но я теперь очень занят и болею уже 5-й месяц, а потому отвечаю только на самое необходимое. — Несколько дней тому назад я встретился со Штейнером и шутя спросил его, не слышал ли в Лейпциге чего-либо касающегося меня, но он не сказал ни слова ни о вашем поручении, ни о вас самих, а сильно приставал ко мне и просил дать ему слово в том, что я отдам только одному ему мои нынешние и будущие произведения и что даже заключу контракт; я отклонил это. Эта манера достаточно объясняет вам, почему я так часто предпочитаю других издателей, иностранных или местных. Я люблю прямо и искренно; я того мнения, что не следует стеснять художника, потому что, увя! как ни блестяща с виду слава, ему не суждено быть всегда на Олимпе, в гостях у Юпитера; к сожалению, простые смертные стаскивают его с этих чистых эфирных высот и даже довольно часто.

Самое объемистое произведение, какое я до сих пор написал, большая месса с хорами, 4 солистами *obligato* и большим оркестром. Многие добивались уже ее, мне предлагали за нее 100 тяжелых луидоров, но я требую, по крайней мере, 1000 флоринов в к. м. — в счет этого я приготовлю сам и фортепианное переложение. За вариации на вальс для фортепиано (их много) — гонорар в 30 дукатах золотом. NB. Венскими дукатами.

Что касается романсов, то у меня имеются большие законченные, напр., комическая песня с полным оркестром на текст Гете: «*Mit Madeln sich vertragen*» и т. д., и еще одна песня подобного же рода, по 16 дукатов за каждую (могу в счет этой суммы приложить переложение для фортепиано); — 12 дукатов за каждую из многих других оконченных песен с фортепиано, в числе которых находится маленькая итальянская кантата с речитативом. Среди немецких романсов также имеется один с речитативом. За каждый романс с фортепиано 8 дукатов. За элегию на 4 голоса с сопровождением двух скрипок, альты, виолончели — гонорар 24 дуката. За хор девицей с полным оркестром — 20 дукатов.

Из инструментальной музыки: за большой марш для полного оркестра, с переложением для фортепиано 12 дукатов; он написан к трагедии «Тарпея». Романс для скрипки (соло с полным оркестром) за 15 дукатов. Большое трио для двух гобоев и английского рожка (можно переложить на другие инструменты) за 30 дукатов. 4 военных марша с бандой; гонорар назначу в случае заказа. Различные мелкие пьесы для фортепиано, — гонорар при заказе. Все вышеупомянутые произведения окончены. За сонату для фортепиано 40 дукатов; ее вы можете вскоре получить. Квартет для двух скрипок, альты и виолончели за 50 дукатов; его можете получить тоже скоро. Но более всего меня интересует издание полного собрания моих сочинений, так как я хотел бы еще при жизни заняться им. Я получил уже несколько предложений, но с такими требованиями, которых я не мог удовлетворить и которых я не мог и не хотел принять. Я приготовил бы все издание в 2, быть может, даже в 1 год, с необходимыми комментариями, вполне проверил бы все и для каждого рода композиции написал бы новое произведение, напр., для отдела вариаций — новые вариации, для сонат — новую сонату, и так далее, даже каждого рода, в котором мною уже написано что-нибудь; за все это вместе я прошу десять тысяч флоринов к. м.

Бетховен с друзьями. Слева направо: аббат Штадлер, Шнейдер, Штейнер, Бетховен и Швейцер.

Я не торгош, и в этом случае очень хотел бы остаться таковым же, но конкуренция, которую невозможно устранить, доводит меня до этого и заставляет быть таким. Прошу вас об этом никому не говорить, потому что, как вы видели из поведения этих господ, я уже и так достаточно выстрадал. Но раз у вас появится что-нибудь, меня не станут больше беспокоить. Было бы очень желательно завязать с вами сношения, так как я уверен в вашем добром намерении. Вы понимаете, что я предпочитаю иметь дело с таким человеком, чем с кем-либо из разряда заурядных.

Прошу вас ответить скорее, так как я должен немедленно решить относительно издания некоторых произведений. Если находите необходимым, то пришлите мне, пожалуйста, копию со списка, который вы дали г-ну Штейнеру. В ожидании скорого ответа,
с почтением, преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Любезный ответ ваш очень обрадовал меня, не только по содержанию, выражающему вашу склонность вашу удовлетворить мою просьбу, но также по изложению, полному доверия и благорасположения; я почитаю ныне в вас не только музыканта, но и человека. Однако, нет полного счастья, и письмо ваше огорчило меня в той части, где вы сообщаете о бесчестном поведении Штейнера... С вашей помощью я могу противодействовать его интриге и дело не пострадает от этого, но мне больно подумать о том, что друг мой, которого я считал добросовестным, разочаровал меня своим поведением. Я настолько честен и откровенен, иногда даже не в меру и в ущерб себе, что не ожидал подобного отношения Штейнера; впрочем, охотно прощаю грехи его и всех недругов моих; он будет достаточно наказан, если сознает свою вину и заметит мое дальнейшее безупречное поведение, о разоблачении же его поступка он ничего не узнает, потому что вы этого хотите, однако в будущем буду с ним осторожнее... Надеюсь он поступил так со мною по необдуманности, а не умышленно... За 1000 флоринов к. м. я готов взять мессу,

хотя она не может мне принести дохода, но ведь не может же христианская литургия, созданная самим Бетховеном, попасть в лапы жида, да еще такого, как Шлезингер... Прошу принять одно условие: никто не должен знать размера суммы, которую я заплатил вам за мессу; по крайней мере несколько лет это должно храниться втайне. Я не богат, едва перебиваюсь и часто нуждаюсь, но авторам плачу по мере сил и в общем щедрее других издателей. Я знаю, что меня упрекают в этом, и потому не хочу вызвать новых упреков, по случаю покупки мессы... Я хотел бы получить от вас еще несколько песен, мелочей фортепианных, четыре марша для военного оркестра и новый квартет; я могу заплатить до 50 дукатов, хотя более 150 флоринов к. м. никогда не платил, что могу подтвердить документом...

Ловко и хитро составленное письмо это является естественным следствием того впечатления, которое произвели на Петерса ответ композитора и молва о личности последнего, но в отношении юдофобства автора «христианской мессы» Петерс глубоко заблуждался, ибо не знал ни взглядов Бетховена на евреев, ни друзей его детства в Бонне, ни венских приятелей.

В тот же день Штейнер пишет Петерсу:

На ваше почтенное письмо мы не спешили ответом, потому что хотели сообщить вам окончательное решение относительно г. в. Бетховена. Вот уже два месяца, как этот милый человек живет на даче и до сих пор не было возможности поговорить с ним. Как известно, в нем много странного и, зная, что кто-либо намерен посетить его, он уходит из дома или же отклоняет такое посещение. Надеемся вскоре видеть его в городе у нас и тогда поговорим о композициях; быть может, вы были счастливее нас и на ваше письмо, обращенное прямо к г. в. Бетховену, получили уже ответ; это было бы **нам** очень приятно...

...жду мессу, 3 песни и 4 марша за 40 #. Если хотите часть сумм получить авансом, то сообщите; хотя некоторые авторы наказали меня за такое доверие, но вам я выдам аванс охотно, потому что имею дело с человеком честным, будьте же всегда так добросовестны в отношениях ко мне, как я отношусь к вам... Искренность за искренность, а потому сообщаю вам часть письма, которое получил от Штейнера несколько дней тому назад. Прошу вас по прочтении сжечь это письмо, чтобы оно не попало в чужие руки... Если могу облегчить ваше материальное положение, то готов служить охотно; такая личность, как вы, принуждена заботиться о презренном металле!.. Вот несправедливость!.. Сильным мира давно следовало бы обеспечить вам беззаботную жизнь, чтобы вам не питаться от искусства, а самому питать его. Вероятно, вас ожидает та же участь, какая выпала на долю некоторых других композиторов; современники не оградили их от обыденных забот, а по смерти старались загладить свою вину монументами. — Если вы лишены заслуженных вами земных благ, то да наградит вас небо здоровьем и энергией, в них высшее благо и счастье!

С истинным почтением вполне преданный вам Ф. Петерс.

К Фр. Петерсу

6 июля 1822 г.

Милостивый государь!

Прочитав внимательно ваше письмо, заметил я, что вы желаете иметь мелочи для одного фортепиано, а также квартет для 2 скрипок и

т. д. — Что касается багателей, то я получаю за каждую 8 # золотом. Между ними имеются довольно длинные; вы можете издать их также отдельно и, если угодно, с более подходящим немецким заглавием, именно: Мелочи № 1, № 2 и т. д. Что касается скр. квар., который еще не окончен, так как мне помешала другая работа, то не могу уменьшить гонорара, потому что именно за подобные вещи я получаю более всего; могу даже прибавить — к стыду требований большой публики, каковые гораздо ниже требований отдельных любителей музыки. Может быть другой квартет впоследствии, если удастся. Что касается #, то можете считать его по 4 фл. 30 кр. монетами по 20; это мне безразлично. — Так как вы хотите иметь вместе как романсы, так и марши, а также мелочи, то прошу вас поскорее сообщить мне об этом, чтобы я мог все распределить, так как многие просят у меня мелких пьес. — Поведение Шт. requiescat in pace; как видно, для него это очень важно. — Я не могу простить подобных приемов, — но нужно, волей или неволей, терпеть выходки подобных людей, если же нет, то приходится жить в вечной борьбе. Относительно мессы я уже сообщил вам все; на этом и остановимся. Не забудьте об издании полн. собр. сочинений и т. д. и т. д. прошу вас ответить мне поскорее на главное. Желаю вам всех благ

С глубоким почтением преданный вам Бетховен.

К Петерсу.

Вена, 26 июля 1822.

Милостивый государь!

Сообщаю вам только, что обещаю вам мессу вместе с переложением для фортепиано на сумму в 1000 флоринов к. м. по 20 гульденов. Вы получите ее уже начисто переписанною, в партитуре, в конце июля, быть может, несколькими днями раньше или позже. Так как я постоянно очень занят и уже пять месяцев болен, а пьесы надо просмотреть внимательно, прежде чем отослать их, то работа идет довольно медленно. Штейнер во всяком случае ничего не получит от меня, так как он поступил со мною по-жидовски, но и без того он не принадлежал к числу тех, кто мог бы рассчитывать на мессу. Во всяком случае многие теперь добиваются моих произведений, за что благодарю Всмогущего, так как в последнее время мне очень не везло. Вместе с тем покойный брат мой оставил без всяких средств к жизни сына, опекуном которого я состою; а так как этот 15-летний мальчик проявляет большие способности к наукам, то не только обучение и содержание его стоят теперь много денег, но нужно подумать все же о будущем, так как мы не индейцы и не ирокезы, которые, как известно, все предоставляют воле Божьей и ведь только рацгер заботится о хлебе насущном изо дня в день; — я умалчиваю обо всем, что было между нами, по моему так лучше и прошу **вас также** скрывать совершенно о ныне существующих между нами сношениях, **я вам объясню, когда настанет время, теперь лишнее**, — чтобы вам хоть отчасти доказать мою **искренность прилагаю** при сем этот документ Штейнера, почерк которого вы узнаете, его немного трудно разобрать. Клянусь вам моей честью, которая мне после Бога дороже всего, что я никого не уполномочивал принимать за меня заказы, я всегда и твердо держался правила не предлагать себя издателям, не из гордости, **а потому, что** хотел убедиться в степени популярности моих ничтожных дарований. Я подозреваю, что Штейн. сделал вам это предложение с задней мыслью, ибо я помню, что вы мне любезно пересылали ноты из Англии через Штейнера, не потому ли он задумал продать подобную штуку, так как может быть думал, что вы можете обратиться ко **мне с предложением** — что касается песен, то я о

них уже все сказал, думаю что за три песни и 4 марша гонорар в 40 # вам не покажется слишком значительным — сообщите мне об этом, — как скоро месса будет готова, я извещу вас и попрошу переслать гонорар какой-нибудь здешней фирме, где я тотчас по получении такового сдам рукопись, конечно, я позабочусь обо всем и буду присутствовать при сдаче на почту, чтобы пересылка не стоила слишком дорого, мне хочется поскорее ознакомиться с вашим планом относительно издания полного собрания сочинений, так как это предприятие очень дорого моему сердцу.

На сегодня довольно, желаю вам всего наилучшего.

с почтением ваш преданнейший Бетховен.

Вена, 3 августа 1822 г.

Я писал вам уже раньше, что еще не совсем здоров; мне нужны купания, минеральные воды и к тому же еще лекарства. Потому не могу привести всех своих дел в порядок; при этом принужден много писать; корректуры тоже отнимают время. Касательно выбора романсов и прочих маршей и мелочей я еще ничего не решил, но до 15-го числа этого месяца все может быть готово. Ожидаю вашего распоряжения по этому поводу и не воспользуюсь вашим векселем. Как только узнаю, что гонорар за мессу и другие произведения уже здесь, та выдам все рукописи до 15-го. После 15 я должен отправиться в курорт, находящийся здесь поблизости, и принужден отказаться на некоторое время от всяких дел.

Обо всем прочем в другой раз, когда буду менее занят. Не подозревайте во мне ничего неблагоприятного; — я страдаю, когда приходится говорить об этих делах.

Второпях, с почтением, преданный вам Бетховен.

Баден, 13 сентября 1822 г.

Милостивый государь.

Еще немного и вы могли бы причислить меня к тем, кто обманывал вас. Если бы это случилось, то мне было бы конечно очень неприятно и досадно. Сегодня спешу только сообщить, что вскоре получите все мелкие пьесы. В Лейпциге не могут понять, как трудно в Вене и близ Вены жить спокойно. Я писал вам раньше, что уже 15-го августа собираюсь выехать сюда. Но приехал кардинал, и я должен был остаться в Вене до конца августа. Так как я жил на даче и должен был несколько раз в неделю являться к нему в город, то потерял много времени. Наконец, он уехал, и только 1-го сентября я мог переехать сюда. Вслед за мной является сюда некий директор театра; он строит в Вене театр и хочет открыть его моим произведением; для него пришлось мне написать несколько новых вещей. Итак, вы видите, что мне мешали со всех сторон и я был почти лишен спокойствия, необходимого для моего здоровья. Я давно прислал бы вам эти мелкие пьесы, но для некоторых маршей я решил написать новые трио. В других пьесах следовало тоже кое-что прибавить. Но недостаток времени и слабое здоровье мешали мне пополнить это. Из этого вы видите по крайней мере, что я не пишу только ради презренного металла. **Мне очень жаль, что вы так рано прислали деньги за все.** Я не взял бы их, если бы не разные толки, в чем вы можете убедиться из прилагаемого. Нижеподписавшийся ходит ежедневно к Штейнеру, а он, как я думаю, не очень заботится о сохранении втайне. Вспомните только, что я вас просил скрывать все от этого человека.

Почему? Со временем открою вам. Да защитит меня Господь в будущем от постоянных козней этого ужасного Штейнера. Верьте моей откровенности и не ожидайте от меня ничего такого, что могло бы запятнать мою честь или сделать неприятность другим. Во всяком случае, прошу вас не придавать значения здешним сплетням, потому что господина Штейнера выискивают все пути, чтобы повредить моим отношениям к другим.

Второпях с почтением преданный вам Бетховен.

Может быть, на днях больше. Не верьте ложным слухам обо мне.

Вена, 22 ноября 1822 г.

Отвечаю на ваше письмо от 9 ноября, в котором нашел я упреки за мою кажущуюся небрежность; — помилюйте, гонорар послан, а ничего не получено; но как это ни странно, тем не менее я уверен, что вы в несколько минут помирились бы со мною, если бы были здесь. Все предназначенное вам уже собрано, не выбраны только романсы; вы получите их больше, чем указано в договоре. Из мелочей я мог бы послать вам еще больше, чем обусловленные 4; имеются еще 9 или 10. Если вы мне сейчас же об этом сообщите, то все или сколько пожелаете. Мое здоровье не совсем поправилось от ванн, но в общем мне лучше. Кроме того, мне здесь не повезло, так как наняли для меня неподходящую квартиру; эту неприятность трудно устранить, и она немало помешала моим занятиям, так как до сих пор мне трудно устроиться. — Относительно мессы дело обстоит так: я уже давно окончил совершенно одну, а другую еще нет. О нашем брате всегда болтают лишнее, и вы были благодаря этому тоже введены в заблуждение. Которую из двух вы получите, — я еще не знаю. Будучи стеснен во всех отношениях, я готов был доказать обратное изречению: «дух ничего не стоит».

Шлю сердечный поклон и надеюсь, что в будущем наши отношения не будут бесплодны и сделают мне честь.

Бетховен.

Вена, 20 декабря 1822 г.

Пользуюсь свободной минутой, чтобы ответить вам на письмо: все, что предназначено вам, готово, но для того, чтобы изложить подробно все обстоятельства, задерживающие переписку и пересылку, не достаёт драгоценного времени. Мне помнится, что в прошлом письме предложил я вам несколько мелочей; отнюдь не навязываю вам их. Если не хотите более четырех, то получите именно столько, но я должен выбрать другие. Диавелли еще ничего от меня не получил. Лейдерсдорфер просил моего обещания послать ему песни для приложения к «Modezeitung», чего я, собственно, никогда за гонорар не делал, так как не могу же всегда гоняться за процентами; частенько приходится труднее, чем кажется; — мое положение не так блестяще, как вы думаете и т. д. Нет возможности отвечать на все предложения; их слишком много, но от некоторых нельзя отказаться. Требования не всегда соответствуют намерению автора. Если бы мое существование не было совершенно лишено средств к существованию, то я писал бы только большие симфонии, церковную музыку, в крайнем случае квартеты. Из мелких произведений вы могли бы еще иметь: вариации для 2 гобоев и 1 английского рожка на тему *Da ci la malo* из «Дон-Джованни». — Торжественный менуэт для целого оркестра. — Хотелось бы знать ваше мнение относительно издания полного собрания сочинений.

Ужасно спешу преданный вам Бетховен.

Брат Иоганн и сенатор Франц Брентано, которым композитор все еще не мог выплатить старых долгов, все чаще получают от него обещания уплаты и просьбы оказать содействие в деле продажи *Missa solemnis*.

Дорогой брат! прошу тебя прийти ко мне сегодня утром, так как мне необходимо с тобою поговорить. — К чему такие отношения? К чему это ведет? Я ничего не имею против тебя и не обвиняю тебя. Что касается квартиры, то твои намерения были хороши, но ведь я сам желал, чтобы мы были ближе вместе. Словом, неприятностей в этом доме множество, но ты ничего не хочешь знать об этом. Что сказать на это? — Что за отношение, после того как я попал в такое ужасное затруднение. — Прошу тебя еще раз прийти ко мне сегодня утром, чтобы переговорить обо всем необходимым. Не разрывай уз, которые могут быть нам обидно только полезны; — и ради чего? из-за каких-то жалких людей!

Обнимаю тебя от души и остаюсь, как всегда, твой верный брат

Людвиг.

Добрейший братец! Могущественнейший землевладелец! Вчера я тебе писал, но был так утомлен различными делами и работою, да и перо было так плохо, что, вероятно, ты многого не понял! Сообщи мне прежде всего, как быстро идет почта туда и обратно, от тебя ко мне и от меня к тебе. Я писал тебе, что лейпцигский издатель берет мессу за 1000 фл., я переслал бы тебе всю переписку, но сделать это сейчас очень неудобно. Считаю нужным познакомить тебя с положением дела, так как думаю, что отдал ему некоторые мелочи слишком дешево. Он получит 4 марша за 20 #, три песни — за каждую по 8 #; 4 мелочи — каждая по 8 #. Чтобы избежать недоразумений, я просил уплатить серебром. Так как он еще не знал, сколько пьес получит, то, как увидишь из прилагаемой записки, переслал мне сейчас же 3000 фл. Но я не могу еще послать мелочей, так как переписчик занят мессой, это важнее прочего и за нее я получу немедленно 1000 фл., стоит лишь уведомить, что через несколько дней вышло ее, если бы я хотел, то мог бы получить теперь же. По всему видно, что все добиваются моих сочинений. Но я не хочу обнаруживать свою нужду и предпочел бы некоторую уступку с твоей стороны, чтобы немедленно отправиться в Баден, где я должен провести по крайней мере один месяц. Ты видишь, что ничем не рискуешь и получишь с благодарностью свои 200 фл. в сентябре. Прилагаемую записку прошу тебя немедленно возвратить мне. Во всяком случае, ты, как купец, можешь дать дельный совет. Штейнеры вконец притесняют меня. Они хотят во что бы то ни стало получить от меня письменное обязательство в том, что буду отдавать им свои произведения. Они предлагают плату с печатного листа, но я им объявил, что заключу с ними такой договор лишь после того, как долг будет уплачен сполна. Я предложил им 2 произведения, которые написал для Венгрии и которые можно считать маленькими операми, из коих они прежде уже взяли четыре отрывка. Долг равняется приблизительно 3000 фл. Они получают также ужасные проценты на эту сумму, каковых я лишен. Часть долга я принял от матери Карла, так как охотно помогаю ей, когда это не вредит Карлу. Если бы ты был здесь, то со всеми этими делами закончили бы быстро. Только нужда заставляет меня так торговать собою. Как хорошо было бы, если бы ты мог отправиться со мною на неделю в Баден. Сообщи мне немедленно свое мнение. Приведи в полную исправность кухню и погреб, потому что, вероятно, я с сыном своим устроим у тебя нашу главную квартиру и имеем благородное намерение объесть тебя совершенно. Понятно, что речь идет только о сентябре.

Ну, прощай, добрейший братец. Читай евангелие ежедневно, следуй посланиям Петра и Павла, поезжай в Рим и поцелуй туфлю папы. Сердечный поклон твоим. Пиши скорее. От всего сердца обнимаю тебя.

Твой верный брат Людвиг.

Я, секретарь, обнимаю вас тоже от всего сердца и мечтаю увидеть вас вскоре.

Карл.

NB. Не присылаю квитанции на 300 фл., так как боюсь, чтобы с нею не случилось чего.

Вчера получено интересное письмо, в котором сообщается об одном выгодном для тебя деле, которое, наверное, даст тебе большую прибыль. Ты видишь, что я таков же, каким был, и не обращаю внимания на невежливость г-д Ш. с присными.

Поэтому прошу тебя приехать поскорее, так как потом я выйду из дома, а между тем должен выяснить сегодня же: возьмешься ли за это дело. Советую, ибо это тебе выгодно.

Как всегда, твой истинный брат.

Экономка только что отправилась в Хецендорф искать квартиру.

Дорогой брат!

Не сердись за столько поручений. — Надеюсь, сумею чем-нибудь отплатить. — Прошу, когда приедешь в Деблинг, привезти сапоги Карла, в пансионе Карла, в моей комнате имеется боковая дверь, где стоял ночной... В английском рояле нужно вынуть винты не только из ножек, но также из лиры снизу. В Деблингской яме тебе нужно будет несколько человек для рояля. Лучше, если его перенесут. — Прощай, буду рад, если приедешь в воскресенье! Пошлю письмо в понедельник после обеда.

Сердечно обнимаю твой верный брат.

19 июня. Пятница утр.

Добрейший!

Приходите — относительно богателей, они готовы, ответ относительно мессы из-за границы уже давно получен. Мне неприятно, что хотят заручиться милостью евреев. — Прощайте, приходите. Надо о многом переговорить, а разум у вас в кармане — будьте здоровы, г. брат!!!

ваш верный брат Людвиг.

Venez d'abord il'y a des affaires d'une grande importance.

Дорогой брат!

Я не писал тебе, потому что ужасно занят, квартира совсем неудобная и прислуга ужасно неповоротливая. Здоровье мое лучше. Уже несколько дней пью воду Иоганнес-бруннен, принимаю порошки 4 раза в день; в Бадене придется принять 30 ванн. Если удастся, то 6 или 7 ав-

густа перееду туда. Если бы только ты мог приехать на несколько дней, чтобы помочь мне, но тебя измучили бы пыль и жара. Не будь этого, ты мог бы провести со мною неделю в Бадене ad tuum libitum. Мне здесь предстоит еще корректура мессы. Я получу за нее 1000 фл. к. м. от Петерса. Так как он берет также другие мелкие пьесы, то прислал уже сюда 300 фл. к. м. Если бы ты только мог прочесть письма! Но я не взял еще денег. Брейткопф и Хертель также прислали ко мне саксонского charge d'affaire с предложением; из Парижа тоже получил предложения относительно моих произведений, и от Диабелли из Вены, — словом, все наперерыв стремятся за моими произведениями; какой я несчастный счастливец!!! Берлинец тоже заявил о себе. Я еще пожну лавры, было бы только здоровье. Эрцгерцог-кардинал здесь; бываю у него 2 раза в неделю. Великодушия и денег, конечно, нельзя ожидать, но между нами хорошие искренние отношения, так что мне было бы очень неприятно лишиться его какого-либо удовольствия. Он кажется скупым, но я думаю, что не по своей вине. До переезда в Баден мне нужно позаботиться о платье, в чем я очень нуждаюсь. У меня нет даже рубаш; ты видел это сам. Спроси свою жену, какого она мнения об этом полотне; локоть стоит 48 кр. в. в. Если можешь приехать, то приезжай, но не сердись потом. В сентябре приеду к тебе с Карлом, если не отправлюсь к кардиналу в Ольмюц, чего он очень хочет. Так как квартира уже взята, то пусть будет так, но хороша ли она для меня, вот вопрос? Комнаты выходят в сад, а садовый воздух для меня самый опасный. Затем, вход ко мне через кухню, что очень неприятно и невыносимо; — к тому же, я должен заплатить за лишнюю 1/4 года. Зато, если удастся, мы с Карлом будем у тебя в Кремсе и, чтобы отыгаться, заживем во всю; конечно, если я не поеду в Мерен. Отвечай сейчас же, как получишь; поклон твоим. Если бы мне не нужно было ехать в Баден, то я уже в августе переехал бы к тебе. Если можешь, то приезжай; это было бы мне большим облегчением. Пиши сейчас! Прощай, сердечно обнимаю тебя и остаюсь, как всегда, твой верный брат

Л. в. В.

Вена, 26 июля 1822 г.

Вена, авг. 1822.

Дорогой брат!

Не получая от тебя письма, я был в большом затруднении. Состояние моего слуха, так сказать, отчуждающее меня от людей, было причиной того, что мне показалось, будто ты разошелся со Штейнером. Я думал также, что ты рассердишься, если я не заговорю о возвращении долга тебе. Озабоченный всем этим и боясь за мессу, я написал Зимроку (который также обратился ко мне), что предоставляю ему ее за 1000 фл. к. м. Так как ты писал, что хочешь мессу, то я вполне согласен с этим, но хотел бы, чтобы ты избежал при этом убытков. Обо всем **остальном, что ты пишешь, поговорим** при встрече. Ты говоришь, что вскоре приедешь в Вену; в таком случае, приезжай в Баден, потому что в Деблинг я больше не поеду. Из прилагаемого сообщения Штейнера ты увидишь, что еще не все окончено. А между тем из-за Иозефштата приходится мне здесь работать, что при ваннах и питье воды довольно трудно, так как Штауденхейм **советует** **полтора часа** только купаться. За это время я написал уже новый хор с танцами и соло. Если здоровье позволит, то приготовлю также новую увертюру. Если бы ты сейчас же написал, когда думаешь приехать из Кремса в Вену, то я был бы очень доволен уже потому, что сообразовался бы с этим. Сердечный привет тебе и твоим; еще раз прошу написать скорее.

Прощай, твой верный брат Людвиг.

Я тоже жду с нетерпением вашего приезда в Баден. Пока я буду там с моим дорогим дядей, нам, наверное, будет очень весело. Шлю вам сердечный привет и остаюсь

ваш Карл.

Вена, 31 августа 1822 г.

Дорогой брат!

Вероятно, ты уже получил мое письмо с бумагами при нем. Я отдал его у Штейнера. Штауденхейм хочет непременно, чтобы я поехал в Баден. Итак, еду завтра или самое позднее послезавтра. Тем не менее был бы очень рад, если бы ты приехал, чтобы кое о чем переговорить и закончить все со Штейнером, потому что они должны напечатать «Развалины Афин» до конца октября, когда состоится открытие театра, а так как еще ничего не выяснено, то они не могут начать. Во всяком случае, ты мог бы остаться некоторое время в Бадене, это принесет пользу тебе. Я еду прямо в Баден, остановлюсь один день в гостинице и найму себе квартиру. — Прощай, сердечно обнимаю тебя. Мне очень жаль, что не мог доехать к тебе; это мне было бы приятнее.

Господь с тобою. Поклон твоим. Прощай, сердечно обнимаю тебя

Твой верный брат Людвиг.

Остальным всего лучшего.

300 фл. к. м. сданы здесь братьям Мейзель. Все же я хотел бы в случае необходимости занять у тебя, так как месса будет отослана не позже 15-го будущего месяца.

NB. Экономка — старое дитя. Мне очень трудно с этой... — еда весьма посредственная, меня не удовлетворяет, и она едва умеет писать.

NB. Кляк только напишу Петерсу о высылке 1000 фл., то сейчас же получу их.

NB. Ведь это было бы лучше, чем обнаружить перед г. Петерсом в Лейпциге qu'on a besoin de l'argent.

Дорогой брат!

Пришли все, а также рукопись багателей, без чего я не могу редактировать. — Как только все будет у меня, то можешь указать, где мне отдать вексель. Тот, кому поручишь, получит собственноручно, а этот может получить деньги и, в то же время, передать произведения.

Твой верный брат Бетховен.

Г-ну Карлу ван Бетховену поручено принести ноты.

1822 г. воскресенье, 8 сентября.

Дорогой брат!

Твое молчание вызвало наше беспокойство относительно твоего здоровья; вместе с тем меня смущает неведение относительно поручения, которое ты любезно взял на себя. Что касается Зимрока, то он опять обратился за мессою, хотя за прежний гонорар. Если ему написать, то, я думаю, он прикинет. Я не уверен в возможности исцеления, но думаю, что ванны, если не выгонят болезни, то хоть облегчат страдания. Не получая и вообще не имея известия о тебе, мы решили, что ты уже выехал, как бы там ни было и где бы ты не находился, напиши нам, прошу тебя, несколько строк. Посылаю это письмо господину Обермайеру на случай, если тебя уже нет там и чтобы его передали тебе. Сегодня ставят здесь мою увертюру и соответствующую ей большую истори-

ческую картину: «Стефан I». Хенслер прислал нам два бесплатных билета и вообще относится к нам хорошо. Две певицы были сегодня у нас, и так как хотели непременно целовать мне руки, то я предложил обеим красавицам поцеловать меня в губы. Вот пока вкратце все, что можем сообщить тебе. Прошу тебя еще раз ответить мне сейчас же, сделал ли ты что-нибудь и что именно, дабы я был в курсе дела.

Прощай. Твой верный брат Людвиг.

Опекун малолетнего чертенка, лучшие пожелания твоим.

Я принужден был провести два дня в постели, так как немного кашлю. Теперь здоров и могу вновь занять должность секретаря при дяде. Будьте добры сообщить также относительно моего сюртука.

Сердечно любящий вас Карл.

NB. Мой дорогой дядя просит вас в ответе вашем соблюдать темпо, именуемое *prestissimo*.

6 октября 1822.

Добрейший братец!

Владелец всех дунайских островов в Кремсе!

Директор всех австрийских аптек! Относительно произведения, исполненного при открытии театра в Иозефштадте, обращаюсь к тебе со следующим предложением, касающимся Штейнера (из вчерашней газеты видно, что поспешили объявить о хоре и марше). Чтобы установить цены на пьесы, сделаем первый и последний опыт; кроме тех двух номеров, которые уже имеются у них и об одном из которых они уже объявили, у меня еще 8 номеров, которых у них нет: увертюра и 7 других №№. Увертюра оценена в списке в 30 #, одна ария с аккомпанементом оркестра в 20 #.

На этом остановимся.

Увертюра 30 # или даже 40 #. 4 номера пения с аккомпанементом оркестра, каждый по 20 # — 80 #. 2 номера только инструментальной музыки считаю по 10 # каждый номер. Всего 140 #. Если же хотят также иметь «Короля Стефана, первого благодетеля Венгрии», то в нем 12 №, из которых 4 за 20 # (понятно, каждый по 20 #), остальные 7, каждый по 10 #, один за 5 #, *summa summaum* 155 #. Теперь же прошу иметь в виду, что первое будет поставлено в Иозефштадтском театре, второе же можно иметь только в партитуре. Если же они возьмут только 1-е, то остальное пристроим в другом месте; можно дать ему некоторое время на размышление. Что касается фортепианного переложения марша и всех других переложений, сделанных ими, то я исправлю их сейчас же и немедленно отошлю обратно. Относительно новой увертюры можешь им сказать, что старая не могла остаться, потому что эта вещь давалась в Венгрии как второстепенная, а здесь ею был открыт театр. Но все же она для них не потеряна, потому что они могут пристроить ее всюду. Партитура и все прочее может быть переписано в три дня и не пропадет для них, если они объявят о ней так же, как о марше, но сейчас же должен быть дан решительный ответ. Чтобы ты лучше разобрался в этом деле, посылаю тебе список, который, однако, прошу сохранить и привезти с собою, когда приедешь сюда, как полагается, в карете и на воронях. Некоторые цены выставлены очень низкие. При сем посылаю тебе 2 бекасов, надеемся, что эта дрянь доставит удовольствие. Все, что в них окажется непригодным для тебя, можешь послать в Лейпциг на твою фабрику аптекарских изделий.

Прощай, добрейший братец!

Читай сегодняшнее послание, вместе с таковыми же Петра и Павла. Надеемся вскоре услышать о тебе кое-что и удивительно к тебе расположены.

Твой верный брат Людвиг.

Поклон твоим. Относительно мессы обдумай, пожалуйста, потому что я должен ответить Зимроку. Если же ты можешь потерять на ней, то прошу тебя лучше не браться.

Приезжай к нам, как можно скорее.

Г-ну Иоганну ван Бетховену в Вене Котгассе № 61 у г-на хлебопека Обермайера.

Сенатору Францу Брентано в Франкфурт-на-Майне.

Вена, 28 ноября 1820 г.

Милостивый государь!

Ваша доброта позволяет мне надеяться, что вы не откажете передать прилагаемый пакет Зимроку, так как там изложены мои взгляды на все это дело. Ничего более не остается, как принять его предложение, а именно те 100 пистолей гонорара, которые вы, как знаток, можете устроить для меня, я заранее уверен в благородстве вашего намерения, мое положение настолько тягостно и стеснительно, что о нем ни в коем случае не следует сообщать издателю, сам я, слава Богу, не виноват в этом, виною этому, главным образом, моя глубокая преданность к другим, а также к слабому кардиналу, который завел меня в эту трясиину и сам не знает, как помочь — вновь потревожу вас пересылкой мессы и попрошу вас тогда принять все меры и повлиять на еврейского издателя; хотелось бы мне чем-нибудь оказать услугу вам и вашим.

С истинным почтением, милостивый государь, уважающий вас друг и слуга

Бетховен.

Простите за небрежное мариане, писал спешно — кланяюсь всем вашим.

Вена, 12 ноября 1821 г.

Не считайте меня шарлатаном или легкомысленным гением. — Уже с прошлого года и до настоящего времени я все болею, летом страдал также желтухой, что продолжалось до конца авг., по совету Цитауденхеймера я должен был еще в сентябре отправиться в Баден, но там вскоре стало холодно, и я заболел таким страшным расстройством желудка, что не мог окончить лечения и вынужден был бежать сюда; теперь, слава Богу, мне стало лучше и кажется, будто наконец мое здоровье склонно восстановиться и продлить мою жизнь для служения искусству, на что я потерял надежду уже два года, постоянно хворая и испытывая многие иные земные страдания. Мессу можно было отправить раньше, но следовало бы еще тщательно просмотреть ее, ибо заграничные издатели не справляются с моей рукописью, что мне известно по опыту, для печати приходится проверять ноту за нотой, а теперь болезнь мешала мне сделать это тем более, что за это время мне пришлось написать несколько пьес ради куска хлеба (к сожалению, приходится признаться в этом). — Все же думаю, что можно еще попытаться, чтобы Зимрок считал лудоры по более высокой цене, ибо, с другой стороны, было ведь немало предложений на мессу, о чем я вам вскоре

напишу, вообще же не сомневайтесь в моей порядочности, часто я тревожусь мыслью о том, чтобы скорее возвратить вам ссуду вашу — с истинной признательностью и почтением ваш друг и слуга

Бетховен.

Вена, 20 декабря 1821 г.

Благородный муж!

Ожидаю еще одно письмо относительно мессы и по получении сообщу тотчас же для сведения, чтобы вы были в курсе этого важного дела; во всяком случае, гонорар будет передан прямо вам. и вы будете любезны немедленно зачесть его в счет погашения моего долга, моя признательность к вам всегда будет безгранична — я позволил себе, не спросив разрешения, посвятить одно из моих произведений вашей племяннице Макси, примите его в знак моей постоянной преданности вам и всей вашей семье — но не подозревайте в этом посвящении иного замысла, не думайте, что это сделано по расчету или ради платы — я был бы очень огорчен, существуют же более благородные порывы, вызывающие подобн., если уж непременно надо искать причину — новый год приближается, да принесет он вам исполнение всех желаний и как отцу семейства да приносит ежедн. новые радости от ваших детей, обнимаю сердечно и прошу передать мое почтение вашей чудной бесподобно прекрасной Тоне.

С глубочайшим почтением, милостивый государь, уважающий вас

Бетховен.

Мне здесь и из других мест за мессу предлагали уже 200 # золотом, но я надеюсь получить 100 фл. к. м., а пожалуй и больше, относительно этого я ожидаю еще письма из-за границы, каковое тотчас сообщу вам, тогда можно будет предложить это дело Зимроку, который, конечно, не может желать мне ущерба, до тех пор потерпите, пожалуйста, и не думайте, что оказали великодушие недостойному человеку.

Вена, 19 мая 1822 г.

Милостивый государь!

Вероятно, вы уже готовы упрекнуть меня в неисправности, но вот уже 4 месяца опять страдаю ревматизмом груди и принужден ограничить свои занятия, месса наверное будет наконец у вас во Франкфурте в конце будущего июня, кардинал Рудольф, вообще большой любитель моих произведений, хотя ничем еще не проявил своего великодушия, препятствовал немедленному распространению мессы и только три дня тому назад мне вернули партитуру и партии и, как изволили высказать мне, лишь для того, чтобы не расстроить моих переговоров с издателем, при этом они просили посвятить ее им, я заказал вновь копию партитуры и тщательно проверяю ее. При моем слабом здоровье все это подвигается медленно — и лишь в конце будущего месяца партитура будет во Франкфурте. Ввиду изложенного г. Зимрок может пока вручить вам обусловленный гонорар, так удобнее, тем более, что теперь я в очень стесненном положении — я получил здесь и из других мест еще лучшие предложения, но отказался от всех, так как раз уже отдал Зимроку мое произведение, хотя и в ущерб себе. — Но имел в виду, если позволит здоровье, предложить ему еще много других сочинений, на которых могу наверстать, и потом можно войти с ним в соглашение относительно издания всех сочинений; так как здешняя зима почти всегда доводит меня до порога могилы, то здоровье мое требует временного выезда из Вены, ваше всегда столь дружественное отношение ко мне дает надежду на благоприятный при вашем содействии исход этого дела.

С истинным почтением ваш друг и слуга Бетховен.

Вена, 10-ое марта 1823.

Благородный друг!

Я так долго ничего не писал вам, тем не менее надеюсь, вы уже давно получили от Геймюллера 300 фл. к. м., которые вы одолжили мне столь великодушно; оказанные нам одолжения и благодеяния — дают всегда глубоко чувствовать и сознавать, но не всегда вызывают соответствующие им выражения признательности, приказывайте, каково бы не было требование, исполню по мере сил моих, чтобы только доказать вам свое уважение, любовь и признательность. — Это письмо прошу вас отправить Зимроку, из него вы увидите, в каком положении дело с мессой, здоровье мое, слава Богу, лучше, но для полного выздоровления придется еще летом принять ванны. Я возлагаю большие надежды, ибо обладаю натурой полипа, а чтобы работать, мне необходимо сначала поправиться — шлю сердечные приветствия и жажду иметь возможность доказать вам мое уважение и любовь.

Да пошлет также Господь всего лучшего вашим.

Да сохранит их вам еще надолго — ваш друг и слуга Бетховен.

Хецендорф, 2-ое авг. 1833.

Милостивый государь!

Давно уже ответил бы вам на любезное письмо ваше, но помехой были непомерная работа и еще не совсем излеченная болезнь глаз в течение трех с половиною месяцев, хотя мне крайне неприятно надоедать вам, но я вновь вынужден злоупотребить вашей добротой; желательно отправить почтой большой пакет с нотами в Лондон через Франкфурт, а оттуда водою или сухим путем (водой будет слишком долго) в Голландию и оттуда морем в Лондон, он слишком тяжел для отправки с курьером, я слышал, что у вас есть сын в Лондоне, и потому надеюсь — воспользоваться вашей добротой и вашей опытностью для отправки его (все расходы я уплачу с удовольствием) прошу вас возможно скорее ответить мне относительно этого, так как дело это очень спешное, вы мне писали, что здоровье вашего малыша поправляется, это меня сердечно радует, надеюсь, ваша супруга также здорова, да и все ваши дети и братья, ибо все члены вашей семьи мне были всегда дороги, как бы я хотел выразить вам свою признательность самым достойным образом.

С почтением, милостивый государь, уважающий вас Бетховен.

ГЛАВА XV

1821 — 1823

Жизнь летом в Бадене. — Новые приятели: Петерс, Хаушка и Бернард. — Т. Гофман. — Воспоминания о Дж. Гавичарди. — Из мемуаров Дж. Рассела и Рохлица. — Опера в Вене; Барбайя, Россини, Спонтини, Вебер. — Шредер-Девриан. — Постановка «Фиделио» 9 ноября 1822 года. — Последнее лечение глухоты. — Открытие театра в Иозефштадте. — В поисках оперного текста. — Настроение и отношение к окружающим. — Заботы о мессе. — Поиски подписчиков. — Обращение к Цельтеру, Керубини, к посольствам. — Содействие Шиндлера.

Обычным дачным местопребыванием Бетховена были окрестности и предместья Вены: Деблинг (на севере), Медлинг и Хетцендорф (на ю.-з.), но по совету врача Штауденхейма приходилось ему почти ежегодно проводить несколько недель также в Бадене, где минеральные ванны оказывали благотворное влияние на организм композитора, и где приходилось продолжать занятия с эрцгерцогом Рудольфом.

Весною 1820 года Бетховен писал о переезде в Медлинг.

Г-ну Иоганну Шпееру, в Медлинг.

Милостивый государь!

Сим уведомляю вас, что в конце этого месяца или самое позднее первого мая приеду в Медлинг; прошу вас распорядиться относительно квартиры, чтобы все уже было чисто и сухо. Прошу вас не забыть привести балкон в порядок, за что уплачу сверх положенного обещанные 12 фл. в. в. вместе со следуемыми квартирными деньгами —

Шлю лучшие пожелания и остаюсь преданный вам Бетховен.

Вена, 26 апреля 1820 года.

А в июне того же года пишет в дневнике:

«Места вроде Нейдорф, Лаксенбург и т. п. нехороши тем, что там нет винограда; по окончании лета нет никаких развлечений... А Гмунден? Отправиться туда с К... Да поможет Бог!.. Медлинг мало похож на деревню; много стен... Это скорее городок, и потому там люди так скверны».

Весною 1821 года композитор переехал в Деблинг, причем, по обыкновению, все бумаги были свалены в кучу и в одном узле перевезены на дачу; велико было отчаяние его, когда, при разборе их, не оказалось первой части мессы; лишь через несколько

дней листы Кугие нашлись в кухне, в изорванном и истрепанном виде прикрывая посуду и обувь.

В 1822 г., живя в Бадене на Ратхаузгассе, № 99, композитор оставил по себе здесь ценные реликвии для любителей: все подоконники, двери, даже сиденье в отхожем месте были исписаны музыкальными и арифметическими эскизами: в одном месте красовались десятки точек и черточек, в другом — вопросы, вроде: сколько составит сумма 50, 100 и 200 гульденов? и т. п. Впоследствии реликвии эти были распроданы англичанам; даже сиденье, говорят, было куплено любителем редкостей, вероятно, тем самым энтузиастом, который в разговоре с Шиндлером однажды воскликнул:

— Един Бог и един Бетховен!

Круг приятелей и знакомых, друзей и подруг композитора в эту эпоху несколько изменился.

Из новых приятелей композитора самыми близкими, кроме Шиндлера, были Петерс и Бернард. С первым он познакомился еще в 1816 году; это был болтливый добряк с титулом «советника князя Лобковича», при котором состоял в качестве управляющего делами и воспитатель сыновей его; тогда еще композитор писал ему:

К придворному советнику Петерсу.

8 января 1817 г.

Милостивый государы!

От г-на ф. Бернарда я узнал только вчера, при встрече, что вы здесь, и потому посылаю вам два экземпляра, которые, к сожалению, не могли быть готовы своевременно.

Так как речь шла о нашем покойном дорогом князе Лобковиче, то будьте добры передать их, вместе с этим письмом, его сиятельству, первенцу князя Лобковича. Сегодня я хотел просить г-на кассира взять на себя пересылку их в Богемию, так как не рассчитывал найти вас здесь. Что касается меня, — если позволите сообщить о своем ничтожном «я», — то чувствую себя почти совершенно здоровым, чего и вам желаю. — Не могу вас просить к себе; следовало бы объяснить вам причину; во всяком случае, я сам в этом невиновен так же, как и в том, что вы не бываете или не хотите бывать у меня. Прошу вас написать адрес князя на письмо, так как я не знаю его имени.

Третий экземпляр прошу оставить для вашей жены. — Прощайте!

Ваш друг и слуга Л. в. Бетховен.

Затем, спустя три года, композитор обращается к нему в более непринужденном тоне:

Его благородию г-ну фон Петерсу.

Что с вами? Здоровы вы или больны? Как поживает ваша жена? Позвольте мне вам кое-что пропеть.

Как поживают ваши молодые князья?

Дома ли вы сегодня около 5 часов после обеда?

Может быть, навещу вас со всем моим штатом.

Второпах ваш Бетховен.

Спустя еще три года Петерс дает глухому композитору в разговорной тетради один из тех советов, которыми друзья щедро, но бесплодно снабжали его:

«Вы опять идете к эрцгерцогу и без вознаграждения за столько трудов. Понятно, что он не расстанется с вами из тщеславия, а потому вам следует настоять на определенном и полном окладе... Это должно быть известно... Это верно и хорошо... ведь, поступая так, он унижает себя пред всеми... столько лет, значит, презренная слабость. Настаивайте на том, что вам следует... Он таков, что не думает об этом. Кажется, придворные успокаивают его относительно разрыва с вами...»

Европейская политика идет по такому пути, что без денег и банкиров больше ничего нельзя добиться... Правящий класс ничего не научился и ничего не забыл... С депутатами шутки плохи, они воплощение народной мощи... Через 50 лет, вероятно, всюду будут республики!..»

Молодой поэт и филолог Карл Бернад, редактор-издатель театральной газеты, поселился в Вене в 1813 г. и тогда же познакомился с Бетховеном, но до 1820 года бывал у него редко. В обществе этих двух приятелей и многих других композитор иногда проводил время у себя на даче и в ресторанах Вены. Однажды актер Розе пригласил эту компанию к обеду, продолжавшемуся до полуночи, за столом много пили, но еще более шутили и остряли, в особенности относительно редкого и дорогого блюда — устриц.

— Австрия (Austria) происходит от слова устрица (Auster), — сказал Бернад.

— Да, это ресторан для обжор, — заметил Бетховен.

Тут же Бернад набросал стихи:

Бернард наш чист и свят,
Десять тысяч бутылок, как ни мало,
Не могут испугать святого,
Так точно, как и ад.

Бетховен положил этот текст на музыку, написав два канона: мажорный, «в живом темпе», для Петерса и минорный, «медленный, протяжный», для Бернада; но в том же году отметил в разговорной тетради: «Очень жаль, оба канона стерлись». Там же 8 апреля 1820 г., заметив унылое настроение, доводившее композитора, видимо, до состояния, близкого к сплину, Бернад пишет ему:

«Вам следовало бы положить на музыку стихотворение Лессинга «Хвала лени»: целый час сижу я перед вами, а вы все спите».

Одновременно с созданием Credo из Мессы, — рассказывает Шиндлер, — летом 1819 г. Бетховен, как бы в виде развлечения, набросал ряд танцев для маленького оркестра в 7 инструментов; написаны эти танцы по настоянию семи приятелей, собиравшихся в одном из ресторанов предместья Медлинг, где в воскресные дни молодежь носилась в вихре вальса или изощрялась в грациозных фигурах менуэта. Тогда же Шиндлер задумал списать себе эти крошечные партитуры, но они вскоре затерялись, и лишь девяносто лет спустя (в 1907 г.) известный музыковед г. Римау случайно нашел в архиве лейпцигской

Thomasschule одиннадцать танцев, принадлежность коих перу Бетховена не вызвала чьего-либо сомнения, и потому они немедленно были изданы с предисловием Римана, относящим эти танцы к вышеприведенному рассказу Шиндлера.

С Викентием Хаушка (Vincenz Hauschka), юристом, хорошим виолончелистом и секретарем юного венского Музыкального общества (или, вернее, — общества друзей музыки — Verein der Musikfreunde), Бетховен сблизился во время переговоров с обществом относительно сочинения «героической оратории» и постановки некоторых больших произведений его в концертах данного общества.

Добрейший и главнейший член общества врагов музыки австрийской империи!

У меня нет другого сюжета, кроме духовного, а вы хотите героического. Мне все равно — но я думаю, что в такую массу следовало бы подмешать немного духовного.

Г-н ф. Бернард был бы для меня вполне подходящим; только заплатите также ему; о себе я не говорю. — Если вы называете себя любителями музыки, то это, конечно, ставится вам в счет — !!!

Итак, прощай, молодчина. Желаю тебе прекрасного пищеварения и лучших последствий, что касается меня, брожу здесь с нотной бумагой по горам, оврагам, долинам и строчу кое-что ради денег и хлеба, а потому сделал такие успехи в этой всемогущей и подлой стране фэаков, что принужден сначала многое настрочить ради заработка, чтобы выгадать немного времени для крупного произведения. Во всяком случае, мое здоровье значительно поправилось, и если дело спешное, то могу быть вскоре к вашим услугам.

Если тебе нужно поговорить со мною, то напиши мне, и я устрою все необходимое.

Мой привет обществу музыкальных врагов.

Второпях, твой друг Бетховен.

Его Благородию
Г-ну фон Хаушка
Главному Члену Общества
В-гов Авст.-Имп-ии.
А также кавалеру большого креста
Виолончельного ордена и пр. и пр.

Викентию Хаушка.

Посылаю тебе дорогой X. 8 басов, 4 скрипки, 6 вторых и 6 первых, также 2 гармоніума, партитуры прислать не могу, так как у меня только своя написанная так мелко, что никто другой не разберет, следовало бы найти, партитуру можете получить у Штейнера в Vaterunser переулке.

Я опять нездоров, наверно вскоре увижусь с тобою.

Твой друг Бетховен m.-p.

NB. Несколько расписанных голосов можешь еще получить у меня.

Дорогой Хаушечка!

Пришли мне партитуру и партии симфонии в Es и если можешь сегодня же, ибо завтра я еду на дачу, если завтра меня не застанут, то

пусть передадут внизу швейцару, — что касается всего прочего, то вскоре переговорю с тобою, я готов чем могу служить Музыкальному обществу и очень рад, что уже сделан первый шаг к основанию будущей Консерватории.

Твой истинный друг Бетховен.

Известный писатель-романтик и композитор Теодор Амадеус Гофман (1776 — 1822), не имеющий себе равного по богатству фантазии, был автором первых обстоятельных статей о произведениях Бетховена; с 1809 до 1812 г. он писал в лейпцигской *Al. Mus. Z.* о его инструментальной музыке, о его первой мессе и др. В «фантастических очерках» его можно найти интересную характеристику творений Бетховена (в частности — 5 симфонии), изложенную легко, блестяще, без многословия и без экскурсии в область теории, не всем знакомой. В разговорных тетрадях Бетховена встречаются следы бесед об этом писателе:

— Гофман был музик-директором в Бамберге... Теперь он статский советник... В Берлине ставят его оперы...

Там же находится набросок двухголосного канона (Hofmann — царедворец), вошедшего впоследствии в сборник 18 канонов (сер. 23, № 43).

Как видно из сохранившейся записки, сближение композитора с писателем произошло за два года до смерти последнего.

23 марта 1820 г.

Пользуюсь случаем, чтобы при посредстве господина N установить близкие отношения с таким талантливым человеком, как вы. Вы писали также о моем ничтожном существе, и наш господин NN показал мне в своем альбоме несколько ваших строк обо мне. Как я вижу, вы принимаете во мне некоторое участие. Позвольте заметить, что мне весьма лестно такое отношение лица, одаренного выдающимися достоинствами. Шлю лучшие пожелания и остаюсь, милостивый государь, с глубоким почтением преданнейший Бетховен.

Неизвестный посетитель, возобновляя знакомство с композитором, пишет ему, напоминая о некоторых приятелях, в кругу которых Бетховен вращался в 1805 году.

«Хотите ли знать, когда я имел честь и удовольствие познакомиться с вами? Двадцать пять лет тому назад я жил с Франком из Праги, в Драгунской улице, сзади старого Мясного рынка. Там собирались многие выдающиеся лица: его превосходительство ван Бетховен, Кристен, Хейнерле, Фогль, ныне певец, Кизеветтер, бывший бас, а ныне придворный советник, Грейнштейн, давно уехавший во Францию, и т. д. Там мы не раз ужинали, музицировали и пуншировали. Там не раз также ваше превосходительство изволили меня поздравлять с талантливым приготовлением пунша. Тогда я состоял при дворе... С тех пор я брался за 15000 разных дел».

Прелестные приятельницы, как мы видели, играли в жизни композитора не менее выдающуюся роль, чем друзья его; в этом кругу стареющий артист приобрел несколько новых знакомств, несколько восторженных поклонниц, но никто из них не мог заменить тех милых подруг, с образом которых были связаны воспоминания о днях минувших, и в отношении к которым Бетховен был постоаннее, нежели к мужчинам. В конце 1819 г. он пишет графине Эрдеди:

Всякого добра и благополучия моей дорогой уважаемой милейшей подруге от вашего истинного и почитающего вас друга Л. в. Бетховена.

Второпях 19 декабря 1819. Скоро приеду сам.

А спустя 12 дней посылает канон на слова «Счастья, счастья к новому году» (серия 23, № 43, VII); но канон не принес ей счастья и, будучи причастна к какому-то судебному процессу, она вскоре была принуждена покинуть Вену, уехала в Италию, потом, в 1824 году, поселилась в Мюнхене, где умерла в 1837 году.

Посвящая сонату op. 109 юной Максимилиане, дочери друзей своих Франца и Антонии Brentano, автор пишет:

6 декабря 1821 г.

Максимилиане ф. Brentano.

Посвящение!!! — Не из тех, которыми обыкновенно злоупотребляют. — Это дух, связывающий благородных лучших людей на сем земном шаре и не сокрушаемый даже веками, обращающийся сейчас к вам и напоминающий мне сейчас ваш образ в детском возрасте, ваших дорогих родителей, вашу столь чудную, разумную мать, вашего отца, дорогого и благородного, постоянно озабоченного благом своих детей... В таком состоянии нахожусь сейчас на Ландштрассе — вижу вас пред собой и, размышляя о превосходных качествах ваших родителей, не сомневаюсь в том, что вас должно увлечь подражание благородному и что вы это делаете ежедневно — никогда не изгладится во мне память о благородной семье; поминайте меня иногда добром.

Будьте вполне счастливы, да благословит небо вас и всех ваших сердечно и постоянно ваш друг Бетховен.

Вена, 6 декабря 1821 г.

Наконец, в том же году мы встречаем в Вене женщину, образ которой Бетховен носил в сердце своем более двадцати лет.

В первом издании (1840 г.) биографии Бетховена, написанной Шиндлером, не упоминается имени Джульетты Гвичиарди, и нет ни малейшего намека на отношения к ней композитора; только в 1845 году Шиндлер поведал публике свои воспоминания о той, кому посвящена «Лунная» соната и кого он считал умершей. Начало этого романа нам известно (глава III). После свадьбы Джульетта с мужем, графом Изяславом Робертом Галленбергом, уехали в Италию; спустя почти 20 лет, в 1821 г., они возвратились в Вену, где граф получил должность заведующего библиотекою королевской оперы. Вскоре после этого Бетховену понадобилась партитура «Фиделио», хранившаяся в театральной библиотеке, и Шиндлер был послан к графу с просьбою выдать партитуру, но желание автора не было удовлетворено. Накануне этого визита композитор писал Шиндлеру:

Необыкновен. и лучш.

Только завтра к Г., я должен просмотреть сначала, что я написал ему.

Прощайте. До обеда.

Ваш Б — н.

— Этот Галленберг не внушает к себе уважения, — пишет Шиндлер в тетрадь глухому композитору.

— Я оказал ему благодеяние и помог через третье лицо, — замечает Бетховен.

— Это следует объяснить ему, чтобы он выражался о вас почтительнее.

— Так вы находите, что он относится ко мне скверно? В сущности, мне безразлично; но хотелось бы знать, что он говорил обо мне?

— Если автор потерял свою партитуру «Фиделио», то пусть винит свою неряшливость и свою страсть к кочевому образу жизни, — сказал он.

Затем беседа приятелей уклоняется на время от этой темы, видимо, взволновавшей композитора, но последний вновь возвращается к ней.

— Видели ли вы жену его? — спрашивает он и пишет в тетрадь на скверном французском языке: — она меня очень любила, больше, чем мужа своего. Тем не менее он был ближе к ней, чем я. Через нее я узнал о его нужде, я нашел богатого человека, который дал мне 500 гульденов, чтобы помочь ему. Он был мне врагом, и потому я постарался сделать все, что мог.

— Тем не менее, — продолжает Шиндлер по-немецки, — он уверяет, что вы человек несносный. Вероятно, такова его манера выражать свою признательность.

— Прости им, Боже, ибо не ведают, что творят!

— Давно ли она за г. Галленбергом? — продолжает Шиндлер писать тоже на скверном французском языке. — Была ли графиня богата? Она красиво сложена до сих пор.

— Она урожденная Гвичиарди. Вышла за него до отъезда в Италию. По приезде в Вену она со слезами на глазах искала меня, но я презирал ее...

Из числа старых приятелей композитор встречает теперь одного, с именем которого было связано немало воспоминаний о юности и детстве, проведенных на берегах Рейна; знаменитый виолончелист Бернгард Ромберг (1767 — 1841), земляк Бетховена, поселился в Гамбурге и лишь изредка выезжал оттуда в концертное турне. Посетив Вену и обманутый в надежде набить здесь свой кошелек презренным металлом, Ромберг, перед выездом своим, получил следующую записку от Бетховена:

Дорогой Ромберг!

Этотю ночью у меня вновь начались боли в ушах, как это часто бывает со мною в это время года. Даже твои звуки причинили бы мне сегодня только страдания. Вот почему ты меня сегодня не увидишь. Может быть, через несколько дней будет лучше, и я буду иметь возможность тогда с тобою проститься. Я еще не был у тебя вследствие отдаленности моей квартиры и множества занятий; ведь я болел целый год и это задержало многие начатые мною работы. Да, наконец, что за церемонии между нами. Для полного успеха твоего высокого искусства желаю тебе также металлической признательности, что ныне бывает редко. Если только будет возможность, то увижу еще тебя с супругою и детьми, которым шлю сердечный поклон.

Прощай! великий артист, как всегда, твой Бетховен.

12 фев. 1822 г.

Весною того же года прибыл из Неаполя в Вену известный антрепренер, граф Барбайа, со своею труппою и со знаменитым уже Россини. Долгие годы театр San Carlo в Неаполе был приманкой для местной публики; обычные антрепренерские проделки Барбайа, нередко морочившего слушателей и удачно спекулировавшего их вкусами, не более пошатнули его репутацию, чем поразившее тогда Европу извержение Везувию; но 1820 г. принес с собою восстание народное; король бежал, увеселения забыты, и ловкий антрепренер или театральный спекулянт принужден был покинуть Неаполь. Недолго продолжались переговоры его с Венским Karntherthor-театром и с Россини; дирекция приняла 1 декабря 1821 года с распростертыми объятиями лучших итальянских певцов его труппы, а композитор обещал привезти новую свою оперу «Зельмиру»; красивый, изящный, обольстительный молодой человек тридцати лет, любезный, общительный, жизнерадостный и окруженный ореолом славы, Россини стал кумиром всей Вены, забывшей вскоре не только «Фиделио», но даже модного «Фрейшюца».

Гениальный композитор вокальной музыки считал долгом своим посетить великого симфониста, но ушел от него удрученный видом полуслеплого, глухого жалкого бедняка, с трудом отвечавшего на вопросы гостя. Так уверяет биограф Россини, другие же источники указывают на упрямство Бетховена и постоянные отговорки, чтобы избежать посещения Россини. Однажды брат Иоганн вписал в тетрадь глухому композитору:

«Сегодня встретил я Россини; он мне поклонился очень любезно и выразил желание познакомиться с вами. Если бы он был уверен, что застанет вас дома, то пришел бы со мною».

Во всяком случае, вполне естественно враждебное отношение автора «Фиделио» к автору «Barbiere di Sevilla», которому все газеты ежедневно курили фимиам, а знать принесла «посильное и скромное жертвоприношение» в виде 3.500 дукатов на серебряном блюде. Отзыв его о модном композиторе также обнаруживает чрезмерную суровость: «Россини хорошо рисует звуками; природа наградила его талантом и способностью находить красивые мелодии. Но если бы ему предстояло жить плодами своих познаний, то пришлось бы набивать брюхо картофелем... Он был бы великим композитором, если бы в молодости его больше секли...»

Другой знаменитый в свое время и забытый ныне итальянец, Спонтини, прожив в 1822 году одну неделю в Вене, не пожелал навестить великого симфониста, проявив полное пренебрежение к нему.

Одновременно с появлением лучших опер Россини появились такие знаменитости, как Лаблаш, Рубини, Давид, обладавшие красотой и объемом голоса, о которых могли лишь мечтать немецкие и французские певцы; правда, феноменальными артистами могут гордиться даже американцы и шведы, но то дарование к вокальному искусству, как и тот дар создания мелодий чрезвычайной чувственной красоты, которыми природа наделила итальянцев, другим народам остаются по сие время чужды, да и в Италии наших дней заметно вырождаются.

После постановки «Севильского цирюльника» в Вене, летом 1823 года, А. М. З. писала:

«Главное преимущество итальянцев — прекрасно выработанный ансамбль, умение тесно связать все отдельные части в одно целое. Как ни хороши немецкие певцы сами по себе, они всегда будут уступать своим соперникам в умении точно и со всеми оттенками исполнить какой-нибудь ансамбль, как бы раздающийся из груди одного артиста, в чем надо им отдать полную справедливость. Да и самые произведения итальянцев, к которым должны быть причислены моцартовские «Дон-Жуан» и «Фигаро», представляют собою нечто исключительное».

Печатающая подобные строки, рецензенты-патриоты не могли пролить достаточно слез над забвением немецкого искусства, призывали немецких композиторов творить такие же замечательные немецкие оперы, упрекали своих артистов в лени, в отсутствии образования и т. п. Полстолетия спустя Л. Ноль, вспоминая эту эпоху и горюя о том, что немецкая драматическая музыка не могла затмить итальянскую, называет Россини шарлатаном, этим доказав лишь, что умные люди также способны говорить глупости и браниться. Меломания или, вернее, итальяномания настолько охватила венское общество, что сочинение оперы стало мечтою всякого местного композитора, от пигмея до титана, от Зейфрида до Бетховена.

«Жаль, что великий гений ваш, — пишет Шиндлер в тетради глухому композитору, когда последний возился с корректурой ор. 111 и ор. 120, — погребен в фортепианных произведениях; ведь современные пианисты утратили понимание и не прикасаются к лучшим из этих пьес». А на эскизах ор. 120 рукою автора записано: «Не писать больше ничего для фортепиано или только по заказу...» Квintет C-moll для фортепиано, кларнета, виолончели, валторны, фагота «Senza sonar il Clavicembalo miserabile», т. е. отведя «жалкому» инструменту этому второстепенную партию... И композитор продолжает писать тексты для оратории и оперы.

Относительно текста Бернарда для заказанной в венском музыкальном обществе оратории «Торжество креста» редактор одной газеты писал: «Если бы я был Бетховеном, то ни за что не стал бы писать музыку на этот скучнейший текст!!! Те Deum и Requiem скорее прославили бы его». Обработка другой предполагаемой оратории, «Христос», вызвала продолжительное обсуждение композитора с Грильпарцером, которого он просил о тексте; поэт находил, что нельзя изобразить звуками Христа; «Музыка, — говорил он, — может выразить страдания, но что останется от божества?.. Юдифь и т. п. — вот подходящие сюжеты». Так проходило время в поисках текста, а тем временем рвение композитора к исполнению желания дирекции музыкального общества ослабело и совершенно исчезло, но не имея возможности вернуть дирекции 200 гульденов полученного задатка, он обещал предоставить в ее распоряжение партитуры последней мессы и последней симфонии после того, как поставит их сам в Вене.

Мы знаем уже, что с Грильпарцером велись также переговоры относительно создания оперы «Мелузина», хотя в произведении Грильпарцера композитору нравилась, видимо, лишь фантастическая фабула, заимствованная из кельтских преданий, в отношении же изложения он находил, что все надо переделать по

плану, соответствующему оперной обработке, на что поэт, кажется, изъявил согласие по настоянию князя Лихновского, антрепренера Дюпора и дирекции королевского театра.

«Лихновский сказал, — пишет племянник в тетради, — что в восторге и дня через два зайдет к тебе переговорить об опере, которую все ждут с нетерпением». Лихновский хлопотал также о предоставлении Бетховену вакантной должности придворного композитора.

Тем не менее далее бесчисленных переговоров, к досаде композитора, дела не подвигались.

Некоторым утешением Бетховену явился шумный успех его произведения при открытии театра в Иозефштадте.

Карл Фридрих Хенслер, автор многих пьес для народа и антрепренер театров в Бадене и Пресбурге, получил осенью 1822 года антрепризу театра в Вене, в Иозефштадте, и обратился к Бетховену с просьбой несколько переработать «Развалины Афин» с целью постановки этого произведения в день открытия обновленного театра; автор охотно принял предложение и вскоре написал новый финал, балет и увертюру (ор. 124), известную под названием «К освящению здания» или «К освящению храма» (искусства). Это была эпоха триумфов Вебера и Россини; «Волшебный стрелок», данный в октябре 1822 года, вызвал такой восторг слушателей, что во время одного из представлений, под управлением молодого автора, последний почувствовал боль в пояснице от бесконечных поклонов публике. Познакомившись с партитурой «Фрейшюца», Бетховен сказал: «Я не ожидал от этого человечка такого произведения. Негодяй Гаспар прекрасно изображен, во многих местах чувствуется дьявольское наваждение; это поразительно. Я понимаю замыслы Вебера, но, прочитывая партитуру, местами, например, в изображении адской охоты, я не мог воздержаться от улыбки. Впрочем, быть может, задуманное исполнено успешно. Надо слышать!.. но, увы, слышать!.. Я не могу более...»

Успех приезжих иноземцев-композиторов вызвал усиленную работу Бетховена над новым произведением, помимо которого, под личным управлением автора, предстояло исполнить в тот же день открытия театра увертюру к «Королю Стефану» и «Развалины Афин» к тексту Коцебу, в переделке Мейзеля. При исключительно рвении, которое приложил композитор, уединившись 1 сентября в Бадене, к исполнению предложения Хенслера, все переделки, вместе с новым творением, были вскоре окончены и антрепренер возвестил об открытии театра 3 октября. На генеральной репетиции композитор был несколько озабочен, он повернулся левым здоровым ухом к сцене, чтобы лучше слышать певцов, и внимательно следил за солистами. Артистке Гекерман, певшей дуэт с тенором Грейнером, он сделал несколько указаний, одоблив в общем исполнение ее; когда же вступили хоры, то дирижер, едва разбирая голоса их, стал волноваться и с трудом довел репетицию до конца. Его беспокоила также новая увертюра, только что оконченная и сданная неопытным переписчикам. Лишь перед самым спектаклем, уже в присутствии многих нетерпеливых зрителей, была она срепетована и сейчас же повторена при переполненном зале; прошла она плохо, нескладно; музыканты не раз расходились и сами ловили товари-

щей, потому что глухой дирижер не слышал разлада и не мог помочь им. Тем не менее его встретили аплодисментами и потом много раз вызывали.

Увертюра «К освящению» (C-dur, op. 124) прибавила мало лавров к пышному венку Бетховена; первая из двух частей ее представляет собою величественную интродукцию; вторая — фигурованное Allegro; в общем произведение это полно энергии, торжественности и светлой радости.

В рецензии о первом исполнении «Открытия храма» или «К освящению дома» говорится: «Прекрасно выдержан во всем произведении возвышенный стиль, проявляющийся в адажио увертюры и особенно в торжественных звуках труб и в аккомпанементе фагота. Контрапунктическое строение и имитации придадут всему произведению большой интерес, очаровывая публику и доставляя специалисту наслаждение, вызываемое лишь исключительными красотами. Глубокий гений Бетховена создал здесь нечто цельное, полное оригинальности. Исполнение увертюры выиграло от того, что дирижировал сам Бетховен».

Вскоре после этого события Шиндлер, по протекции Бетховена, получил в новом театре место первого скрипача, а затем — дирижера; тогда же две артистки, восторженные поклонницы композитора, явились к нему и просили разрешения поцеловать его руку; это были знаменитые певицы — Каролина Унгер и Генриетта Зонтаг, спустя два года после того исполнявшие сольные партии при первой постановке 9 симфонии.

Увертюру к «Освящению храма» тою же осенью поставил капельмейстер Зейфрид в концерте, данном в пользу фонда городской больницы, находившейся в ведении специального комитета; получив обратно от Зейфрида рукопись партитуры, автор благодарил его за исполнение этой «человеческой», т. е. посильной или посредственной пьесы и выражал надежду впредь пользоваться его содействием.

Кавалеру Игнатию фон Зейфриду.

Уважаемый и дорогой собрат в Аполлоне.

Сердечно благодарю вас за труды, которые вы посвятили моему человеческому произведению и рад, что оно всем понравилось; надеюсь, вы никогда не обойдете меня там, где я в состоянии служить вам своими скромными силами. Уваж. городская комиссия всегда была уверена в моем добром намерении; чтобы вновь подтвердить ей это, сговоримся по-дружески, как услужить ей в лучшем виде. Если такие деятели, как вы, принимают в нас участие, то стремления наши не могут быть парализованы ничем.

С искренним уважением ваш друг Бетховен.

Еще отраднее было ему присутствовать вскоре после отъезда Россини и Барбайа в Кернтнертор-театре на представлении своего «Фиделио» со знаменитой Вильгельминой Шредер; последняя еще девочкой начала карьеру в венском Бургтеатре, под руководством матери своей, Софии Шредер, гениальной трагической артистки; в 1821 г. семнадцатилетняя Вильгельмина перешла на оперную сцену и с успехом выступила в «Волшебной флейте», а через год задумала играть Леонору в опере Бетховена. О необыкновенном даровании Шредер высказались многие

знаменитые композиторы XIX века. Прослушав ее в роли Агаты, в своем «Фрейшюце», К. Вебер пришел в восторг: «все мои намерения она выполнила так ярко, так рельефно, что я был поражен; никогда я не мог мечтать о подобном исполнении».

«Давно уже, — пишет Р. Вагнер, — на меня произвела сильное, неизгладимое впечатление певица и трагическая артистка, с которой не может никто соперничать; это Шредер, по мужу — Девриан (или Девриент, Девриен). Несравненный драматический талант ее, неподражаемая гармония и индивидуальность ее игры, питавшие мое зрение и слух, решили мою участь и направили меня на путь искусства. До сих пор, в минуты вдохновения, она является предо мною, я чувствую ее присутствие, я слышу ее...»

Берлиоз, бранивший Шредер-Девриан за экзажерацию и аффектацию в игре, за скверные приемы пения, также поражался и восхищался ее исполнением, но восторги Берлиоза относятся к 1830 г., когда артистке было лишь 26 лет, а упреки — к 1875 г., к 72-летней старушке!

Прослушав исполнение Софиею Шредер одной роли трагического свойства в модной, современной драме, Бетховен пишет в разговорной тетради: «Шредер ничему не училась, но она может сделать многое своим природным дарованием... Когда старшая дочь ее привыкнет к сцене, то можно возобновить постановку «Эгмонта». Но старшая дочь знаменитой артистки стала еще более прославившеюся оперной певицей. Рецензент писал о ней: «Игру ее можно назвать мастерской, идеальной, она естественна, искренна и полна правды; публика уже успела полюбить ее». После представления «Волшебного стрелка» 7 марта 1822 года, в бенефис автора, К. Вебер назвал восемнадцатилетнюю Генриетту Шредер-Девриан «первою Агатою в мире, она превзошла все мои мечты».

Балетмейстер Дюпор, снявший Кернтнертор-театр после отъезда графа Барбайа, подобно автору «Фиделио», относился с недоверием к намерению артистки исполнить роль Леоноры: может ли девочка справиться с ролью самоотверженной героини? Чтобы ослабить впечатление возможной неудачи, антрепренер предложил автору лично руководить репетициями и даже мечтал видеть его за дирижерским пультом в день представления, на что Бетховен согласился охотно, пренебрегая своей глухотой; вместе с тем дирижер Умлауфу предстояло находиться за спиною композитора и незаметно помогать ему в управлении оркестром и певцами. На первую репетицию композитор явился в сопровождении друга своего, Шиндлера. Начало было удачно, увертюра прошла гладко; но лишь только приступили к дуэту Жакино и Марселины, как все пошло вразброд; дирижер не слышал певцов и потому не мог указывать вступлений; все остановилось и, выслушав Умфлауфа, вновь начали дуэт, но опять безуспешно.

Что делать? Объяснить дирижеру, что он не на своем месте, что Бетховен должен уступить Умлауфу или кому-либо другому? Никто не решался высказать этого, все молчали и безучастно встречали недоумевающего взгляды композитора, озирававшегося во все стороны и искавшего вокруг себя причину недоразумения. Томительное ожидание развязки продолжалось недолго: Бетховен подозвал к себе Шиндлера, дал ему свою памятную книжку и потребовал объяснения.

— Умоляю вас прекратить, — вписал Шиндлер, — дома я объясню все.

В то же мгновение композитор вскочил со стула, перелез в партер и, крикнув Шиндлеру: «Уйдем скорее!» — быстрыми шагами направился к себе в улицу Pfarngasse, что в предместье Лаймгрубе. Здесь он упал почти без чувств на диван, закрыл руками лицо и в таком состоянии просидел до обеда. За столом Шиндлер также не решился нарушить молчание. Удар был слишком жесток даже для многострадального музыканта. Бывало, неудачи жизни не раз постигали его, не раз он приходил в отчаяние, не раз можно было видеть его удрученным, убитым, растерянным, но подобное состояние продолжалось лишь несколько минут или часов, после чего в глазах вновь загоралось пламя всепокоряющего гения, вновь гордо подымалось чело его, обрамленное львиной гривой. Не то было теперь. Судьба нанесла слишком глубокую рану и с того рокового ноябрьского дня до самой смерти своей Бетховен, уже совершенно оглохший на правое ухо, не в силах был оправиться, не мог залечить ее, не мог даже попытаться скрыть ее.

*Бетховен, раб. Штилера
(1820).*

В день представления, 9 ноября 1822 года, у автора достало мужества явиться в театр; закутавшись с головою в свой плащ, он незаметно пробрался в оркестр и сел за спиною дирижера; со сцены была видна лишь пара сверкавших глаз. «Эти глаза, — рассказывала Шредер, — наводили страх на меня, парализовали мою энергию; после первых тактов я была охвачена каким-то вдохновением, все мои намерения, все заученное мною исчезло, было забыто, я жила жизнью Леоноры, я терзалась ее страданиями. Недолго продолжался

этот экстаз; сцена в подземелье вызвала во мне упадок сил, я почувствовала величие задачи, которую мои ничтожные силы не могли разрешить; это смущение, растерянность, волнение, отразившись в глазах моих и в мимике, как нельзя более соответствовали драматическому положению. Слушатели, не зная источника такого настроения и предполагая в нем силу дарования, притаили дыхание; в театральном зале воцарилась тишина, порою более лестная артисту, нежели гром аплодисментов...» С таким же совершенством она провела сцену с Пизарро; ее возбужденное, нервно напряженное состояние сразу пресеклось при закулисном звуке трубы: пистолет выпал из рук, колени сгибались, она подняла руки, чтобы закрыть лицо, и крик смертельной тоски вырвался из груди ее. Все последующие исполнительницы этой роли старались подражать Шредер, все они издавали крик, но то, что у них было преднамеренно, умышленно, в ис-

полнении Шредер проявилось рефлексивно, инстинктивно. Бетховен, не отрывая глаз, следил за этой бесподобной игрой; он видел эти чудеса пластики, наконец, до слуха его донесся этот крик... Зрители, поднявшись со своих мест, оглашали зал восторженными криками, а композитор поспешил в уборную к артистке, где трогательно благодарил ее, нежно глядя по щеке и обещая написать для нее новую оперу.

— Дороже этой похвалы, — говорит Шредер, — я не получала в жизни.

— Теперь я вижу, — заметил Бетховен, — что жизнь моя не была бесцельна; теперь я могу надеяться, что созданное мною не останется без влияния на развитие искусства.

В начале июня 1822 года в Вену приехал известный музыкант Рохлиц, которому фирма Брейткопфа поручила сделать предложение Бетховену относительно сочинения оперы «Фауст». На третий день по приезде он беседовал со Штейнером о предстоящей встрече с композитором.

— Он теперь в деревне, — сказал Штейнер, — и по причине глухоты избегает всех; он уже знает о приезде вашем и хочет познакомиться с вами, но, вместе с тем, я не убежден в том, что он не убежит, увидев вас. На него нападает порою либо беспричинное веселье, либо такая же беспричинная тоска, и он не в силах противостоять. Впрочем, раз в месяц он приходит сюда за письмами, тогда он обыкновенно бывает хорошо настроен, и мы овладеваем им.

Чтобы свести Рохлица с композитором, последнего пригласили в Патерностергассе, где Рохлиц застал его в оживленной беседе с Хаслингером, разговор которого он легко отгадывал по движению губ. Бетховен, видимо, был расстроен, но рад новому знакомству.

«Я был поражен, — рассказывает Рохлиц, — не густыми черными волосами, в беспорядке обрамлявшими лицо его, или неряшливым видом, а всею фигурою его: представьте себе мужчину лет 50, скорее маленького, чем среднего роста, крепкого, коренастого сложения, вроде Фихте, только округлее, особенно в лице, со здоровым, ярким цветом лица, с беспокойными, блестящими, почти пронизывающими глазами, когда они направлены в одну точку. Лицо его то совершенно спокойно, то вдруг оживляется, особенно глаза, выражением сердечной доброты, которое внезапно сменяется выражением страха. Вся внешность полна напряжения, беспокойства и суетливости глухого, внимательно прислушивающегося и способного живо чувствовать. По временам он весело и непринужденно бросает несколько слов, затем вновь становится мрачным... И этот человек доставляет столько радости, истинное духовное наслаждение миллионам людей!.. Я старался говорить громко, медленно... Передал ему, что каждую зиму в Лейпциге прекрасно исполняются его симфонии, приводящие публику в восторг. Он стоял совсем близко, то напряженно смотря мне в глаза, то поникнув головою, то улыбался про себя, то дружески кивал головою, но не произнес ни слова.

Когда я замолк, он крепко пожал мне руку и обратился к Хаслингеру:

— Мне надо побывать кое-где... Мы, конечно, еще увидимся, — бросил он мне, уходя.

По уходе его я спросил Хаслингера:

— Понял ли он меня?

— Он не расслышал ни слова.

— Почему же вы не помогли мне?

— Я не хотел перебивать вас; притом он очень обидчив. Я надеялся, что он разберет хоть что-либо, но шум с улицы, ваш непривычный для него говор и, быть может, озабоченность его, желание понять все сразу, так как он догадался, что вы сообщаете ему что-то приятное, все это мешало слышать...

Удрученный этим свиданием, я решил более не встречаться с ним и передать ему письменно поручение фирмы... Недели через две я встретил молодого композитора Франца Шуберта.

— Если хотите, — сказал он, — видеть Бетховена в лучшем настроении, то пойдем обедать в ресторан, где он, наверное, сейчас находится.

Мы вошли; почти все места были заняты; Бетховен сидел в кругу знакомых, между которыми находился Шиндлер. Он казался веселым, ответил на поклон мой, но все же я не подошел. Заняв место вблизи, я наблюдал и ясно слышал его речь; он говорил громко и долго; остальные смеялись и одобрительно кивали ему...

Он говорил о философии и политике, об Англии и англичанах, превознося страну и обитателей ее.

Окончив обед, он подошел ко мне.

— Ну, как вам нравится наша старушка Вена?

Я сделал утвердительный знак, выпил за его здоровье и предложил стакан вина; он принял и затем, отведя в соседнюю пустую комнату, стал хвалить Лейпциг, где исполняются образцовые произведения искусства в концертах, театрах и церквях.

Взяв доску и грифель, он стал писать:

— Приятно читать даже перечень исполняемых пьес; видно, что люди понимающие и благожелательные. А здесь?!

Потом стал говорить грубо, резко, с озлоблением:

— Моих произведений вы здесь не услышите!

— Теперь же лето, — написал я.

— Нет, и зимою то же. Что вы услышите? «Фиделио»? Не умеют поставить и не хотят слушать. Симфонии? На это у нас нет времени. Концерт? Каждый выколачивает собственные пьесы. Романсы? Давно вышли из моды. Только Шупанциг иногда выступает с квартетами».

Третья встреча была в Бадене, где поселился летом Рохлиц. Здесь его навестил наш композитор в компании с Хаслингером, Гебауером и Шиндлером.

«В этот раз, — продолжает Рохлиц, — он был одет мило, прилично, даже нарядно, что, впрочем, не мешало ему, во время прогулки нашей по Елененталу, нести прекрасный, черный фрак на палке за спиною... Он опять бранил венцев, но в речи его звучала нота юмора и добродушия; так же иронически отзывался он о своих мелких произведениях, что доказывало свойственное композитору беспристрастие».

Рохлиц был уполномочен фирмой Брейткопф и Хертель предложить композитору на выгодных условиях создание музы-

кальных иллюстраций к «Фаусту» Гете. Предложение было принято с восторгом: «Какое великое произведение можно бы написать!» — воскликнул Бетховен; дав волю своему воображению, он долго беседовал с Рохлицом о величии текста, о наиболее рельефных сценах, требующих наиболее яркой музыки и т. п., но при этом заметил, что пока не может приступить к ней, так как должен сначала написать три больших произведения: ораторию и две симфонии, различных по характеру и отличных от написанных ранее. «Но с некоторых пор, — прибавил он, — мне трудно приступить к работе... Сажу и думаю, думаю... Идея рождается, но не ложится под перо... Меня пугают теперь эти громадные произведения».

Такое обилие замыслов вполне согласуется с изречением, вписанным в памятную книжку и заимствованным из любимой книги композитора — «Размышление о творениях Божьих в природе» Штурма: «Наступила осень жизни моей. Хочу походить на обильные плодами деревья, которых стоит наклонить, чтобы усыпать землю зрелыми и сочными плодами».

Роковой день, когда композитор дошел до отчаяния вследствие глухоты своей, ужасный день, которого Бетховен не мог никогда забыть, — спустя несколько времени, когда настроение его стало менее удрученным, навел на мысль о лечении, хотя бы для спасения левого уха от глухоты. Доктор Сметана прописал ему различные лекарства, скорее для утешения больного, чем для исцеления недуга; к тому же доктор знал нетерпение и рассеянность пациента, заменявшего чайные ложки столовыми и проглатывавшего в несколько часов многодневные порции лекарства; об этом способе лечения пациент никогда сам не рассказывал, но доктор узнавал случайно, причем уверял композитора, что даже такие дозы не помогут ему, если он будет поглощать воду десятками стаканов. Недовольный врачом, Бетховен обратился вновь к патеру Вайсу и отправился к нему в сопровождении Шиндлера; Вайс отнесся к композитору крайне любезно и, хотя не обещал ничего определенного, тем не менее вызвал в нем бодрость и надежду на улучшение; сначала Бетховен исправно являлся к Вайсу ежедневно для промывки уха маслом, но вскоре это ему надоело, отрывая от работы и вызывая хождение по улицам в дни, когда он совершенно не был расположен выходить из дома. Так окончилась последняя попытка композитора восстановить слух свой; после этого он уже не жаловался на глухоту и смиренно нес крест свой. В разговорной тетради за 1823 год вписано:

«Тяжелый недуг... Доктора не понимают, да и лечение утомляет, особенно, если очень занят работой».

Последние годы жизни композитора богаты плодами творчества его, но еще богаче планами, проектами и намерениями. Набрасывая эскизы последних квартетов, он в то же время собирается написать ряд сонат для фортепиано в четыре руки, собирает материалы для новой торжественной мессы и, вследствие успеха «Фиделио» в 1822 году, ищет либретто для новой оперы. Грильпарцер предлагает ему «Мелузину», Релльштаб присылает двадцать различных сюжетов, брат Иоганн убеждает обратиться к Кинду, автору либретто «Фрейшюца»; в разговорной тетради он приводит глухому брату неотразимый аргумент: «Россини разбо-

гатель, сочиняя для театра; ты должен подражать ему; опера — выгодный товар». Настояние брата или лавры Россини и Барбайа преследуют Бетховена и он некоторое время лелеет мысль написать «итальянскую» оперу.

В числе сюжетов, привлекавших Бетховена для сочинения оперы, были «Вампир» Байрона и «Основание Пенсильвании»; кроме того, предлагали ему обработать «Заколдованную розу» Эр. Шульца и «Корсара» Байрона, причем рекомендовали последнего как поэта с самой богатой фантазией и наибольшей глубиной чувства, а фирма Брейткопф и Хертель предлагала текст «Фауста» Гете, о чем уполномоченный ее предварительно писал композитору:

Вена, 17 июля 1822 г.

Милостивый государь!

Г. Хертель из Лейпцига просил меня справиться: не найдете ли вы возможным поискать оперный текст, достойный вашего дарования, чтобы обработать его, пока еще не замолкла ваша лира? Он очень жалеет, что не возобновил прежних отношений с вами и готов охотно сделать это.

Не окажете ли, м. г., мне чести своим посещением (я живу на большой Weintraube, в № 329, во дворе, во 2 этаже) или не укажете ли мне места, где мог бы я с вами встретиться, чтобы показать вам письмо Хертеля. Смею думать, что г. Хертель готов предложить вам лучшие условия, чем кто-либо другой; а пока прошу вас не говорить никому об этом.

С глубочайшим почтением ваш покорнейший слуга, ф. Гринингер.

Советник корол. сакс.

Его благородию г-ну Л. в. Бетховену в Деблинге.

Из всех проектов ближе к осуществлению было намерение написать оперу «Мелузина», о чем можно судить, между прочим, по записке композитора к талантливому поэту:

Глубокоуважаемый!

Дирекция хочет знать ваши условия относительно «Мелузины»; она уже додумалась до этого сама, и это конечно лучше, чем самому приставать. Мои домашние дела с некоторых пор в беспорядке, не то я давно посетил бы вас и просил бы вас также быть у меня. — При случае напишите мне или на имя дирекции ваши условия, я передам их сам. Завален работой и не мог быть у вас ни раньше, ни теперь; надеюсь когда-нибудь удастся — мой номер 323.

После обеда найдете меня в кофейне, что напротив «Золотой груши»; если намерены прийти, то прошу вас приходите одни; этот навязчивый прихвостень Шиндлер мне давно уж противен, как вы, вероятно, заметили. — Сердечно обнимаю вас, с глубоким почтением

весь ваш Бетховен.

Намерение написать оперу «Мелузина» преследовало композитора несколько лет и вызывало иногда свидания с поэтом для обсуждения той или другой детали. Рассказывая об одном из таких свиданий, Грильпарцер приводит пример причудливых выходов композитора: последний жил на даче и проводил долгие часы за работой у конторки, стоявшей против буфетного шкафа, в котором очень часто возилась кухарка, отвлекая каждый раз внимание композитора. Перед обедом Бетховен спустил-

ся в погреб и принес четыре бутылки вина, из коих две предназначались поэту, а две другие композитору и Шиндлеру. К вечеру был заказан за 6 гульденов экипаж, в котором Грильпарцер собирался возвратиться домой; Бетховен заявил о своем желании проехаться немного и, доехав до городских ворот, отправился пешком обратно. Поэт сейчас же заметил оставленные Бетховеном шесть гульденов, остановил экипаж и стал звать убежавшего композитора; но тот лишь остановился, замахал шляпой и вновь пустился бежать.

Предложения издателей не ограничивались приведенными выше: Диабелли предложил ему, как и многим другим композиторам, написать вариации на тему своего вальса. Этот сборник, изданный под названием «Vaterlandischer Kunstlerverein», заключал в себе по одной вариации эрцгерцога Рудольфа, Моцарта-сына, К. Черни, Шуберта, юного Листа и др. Бетховен отказался принять участие, но потом¹ сам предложил написать для отдельного издания 6 или 7 вариаций на ту же тему за гонорар в 80 дукатов. Этой работой композитор так увлекся, что, написав сначала 10 вариаций, он затем прибавил к ним еще 10 и, наконец, ор. 120 был сдан Диабелли в виде 33 прелестных вариаций на бедную, заурадную тему.

Бездна красоты и разнообразия рассыпана в них щедро рукою гения; это калейдоскоп всей жизни композитора, отражающий его музыкальные идеи и настроения самых разнообразных эпох, от эпохи влияния Моцарта (22 вариация) до мистических грез (20 вариация) стареющего титана. Приняв заказ на вариации, Бетховен предложил Диабелли также издание некоторых других новейших произведений своих (ор. 110, ор. 124, ор. 126 и др.).

Любезный Д.!

Терпение! Я именно настолько человечен, насколько это необходимо и подобает мне, — гонорар за вариации был бы не более 40 # в случае, если бы они были изданы так роскошно, как предполагалось, если же это неосуществимо, то можно сделать и поскромнее. Теперь об увертюре; кроме нее я дал бы 7 номеров из «Освящения дома», за него мне предложили гонорар в 80 #, я мог бы дать еще gratulation — менюэт для целого оркестра, одним словом, увертюру и 7 номеров из «Освящения дома» и торжественный менюэт все вместе за 90 #, — моя экономка сегодня утром будет еще в городе, пожалуйста, передайте ответ на мое предложение — надеюсь, до конца будущей недели добрать-ся до ваших вариаций. — Будьте здоровы, добрейший,

вашейший Б-н.

Как только корректура сонаты будет закончена, пришлите мне таковую с французским экз. — о метрономе в следующий раз — пожалуйста, просмотрите сами, ибо плохо вижу, страдаю глазами.

Корректуру вариаций прошу прислать.

¹ Быть может, под впечатлением прелестных четырехручных вариаций ор. 16, поднесенных весной 1823 года и посвященных его «поклонником и почитателем», Францем Шубертом, каковые вариации весьма понравились нашему композитору и часто исполнялись им совместно с племянником Карлом.

Любезный Диавелли!

Вчера я проглядел, а сегодня можете иметь кроме 5 багателей, виденных вами, еще 6-ую, так как я достаточно запаслив и послал другие вместо этих, гонорар следовало бы 50 #, эту же сумму получил я там за 6 таких же — если вам сходно, то можете сегодня же их получить.

Второпях, ваш Бетховен.

Бетховен понимал, что своим нравом, своими эксцентричностями, нелюдимостью, порою грубостью манер он сам поставил себя в отношении недружелюбные к окружающей его среде, что своим обращением он сгустил неприязнь общества, враждебного к тем, кто не заискивает у публики, кто не ищет опоры в ней, кто служит лишь делу, а не лицам, кто не стремится перекинуть мостик через бездну, отделяющую гения от толпы. Бетховен пренебрегал общепринятыми вкусами, взглядами, манерами и нарядами; в нем и на нем было все необыкновенно, чуждо обычных трафаретов, гармонично лишь с его индивидуальностью, чего толпа не прощает и в лучшем случае снисходительно терпит. Композитор-философ сознавал это, но не задавался намерением переделать, пересоздать себя, уступить толпе и угождать ей; великий индивидуалист в искусстве, сохраняя свою индивидуальность также в обыденной жизни, счел бы всякую уступку и угождение самоунижением, оскорбляющим гордость его. Как философ, он мог бы презирать людей, но как композитор он должен был любить их, ибо искусство питается и дышит любовью; судя по дневнику его, где Бетховен, наедине с самим собою, записывал свои сокровенные мысли, одно из этих чувств парализовалось часто другим, вызывая индифферентное отношение к современникам и оставляя открытый путь к развитию и проявлению собственного я, на котором сосредоточиваются все желания и помыслы, все страсти и потребности, но не того эгоистического, которое требует всеобщего поклонения и жертвоприношения, а я альтруистического, которое существует и действует для целей высших, которое творит мир волшебных грез и образов, украшающих земное бытие и озаряющих волшебными лучами мрак обыденной жизни человечества.

Зимой 1820 года Бетховен заносит в дневник:

«Меня могут упрекать во многом, но, вникнув в дело, должны признать, что я был тверд, непоколебим. Я подражал Сократу и Христу... Нравственный закон в нас и звездное небо над нами. Вот две вещи, возвышающие человека и ведущие к вечному, безграничному поклонению и восторгу... Кант!!!...»

Несколько ранее этого, словоохотливый Петерс, советник князя Лобковича, пишет в разговорной тетради:

«Вы философски относитесь к жизни и это отлично; не вам отчаиваться; вы способны проявить мужество. Все готовы облегчить жизнь вашу... В энциклопедическом словаре сказано, что вы побочный сын Фридриха Великого; следует отвергнуть такое заблуждение, так как вы не нуждаетесь в лаврах Фридриха... На вашей могиле, среди венков, будет красоваться лира Орфея, а имя ваше станет бессмертным...»

Таких приятелей, как Петерс, у Бетховена было несколько; мы знаем уже их отношения к нему, их нравственную и материальную поддержку композитору, беспомощному в мелочах до-

машней жизни, среди которых простые смертные, даже заурядные и бездарные, разбираются легче, чем бессмертный гений, живущий полною жизнью лишь в мире идеалов, а не практических соображений. Так как капризный нрав его, порою наивно доверчивый, порою подозрительный, вызывал разлад и ссору даже с лучшими друзьями, облегчавшими ему обыденные заботы, то господствующее в нем настроение оставалось раздраженное, неудовлетворенное, гармонировавшее с его пессимизмом, как денежная нужда гармонировала с физическими страданиями его, как лучшие страницы его творчества гармонируют с теми деталями жизни его, которые отталкивали композитора от толпы и оставляли наедине с легионами мировых загадок и бурных страстей. На закате дней своих Бетховеном овладевает религиозный мистицизм; тетради эскизов покрываются отрывками и темами для целого ряда месс и реквиема, которые он уже предлагает издателям, хотя работает пока только над одною из них. Сознывая отсутствие в себе выдающегося дарования для творчества в области церковной музыки, Бетховен тем не менее посвящает массу времени и труда этой работе, что указывает на отсутствие уравновешенности, на разлад между целью и средствами, рельефно выступающие в последних произведениях его; какое-то упрямое стремление превзойти себя сказывается в мессе, в последней симфонии, в последних квартетах; какое-то умышленное пренебрежение формами, установившимися в музыкальном искусстве и естественно вытекшими из сущности его. Какая-то экстравагантность проходит красной нитью через последние партитуры, точно намерение предстать пред человечеством на такой высоте, о которой не дерзал мечтать ни один музыкант; но преднамеренность, не драпированная тогой вдохновения и прибегающая к чуждым искусствам средствам, способна в лучшем случае удивить, но не увлечь нас.

В дневник того времени записано: «Ну, еще раз пожертвуй всеми мелкими обыденными заботами во славу искусства: прежде всего Бог!..»

Но Бог Бетховена не был Богом тех старинных композиторов, которые оставили нам шедевры церковной музыки; в нем не было той *sancta simplicitas*, которая обуславливает так называемую веру и религиозность; убежденный деист наш не был убежденным католиком; взгляды, идеи, вкусы, темперамент, все в Бетховене шло наперекор принципам, благодаря которым Бах, Гендель и Моцарт могли писать оратории, мессы, офертории и реквиемы, выдержанные в стиле и настроении.

Нелегка была работа Бетховена; одна лишь часть мессы, *Credo*, потребовала приблизительно (если можно в этой области установить какой-либо масштаб) столько же труда, как 5 или 6 симфония; по ночам, бывало, он целыми часами проверял ритмические особенности мессы, отбивая такт рукою и ногою, что вызывало резкие протесты соседей и домохозяина. Однажды, днем, подойдя к его квартире, Шиндлер услышал необыкновенный шум, доносившийся из-за дверей: топанье ногой, удары палкой, неистовое забывание темы фуги из *Credo*, все смешивалось в одну дисгармонию. Вскоре перед гостем появился композитор с искаженными чертами лица, с крупными каплями пота на лбу, точно после смертного боя с легионом контрапунктистов.

Нельзя отрицать в мессе этой ни возвышенности, ни величественности, но эти достоинства парализуются невозможными требованиями к певцам, недостатками вокальной части партитуры, а главное, — отсутствием стиля и настроения, соответствующих этому роду искусства. На *Kyrie* автор поместил примечание: «Исходит из сердца. Да проложит она дорогу к нему же». На другой части, *Dona nobis*: «Эта часть должна изобразить глубокий мир внутренний и внешний». В заголовке мессы, как это видно из рукописи, хранящейся ныне в Берлинской королевской библиотеке, стояло сначала *Magna*, зачеркнутое и замененное *solemnis*; там же хранится текст мессы, написанный карандашом на очень толстой бумаге, почти картоне, и значительно стертый временем.

Действительность не оправдала намерений автора, и месса явилась в музыкальной литературе как произведение своеобразное, оригинальное, но мало говорящее сердцу. Великий индивидуалист в искусстве не мог втиснуть своего вдохновения в рамки чуждого ему стиля; месса была не создана, а обработана, па что положен четырехлетний тяжелый труд; произведение это представляет собой нечто компилятивное, едва связанное из нескольких частей, проникнутых, в то же время, великим и мятежным духом автора. Бетховен сознавал отрицательные стороны мессы, как произведения, предназначенного для церковного обихода, и потому часто рекомендовал ее в качестве оратории, с чем мы не раз встретимся в письмах его. Бетховена нельзя назвать неверующим, но, вместе с тем, вера, предписываемая церковью, была ему совершенно чужда и, конечно, не гармонировала с его здравым смыслом. В 1816 году он говорил дель Рио:

— Я постепенно перестаю верить и все же еще верю.

«Чтобы сочинять действительно церковную музыку, — пишет он в это время в дневнике своем, — надо изучить древние хоралы, исполняемые в монастырях, познакомиться с лучшими переводами и лучшей просодией католических псалмов». И он делал все это, он работал над этим, он усиленно направлял полет своего вдохновения в эту область и порою достигал цели. Летом 1821 года настроение композитора соответствовало характеру и стилю органных произведений; в эскизах его сохранились указания о намерении писать для органа; однажды композитор задумал даже, в сопровождении военного капельмейстера Штарне, отправиться в церковь св. Иоанна, где «импровизировал на органе две прелюдии: одну нежную, почти любовную, другую — мрачную, фугированную». Частое недомогание, хлопоты с племянником, в связи с непредвиденным размером мессы, постепенно разраставшейся до необыкновенного объема, привели к тому, что произведение, начатое осенью 1818 года, не было окончено к 9 марта 1820 года, когда Рудольф принял жезл архиепископа в Ольмюце, и лишь летом 1822 года, в Бадене, были дописаны последние такты партитуры, которой автор посвятил огромный труд и которую часто называл своим лучшим произведением.

Когда Бетховену замечали, что месса его опоздала, что эрцгерцог принял звание архиепископа и переехал в новую резиденцию, композитор отвечал:

— Я жду, когда эрцгерцог станет папой.

В мае 1822 года А. М. З. сообщила своим читателям, что Бетховен «окончил, наконец, свою новую мессу; говорят, она необыкновенного объема и требует не менее двух часов для исполнения; надеемся услышать ее в концерте, который автор намерен дать с этой целью будущей осенью».

Издание мессы было одним из самых долгих, мучительных и неудачных его предприятый; задумав получить возможно больший доход со своего «наиболее совершенного» произведения, автор объявил подписку по 50 дукатов за экземпляр рукописной партитуры; короли прусский, французский, саксонский, император русский, герцоги тосканский и гессен-дармштадтский, князья Антон Радзивилл и Н. Б. Голицын, бывший губернатором познанским, общество «Цецилия», во Франкфурте-на-Майне — вот девять из множества намеченных подписчиков, которых удалось впоследствии, после долгих стараний, склонить к приобретению партитуры мессы, каковая, по мнению автора, должна была несомненно прельстить еще десятки меценатов и богатых дилетантов.

В поисках подписчиков Бетховен обратился, между прочим, к рекомендации и содействию Гете, но последний, видимо, не забыв прогулок с композитором в Теплице, ничего не сделал для него и даже не удостоил ответом, как и Керубини в Париже, впоследствии уверявший, что он не получил письма от Бетховена. Не так отнеслись к нему французы времен Людовика XVIII; плату за партитуру автор получил от французского двора в виде золотой медали, равноценной 50 дукатам и с надписью: «Пожалована королем г. Бетховену».

Способ распространения произведений пера путем подписки (Subscription) был довольно обычен в прежние времена; стоимость переписки была невелика, тогда как плата за такие рукописи бывала большая, очень выгодная для автора, не пожелавшего сделать творение свое всеобщим достоянием, а предоставившего его монополии нескольких учреждений, богачей и знатных лиц, сохранив, в то же время, за собою все права на издание; практиковали подобный прием композиторы наиболее выдающиеся и обязывались обыкновенно не печатать таких произведений в течение двух-трех лет. Задавшись этою целью Бетховен, конечно, обращается прежде всего к другу своему Шиндлеру, прося его набросать список соответствующих лиц:

Любезнейший *optimus optima!*

При сем посылаю вам календарь. Указания здешних посольств заложены бумагою. Если бы вы составили мне из этого краткий перечень дворов, то можно было бы ускорить дело. Во всяком случае, прошу вас, если только вмещается мой брат, принять его в кооперацию. Не то вместо радости испытаем только горе.

— Постарайтесь найти благодетеля, который ссудил бы мне под банковую акцию, чтобы, во-первых, не подвергать испытанию благородного чувства моих единственных друзей г-д ф. В. и чтобы избежать одолжений моего дорогого братца.

— Хорошо было бы, если бы сегодня после обеда, около половины 4-го, вы явились на Maria Hilfe или же до полудня.

Не надо делать вида, что нуждаешься.

Добрейший!

Еще лежу в постели и прошу вас прийти ко мне сегодня утром. — С мессой надо поспешить. Прошу вас к себе на обед в будущее воскресенье. Посещения дворца не дают мне времени для еды; — итак, прошу зайти сегодня утром, чтобы скорее покончить с мессой.

Ваш друг Бетховен.

Совместно с Шиндлером вырабатывается образец воззвания к европейским дворам и несколько отдельных «приглашений» подписаться на мессу.

Воззвание к европейским дворам.

Вена, 23 января 1823 г.

Нижеподписавшийся сим выражает намерение прислать свое последнее произведение, самое выдающееся из всего им созданного, высочайшему двору...

Это большая торжественная месса для 4 солистов с хорами и полно-го большого оркестра, в партитуре, ее можно исполнять также как ораторию.

Ввиду сего он просит высокое посольство... исходатайствовать ему необходимое разрешение от своего высочайшего двора.

Но ввиду того, что переписка партитуры стоила больших расходов, нижеподписавшийся полагает, что назначенный им за нее гонорар в 50 дукатов золотом не может быть признан слишком высоким.

Упомянутое произведение появится в печати лишь в далеком будущем.

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 23 января 1823 г.

Приглашение неаполитанскому королю.

Вена, 6 — 7 апреля 1823 г.

Ваше величество!

Нижеподписавшийся окончил одно из наиболее удачных своих произведений. Это большая торжественная месса на четыре голоса, с хорами и большим оркестром, может быть исполняема также в виде оратории.

Воодушевленный желанием поднести с глубочайшим почтением вашему величеству один экземпляр названной мессы в партитуре, автор просит о соответственном разрешении. Переписка партитуры вызвала большие расходы, вследствие чего нижеподписавшийся позволяет себе обратить внимание вашего величества на гонорар в пятьдесят дукатов. Если он будет иметь исключительную честь считать ваше величество в числе своих высочайших подписчиков, то льстит себя надеждой на самый громкий успех как артистический, так и материальный.

Соизвольте принять, ваше величество, глубочайшее почтение покорнейшего слуги вашего,

Людвига ван Бетховена.

Великому герцогу гессенскому Людвигу I.

Вена, 5 февраля 1823 г.

Ваше королевское высочество!

Нижеподписавшийся только что окончил свое последнее произведение, — наиболее удачное из всех плодов своего творчества.

Это большая торжественная месса для четырех голосов-соло, с хорами и полным оркестром, каковую можно также ставить в виде большой оратории.

В виду этого он позволяет себе почтительнейше вручить вашему королевскому высочеству один экземпляр этой мессы в партитуре и покорнейше просит в. к. выс. об изъявлении высочайшего согласия на принятие ее.

Так как переписка копии с партитуры стоит больших расходов, нижеподписавшийся дерзает доложить в. к. выс., что за это большое произведение он назначил скромную плату в 50 дукатов золотом и льстит себя надеждой иметь вас в числе своих августейших подписчиков.

Вашего кор. выс. покорнейший Людвиг ван Бетховен.

Личному секретарю Шлейермахеру.

Вена, 24 марта 1823 г.

Милостивый государь!

С искренним удовольствием я получил ваше извещение, что е. к. высочество, великий герцог, соизволил приказать принять предложенную мною мессу, а в особенности меня радует, что как вы, м. г., мне сообщаете, приказано мне передать высочайшее благоволение, так как меня успокоила мысль, что мою просьбу относительно мессы не приняли за навязчивость.

Прошу также вас, м. г., передать е. к. в. мою почтительнейшую признательность за милость, вследствие коей я могу причислить его высочество к моим подписчикам, чем я весьма горжусь, ибо е. к. в. известен как ценитель и покровитель всякого добра и красоты — остаюсь, милостивый государь,

с чрезвычайным почтением уважающий вас Бетховен.

Чтобы заручиться участием короля саксонского, Бетховен пишет Георгу-Августу фон-Гризингеру, секретарю посольства и автору известной биографии Гайдна:

К советнику посольства ф. Гризингеру.

Милостивый государь!

Так как я намерен выпустить в свет свою большую, недавно законченную мессу не путем издания, а иным, как мне кажется, более достойным и может быть более выгодным для меня образом, то прошу вашего совета и, если возможно, то и вашего содействия. Я думаю предложить ее главным европейским дворам, но так как вне своего искусства я совершенно неопытен, то был бы вам бесконечно обязан, если бы вы сообщили моему брату, подателю сего, свое мнение по сему предмету. Я пришел бы сам, но опять занемог. — Так как с давних пор я привык находить в вас содействие успехам искусства и его деятелей, то убежден в том, что вы не откажетесь помочь осуществлению моего желания.

С глубоким почтением преданнейший Бетховен.

Вена, 7 янв. 1823 г.

На «приглашение» саксонского короля принять участие в подписке последовал ответ брата его, принца Антона:

Дрезден, 12 сентября 1823 г.

Милостивый государь, господин капельмейстер.

Я получил письмо ваше с предложением для короля, брата моего, и не сомневаюсь в том, что он примет предложение ваше, тем более, что я передал ему ходатайство шурина моего, кардинала Рудольфа. Новое произведение, упоминаемое вами, вероятно, так же превосходно, как прочие произведения ваши, и надеюсь иметь удовольствие услышать его. Прошу передать привет шурина моему; примите уверение в лучших пожеланиях

вашего постоянного поклонника Антона.

Получив согласие короля саксонского на отсылку ему мессы, композитор вновь прибегает к содействию Гринзингера.

Четверг. 20 ноября.

Милостивый государь!

Честь имею сообщить вам, что мой племянник передаст вам предназначенную для его величества короля саксонского мессу, пожалуй, сегодня же утром от 10 — 11 часов, я очень занят и только добавлю, что прошу доставить мне возможно скорее удовольствие видеть вас.

С истинным почтением ваш преданнейший Бетховен.

В ответ на согласие герцога гессен-дармштадтского композитор пишет личному секретарю его:

Личному секретарю Шлейермахеру в Дармштадте.

Вена, 2 августа 1823 г.

Милостивый государь!

Честь имею известить вас, что месса вскоре может быть сдана здесь в великогерцогское посольство, надеюсь е. к. выс. великий герцог не будет недоволен, если я позволю себе почтительнее просить их распоряжения о пересылке мне гонорара в 50 # через здешнее великогерцогское посольство, расходы на копию в действительности превысили мои первоначальные ожидания. Ложные слухи, пущенные моими недругами, будто бы месса эта еще не окончена, я опровергну свидетельством моего всемилостивейшего государя его императорского высочества эрцгерцога Рудольфа в великогерцогском посольстве, ибо эта месса окончена уже в 1822 году. — Г. Шлоссер, состоящий на службе у е. к. выс. великого герцога, не замедлит подтвердить, что я принял его, как молодого и талантливого артиста, но к сожалению пришлось отнестись совершенно иначе к г. Андрэ, капельмейстеру и придворному советнику, ибо его поведение было настолько грубо, что я писал ему и просил его впредь не посещать меня, лишь потом я узнал, что этот господин состоит на службе у е. к. выс., если бы я это знал, то из уважения к е. к. выс. не обратил бы внимания на его поведение — простите м. г., что утруждаю вас этим, но ведь каждый хочет показать себя таким каков он в действительности, и кто знает, в каком виде дошло все это туда, где нередко *veritas odium parit*. — Прошу вас передать мое глубокое почтение е. кор. выс. великому герцогу и уверить их, что я почтительнее приношу им мою сердечную благодарность за честь, которую они мне оказали, дав мне возможность включить их в число моих августейших подписчиков, каковы император российский, король

пруссский, король французский и др. Надеюсь вскоре найти случай и доказать, что я не совсем недостоин их милости, прошу м. г. принять мое безграничное почтение.

Ваш, милостивый государь,

покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Вена, 2-е августа 1823 г.

Желая иметь подписчиков в лице короля прусского и берлинской Singakademie, Бетховен вступает в переписку с директором последней...

К Цельтеру.

Вена, 8 февраля 1823 г.

Мой славный сотоварищ по искусству!

Мы обречены судьбою жить вдали друг от друга, а потому лишены возможности беседовать, да и переписываться можем, к сожалению, только изредка; одна просьба к вам заставляет меня взяться за перо.

— Я написал большую мессу, которую можно поставить, как ораторию (что делается ныне с большим успехом и входит в обычай благотворительных учреждений), но я не хотел издать ее обыкновенным путем, а намерен представить ее только царствующим особам; плата назначена в 50 дукатов. Кроме изданных по подписке, других экземпляров не будет; таким образом, месса остается собственно манускриптом; но их должно быть достаточное количество, чтобы из этого вышло что-либо для автора. Я просил здешнее корол. прусское посольство, чтобы его величество король прусский соизволил взять один экземпляр; писал также князю Радзивиллу, дабы он содействовал тому же. Прошу также вас помочь мне в этом. Подобное произведение могло бы быть полезным также для Singakademie, так как почти все его части могут быть применены исключительно к вокальному исполнению, а если голоса будут удвоены или усилены присоединением инструментов, то впечатление должно быть еще сильнее. Так как благотворительные общества нуждаются в подобном, то это произведение было бы для них подходящим. Я прибегнул к такому средству ввиду постоянной болезни в продолжение нескольких лет и потому далеко не блестящего положения своего. Хотя я много работал, но зарабатывал почти 0! Тем не менее, энергия моя возрастала все более; впрочем, человек часто принужден снисходить ради себя иди ради других; такова его судьба. С искренним уважением обнимаю вас дорогой собрат.

Ваш друг Бетховен.

На это директор берлинской Singakademie Цельтер ответил 22 февраля:

Ваше письмо от 8-го с. м., глубокоуважаемый друг, я получил; с одной стороны, я сердечно сожалею и сочувствую вам ввиду вашего постоянного нездоровья; с другой стороны, еще более удивляюсь, что вы, несмотря на это, обогатили мир новым большим произведением вашего мастерского пера. Близкие мне круги я

Бетховен, раб. Дитриха
(1821).

познакомил с вашим намерением и, как поклонник вашего гения, надеюсь на полный успех. Но этим почти ничего еще не сделано; нужно содействие лиц с хорошими средствами и доброй волей.

Что касается Singakademie, то вы ее знаете. Вы познакомились с нею во время вашего пребывания здесь, 25 лет тому назад, и если она в своей деятельности не подвинулась вперед с тех пор, то и не отстала. В делах, связанных с денежною платою, весьма трудно найти единодушие среди такого (впрочем, гармоничного) общества, состоящего большею частью из женщин, девиц, юношей и детей, большинство которых освобождено от незначительного взноса. Рассчитывать на них нельзя. Тем не менее я намерен выписать на собственный риск ваше славное произведение за назначенную цену в 50 дукатов, если вы, уважаемый друг, согласитесь на следующие условия.

Вы знаете, что в нашей академии проходят только хоровые пьесы (без аккомпанемента инструментов). Но вы говорите, что почти все части вашей мессы можно исполнить только голосами. Поэтому для вас не составит большого труда заранее переделать предназначенный для меня экземпляр так, чтобы он был пригоден нам. К великой вашей славе прибавится не только то, что произведение это будет исполняться у нас из года в год по 4 — 5 раз, но таким образом вы сделаете доступным ваше произведение для всех подобных обществ, каковых в Пруссии очень много, тогда как подобные Берлину городки еще бедны в отношении инструментальной музыки. Что касается нас, то имейте в виду, что кроме певческого хора в 160 голосов, собирающегося дважды в неделю, имеются еще 4 — 8 хороших солистов, а относительно исполнения, я, со своей стороны, сделаю все, чем считаю себя обязанным служить такому собрату по искусству, как вы.

Жду от вас вскоре благоприятного ответа. Деньги будут вам уплачены исправно.

С искренним почтением и преданностью ваш Цельтер.

К Цельтеру.

Вена, 25 марта 1823.

Милостивый государь!

Пользуюсь случаем выразить вам лучшие пожелания. — Подательница сего просила меня рекомендовать ее вам. Ее зовут Корнега, у нее красивое Mezzo-soprano, вообще она искусная певица и выступала с успехом во многих операх. Я обдумал обстоятельнее ваше предложение относительно вашей Singakademie. Если она будет когда-нибудь напечатана, то я пошлю вам экземпляр и ничего за него не возьму. Действительно, ее можно исполнить всю *a la capella*, но для этого ее надо сначала переделать, на что у вас быть может достанет терпения. Во всяком случае, в этом произведении и без того встречаются страницы исключительно *a la capella*, т. е. в том стиле, который является единственным истинно церковным. — Благодарю за внимание. От артиста столь славного, как вы, я никогда ничего не приму. — Я уважаю вас и только ищу случая доказать вам это на деле.

С глубоким почтением ваш друг и слуга Бетховен.

С такою же просьбою, набросанною сначала на обложке мессы, обращается композитор к Керубини, заканчивая письмо на французском языке, что не помешало адресату оставить просьбу Бетховена без ответа.

К Керубини.

Глубокоуважаемый и милостивый государь!

С большим удовольствием пользуюсь случаем, чтобы вступить с вами в переписку.

Мысленно я часто бывал близок к вам, так как предпочитаю ваши оперы всем другим. Музыкальный мир должен только сожалеть о том, что уж давно, по крайней мере, у нас, в Германии, не появлялось ни одного вашего нового произведения. Как бы высоко ни ценили истинные знатоки все ваши сочинения, но все же искусство безусловно теряет, не получая нового произведения вашего великого гения. Истинное искусство вечно и истинный художник чувствует высокое наслаждение от великих творений гения. Я в восторге, когда узнаю о появлении вашего нового произведения и интересуюсь им больше, чем своим собственным, — словом, почитаю и люблю вас. Если бы постоянное болезненное состояние не мешало мне посетить вас в Париже, то сколько приятных часов провел бы я с вами в беседе об искусстве. Не думайте, что все это служит только введением к тому, о чем я намерен вас просить. Надеюсь и уверен, что вы ни в коем случае не припишете мне такого низкого замысла.

Я закончил недавно большую торжественную мессу и намерен послать ее европейским дворам, так как не хочу пока издать ее для публики. Поэтому я предложил через здешнее французское посольство е. в. королю французскому подписаться на это произведение и уверен, что король, по вашей рекомендации, сделает это. Мое критическое положение требует, чтобы я не только направлял свои взоры, по обыкновению, к небу, но, напротив, обращал их также долу, на жалкие мелочи обыденной жизни. Каковы бы ни были последствия моей просьбы к вам, я все же буду вас всегда любить и почитать, и вы будете для меня всегда одним из тех современников, которых я глубоко уважаю. Если хотите доставить мне большое удовольствие, то черкните мне несколько строк; это меня весьма утешит. Искусство связывает все человечество, а тем более истинных музыкантов; может быть, позволите мне также считать себя в числе таковых.

С глубочайшим почтением ваш друг и слуга Бетховен.

Долго не получая ответа от Керубини, композитор наш обращается к посредничеству Людвиг Шлессера, придворного капельмейстера в Дармштадте, побывавшего весной 1823 года в Вене, где он виделся с Бетховеном, и затем отправившегося в Париж. Перед выездом Шлессера вписал Бетховен в альбом его шестиголосный канон «Будь благодарен, человек» в Es-dur, напечатанный тогда же в Wiener Mode-Zeitung и впоследствии у Брейткопфа (серия 23, № 43, XI) в тоне E; в альбоме была также приписка: «Счастливого пути, господин Шлессер, желаю всякого успеха».

Вена, 6-го мая 1823 года.

Любезный Шлессер, вы получите письмо к Керубини и к издателю Шлезингеру. Адрес вы должны узнать от Штейнера, здесь в переулке Патер-ностер. Скажите только, что я посылаю вас с поручениями к г-ну Хаслингеру. Передайте, что я шлю ему, Керубини, свой нижайший привет, что я мечтаю получить от него новую оперу, что никто из всех наших современников не вызывает во мне столь великого уважения, что, надеюсь, он получит мое письмо и жажду получить от него несколько строчек.

— Спросите также Шлезингера, получил ли он и передал ли письмо Керубини. Почему я еще не получил для себя экземпляра сонаты с-moll. Убедительно прошу вас написать сейчас же из Парижа относительно обоих, Керубини и Шлезингера. На почте в Париже все письма сдаются в один ящик, не забудьте оплатить письма, иначе они останутся там и их нельзя будет получить, не написав об этом в Париж.

Да пошлет вам небо всякого добра. Готов всегда с удовольствием служить вам

преданный вам Бетховен.

Не менее бесплодным оказалось обширное послание к «олимпийцу», поэту-министру веймарского двора.

Вена, 8 февр. 1823 г.

Ваше превосходительство!

Все еще наполняя жизнь свою, как в годы юности, вашими бессмертными, неувядающими творениями, и никогда не забывая счастливых часов, проведенных мною в вашем обществе, дожидаясь до того времени, когда и мне приходится напомнить вам о себе — надеюсь, ваше превосходительство получили переложенное мною на музыку и посвященное вам «Морская тишь и счастливое плавание».

Полагаю, что контраст обоих должен быть выражен в музыке, был бы счастлив узнать ваше мнение, насколько удачно сочетал я свои гармонии с вашими, с радостью готов услышать истинную критику, потому что ценю истину выше всего и отнюдь не разделяю взгляда *veritas odium parit*. Вероятно, вскоре появятся некоторые из ваших несравненных стихотворений с моею музыкою, между прочими, также «*gastlose Liebe*», как бы я рад узнать мнение в. пр. вообще о композиции или о переложении на музыку ваших стихотворений! Ныне имею просьбу к вашему превосходительству; я написал большую мессу и прежде чем издать ее предназначил самым избранным дворам, гонорар составляет лишь 50 #, я обратился с этим предложением к великогерцогскому посольству Веймара, каковое приняло мое прошение к его великогерцогскому высочеству и обещало представить по назначению; мессу эту можно исполнять также в виде оратории, а кому неизвестно, что в наше время бедняки нуждаются в подобных подписках! — Моя просьба к вам состоит в том, чтобы в. пр. обратили августейшее внимание его высочества на это сочинение, чтобы великий герцог также подписался на него, великогерц. веймарское посольство заявило мне, что было бы очень уместно заранее настроить вел. герцога — я так много творил, но почти ничего не натворил себе, а теперь я уже не один, вот уже более шести лет я состою отцом сына моего покойного брата, 16-летнего юноши, подающего большие надежды, вполне преданного наукам и освоившегося с богатой литературой древних греков, но в наших странах все это обходится недешево и приходится заботиться не только о настоящем положении учащегося юноши, но также о будущности его, а так как я был всегда занят лишь возвышенным, то в настоящее время приходится обратить свои взоры к низменной — мое существование лишено всего существенного — моя долголетняя болезнь лишила меня возможности предпринять артистические поездки и вообще всего того, что может доставить средства, — если здоровье мое поправится, то я пожалуй мог бы рассчитывать на нечто лучшее. — Не думайте, что я посвящаю вам «*Meeresstille u. gluckliche Fahrt*» взамен просимого одолжения, это было сделано еще в мае 1822 года, тогда никто не думал о распространении мессы таким путем, лишь теперь несколько недель тому назад — уважение, любовь и глубокое почитание, которые я питал с юношеских лет к единственному бессмертному Гете, остались во мне поныне, такие чувства трудно передать словами в особенности такому неучу, как я, привыкшему выражаться лишь звуками, но под влиянием творений ваших какое-то странное чувство вызывает это бесконечное письмо к вам — я уверен в том, что вы не замедлите помочь артисту, который всегда был так далек от корысти, которого гнетет нужда и который ради одних принужден беспокоить других, добродетель не чужда нам всем и потому я уверен в том, что в. пр. не откажете в моей просьбе.

Несколько слов от вас доставили бы мне величайшее счастье.

Остаюсь вашего превосходительства с искреннейшим

безграничным почтением уважающий вас Бетховен.

В числе музыкальных учреждений, к которым обратился Бетховен с предложением подписки, были певческие общества и Singakademie в Бремене, директором коей состояли поочередно Фр. Рим и И. Шельбе, основатель общества «Цецилия» во Франкфурте-на-Майне; от переписки с ними сохранились две странички.

Милостивый государь!
Высокопочтимый маэстро!

Письмо, которым ваше благородие почтили здешнее певческое общество, вызвало в нем, как и в председателе его, великую радость. Надежда получить от вас, великий маэстро, новое произведение одушевляет всех членов общества и вновь вдохновляет их музыкальное рвение. Поэтому прошу вас, как только найдете возможным, прислать мне один экземпляр вашей новой мессы.

Будьте уверены, что общество сумеет оценить то отличие, которое вы ему оказали, мне же в особенности да будет позволено выразить вам глубокое почтение и безграничное уважение, с каковым имею честь пребывать до конца дней моих

Вашего благородия преданнейший почитатель И. Н. Шельбе

Директ. муз. общества. Франкфурт, 9 мая 1823 г.

Риму в Бремене.

Вена, 16 сентября 1824 г.

Ваше желание, мой уважаемый друг! прислать различным певческим обществам вокальные партии моей последней большой мессы, с переложением для органа или фортепиано, я готов охотно исполнить главным образом потому, что эти общества могут принести чрезвычайную пользу участием в концертах, а в особенности в праздничных богослужениях, моею же целью при обработке этой мессы было желание вызвать и надолго сохранить религиозное чувство как в певчих, так равно и в слушателях.

Но ввиду того, что переписка, как и многократный пересмотр таких, стоят очень больших расходов, то не могу принять за это меньше 50 дукатов и предоставляю вам решить, чтобы затем я мог заняться этим делом.

Сердечно приветствую вас почтительно преданный вам

Людвиг ван Бетховен.

Вена, 10 сентября 1824 г.

Чтобы привлечь к подписке короля прусского, композитор обращается также к директору канцелярии прусского посольства в Вене, Вернхарду; по своей ли инициативе или по распоряжению из Берлина, посланник прусский, князь Хацфельд, поручил Вернхарду узнать от композитора: желает ли он получить за экземпляр мессы обусловленные 50 дукатов или же орден в петличку.

Бетховен, к которому Вернхард явился с таким поручением, пришел от последнего в негодование и вдогонку директору канцелярии, поспешившему уйти, кричал:

— Пятьдесят дукатов, господин директор! Пятьдесят дукатов!.. Мне ордена не нужны... Искусство не нуждается в мишуре... Вы не туда попали...

Когда прошла вспышка негодования, композитор стал раскаиваться в этой выходке и просил приятелей своих не разглашать ее; по этому случаю он пишет Шиндлеру несколько строк, которым следует предпослать небольшое вступление. Будучи избран тогда же членом шведской академии, Бетховен представил диплом этот, прося разрешения австрийского правительства на принятие нового почетного звания; после долгих мытарств и переписки в разных канцеляриях и управлениях, композитор, наконец, получил просимое разрешение. Около того же времени композитор задумал, с целью заработка, склонить венское музыкальное общество к устройству концерта из его произведений и в его же пользу, но дирекция общества ответила уклончиво, вследствие чего Бетховен обратился с такою же просьбою к генерал-интенданту берлинских королевских театров, графу Брюлю; узнав об этом предложении, дирекция венского музыкального общества поспешила загладить свое поведение и поднесла композитору адрес, изложенный в очень лестных для него выражениях. Во избежание огласки отказа венского общества и берлинского театра, что было бы оскорбительно для Бетховена, последний вел всю эту переписку секретно от многих знакомых и просил приятелей своих, принимавших участие в корреспонденции, хранить все втайне. Отсюда понятны столь часто повторяемые в записках к приятелям просьбы о молчании, а также клички, которыми композитор окрестил друга своего Шиндлера, покорно переносившего всяческие выходки его и в сохранившихся у него записках старательно вписавшего пропущенные Бетховеном буквы; например: композитор не раз писал ему «самофракийский б-га», а Шиндлер дополнял «бродяга» и т. п. Происхождение кличек большею частью связано с мыслью о молчании, таинственности; вычитав у греческих классиков о мистериях, таинственных, сопровождаемых музыкою религиозных обрядах самофракийцев, композитор называет друга своего, посвященного в музыкальные и иные замыслы его, самофракийцем. В другом месте он Шиндлера называет Папагеном, по имени действующего лица в «Волшебной флейте», которому надевают замок на губы, чтобы он не мог раскрыть рта. Ряд других кличек и терминов обнаруживает знакомую нам склонность композитора к игре словами, к юмору и знакомство его с древнегреческою жизнью; многие из этих записок написаны им даже в те годы, когда он жил в одном доме с Шиндлером, но спешил избавиться от докучных мыслей, набросав их на бумагу. В упомянутой записке, к которой мы сейчас вернемся, говорится о какой-то неприятности с Эстергази, об экземпляре сонаты ор. 111 для кардинала эрцгерцога Рудольфа и о дерзости Диабелли, отказавшегося окончить издание сонаты, так как Бетховен слишком часто прерывал работу своими многочисленными переделками и корректуру. Возмущенный Диабелли даже пригрозил автору изданием (с оплатою гонораром) записки его с музыкальною шуткою для басового голоса и с оскорбительными для издателя словами. В других записках, набросанных то чернилами, то цветными карандашами, встречаются сообщения о Блехлингере (Бл.), об опекуне Нусбеке (Н.), о портном Кинде, докторе Сметане, лечившем композитора от болезни глаз, которыми он страдал от апреля до сентября 1823 года; о полицейском

управлении, куда он обращался с просьбой оградить брата Иоганна от скверного обращения жены и дочери; о секретаре князя Павла Эстергази, собиравшемся в Лондон и принявшем разные поручения и рукописи Бетховена; об экономке Зали, которую он называл «фрау Шнапс» и «фрегатом на всех парусах» и которая обыкновенно выходила победительницей из споров и ссор с раздражительным композитором, вследствие чего почти неограниченно распоряжалась домохозяйством в последние годы жизни его; тут же не раз встречаются поручения относительно переписки некоторых частей мессы (Кюрие или «Господи помилуй» и Gloria), относительно секретаря русского посольства Обрезкова, через которого ожидали получения 50 дукатов от русского императора за рукописную партитуру мессы; сообщения о выборе либретто, о предложениях поэтов Грильпарцера и Канне (К.), о получении от неизвестного поклонника шести бутылок токайского вина, из коих он отправил пять бутылок в свой погреб, а шестую предлагает своему другу Шиндлеру; о «придворной службе» у кн. Эстергази, заключающейся в официальном визите по делам «Фиделио», шедшего с успехом в королевском театре; о закладе двух акций, так как издатели Штейнер и Хаслингер, которым композитор выплатил лишь 500 гульденов из долга в 1300 гульд., грозили судебным процессом; о «двух красавицах» Зонтаг и Унгер, восхищавших венцев своим пением и часто искавших общества Бетховена; о запоздавших рукописных партитурах мессы, вызывавших нарекания подписчиков; упоминается о Шлеммере, долгие годы бывшем переписчиком при Бетховене и привыкшем разбирать его скверный почерк, но принужденном часто, вследствие старости и болезни, передавать свою работу новым копиистам, Глезеру и Раммелю; о Шольце, который составил в 1807 году немецкий текст к мессе ор. 86 и которого автор просил через графиню Шафготш сделать то же для мессы ор. 123; о двух редакторах венских журналов, Пилати («Венский наблюдатель») и знакомом уже нам Бернарде; о стихотворце (потом цензоре) Рупрехте, которого композитор некогда хотел взять с собою в Италию, а потом, узнав его ближе, бранил очень часто за его проделки; о раздорах с хозяином зимней квартиры в Pfargasse (в предместье Лаймгрубе), где Бетховен жил вместе с Шиндлером, платя наемную плату по четвертям года (в день Георгия, 23 апреля, в день Якова, 25 июля и т. д.), о графе Галленберге (Г.), заведовавшем театральною библиотекою; о Вохере, личном секретаре князя Эстергази, о капитане Вил. Парри, читавшем в Вене лекции о путешествии своем к северному полюсу; о бароне Мюллере-Пронай, с которым Шиндлер вел переговоры относительно найма виллы его в Хецендорфе; барон, будучи почитателем Бетховена, наконец уступил условиям последнего, но по приезде его стал выражать свое поклонение настолько назойливо, так часто отвешивал ему глубокие поклоны, что композитор, погруженный в работу начала 9 симфонии, стал резко проявлять свое раздражение и переехал в Баден; о содействиях полиции в отношениях родного брата к распутной жене, которая стала принимать у себя любовника своего, гвардейского офицера, и всячески оскорбляла мужа, сносившего все терпеливо; о долге в 50 гульденов, которые Бетховен обещал другу своему за хлопоты по

подписке и все собирался выплатить, но не исполнил своего намерения, устроив взамен этого и с помощью И. Хуммеля концерт в пользу Шиндлера, и завещал ему свой архив, приносящий другу его ежегодного дохода около 600 рублей; о согласии короля саксонского («дрезденского бедняка») на подписку для мессы и т. п. Тут же встречаем такие выражения и сокращения, как гатишериф, т. е. указ султана, исполняемый во чтобы то ни стало; «б. п.», т. е. — «бродяга, прощай», «Тернион» — термин, неудачно примененный переписчиком Шлеммером для обозначения трех тромбонов. Как во многих других письмах Бетховена, так и в приводимых ниже, некоторые места остаются невыясненными и неразгаданными по сие время.

К Шиндлеру.

Начало. Paragano, не передавайте никому, что я говорил о Пруссии. Там нет ничего порядочного; все напоминает застольные речи Мартина Лютера. Прошу моего брата тоже держать язык за зубами и ничего не выносить из Selchwurstgasse.

Вар. залежались. Пришлите их с экономкой. Пошлите также предназначенное для Лондона, — не делайте по-своему, потому что и без того все идет вкривь.

Продолжение —

Покорнейше прошу сообщить, где находился диплом до отсылки в управление и давно ли он там? Что за новые неприятности с князем Э.? Конец. Узнайте у возмутительного нахала Диабелли, когда будет отпечатан французский экземпляр сонаты C-moll, дабы я мог получить его для корректуры? Кстати, я выпросил себе четыре экземпляра, из которых один на красивой бумаге для кардинала. Если же он начнет опять свои дерзости, то я сам спою ему под его сводами такую басовую арию, что от сводов полетят могильные звуки.

Ваш покорнейший слуга Бетховен.

Прошу вас передать сегодня же вашему сапожнику, чтобы отправился завтра к 12-ти часам в институт и примерил Карлу калоши.

— Надеюсь все окончилось благополучно.

Прилагаемое покажите барону Мюллеру. — Если понадобится, можете сказать, что подлец Лих. тоже не заплатил более 400 фл. — Если нашли барона М. вчера вечером, то напишите несколько строк. Во всяком случае отдайте прилагаемое как можно скорее барону М.

Покорнейше прошу ответить мне, почему не могли окончить вчера относительно Хецендорфа? Для чего хочет бар. Мюллер быть у меня сегодня в 8 или 12 часов? Прошу вас заодно указать мне квартиру бар. Мюллера и графини.

Бетховен.

Милости не требуется. Напротив, все должно быть основано на законах и праве.

Дорогой Шиндлер, не знаю, исправлен ли другой экземпляр, а потому посылаю этот — относительно Н. в С. прошу вас все хранить втайне. Бл. уже напуган этим.

Второпях, ваш друг Бетховен.

...так лучше, но я не доверяю человеку, который уже раз дал мне слово и не сдержал его — это ultimatum — отнюдь никаких изменений — или одно, или другое — прошу вас прийти к обеду, во всяком случае никакой отсрочки, — кроме денег — он может выплатить гонорар в 6 недель и еще позже.

В.

Б-д-а

В деле Диаб. останется все по-прежнему; только срок получения ими от меня мессы останется неопределенным. — Впрочем, пусть положатся на мою исправность. — Рукопись вар. нужна была мне вечером только на несколько часов или как угодно Ди; ведь если Д. будет готово в 3 недели, то для печатания в Англ. останется еще много времени, так как издание не дойдет туда так скоро, а это в моих интересах. Я право так стеснен во всех отношениях, что не могу даже думать о каких-либо удобствах жизни — не будь Папагено; не забудьте о столяре, главный Б-д-а.

Добрейший! Придворная служба только в половине 5. Так что можете после обеда прийти ко мне. Не придаю никакого значения мнению о супе, он плох.

Необыкновеннейший и добрейший!

Не забудьте внести банковые билеты в виде залога. — Прошу вас зайти около часа за Карлом к Блехлингеру и привести его ко мне. Можете взять потом фиакр и поехать за Бахом; он приедет наверное. Или же возьмите с Карлом сейчас же фиакр из Иозефштадта; с ним приедете ко мне, а от меня к Баху.

Прощайте добрейший ваш Бет.

Больше ничего не остается, как воспользоваться 2 акц., хотя нахожу это очень нерасчетливым, устройте как знаете; если вы одни, то приходите ко мне —

Ваш друг Бетховен.

Любезный Шиндлер!

Не забывайте банк. ак.; это очень необходимо; я не хотел бы подвергнуться судебному обвинению из-за пустяков и вновь из-за пустяков. Поведение моего брата вполне достойно его. Сегодня должен прийти портной, которого впрочем надеюсь сегодня выпроводить подобру.

Я совсем не выхожу, потому что нездоровится, приходите к обеду, если хотите.

Vous etes invite de dimer chez moi.

Не могу еще принять любезных приглашений, занят, насколько позволяет мой больной глаз, а если будет лучше, то выйду. — Лично благодарю обеих красавиц за эту любезность. — Из Дрездена ничего. — Подожду еще до конца этого месяца, а потом адвоката в Дрезден. Относительно Шоберлехнера завтра. — Наскоро отвечаю самое нужное. — Шлеммер был здесь. Чтобы дело подвигалось исправно, как теперь, он приходит всегда ко мне сюда. Таким образом вам нечего больше взбираться на четвертый этаж. — Также не ходите больше по подписавшимся посольствам. — Я сам сумею составить письма для всех четырех и должным образом объясню задержку. — Прошу вас оставить вариации у себя в комнате, чтобы слуга мог взять их. Может быть найду другой способ переслать в Лондон. — Если действительно пойдет дождь, то можно будет вставить зимние рамы, в противном случае не надо. — Вытолкайте грубияна за дверь.

Vale.

Вам должно быть ясно, что я не хочу иметь ничего общего с этим делом. — Что касается благородства, то я думаю уже давно доказал вам, что всегда руководствуюсь им; думаю даже, что вы должны были заметить, что я еще никогда не отступал от своих правил.

Sapienti sat.

Pour Monsieur Papageno.

Schindler.

Надеюсь корректура вар. готова и сегодня увижу ее. Если вы получите некоторые корректурные листы, то прошу г-на Диабелли прислать мне поскорее 8 милостиво обещанных экземпляров на хорошей бумаге.

Погода плохая. Я никогда не бываю один, даже когда я один —

С Богом!

Хецендорф, 1823.

Что со Шлеммером? Брату моему скажите, что если ему нужно что-нибудь, то пусть напишет мне через вас. Передайте ему письмо. — Для дипломат. выдумал я нечто такое, что поразит его как пистолетный выстрел. — Столяру скажите, что я нездоров, но пусть зайдет скорее за сундуком. Посмотрю, получу ли деньги.

Из книжки моей вижу, что вы сомневаетесь в Диаб. относительно мессы; поэтому прошу вас прийти скорее. В таком случае не следует давать ему также вар., так как моему брату известно лицо, которое возьмет обе вещи; можно с ним поговорить об этом. —

Amicus Бетховен.

Дорогой Ш!

Хотелось бы это дело, столь неприятное для вас, окончить вполне успешно. Впрочем, к сожалению, я не очень ошибался, сомневаясь в Диабелли. — На сегодня прошу вас только достать в магазине образчики фланели. Был бы рад найти у себя образчики вместе с ценами их прежде, чем вы отправитесь к моему брату! Потому что не могу более носить этой противной фланели.

Ваш Бетховен.

Прошу вас не забудьте относительно Сметаны. Завтра ждем вас к обеду, до 1 часа — слишком низко от грубияна. Отсюда все трудно. Прощайте до завтра, ждем вас с удовольствием. Сижу здесь из-за глупого хозяина.

Из Хецендорфа.

Самофракийский б—д—а!

В каком положении партия тромбона; наверное мальчик оставил ее у себя, — так как он не отдал ее при сдаче gloria. Переписано скверно и трудно было просмотреть, а потому не догадался отобрать у него партию тромбона. Если нужно, то придите завтра в полицию в Вену. — При сем присылаю для Рампеля, во-первых, тему вар., которую нужно написать на отдельном листе, — а там ему нужно будет еще написать остальные, до 13 вар. или конца 12 и этим конец. —

Отнять у Шлеммера, чего не достает к Курге. Покажите ему приписку и этим satis. Довольно с таким отчаянным б—й. — Прощайте, позаботьтесь обо всем. Я должен на ночь завязывать себе глаза и очень беречь, не то, пишет мне Сметана, перо мое перестанет выводить ноты. Передайте Вохеру мои лучшие пожелания, как только приеду в город, зайду к нему. Готовы ли уже вар.?

Прощайте! Бт.

Диабелли получат при сем старое и порцию нового. Глазам скорее хуже, чем лучше; могу работать только медленно. Как только Диабелли приготовит это, вышлите все, дабы он немедленно получил остальное. Никогда я не слышал и для меня совершенно ново, что имея рукопись можно не считать ее своею собственностью; совершенно обратное доказывают рукоп., которые имеются у меня, которые я давал печатать и потом получал обратно. Я не раз просил найти законы о художественной собственности, Д. также может найти их. — Д. мог бы потребовать копию, но вы знаете, какова она, тем более, что хотели передать вар. Д. как можно скорее.

Прошу вас послать этот пакет и вместе с тем по возможности сегодня же утром расспросите хозяйку, живущую во дворе № 318 на Глокенгассе в 3-ем этаже. Она вдова, знает поваренное искусство, хочет служить только за стол и квартиру, на что конечно нельзя согласиться или только условно. С этой станвится невыносимо. Пригласить вас не могу; моя благодарность вам, впрочем, не нуждается в этом.

Прилагаю письмо к г. фон Обрезкову. Снесите его и скажите относительно денег, что нужно только прислать квитанцию мне, затем я ее отошлю и деньги получит податель квитанции. — Как только получу эти деньги сейчас же получите за труды 50 фл. в. в. Говорить разрешается только о необходимом, иначе дело замедляется. — Также не говорите ничего о том, что месса не готова, ведь это неправда, новые части служат только приложением, — относительно прочего оставьте меня в покое.

Наставник г-на Папагено. Прощайте!

О вашей квартире я заявил; намекайте только слегка — vi—там каким образом Франция тоже переслала вам деньги — de — если надо — имейте в виду, что подобные лица замещают самых величеств.

Покорнейше прошу вас переписать набело это приглашение на прилагаемой бумаге. Карл очень занят, я пришлю за ним в среду утром, прошу вас относительно квартиры Грильпарцера; быть может пойду к нему сам. Относительно 50 еще немного терпения, так как пока нет возможности в чем впрочем вы сами тоже виноваты. Приготовьте также конверт для приглашения. Я запечатаю его здесь.

Ваш Бн.

Посылаю сочинение К., каковое, если не считать первого акта, немного холодного, написано так превосходно, что не требует первоклассного композитора. — Не хочу сказать, что оно для меня было бы вполне подходящим, но если сумею отделаться от прежних обязательств, кто знает, что могло бы случиться — или может случиться!

Второпях ваш друг Бетховен.

Будьте добры уведомить о получении.

Добрейший!
Прошу ответа относительно Эстергази, а также относительно почты. Впрочем был здесь почтальон из Мауера верно ли оно адресовано. — Из Дрездена еще ничего. — Через несколько дней приглашу вас к обеду, так как у меня еще болит глаз; только сегодня он кажется начинает поправляться, но я должен стараться не смотреть им

Ваш друг Бетховен.

В вариациях Диабелли очень много ошибок; возьмите их пожалуйста завтра у Диабелли; но надо также взять исправленный экземпль. Ошибки в сонате надо сверить с печатным экземпляром где они продаются здесь. Я думаю, что можно дать их отпечатать или гравировать за небольшую плату, только все это сейчас же, а потом передать издателям сколько могут получить экземпляров. Все это скорее, как можно скорее. Речь идет об указанных ошибках, которые списал Шлеммер. Если Шлеммеру довольно 5 фл., то может их заработать; но надо столько же листов, сколько экземпляров. И вы должны следить за всем — все это скорее, как можно скорее.

Добрейший! согласно сему гати-шерифу вы обязаны быть сегодня после обеда в кофейне Mariahilfer, где будет произведен допрос по поводу некоторых действий заслуживающих наказания. — Если этот г. п. не застанет вас дома, то вы должны быть завтра в половине 2-го у меня, где получите хлеба и воды, и затем отправитесь на сутки под арест.

Л. в..... !! Бтхвн.

Адрес: a Monsieur de Schindler первому секретарю приставленному и причисленному к предместью J — stadt.

Иду сейчас в кофейню, куда можете прийти. — Относительно мессы всего два выхода, именно: издатель не издает ее до поры до времени,

или, в противном случае, мы не можем принимать подписки. Приглашаю вас отвезти душеспасительного супа, приготовленного экономом.

Вопрос в том, лучше ли, чтобы почтальон, ближайший к Хецендорфу, брал с собою письма отсюда, или чтобы письма оставались здесь на почте и заявить об этом в конторе почтовых экипажей и где выдаются письма под расписку?

18 июня 1823 г.

Прошу вас прислать приглашения подписки на мессу немецкое и французское. Мне кажется, где-то произошла ошибка в списках или в содержании.

Второпях ваш Ami Людвиг ван Бетховен.

Что касается токайского, то оно хорошо осенью, а не летом и в особенности для скрипача, который способен оценить его и которому море по колено.

Добрейший г-н Ш.!

Так как мы вас сегодня не видели, то просим подождать завтра нашего слугу и сказать ему придете ли сюда вместе или позже, так как это весьма необходимо. Бедный избитый

Б-н.

Per il signore povero Parageno.

Не ходите больше к Шлеммеру; Карл будет у него завтра утром сам. — Прошу прислать подписной лист для князя Эстергази, хотя бы в запечатанном виде. Я придумал лучше, напишу ему сам, но так как я недоволен приглашением, то сам его переделаю. Когда будете мне писать, то пишите прямо, как я вам, без заголовка, без обращения, без подписи. *Vita brevis, ars longa*. Не надо никаких подробностей, только самое необходимое.

Хецендорф, 1 июля 1823 г.

Покорнейше прошу вас справиться о Рампеле; а если уже получили, то пришлите ко мне. Диабелли вероятно тоже окончил уже, так можете прислать вместе. — Шлеммеру дайте пожалуйста партию тромбона на хорошей бумаге, потому что так легче писать. Я напишу Вохеру сам и пошлю, для скорости, приглашение кн. Э. через Карла, кстати он приехал. В рукописи были изменены только мелочи. Вместо Eugene — Eu ge и т. д.; вместо Nicola Nicolas вы же не ученый орфограф. Будьте добры справиться об успехе. Я сомневаюсь в нем, так как не заручился его расположением к себе, по крайней мере, если судить по прошлому. Думаю, что только через женщин можно добиться у него успеха. Благодаря вашим стараниям теперь, по крайней мере, знаю как следует писать этому Шольцу. — Дурная погода и вообще скверный городской воздух мешают мне посетить их. Пока прощайте, вскоре увидимся.

Ваш amicüs Бетховен.

NB. Лучше всего по почте; мне нужно быть в городе и самому помочь, чтобы избежать недоразумений.

Из Дрездена — ничего.

Только что явился Шлеммер и опять просит денег. Он уже получил 70 гульденов вперед. Спекуляциями занимаются купцы, а не такие бедняки, как я, в итоге этой жалкой спекуляции являюся пока только долги. Видели ли вы, что Gloria готова?! — Невелика была бы беда, если бы зрение мое было исправно и я мог бы еще писать. —

Отправлены ли уже вариации в Лондон? NB. насколько помню в предложении к Эстергази не упомянуто о том, что месса будет доставлена в рукописи; из этого может выйти недоразумение. Я думаю, что к тому вело предложение г. Артариа передать князю мессу бесплатно и т. д. чтобы г. А. мог в третий раз украсть мое произведение. Следует обратить на это внимание Вохера. Понятно, в подобных случаях участие Parapene не обязательно.

Хецендорф, 2 июля 1823 г.

Добрейший г. ф. Шиндлер!

С тех пор как я здесь, хозяин все время ведет себя крайне грубо; нужно вмешательство имп.-кор. полиции. Обратитесь прямо к ней. Что касается зимних рам, то я поручил экономке однажды после сильного дождя посмотреть нужны ли они, чтобы дождь не затекал в комнату; она нашла, что не только дождь не проник в комнату, но что этого никогда не случится. В виду такого утверждения я велел наложить замок, чтобы этот грубиян не мог исполнить своей угрозы, т. е. растворить настежь все во время моего отсутствия. — Расскажите там, как он вел себя у вас, и что он вывесил объявление не отказав заранее от квартиры, а это он может сделать только ко дню Якова. — Также неправилен его отказ в выдаче квитанции от Георгия до настоящего Якова, из-за того, что как видно из условия, я должен уплатить за освещение, о чем я до сих пор ничего не знал. Эта отвратительная квартира без печей, с одним негоднейшим камином, стоила мне по крайней мере 259 фл. в. в. на побочные расходы, кроме наемной платы; пришлось тратить, потому что надо было как-нибудь провести зиму. Он обманул меня умышленно, так как мне показали только квартиру во втором этаже, но я не видел квартиры в первом, где оказалось множество неудобств. Я не понимаю как это правительство разрешает иметь такой возмутительный вредный для здоровья камин. Помните, какими стали стены вашей комнаты от дыма, каких расходов стоило, если не совсем, то хоть сколько-нибудь избавиться от этой гадости. Главное заставить его теперь же снять объявление и выдать мне квитанцию в уплате квартирных денег, так как я ни в коем случае не уплачу за скверное освещение, когда и без того сделал огромные расходы, чтобы только дотянуть зиму. Городской воздух еще вреден моим глазам, не то я сам отправился бы в имп. полицию.

Преданный вам Л. в. Бетховен.

Добрейший б-га Эпируса, а также Брундизиума, отдайте письмо во «Наблюдатель», но напишите его имя. Спросите также об успехах его дочери в фортепианной игре и не могу ли я оказать услугу, предложив экземпляр моего сочинения? — Я писал — «почетным членам», но быть может надо сказать «иностранным членам»; не знаю и не придаю значения этому. — Дайте что-нибудь напечатать об этом также Бернарду non sanctum. — Спросите Бернарда относительно подлека Рупрехта,

расскажите ему эту глупую шутку и каким образом проучить этого бестыдника. — Спросите обоих философствующих газетных писак: есть ли это избрание в члены почетное или постыдное, — обедаю сегодня дома. Если хотите прийти, то приходите. — Попросите прощения у г-на «Наблюдателя» в том, что письмо написано так бестолково. Слишком уж много дела. — Узнайте также нельзя ли получить один экземпляр «Наблюдателя» за плату.

Господин скороспелый и беспутный, господин первопричинный и беспричинный — вчера все было готово — к Глезеру, теперь — вы — в Хецендорфе ожидаю вас к столу в половине 3-го, если приедете позже, вам оставят.

Добрейший!

Можете обедать у меня, принесите провизию с собою вашу — готовьтесь — мы готовы.

В — н.

Удивительно добрейший!

Ровно в два часа мы садимся за стол, ждем вас непременно! для вас будет заказано — сегодня на Грабене уже объявлено об открытой вчера новой пивной спешу очень. —

ваш.

Самофракиец!

Не беспокойтесь посещением меня, пока не появится гати-шериф. Во всяком случае не бойтесь золотой нити. Мой быстроходный фрегат, благороднейшая г-жа Шнапс, будет по крайней мере каждые два — три дня справляться о вашем здоровье. Прощайте В-н.

Не приводите никого. Прощайте.

Прошу засвидетельствовать копии со всех бумаг; при сем приложены 45 фл. Как это могло случ. что вы приняли от грубияна, да еще под угрозю, нечто подобное?! Где ваш рассудок?! — Там где он всегда! — Завтра утром пришлю коп. вар. и оригинал. Не знаю, придет ли Шн; оставайтесь пожал. дома до 8. Если хотите прийти завт. или сегодня к обед., то можете, но наверное, потому что с этим здесь и вообще относительно меня не стесняются; — не позже половины 3. Экон. скажет вам относительно одной кварт. на Landstrasse — давно уже пора. Как только узнаете что-нибудь на Basteu или Landstrasse дайте знать сейчас же. — Нужно узнать, какую комнатую хочет пользоваться хозяин ради колодца.

Vale B.

В—д—га С—ский!

Вчера просили вас передать, чтобы вы отправились к южному полюсу, тогда как мы отправимся к северному, потому что маленькая разница уже устранена капит. Парри. Но там не было картофельных блюдозивов. — Поклон и благодарность Баху за его заботы обо мне; прошу его сообщить, сколько стоит квартира в Вадене; вместе с тем

надо узнать, каким образом Карл мог бы приезжать туда каждые две недели (подешевле) (о Боже, бедность и дешевизна!) Это ваше дело, так как у вас имеются почитатели и друзья среди патронов и ямщиков. — Если эта записка вас еще застанет, то было бы лучше сегодня же отправиться к Баху, чтобы я получил ответ завтра же утром. А то уже поздно. — Вы могли бы также завтра застать врасплох мошенника копииста, от которого я не жду ничего хорошего. Сегодня неделя, как вариации у него.

Ваш Amicus Бетховен.

Прошу вас как можно скорее зайти ко мне по шведскому делу; позже мне надо выйти; завтрак будет готов.

Как зовут этого господина? Какую должность занимает тот, который пишет теперь о швед. дипломе? Мне нужно ему написать и извиниться, что сам не могу явиться. Во всяком случае мое письмо произведет хорошее впечатление.

Вчерашний случай, о котором узнаете из пол. сообщения, еще больше убеждает в том, что полиция должна взяться за это дело. Показания неизвестного вполне согласны с вашими. На частных лиц нельзя здесь более надеяться, только администрация, обладающая властью, может помочь.

Ваш Бетховен.

Мне очень плохо, сегодня у меня сильный... Все возможно среди этих суицидальных готтентотов. Принимаю лекарства для моего вконец испорченного желудка. — Тем не менее ожидаю вас завтра, как можно раньше: — Так как очень жарко, то лучше всего пораньше. Если вы будете здесь, по крайней мере к 5 часам, то я закажу карету к половине 6-го. Шлеммер невыносимо плох. Пойдите же к нему. Может быть он заговорит о счете; записано 165 фл.; но я думаю, что на 20 фл. больше. — Прошу вас завтра пораньше. — Через несколько дней ваши 50, — но приложить к одному месту.

Псылаю вам требуемые партии тромбон. Завтра утром пришлю за этим, если же имеете кого-нибудь, то было бы хорошо, даже необходимо переписать их для переписанной партитуры и прислать мне с оригиналом.

1823 года, сент., Баден.

Signore Papageno!

Отправьте сегодня по указанному адресу эти два пакета с моей экон., чтобы избежать лишних расходов. — Чтобы ваше злословие не принесло более вреда дрезденскому бедняку, сообщаю вам, что сегодня получены деньги со всеми признаками почтительного внимания ко мне. — Я охотно прислал бы вам вещественное доказательство моей благодарности за ваши... но не могу пока удовлетворить эту потребность своего сердца. Надеюсь быть счастливее через несколько недель. Не граф ли Головкин состоит русским посланником. Не можете ли спросить, нет ли у них курьера, который мог бы взять с собою пакет к князю Голицыну. Если нет, то во вторник сдам на почту.

Всецело ваш подданнейший.

Мне надо знать титул и имя русского посланника, чтобы послать упомянутый пакет.

Самофракийский б—г—а!

Приезжайте, погода как раз хорошая. Чем раньше, тем лучше, presto prestissima, предстоит отъезд отсюда.

Шлеммер получит листочек, оставайтесь завтра дома подольше. — При сем рукопись Gloria. Тернионы для меня совершенно новые инструменты. — Не забудьте ответа относительно диплома, так как я хочу сам послать его. Завтра приеду, чтобы лично передать

Credo — Мудрец!

Целую край вашего сюртука!

Прошу вас покорнейше относительно свидетельства, оригинала и копии. — Так как нам надо переговорить, то чтобы не терять времени приходите лучше как-нибудь к обеду. Но только навверное, потому что обещать не приходиться и т. п. вполне похоже на вас, но вместе с тем вполне достойно порицания! —

dixi.

При сем пакет для русского посольства. Прошу сейчас же отправить его. Кроме того скажите, что вскоре я сам навещу его; как мне обидно, что вызываю это недоверие, я слава Богу в состоянии доказать, что этого ни в каком случае не заслуживаю и мое самолюбие не может перенести этого бесчестия.

ГЛАВА XVI

1823

Карл в университете. — Завещание. — Воспоминания Штумпфа, К. М. Вебера, Грильпарцера, Мошелеса и др. — Болезнь и домашняя жизнь брата Иоганна. — Переписка с издателями и эрцгерцогом Рудольфом.

Издание мессы на выгодных условиях стало назойливою и неосуществимою мечтою композитора, а поиски подписчиков и рассылка рукописных партитур — одною из главных забот его. Новый переписчик неопытен, не разбирается в иероглифах бетховенского почерка, и автору приходится возвращать ему копии для проверки.

Господину Глезеру, копиисту.

Любезный г. Глезер.

Прошу вас просмотреть и исправить партии Credo № 1, завтра утром к 8 часам они уже нужны мне, прилагаемую партию флейты из Agnus, недостающую там, также прошу вас переписать сегодня же и прислать завтра же вместе с партиями Credo.

Ваш покорнейший Бетховен.

Директор «Духовных концертов» берется корректировать копию мессы, что вызывает благодарственную записку автора, упоминающего в ней об известном скрипаче Беме (учителе И. Иоахима) и скрипаче Майзедере (ученике Шупанцига).

Фердинанду Пирингеру.

Баден, 13 мая 1823.

Сим выражаю вам сердечную благодарность за намерение ваше взять на себя труд корректуры одного экземпляра моей мессы, прошу покорнейше меня известить, как только кончите ее, тогда пришло к ней и прошу вас вручить мессу, но только ему. — Прошу передать славному скрипачу Бему, что к сожалению не могу дать ему еще раз квартета, так как я получил его с большим трудом обратно от г. Майзедера в самый день моего выезда сюда 7 мая — последствия бывшего у меня воспаления кишок весьма тягостны, я чувствую себя настолько слабым, что хожу с трудом и совсем не в состоянии работать, да поможет Бог! —

Как всегда ваш друг и слуга Бетховен!

Для отсылки партитуры приходится обращаться к разным агентам и торговым конторам, в числе коих была фирма Кирхгофера, впоследствии приятеля Шуберта.

Господину Кирхгоферу в Вене.

Баден, 8 сент. 1823.

Любезный Кирхгофер!

Партитуру симфонии получите не позже 14 дней — дело лишь в том, чтобы переслать Рису, который шлет через меня сердечный поклон Вам, — мессу как можно скорее, с курьером этого сделать нельзя, ибо она слишком велика, пришлось бы ее разделить, а на это пойдет много времени, читали ли письмо к Brentano, кажется о Триесте, решайте, Рис, как вы догадались, еще не приступал к делу, но я думаю, что он примется, как только она будет в Лондоне, выберите день и приезжайте в Баден, я и Карл встретим вас с искренней радостью.

Второпях ваш Бетховен.

Любезный Кирхгофер!

Нельзя ли отправить пакет через английское посольство в Лондон, узнайте пожалуйста, я пришлю завтра за ответом или когда найдете нужным? В воскресенье мы непременно хотим, мой Карл и я, видеть вас у себя к обеду, погода видимо опять поправляется и мы оба будем очень рады вашему присутствию

ваш преданнейший Бетховен.

При всем отвращении композитора к письменной корреспонденции, 1823 год оставил нам около 150 записок и писем его (а сколько их еще утеряно!), значительная часть коих посвящена *Missa solemnis*. Обращаясь к «главным европейским дворам» за подпиской, Бетховен, конечно, не имел в виду правителя отдаленной Скандинавии, короля Швеции и Норвегии, Карла XIV. До 1818 года последний носил другое имя, маршала Бернадотта, а двадцатью годами раньше, живя в Вене, не раз принимал у себя Бетховена. Получив звание почетного члена стокгольмской музыкальной академии, композитор наш вспомнил о нем и сделал несколько тщетных попыток привлечь к участию в подписке короля и сына его, впоследствии — Оскара I.

Королевской музыкальной академии в Стокгольме.

С удовольствием, не лишенным смущения, принимаю я награду шведской королевской музыкальной академии за мои скромные заслуги. Буду вполне счастлив, если представится случай быть ей полезным моим искусством; это послужит подтверждением тому, что развитие искусства и наук были всегда и будут всегда лучшими узами, связывающими самые отдаленные народы. Желаю королевской музыкальной академии постоянного успеха в этом славном и благотворном для счастья народов искусстве. Да поможет Бог принять мои пожелания столь же сердечно, сколь велика готовность моя их осуществить.

В заключение пользуюсь достославным случаем напомнить его королевскому величеству о себе, и умоляю господина секретаря академии, к коему честь имею обратиться, передать письмо это его величеству.

С глубочайшим почтением

покорнейший слуга королевской академии Луи ван Бетховен.

Королю шведскому.

Вена, 1 марта 1823 г.

Sir!

Королевская музыкальная академия сделала мне честь, включив в число своих иностранных членов, вследствие чего осмеливаюсь обра-

тяться к вашему величеству. Пребывание вашего величества в Вене и внимание, которое оно проявило вместе с некоторыми особами своей свиты к моим скромным дарованиям, глубоко взрезалось в сердце мое. Деяния ваши, по заслугам вознесшие ваше величество на трон шведский, вызывали всеобщее уважение, в частности тех, кто имел счастье лично знать ваше величество. Так же было со мною. День восшествия вашего величества на трон навсегда останется знаменательной эпохой; а так как я настолько же человек, насколько артист, и потому умею выполнять в точности свои обязанности, то не раз я поражался заботами и напряжениями вашего величества в отношении искусств, и это навело меня на мысль приложить к сему письму особую просьбу, чтобы ваше величество удостоили подписаться на упомянутое в ней произведение. Ввиду исключительных причин я желал бы, чтобы только европейские правители были причастны к этому произведению.

Я знаю также, что августейший сын вашего величества, наследник престола, очень склонен к музыке. Быть может, я мог бы содействовать развитию его вкуса и в особенности его дарования. Для этого мне было бы приятно получить несколько подробностей о степени музыкального образования, а также очень хотел бы сочинить и посвятить наследнику престола свое произведение; для этого необходимо мне сначала знать какого рода произведением мог бы я удовлетворить желание вашего величества и его королевского высочества.

Ваше величество вызываете любовь, почтение и расположение всех тех, кто умеет уважать королей; глубина моих чувств в отношении вашего величества неизмерима.

Будьте милостивы принять искреннее уверение в почтении покорнейшего слуги

Луи ван Бетховена.

Диплом шведской академии пробудил в Бетховене порыв тщеславия и вызвал, вероятно, при участии новых приятелей, несколько льстивых строк к Пилату, редактору «Австрийского наблюдателя».

Милостивый государь!

Сочту за честь встретить в вашей всеми уважаемой газете сообщение о моем избрании в члены музыкальной королевской академии в Швеции. Хотя во мне мало тщеславия и честолюбия, но все же хотелось бы видеть таковое сообщение, так как в обыденной жизни приходится также иметь в виду тех лиц, которым это может, пожалуй, принести пользу.

Простите за беспокойство и укажите способ оказать вам услугу. С удовольствием поспешу навстречу вашему желанию.

С глубочайшим уважением милостивый государь,
преданный Бетховен.

О том же пишет Бетховен редактору «Wiener Zeitschrift fur Kunst, Theater, Literatur und Mode», Карлу Бернару, прося также огласить присылку золотой медали «весом в 21 луидор» и с надписью «Donne par le Roi a Moamsieur Beethoven».

Любезный Бернард!

III. покажет вам подарок короля Франц. вы усмотрите, что следует в честь мою и короля что-нибудь пропечатать, видно, что е. вел., заплатив за свой экземп. не имел в виду только избавиться от меня, я усматриваю в этом великодушие и задушевное отношение короля, предоставляю вам вполне способ оглашения этого события в вашем почтенном журнале.

Относительно вашей оратории поговорим вскоре, в прошлый раз вы меня совсем не поняли, я так обременен всякой всячиной, что положит. лишен возможности вникать во все мелочи обыденной жизни; однако надеюсь.

Редактору и поэту Карлу Бернарду.
Dominus Bernardus non Sanctus!

Просим вас это иностранное наименование членом Скандинавии и т. п. толково изложить на бумаге и отдать в печать, поторопить, огласить, велеть опубликовать и пр. и пр. и пр.

Мы безнадежно утопаем в нотах и нуждах. Поэтому не могли повидать *amicus optime*, но да угодно будет небесам ниспослать нам вскоре это счастье, в надежде этой

Amicus Optimus Beethoven Bonnensis.

Его высочородию г. ф. Бернарду директору всех редакций и первому оперному поэту Европы.

Кого имел в виду композитор, сообщая Пилату о «другом лице», коему диплом Бетховена может служить на пользу? Конечно, своего «сына», Карла, все еще не оправдывавшего надежд его. Петерсу сообщает дядя свои намерения относительно неисправимого племянника.

Я уверен, что К. сделал это только из чувства ложного стыда, спросите его хорошенько, я готов сделать все, что возможно, если он хочет посвятить себя дальнейшим занятиям, чтобы он скорее забыл свое прошлое, можно было бы определить его здесь в гимназию, или в более отдаленное отсюда место, например в Грац и т. п., еще по крайней мере два года должен он изучать философию и только тогда может предпринять что-либо — таково мое решение относительно этого, но если он решил более не учиться и убежден, что не одолеет этой премудрости (хотя мне, повторяю, кажется главной причиной его поведения служит ложный стыд и страх перед экзаменами), то я готов покориться, пусть займется торговлей, — чего, признаться, я всегда недолюбливал, в таком случае он может поступить в политех. институт — вперед согласен с вашим решением. —

С истинным почтением ваш друг Бетховен.

В сентябре 1823 года Карл определен в университет, и дядя начинает вести с ним разговоры на серьезные темы.

— Кто тебе больше нравится: Шиллер или Гете? — спрашивает он дядю, — не правда ли, Шекспир гениальнее Шиллера?.. Все утверждают это, но я предпочитаю Шиллера. Как тебе нравится «Венецианский купец»? Я нигде не встречал такого богатства идей... Ты знал Моцарта! Где ты его видел?

В другой раз беседа идет о Христе, о богатстве, о покровительстве эрцгерцога Рудольфа, мечтавшего быть папою.

— Если бы ты так умно приступил к делу, как Гете, — пишет племянник в тетради, — то у тебя тоже были бы деньги. Если бы многие знали твое истинное положение, то доказали бы тебе свою преданность... Конечно, не здесь, а за границею. Он только будет целовать тебя, но ничего больше не дожделшься; он хочет только слыть твоим покровителем. Я прежде был лучшего мнения о нем, но теперь убежден, что нельзя надеяться на него.

Там же Шиндлер пишет:

«Да не думайте день и ночь о долгах! Вы легко заплатите их, когда поправитесь».

В дневник же свой композитор заносит 8 и 9 ноября:

«Настроение скверное... Опять скверный день... Опять плохой день... К чему такая жизнь, не правда ли? К черту!..»

В то же время племянник пишет в разговорной тетради:

«Тем не менее, это наилучший из миров... никто не покидает его добровольно».

Бетховен также был далек от мысли добровольно покинуть этот мир, но мысль о смерти никогда не покидала его, а теперь он уже задумывается над нею более и сообщает адвокату И. Баху свою «последнюю волю».

К д-ру Иоганну Баптисту Баху

Вена, 6-го марта 1823 г.

Достойный и уважаемый друг!

Смерть может явиться неожиданно. Сейчас нет времени составить форменное завещание. Поэтому сим собственноручно заявляю вам, что я назначаю моего любимого племянника Карла ван Бетховена единственным наследником и все, что составляет мое имущество, должно всецело и без исключения после моей смерти принадлежать ему. Назначаю вас душеприказчиком и если не последует другого завещания, то вам поручается и вас просят найти опекуна моему любимому племяннику К. в. Бетховену, — за исключением моего брата, — Иоганна ван Бетховена, — и снабдить его законными полномочиями. Это письмо объявляю навсегда действительным, считая его как бы моею последнею предсмертною волею. — Обнимаю вас от души.

Ваш верный почитатель и друг Людвиг ван Бетховен.

В некоторых записках к племяннику композитор выражает заботы о занятиях юноши, о гардеробе его; сообщает размер расходов по хозяйству, причем обозначает крейцер знаком #, применявшемся к дукату; справляется о покупке мифологии Петискуса; бранит, вероятно, под влиянием минутного раздражения, своего преданнейшего друга Шиндлера и упоминает о Черни, с которым поддерживал приятельские отношения после прекращения занятий с Карлом в 1820 году.

К племяннику Карлу.

Баден, 16 авг. 1823 г.

Дорогой мальчик!

Я не хотел тебе писать, пока здоровье мое здесь в прежнем состоянии, но улучшение почти незаметно. Я приехал сюда с катаром и насморком, оба мне невыносимы, так как катаральное состояние лежит в основании моей болезни, и я боюсь, что оно порвет вскоре нить моей жизни или, что еще ужаснее, будет ее постепенно подтачивать. — А мой окончательно погибший желудок хотя еще восстановить медикаментами и диетой; и за все это надо быть благодарным верной прислуге! Можешь себе представить, как я хлопочу: только сегодня начал я собственно (т. е. поневоле) вновь свое служение музам; — я принужден — но это должно остаться в тайне — потому что ванны все более привлекают, по крайней мере, меня к наслаждению красотами природы, а мы слишком бедны и следует либо писать, либо бедствовать. Постарайся лучше приготовить к конкурсному испытанию и будь скромен, чтобы

показать себя выше и лучше, чем думают другие. Белье свое пришли прямо сюда; серые брюки твои можно носить хоть дома, потому что, дорогой сын, ты обходишься мне опять очень дорого! Надпись: «при Купфершлегере» и т. д. Напиши сейчас же — получил ли ты это письмо. Я пришлю тебе несколько строк для Шиндлера, этого презренного существа, так как не люблю обращаться непосредственно к этому жалкому человеку. Если бы можно было в двух словах изложить свои мысли и чувства, то я рассказал бы тебе нечто занимательное; — на этот раз ограничусь желанием, чтобы некий Карл был достоин моей любви и бесчисленных забот о нем и сумел бы все это оценить. Хотя, как ты знаешь, я совсем нетребователен, но бывают обстоятельства, когда можно выказать благородство и все свои лучшие качества, каковые легко испытать и узнать в подобных случаях.

От всего сердца обнимаю тебя, твой верный, истинный отец.

Баден, 23 авг. 1823 г.

Чертенюк, милый чертенюк!

Дорогое дитя! Сегодня получил твоё вчерашнее письмо. Ты говоришь о 31 фл., а я послал также требуемые тобою 6 фл. Ты, вероятно, не заметил этого среди болтовни бесконечного письма.

Квитанция Шиндлера должна гласить:

10 фл. хозяйство Б—а.

9 — мое хоз.

31 — приложение.

Итого 50 фл., каковые я, нижеподписавшийся, получил полностью

Ш — длер.

Он был со мною здесь только один день, чтобы, как ты знаешь, нанять квартиру. Спал в Хецендорфе и ушел утром по его словам в Иозефштадт. Однако, не сплетничай о нем, это может ему повредить. Он недостаточно наказан за то, что он таков. Необходимо высказать ему беспощадно всю правду, так как его злой нрав и склонность к лукавству заставляют быть строгим к нему. Если белье не очень нужно, то оставь его до 29-го, когда я приеду, потому что если ты пошлешь его, то вряд ли оно будет готово к 28-му, т. е. к экзамену. В случае необходимости, милый мой, дай слуге одни брюки, чтобы снес выстирать где-нибудь по соседству. Я припоминаю объявление Петискуса. Если он стоит этих денег, то надо взять. Нельзя жалеть денег на полезное. Но Бог не оставит нас, хотя расходы теперь велики. Ожидаю счета от Блехлинг. Припомни все, что нужно; чтобы 29-го не было задержки. Что касается слуги, то пусть он останется еще некоторое время, пока мы будем вместе, потому что старуха не может вести хозяйство, она не способна больше владеть ни зрением, ни обонянием, ни вкусом, — мой несчастный желудок постоянно в опасности. Прежняя экономка из Иозефштадта вновь напрашивается. Если взять ее, то надо иметь также слугу; а эта старуха сама нуждается в услугах и помощи. Кухарка, которую я спрашивал раньше, большая свинья. Теперь у слуги порядочное помещение, редко можно найти такое. Он может остаться или уйти, но только пусть даст нам знать; когда будем вместе, то обсудим. Подумай только: кухарка стоит в месяц с харчами 10 фл. 44 # в год 128 фл. 48 #, слуга 20 фл. в месяц, деньги на сапоги, одежду, — при старухе мы должны держать еще одну женщину. — Мне лучше, но не так, как было раньше. — Ну прощай. Изо дня в день чувствую упадок сил. — Всего лучшего, дорогой сын мой! Черни, твой учитель, обедает завтра у меня. Ты найдешь здесь разных интересных тебе лиц. Сердечно любящий тебя отец.

Однажды вместе с Черни появился в Бадене старый приятель, скрипач Шупанциг, переселившийся весной 1823 года обратно из Петербурга в Вену и награжденный, по случаю своего приез-

да, пятиголосным канонем («Falstaf», 26 апреля 1823 г.). После недолгих приветствий новый гость сообщает композитору новости дня и свои впечатления:

«Рис крадет слишком много у Бетховена... Все, но Рис слишком явно.

Фильд хорошо играет.

Ему надо послушать Бетховена, это его единственная радость, Фильд очень хороший человек и величайший поклонник ваш. Я еще не слышал никого, кроме него, кто бы так владел инструментом. Ш... не терпит Фильда, этот жиденок Мошелес производит фурор в Лондоне, я этого совсем не могу понять... Фильд зарабатывает очень много уроками, однако у него никогда нет 100 фл., потому что пропивает все шампанским.

Бетховен очень полюбит Фильда, потому что он настоящий Фальстаф.

Хуммель и Фильд играли в 4 руки, но как профаны, так и знатоки тотчас же поняли всю разницу.

Фильд мне очень напомнил вас в отношении игры.

Фильд сыграл свой C-moll концерт замечательно искусно.

Теперь я слышал в Лемберге концерт В-dur Моцарта в исполнении ученика, его однофамильца, что за жалкий солист! который, к удивлению нашему, был исполнен целиком, в особенности потому что принимали участие чистокровные славяне, в особенности духовые инструменты; ...мне говорит, что Хенслер — осел».

В числе новых посетителей Бетховена был молодой пианист Шоберлехнер, один из тех сомнительных артистов, которые оскверняют собою храм искусства, но могли бы артистически обделывать дела свои в канцелярии какого-нибудь департамента. На эстраде и на страницах своих сочинений он не проявлял ни дарования, ни художественного вкуса, ни достаточной технической подготовки, а, вместе с тем, был невероятно усерден в погоне за орденами и почетными званиями (придворного пианиста и т. п.), за той мишурой, которая иногда пристегивается людским недомыслием к имени гения, но никогда не составляет предмета вожделения последнего. Побывав раза два у Бетховена и не осмелившись словесно просить его рекомендации, Шоберлехнер посылает ему записку.

Вена, 25 июня 1823 г.

Глубокоуважаемый великий maestro!

Пользуясь поддержкой г. Шиндлера и еще более уверенный в том, что благородный человек всегда готов с удовольствием помочь своей рекомендацией молодым людям, стремящимся посредством путешествия развить свое дарование и истинно музыкальный вкус, беру на себя смелость просить у вас рекомендательных писем в Лейпциг, Дрезден, Берлин и другие города северной Германии, а если можно, то и в Москву, Варшаву и Петербург. Я уверен, что ваши рекомендации мне очень помогут, и остаюсь глубоко вас уважающий и уже вперед благодарный и обязанный вам слуга

Франц Шоберлехнер пр. п.

На записке этой Бетховен отметил: «парень нуждается в рекомендациях одной аристократии к другой» и оставил ее без ответа, хотя в иных случаях, по просьбе истинных артистов, не

раз оказывал услуги последним. Еще весною этого года, по случаю концертной поездки тенора Рекеля, он писал прокурору Варена (в Грац):

Вена, 6 апреля 1823 г.

Милостивый государь!

Рекомендую вам г. Рекеля и его сестру, музыкальные способности коих заслуживают ближайшего знакомства вашего — жду от вас также ответа на мои предложения относительно того, о чем вы мне писали
ваш друг и слуга Людвиг ван Бетховен.

За тридцать лет до описываемой нами эпохи сложилась клевета об отравлении Моцарта якобы завистливым Сальери; теперь, когда 73-летнему Сальери предстояло самому расстаться с жизнью, разговоры о преступлении его вновь стали повторяться в Вене, подкрепляемые слухом о покушении его на самоубийство и о признании его в бреде. Бетховен, имевший, конечно, также завистливых недругов, был встревожен такими слухами; в разговорной тетради встречается ряд строк на эту тему; в ноябре 1823 года он сам пишет: «Сальери пытался зарезаться, но еще жив»; далее рукою Шика: «Держу пари, что признание Сальери истинно. Род смерти подтверждает это». Далее рукою Шиндлера: «Вы опять мрачны, маэстро. Что с вами, куда пропало веселое настроение? Не принимайте этого так близко к сердцу, такова судьба большинства великих людей. Еще много современников Моцарта в живых, они могут сообщить подробности смерти его и указать какие-нибудь признаки. Но Сальери больше повредил Моцарту своим порицанием, чем Моцарт ему...»

Прятели уже привыкли к мрачному настроению композитора, но на посетителей новых и мало знакомых оно производило тяжелое впечатление.

Г-жа Пахлер-Кошак, посетившая его 27 сентября в Феслау, близ Бадена, рассказывает: «Внешность Бетховена поразила меня, точно ножом кольнули в сердце; он очень состарился, еще более оглох, но стал более словоохотлив. На прощание он написал мне заключительные такты «Жертвенной песни» своей на слова Маттисона, хранимые мною, как реликвия».

Фабрикант арф Штумпф приехал в 1823 году из Лондона в Вену и 28 сентября посетил Бетховена.

— День этот, — рассказывает он, — навсегда останется в памяти моей, это был счастливейший день в моей жизни... Рано утром мы отправились к нему в Баден. Он взглянул на меня сначала сурово, но сейчас же затем приветствовал меня, как старого знакомого. Увы, он сильно изменился и имел несчастный вид... Глухота казалась мне едва заметною; благодаря присутствию Хаслингера, которого он легко понимал, беседа наша была устная... Если он в хорошем настроении, то говорит живо, весело и так же энергично, как звучат его симфонии. Он спросил Хаслингера о наивысшем регистре трубы, но, видимо, не был удовлетворен ответом. Он представил мне своего племянника, красивого молодого человека лет 18, и привавил:

— Если хотите, то можете предложить ему загадку по-гречески.

В полдень мы отправились в Елененталь. Бетховен показывал мне наиболее живописные места, иногда погружался в думы и что-то напевал про себя... Обедали на открытом воздухе. Бетховен особенно радовался отсутствию посторонних, но упрекал Хаслингера за слишком роскошные кушанья... Разговор зашел о Генделе.

— Это величайший из когда-либо живших композиторов, — сказал он, приходя в поэтический экстаз, — пред его могилой я готов снять шляпу и преклонить колени.

Напрасно мы наводили разговор на Моцарта; он бросил нам лишь одну загадочную фразу:

«Каждый знает, кто царствует в империи».

Спустя год после этого визита, 28 сентября 1824 года, Штрейхер так рекомендует Штумпфа композитору в разговорной тетради:

— Это отличный немец, проживший 34 года в Лондоне. Он отправится в Баден, чтобы взглянуть на человека, которым гордится Германия. Будьте к нему снисходительны и любезны, как подобает святому, к которому является издали на поклонение благочестивый странник.

Вскоре после Штумпфа, 5 октября, Бетховена посетил К. М. Вебер, в обществе Хаслингера и Бенедикта. Незадолго перед тем, узнав о намерении Хаслингера издать новую оперу Вебера «Еврианта», композитор наш одобрил его:

— Я рад, что вы издаете опять немецкую оперу. Я слышал много хорошего об опере Вебера и надеюсь, что она принесет вам и ему много денег и славу.

Бедно обставленная, почти пустая комната, — рассказывает Вебер, — была в страшном беспорядке: ноты, деньги и платье валялись на полу; белье было собрано в кучу на грязной постели; открытый рояль в пыли, на столе разбитая кофейная посуда... Густые седые волосы, пышно приподнятые и местами совсем серебристые; лоб и череп необыкновенно закругленные, нос четырехугольный, как у льва, рот благородного и мягкого очертания, подбородок широкий, по всему широкому лицу, покрытому следами оспы, разлита была густая краска; из-под мрачно сдвинутых, густых бровей кротко глядели маленькие, блестящие глаза. На нем был старый потертый сюртук.

— Так вот ты каков, — воскликнул Бетховен, увидав меня.

— Молодец, молодчина! Здравствуй!.. Одеваясь, чтобы выйти из дома, Бетховен в то же время стал говорить о своем печальном положении, об упадке искусства, о публике... Я советовал ему бросить Вену, предприняв путешествие по Германии, убедиться в своей громкой славе.

— Слишком поздно! — воскликнул старик.

— Так отправляйтесь в Англию, где вас боготворят.

— Слишком поздно, — повторил он и, взяв меня под руку, повел обедать в Зауербад.

Обед наш прошел весело и приятно. Этот суровый, недоступный человек угощал меня, ухаживал, как за дамой. Этот день останется незабвенным в жизни моей. Я испытывал особенное наслаждение от любезности его великого гения.

При прощании он несколько раз обнял и поцеловал меня, долго еще держал за руку и сказал:

— Дай Бог успеха новой опере! Если удастся, то приеду к первой постановке.

«Еврианта», заказанная Венским театром и впоследствии ставшая одною из любимых немецких опер, в день первого представления провалилась; публике она совсем не понравилась, хотя пресса и музыканты много хлопотали об успехе ее. После второго представления оперы, в конце 1823 года, у Хаслингера в Патерностергассе собрались многие выдающиеся музыкальные деятели: Вейгель, Умлауф, Крейцер, Шупанциг, Зонлейтнер, Шуберт и др. Неожиданно вбежал в комнату Бетховен:

— Ну, что, как опера? — спросил он.

— Замечательно! Громадный успех, — сказал в ответ Хаслингер, подражая успех «Еврианты» среди специалистов.

— Очень рад, очень, — сказал Бетховен. — Немецкая музыка должна победить итальянскую...

— А как пела маленькая Зонтаг?

— Превосходно!

— Передайте Веберу, что я приехал бы, но для чего?.. Давно уже... — он показал на ухо и вышел.

В начале ноября Бетховен, взяв новую квартиру, в Унтергассе, № 323, пригласил к себе обедать Вебера и Шиндлера; остро-ты, сарказмы, шутки лились потоком. Много говорилось о предстоящих работах обоих композиторов и о необходимости возродить немецкую оперу...

Еще ранее того, весной 1823 года, с Бетховеном познакомился знаменитый пианист Фр. Лист, давший в Вене 13 апреля свой первый концерт. Среди публики находился глухой Бетховен, на которого игра двенадцатилетнего мальчика произвела столь сильное впечатление, что он поднялся на эстраду и поцеловал его; сам Лист, в последние годы жизни своей, не раз описывал в эффектных, трогательных выражениях свои сношения с 53-летним композитором, но, признавая факт присутствия последнего в концерте 13 апреля 1823 года, тем не менее ко всем подробностям этих рассказов следует относиться с такой же снисходительностью, какую проявляли слушатели, когда 80-летний Антон Контский (1816 — 1899) рассказывал о своем знакомстве с Бетховеном.

Не любо — не слушай...

Тою же весной поэт Грильпарцер посетил композитора, жившего в Пфаргассе.

— Я застал его **больным**, — рассказывает поэт, — **на** плохо прибранной постели, в грязном белье, с книгой в **руках**. Близ изголовья находилась дверь в столовую, как бы охраняемую им. Когда прислуга, подав ему яиц и масла, вышла в столовую, то, несмотря на оживленный разговор наш об опере, он зорко следил через двери... Он был очень любезен.

— Ваше произведение, — сказал он, указывая на сердце, — хранится здесь. Дня через два я отправлюсь на дачу и **примусь** за работу.

Вскоре затем, 17 мая, композитор с племянником был уже в Хецендорфе. Однажды мы отправились гулять, через Гринциг, на Каленберг. Бетховен часто останавливался и с наслаждением созерцал картины природы... Он вспомнил свою Пасторальную симфонию... В Хецендорфе Бетховен воспрянул духом; только

больной глаз иногда мешал ему работать... Хозяйство было в ужасной беспорядке... Как пчела носился он по полям и лугам с тетрадью эскизов в руках, совсем забывая о времени обеда и часто возвращаясь без шляпы... Вдруг веселое настроение его исчезло, и даже меня он стал гнать от себя, хотя прежде упрекал в том, что посещаю его редко.

Бывали дни, когда он не хотел видеть никого, кроме своего брата Иоганна, хотя недолго любил его и, в особенности, семью его. Иоганн покупал нередко рукописи Людвига и перепродавал издателям; обыкновенно рукописи эти шли в уплату займов у брата Иоганна, а об отношениях займа к размеру платы можно судить по разговорной тетради, где племянник вычисляет дяде процент, взимаемый Иоганном, — 120 %.

— Да, он ростовщик, — признался композитор секретарю посольства Бауеру, — он хочет меня также обратить в свою веру non possibile per me... Мы все сделали, чтобы помешать этому позорному браку, но напрасно. Впрочем, я знаю его, он не достоин лучшего, он был прежде лучше, но испортился среди французов и здешнего общества; он втянул меня в болото. Чего только я не натерпелся ради него. Поэтому я опять разошелся с ним. Виною всему злосчастная погоня за богатством.

Рояль Бетховена
(фабр. Бредвуда).

Историю первого брака Иоганна в Линце мы знаем. Овдовев впоследствии, он в 1823 году сошелся с еще более веселой особой, имевшей уже взрослую дочь; хитрая любовница сумела скрутить Иоганна, потребовала от него, на случай разрыва, половину его состояния, около 25 тыс. фл., а затем добилась брака, к великому огорчению Людвига, не терявшего надежду на завещание брата в пользу племянника Карла.

Вскоре затем Иоганн опасно занемог; жена и дочь, давно мечтавшие обладать состоянием его и часто отравлявшие существование ростовщика, не скрывали своей радости. Глубоко возмущенный таким отношением их к брату, Людвиг еще раньше убеждал его развестись с женою, а теперь готов был обратиться к содействию полиции и настойчиво просил Шиндлера принять меры к удалению этих фурий. Преодолев свое отвращение к последним и отчасти к брату-Иуде, как он называл его, Людвиг посетил больного; **ввиду** присутствия жены беседа братьев происходила письменно.

— Кажется, теперь ты убедился в их проделках, — писал Людвиг, — оставь у себя Шиндлера, он сообщит мне, если нужна будет моя помощь... Ты видишь, что я был прав, желая удалить от тебя этих... Переходи ко мне, живи у нас; я **ничего** не прошу от тебя. Ведь ужасно умирать на руках этих людей... Русский царь подпишется на мессу... пусть это останется между нами... Князь Голицын и многие другие тоже... Советую тебе

переселиться ко мне и остаться навсегда... Тебе лучше всего жилось бы в обществе такого прекрасного юноши, как Карл, и твоего брата... Ты жил бы, как в раю...

По выздоровлении брата Людвиг пишет ему:

«Хотя ты не стоишь этого, но я никогда не забываю, что ты мне брат. Надеюсь, добрый гений внушит тебе когда-нибудь решимость расстаться с этими... Прощай. Мысленно я всегда с тобою и охраняю тебя от обеих... готовых свернуть тебе шею... О, стыд, позор, неужели в тебе нет хоть искры мужества?!»

Удивленный такой родственной привязанностью, Шиндлер пишет в тетради:

— Как часто вы сами говорили, что видите, как брат обманывает вас, и как лжет племянник ваш.

— Все же он брат мне, — отвечает композитор и пишет ему поистине братские письма.

Я рассчитывал непременно увидеться с тобой, но напрасно. — По предписанию Штауденхейма я все еще должен принимать лекарства и избегать движения. — Прошу тебя, вместо сегодняшней поездки в Пратер, захватить ко мне с женой и дочерью. — Единственное мое желание — беспрепятственно и совместно достичь всех благ, которые суждены нам. Относительно квартир я справился. Есть много подходящих и тебе не придется платить более прежнего. Если судить только в экономическом отношении, то сколько можно сберечь нам обоим, не говоря уже об удовольствии. — Против твоей жены ничего не имею; я хочу только, чтобы она убедилась в преимуществе нашей совместной жизни; да не разрушат нашего спокойствия пустячные мелочи обыденной жизни. Ну, прощай! Надеюсь, конечно, видеть тебя сегодня после обеда, чтобы поехать в Нусдорф, что мне также очень полезно.

Твой верный брат Людвиг.

Мир, мир да будет с нами! Да избавит Бог естественный союз между братьями от неестественного разрыва; ведь мне, во всяком случае, осталось жить недолго. Повторяю, ничего не имею против твоей жены, хотя поведение ее по отношению ко мне несколько раз обращало на себя особенное внимание; ведь и помимо этого я очень чувствителен и раздражителен благодаря 3-месячной болезни. Прочь все, что не может вести к цели, а именно к столь необходимому мне правильному образу жизни вместе с моим милым Карлом. — Взгляни только на мою здешнюю квартиру, последствия ты поймешь сам; ведь я принужден, в особенности, когда болен, доверяться совершенно посторонним людям; я уж не говорю о том, о чем мы уже беседовали. Сегодня, если приедешь, то зайди за Карлом. Прилагаю с этою целью письмо к г-ну ф. Блехлингеру, которое сейчас же можешь послать ему.

Баден, 19 августа.

Дорогой брат!

Очень рад, что тебе лучше. Что касается меня, то зрение все еще не в порядке; я приехал сюда с больным желудком и страшным катаром. Первое благодаря архи-свинье экономке, а второе — скотине кухарке, которую я уже раз прогнал и потом взял опять. — К Штейнеру не обращайся; я посмотрю, что удастся сделать; с песнями *in puris* будет трудно, так как текст немецкий, увертюра же пойдет скорее.

Твое письмо от 10 августа я получил через этого жалкого негодяя Шиндлера; ведь ты можешь сдавать свои письма прямо на почту — и все они исправно дойдут до меня, — так как по возможности избегаю этого гнусного и презренного человека. — Карл может явиться ко мне только 29-го с. м. и напишет тебе отсюда. Ты, наконец, должен заметить, что проделывают с тобой эта жирная дрянь и улюкюдок; по той же причине ты недостойно получаешь письма от меня и от Карла, тем не менее я никогда не забуду, что ты мне брат. Когда-нибудь добрый гений снизойдет к тебе и разлучит тебя с этими двумя каналами, бывшей и теперешней б..., которую во время твоей болезни парень... не менее трех раз и у которой вдобавок в руках все твои деньги. Какой стыд! неужели в тебе нет ни искры мужества?!... Ну, теперь о другом. Из «Развалин Афин» у тебя имеется моя рукопись некоторых отрывков, которые мне необходимы, так как копии списаны с иозефштадтской партитуры, где многое выпущено из того, что находится в моих рукописях; так как я пишу именно нечто подобное же, то эти рукописи мне очень нужны; итак, напиши мне, где я могу достать их; очень прошу тебя об этом. Относительно поездки к тебе — в другой раз, не стану же я унижаться настолько, чтобы явиться в такое скверное общество. Но если его можно избежать, то мы проведем несколько дней вместе!.. Остальное о тебе, о письме — в другой раз. Будь здоров! невидимый я ношусь вокруг тебя и забочусь через других, чтобы эти каналы не затянули тебе глотки.

Набросок Лизера (1823).

Как всегда, твой верный брат.

Несмотря на все эти задушевные речи, композитор часто не доверяет брату ведение дел с издателями и обращается к содействию Шиндлера, «жалкого негодяя», которого вскоре затем также старается устранить от этих дел.

Г-дам Артариа и К*.

Добрейшие!

Вижу, что вы хотите меня замарать. В первый раз в жизни заслуживаю я такой чести. Да, это делает вам честь.

Милостивые государи!

Что касается истории с моим братом, то я не знаю ничего об этом. Думаю, что дело касается данных мною ему произведений, но так как он мало музык., то я хотел бы знать все подробности, дабы избежать недоразумений. Поэтому прошу вас сообщить все подателю сего моему другу г-ну А. Шиндлеру.

Ваш друг и слуга Бетховен.

В октябре 1823 года А. М. З. писала: «После четырехлетнего отсутствия известный пианист Мошелес вновь прибыл сюда; надемся иметь удовольствие слышать его в концерте»; а вскоре потом та же газета сообщила о восторженном, бурном приеме, оказанном публикою концертанту; кроме импровизации он исполнил свои новые фортепианные концерты; «композиции его, — продолжала газета, — превосходны, разработка мастерская».

Нелегко было Бетховену согласиться на прием одного из тех более юных артистов, которые, будучи пигмеями в сравнении с этим титаном, пожинали лавры и загребали горстями дукаты, о которых он тщетно мечтал. Мошелес, вероятно, не добился бы визита у Бетховена, если бы Шиндлер не убедил его в том, что Мошелес не решится вернуться в Лондон, не повидав его, ибо англичане боготворят Бетховена и будут осаждать Мошелеса расспросами о нем. Получив таким путем согласие Бетховена, он отправился к нему в назначенное время в сопровождении брата своего.

«Дойдя до дома я вспомнил о нелюдимости Бетховена, — рассказывает Мошелес, — и оставил брата внизу. После короткого приветствия я спросил Бетховена: не позволите ли ввести брата.

— А где он? — быстро проговорил маэстро.

— Внизу, — ответил я.

— Как, зачем? — С этими словами он выбежал из комнаты и спустя минуту ввел за руку смущенного брата моего, поставил его среди комнаты и воскликнул:

— Разве я уж так варварски суров и недоступен? — Затем он любезно разговорился с нами.

Мошелес рассказывал много об Англии, об успехе там произведений Бетховена, расспрашивал о новой симфонии, которую ждут в Лондоне с нетерпением и, кстати, выпросил для второго концерта своего рояль Бредвуда, сильно пострадавший от игры глухого композитора, но с помощью Графа, фортепианных дел мастера, настроенный, исправленный и затем доставленный в концертный зал. Рояль, по отзыву Мошелеса, «издавал воздушные, полные, несколько глухие звуки; венской публике более нравятся местные инструменты со звонким, ясным звуком...»

«Мошелес творил чудеса на нем, — пишет рецензент А. М. З., — и привел всех в восторг своими фантазиями на английские темы... Через два дня, по желанию публики, концерт был повторен». Другая газета, *Morgensblatt*, сообщает, что приезд Мошелеса произвел большую сенсацию в обществе, а исполнение его превосходит все, слышанное ранее; тем не менее приятели Бетховена были иного мнения: Шиндлер уверял, что игра и композиции Мошелеса носят следы рутины, отсталости; Шупанциг, — что в игре Калькбреннера больше чувства, чем у Мошелеса. Немного спустя, 25 января 1824 года, выступил перед венской публикой знаменитый виртуоз Калькбреннер; зал был переполнен; пресса признала в нем одного из величайших современных пианистов, ждали второго его концерта, но Калькбреннер предпочел выехать в Лондон. В тетради Бетховена записано рукою Шиндлера:

«Он явился в Вену точно рантье, а не как артист. Вот сумел устроиться».

Концерты этих виртуозов, наезжавших из Лондона, где они прекрасно устроились, с новой силой возбуждали мечты Бетховена о посещении туманного Альбиона.

В ряде писем к другу своему Рису и к издателю Ниту маэстро повторяет знакомые нам планы поездки в Англию и просьбы о гонораре за свои произведения; порою он даже исключает предложение о мессе, а настаивает лишь на «Сражении при Виттории», о чем уже не раз писал Берчелло и Бауеру, секретарю австрийского посольства.

Относительно этой «боевой симфонии» он решается напомнить даже королю английскому.

Беру на себя смелость к приведенной здесь покорнейшей просьбе ваш. величеству прибавить еще другую.

Еще в 1813 году нижеподписавшийся позволил себе, вследствие многократных просьб некоторых проживающих здесь англичан, представить в. в. свое произведение под названием «Битва Веллингтона и победа при Виттории», когда таковым еще никто не обладал. Бывший здесь в то время русский посланник князь фон Разумовский взял на себя труд переслать с курьером это произведение в. в.

Нижеподписавшийся много лет таил в себе сладкую мечту, что в. в. всемилостивейше прикажете сообщить ему о принятии его произведения; но до сих пор он не мог похвалиться подобным счастьем и был вынужден довольствоваться кратким извещением г. Риса, своего достойного ученика, который сообщил ему, что в. в. вышеназванное сочинение всемилостивейше соизволили передать музык-директору г. Саломону и г. Смарту для того, чтобы оно было публично исполнено в театре Drurylane. О том же сообщали также английские журналы, прибавляя, как и г. Рис, что это произведение в Лондоне, как и повсюду, удостоилось выдающегося успеха.

Так как нижеподписавшемуся было крайне обидно узнать все это со стороны, то в. в. наверное простите его самолюбие и всемилостивейше разрешите ему здесь заметить, что он не жалел ни времени, ни средств, чтобы покорнейше предложить это произведение вашей высочайшей особе и доставить этим удовольствие вашей милости. Из всего изложенного нижеподписавшийся заключает, что все это вероятно представлено в. в. в извращенном виде и так как приведенная здесь его покорнейшая просьба вновь даст ему возможность таким путем напомнить о себе в. в., то он берет на себя смелость всеподданнейше представить в. в. отпечатанный экземпляр «Сражения при Виттории» в партитуре, каковая для сего высокого назначения изготовлена и хранится уже с 1815 г. и только вследствие неизвестности, в которой обретался относительно этого предмета нижеподписавшийся, — подверглась столь долгой задержке.

Уверенный в глубочайшей мудрости и милости, с каковыми в. в. всегда умели ценить и поощрять искусство и артистов, нижеподписавшийся льстит себя надеждой, что в. в. обратит высочайшее внимание и всемилостивейше исполните его покорнейшую просьбу...

Эта просьба была также оставлена без последствий королем, «любителем меча и черепахи», поклонником военного и кулинарного искусств.

Среди предлагаемых автором произведений видное место занимает в эту эпоху новая увертюра его «К освящению храма», последние сонаты и Bagatelles (op. 119).

Фердинанду Рису, Лондон.

5 февраля 1823 г.

Добрейший и дорогой Рис!

Я еще не получил дальнейших сообщений о симфонии, тем не менее можете вполне рассчитывать на нее, так как я здесь познакомился с одним очень образованным любезным господином, состоящим при нашем посольстве в Лондоне, он примет на себя труд распорядиться пересылкой симфонии отсюда в Лондон к вам, так что она вскоре будет в Лондоне. Если бы я не был так беден и не зарабатывал куска хлеба своим пером, то не взял бы ничего от ф. общества, но приходится ждать здесь перевода гонорара за симфонию; чтобы все же доказать мое расположение и доверие к этому обществу, я передал мою увертюру, о которой я вам уже упоминал в последнем письме, вышеназванному лицу из имп. посольства. Так как он на днях выедет отсюда, то сам передаст вам ее в Лондоне, у Гольдшмидта вероятно знают ваш адрес, если нет, то оставьте его там, чтобы сей любезный господин легко нашел вас — предоставляю обществу решить относительно увертюры, оно может ее задержать так же 18 месяцев, как симфонию — только тогда я издам ее; вот еще одна просьба, мой брат, имеющий свой выезд, вздумал здесь опять содрать с меня и потому, не спросив меня, предложил упомянутую увертюру одному издателю, по имени Bousey в Лондоне, уговорите его подождать немного, сейчас еще нельзя решить, может ли он получить увертюру, об этом я и сам написал бы ему — в этом деле все зависит от филармон. общества, скажите только, что мой брат ошибся относительно увертюры — что же касается других сочинений, о которых он ему писал, то можете получить, он видимо купил их у меня, чтобы торговать ими как ростовщик, о frater! прошу вас еще, как только получите увертюру, сообщить мне немедленно, возьмет ли ее ф. общество, так как в противном случае я сам издам ее вскоре. Из посвященной мне симфонии вашей я не получил ничего, если бы я не считал посвящения вызовом, требующим реванша, то посвятил бы вам уже одно из моих сочинений, но теперь жду вашего произведения, как мне хочется чем-нибудь выразить вам свою признательность, я ведь ваш старый должник за столь многие услуги и одолжения, если здоровье поправится от предстоящего летом водолечения, то в 1824 году целую вашу жену в Лондоне.

Весь ваш Бетховен.

Вена, 25 февр. 1823 г.

Дорогой и уважаемый Рис!

Пользуюсь случаем и посылаю вам письмо через г-на ф. Бауера, секретаря имп.-корол. посольства. Я право не знаю, что думать относительно симфонии. Лишь только получу об этом сообщение, да кстати, не мешало бы и гонорар, то тот же г-н ф. Бауер, человек столь же умный, как и добрый, обещает мне быстро доставить ее в Лондон; стоит только сдать ее в доме кн. Эстергази. — Одновременно получите также обещанную увертюру. Если филармоническое общество хочет оставить ее у себя 18 месяцев, то она к его услугам. Никто еще не имеет ее и никто ее не получит, пока я не получу от вас ответа по этому делу. Если филармоническое общество так же бедно, как я, то ничего не хочу от него; если же оно, как я надеюсь и от души ему желаю, богаче, то предоставляю вполне его усмотрению вознаградить меня за увертюру. — Вы получите вместе с тем 6 безделушек или мелочей, и еще пять родственных друг другу в 2-х частях. Торгуйтесь сколько можете. Надеюсь, вы получили обе сонаты. Прошу относительно их тоже поторговаться, так как очень нуждаюсь. Зима и разные другие обстоятельства вновь расстроили дела мои и приходится жить почти только пером, а

это нелегко. Будущей весной 1824-го г. я буду в Лондоне, чтобы поцеловать жену вашу. До этого мы еще много раз обменяемся письмами. Если получу ваше посвящение, то посвящу вам эту увертюру, если только она понравится в Лондоне. — Ну, прощайте, мой любезный друг! Поспешите с симфонией. А что вы получите за сонаты и мелочи, вообще все деньги перешлите скорее сюда. Они будут получены с радостью. — Да благословит вас небо и даст мне возможность также оказать вам какую-нибудь услугу.

С самыми дружескими пожеланиями ваш Бетховен.

Фердинанду Рису.

Вена, начало апреля 1823 г.

— в таком тяжелом положении мне еще надо выплачивать множество долгов, а потому был бы рад, если бы вы сговорились выслать гонорар за мессу еще до переписки ее для Лондона, так как предстоит послать коронованным особам по одному экземпляру, с этим не следует стесняться, если уж здешние издатели ничего не имеют против этого, то в Лондоне должны беспокоиться еще меньше, тем более, что я еще письмом обязался не выпускать ни одной ноты из этого произведения ни в печати, ни в ином виде, а подписка моя вдобавок служит порукой всему. Сделайте пожалуйста все поскорее для вашего бедного друга, ожидаю также ваш план путешествия, стало просто невыносимо, у кардинала меня обсчитывают еще больше, чем прежде, не пойдешь — скажут *crimen legis majestatis*, моя прибавка состоит в том, что при получении плачевного содержания я должен еще оплатить его гербовой маркой — я вижу, что вам желательно иметь от меня посвящение и охотно готов оказать вам услугу, больше чем самой знатной особе *entre nous* черт знает где только не попадешь им в лапы, на новой симфонии найдете посвящение вам — надеюсь наконец получить такое и от вас.

Вместе с сим Бауер получите новое письмо к королю, в котором речь идет только о битве при Виттории, которую он взял с собою в печатном виде, о мессе ничего не упоминается, потрудитесь только передать г. Бауеру, чтобы он распечатал первое, чтобы познакомиться с его содержанием. Мессу г. Бауер не получил. Значит, Бауер должен распечатать письмо, написанное к королю (Георгу IV), и прочесть, что там написано королю о битве при Виттории, он получит новое письмо относительно того же, но о мессе больше ни слова, наш любезный друг Бауер пусть постарается за это получить по крайней мере боевой меч или черепаху, печатный экземпляр партитуры битвы должен быть вручен конечно королю. Бауер в конце мая опять возвратится сюда, а потому сообщите ему немедленно все что касается его. — Сегодняшний пакет ваш стоил дорого, прошу вас удерживать из причитающегося мне, как мне неприятно утруждать вас — храни вас Бог, всего лучшего вашей жене, пока я сам приеду, берегитесь, вы думаете, что я стар, я молодой старик — как всегда ваш

Бетховен.

Вена, 25 апреля 1823 г.

Дорогой Рис!

Пребывание здесь кардинала в течение четырех недель, когда я должен был ежедневно проводить за уроками по 2 и даже по 3 часа, отняло у меня много времени. При таких уроках на следующий день исчезает способность мыслить, а тем более — писать.

Постоянная нужда требует немедленной работы над тем, что приносит необходимую в данную минуту сумму. Какое это для вас грустное открытие! От многочисленных огорчений, пережитых мною, вновь стало хуже, даже глаза болят! Впрочем, не беспокойтесь; вскоре получите симфонию; виною всему, право, только это жалкое состояние. Через несколько недель получите также 33 вариации на одну тему, посвященные вашей жене.

У Бауера имеется «Битва при Виттории» в партитуре, которая посвящена бывшему принцу-регенту и за которую мне следует еще получить на расходы по переписке. — Прошу вас убедительно, милый друг! переслать мне поскорее все, что только удастся вам получить. — Ведь мы оба знаем господ издателей. Что касается предмета вашей нежной любви, то вы найдете во мне всегда нечто вроде оппозиции, т. е. оппозиции против вас и пропозиции для вашей жены.

Как всегда Ваш друг

Хецендорф, 16 июля 1823 г.

Любезный Рис!

С большим удовольствием я получил позавчера ваше письмо. Теперь вариации уже вероятно там. — Я не мог сам надписать посвящение вашей жене, так как не знаю ее имени. Сделайте это сами от имени вашего друга и друга вашей жены. Сделайте ей этот сюрприз; прекрасный пол любит это. — Между нами говоря, что может быть лучше внезапного изумления чем-нибудь красивым. — С *allegri di bravura* посмотрю ваши. — Откровенно говоря я враг подобных вещей, так как они имеют в виду преимущественно технику, по крайней мере те, которые я знаю. Ваших я еще не знаю, вскоре узнаю, — вместе с тем прошу вас быть осторожным и сначала справиться. Не могу ли я сделать здесь чего-нибудь для вас? — Этих издателей следовало бы всегда ставить в безвыходное положение, чтобы они оправдали свое название; печатают ваши произведения, а вы ничего не получаете; может быть можно было бы устроить иначе. — Несколько хоров я пошло вам вскоре, если даже придется написать новые; это моя любимая работа. Благодарю за гонорар за багатели, вполне доволен. — Королю английскому не давайте ничего. — Возьмите за вариации сколько можете; я всем доволен; но предупреждаю, что за посвящение вашей жене я не могу принять другого вознаграждения, как только поцелуй, который получу в Лондоне. Вы пишете все о гинейях, а я получаю только стерлинги, я слышал, что между ними существует разница. Не сердитесь за это на *pauvre monsieur autrichion* мое положение поистине очень печальное. — Пишу также новый скрипичный квартет. Можно ли предложить его лондонским музыкальным и немусикальным евреям? *en vrai juif?*

Сердечно обнимаю ваш старый друг Бетховен.

Баден, 5 сентября.

Любезный друг!

Вы говорите, что я должен найти кого-нибудь, кто бы заботился о моих делах. Так было теперь с вариациями; именно: мой брат и Шиндлер позаботились о них; и что же?

Вариации должны были появиться здесь только после того, как они выйдут в Лондоне; оказалось все наоборот. Посвящение Брентано должно было значиться только на германском издании, так как я очень обязан ей и не могу сейчас издать ничего другого; Впрочем только здешний издатель Диабелли получил их от меня. Но все делалось через Шиндлера; я не знаю более жалкого существа на белом свете; этого архиплута я прогнал от себя. — Вашей жене могу посвятить вместо этого

другое произведение. Вы ведь получили мое последнее письмо; что касается *allegri di bravura*, то я думаю получить за них 30 #; вместе с тем хотел бы в то же время издать их здесь, что можно легко согласовать. Зачем предоставлять этот заработок здешним плутам? Здесь не издадут раньше, чем получат сообщения о выходе их в Лондоне; во всяком случае гонорар можете назначить сами, так как вам лучше знать лондонские условия.

Партитура симфонии окончена на днях переписчиком; мы с Кирхгофером ожидаем только подходящего случая, чтобы ее отослать. Живу здесь: приехал в плохом состоянии, так как здоровье мое едва поддерживается. О Боже, вместо того, чтобы проводить время в развлечениях, как это делают другие на курортах, нужда заставляет меня ежедневно писать. Мне предписаны ванны и питье минеральных вод. Копию пошлю на днях. Кирхгофер сообщит мне когда будет подходящий случай, так как она очень велика для отправки почтою. — Из моего последнего письма вы уже знаете обо всем — — — — —

Хоры я вам пришлю; что касается заказа оратории, то скорее, чтобы можно было сейчас же определить срок. Мне очень жаль, что так случилось с вариациями, так как я писал их скорее для Лондона, чем для здешних. Это не моя вина. Отвечайте скорее, как можно скорее, ввиду обстоятельств и времени. Всего лучшего вашей семье.

Карлу Ниту.

Вена, 25 февраля 1823 года.

Любезный друг!

Рис говорил мне, что вы желаете иметь три моих квартета, а потому прошу вас известить меня, в каком времени они должны быть готовы, я удовлетворен вашим предложением платы в сто гиней за них; притом же прошу вас прислать мне чек на одну из наших банкирских контор. Как только я вам сообщу, что квартеты кончены, то в свою очередь передам этому же банку расписку в получении ста гиней. Надеюсь вы наслаждаетесь вполне блаженством семейной жизни; желал бы быть очевидцем вашего благополучия! Я послал Рису новую увертюру для филармонического общества и жду получения чека за новую симфонию, чтобы отправить ее через наше австрийское посольство. Вы найдете в предъявителе сего А. Бауре человека умного и любезного, который может сообщить вам подробно о моих делах. Если мое здоровье улучшится, то думаю посетить Англию в 1824 году; сообщите мне ваше мнение об этом. Я был бы счастлив написать что-либо для филармонического общества, видеть страну и всех знаменитых артистов; что касается моих денежных обстоятельств, то они лишь выиграют от этой поездки, ибо вижу, что никогда ничего не сделаю в Германии. Мое имя на адресе писем достаточно обеспечивает доставку их мне. Примите уверение в лучших пожеланиях

Ваш искренний друг Бетховен.

Ту же увертюру автор предлагает Шлезингеру, прося у него в то же время высылки некоторых произведений Мегюля (1763 — 1817), прославившегося лишь после смерти своей.

Вена, 18-го февраля 1823 г.

Многоуважаемый Шлезингер!

Я думал, вы укажете, что искали, чего не доставало или нет, поищите еще.

Из сочинений, которые я вам на днях предлагал, увертюра написана для большого оркестра и 3 октября впервые исполнялась при открытии театра в Иозефштадте. Упомянутые вами сочинения Мегюля прошу вас мне прислать, также шотландские песни вашему господину — — — — в Берлин мне надо несколько экземпляров... в золоченом переплете... но отвечайте.

Соната в С-moll посвящена... Антонию ф. Брентано, урожденной фон Биркенштот.

Отвечайте скорей, скорей, скорей вашему Бетховену.

Интересный «прейскурант» своих новейших пьес предлагает автор издателю Лисснеру в Петербурге.

Г-н ф. Шупанциг уверял меня здесь, что вы очень желали бы взять за гонорар кое-что из произведений моего гения для вашей торговли. — Может быть, вы пожелаете следующие произведения:

6 багателей или мелких пьес для фортепиано 20 дукатов золотом; 33 вариации на избранную тему для фортепиано; они составляют одно целое произведение... 30 дукатов золотом; 2 большие песни с хором на стихотворения Гете и Маттисона; их можно петь с аккомпанементом соответственных инструментов, а также с аккомпанементом фортепиано... 12 дукатов золотом.

Прошу вас о возможно скором ответе, так как другие также выразили желание иметь мои произведения.

Преданный вашему высокоородию Людвиг ван Бетховен.

С издателем Петерсом композитор ведет переписку относительно издания в Саксонии некоторых последних своих произведений и залежавшихся маршей (сер. 2, №6, сер. 2, № 288 и др.)

Вена, 18 февраля 1823.

Любезный, добрейший друг!

Соболезную вашей семейной утрате и сердечно сочувствую вашему горю, да поможет вам время — относительно наших общих дел могу сообщить вам, что в прошлую субботу отправлены три песни, 6 багателей и одна заря (для банды) вместо марша, простите за замедление, если заглянете в мою душу, то, уверен, не станете обвинять меня в умышленной задержке, сегодня я сдал на почту 2 недостающие зари и 4-й большой марш, я полагал, что лучше отправить вам вместо 4 маршей 3 зари и один марш, хотя первые также можно исполнять вместо маршей, полковые капельмейстеры отлично разбираются в этих вещах, затем можно составить клавираусцуги их — присылаемые песни докажут вам, что я отнесся к делу, как истинный артист, одна с аккомпанементом 2-х кларнетов, 1 трубы, альты и виолончели — ее можно исполнить либо без аккомпанемента фортепиано, только с этими инструментами, либо с аккомпанементом фортепиано без названных инструментов. — 2-я песня с аккомпанементом 2 кларнетов, 2 труб, 2 фаготов и также исполняется только с этими инструментами или только с фортепиано, обе песни с хорами, а 3-я довольно законченная ариетта с аккомпанементом — надеюсь, вы теперь успокоились, мне было бы очень неприятно если бы причиной этой задержки вы считали исключительно мою неисправность или умысел — время не терпит, надо сдать письмо на почту, до следующей среды, как относительно фортепианного квартета, так и струнного и пришлю также письмо касательно мессы, так как решение, которое вы получите, вскоре осуществится, за 2 уже полученные багатели прошу вас прислать мне как прежде чек на 16 #, каковой пошлю г-ну Мейсселю, так как я право крайне занят и все еще

не совсем здоров — в среду больше — да поможет вам небо перенести вашу горе, кто не терял и кому только не приходится оплакивать такую потерю.

Обнимаю вас сердечно ваш покорнейший Бетховен.

Вена, 20-го марта 1823 г.

Только сегодня отправлены остальные 3 марша; неделю тому назад не успели сдать на почту. Хотя в этот раз я был очень неисправен по отношению к вам, но это не показалось бы вам странным, если бы вы были здесь и познакомились с моим положением. Описывать его было бы скучно для вас и для меня. Нахожу нужным сообщить кое-что относительно высланного. Для исполнения большого марша № 4 можно бы соединить несколько полковых хоров, а где этого нельзя сделать вследствие незначительности полковых банд, там капельмейстер может помочь горю, выгустив несколько партий. В Лейпциге вы также найдете кого-нибудь, кто может показать необходимые изменения на случай недостаточного состава, хотя мне было бы очень жаль видеть марш в печати не таким, как я его писал.

Заря в С, которую вы уже получили, № 2, относительно 2 остальных и вышеприведенного № 1 вы все поймете... Заздравная песня Гете имеет еще несколько строф, каковые по возможности все должны быть помещены под партию пения, не забываяте, что все наконец будет выслано в порядке, при словах «Auf evig so gesellt» последней строфы музыка значительно расширена — х в фортепианной партии «Жертвенной песни» Матиссона следует обратить внимание, чтобы мелодия была помещена сверху, разные указания как *Voce* и *Ritornel* надо исключить, ибо они сделаны только для пояснения при печати и фортепианная партия не могла быть включена в партитуру. — Надо иметь в виду относительно 2 песен с инструментальным аккомпанементом, и что таковые должны быть исполняемы или только с аккомпанементом инструментов, или только с аккомпанементом фортепиано, на вашем месте я издал бы обе в партитуре с клавираусцугом; и при этом надписал бы на первой странице # вышеуказанное.

Существует столько песен с фортепиано, поэтому я сделал здесь вариант — теноровый ключ, альтовый ключ, даже басовый ключ могут быть переложены на дискантовый ключ. — Простите за множество исправлений: мой старый копиист более не видит, а молодого надо сначала обучить; впрочем, ошибок по крайней мере нет более.

Не могу удовлетворить сейчас вашего требования относительно струнного и фортепианного квартетов, но сделаю все возможное, если вы мне теперь назначите, когда хотите иметь оба произведения. Должен добавить, что за струнный квартет не могу взять менее 50 дукатов, за фортепианный — 70 дукатов; иначе для меня убыточно. Да, мне предлагали за струнные квартеты больше 50 дукатов за каждый, но я никогда за этим не гонюсь, а потому согласен на ваши 50 дукатов, что ныне стало обычной платой. Второе ваше предложение право столь необыкновенно и я его, конечно, принимаю, но должен вас просить указать мне, когда вы хотите его иметь; в противном случае не могу исполнить, хотя всегда охотно даю вам предпочтение. Вы знаете и я вам уже писал, что именно квартеты поднимаются в цене до высшей степени, до того, что даже стыдно думать о большом произведении. К тому же мое положение вызывает необходимость согласовать свое решение с наибольшей выгодой. Иное дело сама пьеса; сочиняя ее, слава Богу, я думаю только о том, как пишу, а не о барышах.

Кроме вас нашлось еще двое желающих иметь по одной мессе, так что я намерен написать их 3; 1-ая давно окончена, 2-ая еще нет, 3-я

еще даже не начата. — Но все же я должен быть уверен в вашем намерении, чтобы быть обеспеченным на всякий случай. — В другой раз больше. — Вообще не назначайте гонорара никогда, прежде чем не получите от меня сообщения, что пьеса готова к отсылке. — Должен кончить; надеюсь вы не будете теперь так беспокоиться.

Ваш друг Бетховен.

7 июля 1823 г.

Милостивый государы!

Как только пьеса, предназначенная вам или вашим детям, будет закончена, тотчас же передам ее братьям Мейссель, если придется увеличить гонорар, то вам сообщат об этом — избавьте меня от ваших дальнейших писем, ибо вы сами никогда не знаете чего вы хотите — ни слова о вашем поведении со мною — не могу простить вам только упреков ваших в том, что я взял вперед деньги, из ваших же писем видно, что вы их мне навязали, и вы писали, что таким композиторам вы всегда даете задаток, здесь на улице предложили мне взять деньги, а мои тогдашние обстоятельства требовали строжайшего молчания, поэтому я взял деньги, чтобы только избежать сплетен, а если это дело теперь приняло такой оборот, то кто же виновен в этом, как не вы сами?? Впрочем мне предназначена совершенно иная сумма и, принимая во внимание мое дарование и мое слабое здоровье, готовы охотно ждуть, — будьте уверены, что мне теперь ясна ваша добросовестность, ваши коммерческие приемы и ваше отношение к музыке, впрочем буду иметь в виду выданные вами деньги, ибо я в здравом уме и не нуждаюсь в рассуждениях о чести. — Бетховен.

Упрекая брата в торгашестве, композитор, как видим, сам навязывал издателям свои второстепенные или залежавшиеся вещи и *pieces d'occasion*, ведя в то же время жалкий торг о цене и даже выслушивая оскорбления, какие сделал Петерс, немедленно, в марте же, возвратив автору рукописи мелких пьес и заявив, что пьесы эти не соответствуют требуемой автором сумме, что недостойно Бетховена заниматься такими мелочами, что всякий музыкант может состряпать пустяки, подобные ор. 126... Такова сила нужды!... В таком положении оказался великий симфонист, живя в столице музыкального мира и состоя учителем царского брата. При всем отвращении к обучению, при физических страданиях, все чаще тревоживших маэстро, при обилии работы по корректуре переписанных экземпляров мессы (для подписчиков), Бетховен остается верным эрцгерцогу и теперь, в нужде, не раз намекает более или менее определенно на помощь и содействие, ожидаемые им от него, от «единственного своего повелителя», как называет он эрцгерцога в одном из нижеприведенных писем.

Бетховен, раб. Вальдмюллера
(1823).

Причина такой преданности кроется скорее в благородстве характера Бетховена, благодарного за былые услуги эрцгерцога, в тщеславии, отчасти удовлетворявшемся близостью к кардиналу-принцу, в смутной надежде как-нибудь обеспечить существование свое при посредстве его, нежели в великодушии эрцгерцога, более щедрого к модному виртуозу великосветских салонов и снисходительно любезного к автору 7, 8 и 9 симфоний, последних 6 квартетов и последних 5 фортепианных сонат.

Из множества меценатов, покровительствовавших Бетховену 20 — 30 лет тому назад эрцгерцог Рудольф является ныне единственным, поддерживающим добрые отношения с ним; Бетховен продолжает, хотя крайне неохотно, давать уроки царскому брату, обращается иногда к нему с ходатайством, пользуется его пенсионом, посвящает ему свои значительные композиции. Прочие сановники и знатные покровители давно отвернулись от «сумасшедшего музыканта», в свою очередь отказавшегося от посещения салонов, где нравы и наряды, речи и обращение, все претило ему. Некогда в салоны эти зазывали молодого виртуоза с провинциальными манерами, с эксцентричными, забавными взглядами на новую для него, блестящую обстановку и с оригинальными, грубыми выходками, за которыми еще смутно мелькала нарождавшаяся властная, самобытная натура великого «титана». Еще до Венского конгресса, создавая Эроику и 5 симфонию, воспевая Леонору, освобождающую Флорестана, и Эгмонта, освобождающего угнетенный народ, Бетховен проявлял «святое недовольство» существовавшим общественным и политическим строем, не скрывал своей неприязни к образу жизни высшего класса столицы, а с усилением реакции и меттерниховского режима вражда эта возросла еще более, нередко облекаясь в форму резкого сарказма, беспощадной критики административных распоряжений, придворной знати, полиции и правительства; крамольные речи старого и глухого грубияна, конечно, не могли раздаваться во дворце его апостолического величества императора австрийского или князя Кинского, в зале Лихтенштейна или Туна, Эстергази или Аппони; лишь эрцгерцог Рудольф сохранил привязанность к нему, но и это продолжалось недолго, до 1824 года.

Ваше императорское высочество!

Вчера и позавчера мне было очень плохо, и к сожалению, у меня не было никого, чтобы послать с докладом об этом в. и. в. Так как вчера к вечеру мне стало лучше, то я пошел в город, чтобы дать Шлеммеру сонату для исправления. Его не было дома и я просил зайти сегодня сюда. Я пришлю через него сонату и явлюсь сегодня же до 4-х часов к услугам в. и. в.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Только через несколько дней я буду в состоянии явиться к вашим услугам, так как нужно немедленно отослать пьесы, о чем я уже говорил в. и. в.; если не быть исправным в подобных делах, то можно легко потерять все. В. и. в. вполне понятно, что требуется много времени на изготовление копий и на просмотр каждой партии — право трудно найти что-нибудь более утомительное. В. и. в. ведь охотно простите пере-

числение всех этих обстоятельств и их последствия. Только необходимость заставляет меня поступать так и, во всяком случае, так прямо, потому что считаю необходимым устранить всякие подозрения в. и. в. по отношению ко мне, ибо, к сожалению, отлично знаю, что в. и. в. стараются настроить против меня. Время покажет насколько я, по мере сил, верен и привязан; если бы мое положение соответствовало моему рвению служить в. и. в., то я был бы счастливейшим человеком.

Вашего императорского высочества верноподданный слуга
Бетховен.

Ваше императорское высочество!

После отъезда в. и. в. я болел почти непрерывно, а в последнее время меня измучила сильная глазная боль, от которой избавился только дней восемь тому назад, хотя все еще должен беречь свое зрение. В. и. в. усмотрите из прилагаемой расписки от 27 июня о высылке некоторых пьес. Так как в. и. в., кажется, понравилась соната C-moll, то думаю, что невелика была моя нескромность, посвящая самовольно в. и. в. Вариации переписаны уже по крайней мере 5 или 6 недель тому назад, но болезнь глаз не позволяла мне просмотреть их. Напрасно я надеялся на полное исцеление их. Поэтом я велел, наконец, Шлеммеру просмотреть их; вероятно в них нет ошибок, хотя быть может вид их не изящный. — Соната C-moll была напечатана в Париже с грубыми опечатками; когда же ее вновь печатали здесь, то я принял все меры к устранению их. Вскоре вышло красиво отпечатанный экземпляр вариаций. В. и. в. выразили желание видеть мессу в общедоступном издании, но мое болезненное состояние, продолжающееся непрерывно уже несколько лет, заставило задуматься над средством, могущим улучшить мое положение, тем более, что, благодаря той же болезни, я сделал большие долги и должен был отказаться от приглашения в Англию. Месса, казалось, явилась вполне кстати. Мне посоветовали предложить нескольким дворам. Как ни тяжело было это, но мне казалось, что надо последовать совету. Итак я предложил нескольким дворам подписку на эту мессу и назначил гонорар в 50 #, полагая, что он не слишком велик и в случае удачной подписки может составить порядочную сумму. До сих пор результаты подписки, правда, для меня очень лестны; так как ее приняли королевские величества Франции и Пруссии. На днях получил также письмо от моего друга, князя Николая Голицына, из Петербурга, в котором этот поистине любезный князь сообщает, что его величество русский император принял подписку и что о дальнейшем мне сообщает вскоре через русское посольство. При всем том, хотя имеется еще несколько других подписчиков, я не получу даже того, что получил бы за это от издателя. Остается лишь то преимущество, что являюсь собственником произведения. Расходы по переписке тоже велики тем более, что я прибавил еще новые части, каковые пришло в. и. в. как только окончу. Может быть в. и. в. не составит труда замолвить за меня перед е. к. в. великим герцогом Тосканским относительно подписки на один экземпляр мессы. Хотя предложение было послано великому герцогу тосканскому уже давно через здешнего агента ф. Одельга и О. клянется, что оно без сомнения будет принято, но я не очень верю в это, так как прошло уже несколько месяцев, а ответа все еще нет. Так как дело уже начато, то вполне естественно стремление достичь намеченной цели. Тяжело было мне затевать это предприятие, но еще тяжелее — сообщить о нем в. и. в. или даже упомянуть, но «нужда не знает законов». — Хвала обитателю надзвездных миров за то, что хоть зрение мое поправляется. Пишу теперь новую симфонию для филармонического общества в Англии и надеюсь окончить ее со-

вершено через 2 недели. Долго еще не могу я напрягать зрения и потому прошу в. и. в. потерпеть с вариациями вашего высочества, как-вые нахожу прелестными, но требующими особенно внимательного просмотра. Продолжайте в. и. в. упражняться особенно в немедленном записывании своих мыслей, тут же у фортепиано. Для этого нужен небольшой столик у фортепиано... Этим достигается не только развитие фантазии, но также умение моментально улавливать идеи.

Нужно также писать без фортепиано — иной раз простую мелодию, хорал с простыми и разнообразными фигурациями, контрапунктически или свободно, это конечно нетрудно в. и. в., а при такой склонности к искусству доставит даже большое удовольствие. — Мало-помалу явится способность выражать именно то, что мы желаем, чувствуем, — а это составляет потребность каждой благородной природы. — Глаза мои утомились. Шлю в. и. в. лучшие пожелания и поклон; вашего императорского высочества

с глубочайшим почтением вернейший слуга Л. в. Бетховен.

Вена, 1 июля 1823 г.

Если в. импер. высочество пожелаете осчастливить меня письмом, то покорнейше прошу велеть написать только «Л. ван Бетховену в Вену», откуда мне посылают исправно все письма по почте. Окажите милость в. и. в. и замолвите принцу Антону в Дрездене, чтобы его величество король саксонский подписался на мессу. — В случае рекомендации в. и. в. это конечно устроится. Если получу сообщение о том, что вы оказали мне эту милость, то немедленно обращусь туда к главному директору корол. театра и музыки, заведующему подоб. делами, и пошлю ему предложение на подписку саксонского короля — мне трудно сделать это без рекомендации в. и. в. — Моя опера «Фиделио» была поставлена с большим успехом во время празднеств по случаю приезда короля баварского в Дрезден. На представлении присутствовали все их величества. Мне сообщил об этом вышеупомянутый главный директор, обратившийся ко мне через Вебера с просьбою о партитуре и приславший мне затем недурной подарок. — Простите меня в. и. в. за навязчивость с этой просьбой, ведь в. и. в. знаете, что я вообще не навязчив. Но если почему-либо все это вам неприятно, то, конечно, от этого несколько не изменится моя уверенность в вашем благородстве и великодушии. — Это не жадность, не погоня за спекуляцией, которых я всегда избегал. — Только необходимость заставляет прибегать ко всему, чтобы выйти из этого положения.

Откровенность лучшее средство против такого осуждения. — Непрерывная болезнь, невозможность продолжать обычную работу вызвали обременительные долги в 2.300 фл. к. м. Необыкновенные усилия нужны, чтобы избавиться от них. Если с этой подпиской дело пойдет на лад, — на что я вполне надеюсь, — то я еще могу поправить дела своими сочинениями. Примите великодушно в. и. в. это откровенное признание. Если бы вздумали обвинять меня в том, что я не так деятелен, как прежде, то я по обыкновению ответил бы на это молчанием. Что касается рекомендаций, то я знаю, что в. и. в. творит добро всюду, где возможно, и что для меня не будет сделано исключения.

Вашего императорского высочества с глубочайшим почтением
верный слуга Л. в. Бетховен.

Хецендорф, 18 июля 1823 г.

Ваше императорское высочество!

Надеюсь здоровье ваше не оставляет желать лучшего. Что касается моих глаз, то они хотя поправляются, но медленно. Все же рассчитываю дней через 6, самое большее — 7, иметь возможность и счастье быть к услугам в. и. в. Я поправился бы скорее, если бы не заставили меня носить очки. Роковые обстоятельства расстроили все мои дела. Меня успокаивает только уверенность в том, что в. и. в. знаете как охотно и радостно готов я служить вам. — Имею еще одну просьбу к в. и. в. и надеюсь, что примете ее милостиво, именно: прошу в. и. в. оказать мне величайшую милость и выдать мне свидетельство следующего содержания: что я написал большую мессу для в. и. в., что вы обладаете ею в течение долгого времени и что вы милостиво разрешили сделать ее общедоступною. Это само собою так, в сущности в этом нет никакого обмана, и тем более могу рассчитывать на эту милость. Это свидетельство окажет мне большую услугу, так как мое скромное дарование, чего я никогда не ожидал, навлекло на меня зависть, преследования и клевету. Хотя у меня сейчас же явилось намерение просить позволения в. и. в. относительно распространения мессы, но гнетущие обстоятельства, беспомощность моя в жизненных делах и болезнь вызвали эту путаницу. — Если когда-нибудь впоследствии месса эта появится в печати, то надеюсь также посвятить ее в. и. в., упомянув затем немногих высокопоставленных подписчиков. Я всегда буду почитать в. и. в., как своего высокого заступника и всюду, где только это возможно, буду разглашать об этом. В заключение еще раз прошу не откажитесь мне в милости дать просимое свидетельство. В. и. в. не составит труда написать несколько строк, а мне они принесут огромную пользу. Вар. в. и. в. я привезу. В них придется исправить немного, любителям музыки они доставят большое удовольствие. Меня могут принять за назойливого просителя; прошу по возможности скорее прислать свидетельство, так как в нем я очень нуждаюсь.

В. и. в. с глубочайшим почтением покорнейший слуга

Л. в. Бетховен.

Июль 1823 г.

Ваше императорское высочество!

Я только что совершил небольшую прогулку, напевая канон «Великая благодарность!», и когда вернулся домой с желанием записать его для в. и. в., то нашел просителя, имеющего безумие думать, что через меня просьба его будет лучше принята.

Что же делать? Благоденствие не бывает преждевременным, да и безумие приходится иной раз поощрять. — Податель сего капельмейстер иозефштадтского и баденского театров Дрекслер. Он желает получить место второго придворного органиста. Он знаток генерал-баса и органист; как композитор он также известен. Эти все качества говорят в его пользу для занятия этого места. Он прав, полагая, что лучшей рекомендацией для занятия этой должности может быть рекомендация в. и. в., так как в. и. в., как знаток и виртуоз, может лучше всего определить истинное достоинство. Такое удостоверение в. и. в. будет наверное предпочтено всяким другим. Поэтому я робко, но присоединяюсь к просьбе г-на Д., в надежде, что высокий покровитель и защитник всякого добра окажет по возможности свое содействие. Завтра вышлю мой канон, а также признание в моих грехах, вольных и невольных, о милостивом отпущении которых буду просить. Сегодня, к сожалению, глаза мои не позволяют выразить в. и. в. лучших пожеланий.

Вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга

Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Я сейчас узнал здесь, что в. и. в. приедете сюда завтра. Будьте уверены, что только болезнь глаз препятствует влечению моего сердца. Мне гораздо лучше, но городской воздух может вредно повлиять на глаза, потому я должен избегать его еще несколько дней. Покорнейше прошу в. и. в. при следующем приезде из Бадена милостиво велеть меня известить об этом, а также о том, в котором часу я должен явиться. Очень рад, что буду иметь счастье увидеть вновь моего милостивейшего государя. Так как в. и. в., вероятно, недолго здесь останетесь, то нужно будет употребить это короткое время на музыкальные занятия и упражнения. Великую благодарность преподнесу я лично или благодарностью получите в Бадене. Господин Дрекслер благодарил меня сегодня за смелость, которую я позволил себе, рекомендуя его в. и. в. — в. и. в. принял его так ласково, что я тоже горячо благодарю за это. Сделайте милость в. и. в. и не меняйте вашего убеждения; говорят, аббат Штадлер добивается этого места для другого. Для Дрекслера было бы хорошо, если бы в. и. в. изволили поговорить о нем с графом Дитрихштейном. Еще раз прошу нижайше о милостивом сообщении мне относительно возвращения из Бадена, после чего немедленно поспешу в город, чтобы явиться к услугам единственного в мире моего господина. Видимо, в. и. в. здоровы. Об этом молят творца многие, в числе коих нахожусь также и я.

Вашего императорского высочества покорнейший слуга

Бетховен.

В ответ на эту просьбу о Дрекслере, оказавшуюся бесплодною, эрцгерцог писал композитору:

Любезный Бетховен!

Во вторник, 5-го августа, я опять буду в Вене и тогда останусь там несколько дней. Надеюсь, здоровье ваше позволит вам тогда приехать в город; от 4 — 7 час. после обеда я бываю дома. Мой шурин, принц Антон, писал мне уже, что король саксонский ожидает вашу прелестную мессу. О Др. я говорил нашему всемилостивейшему монарху и графу Дитрихштейну. Поможет ли эта рекомендация, не знаю, так как для занятия этого места состоится конкурс, на котором каждый должен проявить свое дарование. Был бы рад помочь этому талантливому человеку, игру которого на органе я слушал месяц тому назад в Бадене с большим удовольствием, тем более, что я убежден, что вы не станете рекомендовать недостойного.

Надеюсь, канон уже написан вами; если поездка в город может повредить здоровью, то прошу не утомлять себя преждевременно ради привязанности ко мне.

Ваш ученик и доброжелатель Рудольф.

Вена, 31 июля 1823 г.

Ваше императорское высочество!

Глубоко тронутый получил я вчера ваше милостивое письмо. Для людей с возвышенными чувствами и мыслями нет большего наслаждения, как цвести под тенью роскошного дерева, покрытого чудными плодами. Таково и мне под эгидой в. и. в. — Врач уверял вчера, что здоровье мое поправляется. Тем не менее я должен опорожнять каждые 24 часа бутылку слабительной микстуры, вызывающей упадок сил. К тому же я еще принужден делать ежедневно много движений, что в. и. в. усмотрите из прилагаемых предписаний моего врача относительно режима. Впрочем, надеюсь, во время пребывания в. и. в. здесь оставаться при вас возможно дольше, хотя и не вполне оправился. Надежда

эта, конечно, поможет мне скорее выздороветь. Да благословит меня небо через в. и. в. и сам Господь да будет над и с в. и. в. Что может быть выше, как стать ближе всех к божеству и распространять оттуда божественные лучи на род человеческий. Глубоко тронутый милостивым расположением ко мне в. и. в.; надеюсь вскоре иметь возможность быть ближе к вам.

Вашего императорского высочества покорнейший и верный слуга
Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Чувствую себя совсем скверно; болят не только глаза. Думаю потащиться завтра в Баден, чтобы нанять квартиру и через несколько дней совсем туда переселиться. Городской воздух дурно действует на весь мой организм и я именно тем повредил себе, что отправился два раза в город к своим врачам. В Бадене мне будет легче явиться к в. и. в. Я в отчаянии, как в отношении в. и. в., так и в отношении задержки в моих работах. — В вариациях кое-что указано, на словах объясню лучше.

Вашего императорского высочества всегда покорнейший слуга
Бетховен.

Баден, 22 авг. 1823 г.

Ваше императорское высочество!

Судя по вашему милостивому письму ко мне я думал, что в. и. в. приедете сюда в Баден. Я приехал сюда 13 с. м. весь больной, теперь мне лучше. Вновь появились мучительные боли от катара; вместе с тем желудок мой в жалком состоянии; вместе с тем страдаю глазами; словом организм мой был совершенно расстроен. Я должен был поспешить сюда, не повидав ни разу в. и. в. Славу Богу, зрение, наконец, поправилось настолько, что днем могу вновь его напрягать довольно долго. Прочие страдания тоже уменьшаются; за такое короткое время нельзя ожидать большего. — Как хотел бы я, чтобы в. и. в. были здесь; можно было бы в несколько дней наверстать все пропущенное. Может быть буду иметь счастье видеть в. и. в. и доказать вам свое рвение к службе. Я в отчаянии, что роковая болезнь препятствует мне в этом. Как ни велико во мне желание поправиться вполне, но боюсь, что этому не бывать и потому надеюсь на снисхождение в. и. в., мое сильнейшее желание — быть в. и. в. полезным и найти возможность доказать это. В этой надежде пребываю

Вашего императорского высочества верный и покорнейший слуга
Л. в. Бетховен.

Одновременно с ходатайством перед эрцгерцогом относительно привлечения короля саксонского к подписке на мессу, автор обращается с такою же просьбою к обер-интенданту Дрезденского театра Кеннерицу, который ранее уведомил Бетховена о громадном успехе «Фиделио», поставленного 23 апреля 1893 года в Дрездене под управлением К. М. Вебера и с участием Шредер; вместе с уведомлением Кеннериц послал автору 40 дукатов гонорара и просил расписку в получении этих денег.

Г-ну тайному советнику фон Кеннерицу,
генерал-директору королевск. капеллы и театра в Дрездене.

Хецендорф, близ Вены, 17 июля 1823.

Милостивый государь!

Я немного опоздал с подписью квитанции и благодарностью, так как очень занят и здоровье мое только начинает поправляться; Бог знает долго ли это еще продлится; простите мою неисправность. — Мой любимый друг Мария Вебер писал мне о необыкновенных и благородных взглядах вашего высокородия, а потому позволяю себе обратиться к вам по другому делу, именно: относительно одной большой мессы, которую я издаю в рукописи. Хотя это дело было раньше отклонено, но все же полагаю вновь попытаться после того, как мой глубокоуважаемый кардинал его имп. выс. эрцгерцог Рудольф писал королевскому высочеству принцу Антону, чтобы он рекомендовал мессу его величеству королю саксонскому, это было бы для меня большою честью иметь возможность поименовать его имп. вел. короля саксонского, как знатка музыки, на первой странице среди моих высоких подписчиков, каковы король прусский, его вел. император российский, его велич. король французский и т. д. Предоставляю вам действовать сообразно личному усмотрению и изложенным обстоятельствам. Сегодня нет возможности, но с ближайшей почтой буду иметь честь прислать вам приглашение к подписке на мою мессу для его велич. короля С. Уверен, что вы не сочтете меня способным писать только с презренной целью наживы. Кого не заставляют обстоятельства поступать наперекор своим взглядам и принципам!! — Мой кардинал добродушный князь, но — без средств. Надеюсь заслужить прощение за кажущуюся навязчивость. Был бы бесконечно рад служить вам своим ничтожным дарованием.

Остаюсь милостивый государь глубоко почитающий вас Бетховен.

Вена, 25 июля 1823 г.

Милостивый государь!

Простите за смелость, что прилагаю запечатанный конверт; он содержит письмо мое к его корол. высочеству принцу Антону саксонскому с приложением приглашения к подписке на мессу для его величества короля саксонского. Я писал уже вам недавно, что мой милостивейший государь эрцгерцог и кардинал Рудольф просил его корол. высочество принца Антона склонить его королевск. величество к подписке на мессу; прошу вас приложить все ваше влияние, предоставляю действовать вполне по вашему усмотрению и сообразно с обстоятельствами. Хотя надеюсь, что рекомендация моего кардинала не оставлена без внимания, но покровители добра и красоты должны всегда содействовать в разрешении значительных и важных вопросов. До сих пор, при всем внешнем успехе, я едва получил столько, сколько получил бы за это произведение от издателя, так как переписка стоит очень дорого. Я слава Богу ничего не смыслю в спекуляциях, а мои друзья задумали распространить мессу таким образом. Ведь в нашем государстве нет ни одного гражданина, кто бы не пострадал, я тоже. Если бы не многолетняя болезнь, то за границей я получил бы столько, что мог бы вести беззаботную жизнь и не знать ничего, кроме музыкальных работ. Будьте ко мне благосклонны; я живу только ради своего искусства и ради исполнения своих гражданских обязанностей, но к сожалению это не всегда удается без помощи адских сил. — Поручаю вам свое дело; надеюсь также на вашу любовь к искусству и на ваше человеколюбие вообще; как только последует решение прошу черкнуть мне несколько слов.

С глубоким почтением преданный вашему высокородию Бетховен.

ГЛАВА XVII

1823 — 1824

Эскизы девятой симфонии. — Многосложные приготовления к концерту 7 мая 1824 года. — Временная ссора с друзьями. — Генриетта Зонтаг и Каролина Унгер. — Первое исполнение 9 симфонии и Missa solemnis. — Концерт 23 мая. — Ничтожные сборы и вновь ссора с Шиндлером. — Бетховенские дни.

Временное улучшение здоровья сделало композитора более общительным, веселым, энергичным, вместе с тем расположив его к усидчивой работе, вызвавшей, в свою очередь, вновь уединение и недоступность даже для лучших приятелей; даже Шиндлер получил приказание не тревожить композитора. Вновь начались скитания по лугам и лесам, с записной тетрадь в руке; вновь стал Бетховен пропускать часы обеда и ужина, являться без шляпы, забытой где-нибудь под деревом или у ручья. С наступлением лета легче всего было уединиться и приблизиться к природе на даче, в окрестностях Вены; как мы уже сказали, две комнатки в Хецендорфе, в имении барона Мюллер-Пронай, вполне удовлетворяли отшельника, пока назойливый хозяин не стал проявлять своих неуместных забот и искать встречи со своим гениальным жильцом, чтобы рассыпаться перед ним в комплиментах. Вскоре поведение барона невыносимо для отшельника; «быстроходный фрегат» или старуха «Шнапс» явилась к Шиндлеру с требованием предстать на следующий день в пять часов утра пред мрачные очи Бетховена. Верный друг исполнил в точности приказание и затем оба отправились в Баден искать новое убежище от назойливых поклонников. Все осмотренное оказалось не по вкусу композитору, кроме квартиры в Ратхаусгассе, в доме жестянщика, близ гостиницы «Орел», но жестянщик, приютивший в прошлом году беспокойного музыканта, наотрез отказался принять его вновь; чем упрямее отказывался он, тем настойчивее был Бетховен в своем намерении; долго пришлось Шиндлеру убеждать хозяина, и он достиг своей цели, но условием было поставлено устройство жильцом новых ставень к окнам квартиры. Тайна этого условия была тут же открыта: в прошлом году композитор исписал все ставни своими музыкальными, литературными и математическими иероглифами; вскоре затем некий турист-англичанин купил эти оригинальные автографы и увез с собою ставни; таким образом жестянщик вновь уступил квартиру композитору в надежде бесплатно получить новые ценные скрижали. На фасаде дома этого впоследствии прибита мраморная доска, гласящая о том, что здесь работал композитор над 9 симфонией. Вблизи

этого дома находится другой, также с мраморной доской: «здесь в 1791 году Моцарт писал свое «Ave verum». Но не одинаковы были приемы двух гениальных композиторов в создании наиболее оригинальных своих произведений: Моцарт, по обыкновению, мысленно воздвиг чудный образ музыкальной архитектуры и затем перенес его на бумагу, оставив миру в этом произведении беспрецедентное сочетание благозвучий. Бетховен же в течение пяти лет набрасывал эскизы, разрабатывал детали, оттачивал мелочи, изготовлял весь материал, из которого выросла наиболее величественная и сложная из симфоний его, имеющая почти столько же врагов, сколько поклонников.

В период работы над 9 симфонией появились «Жертвенная песнь» (ор. 121 в) для сопрано с хором и оркестром, фортепианное трио (Вариации ор. 121 а), «Задравная песнь» для двух солистов с малым хором и оркестром (ор. 122), романс ор. 128, экосезы и вальсы (сер. 25, №№ 302, 303, 304); тогда же написаны две последние фортепианные сонаты, сложные по конструкции, полные технических и ритмических трудностей, за которыми лишь опытный артист может уловить глубину настроения и прелесть разнообразных эпизодов, то героических, то нежно ласкающих, то мрачных, то наивных; на сонате ор. 110 помечено «25 декабря 1821 г.», на ор. 111 — «13 января 1822 г.». К той же эпохе относится создание ор. 129, вызванного неприятной случайностью: композитору попалась прекрасно сохранившаяся древняя монета, которую он задумал снести и показать приятелям, но, вследствие обычной неряшливости, обронил и потерял ее на улице.

«Едва ли существует, — говорит Р. Шуман, — что-либо более веселое, чем эта шутка: недавно, впервые играя ее, я смеялся без конца. Но каково было мое удивление, когда я заметил следующее примечание; это каприччио, найденное в оставшихся после Бетховена бумагах, озаглавлено в рукописи таким образом: «Ярость из-за пропавшего гроша, вылившаяся в каприччио». — О, это самая милая, бессильная ярость, подобная злобе человека, который не может снять сапога, потеет и топает ногами, тогда как сапог совершенно спокойно глядит на своего хозяина. — Наконец-то я вас поймал, знатоки Бетховена! — Со всем иначе выражу я вам свою ярость и дам вам слегка почувствовать свой кулак, когда вы будете мечтательно и, закатывая глаза, восторженно твердить: Бетховен стремится всегда только к возвышенному, возносится к звездам, не касаясь земного. — «Сегодня я весь нараспашку», — было его любимым выражением в минуты самого веселого настроения. И тогда он хохотал, как лев, размахивая руками, — ведь он во всем был неукротим. Этим каприччио буду я теперь бить вас. Вы найдете его грубым, недостойным Бетховена, так же как мелодику к «Радости божественной искры» в симфонии В-moll; вы запрячете ее под Эроику! Но если когда-нибудь настанет возрождение искусств и гений Истины возьмет весы, на одной чаше коих будет находиться это каприччио, а на другой — десять новейших патетических увертюров, — эти увертюры взлетят до небес. Из этого вы, молодые и старые композиторы, можете сделать прежде всего только один вывод: природа, природа, природа!»

Тетрадь эскизов за 1822 год полна интересных набросков, указывающих на намерение вновь заняться композициями, значительными по объему, и на подъем энергии и увлечение работой, что являлось у Бетховена периодически и ярко выразилось при создании симфоний: напряжение творчества при этом было таково, что, написав одну, он немедленно принимался за вторую, но полет вдохновения несколько ослабевал и вторая из таких симфоний оказывалась несколько бледнее первой. Так было с созданием симфонии № 8 вслед за № 7, также с № 6 после № 5; аналогичное следовало ожидать от № 10 за № 9.

Эскизы начинаются с отрывка романса «Поцелуй» (ор. 128); далее: «отрывки во всех тонах для 3 и 4 валторн... все партитуры писать вперед карандашом, проводя сначала линии, не более трех тактов на каждой странице... Donna nobis расет изображает мир внешний и внутренний...» Далее иероглифами и каракулями, которыми Бетховен поныне смущает своих биографов, записано: «В виде declamatorium венгерская история», т. е. «Развалины Афин», написанные для столицы Венгрии; потом следуют заметки, касающиеся Agnus dei и афоризм: «Жизнь несется в вихре танцев». Ряд страниц последующих заполнен эскизами в 6/8 для финального хора к «Развалинам Афин», переработанным для театра в Йозефштадте. Затем следуют эскизы к «Mortuos gloria», оставленные без применения, и довольно четко записано: «Финал: Радость — первенец творенья, — дочь великого отца» и тут же тема (D-dur, 4/4) целиком для сопрано... «Симфония из 4 частей, но вторая часть в 2/4, как в симфонии в А; она может быть в D-dur, 6/8, а последняя часть фугированная...» Далее следует множество набросков, представляющих упражнение в ритме и задержаниях, и опять романс «Поцелуй». За отрывком, под названием «Увертюры», оставленным без применения, идет также заброшенная мелодия романса, но вот выступают известные секстоли А — Е начала 9 симфонии с энергичной темой, заметка: «флейта имеет также cis» и наброски квинтета с заголовком: «квинтет в с-moll и Es с духовыми инструментами». Далее записано: «Вместо симфонии новую увертюру в стиле Баха с фугой для трех труб», которую, видимо, композитор намерен был написать к предполагавшемуся в конце 1822 г. концерту его; следующий отрывок с надписью: «к увертюре maestoso» вошел в начало увертюры «К освящению дома...» «Sinfonie allemand» или с вариациями, за которыми вступит хорь, или же «Радость первенец творенья» без вариаций; в конце симфонии военный оркестр и хор в ритме, указанном в трех тактах «Gloria» мессы и встречающемся в скерцо 9 симфонии. Дальнейшие отрывки относятся к 9 симфонии с отметками вроде: «все начинают» или «вступление оживленное»; тут же встречаются отрывки, не использованные наброски 10 симфонии (C-dur 6/8) и канона трехголосного на стихотворение Гете «Божественная», в том же году послужившее текстом шестиголосного канона, изданного Брейткопфом под № XI в серии 23, № 43.

Главная тема скерцо 9 симфонии записана автором еще в 1815 году, а идея создания этого произведения, вероятно, родилась в воображении его еще раньше; «Фантазия для ф.-п. с оркестром и хором», написанная в 1808 г., была как бы отдален-

ной увертюрой или попыткой к тому, что создано 15 лет спустя, а мелодия (вступление) романса «Вздохи отвергнутой любви» (сер. 23, № 40), написанного в 1795 г., в период учения у Альбрехтсбергера, послужила зародышем темы вокальной части сначала для «Фантазии», потом для 9 симфонии.

Первая тема 1 части симфонии записана в 1817 году; еще ранее сделаны наброски скерцо, рядом с другими такого же характера, но оставленными без применения. Карл Черни уверяет, что тема этого скерцо вдохновлена стаей воробьев, копошившихся перед композитором на площадке в одном из городских садов; по другой версии тема эта создана под впечатлением множества загоравшихся в окнах и на улицах Вены огней, когда запоздалый композитор возвращался с прогулки по окрестностям.

Несколько позже появились тема трио в скерцо и прелестная вторая тема 3 части; еще позже набросана первая тема этой части; к октябрю 1823 года наброски первых трех частей симфонии были настолько обильны, что оставалось лишь связать и отделать их.

Эскизы финала симфонии полны замечаниями автора вроде следующих:

«Нет, эта мелодия слишком напоминает наше отчаяние».

«Сегодня праздник; надо непременно ознаменовать его пением и танцами».

«О, нет, не годится, надо что-либо более приятное, веселое».

«Тоже нет, слишком шутливо».

«Попытаюсь пропеть что-нибудь хорошее; нет, не то, это только болтовня».

«Тоже нет, это слишком нежно; надо придумать что-нибудь более энергичное».

«Наконец, найдено!» Это восклицание относится к теме последней части.

Сохранилось еще несколько других тетрадей с эскизами 9 симфонии, но, подобно упомянутым уже нами, они представляют бессвязные собрания набросков вроде описанных нами выше, а потому избавляем читателя от ближайшего знакомства с ними.

Поселившись в восточном предместье Вены, на Ландштрассе, композитор вскоре окончил эту работу, но затем сделал некоторый перерыв, как бы обдумывая величественный финал с хором, тема которого также встречается в его ранних набросках.

Однажды композитор радостно встретил друга своего Шиндлера и показал набросок текста с музыкой, долженствовавший служить вступлением к хору на слова оды Шиллера; текст гласил: «Друзья, споем оду нашего бессмертного Шиллера». Такое вступление, впрочем, автор заменил иным, вошедшим в партитуру: «О друзья! Оставим эти напевы, споем более приятные, полные радости». Ода Шиллера имела целью воспеть свободу, Freiheit, но намерение знаменитого поэта было парализовано требованиями безвестных цензоров, а потому ненавистное им слово это предстояло заменить радостью, Freude; идея стихотворения была всем понятна и свободолобивый Бетховен настаивал на соответственном заголовке, чему помешали более осторожные друзья его; один из них пишет ему в разговорной тетради:

«У нас слишком много чиновников, военных, денег, попов и слишком мало ума... Полиция овладела всем. За последним сто-

ликом в любом трактире можно встретить шпиона... Глупейшая буржуазия блаженствует. Главный принцип нашего правительства кроется в обскурантизме».

Другой приятель, поэт Грильпарцер, вписывает туда же:

«Цензоры истерзали мое произведение. Кто хочет свободно мыслить, должен переселиться в Северную Америку».

На это Бетховен ответил:

— Если слова опасны, то, к счастью, еще свободны ноты, эти полновластные заместители слов.

И в звуках финала симфонии композитор сумел выразить воинственные клики, сопровождающие героев к победе над рабством, а в мелодии хора слышится благодарственный гимн торжествующей свободы.

Прелестную характеристику 9 симфонии дает знаменитый французский композитор и критик, не вдаваясь в утомительные и мало понятные большой публике технические подробности и не увлекаясь редко осуществимым, но обычным и естественным стремлением вызвать в читателе поэтическими образами настроение, соответствующее настроению описываемого музыкального произведения.

Анализ подобного произведения, говорит Берлиоз, является трудной и рискованной задачей, за которую мы долго не решались взяться, смелой попыткой, прощительной только в виду наших постоянных стремлений стать на точку зрения автора, чтобы постигнуть сокровенный смысл его произведения, испытать его влияние, изучить впечатления, которые оно до сих пор производило как на отдельные, исключительные организации, так и на публику вообще. Между различными суждениями об этой симфонии едва ли найдутся два одинаковых. Некоторые критики на нее смотрят, как на чудовищное безумие; другие видят в ней только последние проблески умирающего гения; третьи, более благоразумные, заявляют, что теперь еще не понимают ее, но не теряют надежды, что в будущем смогут оценить ее, хотя бы приблизительно; большинство артистов находят ее необыкновенным произведением, некоторые части которого еще не объяснены или не имеют видимой цели. Небольшой кружок музыкантов, тщательно изучающих все, что стремится к расширению области искусства, обдумав хорошенько план симфонии с хором, прочитав и прослушав ее внимательно несколько раз, утверждает, что это — величайшее проявление гения Бетховена. Мы, кажется, уже раньше упоминали, что разделяем последнее мнение.

Не доискиваясь личных мыслей, которые композитор хотел выразить в этой обширной музыкальной поэме, так как подобное исследование для каждого открывает обширное поприще догадок, посмотрим, нельзя ли здесь оправдать новизну формы намерением автора, лишенным всякой философской или религиозной подкладки, одинаково прекрасным, как для ревностного христианина, так и для пантеиста, и для атеиста, одним словом, намерением чисто музыкального и поэтического свойства.

Бетховен до этого написал уже восемь симфоний. Какие средства оставались ему, чтобы перейти предел искусства, достигнутый им с помощью средств инструментовки? Присоединение голосов к инструментам. Но, чтобы соблюсти принцип нарастания звуков и выделить могущественное значение хора, как помощника оркестра, следовало на первом плане картины, которую автор хотел развернуть пред нами, выставить пока одни инструменты. Если же принять это положение, то понятно, что ему пришлось искать род смешанной музыки, чтобы связать два большие отдела симфонии; он употребил инструментальный речи-

татив в качестве соединительного моста между хором и оркестром, и инструменты прошли через него, чтобы примкнуть к голосам. После этого перехода автор хотел объявить и объяснить предстоящее слияние и с этой целью вложил в уста корифею, на мотив инструментального речитатива, следующие слова: «О друзья! оставим эти напевы: лучше споем другие, приятные, более радостные». Вот, так сказать, договор, заключенный между хором и оркестром, а фраза речитатива, произнесенная одним и другим, является формулой клятвы. Затем композитору предстояло выбрать текст для хоровой партии; Бетховен остановился на шиллеровской оде «К радости», которой он придает такую бездну оттенков, какой никогда не могла бы дать одна поэзия, ведет ее с непрерывным нарастанием пышности и блеска.

Вот, может быть, более или менее вероятное объяснение общего замысла этого огромного произведения. Теперь поговорим подробно о всех его частях.

Первая часть, полная мрачного величия, не напоминает ничего из прежних произведений Бетховена. Гармония в ней местами чрезвычайно смела, рисунки особенно оригинальны, самые выразительные штрихи сплетаются, скрещиваются по всем направлениям, нисколько, впрочем, не затемняя и не загромождая. Наоборот, впечатление получается очень ясное: многочисленные голоса оркестра, жалобные и грозные, каждый по-своему, будто сливаются в один общий голос; так велика сила чувства, одушевляющего их.

Allegro maestoso, написанное в *re-min*, начинается аккордом в *la*, с пропущенной терцией, т. е. повторением нот *la*, *mi*, расположенных в квинту, с арпеджиями на тех же нотах вверх и вниз, в партиях первых альтов и контрабасов, так что слушатель не знает, какой аккорд он слышит: *la-min*, *la-maj* или доминанту в строе *re*. Продолжительная неопределенность тональности придает много силы и характерности вступлению *tutti* в строе *re-min*. Заклчение трогает до глубины души; трудно себе представить что-нибудь трагичнее напева духовых инструментов под хроматическую фразу в виде *tremolo* в струнных инструментах, мало-помалу разрастающуюся и усиливающуюся, рокочущую, как море при приближении грозы. Это великолепное, вдохновенное место.

Нам придется указывать в этом произведении на сочетания звуков, которые едва ли возможно назвать аккордами; сознаемся в том, что причина таких аномалий ускользает от нашего понимания. Так, например, в этой замечательной части встречается следующий аккомпанемент (эпизод в *do-mineur*) к мелодии, проведенной в кларнетах и фаготах: в басу фа-диез, на нем уменьшенный септаккорд, затем ля-бемоль, на нем терцквартаккорд с увеличенной секстой, и, наконец, соль, на котором флейты и гобои берут ми-бемоль, соль, до, что составило бы квартсекстаккорд, т. е. прекрасное разрешение предыдущего диссонанса, если бы вторые скрипки не прибавили к гармонии звуков фа натурального и ля-бемоль, искажающих ее и неприятно поражающих слух, но, к счастью, очень ненадолго. В этом месте инструментовка прозрачна, характер его вовсе не резкий, и я не понимаю, для чего же такой странный, не мотивированный, учетверенный диссонанс. Можно было предположить, что это опечатка, но при внимательном рассмотрении как указанных двух тактов, так и предшествующих, легко убедиться в том, что автор действительно добивался этого (см. такты 215 и 216 от начала).

В следующей части, *scherzo vivace*, нет ничего подобного; встречаются, правда, верхние и средние педали на тонике в сочетании с доминантовым аккордом, но я уже высказывал свой взгляд на этот прием, не санкционированный гармониею; и излишен даже этот новый пример, чтобы доказать, насколько он может быть неудачен, если естественно вытекает из смысла музыкального произведения. Бетховен придал интерес этой прекрасной «шутке» главным образом с помощью ритма.

Оживленная вообще тема с ответом в виде фуги, вступающей через четыре такта, далее так и блещет живостью, когда ответ, вступая тактом раньше, вводит трехтактный ритм (*ritmo di tre battute*) вместо прежнего четырехтактного (*ritmo di quattro battute*). В середине *scherzo* находится *presto* двухдольного размера, полное какой-то деревенской радости; тема его раздвигается на педали в средних голосах то на тонике, то на доминанте; ей сопутствует другая тема, которая одинаково хорошо гармонирует с обоими выдержанными звуками: с тоникой и доминантой. В последний раз эта прелестная мелодия исполняется гобоем, колеблется некоторое время на тонической педали (*re*), окруженная иногда звуками доминантовой гармонии, и вдруг совершенно неожиданно и красиво переходит в тональность *fa-majeur*. Здесь отражаются приятные впечатления, которыми Бетховен так дорожил, вызванные спокойной и веселой природой, чистым воздухом, первыми лучами весенней утренней зари.

В *adagio cantabile* так мало соблюден принцип единства, что его можно скорее рассматривать, как две отдельные части. Первая мелодия в четыре четверти в тоне си-бемоль-мажор сменяется совершенно иной мелодией в три четверти и в ре-мажор; первая мелодия, несколько измененная и варьированная в первых скрипках, появляется затем опять в прежнем строе и ведет за собою неизмененную мелодию в три четверти, но в тоне соль-мажор; после этого окончательно устанавливается первая, так что соперничающая с ней тема уже больше не отвлекает внимания слушателя. Нужно несколько раз послушать это удивительное *adagio*, чтобы привыкнуть к такому расположению. Что же касается красоты этих мелодий, бесконечного изящества их украшений, грустной нежности, страстной скорби, мечтательной религиозности, выраженных в них, то если бы моя слабая проза могла дать обо всем этом хотя приблизительное понятие, написанное мною могло бы соперничать с музыкою так, как не может ни одно из произведений великих поэтов. Это — грандиозное произведение, и, когда находишься под его обаянием, можешь ответить критике, упрекающей автора в несоблюдении закона единства, только словами: «тем хуже для закона».

Мы дошли до того места, где голоса должны присоединиться к оркестру. После ригурнели в духовых инструментах, резкой и сильной, как гневный возглас, виолончели и контрабасы начинают речитатив, о котором речь была выше. К секстаккорду *fa-la-re*, которым начинается *presto*, присоединено си-бемоль в флейтах, гобоях и кларнетах; эта шестая ступень *re-minor'a*, в соединении с доминантой *la*, звучит страшно резко и жестко. Этим выражается гнев, ярость, но я не понимаю, чем здесь вызваны подобные чувства; разве, быть может, автор хотел, по странному капризу, оклеветать инструментальную гармонию, прежде чем вложить в уста своему корифею: «Запоем более радостные напевы...» А между тем он как будто жалеет о ней, потому что вставляет между фразами речитатива басов отрывки из предшествовавших трех частей, как близкие сердцу воспоминания и, наконец, после указанного прекрасного речитатива, он помещает в оркестре, в чудных аккордах, ту прелестную тему, которую вскоре запоем хор на слова оды Шиллера. В этой нежной, спокойной мелодии, по мере перехода ее из басов, где она впервые появляется, в скрипки и духовые инструменты, все возрастает блеск и оживление. После внезапного перерыва весь оркестр опять принимается за яростную ригурнель, о которой мы говорили раньше, возвещающую на этот раз о вокальном речитативе. Начинается она и здесь секстаккордом на *fa*; но, кроме того, автор добавил не только си-бемоль, как в первом случае, а еще соль, ми, до, так что все звуки гармонической минорной гаммы берутся одновременно и производят ужасное созвучие *фа, ля, до, ми, соль, си-бемоль, ре*. Лет сорок тому назад французский композитор Мартэн или, как его называют, Мартини, в своей опере «Сафо», в том месте, где возлюбленная Фавна

бросается в воду, хотел воспроизвести подобный рев оркестра, употребляя одновременно все диатонические, хроматические и энгармонические интервалы. Не вдаваясь в рассуждения об уместности, о достоинствах или недостатках его попытки, мы все-таки можем понять ее цель. В данном случае я, при всем желании, не могу постигнуть цели Бетховена. Я вижу явное намерение, рассчитанное и обдуманное, чтобы произвести два нестройных созвучия в те два момента, которые непосредственно предшествуют инструментальному и вокальному речитативу; я немало добивался понять, чем может быть вызван этот прием, но — безуспешно. Корифей, после речитатива, слова которого принадлежат Бетховену, исполняет solo тему оды «К радости» с легким аккомпанементом двух духовых инструментов и струнного оркестра *pizzicato*. Тема эта появляется не раз до самого конца симфонии, ее везде можно узнать, хотя она видоизменяется. Различные преобразования мелодии представляют тем больший интерес, что каждое из них вносит новый особый оттенок в описание одного общего чувства, — радости. Сначала радость дышит кротостью и миром, она оживляется с того момента, когда присоединяются женские голоса. Размер меняется; прежняя фраза в четыре четверти появляется в шести восьмых с постоянными синкопами, она принимает более сильный, гибкий, как бы воинственный характер. Это песнь героя, отправляющегося в бой с уверенностью в победе, вот сверкает его вооружение, слышны его мерные шаги... Некоторое время в оркестре разрабатывается фугой тема, в которой виден тот же первоначальный мелодичный рисунок: это различные проявления подвижной, взволнованной толпы. Хор опять вступает и энергично поет радостный гимн в его первоначальном простом виде, с сопровождением духовых инструментов, дающих аккорды соответственно движению мелодии в то время, как вся масса струнных инструментов движется в унисон и октаву диатонически по разным направлениям.

Следующая часть, *andante maestoso*, — нечто вроде хора, который начинают тенора и басы в сопровождении одного тромбона, виолончелей и контрабасов. Здесь радость религиозная, степенная, безграничная. Хор на миг умолкает и возобновляет уже с меньшей силой свои широкие аккорды, после оркестрового solo, производящего впечатление чудных органых звуков. Подражание величественному музыкальному инструменту христианских храмов производится нижним регистром флейт, кларнетов и фаготов, альтами, разделенными на две партии, высокую и среднюю, и виолончелями, берущими либо квинту *sol-re* на открытых струнах, либо октаву *do* низкое (на открытой струне) и *do* среднее. Эта часть начинается в *sol-maj*, переходит в *do-maj*, потом в *fa-maj* и оканчивается органым пунктом на доминанте в *re-maj*.

Затем следует большое *allegro* в шесть четвертей, где с самого начала соединяются первая тема, уже так часто и разнообразно воспроизведенная, и хорал из предыдущего *andante*. Контраст этих тем выделяется еще тем, что над выдержанными нотами хора появляется вариация на песнь радости, исполняемая первыми скрипками и контрабасами. Немыслимо исполнить на контрабасе такое быстрое чередование нот и совершенно непонятно, как Бетховен, такой мастер в деле инструментовки, написал подобную партию для этого тяжелого инструмента. В следующей части менее живости, но более легкости в стиле; основу ее составляет простодушное веселье, выраженное сначала четырьмя солистами и оживляющееся со вступлением всего хора. Нежный и религиозный напев в двух местах сменяет веселую мелодию, затем движение ускоряется, весь оркестр принимает участие, ударные инструменты (литавры, тарелки, треугольники и большой барабан) резко отбивают сильные времена такта. Радость вступает в свои права, народная, бурная радость, которая походила бы на оргию, если бы все голоса не перешли опять перед окончанием в торжественный ритм, чтобы восторженными кликами принести религиозной радости последнюю дань

любви и почтения. Заканчивает только оркестр, местами давая отрывки первой темы, которой, кажется, никогда нельзя наслушаться... Приводим перевод немецкого стихотворения, чтобы познакомить читателя с поэтическим произведением, вызвавшим такое множество музыкальных комбинаций, этих проявлений музыкальной науки, сопровождающих полет вдохновения, этих послушных орудий в руках могущественного, неутомимого гения.

К Радости.

Радость, мира украшенья,
Дочь родная небесам!
Мы вступаем в упоенье,
О, чудесная, в твой храм.

Ты опять соединяешь,
Что обычай разделил,
Нищего с царем равняешь
Веяньем отрадных крыл.

Хор.

Миллионы, к нам в объятья!
Люди, поцелуй сей вам!

Над небесным сводом, там,
Должен жить отец наш, братья.

Тот, кому быть другом другу
Жребий выпал на земле,
Кто нашел себе подругу, —
С нами радость тот дели;

—
Также тот, кто здесь своею
Душу хоть одну зовет;
Кто ж не может; — пусть скорее
Прочь, рыдая, отойдет.

Хор.

Все, что мир сей наполняет,
Пред сочувствием смиришь.

Пусть оно покажет в высь,
Где Незримый обитает.

Все творения живые
Радость средь природы пьют,
Все — и добрые, и злые,
По стезе ее идут.

—
Сон, вино, привет участия,
Друга нам она дарит:
Дышит червь животной страстью,
К Богу херувим летит.

Хор.

Миллионы, в прах падите!
Мир, ты чувствуешь Творца?

Выше звездного венца
В небесах его ищите.

Радость — мощная пружина
Всех бесчисленных миров;
Радость двигает машины
Вечных мировых часов,

—
Из семян цветы выводит,
Хоры звездны из небес,
Сферы в отдаленны водит,
Недоступном для очес.

Хор.

Как светил великих строен
В небе неизменный ход, —

Братья, так всегда вперед,
Бодро, как к победе воин!

Улыбается приветно
Средь стараний и забот,

—
Веры на вершине ясной
Ею веют знамена,

И страдальца неприметно
К цели доблестной ведет.

И она сквозь гроб ужасный
В хоре ангелов видна.

Хор.

Миллионы, здесь терпенье!
Лучший мир для вас готов —

Там, за цепью облаков
Бог воздаст вам награждение.

—

Над богами ль возвышаться?
Хорошо быть равным им.
Горе, бедность веселятся
Счастьем пускай одним.

Будь забыта злость и мщенье!
Смертный враг наш, будь прощен.
Пусть не знает он мученья,
Пусть теперь не стонет он!

Хор.

Мы долги свои забыли;
Свет тебе свободен весь; —

Братья, над шатром небес,
Судит Бог, как мы судили.

—

Радостью кипят бокалы,
И в крови вина златой
Пьют смиренье канибалы,
А отчаянье — покой.

Братья, встаньте! Драгоценный
Обходить нас кубок стал;
Пусть же к небу брызжет пена!
Духу доброму бокал!

Хор.

Тот, кому греметь хвалами
Целый мир не престаивал,

Духу доброму бокал
Там высоко над звездами!

—

Твердость горю и страданьям,
Помощь бедному во всем,
Вечность данным обещаньям,
Правда — с другом и врагом.

Мужество пред троном надо!
Братья, пусть погибнуть нам,
Но достоинству — награда,
Наказанье злым делам!

Хор.

В круг священный все стеснитесь,
И хранить союз святой

Этой влагой золотой
Всемогущим поклонитесь!

(Перевод К. Аксакова).

Окончив 9 симфонию, автор некоторое время был в прекрасном настроении; **даже стал** заниматься **своею** внешностью, **накупил туалетных принадлежностей**, **заказал** новый костюм портному Линду, на многократные требования которого относительно расплаты писал:

Любезный Линд! Я приду к вам в среду, самое позднее около 4 часов пополудни, и все улажу.

Преданный вам Бетховен.

Его встречали тогда, — рассказывает Шиндлер, — на улицах Вены, пред лучшими магазинами, с лорнеткой на черной лен-

точке, беседующим с приятелями и знакомыми; потоки остроумия, которых не слышали со времени обеда с Вебером, полились вновь в феврале 1824 года... Приготовления к концерту, в котором предстояло впервые исполнить 9 симфонию и мессу, были весьма продолжительны и сложны. Композитор, посоветовавшись с приятелями о выборе помещения наиболее обширного, соответствующего составу исполнителей и дающего наибольший сбор, остановился на театре An der Wien. Директор театра этого, граф Пальфи, выразил полную готовность исполнить все его требования и назначил плату за помещение и персонал исполнителей — 1200 фл.; несмотря на значительный расход по расписыванию партий, можно было все же получить немалую прибыль ввиду возможности повышения цен. Но вдруг, совершенно неожиданно для всех окружающих, композитору вздумалось заменить дирижера Зейфрида и скрипача Клемана (или Клемента), состоявших при театре, Умлауфом и Шупанцигом; граф Пальфи заметил на это, что подобная замена известного скрипача, для которого Бетховен написал концерт ор, 61, может оскорбить его. Пререкания вызвали раздражение композитора, подозревавшего всюду вражду и интриги; время протекало, лучшее время для концерта, начало весны, минуло, дирекция не уступала, а потому пришлось обратиться к другому театру, Кернтнертор, где имелись лучшие музыкальные силы, где во главе труппы стояли граф Барбайа и балетмейстер Дюпор; к ним-то поспешил брат Иоганн, чтобы выработать договор и выхлопотать более выгодные условия, с каковою целью вздумал пригрозить влиянием брата среди венской аристократии, чем оказал ему медвежью услугу: возмущенная бестактными речами Иоганна дирекция отказала в театре; пришлось обратиться к лицам, заведующими залами в университете и в правительственных учреждениях, хотя помещения эти были невелики и плохи в акустическом отношении, да и вызывали осложнения в вопросе о хоре и оркестре, состоявших при театрах. Хотели было 8 апреля обратиться к оберкамергеру графу Траутмансдорфу и просить о дворцовом зале, где во времена конгресса Бетховен не раз услаждал слух венской знати, но, вспомнив о тесной связи помещения и персонала исполнителей, вновь обратились к Дюпору; на Шиндлера было возложено поручение склонить дирекцию Кернтнертор театра к принятию условий Бетховена: участие Шупанцига, плата 400 фл. за зал с персоналом и повышение цен на места; увы, дирекция приняла только первое условие, потребовала 1.000 фл. с сохранением за собою абонированных мест и отказала в повышении цен. Опять Бетховен задумывается над дворцовым залом и затем опять обращается к балетмейстеру Дюпору, далекому от способности постигнуть значение 9 симфонии или *Missa solemnis* и утверждающему, что достаточно двух репетиций для исполнения этих гигантских и чрезвычайной сложности композиций.

— Дюпор — мошенник, — пишет в тетради Бернард.

Тем не менее композитор, после ряда колебаний, посылает Шиндлера лично переговорить с ним, на что Шиндлер отвечает там же:

— Иду к Д.; черт его побери, если не добьюсь теперь толку...

Вскоре после него сам Бетховен принужден отправиться к Дюпору; полный сознания своего величия, балетмейстер не спешит принять «чудака-музыканта», последний ждет некоторое время в прихожей и затем, с громкой бранью, уходит домой.

Такие осложнения огорчали друзей Бетховена, принимавших деятельное участие в организации концерта, и вызывали всевозможные хитрости, чтобы успокоить капризного артиста, по возможности ограничить его требования и скорее наладить дело; но нелегко было обмануть того, кто ко всем относился с подозрением; после одной из затей приятелей он пишет им:

К графу Морицу Лихновскому.

Я презираю всякое притворство. Не посещайте меня больше. Концерта не будет.

Бетховен.

К господину Шупанцигу.

Пусть он не посещает меня больше. Я не даю концерта.

Бетховен.

К г-ну Шиндлеру.

Не посещайте меня, пока не позову вас. Нет концерта.

Бетховен.

Каролина Унгер.

Шиндлер нашел эти три записки под крышкой рояля, не раз служившей Бетховену почтовым ящиком; целый день никто не решался показаться на глаза «его величеству», как друзья называли композитора, но спустя дня два он успокоился и принял все условия Дюпора, чему способствовал ряд обстоятельств: наступало лето, — мертвый сезон для музыкантов, переписка партий была окончена и требовала расплаты с копиистами; переписка с издателями сулила надежды на выгодную продажу рукописей; кн. Голицын просил написать для него струнные квартеты и предлагал авансом некоторую сумму, сообщая о первом исполнении мессы в Петербурге 26 марта 1824 года:

«Невозможно описать впечатление, которое произвела она на слушателей; могу сказать без преувеличения, что никогда не слышал такой божественной музыки, не исключая даже произведений Моцарта, красоты которых никогда не вызывают подобного настроения. Гармонические сочетания в *Benedictus* и его трогательная мелодия уносят слушателя на небеса. Одним словом: произведение это — целый клад. Гений ваш опередил века и едва ли среди слушателей можно найти одного, достаточно подготовленного, чтобы вполне постичь красоты вашего творения. Но потомство будет вас славить и благословлять память вашу более, чем то способны сделать современники... Простите,

что докучаю своими письмами, — это искренняя дань одного из ваших самых ревностных поклонников».

Восстановив дружбу с Шиндлером, композитор, ободренный сообщениями из России, вновь забрасывает его записками, поручениями, видимо, лишь ему доверяя и вновь прося его быть скрытным, чтобы избежать вмешательства «мозгляка» (брата). Обычным местом свидания приятелей служит в то время ресторан «Золотая груша»; там маэстро сообщает Шиндлеру кислоту, т. е. неприятную новость о требованиях Дюпора, там признается ему в преданности от *cis* до *fa*, т. е. в полном объеме (клавиатуры), там рассказывает о новых проделках кухарки, «госпожи Шнапс», там сговаривается об отсылке мессы королю саксонскому и т. п.

Явитесь ко мне для допроса. Срок не определен.

Если есть о чем сообщить, то пишите. Но наложите печать, для этого облатка и печать на столе. — Напишите, где живет Дюпор, когда обыкновенно он принимает, можно ли с ним лично говорить и если бывают при этом посторонние, — то кто? —

Мне нехорошо. — Будьте здоровы. — Я не решил еще, поговорить ли лично с Дюпором, или написать ему; последнее мне очень неприятно. Не ждите меня к столу; приятного аппетита! Я не приду, я болен от вчерашней нашей скверной еды. Вам приготовлена кружка вина.

Г-жа Ш. выдаст всю необходимую провизию, поэтому приходите сегодня около 2 часов к обеду. Получил хорошие известия, — между нами, чтобы мозгляк ничего не узнал бы об этом.

Бетховен.

...Так как я узнал, что к моему концерту 7-го апреля, то прошу е. сият. разрешить мне устройство концерта 8-го апр. в большой ред.-з., именно в полдень; тогда не придется спешить ни мне, ни моим произведениям — я очень обязан е. с. за постоянное внимание ко мне и это тем более лестно, что е. с. не относится безучастно к моим произведениям. Надеюсь найти случай доказать мое глубокое уважение...

Прошу вас прийти ко мне завтра если возможно пораньше или около 8, так как я должен вам сообщить нечто кислородно-кислое. Дюпор сказал вчера, что он мне писал, но я письма не получил. Главное, он уверял меня, что согласен. Но ожидает все-таки еще главного скачка через авансцену.

От нижнего *cis* до верхнего *F*. — Бетховен.

После шестинедельных всевозможных переговоров я точно выварен и выпарен; изжарен. Что же наконец выйдет из концерта, о котором столько судили, если цены не будут повышены? Что останется мне после таких расходов, когда одна переписка стоила так дорого?

— Теперь, после двенадцати, в «Грушу» — проголодавшийся и про...; — потом в кофейню, опять сюда, и сейчас же в Пенцинг, не то останусь без квартиры.

В кофейне Mariahulf ожидаю вас к 3 часам.

Ваш друг Бетховен.

В «Золотую Грушу», добрейший!

Только самое нужное. — Может быть уже у вас все! Сейчас после обеда пришлю обещан.

Добрейший!

Найдете нас в «Золотой Груше», оттуда в кофейню.

Обедаю в «Груше»; оттуда в кофейню. — В «Груше» закажу для вас — но если не найдете меня там, то приходите в кофейню, так как не знаю наверное придете ли.

Я уже в «Груше». Приходите за мной. Б.

Мне надо с вами поговорить; приходите, пожалуйста, к обеду. Стол будет накрыт к 2 часам.

Сильного дождя не будет, да и не мешает принять второе крещение вам.

Когда идет почта из Дрездена.

На конверте надо ...его величеству королю саксонскому. — Если узнаете что-нибудь о квартирах — увижу ли вас на днях? —

Адрес. Г-ну А. Шиндлеру № 60 Котгассе.

В наши дни в европейских столицах, где имеются многочисленные опытные оркестры, уже свикшиеся со сложными партитурами последователей Бетховена, такие колоссальные произведения, как 9 симфония и месса, вызывают усиленную, продолжительную подготовку оркестра, хора и солистов; репетиции частные и общие растягиваются на протяжении нескольких недель и даже месяцев. Каково же было автору работать с музыкантами и певцами, совершенно неизвестными с этим новым для них языком звуков, с этими неведомыми приемами и оборотами

новой музыкальной речи в своеобразном и трудном изложении глупого композитора!

«Одна репетиция для указаний технического свойства, другая — для указаний экспрессий», — записывает автор в своем дневнике, покоряясь воле Дюпора и получив разрешение устроить лишь две общие репетиции; но еще задолго до них пришлось испытать много хлопот с организацией хора и оркестра, имея при этом в виду наименьшие расходы.

«Многие музыканты, — пишет Шиндлер в тетради, — играющие на духовых инструментах в театре, заявили об отказе от платы за репетиции; для Бетховена, говорят они, готовы на все. Все охотно готовы участвовать в концерте... Умлауф еще не освоился с партитурой, но хор привык к нему...»

Узнав о намерении автора, ради сокращения расходов, воспользоваться участием любителей, многие члены венского музыкального общества стали осаждать его предложением своих услуг, одни добивались участия в хоре, другие, вооружившись скрипками в магазине Ржехачека, стремились занять места рядом с Шупанцигом. Покончив с составом исполнителей, приступили к частным репетициям, во время которых Бетховену пришлось давать бесчисленное множество указаний и объяснений своих необычайных музыкальных замыслов.

«Значит, совершенно так, как при пении со словами?» — спрашивает Шиндлер в тетради, и автор поясняет ему, что контрабасы должны исполнить речитатив (в *presto* симфонии).

«Для первого раза, — пишет племянник там же, — все шло отлично, басы шли хорошо; когда все разучат, дело пойдет совсем прекрасно».

При репетициях хора, согласно указаниям дирижера, автор сделал несколько исправлений и изменений в партитуре, но когда все восстали против си-бемоль при словах *et vitam*, то композитором овладело упрямство, да и могло ли быть иначе? Бетховен требует от певцов исполнения своего произведения, а какие-нибудь хористы объясняют ему, что си-бемоль (в *Credo* мессы), часто повторяемое, надрывает голоса их!.. Так и осталось по настоящее время это си-бемоль в мессе, соперничая с си чистым и с еще более частыми ля в последней части симфонии. Непокоримый автор остался в уверенности, что хоры покорились воле его, тогда как недосыгаемые для певцов ноты целыми группами превращались в паузы или варьировались *ad libitum*; причем не одно бранное слово раздавалось по адресу его.

Не менее затруднений было с солистами, также принявшими за работу с большим рвением. Узнав о предстоящем концерте, Унгер предложила Шиндлеру свои услуги и взялась пригласить Зонтаг и баса Прейсингера; передавая об этом композитору, Шиндлер замечает, со своей стороны, что Унгер «очень прилежна, но школа ее несовершенна, а Зонтаг, обладая лучшей школой, очень легкомысленно относится ко всему».

В начале 1893 года Шиндлер обращается к композитору в разговорной тетради.

— Когда мы навестим Унгер? Она действительно интересна. Она шлет вам тысячу благодарностей и вскоре лично поблагодарит вас. Что же касается 24-летнего юноши, о котором вы поручили передать ей, она просила сказать вам, что ваше внимание

и похвала дороже для нее, нежели расположение всех 24-летних юношей Вены.

Бетховену, видимо, доставляли высокое наслаждение посещения этих двух необыкновенно красивых обладательниц необыкновенно обширного и чарующего голоса; лишь в период усиленной работы над 9 симфонией и последними квартетами композитор отклонял визиты эти. Чаще являлась к нему Унгер, у которой, к сожалению, украли впоследствии письма к ней Бетховена и которая оставила в разговорной тетради такие строки:

— Благодарю вас за милое, любезное письмо. Буду хранить его, как святыню. К сожалению, совершенно не заслуживаю ваших отзывов...

— Как грустно, не могу дольше остаться в вашем милом обществе. Я едва вырвалась к вам. Будьте здоровы. Вскоре опять явлюсь к вам и привезу прелестную Зонтаг...

— У вас слишком мало веры в себя. Разве поклонение всего света не сделало вас более гордым? Почему вы не хотите верить, что все жаждут выразить вам свое поклонение при исполнении нового произведения? О, упрямец! — Не могла устоять против желания повидать еще раз нашего великого маэстро...

А по уходе ее Шиндлер пишет:

— Что за прелестная девушка! Сколько в ней искренности и огня!

В другой раз Шиндлер замечает:

— Зонтаг будет тоже очень полезна вам, так как девица эта замечательно трудолюбива и очень образована.

— Я пришла не затем, чтобы вкусно поесть, — пишет там же Зонтаг, видимо, застав композитора за обедом, — а с целью познакомиться с вами, о чем я давно мечтала.

Не раз являлись обе поклонницы к великому симфонисту за советами и указаниями; как в святилище, входили они к нему и порою старались спеть глухому автору, охотно проходившему с ними партии, но смутно воспринимавшему звуки голосов их. Обе певицы принадлежали к тому поколению артисток, которые еще не отрелись от старинных приемов примадонн в операх итальянских маэстро, до Россини включительно, когда авторы с легким сердцем следовали установившемуся обычаю и по требованию исполнителей изменяли десятки нот, тактов, пассажей и целых страниц партитуры. Музыкальные идеи Бетховена, в связи с глухотой и отсутствием сноровки в вокальной композиции, создали для знаменитых певиц ряд препятствий, едва преодолимых. Уже в первой части мессы, в *Kyrie*, предстояло певицам выдерживать целые такты и долгие ноты (на слово *Christe*) в темпе *Andante*, что было крайне утомительно.

Напрасно артистки просили, для облегчения исполнения, ускорить здесь темп; в ответ им автор лишь улыбался. Когда же перешли к симфонии и автор вновь проявил свою настойчивость, настроение артисток изменилось.

— Вы — тиран для певцов и певиц, — сказала ему Унгер раздраженно.

— Вы избалованы, — ответил, смеясь, композитор, — итальянской музыкой, поэтому вам это кажется трудно.

— А это? Какие высокие ноты! Нельзя ли изменить? — воскликнула Зонтаг, указывая на мелодию при словах «*den Wurm*», повторяемую на тех же нотах хором.

— А здесь для альты слишком высоко, — прибавила Унгер, указывая другое место в партитуре. Но автор отвечал весело:

— Нет, нет, нельзя изменить!.. Постарайтесь и все преодолете.

— Ну, так давайте страдать во славу Божию! — заключила Зонтаг и отправилась домой работать над творением музыкального тирана.

С мужским персоналом также не обошлось без затруднений; правда, тенор, впоследствии известный Хайдингер, сразу овладел своею партией и был безупречен, но бас Прейзингер не мог взять высокого фа-диез в первом речитативе симфонии, и автору пришлось сделать для него изменение, что не помешало певцу сорваться и провалить свою партию в концерте. Шиндлер, со своей стороны, содействовал уступчивости композитора, уверив его, что ни один бас в Вене не может взять фа-диез; тем не менее автор оставил в партитуре эту ноту, уничтожив вариант, написанный для Прейзингера.

Накануне концерта Шиндлер пишет в разговорной тетради: «За Зонтаг я не боюсь ничуть, она клянется взять все трудные ноты; она решительная, но Унгер не уверена в себе».

Были препятствия также со стороны цензуры: сначала она запретила исполнение церковной музыки в концерте и упоминание мессы, но, по протекции гр. Лихновского, разрешила поставить под названием «гимнов» три части мессы: *Kurie*, *Credo* и *Agnus*, о чем автору также пришлось специально просить одного из цензоров.

Милостивый государь!

Я слышал, что и.-к. цензура находит препятствие к постановке нескольких произведений церковной музыки в вечернем концерте, в театре *An der Wien*; мне остается только признаться вам в том, что я был принужден к этому, что все нужное для этого уже переписано и вызвало значительные расходы и что времени очень мало для сочинения новых пьес. — Во всяком случае, имеется в виду исполнить **только 3** произведения духовной музыки и то под названием гимнов. — Я настоятельно прошу вас м. г. помочь в этом деле, так как и без того в делах подобного рода приходится бороться со многими препятствиями. Если не последует на это разрешения, то могу уверить, что не будет возможности дать концерт и все расходы по переписке окажутся пропавшими. Надеюсь вы еще не забыли меня

преданного вам, милостивый государь,
с почтением Бетховена.

Его высокородию г-ну ф. Сарториусу и.-к. цензору.

Нужно добыть партии партитуры и инструменты для концерта, или, как тогда называли, музыкальной академии; надо поместить анонсы в газетах; несмотря на содействие друзей, композитору самому приходится немало возиться с этой неизбежной, черной работой, обращаться с просьбой к разным лицам.

Директору театра К. Ф. Хенслеру.

Уважаемый друг!

Покорнейше прошу прислать партии написанной для вас увертюры к открытию, я исполню ее в одной из предстоящих академий, так как располагаю большим оркестром и потому ее надо переписать в 2 экземплярах, таким образом и вы получите правильно и чисто переписанные партии вместо ваших скверных, наскоро и неряшливо написанных. Я постоянно слышу о ваших успехах, чему очень рад, хотя вижу вас очень редко.

С глубоким почтением ваш друг Бетховен.

Уважаемый г-н ф. Ржехачек!

Шупанциг обещал мне, что вы любезно одолжите необходимые инструменты для моего концерта. Ввиду этого прошу вас о том же и надеюсь получить согласие на мою убедительную просьбу.

Ваш преданный слуга Бетховен.

К Бейерле, редактору «Венской театральной газеты».

Милостивый государь!

Через несколько дней буду иметь честь заплатить свой долг. Прошу вас поместить в вашей уважаемой газете прилагаемое объявление о моей ак.

Ваш преданнейший слуга Бетховен.

Газеты, каждая на свой лад, известили венцев о концерте 7 мая. «Редактор Театральной Газеты, Бейерле, — пишет Шиндлер в тетради, — поместил статью краткую, но энергичную, вполне достойную вас». Приятель Бернард в своей «Венской газете» также предупредил публику о предстоящем событии; не будучи способен отречься от исконной страсти немцев к титулам и говоря о гениальном компонисте, не носившем звания ни Hof-pianist-a, ни Hof-Kapellmeister-a, Бернарду пришло на мысль титуловать его почетным членом академий Стокгольма и Амстердама, что возмутило композитора, не разделявшего этой жалкой страсти и напоминавшего о своем академическом звании лишь с практической целью, в редких случаях обыденной жизни, но далекого от мысли сочетать свои «лучшие» произведения или исполнение их с какими-либо кличками автора. Приятели, заказавшие афишу концерта, оказали компонисту вторую медвежью услугу, поместив титул «почетного гражданина Вены», что заставило его потребовать и лично просмотреть корректуру афиши второго концерта (23 мая).

Подобный же титул, помещенный в афише другого концертанта летом 1824 года, дал повод рецензенту А. М. Z. напечатать следующее:

«Итак, г. А. П. и Л. ван Бетховен, — оба композиторы, оба почетные граждане! Но какая между ними разница! Небо и земля! Монблан, достигающий облаков своей белоснежной вершиной, и холмик, взрытый кротом; страсбургский собор со своей исполинской башней и ничтожная деревенская колоколенка!»

Та же газета писала в апреле и мае:

«Прошло уже более 30 лет с тех пор, как чудное появление бетховенского гения в области музыки привело в восторг всех отзывчивых и образованных людей. Этот гений создал новую эпоху. Все элементы музыкального произведения — фантазия, задушевность, настроение в мелодии, гармонии и ритме, все выражалось Бетховеном совершенно своеобразно. Конечно, это вызвало появление критиков, не признававших его оригинальности, но напрасно старались они умалить значение маэстро. Бетховен остался победителем. Лишь только вышли из печати некоторые композиции его, как бессмертная слава покрыла его. В наши дни оригинальный талант этот все еще не имеет равного себе. Лишь изредка уклоняется он от великой цели, к которой всегда стремится, но ведь заблуждение свойственно человеку... В концерте будут исполнены увертюра ор. 124, три больших гимна и большая симфония. Слава о Бетховене за последние десять лет распространилась, подобно композициям его, по всем цивилизованным странам, но Вена, кажется, может насчитать наибольшее число поклонников его; к сожалению, он выбрал неудобное время для концерта...»

Но и в это неудобное время публика ломилась в концерт; приехал издалека приятель Бетховена, граф Брунsvик, чтобы послушать «новую и необыкновенную» симфонию его, а потом взять его с собою в Венгрию; к концерту приехала также г-жа Эртман. Для контроля за продажей билетов брат Иоганн посадил в кассу племянника Карла, который сообщал, что дела идут отлично, ложи, свободные от абонементов, разобраны,.. платят по 25 и 50 флоринов,.. 4-й ярус весь продан,.. — перед обедом чуть не дрались в кассе,.. такой-то заплатил вдвое, другой — втрое и т. п. Вечером, в то время, как публика стала стекаться к театру, Шиндлер снаряжал композитора в последний бой с ее равнодушием к нему; в снаряжении этом главным пособником была разговорная тетрадь:

— Мы сейчас возьмем с собою все... Захватим также ваш зеленый фрак, который наденете во время исполнения... В театре темно, никто не заметит, что он зеленый...

— О великий маэстро, — приписывает Бетховен, — ты не в состоянии сшить себе черного фрака!..

— Теперь сойдет и зеленый, а через несколько дней будет голубой и черный... Маэстро, собирайтесь и не спорьте, не то все напутаете... Итак, ведите себя смиренно и во всем слушайтесь нас... Быть по сему...

Многие подробности этого последнего появления Бетховена перед публикою были настолько трогательны, а немецкая публика настолько сентиментальна, что не одна капля слез упала

Генриетта Зонтаг.

на пол Кернтнертор театра 7-го мая 1824 года. Прием был, по словам Шиндлера, лучше царского: композитора вызвали четыре раза, публика кричала «hoch», некоторые друзья плакали от умиления. После этих приветствий он занял место рядом с дирижером Умлауфом. Исполнение было в общем гладко. «Никогда, — в ту же ночь пишет Шиндлер в разговорной тетради, — я не слышал таких неистовых и в то же время искренних аплодисментов, как сегодня. Вторая часть симфонии была совсем заглушена аплодисментами, ее следовало повторить. Когда в партере раздались аплодисменты в пятый раз, то полиция потребовала их прекращения... Двор приветствуют три раза, а Бетховена пять раз».

Другой современник, поэт и музыкант Канне, сообщает, что хор и солисты были мало подготовлены для исполнения такого трудного и серьезного произведения; в переполненном театре не все было слышно отчетливо, тем не менее на всех произвел впечатление величественный стиль мессы, а увертюра и симфония понравились еще более.

«Стыдно, — пишет Шик в разговорной тетради, — поручать исполнение ваших великих произведений таким неучам... Публика была снисходительна лишь из уважения к гениальным произведениям и из любви к вам».

«Когда, — читаем в другом описании этого концерта, — во второй части Scherzo (Molto vivace) раздались звуки валторн (Ritmo di tre batutte), публика пришла в такой восторг, что заглушила оркестр. У исполнителей на глазах были слезы. Умлауф движением руки указал глухому автору волнение публики; он обернулся и совершенно спокойно отвесил поклон».

«Все подавлены, — записывает племянник, — величием ваших произведений. Унгер и Зонтаг обыкновенно встречают рукоплесканиями, но вчера им совсем не хлопали, публика поняла, что в твоём концерте не следует хлопать певцам».

Бетховен, не слыша шума в зрительном зале, уже накидывал на себя плащ за кулисами, когда Унгер подбежала к нему, схватила за руку и вывела на сцену, указывая на публику, махавшую платками и шляпами. На взрыв рукоплесканий Бетховен ответил поклоном и, в сопровождении Шиндлера, отправился домой.

Сбор с концерта составлял 2.200 флоринов, из коих дирекции уплачено 1.000 фл., переписчикам 700 фл. и на мелкие расходы 200 фл., остаток же, т. е. 300 фл., Шиндлер в ту же ночь передал композитору, не ожидавшему столь ничтожной суммы... «Увидев ее, он пошатнулся... Мы поддержали его и положили на софу. До поздней ночи мы оставались с ним; он ничего не требовал, не издал ни одного звука. Наконец, убедившись, что он заснул, мы тихо удалились. Прислуга нашла его на следующий день спящим в том же положении и в том же платье».

«Театр был полон, — писал Шиндлер в 1827 г. Мошелесу, — но абоненты лож не заплатили ни гроша, а двор отсутствовал, хотя Бетховен лично, вместе со мною, пригласил всех членов императорского дома. Все обещали приехать, но никто не явился и не прислал ему платы, как делается обыкновенно с бенефициантами».

Разочарование в сборе с концерта и в благорасположении некоего общества, естественно, вызвало возрождение проектов переселения в Англию; кто-то пишет в тетрадь композитору: «В Лондоне собрали бы в десять раз больше; вчера вы могли убедиться в равнодушии их; пока вы среди них, они вас не оценят: несправедливость, оказанная вам, возмутительна». Шиндлер, зная неустойчивость и непостоянство композитора, пишет там же:

«А обещаете ли вы, в случае поездки, доехать до Лондона и не раздумать на полпути, например, в Праге?»

Племянник и брат, со своей стороны, настаивали на поездке в Кельн и на устройстве там концертов, так как в это время там происходили музыкальные празднества и можно ручаться за сбор в 10.000 фл. Кн. Голицын, узнав о последствиях концерта, также выражает в письме сочувствие свое и советует покинуть Вену, эту столицу музыкального мира.

Артистический успех, как мы видим из рассказов очевидцев, был блестящий; в том же убеждают отзывы прессы.

«Гений Бетховена, — писал Канне, — предстал пред нами в исполински величавых произведениях во всей свежести и оригинальности; его богатая, могучая фантазия свободно парит в подвластной ей сфере звуков» и т. п... «Не могут современники великого маэстро равнодушно относиться к тому, что исполнение его великих произведений не приносит ему выгоды. Ввиду этого следует ожидать повторения концерта».

«Какими словами, — восклицает критик в А. М. Z., — какими выражениями описать читателям впечатление, производимое этими могучими творениями?!.. Несмотря на некоторые недостатки исполнения, впечатление было сильное, прекрасное... Эта минута останется у меня незабвенной... Финал симфонии — *non plus ultra!*. У всех одно желание, одна просьба — скорее повторить эти чудные творения».

«Это было настоящее торжество для многочисленных друзей Бетховена, — писал Зейфрид, не принадлежавший к числу друзей и безусловных поклонников его, в журнале *Sammler*, — величественное и в то же время грустное впечатление произвело появление маэстро среди артистов, исполнявших его великие произведения. Голова его, преждевременно убеленная сединою, и юношеский огонь, мощь его творений, невольно напоминали вулкан, вершина которого покрыта снегом, а внутри бушует вечное пламя... С Бетховеном угаснет не только величайший современный музыкант, но также истинное искусство вообще... Очевидно, все хотели послушать лебединую песню его... С нетерпением ждем второго концерта».

Так приветствовали все газеты первое исполнение 9 симфонии и последнее появление автора ее перед публикою, а в то же время племянник писал в тетради:

«Если бы ты только слышал, что говорят. Куда бы ты ни пришел, все твердят: вот он, вот великий гений!»

— А испытал ли ты, слушая мои произведения, то же, что и другие? — спрашивает дядя, в минуту умиления считающий его способным постичь красоты 9 симфонии.

— Конечно, — отвечает хитрый и дерзкий юноша, — и гораздо глубже.

Но маэстро все же безутешен, и Шиндлер замечает ему:

— Сегодня вы опять в скверном настроении... Прошу быть веселее или я иду... — Если вы будете расспрашивать всех и слушать всех, то ничего путного не выйдет. Прощайте!

Композитор, искавший причину малого сбора в какой-либо случайности, в поздней публикации или в обмане кассира, не забыл проявить свою благодарность друзьям за их хлопоты и пригласил обедать в Пратер, в ресторан «Wilder Mann», Умлауфа и милорда Фальстафа, т. е. Шупанцига. Шиндлер, которому поручено было заказать обед и передать приглашение, пишет в тетради:

«Завтра найдем Милорда и Умлауфа и всеподданнейше доставим туда указ вашего величества», а его величество, читая эти слова, весь кипел негодованием, весь сгорал страстью сорвать на ком-нибудь эту злобу.

— Он появился, — говорит Шиндлер, — в сопровождении племянника, с мрачным лицом, вел себя холодно, говорил колкости. Мы ждали взрыва. И действительно: лишь только мы разместились, он навел разговор на сбор с концерта и прямо выпалил, что его обманули Дюпор и Шиндлер. Присутствующие старались доказать ему, что он заблуждается, что касса находилась в общественном месте и в ней присутствовал свой контролер, а потому нельзя было скрыть поступлений, но Бетховен продолжал настаивать, уверяя, что узнал об этом из верных источников. Я не в силах был дольше переносить оскорбления и поспешил удалиться вместе с Умлауфом, а Шупанциг, выдержав еще несколько залпов по своей объемистой особе, вскоре последовал за нами. Мы отправились обедать в Goldenes Lamm, что в Леопольдштадте, а рассвирепевший маэстро остался изливать свой гнев на кельнеров, на окружающие деревья и, в наказание за свое поведение, принужден был уничтожить, вдвоем с племянником, весь роскошный обед.

Однако, разрыв с другом и негодование Бетховена были непродолжительны. Спустя несколько дней он уже пишет любезное письмо, как бы извиняясь в своем поступке.

К Шиндлеру.

Я вас не обвиняю ни в чем относительно концерта, но неразумие и своеволие испортили кое-что; впрочем, я всегда испытываю по отношению к вам какое-то опасение, точно вы должны принести мне большое несчастье. Закрытая плотина иногда прорывается внезапно; в тот день в Пратере мне показалось, что вы несколько раз сильно задели меня. Вообще за оказываемые мне услуги я лучше постараюсь вознаграждать вас почаще мелкими подарками, но не столом, так как меня слишком раздражает ваша манера при одном виде невеселого лица изрекать приговор: «сегодня опять скверная погода». Ведь при вашей заурядности как же вам постичь незаурядное?! Слово я слишком дорожу своею свободою; постараюсь иногда приглашать вас, но не могу этого делать постоянно, так как это нарушит весь мой строй.

Дюпор согласился на устройство концерта в будущий вторник, но в казенном зале, которым я мог бы воспользоваться завтра вечером, опять нет певцов. Он опять сослался на полицию, а потому пойдите, пожалуйста, с запиской туда и узнайте, не будет ли она иметь чего-нибудь против 2-го раза. Ни за что не хочу даром пользоваться вашими услугами, да и не стану. Что касается дружбы с вами, то это вопрос трудный; своего счастья я вам не доверил бы ни в каком случае, так

как вы легковёрны и своевольны; я уже давно узнал вас с невыгодной стороны, как и другие. Признаться, добросовестность моя не допускает, чтобы я отвечал на ваши услуги только дружбою, а потому охотно готов быть вам полезным.

Б.

Спустя еще несколько дней Дюпор, не забыв энтузиазма публики и всеобщего желания вновь прослушать концерт, предложил композитору 500 фл. гарантии и взялся устроить, несмотря на предсказание Шика о пустом зале, второй такой же концерт 23 мая в зале Редута. В этих новых хлопотах опять главным деятелем был Шиндлер. При его содействии была составлена программа, являвшаяся как бы уступкой модным вкусам публики: из мессы оставлена только одна часть *Kyrie*; оставлены, конечно, симфония и увертюра, а затем поставлены излюбленные бравурные итальянские арии Россини и Меркаданте, ничуть не гармонирующие с остальными номерами. Включен был также терцет *Empi tremate* (вокальное трио ор. 116), исполнявшийся уже в 1814 году, но выданный Дюпором за новинку.

«Пожалуй, — пишет в тетради племянник, — Россини станет с гордостью рассказывать, что ты прибегаешь в своем концерте к помощи его арий». А Шиндлер там же обращается к Бетховену в день концерта:

«Умлауф и Шупанциг просят вас поторопиться, иначе им придется начать без вас. Разве вы не возьмете треуголку... Я буду все время при вас... Ну, да, да, только скорее...»

Был прекрасный воскресный майский день. Толпа, однажды уже удовлетворенная видом старого музыканта в театральном зале, предпочла теперь иные развлечения. Цены на места были невысокие, наприм.: «1 флорин за вход в зал и 2 флорина в галерею», как значится в афише, хранящейся в Берлинской королевской библиотеке; тем не менее зал редута был наполовину пуст. Композитором овладели не разочарование и горе, а гнев и негодование; он шумел, кричал в прихожей, потом на улице, едва удалось племяннику довести его до дома и немного успокоить. Сбор не покрыл даже расходов, и автор не принял бы гарантированного гонорара, если бы друзья не принудили его.

«Кто из присутствовавших в этих двух концертах, — писал Канне после 23 мая, — не был поражен видом маэстро, стоявшего рядом с капельмейстером Умлауфом, следившего за партитурой и вдвойне переживавшего каждую мелочь исполнения... Знаменитый Бетховен может отнести дни эти к самым лучшим в своей жизни, так как энтузиазм слушателей, по окончании каждого номера, достигал наивысшей степени. В произведениях его не только выражается истинный дух искусства во всей красоте своей, но также дух времени, породивший их...» В этой статье Канне знакомит читателей с деталями мессы и симфонии, с каковою целью предварительно навещает автора:

«Позвольте заглянуть в партитуры, — просил он автора в разговорной тетради, — чтобы составить разумную рецензию».

О, какой большой шаг сделало бы искусство, как поднялся бы уровень музыкального развития публики, если бы только хоть половина рецензентов следовала этому разумному приему и основывала свое суждение на предварительном знакомстве с партитурою!..

В то же время, после второго концерта, лейпцигская А. М. Z. писала о 9 симфонии:

«Бетховен создал ее во время отсутствия своего гения; в погоне за внешними комбинациями маэстро сбился с истинного пути; финал — самая слабая часть; впрочем, Бетховен, подобно Генделю, велик даже в своих заблуждениях».

На протяжении почти ста лет и в наши дни отзывы критики о 9 симфонии так же противоречивы, как и в год появления ее; в пределах немецких стран редко раздаются дерзкие голоса специалистов, не признающих ее первенствующего положения в ряду творений Бетховена и во всей симфонической музыке; при всей интенсивности чувства справедливости, отличающей немца от культурных соседей, он тем не менее настолько фанатичен в отношении к своему искусству, что готов ломать копыя в защиту таких творений, в безупречности коих сам не питает веры.

Во Франции галантным апологетом «симфонии с хором» был Гуно, поместивший в своих «Мемуарах» десятки мало убедительных комплиментов. «Прослушав, — говорит он, — впервые 6 и 9 симфонии Бетховена под управлением Хабенека, моя склонность к музыке обратилась в какое-то напряженное стремление; помню, что, рисуя себе гордый, смелый образ этого гиганта-гения, единственного в своем роде, оба эти произведения вызвали во мне инстинктивное сознание общности их во многих отношениях с «Дон-Жуаном» Моцарта; что-то подсказывало мне, что эти два великих гения, столь несходных между собою, имели общую отчизну и верили в один догмат».

Современник автора «Фауста», основатель симфонических Concerts d'Harcourt в Париже и один из лучших французских дирижеров, не разделяет этого восторга и резко осуждает — *horribile distu* — «симфоническое попури», не находя в нем единства, внутренней связи частей. А *propos*, другой не менее известный парижский дирижер, Ламуре, вздумал исполнить в 1889 г. эту симфонию, заменив везде слово радость словом свобода, но упреки прессы заставили его восстановить текст Шиллера-Бетховена; иные французские celebrities (Берлиоз, Фетис и др.), сообразуясь с музыкальным развитием парижан и в угоду им, пошли еще дальше, переделывая и исправляя не текст, а композицию, не только девятую, но и многие другие симфонии Бетховена.

Среди сотен разноречивых отзывов критики, подобных вышеприведенным, большой публике нелегко разобраться, ибо крайне сложная конструкция этого произведения, даже в образцовом исполнении, лишает ее возможности ориентироваться и относиться сознательно к приговорам специалистов.

Из всех симфоний Бетховена девятая — наиболее трудна для исполнения: требуется терпеливое и продолжительное изучение ее под опытным руководством, необходимо значительное количество певцов, так как хор во многих местах должен покрывать оркестр, а между тем неудобное местами расположение текста и чрезвычайная высота некоторых хоровых партий значительно уменьшают силу и длительность звуков голоса и тем затрудняют пение. В Германии, где многочисленны поклонники Девятой и где корректность музыкантов побеждает технические трудности партитуры, симфония эта ежегодно украшает программы кон-

церов, а в Берлине ее можно слушать по 3 и даже по 5 раз в сезоне, при разном составе исполнителей и под управлением разных дирижеров; в других странах ставится она реже, а в России еще недавно постановка ее в столицах была целым событием, сопровождалась продолжительными приготовлениями и многолетними паузами.

Незадолго до первого исполнения 9 симфонии, весной 1824 года, «великий в своих заблуждениях» композитор стал героем дня, вошел в моду, привлек к себе всеобщее внимание, поскольку внимание это не было связано с денежными расходами; не только пресса была занята личностью и произведениями маэстро, но также публика особенно интересовалась им, а группа любителей и ценителей поднесла ему адрес, приятно поразивший композитора.

Лестному адресу венских поклонников предшествовала обширная статья в местной газете, восторженно отзывавшаяся о Бетховене: «Он принадлежит, — говорилось в статье, — к тем лицам, которые лучами славы своей озаряют не только Вену и Германию, но всю Европу и все наше столетие. Глубина и своеобразность его гениальных произведений обеспечивают ему, несмотря на модную легкую итальянскую музыку и современных шарлатанов, поклонение всякого истинного ценителя божественного искусства... Поздняя ночь и раннее утро застают его за работой; презирая все показное, он в искусстве и в жизни ищет лишь истины; он враг притворства и не поддерживает знакомства с теми, кто действует наперекор его высоким понятиям о чести и искренности... Стремления его направлены всегда к возвышенному и захватывают все силы души его. Это один из тех редких в наши дни людей, которые не только сами не способны причинить зла, но не терпят также чужой несправедливости. К женщинам он относится с уважением, полным ласковой предупредительности; к друзьям он добр, в чем не раз, вероятно, приходилось убеждаться каждому из них... Будучи страстным поклонником природы, он летом, до восхода солнца, уже бродил по полям и лугам; понятно, что творения его так же прекрасны, как Божий мир... Почти ежедневно получает он со всех концов Европы и даже из далекой Америки любезные послания поклонников его таланта... Однажды он обедал в ресторане и лишь только слуга случайно назвал его по имени, как английский капитан, сидевший за соседним столом, вскочил, подошел и представился ему, выразив удовольствие видеть маэстро, божественные симфонии которого он слушал с восторгом в Ост-Индии. Искренний восторг британца очень обрадовал композитора, но посетителей он вообще не любит, так как слишком дорожит временем. Кроме искусства он всей душой предан также племяннику своему Карлу и вполне заменяет ему отца... Достоинно удивления нежнейшее рiано, исполняемое им в своих импровизациях, несмотря на потерю им того чувства, которое он очаровывает в слушателях. От императорского двора он получает пенсию, и хотя она далеко не покрывает всех расходов его, тем не менее еще во времена первой империи он отверг выгодные предложения французов...»

Эта статья, несколько рекламного свойства, не гармонирующего с характером великого симфониста, написана, видимо, при

участии друзей, разделявших с ним горечь забвения многих лучших произведений его. В то время, как композитор обращается к графу Брюлю с просьбой об устройстве концерта в его пользу, а Шупанциг открывает серию квартетных собраний с программю, состоявшею преимущественно из сочинений Бетховена, имя и личность последнего вновь привлекают к себе внимание публики, и адрес от поклонников, большинство которых нам уже знакомо, является апофеозом к этим «бетховенским дням» и вместе с тем как бы протестом против намерения Бетховена покинуть Вену.

«Не лишайте долее нас, — гласит адрес, — возможности услышать новые гениальные произведения вашей музыки, удовлетворите наконец нашу потребность в наслаждении высшими проявлениями искусства. Мы знаем, что вами написано новое произведение церковной музыки, где вы выразили идеи, навеянные вашей глубокой религиозностью; божественное пламя, согревающее дух ваш, озаряет его и сияет в нем. Мы знаем, что в венек симфоний ваших вполетел еще один бессмертный цветок. Долгие годы, с тех пор, как стих гром сражения при Виттории, мы ждем и надеемся. Откройте сокровища вашего вдохновения и, как в былые времена, дайте нам насладиться ими. Не злоупотребляйте долее ожиданием публики. Сделайте их еще более ценными своим личным исполнением. Эти детища музыки вашей не должны быть оторваны от отчизны их, чтобы впервые появиться пред иностранцами, которые не поймут ваших возвышенных идей и не способны оценить их. Придите к нам в ореоле славы вашей; возрадуйте ваших друзей, ваших ревностных и преданных поклонников... Из многочисленных поклонников ваших, живущих в Вене, к вам обращается здесь лишь небольшая группа поклонников и прозелитов, выражая давно таившиеся желанья и просьбы... Можем уверить, просьбы и желанья наши разделяются всеми, кто умеет ценить божественное искусство... Мы выражаем преимущественно стремления соотечественников наших, ибо Австрия имеет право считать вас своим, хотя имя ваше принадлежит всему миру... В Австрии жива еще любовь к бессмертным творениям Моцарта и Гайдна, Австрия горда сознанием, что все три музыкальных гения сияли в недрах ее... Не оставьте без внимания просьбы нашей... Возвратите нам скорее былые дни, когда музыка вселилась потрясала и наполняла восторгом сердца знатоков и толпы... Надеемся, что наступающий год принесет нам давно желанные плоды, и предстоящею весною мы узрим двойной расцвет в природе и в искусстве...» В этом многоречивом адресе, испещренном патетическими призывами, немало места отведено патриотическому восхвалению немецкого искусства, которое «страдает от зловредного влияния иностранцев» и должно быть возрождено Бетховеном во всем величии своем. Под адресом подписались: Кн. К. Лихновский, гр. Штокхаммер, гр. Пальфи, гр. Чернин, гр. Фрис, гр. Дитрихштейн, Артариа, Хаушка, Лейдесдорф, Штрейхер, аббат Штадлер, Швейгер, Мозель, К. Черни, Цмескаль, Кизеветтер, Зонлейтнер, Диабелли, Каstellи, Кюфнер и мн. др. Двум из подписавших лиц было поручено явиться к Бетховену в послеобеденное время, когда он охотнее принимал посетителей, и вручить ему адрес, но, узнав об этом, композитор пожелал предварительно познакомиться с содержанием адреса.

«Я застал его, — говорит Шиндлер, — с адресом в руках; он передал мне его. По всему было видно, что впечатление было сильно. Пока я перечитывал адрес, он подошел к окну и глядел в небо. Я кончил чтение и ждал услышать его мнение. Наконец, он обернулся и сказал:

— Это благородно и знаменательно... Я тронут до глубины сердца. — Затем взял меня под руку и отправился в отдаленную прогулку, взволнованный, молчаливый, но, видимо, уже решивший не покидать Вены.

В эти «бетховенские дни», в начале 1824 года, произведения его вновь появляются часто на афишах симфонических концертов; Пасторальная симфония, части обеих его месс, увертюры к «Кориолану», «Эгмонту», отрывки из оратории «Христос на Масличной горе» и др. украшали афиши 1, 4 и 8 апреля. Камерные произведения его, конечно, имели более продолжительный успех, но интерес к вокальным стал быстро ослабевать, и осенью того же года лишь в Concert spirituel Гебауера было исполнено трио из «Фиделио», для участия в котором автор пригласил знакомого нам по первой постановке оперы, Себастьяна Майера, свояка Моцарта.

Любезный Майер.

Я тебя очень, очень прошу спеть один единственный терцет из моей оперы — надеюсь — ты не откажешь мне в этой любезности — я нездоров, не то сам пришел бы попросить тебя — в субботу в 11 часов утра репетиция — в воскресенье в 12 концерт.

Как всегда, твой друг Бетховен.

Баден, 23 сентября 1824 г.

ГЛАВА XVIII

1824 — 1825

Лето в Пенцинге и Бадене. — Новые приятели: К. Хольц и Кастелли. — Настроение. — Воспоминания Рельштаба. — Переезд на дачу в Баден и болезнь. — Поиски текста для оратории. — Создание последних квартетов и первое исполнение их.

Двери Кернтнертор-театра вновь открылись для Барбайа, Россини и Дюпора; публика, жаждала только итальянских мелодий, упоительного *bel canto*. «Уже более года, — писала *Allg. Mus.-Zeit.*, — на нашем музыкальном горизонте не появляется ничего выдающегося; издатели заняты лишь печатанием опер Россини, немецкая муза забыта. Куда мы идем?» Быстро пронеслась шумиха «бетховенских дней», сменившись гнетом равнодушия толпы, не облегчив ни материального положения, ни нравственных страданий композитора.

А в портфеле его лежали еще не изданные торжественная месса и 9 симфония! И никто не заботился открыть им доступ на эстраду, облегчить мучения забытого композитора, ближе познакомить публику с тем, что автор считал наиболее совершенным из всего, созданного им.

Вон отсюда, вон! Бежать, перенестись туда, где еще не зажимают ушей при его имени, где еще ценят его. Лондон ждет его, граф Брюль в Берлине готов помочь ему. Надо списаться, выработать условия и пуститься в путь, но надо сначала написать новую, обещанную лондонской филармонии симфонию.

В 1824 году композитор создает мысленно свою 10 симфонию, нечто необыкновенное, должествовавшее связать и согласовать идеалы современного мира с античным; приятели композитора рассказывают, что, посетив его весной 1825 г., заметили на рояле множество эскизов, по которым автор сыграл тут же для них всю 10 симфонию; «минувшую зиму, — говорит Хольц, — он усиленно работал, иногда, подобно Шиллеру и Моцарту, прибегая к возбуждению нервов вином». Продолжительная ночная работа вызывает замечание Шиндлера:

«Дорогой маэстро, подумайте о будущем. Что будет с вами, если не прекратите ночной работы? Ведь этого прежде не бывало!» Но все прежние свои работы он считает лишь прелюдией к этому замыслу; мистицизм, видимо, овладевает им, стремление создать нечто аналогичное второй части «Фауста» Гете преследует его. Попутно он не отказывается от мысли писать оперу и, вероятно, на письмо его, Дюпор отвечает 24 апреля 1824 г.:

«Барбайа просит передать вам, что ему будет очень лестно получить новую оперу вашего сочинения, и что он ответит вам относительно срока и гонорара, лишь только выяснится участь его антрепризы с 1 декабря 1824 г.»

Осеню же брат Иоганн вписывает в разговорную тетрадь:

«Дюпор шлет поклон и просит безотлагательно заняться оперою, так как театр остался за ним; он прибавил, что сюжет Мелузины вполне подходящий».

В имении своем, в Гнейксендорфе, Иоганн имел дом в пять комнат, больших, высоких, хорошо обставленных; вокруг расстилалась живописная местность с минеральным источником, с купальней. Туда-то зазывал он в 1824 году брата, уверяя его, что жена будет вести себя скромно, заниматься лишь хозяйством, чинить белье, штопать носки; но композитор предпочел близости противной невестки домик под № 43 в предместье Пенцинг, нанятый за 180 фл. на все лето и соблазвивший его своею уединенностью, необходимой для усиленной работы над начатыми квартетами и для интимных бесед с племянником — студентом второго семестра. Но лишь только переехал он сюда, как публика, недавно начитавшаяся панегириков великому Бетховену в газетах, поместивших даже портреты его, стала осаждать композитора с гораздо большим рвением, нежели в мае, в дни двух его концертов.

«Каждый извозчик, — рассказывает Мальфати-Роренбах, — знал его; встречные почтительно сторонились, когда он гулял с записной книжкой и карандашом, с высоко поднятой головой, или в часы беспечных блужданий, с лорнеткой в руке. За мостом через речку, пробегавшую под окнами его, прохожие останавливались и назойливо заглядывали в комнаты...» Это любопытство заставило композитора, вместо целого лета, провести здесь лишь шесть недель и перевезти все свои пожитки, включительно с роялем Бредвуда, в Баден.

«В последние годы жизни Бетховена, — рассказывает Браун Браунталь, — не раз встречал я его в зимние вечера в одном маленьком ресторане... Он был среднего роста, очень плотного сложения; грива седых волос напоминала львиную голову. Он входил неуверенной поступью, точно во сне, обводил всех проницательным взглядом своих умных глаз. Затем садился за стакан пива, курил длинную трубку и закрывал глаза. Если кто-нибудь из знакомых заговаривал с ним или, вернее, кричал над его ухом, то он открывал глаза, как испуганный орел, грустно улыбался и подавал тетрадь с карандашом. Иногда он вынимал из бокового кармана более толстую тетрадь и писал что-то с полузакрытыми глазами... «Он сочиняет», — сказал мне однажды, указывая на него, знаменитый Шуберт.

Композитора часто сопровождал молодой человек, новый приятель, после некоторых стараний добившийся доверия и даже дружественного отношения композитора; то был Карл Хольц, чиновник казначейства с 50 фл. жалованья в месяц. В разговорной тетради он дал о себе несколько сведений:

«Работаю там, собственно, 1 час, остальное время сижу без дела, но должен находиться там... Милейший! приглашаю себя к вам послезавтра, это день моего рождения, мне минет 27 лет...» Шиндлер, недолюбливавший его, рассказывает, что это

был самый просвещенный из приятелей композитора, человек с классическим образованием; его быстрое и четкое письмо способствовало удобному ведению беседы. Наделенный быстрой сообразительностью и острым умом, он представлял собою типичного венца со всеми достоинствами его и недостатками. Самоуверенный, ничем не стесняющийся, радушный, всегда веселый и услужливый, — он был желанным посетителем старого и глухого мизантропа, называвшего его Мефистофелем; он вносил оживление и разнообразие в жизнь композитора, он был даже посвящен во все музыкальные замыслы его, чем вызывал зависть и досаду некоторых других приятелей, служивших нередко жертвою его остроумия. Ухаживание Хольца вызывало в Бетховене еще более раздражения, недоверия и ребяческих капризов; он превращался в какого-то султана. Этот друг — Ttinkulo имел такое влияние на Бетховена, что тот стал изменять даже своим старым привычкам, стал ходить с ним в совершенно незнакомые ему общественные места, в трактиры, пивные, в музыкальные магазины, которым покровительствовал Хольц... Молодой человек старался показать всем, что столь недоступный для всех маэстро покоряется его воле, и он, действительно, имел над ним невероятную власть.

Племянник Карл пишет о нем в тетради: «Ты приглашаешь Хольца к обеду 365 раз в году, а если не зовешь, то он сам напрашивается... Он не разборчив в одежде, а в особенности в еде и питье... Его насмешки очень язвительны... Он напоминает собаку; в исключительных случаях, в порыве восторга, можно таким образом выражать свое поклонение, но у него это — подлизывание. Здесь он очень развязан, потому что в другом месте, вероятно, ему приходится быть скромнее».

Там же Шиндлер дает такую характеристику нового приятеля: «Разные проделки Хольца огорчают меня, а потому я прихожу сюда так редко. Здесь творятся вещи недостойные вас, а сожалеете вы о них слишком поздно... К чему вам мои советы... Болтовня Хольца... Все это отталкивает Карла и вашего брата... Такого же мнения Брейнинг и Бернгард... Им бывает стыдно после посещения вашего дома». Шупанциг также дает несколько штрихов: «Не могу похвалить нравственности Хольца, я достаточно опытен и знаю проделки таких молодых людей, их ожидают всяческие неприятности». Там же однажды Канне задает вопрос: «Где же Хольц, твой истинный поклонник?»

И этот ловкий дилетант, будущий руководитель «Духовными концертами» (преемник Гебауера), сумел стать не только постоянным спутником великого композитора, не только охранял его кассу, не только покупал ему посуду и исполнял множество поручений беспомощного старика, но своими взглядами на искусство, своим отношением к творчеству Бетховена сумел вызвать доверие в той области, куда допускались лишь прежние самофракийцы, феаки и ближайшие друзья.

В разговорной тетради Хольц оставил, между прочим, такие строки:

«Чистейшее из искусств — музыка... Боюсь жениться, ибо буду тогда недостойным жрецом искусства и не могу служить ему так, как теперь... А ведь только музыка украшает жизнь мою и заключает в себе нечто наиболее ценное... Я не льстец, но

уверяю вас, что музыка Бетховена вызывает во мне привязанность к жизни... Штадлер! Грильпарцер говорит, что он умеет лишь ездить верхом на нотах... Мозель — надворный советник комедии и трагедии!.. Дураки!.. Такими лбами можно пробить крепостные ворота... Правда ли, что вы хотели издать мессу в фортепианном переложении какого-то Г. Лахнера? у Хуммеля мало оригинальности, больше изящества, чем истинного искусства... И он не совсем чист... Покойный скрипач Шлезингер совершенно верно говорил: Шпор и Феска только умеют пить пиво, в голове у них никаких идей... Рис снизошел до того, что переложил вариации Майзедера для фортепиано... Жаль, у него большой талант и больше понимания, чем у трех Шпоров... Рис больше портит, чем делает дело... Спонтини сидит дома за стеклянную дверь, увешанный всеми орденами, перед ним лежат золотые перья и самая лучшая бумага, он обмакивает перо в чернила и — кладет на стол, ничто на ум не приходит. Фр. Шуберт обладает замечательной способностью схватывать дух песни. Вы знаете его «Лесного царя»? Он всегда был мистиком... Перед отъездом К. Вебера мы играли у Кастелли, в честь его, ваш первый квартет в Es-dur; *adagio* показалось ему слишком длинным, он его совсем не понял. Видно, насколько он знаком с музыкой: он слышал его в первый раз... Я сказал: у Бетховена больше чувства и фантазии, чем у вас всех, здесь находящихся и не находящихся. С тех пор и Линке не терпит его; мы не можем простить ему этого... В сочинениях Моцарта я не вижу того чувства и той страсти, которые музыка способна выразить в совершенстве. Моцарт, кажется, согласился бы положить на музыку также статьи из «Венской газеты». Он гениален, но ничтожен как художник. Он никогда не мог достичь величия Генделя... Хорошо ли играл Моцарт... Впрочем, искусство было тогда в пленках... Главный недостаток Моцарта — отсутствие определенного характера в оркестровых произведениях; я не нахожу в них определенного душевного настроения, как в ваших композициях... Ваши произведения имеют всегда один определенный, исключительный характер: поэт мог бы написать к каждому из них только по одному стихотворению, тогда как к произведению Моцарта он мог бы написать аналогичных 3 — 4... Я никому не уступил бы права переписать квартет (ор. 131); вдумываясь в него спокойно, я открываю новые, неведомые миры... Это та же самая оратория Бернарда?.. Мне более нравится идея Куфнера: Пожар Москвы... Гете должен был бы доставить текст... Реквием должен быть написан так, чтобы вызвать самого дьявола из ада... Не собираетесь ли написать квинтет?.. Но человек должен работать для славы, для потомства... В субботу я был у Карла с вашей запиской, это было вечером и я узнал от прислуги, что Карл ушел рано утром и даже не возвращался к обеду. Хочу с ним сблизиться, расположить его к себе; быть может, тогда мне удастся познакомиться с его образом жизни и предостеречь его от дурного... Кажется, он не пьет. Приглашу его как-нибудь играть в бильярд, чтобы посмотреть: давно ли он уже играет и ловок ли в этом искусстве... Жадность к деньгам он, кажется, наследовал от отца. Это тоже зависит от степени образованности».

Добродушный юморист-литератор Кастелли, часто бывавший в обществе Бетховена и приятелей его, говорит в своих воспоминаниях: «Великий Бетховен всегда охотно встречался со мною. Бывало, как только увидит меня, спрашивает:

— О каких чудовищных глупостях поведаете нам сегодня?»

Я передавал ему модные остроты, анекдоты, и он хохотал тем больше, чем они были грубее... Когда появилась в печати моя книжка с 1000 поговорок, то я показал их Бетховену; каждая из них заключалась в двух, немногие — в четырех строках, они ему очень понравились, и он нашел, что они вполне подходят для канонов. Поэтому я велел переплести один экземпляр с приложением страниц нотной бумагой и подарил Бетховену. Вскоре затем он сообщил мне, что уже вписал туда несколько канонов. По смерти его, к великому огорчению, я не нашел этой книжки, которую мечтал хранить как реликвию».

Дом Бетховена в Бадене.

Появление новых друзей не устранило старых, с которыми композитор продолжает поддерживать частые сношения и переписку, причем почти каждая записка содержит в себе шутку, остроту или игру слов (linke — левый).

К виолончелисту Линке.

Дорогой мой левый и правый!

Я много слышал о г-не ф. Боклете, а потому думаю, что самое лучшее было бы просить его оказать вам любезность и играть трио в вашем концерте. Я не знаком с ним, не то обратился бы для вас к г-ну ф. В. Будьте уверены в моем постоянном желании быть вам полезным.

Ваш друг Бетховен.

К Шиндлеру.

Ждал до половины 2-го, но так как *caput confusum* не пришел, а я ничего не знаю о предстоящем, да и Карл отправится из университета в Пратер, то я должен уйти, чтобы Карл успел покушать; ему нужно уйти раньше. Меня можно найти в «Дикаре».

К г-ну Шиндлеру, Мэренской башке.

Просим просмотренную копию вместе с оригиналом, каковые сегодня посылаются в Петербург. — Прошу вас очень узнать, когда теперь приемные часы у Сметаны, здесь ли он? Мой желудок все еще плох. Дайте знать, придете ли сегодня к обеду?

Vale B.

Так как сегодня в пятницу моя записка не застала вас, то жду вас завтра, но наверное к обеду, так как мне негде с вами поговорить. Можете прийти раньше и наслаждаться чистым воздухом; он вам полезен.

Второпях Бетховен.

В дневнике Бетховена за 1824 и 1825 гг. встречаются заметки, указывающие на тот круг идей, который отчасти знаком нам и продолжал служить ему предметом размышлений и проектов; только что поставленная тогда в Вене последняя оратория Генделя «Iephtha» (Иевфай) усиливает в нем поклонение автору, подражание ему, увлечение формами церковной музыки, наконец, склонность к размышлению о религии и философии; тут же встречаем опять намек на стремление писать оперу и ораторию, на планы о поездке, на мечты обеспечить племянника наследством брата Иоганна. Все это набросано в бессвязных фразах:

«Поговорить с Канне относительно оратории... В южную Францию! Туда, туда! Другой слуховой прибор. *Christus natus est + canons...* Голицыну мессу и симфонию; также квартет в Париж... 4000 фр. за большую оперу в Париж... Если удастся увеличить, то твое состояние обеспечено... Переводы Цицерона, Горация, пира Ксенофонта, бесед Сократа, Аристофана, Еврипида, Иона... История христианства гр. ф. Штольберг... На чужбине ты станешь общительнее, любезнее; там ты помиришься с людьми... Постоянно работая, ты достигнешь там того, чего не даст Вена... Соломенную шляпу... Серебряные перья для путешествующих Plankengasse № 106. Пишут 5 часов без новых чернил, каковые можно иметь там же. Цена 5 фл. к. м...»

В разговорной же тетради того времени вписано рукою племянника:

«Все справляются об опере; говорят, что Бетховен должен написать Дюпору... Издан указ, запрещающий издателям печатать произведение Бетховена без письменного разрешения последнего... Шупанциг сказал дяде, что только он один понимает квартеты... Он просит о квартете, так как объявил о нем и все осаждают его по этому случаю... У тетки новые любовные похождения... Почти все концерты начинаются твоей увертюрой... Говорят, Шиллер тоже пил вино, когда сочинял... Христос восторжествовал над язычеством».

Рукою Иоганна: «Милорд придет переговорить о концерте... Пошли исполнить на рейнских торжествах мессу — на второй день, а в первый день — симфонию и Христа... Твой квартет (ор. 127) так понравился, что публика потребовала повторения менуэта... Постарайся купить себе дом, как сделали Гайдн и Сальери... Купи себе новую шляпу. Все смеются над твоей старой шляпой...»

Рукою Шупанцига: «Ну, как с квартетом?.. Не обращайтесь на них внимания... Это ослы... Над ними все смеются...»

Весною 1825 года известный романист, драматург и музыкальный критик, Людвиг Рельштаб (1709 — 1860), приехал из Берлина в Вену с рекомендательным письмом от Цельтера к Бетховену и с либретто своего сочинения для оперы, к созданию которой надеялся склонить композитора.

«Сердце сильно билось во мне, — рассказывает он, — когда я отправился к Бетховену, в Кругерштрассе, и подал ему письмо. Приходилось мне бывать у Гете и у Жан Поля, но ничего подобного не испытывал я тогда... Не стану описывать беспорядка, царившего в обстановке. Взор мой прежде всего упал на него. Он сидел в небрежной позе на неоправленной постели... Одной рукой он держал письмо Цельтера, другую ласково протягивал мне с выражением такой доброты и такого страдания, что я смело подошел к нему и горячо выразил ему свою преданность, свое поклонение. Он встал, пожал ее сердечно, по-немецки, и сказал:

— Вы привезли мне добрые вести от Цельтера. Он — достойный покровитель искусства... Я был нездоров, даже очень болен. Вам трудно со мною разговаривать, так как я плохо слышу...

Я сидел около больного страдальца, погруженного в думы. Почти совсем седые волосы в беспорядке покрывали голову его... Выражение лица не имело той суровости и бурной необузданности, которую приписывали ему, желая согласовать внешность его с характером композиций... Цвет лица был темный, желтоватый, нездоровый; нос узкий, острый, рот красиво очерченный, глаза маленькие, светло-серые, выразительные. На лице этом были следы горя, страданий, доброты, но ни разу не промелькнуло на нем выражение суровое или настроение смелого гениального полета его фантазии! Тем не менее он ничуть не утратил таинственной привлекательной силы, которая кроется в чертах великих людей. Печать тяжелых страданий не была следствием временного нездоровья, так как много недель спустя, когда маэстро чувствовал себя лучше, выражение лица оставалось таким же...

Я предложил ему несколько сюжетов для оперы, но, видимо, все они не удовлетворили его; я предложил образцы моих стихотворений и показал их ему... Бетховен ласково и откровенно, ссылаясь на свое нездоровье и слабость, пригласил меня зайти к нему в другой раз... Спустя несколько дней я вновь отправился навестить композитора, но он был болен и не принял меня... Спустя еще две недели, 3 мая 1825 года, я побывал у него.

— Зимой я теперь мало работаю, — сказал он мне в беседе, — я только переписываю партитуры, написанные летом.

— На прошлой неделе я познакомился с вашим братом.

— Ах, мой брат, — недовольным и печальным тоном ответил он, — он много болтает и, вероятно, надоел вам.

— Недавно я слушал ваш квартет (ор. 127), но, хотя исполнение было вполне добросовестное, и я был потрясен до глубины души, тем не менее, признаюсь, многого в нем не понял.

Бетховен прочел эти последние строки и молча глядел на меня с искрой радости в потухшем взоре. Он встал, подошел к окну, около которого стоял рояль... Через несколько минут он повернулся ко мне и, видя, что я люблюсь роялем, сказал:

— Чудный инструмент. Я получил его в подарок из Лондона. Прекрасный тон...

С этими словами, продолжая глядеть на меня, он взял аккорд, но какой аккорд! Правой рукой он несколько раз ударил до, ми, соль, а левой — си... Величайший в мире музыкант не слышал диссонанса!»

Перед выездом из Вены Рельштаб получил от композитора записку с напутствием:

К Людвигу Рельштабу.

Ввиду переезда на дачу мне пришлось самому заняться некоторыми делами, а потому ваше посещение к сожалению оказалось неудачным. Простите больному другу; так как может быть я вас больше не увижу, то шлю пожелания всякого успеха. Вспоминайте обо мне в ваших поэтических вдохновениях.

Ваш друг Бетховен.

Цельтеру, Смелому защитнику истинного искусства, всякого добра и благополучия!

3 мая 1825 года.

Я поправляюсь, но еще очень слаб. Довольствуйтесь пока этими знаками воспоминания о вашем друге Бетховене.

На дачу переехал композитор 6 мая 1825 года, но ни прогулки по лесам, ни аромат полевых цветов, ни тишина баденской жизни не произвели на него теперь ободряющего действия, как в прежние годы; страдания в брюшной полости, закончившиеся спустя два года воспалением кишок, все более тревожили и мучили его, вызывая упреки и недовольство доктором Штауденхеймом; еще в апреле он обратился к новому врачу, доктору Браунхоферу, и в точности исполнял требования его: не пить кофе, избегать праностей и продолжать строгую диету.

Доктору Браунхоферу.

Вена, 18 апреля 1825 г.

Уважаемый друг.

Чувствую себя плохо и надеюсь, что не откажете в вашей помощи, испытываю ужасные боли, не можете ли сегодня же навестить меня, очень прошу об этом.

С неослабной благодарностью и глубоким почтением ваш Бетховен.

Через три дня по приезде на дачу он приглашает доктора Браунхофера. Спустя несколько дней новый врач навестил его. Они отправились вместе на прогулку в Елененталь и здесь, на берегу ручья, произошла между ними письменная беседа, спустя два дня пересланная доктору в виде письма, вероятно, в память прогулки; в письме этом упоминаются две противоположные системы лечения, распространенные тогда в Европе и введенные знаменитыми врачами Джоном Броуном (1735 — 1788), обогатившим патологию теорию возбуждения (бронанизм), и Максом Штоллем (1742 — 1787), известным в патологической анатомии своими исследованиями чахотки и лихорадки.

К проф. др. Браунхоферу.

Баден, 13 мая 1825 г.

Уважаемый друг!

Д-р: Как поживаете, пациент?

Пац.: Плохо в этой шкуре, — все еще очень слаб, отрыжка и т. д. Я думаю, что, наконец, необходимы более сильные медикаменты, лишь бы не вызывали запоров; — следовало бы пить белое вино с водой, так как затхлое пиво мне только противно. — Мое катаральное состояние выражается здесь следующим образом, именно: я выплевываю довольно много крови, вероятно, только из горла; из носа идет чаще, что часто бывало и прошлой зимой. Нет сомнения, что мой желудок ужасно ослаб, да и вообще весь я. Но силы мои, насколько я знаю свою натуру, вряд ли могут восстановиться сами собою.

Д-р: Я помогу быть то бровианцем, то штолианцем.

Пац.: Мне хотелось бы набраться немного сил, чтобы опять засесть за свой письменный стол. Подумайте-ка!

Finis.

Как только приеду в город, повидаясь с вами, скажите только Карлу, когда могу вас видеть. Не можете ли также передать через Карла мой дальнейший режим (последнее лекарство я принял только раз и потерял его).

С глубоким почтением и благодарностью ваш друг Бетховен.

Его благородию

г-ну ф. Браунхоферу, профессору медицины etc.

Через несколько дней доктор вновь выслушивает настойчивые уверения пациента в том, что только вино может подкрепить силы его.

— Ваши нервы слишком возбуждены, — возражает врач, — организм ваш не выдержит спиртных напитков и погибнет.

Недоверие к врачу овладевает им, он начинает манкировать предписаниями доктора, называет его глупцом, комедиантом и все чаще теряет его рецепты.

Уже в день переезда в Баден композитор пишет брату, находившемуся в Вене, об очистке квартиры, так как была к осени намечена новая и последняя, в Scharzpaniergasse; дело идет преимущественно о снятии и переносе звонковой проводки и о повреждениях, за которые домохозяин требовал особой платы.

К брату Иоганну.

Баден, 6 мая 1825 г.

Ни за что не оставлять звонка, проводки и т. п. в прежней квартире; этим людям не было поручено лишать меня чего-либо. Когда я был там, слесарь не пришел, чтобы снять звонок, а болезнь помешала мне послать сейчас же отсюда в город. Можно его снять, так как никто не имеет права присвоить его. — Что бы там ни было, я ни в коем случае не оставлю там звонка. Мне здесь так нужен звонок и я воспользуюсь этим, потому что здесь обойдется вдвое дороже, чем в Вене. Дороже всего ценят слесаря проводку. — Если надо сейчас же в и.-к. полицию. Окно в моей комнате было точно в таком же состоянии, как при найме, но все же можно заплатить за него и за кухонное, за оба 2 фл. 12 кр. За ключ не заплачу, так как мы его не нашли, когда мы переехали, то дверь была заделана или заколочена и так оставалась до того, как я уехал. Ключа никогда не было, так как ни тот, кто жил до нас, ни мы, конечно, в нем не нуждались. Если нужно устроить подписку, то готов служить своим кошельком.

Людвиг ван Бетховен.

По возвращении в имение свое брат Иоганн вновь приглашает композитора к себе и вновь последний отклоняет приглашение.

Уважаемый братец!

Так как ты столь удачно раздобыл книгу, то прошу тебя доставить ее сюда владельцу. Опять прелестная история! — Ты хочешь, чтобы я посетил тебя; об этом уже давно высказался, — прошу тебя не возобновлять этого разговора, потому что мое решение непоколебимо. Избавь меня от подробностей об этом, так как я неохотно повторяю то, что причиняет неудовольствие. Ты счастлив, и я хочу этого; оставайся таковым, потому что всякий чувствует себя лучше всего в своей сфере.

Один только раз я воспользовался твоей квартирой; но я чуть не заболел от печки; поэтому-то лишь один раз. — Так как у меня есть теперь квартира, то едва ли воспользуюсь комнатой, которую предлагаешь мне. — Когда пишешь мне, то запечатывай по крайней мере письма и адресуй их к Карлу в Вену, так как пересылка сюда стоит слишком дорого. Настоятельно прошу тебя еще раз послать книгу, принадлежащую механику на Грабене, так как это просто что-то неслыханное и меня немало смущает. — Итак, книгу, книгу! — прислать быстрее, скорее к Карлу, в Вену!

Прощайте мой уважаемый брат. Бог с вами!

Ваш Людвиг.

Баден, 13 июля 1825 г.

Господину Иоганну в. Бетховену

Землевладельцу в Гнейксендорфе, станция Кремс.

В тоне жалобы и недовольства, гармонизовавшем с настроением больного композитора, записан приятелями ряд строк в разговорной тетради.

Рукою Хольца: «Женщины стали ныне крайне развратны; третьего дня слышал я невероятные вещи о женщине, за которую готов был поручиться головой... Полиция обходится страшно дорого; в самом скверном трактирчике нет стола, за которым не торчал бы переодетый шпион... В наше время лучше всего живется глупцам и лучшая система — обскурантизм... Правительством представляется собою шайку бездельников... У нас также появились бы ученые, но этого не разрешается... При таком об-

разе жизни вы теряете очень много времени... Окружите себя опять людьми, которые хорошо относятся к вам (таких очень много). Почему не устраивать этого здесь, не каждый день, а 2 — 3 раза в неделю!..»

Рукою Бернарда: «Можем гордиться тем, что мы — добрый, искренний народ, но на великие дела мы не мастера...»

Рукою Куфнера: «Просвещение юношества нежелательно; предпочитают невежество... Генц (секретарь Меттерниха) — негодяй: ради маммоны он продал себя и народ... В наши дни цензура не пропустила бы даже оперу «Дон-Жуан»... Слова запрещены; к счастью свободны еще звуки!..»

Рукою Шиндлера: «Ф. Кулау очень скромный человек со слабой конституцией, с конституцией а l'Autriche... Совершенно верно: не дай Бог, если полиция доберется до нас... Уже 36 лет знаком я с вами и моя главная мечта — видеть вас свободным от житейских забот. Как друг, советую вам устраивать каждую зиму серию в шесть концертов с абонементом».

Увы, свободным от житейских забот мечтал Бетховен видеть себя лишь на чужбине, в Англии, и эти мечты стали теперь менее соблазнительны после письма Риса, предостерегающего больного маэстро от переезда в страну, где симпатии общества часто ограничиваются рукоплесканиями.

Годесберг, 9 июн. 1825 г.

Милейший Бетховен!

Уже несколько дней я из Ахена и очень счастлив сообщить вам, что ваша новая симфония исполнена была весьма старательно и с огромным успехом. Это была трудная задача; в последний день я три раза подряд репетировал финал, — но все мы, и в особенности я, были вознаграждены успехом. Это произведение несравненно; и если бы вы даже не написали ничего другого, то обессмертили бы себя одной этой симфонией. Куда вы нас поведете?

Так как вам интересно услышать еще что-либо об исполнении, то сообщаю вам вкратце. Оркестр и хор состояли из 422 лиц, между ними было много выдающихся. В первый день начали моей новой симфонией, а затем «Торжество Александра» Генделя. Второй день начался вашей новой симфонией, затем «Davidde penitente» Моцарта, увертюра к «Волшебной флейте» и «Христос на горе Елеонской». — Аплодисменты публики были просто ужасны. Я был уже с 3 мая в Ахене для репетиции; в знак восторга и энтузиазма публики мне поднесла одна дама (кстати очень красивая) стихотворение и лавровый венок; меня забросали цветами из верхних лож. Все были веселы и счастливы, и вы согласитесь со мной, что это было лучшее в течение 7 дней Троицы.

Мне бесконечно жаль, что другие ваши произведения пришли слишком поздно, чтобы можно было ими воспользоваться, — это было невозможно. Прилагаю при сем, дорогой мой, вексель в 40 луидоров на имя Гиппенмайера и Комп. в Вене, как мы условились, и прошу вас как можно скорее подтвердить получение их, чтобы я мог свести все счета с Ахеном.

Мне очень приятно, что вы не приняли ангажемента в Англию. — Если хотите туда переехать, то предварительно обсудите весторонне. Только Россини получил от театра 2500 фунтов стерлингов. Если англичане хотят сделать что-нибудь необыкновенное, то достигают этого общими усилиями. В аплодисментах и почестях у вас не будет там недостатка, но этого у вас уже достаточно на всю жизнь.

Будьте счастливы, дорогой Бетховен.

Навеки ваш Фердинанд Рис.

В июле 1825 года в Вену, а потом в Баден, пришел пешком из Бреславля органист Фрейденберг, чтобы поклониться своему «земному божеству», встретившему его очень любезно.

— Вообще он был ласков и добр, — рассказывает органист, — но сделал ужасную гримасу, когда я назвал последние произведения его непонятными и странными. Когда разговор коснулся о Баха (Bach — ручей), то Бетховен, с благоговением отзывается о нем, воскликнул: «имя ему должно быть — океан, не ручей!»

В безграничном поклонении Баху и Генделю зародилась у Бетховена мысль написать ораторию, о чем не раз упоминалось нами ранее; теперь мысль эта была близка к осуществлению.

Еще в 1815 году он обещал ораторию венскому музыкальному обществу; затем, в 1818 году, под влиянием часто и с успехом исполнявшейся оратории аббата Штадлера «Освобождение Иерусалима», общество обусловило героическое содержание ожидаемого от Бетховена произведения; в 1824 году композитор даже заключил договор о продаже венскому музыкальному обществу и получил 400 гульденов задатка, сохранив за собою право издания за границей, а еще ранее того племянник заявил ему, что «Бернард, по совету Канне, сократил ораторию... Общество даст все, что захочешь... Хаушка очень доволен последней обработкой... Англичане возьмут ее тотчас...» «И все музыкальные общества Европы» — приписал там же брат Иоганн.

Но композитору не давалась эта работа, и уже в 1824 году он оправдывается перед дирекцією общества в своей неисправности.

В дирекцию общества любителей музыки в Вене.

23-го янв. 1824 г.

Милостивые государи!

Я завален работой и все еще вожусь с большими глазами, поэтому простите, что опоздал ответом. — Что касается оратории, то надеюсь *veritas odium non parit*; но я выбрал г-на ф. Б. написать ее; меня уверили, что общество поручило ему это. Так как г-н ф. Б. редактирует газету, то трудно с ним сговориться. Это была бы длинная история и весьма мне неприятная, потому что г. ф. Б. написал для музыки только Либуссю, которая тогда же не была исполнена, но которую я знаю с 1809 г. и в которой с того времени многое могло быть изменено; поэтому я считал осуществление этой затеи весьма трудным и настаивал на присылке всего текста. Наконец, правда я получил первую часть, но по словам Б. в ней следовало кое-что изменить и, насколько я помню, пришлось отдать ему ее обратно! Наконец, вновь, одновременно с обществом, я получил все, но за это время набралось множество заказов, которых я не мог по болезни исполнить раньше, пришлось спешить, чтобы выполнить все свои обязательства тем более, что к сожалению, живу, как вам вероятно известно, трудами своего пера. В оратории Б-а должно быть очень многое переделано. Я уже сделал некоторые указания, вскоре окончу остальные и сообщу тогда, потому что ее нельзя оставить такою, какова она сейчас, хотя содержание придумано удачно и стихи имеют свою прелесть. «Христос на Масличной горе» был написан мною с поэтом в две недели, но поэт был музыкальный и уже много написал для музыки и я мог каждую минуту с ним советоваться. Не будем разбирать достоинств подобных стихотворений. Мы все знаем как следует относиться к ним; надо держаться золотой середины. Что касается меня, то я охотнее переложил бы на музыку Гомера, Клопштока, Шиллера, если бы даже пришлось бороться с трудностями; эти

бессмертные поэты заслуживают того. — Как только окончу с Б. переделки в оратории, буду иметь честь известить вас об этом и назначить время, когда общество может наверное рассчитывать на получение. Вот пока все, что могу сообщить об этом. — Что касается 400 фл., которые мне прислали помимо моего требования, то я возвратил бы их давно, если бы знал, что дело с оратор. затянется дольше, чем думал. Мне было бы гораздо неприятнее, если бы я не высказался об этом. Поэтому я имел в виду уплатить обществу пока, по крайней мере, проценты с этой суммы. Ни г-ну Шиндлеру, ни брату моему я не поручал сообщать вам относительно устройства моего концерта совместно с обществом и только изредка приходила мне на ум возможность такого сочетания; покорнейше прошу сообщить об этом также г-ну Л. ф. Зонлейтнеру, во всяком случае благодарю вас сердечно за предложение общества поддерживать меня и вообще помочь, чем воспользуюсь в свое время. — Буду рад если общество воспользуется после моего концерта произведениями, среди которых находится также новая симфония, потому что большая месса написана скорее в виде оратории и пригодится обществу; особенно буду счастлив если общество признает в этом мое бескорыстие и, в то же время, стремление служить обществу, в благородной работе которого для искусства я всегда готов принимать величайшее участие. Примите, милостивые государи, мое глубокое к вам почтение во всех отношениях.

Людвиг ван Бетховен.

Осенью того же года композитор вновь собирается приняться за эту работу, о чем сообщает секретарю музыкального общества Хаушка, иронизируя при этом честолюбие последнего и страсть его к посещению высокопоставленных лиц.

Любезный и достойный друг!

Как только перееду в город, приступлю к сочинению бернардовской оратории, а потому прошу тебя позаботиться относительно получения гонорара от г-на фон Бернарда. — О прочем необходимом поговорим в городе; желаю видеть тебя в звании могущественнейшего начальника всех певческих и брызжащих обществ, и.к. генерал-виолончелиста, и.к. инспектора всех и.к. охот, а также диаконом моего всемилостивейшего государя, но без квартиры, без крыши и стен, а также без доходов (как и я), верным слугою моего всемилостивейшего господина, словом желаю всякой всячины, только выбирайте. — Чтобы не было недоразумения повторяю: что мы наверное положим на музыку ораторию Бернарда: «Победа креста» и быстро окончим, в силу нашей подписи и нашей печати.

Баден, 23 сентября 1824 г.

Л. ван Бетховен.

1 — приписка.

Не допускайте кошек, крыс и мышей растерзать дичь.

Поймите меня. Устройте мне конкуренцию и дайте лучшие средства.

Ваш во Христе и в Аполлоне Бетховен.

2 — приписка.

Что касается маленького флага на белой башне, то надемся, что он опять будет вскоре развеваться

3 — приписка и т. д.

Не отказываясь от мысли написать ораторию и неудовлетворенный текстом Бернарда, композитор, при содействии нового приятеля Хольца, ведет переговоры с поэтом Куфнером.

«Мне надо сообщить вам многое о Куфнере, — пишет Хольц в тетради, — он давно мечтает об оратории. У него величествен-

ный сюжет — стихи. Тут можно выразить самые разнообразные настроения. Я покажу ему работу Бернарда, чтобы он увидел то, что вами отвергнуто. Кроме того, у него несколько сюжетов, заимствованных из легенд, где небесное сочетается с земным. Это же он может ввести в стихи... В начале должен быть гимн».

Там же Куфнер продолжает:

«Где нет чувства, нет поэзии. Все произведение должно быть проникнуто одной идеей, которая придавала бы ему религиозный характер и величие... Священно все то, что выражает стремление к высшему. Вечно то, что составляет истинную жизнь человека. Быстро преходящее не имеет цены. Красоту и величие может придать жизни только фантазия. Душа — соль, предохраняющая тело от гниения...» Слушая эту вереницу изречений, Карл замечает дяде, что «Куфнер полон вдохновения», а дядя, со своей стороны, находит речи его поучительными и принимается за обсуждение плана оратории; название ей — «Саул и Давид», начинается она возвращением царя Саула, после блестящих побед, к себе на родину, где ликующий народ встречает его торжественно. «Победой своей, — говорит Саул народу, — я обязан собственной силе, не чужой помощи, даже не Творцу... мой бог — смелый дух!» Далее Давид, познавший Творца на лоне природы, воспевает его, вызывая грустное настроение царя: «Что за небесные звуки! — восклицает он. — Они наполняют сердце, но я не разделяю их, я вижу вокруг себя лишь горе; день поглощается ночью, буря сокрушает цветущие поля, великое и прекрасное превращается в прах, добро становится добычей зла...»

Бетховен, конечно, был в восторге от такого сюжета, гармонизировавшего с доминирующими в нем идеями и настроениями; он мысленно набрасывал эскизы этой оратории и говорил о ней даже на смертном одре, но не написал ни одного такта, тогда как долгие часы проводил над эскизами, обработкой и отделкой последних своих квартетов (ор. 127, 130, 131, 132, 135), хотя дирекция музыкального общества часто напоминала о данном слове, о полученном авансе и, наконец, протоколом от 31 января 1826 года постановила: «Если г. Бетховен еще не представил ораторию, то напомнить ему еще раз и, в крайнем случае, побудить его к представлению иного произведения». Дело несколько не подвинулось даже после избрания Бетховена почетным членом, да и не велик был почет стоять в списке других 14 лиц, вместе с ним получивших это звание; среди последних, правда, были Керубини, Спонтини и Шпор, которые ныне забыты, а тогда были популярнее Бетховена; но были также Катель и Вейгль, соседств которых не могло льстить автору 9 симфонии.

Так же бесплодно было намерение его создать музыкально-драматическое произведение. Заветная мечта написать оперу вновь не осуществилась, быть может, за отсутствием удовлетворяющего композитора либретто или под влиянием более интенсивной потребности работать над иными видами музыкальных произведений; одному из приятелей он высказал свои планы относительно будущего:

— Окончив 10 симфонию и реквием, я примусь за искусство моего великого учителя Генделя. Ежегодно буду писать по одной оратории и одному концерту для струнных и духовых инструментов.

Призвание творить произведения инструментальной музыки было слишком глубоко в нем и заглушало часто жажду более дешевых театральных лавров, а предложение князя Николая Борисовича Голицына оказалось в эту эпоху наиболее желанным для него; петербургский меценат, доходы которого Шупанциг определял в 60 тысяч дукатов, писал Бетховену 9 ноября 1822 года:

«Будучи ревностным поклонником вашего дарования, решаюсь просить вас написать один, два или три квартета, за что с удовольствием уплачу назначенную вами сумму. Будьте добры сообщить: какому банкиру послать желаемую вами плату. Я играю на виолончели. Жду с нетерпением ответа. Благоволите адресовать: князю Николаю Голицыну, в С.-Петербург, через Банкирский дом гг. Штиглиц и Комп. Примите уверение в глубоком почтении и в искреннем уважении».

На это любезное и соблазнительное предложение композитор ответил по-французски:

«Готов служить своими произведениями, но не могу определить срока, ибо не умею повелевать вдохновением и не отношусь к поденщикам, работающим с листа и по часам... Так как единственным источником существования служат мне доходы с сочинений моих, то прошу по 50 дукатов за каждый квартет». На это требование композитора кн. Голицын прислал согласие 5 мая 1823 года и прибавил: «прошу для себя лишь посвящения и один экземпляр рукописи, лишь только композиция будет окончена».

Но по получении квартетов сиятельный меценат, видимо, забыл о плате; на настойчивые запросы автора он ответил:

«Любезный и достойный г. ван Бетховен, вы, вероятно, считаете меня легковверным и безрассудным, так как вы давно не получаете от меня ответа, в особенности после присылки мне двух новых творений вашего неистощимого и бессмертного гения, но причиной тому ужасные обстоятельства... Я живу сейчас в глубине России и вскоре уеду в Персию на войну. До отъезда пошлю непременно гг. Штиглицу и Комп. сумму в 125 дукатов».

Князь Голицын не сдержал данного слова,¹ а вдохновение композитора тем временем продолжало изливаться в таком множестве тем, что, кроме заказанных квартетов, появились еще ор. 131 и ор. 135.

— Я придумал еще кое-что, надо обработать, — повторял он часто своим друзьям.

Летом 1825 г. композитор составляет набросок письма к кн. Голицыну, недавно (осенью 1908 г.) найденный, бессвязно, мес-

¹ В 1855 году Карл Бетховен, на правах наследника композитора, потребовал и получил от кн. Н. Б. Голицына упомянутые 125 дукатов.

тами бессмысленно изложенный, полный сокращений и зачеркнутых слов, но с попытками высказать многое.

Князю Н. Ф. Голицыну.

Ваше сиятельство!

— что касается спора, то Иенгер вполне прав — Viola имеет одно ре-бемоль в этом пассаже, т. е. слова ff находятся уже в теме — надо указать так, да и кроме того ради мелодии, которая господствует над всем прочим, в общем этот пассаж имеет в основании 6/4,

тем не менее у первой скрипки, которое ничто иное, как предъём или Anticipation, доступный каждому хорошему певцу, ведь искусство основывается на природе и в свою очередь природа внедрена в искусство, — но если бы я написал так, то мелодия была бы оборвана и почему, потому что вместо 6/4 аккорда, который находится тут и имеет аккорд от основного не доставало бы   6

аккорда, имеющего основанием f-moll аккорд, что было бы чуждо и наперекор всему ходу мелодии и гармонии, словом Иенгер был совершенно прав и меня радует, что такой искусный артист постиг меня тотчас — новый квартет в A-moll уже закончен и я озабочен им, чтобы как можно скорее переслать его в. с. в следующем письме напишу вам больше, чем надеюсь рассеять грозные тучи, которые, как мне кажется, собираются вокруг в. с. против меня; верьте мне, что для меня самое главное, если мое искусство имеет доступ к благороднейшим и просвещеннейшим лицам, к сожалению однако случается, что из заоблачных высот искусства грубо низвергают тебя в среду земного человеческого, но это не те, которые принадлежат к нам и в сущности не будучи в силах и не желая копить богатство, нам приходится заботиться о том, чтобы они чтили память о нас, — так как мы ведь не великие князья, которые, как известно, предоставляют судьбу своих простой будущности и Богу — в заключение должен еще прибавить, что слышал о затруднениях с рублями и # etc., а потому прошу в. с. отнюдь не беспокоиться, я вполне доволен, если будет сохранен такой же порядок, как был до сих пор, тем более, что вы разрешили мне немедленно издать эти квартеты, но я уже воспользовался разрешением в. с. относительно первого квартета и таковой передал одному издателю — за то, что обсчитал на 4 и прошу также не сердиться, так как я очень добросовестен и по той же причине должен еще признаться, что я должен зачесть сюда еще 2 фл., как сказано, я вполне доволен гон. за квартеты, такая знатная особа везде должна проявлять свою щедрость, а потому доставьте мне удовольствие предоставив все вашему великодушию — передаю теперь Хенигштейну 2 увертюры, одну из них я взял на себя смелость посвятить в. с. и буду искренно рад, если вы найдете это посвящение достойным вас — небо да хранит вас и вашу семью, меня прошу считать одним из благодарнейших ваших знакомых и засим пребываю в. с. и т. д.

3-й квартет тоже уже почти закончен.

Среди обширного плана работ сочинение трех квартетов, обещанных князю Голицыну, представлялось автору сначала как бы отдыхом, развлечением, не требующим ни особенного напряжения, ни продолжительного времени, но постепенно увлекаясь созданием их, композитор сосредоточил здесь все свои духовные

силы, пожертвовал всеми прочими замыслами и, вместо трех, написал пять произведений камерной музыки, пять последних квартетов, составляющих еще в наши дни предмет изучения и удивления всего музыкального мира.

Эскизы последних квартетов относятся ко времени набросков 10 симфонии и носят много родственных с нею следов, а потому понятны колебания автора в отношении применения музыкальных идей, набросанных в это время; то он меняет лишь тональность первоначального наброска, то перемещает части одного квартета в другой, напри^м.: *Alla danza tedesca* в ор. 130 первоначально написана в *A-dur* и предназначалась для ор. 132; то колеблется в применении их к симфонии или квартету, то повторяет основную идею в двух разных произведениях, напри^м.: в *Adagio* симфонии и в *Adagio* квартета ор. 127. О массе труда, приложенного к созданию этих произведений, можно судить, в частности, по эскизам к ор. 131, каковые по объему втрое больше законченной его партитуры. Увлечение работою над ор. 131 привело к тому, что, задумав написать квартет этот лишь в трех частях, он затем прибавил к ним еще 4-ую и 5-ую части.

Лишь только был окончен первый из этих квартетов, как Шупанциг взялся исполнить его в своем ближайшем концерте и пригласил автора присутствовать на репетиции; Бетховен, конечно, явился, но предварительно послал наказ исполнителям, подписанный и скрепленный друзьями, Шиндлером и Хольцем:

Милые мои!

Сим воздается каждому по заслугам; каждый обязуется и клянется вести себя наилучшим образом, отличиться лично и помогать друг другу.

Этот лист должен подписать каждый, кто будет участвовать в известном деле

Бетховен.

Шиндлер, секретарь.

Шупанциг *m. p.*

Вейс.

Линке *m. p.*

Проклятая виолончель великого артиста.

Хольц *m. p.*

Последний, но только из подписавшихся.

В апреле 1825 года А. М. З. дает отчет о вечерах камерной музыки Шупанцига и, в частности, о квартете ор. 127, исполненном впервые 6 марта:

«Мнения об этом квартете весьма разноречивы, так как очень немногие из слушателей вполне поняли его».

Сам автор был недоволен исполнением и упрекал Шупанцига в неспособности.

— Мы были утомлены, — отвечал милорд Фальстаф, — виновен не я один, а мы все.

— Вы не понимаете этого произведения, — настаивает автор.

— Ошибаетесь. Я считаю его лучшим, нет, гениальнейшим квартетом... Кто более меня поклоняется вам?.. Уверяю, Бем не сумеет его исполнить.

Тем не менее автор поручает скрипачу Бему сыграть квартет в другом составе исполнителей, и в этот раз слушатели остаются

к нему так же безучастны. В третий раз квартет ставится Майзедером; племянник выражает дяде свой восторг, молодой поэт Рельштаб, основавший тогда берлинскую *Allg. Musik Zeitung*, пишет статью, полную восторженной похвалы, напыщенных фраз, патетических восклицаний, но обнаруживающую такое же непонимание этого сложного произведения, какое проявили другие слушатели.

Лишь только был окончен этот первый квартет, как автор обратился к содействию торгового дома Геникштейна, не раз исполнявшего поручения Бетховена.

К банкиру Геникштейну в Вене.

Р. Р. Прошу вас убедительно сказать моему Карлу, как было дело с векселем князя Голицына, — дали ли вы действительно за него только 215 фл., вместо 225, — так как я не всегда доволен поступками моего брата и мне неприятно видеть в вас недоверие. Я хотел бы также знать, не получили ли вы от князя Голицына письма от 29-го апреля к вам самим, или вообще, какого-нибудь известия, так как он мне писал, что пишет также вам. В заключение прошу вас любезно переслать в Петербург пакет, так как он слишком велик для отсылки почтою. Я велел также списать для князя мой квартет, — е. с. желательно получить его как можно скорее. Отсылку его почтовым пакетом нахожу затруднительным. Ожидаю вашего любезного мнения по сему предмету и остаюсь с глубоким почтением

преданнейший вам Бетховен.

«Любимейшим местом автора во всей квартетной музыке была каватина *Es-dur* в квартете *B-dur* op. 130, — говорит Хольц. — Он писал ее летом 1825 года со слезами и признавался мне, что ни одно произведение не действует на него так сильно, как эти строки; о них он не мог говорить без сильного душевного волнения... Когда он окончил писать это произведение, то я высказал ему, что считаю его лучшим из всех; «каждый хорош в своем роде», — ответил он мне, а потом согласился со мною».

На рукописи автор сделал такую заметку: «Четвертый квартет (из новейших)... *NB...* Краденый отовсюду», причем «четвертый» написано вместо зачеркнутого «пятый».

При репетициях квартета op. 130 партнеры многого не могли сразу понять и усвоить, возникали вопросы и споры, вызвавшие восклицание Хольца:

— Какие сомнения могут быть у червя, когда сам Бог диктует ему!

После квартетных вечеров Шупанцига, 7 и 14 марта 1826 года, брат Иоганн писал:

«Третий квартет затмил два первых и привел публику в такой же восторг, как в прошлое воскресенье». Тут же племянник прибавляет:

«Нельзя передать впечатления, произведенного на всех слушателей. Исполнение было превосходно, все были в восторге».

«По окончании одного из этих квартетных собраний, — рассказывает Хольц, — я должен был встретиться с Бетховеном в ближайшем ресторане. Две небольшие части (в *B-moll* и *C-dur*) квартета op. 130 были повторены по требованию публики, о чем я поспешил сообщить автору.

— Да, — проворчал он в ответ, — вкусные ломтики понравились!.. Почему же не fuga?

— Мне кажется, — заметил Шиндлер, — что в общем произведение не понравилось публике.

— Когда-нибудь понравится, — возразил автор. — Я знаю, что я артист».

Артист не ошибся. После долголетней неприязни слушателей и большинства музыкантов, последние квартеты заняли в камерной музыке такое же исключительное место, как 9 симфония в ряду прочих.

Отношение критики удовлетворило автора не более, чем реакция публики.

«Первая, третья и пятая части, — писала А. М. Z., — серьезные, мрачные, полны мистицизма, иногда капризные, причудливы; вторая и четвертая части полны жизни, веселья, игривости. Великий композитор, в прежних своих произведениях не раз пренебрегавший требованиями меры и границ, выражается в этот раз необыкновенно кратко и связно. После бурных рукоплексаний пришлось повторить обе части... Финал с фугою представляет собою вавилонское столпотворение, концерт для жителей Марокко, наслаждающихся настраиванием инструментов; смычки работают в этом финале, точно преодолевая всевозможные препятствия на противоположных полюсах, переплетаясь в море диссонансов... Если бы маэстро мог сам слышать свое произведение, то, вероятно, многое было бы изменено. Впрочем, будущие поколения, быть может, найдут понятным и прекрасным то, что нам кажется запутанным и неясным».¹

Не лучше было и отношение издателя Артариа, взявшегося напечатать квартет, но настаивавшего на замене последней части его, непонятной и обширной фуги. Эти отзывы, поддержанные Хольцем, находившим, что финальная fuga представляет нечто совершенно самостоятельное и должна быть издана в виде отдельного произведения, склонили автора к осуществлению идеи Хольца, и вскоре квартет ор. 130 получил, за дополнительную плату в 12 дукатов, новое *allegro*, а fuga была приобретена и напечатана также издателем Артариа в мае 1827 года (ор. 133), причем сохранена надпись, сделанная автором, — *overtura*.

В числе богатых меценатов Вены был коммерсант Дембшер, у которого довольно часто устраивались собрания камерной музыки и который задумал в апреле 1826 года поставить у себя новый, еще не изданный квартет Бетховена, тогда как последний недолжковал его за скупость и всячески затруднял ему подобные затеи; ни посредничество Хольца, ни личные просьбы Дембшера не вызвали согласия автора на пользование рукописью, хранившеюся у Шупанцига. Наконец, композитор уступил, но при этом поставил такое условие:

¹ «В Бетховене, — говорит П. Чайковский, — я люблю средний период, иногда первый, но ненавижу последний, особенно последние квартеты. Есть тут проблески, не больше. Остальное — хаос, над которым носится, окруженный непроницаемым туманом, дух музыкального Савафа». (Жизнь П. И. Чайковского).

— Пусть Дембшер заплатит милорду 50 фл. за прокат нот; ведь для него это пустяки, он привык есть на серебре.

Щесливый меценат принял сначала это за шутку, так как подобное условие было диковинкою, но автор настаивал на своем, и Дембшер, получив от него письменное подтверждение этого требования, принужден был согласиться.

— Если это необходимо... — сказал смущенный и крайне удивленный меценат Хольцу, принесшему письмо Бетховена. Когда композитор узнал об этом, то с хохотом схватил лист бумаги и набросал знаменитый канон на слова: «Это необходимо? — Да, необходимо! Да, необходимо!», вошедший в квартет ор. 135 («Muss es sein?»).

— На бирже также стало уже всем известно, что вы написали канон *Es muss sein*, — сообщает автору Хольц в разговорной тетради.

Впрочем, относительно этого странного, почти экстравагантного текста в квартете существуют также другие объяснения; приписывают эти восклицания, например, одному из обычных споров с кухаркой, быть может, забывшей взять телятины или цыпленка на рынке; если же вспомнить, что на автографе эти три такта помечены 30-м числом октября 1826 года, когда композитор гостил в имении брата, в Гнейксендорфе, то можно приписать происхождение причуды этой иному эпизоду из жизни автора.

Издатель Шлезингер хотел уверить Б. Маркса, что Бетховен в письме к нему сам объяснил значение этого текста следующими строками: «Как я несчастен! Я принужден был написать этот квартет, хотя мечтал об ином, более значительном произведении; мне нужно было его окончить, потому что я обещал его вам; мне необходимо было послать его вам, потому что я нуждаюсь в деньгах! К тому же пришлось самому расписывать партии... Итак, быть по сему (*es muss sein*)!» Тем не менее, пытливые исследователи жизни гениального композитора нашли достаточное основание считать голословное сообщение Шлезингера апокрифическим. Более остроумно объяснение трех фраз этого вопроса (*grave*) и двух ответов (*allegro*), сделанное Хельмом; последний полагает, что написав 3 часть, пропев свою лебединую песнь, исстрадавшийся и утомленный композитор задумался над важным вопросом: следует ли ему писать далее? Надо ли приняться за финальное *allegro*, после того, как он произнес свое заключительное слово? Художник победил человека, потребность снабдить свое творение обычным финалом заставила приступить к этой работе, но вместе с тем потребность высказаться перед потомством, указать на свое колебание вызвала заголовок: — «*Der schwer gefasste Entschluss*» и девять нот на слова *Es muss sein? — Es muss sein!*»

В 1870 году, в день сотой годовщины рождения Бетховена, Рихард Вагнер произнес речь, темою которой был квартет ор. 131, как бы характеризующий те настроения автора, которые он переживал в течение дня.

«Вступительное длинное *adagio*, — говорил Вагнер, — самое грустное из всего того, что когда-либо было выражено звуками, я сравнил бы его с утренним пробуждением в такой день, в течение которого все желания, намерения остаются не осуществ-

ленными. И в то же время это — молитва, призывание Бога и утверждение себя в вере в его бесконечную благодать. Взор, обращенный внутрь, в себя, улавливает ему одному доступное утешение (*Allegro* в 6/8) — возможность проявить творческую силу, самая сокровенная мечта всплывает в воспоминании. Теперь (переходное короткое *Allegro moderato*) маэстро, сознавший силу своего искусства, принимается за свою волшебную работу. Вновь воскресшею силою своих чар (*Andante*, 2/4) он вызывает прелестный образ и наслаждается его лицезрением в бесконечной и разнообразной игре (вариации) световых лучей, щедро рассыпаемых им. Взор проясняется и полный счастья обращается к внешнему миру (*Presto*, 2/2), последний расстилается перед ним, как в *Pastoralsymphonie*, его внутреннее счастье отражается на всем. Он улавливает звуки, присущие каждому из видений, которые длинной вереницей проносятся перед ним то легкой, то более тяжелой поступью, в мерном движении танца. Он смотрит на жизнь (короткое *adagio* 3/4) и раздумывает, как бы ему самому привести в движение весь этот мир: он погружается в думы, как бы в глубокий душевный сон. Но — еще один взгляд и — он понял мир: он просыпается, ударяет по струнам и играет танец, не слыханный до сих пор в мире (*Allegro finale*). Это танец вселенной: дикая страсть, предсмертный стон, восторги любви, высшее блаженство, безысходное горе, бешенство, сладострастие, страдания, все это вертится, кружится среди молний, среди раскатов грома. И над всем этим простерта рука исполина-музыканта, которому все подвластно, все повинуется. Гордый и уверенный в себе, он вихрем уносится к потоку, потоком к пропасти, он смеется про себя, так как все, вызванное действием его чар, было для него не более, как игрой... — Наступает ночь, день его окончен».

В ор. 132 третья часть написана весною 1825 года, когда автор почувствовал некоторое облегчение от физических страданий и задумал «благодарственной песней воспеть божество за исцеление»; первая тема ее в лидийском ладе (с повышенной 4-ой ступенью); в общем произведение это наименее доступное большой публике, и красоты его могут произвести впечатление лишь на подготовленного слушателя, достаточно освоившегося с камерною музыкою вообще и с партитурою его в частности. Как бы контрастом ему служит квартет ор. 135; слушая это замечательное произведение, можно предположить, что оно написано гениальным композитором в полном расцвете сил, окруженным всеми благами земной жизни, вызывающими то радостное, то шутливое, но всегда доброе настроение. Небольшие фразы 1 части, с первого вида запутанные, непонятные, при талантливом исполнении представляются чудно сплетенными узорами светлого, жизнерадостного настроения. И это писал безнадежно больной, глухой старик, среди бедности и равнодушия современников!

В беседе с автором о квартете ор. 135, проданном Шлезингеру, Хольц высказывает между прочим: «квартет не будет плохим, но должен быть коротким; жид не заслуживает другого... Кончайте сначала квартет... Он просил меня, я ответил, что вы

пишете. Он не обидится, если квартет будет короткий... Хотя в нем будут только три части, это будет квартет Бетховена».

Перед самым выпуском в свет квартета ор. 135 автор раздумал было посвятить его Вольфмайеру, а в благодарность за прием Карла в полк и с целью обеспечить благосклонность начальства к племяннику хотел посвятить квартет фельдмаршалу барону Штутерхейму; однако намерение это не было осуществлено, и за 7 дней до смерти автор восстановил первоначальную надпись о посвящении.

— Работая над последним квартетом, композитор не забывает обещанных издателю Диабелли новых произведений: в октябре он набрасывает квинтет, а позже — на смертном одре — записывает эскизы четырехручной сонаты, все еще мечтая перейти к сочинению оперы. Хольц, передавая ему подарок Шлезингера в виде роскошно изданной оперы «Оберон» Вебера, замечает: «в таком же виде Шлезингер намерен издать вашу новую оперу. Относительно оратории он хочет лично поговорить с вами. — Затем фортепианный концерт и квартет...»

Особенности последних пяти квартетов резко отличаются от первых одиннадцати, легко бросаются в глаза даже при поверхностном сравнении; нет здесь былого стремления держаться в установленных рамках, завещанных Гайдном и созданных естественно из музыкально-эстетических принципов; искусство для искусства, увлекательная игра в звуки не занимают Бетховена, условный язык выражения настроений не удовлетворяет его, ибо обладает ограниченным лексиконом, а рождающиеся в воображении композитора идеи ищут простора, ищут свободного изложения. Эти музыкальные идеи также отличаются от предшествовавших, также необыкновенны: либо кратки, сжаты до высшей степени, до вздоха, до восклицания, либо поражают небывалою прежде растянутостью, как бы предвещающею появление так называемой бесконечной мелодии Р. Вагнера, либо отвергают мелодическую форму, установившуюся в инструментальной музыке, и прибегают к еще неслыханному здесь речитативу. Нечто иное замечается в средствах, в звуковых красках, употребляемых композитором; нет более здесь оркестровых замыслов, симфонических штрихов и колоритов; на четыре инструмента положена музыка, рожденная для них, а не для иных исполнителей. Преобладающие настроения Бетховена нам уже известны, а в последних квартетах и вообще в последних произведениях они интенсивнее, схвачены глубже, выражены ярче, рельефнее, а, благодаря преобладанию вариационной формы, главные черты их повторяются чаще.

Исключительная трудность исполнения и понимания последних квартетов Бетховена объясняется не только причудами архитектурного и гармонического свойства, не только исключительной глубиной и оригинальностью идей, но также необыкновенной содержательностью, вложенною автором в те фразы, периоды и предложения, которые служат всегда малоинтересными связующими звеньями для более выдающихся эпизодов и соответствуют незначительным аксессуарам в картинах; каждому такту, каждой ноте Бетховен придает чрезвычайное значение, и слушать его нельзя уже теперь с перемежающимся напряжением внимания, с ожиданием главных моментов, с отды-

хом на промежуточных ходах; он требует непрерывной сосредоточенности, отчасти облегчаемой твердым знанием партитуры, а так как требования эти тягостны для большой публики, то и прославились последние квартеты Бетховена своею недоступностью или малодоступностью. Иное впечатление производят квартеты эти при чтении; следя за ведением голосов, невольно поражаешься смелостью и оригинальностью замысла, причем почти незамеченными проходят некоторые неблагоприятные сочетания их, раздражающие слух при исполнении и явившиеся здесь отчасти следствием глухоты автора, отчасти отражением его психического состояния.

Из последних квартетов наиболее интересен для чтения, но не для исполнения, ор. 133, B-dur, — «Большая fuga», — представлявшая собою первоначально финал квартета ор. 130; интересное для читателя голосоведение, смелое, оригинальное, звучит в исполнении настолько некрасиво, неприятно, что после смерти автора прошло более 30 лет, прежде чем нашлись квартетисты, задумавшие включить это произведение в свою программу; это были участники квартета Хельмесбергера и не менее знаменитого тогда «флорентинского квартета»; обе группы артистов в точности выполнили требование партитуры Бетховена, но это не спасло провала фуги, где каждый инструмент звучит настолько самостоятельно, будто прочие трое не имеют с ним ничего общего. В наши дни фугу эту редко приходится слышать и трудно сказать — кто более от этого выигрывает: публика или слава Бетховена?

В 1-й части квартета ор. 127 легче уловить связь между методическими узорами, из коих слагается зачаток бесконечной мелодии Вагнера, нежели элементы сонатной формы; небольшие эпизоды *maestoso*, трижды появляющиеся среди этого мечтательно-благородного *allegro*, находят отзвук в настроении 2 части, проникнутой нежностью то трогательною, то таинственною, то благоговейною, не лишенною смутных волнений; 3 часть здесь замечательна не только по объему, превосходящему все существующие квартетные скерцо, но также по настроению, в высшей степени капризному, изменчивому в ритме, размере, характере и очертании мелодий; 4 часть производит в общем такое же впечатление, как и первые три части: видимо, автор писал ор. 127 в минуты нравственного спокойствия, далекого от тех физических страданий, тех сердечных мук и тех мрачных дум, которыми обычно были полны жизнь и произведения его; юмористические обороты и местами шаловливая игра в звуки этого финала вызывают в воображении образ худенького, благодушного папы-Гайдны, а не коренастого мизантропа, еще в юности прозванного «Великим Моголом».

Квартет ор. 130 имеет несколько общих черт с ор. 127; в особенности обращают внимание на себя здесь конструкция из 6 частей, далекая от традиционной архитектуроники, и такое же, как там, в общем жизнерадостное, проникнутое бесподобным юмором настроение, исключающее эти произведения из ряда тех, которые отражали эпизоды частной жизни автора; обширная 1 часть составлена из множества (около 20) элементов, пестрящих разнообразием тональности, темпа, ритма, размера, но органически связанных краткими фразами или одиночными но-

тами, казалось бы ничтожными, вводными, вставными, но сливающимися с общим течением музыкальной мысли и приобретающими особенное значение, исключительный интерес; о подобных страницах последних квартетов Р. Вагнер говорит: «каждая нота и даже каждая пауза приобретают у Бетховена мелодический интерес». Не менее богата разнообразием 2 часть, подобие скерцо, заключающее в себе и плясовую, весьма популярную первую тему, контрастирующую с эпизодом в 6/8 (подобие *trio*), и торжественный подъем *ritardando* унисоном всех инструментов, и хроматически спускающийся вздох сожаления 1 скрипки, и грозные реплики остальных инструментов. В 3 части автор предается мечтам о блаженстве и в середине этого прелестного *Andante* достигает необыкновенно нежного, спокойного, любовного настроения (*cantabile*), ничуть не нарушаемого редкими штрихами сердечного волнения. Еще безмятежнее 4 часть с ребячески наивной темой плясового характера (*Alla danza tedesca*) и с таким же простеньким, добродушным развитием этой темы; еще более краткая 5 часть (*Adagio*) полна потрясающего горя и тоски; подавленные вздохи, скрытые слезы этой каватины щемят и надрывают сердце; от этих страданий композитор естественно стремится к забвению в сложной и продолжительной работе над финальной фугою, но знакомые нам обстоятельства превратили *Grosse Fuge* в отдельный *opus*, а для *op.* 130 Бетховен написал, за шесть месяцев до смерти, новый финал по настроению более соответствующий свадебному празднику, нежели погребальной процессии или тем событиям, которые пришлось пережить ему осенью 1823 года. Кому не знакома эта задорно веселая мелодия, усиливающая нервное возбуждение слушателя вступлением в отдельной тональности!

Этот гармонический прием, имеющий определенное психологическое и физиологическое основание, прекрасно поясненное в трудах М. Люси и Хельмхольца, нашел бесподобное применение в 6 части *op.* 130; тема начинается в доминанте от *C-moll* и, не разрешаясь в тонику, через 4 такта переходит в доминанту от *B-dur*, лишь в 8-м такте, как бы мимоходом, случайно останавливаясь на тонике главной тональности; трудно найти в произведениях Бетховена страницы, более богатые веселостью, игривостью, с преобладающим настроением удовлетворенности и спокойного счастья.

Квартет *op.* 131 считается лучшим в литературе камерных произведений, но такой славе его способствовало не пренебрежение формой, не внешнее слияние всех этих семи частей, исполняемых без перерыва, а то внутреннее родство, которое связывает воедино все элементы этого обширного произведения, не прибегая к помощи искусственных звеньев и не нарушая глубины настроения; 1 часть (фуга, *Adagio*) так же естественно переходит во 2 (*allegro*), как 3 часть, это интермеццо в 11 тактов, переходит в бесконечную и полную разнообразия 4 часть (вариации); не менее богата содержанием и разнообразием 5 часть, хотя оригинальные эпизоды (вроде *molto poco adagio*), слишком часто повторяемые, бледнеют, теряют свою прелесть и ослабляют впечатление чудесно шаловливого *presto*; мучительная *Sehnsucht* краткой 6 части тонет в вихре финального *allegro*.

После продолжительной и мучительной болезни в 1825 году написан квартет ор. 132, имеющий свою литературу и в ней обширный анализ, сделанный известным проф. Б. Марксом; вкратце разбор этот сводится к следующему: первая сцена происходит у постели больного; раздражительная, болезненная нервность составляет основной тон первой части. Интродукция — это полная картина медленно и тайно подкрадывающегося недуга. Лихорадочно обрывает эту интродукцию первая скрипка (*allegro*), останавливается в ужасе (*adagio*) и затем вновь (*allegro*) в первой теме обнаруживает полную силу, которую болезнь еще не успела надломить; утешение, приносимое второю темою, оказывается несостоятельным и переходит опять в болезненную нервность. Маркс полагает, что в этой первой части можно проследить полнейшую патологическую и психологическую определенность, соответствующую самочувствию больного. Во второй части (*allegro ma non tanto*) уже проявляется зарождающееся радостное чувство выздоровления. Подтверждением того, что все это толкование не произвольно, служит надпись (в партитуре на немецком и итальянском языках) под *adagio* квартета: благодарственная песнь божеству от исцеленного (в лидийском тоне); в этом *adagio* сменяются две идеи: первая — «благодарственная песнь» в форме хорала в древнецерковном тоне; вторая идея указана также автором — «чувствую новые силы», но укрепление здесь духовное, а не физическое. Первый хорал возвращается в высоких нотах первой скрипки, аккомпанируемой синкопирующей фигурацией; вторая идея вновь появляется, более резко выраженная, и эта третья часть оканчивается первым хоралом в контрапунктической разработке. Автор назвал 4 часть — *alla marcia*: это поступь человека с обновленными силами, хотя еще не вполне окрепшего, но идущего твердыми шагами вперед. Посредством речитатива марш переходит в последнюю часть квартета, *allegro appassionato*; больной возвращается к новой жизни и деятельности, но жизнь эта уже надломлена. Прежняя юношеская сила погибла безвозвратно...

Так анализирует авторитетный специалист, знаток, профессор, теоретик и исполнитель, Б. Маркс, подметивший в 3 части даже такую деталь: «духовное укрепление, а не физическое». Зная неустойчивые взгляды Бетховена на программную музыку (в особенности, на закате дней) и порою проявляющуюся потребность в снабжении композиций своих этикетками программными свойствами, зная также теснейшую связь некоторых композиций с событиями жизни его, можно, конечно, найти в ор. 132 отражение пережитых в 1825 году физических и нравственных страданий автора, но едва ли ошибается Хельм, упрекая Маркса в чрезмерном увлечении фантастическими образами и в приписывании Бетховену недостойной, слишком неблагоприятной и прозаической задачи: детально рисовать звуками все ощущения, испытываемые больным в постели.

В заключение позволю себе сказать несколько слов об исполнении этого произведения лучшими квартетистами, в особенности — Иоахимом и его партнерами, перед игрою которых бледнеет передача ор. 132 многими выдающимися другими артистами; во 2 части, вероятно, вследствие ее объема, Иоахим пропускал первые вольты (повторение); в мистически торжественном

molto adagio (3 часть) он брал все половинные ноты с усилением и ослаблением каждого звука, резко отделяя при этом канонобразную часть четвертями (заключенную в лигатуру) от этих органических аккордов; при повторении темы хорала (*molto adagio*) с синкопирующим сопровождением все инструменты играют настолько самостоятельно, все голоса поют настолько свободно, что диссонансы, кажущиеся ужасными при чтении партитуры, ничуть не раздражают слуха; при повторении же канонобразной части (вариант) Бетховену вздумалось для каждого из четырех инструментов сделать отдельную надпись (в автографе на немецком языке, а в печати на нем. и итал. языках): «с глубочайшим чувством»; это многозначительное предписание, распространяющееся преимущественно на 2 такта и повторяемое четырежды, смущает многих исполнителей и вызывает экстазацию, доходящую иногда до смешного; лишь глубокое артистическое чутье Исаака подкашивало ему идеальную выразительность, не нарушающую хорального стиля и чарующую интенсивностью субъективного чувства; но нигде восьмидесятилетний виртуоз не поражал так слушателя своим юношеским пылом, как в вальсеобразном финале, в *allegro appassionato*, в этих звуковых волнах, то охватывающих нас широким потоком, то высоко и мощно вздымающихся, то взаимно разбивающихся в труднейших ритмических сочетаниях, то ураганом несущихся в *presto*, чтобы рассыпаться в жалкие капли последних тактов, набросанных как бы нехотя, небрежно, усталой рукой и испорченным пером, которым нельзя более писать.

Бетховен.

Последний, шестнадцатый (если не считать Большой фуги ор. 133) квартет, ор. 135, F-dur, при всех своих достоинствах не занимает выдающегося места среди последних пяти квартетов; по объему он весьма краток, по конструкции довольно прост, по содержанию легок, удобопонятен и лишь в 3 части отражает настроение автора осенью 1826 года, когда он работал над этим

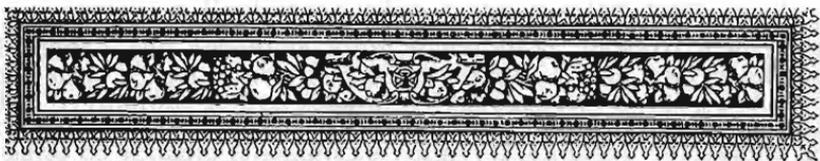
произведением в Гнейксендорфе; легко и мастерски обработаны короткие мотивы 1 части, не лишенной свойственных Бетховену торжественности, юмора и задора; наиболее глубоко захватывает слушателя лебединая песнь Бетховена, 3 часть, грустная, певучая, местами напоминающая о сердечных волнениях былых дней и как бы намекающая на близкий конец; физически и нравственно разбитый, он прощается с миром в этой прелестной элегии...

При обозрении камерных произведений Бетховена мы имели перед собой не только партитуры их, не только наброски наши об исполнении их виртуозами Чешского или Брюссельского квартета, Иоахимовского или Халировского, В. Майеровского или Мекленбургского, художественное воспроизведение коими замыслов композитора никогда не изгладились в памяти того, кому случалось слышать их; рядом с этим материалом пред нами лежал обстоятельный труд Хельма, составившего первый систематический разбор всех струнных квартетов Бетховена, первый свод анализов, каковой мы охотно включили бы целиком в нашу монографию, если бы не опасались утомить читателя чрезмерным обилием подробностей специально теоретического свойства.

После детального разбора квартетов Бетховена заключительную часть своего прекрасного труда Хельм посвящает отношению этих произведений к квартетам других современных Бетховену композиторов и влиянию Бетховена на квартетную музыку последующей эпохи; из современников он выбирает трех композиторов: Шуберта, Керубини и Шпора, давших наиболее выдающиеся произведения этого рода; в наиболее талантливом из них, Фр. Шуберте, автор подмечает значительное влияние Бетховена; из 8 струнных квартетов Шуберта только три достойны имени гениального композитора и в этих трех квартетах нетрудно найти следы подражания, вольного или невольного, Бетховену; помимо множества мелких штрихов и приемов, убеждающих в этом, квартет D-moll и *andante* из квартета G-dur точно навеяны целиком теми настроениями, которые впервые сумел выразить звуками Бетховен. Керубини пользовался при жизни славою, о которой Бетховен мог только мечтать, и, отчасти благодаря этому обстоятельству, искренно считал его великим гением; из шести квартетов Керубини популярными были и ныне исполняются иногда только три, поражающие слушателя эффектами симфонического и оперного свойства, безупречным мастерством фактуры, но лишенные глубины и силы чувства; влияние Бетховена находит Хельм в скерцо квартета Es-dur и в *adagio* квартета C-dur Керубини. Шпор, написавший множество произведений камерной музыки и в том числе 33 струнных квартета, так же далек от упреков в отношении мастерства, как и Керубини, но мог ли возвыситься до бетховенских высот скрипач, преднамеренно отводивший в своих квартетах господствующую роль первой скрипке, музыкант, считавший шесть первых квартетов Бетховена (ор. 18) лучшими во всей камерной музыке? Из упомянутых трех современных Бетховену композиторов Шпор менее всех испытал на себе влияние Бетховена, но и композиторский талант его был наименее выдающимся.

В середине XIX века появились два гениальных композитора, Мендельсон и Шуман, романтизм коих является наследием Бетховена, но стиль носит индивидуальные особенности: классически строгие формы первого приближают его к Моцарту; содержание семи квартетов его, как и многих других произведений, как бы отражает древние легенды, баллады и сказки об эльфах, о фантастических героях и т. п., внося в композиции его ту объективность и то безусловно холодное настроение, которые сопровождают обыкновенно изложение былин; таких глубоко захватывающих страниц, как **adagio** квартета F-moll op. 80, точно принадлежащее перу Бетховена, немного можно встретить у Мендельсона. Последнему Шуман посвятил свои три квартета, как бы по этой причине вылившиеся в более округленные формы, нежели **другие** произведения его; по сравнению с бетховенскими квартетами они много теряют и производят часто впечатление набросков, эскизов, но в глубине чувства, в остроумном обращении с ритмом, в **искренности**, в задоре игривого шерцо, а в особенности в **adagio** из квартета F-dur, он является талантливейшим последователем и соперником Бетховена. Камерную музыку писали в XIX веке Плейель, Ромберг, Кроммер, Онслов, Фейт, Рейсигер, Фукс, Соболевский, Декер, Хиршбах, Шаплер, Ферхульт, Фолькман, Рафф, Рубинштейн, Гольдмарк, Чайковский, Брукнер, Сметана, Дворжак, Брамс, Гаде, Григ, Свендсен, Баргиель, Десоф, **Дрезеке**, **Гернсхейм**, Херцогенберг, Киль, Кирхнер, Клугхарт, Риман, Верди, Сен-Санс, Бородин и мн. др. Наиболее даровитые из этих авторов и, вместе с тем, наиболее подвергшиеся влиянию Бетховена дали наилучшие квартеты современного репертуара, не считая бесподобных первообразов великого титана, если же в развитии содержания камерной музыки некоторые из них пошли дальше его, то источник такого обогащения, причину расширения горизонта мысли и фантазии надо искать в эволюции европейской культуры в течение XIX века, в бесподобном прогрессе наук, в мощном росте и распространении идей и понятий, дотоле неведомых или чуждых той среде, в которой процветали изящные искусства.

ГЛАВА XIX

1825 — 1826

Продажа мессы и 9 симфонии Шотту. — Переписка с издателями Шоттом, Негели, Петерсом, Пробстом и др. — Переписка с Рисом, Нитом и эрцгерцогом Рудольфом. — Продажа некоторых последних произведений Шлезингеру, Диабелли, Штейнеру и Хаслингеру. — Переписка с этими издателями и с копиистами. — Участие Шиндлера в делах композитора.

Наличность двух, еще не изданных, наиболее объемистых и, по мнению автора, наиболее совершенных произведений, мессы и симфонии, вместе с работой над последними квартетами, заказанными князем Голицыным, вызвали обширную переписку с издателями, преимущественно с фирмой «Братьев Шотт» в Майнце, которая подкупила Бетховена своим искренним, любезным обращением, щедрым гонораром, довольно исправным печатанием и такой же исправной расплатой; этой фирме были проданы, кроме мессы ор. 123 и 9 симфонии, еще следующие последние композиции: «Жертвенная песня» (ор. 121), «Песнь единения» (ор. 122), увертюра «К освящению дома» (ор. 124), посвященная кн. Николаю Голицыну, шесть багательей (ор. 126), квартет ор. 127, романс «Поцелуй» (ор. 128), ранее напечатанный в Вене издателем Ашером, и квартет ор. 131. В этих письмах изложены условия издания и объяснения технического свойства (относительно корректуры, метрономических указаний, формата, типа нотной бумаги, переложения для фортепиано и т. п.). Тут же встречаем сведения: о музыкальном журнале «Цецилия» (в честь св. Цецилии, покровительницы музыки), издававшийся фирмой Шотт в Майнце и подвергавшемся строгой австрийской цензуре; о приглашении Бетховена к сотрудничеству в журнале этом, о посланных им юмористических канонах, о неудовольствии Хаслингера, обиженного одним из этих канонов и потребовавшего реванша в виде письма Бетховена в редакцию журнала, о капельмейстере Руммеле, приехавшем в Вену из Нассау и явившемся к Бетховену со своими произведениями и с рекомендательным письмом от Шотта; о колебаниях автора в деле посвящения 9 симфонии одному из трех иноземных правителей (прусскому, французскому и русскому), вещественные доказательства благорасположения которых к Бетховену не были забыты последним; о посвящении квартета ор. 135 богатому купцу Вольфмайеру, выручавшему большого композитора в критические минуты беднежья; о посвящении квартета ор. 131 генералу Штутерхейму, в протекции которого нуждался тогда племянник Карл; о покаяниях монахов-редамптористов, орден коих был основан в 1732 году святым Liguori. Тут же, в

этих записках и письмах, отчасти написанных рукою племянника Карла или Шиндлера, отчасти набросанных дрожащей рукою большого композитора, не обходится дело, конечно, без излюбленной игры слов, наприм.: Wechselnote (Nota cambiata) — проходящая нота и Wechsel — вексель: gelehrte — ученые и geleerte — пустой, Швенке (фамилия приятеля) и schwenken — качаться, Гофман и Hofmann — придворный и т. п.

Гг. сыновьям Б. Шотт, издателям произведений искусства в Майнце.

Милостивые государи!

Я не мог ответить вам раньше, так как был очень занят. Прилагаемое при сем письмо я поручил составить одному сведущему лицу более меня опытному. Если примете эти условия, то сообщите как можно скорее, так как другие издатели тоже просят эти произведения; признаюсь, меня затрудняет все возрастающая переписка со здешними и иностранными издателями, хорошо бы ее сократить. — Квартета не могу еще обещать вам. Эти оба произведения могу вам предоставить, если ответите мне немедленно. Вашей «Цецилии» я еще не получил, она должна пройти сначала через нашу цензуру!!! — Прощайте. Тот, кого вы рекомендовали мне, покажет послезавтра свои сочинения и тогда я откровенно выскажу ему свое мнение о том, в каком направлении следует ему работать. — Относительно обоих сочинений сообщите поскорее; ввиду других издателей я должен торопиться решением; мне невозможно жить здесь на одно жалованье, и потому я должен воспользоваться ими.

Преданный вам Бетховен.

Вена, 20-го мая 1824.

Гг. Б. Шотта сыновьям в Майнце.

На ваше почтенное письмо от 27-го с. м. честь имею сообщить, что я готов предоставить вам свою большую мессу и новую симфонию. — Цена первой — 1000 фл. конв. монетой, а второй — 600 фл. конв. монетой по 20 фл. Платеж может быть в 3 срока векселями через одну из здешних надежных контор, по принятии ею таковых выпшлю вам ноты за ваш счет или же сдам их здесь указанному вами лицу. Векселя могут быть на следующие сроки 600 фл. на 1 мес., 500 фл. на два и 500 фл. на четыре, считая от сего числа. Если примете эти условия, то буду рад воспользоваться вашею любезностью. Засим имею честь быть с почтением

к услугам вашим Л. ван Бетховен.

Вена, 3-го июля 1824 г.

М. Г.

Я не мог ответить на ваше последнее письмо от 27 мая да и теперь пишу только о самом нужном. Я готов прислать вам также квартет, именно за плату в 50 #, как предлагал вам раньше. Квартет получите наверное не позже 6 недель; в то же время сообщу вам, когда можете прислать мне гонорар. — Что касается прочих произведений, для них уже установлены 3 срока. Но будьте добры послать своему банкиру векселя сначала за первые два сочинения; при получении их я отдам два вышеупомянутых произведения, — именно: большую мессу и большую

симфонию. О квартете я уже сказал выше. — Если послать почтой, то расходы будут не очень велики; я сам укажу банкиру, как это лучше и вернее устроить. —

Не могу писать вам теперь больше, так как завален работой; оставляю себе это удовольствие до другого раза. — Итак, ожидаю вскоре уведомления

Искренно преданный друг ваш Бетховен.

Милостивые государи!

Сообщаю вам только, что наконец на будущей неделе сочинения мои будут наверное сданы. Имейте в виду, что вследствие неуверенности в правильной переписке я должен был просмотреть каждую партию в отдельности. — Это дело, как и многое другое здесь, идет к упадку, тем более при множестве партий — повсюду бедность spiriti — и кошелька.

Вашей «Цецилии» я еще не получал.

Увертюра, которую вы получили от моего брата, на днях была здесь исполнена. Мне пришлось выслушать восторженные отзывы о ней и т. д. Что все это в сравнении с великим творцом гармонии в вышине, — высоко — высоко — поистине всевышним, тогда как здесь внизу они вызывают только насмешки, всевышние карлики!!!!!! —

Квартет вы получите теперь уже с другими произведениями. Вы так откровенны, не притворны. Этих качеств я еще никогда не встречал в издателях, мне это нравится, а потому жму вашу руку; кто знает, может быть вскоре удастся лично?! — Был бы рад если бы вы перевели также сюда Фрису гонорар за квартет, так как у меня как раз теперь большие расходы, все получения ожидаю из-за границы и вероятно кое-где будут задержки — по моей же вине — при сем мой брат прилагает все необходимое относительно предложенных вам и принятых сочинений. — Шлю сердечный поклон. Как видно из вашей газеты, Юнкер еще жив; он был одним из первых, обративших внимание на меня, ничтожного и неизвестного поклон ему. —

Поспешно, быстро и все же не кратко ваш Бетховен.

Баден, близ Вены, 7 сент. 1824.

Спешу сообщить вам только, что не получил вашего письма от 19-го авг.; причина мне неизвестна. Что касается вашего последнего письма с ордером торговому дому Фрис и Комп., то можете быть уверены, что как только уеду отсюда в Вену, а именно не позже конца месяца, вышло вам точас же оба упомянутые сочинения. Квартет тоже наверное получите к половине октября. Со мной приходится быть терпеливым, вследствие моей болезненности и усиленных занятий. Живу здесь благодаря своему здоровью, или вернее нездоровью; чувствую себя лучше, Аполлон и музы не выдадут меня еще смерти, так как я еще в большом долгу у них и прежде, чем отправиться в Елисейские поля, я должен закончить все, что внушает и велит мне вдохновение. Мне постоянно кажется, что успел написать только несколько строк, всякого успеха вашим трудам в области искусства; только искусство и наука предвещают нам и заставляют нас надеяться на лучшую жизнь. — На днях напишу больше.

Второпах, преданнейший вам милостивые государи Бетховен.

Милостивые государи!

К сожалению высылка сочинений опять запоздала немного. Осталось кое-что просмотреть в копиях, но так как я не был летом здесь, то должен теперь давать, по два часа ежедневно, уроки его импер. высочеству эрцгерцогу Рудольфу, после чего я почти не способен ни к чему другому, но жить на свои доходы я не могу, а потому принужден зарабатывать пером — хотя никто не считается с моим слабым здоровьем и драгоценным временем — надеюсь, такое состояние не будет продолжительным и я вскоре пересмотрю остальное и пришлю вам оба сочинения.

Несколько дней тому назад я получил предложение касающееся вас: одна иностранная музыкальная фирма хочет взять у вас сейчас же 50 экземпляров обоих сочинений и вместе с тем вступить с вами в соглашение во избежание контрафакции. Я решительно отверг все это так как научен горьким опытом (может быть только интрига), но если вы желаете чего-нибудь в этом роде, то с удовольствием наведу точные справки.

Теперь о другом предложении: брат мой оказал мне некоторые услуги, за что я предоставил ему взамен следуемых ему денег следующие сочинения, именно: большую увертюру, которая была исполнена здесь в моем концерте; 6 багателей или мелочей для одного фортепиано, из которых иные представляют собою наиболее законченные и лучшие из всех пьес, написанных мною в этом роде; — и три песни, из коих две — с хором, а аккомпанемент одной фортепианный или с духовыми инструментами, другой фортепианный или целого оркестра; а третьей — только фортепианный. — Увертюра в двух фортепианных переложениях, в 2 и в 4 руки, каковые обе получите. — Мой брат просит за все 130 # золотом. Он человек состоятельный и помещик, а потому ему безразлично, какие вы назначите сроки для уплаты; он предоставляет это вашему усмотрению. Прошу вас очень поспешить ответом, так как имею другое предложение на эти произведения (не хвастаюсь и никогда этим не занимался). Поэтому необходимо поспешить. Я полагал, что вам может быть желательно получить побольше моих произведений и просил брата об отсрочке. Не беспокойтесь ни о квартете, ни о двух других сочинениях; до первых чисел наступающего месяца все будет сдано. Вероятно вы уже убедились в моей откровенности и не станете подозревать в хитрости, задней мысли и т. п. Быть может нам с вами суждено сойтись близко!

Как всегда ваш Бетховен.

Вена, 5 декабря 1824 г.

Милостивые государи!

Будьте уверены, что на этой неделе пьесы будут сданы Фрису и К° и не беспокойтесь относительно фортепианного переложения, издание которого как вам вероятно передали было мне предложено, этого не было и не будет; об этом шла речь только до тех пор, пока я еще не был уверен в вас, так как одно лицо, едва ли подозреваемое вами (тоже издатель), предостерегало меня здесь от вас. Но лишь только один из моих друзей осведомился у Фриса и К° и все оказалось в лучшем виде, всему этому делу был положен конец, и я даю вам свое честное слово, что ничего не было и не будет. — Я получил также приглашение из Лейпцига послать туда за плату эти произведения для исполнения, но сейчас же наотрез отказал. — Сообщаю вам об этом так как замечая, что находятся лица, которые стремятся расстроить наши отношения, кажется с обеих сторон. Для вашего журнала буду доставлять приложения. — Не пишите ни слова в вашем журнале об уроках у кардинала эрцгерцога Рудольфа. Я уж давно стараюсь освободиться от этого ига. Понятно стремление поощрять авторитеты, о которых раньше и не ду-

мали и которые появляются в последние времена, слава Богу, за будущие паровые пушки и за существующее уже паровое судоходство, какие заморские пловцы появятся среди нас и доставят нам воздух и свободу?! — Вы должно быть уже получили письма, — если не потонули в речных потоках; будьте вполне уверены в исправной высылке обоих произведений на этой же неделе.

Небеса да будут с вами преданнейший Бетховен.

Вена, 17 декабря 1824 г.

Милостивые государи!

Спешу сообщить вам, что вероятно через неделю сдам сочинения. Эрцгерцог Р. вчера уехал отсюда; приходилось посвящать ему много времени. Он меня любит и особенно уважает, но этим сыт не будешь и напрасно многие повторяют относительно наших отношений, что «соловья баснями не кормят». Так как партитура должна быть напечатана вполне исправно, то я сам должен просмотреть ее несколько раз; ведь у меня нет опытного копииста; прежний уже полтора года в гробу; на него я мог положиться, но такого надо сначала воспитать. Во всяком случае относитесь ко мне с полным доверием, я никогда не делал чего-либо предосудительного. При сдаче рукописей я приложу документ в виде свидетельства на право собственности. — Ведь весьма вероятно, что здешний издатель, который старался рассорить меня с вами, придумывает средства, чтобы вызвать в вас подозрение ко мне. По крайней мере, он уже пытался расстроить другие связи, так что можно и тут предположить что-нибудь подобное.

Только вчера я получил письмо от своего брата, в котором он соглашается предоставить вам упомянутые сочинения. Я рад, что именно эти произведения достанутся вам. Как только брат придет, — а это будет вскоре, — и напишу вам подробнее; все пьесы окончены и можно их сейчас же выслать. Я хотел бы, чтобы они были скорее напечатаны. — Что касается квартета, то только в последней части нужно дописать кое-что, в остальном он готов, и можно сдать его также немедленно. Во всяком случае, брат мой вполне доволен вашими условиями относительно получения платы.

Как всегда, ваш друг Бетховен.

Вена, 29 декабря 1824 г.

Милостивые государи!

Так как мой дорогой брат дает вам за 130 венских дукатов те произведения, которые мне раньше предоставил, то честь имею сообщить вам, что я согласен со всеми распоряжениями брата, хотя я получил два очень лестных предложения относительно этих вещей, все же отдаю вам из уважения к своему брату и к вашей фирме эти сочинения за условленную цену в 130 #, но с условием, чтобы вы мне послали по три экземпляра каждого.

Эти вещи уже переписаны начисто и я готов их передать Фрису и К^т к тому времени, когда получу от вас трехмесячный вексель, акцептованный Фрисом.

Примите уверение в моем почтении с которым пребывает вашему благородию преданнейший

Иоганн ван Бетховен m. p.

Помещик.

Вена, 22 января 1825 г.

Милостивые государи!

Оба сочинения сданы Фрису 16 января. О них сообщу все нужное в следующем письме. Оба они связаны вместе и находятся у Фриса, где, видимо, их хранят бережно и относятся к ним заботливо. Мне не верится, что месса напечатана. Источником этого слуха, я уверен, является некий Брокхаузен, организатор певческого общества; он прислал мне много комплиментов относительно мессы и писал, что двор оказал ему доверие, выдав копию для его общества. Но злоупотребления не может быть, потому что герцог фон-Блакас посетил этих музыкантов и писал, что они крайне слабы. — Мне нездоровилось, но надеюсь, все пройдет благополучно. Шлезингеру тоже нельзя верить, так как он, по обыкновению, врет. Оба бомбардировали меня из-за мессы; я не удостоил ответом обоих, так как давно забраковал их. Будьте добры прислать мне что-нибудь подписать в удостоверение вашего исключительного обладания; впрочем вот оно. —

Я, нижеподписавшийся, свидетельствую своей подписью, что сыновья Б. Шотт в Майнце являются единственными и полноправными издателями моей большой торжественной мессы, равно как и моей большой симфонии в D-moll. А также признаю я только эти издания законными и точными.

Людвиг ван Бетховен.

Вена, ...января 1825.

Шлезингер хотел также издать полное собрание моих квартетов и периодически получать от меня новые, за какую мне угодно плату. Но так как это могло помешать моему намерению издать полное собрание своих сочинений, то на это я также не ответил. В виду этого, не возьметесь ли вы, потому что лучше сделать это теперь, при мне, чем после моей смерти. На этот счет я уже получил предложения и проекты, но все они кажутся мне неподходящими для такого большого предприятия. Вам я доверился бы скорее и согласился бы взять за все определенную сумму, указал бы мелкие незначительные изменения и к каждому роду сочинений, как напр. к вариациям или сонатам и т. п., прибавил бы такое же новое произведение.

При сем прилагаю несколько канонов для вашего журнала — вскоре получите еще три, в виде приложения к фантастическому жизнеописанию Тобиаса Хаслингера, в трех частях. Первая часть: Тобиас, в качестве помощника знаменитого капельмейстера Фукса, держит лестницу, ведущую к его Gradus ad Parnasum. По склонности к забавам, он дергает и качает лестницу, так что иные, поднявшись уже довольно высоко, внезапно летят вниз, свернув себе шею и т. п. Затем он прощается с нашим комом земли и вновь появляется на свет Божий во второй части, во времена Альбрехтсбергера. Они обсуждают вместе с Альбрехтсбергером прежнюю nota cambiata Фукса, причем дают проходящим нотам широкое расположение, широко поощряют сочинение музыкальной чепухи и т. д. Затем Тобиас внезапно превращается в гусеницу и развертывается в третьей части, чтобы в третий раз появиться на сем свете. Едва пробивающиеся крылья несут его по направлению к Paternostergasschen, он становится патерностер-уличным капельмейстером; пройдя школу проходящих нот, он усваивает только вексельное право; таким образом создает себе друга детства и, наконец, становится

членом многих здешних проученных обществ etc. Он позволит издать это жизнеописание, если вы его об этом попросите.

Быстро и второпях ваш Бетховен.

Милостивые государи!

Только несколько спешных напоминаний. Чтобы партитура мессы была лучше и отчетливее, следует оставить промежутки между духовыми и медными инструментами, а также литаврами; затем идут 2 скрипки, альт, 4 виолончельных solo, 4 хоровые партии, партия виолончели, контрабаса и наконец органа. Так расположены были голоса в партитуре моим покойным переписчиком. Партию органа можно переместить, если у вас делается иначе. Старая партитура была слишком измазана и потому не мог послать ее вам; новая проверена очень старательно; — поистине, немалый труд, когда переписчик не понимает того, что пишет. —

Вам пришлось бы очень долго ждать переписки всей симфонии целиком; я право не нахожу переписчика, который хоть немного понимал бы то, что пишет; поэтому я велел вставить новые листы там, где было слишком плохо написано. — Иной раз точка стоит под нотой, вместо

того, чтобы быть рядом, а именно

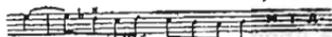
например и т. п. Укажите пожалуйста граверу, чтобы он обратил внимание на это и ставил подобные точки всюду рядом с нотой на той же линии.

В первом allegro 1-й части в обеих скрипках имеется следующее место:

над этим должно стоять *non ligato*, точно так же во 2-й части. — Также надо справиться не забыли ли в *dona nobis* в *allegro assai* в первой скрипке перед *D* поставить *b* в следующем месте:

Vno primo

Может быть также не обозначен темп *Benedictus Andante molto cantabile e non troppo mosso*. — В канонах, которые я вам послал и сам переписал, причем по обыкновению наделал ошибок, — в 3-м и 4-м такте должно быть так:

Сообщите же скорее относительно Парижа; я мог бы выслать вам отсюда французское объяснение; впрочем я на все безусловно согласен, что только предпримете. — Мой брат еще не получил векселя, поспешите с этим, так как он нуждается в деньгах; тем более, что здесь уже получено уведомление о выдаче этих денег и я имел большую неприятность с другим издателем, к тому же еще одна, очень далекая фирма просила эти произведения, не хвастаюсь. — Квартет будет сдан самое большее через 8 дней, так как я очень спешу окончить другое сочинение.

Любящий и уважающий вас друг Бетховен.

Вена, 5-го февр. 1825 г.

Милостивые государи!

Вскоре вы получите все сочинения. Удостоверяю письменно, что вы единственный собственник Иозефштадт. увертюры и ее переложений для фортепиано, а также 6 моих мелочей или багательей и 3 песен, из которых 2 с аккомпанементом духовых инструментов или фортепиано, и одна ариетта с фортепиано; и что только ваши издания правильны и законны.

Людвиг ван Бетховен.

Будьте добры поспешить с переложением увертюры для фортепиано; как видно, вам уже известен бесчестный поступок г-на Хеннинга; я только что хотел известить вас об этом. Кенигштадтс. театр получил увертюру только для исполнения, а не для печати или издания; об этом было здесь заключено письменное условие с Бетманом, но вы вероятно слышали, что с ним разошлись, и вот думали вероятно что имеют право нарушить то, что было с ним условлено. Я получил об этом сообщении из Берлина от одного моего знакомого и сейчас же написал Хеннингу; он тотчас же ответил, что хотя это случилось с фортепианным переложением в 4 руки, — чего невозможно исправить, но что конечно ничего подобного больше не будет, в чем я могу быть уверен. — Я послал вам письмо, но оно уже не нужно. Выпустите только сейчас переложения для фортепиано, поименовав меня или же Карла Черни, который их сделал; был бы рад если бы увертюра тоже стала достоянием музыкальной публики; заглавие Иозефштадтск. остается. Посвящение его сиятельству князю Николаю Голицыну, т. е. только на партитуре, — вы теперь вероятно всюду опубликуете об этих произведениях, также и в Париже и т. д. Относительно этого вполне предоставляю вам соблюдать, насколько можете и в лучшем виде, свои интересы. Согласен на все, что найдете для этого нужным. — Я послал вам несколько канонов для «Цецилии». Но если вы хотите что-нибудь другое, напишите мне. — Относительно дела Брокхаузена в Париже будьте совершенно покойны, я уж напишу ему. Вы шутите прося у меня романтическое жизнеописание Тобиаса; так надо поступать с этими людьми бездушными венцами; ведь это именно он предостерегал меня от вас.

Silentium. Нельзя иначе; собственно Штейнер из Патер-ностер перелука в этом деле главный плут и подлец, а Тобиас скорее слабый и покладистый человек; мне он нужен для некоторых дел; пусть они говорят, что хотят; в отношениях к ним это для них безразлично. — Как только решите, приступите немедленно к изданию полного собрания моих сочинений; можно кое-где поместить новые пьесы разного рода; даже небольшие вещицы могут быть полезны. Можете также опубликовать, что предстоящие издания сделаны под моей редакцией # (я подразумеваю новые произведения, которые вы теперь выпустите — nb. появившаяся в Париже месса представляет собою перепечатки прежней мой мессы), — я не получил ни 4-й, ни 5-й тетради «Цецилии».

Прощайте жду от вас несколько дружеских строк.

С истинным уважением Бетховен.

С удовольствием передаю «Цецилии» и ее читателям несколько канонов, написанных в виде приложениа к юмористическому и романтическому жизнеописанию здешнего господина Тобиаса Хаслингера, которое вскоре выйдет в трех частях.

В первой части Тобиас является помощником знаменитого знатока капельмейстера Фукса и поддерживает лестницу для его Gradus ad

Parnassum. Так как он плохо стоит на ногах, то от тряски и качания лестницы уже многие, взобравшиеся довольно высоко, ломают себе шею и т. д.

Вот он прощается с нашим земным шаром и является во второй части снова на свет во времена Альбрехтсбергера. Уже существующая фуксова *nota cambiata* применяется совместно с Альбрехтсбергером. Проходящие ноты разрастаются до крайности, искусство создавать музыкальные скелеты достигло апогея и т. д.

Тобиас, как гусеница, свертывается снова и появляется в третьей части, чтобы в третий раз явиться на этом свете. Едва выросшие крылья бьются по направлению к Патерностер-переулку и он становится капельмейстером патерностеровского переулка. Пройдя школу проходящих нот он усваивает только векселя и присваивает звание члена многих пустых обществ и т. д.

При этом вы получите семь произведений моего брата, начисто переписанных и только теперь им просмотренных и исправленных, так что они сейчас же могут быть напечатаны, причем сообщая вам, что все имеющиеся у вас сочинения, именно: большая месса, симфония и произведения, которые теперь получите, вы должны послать для корректуры, чтобы не терять времени не брату моему, а известному своею сноровкою г-ну Готфриду Веберу. Я не сомневаюсь, что последний с удовольствием возьмется за корректуру из уважения к автору его и произведениям его.

Далее от моего и моего брата имени сообщая вам, что вышеупомянутые семь произведений вы можете считать своею полною собственностью, что мой брат подтвердит в следующем своем к вам письме.

С глубоким уважением остаюсь Иоганн ван Бетховен m. рг.
Помещик.

Это письмо Иоганна, видимо, было передано известному критику и музыковеду Г. Веберу, в чем убеждают две надписи, одна рукою Шотта: «Вам надоедают», другая рукою Вебера: «Ни за что не возьмусь за корректуру и не желаю стать корректором господина Бетховена. Проклятая затея домашнего шута».

Вена, 19 марта 1825.

Милостивые государи!

Во-первых, присылаю вам объявление, которое я поместил в некоторых газетах. Поспешите же с фортепианными переложениями, потому что четырехручное издание уже здесь, как упомянуто в объявлении. Скрипичный квартет будет на этих днях сдан.

Мне делали относительно него выгодные предложения, но я не обращаю на них внимания и держу данное вам слово. — Между моими бумагами имеются еще некоторые мелочи, список которых пришлю вам вскоре. Продолжаю писать скрипичные квартеты. Второй близок к окончанию. План полного издания я вам вышлю. Каноны следуют один за другим. Некоторые записаны *stante pede* и мне приходится вспоминать их, так как листы утеряны. После 3-й тетради «Цецилии» я больше ничего не получал. — Получите также вскоре указание Opus'ов тех моих произведений, которые находятся у вас. — Вот все, что считаю необходимым ответить на ваше последнее письмо. Не забудьте, что симфония должна появиться только в конце июля или в начале августа. Будьте уверены, что ваше сердечное отношение меня

очень радует и восхищает; буду стараться со своей стороны отплатить по мере сил искренней дружбой.

Ваш друг Бетховен.

P. S. Что касается полученных вами от меня двух канонов, то их заглавия должны остаться в том виде, как они обозначены, именно, на одном из них стоит заглавие: «На того, кто именуется Гофманом»; на другом: «На того, кто именуется Швенке».

Вена, Марций 1825.

Милостивые государи!

Вот порядок большой песни 3

№ 121 мессы 123
увертюры — 124
симфонии — 125
багателей — 126
квартета — 127

Вскоре сообщу темпы по метроному, мой болен, часовой мастер восстановит его ровный постоянный пульс — симфония, как вам известно, должна появиться не ранее конца июля — квартет готов, но мне хотелось бы также немного задерж. выпуск, о нем очень высокого мнения, молва гласит, что это величайшее и красивейшее из мною написанного, лучшие виртуозы состязаются здесь в исполнении его — на сегодня конец ничего не выйдет если стереотипно переумножать свои слова и отбивать работу копиистов —

вскоре больше сердечно и с уважением преданный вам Бетховен.

Вена, 7 мая 1825 г.

Милостивые государи!

Присылаю вам только несколько строк, потому что собираюсь переехать на дачу и все еще не поправился после воспаления кишок. В том месте второй строфы «Жертвенной песни», где написано, мне хотелось бы это место заменить другим, а именно:

Вена, 7 мая 1825.

NB. Надо также проверить, указано ли в партии виолончели там, где вступает хор в «Жертвенной песне», tutti и violoncelli, — если нет, то нужно это сделать.

Квартет верно вы уже получили, это тот самый, что обещан вам. Я мог здесь получить за него от нескольких издателей гонорар в 60 #, но предпочел сдержать данное вам слово.

Некто сочинил для моей мессы в С превосходный немецкий текст, не то что лейпцигский. Не хотите ли издать ее вновь с новым текстом? — Из мелких произведений у меня имеются 4 марша для полного военного оркестра и поздравительный менуэт; написаны по случаю разных событий; гонорар — 25 # золотом. Что касается до издания собрания сочинений, то бумаги лежат предо мною и я вскоре представлю вам все необходимые соображения, если вы еще не раздумали. — Надеюсь, проделки Хеннинга не вызвали в вас недоверия ко мне; если же это так, то пришлю вам его письмо, в котором он отказывается от всего,

что касается увертюры. Условия были заключены здесь письменно с Бетманом, который, как известно, разошелся с обществом.

Мил. государи!

К удивлению своему заметил я, что в 7-й тетради «Цецилии», на стр. 205, вы напечатали канон, присланный мною вам по-приятельски и в виде шутки, которая легко может быть принята за язвительную насмешку, между тем как это не входило в мои намерения и я по убеждению всегда был врагом всяких оскорблений. Я резок как артист, и это всем известно; но как человек, я отношусь к окружающему совершенно иначе. Очевидно причиной недоразумения послужил мой быстрый и часто неразборчивый почерк, так как с первого взгляда вам должно было броситься в глаза, что весь набросок жизнеописания моего уважаемого друга господина Тобиаса Хаслингера был только шуткой; иначе и не могло быть, ибо я, как гласит мое письмо, с целью развить эту шутку желал взяться за издание его биографии, ожидая только его согласия на ваше предложение.

Вы просили выслать вам приложения и моя цель была бы достигнута, если бы вы просто вставили оба канона, одно заглавие которых достаточно доказывает, что в них нелегко найти что-либо общее с биографией Хаслингера; но мне и во сне не снилось, что вы злоупотребите частной перепиской и представите подобную шутку читателям, которые даже едва ли поймут нерифмованные строки, которые вам благоугодно было вставить (напр.: строка 2-я «каноны, которые я в виде приложений и т. д.») — Слово «пустой» соответствующее всему юмористическому содержанию можно допустить в тесном кругу за шутливым разговором, но мне никогда не приходило в голову заменить им в печати слово ученый.

Это выходит за пределы шутки! В будущем постараюсь быть более осторожным, чтобы почерк мой не вызвал новых недоразумений. Ввиду изложенного жду немедленного и безотлагательного и безусловного оглашения сего в «Цецилии»; ведь дело обстоит так как я его здесь изложил и ни в каком случае не должно быть истолковано иначе.

Вена, 13 авг. 1825.

Л. ван Бетховен.

Уверен в том, что эта заметка будет немедленно напечатана в «Цецилии».

Преданный вам Бетховен.

Милостивые государи!

Указания tempo по метроному Мельцеля пришлю вскоре; при сем посылаю вам заглавие мессы.

Missa

Composita et

Serenissimo ac. Eminentissimo Domino Domino Rudolpho Ioanni Caesareo Principi et Archduci Austriae S. R. E. Tit. s. Petri in monte aureo Cardinali et Archiepiscopo Olomuensi profundissima cum veneratione dedicata

а

Ludovico van Beethoven.

Список подписчиков должен быть в начале:

1. Император российский.
2. Король прусский.

3. Король французский.
4. Король датский.
5. Курфюрст саксонский.
6. Великий герцог дармштадтский.
7. Великий герцог тосканский.
8. Князь Голицын.
9. Князь Радзивилл.
10. Общество «Цецилия» во Франкфурте.

С посвящением симфонии прошу еще повременить, так как я еще не решил этого; вообще предлагаю вам отложить издание этих произведений еще месяца на три, вы меня этим очень обяжете. Недостающее будет вскоре окончено. Покорнейше прошу вас быть столь любезным и выслать мне экземпляр исправленной партии фэготов.

Может быть вы еще не получили удостоверения в праве собственности на квартет Es, прилагаю его при сем.

Преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Сим удостоверяю своею подписью, что гг. Б. Шотта сыновья получили от меня квартет в тоне Es для двух скрипок, альты и виолончели и что он всецело и исключительно принадлежит им.

Вена, 25 ноября 1825 г.

Людвиг ван Бетховен.

М. государи!

В ответ на ваше последнее письмо сообщаю вам, что вскоре получите все метрономические указания, не забудьте пожалуйста, что первый квартет посвящен князю Голицыну. — Сколько мне известно Мат. Артариа уже получил от вас два экземпляра увертюры. По забывчивости, я еще не поблагодарил вас за прежние экземпляры; совершенно забыл; во всяком случае будьте уверены, что этих экземпляров я не продаю и не торгую ими; их получают только некоторые, уважаемые мною артисты; от этого вы не терпите убытка, так как они все равно не могли бы купить себе этих нот. Мне надо также знать потребовал ли у вас князь Голицын установленное число экземпляров квартета и увертюры, когда сообщил вам титулы для посвящения, если нет, то я должен буду послать их ему отсюда.

Затем прошу вас в будущем пересылать мне посылки через Мат. Артариа, а не через Штейнера, так как через первого мне кажется все получается скорее. В мессе прежде всего должен быть напечатан список подписчиков и только после этого должно следовать посвящение эрцгерцогу в том виде как я его уже послал вам. Относительно посвящения симфонии я вскоре сообщу вам; я предполагал посвятить ее императору Александру, но последние события изменили это намерение. Вы просите у меня новых произведений?

Добрейшии!!

Вы меня грубо оскорбили! Вы меня обманули: извольте же оправдаться здесь, перед моим судейским креслом. Лишь только лед растает, Майнц пусть направится сюда; пусть явится также к ответу рецензент высшего апелляционного судилища, — а пока будьте здоровы. Мы не особенно расположены к вам. Дано без подачи на высотах Шварцшпани.

28 января 1826 г.

Бетховен.

Вена, 20 мая 1826 г.

Гг. сыновьям Б. Шотта в Майнце.

Вследствие массы дел и постоянно расстроенного здоровья я не мог раньше ответить на ваше почтенное письмо от 6-го апреля. К тому же квартет тогда не был еще окончен; теперь он готов. Вы конечно понимаете, что я неохотно отказываюсь от гонорара в 80 #, каковой был мне предложен и уплачен за оба прежних квартета предшествовавших вашему. Но так как вы уже согласились дать мне этот гонорар, то с удовольствием принимаю ваше предложение выплатить мне его в 2 срока. Поэтому будьте добры выслать мне два векселя, один в сорок дукатов *a vista*, другой на ту же сумму для уплаты через два месяца. Так как вы конечно знаете о несчастье, постигшем дом Фриса, то прошу вас прислать векселя Ариштейну и Эселесу. Метрономические указания получите через неделю по почте. Дело подвигается медленно, так как приходится щадить свое здоровье. Я еще не получил от вас квартета, а также Минервы. — Должен еще раз просить вас не подозревать меня в намерении дважды продать какую-либо рукопись. Как было с увертюрой, вы знаете сами. — Я не могу ничего сказать относительно обвинения в том, что я вторично продал Шлезингеру ваш квартет, так как такой поступок был бы пошлым и я не нашел бы себе оправдания. Его нельзя смыть даже самым лучшим рейнским вином. Если даже к ним прибавить лигорианские покаяния, как они практикуются у нас.

Преданный вам Бетховен.

NB. Прошу вас ответить скорее на это письмо.

Вена, 13 июля 1826 г.

На ваше почтенное последнее письмо, в котором вы сообщаете о переводе г-ну Франку подлежащей уплате первой половины гонорара за мой последний квартет, сообщаю вам, что упомянутое произведение окончено и готово к выдаче. Итак будьте добры только доставить мне чек на вторую половину (40 дукатов), подлежащую уплате через два месяца; как только получу его, не премину вручить рукопись г-ну Франку. Я не писал бы об этом и думаю, что вы только забыли это, но собираюсь совершить вскоре небольшую поездку для поправления здоровья, на что мне нужно еще немного денег, каковые могу получить по этому чеку. В заключение прошу выслать мне чек с первой почтой, так как останусь здесь недолго.

С глубоким почтением преданный вам Л. в. Бетховен.

Вена, 26 июля 1826 г.

Из постскриптума вашего почтенного письма от 8-го сего месяца я узнал, что вы намерены послать королю прусскому два экземпляра симфонии. Прошу вас пока отложить это, так как я намерен отсюда послать королю с курьером рукопись этого произведения, что может быть сделано этим путем без всякого риска. Итак прошу вас повременить с изданием, пока я не изведу вас, что король получил копию; вы понимаете, что с выпуском издания пропадет ценность копии. Для предназначенных королю экземпляров прошу взять самую лучшую бумагу. В моем последнем письме от 12 сего месяца, уже конечно полученном вами, я писал, что решил предпринять небольшую поездку для поправления своего расстроенного здоровья, поэтому ожидаю ваш чек на г-на Франка, и по получении его немедленно приведу в исполнение свое намерение.

Итак прошу вас любезно поспешить с ответом.

С глубоким почтением преданнейший вам Бетховен.

Настоящий Тобиас primus, бывший secundus, клянется, что было много запросов относительно квартета Es и что поэтому он еще два месяца тому назад письменно просил выслать его, но несмотря на это еще не получил. Дело идет о тетрадах из Шварцшпаниен, каковые наконец скоро появятся.

Вена, 29 июля 1826 г.

Спешу известить вас, что ваше почтенное от 19 сего месяца получено мною исправно. Вместе с тем сообщаю вам, что через несколько дней сдам г-ну Франку квартет, а также ваше письмо; я сделал бы это раньше, если бы не имел в виду передать рукопись вполне готовою к набору и пересмотреть ее еще раз, как можно внимательнее. Сердечно благодарю за перевод векселя и еще раз прошу не подозревать меня в недоверии к вашей почтенной фирме.

Метрономические указания вскоре получите, при всем желании написать вам об одном деле одинаково важном для вас и для меня, сегодня не могу сделать этого, так как завален работой. Поэтому откладываю подробное изложение до следующей почты и остаюсь преданнейший вам

Бетховен.

Вена, 29 сент. 1826 года.

Собираясь уехать в деревню спешу уведомить вас, что на днях получены метрономические указания для симфонии.

Квартет 1 Cis-moll вероятно уже у вас; не пугайтесь 4-х диэзов. Это произведение вскоре будет исполнено здесь в пользу одного артиста.

В заключение прошу вас поспешить изданием собрания моих сочинений; не могу скрыть от вас, что строго следуя данному вам обещанию, я этим сохранил за вами все выгоды, хотя имею по сему предмету предложения других издателей.

Преданный вам Бетховен.

P. S. Должен еще заметить, что во второй части симфонии, после последнего такта в Maggiore забыли поставить DS.

Violino 1-мо

Преданный вам Бетховен.

Гнейксендорф, 13 окт. 1826 г.

Пользуюсь концом лета, чтобы отдохнуть здесь в деревне, так как летом я не имел возможности покинуть Вену. — За это время я сделал в симфонии все метрономические указания и прилагаю при сем все tempi.

Можете также велеть напечатать их отдельно — не забудьте того, что я указал вам относительно второй части.

Вскоре вышлю вам также мессу с метрономическими указаниями. Новый квартет вероятно вы уже получили. Желательно знать ваше

мнение относительно издания полного собрания моих сочинений; прошу вас сообщить его скорее. Если бы я не противодействовал всеми силами, то издание было бы уже начато, но с убытком для издателей и без выгоды для меня.

Местность, где я теперь нахожусь, несколько напоминает берега Рейна; я покинул их в юности и страстно желал бы вновь увидеть. Сообщите мне поскорее что-нибудь утешительное. Как всегда с глубоким почтением

преданнейший вам Бетховен.

Вена, 9-го дек. 1826 г.

Ваше последнее письмо от 28 ноября обрадовало меня. К сожалению, на возвратном пути из деревни одно обстоятельство вызвало простуду и я принужден лежать в постели. Я велел выписать квартет и полагаю, хотя не уверен, что в вашей партитуре также имеются кое-какие ошибки; я просмотрел ее старательно; едва ли кто-либо проверяет так внимательно свою собственную партитуру. Чтобы быть вполне уверенным в этом, я сообщу вам все, что замечу. Герб э. Рудольфа, а также метрономические указания получите немедленно при первой возможности. То, что касается симфонии, получите со следующей почтой.

Ваша приписка относительно перепечатывания квартета тем более меня удивила, что вы сами издаете в Париже; я же здесь совершенно не при чем. Если я обязан высказать свой взгляд на это дело, то сознаюсь, что склонен винить Шлезингера. Вы помните, что он уже раз письменно просил о квартете; вы сами тогда думали, что я настолько неблагодарен, что дам ему подобное произведение. Старик Шлезингер из Берлина был в это лето здесь и хотел получить от здешнего издателя Матвея Артария квартет моего сочинения, но ему было в этом отказано. Если я настоятельно обращался к вам относительно издания моих сочинений, то это было именно из-за Шлезингера, так как он прислал мне собрание моих сочинений, начиная с самых ранних и кончая последними квартетами, с целью издать их вновь; я наотрез отказал ему в этом так как считаю бесчестным содействовать подобной затее, а тем более выставить свое имя. Советую вам, впрочем, не печатать ничего об этом, так как в таких случаях трудно найти веские доказательства. Прощайте. Если буду на Рейне, то навещу и вас. Надеюсь вскоре совершенно выздороветь.

Преданный вам.

Спешу выслать вам герб е. им. высочества эрцгерцога Рудольфа. После посвящения можете поместить список остальных подписчиков. Метрономические указания вскоре получите; подождите их. В нашем столетии подобные вещи конечно необходимы. Мне пишут также из Берлина, что первое исполнение симфонии прошло с восторженным успехом, что я приписываю главным образом метрономическим указаниям. Мы все реже можем прибегать в *tempi ordinari*, так как должны подчиняться идеям свободного гения. Вы окажете мне большую услугу, если будете добры послать моему уважаемому другу корол. прус. советнику губернского правления Францу фон-Вегелеру в Кобленце следующее: жертвенную песнь, песнь единения, песнь «у Хлои был я лишь один» и багатели для фортепиано. Первые три пошлите ему, пожалуйста, в партитуре. Стоимость я уплачу с удовольствием. Посвящение

квартета получите через несколько дней. Я уже несколько недель лежу в постели, но с божьей помощью надеюсь вскоре поправиться. Поручаю себя вашему вниманию

преданнейший вам Людвиг ван Бетховен.

Милостивые государи!

Я уже два месяца в постели, страдаю водянкой; вот почему я не писал вам. При сем получите еще некоторые существенные исправления симфонии. Не могу понять отчего не руководствовались строго моей партитурой. Поэтому прошу вас опубликовать это всюду.

Прочие ошибки замечены в квартете Es парижского и майнцского изданий. — Если вам сказали будто квартет был издан здесь, — то это вздор. Во всяком случае остаюсь с глубоким почтением преданный вам милостивые государи

Людвиг ван Бетховен.

P. S. Буду очень рад получить вскоре для развлечения «Цецилию».

Вена, 22-го фев. 1827 г.

Милостивые государи!

Я получил через капельмейстера Крейцера ваше последнее письмо. Отвечаю вам лишь на самое нужное. До opus'a (квартета Cis-moll), имеющегося у вас, идет то, что находится у Мат. Артариа. По этому можете легко определить нумерацию. Посвящение таково: посвящается моему другу Иоганну Непомуку Вольфмайеру.

А теперь обращаюсь с очень важной просьбой. — Мой врач предписал мне пить лучший старый рейнвейн. В чистом виде здесь нельзя его получить даже за самую дорогую плату. Поэтому прошу выслать несколько бутылок и отплачу вам на страницах «Цецилии». Надеюсь в таможне примут меры, чтобы уменьшить для меня стоимость пересылки. — Как только силы позволят мне, вышлю вам мессу с метрономическими указаниями; теперь ожидаю четвертую операцию. — А потому, чем скорее получу рейнвейн или мозельвейн, тем полезнее будет он для меня в таком состоянии: убедительно прошу вас об этом одолжении, чем обяжете быть вам благодарным.

С глубочайшим почтением остаюсь

преданнейший вам, милостивые государи, Бетховен.

Вена, 1 марта 1827 г.

Милостивые государи!

Я принужден опять навязать вам поручение: пришлю вам пакет для советника королевского губернского правления Вегелера в Кобленц; будьте любезны препроводить его из Майнца в Кобленц. Вы знаете, что я слишком бескорыстен, чтобы просить все это сделать даром. Я уже писал вам и вновь прошу относительно старого белого рейнвейна или мозельвейна. Здесь ужасно трудно даже за высокую плату достать его чистым и не подделанным. Несколько дней тому назад 27 ф. мне сделали 4 операцию и все же я не предвижу полного улучшения и выздоровления. Пожалейте преданнейшего и глубоко вас уважающего друга

Бетховена т. р.

Вена, 10 мар. 1827 г.

Милостивые государи!

Из моего письма видно, что квартет следовало посвятить тому, чье имя я вам уже сообщил. Одно неожиданное обстоятельство заставило

меня изменить это. Он должен быть посвящен здешнему фельдмаршал-лейтенанту, барону фон Штуттерхейму, которому я обязан многими услугами. Если первое посвящение уже гравировано, то прошу вас ради всего святого заменить его, охотно покрою ваши расходы. Не думайте, что это пустое обещание; это так важно для меня, что готов заплатить сколько угодно.

Заглавие при сем прилагаю. Очень рад, что могу избавить вас от посылки моему другу, советнику губернского правления корол. прус. ф. Вегелеру в Кобленце. Представился случай все переслать ему. — Мое здоровье восстановится не скоро и нуждается в просимом вине, которое наверно подкрепит меня, придаст силы и исцелит.

Остаюсь с глубочайшим почтением преданнейший вам,
милостивые государи, Людвиг ван Бетховен.

К двум лейпцигским фирмам, Петерса и Пробста, композитор обратился с предложением издания одного или двух квартетов и некоторых мелочей, но переписка оказалась бесплодной: Петерс, выдав уже авансом 360 гульденов и получив багатели (ор. 126) и другие мелочи, нашел эти произведения недостойными имени автора и высокой платы, назначенной последним; он отослал обратно рукописи и потребовал возвращения ранее выданной суммы. Пробсту композитор, видимо, также старался навязать, между прочим, незначительные произведения, но и тут погоня за дукатами оказалась безуспешной.

К Петерсу.

Я писал, что для вас приготовлен квартет, вышлю его вам, как только сообщите, что принимаете его за 360 фл. к. м. или 80 # мои произведения теперь оплачиваются выше, чем когда-либо. Во всяком случае вы сами виноваты во всем случившемся. Из ваших писем видно, что я послал именно то, что следовало и что вы хотели, многочисленными отгиски подтверждают это. А квартет убедит вас, что я не мщусь вам, а даю то, что мог бы дать только лучшему своему другу. — Прошу вас поспешить, чтобы я получил ответ с ближайшей почтой, не то принужден буду возвратить вам 360 фл. к. м. И без того я в затруднении, так как один хочет иметь это и еще другое мое законченное произведение, но неохотно согласился бы получить только одно из них. Только в виду того, что вы так долго ждали, в чем вы, впрочем, сами виноваты, я теперь отдаю этот квартет от следующего, тоже законченного уже (ты думаешь что мне придется здесь для него искать издателя? Конечно ловко, очень ловко, по ложечке как плутоватый торгаш). Во всяком случае не думайте, что посылаю вам кое-что, чтобы поддержать наши близкие отношения, нет, клянусь вам честью артиста, можете считать меня негодяем, если найдете, что оно не принадлежит к числу моих лучших произведений.

Милостивый государь!

Так как мой дядя находится в настоящее время в Бадене для поправления своего в высшей степени расстроенного здоровья, то беру на себя смелость, согласно его письменного поручения, известить вас от его имени, что он недавно окончил новый большой скрипичный квартет и предлагает вам его за сумму, раньше уже полученную им от вас.

Если вы, милостивый государь, не имеете такого желания, то мой дядя предоставит его другому издателю, предложившему за него ту же сумму. Во всяком случае, прошу вас поспешить ответом, дабы дело не

затянулось. Позвольте только привести одно еще место из письма дяди: «Напомни г-ну ф. Петерсу, что я предлагаю ему лучшее из всего, имеющегося теперь у меня, не считая прежнего». Ответ прошу направить к самому дяде по адресу: Баден, близ Вены, замок Гутенбрунн.

Остаюсь с почтением, милостивый государь, преданный вам
Карл ван Бетховен.

Вена, 22 декабря 1824 г.

Милостивый государь.

Я говорил здесь Штрейхеру и он писал вам, что это дело едва ли пойдет на лад, так оно и вышло в действительности. Спешу сообщить лишь, что из всего этого дела с мессой ничего не выйдет, так как я уже окончательно обещал ее одному издателю и потому понятно, что предложение Штрейхера никак не может быть осуществлено. — Вы получили бы скрипичный квартет если бы я не был обязан дать его тому же издателю, который берет мессу, так как он настойчиво просил об этом. Впрочем вскоре получите другой или же, если хотите, другое более крупное произведение, причем полученная сумма может быть зачтена; прошу только иметь немного терпения, я вас наверное удовлетворю. — Вы обидели себя и меня, последнее, как я слышал, вы продолжаете, хуля негодные — как я слышал — произведения, посланные мною вам. Не вы ли сами просили песни, марши, мелочи? Потом вам показалось, что гонорар за них слишком велик и что за него можно иметь крупную вещь. На этот раз вы оказались плохим критиком, так как многие из этих произведений уже изданы и будут вновь изданы; вообще со мною не бывало еще ничего подобного. — Как только удастся, избавлюсь от своего долга, + а пока остаюсь

преданный вам Бетховен.

+ мое положение не позволяет сделать это скорее.

Милостивый государь!

На предложение мое относительно квартета я получил от вашего компаньона весьма неопределенный и неясный ответ. Таковы же два ваших последних письма; можете вскоре получить квартет, если укажете определенно сумму; именно 360 фл. к. м., каковые я уже получил от вас, и подтвердите ваше желание взять за нее квартет. Если бы вы это сделали сейчас же, то получили бы два новых квартета, но не станете же вы теперь наносить мне ущерба. Если бы я хотел натянуть струны еще выше, то мог потребовать за квартет еще больше. Итак, лишь только напишете мне, спешу предоставить вам новый квартет; но если предпочтете взять обратно свои деньги, то получите их немедленно, так как они давно готовы; во всяком случае для просмотра ничего не вышлю.

Жду скорого ответа по сему предмету.

Вена, 25 ноября 1825.

Преданный вам Л. в. Бетховен.

На этом письме имеется пометка Петерса: «С Бетховеном невозможно столкнуться»; композитору он пишет: «Отказываюсь от намерения получить ваши произведения и отвергаю квартет. Вследствие сего мне остается только принять ваше второе предложение и просить о возврате 320 фл., на каковые я потерял с августа 1822 процентов 50 фл., а потому прошу эти 370 фл. к. м. уплатить г. Штейнеру и К°, кои выдадут в этом мою расписку...» Деньги возвращены Бетховеном 7 декабря 1825 г., и сношения его с Петерсом прекращены.

Музыкальному издателю Пробсту В Лейпциге.

— За свое самое большое произведение назначил я гонорар в 1000 фл. к. м. — Новая большая симфония имеет финал с пением соло и хорами на текст бессмертного стихотворения Шиллера к радости; вроде моей фортепианной фантазии. Гонорар в 600 фл. к. м. Но при условии, чтобы симфония вышла в свет только в июле будущего 1825 года. За это долгое время я охотно составил бы для вас безвозмездно переложение для фортепиано, да и вообще при более близких отношениях я был бы всегда готов служить вам.

Вена, 3-го июля 1824 г.

Милостивый государь!

Я был завален работами, притом предстояли концерты, а потому только теперь могу сообщить вам, что требуемые произведения уже закончены и переписаны, так что могут быть во всякое время сданы г. Глеглю. Поэтому прошу вас прислать 100 венских дукатов г. Глеглю и в то же время известить меня об этом.

Сегодня не имею возможности прибавить к этому что-либо, доставлю себе это удовольствие в следующей раз.

С почтением преданный вам Бетховен.

А. Пробсту.

Баден, 8 августа 1824 г.

Милостивый государь!

Я получил ваше от 10 августа письмо и предложение; дурная погода задержала мои ванны, принужден остаться здесь еще лишнюю неделю после чего перееду в город и сдам все мои сочинения. — Что касается г. П., то вскоре получите разъяснение. Вы пишете о моей новой симфонии, вы вероятно помните, что я вам писал о ней, как и о моей мессе; последняя действительно уже отдана, что же касается симфонии, самой большой из написанных мною и уже вызвавшей запросы музыкантов из-за границы, то возможно дать ее вам, но решайте скорее, ибо часть гонорара за нее уже мною получена, хотя могу дать этому лицу вместо нее другие сочинения, милость Господня особенно щедра ко мне, так как я тоже помогаю по мере сил и никогда не терплю нужды в издателях, но вы ведь знаете, что я избегаю осложнений в делах, если я дам тому лицу другие сочинения, то избавлюсь от хлопот с этим и могу предоставить вам симфонию, правда она появилась бы в печати только в июле будущего года, но если иметь в виду время, потребное на печатание, корректуру, то срок не покажется столь долгим. Не злоупотребляйте впрочем моим доверием и не говорите никому об этом, гонорар мог бы быть 1000 фл. к. м. Думаю также написать два клавираусцуга платеж можно было бы отсрочить, можно выдать трехмесячный вексель на Б., конечно лучше всего было бы выдать таковой на надежную фирму, вроде Фрис и К^о или Геймюллер; денежные расчеты меня крайне затрудняют. Вы сами сумеете это сделать наилучшим образом и вернейшим способом, прошу только ответить как можно скорее, так как часть гонорара собственно уже здесь; если мне предстоит такой обмен, то сочту своим долгом заявить об этом также тому лицу также весьма почтенному и удовлетворить его другими сочинениями. Как всегда с глубоким почтением преданный вам милостивый государь

Бетховен.

Еще раз прошу покорнейше хранить строжайшее молчание относительно сим. Вы уже знаете, что в финале последней участвуют большие хоры и солисты.

На эти письма Пробст ответил 16 августа 1824 г.:

Признаюсь, некоторые сплетни о раздорах, бывших **будто бы между** вами и одною здешнею издательскою фирмою, вследствие подобной же сделки, служат причиною того, что я хотел бы сначала видеть рукописи. — К сожалению столь широко распространенная в Австрии контрафакция часто не позволяет немецкому издателю оплачивать произведение по достоинству и мне известно уже, что венские грабители норовят под защитой законов украсть у меня ожидаемые от вас произведения.

На этом письме рукою Бетховена сделана заметка: «Не верьте сплетне, теперь у меня нет времени объяснять вам, имею в руках все доказательства, в скором будущем».

Надо полагать, что сомнение Пробста относительно исправности выполнения Бетховеном намеченных условий было сообщено композитору в минуту добродушного настроения или крайней нужды, так как он отнесся к этой записке снисходительно и не прекратил переговоров даже о квартетах ор. 132 и ор. 135, что видно из записки к брату.

К Иоганну ван Бетховену.

Дорогой брат!

Спешу сообщить тебе, что Майнц согласен дать 130 # золотом за твои произведения. Итак, если г-н Пробст не даст столько же, то они будут отданы Майнцу, который тотчас же выдаст за них векселя тебе и мне. Это действительно честные, не подлые купцы; итак приезжай скорее, чтобы устроить все к твоей же выгоде.

Твой **верный** брат Людвиг.

10 декабря 1824.

В этом убеждает также письмо, посланное спустя полтора года композитором издателю, которому, впрочем, не суждено было купить ни одной строки сочинений его.

К музыкальному издателю Пробсту, в Лейпциге.

Вена, 2-го июня 1826 г.

Милостивый государь!

Считаю себя некоторым образом обязанным предлагать вам, когда обстоятельства позволяют, свои композиции. Я теперь стал свободнее, чем был прежде, когда был принужден отдавать мелкие произведения тем, кто брал у меня большие, без чего они обыкновенно не хотели брать больших. Вы же, сколько помнится, не хотели иметь дела с большими произведениями. В виду этого предлагаю вам новый квартет для двух скрипок, альты и виолончели; вас не должен испугать просимый мною гонорар в 80 дукатов; могу вас уверить честью, что мне уже платили столько же за многие квартеты. Прошу вас скорее сообщить мне ответ ваш по сему предмету.

Если вы согласны на мое предложение, то прошу перевести деньги в один из здешних банков, где получу их по представлении рукописи. В противном случае также прошу скорейшего ответа, так как получил предложения от других издателей. Следующие мелочи уже готовы и

могу уже сдать: поздравительный менуэт-серенада и один антракт, обе вещи для полного оркестра; вместе за 20 дукатов золотом. В ожидании скорого ответа остаюсь преданный вам милостивый государь

Бетховен.

Неряшливость и рассеянность Бетховена в деловых сношениях проявились вновь в истории с торжественной увертюрой ор. 124, вызвавшей сначала неприятную переписку с концертмейстером Хеннингом, а затем публикацию Бетховена и ряд печатных возражений издателя Траутвейна.

Капельмейстеру К. В. Хеннингу в Берлине.

Вена, 1 января 1825 г.

К великому моему удивлению узнал сегодня, что в продаже имеется напечатанная у г. Траутвейна пьеса: *Festouverture* моего сочинения из неизданной первоначальной партитуры, аранжированная вами для 4 рук, тогда как между мною и Бетманом было условлено, что эта увертюра никоим образом не должна быть собственностью *Konigstadter*-театра в Берлине; ведь только партитура «Развалин Афин» полностью со всеми пьесами предоставлена в исключительную собственность этому театру, но никак не увертюра. Недавно только я передал именно эту увертюру одному почтенному издателю. Она появится через две недели, самое большее через месяц. Вы видите, что моя честь в опасности, но после письменного соглашения с г. Бетманом я никак не мог ожидать этого! Так как ныне беда эта уже отчасти стряслась, то прошу вас принять все меры, чтобы этот клавираусцуг в 4 руки не продавался ранее моего извещения. Даю вам свое честное слово, что сделаю это вскоре — о времени возобновления продажи — постараюсь сделать этот неприятный случай возможно менее опасным как для вас, так и для меня. Вы знаете, что я живу только произведениями моего пера, представьте же себе какой ущерб может это принести мне. Уверенный в том, что вы окажете мне скорее услугу, нежели огорчение, остаюсь с почтением ваш покорнейший слуга Людвиг ван Бетховен.

Л. в. Бетховену.

Удивление, которое вы, милостивый государь, выразили мне в вашем письме от 1 января, еще более усугубляется, могу вас уверить, впечатлением, произведенным на меня содержанием его, и я уверен, что вы также признаете основательным, если я позволю себе напомнить вам следующие сроки, касающиеся заключения договора между вами и дирекцией *Konigstadter*-театра. Условие это было заключено именно таким образом, что названная дирекция получила в собственность ваше произведение «Развалины Афин» вместе с упомянутой здесь увер. за 56 луидоров, партитуры коих вы мне вручили лично; дирекция имеет исключительное право распоряжаться ею, как ей заблагорассудится, и согласно вашему желанию было дано вам через меня удостоверение в том, что увертюра не будет издана ранее года после получения ее. — При всем желании, однако, ваша просьба изъять из обращения появившееся у г. Т. Траутвейна издание в 4 руки не может быть исполнена, так как это не менее почтенное учреждение получило это сочинение в собственность законным путем и уже издало его. Что же касается других *arrangements*, каковые также должны вскоре появиться, то я из глубокого уважения к вам и вашему желанию охотно откажусь от сво-

его намерения и отложу уже законченную рукопись. Так как все это произошло на вполне законном основании, и со своей стороны я ничего не могу здесь сделать, то остается пожелать, чтобы история эта не причинила вам также новых неприятностей. Примите уверение, высокочтимый маэстро, в глубоком уважении, прошу вашего дальнейшего благоволения и имею честь быть,

милостивый государь, готовым к услугам К. В. Хеннинг.

Берлин, 13 июня 1825 г.

Объяснение.

Господин Л. ван Бетховен в № 28 Wiener Zeitschrift fur Kunst, Literatur u. Mode извещает о нижеследующем:

Извещение.

Считаю своею обязанностью предостеречь музыкальную публику о совершенно извращенном, не соответствующем подлинной партитуре, четырехручном переложении моей последней увертюры, каковое под названием: «Festouverture von Ludwig van Beethoven» издано и появилось у Траутвейна в Берлине, тем более, что переложения, сделанные господином Карлом Черни для 2 и 4 рук и вполне соответствующие партитуре, вскоре появятся в единственном правильном издании.

Людвиг ван Бетховен.

С швейцарской издательской фирмой Негели давно уже Бетховен вел дела, но еще в 1804 году, в письмах к друзьям и печатно, возмущался небрежностью ее работ и неохотно отвечал на запросы ее; то же самое видим мы теперь: в 1818 году основатель и глава фирмы, Ханс Георг Негели (1773 — 1836), известный музыколог, композитор и организатор хоровых обществ, пишет ему:

Цюрих, 3 июля 1818 г.

— Позвольте мне, мой высокочтимый друг, высказаться откровенно. С расширением музыкального института я задумал выработать также пояснительный каталог. С этою целью прошу у вас полный список ваших уже изданных произведений с указанием первого издателя каждого опуса; вместе с тем прошу дать краткие отзывы относительно попадающихся вам аранжировок, хороших или скверных. Вместе с тем предлагаю обратить благосклонное внимание на издание баховской мессы и прошу о любезном содействии в распространении среди тамошних меценатов.

Одно из моих заветных стремлений — издавать ежегодно по одной партитуре выдающегося церковного произведения, и если это предприятие удастся, то, может быть, в будущем удастся мне добраться до вас.

Вы, вероятно, получили мое письмо, написанное минувшею зимою и приложенное к письму г-на Коллина.

Лишь спустя шесть лет Бетховен отвечает Негели, предлагая при этом, по совету Штрейхера, клавираускуги мессы для певческих ферейнов, а в частности такому же ферейну в Цюрихе, где проживал Негели; стоимость рукописного экземпляра мессы

он назначает в 50 дукатов специями, монетою, равною двум гульденам коцвенционной валюты и ныне вышедшею из обращения.

К Хансу Георгу Негели, в Цюрих.
Адресуйте мне «в Вену», как всегда.

Баден, 9 сентября 1824 г.

Достойнейший друг!

Кардинал эрцгерцог находится в Вене, а я по болезни здесь. Только вчера я получил от него письмо, в котором он пишет, что ввиду ваших заслуг в деле развития музыкального искусства он с удовольствием подпишется на 6 экземпляров ваших стихотворений. Полный титул его я пришло вам. Некий незнакомец подписывается тоже, это я; так как вы оказываете мне честь вашими панегириками, то я должен скрыть свое имя; как бы я хотел подписаться на несколько, но обстоятельства не допускают. В качестве отца своего приемного сына, ребенка моего покойного брата, я должен в помыслах и действиях своих сообразоваться с его настоящим и будущим. Я помню вы мне еще раньше писали о подписке, но тогда я был очень болен и болезнь тянулась более трех лет, теперь чувствую себя лучше. Пошлите сборник ваших лекций эрцгерцогу Рудольфу, посвятите их ему, если можно; подарок вы получите во всяком случае; конечно, он не будет значителен, но лучше чем ничего; вставьте несколько лестных слов в предисловии, потому что он понимает музыку, живет и дышит ею. Мне очень жаль, что не могу более содействовать развитию его дарования, как раньше.

Кое-где я поручил найти подписчиков на ваши стихотворения, как только найдется кто-либо, сообщу вам сейчас же. Хотелось бы получить от вас лекции ваши, а также пятиголосную мессу Себастьяна Баха; стоимость обеих вещей пришло немедленно отсюда. — Не думайте, что все это я делаю с умыслом; во мне нет мелкого тщеславия. Только в божественном искусстве, только в нем находится рычаг, дающий мне силы приносить в жертву небесным музам большую часть своей жизни. Еще в детстве я испытывал величайшее счастье и удовольствие, когда мог оказать другим услугу; поэтому можете судить, как я рад случаю быть вам чем-нибудь полезным и показать вам, насколько я ценю ваши заслуги. Обнимаю вас, мудрец Аполлона, и остаюсь

сердечно ваш Бетховен.

Относительно эрцгерцога пишите скорее, чтобы я мог принять соответствующие меры, вам не нужно просить разрешения на посвящение, оно будет и должно быть ему сюрпризом.

Достойный друг!

Принимаю охотно ваше предложение предоставить различным хорошим обществам партии моей последней большой мессы с переложением для органа или фортепиано; при этом имею в виду, что публичное исполнение мессы этими обществами в особенности при торжественном богослужении может произвести необыкновенно сильное впечатление на массу, а при сочинении этой большой мессы главною целью моею было возбудить и поддержать религиозное чувство как в исполнителе, так и в слушателе. Переписка и постоянная проверка сопряжены с большими расходами, а потому я не могу принять за это менее 50 дука-

тов и предоставляю вам собрать необходимые справки, чтобы я мог посвятить свое время только самой работе.

С глубоким почтением преданный вам Людвиг ван Бетховен.

Вена, 16 сентября 1824 г.
Господину Андрею Штрайхеру.

Почтенному комитету певческого общества в Цюрихе.

Большая месса Людвиг ван Бетховена, исполненная здесь 7 мая впервые публично, представляет собою, по единогласному отзыву всех знатоков, самое замечательное произведение церковной музыки после «Мессии» Генделя, именно благодаря новизне и оригинальности в мелодической изобретательности и гармонической обработке, а главное — благодаря благоговению и смирению, которыми проникнута каждая нота. Вполне соответственно духу, который должен царить в церковной музыке, обработаны все арии, дуэты, предназначенные для отдельных певцов и квартетные номера, помещенные попеременно или совместно с хором.

Так как издание этого произведения может еще надолго затянуться, то нижеподписавшийся просил г-на Бетховена передать переложение мессы для органа и фортепиано с пением различным певческим обществам, тем более, что некоторые из них сами обратились с таким же запросом. Г-н ван Бетховен выразил полное согласие и с его разрешения, как видно из приложенного при сем, нижеподписавшийся берет на себя смелость предложить мессу и вашему певческому обществу на следующих условиях:

1) Певческое общество обязуется хранить это произведение только для собственного употребления и не передавать его кому-либо для печати или для иной цели.

2) Месса будет доставлена в виде клавирауцдуга со всеми вокальными партиями в партитуре и в отдельности, исправно и чисто написанными, все это будет проверено самим г-ном ван Бетховеном и собственноручно подписью засвидетельствовано в том, что это произведение им сочинено и переписано без ошибок.

3) За это г-н Бетховен получает вексель или переводом на один из здешних банков 50 дукатов специями, в каковую сумму входят расходы по переписке.

Ответ и пересылка денег производятся по адресу г-на Людвиг ван Бетховена в Вене; месса может быть выслана почтенному обществу через две недели. — Нижеподписавшийся с большим удовольствием берет на себя это поручение, так как известно, что концерты больших певческих ферейнов имеют значительный успех в особенности во время религиозных празднеств, поднимая при этом религиозное настроение слушателей.

С глубочайшим почтением и преданностью Андреас Штрейхер.

Вена, 17 сентября 1824 года.

К Негели.

Вена, 17-го ноября 1824 г.

Почтеннейший друг!

Я завален работой и опять болен, так как не берегся в это позднее время года; поэтому, верьте мне, не мог написать вам раньше. Я нашел для вас еще только одного подписчика на два экземпляра, г-на ф. Билера, воспитателя в семье его имп. высочества эрцгерцога Карла. Пы-

тались привлечь самого эрцгерцога, но напрасно — я искал повсюду, но к сожалению здесь все озабочены делами иного рода. Вот все, что могу сообщить второпях; к Хаслингерам я тоже приставал с этим, но напрасно. Мы, австрийцы, действительно слишком бедны и благодаря постоянно угнетенному настроению после войны искусства и науки остаются в заgone. — Относительно ожидаемых гонораров я позабочусь, напишите только куда послать? Обнимаю вас мысленно и прошу располагать всегда глубоко уважающим вас истинным другом.

Бетховен.

Его высочородию г-ну Георгу Негели,
знаменитому писателю в Цюрих.

В первом из нижеприведенных двух писем к эрцгерцогу Рудольфу изложено ходатайство композитора относительно подделки на сборник стихотворений Негели.

Баден, 22-го августа 1824 г.

Ваше императорское высочество!

Я живу, — но как! — жизнью улитки; эта неблагоприятная погода постоянно приводит меня в прежнее состояние, при этих ваннах невозможно, как прежде, свободно располагать своими силами. — Несколько дней назад писал мне Негели, довольно выдающийся писатель и автор текстов для музыки, из Цюриха; он издает 200 стихотворений, в том числе также тексты, и очень убеждает меня просить в. и. в. милостивейше подписаться на них. Цена очень мала, именно: 20 з. грошей или 1 фл. 30 кр. Если в. и. в. подпишетесь на 6 экземпляров, то об этом станут повсюду кричать, на что, впрочем, я знаю мой милостивый государь не обращает внимания. На сей раз прошу в. и. в. только милостиво сообщить мне свой взгляд на сей предмет. Плату можно внести по получении издания, т. е. по крайней мере через несколько месяцев. Но г. Негели просил и я должен просить за него. Нельзя прикладывать ко всему одну мерку. Виланд говорит, как легка кажется книжка в несколько грошей. Увенчайте же в. и. в. эти стихотворения своим высоким именем, каковое послужит к поддержке этого человека; эти стихотворения наверно не лишены значения. — Убежден в сочувствии в. и. в. ко всему благородному и красивому и надеюсь не получить отказа по делу Негели; прошу только в. и. в. прислать мне письменное разрешение на уведомление Негели о том, что в. и. в. согласны на подписку. Вашего императорского

высочества преданный и покорный слуга Бетховен.

Ваше императорское высочество!

Я вернулся сюда больным из Бадена и при всем желании не мог отправиться к вам, так как мне запретили выходить; только вчера мне позволили выйти из дома. — Ваше милостивое письмо получил я в постели, в сильном поту. Так как мое нездоровье явилось вследствие простуды, то я не мог встать. Впрочем, я уверен, что в. и. в. убеждены в моем постоянном к вам почтении — завтра утром буду иметь удовольствие явиться к вашим услугам и без труда сумею вызвать к деятельности музыкальный гений в. и. в., что конечно окажется плодотворным для искусства — приют мой — слава Богу.

Вашего императорского высочества верноподданный слуга

Бетховен.

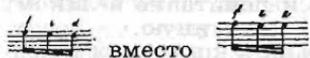
18 ноября 1824 г.

С другими издателями и с Рисом композитор ведет переписку о тех же произведениях, которые предлагал Шотту и Петерсу.

Вена, 9 апреля 1825 г.

Достойный, дорогой Рис!

Второпах только самое необходимое! В посланной вам партитуре симфонии, сколько помнится, у первого гобоя, в 242 такте стоит

Все инструменты (за исключением духовых, каковые только отчасти) я пересмотрел и полагаю, что все исправно. Я послал бы вам охотно свою партитуру, но мне предстоит концерт (а у меня нет другой партитуры, кроме этой рукописи), если, конечно, здоровье позволит мне; мне вскоре надо на дачу, так как это самое подходящее для меня время. — Песнь жертвоприношения, вторично переписанную, вы получите вскоре, немедленно сделайте пометку, что она исправлена мною, чтобы она не очутилась среди тех рукописей, которые я прислал вам раньше. Можете убедиться в том, какого жалкого переписчика я имею после смерти Шлеммера. Нельзя доверить почти ни одной ноты. Так как вы получили уже все партии финала симфонии расписанными, то я послал вам еще партии хоровые. Вам не составит труда велеть написать партитуру по партиям, с вступления хора, а там где начинается пение, можно сообразить, где в партитуре следует поместить партии инструментов над вокальными. Не было возможности написать все это за раз, а при таком переписчике и спешной работе вы получили бы все с ошибками. Я послал вам увертюру в С в 6/8, каковая еще не вышла в свет; отпечатанные партии получите с ближайшей почтой. Кириа и Глория, два великолепных произведения, вместе с одним итальянским вокальным дуэтом тоже находятся уже в пути. Вы получите еще один большой марш с хором, вполне подходящий для большого оркестра. Можно упомянуть еще об одной большой увертюре, за границей неизвестной, но кажется с вас уже достаточно. —

Будьте счастливы вечно дорогих мне окрестностях Рейна. Лучшие пожелания вам и вашей жене. Отцу вашему всякого добра и благополучия от вашего друга.

Бетховен.

Лондон, 20-го декабря 1824 г.

Мой дорогой Бетховен.

Я давно уже мечтаю видеть вас в стране, где, кажется, ваш гений ценится более, чем где-либо. Я вновь получил от филармонического общества приятнейшее поручение пригласить вас в Англию и, конечно, на продолжительное время. Вы можете получить здесь значительную сумму, каковая вознаградит вас за труд и расходы по путешествию. Общество готово дать вам 300 гиней за ваше посещение и надеется, что вы примете на себя дирижирование своими сочинениями, из которых по крайней мере по одному будет поставлено в каждом концерте. Оно также надеется, что вы напишете концерт и одну симфонию, каковые будут поставлены во время вашего здесь пребывания, а потом вы можете располагать этими композициями по вашему усмотрению.

Я надеюсь, дорогой Бетховен, что вы примете это предложение, так как общество не может дать больше этого и, я думаю, что вы будете очень довольны посещением страны, где найдете лишь друзей.

Во время своего пребывания здесь вы можете также давать концерты и получить за каждый из них по крайней мере 500 фунтов. Здесь вы имеете возможность приобрести, благодаря своему таланту и громкой славе, всеобщий почет и богатство.

Если вы привезете квартет, о котором я вам писал, то это равносильно лишним 100 ф. и можете быть уверены, что увезете домой столько денег, что можете всю жизнь прожить беззаботно и в полном довольстве.

Надеюсь, вы сейчас же ответите и примете предложение; в таком случае я буду иметь возможность еще лучше доказать вам свою истинную дружбу. Вы здесь будете находиться в кругу лиц, кои сочтут себя счастливыми выказать свое глубокое уважение и почитание великому Бетховену, чья слава в стране этой превосходит всякую иную.

Наши концерты начинаются в середине февраля и кончаются в конце июня. Ваша новая симфония получена и будет поставлена в первый раз 17-го января; впрочем, надеюсь, вы будете здесь к тому времени и сами исполните ее в нашем первом концерте.

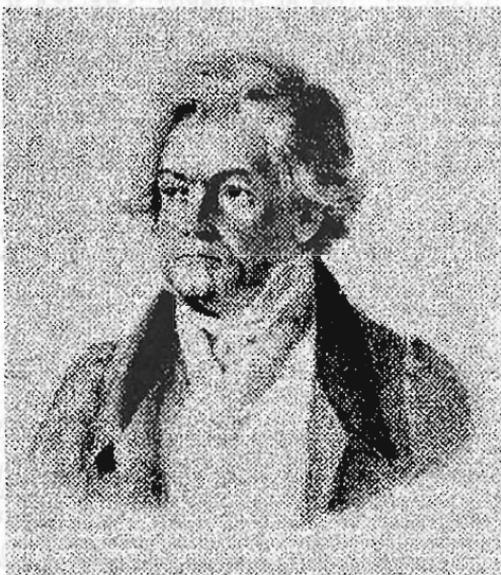
Кстати, говорят, будто в Париже имеется копия симфонии, но думаю, что это известие неосновательно. — Пожалуйста, поспешите ответом и будьте уверены в постоянной искренней дружбе

вашего Карла Нита.

К Ниту.

Вена, 15-го января 1825 г.

Я прочел с большим удовольствием ваше письмо от 20 декабря, которым вы любезно уведомили меня, что филармоническое общество славящееся своими артистами приглашает меня приехать в Лондон. Я очень доволен условиями, которые общество мне предлагает, но желаю предложить ему прислать мне, сверх обещанных мне обществом 300 гиней, еще 100 гиней на путевые расходы, ибо придется купить карету и кроме того кто-либо должен сопровождать меня. Вы прекрасно понимаете, что это необходимо, вместе с тем прошу вас указать мне гостиницу, где я мог бы остановиться в Лондоне.

Бетховен, раб. Деккера (1826).

Я возьму новый квартет с собою. — Что касается слуха о том, что существует, как вы мне пишете, экземпляр 9 симфонии в Париже, то это неверно. Правда симфония эта будет издана в Германии, но лишь по прошествии года, в течение которого общество воспользуется ею. Кстати считаю необходимым предупредить вас, что следует испробовать это сочинение в малом составе например в квартете, так как это единственный способ изучить красоты произведения; подготовку хора надо начать заблаговременно. Имеется несколько ошибок, я пришло вам список со следующей почтой. Кажется забыли указать во 2-й части симфонии, что при повторении *minor* после *Presto* снова надо начинать и продолжать без повторения до *Ferma*, затем перейти к *Coda*.

Прошу вас ответить мне как можно скорее, потому что от меня требуют большое новое сочинение, которого однако я не начну ранее получения вашего ответа. Мне приходится непрерывно работать не для того, чтобы сделаться богачом, а только удовлетворить насущные потребности. Итак мне нужна уверенность в данном деле. Буду очень рад видеть вас и благородный английский народ.

Остаюсь с глубочайшим почтением, милостивый государь,
вашим искренним другом Людвиг ван Бетховен.

К Ниту.

Вена, 19-го март. 1825 г.

Мой любезнейший друг!

Весною я не могу приехать в Лондон, но сенью быть может обстоятельства заставят меня направиться туда. Надеюсь здоровье ваше и благополучие семьи не оставляют желать лучшего. Что касается квартетов, о которых вы пишете в ваших письмах, то я окончил первый из них, а теперь пишу второй, каковой вместе с третьим будет окончен в скором времени. Вы мне предлагаете 100 гиней за 3 квартета я нахожу это предложение очень великодушным, если только возможно издать эти квартеты через полтора или два года. Это будет мне очень выгодно в материальном отношении. Что касается способа упрощения пересылки квартетов и денег от вас, то предлагаю поручить дело гг. Фрис и К°, которые по получении платы передадут вам или какому-либо лондонскому банкиру упомянутые квартеты. Вот подходящий для вас случай доказать мне свою дружбу. Но прошу вас только как можно скорее ответить мне. Надеюсь на вашу дружбу и прошу принять уверение в моей преданности.

Остаюсь с величайшим почтением ваш друг Бетховен.

К Ниту.

Вена, 25-го мая 1825 г.

Друг мой!

Считаю нужным повторить вам еще раз. Из письма, которое вы мне два года тому назад прислали, видно, что гонорар за квартеты составляет 100 ф. стерлингов. Я доволен этим предложением, но должен уведомить вас, что о первом квартете очень просили меня венские знаменитые артисты и я согласился дать его некоторым из них для бенефиса. Быть может я не оправдал вашего доверия, не уведомив вас относительно этого обстоятельства, потому что вы также ожидаете барышей в Лондоне.

Но если вы ответите мне, что довольны условиями, которые я изложил в последнем письме своем, то сейчас же пришло 1-й квартет, однако прошу вас ускорить решение, так как издатели настойчиво жела-

ют получить его. Вам придется ассигновать гонорар только после получения от меня удостоверения в том, что остальные два квартета окончены. Но прошу вас приложить к письму удостоверение в вашем согласии касательно моих предложений. Вот все, что я должен был сказать вам. Полагаю, что я сделал вам уступку и уверен в том, что вы сделаете то же самое по отношению ко мне.

Не лишайте меня вашей дружбы.

С величайшим удовольствием ваш искренний друг

Людвиг ван Бетховен.

Два квартета A-moll, op. 132 и F-dur, op. 135 проданы были берлинскому издателю Шлезингеру за 80 дукатов (червонцев) каждый, о чем переговоры шли между автором и издателем летом 1825 года, в бытность последнего в Вене.

Еще до приезда Шлезингера композитор составляет, по обыкновению, весьма нескладный набросок письма, отделкой которого предстояло заняться Шиндлеру.

Шлезингеру, музыкальному издателю в Берлине.

Баден, 15-го июля.

С большим удовольствием я получил вашу всеобщую берл. музыкальную газету прошу считать меня впредь сотрудником ее, случайно несколько страниц ее оказались у меня под рукою и я тотчас узнал в них остроумного г. редактора г. Маркса, желаю ему продолжать с возрастающим успехом пропаганду высокого и истинного значения искусства, что последнему послужит на пользу и нанесет удар пустому словоизвержению — согласно вашему желанию заявляю вам, что могу вам уступить 2 больших новых скрипичных квартета, гонорар за один следовало бы 80 #, ибо с некоторых пор со всех сторон является спрос на мои сочинения

= de no вам я охотно дал бы предпочтение, итак мне ныне за квартеты эти уже предложено также... например и за сонату для фортепиано в 4 руки, Vi =, но думаю, что если вы эти квартеты перешлете в Париж, Лондон, и скорее могли бы дать еще больше, впрочем я и этим доволен, в Лондон я сам ничего больше не посылаю, с тех пор, как моего друга и ученика Риса там больше нет, ибо переписка и пересылка отнимают слишком много времени, а жрец Аполлона и без того должен быть освобожден от этого, к сожалению однако нынешние обстоятельства таковы, что взор брошенный сверху теряется в низменном, — что-бы вам дать доказательство насколько я к вам внимателен...

Не можете ли вы выдать мне трех- или четырехмесячный вексель на солидную здешнюю банкирскую контору, по получении его вы тотчас получите квартеты, итак, жду сначала упомянутого вашего ответа, на который я вам тогда напишу, когда вы должны прислать вексель, взамен которого тогда будут тотчас же выданы квартеты, ибо не лестно и затруднительно ждать, пока эти сочинения сначала придут в Берл., — я так поступаю всегда, можете быть уверены в том, что квартеты тотчас по получении мною векселя будут выданы взамен такового, охотно буду вам доставлять приложения в виде канона или т. п. к вашей берл. всеоб. газ., если это только желательно — поспешите только с ответом, чтобы у вас в Берлине появились именно эти квартеты, каковые желал бы прежде всего показать Марксу,

милостивый государь с почтением покорнейший Бетховен.

Пришлите ваше письмо пожалуйста сейчас же по почте, я долго ждать не могу, ничего больше не надо, как Людвигу ван Бетховену в Вене.

К музыкальному торговцу М. Шлезингеру.

Баден, 1-го сентября.

Уважаемый III!

С большим удовольствием узнал от Карла о вашем решении приехать с ним сюда в будущее воскресенье. — Недавно вы явились так неожиданно, что я готов был броситься на вас, тем более, что я как раз был занят писанием, а тут вдруг еще дела, точно загнали с Этны в швейцарский ледник. — Вы должны передать мне еще кое-что, а я вас о многом распросить. Я должен вам признаться, приятно иметь близ себя образованного человека, в былые времена это было обычно для меня — но среди феаков это очень редко, а потому ваш приезд тем более обрадует меня.

Ваш преданнейший Бетховен.

Перед выездом А. Шлезингера из Вены он получил от композитора записку с обычными остротами, с музыкальной шуткой, с пожеланием выбрать красивую невесту и с поклоном А. Б. Марксу, известному музикологу, основавшему тогда в Берлине музыкальный журнал, недолго просуществовавший, но успевший дать ряд статей с обстоятельным и строгим разбором некоторых произведений Бетховена.

Милейший, желаю вам найти красивейшую невесту и по этому случаю прошу вас засвидетельствовать мое почтение г-ну Марксу в Берлине, чтобы он не относился ко мне слишком строго и позволял бы иногда выскользнуть с черного хода.

Ваш Бетховен.

Вена, 26 сент. 1825 г.

Лишь только последний квартет ор. 135 был окончен и переписан, автор отправил его издателю через комиссионную контору, которая должна была выплатить обусловленный гонорар.

К Тендлеру и Манштейну в Вене.

Гнейксендорф, 30-го окт. 1826 г.

Милостивые государи!

Посылаю вам через моего брата последний мой струнный квартет для г-на Шлезингера и прошу вас выдать первому гонорар в семьдесят дукатов, хранящийся у вас с этою целью, в получении какого сие служит распискою.

С глубоким почтением преданнейший вам Людвиг ван Бетховен.

Прочие последние рукописи Бетховена проданы были венским издателям, получившим менее значительные произведения, нежели иноземные издатели; старые друзья, Хаслингер и

Штейнер, нотная торговля которых находилась все еще в Патерностергассе, получили для издания оп. 136, 137 и 138, а года три перед тем они же издали целый ряд сочинений Бетховена от оп. 112 до оп. 118. Былые дружественные отношения композитора с ними, несмотря на обидную выходку его в журнале «Цецилия» и вообще причудливо резкое обращение, сохранились до последнего дня жизни его. В одной записке композитор обещает своим друзьям-издателям «отпущение грехов», в другой извиняется в забывчивости относительно присылки им билета на концерт 23 мая 1824 года, некоторые пестрят нотными шутками, остротами и проникнуты совершенно таким же настроением, какое знакомо нам по прежней переписке между ними, с первых дней знакомства их, десять лет тому назад.

К Штейнеру и Комп.

П. н. п.

Будьте добры (а не добры) и окажите мне большую (а не большую) услугу; возьмите вашу ручную линейку (не *Rostrum Victoriatum*) и сделайте для меня, пожалуйста, 202 нотные линии, приблизительно так, как я здесь показал и на такой же хорошей бумаге; все это поставьте в счет. Отшлите это к Карлу, если возможно, завтра же вечером; мне это необходимо. — За сим последует, может быть, некоторое отпущение. —

Из Баденских стран.

27-го мая 1824 г.

Добрейший Товий во веки веков!

Прошу вас послать письмо Бейерле к Тендлеру и Манштейну, так как не знаю его квартиры. Сейчас передать Штейнеру ф. Фельзбургу в Банке, прислуга совершенно не годна для таких дел.

Сегодня до полудня увидимся.

Ваш амикус Бетховен.

Будьте добры уведомить меня письменно о получении сего.

Добрейший!

Заполните промежутки. Если вы станете глупо хвалить меня, то я выведу наружу всю правду. — Прилагаю коррект. Покорнейше прошу после исправления прислать мне завтра же. Прошу раз навсегда не забывать после *grac* = = этих черточек,

Ваш и т. д. и т. д. и т. д.

Бетховен.

Адрес: Господину Тобиасу Хас и господам Лин и геру благо- и художодным.

Здесь.

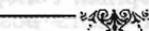
Любезный друг!

Было бы несправедливо с вашей стороны думать, что я по небрежности не послал вам билета; я право думал об этом, но забыл, как и многое другое; надеюсь, при случае доказать вам свое расположение. Я же не виновен в том, что делал Дюпор; вот и терпет он выдал за новый, а не я. — Вы знаете отлично, что я ненавижу ложь; но теперь лучше молчать, так как не каждому известны подробности дела и каждый

легко может обвинить меня. — О других требованиях Дюпора не спрашиваю, так как с этим концертом я только потерял время и деньги.

Второпах ваш друг Бетховен.

Господину ф. Хаслингеру, генерал-музыканту и генерал-лейтенанту.

Добрейший друг!

Прочитайте пожалуйста это и пошлите пожалуйста сейчас же в присутствии —

друг и т. д.

Amicus Бетховен.

Из дома не будучи дома.

При сем валторна и партитура. — Мы к вам поразительно расположены; соблюдайте законы. Напевайте чаще мой канон «Молчание» — *per propostionem etc.*

Прощайте ваш друг Бетховен.

Его высочородию г-ну Тобиасу Петру Филиппу Хаслингеру.

Будьте добреньки прислать мне мои сапоги и шпагу. — Цветок шиповника можете получить через 6 дней, но обязательно должны выдать в том расписку.

Будьте здоровеньки ваш Бетховен.

Баден, 12-го июня.

Добрейший!

Вам кое-что навязали, исполните в лучшем виде; в небольшой сумме на чай и в уплате расходов задержки не будет. — Что касается марша с хором, то пришлите нам последнюю корректуру, также увертюру в Es — терцет, элегию, кантату, оперу — выдайте также, не то я перестану стесняться, так как вы уже потеряли все права. Мое великодушие — приносит вам большие доходы, чем вы мне. — Партитура кантаты нужна мне на несколько дней, так как хочу написать к ней нечто вроде увертюры; моя так разрознена по частям, что не могу собрать ее; пришлось бы дать написать ее с партий. Не отреклась ли еще лейпцигская музыкально-ярмарочная газета от лжи по поводу моей медали от его величества покойного короля французского; ведь с нее хватит подлости не присылать мне газеты. Если она не отречется, то я прикажу бить гарпунами редактора вместе с его чахоточным принципалом в северных морях среди китов. — Даже варварский Баден проясняется; теперь не пишут уже как прежде *gutenbrunn a gutten Brun*. А что подельывают п.-н. переулочники? Итак, со всем почтением, т. е. никакого не питаю почтения к варварскому п.-н. переул. преданный

(in comparativo) Б.-н.

п.-н. переулоч. *primus* будет опять изрыгать из своей пасти огненное пламя как Мефистофель.

Согласно исключительной привилегии моей следует сначала потрепать и потрясти подателя сего за правое ухо сгес: — — — потом за левое ухо ff и т. д. после такой благотворной операции он должен растолковать вам что все те произведения, которые вы еще не напечатали и не издали, за тот же гонорар, который вы позорно уплатили, желаю взять назад себе за такой же позорный гонорар. — Вопрос? Ответ! Будучи временно привратником вы опять вознеслись до звания нотновексельного фабриканта — будьте здоровы бывший Тобиас juvenis и 2 dus, а ныне primus caput Тобиас primus —

Л. в. Бетховен.

20 сентября 1826 года.

Милейший г. североамериканский музыкальный торговец и мелкий торгаш!

Прибыл только на полдня и прошу сообщить, что стоит фортепианная школа Клементи, переведенная на немецкий язык прошу покорнейше уведомить меня об этом немедленно, а также имеется ли она у вас или где ее можно получить? —

Милейший сударь: хм, хм, хм! будьте здоровы в вашей заново лакированной лавочке, постарайтесь обратить прежнее гнездо в пивную, так как все потребители пива хорошие музыканты и будут также посещать вас. —

Ваш покорнейший Бетховен.

Господину Тобиасу Хаслингеру высокородному бывшему В-го-t
нынешнему фабриканту искусств.

27 сентября 1826 г.

Благодарю — прошу указать как быть с посвящением — можете передать его д-ру Шпикеру — завтра уезжаю отсюда — и вероятно пробуду в отсутствии так долго, что уж не застаю его. — Не узнали ли вы о согласии посольства на это?

Ваш преданнейший Бетховен.

Сегодня мне некогда заниматься вокальными упражнениями на гласные и согласные буквы. Прошу вас только передать сейчас же прилагаемое письмо. Извините, что утруждаю вас. Но так как в вашем распоряжении находится этапный пункт для произведения искусства, то естественно приходится им пользоваться. Вы видите, что я нахожусь здесь, в Гнейксендорфе. Название напоминает треск переломленной оси. Воздух здоровый. Что касается остального, то Memento mori.

Поразительнейшему, главному из всех Тобиасов, по милости художественно-этапного пункта

шлем привет Бетховен.

Гнейксендорф, 13 октября 1826 г.

Лучший из Тобиасов!

Мы пишем отсюда вам из замка синьора Фрателло. Принужден опять вас потревожить и покорнейше прошу сдать сейчас же на почту прилагаемые два письма. Как только вернусь в Вену заплачу вам все расходы, начиная с фортепианной Школы. — Погода прекрасная, да и

летом мне не удалось побывать на даче, а потому останусь здесь дольше. Один квартет для Шлезингера уже окончен. Но я не знаю как лучше послать его вам, чтобы передать его Тендлеру и Манштейну и получить за него плату. Шлезингер, вероятно, перевел не золотом: если можете устроить, чтобы я получил так, то весьма обяжете меня, потому что все издатели платят мне золотом. К тому же, милый Товик, нам нужны деньги, потому что присутствие или отсутствие их нам не безразлично. Если встретите Хольца, то пригвоздите его к другому дереву. Любовь совершенно овладела им; при этом она едва не загорелась, так что кто-то написал в шутку будто Хольц — сын покойного Папагено. Изумительнейший, достойнейший удивления, единственный из всех Тобиасов, прощайте! Если вам не противно, то напишите сюда несколько строк. В Вене ли еще д-р Шпикер!

С почтительным почтением и преданностью ваш Бетховен.

Корректур печатавшихся произведений, мы знаем, была для автора делом высокой важности, но прежде чем приступить к печати приходилось еще много возиться с проверкой копий, с исправлением экземпляров, изготовленных переписчиками, чему автор также посвящал долгие часы, причем с переписчиками неразборчивых манускриптов композитор, конечно, не стеснялся в обращении, в требованиях и в выражениях своего неудовольствия, а потому пререкания были с ними обычны, и лишь старый Шлеммер, прекрасно разбиравший почерк маэстро, был избавлен от гневных вспышек и наставлений автора; после же смерти его (в 1824 г.) менее опытные копиисты либо уклонялись от общения с Бетховеном, либо оказывались жертвой его нрава. Относительно копий квартета ор. 132 он довольно сдержанно делает некоторые указания Карлу Хольцу, получившему новую кличку: «вторая скрипка».

Добрейший *Violono secundo!* Это место в первом All. в первой скрипке сделайте так же. То же в первом All. — укажите, в 4-х партиях, следующие оттенки...

Написано все правильно, — только поймите меня правильно.

Теперь о вашей переписке, милейший! *Obligatissimo*-ма знак и т. д. поставлены очень небрежно и часто очень не на своем месте — чему виною вероятно спешность. Ради Бога прошу Раммеля зарубить себе, что следует писать так, как указано. Не только сегодня все время до обеда но и позавчера все время после обеда я провел за корректурой двух пьес и совершенно охрип от проклятий и ругани.

Второпях ваш Бетховен.

Сегодня простите пожалуйста, уже почти 4 часа.

Переписчику же 9 симфонии автор делает иные внушения, вызывающие такую отповедь.

Господину Людвигу в. Бетховену.

Партитуру финала я могу переписать к Пасхе, когда она не будет вам более нужна, а потому присылаю обратно в ваше полное распоряжение все партии, а также начатую работу.

Премного благодарен за честь, которую оказали мне, поручив вашу работу; что касается невежливого со мной обращения, то оно вызывает на лице моем только улыбку, как случайная вспышка; в мировых гармониях часто раздаются диссонансы, как же им не быть в обыденной жизни?

Утешаюсь тем, что Моцарта и Гайдна, этих великих музыкантов, если бы они попали к вам в переписки, постигла бы та же участь, что меня. Прошу не смешивать меня с теми заурядными писцами, которые счастливы пристроиться кое-как, если даже с ними обращаются рабки.

Во всяком случае, будьте уверены, что я не имею причины, даже малейшей, краснеть перед вами за свое поведение.

С глубоким почтением преданный Ферд. Волянек.

Надо отодрать за ослиные уши этого негодяя, обкрадывающего честных людей, а не говорить ему любезности.

Писака! Болван!

Исправьте ошибки, вызванные вашим невежеством, высокомерием, непониманием и глупостью; это уместнее, чем намерение учить меня; свинья вздумала учить Минерву.

Бетховен.

Сделайте честь Моцарту и Гайдну, не упоминайте ВЫ их.

Я еще вчера и даже раньше решил не давать вам больше переписки. Дурак, самоуверенный осел!

Копиисту Рампелю.

Добрейший рампельчик, приди завтра утром, но убирайся к черту со своим милостивым государем, лишь один Бог может называться милостивым. —

Служанку уже взял, внуши ей только честность и преданность мне, а также Порядок и Точность в исполнении своих мелких обязанностей преданный тебе Бетховен.

Г. Рампелю копиисту на Дунайском канале.

К числу посланий специального содержания, т. е. касающихся композиции Бетховена, относится переписка о фортепианном переложении увертюры ор. 124., о предполагавшемся исполнении мессы в концерте Гебауера, о не осуществившемся заказе четырехручной сонаты, об отсылке «Жертвенной песни» (выдающемуся пианисту-любителю Йенгеру), о готовившейся в Мангейме постановке пьесы «Развалины Афин», обработку текста которой композитор приписывает по рассеянности Мейснеру (вместо Мейзеля).

Почтеннейший Черни!

Премного благодарен за вашу любезность. Мой брат забыл к сожалению попросить вас о фортепианном переложении увертюры на 4 руки. Поэтому надеюсь, что вы не откажетесь исполнить это. Вы так быстро доставили то переложение, что видимо вам не составит труда окончить также это по возможности скорее. К сожалению дело затянулось по вине моего брата и теперь все должно лететь сломя голову. В счет моего долга брату он получил эту увертюру и некоторые другие сочинения; вот почему он попал в эту историю. Во всяком случае прошу вас сообщить размер гонорара за оба переложения; уплачу вам с удовольствием.

Я уже писал, что готов оказать вам услугу, а потому, если представится такой случай, то не забудьте обо мне, ибо я всегда готов доказать вам свою любовь, благодарность и уважение.

Баден, пятница 8 окт. 1824 г.

Как всегда ваш друг Бетховен.

P. S. Я думаю, что при аранжировке на 4 руки вам лучше иметь пред собою готовое фортепианное переложение, а потому при сем прилагаю последнее.

К Диабелли.

Милостивый государь!

Простите за то, что утруждаю вас просьбою прислать партитуру моей мессы; — она мне очень нужна; — вместе с тем повторяю, что я не воспользуюсь ею для публики, не предупредив вас как или когда. Прежде всего она будет исполнена под моим управлением с написанными к ней новыми частями, каковые потом передам вам с удовольствием. Случаются такие конвенансы, которых нельзя избежать, тем более, что я завишу от иностранных обязательств, тогда как Австрия мне не дает ничего, кроме неприятностей. — Вскоре буду иметь удовольствие посетить вас и поговорить относительно Карла.

Остаюсь, мил. государь, с величайшим почтением ваш Бетховен.

Уважаемый друг!

С истинным удовольствием вышло вам на днях партитуру «Жертвенной песни» Матиссона; все, что уже вышло или еще не вышло, всегда к вашим услугам. Жаль, что обстоятельства не позволяют мне присылать вам большие произведения ранее исполнения их. К сожалению в таких случаях я связан. Впрочем в будущем может случиться, что я с удовольствием приду вам навстречу.

Прилагаемое письмо для придворного советника ф. Кизеветтера; покорнейше прошу передать ему, тем более, что оно касается столько же вас, как и госп. сов. —

С глубочайшим почтением ваш преданнейший друг Бетховен.

Баден, 24 авг. 1824.

Дорогой Диабелли!

Я не имел возможности написать вам раньше, вы желаете большую четырехручную сонату; хотя сочинение подобн. вещей теперь мне не ко двору, тем не менее я с удовольствием напишу ее и докажу вам этим свою преданность. Может быть время позволит мне доставить вам ее раньше, чем вы сами этого желали, что касается гонорара, то боюсь, он вас поразит, но принимая во внимание, что я должен отложить другие сочинения более выгодные для меня и более подходящие вы может быть не найдете слишком дорогим, если я назначу гонорар в 80 # золотом, вы понимаете, что как храбрый рыцарь живет своим мечом, так я должен жить своим пером, к тому же академии дали мне большой убы-

ток. Жду вашего решения и если вы согласны на мои условия, то мне надо скорее знать об этом, относительно тональности я согласен.

Прощайте как всегда ваш друг и слуга Бетховен.

Его благородию г. ф. Диабелли и К°. Художественная и музыкальная торговля в Вене.

Сдать на Грабене № 1133.

С удовольствием я заметил из вашего почтенного письма, что вы склонны исполнить мою просьбу. Поэтому покорнейше прошу вас написать мне большую 4-ручную сонату и чем скорее, тем лучше. Что касается гонорара, то я согласен исполнить ваше желание и заплачу вам 80 # золотом, ибо уверен, что ваши сочинения созданы не для одной минуты, а для вечности. Кроме того для меня вдвойне важно, что вы еще никогда не писали большой 4-ручной сонаты и можете писать совершенно свободно и независимо, ибо к вашим услугам вся клавиатура, целая армия покорных звуков. С полным доверием к данному вами обещанию пребываю к вам с величайшим почтением

вашего благородия покорнейший слуга А. Диабелли т. р.

Любезный Диабелли!

Прошу вас потерпеть только еще несколько дней, пока я сам приду к вам, чтобы предложить не возьмете ли вокальные пьесы связанные с увертюрою, в понедельник принесу вам список вариаций, каковы, конечно, получите, как и четырехручную сонату, а также квинтет для флейты, но за увертюру желаю гонорар в 50 # — можете пока об этом пораздумать — не сомневайтесь в данном мною слове

ваш друг Бетховен.

Из Вены, 7 авг. 1824 г.

Так как я не получаю письма от вас, милостивый государь, и тем менее могу видеть вас лично, то позволяю себе еще раз запросить сим, могу ли наверное рассчитывать получить большую 4-ручную сонату в F вашего сочинения. Так как ведение моего торгового предприятия зависит от издаваемых мною сочинений и мне весьма важно иметь и большую 4 р. сонату, то прошу при первой возможности известить меня, могу ли в этом же году рассчитывать получить таковую. Вместе с сим желал бы знать и цену ее. В ожидании скорого ответа остаюсь с особенным почтением

покорнейший слуга Ант. Диабелли т. р.

Вена, 26 сентября.

Г. ф. Диабелли и К°.

Я не мог раньше ответить, ибо не мог еще назначить срока, теперь однако обещаю вам вручить квинтет через 6 недель или немного позже, приму во внимание ваши требования, но не в ущерб моей артистической свободе. — Гонораром в 100 дук. золотом я доволен.

С почтением ваш преданнейший Бетховен.

К проф. Элерсу в Мангейм.

1 авг. 1826 г.

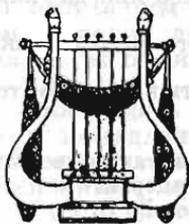
Многоуважаемый Элерс!

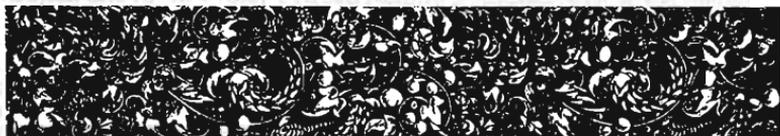
Завален, — отвечаю, хотя поздно, — я согласен со всем, что вы затеяли с «Развалинами Афин». Не забудьте только восстановить подлинник, который много пострадал от переделки Мейснера, его можно найти конечно только в первоначальном тексте Коцебу. — Одобряю все, что сделать намерены вы с нею. Смотрите только, чтобы все было подлинное, потому что с «Разв. Афин» была одна увертюра в g-moll, а к мейснеровской переделке для изефштадтского театра — другая напечатанная Шоттами в Майнце. Дело только в том, какова будет новейшая обработка. Если вам нужна в С, то согласно вашему письму я сейчас же потребую от Шотта, потому что капельмейстер королевского театра написал возмутительную аранжировку увертюры в С для фортепиано. Надо полагать, он согрешил также в отношении партитуры. Вероятно, он представил себе, что находится в Кенигсберге и задумал применить к ней в Кенигсберге кантовскую критику чистого разума. — С удовольствием предоставляю вам все доходы от обработки этого произведения; приму от вас только маленький подарок на память. Если хотите, то напишу Шотту, чтобы передал вам также «Жертвенную песню», потому что первоначальная верная черновая рукопись нашлась лишь впоследствии. — Буду рад скорейшему ответу вашему по этому делу.

Сердечно обнимаю вас ваш друг Бетховен.

1 авг. 1826 г.

Адрес: Его благородию г-ну Элерсу, профессору пения и главному режиссеру великогерцогского театра в Мангейме.

ГЛАВА XX

1826

Племянник Карл в университете и в политехникуме. — Жизнь у Шлеммера. — Покушение Карла на самоубийство. — Карл поступает в полк.

Весною 1826 года Бетховена посетил выдающийся дрезденский фаготист-виртуоз А. Миттаг, приглашенный на должность профессора в венскую консерваторию. Визит, видимо, сопровождался завтраком, а беседу вел письменно К. Хольц, записывая в тетрадь слова гостя, как третьего лица; в этом разговоре упоминается Витасек, приглашенный занять должность придворного капельмейстера по смерти Сальери (1825 г.); другие, упомянутые в беседе, лица мало или совершенно неизвестны.

Ваше вино прекрасно.

Уже два года они имеют *cis*, иногда также *H*, но не все.

Верх фагота.

Он видел пьесы для нового фагота, каковые можно исполнять с таким же успехом на старых.

E-dur, *H-dur* трудно играть в быстром темпе.

В *adagio* безразлично.

Cis играется очень легко.

Он выражает глубокое почитание своих земляков саксонцев.

За всю зиму ни одного концерта.

Верхи нового фагота имеют *D*, *E*, *F*.

D также.

Духовые инструменты в придворном оркестре очень хороши, но им нет работы.

Была только одна большая месса Эйблера.

Хотели исполнить также мессу Сальери, но отложили, нашли слишком скверною.

Вам следует поехать в Лейпциг дать концерт; не надо новой симфонии; вами увлекаются там беспредельно: одних студентов 1500, признающих только ваши сочинения.

В Дрездене то же.

Оркестр из 90 человек; это, пожалуй, лучший в настоящее время.

Тройной состав духовых инструментов.

Лучшие артисты стремятся в Мюнхен, король привлекает всех окладом жалованья.

Ваших симфоний нигде не исполняют так, как там; но вы тоже делаете 5 или 6 репетиций.

В Дрездене садовые концерты.

Он не слышит.

Каттер не знает даже *C*-аккорда.

Шейдль.

Витасек отклонил приглашение, он написал Кудшера, что уже слишком стар, чтобы носить придворное ярмо; да и лицом он так крашен, что венцы могут принять его за пьяницу.

Науман также умер.

Теперь Морлаки и Вебер.

Сам король ежедневно играет по 1 часу с партитуры.

При дворе вымерло.

Он образован.

Сегодня трудно было найти вина, ничего не поделаешь.

Бесконечная колбаса.

В другой раз Хольц пишет:

«Миттаг рассказывает, что Брейткопф и Хертель разбогатели на вашей D-симфонии. Она одновременно появилась в разных видах, в первый же день распродан весь запас в 2000 экземпляров для фортепиано в 4 руки... Миттаг просил меня передать вам, что часы, проведенные им с вами, — лучшие в жизни его».

Такие посещения не были лишены интереса и утешения для композитора, но не могли отвлечь мыслей его от горя, отравившего последние дни жизни.

Еще в начале лета 1824 года, в Пенцинге, племянник, наконец, решился признаться дяде в том, что боится бездны университетской премудрости и мечтает о менее трудной карьере.

«Буду вполне откровенным. Дело зашло слишком далеко, нельзя дольше молчать... Никогда не имел я склонности к этим наукам, а потому часто пропускал лекции. Ты сам, должно быть, уверен, что экзамены сойдут плохо. К сожалению, я также уверен. Что же делать? Начинать снова? Но я, кажется, не вынесу позора, видя себя отставшим от всех товарищей. Да и что скажут Джияннатасио, многие другие... Все будут насмехаться и не без основания... Ты понимаешь, что я не перенесу этого...»

Тем не менее, Карлу удалось сдать этот, последний для него, университетский экзамен и немедленно погрузиться, вместе с Нимецом, товарищем своим, в омут беспутной жизни, с шатанием по трактирам, выслеживанием красоток, ревностными упреждениями на бильярде и т. п. Долготерпеливый дядюшка, не теряя надежды направить юношу на путь истины, обращается к нему с наставлением, вызывающим такой диалог:

Бетховен. — Ты неудачно выбрал друга. К бедным можно относиться с участием, но не всегда. Я не хочу быть пристрастным, однако он мне неприятен, как гость: одевается и держит себя неприлично, а это непростительно для образованного мужчины и юноши. Очевидно, он более интересуется экономкою, чем мною. Ты знаешь, что я люблю тишину; помещение здесь небольшое, я всегда занят и совсем не интересуюсь им... Ты еще очень бесхарактерен.

Карл. — Я знаю его четыре года. Нас сблизило необыкновенное сходство характеров и склонностей наших.

Бетховен. — Я нахожу, что он груб и вульгарен; с такими я не могу дружить.

Карл. — Ты ошибаешься, находя его грубым; ведь, кажется, не было случая, который подтвердил бы твое мнение. Ты мог бы упрекнуть меня в бесхарактерности, если бы только я хоть на минуту задумался изменить дружбе его. Во всем пансионе Блех-

лингера он один утешал меня в грустные минуты, и я обязан ему, по меньшей мере, благодарностью.

Бетховен. — Ты еще не способен судить правильно.

Карл. — Напрасно мы спорим о предмете, да еще о характере, о котором я до тех пор не изменю своего мнения, пока буду считать себя порядочным человеком. Если во мне имеются какие-либо достоинства, то в нем их не меньше; если он заслужил какой-либо упрек, то таковой относится также ко мне. Я всегда буду любить его, как брата.

Так избалованный, своевольный юноша отстаивал своего порочного друга, влиянию которого на племянника композитор был обязан не одною горькою минутою в последние два года своей жизни.

Слухи о порочной жизни племянника все чаще доходили до композитора и, глубоко огорчая его, приводя в отчаяние в дни тяжелых физических страданий и изнурительной работы над последними квартетами, привели к мысли собрать и перед смертью

Дом Бетховена
на Schwarzspaniergasse.

передать Брейнингу письма свои к Карлу, как документы, могущие доказать потомству, что дядя, со своей стороны, принял все меры к воспитанию своего дорогого племянника и не его вина, если старания его оказались бесполезны. Принимая меры к реабилитации своей в будущем, дядя не мог пренебречь мерами, способными помочь делу в настоящем, а потому весною 1825 года, когда Карл решительно отказался сдать экзамен, так как еще с осени забросил все книги, Бетховен советуется с братом Иоганном, с приятелями Петерсом и Брейнингом, обсуждает предложение брата посвятить Карла коммерции, для чего определить его в соответствующее отделение высшей технической школы. Со своей стороны, Карл, мысленно уже совершавший финансовые операции, уверил дядю в своем призвании к коммерческим наукам. Стефан Брейнинг, восстановивший теперь былую дружбу с композитором, поддержал совет Иоганна, указав на содействие, которое в этом деле мог оказать помощник директора политехникума, Рейсер, бывший соопекуном Бетховена; действительно, Рейсер рекомендовал репетитора и нашел для Карла комнату поблизости политехникума, у чиновника Шлеммера, которому также был поручен надзор за поведением юноши. Сам же Бетховен 15 октября 1825 года поселился в предместье Веринг, в квартире, которая ему приглянулась еще весною того же года и была его последним жилищем в Вене; находилась она в так называвшемся Alsergrund, расположенном против Molker-Bastey, на прежнем Alserglacis, в Schwarzspaniergasse, ныне приютившейся за прелестною Votiv-Kirche, близ университета; здесь, во втором этаже, он взял три комнаты, находя их «барскою, светлою квартирою, из окон которой открывается вид на столицу со всеми ее великолепными зданиями и далеким ландшафтом». Прелестных образцов готической

архитектуры и ренессанса, величественной *Votiv-Kirche* и университета тогда не существовало, и ничто не стесняло кругозора. «Все венские церкви пред вами, — пишет кто-то в тетради, — вы должны стать богомольны». Влево, через Шоттен-Тор, видны были Дунай и часть Аугартена; вправо выступал красного цвета дом, где жил друг детства, Стефан Брейнинг; как улица, так и дом (*Schwarzspanierhaus*) получили свое название от испанских монахов, носивших черное одеяние и долгие годы проживавших здесь. Отсюда композитор рассылал свои последние инструкции издателям, отсюда же исходили последние наставления Карлу, жившему у Шлеммера, в отдаленной части города.

Во имя священной обязанности, принятой на себя, композитор продолжает заботиться о племяннике, поддерживает мирные отношения с матерью его и еще в 1824 г. напоминает своему адвокату о завещании, по которому оставляет Карлу все свое имущество, кроме рояля¹ парижской фабрики Эрара, который должен перейти к брату Иоганну, что видно из следующих двух записок:

К госпоже Иоганне ван Бетховен.

8-го янв. 1824 г.

Усиленные занятия были причиной того, что Карл и я не могли поздравить вас с новым годом; впрочем уверен, вы не сомневаетесь в моем и Карла искренних пожеланиях вам блага.

Что касается до вашей нужды, то я, конечно, охотно помог бы вам деньгами, но к сожалению у меня столько расходов и долгов, а получить мне предстоит так мало, что в настоящее время не могу доказать вам свою готовность помочь. Пока же подтверждаю вам письменно, что можете постоянно пользоваться половиной суммы, причитающейся Карлу из вашей пенсии, мы будем выдавать вам каждый месяц расписку, которую вы сами будете предъявлять к оплате. Последнее ничуть не стыдно (несколько знакомых моих ежемесячно сами получают свою пенсию); если впоследствии буду в состоянии помочь вам своими средствами, то конечно сделаю это. Долг ваш 280 фл. 20 кр. я давно принял на себя, что вам вероятно уже сообщено. Вы давно уже могли не платить процентов.

Вы получили от меня через Шиндлера пенсию за два месяца, 26-го этого месяца или несколько позже получите свою пенсию за этот месяц. О вашем процессе я поговорю вскоре с ф. Бахом. — Карл и я шлем вам лучшие пожелания.

Готовый к услугам Л. ван Бетховен.

К адвокату д-ру Баху.

Баден, Гутенбрун, 1 авг. 1824 г.

Уважаемый друг!

Примите искреннюю благодарность за память обо мне; чувствую себя здесь хорошо. — Кстати о завещании Карла; должен вам напомнить,

¹ Рояль этот находился на венской выставке 1873 г.; когда он был получен Бетховеном и где находится ныне — неизвестно.

что однажды, как мне кажется, со мною был удар; то же самое было с моим дедом, честнейшим человеком, с которым у меня много общего. Карл был и останется единственным наследником всего моего имущества и всего, что окажется налицо после моей смерти. А так как надо и родственникам оставить что-нибудь, хотя бы они держали себя не породственному, то г. Brudere получит мой французский рояль из Парижа. Карл мог бы принести с собою это завещание в субботу, если только не затруднит вас. — Что касается Штейнера, то пусть довольствуется тем, что в конце этого месяца и в конце сентября весь долг будет ему выплачен — потому что если с Майнцем наладится, то придется ждать слишком долго, а первые 600 фл. нужно заплатить 2 благороднейшим лицам, любезно и беспроцентно ссудившим мне эту сумму в минуту безвыходного положения, прощайте, сердечно вас обнимаю

с глубоким почтением ваш друг Бетховен.

Чем ниже падал Карл, тем глубже было разочарование, тем острее были нравственные муки композитора. Сколько было приложено забот им самим, Карлом Черни, Джианнатасио дель Рио и другими наставниками, воспитателями и учителями Карла! Какого великого артиста мечтал создать из него дядя! И что же дала действительность? Из заоблачных сфер искусства мечты композитора о Карле спустились в область прозаических забот о будущности интеллигентного человека с университетским образованием; затем намерения становятся еще скромнее, ограничиваются деятельностью бухгалтера или торговца и, наконец, сокращаются до незамысловатой задачи получить офицерские шпоры и эполеты.

Совершенствуясь в карамболях и под предлогом усиленных занятий коммерческими науками, Карл стал все реже бывать у дяди, не приходил даже в праздничные дни, когда его ждали с особенным нетерпением и с распростертыми объятиями. Иногда дядя узнавал истину и изливал в своих письмах желчь и досаду, но беззаветная любовь к юноше побеждала минутную вспышку гнева, и письма нежные, полные отеческой любви, вновь летели к распутному и ленивому юноше.

Дорогой мальчуган!

Взгляни, что поделывает наше красное дерево. Мое намерение уже осуществлено; мы отдаем теперешний квартет Артариа, а последний Петерсу. — Ну что, разве я не стал практичнее; ради тебя обратился я в торговца, чтобы оставить тебе уже проторенный путь. — Мой желудок в ужасном состоянии и нет врача! — Мне нужны очиненные перья. Да не пиши в субботу Петерсу, мы ожидаем еще кое-чего; поэтому надо притворяться или показать ему, что нам безразлично.

Со вчерашнего дня я не принимаю ничего, кроме супа и нескольких яиц и только воду; язык у меня совсем желтый; без слабительного и без крепительного желудок мой никогда не поправится, несмотря на комедианта-доктора. — Третий квартет содержит тоже 6 частей и наверное будет вполне закончен в 10 самое большее в 12 дней. Любите меня, если я вам причиняю неприятности, то не для того, чтобы причинить вам неприятность, а для вашего же блага в будущем. — Кончаю. — Обнимаю тебя от всего сердца, будь только вполне прилежен и честен, в границах этих заключается мое счастье. — Пиши, дорогой сын, мне не-

приятно утруждать тебя своими поручениями, но вскоре будет легче. — Хольц кажется может стать нашим другом — жду скорее письма от моего Вениамина.

Любящий тебя отец.

Баден, 29 авг.

Баден, вечером 14 сент. 1824 г.

Дорогой сын!

Либо завтра будет дождь и может быть сильный или дождя не будет; и то и другое для меня скверно. Дождь и ужасная пыль. — Мне очень неприятно, что ты так долго находишься в обществе этого дьявола; старайся быть дальше от него. Напиши от моего имени управляющему больницей, что она не пришла первого, потому что была во-первых нездорова, а во-вторых я был осажден посетителями. — Basta così.

При сем 40 фл. для репетитора; возьми у него расписку в получении; это избавит тебя от многих недоразумений. — Так полагается когда кто-либо платит по поручению другого лица. Ведь Хольц принес расписку от Рампеля, хотя этого не требовалось; да и кто же этого не делает! — Белый жилет возьми себе, а мне закажи другой. — Захвати с собою метроном, он там не нужен. — Возьми свои простыни и два одеяла, — также карандаш, перья; первые можешь взять только в Brandstatt, итак прощай дорогой сын; жду тебя завтра пораньше в свои объятия; может быть завтра — —

Как всегда твой вернейший отец.

Поневоле пришлось послать тебе тележку со старухой; все это вместе стоит 8 фл. 36 кр. — Не забудь чего-либо, а также своего здоровья.

Из записок к Хаслингеру и Шлеммеру видно, что композитора беспокоят теперь не столько успехи Карла в науках и искусстве, сколько беспутный образ жизни и неприличное поведение его.

Баден, вечером 6-го октября.

Любезный Тобиас!

Настоятельно прошу вас тотчас же спросить в доме на Johannesgasse, куда мы переезжаем, ночевал ли Карл вчера и сегодня там, и если он дома передать ему сейчас же эту записку, если же нет, то передайте таковую привратнице там же для передачи. — Вчера он отправился отсюда и сегодня вечером еще не прибыл с экономкой туда, и один с прислугой, не умеющей ни говорить, ни читать и писать, и едва нахожу что-нибудь поесть вне дома — за Карлом мне уже раз приходилось ездить в Вену, ибо куда он раз попадет, оттуда трудно его вытащить, прошу известить тотчас же сюда, что можете, я охотно провел бы спокойно еще несколько дней здесь, но к сожалению наверно придется из-за него ехать в город; во всяком случае прошу никому ничего об этом не говорить, Бог свидетель, чего я уже натерпелся от него — если у привратницы в Johannesgasse нельзя получить о нем сведений, то пошлите сейчас на Landstrasse, где я жил, спросить у привратника, где живет г-жа фон-Нимец, и там узнать, был ли он там или придет ли, чтобы она прислала его сюда сейчас же. —

- Вашей прислуге я заплачу и верну почтовые расходы на письма — прошу также отправить письма моему брату Каину — если его не найти или он найден, то отвечайте сейчас же. Очень спешу ваш

друг Бетховен.

Баден, после 6 окт. 1824.

Наш Вениамин прибыл уже сюда сегодня рано поутру, по этому случаю я приказал сделать 17 с половиной пушечных выстрелов — прежние приключения, случившиеся не по вине его и его menage сделали меня трусливым, слава небесам, несмотря на мое *agitatos* все идет иногда хорошо и желанно, ничуть не удивительно, что при наличности этих злосчастных заведений испытываешь столько страха за развивающегося молодого человека, притом это, отравляющее дыхание дракона! — Что касается г-на Макса Штумпфа, то он, как я слышал, называет меня своим блудным сыном — блудный?! Это изображение...

В качестве великого хранителя печати вы вскоре получите диплом, — что же касается *paternoster*-переулочка, то мы настаиваем на том, чтобы все это хранилось в совершенной тайне, ибо иначе можно наконец дойти до того, что при каждом оклике опасаться нет ли поблизости патерностер-переулочника. Что касается моего всемилостивейшего господина, то не может же он не следовать примеру Христа, т. е. страдать *ed il maestro* не меньше. — Немного беспощинные мысли — за радостью горе, за горем радость — надеюсь при вашем старании; сегодня с вами будет либо одно, либо другое — доброго здоровья, добрейший — вам следовало бы все же еще раз появиться здесь с предварительным извещением и с Пирингеровским Директориумом. Ваш Бетховен.

Его благородию г. Филиппу ф. Хаслингеру отдать в Paternoster-gasse на Грабене.

Милостивый государы!

Я заметил, что Карл совсем не умеет вести себя в приличном обществе. Можно подозревать, что он развлекается по вечерам или даже ночью в дурном обществе. Прошу вас следить за этим и ни под каким видом не выпускать по ночам Карла из дома, если не получите от меня письменного разрешения. — Один раз он был, с моего ведома, у советника Врейнинга. — Прошу вас позаботиться об этом, так как ни я, ни вы не можем относиться к этому безразлично и еще раз предлагаю обратить на это особенное внимание.

Милостивый государь, преданнейший вам Бетховен.

Его высочордию г-ну ф. Шлеммеру.

На запросы дяди о поведении племянника Шлеммер писал: «Клянусь честью, он все ночи проводит дома; каждый вечер он возвращается домой; по утрам уходит к началу учения; играет же он, вероятно, в часы занятий». И действительно, первые дни у Шлеммера юноша вел себя скромнее, но вскоре обнаружил все свои пороки.

Брат Иоганн, со своей стороны, сообщает композитору о Карле: «Недавно я говорил с ним серьезно о том, почему он так редко бывает у тебя; он ответил, что бывал бы часто, но боится твоих упреков за прежние проступки и ссор с прислугою. Пожалуйста, не говори ему об этом, иначе он перестанет быть открытым со мною. Итак, от тебя зависит привлечь его к себе. У него очень часто бывает скверный вид, я подозреваю... и упрекал его за это, но напрасно... Через четыре месяца он окончит все и тогда заставь его поступить в торговый дом, иначе он останется бездельником и будет жить твоими трудами».

«Зачем мне ходить к тебе? — спрашивает Карл дядю в тетради. — Чтобы огорчать тебя? Об этом достаточно заботятся враги твои. Знаю, что эти музикасы завидуют тебе... То же самое было с другими гениальными людьми... Враги именно раздувают славу... Все удивляются не столько твоему дарованию, сколько способности писать в таком состоянии... Думаю даже, что это способствует оригинальности твоих произведений... Мне кажется, что самый великий гений, постоянно слушая чужие композиции, может бессознательно заимствовать чужие идеи; у тебя же этого не может быть, ты все черпаешь в себе самом... Лучше всего было бы оперы... Дух юн...»

«Я вижу, — пишет Карл в тетради осенью 1825 года, — что ты раздражен; это понятно. Но я все же надеюсь, что, успокоившись, ты отнесешься иначе и не оттолкнешь меня совершенно. Не лишай меня этой надежды и не губи: я уже убит. Вскоре можешь убедиться в том, что все изменилось... У меня нет знакомых... Экзамены не трудные, я хотел сдать и даже отлично, но...»

Но юноша, по обыкновению, врал, и ничто не изменилось в поведении его.

Шиндлер пишет в тетради: «Некоторые преподаватели политехникума упрекали Карла, так как постоянно встречали его в кофейнях, в обществе кучеров и тому подобных людей, с которыми он играл и не всегда честно». А в то же время дядя заносит в дневник: «одна ночь на балу... две ночи не был дома...» Шлеммер сообщает, что Карл, постоянно нуждавшийся в деньгах для своей распутной жизни, крадет у дяди книги и продает их антиквару; «попадались издания ценою в 50 и 60 фл.», а композитор отмечает в дневнике: «у меня было полное собрание сочинений Гете... Не достаёт многих томов Лейпцигской Муз. газеты». Так осложнялись и ухудшались отношения между композитором и племянником его, доходя порою до брани и драки: «я вошел, — пишет Хольц в тетради, — в ту минуту, когда он схватил вас за грудь... Вот тут у двери, когда он хотел выйти...» В переписке с дядей Карл называет его учителем, а жизнь под его опекою — тюремным заключением; своему другу Нимецу он пишет: «Спешу окончить письмо, чтобы старый дурак не заметил».

А старый дурак, или, вернее, гениальный старик продолжал словесно и письменно наставлять любимого сына своего на путь истины. В ряду нижеследующих записок мы видим эти наставления, эти увещания, эти просьбы и мольбы добрейшей души,

Бетховен, раб. Шалера.

отзывчивой и всепрощающей, любвеобильного сердца, ищущего взаимности и преданности. В записках этих встречаем иронические клички (псевдо-брат, небратский брат, asinaio, фрателло), данные композитором Иоганну; другие клички (красное дерево или макагони, древо христово, щепка), данные Хольцу (Holz — дерево), нелицеприятные эпитеты жене Иоганна, кухарке Шнапс, всем тем, кто не сумел угодить ему. Тут же упоминается Беккер (свояк Иоганна) и некоторые другие лица, уже знакомые нам. Изложение писем, по обыкновению, небрежное, порою нескладное, непонятное, безграмотное, с бессмысленною расстановкою или частым повторением одних и тех же слов. В записке от 25 августа 1825 года композитор выражает сожаление о том, что не получил в этот день, в день своего ангела, ни поздравления, даже ни одной строки от племянника. В ряду других записок выражены заботы композитора о корректуре последних квартетов, о той черной работе, которую не пренебрегает ни один добросовестный писатель и которой Бетховен посвящал долгие часы, так как опечатки в нотах несравненно более вредят, чем в книгах, а Бетховен был очень требователен в отношении исправности издания своих произведений, о чем встречаются сведения в сотнях его писем.

К племяннику.

Г-жа Шлеммер получит или получила деньги через нашу экономку. Завтра надо написать несколько писем; сообщи когда тебе удобнее?

Твой дядя.

Мой носовой платок остался.

Дорогой сын!

Только что получил твое письмо. Чувствую себя очень слабым и одиноким, — можешь прочесть это возмутительное письмо. — Посылаю тебе 25 фл., купи сейчас же книги, остаток, если надо, можешь израсходовать. — Записку г-на ф. Рейсера принесешь мне обратно сюда.

В субботу 14-го мая я пошлю отсюда в город карету; они еще пригодны, чтобы доставить тебя сюда. Завтра утром старуха узнает, когда тебе удобнее. До 6 часов вечера у тебя будет достаточно времени, чтобы покончить с делами. Может быть я тоже приеду и можно будет купить тебе рубах. Поэтому было бы лучше, если бы ты мог приготовиться уже к 4 часам; если же я не приеду, что весьма вероятно, то выезжай в 5 или 6 часов вечера прямо сюда. — Ты не так устанешь и можешь в воскресенье или, если можешь, в понедельник уехать отсюда.

Деньги для репетитора можешь отсюда взять с собою.

Знаешь ли ты, что репетитор, еда и квартира стоят 2000 фл. в год?

Сегодня не могу больше писать — перо еле движется.

Твой верный отец.

Дорогой сын!

Все противная погода, сегодня еще холоднее, чем вчера, так что я едва двигаю пальцами, когда пишу; мне кажется, что это только здесь в горах и особенно в Бадене. Я забыл сегодня шоколад, мне досадно, что утруждаю тебя. Все это пройдет. Посылаю тебе 2 фл., прилагаю еще 15 кр. Пришли его, если можно, с послеобеденной почтой, потому что на послезавтра у меня уж не хватит; хозяева помогут тебе конечно в

этом. Да хранит тебя Бог! Пишу опять довольно много, но при этой ужасно холодной и тоскливой погоде нельзя быть уверенным в успехе работы.

Как всегда твой добрый, верный отец.

В 1 час дня.

Дорогой сын!

Спешу сообщить, что старухи еще здесь нет и не знаю почему. Узнай сейчас же у Хебеля на Kothgasse, не выехал ли уже из Вены в Баден здешний Хебель? Право меня так удручает зависимость от подобных людей, что не будь высших целей жизнь была бы мне невыносимою. — Вероятно, ты получил уже вчерашнее письмо с 2 фл. на шоколад. Завтра буду вероятно пить кофе; быть может это лучше, чем шоколад, предписания этого Б. часто бывали ошибочны, да и вообще он кажется мне очень ограниченным и к тому же дураком; относительно спаржи он наверное знал. — После еды в ресторане у меня сегодня сильный понос. — Белого вина больше нет, так что опять из ресторана, но что за вино и ведь за 3 фл. — Старуха писала мне позавчера, что хотела бы умереть в больнице; может быть, она совсем не хочет больше возвратиться, Бог с нею, она всегда останется злой старухой. В таком случае она должна сговориться со знакомой ей личностью. Мне она писала, «что люди не хотели выдать звонковой проводки»; совсем иное, что говорила тебе в воскресенье; быть может в этом у нее своя выгода? — Вчера в 6 часов она отправилась в город и я очень просил ее возвратиться сегодня до обеда; если она придет, то послезавтра я отправлюсь в город. Сообщи в какое время обыкновенно можно тебя застать. — (Письменно).

Напиши мне сейчас же несколько строк; как мне досадно, что беспокою тебя, но ты видишь, что обстоятельства принуждают.

Твой верный отец.

Как ужасно оставаться здесь в таком состоянии!!

Г-ну Карлу ван Бетховену в Вене. Отдать у г-на Шлеммера, близ церкви Карла на Alleengasse 72, в 1-м этаже.

Дорогой сын!

Итак, сегодня столяр со старой — ведьмой — в квартире азинаиоса не забыть бы картин и того, что внесено было туда летом, взгляни хоть раз. — Может быть, приеду в субботу, если же нет, то приедешь сюда в воскресенье.

Дорогой сын, да осенит тебя Господь!

Твой верный отец.

Не могу долго писать.

Напиши несколько слов.

Наконец-то — отдай по крайней мере старухе шоколад. — Если Рамлер не взял, то может быть старуха позаботится. — Я все хужею и чувствую себя скорее плохо, чем хорошо; и ни одного врача, ни одного сочувствующего человека!

Если ты свободен по воскресным дням, то выезжай, но я не хочу лишать тебя чего-либо, если только ты можешь провести приятно воскресенье без меня. Я должен от всего отвыкнуть; но принося столь зна-

чительные жертвы, я уверен в благоприятном результате! где только я не изранен, не изрезан?!

Твой верный отец.

Среда, 18-го мая.

Дорогой сын!

Старуха уже приехала, поэтому не беспокойся, а учись хорошо и вставай по утрам раньше, чтобы при случае сделать кое-что и для меня. — Юноше, которому уже скоро 19 лет, следует сочетать свои обязанности по образованию и развитию с долгом по отношению к своему благодетелю и кормильцу; ведь я так же поступал по отношению к своим родителям. —

Второпях твой верный отец.

Старая звонковая проводка уже здесь.

Письмо от 18-го мая по ошибке помечено 17 мая.

19-го мая.

В Landstrasse на Ungargasse, квартира № 345, около пивоварни, в 4 комнаты, кухня, — вид на прилегающие сады; спросить у сторожа. И на Hauptstrasse должно быть несколько, — сторожу на Ungargasse дай один гульден, чтобы он подождал до субботы, когда я заеду за тобою, если погода позволит. — Завтра решится, от Михайлова дня или теперь. Если приеду в воскресенье, то постарайся, чтобы я застал тебя.

Твой верный отец.

Шлю пожелания возможных благ моему уважаемому соопекуну г-ну д-ру Рейсигу! Я еще очень слаб и не могу написать ему сам. Надеюсь, что г-н Р. ничего не будет иметь против того, чтобы ты приехал сюда в субботу вечером. Ты ведь знаешь, что в подобных случаях я не злоупотребляю; так бывало и с Влехлингером. — При такой поддержке я не сомневаюсь в успехе твоего ходатайства.

Твой верный отец Бетховен.

Баден, 22-го мая.

До сих пор я не был уверен, хотя меня уверяли, что ты опять тайком встречался со своей матерью. — Должен ли я вновь испытать ужасную неблагодарность?! Нет, если союз должен быть нарушен, то да будет так; все беспристрастные люди, узнав об этой неблагодарности, будут презирать тебя. — Отзыв г-на брата именно относительно д-ра Рейсига, твои вчерашние слова, как он говорит, относительно д-ра Зонлейтнера, который впрочем мне конечно неприятен, так как суд постановил обратное тому, что он требовал, — вмешиваться опять в эти гадости, нет, никогда больше! — если тебя стесняют условия опеки, Господи помилуй, — я предоставляю тебя Божьему Провидению. Я свое сделал и потому могу предстать пред высшим Судьей. — Не бойся, приезжай ко мне завтра. Я все еще полагаю, что Бог даст все это ложь, потому что право ты был бы бесконечно несчастен; так легкомысленно ведут себя со старухой плутоватый брат и может быть твоя мать. Жду тебя непременно.

Дорогой сын!

Я намерен приехать в город в субботу, а в воскресенье вечером или в понедельник утром быть опять здесь. — Поэтому прошу тебя спросить у д-ра Баха, в какие часы он принимает обыкновенно. Пусть тебе дадут также ключ у брата Беккера, чтобы можно было взглянуть, достаточно ли обстановка комнаты, занимаемой небратским братом, чтобы можно было там провести ночь, чисто ли белье и т. д. Так как в четверг праздник и ты вряд ли сюда приедешь, чего я и не требую, то можешь исполнить эти два поручения. В субботу, когда приеду, сообщись все это. Денег тебе я не посылаю, потому что в случае нужды можешь занять дома один гульден. Юноша должен быть воздержан, а ты, кажется, недостаточно обращаешь на это внимание, так как у тебя оказываются деньги, о чем я не знал и не знаю откуда? — Славное поведение! Я думаю, и в театр не стоит теперь ходить для лучшего развлечения. Тем не менее, взятые у д-ра Рейсига 5 фл. буду выплачивать исправно помещая и конец этому. — Не мешало бы поучить наконец искренности и справедливости такого избалованного юношу, как ты, потому что я много выстрадал, благодаря твоим хитрым проделкам со мною, а предать забвению не могу. Если бы я продолжал безропотно нести свое ярмо, то твое поведение с другими не вызвало бы в окружающих расположения к тебе. Бог свидетель, я думаю только о тебе и о том, как бы быть подальше от этого злосчастного брата, от этой навязанной мне противной семьи. Да услышит Господь мои мольбы, потому что я никогда более не могу верить тебе. —

К сожалению, твой отец, или лучше не отец тебе.

Баден, 31 мая 1825 г.

Баден, 9 июня 1825 г.

Я хотел бы видеть тебя здесь хоть в воскресенье. Напрасно прошу ответа — Господь с нами

Как всегда, твой верный отец.

Я писал г-ну. ф. Рейсигу, чтобы он просил тебя приехать сюда в воскресенье; коляска отъезжает в 6 часов от его квартиры, т. е. собственно от Kugel auf der Wieden. Если ты хоть немного поработаешь или займешься заранее, то ничего не потеряешь. Мне очень жаль, что причиною тебе эту неприятность. После обеда в 5 часов поедешь обратно в Вену в той же коляске. За все уже вперед заплачено; чтобы не терять времени, можешь завтра здесь побриться, получишь галстук и рубаху.

Прощай. Если я сержусь на тебя, то это не без причины; я не хотел бы приносить столько жертв, чтобы дать обществу заурядного человека. — Надеюсь видеть тебя.

Если же интриги уже назрели, то выскажусь откровенно, просто; ты поймешь того, кто неизменен в добрых делах.

О квартире А вчера опять было в газете. Неужели не мог ты ничего сделать, хотя бы через кого-нибудь, или письмом, если ты, быть может, нездоров. Исполнение своих обязанностей я ценю выше всего. Ты знаешь, как я живу здесь, да еще в холодную погоду. Постоянное одиночество ослабляет меня еще больше, а слабость доводит часто до бесчувствия. О, не мучь больше; ведь и без того роковой косарь не хочет больше ждать. —

Если бы в Alleengasse нашлась для меня хорошая квартира, то я взял бы ее также.

Вторник утром.

Дорогой сын!

Мне кажется, лучше всего верхнее и нижнее по 21 фл.; домохозяин даст быть может лучший совет.

Брюки 88.

При сем получишь 62 фл. в. в. 30 кр. Этому точный счет; заработано трудом. — Во всяком случае, не стоит отказываться от лучшего только из-за 1 фл. за аршин. Выбери и дай лучшее выбрать из двух по 21 фл.

Брюки тоже самые лучшие! — Во всяком случае носи свое платье только дома, как возвращаешься домой, сейчас же сними лучшее и одень то, что удобнее и что предназначено для домашнего ношения.

А теперь прощай. —

Твой верный отец.

Баба ушла вчера и еще не вернулась; ты увидишь, чем все это окончится. Старой бестии необходимо было убраться, так как она металась подобно дикому зверю, бесцельно и бессмысленно. Слава Богу вчера опять началась работа на кухне.

Баден, 15 июня.

Мой дорогой сын!

Надеюсь, ты получил 62 фл. 30 кр. — Ты мог бы заказать из такого же сукна и брюки. Сделай это; ты мог бы; вероятно, достать за 25 фл. самого лучшего. В таких случаях не следует отказываться от самого лучшего из-за нескольких флоринов; серого сукна можешь взять тоже на 2 брюк. Просчитай стоимость работы и пр.; я потом заплачу. — Левая рука не должна знать того, что делает правая, — так поступают все благородные люди. К сожалению, ты сам виноват в том, что приходится делать тебе замечания. — Не забудь пойти к Фрису. — Пусть Аврора не только будит тебя, но и окрыляет твою деятельность.

Теперь о домашних делах. Служанка хотя пришла, но не останется. Вместе с тем я поговорил со старухой по-старому, насколько возможно говорить с этими людьми. —

Ну их к черту! — Брат Азинанио писал. — Тягостнее всего сидеть одному за столом и право можно удивляться, что я еще в состоянии писать. — Может быть в субботу приеду в город; в таком случае ты мог бы в 6 часов вечера выехать вместе со мною сюда?!! Ну, прощай, сердце мое! заслужи быть таковым. — Возьми что тебе нужно. Что тебе еще понадобится, все куплю при приезде. — Обнимаю тебя. Будь добрым, прилежным, благородным сыном.

Как всегда твой верный отец.

Хотел бы только знать исправно ли получены деньги. Пришел ли репетитор?

Дорогой сын!

Вот 90 фл. Пусть хозяйка даст квитанцию и несколько строк, в этом нет ничего странного и так принято в опекунских делах. — Мои облачки вышли все, — не можешь ли как-нибудь выслать сюда одну короб-

ку?! Напиши сейчас о получении. — Господь с тобою; постарайся освободить меня от этого старого черта.

Не секретничай с братом; вообще не будь скрытен со мною, с твоим добрым

вернейшим отцом.

Доброй ночи!

Прощай, прощай! — Старая ведьма и сатана и я?!

Я рад, мой дорогой сын, что ты доволен этой сферой и ревностно принялся за дело. — Твоего почерка я не разобрал; хотя прошу объяснить только смысл и значение, но ты должен достигнуть также красивой внешности. — Если тебе очень трудно приехать сюда, то отложи. — Если же как-нибудь удастся, то в моем одиночестве буду рад иметь близ себя среди этого одиночества хоть одну живую душу.

Если приедешь, то экономка поможет тебе выехать в 5 часов из Вены, чтобы ты имел достаточно времени для занятий.

Обнимаю тебя сердечно твой верный отец.

Не забудь взять с собою утреннюю газету и письмо от Риса.

Баден, 28 июня.

Дорогой сын!

Быть может, тебе вздумается купаться в жаркую погоду; с этою целью посылаю тебе еще 2 фл. Кстати, нужно брать расписки всюду, где платишь, так как случаются недоразумения как например с синим сукном, с тремя фл. за зеркало. Ты уже стал венцем, хотя надеюсь не видеть в тебе венского шалопаю, в твоём возрасте не стыдно отдавать полнейший отчет в деньгах, которые получаешь, совершеннолетие достигается только в 24 года и если бы ты имел какое-либо имущество, то достигнув совершеннолетия, должен был бы все проверить вместе с опекуном. Не заставляй меня более расстраиваться, это легко, но причиняет мне страдания. В конце концов опять услышу: «вы все же очень хорошии опекуны» и т. п. Если бы ты был хотя немного вдумчивее, ты держал бы себя иначе. — Ну, а теперь относительно этой подлой прислуги. Вчера кухарка ушла и сейчас же снова вернулась, как все это случилось — не могу добиться от старой ведьмы, она теперь опять улыбается и ни за что не хочет сознаться в том, что счета ее были неправильны. Что ты скажешь об этом?..

Баден.

Дорогой мальчишка!

Сегодня вечером получил я твое письмо и можешь себе представить сколько смеялся. — То, что сделали в Майнце, не в порядке вещей; но раз это уже свершилось, то не беда. Наша эпоха требует людей сильных духом, которые могли бы бичевать эти мелочные, злобные, жалкие и подлые души — хотя я враг нанесения обиды кому-нибудь. С моей стороны было шуткой, а не умыслом, видеть что-либо подобное в печати.

Справься немедленно в магистрате относительно порядка для обмена облигаций на ротшильдские выигрышные билеты, надо обратиться для этого в магистрат (а не к высшему опекунскому совету). — Будь честен, будь добр; пред тобою пример того, как чествование достойных людей вызывает всеобщее удовольствие. — Будь моим дорогим и единственным сыном, наследуй мои добродетели, но не недостатки. Впро-

чем, человеку свойственно ошибаться; лишь бы у тебя не было худших недостатков, чем у твоего

истинного, обнимающего тебя верного отца.

Сообщи мне также относительно воскресного разговора, относительно двора, это нечто придворное, причем нужно быть осторожным, — Хольц сегодня не явился. Если бы ему можно было верить.

Сегодня пятница, завтра суббота.

С этим явится сатана, — ее безумие и кипучая свирепость сегодня немного притихли. — Во всяком случае если она обратится к тебе, то направь ее ко мне послезавтра. — Всю неделю я страдал и мучился, точно какой-нибудь святой угодник. — Прочь это негодное мужище! Какая насмешка над нашей культурой: приходится прибегать к помощи людей, которых презираем, которых принуждены держать близ себя. — Пойди с нею завтра за сельтерской водой к Karolinen-Thor как в прошлый раз. Если малая посуда такая же точная, как и большая, то можно взять ее, но я думаю, что скорее можно поручиться за большую. Это зависит от вашей сообразительности, от вашей понятливости и т. п. — Итак, прощай, дорогой сын. Постарайся, чтобы нам дали настоящую, а не искусственную сельтерскую воду; пойди вместе, не то Бог весть что я получу. — Ну прощайте, шалопай; мы расположены к вам до некоторой степени. Послезавтра в 8 часов ожидаем вас; в завтраке не будет недостатка; если только не будут по обыкновению кормить меня завтраками. — Ну их, племянников шалопаев — убирайтесь — будьте моим сыном — моим любимым сыном — adieu.

целую вас ваш верный отец как всегда.

Старая карга явится с этим; — она дала тебе перья, а ты опять солгал — о горе! — Прощай, ожидаю от тебя только сообщения относительно книги. — Она идет сегодня к Кате; ей некогда заниматься глупостями. — Да избавит Бог меня, libera me domina de illes etc.

Дорогой сын — дорогой мальчик —

Надо попытать счастья. Я заметил уже в Лихновском (покойном), что эти так называемые высокопоставленные господа недовольны, если артист — человек состоятельный, хотя и без того он равен им. — Вот такой же случай — *votre altesse!* в тексте иногда М. А. — Адрес: a son Altesse Monseigneur le prince etc. — быть может он обладает той же слабостью. — Посылаю при сем уже подписанный мною лист, — можешь еще прибавить, что ему не следует смущаться газетной болтовней, которая прославляла бы меня, если бы только я захотел этого. В первый раз квартет не удался, потому что его играл Шупанциг, толщина которого требует теперь больше времени, чем прежде, для изучения пьесы; — многие другие обстоятельства также содействовали неудаче, о чем я предупреждал. Хотя Шупанциг и двое других получают пенсию от князя, но квартет уж не таков, каким был, когда все были постоянно вместе. Зато квартет был шесть раз исполнен превосходно другими музыкантами и был принят с огромным успехом. В один вечер он был сыгран дважды подряд и еще один раз после ужина. Один скрипач, по имени Бем, будет играть его в своем концерте, да и теперь приходится мне постоянно отдавать его разным лицам. — В письме к Петерсу в

Лейпциг о большом квартете — поспеши с этим, чтобы поскорее получить от него ответ. — Такие фатальности необходимы, так как мы должны бороться. — Запечатай письмо это к брату и на почту. — Пусть портной достанет для меня санклотин на брюки, сделает их достаточно длинными, но без ремней, кашемировые и суконные брюки; пальто также можно взять у Вольфа. Лавочка сапожника в городе, на Spiegelgasse, сейчас же напротив, как войти из Грабена, его зовут: Magnus Senn, дом № 1093. — Пойди к Хенигштейну и будь откровенен, чтобы знали, как поступил этот негодяй; хорошо было бы сообщить о письме к Голицыну. — Я думаю, что следовало бы поискать для тебя чего-нибудь другого на зиму, об этом мы еще поговорим. — В субботу, прежде чем приехать, сходи еще в Naglergasse справься о бритвах, ты мог бы их отдать раньше; старуха же наделала с ними только глупостей. — Вчера во время поездки сюда я встретил в Нейдорфе Клемана, Линке, Хольца, Рсчашека. Они все были здесь у меня, когда я был в городе; они хотели опять получить квартет. Хольц приехал даже из Нейдорфа снова сюда, ужинал у меня, и я дал ему опять квартет.

Привязанностью опытных музыкантов не следует пренебрегать; она даже доставляет удовольствие. — Как только поговоришь с Хенигштейном, напиши мне сейчас же. — На увертюре в С сделай посвящение Голицыну. Если Х. возьмут на себя пересылку, то отдай им, только заверни. Бог с тобою. Итак непременно жду от тебя письма, дорогой сын, Господь с нами.

Скоро настанет конец твоему верному отцу

Прощай, бродяга!

NB. В письме Голицыну следует напомнить относительно увертюры, что уже объявлено о том, что она выйдет в печати с посвящением ему.

Дорогой сын!

Это письмо сейчас же к псевдо-брату, — припиши еще что-нибудь. Так продолжать нельзя: сегодня ни супа, ни говядины, ни яйца, — в заключение ростбиф из ресторана. —

Недавно Хольц оставался здесь, не было вечером почти ничего съестного, она ведет себя при этом дерзко и неприлично. Я ей сегодня объявил, что буду терпеть ее только до конца месяца.

На сегодня больше ничего. В магистрате мне нужно только написать записку, по которой ты можешь получить деньги. Кстати спроси там, как обменять облигации на ротшильдовские билеты. — На сегодня не скажу больше ничего; прибавлю только, что считаю тебя своим дорогим сыном, заслуживающим этого. Ты ведь знаешь, как в общем я мало требователен в отношении этого жалкого питания но все же это слишком невыносимо; к тому же каждую минуту грозит опасность быть ежедн. отравленным. —

Прощай! Береги свое здоровье в такую жару. Дорогой сын! будь здоров. Избегай всего, что может истощить уменьшить твои юношеские силы. Прощай. Ах, Боже, беседа была бы лучше. —

Твой всегда твой верный, прижимающий тебя к своей груди отец.

Дорогой сын!

Ты поймешь все из прилагаемого, — напиши это письмо Шлезингеру.

К ... Шлезингеру в Берлин.

Передать в музыкальную и книжную торговлю Шлезингера.

Составь кое-что получше: я думаю, что можно рассчитывать на 80 #. — Если надо повременить с письмом к Голицыну, но письмо к Шлезингеру отправь в субботу. — Пакет получишь. Прошу тебя привезти мне мыла для бритвы и по крайней мере пару бритв. У точильщика имеются здесь тоже по 2 фл.; если нужны расходы кроме хозяйственных, то ведь ты получаешь всегда слишком много денег. —

— Напрасно все; венец всегда остается венцем. Я был рад, когда мог помочь моим бедным родителям. Какая разница с тобою, в отношении тебя ко мне — прощай, легковерный!

Твой верный отец.

Племьяник Карл.

и т. п. и обстоятельства заставляют меня теперь быть особенно требовательным, мне тяжело торговаться, но приходится. — Как мне жутко быть опять одиноким среди подобных людей! Отправь же письмо к брату, чтобы возвратить книгу. Что за выходка! — Хотелось бы также хоть немного поправить слух. — Здесь время позволяет; что за несчастное состояние; такого брата! — Горе, горе! — прощай, — сердечно обнимаю тебя

твой верный отец.

Исполни все, вставай раньше, это поможет тебе. — Если не можешь, то не приезжай в воскресенье; в таком случае напиши, потому что если сможешь приехать в воскресенье то переговорим обо всем; теперь не стоит.

Дорогой сын!

В этом письме найдешь все указания. — Будь умерен, счастье венчает мои труды; не делай себя несчастным, следуя своим ошибочным взглядам; отчеты о произведенных тобою расходах должны быть правильны и точны; оставь пока театр; — слушай своего руководителя и

Привези опять газет.

На этот раз у тебя много дела, но до воскресенья конечно напишешь. Нелюбви же несчастному в —

Он слабый патрон и т. д. —

Обнимаю и т. д. — не лучше!

Баден, 15-го июля.

Дорогой сын!

В письме к Шлезингеру следует еще спросить, в Берлине ли князь Радзивилл. — Относительно 80 # можешь написать также, что они должны быть выплачены только в к. гульденах, каждый # по 4 флор. 30 кр.; впрочем предоставляю это тебе; ведь для него это немного, у него Франция и Англия. — Относительно 4-месячного векселя ты должен тоже изложить точнее. Какой-нибудь Майзедекер получает от Артария 50 # за вариации для скрипки. — Во всяком случае дай понять, что мое болезненное состояние

отца, слушай того, чьи мечты и помыслы всегда заняты твоим нравственным развитием, а не только обыденной жизнью. — Этот г-н Таль придет к тебе, он увидится также с Хенигштейном. Ты можешь дать ему, по усмотрению, увертюру. Он останется здесь три недели; ты можешь пригласить его сюда к обеду, — конечно, в воскресенье, когда известный плутишка тоже будет здесь; — конечно, пораньше в экипаже, который я пришло. Держи себя с ним как можно любезнее: искусство и наука связывают лучших благороднейших людей, твоя будущая деятельность также требует этого; — Если время позволяет, то возьми фиакр и отправься к Рампелю. Относительно переписки квартета можешь сказать ему, что я теперь пишу совсем не так, как во время болезни, более четко и что этот квартет надо теперь же переписать 2 раза; в таком случае пришло его. Здесь один предложил тоже свои услуги, но не знаю годится ли. Древу Христову или щепке от Древа Христова не хочу сразу поручить многого.

Пиши сейчас же, старая карга придет может быть послезавтра в Вену. —

Прощай, следуй моим наставлениям.

Твой верный, сердечно обнимающий тебя отец.

Может быть будешь в Вене у этого г. Таля, но не настаивай относительно денег.

Баден, 18 июля, понед.

Дорогой сын!

Пусть так! — захвати с собою письмо от Г. я только пробежал его. — Позавчера был синьор Фрателло со своим шурином, — что за жалкий человек! — Старая ведьма доставит тебе ответ относительно книг и от его шурина. Вчера она опять вела себя неприлично. Если найдешь ответ недостаточно убедительным, то пошли сейчас же негодюю это письмо. Если Катон сказал о Цезаре: этот и мы; что же делать с таким?! — Конечно, — послезавтра будет достаточно времени. Уже поздно. Кладу свою любвеобильную печать на твои дружелюбные чувства ко мне. — Если тебе неудобно, то оставайся.

Как всегда, твой любвеобильный заботящийся о тебе отец.

Вторник, 2-го августа.

Дорогой сын!

Отправь немедленно в среду утром пакет на почту потому что с корректурю надо очень спешить, как можно скорее. —

Нам надо отделаться от этой старой злюки. — Едва настает час еды, как проявляется распушенность и дерзость этой старой злой ведьмы, — да еще при таких расходах. — Я думаю следовало бы пригласить псевдо-брата. Чуть было не взял опять ту, что была зимой, с Kothgasse; — напиши мне несколько слов — завтра сюда; еще один флорин, не забудь выкупаться — будь здоров, остерегайся заболеть — употребляй деньги лишь с толком — будь моим дорогим сыном, каким неслыханным диссонансом звучала бы твоя неискренность со мною, о чем твердят многие —

Бог с тобою твой верный отец.

NB. Письмо отдать завтра в среду — о бритвах тоже ничего не знаю, в очиненных перьях также начинаю ощущать недостаток.

Баден, 11 августа.

Дорогой сын!

До смерти боюсь за квартет: 4, 5 и 6 части Хольц взял с собою; первые такты 3 части остались здесь; всех листов 13. — От Хольца не имею известий; вчера я ему писал; прежде он писал часто. Что за несчастье, если он их потерял. Между нами будь сказано, очень пьянствует. — Успокой меня, как можно скорее. — У Хаслингера можешь узнать квартиру Линке, Хаслингер был сегодня здесь; очень любезен, принес тетради и другие вещи и очень просил о квартетах. Не пускайся никогда в болтовню о подобных вещах; это ведет к подлости. — Ради Бога, только успокоительных вестей относительно квартетов. Ужасная потеря. — Черновой написан на каком-то клочке и я никогда не буду в состоянии все написать так.

Твой верный отец.

Сообщаю я тебе, что следующее воскресенье и понедельник праздники и ты можешь сообразно с этим устроиться. По этому случаю ты мог бы в субботу вечером, если буду в городе; приехать сюда вместе со мной; таким образом ты выгадаешь все воскресное утро.

Баден, 25 авг.

Хотя день этот не имеет значения ни для тебя, ни для меня, все же я надеялся, по крайней мере, получить записку. — Но напрасно. — Можешь также не писать к Петерсу в субботу... Если хочешь в будущее воскресенье, но либо пораньше, либо совсем не надо.

Твой верный отец.

6-го сент. 1825 г.

Дорогой сын!

Отлично вижу, как трудно всем приехать сюда; поэтому можно собрать всех в пятницу у Шлез. и я приеду в город; потому что я должен убедиться в том, все ли в порядке. Так лучше и делу конец. — Вчера он тоже был здесь и сказал, что как только передашь ему квартет он заплатит за него, впрочем между нами он все же жид. — Достаточно, если они сами сделают новое. Ты увидишь, что лучше, если они хотят в четверг, то и я могу тогда. — Постарайся только скорее окончить дело, чтобы сейчас же переслать деньги в Лейпциг Петерсу, которого ты отнюдь не должен упоминать. — Шлез. полагает, что в воскресенье уж не будет в Вене, поэтому надо спешить. — Во всяком случае # золотом, причем сослаться на других.

Напиши мне сейчас же и пришли со старухой; — нужен ведь только образец корректуры. Не мешкай будь расторопнее, дабы старуха приехала вовремя. — Было бы лучше, если бы ты собрал всех в пятницу в городе, куда я прямо приеду. — Передал ли тебе Шлез. квартет (первый), много ли ломался, затруднение, видимо, в уплате. —

Только что получил твое письмо, Хольц придет значит только в четверг и кто знает наверно ли? Твое письмо меняет все, так как окончательно назначена пятница. Здесь или в Вене, это укажет Хольц. Главное со Шлез., потому что дольше нельзя ждать. — Если он сначала ждет репетиции, то совсем не получит его. Вчера он сказал, что издаст квартеты не здесь; я сказал, что это мне безразлично. — Да благословит тебя Господь! Да не покинет он тебя и твоего верного отца.

Сентябрь.

Дорогой сын!

Не забудь дать Товию квитанцию с деньгами. Этот господин должен был бы прийти раньше. — Но раз обстоятельства таковы, ты должен сообразоваться. Я тоже не хочу, чтобы ты приехал ко мне 19 сентября. Лучше тебе окончить эти занятия. Господь никогда не оставлял меня; найдется же кто-нибудь, чтобы закрыть мне глаза. — Мне кажется вообще, что во всем случившемся есть какой-то тайный заговор, в котором г. брат (псевдо) играет тоже роль. — Я знаю, что потому у тебя нет охоты бывать у меня, так как у меня, конечно немного почище. 13 прошлое воскресенье ты опять занял 1 фл. 15 кр. у экономки, у этой старой подлой твари. Ведь было уже запрещено. — И так во всем. Я почти два года носил парадный сюртук, — конечно у меня скверная привычка носить дома поношенный сюртук, — а госп. Карл? Фи, ему стыдно это! — А почему? Ведь кошелек г. Л. в. Б-на только для того и существует.

Ты можешь в это воскресенье не приехать, потому что при твоём поведении никогда не удастся установить истинную гармонию и созвучие. — Зачем лицемерить? Ты станешь прекрасным человеком, тебе не придется притворяться, не придется лгать, а это полезнее для твоего характера. — Видишь, так твои поступки отражаются на мне; много ли помогу носить самые добрые наставления? — ты пожалуй еще рассердишься. — Во всяком случае; не беспокойся; буду заботиться о тебе всегда, как сейчас. После того как я нашел 1 фл. 15 кр. в счете, ты вызываешь во мне такое настроение.

Не присылай больше таких глупых писем, потому что экономка может их прочесть на свет. — Только что получил это письмо из Лейпцига; но думаю в ответ на него еще не посылать квартета; в воскресенье об этом переговорим. — Прежде, три года тому назад, я требовал за квартет только 40 дук., потому следует теперь обдумать, как и ты собственно писал. —

Прощай! Тот, кто хотя не дал тебе жизни, но безусловно сохранил ее и, что важнее всего, прилагал отеческие заботы к развитию твоих духовных сил, очень просит тебя не сходить с единственного верного пути к добру и истине.

Прощай! Твой верный, добрый отец.

Привези в воскресенье письмо обратно.

Баден, 4-го окт.

Дорогой сын.

Я нахожу поддержку в себе самом, как мудрый Одиссей. Если ты приедешь в субботу, то не бойся особенного холода. Здесь имеются части старых оконных ставен, которыми можно несколько укрыться. — Надеюсь отвязаться здесь от насморка и катара; впрочем здесь все же опасно при моем катаральном состоянии, потому что ветры, а еще больше ураганы продолжают бушевать. — Спроси Бидерманна, не дал ли ему Ш. поручения; если Бидер. не имеет поручения от Шлез., то можно сейчас же написать к Петерсу. Сегодня не могу уж писать, но надеюсь завтра получить письмо, а в субботу увидеть тебя. Я хочу, чтобы ты никогда не испытывал стыда вследствие твоего безучастного отношения ко мне; я только страдаю, больше мне нечего высказать. Думаю, что все приведенные тобою здесь доводы для поездки в Вену вполне основательны. — Будь уверен, что можешь всегда найти во мне лучшие намерения, но могу ли я ожидать от тебя того же? Когда видишь меня в дурном настроении, то пойми, что это следствие постоянных забот о тебе и угрожающей тебе опасности. Надеюсь по крайней

мере получить от тебя письмо автора; не пугай меня и подумай о моей болезни. Собственно мне не следовало бы тревожиться; чего я не пережил уже?

Как всегда твой верный отец.

Подумай, ведь я сижу здесь и могу легко заболеть. — Не забудьте попросить расписки и сообщите мне как можно скорее.

Дорогой сын!

Довольно! Приди в мои объятия. Ты не услышишь ни единого грубого слова. О Боже, не губи себя. Приму тебя радушно как всегда. Мы по-дружески обсудим здесь вместе все, что надо предпринять и сделать для твоей карьеры. Честное слово упреков не будет, тем более что они теперь уже бесполезны. Ты найдешь во мне только содействие и поддержку, полную любви.

Приезжай же! приди на грудь твоего верного отца.

Бетховен.
Volti Sub.

По получении этого иди сейчас же домой.

Для Карла в. Бетховена.

Если не придете, то просто убьете меня.

Прочтите письмо и останьтесь у себя дома. Придите обнять искренно любящего отца вашего. Будьте уверены, что все это останется между нами.

Ради Бога, иди сегодня же обратно домой. Бог знает, какое несчастье может случиться с тобою. Скорей — скорей!

Милый дорогой сын!

Только что получил твое письмо; я уже очень беспокоился и решил сегодня поспешить в Вену. Слава Богу, нет необходимости; следуй только моим советам и люби; счастье душевное, связанное с жизненным счастьем, будет нашим уделом и ты свяжешь свое внутреннее счастье с внешним, но первое выше последнего. — Очень холодно. Итак в субботу увижу тебя. Напиши только, приедешь ли утром или вечером, чтобы я мог поспешить тебе навстречу. — Тысячу раз обнимаю тебя и целую, но не потерянного, а своего возрожденного сына. — К Шлеммеру я писал. Не сердись я еще слишком полон... — — Прости мои заботы о тебе, вновь найденном, покажут тебе твоего всегда любвеобильного отца.

5 октября.

Будьте добры пришлите мне склянку со спичками от Россини или привезите с собою, потому что нежелательно иметь их с Кертнертора.

Спешу сообщить тебе, что в случае дождя все же наверное приеду завтра утром; поэтому устрой так, чтобы я застал тебя непременно. — Рад, что вновь увижу тебя. Если в настроении моем найдешь мрачные тучи, то не приписывай их умышленной злобе. Они совершенно исчезнут, так как ты обещал мне настойчиво стремиться к истинному, безупречному счастью, основанному на трудовой жизни. В последнем письме мне показалось кое-что не вполне искренним; и это вызвало мрачное настроение. Это не мудрено после всего прошлого, но кто же может не

радоваться, когда заблудший находит верный путь; надеюсь дожить до этого. — Мне было очень неприятно, что в воскресенье ты явился так поздно и так рано отправился. Я приеду завтра со столояром. Ведьма должна убраться, уж слишком невыносима. До поступления другой экономки я могу поручить столояру. — При встрече поговорим обстоятельнее и ты согласишься со мною. — Жди же меня завтра наверное несмотря на дождь и т. д.

Обнимает тебя твой любвеобильный отец.

Сегодня вечером я у тебя и принесу с собой денег для вашего учителя.

Так как денег от эрцгерцога я еще не получил, что весьма досадно, то следует воспользоваться этими 100 фл. к. м. для покупок и постараться, чтобы остаток был передан мне. — К сожалению, ты должен пойти вместе к портному — что касается счета, то возьми отсюда 2 фл. если тебе нужно — аде.

Я нижеподписавшийся удостоверяю, что приобрел два квартета, из которых один оплачиваю немедленно 80 # золотом, а другой получит для меня X... в Вене и при получении также вышл. 80 # золотом.

М. Шлез.

Дорогой сын!

Спешу сообщить, что завтра если не будет дождя, то наверное буду в Вене и до обеда зайду за тобой. — Не бойся, ты будешь принят отечески

твоим верным отцом.

Баден, в пятницу.

В отношении писем важно, чтобы ты мне написал, когда можешь или хочешь отправиться ко мне; быть может, ты прав, откладывая. — Ожидаю твоего любезного решения.

В час ожидаю вас непременно.

Хотелось бы мне знать, когда ты можешь или собираешься быть здесь. Ты знаешь, что нам нужно отправиться кое-куда, а потому можем пойти обедать куда хочешь.

Твой верный дядя.

Не позже половины 1-го или по крайней мере в час.

С письмом к III. делай как знаешь; отдать его или нет — все зависит от твоего усмотрения.

(Написано карандашом у девицы Саломон).

Уже потому, что ты по крайней мере последовал моему совету, все прощаю и забыто. Об этом поговорим еще. Сегодня совершенно спокоен. — Не думай, что мною руководит что-либо иное, кроме твоего благо, так и смотри на мои поступки. — Не делай ничего такого, что могло

бы сделать тебя несчастным и преждевременно прекратить мою жизнь, я заснул только около 3 часов, потому что кашлял всю ночь. — Обнимаю тебя сердечно и убежден, что вскоре ты перестанешь меня не понимать; так объясняю я себе также твое вчерашнее поведение. Ожидаю тебя непременно сегодня в час не причиняй мне горя и не пугай меня.

Пока прощай!

Твой истинный и верный отец.

Мы одни; потому не зову X. тем более, что надо скрыть вчерашнее. — Приходи же.

Да не обливаешься сердце мое кровью.

Поведение племянника становилось все невыносимее для композитора, вызывало упреки, выговоры его, увы, не достигавшие цели.

Карл оправдывается в разговорной тетради: «Ты считаешь меня упрямым только потому, что, выслушивая целый час твои замечания, я не могу сразу перейти от удрученного состояния к шуткам... Я не так легкомыслен, как ты думаешь; после твоей воскресной вспышки в присутствии Хольца я был так расстроен, что дома все заметили это... Я страдаю головною болью; она стала постоянною, голова болит все в одном месте... Надеюсь, после этого ты поймешь мои взгляды и изменишь отношение ко мне...» Такими оправданиями полны десятки страниц в разговорных тетрадях композитора, напрягавшего последние усилия исправить юношу и обеспечить его будущность; нравственные муки Бетховена были настолько велики, что он записывает в дневник свое намерение: «Откажись от опеки — иначе будет плохо».

В отношениях дяди и племянника Хольц брал на себя иногда непростительную роль мелкого интригана и сплетника; «Карл, — пишет он в тетради, — рассказывает везде, что может делать с вами все, что хочет; может позволить себе все и уверен в вашей поддержке...» Однажды Хольцу удалось добыть записку Карла к Нимецу, и он спешит сообщить дяде содержание ее:

«Как поживает твоя возлюбленная, твоя богиня, — спрашивает Карл своего беспутного друга, — когда ты ее видел? Скоро ли еще будешь ею любоваться, обнимать, целовать?.. Когда же я, несчастный, увижу тебя?..» Не раз он поносил также Нимеца. «Это не только испорченный, но погибший юноша», — говорил Хольц, впрочем, не без основания: Нимец вскоре покончил самоубийством в волнах Дуная.

Нечто аналогичное задумал также Карл, чтобы избавиться от назойливого дяди, от долгов и от учения, сулившего мало светлых дней. Семейная драма с ее некоторыми непонятными деталями представлена нами здесь в виде ряда отрывков из дневника и разговорной тетради, рисующих яркими штрихами нравственные страдания тех дней, когда композитор создавал свою лебединую песнь, свой последний квартет ор. 135. Однажды, в августе, рано утром Хольц вбежал к Бетховену взволнованный, растерянный, схватил разговорную тетрадь и вписал:

«Карл хочет застрелиться. Я отправился за ним в школу. Он убежал от меня».

Бетховен стоял, как громом пораженный, но Хольц, надев на него шляпу, повлек за собою, и через несколько минут они уже были в Alleegasse, № 72, у Шлеммера.

Хольц. — Я приведу полицию. Его надо увезти отсюда. Ведь он не выдержит экзамена... Позвать Шлеммера.

Шлеммер. — Расскажу все в двух словах. Я сегодня узнал, что племянник ваш давно намерен застрелиться. — До следующего воскресенья; — по справкам моим, причиною служат, кажется, долги. Он лишь отчасти сознался в своих проступках. — Я нашел у него в ящике заряженный пистолет, пули и порох; тогда я решил предупредить вас, как отца. Пистолет спрятан у меня. — Будьте к нему великодушны, чтобы не вызвать отчаяния. — Я получил всю плату сполна до августа месяца.

Хольц. — Что теперь делать? — Это не его почерк, но все заплачено до конца июля. — Его невозможно было удержать: он сказал, что сейчас же вернется к Шлеммеру, только возьмет свое письмо у приятеля, пока я поговорю с Рейсером. — От вас он убежал бы точно так же. — Если он вздумает сделать что-нибудь над собою, то никто не удержит его. — Он сказал мне: зачем удерживать меня. Если сегодня не удастся, то я сделаю это в другой раз.

Шлеммер. — Можно вынуть пулю.

Бетховен. — Он утопится.

Шлеммер. — Напрасно вы не удержали его...

Хольц. — Если бы он серьезно решил лишиться себя жизни, то никому не сказал бы об этом, а тем более женщине, какой-нибудь танцовщице. Мы узнаем от Влехлингера адрес Немеца. — Помните, как он возмущался вашими замечаниями. Все его поведение в отношении к вам было сплошь лживо, кровь матери проявилась.

Хольц. — Здесь живет Немец? — Никого нет дома. — Поедем на Ландштрассе. — Его видели с нею у Кернтнертор в тот же день, когда он утром навестил вас.

Отсюда Хольц везет Бетховена в полицию и к матери, где пишет:

«Он в сергах, в сюртуке на шелковой подкладке, с воротником. — Без часов. — Сейчас пошлют в кофейню за матерью; — теперь 2 часа; — лучше поедем домой, оттуда пошлем к Шлеммеру, а после обеда приедем сюда».

Так мечутся Бетховен и Хольц по Вене с утра до обеда, а затем, придя к матери вновь, находят записку Карла: «Исполнилось. Нужен лишь неболтливый хирург, Сметана, если он здесь. Не мучь меня теперь упреками и жалобами; все прошло. Впоследствии все уладится. Она послала за врачом, но его нет дома. Хольц сумеет привести».

Бетховен. — Когда это случилось?

Мать. — Он приехал сейчас. Извозчик взял его со скалы в Бадене и отправился к вам. — Близ Бадена в Баденербад. — Пуля засела в левой части головы.

Дрожащей рукой Бетховен набрасывает записку.

Почтеннейший г. А. Сметана.

Приключилось большое несчастье, Карл случайно сам причинил себе, спасение надеюсь еще возможно, тем более вам, если только придете сейчас, у Карла в голове пуля, в чем вы сами убедитесь — только скорее, ради Бога скорее

ваш уважающий вас Бетховен.

Чтобы скорее помочь, его взяли к матери, он теперь там. При сем адрес.

Оставив юношу у матери, композитор отправляется домой. «Он имел, — говорит Шиндлер, — удрученный, угнетенный вид; его стан сгорбился, пред нами был 70-тилетний старик, всему покорный, послушный малейшему дуновению ветерка». Хольц, посетивший его также на следующий день, пишет в тетради: «Карл хотел застрелиться в Еленентале, на скале. Вчера он от меня отправился прямо в город, купил пистолет и поехал в Баден. — Его неблагодарность очевидна; когда вы ушли, он сказал: «Хотя бы он больше не возвращался... Если бы только он перестал упрекать». — Досадно что он носит ваше имя. — Я сказал вчера Рейсеру, что у него найдены пистолеты. Он воскликнул: «Дрянной мальчишка, комедиант». — Кому охота унижаться и заботиться о таких людях: мать — потаскуха, сын — преступник, самоубийца. Неделю тому назад он был в Бадене с двумя офицерами. Шлеммер имел много неприятностей с Карлом, так как последний очень бранил вас. Он задумал это еще ранее истории в Гласисе... Я думаю, что он говорит это только с целью рассердить вас еще больше. Он заявил, что немедленно сорвет повязку, если ему еще будут говорить о вас. Он говорил также: «хотя бы прекратилась эта глупая болтовня». — Часы свои он продал в воскресенье и купил два новых пистолета... Вчера уже рассказывали об этом по всему городу, о нем отзывались не очень лестно, но все безусловно признают, что вы были добры и заботились о воспитании его».

Хотя из двух выстрелов, произведенных юношей на вершине холма Раухенштейн, под развалинами древнего замка, один дал промах, а другой нанес лишь легкую рану, так как пуля скользнула по черепу; хотя помощь была оказана немедленно, и четыре врача ежедневно навещали больного, тем не менее Бетховена преследует мысль о смерти племянника и о своей виновности; в дневнике, как бы оправдываясь, он пишет: «Больше любого отца... Это своего рода сумасшествие... Его пылкий темперамент с самого детства... Головные боли... Я требовал чтобы он обедал у меня...» Утешения ищет композитор в библии и требует найти издание «на настоящем языке, как перевел ее Лютер». Далее в дневнике помечено: «16 августа... на смерть Бетховена». Так овладевают постепенно больным мистиком призраки подкрадывавшейся смерти; в таком настроении пишет он *Lento assai* последнего квартета, а неугомонный Хольц в то же время продолжает наполнять страницы разговорной тетради сообщениями о Карле:

«Неизвестно, отделается ли он так легко; всякая рана в голову может быть смертельна. Если мозг сильно потрясен, то он погиб. Это вскоре выяснится. — Отвращение к жизни. — Если он умрет, то его не похоронят, как других христиан. — Он сказал, что чувствует к вам не ненависть, а нечто другое...»

Показания Карла при допросе оказались очень странными, такие едва ли когда-либо произносились в суде. — «Я поступил скверно, потому что дядя желал мне добра». — В больнице он ведет себя как всегда, так же холоден, скрытен, невозмутим. — А мать, она готова была извлечь пользу из ваших сильнейших страданий. — Когда мы застали его раненым у матери, то она сказала ему: «Скажи дяде причины твоего поступка, открой ему сердце твое. Ты видишь, что теперь самая удобная минута, он

слаб и готов исполнить все твои желания», но Карл упрямо ответил: «Не желаю говорить с ним». Можно ли добиться чего-либо при его безмолвии и скрытности?»

Навещая часто Карла в больнице, где он лежал, композитор не раз встречался с Царицей Ночи, назойливо-льстивые приветствия которой вызывали негодование его; однажды, придя поздно к сыну и встретив уходившего Бетховена, она пишет ему в тетрадь:

«О, какое горе постигло вас... Пожалуйста, передайте поклон вашему Карлу; я хотела навестить его, но прием кончается в 5 часов... Ну, господин ван Бетховен, вот мы и помирились... Я любила вас, господин ван Бетховен, как брата, я лишь заботилась о помещении и столе Карла; я никогда не говорила о вас ничего дурного, да и позорно заниматься этим. Я удивляюсь вашему гению и ценю ваше сердце».

Ненавистная композитору женщина точно издевается над больным стариком, поглощенным заботами о племяннике. А в это время беспутный юноша уносит мыслью вдаль от матери и дяди, мечтает о мундире, о погончиках, петличках; надо лишь склонить дядю, и вот он решается однажды, заметив его чрезвычайно ласковый, благожелательный взгляд над своим изголовьем, вписать в тетрадь:

«Я еще в таком состоянии, что прошу тебя избегать воспоминаний о случившемся, о непоправимом... Я буду счастлив, если ты исполнишь мою просьбу относительно военной службы... Не думай, что карьеру эту я избираю с отчаяния и постарайся все устроить».

После покушения Карла на самоубийство, после неудачных экспериментов воспитания его в пансионах дель Рио и Блехлингера, после не менее бесплодных учений в университете и в политехникуме, юноше нетрудно было добиться согласия дяди на осуществление мечты своей и поступить на военную службу, в чем немало помог Стефан Брейнинг, друг детства композитора, возобновивший дружеские с ним отношения и сам служивший в армии.

Как помнит читатель, главной причиной ссоры композитора с Брейнингом были увещания последнего не брать на себя тяжелой ответственности в виде опеки и усыновления Карла; Бетховен же, поставивший себе задачей всей жизни именно воспитание племянника, нашел тогда вещи слова друга оскорбительными и прекратил с ним сношения; теперь тот же Карл, его покушение на самоубийство, его болезнь и решение поступить в армию, восстановили былую связь двух друзей, спустя год почти одновременно покинувших земное бытие. «И какую же иную карьеру мог теперь избрать молодой человек, запятнавший свое имя», — восклицает Л. Ноль. Эпоха реакции была именно той атмосферой, в которой могли расти и развиваться не науки и искусства, не ученые и артисты, а лишь милитаризм в своих многообразных видах и представителях.

Выбор Карлом военной карьеры, конечно, не мог вызвать сочувствий дяди, так как, несмотря на гром побед, оглашавших Европу, не только композитор-философ, но и народ австрийский относился враждебно к милитаризму, высмеивая блестящих сынов Марса:

В кофейнях, притонах, на псарне
Наш офицер кончает воспитанье.

Но хотя Карл имел все данные, чтобы стать вольноопределяющимся, а затем офицером, тем не менее нашлись и здесь препятствия довольно странного свойства: самоубийцу надо было сначала поставить на путь истинной веры, он должен был сдать экзамен по Закону Божию, он должен был отречься от тех идей, которыми обладал по милости дяди, не умевшего внушить племяннику понятия о нравственности. Таково было требование полиции, контролировавшей добронравие обывателей и готовой обвинить Бетховена в деморализации Карла; таково же было затем требование военного начальства, своим суровым обращением вызывавшего беспокойство и усиленные заботы дяди.

К Брейнингу.

Относительно Карла нужно иметь в виду три вещи: во-первых, что-бы с ним не обращались, как с провинившимся, иначе последствия будут обратные желанным; во-2-х, чтобы получить повышения, он ведь не обязан вести жизнь совершенно убогую и незаметную. —

В-3-х ведь ему тяжело быть слишком стесненным в отношении еды и питья, я тебя не упрекаю...

А в дневнике своем тогда же пишет: «Я хочу лишь добиться его исправления, если же теперь пренебрегать им, то может случиться еще худшее... Мать, вероятно, уедет в Пресбург... Надо преследовать его страсть к игре; без этого исправление невысказано». И вот настойчивый дядя вновь принимает меры к устранению постороннего дурного влияния на юношу, вновь хочет взять его к себе, о чем сообщает чиновнику Шапке, прося его содействия.

Советнику Шапке.

В магистратском отделении сената по особо важным делам полиции в Вене.

Его благородию г-ну магистрат-советнику ф. Шапке.

Милостивый государь!

Настоятельно прошу вас распорядиться, чтобы по предстоящем через несколько дней выздоровлении моего племянника никто не мог взять его из больницы кроме меня и г-на ф. Хольца. — Нельзя допустить сближения его с матерью, личностью крайне развратною со скверным, злым характером; она хотела через Карла выпросить у меня денег и возможно, что разделила бы их с ним; она сносилась с распутным соучастником Карла. Мои заботы о нем и мои просьбы основаны на том, что она прибегает к возмутительным средствам, чтобы найти отца своей дочери и он может познакомиться с женщинами далеко не порядочными. Уже привычка бывать у такой личности не может привести к благонаравью. — Прошу обратить на это особенное внимание и шлю лучшие пожелания; прибавлю только, что очень рад был познакомиться с человеком столь выдающегося ума, хотя знакомством этим я обязан столь печальному для меня случаю. — Остаюсь милостивый государь с истинным почтением.

Бетховен т. р.

Милостивый государы!

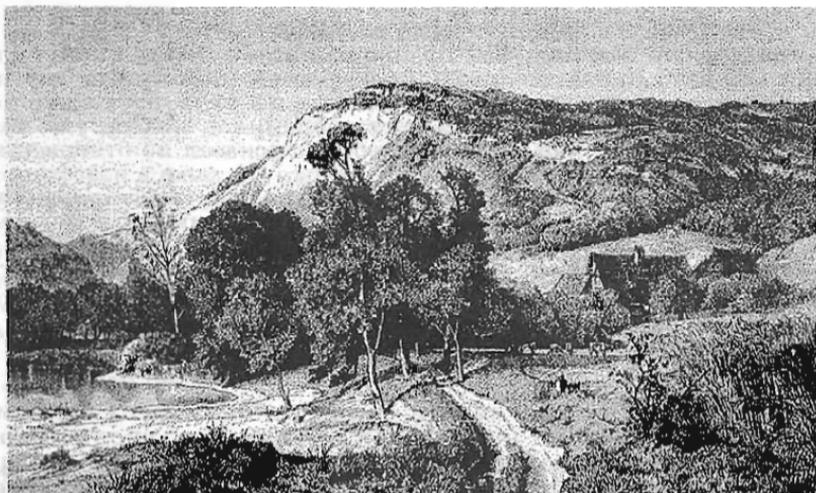
Г. придворный советник фон Брейнинг и я обдумывали, как быть, и решили оставить Карла несколько дней у меня (потому что ему предстоит отправиться отсюда в полк). Сказанное им является только порывом гнева под впечатлением моих наставлений, так как он уже решил изменить образ жизни; но и после этого он высказал по отношению ко мне глубокую привязанность, будьте уверены, что даже в известном вам обстоятельстве я свято соблюдаю гуманность; ваши увещания принесут пользу. Не мешает также дать ему понять, что за ним наблюдают незаметно даже тогда, когда он находится у меня.

Прошу принять уверение в глубоком почтении к вам ревностного поборника гуманности, стремящегося сеять добро всюду, где только возможно.

Ваш преданнейший Бетховен т. р.

В сентябре 1826 года, недели за две до выхода из больницы, Карлу была предписана исповедь; духовник был вполне удовлетворен раскаянием юноши, о чем Хольц спешит сообщить дяде, прибавляя, что «все уладится, но он еще очень раздражителен... Хлопоты Брейнинга увенчались успехом: фельдмаршал Штутерхейм согласен взять Карла в свой полк». Такие известия ободряли старика и пробуждали энергию его; «он мужественно перенес удар судьбы, — рассказывает Шиндлер, — он вспоминал в жизни древних великих людей все сходное с его судьбой и находил в этом утешение... В тяжелые минуты жизни он держал себя с таким же достоинством, как древние».

ГЛАВА XXI

1826 — 1827

Настроение и заботы. — Переписка с Хольцем. — Юмор Бетховена. — Пирушки с приятелями. — Сближение с друзьями детства, Бреймингом и Вегелером.

На клочках бумаги, относившихся, быть может, к дневнику, Бетховен пишет весной 1826 года:

Всеми высокочестимы певцы; их сама научила пению муза; — ей мило певцов благородное племя. «Одиссея» Гомера пер. Фосса 8-я песнь (стих 480 — 482).

На какой гербовой бумаге можно написать квитанцию на 600 фл.?

100, чтобы инструментальная музыка не была заглушена залпами и барабанным боем.

Вебер умер сорока лет.

В то же время Бетховен с интересом следит за выдающимися явлениями в области искусства и лелеет мечту создать ряд величественных произведений. Неизвестному лицу он пишет:

Хольц уверяет меня, что вы намерены заказать и издать большого формата гравюру, изображающую гробницу Генделя в церкви Св. Петра в Лондоне, это меня бесконечно радует, не говоря уж о том, что виновником являюсь я.

Примите вперед мою благодарность за это —

ваш преданный слуга Бетховен.

3 апреля 1826 года.

Другая записка, к молодому композитору Клейну, относящаяся к той же эпохе, включает в себе несколько слов критического свойства, что встречается весьма редко в переписке Бет-

ховена, вообще скрытного, а в частности — избегавшего выражать свои эстетические и критические суждения.

Получил от вас письмо через г-на советника ф. Мозеля, на которое не мог сейчас же ответить, так как завален работой. Вы хотите посвятить мне ваше сочинение. Хотя я не заслужил этого, тем не менее приему с удовольствием посвящения вашего прекрасного произведения. Вы хотите в то же время, чтобы я был критиком, но поверьте, что это сверх моих сил! Впрочем, согласен с Вольтером, что «несколько укулов комара не могут остановить ретивого коня». В этом отношении подражайте мне. Чтобы не лукавить, а по обыкновению откровенно высказаться и исполнить ваше желание, должен сообщить, что вам следует в последующих подобных произведениях обращать внимание на самостоятельное ведение голосов.

В ожидании чести служить вам чем-нибудь, благодарю за дружеское ко мне отношение и остаюсь с глубочайшим почтением,
 милостивый государь, преданнейший Бетховен.

С этим отзывом Клейн обратился к издателю Петерсу.

К Петерсу, музыкальному издателю в Лейпциге.

Майнц, 8 сент. 1826.

Глубокоуважаемый и милостивый государь!

Г. Генрих Гугель из Петербурга, бывший недавно здесь, рекомендовал мне вас, как очень дельного предпринимателя, и советовал мне предложить вам скрипичный квартет, написанный мною и посвященный нашему уважаемому Бетховену в Вене. Из прилагаемой копии его письма вы усмотрите, как сей великий композитор отнесся к этому произведению. Если вы склонны издать этот квартет, то перешлю рукопись через г. книгопродавца Купферберга. Что касается гонорара, то я попросил бы только известное число экземпляров и некоторые другие ноты. В надежде получить вскоре благоприятный ответ

остаюсь с совершенным и глубоким почтением,

покорнейший слуга барон фон Клейн.

Полемика между музыкологами о подлинности некоторых частей «Реквиема» Моцарта, вызвавшая ряд статей Готфрида Вебера и возражение аббата Штадлера, этого крайнего консерватора и врага бетховенской музыки, не осталась незамеченной великим поклонником Моцарта; в порыве увлечения статьей Штадлера, он благодарит его за восстановление истины, не преминув снабдить записку игрою слов Andre (фамилия композитора) и andere (другой, иной).

К аббату Максимилиану Штадлеру.

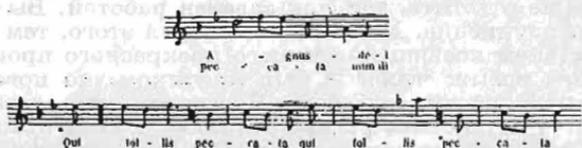
6-го февр. 1826 г.

Многоуважаемый и высокочтимый!

Вы поступили поистине прекрасно, воздав должное памяти Моцарта вашей мастерской и вполне обстоятельной статьею; все светские и все миряне, все, что только живет музыкою или имеет к ней отношение, должно быть вам признательным. Чтобы подобно Г. В. завести речь о таких вещах, надо знать либо очень многое, либо ничего. — Подумайте только; он написал, насколько я знаю, книгу о композиции и все же приписывает Моцарту такие обороты, как

и если прибавить к этому еще собственную стряпню В., как-то:

Видя эти удивительные познания г-на В. в гармонии и мелодии, вспоминаешь покойных старых наших композиторов, — Штеркеля, Калькбренера (отца), Андре (не совсем другого) и т. д. Requiescant in pace! — Глубоко благодарен вам, почтенный друг, за радость, которую вы мне доставили, познакомив с вашей статьею; я всегда был ревностным поклонником Моцарта и останусь им до последнего вздоха. — Вскоре обращусь к вашему благословию —

С истинно глубоким почтением пребываю Бетховен.

Однажды, после обеда, Бетховен с Шиндлером зашли в музыкальный магазин Хаслингера (бывший Штейнера и К°), где часто бывал в это время дня аббат Штадлер; неожиданно для всех Бетховен, среди общего разговора, подошел к аббату, стал перед ним на колени, попросил благословения и затем поцеловал руку его, а аббат, видимо отнесшийся с некоторым недоверием к выходке музыканта-атеиста, прибавил к словам благословения: «если не на пользу, то не во вред». Прочие присутствующие, приняв это за фарс, стали громко смеяться и шутить. Никто не понял Бетховена, мыслей его и чувств, обладавших им в эту минуту.¹

Шведский поэт Аттердам, приехав в Вену, задумал посетить великого композитора и обратился с этою целью к одному общему знакомому, Игнатию Хейтелесу. «Мы поднялись во второй этаж, — рассказывает последний, — дверь не была заперта, мы вошли, прихожая была пуста. Мы стали стучать все громче, но напрасно, хотя из комнаты доносился шум. Мы вошли и остановились в изумлении. На противоположной стене висели большие листы бумаги, а перед ними, спиною к нам, стоял Бетховен, но в каком виде! День был жаркий, композитор, сняв платье, в одной только рубашке, писал на стене ноты красным карандашом, то приближаясь к ней, то отступая несколько шагов, то отбивая такт, то ударяя по клавишам своего бесструнного инструмента, ни разу не повернувшись к нам...»

В числе посетителей и новых знакомых Бетховена была певица Нанетта Шехнер (1806 — 1860), родственница Шиндлера, некогда достойная соперница Зонтаг и Шредер-Девриан. О предстоящем визите ее Шиндлер ведет беседу в разговорной тетради:

¹ Аббату Штадлеру посвящен прелестный трехголосный канон XIV в сер. 23, № 42.

— Я пришел просить разрешения вашего привести к вам Belle Шехнер, страстно желающую познакомиться с вами — настоящее чудо природы.

— Этого Вена еще не слыхала, будь у этой милой девицы итальянское имя, она была бы выше всех певиц в мире.

— Из Мюнхена.

— Orlandi и еще другая.

— Природа наградила ее слишком щедро, ее дарования хватило бы на трех.

— Мильдер гораздо ниже, сегодня «Дон-Жуан», а потом примутся за «Фиделио».

— Если репетиция не помешает Шехнер завтра, то мы к 5-ти часам придем к вам, а может быть и с матерью ее, прекраснейшей женщиной.

— В ней вы найдете не красавицу, но хорошенькую, честную и степенную девицу, которая кроме искусства всецело предана домашнему хозяйству, ибо их 10 детей, и всех она содержит и учит на свои заработки.

— При ней найдется только мать, одна сестра и брат; теперь мы придем к вам с визитом, потом вы можете ее пригласить к обеду, она очень простая и без малейшей претензии, имейте в виду, что она не стесняется стирать и гладить для своих младших сестер и братьев.

— Итак, мой великий maestro, если в театре не задержат, то завтра к 5-ти часам приду с моим интересным приложением, в противном случае придем в другой раз и в тот же час.

— Так вы должны дать мне письменное удостоверение, иначе она может не поверить мне.

— Я не так близок с Шехнер, чтобы требовать безусловного доверия к моим словам.

— Девица в мою квартиру?

«Бывало, — говорит Хольц, — видели Бетховена с развешиваемым на груди и надетым навыворот галстуком... твердили, что гениальный человек этот занят, видимо, иными думами, а не туалетом своим». В разговорной же тетради того времени Хольц пишет: «Даффингер хочет нарисовать вас, его побуждает не только слава ваша, но также крайняя необычайность черт лица вашего».

Другой современник рассказывает, что Бетховен обещал кому-то из мало знакомых ему дилетантов рукопись своей последней незначительной пьесы; когда же за рукописью явилась мать этого дилетанта, то кухарка не впустила ее к композитору.

— Его нельзя видеть, ему нездоровится...

Посетительница хотела что-то возразить, но в эту минуту высунулась в дверь голова Бетховена.

— Спрячьтесь! — едва успела проговорить кухарка и втокнула посетительницу в темный чулан над лестницей.

Так и ушла она, не получив нот, а спустя несколько дней сын ее получил от композитора записку.

Милостивый государь!

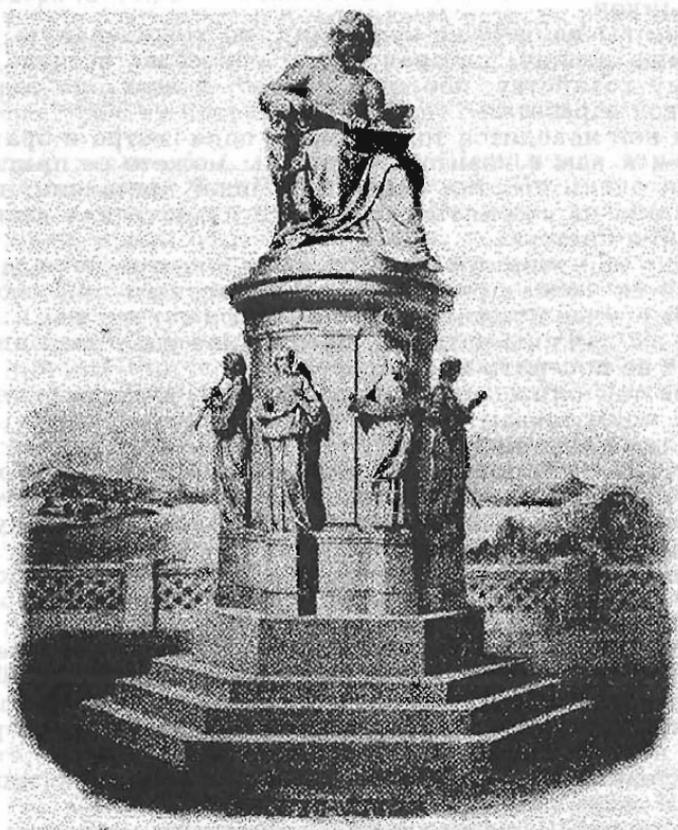
Недавно моя глупая экономка отказалась принять вашу мать и не сказала мне ни слова об этом. Я сделал выговор за то, что она не ввела

ее в мою комнату. Всем известна дикость и грубость людей, к несчастью, окружающих меня, поэтому прошу прощения.

Преданный вам слуга Л. в. Бетховен.

Этот старый мученик, этот страдалец еще мог ободрять молодые таланты, в нем еще не иссяк источник того чудесного балзама, который облегчал другим невзгоды жизни.

Хольц пишет в 1826 году в тетради: «Ваши ободряющие речи окажут конечно на Грильпарцера сильное действие... Вы не могли бы работать в таком состоянии, и это было бы непостижимо, если бы вы не обладали способностью возвышаться над людскою мелочностью, отрывать от обыденной жизни». А безутешно влюбленный поэт Грильпарцер пишет там же:

Проект памятника Бетховену, раб. Драке.

«К несчастью, я хандрю, и этим многое объясняется. Работа не доставляет мне удовольствия. О, если бы я обладал тысячной долей вашей мощи и энергии!.. Не случилось ли вам бросать работу из-за каких-либо пустяковых житейских мелочей, например — любви?..»

Наиболее благотворное влияние на настроение Бетховена, из всех окружавших его приятелей, имел лишь Карл Хольц, развязность обращения которого, остроумная речь, многочисленные услуги и постоянное жизнерадостное расположение духа вносили луч света и теплое участие в квартиру композитора на Schwarzpaniergasse. Правда, двадцатисемилетний дилетант иногда не находил в себе сил отогнать от него мрачные думы; правда, молодой человек прибегал порою к средствам, усиливавшим физические недуги его, водил его по ресторанам, устраивал кутежи, старался в струе рейнского вина утопить страдания больного мизантропа, но в общем благотворное влияние Хольца не подлежит сомнению, а дружественные отношения к нему композитора в 1825 и 1826 годах, по своей сердечности, интимности и безграничному доверию, превосходят даже долготелную дружбу с Шиндлером, Пасквалати, Лихновским и Хаслингером. Нужно ли вразумить Карла и предостеречь от новых проказ, — Бетховен советуется со своим деревцом (Holz — кусок дерева); хочется ли ему поделиться с кем-нибудь смущением своим по случаю появления в «Цецилии» музыкальной шутки на Хаслингера, — к «милой щепочке» летит послание, в котором композитор старается объяснить это происшествие мезтью Шотта, а Хаслингера утешает тем, что мезть (die Rache) лучше, чем пасть (der Rachen) чудовища; задумывает ли он вновь заменить всю итальянскую терминологию в музыке немецкою (вместо: бас — Grundsang, хор — Vollsang, концерт — Tonkampf, опера — Singwerk и т. д.), возмущается ли адскими псами P. S. A., т. е. издателями Петерсом, Шлезингером и Артариа, — сейчас же летит записка к другу, выточенному из красного дерева (Mahagoni); нужно ли извиниться перед известным композитором Фр. Кулау, с которым пьянствовал 2 сентября 1825 года в Бадене и фамилия которого послужила текстом набросанного там же юмористического канона «Kuhl nicht lau» (серия 23, № 43, XIII), — посредником является тот же Хольц — Христово древо; повторяются ли старые истории с прислугой, ссоры с кухаркой, хлопоты с переписчиками, нужно ли купить руководство фортепианной игры Клементи и послать его сыну Стефана Брейнинга, — в помощь призывается опять Хольц, безумно влюбленный осенью 1826 года, но верный службе старого композитора; горюет ли он об участи племянника Карла, покушавшегося на самоубийство и мечтающего о поступлении на военную службу, нуждается ли в деньгах, требует ли от «подлеца агента» Дембшера платы скрипачу Шупанцигу, узнает ли какие-либо новости о Пирингере (компаньоне Гебауера по Concerts spirituels) или приятелях из п.-н. (Paternostergasse), собирается ли хлопотать об ордене от короля прусского, — все это сообщает немедленно своему молодому другу в ряде приводимых ниже записок.

К Карлу Хольцу.

Шлю вам поклон и сообщаю, что сегодня не выйду; был бы очень рад если бы вы могли навещать меня хотя бы вечером, после ваших служебных занятий — второпях ваш друг

Бетховен.

Чувствую себя плохо.

Прошу вас к себе, как можно скорее, чтобы устроить все необходимое. Задача нелегкая, он хотел уйти пораньше.

Второпах ваш Бетховен.

Баден, 10 августа.

Милая щепочка!

Лучшее Христово древо! — Где вы. — Выдуваю ветер в Вену, чтобы буря морская доставила вас сюда; хотя бы квартет по крайней мере до пятницы был здесь; если же затянется, то постарайтесь чтобы Карл взял его сюда с собою в воскресенье. Вы знаете *per se*, что будете здесь желанным гостем, если приедете. «Voilà quel homme de langue la moi!» С удивлением узнал, что майнцские шалопаи действительно злоупотребили моей шут кой. Это возмутительно, я могу доказать, что это была вовсе не моя затея, а приблизительно так: на эту острогу Кастелли должен был написать стихотворение, но только на так называемого музыкального Тобиаса, с моею музыкою; но раз это случилось, то значит такова воля небес. Есть подобие гетевскому: *Bardt.—sans comparaison* с каким-нибудь писателем. Но я подозреваю, что сам Тобиас перед ними в чем-нибудь провинился и т. д. — вот и мечь. Все же лучше испытать эту напасть, чем попасть в пасть какого-нибудь чудовища. Слез на этом не могу пролить, а смеяться как — если приедете в пятницу, то пообедаете лучше всего среди моего беспутного хозяйства. — К концу преподнесу вам таинственных обитателей *Paternostergasse* и т. д. Пирингер будет ворчать, кричать он не умеет; с ним, кажется, то же, как кто-то сказал о Шрейфогеле, он не умеет ни кричать, ни... — Прощайте милое деревцо! Пишите и приходите, все своевременно; второпах

ваш друг Бетховен.

Милое деревцо!

Не будьте деревянным. — Любезное начальство желает побеседовать сегодня со мною в 10 часов; прошу вас пойти туда вместо меня, но сначала зайдите ко мне; делайте все, как вам удобнее. Я написал уже письмо на высочайшее имя; можете взять его с собою. Мне очень досадно вновь беспокоить вас, но я сам не могу пойти, а дело нужно довести до конца.

Ваш Бетховен.

Почтенный?! Хольц.

Никто не сомневается, что Хольц среднего роста, вот какие противоречия заключаются в мужском роде и какие выводы еще могут последовать для одушевленного Хольца? — Что касается нашего дела, то прошу никому не давать ни видеть, ни слышать квартета — пятница единственный день, когда старая ведьма, которую 2000 лет тому назад наверно сожгли бы, говорит сносно — ибо в этот день дьявол не имеет над ней власти, — а потому напишите или приходите: — на сегодня довольно —

ваш друг Бетховен.

Да! да! Патер-ностер-переулок и наш директор премило торчат там. Славное дело, если даже ничего из этого не выйдет.

Добрейшее древо Махагони!

Перья нам неизвестны, — довольствуйтесь. — Ваше письмо вызвало у меня смех. Тобиас всегда останется Т., но мы его еще больше растобиасим. — Да, да, Кастелли должен взяться за это. Эта вещь будет напечатана и гравирована в пользу всех бедных Тобиасов. — Я только что писал Карлу, чтобы он подождал с письмами к П. и Ш.; другими словами, жду ответа от г. А. из Мангейма.

Баден. 24 августа.

Раз это суждено, то мне все равно какой адский пес будет лизать или сверлить мой мозг; лишь бы ответ не заставил себя слишком долго ждать; адская собака из Лейпцига может подождать, а пока пусть развлекается в погребе Ауербаха разговорами с Мефистофелем редактором Лейпцигской музыкальной газеты; последнего скоро отдерет за уши Вельзевул, главный начальник всех чертей.

Голубчик, — первый квартет состоит из шести частей, с ним я рассчитываю покончить в этом месяце. Если бы только кто-нибудь дал мне средства против моего скверного желудка, мой г. братец был опять в П. Н. Г. Голубчик ведь мы должны стараться, чтобы все эти вновь созданные слова и выражения сохранились до третьего и четвертого поколения наших потомков. Приходите в пятницу или воскресенье, — приходите в пятницу, когда кухонную сатану легче всего выносить. Будьте здоровы; тысяча благодарностей за вашу преданность и любовь ко мне; надеюсь не будете за них наказаны.

Любящий и преданный вам Бетховен.

Не забудьте навестить моего Вениамина.
Напишите еще раз; приезжайте. Еще лучше...

Его высокородию г. ф. Хольцу.
В Вене, Мелькер-бастей № 96. В четвертом этаже дома Бергерштама.

17 октября 1825 г.

Точно после кораблекрушения прибыл я сюда третьего дня вечером, искал вас вчера; но всюду было безмолвно — буду вполне удовлетворен, если зайдете ко мне, прежде чем отправиться в свою коллегию.

Второпях ваш друг

Бетховен.

Удивительнейший! удивительный!

Вы осмелились передать мне, что не станете стричь меня, ибо не считаете достойным этого, и действительно прислали мне собственного брадобрея. — О! Это уж слишком; за это штраф в 2 # или еще 3 #; таким образом один # да два # выйдет *salade brilliant*. Очень желательно, чтобы вы пришли завтра прямо к завтраку, но не полднику — взгляните на *miserabilia* жизни. Это далеко еще не все. Итак возможно раньше. Я подожду вашего прихода, но не уступлю даже половины # штрафа.

Ваш *amicus fidelis* Бетховен.

Прочтите только при сем ответ, достойный этой бесстыдницы. — Только передайте письмо и не затевайте с нею ничего. Постарайтесь,

пожалуйста, завтра освободиться и прийти к обеду. Следовало бы сегодня же узнать верный адрес Шлезингера. Прощайте, надеюсь услышать от вас кое-что.

В. 3 февраля.

Голубчик! Лишь только я возвратился домой, как меня стала преследовать мысль о том свинстве, которое я сделал вчера, написав это Кулау, все остальное вы знаете. — Напишите поскорее или приезжайте в четверг — в пятницу назад, но напишите раньше. — Спросите кухарку, знает ли она толк в дичи и сумеет ли распоряжаться моими охотничьими трофеями.

С Карлом можно еще справиться, но застав его на месте преступления, надо пригрозить, что будет сообщено мне.

Поспешите *prestissimo* со всем; а в дружбе считайте меня всегда *Santum fermum*.

Прощайте

Ваш искренний друг Бетховен.

Голубчик!
Еще вчера говорил вам, что узнал еще, что она не все кушанья готовит вкусно и питательно. Когда я стал упрекать ее, то заметил, что она готова наговорить дерзостей; но я объяснил ей в вежливых выражениях, что следует обратить на это больше внимания. — Я вчера больше не видел, вечером вышел еще погулять, а по возвращении не нашел ее дома; она оставила это письмо. Так как это побег, то полиция отлично сумеет вернуть ее. — Прошу вашего содействия. Было бы лучше, если бы вы зашли на минуточку.

Ваш Бетховен.

Достойный друг!

Будьте уверены, что я забыл недавний случай и что он никогда не изменит моего расположения к вам; итак прошу вас не намекать никогда на что-либо подобное. Всегда рад вас видеть. Надеюсь, в будущем воскресенье не отвергнете моего угощения. На этой неделе я слишком занят и не успокоюсь, пока все не будет окончено; ввиду этого не могу назначить заранее часа обеда, тем более, что с 13-ти лет привык я обедать очень поздно; привычка эта еще более усилилась благодаря здешним выдающимся деятелям; а теперь уж трудно избавиться совершенно от нее. Не думайте, что это ирония; вспомните, — что я в зависимости от муз и тогда поймете, что я прав. Давно уже я ищу способа выразить вам свою благодарность и при первой возможности исполню это. Если на этой неделе найдете время навестить меня, то доставите большое удовольствие своим посещением. Вы найдете меня таким же, как прежде, без перемены. В воскресенье жду вас непременно.

Как всегда, друг ваш Бетховен.

26 апреля 1826 г.

Вернулись ли вы сегодня домой из царства любви, ведь я писал вам и Брейнингу, если нет, то могли бы после занятий в вашей канцелярии сходить с письмом к Брейн. — но если вы — *quel Resultat?* — не могу ничего больше сказать, пришел переписчик — итак надеюсь увидеть вас сегодня после обеда около 5 час, берите же извозчика всегда, если

он нужен вам, как мне тяжело утруждать вас так, да поможет небо, Карлу остается пробыть здесь только 4-5 дней.

Второпях ваш друг Бетховен.

Мои денежные дела весьма плохи, всего-навсего эти 100 фл. к. м., каковые посылаю вам, если можете пришлите мне пока 5 фл. ассигнациями, остальное можете потом, по мере возможности — относительно Каstellи не надо очень стесняться с этим дипломатом — и превознесенным — чуть не сказал будьте быстро здоровы —

второпях будьте здоровы amice amicus Бетховен.

Как только вы ушли, я нашел еще ложки, но на сундуке, случайно я положил их на стол, так как вы были еще заняты, но мне вздумалось пересмотреть еще раз остальные, ибо были нужны и опять не доставало одной — тогда же я сказал, что опять возьму к себе ваши ложки и оставлю их у себя, пока найдете подарите мне мою л. сохрани нас Бог в нашем почтенном возрасте еще в. ложки — лучшее исчезло, если вас не очень затруднит, то послезавтра возьму у вас две другие. Как раз будет воскресенье, когда полагается праздничное угощение — вы видите, что история с ложками меня так мало занимает, точно я забыл о них — лучше всего если найдете возможным повидать меня хоть минутку завтра до обеда — завтрак можете получить, лучше всего окончить поскорее, может случиться что-нибудь худшее.

в пятницу — ваш primus et ultimus.

Господин влюбленный!

Посылаю вам симфонию, укажите подателю сего в точности хоромы Хаслингера, чтобы она отдала ему симфонию для переплета, но не отдалась ему сама. Могу ли я прислать к вам сегодня за экземплярами школы Клементи? Если получу один бесплатно, то один будет оплачен; если же бесплатного не будет, то возьму только один и оплачу сполна. Карл просит Sigarro, был бы в восторге, если бы вам удалось устроить все сегодня же — если бы вы знали, как необходимо еще раз отправиться со мною в больницу; хорошо бы сделать это послезавтра же, потому что нам придется еще помучиться; думаю, что мой брат наверно не приедет, доставьте мне хоть четверть вашего я послезавтра в Деллинг около 7-ми часов — после обеда вероятно невозможно

Г-н влюбленный

склоняю колени перед всемогуществом любви

ваш преданный Б — н.

+

memento mori.

P. S. Лучше вам самим зайти к переплетчику, чтобы он переплел исправно и чисто.

В — б — н — й.

9 сентяб. 1826 г.

Почтеннейший!

Чистый, прекрасный воздух, да и женщины, видно, действовали, потому что не прошло еще 3 дней как ваша ледяная кора растаяла; замечая это по вашему вчерашнему письму, потому что письмо от 7 сент.

напоминает вяленую рыбу. — Я получил его только вчера вечером, ибо отправился в Нусдорф подышать более приятным прохладным воздухом — вероятно поеду также в Баден, может быть, даже завтра, квартиру я посмотрел бы, но мне надо торопиться с корректурой для королевского величества. К. хочет во что бы то ни стало поступить на военную службу, он писал, я с ним говорил; было бы сначала лучше поступить в военное училище, как наприм. в Нейштадте. Если случится вам с приятелями быть там, то спросите только там полковника Фабера, имеет ли при этом значение возраст, не думаю, ведь там надо платить и К. мог бы выйти прямо офицером; по-моему неплохо долго оставаться кадетом, а если захотим, чтобы он так стал офицером, то нужно платить ему во-перв. офицерское жалованье и на все необходимые расходы, нельзя же относиться к нему как к каторжнику. — Я во всяком случае против военного звания. Когда будете там, то надо нам сноситься как можно быстрее, я утомлен и нескоро настанут для меня светлые дни; нынешние и предстоящие ужасные расходы доставят мне много хлопот, всякая надежда пропала иметь при себе хоть кого-нибудь, кто обладал бы хотя бы только лучшими чертами моего характера, как я надеялся — веселитесь на лоне природы, пользуйтесь рогом изобилия очаровательной природы, а в понедельник надеюсь вновь увидеть вас и обнять

как всегда благодарный ваш Бетховен.

Голубчик!

Завтра после надлежащих лигорианских покаяний направьте стопы ваши к нам к обеду. Надеюсь, вы не обещали никому и если вас пригласили, то надеюсь хватит сил избавиться.

Optime amice. Ваш Бетховен.

Поразительнейший, непорочнейший, добрейший!
Немного позже 5 ч. придем к вам на дом.

Бетховен.

Обед будет готов к часу, непременно жду вас к этому времени; мне досадно, что досаждаю вам столькими хлопотами.

Ваш Бетховен.

Хольц — сотвори древо!

Завтра ранним утром наиболее безопасная из всех особ может принести плату за это. Должен ли быть под-ц агент? Да должен быть? —
Делайте свое, как мы наше.

Бетховен.

Не забудьте относительно денег, вскоре у меня все выйдет. Карлу лучше. Сегодня в полдень у меня будет петь г-жа Застольная Королева.

Оставьте мне пожалуйста фамилию докладчика той полиции, где мы были. Славная история, — Карла вчера забрала полиция и как — они недовольны; мечусь всюду, чтобы найти кого-нибудь.

Сестра сестры придет сегодня к вам. Она дала мне вчера удостоверение, *non hai danago*; так дайте ей задаток, вместе с тем скажите ей, что она будет получать 100 фл. в год и еженедельно 36 кр. на харчи; все это я забыл вчера. Принесите все остальное из квартета В — я мог бы сегодня ночью, так как ваши родители произвели вас на свет и сколько мучения им стоило создать такое удивительное творение. — Поздравляю с бытъем — как? почему? и т. д. Загадки разгадываются сами собою.

Сегодня к обеду увидимся

ваш Бетховен.

Это для магистрата — болеть среди таких и такого проходимца, вот судьба! та, что обещала, не пришла; может быть потому что приняла меры не допустить ее. Лучше всего, если эта д. пожалует ко мне, когда вы будете у меня. Было бы истинным счастьем найти, наконец, подходящую. — Принесите несколько листов хорошей почтовой бумаги, а также спички, напр. от Россини на Стефансплац. Измученный Одоардо! Дура не умеет сделать яичного отвара. Святая скотина! Вот люди! Прощайте до обеда.

Добрейший *lignum crucis!*

Не позже, как через полчаса мы выскочим из недр земных и вам придется ловить меня, а пока отдыхайте.

В.

Щепочка от древа Христова имеет недостатки, которых никто не в силах исправить. Дрова однако надо жечь.

В виду одного важного обстоятельства, прошу вас, если выйдете, оставить дома записку с указанием, где я найду вас утром. Во всяком случае к обеду увидимся.

Ваш Бетховен.

В такую жару лучше приходите в знакомый ресторан прямо против улицы, где живет Рампель; в половине второго.

С Пирингером случилось то, чего следовало ждать. Пещера ведьм П. Н. будет объята пламенем! — Если можно, пришлите сегодня портного — а если вам по дороге, то пачку спичек. — Нечего и говорить о возможности выйти из дома, скорее об отправлении в область вечного блаженства.

Оба господина были здесь. — Хотят с обеих сторон просить вас соблюдать строжайшую тайну относительно ордена. Хаслингер уверяет, что в этом деле вы являетесь преемником покойного Папагено. — Берегитесь. — Я объявил сегодня Карлу, что решено, что он может выйти из госпиталя только со мною или с вами. — Обедаю завтра дома, по-

этому надеюсь видеть вас. Так как у вас завтра нет службы, то можете прийти позже; это необходимо. —

Прощайте, господин ужасно влюбленный.

Ваш непреклонный друг Бетховен.

Черкните несколько строк, придете ли завтра наверно; не то я не останусь дома. Кстати можете ли что-нибудь сообщить о нашем М — те.

В качестве принудительной меры палка вчера достигла своей цели — лучше если вы найдете кого-нибудь, кто мог бы проследить: может быть К. найдет лучший способ, но и тогда придется действовать по-своему чего бы это ни стоило, я с удовольствием заплачу все расходы, но надо вести дело хитро, прошу вас очень попросить сестру свою, шлю ей привет, купите по этому образцу 2 локтя фланели и принесите, когда придете обедать. Очень жалею, что приходится утруждать вас так часто.

Второпях ваш Бетховен.

Ваше чиновничье величество!

Я приехал несколько дней тому назад и сейчас же написал вам, но письмо затерялось; затем я заболел и предпочитаю лежать в постели. Очень буду рад, если посетите меня. Это будет вам тем легче, что Деблинг в постоянном сообщении с городом.

Как всегда ваш друг Бетховен.

Последняя записка относится к декабрю 1826 года, ко времени простуды, окончательно подкосившей здоровье композитора; тем не менее, большой артист не забывает снабдить свое послание юмористическим обращением и музыкальную шуткою.

Из приведенных записок видно, что обычные мрачные тона доминируют в настроении композитора и иногда подвергаются только более интенсивному проявлению, либо складываются в разнообразные варианты. Тем не менее, как мы уже видели раньше, сквозь эти минорные аккорды в нем нередко пробиваются шуточные кадены, миниатюрные скерцо, полные остроумных, игривых эпизодов. Блестки юмора прорываются, как светло-розовые искры, как голубоватые лучи, сквозь серый фон обыденных забот, сквозь бурные пятна раздражительности и волне-

Памятник Бетховену в Вене,
раб. Цумбуша.

ний, вызванных Королевой Ночи или племянником Карлом, князем Кинским или механиком Мельцелем, кухаркой Баберль или графом Пальфи, сквозь мрачные, черные тени физических страданий и мятежного духа, обуреваемого страстями и мыслями демонической природы. Рядом с частыми ламентациями в дневнике, в беседах и в письмах встречаются одновременно юмористические записки, письма, эскизы, экспромты, каноны, *pieces d'occasion*, музыкальные шутки и иные отзвуки того веселого, добродушного нрава, который так свойствен землякам Бетховена.

По случаю приглашения И. Н. Хуммеля капельмейстером в Штутгарт Бетховен пишет ему в альбом, по обыкновению, неправильно разделяя на слоги слово *longa*:

В альбом Хуммелю.

Счастливого пути, дорогой Хуммель, вспоминайте иногда вашего друга Людвиг ван Бетховена.

Вена, 4 апреля 1816 г.

Скрипачу Шпору он посылает тему канона (сер. 23 № 43).

Любезный Шпор, везде, где встретите истинное искусство и истинных артистов, прошу вас вспоминать о вашем друге

Людвиге ван Бетховене.

Вена, 3 марта 1815 г.

На тот же текст написан ранее Бетховеном другой трехголосный канон в альбом композитору Науе (23 ноября 1813 г.); такие же каноны посылает он Карлу Ниту (24 янв. 1816 г. — «Rede, rede...»; 16 января 1816 г. — «Lerne, lerne...»); издателю Шлезингеру (21 сент. 1819 г. — «Glaube und hoffe»); графине Эрдеди («Brauchle, Linke...»); (31 декабря 1819 г. — «Gluck zum neuen Jahr»); экспромт в альбом графине Вимпфен, урожд. Эскелес (20 янв. 1823 г. — «Der edle Mensch»); канон графу М. Лихновскому — («Граф, вы — овца», — 20 февр. 1823 г. в кафе «Груша» на Ландштрассе); кантату князю Лобковичу («Да здравствует...» — 12 апр. 1823 г., канун дня рождения графа); кантату к свадьбе старшей дочери Дж. дель Рио (14 янв. 1819 г. — «Друзья, воспойте бога супружества...»); каноны Петерсу и Бернарду (1820 г. — «Sanct Petrus...»); канон Гофману (1820 г. — «Hofmann und kein Hof-mann...»); на последней, свободной странице сонаты ор. 28 набросал Бетховен неизданную еще пьесу для двух солистов и четырехголосного хора, «Хвала толстякам», представляющую собою музыкальную шутку на Шупан-

письменным удостоверением Бетховена, а передал свои права, на гербовой бумаге в шесть крейцеров, музык-директору Гасснеру, который, в свою очередь, ровно ничего не написал, хотя собрал несколько незначительных материалов.

— Данные мне прилагаемой запиской права передаю другу, директору Гасснеру в Карлсруэ, и надеюсь, что, благодаря значительному собранию материалов, постоянно возрастающие числом поклонники Бетховена могут, наконец, дожидаться появления полного и документального жизнеописания композитора.

Со своей стороны обязуюсь не только сообщить г-ну Гасснеру сведения, не лишённые значения для предстоящего издания, но также повлиять на здравствующих ещё друзей Бетховена, стоявших близко к нему, с целью получить новые, ещё неизвестные и подлинные сведения из авторитетных источников, и чтобы устранить ошибки, встречающиеся в появившихся до сего времени скверных биографиях его. Тем охотнее обещаю я свое ревностное содействие, что г-н д-р Гасснер намерен выпустить свой труд не позже конца августа 1844 года, а это я считаю вполне возможным, потому что во время двукратного пребывания своего в Вене он свел много способствующих этой цели знакомств.

Карл Хольц, директор духовных концертов.

Вена, 4 ноября 1843 г.

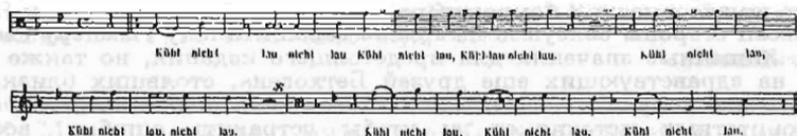
С целью развлечения часто хандрившего и болевшего композитора, Хольц устраивал пирушки, водил его по ресторанам, зазывал к нему некоторых приятелей, среди которых Бетховен проводил время сначала довольно скромно, в продолжительных прогулках и беседах, пересыпанных шутками, остротами, игрою слов и музыкальными экспромтами; при этом юморист Каstellи являлся главным рассказчиком, а его остроумные поговорки и пословицы служили темой канонов, которые Бетховен в изобилии набрасывал тут же. Последнего занимал так же, как в былые времена, перевод итальянских музыкальных терминов на немецкий язык, например: Arie — Lustgesang, Einsang; Canon — Kreisfluchstück т. п., но теперь это носило скорее характер забавы, тогда как, выдумав некогда Hammerclavier, он настаивал на введении вообще немецких терминов вместо иностранных. Постепенно эти невинные развлечения стали сопровождаться все более возрастающим количеством возлияний мозельвейна и рейнвейна, в пенистой влаге которых композитор искал средства подкрепить свои упавшие силы и забыться от физических страданий.

О веселых пирушках с обильным возлиянием в честь Бахуса сохранились воспоминания некоторых приятелей композитора.

Зейфрид рассказывает о пикнике 2 сентября 1825 года в Бадене с участием Хаслингера, Кулау, пианиста Графа, профессора консерватории Зельнера и Хольца. После продолжительной прогулки по Елененталу, где каждый холмик, каждое деревцо были памятны композитору, все собрались к обеду, за которым была принесена должная дань искрящемуся шампанскому Силлери; перед закатом солнца отправились к Бетховену, где обильно полились Voslauer и другие вина. «Любезный хозяин был в самом веселом настроении, которое передалось также гостям его, но веселье не выходило из границ приличия». Два дня спустя Шлезингер пишет ему.

«Я слышал, что третьего дня все вы провели время очень весело. Кулау не может даже вспомнить, как он добрался до дома и лег в постель. Значит вы превзошли Гофмана; он ежедневно пил до 8 бутылок шампанского! Это лучшее, божественное, вдохновляющее средство, даруемое природою!»

А Бетховен, в свою очередь, пишет Фридриху Кулау юмористический канон, текстом которого послужила фамилия Кулау (kuhl — холодный, lau — теплый).

Баден, 3 сент. 1825 г.

Должен сознаться, что шампанское мне вчера тоже ударило в голову, и я вновь убедился в том, что подобные вещи скорее расслабляют меня, чем возбуждают; хотя я всегда готов отвечать за свои поступки, но относительно написанного мною вчера нахожусь в полном неведении.

Вспоминайте иногда вашего преданнейшего Бетховена.

В другой раз мы видим Бетховена на роскошном обеде, устроенном издателем Шлезингером 11 сентября, по случаю покупки им квартета op. 132, каковой был тут же исполнен до начала трапезы; в числе гостей были органист Смарт из Лондона, продавец сукна Вольфмайер, давний поклонник композитора, посвятившего ему свой последний квартет op. 135; была также г-жа Циббини, дочь пианиста Кожелуха, известного своим враждебным отношением к Моцарту и Бетховену. Последнего привез из Бадена к обеду сам Шлезингер; квартет сыграли посредственно, автор был в скверном настроении, все старались развеселить его и склонить к импровизации на рояле.

— Голубчик, доставьте нам это удовольствие, — вписал ему в тетрадь Хольц.

— Извольте, — уступил композитор просьбе своего молодого друга, — но пусть Каstellи, не имеющий понятия об игре на фортепиано, даст мне тему.

Каstellи подходит к роялю, ударяет указательным пальцем четыре ноты вверх, затем те же ноты вниз и отходит от инструмента, к которому подсаживается Бетховен; и в последний раз фантазия гениального импровизатора творит чудные звуковые картины, изредка возвращаясь к первоначальным четырем нотам и приводя в неописуемый восторг многочисленных гостей Шлезингера. Последний, в порыве экстаза, просит Бетховена написать на рояле свое имя и дать ему на память разговорную тетрадь, которая в этот день была вся исписана. По возвращении домой племянник пишет в новой тетради о впечатлении, произведенном на всех импровизацией, последней импровизацией Бетховена: «Все были в восхищении». Там же Шупанциг замечает: «Циббини вся превратилась в слух и не отрывала глаз от вас... Почему нет?... Она недурна... Смарт играл в Лондоне»

первую скрипку при постановке 9 симфонии, но никак не мог исполнить речитатива, сыграйте ему на фортепиано...»

В третий раз мы застаем знакомую нам компанию в одном из трактиров Бадена. Капельмейстер Вюрфель набрасывает во время пирушки канон, основанный на тонах В-А-С-Н (Бах); Бетховен берет лист нотной бумаги и покрывает его также музыкальной шуткой. Остроты, анекдоты сопровождают шумную трапезу, все чаще заглашаемые хлопаньем пробки.

Эта черта атавизма, эта возродившаяся страсть некоторых предков композитора к вину, исчезла тою же осенью 1826 года, когда тяжкая болезнь приковала Бетховена к постели, когда близи него появились вновь старые друзья. Сближение этому, подобно таинственному, чудесному сигналу, предшествовало обширное письмо с берегов Рейна, от друга детства, профессора и тайного советника Вегелера, и жены его, Элеоноры, урожденной Брейнинг (сестры Стефана). Подобно тому, как природа иногда, в последние минуты умирающего, рисует ему яркие картины светлого детства, так же точно Элеонора восстанавливает в своем полуграмотном письме, в своем архаически простоватом изложении незабвенные дни отрочества и шлет последний привет своему другу юности, последнее прости, быть может, вызвавшее чудное *Lento assai* последнего квартета, тогда набросанное.

Кобленц, 28-го декабря 1825 г.

Мой милый, старый Луи!

Одного из десяти детей Риса я не могу отпустить в Вену, не напомнив тебе о себе. Если за те 28 лет, что я уехал из Вены, ты не получал через каждые два месяца по длинному письму, то причиною тому твое молчание на мои первые письма.

Это очень скверно, особенно теперь, ибо мы, старики, живем так охотно прошлым и больше всего наслаждаемся воспоминаниями о детстве. По крайней мере, для меня знакомство с тобой и тесная, благословенная твоею чудною матерью, дружба — светлая точка в моей жизни, на которую я с удовольствием оглядываюсь и которая особенно занимает меня, когда я путешествую. И вот я смотрю на тебя, как на героя, снизу вверх, и горжусь, что могу сказать: я был не без влияния на его развитие, он мне доверял свои желания, мечты, и хотя потом его часто не понимали, но я-то знал, к чему он стремится. Слава Богу, я имел возможность беседовать о тебе со своей женой, а потом и с детьми; ведь в доме моей тещи ты чувствовал себя свободнее, чем у себя, особенно после того, как потерял свою благородную мать. Скажи нам хоть раз еще: да, я вспоминаю о вас в веселые и грустные минуты. Ведь каждый человек — даже такой великий, как ты, — бывает счастлив только раз в своей жизни именно в юности; камни Бонна, Крейцберга, Годесберга, Баумшпале и т. д. имеют выступы, на которых спокойно могут отдохнуть мысли твои.

Впрочем, теперь расскажу о себе, о нас, чтобы дать тебе образец того ответа, который жду я от тебя.

После моего возвращения из Вены в 1796 г. мне жилось довольно плохо; несколько лет я должен был перебиваться только своей практикой в этой обедневшей стране, пока избавился от нужды. Наконец, я снова сделался профессором на жалованье и тогда женился, в 1802 г. Через год у меня родилась девочка, которая жива поныне и удалась на славу. У нее веселость отца соединяется с большим здравым смыслом и играет она охотнее всего бетховенские сонаты. Это, вероятно, не заслуга ее, а нечто врожденное. В 1807 году у меня родился сын, который изу-

чает теперь в Берлине медицину. Через 4 года я пошлю его в Вену; займешься ли ты им? В семье твоего друга отец умер 1 января 1800 года, 70-ти лет от роду. Из семьи моей Шоластер умер 4 года тому назад, 72-х лет от роду, тетка Штокхаузен фон-дер-Ар — в этом году, 73-х лет. Маме Брейнинг 76, дяде в Керпене — 85 лет. Последний еще жизнерадостен и часто говорит о тебе. — Мама с тетей переехали снова в Кельн, они живут в доме своих родителей, порог которого они, через 66 лет, вновь переступили; дом заново переделали и т. д. Я сам отпраздновал 60-й день своего рождения в обществе приблизительно 60 друзей и знакомых, в числе которых находились знатнейшие лица города. Я живу здесь с 1807 года, у меня хороший дом и хорошее место. Мое начальство мною довольно, король дал мне орденов и медалей. Лора и я находимся в довольно хорошем здоровье.

Вот я сразу и ознакомил тебя с нашим положением, а если хочешь впредь иметь сведения о нем, то отвечай только. — Из наших знакомых надворный советник Штуп умер 3 недели тому назад, Фишених — статский советник в Берлине, Рис и Зимрок — два добрых старичка, из коих однако последний гораздо болезненнее первого.

Два года тому назад я провел месяц в Берлине; там я познакомился с директором певческой академии г. Цельтером, высоко гениальным и крайне откровенным человеком, за что слышет грубияном. В Касселе Рис повел меня к Шпору. Видишь, я все еще знаю с артистами.

Почему ты не отомстил за честь своей матери, когда во Франции и в Conversations-Lexicon'e тебя называли плодом любви? В Бонне говорят, что желавший тебя защитить англичанин дал оплеуху негодяю, который заставил твою мать быть беременной тобою 30 лет, так как прусский король — твой предполагаемый отец — умер еще в 1740 году. Лишь свойственное тебе отвращение печатать что-либо, кроме музыки, могло быть, очевидно, причиной подобной непростительной терпимости. Если хочешь, я поведаю миру правду относительно этого. Вот, по крайней мере, хоть один пункт, на который ты ответишь. Не думаешь ли ты некогда отвернуться от Стефанстурма? Не соблазняет ли тебя путешествие? Не мечтаешь ли вновь увидеть Рейн? Привет тебе от г-жи Лоры, также и от меня.

Твой старинный друг Вглр.

Кобленц, 29-го декабря 1825 г.

Уже давно милый Бетховен! Я жду чтобы Вегелер вам вновь написал и вот, — когда это желание исполнено, считаю своим долгом добавить пару слов — не только затем, чтобы напомнить вам о себе, а чтобы повторить важный для нас вопрос нет ли в вас желания снова повидать Рейн и свою родину? Вы будете во всякое время дня и ночи нашим желанным гостем и доставите Вег. и мне величайшую радость. Наша Ленхен обязана вам не одной хорошей минутой, так охотно слушает рассказы о вас — знает все мелкие события нашей веселой юности в Бонне — о раздорах и примирениях. — Как бы рада была она вас увидеть! У девочки нет к сожалению музыкального дарования, но большим прилежанием и терпением она все же достигла того, что может играть ваши сонаты, вариации и т. п. и так как музыка по-прежнему остается лучшим развлечением для Вег., то она доставляет ему ею много приятных минут. У Юлия есть талант к музыке, но до сих пор он был очень небрежен и только полгода тому назад с охотой и с удовольствием стал учиться игре на виолончели — так как в Берлине у него хороший учитель, то я уверена, что он научится чему-нибудь. Оба велики ростом и похожи на отца — и веселым и бодрым настроением, которое, слава Богу не совсем покинуло Вег. — Ему доставляет большое удовольствие

играть темы ваших вариаций, старые его более занимают, но иногда он с невероятным терпением заучивает новые. Ваша «Жертвенная песнь» является последней. Он никогда не входит в комнату, не направившись к роялю — уж из этого, милый Бетховен! вы можете усмотреть, как постоянно вы живете у нас в памяти, скажите же хоть раз, что это имеет для вас какое-нибудь значение и что мы не совсем забыты вами. Если бы не было так трудно удовлетворить наше сильнейшее желание мы, верно, давно уже навестили бы брата в Вене, причем, наверное, значительную роль играло бы удовольствие вас увидеть — но нечего и думать о такой поездке, особенно теперь, когда сын в Берлине. Вег. вам сообщил о нашем житье — мы не можем жаловаться даже самые тяжелые времена были для нас счастливее, чем для сотен других; главное мы здоровы и дети наши добры и честны — они оба не доставили нам никакого огорчения, да и сами веселы и добры — Ленхен пережила только одно большое горе — когда умер наш бедный Буршейд — потеря, которой мы все никогда не забудем. Будьте здоровы, милый Бетховен и по доброте своей

не забывайте нас Элн. Вегелер.

На это письмо композитор ответил почти год спустя.

К Вегелеру.

Вена, 7 октября 1826 г.

Мой любимый, старый друг!

Не могу выразить тебе того удовольствия, которое доставило мне письмо твое и твоей Лорхен. Правда, я должен был ответить с быстротою молнии, но я вообще не люблю писать, потому что думаю, что добрые люди и без того узнают обо мне. Я часто составляю ответ мысленно, но лишь только берусь написать его, как бросаю обыкновенно перо, потому что не в состоянии изложить того, что чувствую. Помню все услуги, которые ты мне оказывал, напр.: как ты велел побелить мою комнату и сделал мне этим столь приятный сюрприз. То же самое относительно семьи Брейнинг. Вполне естественно, что мы разошлись. Каждый должен стремиться к избранной цели, чтобы достичь ее; тем не менее вечные и неизблемые принципы добра постоянно связывали нас. К сожалению сегодня не могу написать тебе всего, что хочу, потому что лежу в постели; ограничусь только ответом на некоторые пункты твоего письма.

Ты пишешь, что кое-где считают меня побочным сыном покойного прусского короля. Мне уже давно говорили об этом, но я поставил себе правилом никогда не писать ничего о себе и никогда не отвечать на статьи, касающиеся меня.

Предоставляю поэтому охотно тебе довести до всеобщего сведения о безупречной нравственности моих родителей, в особенности моей матери. Ты пишешь о своем сыне. Само собою понятно, что если он приедет сюда, то найдет во мне друга и отца, и я с удовольствием буду содействовать и помогать ему, чем только могу.

У меня еще хранится силуэт твоей Лорхен, из чего ты можешь заключить, как мне дорого все доброе и милое из времен молодости. О своих титулах сообщаю вкратце; я состою почетным членом К. общества наук в Швеции, то же в Амстердаме, и почетным гражданином Вены. — Недавно известный д-р Шпикер отвез в Берлин мою последнюю большую симфонию с хорами; она посвящена королю и я должен был собственноручно написать посвящение. Сначала я испросил в посольстве разрешение на представление произведения королю, что и было дано мне. По желанию д-ра Шпикера я должен был сам передать ему исправленную рукопись для короля с собственноручными поправками, так как все поступит в корол. библиотеку. Мне передали кое-что отно-

сительно ордена Красного Орла, 2 степени; не знаю, что из этого выйдет, так как никогда еще не искал таких знаков отличия, но по некоторым другим причинам он не был бы мне противен в наши дни.

Впрочем мое правило: *Nulla dies sine linea*, и если я даю своей музе дремать, то для того, чтобы она проснулась еще бодрее. Я надеюсь издать еще несколько больших произведений, а там, как старое дитя, закончить свой земной путь среди добрых людей.

Ты получишь вскоре несколько музыкальных пьес через братьев Шотт в Майнце. Прилагаемый портрет, хотя художественной работы, но не новейший. — Чтобы доставить тебе удовольствие, сообщу еще, что в числе знаков отличия находится медаль от покойного французского короля с надписью: *Donne par le Roi a Monsieur Beethoven*; при ней было очень любезное письмо от *premier gentilhomme du Roi Duc de Chatres*.

Дорогой мой, довольствуйся сегодня. Меня охватывают воспоминания о прошлом и немало слез упало на это письмо. Начало положено, вскоре получишь еще письмо, и чем чаще будешь писать мне, тем больше доставишь удовольствия. Вед наша дружба не нуждается в подтверждениях; итак, прощай! Обними и расцелуй от меня твою милую Лорхен и детей и не забывай меня. Господь со всеми вами.

Как всегда, твой верный и уважающий тебя истинный друг

Бетховен.

В то же время, под гнетущим впечатлением поступка Карла, Бетховен обращается к тому старому отвергнутому другу, проживавшему в тридцати шагах от композитора и часто сталкивавшемуся с ним в *Schwarzspaniergasse*, к брату Леоноры, с которым связаны воспоминания о лучших днях жизни и о первых успехах в Вене, о детстве в Бонне; к тому человеку, который десять лет назад решился настойчиво отклонять замысел Бетховена относительно опеки и усыновления Карла, за что лишился не только дружбы, но даже знакомства упрямого композитора...

Вслед за возобновлением дружбы с Брейнингом, занимавшим довольно значительную должность в Главном Военном Совете, первую заботу Бетховена было воспользоваться содействием «императорско-королевского надворного советника» для определения Карла юнкером в полк и для облегчения его участи там, если начальство будет относиться с предубеждением к юноше, покушавшемуся на самоубийство; по этому случаю он пишет другу своему:

К Брейнингу.

Относительно Карла нужно иметь в виду три вещи: во-первых, чтобы с ним не обращались, как с преступником, иначе последствия будут обратные желанным; во-вторых, чтобы получать повышения он ведь не обязан вести жизнь совершенно убогую и незаметную.

В-третьих — ведь ему тяжело быть слишком стесненным в отношении еды и питья, я тебя не упрекаю.

Из следующих двух записок видно, что композитор старался заглазить свою вину и сознавал беспутность времяпрепровождения среди людей, чуждых ему по нраву и по возрасту.

К Стефану фон Брейнингу.

Уважаемый друг мой, ты завален работой, я тоже, притом же я все еще чувствую себя не совсем здоровым. — Я давно пригласил бы тебя к

столу, но до сих пор принужден быть в обществе людей, которые не интересны тебе; гениальный автор моих яств — повар, и талантливые произведения кулинарного искусства обретаются не в собственных, а чужих погребах и кухнях. Впрочем вскоре все изменится.

Не бери пока фортепианной школы Черни; на днях получу подробные сведения относительно другой. При сем присылаю обещанный твоей жене модный журнал и кое-что для твоих детей. Журнал могу вам присылать постоянно; вообще можешь приказывать мне все, что тебе нужно от меня. Любящий и уважающий друг твой Бетховен.

Надеюсь вскоре увидимся.

Дорогой и уважаемый!

Наконец, я стал благоразумнее. При сем обещанная для Герхарда фортепианная школа Клементи. Если он ею будет пользоваться, следуя моим указаниям, то наверное сделает хорошие успехи. Вскоре увижу и сердечно обниму тебя.

Твой Бетховен.

ГЛАВА XXII

1827

Карл в тюрьме. — Поездка в Гнейксендорф. — Возвращение и простуда в пути. — Приглашение врачей. — Обращение за помощью к лондонским друзьям. — Подарки короля Прусского, лондонской филармонии и Штумпфа. — У постели больного. — Старые друзья: Вегелер и Пасквалати. — Ряд операций. — Смерть Бетховена. — Похороны. — Эпилог.

Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений.

По выходе из госпиталя Карла, а следовательно и композитора, ожидал новый ряд неприятностей. Полиция, принимая во внимание взаимные отношения юноши, матери его и дяди, не позволила ему отправиться ни к ней, ни к нему: поведение Иоганна могло дурно повлиять на сына, а капризы старика вновь могли внушить ему мысль о самоубийстве или побеге; к тому же преступление юноши требовало наказания, а потому Карла свели в тюрьму. «Кормили меня там плохо, — рассказывал он впоследствии, — не позволяли глядеть в окно; по вечерам не давали свечей; я не мог спать, потому что множество насекомых окружало меня. Я был среди каких-то подозрительных людей и старался быть дальше от них». Мать, узнав об этом, стала ежедневно стучаться к композитору.

— Ведь Карла поместили с каторжниками! Спасите его!.. Выведите из тюрьмы! — твердила она.

— Это не каторжники, — успокаивал ее тут же Брейнинг, принявший на себя звание опекуна юноши, — это люди, арестованные за долги.

Бетховен, со своей стороны, метался с просьбами и, наконец, уговорил духовника выдать полиции свидетельство, освобождающее раскаявшегося преступника от тюремного заключения.

Карл был свободен, но... ему воспретили жить в Вене.

Брат Иоганн, приехавший на несколько дней в Вену, узнав о новых осложнениях в судьбе Карла, обратился к композитору с предложением переехать на время к нему, в Гнейксендорф:

— Собери наскоро все, что тебе нужно на это короткое время: завтра, в пять часов утра, я уезжаю, так как еще много работы в поле. Теперь так приятно быть в дороге, деревенская жизнь принесет тебе пользу... Ты не можешь себе представить, какая громадная разница... В имении моем тебе легко будет гулять, так как в десяти шагах поле и живописная местность.

Безвыходное положение Карла склонило маэстро к согласию на приглашение брата; правда, там его ожидало соседство ненавистной второй невестки, но, вместе с тем, там же он надеялся настоять на составлении братом завещания в пользу племянника. Путники наши выезжают 7 или 8 октября из Вены, ночуют в Штокерау, рано утром вновь пускаются в путь, а в полдень уже раскладывают свои пожитки в доме Иоганна; по разговорным тетрадям видно, что в пути у них шла непрерывная веселая болтовня о хозяйстве, о погоде, о взятой с собою одежде, словом, о предметах, отвлекавших мысль композитора от всего того, что могло его расстроить. Настроение Бетховена, вызванное поездкой этой, чудными осенними днями и близостью к природе, отмечено в дневнике его словами: «Пользуйся жизнью!»

Жена Иоганна была настолько предупредительна, что немедленно взяла слугу для композитора; слуга этот, Михаил Крен, рассказывал потом, что хозяйка приказала ему вставать очень рано, но «приходилось долго стучать в дверь композитора, прежде чем последний открывал ее. Маэстро вставал обыкновенно в 5-6 часов, садился к столу, отбивал такт руками и ногами, в то же время писал, пел и что-то бормотал. В 7 часов все собирались к завтраку; затем Бетховен спешил в поле, бродил там, кричал, размахивал руками; по временам он медленно прохаживался, потом вдруг останавливался и что-то записывал в тетрадь. В 12 часов подавался обед, после которого он удалялся в свою комнату, где оставался часок до 3-х. Затем он снова бродил по полям до заката солнца, после чего никогда не выходил. В 7 часов ужинали, потом он уходил к себе, писал до 10 часов и ложился спать».

С братом и его женой маэстро редко беседовал. В течение двух месяцев, проведенных Бетховеном в деревне у брата, он не раз проявлял признаки упадка физических и духовных сил своих; странности его, давно нам знакомые, становятся настолько резкими, что наводят окружающих на мысль о помешательстве; ноги у него часто отекают, слугу своего он испытывает в честности, как бы случайно оставляя в комнате монеты; назойливо расспрашивает слугу о том, что говорили о нем в доме. Однажды братья посетили деревенского фельдшера Каррера; польщенная приходом помещика, хозяйка устала стол всевозможными яс-

твами и напитками; случайно она заметила человека, скромно и молча сидевшего на скамейке около печки. Полагая, что это слуга, она наполнила глиняную кружку домашним вином и, подавая композитору, снисходительно прибавила:

— На, выпей и ты.

В другой раз братья были у чиновника Штерца, который очень почтительно отнесся к помещику и его знаменитому брату. По уходе их Штерц спросил своего коллегу, Фукса:

— Как думаете: кто это стоял безучастно у дверей и молча слушал нашу долгую беседу?

— Судя по вашему обращению с ним, это важное лицо; но мне он показался сумасшедшим.

В разговорной тетради этого времени встречаем такие строки племянника: «Ты срамишь себя и меня своим поведением... Никто не думал смеяться... Я только сказал молодому человеку, чтобы он удалил прислугу, потому что знал, какой оборот примет разговор».

Некоторые подробности о жизни композитора у брата, который взял за свое гостеприимство изрядную сумму по расчету 4 флорина в день, встречаем в беседах дяди и племянника, а также в записях невестки и дяди, исписавших не одну страницу в тетрадях композитора. Местами речь идет о невестке, которую дядя презирал, а племянник, исходя из того соображения, что любви все возрасты покорны, перестал считать теткою.

Бетховен. — Она, вероятно, родом из семейства Шнапс; взгляни, — какое сходство.

Карл. — Она из хорошей семьи и была прежде очень богата, но разорилась благодаря несчастным обстоятельствам, кажется, процессам. У нее прекрасный нрав: она не сердится.

Б. — Избави Бог каждого от жизни в угоду маммоне.

К. — Это их дело. Меня не касается.

Б. — Что с тобою? Отчего у тебя грустный вид? Разве мало тебе любви, преданности, хотя и небезупречных?

К. — Ты ошибаешься.

Б. — Тебе не хочется уехать отсюда и я ведь уступил тебе один раз.

К. — Теперь в дороге очень холодно. Да разве я говорил об этом что-либо? Кажется, нет, мне было не до разговоров. Все твои разговоры об интригах не стоят возражений. Пожалуйста, оставь меня, наконец, в покое. — Хочешь уехать — отлично; не хочешь — тоже отлично. Прошу тебя только не мучить меня впредь, как обыкновенно, так как придется, быть может, тебе самому раскаиваться, я способен перенести многое, но всему бывает предел... Также напрасно ты обидел сегодня брата; не забывай, что другие — тоже люди. Эти вечные несправедливые упреки! На каком основании ты стал сегодня кричать? — Отчего ты не позволяешь мне гулять? Отчего не позволяешь мне идти в свою комнату?.. Не могу же явиться с незажившими ногами... но к тому же чем дольше мы останемся здесь, тем дольше будем вместе, так как по приезде в Вену мы должны расстаться.

Иоганн. — Нужно вразумить его; в Кремсе он ежедневно оставался в бильярдной до 2-х часов; когда же надо было погулять с тобою полчаса, он находил, что это много.

Жена Иоганна. — Не беспокойтесь: он, вероятно, вернется домой к часу. Видимо, он такого же пылкого темперамента, как мать его; впрочем, я не заметила в нем признаков особенного волнения. Он любит до обожания только вас — какой стыд!..

Главная цель поездки к брату не осуществилась: на все увещания композитора относительно завещания брат отвечал уклончиво, но настойчивость Людвига в стремлении создать Карлу обеспеченное существование, отсутствие какого-либо он сам испытал в жизни, заставила брата, видимо, заметившего отношение племянника к его «старой бабе», изложить в письме свой резкий отказ и требование скорее отказаться от его гостеприимства.

Гнейксендорф, ноябрь 1826.

Дорогой брат! Не могу более спокойно относиться к дальнейшей судьбе Карла, он постоянно без дела и, втягиваясь в эту жизнь, с большим трудом вернется опять к работе, и это будет тем труднее, чем больше он здесь пробудет в безделье. Брейнинг перед отъездом разрешил ему отдыхать лишь 14 дней, а прошло уже 2 месяца; ты видишь из письма Брейнинга, что он настаивает, чтобы Карл спешил заняться своим делом; чем дольше он будет здесь, тем хуже для него, ибо тем труднее ему будет даваться работа и может случиться, что мы доживем пожалуй до чего-нибудь худшего. — Бесконечно жаль, что этот способный молодой человек проводит так свое время, и кого же впоследствии обвинять, только нас обоих, ибо он еще слишком молод, чтобы руководить собою, а потому твоя обязанность, если не хочешь впоследствии сам упрекать себя и выслушивать упреки других, поскорее доставить его к месту службы, когда же это будет сделано, — то можно многое сделать для него и его будущности, а при теперешних условиях ничего сделать нельзя. Я вижу из его поведения, что он охотно остался бы у нас, но тогда пропадет вся его карьера, а потому это невозможно, и чем больше мы медлим, тем тяжелее ему будет здесь расставаться, а потому заклиная, будь настойчив и не уступай просьбам Карла, поэтому я думаю, до будущего понедельника, ибо ни в коем случае ждать меня ты не можешь, ибо уехать отсюда без денег не могу и пройдет много времени, пока я наберу столько, чтобы с ними выехать в Вену. — Оставим это до того дня, когда ты уедешь. Н старая баба. Она имеет свою долю и больше ничего не получит.

Глубоко возмущенный этой запиской, композитор отмечает в дневнике: «если ехать в понедельник, то надо уже в воскресенье заказать карету», а затем, вспыхив еще более, решает немедленно собрать пожитки и просит брата дать ему «крытый городской экипаж».

— Не могу, — отвечает Иоганн, — в эту скверную погоду, в грязь... Возьми тележку.

И несчастный Людвиг садится с племянником и со служанкой Феклой в открытую тележку 2 декабря, в туманный дождливый день, в легком одеянии, в котором ему было холодно еще в начале октября, при выезде из Вены. В ближайшей деревушке, в скверной корчме, в нетопленной комнате с одиночными окнами, они проводят ночь. Около полуночи композитор почувствовал первый приступ лихорадки, колотье в боку и сильную жажду, сопровождаемую сухим, коротким кашлем. Когда же, после озноба, наступил жар, то больной стал обильно пить холодную, как лед, воду и с нетерпением ждал рассвета. Совер-

шенно изнуренного, истощенного положили его в тележку и привезли в Вену. К сожалению, приезд композитора был неожиданным, приятели не знали о возвращении его, служанка Фекла, взятая в Гнейксендорфе, была незнакома с обстановкой новой для нее жизни в Вене, а Карл, решив, что дядя страдает обычным своим недомоганием, поспешил возобновить свои бильярдные состязания в Cafe-Gehrin (на Кольмаркте, близ дворца). Брейнинга, жившего по соседству, Карл не извещил о приезде Бетховена, боясь упреков его за продолжительное отсутствие и требования выехать в штаб-квартиру полка; впрочем, он немедленно пригласил двух врачей: Браунхофера и Штауденхейма; первому из них композитор послал спешно набросанную записку.

Милостивый государь!

Прошу вас посетить меня, так как с некоторых пор страдаю ревматизмом или ломотой; хотя я еще в долгу у вас, но это продолжится недолго — я всегда дома; погода не позволяет переступить порога... Надеюсь непременно видеть вас; если можете, то хоть завтра.

Глубоко уважающий друг ваш Бетховен.

Моя квартира: Шварцшпаньер.
2-й этаж № 20, налево.

На пепелище профессора Браунхофера.

Тем не менее приглашенные врачи не явились, вероятно, избегая бесплатного пациента, хотя сами не раз хвастали великодушием. На следующий день композитор просил Карла позвать первого встречного врача, чтобы хоть немного облегчить свои страдания; племянник, не торопясь, отправляется опять в Кольмаркт и, прежде чем приступить к игре, поручает маркеру послать какого-нибудь врача из соседней городской больницы; таким случайным доктором оказался профессор Андрей Ваврух, о котором друзья композитора затем дают отличные отзывы.

— Это опытный специалист и довольно известный, — говорит больному Брейнинг.

— Прекраснейшая личность, заслуживающая полного доверия, — замечает Шиндлер.

— Я не знаком с ним, но слышал о нем много хорошего, — прибавляет Хольц.

Наконец, сам врач пишет ему в тетрадь:

— Большой поклонник вашего гения употребит все усилия, чтобы облегчить ваши боли.

Профессор Ваврух.

В воспоминаниях же своих, опубликованных через месяц после смерти, Бетховена, он рассказывает следующее:

«Меня позвали только на третий день... я нашел у него признаки воспаления легких. Лицо его горело, он харкал кровью, дыхание вырывалось с большим трудом, и боль в боку позволяла лежать только на спине. Энергичные меры, принятые против воспаления, вскоре вызвали желанное облегчение; организм его в этот раз также оказался победителем; кризис прошел благополучно, и он был настолько вне опасности, что на пятый день мог сидеть, рассказывать мне все пережитые им бедствия. На седьмой день он чувствовал себя так хорошо, что мог встать, ходить,

читать и писать. На восьмой день я очень перепугался. Я нашел утром Бетховена расстроенным, кожа его пожелтела; оказалось, что ночью он чуть не умер от страшного поноса. Припадок этот был следствием сильного гнева, глубокого огорчения, вызванного неблагодарностью и незаслуженным оскорблением (подменой перстня). Он весь трясся и корчился от боли в печени и кишках; ноги его, до сих пор немного опухшие, совершенно налились... С этого дня у него стала развиваться водянка. Друзья старались успокоить его, и вскоре он, действительно, забыл о полученном оскорблении... Уже на третьей неделе началось по ночам удушье. Огромное скопление воды требовало немедленной операции, и я был принужден предложить прокол в области живота, чтобы предупредить разрыв наружных покровов; приглашенный на консультацию врач Штауденгейм нашел также это средство необходимым, и Бетховен, подумав минуты две, согласился на прокол. 18 декабря хирург Зейберт сделал операцию со свойственным ему искусством. Видя целый поток воды, Бетховен заметил оператору, что это напоминает Моисея, высекающего жезлом своим воду из скалы. Вскоре затем маэстро почувствовал значительное облегчение».

Так прошел первый период болезни, принятой д-ром Ваврухом за воспаление легких, но, по уверению других врачей, бывшей воспалением брюшины. О количестве принятых большим слабительных сиропов можно судить по счету кухарки Зали, уже в середине декабря собравшей 80 пустых бутылок и продавшей их по два крейцера за каждую.

Почти все лица, присутствовавшие при первой операции, считают долгом сказать несколько слов больному.

Карл. — Сейчас все будет кончено, вода потечет скорее.

Ваврух. — Пять с половиною кружек воды. Вы держались рыцарем.

По уходе врачей Карл замечает: «Будь же доволен тем, что сошло отлично; могло быть иначе. Ваврух уверяет, что вода накопилась в тебе годами», а Зейфрид прибавляет: «Лучше вода из живота, чем из пера».

В последующие дни сделаны, между прочим, такие записи:

Шупанциг. — Мы пробовали играть ваше последнее произведение; оно прелестно. Артария слушал его и был в восторге. Вперед радуюсь квинтету. Я ему сказал, что он уже начат, и он остался очень доволен.

Карл. — Через 3-4 недели, вероятно, придется мне **маршировать** в Португалию.

Шиндлер. — Уже всем известны подробности; со всех сторон спрашивают о вашем здоровье. Жаль, что это случилось именно теперь, после того происшествия. Если бы вы не были так потрясены и печальные воспоминания не волновали вас, то выздоровели бы скорее. Но мудрец покорен судьбе.

Развлекая больного, приятели продолжают **свои реплики, и у постели композитора** ведутся такие разговоры:

Шиндлер. — Говорят, что Карл виною болезни **вашей...** Даже Мальфати сказал, что причина болезни этой кроется в нравственных потрясениях, пережитых вами в последнее время. Кажется, он отчасти прав... Мальфати спрашивал: как мог Бетховен схватить эту болезнь?.. Он спросил профессора Вавруха, на-

блюдал ли он ухудшение в вашем положении после какой-нибудь неприятности? Последний ответил, что наблюдал это уже несколько раз, на что Мальфати заметил: очевидно, в этом причина болезни и ее постоянных колебаний... Вы можете сами спросить Мальфати, он объяснит вам все обстоятельнее.

Карл. — Если бы мы остались в имении его, то пришлось бы после обиды ходить в гостиницу, чтобы утолить голод...

Бетховен. — Скверная говядина, да еще гусь! Так можно умереть с голода.

Шупанциг. — Это была неудачная затея; ведь можно было предвидеть условия жизни там.

Хольц. — Милорд сказал Иоганну, что вы нажили болезнь от плохого питания у него.

Шиндлер. — Я удивлялся, что вы так долго оставались там в эту ужасную погоду, да еще пользовались милостью!!! Им не стыдно было говорить при вас такие вещи?

Иоганн. — За две первые недели не плати ничего... Я сделал бы для тебя больше, если бы меня не обременяли налоги. Если хочешь жить у нас, то можешь иметь все за 40 фл. в месяц, это составит 500 гульденов в год.

Расчет брата был практичен и не лишен выгоды для него, но, конечно, не мог соблазнить композитора даже в те минуты, когда одиночество и беспомощность особенно угнетали его.

Во время болезни композитора в тетради записываются отрывки из бесед с ним, но не одни тетради покрываются речами врачей и друзей; всякий писал где попало: в разговорных тетрадях, на листах нотной бумаги и на аспидной доске; приведем здесь несколько отрывков, относящихся к декабрю месяцу.

Карл. — Я дождусь доктора... Я тоже провел ужасные ночи... Он находит, что тебе гораздо хуже, чем вчера... Доктор требует, чтобы кто-нибудь был поблизости ночью: Фекла может спать несколько ночей в соседней комнате... В уходе за тобой я был вполне исправен, что может, наконец, подтвердить сам доктор... Я был у фельдмаршала Штутерхейма, он был sehr charmant и приказал мне выехать через 5 — 6 дней в полк... Визиты доктора Вальбруха (Вавруха): 5-го — 1 раз; 6-го — 2 раза; 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, каждый день по одному разу... Фекла опять обманывает, обсчитывает...

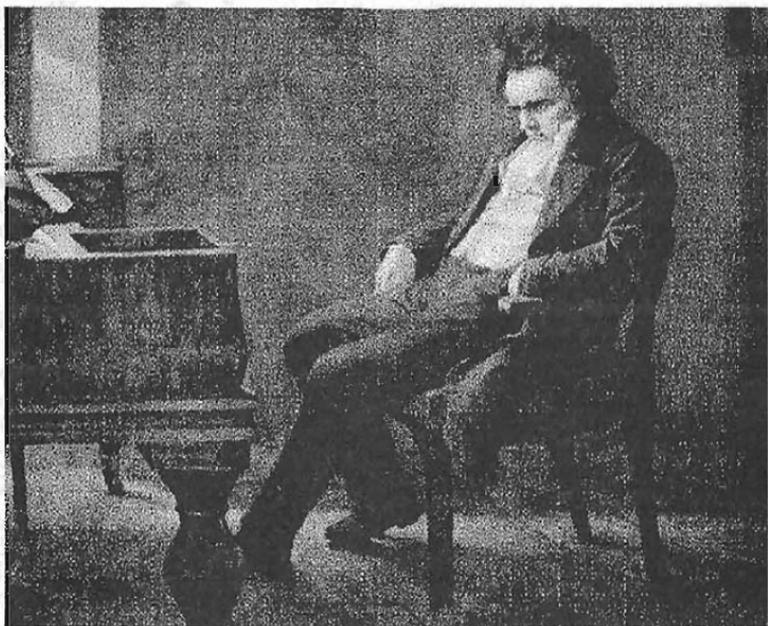
Шиндлер. — К. М. Вебер приехал в Лондон, когда дни его были уже сочтены.

Ваврух. — Сегодня язык более обложен. Что вы кушали? Вы сердились?..

Да, ответим мы, Бетховен сердился, он был взволнован и возмущен по случаю подозрительной истории с перстнем от короля Прусского.

Еще два года тому назад, озлобленный поведением немцев, польщенный заказом квартетов и медалью французского короля, автор задумал было посвятить 9 симфонию кн. Голицыну или Людовику XVIII, но, после долгих колебаний, возвратился к первоначальной мысли посвящения королю прусскому Фридриху-Вильгельму III и просил через посольство соответствующего разрешения; получив его, Бетховен стал носиться со вздорной мыслью, которую еще недавно, в более нормальном состоянии, отвергал и осмеивал: теперь он мечтает получить орден, хотя эту

мечту осуждает даже беспутный Карл. «Едва ли, — говорит ему последний, — орден может содействовать твоей славе... Орден не имеет значения; иное дело — дворянское достоинство». Тем не менее, Бетховен отмечает у себя в дневнике: «Даннекер, Штифт и др. получили орден... Кажется орден, подобно дворянству, дает большие права»; вместе с тем автор старательно переписывает партитуру и передает ее берлинскому придворному библиотекарю Шпикеру, прехавшему в Вену, поручив Хольцу переговорить об ордене. «Он ответил, — пишет Хольц, — что нет препятствий, что стоит ему сказать слово королю и через несколько дней последует награждение орденом. Все это очень легко устроить, так как король очень высокого мнения о вас».

ГРЕЗЫ. — Картина Биденбаума.

В то же время композитор шлет благодарность королю.

Ваше величество!

Глубоко осчастливлен на всю жизнь милостивейшим разрешением вашего величества всеподданнейше представить вам настоящее произведение. В. величество являетесь не только отцом ваших подданных, но и покровителем искусств и наук. Ваше всемилостивейшее разрешение тем более радует меня, что имею счастье состоять, как гражданин Бонна, в числе ваших подданных.

Прошу принять сие произведение, как ничтожный знак глубокого почтения к вашим добродетелям.

Вашего величества всеподданнейший, преданнейший

Людвиг ван Бетховен.

В первые же дни болезни композитора был получен приказ Фридриха-Вильгельма III, каковым приказом Бетховену пожалован бриллиантовый перстень, получение которого оказалось ныне более желанным, чем ожидавшегося ордена, так как тощий кошелек композитора все чаще приводил его в затруднительное положение, а предстоящий отъезд Карла и болезнь вызвали усиленные расходы. Вместе с приказом и футляром было получено письмо короля:

Мне было очень приятно получить новейшее из ваших произведений, пользующихся вполне заслуженною славою. Благодарю за присылку его и в знак истинного благоволения препровождаю при сем бриллиантовый перстень.

Фридрих-Вильгельм.

Берлин, 25 ноября 1826 г.

Польщенный композитор набрасывает в разговорной тетради эскиз записки к прусскому посланнику, графу Хацфельду.

М. Г.!

Выражая вам глубочайшую благодарность за присланные вами мне письма, принужден просить вашей услуги, передать мне предназначенный мне е. в. к. пр. перстень. Очень сожалею, что болезнь не позволяет мне лично явиться за этим высоким знаком расположения е. в. к. искусству. Я не хотел бы доверить этого другим. Вместе с тем прошу известить меня несколькими строками, найдет ли почтенное посольство возможным принять от меня благодарственное письмо к е. в. для передачи такового по назначению.

Б.

Каково же было разочарование и негодование маэстро, когда, открыв футляр, он нашел в нем какой-то красноватый камень в посредственной оправе! Толкам и пересудам конца не было: один из приятелей подозревал, что кольцо подменено в посольстве, другой возмущался недостойным поступком короля прусского, третий убеждал маэстро не отсылать перстня обратно и т. д. А композитор метал гром и молнию, настаивал на возвращении подарка, оцененного всего лишь в 300 флоринов ассигнациями (160 фл. звонкой монетой или 130 рублей), либо на немедленной продаже.

— Оставьте у себя, — увещевал Хольц, — ведь все же это королевский подарок.

— Что! — воскликнул Бетховен, наступая на него и злобно глядя в глаза, — я сам король!.. Вот королевский подарок, — прибавил он, указывая на другой подарок, полученный им из Англии — полное собрание сочинений Генделя.

Так директор канцелярии посольства разделил с Бетховеном Высочайшую благодарность за создание 9 симфонии, вероятно, не предполагая опасных последствий подмены не только для кошелека, но даже для жизни автора симфоний.

Вторым, более радостным для больного композитора событием была присылка Штумпфом из Лондона к 17 декабря, т. е. ко дню рождения Бетховена, давно желанного полного собрания сочинений Генделя, в сорока томах, чтение которых доставило маэстро много светлых минут, каких он не испытывал более в дальнейшем течении роковой болезни; А. М. Z., сообщая публи-

ке о таком подарке, прибавила, что заветным желанием Бетховена было обладание этим дорогим изданием, но высокая цена последнего была для маэстро препятствием к приобретению. Та же газета, по желанию композитора, сообщила, за неделю до смерти его, публике о подарке 100 фунт. ст. от лондонской филармонии; это сообщение было сделано по просьбе умиравшего маэстро, как бы бросившего укор своим соотечественникам. По смерти его подарок Штумпфа был куплен Хаслингером и перепродан Мейерберу.

Врачи обещали поднять с постели больного через 3 — 4 дня после операции, но, видимо, сами не ожидали осложнений: проходят две недели, а скопление воды не прекращается, больной страдает бессонницей и начинает относиться к докторам с недоверием. Стефан Брейнинг, также хворавший в это время, присылает часто своего взрослого сына справиться о здоровье друга и дает некоторые советы, например: «не спать днем, читать что-либо, хотя бы Вальтер Скотта. Г-жа Пахлер-Кошак справляется из Граца о состоянии больного, желает ему скорейшего выздоровления и приглашает к себе, а Иенгер, навестив маэстро, пишет ей, что «больной ведет себя скверно».

— Не волнуйся ради пустяков, — говорит ему брат Иоганн, — это вредно тебе. Старуха-экономка заботится о тебе, ты должен щадить ее, не то она уйдет. Можешь вполне положиться на ее преданность и на уход ее.

Оба врача уверяют, что более не надо операции.

— Герцогу Йоркскому сделали три операции, — как бы утешает больного Шиндлер.

Но Бетховен безутешен, потому что страдания в кишках становятся невыносимы, и, вероятно, профессор Ваврух ошибся в определении болезни, либо медикаменты его, исцелив воспаленные легкие, вызвали засорение и воспаление кишок; он уже принял до 80 склянок салепа, по 6 унций в каждой, немало винного камня и сахарной воды, однако состояние здоровья с каждым днем становилось хуже и вызвало серьезное опасения всех близких.

«Каждый раз, — говорит молодой Брейнинг, — как я сообщал больному о приходе профессора Вавруха, он отворачивался к стене со словами: «Ах, осел!» Надо было прибегнуть к иному лечению, но какому?»

Шиндлер, явившись поздравить композитора с новым годом, старается рассеять опасения его относительно незнакомства профессора с организмом больного и относительно чрезмерных расходов по лечению; «мы устроим консилиум, — пишет он, — из врачей, знающих натуру вашу, из Штауденхейма, Браунхофера и Мальфати... Это не будет стоить ни гроша; в этом ручаюсь, так как знаю всех их хорошо... берусь пригласить их... все такого же мнения».

На следующий день, 2 января 1827 года, племянник выехал в Иглау, к месту службы, а 3-го января Бетховен, удрученный болезнью и разлукою с племянником, пишет Баху свое последнее желание.

Вена, среда 3-го января 1827.

Почтенный друг!

Объявляю перед своею смертью Карла ван Бетховена, моего любимого племянника, моим единственным полноправным наследником всего моего имущества, состоящего главным образом из 7 банковых акций и того, что окажется в наличности. Если это не соответствует законам, то постарайтесь устроить все сообразно с ними. — Назначаю вас куратором и прошу вас вместе с придворным советником Брейнингом, его опекуном, заменить ему отца.

Да хранит вас Бог. Приношу тысячу благодарностей за вашу любовь и дружбу.

Людвиг ван Бетховен.

Не прекращавшиеся мучения больного вызвали вторую операцию, 8 января, причем вытекло десять кружек воды, но облегчение было непродолжительное; удрученное состояние духа, под влиянием физических болей, довело несчастного до того, что он отказывался видеть даже некоторых друзей своих. Пришлось исполнить желание Шиндлера, взявшегося пригласить трех специалистов на консилиум, хотя осуществление его намерения оказалось не так легко, как он ожидал. Лишь профессор Ваврух навещал больного исправно, доктор же Штауденхейм вообще приходил к нему неохотно, а Мальфати, не забывший оскорблений, полученных им от композитора в 1817 году, ответил Шиндлеру: «Передайте Бетховену, что он, как мастер в области гармонии, должен знать, что я не могу нарушить гармонии в отношениях к моим коллегам». Выслушав этот ответ, маэстро залился горькими слезами, а расстроенный Шиндлер вновь побежал к упрямому врачу, упрашивал, уговаривал, уверял, что маэстро умрет, если Мальфати откажет в своем совете, и склонил его к участию в консилиуме 11 января.

«Да, — рассказывал Шиндлер больному, — я просил М. от вашего имени прийти непременно, не обращая внимания на профессора, который, во-1-х, имел иной взгляд, во-2-х, проявил уже непростительные ошибки. Мальфати сказал: «Мы, врачи, попадаем иногда в отчаянное положение: принуждены игнорировать других, а между тем должны поддерживать с ними добрые отношения. К тому же Бетховен, 12 лет тому назад, пренебрег мною, жестоко оскорбил и т. п...» Но немедленно сам переменял тему разговора, стал подробно расспрашивать о ходе вашей болезни».

Итак, 11 января композитор, с утра взволнованный и с нетерпением ожидавший прихода Мальфати, увидел, наконец, его у своей постели, с восторгом и со слезами обнял его. Внимательно выслушав больного, он предписал ему ежедневно лишь одну кружку пуншевого мороженого, вероятно, исходя из того соображения, что уроженец Рейна привык к вину, а в период болезни ему не давали этого напитка, содействующего пищеварению, так как последнее было ослаблено избытком принятых лекарств. Это простое средство так подкрепило больного, что он первую же ночь спал спокойно, повеселел, стал шутить и собирался поработать над ораторией «Саул и Давид». На следующий день Шиндлер говорит больному: «Если бы вы слышали вчерашний разговор Мальфати, то, право, еще более полюбили бы его. Он рас-

спрашивал о малейших подробностях болезни и указал профессору на перемену в течении болезни, так что профессор, покраснев со стыда, должен был сознаться в своих ошибках».

Проектам Бетховена, почувствовавшего облегчение после двух операций Вавруха и лечения Мальфати, не было конца; с многочисленными приятелями и знакомыми, посещавшими больного, он вновь ведет разговоры о поездке в Лондон, о более удобном и дешевом способе переезда, о сочинении увертюры «Бах», 10 симфонии, четырехручной сонаты, оперы, набрасывает эскизы упомянутой увертюры и даже обещает 7 апреля дирижировать лично в театре Йозефштадта, где предполагает поставить своего проектированного «Баха».

В числе средств развлечения больного, конечно, видное место занимало чтение книг и преимущественно любимых древних авторов, творения которых, по милости племянника, исчезли с полок композитора, а потому пришлось брать их в библиотеке. Чтение Плутарха вновь доставило ему ряд счастливых минут, особенно увлекало его описание трагической судьбы Луция Брута, статуэтка которого украшала его комнату, а некоторые подробности жизни вызвали сравнение со своею. Но насколько было велико удовольствие переноситься в давно минувшую эпоху, настолько же тяжело было возвращение к современности; по совету Брейнинга взял он сочинение двух авторов, вошедших тогда в моду: «мировая скорбь» Байрона, видимо, раздражала его, а «Кенилворт» Вальтер Скотта он, не дочитав, швырнул на пол.

— Этот негодяй пишет только ради платы! — осудил маэстро талантливый романист.

Из музыкальных произведений, доставленных Шиндлером больному, более всего понравился сборник, около 60 романсов, Фр. Шуберта, в особенности его «Молодая монахиня»; он много часов провел над этими гениальными песнями своего молодого эпигона и не раз твердил:

— В Шуберте чувствуется божественное пламя!

В конце января Брейнинг, оправившийся от своей болезни, навестил друга своего и с радостью заметил благотворное влияние нового лечения; он пишет в тетради:

— Ты сегодня выглядишь гораздо лучше... В симфонии есть пение?... Совсем новая идея!

Но облегчение было опять временное, и Шиндлер заявляет больному, что «следует вскоре сделать третий прокол: сам Мальфати сказал, что это уж такого рода болезнь, да и погода благоприятствует ее развитию; надо вооружиться терпением». Третья операция (2 февраля) также не доставила облегчения; 18 февраля он пишет своему старому другу Цмескалю, которого подагра приковала к постели:

«Шлю тысячу благодарностей за ваше участие, я не отчаиваюсь; тяжелее всего для меня эта бездеятельность. Нет худа без добра. Да избавит вас небо от страданий. Быть может мы оба поправимся».

А накануне диктует ответ Вегелеру, недавно приславшему предлинное письмо, в котором строит соблазнительные планы совместной поездки на богемские минеральные воды, в Теплиц, Карлсбад, потом по Рейну, через Бонн и Кобленц, обратно в Ве-

ну, и утешает больного тем, что юморист-писатель Блумауер также страдал водянкой, также подвергался операции и прожил после того еще много лет. В ответной записке композитор, ради шутки, вставляет три слова из популярной песенки о Стефане.

К Вегелеру.

Вена, 17 февр. 1827 г.

Старый достойный друг!

Я получил удачно по крайней мере твое второе письмо от Брейнинга. Я еще очень слаб, чтобы ответить на него, но будь уверен, что все в нем было мне приятно и мило. Выздоровление, если можно так выразиться, подвигается; сделают четвертую операцию, хотя врачи еще не говорят ничего. Я терплю и думаю: нет худа без добра. — Однако, прочитав твое последнее письмо, меня удивило, что ты еще ничего не получил. Из прилагаемого письма ты видишь, что я писал тебе еще 10 декабря пр. г. То же самое с портретом: когда получишь, то увидишь на нем отметку числа. — «Г-жа Стефан говорила» — словом, Стефан настаивал, чтобы послать тебе при случае эти вещи, но они оставались до сегодняшнего дня и, право, нелегко было получить обратно. Ты получишь портрет по почте через господ Шотт; они вышлют тебе также ноты. Хотелось бы многое написать сегодня, но я слишком слаб; могу только мысленно обнять тебя и твою Лорхен.

С истинной привязанностью и любовью к тебе и твоим, верный старый друг твой

Бетховен.

Физические страдания, все более искажая лицо больного, все более изнуряя его, все чаще наводят на мысль о плате врачам, о средствах к существованию; дрожащей рукою подписывает он продиктованные Шиндлеру и Хольцу письма к лондонским приятелям с просьбою о денежной помощи.

К Штумпфу в Лондон.

Вена, 8 февр. 1827 г.

...К сожалению, с 3 дек. я страдаю водянкой и лежу в постели. Можете себе представить, каковы последствия этого. Я живу доходами с произведений моего пера, это источник существования моего и моего Карла. К сожалению, за последние 2 месяца я не мог написать ни одной ноты. Мое жалованье покрывает расход на квартиру и остается еще несколько сот гульденов. Имейте в виду, что не предвидится конца моей болезни и что, наконец, нельзя же будет оседлать Пегаса и взлететь на всех парусах в небеса. Врач, хирург, аптекарь. — Всем нужно будет заплатить. — Я отлично помню, что несколько лет тому назад филармоническое общество хотело дать концерт в мою пользу. Был бы счастлив, если бы оно теперь осуществило это намерение; может быть это избавило бы меня от предстоящего затруднительного положения. Я пишу об этом сэру Г. Смарту, и если вы, достойный друг, можете помочь в этом деле, то прошу вас сговориться с ним. Мошелесу тоже будет сообщено об этом и думаю, участие всех моих друзей выручит меня в этом случае.

К сэру Г. Смарту в Лондоне.

22-го февр. 1827 г.

Помнится, несколько лет тому назад филармоническое общество предложило мне дать концерт в мою пользу. Ввиду этого обращаюсь к

вам, милостивый государь, с просьбою, так как ныне весьма мне желательно осуществление такого намерения филарм. общества, так как, к сожалению, еще с первых чисел декабря я страдаю водянкой, крайне продолжительной болезнью, конца которой еще не предвидится. Как вам и без того известно, я живу плодами своего вдохновения, а теперь и думать нельзя о композиции. Мое содержание до того мало, что едва хватает на покрытие полугодовой наемной платы за квартиру. Поэтому прошу вас по-дружески употребить все свое влияние к осуществлению этой цели и убежден в вашем ко мне расположении, а потому просьба моя не может быть вам противна. Я напишу о том же г-ну Мошелесу, который, уверен, также охотно сойдется с вами, чтобы с успехом осуществить это дело. Я так слаб, что не могу сам писать, а лишь диктую. Утешьте меня, мил. государь, скорым ответом относительно того, могу ли я надеяться на исполнение моей просьбы. Во всяком случае примите уверение в моем глубочайшем почтении, в котором постоянно пребываю и т. д.

Вена, 22 февраля 1827 г.

Дорогой Мошелес!

Я уверен, что вы не рассердитесь за то, что утруждаю просьбою вас и сэра Г. Смарта, письмо к которому при сем прилагаю. Вкратце дело в следующем. Еще несколько лет тому назад лондонское филармоническое общество любезно предложило мне устроить концерт в мою пользу. Тогда, слава Богу, я не был в таком состоянии, чтобы воспользоваться этим благородным предложением. Теперь уж не то, вот скоро три месяца, как я лежу в постели; болезнь бесконечная. Это водянка. От Шиндлера узнаете об этом больше. Вы уже давно знаете строй моей жизни, знаете также, как и чем я живу. Мне долго не придется заниматься композицией и потому меня ждет, к несчастью, нужда. У вас не только обширное знакомство в Лондоне, но имеете также значительное влияние в филармоническом обществе; поэтому прошу вас, по мере сил, воспользоваться им, чтобы вновь вызвать в обществе это намерение и скорейшее осуществление его. Таково же содержание прилагаемого письма к сэру Смарту, а также к г. Штумпфу, уже посланное. Прошу вас вручить письмо г-ну Смарту и поговорить с ним и со всеми моими лондонскими друзьями, чтобы успешно выполнить это дело.

Ваш друг Бетховен.

Но вот и Шиндлера постигло какое-то горе; старый, верный друг не может в течение нескольких дней посетить больного, и Бетховен посылает ему записку, набросанную собственноручно.

О вашем несчастье раз оно случилось поговорим при встрече, — я могу прислать вам без затруднения с кем-нибудь — примите это — тут кое-что Мошелеса Крамера — еще до получения ими письма представляется новый случай написать в среду и опять настойчиво просить их, если до тех пор вы не поправитесь, то кто-нибудь из моей прислуги может сделать это, представив квитанцию. — *Vale et fave* — вы не нуждаетесь в выражении моего сожаления по случаю несчастья — примите же от меня кушанья, от чистого сердца — Господь с вами.

Ваш искренний друг Бетховен.

Уже 1-го марта желание Бетховена было осуществлено, но пересылка писем от Лондона до Вены требовала тогда около двух недель времени, а потому композитор, не зная о постановлении лондонской филармонии, дважды напоминает приятелям о просьбе своей.

К. Г. Смарту в Лондон.

6-го марта 1827 г.

Не сомневаюсь в том, что в. высокородие получили через г-на Мошелеса мое письмо от 22 февр.; но так как я случайно нашел между своими бумагами адрес С., то решаюсь писать прямо в. высокородию и еще раз напомнить вам о своей настоятельной просьбе.

К сожалению, я все еще не предвижу конца моей ужасной болезни, напротив, мои страдания, а вместе с ними мои заботы, все более растут. 27 февр. мне сделали операцию в 4-й раз и может быть судьбе угодно послать мне ее в 5 раз или еще чаще. Если так будет продолжаться, то болезнь затянется до половины лета и что же тогда станется со мной? Чем буду я тогда жить, пока соберусь с силами, чтобы вновь пером зарабатывать себе пропитание? — Словом не хочу надеяться вам своими жалобами и, напоминая лишь о моем письме от 22 февраля, прошу вас употребить все свое влияние, чтобы побудить филарм. общество вернуться к былому намерению относительно концерта в мою пользу и осуществить его.

К Мошелесу.

Вена, 14-го марта 1827 г.

Дорогой Мошелес!

Я узнал недавно от г-на Левингера, что вы письмом от 10 февраля справлялись у него о моей болезни, о которой распространяются столь разнообразны слухи. Хотя я несколько не сомневаюсь, что вы уже получили мое письмо от 22 февр., которое разъяснит вам все, что вы хотели знать обо мне, тем не менее, не могу не поблагодарить вас за внимание к моей печальной доле и не попросить вас еще раз взяться энергичнее за мою просьбу, которую вы уже знаете из первого письма; я почти убежден заранее, что вам в союзе с сэром Смарттом и с другими моими друзьями наверно удастся добиться от филармонического общества благоприятного для меня результата. За это время я еще раз писал сэру Смартту.

27 февраля сделали мне операцию в 4-й раз, а теперь опять появились признаки и я в ожидании 5-й. К чему это поведет и что со мною станет, если так будет продолжаться еще некоторое время? — Да, тяжела моя доля! Но я предаю себя воле судьбы и постоянно прошу Господа избавить меня от нужды при жизни, доколе его божественной воле угодно терзать меня смертельными страданиями. Это даст мне силы с покорностью воле Всевышнего переносить свою участь, как бы сурова и ужасна она ни была.

Итак, дорогой Мошелес, опять напоминаю вам о моем деле и остаюсь, с глубоким почтением всегда

Ваш друг Л. в. Бетховен.

В записке Хольцу он также упоминает о нужде своей.

Любезный Хольц!

Прошу вас справиться, находится ли моя подпись в квитанции эрцгерцогу. Затем прошу вас послать ко мне как можно скорее своего портного. Буду очень рад, если вам удастся зайти ко мне на минутку завтра утром, чтобы получить деньги от эрцгерцога, так как нуждаюсь в них.

Как всегда друг ваш Бетховен.

Вена, 25 фев. 1827.

Желание композитора было удовлетворено, и вскоре он получил от Штумпфа утешительное известие.

Лондон, 1 марта 1827 г.

Г-ну Л. в. Бетховену в Вене.

Высокочитимый и глубокоуважаемый, милостивый государь!

Не могу выразить словами, насколько меня испугало и поразило известие о ваших продолжительных, мучительных страданиях вследствие болезни, о которой вы сами сообщили мне в письме от 8 февраля. Еще ранее узнал я об этом от любезного г-на А. Штрейхера и с тех пор не проходил дня без того, чтобы я не думал о вас, благородный друг. Мысленно я часто переносишь к постели страдальца и пылливо, боязливо спрашиваю врача, когда же наступит выздоровление? Хочется вырвать у него уверенность в том, что болезнь не опасна, и что больной вскоре встанет на ноги.

Да, высокочитимый друг! Если бы горячие сердечные желания друга могли вызвать выздоровление, то сердца ваших поклонников вознеслись бы на звуковых волнах в созданной вами симфонии к Тому, Кто Один лишь может помочь, Кто таинственно, но отечески направляет все им созданное к неведомой цели. Посылая вам произведения Генделя, я мечтал доставить вам удовольствие и вполне вознагражден тем, что достиг своей цели. Согласно вашему желанию, я немедленно привлек к участию г-на Смарта и Мошелеса, а также уведомил об этом директоров филармонического общества, после чего сейчас же было принято следующее решение: прежде всего выдать здесь немедленно сумму в 100 фунтов барону Ротшильду с просьбой переслать ее с первой почтой банкирскому дому барона Ротшильда в Вене и указать при этом, что деньги могут быть выданы в разные сроки, сообразно вашим требованиям, через г-на Рау, управляющего делами барона Эскелеса. Г-н Мошелес, очень интересующийся этим добрым делом, любезно устроил все это, так как он близок к обоим домам, и, по моей просьбе, сегодня же отсылает уведомления вышеупомянутым лицам.

Искренно благодарю вас за дружеское предложение быть мне полезным в Вене и беру на себя смелость просить несколько нот, написанных вами собственноручно, каковые будут для меня драгоценным подарком в память вашего благорасположения. С сердечным желанием услышать вскоре о вашем выздоровлении честь имею быть глубоко уважающим вас, милостивый государь, и искреннейше преданным слугой.

А. Штумпф.

В восторге от такого подарка благодарный композитор диктует Шиндлеру письмо Мошелесу и предлагает филармонии свою 10 симфонию, свою новую увертюру, все свои проектированные произведения и все, что ей вздумается потребовать от него по выздоровлению.

Вена, 18 марта 1827 г.

Я не могу выразить словами чувств, вызванных чтением вашего письма от 1 марта.

Это благородство филармонического общества, почти предупредившего мою просьбу, тронуло меня до глубины души. Поэтому прошу вас, дорогой Мошелес, передать мою глубочайшую благодарность филармоническому обществу за необыкновенное участие и помощь. Передайте этим почтенным людям, что если Бог вернет мне здоровье, то моею по-

стоянно заботою будет стремление выразить им благодарность своими произведениями, а потому предоставляю обществу указать, что я долгу буду для него написать.

У меня в столе лежат эскизы целой симфонии, а также новая увертюра и еще кое-что. Прошу общество не отказаться от намерения дать концерт для меня. Словом постараюсь исполнить все, чего только захочет общество; и работать буду я с таким рвением, как никогда. Пусть только небо подарит мне скорее здоровье и я покажу благородным англичанам, как умею ценить их участие в моей печальной судьбе.

Я принужден был взять немедленно всю сумму в 100 гульденов к. м., так как был в очень стесненном положении.

Ваш благородный поступок останется для меня незабвенным. Г-дам Смарту и Штумпфу я вскоре тоже выражу свою благодарность. Метрономизированную девятую симфонию прошу передать филармоническому обществу. Прилагаю также указания.

Глубоко почитающий вас, друг ваш Бетховен.

Итак, лондонское филармоническое общество, «наслышавшись о бедственном положении больного композитора», решило устроить концерт в его пользу; в счет же ожидаемого сбора поспешило переслать композитору через Мошелеса 100 фунт. стерл., что составляет около 900 рублей или 1.100 флоринов. Мошелес переслал деньги эти воспитателю детей барона Эскелеса, Рау, лично знакомому с Бетховеном; по получении денег 17 марта Рау пишет Мошелесу:

«Я немедленно отправился к нему, чтобы узнать о состоянии его здоровья и сообщить о полученном. Сердце разрывалось на части при виде того, как он молитвенно складывал руки и чуть не заливался слезами от радости и благодарности. Как были бы счастливы вы, великодушные люди, если бы могли видеть эту трогательную сцену!.. Он более похож на скелет, чем на живое существо... Вследствие радостного возбуждения ночью вскрылось одно из подживших мест прокола и вытекла вода, накопившаяся за 2 недели. На следующее утро я застал его очень веселым; он чувствовал большое облегчение».

Это облегчение позволило больному продиктовать несколько писем и еще раз, в последний раз, вернуться к своим композиторским замыслам, и фантазия его, говорит Шиндлер, работала с таким напряжением, какого он никогда ранее не проявлял. То он заводил беседу о произведениях Еврипида, Гете, Шекспира, то задумывался над 10 симфонией, то возвращался к плану оперы «Фауст», часто повторяя при этом:

— Вот будет штука!

В числе последних писем композитора было немало отправлено племяннику Карлу, забывшему, среди прелестей полковой жизни, ценность этих рукописей и растерявшему их; Шиндлер, писавший эти письма под диктовку Бетховена, дает однажды такой совет слишком нежному дяде:

— Не пишите, великий маэстро, подобных писем. Хотя они отражают все великодушные вашего сердца, но, вместе с тем, вы обнаруживаете, что прощаете проступок Карла, а это может иметь скверные последствия. Напротив, старайтесь подчеркнуть отвращение ко всему случившемуся. Если же впоследствии пожелаете облагодетельствовать племянника, то сделайте это как

бы неохотно, как бы принужденно, вследствие принятых вами на себя обязательств. На него теперь нельзя действовать иначе.

К этому совету Хольц прибавляет от себя: «Смотрите на него, как на человека погибшего, тогда вы не будете страдать. Всякий порядочный человек должен быть ближе вам, чем он».

Знатные меценаты, — эрцгерцог Рудольф, Кинские, Лобковичи, — как и вся Вена, знали о тяжелой болезни знаменитого композитора, знали о его нужде, — но никто не оказал ему даже скромной материальной поддержки. Не одно письмо было послано кн. Голицыну с напоминанием о плате за квартеты, и не раз уже Карл просил выслать ему денег на расходы, но лишь последнее достигало цели. В то же время платоническим выражением соболезнования конца не было: сам директор придворной капеллы присылал сына справляться о здоровье Бетховена; сам придворный капельмейстер Вейгль посылал ему поклоны и обещание испросить ему всевозможные титулы, лишь только маэстро поправится.

— Я готов отдать 10 лет своей жизни ради вашего выздоровления, — говорит старый учитель музыки Долежалек, — наш двор никогда ничего не делал для науки и искусства. С давних времен великие люди голодали здесь. Вот прекрасный подарок, достойный англичан... Можно ли вашему превосходительству много читать?.. Этот титул подобает вам более, чем сотни звездносцев.

— Я привез вам поклон и добрые пожелания от сотни друзей и почитателей... Граф Хаугвиц приобрел собрание сочинений, — говорит другой музыкант, Хеккель.

Среди этих бесед у композитора рождается мысль о довольно странном завещании Шиндлеру: последний должен поведать миру те идеи, которые вдохновляли автора при создании произведений его, и с этою целью ведутся долгие разговоры, оставившие нам лишь ответные речи Шиндлера, часто непонятного, загадочного смысла, например:

«Микрокосм, подобие жизни... Вы сегодня хорошо выглядите; мы могли бы сыграть что-нибудь, например: трио в G-dur... Аристотель говорит в своей «Поэтике» относительно трагедии: трагические герои должны выступать сначала во всем блеске благоденствия и богатства. Это мы видим также в «Эгмонте» Гете. Судьба набрасывает на этих счастливых петлю, от которой они больше не могут избавиться, храбрость и готовность к борьбе заменяют благоденствие, и полные отваги они глядят в лицо судьбе, даже смерти...

Медюе не помню... Объясните лучше, иначе я не пойму... Судьба Клерхен в «Эгмонте» занимает нас так же, как Гретхен в «Фаусте», потому что ранее они жили в счастье... Скучна трагедия, начинающаяся, развивающаяся и оканчивающаяся среди бедствий... Зачем всюду надписи? Это вредит там, где чувство и фантазия должны ее заменять; музыка и поэзия должны давать чувство определенное направление... Можно написать даже гневную сонату... Мне ужасно хочется характеризовать трио... Первая часть (трио ор. 97) полна мечты о блаженстве; но здесь выражается также шаловливость, веселье, игривость и, с вашего позволения, упрямство — бетховенское. Не так ли?.. Во второй части герой испытывает верх блаженства. В третьей части сча-

стью сменяется покорностью, терпеливым страданием, благоговейным настроением и т. п. *Andante* представляется мне самым идеальным в отношении святости и божественности; слова тут бессильны: они плохо передают божественный язык звуков».

Старые знакомые и друзья ежедневно навещают его; Глейхенштейн, с женою и сыном, посетив больного, вписывает в разговорную тетрадь:

— Ты должен благословить моего мальчика, как Вольтер благословил сына Франклина... Мальфати рад тому, что редко приходится выпускать воду.

Шик привозит поклон от Штрейхера с сыном; Диабелли, Пирингер, Шупанциг и гр. Лихновский не раз появляются на улице Черного Испанца.

— Бернард вскоре придет к вам, — сообщает Шиндлер, — он лишь недавно узнал о вашей болезни... Как вел себя Карл при прощании? Слава Богу, что так устроилось... Чем все это кончится?

В числе посетителей явился И. Н. Хуммель, бывший соперник Бетховена-виртуоза; в письме от 14 марта 1827 года Шиндлер описывает Мошелесу это свидание двух артистов, давно не встречавшихся.

«В прошлый четверг, 8 марта, мы были свидетелями трогательного зрелища. Я заранее предупредил Хуммеля, чтобы он не испугался при виде маэстро; тем не менее он был так поражен, что не мог удержаться и зарыдал. Старик Штрейхер своим разговором обогатил тяжелые минуты... первыми словами Бетховена были: «Взгляни, дорогой Хуммель, на дом, где родился Гайдн. Я сегодня получил этот рисунок в подарок и, как дитя, рад ему. Какая жалкая избушка, а в ней родился великий человек!..» Забыв о прежних распрях, они вели задушевную беседу; наступающим летом они дали слово друг другу встретиться в Карлсбаде... Бетховен очень исхудал, в нем лишь кожа да кости, только грудь еще крепка, как сталь».

Попросив открыть одну из четырех бутылок Рюдесхаймбергера, только что полученных от Шотта вместе с целительной травой, Бетховен с жадностью выпил залпом стакан вина и немедленно подвергся ужасному припадку удушья; искаженное лицо его стало багровым, все выпитое вино вылилось наружу. Хуммель с женою, не успев чокнуться с Бетховеном, принуждены были уйти из комнаты.

Этот визит, с иными подробностями, описывает Ф. Хиллер, ученик Хуммеля и спутник его в концертном турне 1827 года:

«Наслышавшись о страданиях Бетховена, искаживших черты лица его и терзавших его днем и ночью, мы выехали в предместье... Через просторную прихожую, в которой толстые связки нот покоились на высоких шкафах, мы вошли в комнату Бетховена. Как билось мое сердце. Мы были очень удивлены, увидав его спокойно и, видимо, уютно сидящим у окна. Он был в длинном сером расстегнутом халате и в высоких до колен сапогах. Вследствие худобы он показался мне, когда встал, высокого роста; он был небрит, густые с проседью волосы беспорядочно па-

дали ему на виски. Увидав Хуммеля, лицо его приняло выражение ласковое, приветливое; они обнялись самым сердечным образом; Хуммель представил меня. Бетховен отнесся ко мне очень благосклонно, и я решился сесть у окна, против него. Известно, что разговор с Бетховеном велся отчасти письменно; он говорил, а собеседники его должны были писать свои вопросы и ответы; с этою целью около него всегда лежали карандаши и толстые тетради простой писчей бумаги в формате четверти листа. При его живом, нетерпеливом характере ожидание каждого ответа, надо полагать, было очень тягостно; эти ежеминутные паузы в разговоре останавливали также его работу мысли. Он жадным взором следил за рукою пишущего и не читал, а лишь пробегал написанное. Такая письменная работа посетителей, конечно, ослабляла живость разговора... Указывая на Шиндлера, больной обратился к Хуммелю:

— Это честный человек и много заботился обо мне. Вскоре он даст концерт, в котором я обещал участвовать. Но, вероятно, мне не удастся. Окажи мне услугу и прими участие в этом концерте. Надо всегда помогать бедным артистам».

Из записной книжки видно далее, как Бах ведет с больным беседу о завещании, о долгах матери Карла; Шиндлер приводит на поклон великому композитору родственницу свою, впоследствии известную певицу, Нанетту Шехнер, хотя «г-жа дель Рио не решается прийти, ибо слышала, что больной не склонен принимать дам». Хольц беседует относительно переписки партитур и о купонах от акций, но является редко, потому что своим развязным обращением вызывает ропот прочих посетителей и даже больного композитора, не прощавшего ему резких отзывов о Карле. Напротив, юный Герхард Брейнинг почти неотлучен и порою заменяет ему племянника.

— Хольц заслужил всеобщую ненависть своею лживостью, — пишет молодой человек в тетради, — он делает вид, будто ужасно любит тебя... Все — ложь... Ты лучше всех, прочие — негодя. Если бы ты был менее великодушен, то потребовал бы с него плату за стол... Более всего ему нравится твое вино... Вольфмайер тебя очень любит. Прощаясь, он со слезами на глазах сказал: ах, ах, великий человек!.. Вольфмайер с женою кланяются тебе, целуют и радуются приближению весны, которая возвратит тебе здоровье.

Этого юношу и отца его больной встречал с ласковой улыбкой, тогда как брат и племянник вызывали в нем лишь огорчение; «ах, это он!» — с тоскою произносил маэстро, заметив вошедшего брата; Карл же, снабженный деньгами, наряженный в мундир, увлекался карнавальными празднествами и две недели не отвечал на письма дяди.

— Вам надо позабыть на время о племяннике и денежных делах, — убеждают его Шиндлер и Брейнинг. — Можно ли быть таким малодушным? Через 15 лет мы с удовольствием будем вспоминать об этом... Надо быть бодрее; грустное настроение препятствует выздоровлению... Вероятно, он занят карнавалом.

Но утешения друзей были так же бесплодны, как новый способ лечения. Обильный прием пуншевого мороженого вызвал сильный прилив крови к голове; больной засыпал, как пьяный,

и бредил; иногда являлась хрипота и даже потеря голоса, силы заметно слабели, общее состояние вызывало тревогу друзей. Доктор Мальфати заболел, слег и присылал изредка своего ассистента, доктора Рериха: лечением опять руководил профессор Ваврух, запретивший прием мороженого, за что больной, в порыве раздражения, хотел пустить в него чернильницу. Четвертый прокол, сделанный 27 февраля новым врачом, хирургом Зейнертом, дал 7 кружек воды; больной стал еще слабее, удушья стали повторяться чаще. Встревоженный видом льющейся по полу воды из раны своей, Бетховен просил Шиндлера выпить немедленно Карла, но служебные обязанности юнкера, конечно, не позволили ему явиться к смертному одру дяди.

Спустя две недели, 12-марта, консилиум врачей предписал ванну, чтобы вызвать деятельность кожи и испарину, чего не могли достичь внутренними средствами; рецепт, предписывающий эту ванну, больной послал Шиндлеру с надписью: «Чудеса, чудеса, чудеса! Оба ученые одурачены, меня спасут только познания Мальфати. Зайдите непременно сегодня утром на минутку. Ваш Бетховен».

Он возлагал большую надежду на ванну эту и вспоминал совет старухи Шехнер (свекрови сестры Шиндлера), не раз передававшей через Шиндлера, что средство это весьма полезное, но, несмотря на требование врачей и нетерпение больного, не скоро удалось устроить ванну. Молодой Брейнинг взялся доставить необходимое количество горячей воды; брата Иоганна просили прислать мешок сена и ванну, но он отказал под тем предлогом, что сено у него плохое, а ванна очень мала; после этого старой экономке, обошедшей два квартала, с трудом удалось найти и купить эти предметы. Однако, ванна не помогла: раздувшийся живот еще более разбух в воде и вызвал вновь необходимость введения зонда в еще незажившую рану; все сомнения относительно скорой развязки исчезли у врачей, но пациент и друзья его не теряли надежды, ободряемые случайными внешними обстоятельствами.

Хорошее питание при добром рейнском вине ободряло больного и вызывало веселое настроение, как бы возвещающее исцеление его, а потому один из знакомых нам старых друзей, давно забытый композитором и ныне вновь проявивший свое неизменное к нему расположение, снабжает его почти ежедневно вкусно изготовленными дома питательными яствами и лучшими сортами рейнских вин (Гринцингер, Рюдесхаймбергер и Гумпольдскирхнер, которое Бетховен ошибочно называл Крумбхольц-Кирхнером).

Эта услуга вызвала несколько записок к барону Пасквалати.

Почтенный старый друг!

Сердечно благодарю за подарок больному, как только выберу подходящее вино, сообщу вам, но не стану злоупотреблять вашей добротой; компот мне очень понравился и буду часто просить его у вас. — Даже это стоит мне усилий. Sapiienti pauca.

Ваш благодарный друг Бетховен.

Уважаемый друг!

Прошу сегодня также прислать вишневый компот, но только без молока, совсем просто. Легкое мучное блюдо, вроде каши, тоже было бы мне приятно. Моя бравая кухарка не наловчилась до сих пор готовить больничные кушанья. Шампанское мне разрешено, но будьте добры также прислать мне в первый день бокал для шампанского. — Мальфати хотел мне дать теперь же мозельвейна, но уверяет, что здесь нельзя найти настоящего, а потому сам прислал несколько бутылок Крумбхольц-Кирхнера и уверял, что это самое полезное для меня ввиду невозможности найти настоящего мозельвейна. — Простите за беспокойство, виною тому отчасти мое беспомощное состояние

с глубоким почтением ваш друг Бетховен.

Достойный друг!

Я все еще не выхожу из комнаты. Скажите мне пожалуйста, или вы мне напишите, как зовут и где найти оценщика домов? — Если знаете универсальное средство, то, пожалуйста, не забывайте вашего несчастного австрийского музыканта и здешнего

гражданина Л. в. Бетховена.

Уважаемый друг!

Очень благодарен за вчерашние кушанья; их хватит еще на сегодня. — Дичь мне разрешена, серые дрозды, по мнению врача, даже полезны мне. — Это только к сведению. Потому что сегодня ничего этого не нужно. — Простите за бессмысленную записку. Утомлен бессонной ночью; обнимаю вас преданный и почтительный друг ваш.

Уважаемый друг!

Как мне благодарить вас за превосходное шампанское, — оно меня так подкрепило и подкрепит меня еще. — Сегодня мне ничего не нужно, и благодарю за все — если можете найти еще какое-нибудь средство к поддержанию сил, то пожалуйста имейте в виду; по мере сил я сам охотно заплачу. Сегодня не могу больше писать; да благословит вас небо за все, а также за ваше любвеобильное внимание

к глубоко уважающему вас и страждущему Бетховену.

Уважаемый друг!

Благодарю за присланные вчера кушанья. Большой, как дитя, жаждет таких вещей, поэтому прошу сегодня компота из персиков; относительно других блюд я должен сначала спросить совета врачей. Они находят, что гринцингерское вино мне полезно, но предпочитают старый крумбхольц-кирхнер. Но эти указания не должны вызвать недоразумений между нами

С искренним почтением ваш друг Бетховен.

Последней радостью маэстро было (18 марта) разрешение врача на любимое им рыбное блюдо, заменившее говядину с овощами, опротивевшими и надоевшими за долгие месяцы болезни; но эта же радость, проявившаяся в чрезмерном напряжении нер-

вов, ускорила развязку, сопровождавшуюся мучительной болью, вследствие истощения организма, бессильного зарубцевать места проколов.

Конец его приближается гигантскими шагами, — писал Шиндлер 24 марта Мошелесу, — и мы искренно желаем скорейшего окончания страданий его... Уже с неделю он лежит, как труп; лишь изредка, собравшись с силами, спрашивает о чем-нибудь или требует чего-либо. Положение его ужасно и напоминает герцога Йоркского, о котором мы читали. Все время он в каком-то забытье, опустит голову на грудь и целыми часами смотрит пристально в одну точку; не узнает своих лучших знакомых, если только не называют их по имени. Словом, смотреть на него ужасно. Такое состояние не может быть продолжительным, так как вчера прекратились все естественные отправления... Он сознает наступление конца, вчера он сказал мне и Брейнингу «*plaudite, amici, comoedia finita est!*» — Последние дни были замечательны: он готовится к смерти с беспрецедентным спокойствием и мудростью Сократа.

Бетховен. — Набросок Тельчера.

Тем временем у постели больного друзья вели разговор о скудном имуществе его и о беспутном наследнике, который, впрочем, впоследствии стал честным тружеником и хорошим семьянином. Обсуждая завещание Бетховена, Брейнинг настоял на составлении дополнительных строк, согласно которым Карл

лишался возможности безграничного пользования имуществом и обязан был передать его своим будущим законным наследникам; к мысли этой привело Брейнинга легкомыслие Карла и расточительность матери, которая могла воспользоваться впоследствии своим влиянием на сына; после долгих колебаний композитор уступил просьбе друзей и дрожащею рукою, со множеством ошибок, переписал строки, заканчивающиеся так: «мой племянник Карл является единственным наследником, но капитал, оставляемый мною ему, должен перейти к его единственным наследникам или к тем, кому он оставит его по завещанию. Вена, 23 марта 1827 года».

— Ну, теперь уж мне больше ничего не придется писать! — прибавил композитор.

— Однако, вы ошиблись: следовало написать законным, а не единственным наследникам, это может вызвать недоразумения, — заметил Брейнинг.

— Все равно, пусть останется так, — возразил больной, бесильно опускаясь на подушку.

На следующий день внешний вид больного стал еще хуже, слабость была настолько велика, что он едва произнес 2-3 слова.

«Доктор, поглядев несколько минут, заявил, что дело быстро идет к концу, — писал Шиндлер Мошелесу; — так как мы уже накануне покончили с завещанием, то оставалась одна забота: примирить его с небом и показать всем, что он умер добрым христианином. Профессор сказал ему, что от имени друзей просит его причаститься Св. Тайн. Бетховен совершенно спокойно и твердым голосом ответил: «я согласен...»

«Сейчас возвратился к себе от Бетховена; он в агонии. Великое светило померкнет навеки ранее, чем это письмо будет за пределами Вены. Сейчас он еще в полном сознании».

«Я осторожно изложил общее желание на листе бумаги, — рассказывает сам профессор Ваврух, — Бетховен прочитал написанное необыкновенно спокойно, медленно и задумался; лицо его просияло, он крепко пожал мне руку и сказал: «пригласите священника...» Он причастился с глубоким благоговением, а затем, обращаясь к окружающим, в числе которых были Шиндлер, Брейнинг, Иенгер, Ансельм Хютенбренер (композитор из Граца) и мать Карла, проговорил: «Plaudite, amici, finita est comedia...» После причастия он сказал священнику: «Благодарю вас, батюшка; вы доставили мне утешение...» Затем он еще раз напомнил о предстоящем появлении в печати квартета op. 131, о благодарности лондонской филармонии и всей английской нации, которую «да благословит Господь!»

«В полдень, — рассказывает Шиндлер, — привезли вино из Майнца. Я поставил 2 бутылки перед постелью, он посмотрел на них и проговорил: «жаль, жаль, слишком поздно!» Это были его последние слова. Наступила агония».

Множество знакомых, поклонников и любопытных толпилось в этот день перед домом на Schwarzpianiergasse. Черни, Хаслингер и Пирингер в последний раз пожали ему руку; Шуберт, потрясенный видом страдальца, и многие другие спешили удалиться. Кастелли и Хольц, стоя на коленях, целовали руку его, а последний отвечал лишь жестами, призывая на них благословение неба. Такими же жестами и потухавшим взором встретил

он художника Тельчера, пришедшего набросать внешность Бетховена, но это удалось сделать лишь потом, когда замолк бред, когда стихло хрипение, когда прекратились страдания.

Брат Иоганн, задумавший найти и унести к себе все ценное, в особенности акции и деньги, был выгнан возмущенными друзьями умирающего. Две служанки, Зали и Фекла, удивляли всех своим усердным и терпеливым уходом, своими заботами и неутомимостью, вызывая воспоминание о прислуге минувших дней, предпочитавшей брань и единоборство; Рау даже просил лондонскую филармонию о денежном пособии двум служанкам, проявившим необыкновенную любовь и преданность к великому маэстро.

«Смерть отчаянно боролась с крепким организмом, с могучим еще дыханием легких, — рассказывает Брейнинг; — зрелище было ужасное. Страшно было видеть великий гений во власти разрушительных сил». По временам ему вливали ложечкой полученное от Шотта вино, но организм перестал принимать это подкрепляющее средство, вино выливалось назад.

Чудным весенним утром начался понедельник 26 марта; небо было безоблачно, солнце ярко освещало обширную площадь перед окнами Бетховена; небольшие часы в виде пирамиды, полученные в подарок от княгини Лихновской лет двадцать тому назад, отбивали последние секунды композитора. К полудню появились признаки надвигающейся грозы, на лице Бетховена вновь отразилось выражение страдания, стрелка часов остановилась, звуки маятника замолкли...

Юного Брейнинга позвали домой к уроку музыки, отец же его и Шиндлер отправились выбрать место на ближайшем кладбище. В 5 часов гроза разразилась, потрясая дома раскатами грома и осыпая улицы градом. Через час Хютенбренер закрыл глаза покойника. Возвратившихся с Верингова кладбища друзей мать Карла встретила словами:

— Все кончено.

На следующий день, 27 марта, Брейнинг, Шиндлер и брат Иоганн занялись описью имущества; ценностей оказалось: наличными деньгами — 1.215 фл. и 7 билетов австрийского национального банка, завещанных Карлу; впрочем, последних долго не могли найти, несмотря на старательные поиски, их не оказалось даже в конторке, где, вместо акций, нашли старые письма к «бессмертной возлюбленной». Не морочат ли меня эти друзья? — подумал брат Иоганн, — не присвоили ли акций и только для вида ищут теперь?

Взволнованный такого рода намеком Иоганна, Брейнинг поспешил домой к обеду, а затем послал за Хольцем, который явился немедленно и без труда отыскал акции в секретном ящике шкафа. Все имущество было опечатано, а в отдельном протоколе упомянуто о смертном случае в Альзерфорштадте, где умер Людвиг ван Бетховен, композитор, холостой, 56-летнего возраста.

В тот же вечер доктора Вагнер и Рокитанский произвели вскрытие трупа, обнаружившее значительное изменение селезенки и печени. На поверхности тела видны были глубокие пролежни, от которых не избавила больного баночка мази, присланная Брейнингом. Часть височных костей, со слуховым орга-

ном, была выпилена и консервирована, вследствие чего нарушена была связь челюстей, и лицо стало совершенно неузнаваемо; к тому же за последние месяцы выросла борода, длинные седые волосы перепутались космами, кожа складками висела на широких костях. Цирюльник, призванный сбрить бороду, нашел работу весьма затруднительною и просил за нее один дукат, а потому Даннхаузер и Ранфтл, два художника, пожелавшие нарисовать покойника и снять с него маску, сами занялись бритьем; относительно львиной гривы позаботились многочисленные поклонники, побывавшие тут 28 марта и унесшие каждый по пряди волос.

Покойник лежал лицом к входящим в гостиную, — небольшую комнату с двумя окнами, примыкавшую к кабинету.

Einladung

zu

Ludwig van Beethoven's
Leichenbegängniß,

welches am 29. März um 3 Uhr Nachmittags Statt finden wird.

Man versammelt sich in der Wohnung des Verstorbenen im Schwarzenplan n. 200
am Glacé vor dem Schottenthore.

Der Zug begibt sich von da nach der Dreifaltigkeits-Kirche
bey den P. P. Minoriten in der Alfergasse.

Die musikalische Mit-erlebt den unerforschlichen Verlust des berühmten Tonbildners am 26. März 1827 Abends gegen 6 Uhr.
Beethoven starb an den Folgen der Wassersucht, im 56. Jahre seines Alters,
nach empfangenen heil. Sacramenten.

Der Tag der Exequien wird nachträglich bekannt gemacht von

K. von Beethoven's
Nerchieren und Freunden.

1827 März 29 in K. Hof-Druckerei befohlen gedruckt. Druckt bei T. G. Schönbach.

Приглашение на погребение Бетховена.

Приглашение на похороны в 3 часа дня 29 марта было напечатано в газетах и раздавалось в магазине Хаслингера в Патерностергассе. Толпа любопытных, сбегавшихся на зрелище, была так велика, что пришлось запереть ворота, но все старания Шиндлера и Брейнинга установить порядок были тщетны; когда гроб снесли во двор и началась лития, то хлынувшая с улицы масса оттеснила распорядителей и прижала их к стене. В этот прекрасный весенний день каждому хотелось побывать на похоронах Бетховена, потому что там можно было лицезреть всех знаменитых венских артистов и музыкантов, шествующих за гробом, там можно было послушать много интересной музыки, отчасти исполнявшейся артистами итальянской оперы. Во дворе был исполнен «Торжественный хорал» Вебера на слова Шиллера («Смерть быстро наступает»); затем к гробу подошли справа Эйблер, Хуммель, Зейфрид и Крейцер, слева Вейгль, Гировец, Генсбахер и Вюрфель, все в траурном облачении, с развеваю-

щимся флером; подняв гроб, они понесли его в Alserkirche (церковь миноритов во имя Св. Троицы), предшествуемые учениками консерватории, украшенными белыми розами и букетами лилий; с такими же украшениями выступали факельщики: Фр. Шуберт, Лаблаш, Черни, Грильпарцер, Бернард, Бем, Кастелли, Давид, Граф, Хаслингер, Хольц, Линке, Майзедер, Пирингер, Штрейхер, Шупанциг, Вольфмайер и др.

Целый час продолжалось шестые двадцатитысячной толпы на небольшом расстоянии от квартиры до церкви, причем непрерывно раздавались величественные гармонии *Miserere* (*Equal*), написанного Бетховеном в 1812 году в Линце, на смерть соборного органиста, и изданного Хаслингером лишь в июне 1827 года; в церкви исполнена была «Вечная память» (*Libera*) Зейфрида. Затем гроб поставлен на утапавший в венках катафалк, запряженный четверкой лошадей, и кортеж, постепенно сокращавшийся, направился к кладбищу.

По пути Франц Шуберт успел зайти с некоторыми приятелями в ресторан *Mehlgrube* и, наполнив вином стаканы спутников, сказал:

— Господа, пью в память нашего великого Бетховена и в память того из нас, кто первый последует за ним в могилу.

Всего через полтора года Шуберт покоился рядом с прахом Бетховена.

Лишь здесь, на кладбище, разрешила полиция драматическому артисту Аншютцу прочесть надгробное слово, написанное поэтом Грильпарцером:

«Это был артист, всем обязанный искусству. Глубокие раны нанесла ему жизнь, но, подобно пловцу, укрывавшемуся в гавани, он прибежал к тебе, божественное искусство, ниспосланное небом для утешения нас в печали. Это артист, не имеющий равного себе... В этом артисте скрывался человек в лучшем, в высшем значении этого слова. Его считали мизантропом, ибо он бежал от людей, его считали бесчувственным, ибо он не сочувствовал мелочным страстям толпы...»

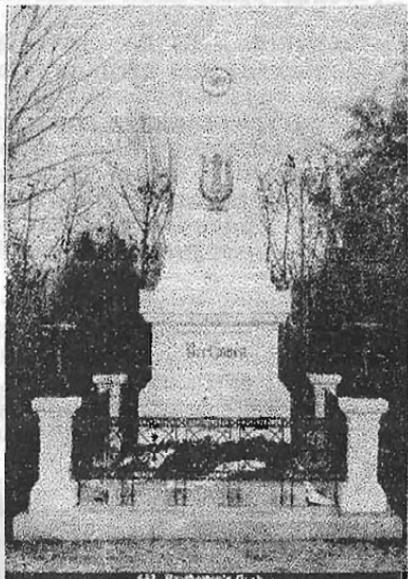
На свежей могиле могучего титана, опущенного в тесную яму, не было недостатка в слезах, когда друзья и поклонники его бросали на гроб первые горсти земли. Хуммель сложил здесь три лавровых венка и удалился с немногими приятелями после того, как могила уже совершенно была засыпана и рабочие сложили свои лопаты.

Спустя неделю, 3 апреля, в церкви августинцев состоялась панихида, заказанная венскими издателями, причем исполнен был рекевием Моцарта.

По смерти маэстро, 4 апреля, «Аугсбургская всеобщая газета» вздумала бросить упрек всем лицам, содействовавшим присылке Бетховену 100 фунтов стерлингов из Лондона, а в особенности Мошелесу. «Нетрудно было убедиться Мошелесу в том, — писала она, — что столица наша любит музыку и поощряет таланты, а потому непонятно стремление собирать деньги в Лондоне для венского артиста... Известие это возмутило всех. Покойный не нуждался в такой дани, и никто не имел права предупредить правительство, покровительствующее искусствам, и общество, любящее их. Стоило сказать лишь слово, и Бетховен получил бы тысячи гульденов, но его не хотели оскорбить таким

поступком тем более, что он получал пенсию от е. и. в. эрцгерцога Рудольфа и некоторых других лиц. Истинным австрийским артистам не подобает прибегать к великодушию британцев. Сам Бетховен совсем не желал этого...» Эти строки, продиктованные, очевидно, избытком патриотизма, а не истиною, вызвали весьма сдержанное опровержение Брейнинга, указавшего на беспомощность Бетховена в житейских делах, на глухоту его, на отношения к племяннику, на последнюю тяжкую болезнь и великодушные англичан, выраженное в подарке Штумпфа. Друг детства Бетховена, переживший его лишь двумя месяцами, видимо, не хотел вызывать над свежей еще могилой великого композитора полемики с недобросовестными публицистами. Однако история воздала *suum cuique*.

Вторая панихида, с реквиемом Керубини, состоялась 5 апреля по почину общества любителей церковной музыки при церкви Св. Карла; как под мрачными сводами церкви на Angustinerstr., так и между величественными колоннами храма на Karlgasse прошло в эти дни немного публики. Группа артистов задумала немедленно устроить концерт, сбор с которого дал бы возможность воздвигнуть памятник на могиле Бетховена; однако энергия их была быстро парализована неизбежными в таких случаях затруднениями и хлопотами. Венское музыкальное общество, избравшее несколько месяцев тому назад Бетховена своим

*Памятник Бетховену
на Central Friedhof.*

почетным членом, устроило панихиду с реквиемом Керубини (26 апреля) в церкви августинцев. В течение нескольких недель газеты печатали стихотворения, посвященные памяти маэстро, воспоминания о нем, описание похорон и т. п. Пирингер посвятил один из своих «духовных концертов» (3 мая) произведениям Бетховена, были исполнены симфония с-moll, концерт с-moll, Adelaide и др.; сбор предназначался на сооружение памятника.

«Можно ли представить себе лучшую программу? — восклицает по случаю этого концерта Allg. Musik-Zeitung; — не была ли прекрасна цель концерта? А последствия? Горсть артистов и любителей, человек 300, искренно сочувствовавших делу, но едва собравших 200 гульденов! Где же были те десятки тысяч, что красовались в похоронном cortege? Где же те толпы зевак, которые ломились на панихиды в квартире маэстро, потому что вход был бесплатный?»

При таких условиях сбор денег на памятник Бетховену дал весьма ничтожную сумму и лишь щедрость Вольфмайера позволила воздвигнуть на могиле мраморный обелиск с изображением

лиры посередине, с лаконической надписью Бетховен внизу и символическим изображением бессмертия (бабочки) вверх.

Вместе с бессмертными творениями музыкального гения Бетховен оставил тленное имущество, обстоятельно пересмотренное друзьями его и судебным приставом, произведшим затем, 5 ноября 1827 года, аукцион, причем покупатели оказались неизмеримо скупее современных любителей, платящих за страничку рукописи Бетховена 300, 500 и более рублей, наприм.:

Партитура *Missa solemnis* (автограф, куплен фирмой Артариа) — 7 фл. 6 кр.

Рондо ор. 129 (авт. куп. Диабелли) — 20 » 30 »

Пятьдесят две тетради эскизов — 78 » 31 »

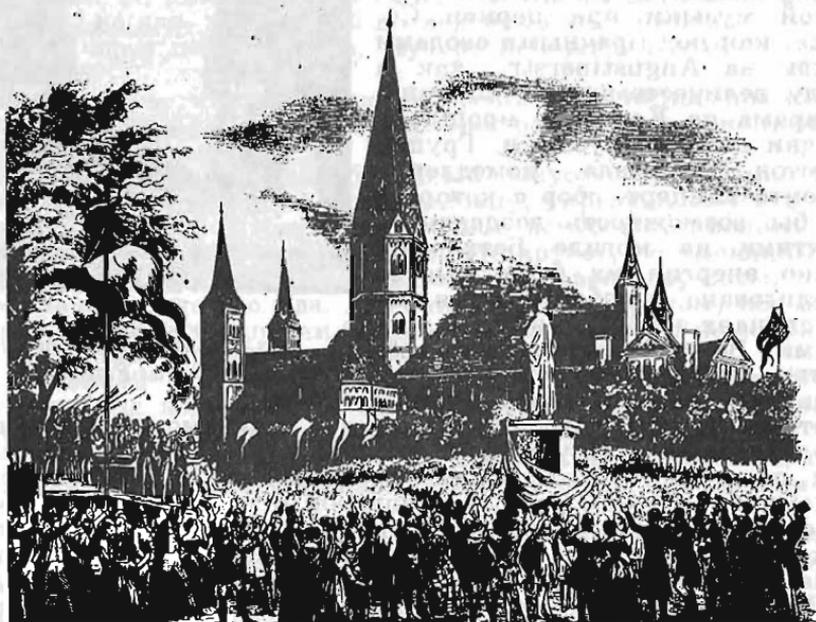
Пять связок упражнений в контрапункте — 74 » — »

Марш для военного оркестра — 2 » 20 »

Сорок томов полного собрания сочинений Генделя, в роскошном переплете, были проданы за 102 » — »

Партитура симфонии Гайдна (автограф) — 3 » 30 »

Рояль Бредвуда — 181 » — » и т. д.

Открытие памятника Бетховену в Бонне, 12 августа 1845 г.

В 1863 году венское музыкальное общество вскрыло могилы Бетховена и Шуберта, переложило останки в свинцовые гробы и заказало фотографический снимок с черепа Бетховена. Френологи утверждали, что объем этого черепа необыкновенно велик по размерам, костяной покров редкой толщины, площадь лба чрезвычайно обширна, уступая наполеоновскому в высоте и превосходя по длине. Вместе с монументом гроб Бетховена был торже-

ственно перевезен 22 июня 1888 года на Центральное кладбище, где покоится рядом с монументом Моцарта. в соседстве с которым потом погребены Брамс, И. Штраус и Зуппе.

В 1835 году город Бонн задумал соорудить у себя памятник Бетховену, но и тут сбор оказался ничтожен, если же родина великого симфониста гордится с 1845 года величественным монументом работы Хенеля, то обязана этим почти исключительно трудам Франца Листа, давшего с этою целью ряд концертов во многих городах Европы и передавшего боннскому магистрату 12 тысяч франков; статуя ныне украшает Marktplatz. При открытии этого первого памятника Бетховену Франц Лист, в заключение своей речи, патетически воскликнул: «По нем не плакала жена, убитая горем, не плакали ни сын, ни дочь, над могилой его плакала вселенная!» Композитор изображен здесь во весь рост, с непокрытой головой; левая рука его держит складки плаща, в правой руке у него перо; на пьедестале четыре аллегорические изображения: Опера, Симфония, Церковная музыка и Фантазия; статуя со всеми украшениями отлита из меди в Нюрнберге у Бургшми; высота ее 3,89 метра, общая высота монумента 8,77 метра.

Живое описание торжеств по случаю открытия этого памятника любознательный читатель найдет у Берлиоза; присутствовали на боннском торжестве король и королева прусские, принц Фридрих австрийский, королева английская Виктория и принц Альберт; из русских деятелей того времени присутствовал Греч, редактор-издатель «Северной Пчелы», но отсутствовали почти все музыкальные знаменитости: не было ни Мендельсона, ни Глинки, ни Спонтини, Онслова, Обера, Галеви, А. Тома, Хабенка, Маршнера, Рейсигера, Вагнера, Ф. Хиллера, Шумана, С. Хеллера, Николаи, Лахнера...

Фестивали, устроенные в 1870 году, по случаю столетия рождения Бетховена, прошли довольно бледно. В 1880 году Вена украсилась роскошным памятником работы Цумбуша близ Stadtpark'a, на Beethovengasse, на которой Бетховен не жил никогда, но где часто посещал одного своего земляка. В последнее время Бетховену воздвигнуты монументы в Хейлигенштадте, Бадене (в Еленентале), Бостоне, Берлине, Париже и Нью-Йорке.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНИЙ БЕТХОВЕНА

Opus		Год сочин.	Год издан.
1	Три трио для фортепиано, скрипки и виолончели. — Посвящ. кн. Лихновскому. № 1, Es-dur № 2, G-dur № 3, C-moll	1794	1795
2	Три сонаты для фортепиано. — Посвящ. Гайдну. № 1, F-moll № 2, A-dur № 3, C-dur	1795	1796
3	Трио для скрипки, альты и виолончели, Es-dur	1792	1797
4	Квintет для 2 скрипок, 2 альтов и виолончели. — Посв. графу Фрису. — Переделан из октета, изданного по смерти автора (op. 103)	1795	1797
5	Две сонаты для фортепиано и виолончели. — Посв. королю прусскому Фридриху-Вильгельму II № 1, F-dur № 2, G-moll	1796	1797
6	Соната для фортепиано в 4 руки, D-dur	1796	1797
7	Соната для фортепиано, Es-dur. — Посвящ. графине Бабетте Кеглевич	1797	1797
8	Серенада для скрипки, альты и виолончели, D-dur	1792	1797
9	Три трио для скрипки, альты и виолончели. — Посвящ. графу Броуну. № 1, G-dur № 2, D-dur № 3, C-moll	1798	1798
10	Три сонаты для фортепиано. — Посвящ. графине Броун № 1, C-moll № 2, F-dur № 3, D-dur	1798	1798

11	Трио для фортепиано, кларнета (или скрипки) и виолончели, В-dur. — Посвящ. графине Тун	1798	1798
12	Три сонаты для фортепиано и скрипки. — Посвящ. Сальери №1, D-dur №2, A-dur №3, Es-dur	1798	1799
13	Соната патетическая для фортепиано, С-moll. — Посвящ. кн. Карлу Лихновскому	1799	1799
14	Две сонаты для фортепиано. — Посвящ. баронессе Браун № 1, E-dur № 2, G-dur	1799	1799
15	Концерт первый для фортепиано с оркестром, С-dur. — Посвящ. княгине Одескальки	1798	1801
16	Квинтет для фортепиано, гобоя, кларнета, валторны и фагота, Es-dur. — Посвящ. князю Шварценбергу	1797	1801
17	Соната для фортепиано и валторны, F-dur. — Посвящ. баронессе Браун	1800	1801
18	Шесть квартетов для 2 скрипок, альты и виолончели. — Посвящ. кн. Лобковичу № 1, F-dur № 2, G-dur № 3, D-dur № 4, C-moll № 5, A-dur № 6, B-dur	1800	1801
19	Концерт второй для фортепиано с оркестром, В-dur. — Посвящ. Карлу Никлю	1795	1801
20	Септет для скрипки, альты, валторны, кларнета, фагота, виолончели и контрабаса, Es-dur. — Посвящ. императрице Марии-Терезии.	1800	1802
21	Симфония первая, С-dur. — Посвящ. бар. Свигену	1800	1801

22	Соната для фортепиано, B-dur. — Посвящ. графу Броуну	1800
23	Соната для фортепиано и скрипки, A-moll. — Посвящ. гр. Морицу Фрису	1800
24	Соната для фортепиано и скрипки, F- dur. — Посвящ. гр. Морицу Фрису	1800
25	Серенада для скрипки, альты и флейты D-dur	1801
26	Соната для фортепиано, Es-dur. — Посвящ. кн. Карлу Лихновскому	1801
27	Две сонаты для фортепиано № 1, Es-dur, quasi una fantasia. — Посвящ. княгине Лихновской № 2, Cis-moll, quasi una fantasia. — Посвящ. графине Дж. Гвичиарди	1801
28	Соната для фортепиано, D-dur. — Посвящ. Иосифу Зонненфельсу	1801
29	Квintет для 2 скрипок, 2 альтов и виолончели, C-dur. — Посвящ. графу Морицу Фрису.	1802
30	Три сонаты для фортепиано и скрипки. — Посвящ. императору русскому Александру I № 1, A-moll № 2, C-moll № 3, G-dur	1802
31	Три сонаты для фортепиано № 1, G-dur № 2, D-moll № 3, Es-dur	1802
32	К Надежде (из «Урании» Тидге) для одного голоса с ак. фортепиано	1805
33	Семь багателей для фортепиано	1782
34	Шесть вариаций для фортеп., F-dur. — Посвящ. княгине Одескальки	1802
35	Вариации и fuga для фортепиано, на тему из балета «Творения Прометея», Es-dur. — Посвящ. гр. Морицу Лихновскому	1802

36	Симфония вторая, D-dur. — Посвящ. кн. Карлу Лихновскому	1802	1804
37	Концерт третий для фортепиано с оркестром, C-moll. — Посвящ. принцу прусскому Людвигу-Фердинанду	1800	1804
38	Трио для фортепиано, кларнета (или скрипки) и виолончели, Es-dur. — Посвящ. профессору Шмидту. — Переделано автором из септета ор. 20	1802	1805
39	Две прелюдии для фортепиано или органа, проходящая через все 12 мажорных тонов	1789	1803
40	Романс для скрипки с оркестром, G- dur	1803	1803
41	Серенада для фортепиано с флейтой или скрипкой, D-dur. — Переделана автором из серенады ор. 25		1803
42	Ноктюрн для фортепиано и альты, D- dur. — Переделан автором из серенады ор. 8		1804
43	Творения Прометея, балет Вигано. — Шестнадцать номеров	1800	1801
44	Четырнадцать вариаций для форте- пиано, скрипки и виолончели, Es-dur	1793	1804
45	Три марша для фортепиано в четыре руки. — Посвящ. княгине Эстергази № 1, C-dur № 2, Es-dur № 3, D-dur	1803	1804
46	Аделаида, для одного голоса с ак. фортепиано, на стих. Маттисона. — Посвящ. поэту Маттисону	1795	1797
47	Соната для фортепиано и скрипки, A- dur. — Посвящ. Р. Крейцеру	1803	1805
48	Шесть песен (текст Геллерта) для одного голоса с ак. фортепиано. — Посвящ. графу Броуну	1803	1803

49	Две легкие сонаты для фортепиано № 1, G-moll № 2, G-dur	1799 1796	1805
50	Романс для скрипки с ак. оркестра, F-dur	1802	1805
51	Два рондо для фортепиано № 1, C-dur № 2, G-dur. Посвящ. графине Лихновской.	1797 1802	1797 1802
52	Восемь песен для одного голоса с ак. фортепиано № 1, Urians Reise um die Welt, слова Клаудиуса № 2, Feuerfarb, сл. С. Меро № 3, Das Liedchen von der Ruhe, сл. В. Юльцена № 4, Mailed, сл. Гете № 5, Molly's Abschied, сл. Бюргера № 6, Die Liebe, сл. Лессинга № 7, Marmotte, сл. Гете № 8, Das Blumchen Wunderhold, сл. Бюргера	1785 1793	1788 1789 1788 1789 1788 1789
53	Соната для фортепиано, C-dur. — Посвящ. графу Вальдштейну	1804	1805
54	Соната для фортепиано, F-dur.	1804	1806
55	Симфония третья, Es-dur. — Посвящ. кн. Лобковичу	1804	1806
56	Концерт для фортепиано, скрипки и виолончели с ак. оркестра, G-вгк. — Посвящ. кн. Лобковичу	1805	1807
57	Соната для фортепиано, F-moll. — Посвящ. гр. Францу Брунsvику	1806	1807
58	Концерт четвертый для фортепиано с оркестром, G-dur. — Посвящ. эрцгерцогу Рудольфу	1806	1808
59	Три квартета для 2 скрипок, альты и виолончели. — Посвящ. графу Разумовскому № 1, F-dur № 2, E-moll № 3, C-dur	1806	1808

60	Симфония четвертая, B-dur. — Посв. графу Опперсдорфу	1806	1809
61	Концерт для скрипки с ак. оркестра, D-dur. — Посвящ. Ст. Брейнингу	1806	1809
62	Увертюра для оркестра к трагедии «Кориолан» Коллина, C-moll. — Посвящ. Коллину	1807	1808
63	Соната для фортепиано, скрипки и виолончели. Переделана автором из квинтета ор. 4		
64	Соната для фортепиано и скрипки. Переделана автором из трио ор. 3		
65	Сцена и ария «Ah perfido», для сопрано с ак. оркестра. — Посв. графине Клари	1796	1805
66	Двенадцать вариаций для фортепиано и виолончели на тему «Ein Madchen oder Weibchen» из оперы Моцарта «Волшебная флейта», F-dur	1798	1798
67	Симфония пятая, C-moll. — Посвящ. князю Лобковичу и графу Разумовскому	1808	1809
68	Симфония шестая (пасторальная), F-dur. — Посв. князю Лобковичу и графу Разумовскому	1808	1809
69	Соната для фортепиано и виолончели, A-dur. — Посв. барону Глейхенштейну	1808	1809
70	Два трио для фортепиано, скрипки и виолончели. — Посв. графине Эрдеди № 1, D-dur № 2, Es-dur	1808	1809
71	Секстет для 2 кларнетов, 2 валторн и 2 фаготов, Es-dur	1796	1810
72а	Леонора, опера в I и II обработке. Состоит из 18 номеров; к ней написаны 3 увертюры	1804	1810

72b	Фиделио, опера в 2 актах: третья обработка «Леоноры»; состоит из 16 номеров и увертюры № 4		
73	Концерт пятый для фортепиано с орк., Es-dur. — Посв. эрцгерцогу Рудольфу	1809	1811
74	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, Es-dur. — Посв. кн. Лобковичу	1809	1810
75	Шесть песен для одного голоса с ак. фортепиано. — Посв. княгине Кинской № 1, Mignon, сл. Гете № 2, Neue Liebe, neues Leben, сл. Гете № 3, Es war ein mal ein Konig из «Фауста» Гете № 4, Gretel's Warnung, сл. Халема № 5, An der fernen Geliebten, сл. Рейсига Рейсига № 6, Der Zufriedene, сл. Рейсига	1810	1810
76	Вариации для фортепиано, D-dur. — Посв. другу своему Олива	1809	1810
77	Фантазия для фортепиано, G-moll. — Посвящ. гр. Фр. Брунsvику	1809	1810
78	Соната для фортепиано, Fis-dur. — Посв. графине Терезе Брунsvик	1809	1810
79	Соната для фортепиано, G-dur		1810
80	Фантазия для фортепиано, хора и оркестра, C-moll. — Посвящ. королю баварскому Максимилиану-Иосифу	1808	1811
81a	Соната для фортепиано, Es-dur. — Посв. эрцгерцогу Рудольфу	1809	1811
81b	Секстет для 2 скрипок, альты, виолончели и 2 облигатных валторн, Es-dur; текст Метастазиио	1809	1810
82	Четыре ариетты и один дуэт с ак. фортепиано № 1, Hoffnung № 2, Liebesklage № 3, Arietta buffa	1809	1811

	№ 4, <i>Arietta assai seriosa</i> № 5, <i>Lebensgenuss, Duett.</i>		
83	Три песни для одного голоса с ак. фортепиано, слова Гете. — Посв. княгине Кинской	1810	1810
84	Музыка к трагедии Гете «Эгмонт». — Девять номеров и увертюра	1810	1811
85	Христос на Масличной горе, оратория для 3 солистов, хора и оркестра. — Текст Фр. Кс. Хубера. — Шесть номеров	1801	1811
86	Месса для 4 солистов, хора и оркестра, C-dur. — Посв. князю Ферд. Кинскому	1807	1812
87	Трио для 2 гобоев и английского рожка	1794	1806
88	<i>Das Glück der Freundschaft</i> , песня для одного голоса с ак. фортепиано	1803	1803
89	Полонез для фортепиано, C-dur. — Посв. императрице русской Елизавете Алексеевне	1814	1815
90	Соната для фортепиано, E-moll. — Посв. гр. М. Лихновскому	1814	1815
91	Победа Веллингтона, или Сражение при Виттории, для оркестра. — Посв. принцу-регенту английскому, впоследствии королю Георгу IV	1813	1816
92	Симфония седьмая, A-dur. — Посв. гр. М. Фрису	1812	1816
93	Симфония восьмая, F-dur	1812	1816
94	<i>An die Hoffnung</i> , для одного голоса с ак. фортепиано. — Из «Урании» Тидге. — Посв. княгине Кинской	1816	1816
95	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, F-moll. — Посв. Н. Цмескалю	1810	1816

96	Соната для фортепиано и скрипки, G-dur. — Посв. эрцгерцогу Рудольфу	1812	1816
97	Трио для фортепиано, скрипки и виолончели, B-dur. — Посв. эрцгерцогу Рудольфу	1811	1816
98	An die ferne Geliebte, для одного голоса с ак. фортепиано. — Из сборника песен Л. Эйтелеса. Шесть номеров. — Посв. кн. Лобковичу	1816	1816
99	Der Mann von Wort, для одного голоса с ак. фортепиано. — Текст Клейншмидта	1816	1816
100	Merkenstein, для 2 голосов с ак. фортепиано. — Текст Рупрехта	1814	1816
101	Соната для фортепиано, A-dur. — Посв. баронессе Доротее Эртман	1816	1816
102	Две сонаты для фортепиано и виолончели. — Посв. графине М. Эрдеди № 1, C-dur № 2, D-dur	1815	1819
103	Октет для 2 гобоев, 2 кларнетов, 2 валторн и 2 фаготов, — см. ор. 4	1792	1834
104	Квнтет для 2 скрипок, 2 альтов и виолончели, C-moll. — Переделан из ор. 1 № 3	1817	1819
105	Шесть тем с вариациями для фортепиано соло или с флейтой (или со скрипкой) № 1, Шотландская песнь № 2, То же № 3, Австрийская песнь № 4, Шотландская песнь № 5, То же № 6, То же	1818	1819
106	Соната для фортепиано, B-dur. — Посв. эрцгерцогу Рудольфу	1818	1819
107	Семь тем с вариациями для фортепиано соло или с флейтой (или со скрипкой). — В пяти тетрадах	1820	1820

	<p>№ 1, Тирольская песнь № 2, Шотландская » № 3, Швейцарская » № 4, Шотландская » № 5, Тирольская » № 6, Шотландская » № 7, Русская » № 8, Шотландская » № 9, » » № 10, » »</p>		
108	<p>Двадцать пять шотландских песен для одного голоса, некоторые для 2 голосов и маленького хора, с акк. фортепиано, скрипки и виолончели</p> <p>№ 1, Musik, Liebe und Wein (с хором) № 2, Der Abend № 3, O kostliche Zeit № 4, Das Islamadchen № 5, Der schonste Bub № 6, Trub ist mein Auge № 7, Frische Bursche, Hochlandsbursche № 8, Die holde Maid von Inverness № 9, Schau her, mein Lieb № 10, Sympathie № 11, O, du nur bist mein Herzensbub № 12, O, hatte doch dies gold'ne Pfand № 13, Trinklied № 14, O, wie kann ich wohl frohlich sein № 15, O, grausam war mein Vater № 16, Wenn doch die arge bose Welt № 17, Mariechen, komm ans Fensterlein № 18, O, Zaub'rin, leb' wohl № 19, Wie leitet schnell das leichte Boot № 20, Der treue Johnie № 21, Jeanie's Trubsal № 22, Die Hochlandswache № 23, Des Schafers Lied № 24, Noch einmal wecken Thränen № 25, Das Baschen in unserm Strasschen</p>	1815	1821
109	<p>Соната для фортепиано, E-dur. — Посв. Максимилиане Brentano</p>	1820	1821

110	Соната для фортепиано, A-dur	1821	1822
111	Соната для фортепиано, C-moll	1822	1823
112	Морская тишь и счастливое плавание, для 4 голосов с оркестром (текст Гете). — Посв. Гете	1815	1823
113	Развалины Афин (эпизод Коцебу). — Восемь номеров и увертюра	1811	1846
114	Марш с хором из ор. 113 (№ 6), переделан для ор. 124	1822	1824
115	Увертюра для оркестра, C-dur. — Посв. князю А. Радзивиллу	1814	1825
116	Терцет «Tremate, empij, tremate», для сопрано, тенора и баса с оркестром	1802	1826
117	Король Стефан, или Венгрии первый благодетель (пролог Коцебу). — Девять номеров и увертюра	1811	1826
118	Элегическая песня для 4 голосов с акк. 2 скрипок, альты и виолончели. — Посв. барону Пасквалати	1814	1826
119	Двенадцать новых багателей для фортепиано	1822	1824
120	Тридцать три вариации для фортепиано на тему вальса Диабелли, C-dur. — Посв. Антонию Брендано	1823	1823
121a	Вариации для фортепиано, скрипки и виолончели на тему песни из оперы Мюллера «Die Schwestern von Prag», G-dur	1824	1824
121b	Жертвенная песнь для сопрано с хором и оркестром, — текст Маттисона.	1822	1825
122	Заздравная песнь для двух солистов, трехголосного хора, с акк. 2 кларнетов, 2 фаготов и 2 валторн. — Текст Гете	1822	1825

123	Месса (Missa Solemnis) для 4 солистов, хора и оркестра, D-dur. — Посв. эрцгерцогу Рудольфу, архиепископу ольмюцскому	1823	1827
124	Увертюра («Освящение дома») для оркестра, D-dur. — Посв. кн. Николаю Голицыну	1822	1825
125	Симфония девятая для оркестра, 4 солистов и 4-голосного хора, D-moll. — Посв. королю прусскому Фридриху-Вильгельму III	1823	1826
126	Шесть багателей для фортепиано	1823	1825
127	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, Es-dur. — Посв. кн. Н. Голицыну	1824	1826
128	Поцелуй, романс с акк. фортепиано. — Текст Вейса	1822	1825
129	Rondo a capriccio для фортепиано, G-dur	1823	1828
130	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, B-dur. — Посв. кн. Н. Голицыну	1825	1827
131	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, Cis-moll. — Посв. барону Штутерхейму	1826	1827
132	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, A-moll. — Посв. кн. Н. Голицыну	1825	1827
133	Большая fuga для 2 скрипок, альты и виолончели, B-dur. — Посв. кардиналу эрцгерцогу Рудольфу	1825	1827
134	Большая fuga для фортепиано в 4 руки, B-dur. — Посв. кардиналу эрцгерцогу Рудольфу. — Переделана из оп. 133	1825	
135	Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, F-dur. — Посв. другу своему И. Вольфмайеру	1826	1827
136	Славный миг, кантата для 4	1814	1836

	солистов с хором и оркестром. — Текст Л. Вейсенбаха. — Шесть номеров		
137	Фуга для 2 скрипок, альты и виолончели	1817	1827
138	Увертюра к опере «Леонора», C-dur (№ 1)	1806	1832

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БЕЗ УКАЗАНИЯ OPUS'A

<i>Для оркестра</i>			
	Двенадцать менуэтов	1795	1795
	Двенадцать танцев	1795	1795
	Двенадцать контрдансов	1802	1803
	Шесть танцев народных для 2 скрипок и контрабаса	1802	1802
	Gratulation's-Menuet, Es-dur	1823	1835
	Triumph-Marsch, C-dur, к трагедии «Тарпея» Куффнера	1813	1819
	Марш для воен. орк., D-dur	1816	1827
	Марш для воен. орк., F-dur	1809	1822
	Rondino для 2 гобоев, 2 кларнетов, 2 валторн и 2 фаготов, Es-dur	1792	1829
	Одиннадцать танцев	1819	1907
	Балет рыцарей (8 номеров)	1790	1887
	Дуэт для 2 флейт	1792	1900
	Полонез и экосез для воен. орк., D-dur	1810	1887
	Марш (Заря)	1810	1887
	Марш для воен. орк., F-dur	1810	неизд.

Три дуэта для кларнета и фагота № 1, C-dur № 2, F-dur № 3, B-dur	1800	1815
<i>Для фортепиано с другими инструментами</i>		
Rondo для фортепиано с оркестром, B-dur	1828	1829
Трио для фортепиано, флейты и фагота, G-dur	1786	1887
Три квартета для фортепиано, скрипки, альты и виолончели № 1, Es-dur № 2, D-dur № 3, C-dur	1785	1832
Трио для фортепиано, скрипки и виолончели, Es-dur	1785	1830
Трио в одной части, для фортепиано, скрипки и виолончели, B-dur. — Посв. своей маленькой подруге Максимилиане Brentano	1812	1830
Rondo для фортепиано и скрипки, G-dur	1794	1808
Двенадцать вариаций для фортепиано и скрипки на тему «Se vuol ballare» из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро», F-dur. — Посв. Элеоноре Брейнинг	1793	1793
Шесть танцев для фортепиано и скрипки	1795	1887
Сонатина для мандолины и фортепиано	1795	1887
Adagio для мандолины и фортепиано	1795	1887
Шесть танцев (Allemandes) для скрипки и фортепиано	1795	1814
Двенадцать вариаций для фортепиано и виолончели на тему из «Иуды Маккавея» Генделя, G-dur. — Посв. княгине Хр. Лихновской	1797	1797
Семь вариаций для фортепиано и виолончели на тему «Bei Mannern» из оперы Моцарта «Волшебная флейта», Es-dur. — Посв. графу Броуну	1800	1802

<i>Для фортепиано в четыре руки</i>		
Вариации на тему графа Вальдштейна, C-dur	1792	1794
Шесть вариаций на тему песни «Ich denke dein». — Текст Гете. — Посв. графиням Жозефине Дейм и Терезе Брунsvик	1800	1805
<i>Для фортепиано</i>		
Три сонаты. — Посв. курфюрсту кельнскому Максимилиану-Фридриху		1783
№ 1, E-dur		
№ 2, F-moll		
№ 3, D-dur		
Легкая соната, C-dur. — Посв. Элеоноре Брейнинг	1796	1830
Концерт для ф.-п., E-dur	1784	1890
Фуга двухголосная для органа	1783	1887
Две сонатины		
№ 1, G-dur		
№ 2, F-dur		
Рондо, C-dur	1783	1783
Рондо, A-dur		1784
Концерт, B-dur (1 часть)	1789	1890
Менуэт, Es-dur	1784	1805
Прелюдия, F-moll	1785	1805
Шесть менуэтов	1795	1796
Семь народных танцев	1797	1799
Шесть народных танцев	1802	1802
Andante favori, F-dur	1804	1806
Allemande, G-dur (переделка из танцев для скрипки)	1796	1814

Восемь вариаций на тему «Une fièvre brulante» из оперы «Ричард Львиное Сердце» Гретри, C-dur	1798	1798
Десять вариаций на тему «La stessa» из оперы «Фальстаф» Сальери, B-dur. — Посв. графине В. Кеглевич	1799	1799
Семь вариаций на тему «Kind, willst du ruhig schlafen» из оперы «Das unterbrochene Opferfest» П. Винтера	1799	1799
Восемь вариаций на тему «Tandeln und scherzen» из оперы «Солиман II» Зюсмайера, F-dur. — Посв. графине Броун	1799	1799
Allegretto	1803	неизд.
Шесть легких вариаций на собственную тему, G-dur	1800	1801
Семь вариаций на тему народной песни «God save the King», C-dur	1803	1804
Пять вариаций на тему народной песни «Rule Britannia», D-dur	1803	1804
Тридцать две вариации, C-moll	1806	1807
Восемь вариаций на тему песни «Ich hab' ein kleines Huttchen nur»		1831
Экосез	1810	1887
Пьеса, A-moll	1810	1887
Шесть экосезов	1823	1887
Вальс, Es-dur	1824	1887
Вальс, D-dur	1825	1887
<i>Для пения с оркестром, хоры и каноны</i>		
Возрождение Германии, эпилог к «Gutte Nachricht» Трейчке, для баса с хором и оркестром	1814	1814
«Свершилось!» эпилог к «Die Ehrenpforten» Трейчке, для баса с хором и оркестром	1815	1815

Погребальная музыка к похоронам Бетховена для четырехголосного мужского хора и четырех труб; составлена Зейфридом из Equale Бетховена	1812	1887
Хор монахов для трех мужских голосов, из «Вильгельма Телля» Шиллера.	1817	1839
Хор четырехголосный с орк. — Текст Бернарди	1814	1887
Музыка к драме «Прохаска», три вокальных номера и похоронный марш из сонаты ор. 26 для орк.	1814	1887
Каноны (18)		

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

С акк. ф.-п., скрипки и виолончели

Двадцать пять ирландских песен	1810	1816
Двадцать ирландских песен	1815	1816
Двенадцать ирландских песен		1816
Двадцать шесть валлийских песен	1814	1817
Двенадцать шотландских песен		1824
Двенадцать разных народных песен		1815

ПЕСНИ ДЛЯ ОДНОГО ГОЛОСА

С акк. фортепиано

Образ девицы	1782	1783
Младенцу, слова Вирта	1783	1784
Прощание с венским добровольцем	1796	1796
Элегия на смерть пуделя	1787	1887
Военная песнь австрийца, сл. Фридельберга	1797	1797

Кантата на смерть Иосифа II с акк. оркестра	1790	1887
Кантата к коронации Леопольда II с акк. оркестра	1790	1887
Жалоба, романс на слова Хельты	1790	1887
Две арии для баса с орк.	1790	1887
Две арии с акк. орк.	1791	1887
Две песни с акк. ф.-п	1791	1887
Песня для госпожи Вейсентурн	1792	1887
Ария к опере «Олимпиада» Метастазियो	1794	
«Хвала толстякам» для 2 солистов и 4-голосного хора	1800	
Музыкальная шутка на Цмескаля.	1802	1865
Трио вокальное с орк.	1802	неизд.
Песнь соловья	1813	1887
«Час пробил», для 2 теноров и 1 баса	1814	1887
Кантата к именинам доктора Мальфати	1814	неизд.
Четыре арии итальянские, — текст Метастазियो	1814	неизд.
Ария «Primo amore» для сопрано с орк.	1814	1887
«Ich bin der Herr von zu», муз. шутка	1814	1867
Freundschaft, канон	1814	1887
Merkenstein, переделка оп. 100	1814	1887
«Ich kusse Sie», муз. шутка г-же Мильдер-Хауптман	1816	1865
Кантата ко дню рождения кн. Лобковича	1817	1817
«О надежда», текст Тидге	1818	1819
Свободный человек, слова Пфефеля	1790	1797
Жертвенная песнь, слова Маттисона	1801	1806

Нежная любовь, слова Херрозена	1803	1803
Прощание, слова Метастазео	1798	1803
Песня перепелки, стих. Заутера	1801	1804
Измена Лидии, текст с фр., перевел С. Брейнинг	1806	1809
In questa tomba oscura, ариетта на слова Карпани. — Посв. кн. Лобковичу	1807	1808
Воспоминание, стих. Маттисона	1809	1810
Тоска, стих. Гете («Нет, только тот, кто знал...»)	1808	1808
Песнь издалека, стих. Рейсига	1809	1810
Влюбленный, стих. Рейсига	1809	1810
Юноша на чужбине, стих. Рейсига	1809	1810
Прощание воина, стих. Рейсига	1814	1815
Тоска, стих. Рейсига	1815	1816
К возлюбленной, стих. Штоля	1811	1814
К возлюбленной (переработка предыдущей)	1812	1840
Тень барда, стих. Германа	1813	1813
Если б я пташкой, стих. Трейчке	1816	1817
Тайна, стих. Весенберга	1815	1816
Так или иначе, стих. К. Лаппе	1817	1817
Resignation, стих. гр. Хаугвица	1817	1818
Вечерняя песнь под звездным небом, стих. Г. Гебле. — Посв. Браунхоферу	1820	1820
Вздых отвергнутого и сочувствие, стих. Бюргера	1795	1837
Жалоба, слова Гердера	1809	1837
Не забывай	1821	1844

Издательство "АЛГОРИТМ"

СЕРИЯ: ГЕНИЙ В ИСКУССТВЕ

ШЕКСПИР. Жизнь и произведения.	Брандес Г.
Жизнь ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.	Волынский А.
БЕТХОВЕН. Биографический этюд.	Корганов В.
Жизнь П. И. ЧАЙКОВСКОГО.	Чайковский М.
Биография Л. Н. ТОЛСТОГО.	Бирюков П. И.

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Зверь из бездны (НЕРОН).	Амфитеатров А.
Новое жизнеописание НАПОЛЕОНА I.	Слоон В.
Жизнеописание ФРИДРИХА Великого.	Кони Ф.

СЕРИЯ: БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Хэммет	Вильямс	Айриш	
Стаут	Кристи	Маклин	Чейз

СЕРИЯ: АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Д. Иловайский	История России (7 томов)
Н. Шильдер	Император Павел Первый
С. Татищев	Император Александр Второй
Н. Костомаров	Собрание сочинений (17 томов)
В. Кожинов	История Руси. Современный взгляд.

Книги можно приобрести по адресу:

Склад: ул. Д. Бедного, д. 16, тел/факс: 197-35-97

Магазин "Родник": ул. Речников д. 14, корп. 1, тел/факс: 117-98-17

ЦЕРОП

А. В. АМФИТЕАТРОВ

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

1

Историческое сочинение
А. В. Амфитеатрова (1862 - 1938 гг.)
"Зверь из бездны" прослеживает жиз-
ненный путь Нерона - последнего
римского императора из династии Це-
зарей. Подробное воспроизведение
родословной Нерона, натурали-
стичное описание дворцовых оргий,
масштабное изображение великих ис-
торических событий и личностей, ис-
пользование неожиданных историче-
ских параллелей и, наконец, пре-
красный слог делают книгу ин-
тересной как для любителей приятно-
го чтения, так и для тонких цените-
лей интеллектуальной литературы.
По прочтении этой книги, возможно,
Вы согласитесь с нами: "Сейчас так
уже никто не напишет".

Книги можно приобрести по адресу:

*Склад: ул. Д. Бедного, д. 16, тел/факс: 197-35-97
Магазин "Родник": ул. Речников д. 14, корп. 1, тел/факс: 117-98-17*

Издательство "АЛГОРИТМ"

Серия: ГЕНИЙ В ИСКУССТВЕ

В 1997 году читайте книгу М. Чайковского
"Жизнь Петра Ильича Чайковского"

Издательство "АЛГОРИТМ"

Серия: ГЕНИЙ В ИСКУССТВЕ

В 1997 году читайте книгу А.Вольинского
"Жизнь Леонардо да Винчи"

Корганов Василий

**БЕТХОВЕН
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД**

(Серия: ГЕНИЙ В ИСКУССТВЕ)

ТОО "АЛГОРИТМ"

123308, Москва, ул. Д.Бедного, 16. Тел. 197-3597

Лицензия ЛР № 063845 от 04.01.95

Сдано в набор 5.04.97. Подписано в печать 20.04.97.
Формат 60 × 90/16. Печать офсетная. Печатных листов 51.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1384

АО "Арт-Бизнес-Центр"

103055, Москва, ул. Новослободская, 57/65. Тел. 973-1612.

Лицензия № 060920 от 30.09.92 г.

ISBN 5-7287-0103-5

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
по заказу *АО "Арт-Бизнес-Центр"*
в **ОАО "Можайский полиграфический комбинат"**
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.